М.В. НЕСТЕРОВ

ПИСЬМА

МНестеровъ.

М. В. Нестеров на этюдах. Фото

М.В. НЕСТЕРОВ

«Искусство»
Ленинградское отделение
1988

ББК 85.1
Н55

Издание 2-е, перераб. и доп.

Вступительная статья, составление, комментарии А. А. РУСАКОВОЙ

Н $\frac{4901000000-029}{025(01)-88}$ 75-88

ISBN 5-210-00069-9

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕСТЕРОВ И ЕГО ПИСЬМА

Искусство и жизненный путь большого русского советского живописца Михаила Васильевича Нестерова (1862 — 1942) изучены, может быть, лучше, чем творчество многих других наших художников. В трудах С. Н. Дурылина, в капитальной монографии А. И. Михайлова, в книгах И. И. Никоновой, в многочисленных статьях разных авторов дается подробнейшая, вдумчивая характеристика не только живописи, но и взглядов, мировоззрения Нестерова. Меньше внимания, естественно, уделяется в работах о художнике его литературной деятельности. А он обладал — наряду с живописным — и подлинным литературным талантом. Широкую известность получила его вышедшая двумя изданиями (1941, 1959) книга «Давние дни», содержащая блестяще написанные литературные портреты художников, ученых, писателей — современников и во многих случаях моделей его живописных портретов, а также отрывки из воспоминаний о детстве, о путешествиях за границу. В 1985 году были опубликованы его «Воспоминания» [1], систематический рассказ о первой, большей половине его «жизни в искусстве», привлекающий и богатством содержания, и искренностью самооценок.

Такое стремление выразить себя не только в картинах, но и в слове проявилось с не меньшей, чем в мемуарах, определенностью и в огромном эпистолярном наследии Нестерова, частично опубликованном в книге «М. В. Нестеров. Из писем», вышедшей в 1968 году [2] и вскоре ставшей почти библиографической редкостью.

Уже это, первое издание писем Нестерова показало, что они содержат огромное количество сведений и о его собственном творчестве, и об искусстве и культуре конца XIX — начала XX века вообще. В настоящее время пополнился и в известной мере получил свое завершение корпус этих писем. Одновременно поднялось на новую ступень и самое источниковедение как наука, что позволяет с большей широтой охвата взглянуть на эпистолярное наследие художника, или, выражаясь современным языком, на его тексты, как на источник многосторонней информации. Письма Нестерова содержат, во-первых, информацию (причем весьма полную) о характере, причинах и идеологических предпосылках смысловой и стилевой эволюции живописи самого адресанта; во-вторых, подробные свидетельства развития — очень бурного — русского искусства и радикальных изменений художественной ситуации в России на протяжении более чем полувека; и наконец, иногда осознанные, а чаще, что особенно ценно, непосредственно и почти бессознательно зафиксированные данные о влиянии кардинальных перемен в социально-общественном статусе страны на состояние ее культуры. Все это сделало необходимым подготовку второго, значительно расширенного издания эпистолярного наследия Нестерова, включающего не только более полутораста вновь обнаруженных писем, но и — во множестве случаев — восстановленные купюры ранее опубликованных писем, вынужденно сделанные

в свое время ввиду ограниченности объема издания 1968 года. Увеличение объема нового издания позволило также значительно расширить и пополнить примечания к письмам.

Прежде чем переходить к характеристике групп и циклов писем Нестерова, как изданных ранее, так и публикуемых впервые, следует в достаточно общих чертах осветить основные этапы и аспекты искусства Нестерова. Сделать это необходимо, хотя оно, на первый взгляд, не таит в себе «белых пятен». Однако место Нестерова в художественном процессе конца XIX — первой половины XX века определено для современного уровня науки об искусстве все же недостаточно четко. Совокупность же наших знаний о Нестерове в настоящее время, слагаемая из исследования его живописи, его мемуаров и эпистолярного наследия, позволяет попытаться хотя бы частично восполнить этот пробел.

Творческая юность Нестерова остается, по сути дела, за пределами публикуемых писем. Это легко объяснимо жизненными обстоятельствами, известными нам из чрезвычайно откровенных «Воспоминаний» художника. Первые годы учения в Московском училище живописи, ваяния и зодчества были временем не только первоначального профессионального приобщения к искусству, но и годами «веселого и безалаберного» [3] житья, считавшегося в среде обывателей составной частью образа жизни человека «свободной профессии» вообще, живописца в частности. Образа жизни, сгубившего множество менее жизнестойких, чем Нестеров, молодых людей и ужасавшего, конечно, его почтенных и добропорядочных родителей. Писал он в эти годы только им, писал, по-видимому, нечасто и довольно сглаженно; даже при этом лишь немногие его письма могли радовать стариков, и без того обеспокоенных необычной для купеческой среды судьбой сына.

От более серьезного, «перовского» и «послеперовского» времени занятий Нестерова в Московском училище и двух академических зим в Петербурге также не осталось писем. Возможно, что они, скорее огорчавшие родителей, попросту не сохранялись. Длившийся же почти три года разрыв Нестерова с семьей в связи с его женитьбой на М. И. Мартыновской лишил нас интереснейших автосвидетельств начала становления уже подлинного, «классического» живописца Нестерова. Однако и «Воспоминания», и очерки «Давних дней», и, главное, сама живопись Нестерова дают достаточный материал для характеристики раннего периода его творчества, материал, уже широко использованный его биографами, но требующий еще более пристального анализа, если рассматривать искусство Нестерова как одно из слагаемых отечественной и европейской живописи последнего двадцатилетия XIX века. При этом придется отбросить некоторые стереотипы, сложившиеся на протяжении ряда десятилетий активного «нестероведения».

Последние годы пребывания Нестерова в училище отмечены столь сильным влиянием позднепередвижнического бытового жанра, причем в его «анекдотичном» варианте, что предугадать дальнейшее развитие художника по этим ранним опусам невозможно, тем более что сама живописная ткань его работ достаточно тривиальна для тех лет. Для сравнения стоит вспомнить созданные тогда же работы его сверстников — И. И. Левитана, В. А. Серова, К. А. Коровина, не говоря уже о М. А. Врубеле, — работы, по которым вполне «предсказуем» будущий творческий облик каждого из них. Нестеров же — полностью в русле В. Е. Маковского, хотя считает себя преданным учеником В. Г. Перова. И может быть, он не так уж не прав. Влияние «истинного поэта

скорби» Перова с его поисками внутренней драмы и «души темы» [4] еще скажется в зрелом творчестве Нестерова, хотя и будет скрыто стилевыми особенностями живописи, целиком принадлежащей новой эпохе.

Резкий перелом в творчестве Нестерова, решительный разрыв с передвижническим реализмом и передвижнической идеологией был обусловлен особенностями неординарного душевного склада, делавшего его подлинным сыном конца века. Характер Нестерова, страстный и неуживчивый, даже в какой-то мере «нонконформистский» (как это ни парадоксально при безусловном политическом консерватизме Нестерова), характер искателя, никогда не удовлетворенного содеянным, помог ему обрести себя как художника особой творческой судьбы, особой темы, собственного живописного языка и вместе с тем художника, отразившего, хотя и очень по-своему, какие-то грани исканий эпохи. Тяжелое горе — смерть молодой жены в конце мая 1886 года,— разрушившее привычное течение внутренней жизни молодого художника, было тем толчком, что пробудил дотоле направленные скорее на жизнь, чем на искусство личностные качества Нестерова.

Вскоре после этого печального, глубоко потрясшего его события Нестеров приступает к работе над двумя картинами — «Смертный час» и «Христова невеста»,— посвященными покойной жене. И тут обнаруживается то новое, весьма существенное, что коренным образом отличает Нестерова от его учителей. В качестве примера стоит вспомнить, каким образом отразил в своем творчестве несчастье, его постигшее, типичнейший живописец передвижнической плеяды И. Н. Крамской. Как отклик на смерть двух своих сыновей он пишет в 1883—1884 годах (то есть за три года до начала работы Нестерова над своими картинами) «Неутешное горе», где изображает стоящую над гробом женщину в глубоком трауре, подчеркивая при этом все внешние признаки охватившего ее тихого отчаяния. Это подробный и по-передвижнически литературный рассказ.

Что же делает Нестеров? Во-первых, он в процессе работы вообще отказывается от первой темы. Не имея возможности восстановить сюжет этой картины, можно все же предположить, что в ней должен был отразиться самый момент смерти жены, так зримо и пронзительно запечатленный в «Воспоминаниях» Нестерова [5]. И также можно считать почти безусловным, что прямое изображение этого трагического события оказалось невозможным — и в психологическом, и в чисто живописном плане — для Нестерова, человека иного, чем Крамской, поколения. Вместо «Смертного часа» появляется живописная метафора — «Христова невеста», где в поэтически преломленной форме, далекой от иллюстративности, молодой художник «изживал долю своего горя», открывая одновременно для себя пути в новый живописный мир. Интересно, что в первом варианте картины, названном Нестеровым «Девушка-нижегородка», присутствует еще известный элемент бытописательства. В самом же названии второго варианта — «Христова невеста» — звучит уже совершенно новая нота отхода от повседневности, от «мира сего». И, по словам современника, несмотря на то что «это просто небольшой этюд задумчивой девушки в темном платке и со стебельком травы в зубах... в бледном лице и глубоких глазах сразу чувствовалось что-то новое и большое... такое раскрытие тайников народной души, что, смотря в них, вы невольно начинали вспоминать задумчивых героинь Мельникова-Печерского...» [6]. В этой лирической исповеди, отнюдь не казавшейся в то время самому художнику произведением программным, впервые ощущалась тоска по утерян-

ному, по несбыточному. Впервые зрителю явилась «нестеровская» девушка, а вместе с нею родилась в русском искусстве и тема мятущейся души, готовой скрыться от мирских треволнений и горестей за стенами старообрядческого скита. «С этой картины,— писал впоследствии живописец,— произошел перелом во мне, появилось то, что позднее развилось в нечто цельное, определенное, давшее мне свое лицо... без „Христовой невесты“ не было бы того художника, имя которому „Нестеров“» [7].

«За приворотным зельем» (1888) — «опера-картина», как назвал ее сам автор, с мизансценой, наивно придуманной в духе салонно-исторических русских повестей и романов второй половины XIX века,— была в какой-то мере шагом назад. Однако и здесь необходимо вспомнить немаловажную деталь: Нестеров, подробно излагая историю создания и экспонирования этой картины в письмах А. А. Турыгину, подчеркивает: «Сам сатана не уверит меня в том, что фигура „Тоски-кручины“ [8] плоска. Это лепка будущего» [9].

«Пустынник», написанный в том же 1888 году, досказал то, что осталось невысказанным в «Христовой невесте». Если последняя была задумана как «поминанье» ушедшей любви, то в «Пустыннике» с неюношеской твердостью и определенностью прозвучало уже credo Нестерова. Кроткий, совсем не мудрый старик, нежно любящий все живое и сам как бы часть среднерусской осенней природы, стал, не подозревая того, олицетворением душевного покоя и равновесия, то есть идеала, недостижимого для неуемного в своих стремлениях и страстях художника. В этой картине ощущалось уже чисто нестеровское умение заставить звучать в унисон образ человека и окружающую его природу. Именно в «Пустыннике» художник впервые сумел показать, как любит он «русский пейзаж, на фоне которого как-то лучше, яснее чувствуешь и смысл русской жизни, и русскую душу» [10]. Самое же главное заключалось в том, что, написав «Христову невесту» и «Пустынника», решив некоторые чисто живописные задачи в картине «За приворотным зельем», Нестеров вошел в круг художников — создателей нового направления в русской живописи, определивших своим творчеством характер отечественного изобразительного искусства конца XIX и первых лет XX века. Этот круг очерчивается весьма точно. К нему принадлежат такие мастера первой величины, как М. А. Врубель, В. А. Серов, И. И. Левитан, К. А. Коровин, А. Я. Головин, а также А. П. Рябушкин, А. М. Васнецов, С. В. Малютин, Е. В. Поленова, М. В. Якунчикова. Пройдет несколько лет, и к этим — в основном москвичам — «поленовцам», «птенцам абрамцевского гнезда» присоединятся и займут весьма видное место в культуре конца века мирискусники — А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, Л. С. Бакст, а затем — А. П. Остроумова, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинский. В это же время выйдет на сцену и В. Э. Борисов-Мусатов, некоторыми особенностями своего творчества соприкасаясь с искусством ряда упомянутых живописцев, другими же — их опережая, что делает его, наряду с Врубелем, предтечей совершенно новых тенденций в русском искусстве — тенденций уже целиком XX века.

Однако здесь возникает некий парадокс, весьма характерный для русской культуры этих десятилетий вообще, а для стилевых исканий времени в частности. Общее направление живописных поисков конца века может быть во многом названо единым. Все перечисленные мастера (за исключением, быть может, только Врубеля и Мусатова), стремясь к созданию одухотворенных интенсивным чувством произведений и к обновлению живописных

средств, в ту пору не посягали на основы реалистического метода искусства второй половины XIX века. Они его обогащали. В основе их живописной системы (или систем) лежала вера в реальность и познаваемость зримого мира, становившегося для них только богаче, подвижнее, изменчивее, чем он был для их предшественников. Стремления своих сподвижников достаточно точно определяет Нестеров, сразу ставший своим в их среде благодаря «Пустыннику» и особенно «Видению отроку Варфоломею» (1889). В письме к другу от 18 июня 1898 года он пишет: «Формулировать новое искусство можно так: искание живой души, живых форм, живой красоты в природе, в мыслях, сердце, словом, повсюду». Вместе с тем было бы большой ошибкой искать в творчестве перечисленных художников (да и ряда мастеров меньшего масштаба) стилевого единства. Если брать новую живопись 1885—1905 годов в целом, можно говорить о сосуществовании в ней импрессионистических тенденций с тенденциями модерна. И несомненно, причины такого сосуществования различных стилевых категорий лежат и в необычайной уплотненности и убыстренности процессов развития русского искусства этого времени, что вело к одновременности возникновения различных стилевых явлений (следовавших в западноевропейском искусстве одно за другим), и в самой специфике русского варианта этих стилей — некоторой атипичности «московского» импрессионизма и известной смягченности модерна на первых этапах его существования [11]. Представителем этого сдержанного, смягченного варианта модерна становится Нестеров.

Особую роль в его формировании сыграло первое путешествие за границу, предпринятое им летом 1889 года, после приобретения П. М. Третьяковым «Пустынника», когда уже вызревал замысел «Видения отроку Варфоломею». Во время этой поездки, получившей подробнейшее и очень «сознательное» отражение в письмах Нестерова к родным и А. А. Турыгину, он увидел не только высочайшие образцы искусства итальянского Возрождения (в том числе мастеров треченто и кватроченто, что имело для него большое значение), но и живопись П. Пюви де Шаванна и Ж. Бастьен-Лепажа, уже знакомого ему по «Деревенской любви» в Третьяковской галерее [12], живопись, давшую опору его поискам, до тех пор почти инстинктивным. Его искусство отныне — и на ближайшую четверть века — окажется в русле широкого общеевропейского течения, ознаменованного своеобразным уходом от действительности, от горя, грязи, противоречий реальной жизни в свой собственный лирико-романтический мир. На Западе это явление получило название «ностальгии конца века», где «ностальгия» — тоска не по реальной, а по воображаемой родине — прекрасной стране, созданной мечтой художника, по не затронутым цивилизацией землям или по прошлому в различных его ипостасях. У каждого художника такой уход в свой мир чувств и образов принимал индивидуальные, окрашенные субъективным мироотношением формы.

Нестеров, поэтизируя русскую природу и русскую старину, стремясь найти нравственный идеал в глубоко и искренне верующих людях далекого прошлого России, пожалуй, наиболее полно воплотил в своем творчестве феномен, который можно назвать «национальным романтизмом». Здесь его предшественником оказывается такой художник «протомодерна», как Виктор Васнецов, а его соратниками — если рассматривать некоторые особенности тематической направленности их живописи — мощный Врубель и тихий, несколько робкий Аполлинарий Васнецов. Однако необходимо сразу же

отметить, что Нестеров в конце 1880-х — 1890-х годах ощущал себя сподвижником не только этих двух мастеров (Врубель как человек был ему настолько чужд, что он не всегда отдавал себе отчет в известной близости их национальных пристрастий) [13], а вообще всей блестящей плеяды своих сверстников, включая закладывавшего в своей живописи 1880—1890-х годов основы «московского» импрессионизма К. А. Коровина и еще далекого в ту пору от модерна Серова, создавшего в портрете Веруши Мамонтовой «чудную вещь» и сказавшего, как пишет сам Нестеров, «последнее слово импрессионального искусства» [14]. Наибольшая же творческая и душевная близость объединяет его с Левитаном. Их роднит четкое понимание национальных, исторических черт русского пейзажа (не случайно Нестеров говорил, что «Владимирку» «смело можно причислить к немногим историческим пейзажам» [15]), тонкое восприятие «отношения жизни людей и вечного бытия природы» [16], живого трепета этого бытия. Одновременно оба они, и Левитан, и Нестеров, в разной степени и отнюдь не синхронно, вырабатывают живописные средства для воплощения своих чувств, своего отношения к жизни. Левитан стремится к «широкому и свободному языку» [17] в живописи, ко все большей и большей экспрессивности при обобщенности и лаконизме форм, входя тем самым в область модерна, отнюдь не опровергая при этом своей живописью всегда присущую ему преданность натуре.

Содержательные основы искусства Нестерова, так же как поиски им нового изобразительного языка, приводят его к выработке особого варианта «нового стиля», типично русского, основанного на тщательных натурных штудиях и лишенного многих отличительных черт западноевропейского модерна — декоративно-живописных достижений Art Nouveaux, особой «мифологизации духа» О. Редона, пряной орнаментальности австрийской школы, жесткости и ницшеанской агрессивности швейцарца Ф. Ходлера, антиживописной повествовательности немецкого югендстиля, парадоксальности и повышенной экспрессивности испанского и итальянского вариантов модерна или надрывности модерна скандинавского. Однако при этом Нестеров будет остро ощущать свою причастность к поискам «стиля эпохи», будет считать себя — и вполне оправданно — одним из создателей его в России. Его письма этих лет полны размышлений о новых направлениях в европейском искусстве, о борьбе между новым и отживающим в искусстве отечественном, борьбе, в которой участвует он сам, о деятельности молодых петербуржцев — Дягилева и Бенуа — и своих отношениях с «Миром искусства» — оплотом модерна в России, о положении русских на выставках мюнхенского Сецессиона.

Грань 1880-х и 1890-х годов ознаменована самым высоким достижением в раннем творчестве Нестерова — картиной «Видение отроку Варфоломею», открывающей так называемый «Сергиевский цикл». Вместе с тем «Видение...» — одно из первых значительных живописных произведений (наряду со станковой и монументальной живописью Врубеля), в стилистике которого отчетливо выступают признаки национального варианта модерна. Важно отметить, что искренняя потребность глубоко верующего Нестерова воплотить в картине ортодоксально-православный миф позволяет сопоставить «Видение...» (в плане содержательном) не только с такими явлениями, рожденными на почве католицизма, как цикл «Св. Женевьева» Пюви де Шаванна и «Жанна д'Арк» Бастьен-Лепажа, но и с религиозной живописью типичных мастеров Art Nouveaux — наби М. Дени, П. Серюзье, Ш. Фили-

жера, Я. Веркада, живописью, рождавшейся одновременно с нестеровской. Об их творчестве Нестеров не знал ничего, и потому здесь можно говорить только о совпадении стадиальных явлений. Что же касается Пюви де Шаванна и Бастьен-Лепажа, о которых он так проникновенно писал из Парижа родным и друзьям, то его отношение к ним не было однозначным. В искусстве первого его привлекала прежде всего «духовная сила» (а не способ ее выражения). Второй же, несомненно, имел огромное влияние именно на живопись Нестерова. Модерн Бастьен-Лепажа, густо замешанный на предымпрессионистическом реализме, на добросовестнейших пленэрных штудиях, был близок Нестерову, что и сказалось в первой же написанной им по возвращении из-за границы летом 1889 года картине.

Нестеров ищет и находит в «Видении отроку Варфоломею» особый, еще невиданный в России способ выражения в живописи владеющего им религиозного чувства. Создавая основанный на натурном этюде образ маленького Варфоломея — будущего преподобного Сергия, избрав местом действия типично среднерусские по характеру пейзажа окрестности Абрамцева, художник смело отказывается от реализации живописным путем черт лица, вернее, «лика» святого старца, избежав тем самым (к сожалению, лишь до поры) канона и иконности. Но не это главное. Новации Нестерова — в отборе и трансформации реальности. Художник сознательно преувеличивает хрупкость мальчика (впрочем, он искал — и долго — именно такую натуру для этюдов к картине). Он тщательно продумывает ритмы и детали пейзажа, одухотворенного нежным и чуть меланхоличным чувством влюбленности в природу. Но пейзаж этот развернут на втором плане картины; само же тихое действие протекает параллельно плоскости холста на первом плане, отграниченном от прекрасных далей мягкой наклонной линией холма. Тщательно продуманы и выстроены цветовые ритмы «Видения...», где повышенной интенсивностью отличаются лишь холодные синие цвета, не нарушающие общей приглушенной «осенней» тональности.

С появлением «Христовой невесты», «Пустынника» и «Видения отроку Варфоломею» можно говорить не только о слиянии в картинах Нестерова человека и природы, но и о появлении в русском искусстве «нестеровского» человека и «нестеровского» пейзажа, не столь, может быть, свободного и разнообразного, как пейзаж левитановский, но более целенаправленного, более стильного.

Пейзаж Нестерова — это пейзаж среднерусский, скорее северный. Тонкие белоствольные березы, пушистые ветки вербы, кисти рябины, горящие на приглушенном фоне, почти незаметные осенние и первые весенние цветы. Недвижные воды, в которых отражаются замершие леса. Дали, открывающиеся с высоких холмистых берегов реки Белой... Обычно на картинах Нестерова — весна или осень, реже — зима или лето. И никогда не бушуют бури, не льют дожди, не гнутся под порывами ветра деревья. Все тихо, благолепно, все проникнуто тютчевским ощущением того, что «сквозит и тайно светит» в красоте русской природы. И люди — юноши и старцы-отшельники, покорные своей судьбе,— как природа, в созерцание которой они погружены. И печальные девушки, тоскующие женщины с подавленными страстями, тлеющими за видимой покорностью и безропотностью (как и у Мельникова-Печерского). Лишь очень редко появляется на картинах Нестерова тех лет человек в расцвете мужественной силы — обычно на втором плане, в качестве второстепенного персонажа. При этих чисто нестеровских особенностях живописи

и пейзаж, и населяющие его люди убедительны и реальны — ведь в основе любой картины художника бесконечное число натурных этюдов. Все правдиво, точно, знакомо,— недаром Нестеров писал своему другу: «Я на натуре, как с компасом...» [18] И однако... Может быть, ни у кого из его современников и сверстников, кроме Врубеля и Серова (в портретах 1900-х годов), не был так сильно развит дар отбора и, более того, переосмысления натуры. Деревья Нестерова хрупки до болезненности. Голубизна неба безмятежно чиста, нежна, прозрачна. В определенной, лишь на поверхностный взгляд случайной, последовательности возникают на фоне осеннего леса темные силуэты елей. Во всех этих картинах есть и еще одно качество, которого художник добивается очень сдержанными средствами,— своеобразный романтизированный историзм. Главки русских деревянных церквей на фоне неба, скит или просто сарай, такой, какие испокон веков стоят на Руси,— никакой навязчивой реставрации старины. И вместе с тем в сочетании с чертами типичного русского пейзажа эти детали создают ощущение прочной связи прошлого с настоящим, с сегодняшней реальностью, правда очень «нестеровской», субъективной.

В основе картин Нестерова лежит обычно одна и та же композиционная схема. Как и в «Видении...», действие (если можно назвать так происходящее на нестеровских картинах) развивается на первом плане, обычно параллельно плоскости холста. Далее, отступая вглубь, мягко разворачиваются переходящие друг в друга пейзажные планы. Горизонт сравнительно высок, художник смотрит на персонажей картины и окружающую их природу чуть-чуть сверху. Иногда горизонт вообще скрыт лесом («Юность преподобного Сергия Радонежского») или выступающими из-за деревьев деревянными строениями («Великий постриг», две части триптиха «Труды преподобного Сергия»). Изредка за фигурой святого поднимаются покрытые лесом холмы («Сергий Радонежский»). Подчас взгляду зрителя открываются — за женской или мужской фигурой — дали с излучиной широкой реки и уходящими к горизонту взгорьями («На горах», «За Волгой», «Автопортрет» 1915 года). Все продумано, уравновешено, гармонично.

Эти качества наиболее чисто и сильно прозвучали в «Видении отроку Варфоломею». На следующей картине цикла — «Юность преподобного Сергия Радонежского» (1892—1897) — лежит уже известный отпечаток иконности — в дидактичности самого изобразительного строя, в некоторой каноничности образа святого (несмотря на то что в основе его, как всегда у Нестерова, лежат портретные этюды, в том числе портрет А. М. Васнецова). В письмах Нестерова отражена подробнейшим образом история создания и дальнейшей судьбы «Юности...», история драматичная, принесшая художнику много тяжелых переживаний — из-за двойственного отношения к картине различных слоев художественной общественности Москвы и Петербурга.

Несомненно, что изменения в творчестве Нестерова на протяжении 1890-х годов имели причиной его чрезвычайно интенсивную работу в качестве церковного живописца. На характер его росписей влиял и пример Виктора Васнецова, высшего в ту пору авторитета в области церковной стенописи, и особенно византийская монументальная живопись, которую Нестеров тщательно изучал во время своего второго заграничного путешествия (1893). В результате в нестеровских росписях киевского Владимирского собора рождается особый сплав византинизма с модерном, с наибольшей ясностью

ощущаемый в таких иконах, как «Св. Борис», «Св. Глеб», «Великомученица Варвара». Нестеровские святые со стен Владимирского собора оказываются родными братьями и сестрами юноши Сергия — такими же кроткими, углубленными в себя и в созерцание «мира божьего» созданиями.

Нестеров ясно видел опасности, заложенные в его работе церковного живописца, работе, которой он все более и более тяготился, прекрасно понимая, что она пагубно влияет на его «свободную» живопись. Высказывания его по этому поводу весьма однозначны. «Как знать, может... Бенуа и прав, может, мои образы и впрямь меня съели, может, мое „призвание" не образа, а картины — живые люди, живая природа, пропущенная через мое чувство, словом — „опоэтизированный реализм"»,— пишет он А. А. Турыгину 22 апреля 1901 года. И писем такого рода много.

Однако порвать с церковной живописью он не имеет возможности, да до поры и не хочет. Так, сразу же после окончания работ во Владимирском соборе он берется за эскизы мозаик для церкви Воскресения «на крови» в Петербурге, а затем за соблазнившую его предоставленной ему полной самостоятельностью роспись церкви в Абастумане. И хотя в этой последней работе Нестеров избавился, по его собственным словам, от «нелепого террора Васнецова» [19], добиться чего-то значительного в области церковной стенописи ему не удалось. Росписи церкви в Абастумане оказались, по сути дела, типичным образцом слащаво-салонной живописи конца века. Лишь через несколько лет, глубоко пережив эту неудачу (казавшуюся самому живописцу вначале успехом), Нестеров сумел создать нечто цельное и самостоятельное в художественном отношении в росписи Марфо-Мариинской обители. Но для этого ему надо было пройти трудный и мучительный путь — несмотря на полное внешнее благополучие и всероссийскую славу — путь исканий наибольшей свободы и выразительности в рамках своей все время развивающейся образной системы и живописного языка. На этом пути — значительные удачи в ряде картин «женского цикла», в первую очередь таких, как «На горах» и «Великий постриг». Особенно в первой, «наиболее певучей и интимной вещи», Нестеров сумел полностью осуществить свою концепцию картины: «связь пейзажа с фигурой... одна мысль в том и другой способствуют цельности настроения» [20]. Поэтому он был глубоко огорчен тем, что Дягилев «просмотрел» его картины и к «сугубо русской вещи подошел с меркой западной и внешней» [21]. В какой-то мере правы были оба: Нестеров — в том, что Дягилев недооценил живописную идею и качества одной из лучших его работ такого рода; Дягилев же — в причислении этой картины (в которой он снисходительно похвалил лишь «ловкий, плоский пейзаж» [22]) к распространенному общеевропейскому стилевому типу.

В картинах этого «живописного романа», разрабатывавшегося Нестеровым на протяжении двух десятилетий и существующего как бы параллельно романам Мельникова-Печерского (о чем неоднократно писал сам Нестеров),— в «Думах», «Одиноких», «Двух сестрах» — варьируется тема тоскующей женской души, музыка которой звучит в унисон с тонко ощущаемой живописцем музыкой природы. Нестеров нигде и никогда не говорил, да и не думал, о столь близкой символистам — поэтам и живописцам — «музыке мировой стихии», никогда не рассуждал, как они, о синтезе пространственных и временны́х искусств. Однако музыкальность его картин несомненна, и то, что Борисов-Мусатов назвал впоследствии «мелодией грусти старин-

ной» (пронизывающей его собственную живопись), присутствует и в живописи Нестерова, обретая акценты чисто русской тихой мелодии.

Однако развитие внецерковной живописи Нестерова шло отнюдь не однозначно. Параллельно с такими произведениями, как «Под благовест», «На горах», «Великий постриг», «Думы» и даже не вполне удавшиеся последние картины «Сергиевского цикла», Нестеров обращается к живописи, насквозь пронизанной чувством «искреннего мистицизма» [23]. В конце 1897 года он пишет «Чудо», а через несколько месяцев — «Димитрия царевича убиенного». Здесь необходимо вспомнить, что именно в середине 1897 года он впервые — в письменном пересказе А. А. Турыгина — познакомился с пересказанными же Р. де ла Сизеранном теориями идеолога прерафаэлизма Дж. Рёскина [24]. Нестеров, остро чувствующий природу и одновременно напряженно мыслящий художник религиозной ориентации, особенно живо воспринял четыре необходимых условия творчества, проповедуемые Рёскином: преклонение перед природой как основой всего, «тишину действия», преобладание «духа» над телом и «освобождение от проявлений грубых» [25]. (Не имея возможности подробно анализировать здесь взгляды Рёскина на «божественную суть» природы как предмета изображения, скажем все же, что они имели мало общего с хотя и трансформирующим, но всегда глубоко искренним и гораздо более непосредственным ви́дением природы у Нестерова). Стремление выразить средствами живописи «преобладание пламенной духовной жизни над телом» привело к созданию двух картин, вызвавших наиболее ожесточенные споры и в среде художников, и в далеких от живописи кругах. Причиной этого было и нагнетаемое художником мистическое ощущение изображенного события, и присутствующий в этих работах православный канон, грозивший превратить картину в икону.

К «убиенному» царевичу Димитрию, мальчику с мертвенно-бледным лицом и сложенными на груди руками, благословляющим жестом протягивает длань Христос, изображенный среди облаков в некоем подобии мандорлы [26]. Привычный же, на первый взгляд, пейзаж, окружающий Димитрия (или, вернее, его душу, пребывающую девять дней «не покидая близких своих» [27]), с чуть опушенными нежной листвой березками, с полосой темного леса и белой церковью на дальнем плане, с бледными цветами у ног царевича, на этот раз столь условен, плоскостен, подчинен строго выверенному ритму — одним словом, откровенно декоративен, что можно с уверенностью утверждать, что Нестеров достигает именно в этой картине наиболее полного — для конца 1890-х годов — доступного ему стилевого единства. Лишь болезненно-яркий всплеск цвета — в алой шапочке царевича — как бы нарушает гармонию приглушенного колорита картины. На самом же деле этот акцент — типичный прием «нового стиля», своеобразный ключ картины (мы встретимся с таким же алым всплеском позднее в одном из типичнейших портретов русского модерна середины 1900-х годов — «Девушке в амазонке»).

С картиной «Чудо» — «пиком» нестеровского мистицизма — все обстоит несколько иначе: в ней значительно явственнее влияние и рёскиновского восхищения религиозным интуитивизмом мастеров раннего Возрождения, и опыта создания иконных композиций, полученного на лесах соборов. Сюжет, трактующий самый момент чуда, пейзаж — неожиданная реплика фонов живописцев треченто и кватроченто (так же как фигура юноши, наблюдающего чудо) — все это свидетельствует о некоей неорганичности этой картины для творчества Нестерова, ее выпадении (хотя бы в формальном, если

не смысловом и стилистическом отношении) из его живописного ряда этих лет. Лучшее свидетельство тому — нежная любовь Нестерова — до конца его дней — к «Димитрию царевичу убиенному» и внезапное, ничем внешне не вызванное уничтожение им «Чуда» в начале 1930-х годов.

Тема единичного «чуда» постепенно преобразуется в эти годы в творчестве Нестерова в тему тоже религиозную, но более широкую, ставшую ведущей в его жизненной программе на протяжении по крайней мере полутора десятилетий. К этому времени он уже нашел свое место в стилевых направлениях эпохи, выработал свой живописный язык (который, конечно, никогда не оставался неподвижным, а развивался и обогащался) и мог говорить о том, что считал самым главным для себя как художника.

Творчество Нестерова от первых лет века до революции состоит как бы из трех разделов. Во-первых, это все продолжающаяся работа над церковными росписями (декор церкви в Абастумане и совершенно другая по задачам и возможностям роспись Марфо-Мариинской обители в Москве, не считая отдельных кратковременных работ, среди которых художник выделяет образа для церкви в Сумах). Во-вторых, создание ряда сравнительно небольших картин, посвященных «нестеровским» людям, мечтателям, отшельникам, уставшим от жизни женщинам,— картин, где по-прежнему главным была «единая душа человека и природы», создававшая «единое действие... целость впечатлений» [28]. К произведениям такого рода примыкает группа портретов 1905—1906 годов, составившая небольшой, но важный этап в творчестве Нестерова. И наконец, — главное для него — последовательная работа над тремя большими картинами (одна из них — композиция «Путь ко Христу» в трапезной Марфо-Мариинской обители), в которых Нестеров пытался решить основную для него в те годы проблему: куда и к кому должен идти русский народ для обретения счастья, покоя и мира в себе и вокруг себя.

Точнее всего — в письме к своему биографу С. Н. Дурылину от 7 мая 1924 года сам Нестеров определяет содержание этих картин как «темы о нашей вере, душе народной, грехах и покаянии». К этому можно добавить еще одно: если картины «Чудо» и «Димитрий царевич убиенный» выражали индивидуальное «мистическое переживание» художника, то «Святая Русь», «Путь ко Христу» и «Душа народа» несли в себе дидактический, «учительский» заряд, задумывались Нестеровым как своеобразная программа жизни народной.

Работе над этими тремя картинами, основными для дореволюционного творчества Нестерова, посвящено множество его писем — и трактующих внешние обстоятельства (А. А. Турыгину), и затрагивающих «душу» и основу содержания этих произведений (В. В. Розанову и С. Н. Дурылину).

Хочется остановиться лишь на одной стороне этих живописных работ.

Если в «Святой Руси» Нестеров не сумел достичь полного живописного единства и сама картина воспринимается как любопытный пример «спора» между такими ее составляющими, как вполне реалистический зимний пейзаж и изображения отдельных богомольцев, типичная для модерна композиция и сам мотив и, наконец, странная в своей «салонной каноничности» группа трех главных русских святых во главе с Иисусом Христом, то в композиции трапезной Марфо-Мариинской обители была достигнута — и в образном, и в композиционном, и в цветовом отношении — большая стилевая цельность, что значительно усиливало смысловую значимость картины. Вообще роспись обители, построенной по проекту А. В. Щусева в неорусском

стиле, явилась, несомненно, самой значительной церковной работой Нестерова 1900—1910-х годов, свободной в ряде случаев (в том числе в композиции «Христос у Марфы и Марии» и в триптихе «Воскресение») от православного канона и созданной в последовательно выдержанном стиле модерн по писанным в Италии натурным этюдам.

Главная же картина Нестерова 1910-х годов — «На Руси» («Душа народа») не менее условна по замыслу, чем две предыдущие большие композиции (хотя Нестеров и отказался в ней от изображения Христа). Она представляет собой попытку изобразить некое «соборное действо» — шествие верующих, ищущих правды, в том числе реальных исторических персонажей — крупнейших русских религиозных мыслителей (к которым художник причисляет Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) — и людей из народа, от древних времен до современности. Используя свой огромный личный опыт и опыт таких крупнейших русских живописцев, как боготворимый им А. А. Иванов и В. И. Суриков, Нестеров создает в «Душе народа» отмеченную особой реальной условностью картину — одно из последних больших тематических полотен «нового стиля» в европейском искусстве.

В дореволюционном творчестве Нестерова выделяется еще одна область, с первого взгляда как бы выпадающая из него, на самом же деле составляющая органическую его часть. Это два разделенных десятилетием цикла портретов (к которым, по своему содержанию и стилистике, примыкает и написанный в 1921—1922 годах портрет философа И. А. Ильина).

Портретная живопись всегда притягивала Нестерова. Но ранние работы его в этом жанре не выходили за рамки передвижнического портретного этюда. Ему еще нечего было сказать в этой области. В 1890-е годы и в первые годы нового столетия Нестеров не пишет собственно портретов. Портрет в этот период существует для него только в одном качестве — этюда для будущей картины. Подобных этюдов множество. Среди них — «Девочка» (этюд к «Видению отроку Варфоломею»), «Голова девушки» и портрет А. М. Васнецова (штудии для «Юности преподобного Сергия Радонежского»), этюды к «Святой Руси», в том числе портрет М. Горького (по первоначальному замыслу художника, Горький должен был стать одним из персонажей картины). Сам принцип работы Нестерова — с постоянным изменением и подчас полным преображением облика человека в картине по сравнению с этюдом — подводил его к новому, отличному от классической передвижнической портретистики методу работы над портретом, методу сугубо индивидуального взгляда на натуру и субъективного ее преображения в живописи.

В 1905—1906 годах был создан первый портретный цикл художника, в который входят пять портретов — жены, дочери Ольги (Нестеров писал ее тогда дважды), Н. Г. Яшвиль, художника Яна Станиславского. Все эти портреты пронизаны чисто «нестеровским» лиризмом, и от картин того же периода их отличает не столько *как* художник воплотил свой замысел, сколько *что* он воплотил. Конечно, в портретах близких Нестерову людей нет той смятенности духа, следов страстных поисков истины, что так характерны для действующих лиц его картин этих десятилетий. Но лейтмотив их в основном тот же. Содержание их может быть определено словами самого художника — «опоэтизированный реализм». И так же, как в картинах, стилистика модерна в этих портретах с большой точностью и тонкостью вкуса накладывается на натурные впечатления, обогащая и обостряя их.

Самый значительный портрет этого цикла — знаменитая «Девушка в амазонке» Русского музея. Несмотря на уверенную грацию утонченной светской девушки, кажется, что она так же одинока, как героини нестеровских картин, и ее элегантный строгий туалет не мешает видеть, что чертами прекрасного лица она напоминает излюбленный художником женский тип. Живописная «загадка» портрета, особая его «стильность» и острота вытекают из характерного противопоставления четкого, даже жестковатого силуэта фигуры и очень нестеровского пейзажного фона с как бы замершими водами широкой реки, бледным небом, розоватым отблеском заходящего солнца на низком луговом берегу, фона, в котором наличествуют уже все признаки декоративного пленэра начала века. Нестеров сумел уловить в лице своей дочери выражение неудовлетворенности и неопределенных стремлений, характерных для части русской интеллигентной молодежи тех лет. Может быть, именно эти черты делают «Девушку в амазонке», такую «европейскую» по изобразительному языку, удивительно русской по сути образного содержания.

Второй портретный цикл Нестерова посвящен той же теме, что и его картины предреволюционного десятилетия. Входящие в цикл портреты Л. Н. Толстого, архиепископа Антония, П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова («Философы»), И. А. Ильина («Мыслитель») — произведения философско-религиозного плана. Нестеров стремился отразить в них прежде всего погруженность человека в мир нравственных исканий и углубленных размышлений. Самая задача, не столько, по сути дела, живописная, сколько «литературная», привела к нарастанию условности, некоторого композиционного однообразия и аскетичности колористического решения этих портретов (за исключением, пожалуй, портрета архиепископа Антония).

Вообще же начиная примерно с 1907 года в художественном статусе Нестерова — если говорить о его месте в русском искусстве — происходят достаточно знаменательные изменения. Это вполне объяснимо. Каждый художник — дитя своего времени. «Мы принадлежим своему времени и разделяем его мнения, взгляды и даже ошибки»,— сказал однажды А. Матисс. Но понятие принадлежности любого мастера своей эпохе требует в каждом отдельном случае определенного уточнения, особенно когда речь идет о художниках, чей творческий путь продолжался многие и многие десятилетия. Лишь гении (если говорить о новейшем времени, когда смена общественного строя, идеологии, направлений во всех видах искусства происходит в необыкновенно ускоренном темпе) могут на всем протяжении жизни оставаться подлинно современными, воспринимающими движение и изменения в художественной идеологии и стилевых концепциях эпохи (а в какой-то мере и являться их творцами). Даже искусство таких огромных талантов, как Репин и Суриков, имело пиком своего развития — и у того, и у другого — последнюю четверть XIX века, а в дальнейшем не выдержало в полной мере «давления годов». То же самое можно сказать и о Нестерове дореволюционного периода: расцвет его творчества, его новаторская роль, создание им нового живописного языка относится к двум десятилетиям — с конца 1880-х годов по 1905—1906 годы (когда им был создан первый цикл портретов). Но если его сподвижники, вместе с ним строившие в конце века новое русское искусство, закончили уже — как Левитан и Врубель — свою творческую жизнь, а Серов находился в конце 1900-х годов, несомненно, на пороге новых живописных открытий, то Нестеров в это предреволюционное десятилетие как бы замер,

остановился в найденном им круге тем, в созданной им живописной системе (хотя все эти компоненты его творчества, не изменяясь кардинально, обогащались и развивались, но лишь в пределах, поставленных себе самим художником). И новые течения, новые живописные искания, крайне интенсивные именно в 1910-е годы, новые взгляды на жизнь и творчество стали как бы «обтекать» Нестерова, хотя «теоретически», пассивно он ими интересовался и вовсе не был непримирим к молодому русскому искусству (в этом отношении особенно любопытны его письма А. А. Турыгину от 26 февраля 1914 года и 20 марта 1916 года). Творческое одиночество и отчуждение от происходящего в искусстве распространилось и на весь жизненный уклад Нестерова. «Всех почти друзей-почитателей за эти годы я сумел растерять», — пишет он Турыгину [29]. И выставочная его жизнь, такая интенсивная в 1890-е годы, тоже замирает: после своей персональной выставки 1907 года он отказывается принимать участие в каких бы то ни было выставках (начав экспонировать свои работы лишь в военные 1914—1916 годы на выставках, устраивавшихся с благотворительными целями).

Стало уже почти трюизмом утверждать, что Нестеров прожил две жизни в искусстве,— на самом деле это действительно так. Второй, весьма отличной от первой, особенно в тематическом отношении и эмоциональном строе живописи, оказалась его жизнь советского портретиста, хотя изменения в его творчестве происходили постепенно, носили органический, естественный характер и обусловливались прежде всего внутренней необходимостью. Самое же главное то, что в основе любого его творческого акта всегда лежала абсолютная искренность,— свидетельство тому и его работы советского периода, и его эпистолярное наследие тех же лет.

В письмах Нестерова, относящихся к переломным годам его жизни, то есть к 1918—1922 годам, ясно дает себя знать великая растерянность художника перед шквалом событий, унесшим привычный уклад и привычное благополучие. Вхождение в новый быт и восстановление жизни творческой шло, безусловно, достаточно болезненно. Поэтому в первое послереволюционное пятилетие Нестеров не создает значительных произведений (за исключением портрета «Мыслитель»), а повторяет, варьируя их, старые свои мотивы — «за картошку», как он пишет друзьям. Но творческие потенции его столь сильны, его человеческий тип столь гибок и вынослив, что уже летом 1923 года появляется произведение, не только отметившее начало его возрождения как живописца, но ставшее одним из самых обаятельных образцов его зрелого творчества. Речь идет о «Девушке у пруда», портрете его младшей дочери Натальи Михайловны. Написав его, Нестеров сам почувствовал значимость содеянного. Упоминая вскользь в письме к Турыгину от 20 августа 1923 года сделанные им для русской выставки в Америке повторения со своих старых работ и новые картины на старые темы, он выделяет лишь этот портрет: «Вышел, говорят, не хуже, чем в молодые годы, свежо, нарядно».

«Девушка у пруда» открывает собой не только сюиту портретов Нестерова 1920—1930-х годов, это важная веха в развитии его живописной системы. Это первый портрет в его творчестве, явственно несущий в своем образном и живописном строе заряд оптимизма. Его полнозвучная, светлая красочная гамма совершенно отлична от гармонии приглушенных, скорбных цветов нестеровских работ предшествующих лет. Художник обращается здесь к пленэру, полностью приемля красоту видимого мира, создает портрет тем же методом, что был применен им уже в портрете Е. П. Нестеровой

1909 года («За вышиванием»). Но то был все же большой этюд, написанный á la prima, а не картина. В «Девушке у пруда» мастер использует весь свой огромный опыт создания законченных картин, чтобы построить композицию, в которой динамика сочетается с устойчивостью, а «запечатленное мгновение» перерастает в нечто более постоянное, глубинное, важное. Пейзаж портрета интимен, трогателен, полон особой теплоты. Но юная, живая, нетерпеливая девушка, только что опустившаяся на скамейку, отнюдь не кажется навеки прикованной к этому тихому миру. Недаром М. Горький сказал об этом портрете: «О каждой нестеровской девушке думалось: она в конце концов уйдет в монастырь. А вот эта девушка — не уйдет. Ей дорога в жизнь, только в жизнь». И, собственно говоря, жизнь советского портретиста Нестерова начинается светлой, радостной нотой «Девушки у пруда».

Отныне кардинально, хотя вначале и не очень заметно, меняется тематика, шире — тема его творчества. И происходит это не столько под прямым влиянием новой социальной и общественной ситуации, сколько вследствие постепенного изменения самоощущения Нестерова как живописца. Исчезает мысль о новой, четвертой, большой картине, которая развивала бы проблему обновления жизни народа через веру (об этом замысле Нестеров писал С. Н. Дурылину 7 мая 1924 года). Постепенно произведения на излюбленные нестеровские сюжеты становятся как бы фоном, на котором развертывается эпопея его портретного творчества. И фон этот все бледнеет и бледнеет,— недаром Нестеров лишь мельком упоминает в письмах конца 1920—1930-х годов о работах такого рода, одновременно подробнейшим образом рассказывая друзьям и родным о своих портретных замыслах и о том чувстве удовлетворения, высокой творческой радости, которое они ему доставляют.

Однако нестеровский портрет как художественное явление тоже проходит определенную эволюцию — и в смысловом, и в чисто живописном отношении.

Вначале, в 1920-е годы, выбор моделей для портретов определяется прежде всего дружескими отношениями, а живописный тип портрета пока что только нащупывается. Поэтому так наглядна разница в стилистике — при очень высоких живописных достоинствах — таких портретов 1925 года, как «А. Н. Северцов», написанный в духе «обостренного реализма», романтический, «приправленный старыми мастерами» портрет П. Д. Корина и «портрет-памятник» В. М. Васнецова, в продуманности (или придуманности) композиционного и цветового решения которого явственны чисто декоративные и одновременно иконные элементы.

Расцвет портретного творчества Нестерова падает на 1930-е годы и открывается портретом-картиной «Братья А. Д. и П. Д. Корины». В том же году Нестеров пишет свой первый портрет И. П. Павлова. Именно тогда становится окончательно ясным, что художник обрел свою новую тему, новый нравственный идеал и его носителей (а найти «душу темы» всегда было для него самым важным). Теперь для него главное — не тихая добродетель, не уход в безгрешную жизнь, а отношение человека к своему делу, к творческому труду. И этим определяется отныне выбор Нестеровым каждой новой модели.

Молодые живописцы Корины были близки Нестерову и по душевному складу, и по взглядам на жизнь, на искусство. «Пока они существуют, я не устану ими любоваться,— писал художник,— любоваться моральными, душевными их свойствами... Оба брата -- художники, оба — мастера своего

дела» [30]. Решив написать Кориных, Нестеров ставил перед собой сложную задачу: создать двойной портрет, раскрывая во взаимодействии портретируемых их сложные, многогранные характеры. Композиция и цветовое решение картины полностью отвечают ее замыслу и зиждятся на закономерностях, найденных Нестеровым еще в начале века и проверенных, разработанных им в портретах второй половины 1920-х годов. В этом отношении портрет Кориных — одновременно итог предшествующих исканий и основа будущих достижений.

Портрет изначально задумывался как картина с жестко «остановленным» действием, выдвинутым на первый план, как и в ранних произведениях Нестерова. По-прежнему Нестеров не боится больших плоскостей черного цвета (в блузах художников) — столь действенного в портрете дочери 1906 года, но этот черный, состоящий из гаммы синих, коричнёвых, зеленых с добавлением слоновой кости, поддержан интенсивными цветами аксессуаров. Как и прежде, фон несет предельную смысловую нагрузку, как и прежде — среду и персонажей картины объединяет «одна мысль», но какая? Мысль о жизни, полной энергии, насыщенной не только думами, но и действием, творчеством, созидательным трудом. И в этом коренное отличие портрета Кориных от другого двойного портрета — «Философы» 1917 года, где и С. Н. Булгаков, и П. А. Флоренский, видные русские религиозные мыслители, были изображены погруженными в размышления, тихо бредущими по лесной дороге.

«Братья А. Д. и П. Д. Корины», с их предельно разработанной мизансценой, с четко определенными характерами действующих лиц — самый «срежиссированный» портрет Нестерова. И несколько неожиданным рядом с этой картиной-портретом выглядит портрет И. П. Павлова, в котором с редкой для Нестерова силой вспыхивает желание «запечатлеть мгновение» жизни «дивного старика», запечатлеть его непосредственно (как это уже было в портрете «Девушка у пруда»), что характерно скорее всего для импрессионизма особого, нестеровского толка. Пожалуй, до работы над первым портретом Павлова Нестеров лишь в портретных и пейзажных этюдах бывал так увлечен тем, что видел, а не тем, что знал. Вместе с тем у художника-мыслителя, каким был Нестеров, этот портрет, привлекательный своей естественной живописностью, стал постепенно вызывать чувство неясного беспокойства, которое переросло в желание (многократно подчеркиваемое в письмах 1933—1935 годов) написать новый, более глубокий и разносторонний портрет великого ученого. «Я мог тогда уже,— рассказывает он в «Давних днях»,— видеть иного Павлова, более сложного, в более ярких его проявлениях...» [31] В 1935 году Нестеров осуществляет это намерение. «Не оставляю мысль написать Ивана Петровича говорящим, хотя бы и с невидимым собеседником... Видится и новый фон — новые Колтуши, целая улица домов — «коттеджи» для сотрудников Ивана Петровича... Все постепенно формируется в моей усталой голове... Иван Петрович в разговоре частенько ударял кулаком по столу, чем дал мне повод осуществить этот жест... характерный, но необычный для портрета вообще, да еще столь прославленного и старого человека, каким был Иван Петрович...» [32] Не случайно приведена здесь такая большая цитата из очерка в книге «Давние дни». По существу, это блестящий анализ художником зарождения и формирования замысла картины, ее построения, степени ее динамизма, среды, наиболее точно «поддерживающей» образ портретируемого.

Вытянутая по горизонтали композиция ритмична и уравновешена. Решен портрет в светлой, несколько разбеленной гамме, вполне оправданной,— возникает особое, бодрое, «утреннее» звучание колорита. Доминируют холодные цвета — серо-голубые, «сизые», розовато-лиловые. Значительную роль в портрете играет фон, но по-иному, чем это было в ранних картинах художника. Там субъективно-одухотворенный пейзаж настроения усиливал лирическое звучание картины. Здесь же изображение только что построенных стандартных домиков нового научного городка, с их ритмичным чередованием светлых плоскостей, вносит в портрет элемент современности, отлично гармонируя с аскетически-простой обстановкой, окружающей Павлова. Кружево зеленых листьев и белых звезд цветка в вазоне, стоящего на столе, придает особую изысканность всей композиции, построенной на четких ритмах прямых линий.

Казалось бы, в профильном портрете, где отсутствует общение со зрителем через взгляд модели, труднее дать то, что принято называть психологическим решением образа. Но у Нестерова это не так. Его профильные портреты приобретают черты репрезентативности и остроты одновременно. Достаточно сравнить два портрета Павлова, чтобы убедиться — первый у́же, нет в нем того обобщения, что делает второй значительным явлением не только портретной, но и исторической живописи.

Различие двух портретов Павлова носит принципиальный характер. В портрете 1930 года преобладает непосредственность художнического ви́дения, эмоциональное, живописное начало, в работе 1935 года — начало рациональное. Стремление художника создать как бы окончательный образ, продуманность каждого элемента, наконец, особая картинность делают последний портрет самым характерным в ряду близких к нему в стилевом отношении нестеровских работ. По сути дела, все остальные его портреты 1930-х годов примыкают или к первому, или (таких большинство) ко второму портрету Павлова. Портреты второго типа — такие, как «И. Д. Шадр» (1934), «В. Г. Чертков» и второй портрет С. С. Юдина (оба — 1935), «К. Г. Держинская» (1936), «О. Ю. Шмидт» (1937), первый портрет Е. С. Кругликовой (1938), «В. И. Мухина» (1940),— произведения сложные, многогранные, в которых зритель видит не результат мгновенного впечатления художника, а как бы читает повесть о человеке.

Для достижения своей цели — создания портрета-биографии — художник привлекает много деталей, раскрывающих мир, в котором духовно и физически живет человек, находит особую, наиболее характерную для каждой модели цветовую гамму. При взгляде на такой портрет у зрителя возникает сумма иногда достаточно сложных ассоциаций, подводящих его к постижению творческого характера, душевной настроенности портретируемого. В портретах первого рода, таких, как «И. П. Павлов» 1930 года или второй портрет Е. С. Кругликовой (1939), Нестеров более непосредствен, импрессионистичен в своих живописных решениях. В сложных же, композиционных его работах воскрешаются в новом, но более свободном, чем раньше, осовремененном варианте стилевые особенности нестеровского «реалистического модерна» 1900-х годов, поддержанные зрелым пониманием классического портретного наследия, в частности живописи Ван Дейка и Веласкеса.

В письмах середины и второй половины 1930-х годов читатель найдет множество кратких, а иногда и более пространных (в зависимости от степени

подготовки адресата) высказываний о портретах, над которыми художник работает с молодым жаром и увлечением. Самое же поразительное — присущая Нестерову до глубокой старости сила творческого горения. В одном из последних своих писем, от 7 октября 1942 года, он сообщает С. Н. Дурылину: «Написал уже восьмидесятилетним, пейзаж на тему: „Уж небо осенью дышало, короче становился день"... Видевшим старческая стряпня нравится». В сдержанной живописи этой «Осени», отличной суровым, как бы навеянным войной аскетизмом от ранних нестеровских пейзажей, много мужественной поэзии, скорбной лирики, вызванной обогащенным новыми оттенками чувством любви к русской природе, к родной земле.

Скончался Нестеров 18 октября 1942 года, в трудное время Великой Отечественной войны, ни на минуту не теряя веры в победу над врагом.

Второе издание «Писем» М. В. Нестерова (название первого издания — «М. В. Нестеров. Из писем». Л., 1968) содержит 844 письма (в первом издании — 663), опубликованные полностью или с небольшими купюрами, то есть более трети всего эпистолярного наследия художника.

Нестеров любил и умел писать письма. И хотя много десятков, даже сотен их утрачено, то, что сохранилось и опубликовано, охватывает, как уже говорилось, почти весь жизненный и шестидесятилетний творческий путь художника.

Внутренний облик Нестерова, как это видно из анализа его творческого наследия, определялся двумя началами — повышенной эмоциональностью, тонкостью ощущений, с одной стороны, и острым, подчас «недобрым» умом аналитического склада — с другой. Эти качества, при умении четко, образно выражать свои мысли, определили и характер нестеровского эпистолярного наследия. Оценки, даваемые Нестеровым событиям и людям, книгам и картинам, всегда точны, метки, определенны, часто пристрастны, иногда жестки, даже желчны, но никогда не безразличны. Равнодушие — порок ему ненавистный.

Годы, десятилетия, когда пишутся эти письма, — самые напряженные, героические, решающие в истории нашей страны — вносят коррективы во многие взгляды Нестерова, а в какой-то степени и в его мироотношение. Время разъединяет его с одними, ранее близкими ему людьми и, наоборот, сближает со многими другими. Сближения эти происходят на различной почве; письма к тому или другому адресату или группе адресатов образуют своеобразные циклы, охватывающие определенные периоды жизни художника, определенные сферы его интересов, различный круг вопросов.

Большое, очень важное место в эпистолярном наследии Нестерова (и в настоящей публикации) занимают письма семейные: к родителям — Марии Михайловне и Василию Ивановичу Нестеровым и к сестре — Александре Васильевне. Особенно близок был Нестеров с матерью и сестрой. Много лет спустя, уже пожилым человеком, он расскажет в письме к С. Н. Дурылину о том месте, которое занимала в его жизни мать: «Мне казалось, да и теперь кажется, что никто и никогда так не слушал меня и не понимал моих юношеских молодых мечтаний, опасений, планов, как она, хотя необразованная, но такая чуткая, жившая всецело мной и во мне — моя матушка» [33]. После смерти матери человеком, «радовавшимся радостям» Нестерова и «печаловавшимся его печалям», стала, по его собственным словам, сестра, свидетель пути художника от ученических до предреволюци-

онных лет. Отца же Нестеров глубоко уважал, ценил в нем бескомпромиссную честность, прямоту суждений, независимость нрава.

Письма к родителям и сестре — искренний и непосредственный разговор с самыми близкими людьми — воспринимаются почти как дневник художника (да и, по существу, письма Нестерова из-за границы или о судьбе своих картин на передвижных выставках скорее всего напоминают дневниковые записи). Относятся они главным образом к концу 1880-х — 1890-м годам, времени превращения Нестерова из безвестного, хотя и подающего надежды юноши-живописца в виднейшего мастера, создателя «Видения отроку Варфоломею» и «Великого пострига», образов Владимирского собора и «Димитрия царевича убиенного».

В этом цикле нет, или почти нет, рассуждений на отвлеченные темы — credo художника и без того известно его родным. Но все крупные и мелкие события жизни Нестерова, встречи с различными людьми, впечатления художественной и общественной жизни этих лет, замыслы и планы находят в них отражение.

Абрамцево и Киев, Помпеи и Париж, Афины и Рим проходят перед читателем. Поиски своего пути, своей темы, которая могла бы стать основной, определяющей, колебания и сомнения при вступлении на стезю церковного живописца, творческие муки при работе над «Юностью Сергия Радонежского» и другими картинами, история отношений с Товариществом передвижных художественных выставок, с П. М. Третьяковым, В. М. Васнецовым, А. В. Праховым — вот очень суммарный и неполный перечень того, что является содержанием этих писем.

Не менее важен и другой цикл — письма Александру Андреевичу Турыгину, товарищу недолгих занятий Нестерова в Академии художеств и другу всей жизни, «другу № 1», по словам самого художника. Переданные Турыгиным в Русский музей (где он в течение восьми лет, с 1923 по 1931 год, служил архивариусом) без малого шестьсот писем 1887—1934 годов составляют стержень всего эпистолярного наследия Нестерова. И хотя в конце своей долгой жизни Нестеров был склонен преуменьшать значение переписки с Турыгиным, подчеркивая свое несходство с другом («Нет человека более „по видимости" не подходящего для дружбы со мной, чем этот флегматик...»), никак нельзя согласиться с нестеровскими словами: «Сорокалетняя переписка наша — все эти 600—700 писем не содержат в себе ни обмена мыслей или чувств о художестве или „идеалах" вообще. Ничего заветного в них говорено не было... И однако, в этих письмах проходит вся моя *внешняя* (курсив мой.— *А. Р.*) жизнь, а она была полная, разнообразная, деятельная» [34]. Ведь именно в письмах Турыгину ставятся Нестеровым серьезнейшие вопросы мироотношения художника (особенно на грани века), излагаются его взгляды на искусство и роль художника (уже упоминавшиеся письма о теориях Рёскина, о праве на субъективность восприятия явлений искусства, о том, «чем спасутся художники», о проблеме «правды» в искусстве). В письмах к Турыгину проходят перед читателем годы творческой зрелости Нестерова, годы раздумий, подчас мучительных, о своем месте в искусстве, о том, в чем же его истинное призвание — в росписях ли соборов или писании картин. Турыгину адресованы увлекательные письма 1900—1903 годов о знакомстве с Ф. И. Шаляпиным и М. Горьким, о Художественном театре и его постановках. Ему же рассказывает Нестеров о товарищах-художниках, о картинах и прочитанных книгах. Наконец, именно Турыгину

адресованы письма о Л. Н. Толстом (составившие в переработанном виде главу книги «Давние дни»), причем письма отнюдь не только «информационного» характера. В письмах к другу встает и очень трудный для Нестерова период 1907—1917 годов, когда под разрушающим влиянием эпохи реакции менялись, часто незаметно для самого художника, его взгляды на многие жизненные явления, окрашивалось пессимизмом его мировоззрение, все большее место начинали занимать проблемы религии, как единственного пути «ко спасению» русского народа. Подробнейшим образом излагает Нестеров в письмах Турыгину весь ход работы над картиной «На Руси» («Душа народа»).

По письмам Турыгину прослеживаются события жизни Нестерова и в послереволюционные годы. И хотя со временем письма художника становятся более лаконичными, больше места начинают занимать в них факты, а не рассуждения, в них, по сути дела, объяснены причины чрезвычайно важного для Нестерова (и для всего советского искусства довоенных лет) становления его как портретиста, избирающего своими моделями людей огромной душевной активности, созидательного творческого труда.

Но, будучи несправедлив в оценке этого цикла своих писем как отражающего лишь внешнюю сторону жизни, Нестеров прав, говоря о «крайнем духовном расхождении» со «скептиком и умным циником» Турыгиным. Друзья стояли на прямо противоположных позициях в оценке многих и многих событий политической, общественной, художественной жизни России. Поэтому многие письма резко полемичны, что еще увеличивает их интерес. Нестеров выступает в них защитником отвергаемого Турыгиным живописно-эмоционального искусства. Он обрушивает на Турыгина поток резких — и вполне справедливых — упреков в рутинерстве, в сочувствии реакционнейшему «Новому времени». Идейное расхождение с Турыгиным особенно характерно для последних лет XIX и первых — XX века. Кажется, что именно в полемике с Турыгиным Нестеров уясняет для себя ряд важных мировоззренческих вопросов.

Письма Турыгину, как уже говорилось, своего рода основа всего эпистолярного наследия Нестерова (в настоящем издании опубликовано около двухсот писем Турыгину). Современные им письма другим адресатам расширяют, дополняют картину нестеровской «жизни в искусстве». Здесь можно выделить несколько групп. Одна из них — письма людям, чьи философские, религиозные взгляды и теории были в той или иной мере близки Нестерову или же интересовали его. Среди писем такого рода — ответы В. Г. Черткову, безуспешно пытавшемуся обратить Нестерова в толстовство. Необычайно высоко ставивший художественный гений Толстого, Нестеров считал Черткова главным виновником ухода великого писателя в область моральных и религиозных исканий. Вначале в письмах Черткову звучит неприятие его теорий и попытка противопоставить им свою, более традиционную, религиозную концепцию, а затем — стремление придерживаться только вопросов искусства.

К этому же циклу относятся письма критику М. П. Соловьеву, своеобразная исповедь художника, пытающегося объяснить проблематику своих картин на религиозные темы (в частности «Чуда»), картин, в которых он стремился выразить «великое проявление человеческого духа на почве христианства» [35]. В письме писательнице Л. В. Маклаковой-Нелидовой Нестеров говорит о внутреннем смысле картины «Димитрий царевич убиен-

ный», а в письмах редактору журнала «Новый путь» П. П. Перцову излагает концепцию своей религиозной живописи вообще [36].

Особое место в этом цикле занимают одиннадцать писем В. В. Розанову, из которых только первое (от 10 мая 1907 года) было опубликовано в издании 1968 года. Талантливый литератор, религиозный мыслитель, создатель религиозно-экзистенциальной философии, в которой апофеоз семьи сочетался с критикой христианского аскетизма, Розанов в течение десяти предреволюционных лет казался Нестерову человеком, наиболее близким ему по умонастроению и взглядам (хотя провозглашение Розановым проблемы пола краеугольным камнем христианства было бесконечно далеко от нестеровской религиозной концепции). Розанов опубликовал ряд статей, посвященных персональной выставке Нестерова 1907 года и его творчеству вообще [37]. К Розанову обращено и восторженное письмо Нестерова об «уходе» Л. Н. Толстого [38], во многом дополняющее упомянутые выше знаменитые письма художника Турыгину о великом писателе, опубликованные и в данном (как и в первом) издании писем, и в виде самостоятельного очерка в обоих изданиях книги «Давние дни».

В какой-то мере к этой части эпистолярного наследия Нестерова примыкают и его письма Е. Г. Мамонтовой и Л. В. Средину (первой — в начале 1890-х годов, второму — в 1900-х). Нравственный облик этих адресатов Нестерова очень ему импонировал, о чем ясно свидетельствуют его искренние и откровенные письма обоим, а также те характеристики, какие он дает им в письмах Турыгину и позднее в своих воспоминаниях.

Очень важен цикл писем Нестерова художникам и художественным деятелям. В 1890-е годы он поддерживает довольно тесные отношения с рядом своих сверстников — А. М. Васнецовым, И. С. Остроуховым, И. И. Левитаном (к сожалению, писем Нестерова к нему не сохранилось), киевским художником В. К. Менком, а начиная с 1896 года, то есть с момента сближения с будущими мирискусниками, и с А. Н. Бенуа. В письмах к ним — ценные и интересные суждения о современном искусстве, описания и критический разбор выставок, меткие, подчас резкие замечания об отдельных художниках и картинах. Особенно важно в этих письмах понимание глубоких процессов, происходящих в русском искусстве конца века. Именно в них — критика позднего передвижничества, ощущение себя одним из плеяды живописцев-новаторов. Именно под этим углом зрения воспринимал Нестеров и организацию выставок «Мира искусства», история отношений с которым весьма полно отражена в его письмах.

В 1900—1910-х годах среди адресатов Нестерова почти нет художников. После выхода в свет «Истории живописи в XIX веке» (1900—1902) он расходится с А. Н. Бенуа, хотя и признает во многом правоту последнего. Отношения с А. М. Васнецовым постепенно становятся более далекими. По письмам Турыгину можно проследить, как ослабевают в этот период дружеские связи Нестерова с Суриковым, В. Васнецовым. Причины тому различны, но основная — глубокий душевный кризис, сосредоточенность на религиозной проблематике. Все это уводит Нестерова из того круга художников и художественных деятелей, с которыми он был близок в 1890-е — начале 1900-х годов. Большая роль в этом отчуждении принадлежит персональной выставке Нестерова в 1907 году, определившей и подчеркнувшей все особенности его творческого лица, его уже упоминавшуюся изолированность в русском искусстве.

В первые послереволюционные годы в письмах Нестерова звучат глубоко пессимистические ноты. Огромность надвинувшихся событий, ломка привычного жизненного уклада, материальные невзгоды, творческий кризис — все это, вызывая необходимость переоценки незыблемых, казалось бы, ценностей, не могло не отразиться на мироощущении шестидесятилетнего художника, стремящегося поначалу замкнуться в привычном кругу близких ему людей. В это время, наряду с письмами Турыгину, особое место в его переписке занимают письма Сергею Николаевичу Дурылину, будущему его биографу и исследователю творчества, человеку душевно ему близкому, с которым Нестеров подружился еще в предреволюционные годы. Эти письма действительно значительнее и глубже, чем адресованные тогда же Турыгину. Нестеров не только рассказывает Дурылину много интересного и важного о своей жизни, о своей семье, давая ему тем самым материалы для подготовляемой книги. В этих письмах излагаются сокровеннейшие мысли Нестерова об искусстве, необходимости в живописи и вообще в любом искусстве «души», глубокого внутреннего содержания; мысли об основной, с его точки зрения, проблеме религиозной живописи — изображении Христа и, в связи с этим, о творчестве Александра Иванова; о Викторе Васнецове, его смерти и похоронах, его роли в русском искусстве и жизни Нестерова; о картинах «Святая Русь» и «Душа народа». В письмах Дурылину сравнительно мало «злобы дня», но много размышлений и попыток осмысления прошлого и в какой-то мере настоящего.

Большое место в эпистолярном наследии Нестерова 1920-х годов занимают его письма Петру Ивановичу Нерадовскому, заведующему художественным отделом Государственного Русского музея, которого он уважал и ценил за его энергию, неутомимость, преданность искусству и своему музею. В подробных, насыщенных содержанием письмах Нестеров делится с Нерадовским и своими воспоминаниями о прошлом русского искусства, о русских художниках (в частности, ему адресовано большое, опубликованное в монографии А. И. Михайлова и в книге «Давние дни» письмо о Репине, а также важное письмо об А. Иванове и его роли в русском искусстве[39]), переживаниями в связи с пребыванием в Америке выставки русского искусства, мыслями о значении и роли Третьяковской галереи и Русского музея, взглядами на современное состояние молодого советского искусства. К началу 1920-х годов относятся и впервые публикуемые письма Э. Ф. Голлербаху по поводу выпуска сборника, посвященного «Миру искусства», а также ряд писем к А. П. Остроумовой-Лебедевой.

Позднее, начиная с 1931 года, пожалуй, наиболее примечательные страницы нестеровского эпистолярного наследия — это письма Павлу Дмитриевичу и Александру Дмитриевичу Кориным (так же, как и письма его о Кориных).

Об отношении Нестерова к своему ученику, позднее крупнейшему советскому живописцу П. Д. Корину, писалось уже не раз. Сам Корин с благоговением хранил память о своем старшем друге и учителе. В письмах Нестерова — любовь и глубокое восхищение душевными качествами и талантом обоих братьев. Живым чувством наполнены письма, посылаемые Нестеровым путешествующим по Италии и гостящим у М. Горького молодым художникам, письма, где советы и рассуждения об итальянском искусстве перемежаются с воспоминаниями о собственных поездках на эту «вторую родину» живописцев.

В последнее пятнадцатилетие жизни Нестерова не только резко возрастает число его адресатов, но и заметно меняется характер самих писем. Это совершенно естественно. Во второй половине 1920-х годов он снова находит себя, свое место в искусстве. Начинается как бы вторая жизнь художника Нестерова — советского портретиста. С душевным подъемом — следствием нового взрыва творческой энергии — связан и рост жизненной и гражданственной активности стареющего годами, но не душой мастера. В его письмах появляются новые темы: то рекомендации, всегда убедительные и обоснованные, по приобретению картин в Третьяковскую галерею или Русский музей; то хлопоты за молодых художников. Нестеров поднимает вопросы, связанные с реставрацией картин и музейной экспозицией, болеет за судьбу «Явления Христа народу» А. А. Иванова и «Смолянок» Д. Г. Левицкого. Среди его новых адресатов — председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев, директора Третьяковской галереи М. П. Кристи и В. С. Кеменов, директор Русского музея Н. А. Цыганов, заведующий отделом графики Русского музея П. Е. Корнилов. В числе знакомых и друзей Нестерова, с которыми он обменивается письмами,— Е. Е. Лансере и А. А. Рылов, дочь художника и педагога В. Е. Савинского Т. В. Савинская, народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова, писательница М. В. Ямщикова (Ал. Алтаев), скульптор И. Д. Шадр, живописец Н. М. Ромадин. Среди писем, отсутствующих в первом издании, письма Т. Л. Щепкиной-Куперник и М. Н. Зелениной (дочери М. Н. Ермоловой), с которыми Нестеров подружился в середине 1930-х годов, и письмо восхищавшей его и своим искусством, и своим человеческим обликом Е. С. Кругликовой. Письма наполняются рассказами о новых знакомых, ищущих помощи и совета или же интересующихся творчеством художника. Но главное содержание писем этих лет — работа Нестерова над портретами крупнейших советских ученых, художников, просто близких и милых ему людей. Письма жене — Е. П. Нестеровой, дочерям — О. М. Шретер и В. М. Титовой, племяннице — М. М. Облецовой, старым друзьям — Е. А. Праховой и М. В. Статкевич-Менк выходят за рамки семейной переписки, приобретают первостепенный интерес. Подробнейшим образом излагается в них Нестеровым история работы над портретами С. И. и Н. И. Тютчевых, П. Д. и А. Д. Кориных, С. С. Юдина, Е. С. Кругликовой, В. И. Мухиной. Но первое место занимают письма о работе над портретами «дивного старика», «великого экспериментатора» И. П. Павлова и о возникшей в 1930 году крепкой дружбе между ученым и художником. Эти письма легли в основу двух интереснейших очерков, посвященных Павлову. К сожалению, письма Нестерова И. П., С. В. и В. И. Павловым в государственных архивах и в семье Павловых обнаружить не удалось, за исключением письма И. П. Павлову от сентября 1934 года, хранящегося в архиве Третьяковской галереи и уже опубликованного в издании 1968 года.

И наконец, завершающие страницы писем, повествующие о первом годе Великой Отечественной войны, ставшем последним в жизни Нестерова. В этих письмах — подлинный патриотизм, глубокая вера в победу над врагом, большое мужество стойкого духом старого и мудрого человека, до последних дней своей жизни остающегося прежде всего художником-творцом.

Письма Нестерова начали публиковаться в отрывках еще при жизни художника — С. Н. Дурылин в своем очерке «Михаил Васильевич Несте-

ров» (М.—Л., 1942) поместил выдержки из ряда интересных писем, адресованных ему самому и А. А. Турыгину. Очень широко использовано эпистолярное наследие Нестерова в книгах Дурылина «Нестеров-портретист» (М.—Л., 1949) и «Нестеров в жизни и творчестве» (серия «Жизнь замечательных людей». М., 1965), а также в монографии А. И. Михайлова «М. В. Нестеров» (М., 1958). Затем появились две небольшие публикации писем Нестерова П. Д. Корину («Художник», 1969, № 8) и родным («Советский архив», 1962, № 1). В 1968 году вышла ныне переиздаваемая книга «М. В. Нестеров. Из писем». Наконец, в сборнике ЦГАЛИ «Встречи с прошлым» (М., 1978, вып. 3) под заголовком «Художник и человек» И. П. Сиротинской были опубликованы отрывки из писем Нестерова А. Д. Трескиной (1931—1941).

Отбирая материал для данной книги, составитель руководствовался, так же как и при первом издании, с одной стороны, основной темой публикации — «Письма об искусстве», с другой — решительно выраженным желанием самого Нестерова издавать только самое важное, самое существенное из его эпистолярного наследия. Начиная с 1923 года, когда впервые возник вопрос о возможности публикации писем Турыгину, Нестеров неоднократно повторял своему другу (подготовлявшему к печати и комментировавшему письма), что необходим строжайший отбор материала. «То, что ты не дал согласие на полное (без изъятия мест неподобающих) издание писем — ты прав...» — пишет он 23 мая 1923 года. И в другом письме (25 марта 1924 года): «...перечитал присланные письма. Интересно, но много ненужного, фривольного. Одно оправдание: когда писалось, не думалось, что Турыгин все копит...»

В своих «Примечаниях» к письмам Нестерова (ГРМ, ОР, ф. 136, ед. хр. 40) Турыгин подтверждает желание художника: «Нестеров несколько раз просил о пересмотре его писем. Это было необходимо,— в дружеской переписке за много лет набралось много вздору, много никому не интересного, наконец, такого, что выносить не до́лжно; поэтому некоторые письма я уничтожил, а в других вычеркнул все лишнее».

Для настоящего издания отобраны письма, представлявшиеся составителю наиболее ценными для характеристики творчества, взглядов, личности Нестерова как художника. Из писем, касающихся одних и тех же фактов, выбраны те, в которых эти факты освещаются наиболее полно и ярко. Ряд писем имеет купюры (отмеченные отточием в квадратных скобках), так как из них исключены части, касающиеся личных, семейных или узкобытовых тем, а также материал, дублирующий содержание других писем.

В подавляющем большинстве случаев сняты заключительные строки писем — поклоны, приветы, подпись,— как не прибавляющие ничего существенного к содержанию писем и затрудняющие чтение, тем более что характер отношений автора писем и его адресатов виден и из содержания писем, и из открывающих их обращений.

Все даты и обозначения мест написания писем унифицированы и помещены перед началом каждого письма. Уточнения (обозначения дня, времени суток и т. д.), в тех случаях, когда они имеются, включены в унифицированный текст.

Все даты для дореволюционного периода даются по старому стилю (в письмах из заграничных путешествий указывается двойная дата), для советского времени — по новому стилю. Имена иностранных художников, писателей и других известных лиц даются в современном написании, за

несколькими характерными исключениями (*Вандик* вместо Ван Дейк, *Пювис де Шаванн* вместо Пюви де Шаванн).

Орфография и синтаксис писем приведены в соответствие с нормами современного правописания.

Составитель пользуется случаем принести сердечную благодарность лицам, предоставившим материалы для публикации и оказавшим большую помощь в работе, в первую очередь — дочерям М. В. Нестерова Н. М. Нестеровой и В. М. Титовой; его внучкам И. В. Шретер, М. И. и Т. И. Титовым; Ф. С. Булгакову, А. Д. Корину, П. Т. Кориной, Н. Г. и Н. М. Ромадиным. С чувством глубокой признательности составитель вспоминает и ныне покойных — дочь М. В. Нестерова О. М. Шретер, П. Д. Корина, К. В. Пигарева, И. А. Комиссарову-Дурылину, П. Е. Корнилова, Е. П. Разумову, оказывавших всяческое содействие в работе над первым изданием писем.

Составитель искренне благодарен также сотрудникам отдела рукописей Государственного Русского музея, в первую очередь бывшим заведующей секцией Ю. Н. Подкопаевой и научному сотруднику А. С. Каштелян, заведующей архивом Государственной Третьяковской галереи Н. Л. Приймак, а также сотрудникам Центрального государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, секции рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Нестеров М. В.* Воспоминания. Подготовка текста, вступ. статья и коммент. А. А. Русаковой. М., 1985. Далее - *Воспоминания.*

[2] *Нестеров М. В.* Из писем. Вступ. статья, сост. и коммент. А. А. Русаковой. Л., 1968.

[3] *Воспоминания*, с. 56.

[4] *Нестеров М. В.* Давние дни. Встречи и воспоминания. Подготовка текста, введение и примеч. К. Пигарева. М., 1959, с. 41. Далее — *Давние дни.*

[5] *Воспоминания*, с. 87.

[6] *Дурылин С.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965, с. 74—75.

[7] Там же, с. 77.

[8] Под девизом «Тоска-кручина» картина «За приворотным зельем» была представлена Нестеровым в 1889 г. на конкурс Общества поощрения художеств в Петербурге.

[9] См. данное изд., с. 40.

[10] См. данное изд., с. 262.

[11] Этот вопрос исследован Д. В. Сарабьяновым в его книге «Русская живопись XIX века среди европейских школ» (М., 1980. Глава «Русский вариант стиля модерн в живописи конца XIX — начала XX века»).

[12] «Деревенская любовь» Ж. Бастьен-Лепажа была приобретена С. М. Третьяковым и после его смерти в 1892 г. помещена в Третьяковскую галерею. В настоящее время находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

[13] См. данное изд., с. 144.

[14] См. данное изд., с. 35.

[15] См. данное изд., с. 418.

[16] *Федоров-Давыдов А. А.* Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. 1860—1900. М., 1976, с. 122.

[17] Там же, с. 254.

[18] См. данное изд., с. 229.

[19] См. данное изд., с. 161.

[20] См. данное изд., с. 145.

[21] См. данное изд., с. 155.

[22] *СД* [С. П. Дягилев]. Передвижная выставка.— Новости и биржевая газета, 1897, 9 марта. Статья опубликована также в кн.: Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982, т. 1, с. 67—71.

[23] См. данное изд., с. 168.

[24] *Sizeranne R. de la.* Ruskin et la religion de la beauté. Paris, 1897.

[25] См. данное изд., с. 164.

[26] Мандорла — миндалевидное или овальное сияние, окружающее изображение Христа или Богоматери в византийской и западноевропейской церковной живописи.

[27] *Воспоминания,* с. 270, примеч. 286.

[28] См. данное изд., с. 288.

[29] См. данное изд., с. 263.

[30] См. данное изд., с. 354.

[31] *Давние дни,* с. 324.

[32] Там же, с. 330.

[33] См. данное изд., с. 282.

[34] См. данное изд., с. 308.

[35] См. данное изд., с. 166.

[36] См. данное изд., с. 207, 223—224.

[37] *Розанов В.* Молящаяся Русь. (На выставке картин М. В. Нестерова).— Новое время, 1907, 23 янв.; *Варварин В.* [В. В. Розанов]. Где же религия молодости? (По поводу выставки картин М. В. Нестерова).— Русское слово, 1907, 15 февр.; *Розанов В.* М. В. Нестеров.— Золотое руно, 1907, № 2, с. 3—7. Все три статьи были опубликованы в кн.: *Розанов В.* Среди художников. Спб., 1914.

[38] См. данное изд., с. 241.

[39] См. данное изд., с. 310—311, 357—358.

ПИСЬМА

1877

1. РОДНЫМ

Москва. 6 февраля 1877 г.

Милые папаша и мамаша и Саша, я, слава Богу, здоров, что и вам от души желаю. Учение у нас начнется 9 февраля, сегодня я спал до $11^1/_2$ часов, вчера был театр [1], после которого танцевали до 3 часов. Было очень весело, было около семидесяти пяти человек гостей, сошло великолепно. Нам блинов давали сколько хочешь. Я первый день съел восемь, 2-й — одиннадцать, 3-й — четырнадцать.

Я рисовал папашу с карточки в увеличенном виде, вышло не очень хорошо, потом татарина, тот хорошо. Всего масляными еще рисовал три картины. Может быть, буду рисовать большую картину, которая у К. П.[2] в приемной. Вы, может быть, заметили девушку, зажигающую свечу, так ее или государя.

В последних числах января на задах у нас был пожар так, что часть Бутенопа [3] загоралась. Мы не спали до 2 часов ночи. Я все нужные ваши деньги взял, но все, слава богу, прошло. Я недавно нарисовал картину и получил 1 руб.

Кланяйтесь всем. Писать больше нечего.

Остаюсь любящий вас сын М. Нестер[ов].

1884

2. Н. А. КАСАТКИНУ

Лукасино. 9 июля 1884 г.

Любезный Николай Алексеевич! Не знаю, передал ли Вам Гриб [1] мое скорбное послание, в котором я прошу Вас снабдить меня через него, Гриба, рублями десятью денег, так как слова Ваши оказались более чем действительными. Повторяю Вам, что здесь не только не интересно, но даже для меня оставаться и вредно во всех отношениях. Ввиду чего я оканчиваю доски Мецлю [2] и, заполучив прогоны, не замедлю возвратиться в Белокаменную, с тем, чтобы продолжать свой (*нрзб*) до Уфы. Сделанными набросками для иллюстрации к «Братьям Карамазовым» [3] доволен, кроме того, написал портрет, который могу причислить к удачным из моих портретов, писанных мною раньше. [...]

1887

3. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 7 февраля 1887 г.

Наконец-то я собрался с тобой побеседовать. Начну с того, что опишу тебе насколько возможно разборчиво и кратко свое житье-бытье за последнее время. По возвращении своем из Питера [1] я нашел здесь одно худо, вещь свою [2] я не продал, и не продал потому только, что не было дурака, который бы купил ее. Как видишь, все

очень просто, тем не менее из этого «просто» вышло то, что я теперь опять надел на себя хомут и без устали строчу разный хлам, именуемый иллюстрациями. Хотя этого добра и много и оплачивается не худо, но от всего этого ни чуточки не легче [3]. Хочется творить, творить и творить, а тут на поди! Грусть одна. Ну, наплевать! Не будем останавливаться на грусти. Поищем чего-нибудь светлей и хорошего. А что может быть лучше надежды, этой утешительницы в скорбях. Да! Если бы, брат, не было надежды, то и ты бы не был такой бутончик, а был селедка маринованная, как твой покорный слуга. Итак, да здравствует надежда!!! Не больше как через месяц — полтора ты, как и многие другие счастливые смертные, увидят чудо искусства. Ты думаешь, я хочу сказать про картину Сурикова «Боярыня Морозова»? — ошибаешься, хотя правда и то, что слова Поленова о вышесказанной картине позволяют ее считать чудом: привожу эти слова во всей их неприкосновенности: «Я видел много у нас и на Западе сильных вещей, но драматичней того, что я увидал на картине Сурикова — я не видал!» Ты теперь будешь думать, что я хочу сказать про картину Поленова «Грешница», которую тоже превозносят до небес за ее краски. Нет, нет и нет: вы увидите «Государевых челобитчиков», чудную вещь, принадлежащую кисти молодого художника, уроженца города Уфы Нестерова. Да! Она будет выставлена на Морской на премию имени Гаевского [4], а скромный автор ее будет томиться той же надеждой (хотя вернее всего — несбыточной) где-то в Москве, в одиночестве и забвении.

Ну, довольно ерунды, право, я решил еще раз попытать счастья и прислать свою картину к вам, а тебя попрошу, когда ты ее увидишь, написать мне о ней свое мнение. Между прочим, я значительно ее переделал. Недавно получил первый гонорар из «Нивы».

Сам я, вероятно, не поеду в Питер до весны. Насчет лета тоже неизвестно. Сделал два эскиза: «Иван-царевич везет жар-птицу» и «Царь-девицу» — хвалят. Скучища смертная, хожу в театр, преимущественно в малороссийский. Приезжай в Москву на недельку, у меня остановишься. Побываем у Третьякова, в Румянцевском [5] и т. п. Право. Не хочешь, как хочешь. Ну, на первый раз не хочу отягощать твою голову моим вздором, крепко жму тебе руку.

4. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 9 марта 1887 г.*

Вот и я собрался ответить тебе, дружище Александр Андреевич. Теперь у меня целых пять дней отдыху, а следовательно и настроение мое более или менее праздничное. Сегодня я отправил к Вам на суд праведный свое детище [1]. [...]

Итак, детище теперь едет и не дальше как завтра будет у Вас, а послезавтра, то есть в день получения этого письма тобой, его можно будет получить и отвезти куда следует. [...] Главные хлопоты: раскупорить, натянуть на подрамок и получше поставить. Я надеюсь на твою любезность, что ты не откажешь принять участие в советах по этому делу, а затем, устроивши все это, дать твой отзыв о картине, которую я, между прочим, переписал *всю* заново. Начиная с голубого боярина и далее к царю — все увеличил на целую голову, переменил все краски и т. д. В прошлую субботу ко мне заезжал Поленов и нашел, что это *другая картина*, но, несмотря на все это, шансов для меня, мне кажется, уже потому мало получить премию, что писана моя картина грубо и неудобно будет ее поставить: велика очень. Поленов сказал, что судьба моя зависит раньше всего от *желудков* тех генералов, которые будут в числе экспертов, и от их настроения духа, который, очевидно, в связи с желудком.

Кроме того, что прошу тебя дать свое заключение о картине, на тебя я дерзостно возлагаю миссию так или иначе постараться *сбыть* мое несчастное детище одному из твоих бесчисленных богачей-знакомых или хотя постараться это сделать, и за то — спасибо. Это даст мне возможность кроме того, что крепко поблагодарить тебя, но и съездить за границу. Цена детищу умеренная — 500 р. с рамой, и плохой тот патриот, кто пожалеет дать за нее столь пустую сумму [2]. Право. Недавно получил заказ

в 200 р., работы недели на две-три [3]. Если судьбе угодно будет меня побаловать, то приеду к Вам в Петербург на Пасху. [...]

5. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 марта 1887 г.*

[...] Если бы Бог дал получить премию, то это бы дало возможность в свою очередь поговорить нам с тобой досыта, в противном случае придется оставаться лишь при желании. Прошу тебя, извести меня, каков бы конец ни был, как можно скорее, даже телеграммой, потом сочтемся, что будет стоить, да затем скажи на выставке кому следует, чтобы ящик от картины сохранили во всей его неприкосновенности. Описанная тобой картина моего конкурента есть не что иное, как исторический факт: боярыня Морозова объявляет какой-то из жен Ивана Васил[ьевича] Грозного о воле государевой постричь ее в монастырь. Картина эта принадлежит кисти худож[ника] Лучшева, и я года два тому видел ее у него [1].

Опиши, пожалуйста, лучшие вещи из жанров и пейзажей и кому дадут премию. [...]

Желательно было [бы] слышать мнение таких лиц, как Ив[ан] Ник[олаевич] [2] или Стасов, а также и общий голос, как жаль, что я не могу быть там у вас в это время. Здоровье мое так себе, нервное напряжение дошло до крайних пределов, боюсь, как бы 29-го не слечь. На днях начинаю свою новую картину, этюды почти все готовы [3]. К сожалению, твои замечания относительно перспективы и грубости письма справедливы, относительно же якобы тяжеловесности тона я думаю, что тут он не лишний. Обыкновенно впечатление этих переходов довольно сходно с впечатлениями катакомбы или проще — пещер. Тяжесть, подавляющий мрак, какая-то таинственная величавость. Мне кажется, там только это и есть, а если есть, то я достиг своего. Желал бы, чтобы ты ее разобрал по частям (если не лень). Пока же еще раз жму твою лапу.

6. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 24 марта 1887 г.*

Дорогой Александр Андреевич, спасибо Вам с Ваничкой [1] за телеграмму. Я ее получил в 10 часов вечера вчера. [...] Хотя мое самолюбие и удовлетворено несколько, но одна мысль, что другую половину премии дали моему конкуренту С. Я. Лучшеву, меня возмущает и оскорбляет. А также и с Парижем придется расстаться до поры до времени.

Спешу тебе написать и попросить исполнить еще одну просьбу. Картину свою я очень желаю продать, а посему и скажи кому следует на выставке, то есть распорядителям, что при случае с рамой я уступаю ее за 400, а без оной — за 300 руб., но с большей охотой взял бы 600 и так далее...

Опиши, что знаешь о конкурсе, надеюсь сегодня или завтра получить от тебя письмо. В Питере же буду числа 2—3-го, вернее 3-го, и проживу, если не умру, до конца апреля, буду у Вас писать картину для Кяхты [2]. Приехал бы раньше, но не готовы к ней этюды. [...]

7. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 1887 г.*

[...] Работа денежная есть. Кроме того, начал две картины: одну, известную тебе, «Смертный час», а другую «Христова невеста» [1], из жизни Керженского старообрядчества. Что получится в результате, одному богу известно. «Минин» [2] пока в загоне, примусь за чтение о его особе разве в тот месяц.

1888

8. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Петербург. 23 апреля 1888 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

[...] Как я был бы рад застать Вас еще в Москве, показать Вам кое-что и попросить Вашего доброго совета.

Пребывание мое здесь в результате было бесплодно, что приводит меня в большое уныние. Нельзя же считать два-три эскиза да несколько рисунков в журналы.

А что хуже всего и что прежде замечал я лишь в других — это наплыв и скорая перемена художественных затей, что особенно опасно при невыдержанности моего характера. Да в настоящее время и много кое-чего заставляет сильно меня призадуматься, может быть, это не к доброму поведению, не знаю.

9. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Сергиев посад [1]. 2 июля 1888 г.*

[...] Дела мои идут из рук вон плохо. Погода не дает мне решительно возможности что-либо делать. Единственно, чему она способствует,— это еде и спанью, но за это едва ли можно надеяться быть выбранным в члены Товарищества передвижников.

В прошлое воскресенье (не знаю, писал ли тебе) у меня было маленькое событие. Утром пошел я к Троице [2], с тем чтобы посмотреть натурщика. Походил немного и, не найдя (по обыкновению) ничего годного, отправился было домой. У ворот монастыря — гляжу — сестра Поленова [3]. Поздоровались. От нее узнаю, что она в большой компании, что их двадцать человек. Спустя немного подошли и остальные. С некоторыми я был знаком ранее. С madame Мамонтовой и Репиной я знаком не был. Поленова меня представила, представила она и других, которых я вижу в первый раз. Все вернулись в монастырь, а оттуда решили идти к Черниговской Б[ожьей] М[атери] [4] (то есть мимо моей хаты), с тем чтобы успеть на балаганы (с клоуном Дуровым и с живой картиной «Боярский пир» проф. Маковского). В это воскресенье (10-е) бывает здесь ярмарка и балаганы. По дороге к Черниговской все так устали, в особенности же знаменитая по чудному портрету Кузнецова на перед[вижной] выставке Верушка Мамонтова [5], что еле ноги двигали. Тут я был находчив до необычайности. С необыкновенной грацией (вспоминаю теперь Павла Ивановича Чичикова) предложил зайти ко мне отдохнуть и напиться чаю.

Столь эксцентричное предложение всем пришлось по вкусу. И эта армия баб (виноват) очутилась, спустя немного, у меня, в моей приемной. Тут выдвинулась вся мебель, существующая в доме, и все же сидели некоторые по очереди. Подали самовар. Репина (милая и добрая барыня, маленькое, немного запуганное существо) взялась хозяйничать, и тут пришлось опять ждать очереди. Но, так или иначе, было очень весело и шумно, все, по-видимому, были довольны. Поленова (милый урод) нарисовала мою комнату, Мамонтова тоже. Наконец уже пришлось перерешить, и вместо Черниговской все отправились прямо на балаганы. При прощании m. Мамонтова взяла с меня слово быть у них вскоре в Абрамцеве, верстах в 12 от Троицы, близ Хотькова. Абрамцево знаменито тем, что все знаменитости писали его окрестности, и еще знаменитей своей церковью, где все картины и образы принадлежат корифеям современного искусства: Васнецову, Репину, Поленову, Сурикову и др. Тут знаменитый эскиз Васнецова для собора св. Владимира — «Богоматерь с предвечным младенцем». У Мамонтова все рисуют, играют или поют. Семья артистов и друзья артистов. Зимой я, вероятно, тоже буду у них бывать. В Абрамцево поеду на той неделе, а числа 16—17-го к Поленову. [...]

10. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Сергиев посад. 14 июля 1888 г.*

Вот я и на даче, если будет можно назвать мою хибарку, у вдовы Бизяевой или проще Бизяихи, дачей. В сущности, это небольшая изба, очень чистая, оклеенная голубыми обоями, с оклеенным глянцевой бумагой потолком, с бесчисленным множеством образов и лампад, с несколькими стульями и столом. 3 компаты, которые содержит сия убогая хижина, в свою очередь содержат в своих стенах известную тебе особу, твоего беспокойного брата.

Кроме шуток, квартира моя мне очень нравится, нравится мне и мадам Бизяиха, старуха лет 40, которая свободное время от моления о благополучии рода человеческого проводит на полатях, высвистывая трели не хуже соловьиных, ну, да простит ей Всевышний эти трели, как и многое другое кое-чего.

Чем я занимаюсь, что я делаю? Отвечу, что можно делать в подобный холод,— ничего, руки коченеют, и ветер все сдувает, и я, как человек, одаренный небольшой долей рассудительности, лежу, елей пью и мечтаю о своих будущих созданиях. Из всего сказанного выше ты все-таки, надеюсь, не узнала, где я. И я считаю не лишним не скрывать это от тебя. Я живу близ честной обители Святого Троицкого монастыря, вернее, около и между скитом и Черниговской Б[ожьей] М[атерью]. Кругом рощи и пруды обительские. Но погода еще не дала познакомиться мне с ними. Тоска невообразимая. Гвоздь, вбитый для чего-то в потолок, наводит меня на размышление мрачного характера. Боже! Как подумаешь, что еще 2—3 месяца жить здесь, и может быть, задаром, жутко делается. Думаю съездить на ненастное время к Поленову. [...]

11. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Сергиев посад. 17 июля 1888 г.*

[...] С Мамонтовыми я встретился в Хотькове, они ехали осматривать развалины древней церкви близ Троицы, я им предложил вместо этого отправиться посмотреть деревянную церковь времен Василия Ивановича (папаши «Грозного»). Она отстоит от Троицы тоже в нескольких верстах, предложение мое заинтересовало их (мадам Мамонтова и сестра Поленова — члены Археологического общества). Мы отправились довольно комфортабельно, в первом классе и даром (Мамонтов — председатель этой дороги). Село Благовещенское, конечная цель нашего путешествия, от Лавры отстоит всего в 3 верстах, которые мы проехали в экипажах, там я разыскал старосту, мужика умного, степенного и себе на уме. Он сразу смекнул, в чем дело, и повел нас в церковь [1], которая снаружи не делала собой исключения из типа подмосковных деревянных построек этого века, но внутри она поражает своей оригинальностью, во-первых, материала, а затем и архитектуры. Она состоит из пяти частей, как бы вставленных одна в другую. Тут все веет давно прошедшим, выхватывает зрителя из его обстановки и переносит в былое, может быть, лучшее время. Подробно осмотрев как церковь, так и ризницу, где нашли много набоечного облачения, многое зарисовали и, усталые от полноты впечатлений, отправились подкрепить себя.

Против церкви нам устроили самовар, и в присутствии чуть ли не всего села мы услаждали себя питьем и яствами, а затем поехали назад. У Троицы нас дожидались уже мамонтовские экипажи, и в Абрамцево мы поехали на лошадях, а часа через два были на месте.

Абрамцево, имение старика Аксакова,— одно из живописнейших в этой местности. Сосновый лес, река и парк и среди него — старинный барский дом, с многочисленными службами и барскими затеями, которые и опишу тебе завтра, а теперь пойду спать...

18 июля

Вчера я остановился на намерении описать тебе дальнейшие впечатления, вынесенные мной из моего пребывания в Абрамцеве. Изволь.

После обеда отправились осматривать домашний музей и картинную галерею. Из картин и портретов самый заметный — это портрет, писанный Серовым (сыном композитора) с той же Верушки Мамонтовой. Это последнее слово импрессионального искусства. Рядом висящие портреты работы Репина и Васнецова [2] кажутся безжизненными образáми, хотя по-своему представляют совершенство. Эта милая девочка представлена за обеденным столом. Идея портрета зародилась так: Верушка оставалась после обеда за столом, все ушли и собеседником ее был лишь до крайности молчаливый Серов. Он после долгого созерцания попросил у нее дать ему десять сеансов, но их оказалось мало, и он проработал целый месяц. Вышла чудная вещь, которая в Париже сделала бы его имя если не громким, то известным, но у нас пока подобное явление немыслимо, примут за помешанного и уберут с выставки, настолько это ново и оригинально. Подобная история была до последнего времени с Васнецовым,— что он ни выставит, то, за исключением небольшого кружка друзей, принимается как ненормальное явление полусумасшедшего (хотя и талантливого) человека.

Посмотревши бегло все достойное внимания в доме, отправились в парк — тут первое, что останавливает внимание, это баня в стиле XVII века — архитектура профессора Ропета; далее, углубляясь в глубь парка, темной вековой сосновой аллеей, вы выходите на небольшую поляну, посреди которой стоит чудо-церковка. Она не более Никольской часовни. Архитектура ее XII века, по типу она целиком напоминает древние церкви Ростова и Пскова. Каждая деталь, начиная от купола до звонниц и окон, высокохудожественна.

Из нескольких проектов (Репина, Поленова, Ропета, Васнецова и др.) принят был Васнецова, лишь детали — одно окно и пристройка в духе XVII века — принадлежат Поленову [3].

Между знакомыми Мамонтовых ходит анекдот, что сама Мамонтова потихоньку трет стены травой, чтобы они походили на заплесневелые и тем бы придать им более старины. Купол позолоченный, но почерневший, как на старинных церквах. Но это внешний вид. Зайдем вовнутрь. Тут целиком новгородский и псковский характер, подобное можно видеть и по сие время, но чего нельзя встретить — это нескольких образов-картин, которые вделаны в иконостас. Я упомяну лишь про главные. Направо — местный образ «Нерукотворный Спас» — писал и недавно переписывал Репин. На меня сделал этот образ впечатление современного идеалиста-страдальца с томительным ожиданием или вопросом в лице. Человек этот прекрасный, умный, благородный и пр., но... не Христос! Рядом с ним, только несколько левее, царские двери, и на них «Благовещение» раб[оты] Поленова, первая вещь, написанная по возвращении его из Палестины. Обстановка и костюмы веют Востоком, все изящно и благородно, но чего нет... нет того, что есть в рядом находящемся творении Васнецова «Благодатное небо» или «Дева Мария с предвечным младенцем». Эта вещь может объяснить Рафаэля.

Фоном служит безвоздушное пространство, бесконечное небо, и по нему-то летит чудное, божественное, идеально непорочное создание; в руках благодатной Марии божественный младенец с протянутыми руками, с выражением бесконечного желания быть среди людей, учить их и страдать за них.

Зритель видит, что еще немного — и видение исчезнет, оно осязательно удаляется от земли и приближается к небу, к раю, к Богу. На него хочется смотреть, и боишься потерять его из виду [4].

Теперь упомяну лишь о «Сергии» того же Васнецова. Тут как нигде чувствуешь наш родной север. Препод[обный] Сергий стоит с хартией в одной руке и благословляет другой, в фоне — древняя церковка и за ней дремучий бор, на небе — явленная икона «Св. Троица» [5]. Тут детская непорочная наивность граничит с совершенным искусством. Из православного храма отправились мы в «Капище» или нечто подобное избушке на курьих ножках [6]. Против нас — оригинальный киевский идол. Тут русский дух, тут Русью пахнет, все мрачно, седые ели наклонили свои ветви, как бы с почтением вслушиваясь в отрывистый жалобный визг сов, которые сидят и летают тут десятками. Это чудное создание, не имеющее себе равных по эпической фантазии... Далее идет мастерская С. И. Мамонтова — архитектура знаменитого

Гартмана. Вот главное, что поражает на первый раз, мне кажется, всякого, кто попадает в Абрамцево. Я был там до вечера другого дня и поеду еще, вероятно, в первых числах августа. 22-го же еду в Царицыно, а оттуда к Поленову до 25-го. Работа моя двигается хотя медленно, но довольно сносно. Задумал еще небольшую картину «Пустынник», которая и задержит меня, верно, здесь числа до 20 августа.

12. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Сергиев посад. 21 августа 1888 г.

Только что вернулся сегодня из путешествия, был у Поленова, провел там три дня [1], очень весело, написал два недурных этюда, один с сестры Поленова, а другой — вид на дом со стороны речки. Оба этюда подарил им же. Вчера был «чудесный лов рыбы», поймали два налима, и один тут же был написан Поленовым, а другой прямо попал в уху. Третьего дня катались на лодке верст за пять. Обратно шли бечевой, и Поленов тянул лодку версты две с лишком. Вообще, та простота, которая так приятно поражает у них в московском доме, тут чувствуется еще больше, единственно, что не по мне, это то, что все встают не раньше 10 часов, но это объясняют они наследственной привычкой больших бар [2].

Из художников там гостил К. Коровин (декоратор), но роль его, кажется, ограничивается шутовством (хотя благородным). [...]

13. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Москва. 3 сентября 1888 г.

[...] Перед отъездом из Посада я был у Мамонтовых, было интересно, может быть, оттого, что это был последний день перед отъездом Репиных и детей в ученье, не знаю, но было весело. Вечером был детский спектакль, и спать разошлись поздно. На другой день провожали Репиных в Питер, а потом уехал и я, с тем чтобы вернуться в Абрамцево если не осенью, то зимой, где они живут половину недели. Картину начну числа около 7—10-го. Этюды сделаны к двум, а именно: к «Приворотному зелью» и «Пустыннику», что выйдет — ведает Аллах.

Иванов [1] всходил на Мал[ый] Арарат, на большом не был, у него болезнь сердца, да и интерес на Большом только научный и отнюдь не художеств[енный], холод и вьюга. Рисунки Иванова все запроданы в парижские и американские журналы по 75 р., пока же он без гроша, но не унывает, последнее письмо было из Эривани, где он пишет, что «пьет лучшее вино и просит денег у родителя». Когда будет в Москве — неизвестно.

Сегодня вечером будет у меня Ступин с редактором и грав[ером] Яновым. Работа у него есть, да недавно и Томашко заезжал с тем, чтобы уведомить меня о работах [2]. Все хорошо, кроме моего настроения, которое никуда не годно.

14. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Москва. 7 сентября 1888 г.

На днях я получил твое письмо, дорогая Саша, и лишь сейчас только принудил себя написать слова два-три. Завтра принимаюсь за картину [1], только что принесли подрамок, и, как всегда, с этим связано много приятных впечатлений, так случилось и на сей раз. Надежды, одна другой заманчивее и привлекательней, сменяют друг друга. Фантазия при виде чистого холста работает усиленно. Но я не новичок в подобных положениях и всеми силами, какие есть в наличности, стараешься дать воображению границы, иначе выйдет то, что чем выше залезешь, тем сильнее при падении почувствуешь боль. Горький опыт тому свидетель. На днях порешили с Ступи-

ным о Лермонтове [2]. Текст у меня, и теперь дело за мной и моим прилежанием. Вчера у меня собрался кружок художников, и, что редко бывает, протолковал до 4-го часа ночи. Десятов (профессор в школе) умер, и на его место назначен товарищ С. Коровин. [...]

15. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 14 сентября 1888 г.*

[...] Вот уже 4-й день, как я начал картину. Все лучшие силы мои теперь направлены на нее. Героиня моей оперы-картины отличается глубоко симпатичной наружностью, лицо ее носит, несмотря на молодые годы, отпечаток страданий. Она рыжая (в народе есть поверие, что если рыжая полюбит раз, то уж не разлюбит). Ее, кроме меня, никто не видал, но я сердечно сочувствую ей, и слезы участия готовы показаться на глазах при виде ее. Но это вижу я... художник, с поднятым до максимума воображением, или холодная, жаждущая крови публика, тут есть разница. Но, кроме шуток, мне мою героиню жаль от души. И если пойдет далее дело так же, как при начале, и я доживу до выставки, то, может быть, на мою долю выпадут некоторые аплодисменты, а впрочем [...]

16. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 29 сентября 1888 г.*

Напишу немного, в виде протокола. Все эти дни не работал. Был занят у Томашки [1], только вчера освободился, хорошо, что хотя теперь могу целый месяц работать картину... Чем более смотрю на свое детище, тем больше вижу в нем крючков и закорючек, и теперь далеки те восторги, которые можно было слышать при начале. Работы еще много. Вчера заказал раму, дубовую...

Как-то был у Сурикова, просидел с 6 в[ечера] до $2^1/_2$ ч. ночи. Много говорили и читали Иоанна Златоуста, Василия Великого и т. п. Интересный он человек.

Недавно вышел в «Севере» мой рисунок, конечно, изуродован, тем не менее он Сурикову очень нравится, название – «Созерцатель» [2].

17. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 6 октября 1888 г.*

Сейчас получил твое письмо, дорогая Саша, и как человек, желающий быть исправным, отвечаю немедленно.

Сегодня кончил свою картину, если предположить, что в недалеком будущем, может быть, перепишу ее от угла до угла.

Она мне очень не нравится (сегодня). Чтобы в один из таких для нее нелестных моментов не покуситься на ее существование, думаю в субботу отправиться к Поленову в деревню и пробыть там несколько дней. Вообще я с этой картиной страшно устал, злой и нервный стал до крайности.

В следующий четверг будет готова рама... дубовая в 5 вершков ширины, очень простая и лишь у самой картины ободок в $^1/_2$ вершка из старой бронзы. В общем рама совершенно в стиле картины и крайне благородная.

Два раза был в театре. Видел «Евгения Онегина» и «Юдифь». Как то, так и другое еще в первый раз. «Евгений Онегин», как вещь более подходящая к моему пониманию, понравилась мне более. Хотя и в «Юдифи» есть места, которые меня сильно возбуждали своим патриотическим восторгом, но повторяю, все же «Юдифь» не по моему разуму. [...]

18. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 17 октября 1888 г.*

На днях получил ваше письмо и только сейчас нашел возможным написать ответ. Сегодня у меня сильный подъем нерв по причинам совершенно понятным. Моя картина сегодня была открыта для желающих видеть ее, как вещь, официально конченную, и перебывало у меня человек около десяти. Была, между прочим, Варвара Ивановна, при ней приехал Поленов, а за Поленовым Ступин со своим редактором и кое-кто из товарищей. Общее мнение благоприятное. Поленову вещь, по-видимому, тоже нравится, но он заметил много такого, что необходимо нужно исправить и кое-что изменить. Я во многом с ним согласен и переделаю, конечно, не сейчас, а так через месяц, а то теперь картина эта мне надоела до боли. Пока начну «Пустынника», а когда он надоест, то примусь вновь за «Зелье приворот[ное]».

В среду Поленов пригласил на какой-то торжественный обед. Пойду. На прошлой неделе я с тов[арищем] Левитаном ездили в имение Поленова и при довольно оригинальной обстановке. Мы не попали на поезд и решили 26—27 верст сделать на пролетке. Извозчик попался хороший и недорого, и мы благополучно добрались до Жуковки, где и пробыли три дня.

19. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 29 октября 1888 г.*

[...] Вы меня поздравляете с успехом, меня с ним поздравляют многие, но я с таковым поздравить себя не могу... Картина моя («Приворотное зелье») не будет на Передвижной, это почти дело решенное, я давно сказал, что выставлю вещь лишь тогда, когда буду ясно видеть, что она будет из первых. «Приворотное зелье» будет замечено, но... это все не то... Конечно, надо много хладнокровия и воли, чтобы не поддаться искушению, но бог даст, удержусь... У меня как-то была вся семья Поленова, и им картина тоже понравилась. Затем был некий большой барин Всеволожский (познакомился с ним у Поленовых). Теперь же картина снята с мольберта и никому не показывается. Завтра начну писать «Пустынника», опять восторг, опять разочарование и отчаяние, но такова участь большинства художников, живущих чувством в ущерб разуму.

У Поленова я бываю по четвергам и там же обыкновенно обедаю. Завтра звали обедать и на вечер к Мамонтовым.

Много работаю Ступину и сильно-таки устал [1], нужно бы отдохнуть, но не сумеешь. Много надежд на Уфу, что-то будет?..

20. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Уфа. 21 декабря 1888 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, поздравляю Вас с наступающим праздником и Новым годом, искренне желаю Вам всего лучшего.

Вот уже прошла неделя, как я в Уфе, которая, несмотря на все усилия цивилизации, все та же немудрая, занесенная снегом, полуазиатская, как и тогда, когда мне было 12 лет. По ней нетрудно представить себе сибирские города и городки. Начиная с обывателей, закутанных с ног до головы, ездящих гуськом на кошевках, и кончая сильными сорокаградусными морозами, яркими звездами, которые в морозные ночи будто играют на небе; им словно тоже холодно, и они прячутся...

В последние морозы не обошлось без человеческих жертв, но здесь это, по-видимому, не очень редкое явление; небольшой пожар заставляет о себе более толковать, чем первый случай.

Я работаю довольно усердно. «Пустынника» думаю скоро кончить. Затем сделал

несколько иллюстраций, остальное же время посвящаю заботе о своем здоровье. Но пока, кроме полноты внешней, я улучшений не вижу, нервы плохи.

В Москву вернусь числа 12—15-го. Теперь у Вас в Москве горячее время, и я лишь по газетам могу следить обо всем, что делается в ней, и то на четвертые сутки.

21. И. С. ОСТРОУХОВУ *Уфа. 21 декабря 1888 г.*

Многоуважаемый Илья Семенович, начинаю свое письмо официальными строками, желая Вам приятно провести праздники, а в предстоящем новом году завоевать больше славы и... ну, и денег.

Простите за прозаичность последнего пожелания, оно невольно, но искренне: ведь с этим сопряжена возможность попасть с *Вами* за границу, что для меня немаловажно.

Что Ваши картины? Довольны ли Вы ими? И что вообще в Москве интересного, кроме морозов и благополучного исхода конкурса. От души рад за Левитана и поздравляю его [1]. Что и как на выставке, как мое детище себя чувствует? [2] Где его поставили и каков глас народа? Желал бы хоть на час перенестись в Москву, добровольно отрешаясь от всех благ, которыми окружен здесь. Здесь, правда, недурно.

Мастерская у меня очень удобная, в три окна, и больших. Словом, в подобной мастерской я работаю впервые. Досуги свои посвящаю еде, питью и сну: недурно? Впрочем, много катаюсь, у отца недурные лошади, и им от меня приходится плохо. Я не живу здесь и трех недель, а совершенно стал сибиряком. Холода на меня не действуют, и мне жаль бы было расстаться с зимой, однако все же числа 10—12-го думаю отсюда уехать. «Пустынник» приходит к концу. Кроме него я делал иллюстрации к истории Петра В[еликого] и некоторые другие [3].

Еще раз выражаю Вам свою надежду получить от Вас кое-что о выставках, и о делах Ваших, и общих наших товарищах. [...]

1889

22. И. С. ОСТРОУХОВУ *Уфа. 5 января 1889 г.*

Еще раз прибегаю к Вам, многоуважаемый Илья Семенович, с просьбой, не зная наверно, что исполните ли Вы ее и не оторвет ли она Вас от Ваших дел. Хотя я и не получил ни полслова на свое письмо от Вас, но, приписав это Вашему недосугу и праздникам, я примирился с этим уже давно; тем более Вы не первый отвечаете на мои слезные просьбы что-либо написать о выставках красноречивым молчанием. Лишь одна какая-то добрая душа прислала мне № «Русск[их] ведомостей» [1].

На этот же раз я почему-то думаю, что Вы не откажете в моей просьбе. Дело в том, что я не знаю, когда нужно представлять вещи на Передвижную выставку, когда, какого числа назначен прием вещей экспонентов. Узнайте, пожалуйста, поточнее и ответьте сейчас же. Из Уфы я выезжаю 15-го, буду в Москве 18-го.

При Вашей аккуратности ответ может прийти ко мне задолго до отъезда моего из Уфы.

Картина моя почти закончена, в раме (в Москве) трону кое-что, а там видно будет...

23. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 28 марта 1889 г.*

[...] На твою несносную ругань я отвечаю *глубоким презрением.* Сам сатана не уверит меня в том, что фигура «Тоски-кручины» [1] плоска. Это лепка *будущего.* Так-то!

Что же относительно грубости, так она тут уместна; ведь не маркизу я пишу, а простую русскую девку, и пишу ее так, как требует от меня мое внутреннее представление о сем предмете. Деликатность и галантность живописи смело оставляю в достояние Бакаловича и К°. Видишь, и я могу благородно ругаться. [...]

24. А. А. ТУРЫГИНУ [*Уфа. Начало апреля 1889 г.*]

Еще вчера я узнал из «Нов[ого] врем[ени]» о своей горькой участи. Вчера же получил и ваши два письма, где видел еще некоторую надежду, но сегодня все это рушилось. Что же, не всем клады в руки даются легко, а нам с Ванечкой пора бы к этому привыкнуть. Тем не менее вещь Рыбакова — скверная вещь [1], я ее знаю, она в Москве провалилась. Это нечто вроде лубка или Лукутинской табакерки [2], но, вероятно, и тут есть какая-нибудь мудрая причина. Постараюсь быть благоразумнее, впредь не подвергать свое драгоценное здоровье столь дешевым искусам. С минуты получения твоего письма я успокоился.

Ты напиши мою фамилию под картиной и оставь ее в Обществе.

Акции мои понизились.

Хорошо, если бы тебе удалось услышать мнение художников о картине и конкурсе. Напиши мне.

Грубых ошибок в контуре я не вижу, я недоволен тоном и только, если не считать еще неудавшегося *выражения лица* девицы. Радищевский музей есть хорошая богадельня для калек и убогих [3]. [...]

25. РОДНЫМ *Москва. 12 мая 1889 г.*

Наконец-то дело выяснилось. Я еду сегодня в 6 часов (теперь 9 утра) на Варшаву — Вену (три дня остановки), Венецию (то же), Флоренцию (пять дней) и затем — Рим, где в окрестностях и поселюсь. Дело в том, что по приезде моем в Москву мне начали все говорить, что в те месяцы, когда думаю я быть в Италии, там начнутся 40 градусов жары и местная лихорадка, что о работе и думать тогда нечего и т. д. Словом, стали советовать переждать месяца два у Троицы, а затем и ехать (потому что после Парижа и в прохладе-то будет жарко). Повесил я голову, то так решу, то по-другому. Пошел к Сурикову, тот говорит, что наплевать на жары, поезжайте. «Уж если Вы год не выставите и только потратите деньги и время на обозрение, и то вы окупите поездку», и т. д. Пошел к своему доктору, тот тоже сказал, как беречься, чего не делать и чтоб ехать. Все не резон. Получаю от Вас заказное письмо, там письмо от Головина. Он пишет, что денег у него не хватило (кто-то не выслал за портрет) и он на днях уезжает в Россию. Вот тебе и раз! Что делать? опять к Поленову. На дороге приходит мысль ехать сначала в Италию. Прихожу, там как будто угадали. «Да вы бы,— говорит,— прямо сначала в Италию. Там теперь много русских (все товарищи), там поработали спокойно, осмотрели бы все, да и в Париж». Расписал, как размазал. И тут же было решено и подписано.

Итак, я в Париж попаду тогда, когда он будет во всей красе, и наверно уже с кем-нибудь из художников...

Пишите мне так, как всем пишут: Италия, Рим, до востребования (Poste restante), художнику М. В. Н. Из Рима, а может быть, и Венеции, я напишу, а где засяду, то сообщу адрес.

Все надавали мне разных указаний. Третьяков, Поленовы, Суриков, словом, все. Деньги, по совету всех, беру сторублевыми в особенном мешочке (сшила Поленова), под фуфайкой (в Италии без фуфайки в жары нельзя). Еду в третьем классе до границы, а там еще не знаю, говорят, выгоднее во втором.

Получил деньги со «Всемирной иллюстрации». Мельников подарил свои сочинения [1]. На вокзале в Нижнем встретились, «Пустынника» и выставку [2] грузили в Астрахань и Саратов. Духом бодр и весел. [...]

26. РОДНЫМ

Варшава. 14/26 мая 1889 г.

В 2 часа поезд пришел в Варшаву, и так как на Вену уходит поезд только в 6 часов утра, то мне пришлось остановиться переночевать в гостинице, против Венского вокзала, который находится в совершенно противоположной стороне от Брестского.

По дороге, верст за 700, местность сильно изменилась, пошли пирамидальные тополя, мазанки, костелы и т. д. Словом, Литва, Польша, русская речь смолкла. [...]

Итак, я в Варшаве, извозчики здесь все в шорах (и одиночки, и пары), нечего делать, сел я, поехал, на улицах движение такое, как на Невском, через Вислу прекрасный мост, затем дворец, теперь губернатор[ский], лучшая улица — Краковское предместье, затем несколько других улиц — Маршалковская, Новый Свет, Иерусалимская — построены по европейскому образцу, всюду бульвары, тысячи бегут и едут, и смело можно Варшаву назвать преддверьем Запада. Если бы не памятники да соборы, так далеко бы Питеру до Варшавы. Варшава живет, Петербург же служит. Москва не может быть сравниваема, она не принадлежит к западным городам и ее величие и красота не в мишуре, а в самобытной характерности.

Итак, Варшава мне очень понравилась. Боже! какими несчастными показались бы казанцы с своими газовыми рожками и Черными озерами...

Занявши номер в 5-м этаже, умывшись, я пошел пройтись, осмотреть, пообедал. Чего стоило мне объяснить «пани», что я голоден и чтоб меня покормили, но это еще цветочки, завтра начнутся ягодки.

В 6 часов поезд идет на Вену, в 2 часа буду на границе, а пока продолжаю свое странствование по Варшаве. После обеда тихим шагом добрался до Саксонского сада. Тут гулянье, музыка, тысячи взрослых и детей толпятся здесь. Послушал музыку, поболтался, пошел в кафе, выпил (в последний раз) чайку, пошел дальше, запас провианту, колбасы, хлеба и направился до дому, зажгли газ, электричество и т. д.

Теперь нужно покрепче уснуть: до Вены спать едва ли удастся.

В Москве меня провожали по-разному: Суриков провожал с восторгом, чуть не со слезами, Поленовы холодно-внимательно. В Париже с ними, вероятно, встретимся. Суриков же едет в Красноярск.

Теперь Вам буду писать из Италии. В Вене думаю остановиться дня на два, в Венеции дня на три, во Флоренции дней на 5—6, а затем в Рим, где много наших. [...]

27. РОДНЫМ

Вена. 16/28 мая 1889 г.

От самой Варшавы до границы природа и люди постепенно теряли свой родной вид. За станцию до Грáницы начали появляться австрийские солдаты. Затем в Грáнице нас заперли в вагоне (вагоны неудобные и запираются с боков), и жандармский офицер отобрал наши паспорта и спустя немного их нам возвратил. Офицер с олимпийским видом осмотрел нас, все оказалось в порядке, и мы были переданы австрийским кондукторам (здоровые ребята в голубых пиджаках).

Мы поехали, но тут вышло нечто довольно забавное; у нас в купе из-под лавки вылезает парень и объявил по-польски, что он просил офицера, чтобы его пропустили

без паспорта (у него жена при смерти), но офицер его не пустил, денег же у парня не было, тогда он залезает под лавку в вагоне и так проезжает границу. Решимость немалая, если принять во внимание, что за это не хвалят, а сильно наказывают.

Я познакомился почти от Варшавы с одним техником-поляком, который жил долго в Вене, учился там и теперь едет в Швейцарию лечиться. Разговорились, он интересуется искусством, довольно хорошо говорит по-русски, он помог мне сильно.

На австрийской границе осмотрели наш багаж, и мы поехали. Вечером мой пан меня покинул (ему нужно в сторону), и я остался один с моими книжками. Напротив сидела пара добродушных богемцев, которые еще раньше нас угощали шнапсом, мы выпивали, и я галантно поблагодарил мадам богемку апельсином. Но и они скоро слезли, распростившись со мной как нельзя лучше. Да вообще я немало доставляю интересу всем, стоит им лишь узнать, что я «руссише малер», как они становятся все очень милы и любезны. [...]

С Грáницы начинают тянуться по левую руку Карпаты, и вся земля там обработана, как у нас и сады не обрабатываются, все окопано, прочищено, словом — любо смотреть. Все, что казалось на картинах так сентиментально и подчищено, на самом деле еще более чисто и гладко. На станциях начинает попадаться австрийское воинство, бравые ребята. Хотя на границе везде и у русских выставлены великаны — «на страх врагам».

В 6 часов мы приехали в Вену. Город просыпается в 5 часов. Я остановился в гостинице «Метрополь» на четвертом этаже в № 310. Затем после «отчаянного» разговора мне дали переводчика за $3^1/_2$ руб. в день, и я пустился в странствование. В это время (7 ч. утра) император возвращался с войсками с парада, его я не видал, а видел его хвост и войска.

Затем мы попали в «Бельведер», императорский дворец, где сосредоточено все лучшее, что есть по части искусства в Австрии [1]. Правда, есть дивные вещи, описывать их не стану, не поймете. Из современных заслуживает великого уважения Ян Матейко.

Затем, закусив, мы отправились в замок Лихтенштейн. Это здешний магнат, который имеет дивную галерею старинных мастеров. Затем попали на выставку «Отверженных» (этих господ не приняли на «Передвижную», да и не за что).

По дороге видим здания парламента, ратуши, университета, собора Вотив, Национального музея, часовню на мосту, Ринг-театр, оперный театр, драматический [2]. В общем же Вена отличается необыкновенным порядком, а здания в десять раз лучше, чем в Питере. Какие парки, памятники: Марии Терезии, Бетховену, Шиллеру (против Академии художеств, в которой тоже были).

Были в соборе св. Стефана. Это необыкновенное сооружение, в готическом стиле, стоит много веков [3], снаружи оно так же великолепно, как и внутри.

К 6 часам вечера оставалось купить одни только брюки.

Повели меня в магазин, от одного вида которого сделаешься сразу глуп, что и сталось со мной, так как, право, умный никогда таких штанов себе не купит, какие купил я. Представь себе меня в светло-серых брючках, стриженого и в шляпе, поля которой опустились грустно вниз.

Вырядившись в сей приятный костюм, цена которому 6 руб. сер[ебром], я отправился на гулянье, где сосредоточен весь цвет венской знати. Тысячи гуляющих и катающихся во всевозможных экипажах, тут и русские князья в пренеприличнейших костюмах, тут и дамы и девицы всех сортов. Словом, если принять, что тут играет до шестидесяти военных оркестров, то станет ясно, что и в аду разве немного веселее, чем здесь. [...]

Да! относительно мод. В Варшаве одеваются ярко, но без вкуса, хотя эксцентрично. Польки эффектны, но несимпатичны. В Вене удивительно красивые женщины (все похожи на картины Макарта), одеваются богато, эффектно и подчас с великим вкусом. Вот описание одной шляпы: с громадными полями, низкое дно, черная и сбоку кругом гирлянда из бледно-розовых крупных цветов, без зелени, одной величины. Чрезвычайно красиво. [...]

28. РОДНЫМ *Венеция. 19/31 мая 1889 г.*

Целых пять минут поезд несся по туннелю. Жутко, трудно дышать. Но вот блеснул свет, и мы очутились в Италии. Все сразу переменилось, и горы, и селения — все другое. До туннеля было все сурово, густые облака стелились по вершинам гор, тут же все ясно и приветливо. Начинают попадаться итальянки — красавицы почти поголовно, даже и в безобразии своем интересные.

Почти на границе, когда я потерял уже надежду встретить русских, я свел дружбу с ксендзом, который с помощью моей переводной книги завел со мной целый разговор, не смущаясь тем, что ответы получал через час по столовой ложке. Расстались с ним так дружно, что можно со стороны было подумать, что я согласился принять католичество, чего, конечно, на самом деле не было. Подружился я и еще кое с кем, кто предлагал идти с ним обедать или еще что-либо. Словом, народ милый и душевный.

Но вот нужно пересаживаться перед границей. Ко мне подходит господин из соседнего купе и заговаривает по-немецки. Я, не смущаясь, лезу в карман за «спасителем» и хочу уже произнести монолог, как у меня срывается с языка: «Черт знает что!» — и мой собеседник сразу ожил, он оказался русским помещиком из Харькова [1], едет в Милан с дочкой к другой дочке, которая сейчас поет в Милане, и они спешат сегодня попасть экспромтом на ее дебют. Познакомились живо, радость была обоюдная. Дочка давно замечала меня и поспорила с папашей, что я непременно русский художник, и... выиграла.

Мы сговорились остановиться в одной гостинице. В $11^1/_2$ часов мы переехали через знаменитый мост, который тянется по Адриатическому морю, и очутились в Венеции. Вещи наши вынесли, уложили в гондолу, и мы каналами поехали в другой конец города, где помещается избранный нами отель «Кавалетто».

Наш гондольер не был молодой гондольер, он не был весел и не пел, тем не менее мы чувствовали себя прекрасно. Была тихая южная ночь, и звезды, и месяц, и тихие улицы, еле освещенные фонарями, бесчисленные мосты — все это было ново и поэтично. Чувствуешь себя, как в опере. Впечатление это еще более усиливается, когда в тишине где-то послышалась серенада. На мосту покажутся тени, затем снова звуки, приятный тенор кому-то не дает крепко уснуть. Хорошо...

Наконец «Кавалетто». Нас встретили, проводили по комнатам, я поместился с папашей своей дочки, а дочка поместилась номера через три.

Утром, напившись кофе, пошли на пьяцца (площадь) Сан-Марко, которая почти рядом. Солнце так ярко, что трудно смотреть. Сан-Марко, весь белый, горит на солнце, направо знаменитая башня, на которую Наполеон въехал на лошади. За ней сейчас же Палаццо дожей. Белый мрамор смешан с розовым, это лучшее, что пока я видел по красоте и оригинальности [2]. Затем, запасшись проводником, мы пошли по набережной Двора преступников к памятнику Виктору Эммануилу. Это тоже в своем роде шедевр (хотя и современный). Сколько силы и страсти...[3] затем по разным мостикам добрались до костела Фрари [4]. Здесь похоронены Тициан и Канова, обоим поставлены чудные памятники.

Много лежит тут дожей, епископов и разного звания и чина людей...

Наконец 10 часов, с этого часа пускают в Палаццо дожей, в тюрьму для преступников и т. д. Тюрьма — это нечто ужасное. Камеры для одиночного заключения без окон. Особенно ужасна тюрьма, где был заключен Марино Фальери, место, где была гильотина, три отверстия, через которые текла кровь казненных в канал, где стоял народ и смотрел на это.

В Палаццо чудные фрески Тинторетто и Веронезе. Затем пошли внутрь Сан-Марко. Было Вознесенье, служил архиепископ и четыре кардинала, была масса молящихся. Был концерт, и как пели!!.

Затем, отпустивши своего проводильщика, мы пошли позавтракать (цены дерут за все страшные). Потом, расставшись с Дедловыми, которые уехали в Милан, я пошел бродить снова по городу, заходил в С[ан]-Марко, где подробно рассматривал мозаики. Затем усталый вернулся домой и уснул часа в 3. Вставши часов в 9, я пошел

на пьяццу, где были тысячи гуляющих, сидели на площади и пили, и ели, играл оркестр.

И действительно, нечто очаровательное во всем этом, все веселы и счастливы. Сколько красавиц, да и каких, только рукой махнешь... Где ни послушаешь — всюду музыка. Вот и сейчас, сижу пишу, а внизу кафе, масса народа, играет музыка, кричат гондольеры, плеск воды, очарование. [...]

29. РОДНЫМ *Флоренция. 21 мая / 2 июня 1889 г.*

Сегодня с утра во Флоренции необыкновенное движение. Гарибальдийцы устраивают громадную манифестацию в память годовщины объявления конституции. Тысячная процессия с музыкой, знаменами и значками ходит по улицам, и десятки тысяч следуют за нею. Всюду расклеены громадные афиши с громкими и яркими воззваниями, на одной написано «Конституция», на другой — «Революция» и т. д., и т. д. Все улицы убраны национальными флагами. Движение необычайное.

Бедная и милая Москва, невольно приходится согласиться, что она, хотя и большая, но все же деревня.

Перехожу к краткому описанию Флоренции, куда я приехал сегодня утром. [...]

Итак, я во Флоренции остановился в гостинице Porta Rossa, недалеко от центра. Флоренция хотя и носит характер итальянских городов, но не так типична, как Венеция, где нет ни одной лошади, ни одного экипажа, не слышно шума колес, всюду вода и куда ни посмотришь — всюду гондолы и музыка.

Во Флоренции зато гораздо чище, и в ней нет той ужасной вони, от которой не продохнешь в Венеции. Я отправился к консулу, чтобы узнать чей-нибудь адрес из русских художников. После продолжительного и нелепого объяснения меня консул принял. Оказалось, что день был не приемный, и он с предварительным выговором сказал мне один адрес некоего Соколова, который завтра познакомит меня еще с двумя-тремя художниками, и тогда начнем осматривать редкости, которых здесь очень много.

Проживу здесь с неделю, а потом в Рим, куда и пишите мне «до востребования». Здесь всюду кипарисы, цветут розы и много тропических растений, много здесь и красавиц, да каких! И что странно, это то, что на улице редко можно встретить стариков и старух, они как будто прячутся, чтобы не мешать молодости быть молодой. Костюмы здесь очень изящные и простые. В ходу пурпуровый цвет. Итальянки в большинстве брюнетки, и некоторые с ног до головы одеты в красное, очень красиво, как демоны огненные, только глаза да волосы черные. Мужчины, как военные, так и штатские, тоже красивые. [...]

30. РОДНЫМ *Флоренция. 23 мая/4 июня 1889 г.*

Сегодня и не думал писать вам, но пишу потому, что спать не хочется, да и шататься по улицам надоело. Сегодня мои именины, чем ознаменовал я их? Да ничем. Утром пошел с Бруни (русский художник, внук известного художника). Да! этот Бруни приютил меня у себя в мастерской, которую он нанимает здесь... это и ничего не стоит, да и есть с кем поговорить, он прекрасный малый... Итак, мы с ним утром пошли в Уффици — галерею картин и античных статуй... Не стану описывать того, что видел там, это мало того что нужно видеть самому, но главное, нужно чувствовать и понимать смысл той прелести, которую и столетия не могут уничтожить.

Недолго побыли там, сила впечатления и новизна настолько утомила нас, что мы еле добрались до траттории (род ресторана). Там закусили кое-чего, выпили вина, которое здесь пьют так же, как у нас квас. Затем посмотрели кое-что еще и пошли домой, где и заснули сладким сном.

Бруни был позван на обед к одним русским богачам, которые живут здесь, а я остался писать из окна вид. В мастерской окно сажени три. Картину можно писать аршин в десять... В окно видны горы, по ним стелются облака, наверху виден католический монастырь, ниже раскинулись то там, то здесь постройки, всюду кипарисы, каштаны, лимоны, а внизу бежит Арно, ближе к нам железная дорога, и потом снова кипарисы, сады, а в них розы, белые лилии... и все в этом роде. Липа отцветает... В воздухе что-то нежное, ласкающее. Словом, хорошо.... И вот начал писать, что выйдет — не знаю...

Скоро вернулся Бруни и объявил, что меня зовут обедать, но я уперся лбом в стену и не пошел, чем бедного Бруни, вероятно, поставил в неловкое положение, а себе создал скучный вечер...

Завтра и послезавтра позваны оба к русским обедать за город в виллу, которая сильно смахивает на рай... Сегодня Бруни заходил к консулу, который справлялся о моем здоровье и сообщил, что я его страшно напугал. Я, по неведению своему, забрался к нему в воскресенье, когда он никого не принимает и исключение только делает в важнейших случаях... о чем у него и вывешено объявление на итальянском языке, которого я не разумею, да и прислуга тоже итальянская и слова не знает по-нашему. Но так или иначе, консул сегодня был мил, и все обстоит благополучно.

Первое впечатление от Флоренции, которое я описывал, есть случайное, тогда был большой народный праздник, теперь же все они угомонились, и не видать на улице того, что было в первый день... Здесь так хорошо, что уезжать не хочется, проживу еще дней шесть-семь, а потом в Рим, куда и пишите письма (до востребования), только не посылайте заказным, а простым, потому что оно все равно дойдет, а с заказным хлопот много у консула, да платить что-то, словом, не стоит...

Сейчас уже темно, кое-где слышна серенада... какие здесь голоса! точно в итальянской опере сидишь. И как все просто, сидишь в кафе, а напротив где-нибудь в лавочке сидит себе да распевает какой-нибудь будущий Мазини... да как напевает, век бы слушал, а малышки как поют!

Подошел к окну. Внизу у нас чудный сад, воздух пропитан ароматом роз... и тысячи светляков мерцают во тьме, опять где-то звуки... вот смолкли... Чудно хорошо!

31. РОДНЫМ *Флоренция. 26 мая/7 июня 1889 г.*

Завтра вечером или послезавтра утром я еду в Рим, где остановлюсь у наших пенсионеров. Письма же прошу писать до востребования и непременно простой, а не заказной корреспонденцией.

Во Флоренции время провел как нельзя лучше. Познакомился здесь с русскими, которые оказались славными людьми. Сегодня приехал еще один — некто Алексеев, и мы большой компанией завтракали на Пьацца Синьория. Один из русских — Степанов — уезжает с семьей в Россию, и он угощал шампанским... Собралось человек восемь. Между прочим, был один старый эмигрант, который живет в Италии лет тридцать. Помнит А. А. Иванова, жил с ним вместе, знавал Герцена, Гоголя и других. Фамилия его Радзевич. Человек интересный, но жалкий. Страстно желающий увидеть Россию и не имеющий на это возможности.

Во Флоренции я многое видел, но если бы узнать и изучить все, то на это понадобился бы год, а не неделя. Галереи Питти и Уффици полны необыкновенных художественных богатств. Прерафаэлисты [1] тут лучшие в мире. Алессандро Боттичелли, фра Беато Анжелико, Филиппо Липпи и другие полны высокой поэзии. Вот откуда берут свое начало Пювис де Шаванны и Васнецовы. Но понимание этого мира требует известной подготовки, и сила их — есть сила внутренняя... Внешний же вид настолько первобытен и прост, что разве и поражает чем — это необыкновенной наивностью.

Завтра последний раз пойду в эти галереи, с тем чтобы надолго оставить их в своем представлении.

В Рим мы едем вдвоем с Алексеевым, Бруни же приедет туда недели через две и тогда уже вместе двинемся на юг, в Сорренто и, вероятно, на остров Капри, где останемся работать.

Я пока здоров, загорел, много спорю и ругаюсь, по-итальянски говорю слово «грация» — значит «благодарю»... Словом — жить можно, особенно когда забудешь, что на свете есть зло и несчастье [...]

32. РОДНЫМ

Рим. 29 мая / 10 июня 1889 г.

Вот я и в Риме, после семичасовой езды по живописной и разнообразной дороге в 2 часа дня вдали показался купол св. Петра, он возвышался торжественно над древним Римом. На вокзале меня встретили наши [1] и в час меня устроили как нельзя лучше. Я нанимаю чистую, хотя и небольшую комнату в одно окно, выходящее на Via Sentina (улица), д. № 123[2]. Плачу за комнату 20 франков (около 7 руб. в месяц). В этом доме живет несколько наших, которые имеют тут и студии, и это особенно приятно потому, что всегда окружен своими. В 12 ч. собираемся завтракать напротив в траттории (род трактира), где за 1 фр. имеем завтрак с вином и за 2 фр. обед с вином и фруктами, на дворе сад, там поспели апельсины, гранаты и лимоны. [...]

За обедом (который бывает часов в 8) познакомился почти со всеми русскими художниками, которые здесь живут, тут и старики, и барышни, всех человек десять. Занимают особый русский стол. После оживленного обеда всей компанией пошли в Колизей. Это чудовище полуразрушенное. Ему около трех тысяч лет. Оно построено задолго до Р. Х. В лунную ночь этот гигант как бы дремлет, усталый тем, что видел на своем веку. Он, как голова из «Руслана», забылся тяжелым сном, ни стоны, ни кровь больше не трогают его...

Через Форум пошли мы домой. На главной улице Via National были толпы народа, музыка, пение раздавалось повсюду, в этот день был открыт памятник Джордано Бруно [3]. Кафе все полны, мы едва отыскали себе свободный столик, спросили мороженого...

На другой день (сегодня) были в храме св. Петра. Он вблизи не поражает своей грандиозностью, но внутри, несмотря на удивительные пропорции, заставляет чувствовать себя ничтожным. Насколько велик он, можно судить из того, что от двери до алтаря я насчитал 250 шагов. Сегодня ничего более не смотрел — устал. Здесь пробуду недели три-четыре, если, конечно, не подхвачу лихорадку (тогда уеду тотчас). [...]

33. РОДНЫМ

Рим. 12/24 июня 1889 г.

[...] Вчера мы компанией ездили в Тиволи. Этот небольшой древний городок лежит верстах [в] 30 от Рима, дорога живописна и разнообразна, несколько туннелей прорезывают горы, в которых на обрывистых утесах приютился Тиволи.

Компания состояла из двух Беклемишевых — отца и сына, меня и Бруни, который на днях приехал из Флоренции сюда, и вместе едем в Неаполь, и, может быть, Париж, но это еще дело не решенное.

Итак, по приезде в Тиволи мы пошли смотреть водопад. Тут одно чудо сменяется другим, напрасно берусь описывать то, что здесь можно видеть... Громадные утесы, с вершины их, стремглав, бурча со страшным шумом, спадают вниз и разбиваются о дикие утесы целые водопады. Исчезая, они снова вырываются где-нибудь в противоположной стороне, еще с большей силой и шумом... Целые пропасти раскрываются, поглощая водяные массы. Радужная пыль стоит в воздухе. Гранитные облака нависли над обрывами, вдали древний храм богини Весты, он разрушен, но остатки его еще дают понять, что было когда-то. [...]

Долго мы ехали по пеклу, наконец и вилла Адриана. Чудесная местность, маслины, олеандры в цвету, многовековые пинии, пальмы ведут к знаменитым развалинам дворца. От былого великолепия остался один громадный остов... Порфиры, мраморы, мозаика — все это увезено в Рим в разные церкви. В общем на меня это сделало впечатление заброшенного кладбища...

Старик же Беклемишев ахает и восхищается всяким кирпичом, что меня возмутило, и мы с ним горячо поспорили и всю дорогу не могли угомониться.

Возвратившись с виллы, мы обошли городок, я купил на 20 сантимов вишни, которая оказалась гнилой, и я положил ее на мостовую, где моментально она была уничтожена мальчишками. Беклемишев купил абрикосов, которые оказались удачнее и были съедены сообща и не без удовольствия.

Возвратились домой часов в 9 вечера, усталые и измученные, сходили на почту и пошли обедать, а после обеда поехали еле живые на народный праздник Сан-Джованни ин Латерано (наш Иван Купала). Площадь против церкви С[ан]-Джов[анни ин] Латерано [1] и смежные с ней улицы покрыты миллионами разноцветных фонарей, всюду бенгальский огонь, факелы, везде продают цветы, овощи, сласти. Тысячи народа идут и идут на этот ночной праздник (он всю ночь до утра).

Тут целые семьи с детьми патриархально разгуливают или пьют вино, расположившись кто где нашел свободный уголок.

Но мы не дождались самого интересного — разных процессий,— усталые возвратились домой и заснули крепким сном.

Сегодня были с Бруни у обедни в церкви Сан-Пьетро ин Винколи, где знаменитый «Моисей» Микеланджело. Чудный орган дополнял впечатление. На днях едем в Альбано [...]

34. А. А. ТУРЫГИНУ *Рим. 15/27 июня 1889 г.*

Вчера получил твое письмо, на которое и отвечаю тебе тотчас лишь с тем, чтобы ты тоже писал мне немедленно и возможно больше... За границей постигаешь то, что значит получать письма с Родины. На почтамт бегаешь каждый день, и куда как весело, когда тебе подадут письмо, а не то так и два-три...

На твои вопросы отвечаю в границе того, что успел увидать и услыхать. Постараюсь взглянуть на все оком современного человека, что будет из того — увидим. Количество и качество франков нужно следующее (приблизительно): на одну персону (без натурщика) можно обойтись франков на 200—300, с натурщиками от 500 и далее. Натурщицам платят от 5 до 6 франков в день, натурщикам — около этого. И тех и других здесь — пруд пруди, хотя хороших найдешь двух-трех и те всегда разобраны... Избалованы страшно, и только крайняя строгость может помочь делу. Семирадский выбрасывает их за ворота из мастерской. С Киселевым было недавно почти наоборот... Мастерских здесь масса. Лучшую занимают Сведомские. Хорошая не менее 100 ф. без мебели. Сносную можно достать от 50 и до 80, бывают и с мебелью. Например, в том доме, где живут наши — и теперь поселился я,— одиннадцать мастерских, и все с мебелью, и при них по одной комнате, цена вышесказанная.

Это художественный и иностранный квартал. Кормление можешь иметь сначала в кабачке, в таковых здесь обедают семьями, стоит это приблизит[ельно] с персоны около 2 франков за обед, да 1 с чем-нибудь на завтрак. Утром пьют кафе-э-лятто (кофе с молоком). Можно дома, а можно и в кафе, которых здесь много, как у нас грибов в дождливое лето. [...]

Если захочешь поделиться мыслями, то найдешь между русскими хороших людей; например, здесь живет давно, лет двадцать пять, некто Федор Петрович Рейман. Русский немец, он, как папаша, всех выслушивает, дает советы, многого для тебя не сделает, но в качестве хорошего человека остается таковым со времен Семирадского по сие время. Ты с ним познакомишься с одним из первых... Он художник — недурной акварелист, человек покойный, но не сухой. Говорят, бывает интересно

у Сведомских (по зимам). Вот все, что пока тебе мог сообщить, если вспомню еще что-либо, то напишу в другой раз. Что касается качества франков, то они должны безусловно быть настоящими, а не фальшивыми...

Итак, теперь я перейду к возможно краткому описанию Рима или, вернее, того в Риме, что особенно сильно меня поразило. «Моисей» Микеланджело и его «Страшный суд» есть целый триумф возрождения итальянского искусства. Сила духовная и физическая отражается определенно и ясно в «Моисее»; «Преображение» Рафаэля тоже дивная вещь, и насколько она сильнее разных «знаменитых» гравюр [1]. По *живописи* лучшею вещью в Риме неизбежно признаешь «Иннокентия X» Веласкеса (этюд к этому портрету у нас в Эрмитаже).

Про Древний Рим умолчу, из желания скрыть свое полнейшее равнодушие и невежество. Вилла Адриана — одни развалины, ничего не говорящие моему сердцу, но природа дивная... Теперь в Риме начинаются страшные жары, и мы каждый день куда-нибудь сбегаем. Недавно были в Тиволи (хорошо, но мало простоты, слишком декоративно). Вчера в Альбано, там патриархальнее, да и природа естественнее. Но... до другого раза. [...]

35. РОДНЫМ

Неаполь. 18/30 июня 1889 г.

[...] Говорить нечего, что поездка эта надолго останется у меня в памяти, многое видел такое, что трудно позабыть. Для моего художественного развития, думаю, тоже это не останется без следа, даже если я ничего здесь не успею написать, то все же я столько видел и еще увижу, что, приехав в Россию и позанявшись посерьезнее, можно надеяться, что недостатки, которые так крупны теперь, тогда понемногу исчезнут. Иногда видишь ясно и благодаришь судьбу, что все же, несмотря на всевозможные невзгоды, увлечения и ошибки, не теряешь равновесия и еще держишься, так сказать, на поверхности, тогда как многие уже пошли ко дну. Да, трудно иногда бывает, но все же пока жить можно. Жалеешь о том, что невозвратно, но все это хороший урок и предостережение на будущее время. Иногда, в минуты относительно счастливые, тяжело и больно бывает: отчего то, что я имею возможность видеть, чем могу любоваться, восхищаться, недоступно всем близким мне, за что мне так много, тогда как другим ничего, не слишком ли это? Словом, бывает иногда и хорошо и больно в одно время.

Задуманные картины в голове моей все более и более делаются ясными. Если не удастся сделать все этюды к «Женам-мироносицам», то по приезде в Москву попытаюсь начать этюды к «Преп[одобному] Сергию». [...]

36. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Неаполь. 20 июня/2 июля 1889 г.

[...] В Неаполе чудный музей: тут собраны прелестные вещи по части живописи. Моего любимого художника-дорафаэлиста Филиппо Липпи здесь чуть ли не лучшая вещь — «Благовещение». Она настолько хороша, что как ее самое содержание (внутреннее) неуловимо тонко, так должно быть и описание ее. От последнего я наотрез отказываюсь. Здесь прекрасен Тициан...[1] громадные коллекции из раскопок Помпеи. Рассматривая их, невольно переносишься за несколько тысяч лет. Тут все так сохранено, как было в злополучный день этого города. Например, хлебы в печке, разные принадлежности туалета, обеденный стол и проч. Даже жутко становится.

В канцелярии этого музея я достал даровой билет, как в этот музей, так и в Помпеи, на Везувий, в Геркуланум и т. д. Это право имеет всякий художник, инженер и механик. В музее этом я был каждый день, то есть всего три раза. Был я в Ка-

подимонте. Это загородный дворец. Из парка дивный вид на море, направо, внизу лежит Неаполь и громадная вулканическая гора, из кратера которой всегда идет дым.

Внутри дворца довольно много современной живописи, есть хорошие, но больше дрянцо[2]. В общем дворец не отличается особенным вкусом, но виды, виды прекрасные. В С[ан]-Мартино (крепость) был два раза; ослиная лестница ведет на громадную гору, на вершине которой находится старинная крепость и при ней музей[3]. (Ослиные лестницы здесь, в Италии, попадаются часто. Это громадные лестницы, приноровленные для ослов, на которых здесь лежит вся трудная работа.)

Итак, в С[ан]-Мартино я был два раза, один раз вечером, предварительно поплутав изрядно, в этот раз я так устал, что, залезши на верхушку горы, рад был отдохнуть, благо такой вид, как с горы на внизу лежащий Неаполь с морской далью, далеко идет корабль, распустив паруса, ближе множество лодочек, на них, вероятно, рыбаки...

Другой раз был в С[ан]-Мартино сегодня днем, после 12 ч. Был в музее, там несколько старых картин, знамена, разная утварь и рухлядь неаполитанских королей и т д. Что забавно — это в отдельной комнате сделана огромная модель «Поклонение волхвов». Тут между обыденной итальянской жизнью с ее будничными интересами — кто занимается работой, чеботарит, пилит, рубит, пляшет, играет — движется торжественная процессия земных царей с драгоценными подарками, идут они из дальнего Востока, из неведомых краев, идут конные и пешие. Путеводная звезда идет над ними, и хоры ангелов сопутствуют им... В центре на вершине скалы расположено св. семейство. Все это сделано если и не с большим вкусом, но богато и с любовью. Тут и водопад, и скалы, и синеватые дали — все тут есть.

Но и тут, и на этот раз лучше всего, вид с террасы замка. Господи, как тут хорошо! Вот я вижу синее море, которое когда-то иллюстрировал Ступину, не ведая его. Теперь оно вот здесь, у моих ног... Вдали остров Иския, а там далеко чуть-чуть видно Капри. Всего часа $2\,^1/_3$ езды на пароходе. [...]

37. РОДНЫМ *Помпеи. 22 июня / 4 июля 1889 г.*

Вчера в 8 часов я выехал из Неаполя, а половина десятого был в Помпеях, в трех шагах от вокзала в гостинице «Диомед», где я остановился и где уже раньше останавливались земляки. Хозяин, узнавши, что я русский и не желаю говорить на их подлом наречии, объяснил мне, что его мамаша тоже русская и он ее сейчас пришлет. Действительно, выходит старая старушка и на мои объяснения с грехом пополам отвечает мне по-русски. Верно, давно она попала сюда, но едва ли помнит разрушение Помпеи, потому что ей, как ни стара она, а гораздо меньше двух тысяч лет...

Итак, добрая старушка выручила меня из беды, и, потолковав что-то, меня повели наверх и дали комнатку небольшую, но опрятную и без блох, одно окно и дверь — выход на огромную террасу, по которой преспокойно ходят павлины и прочие птицы и насекомые.

Земляки оказались на работе, в Помпее, куда пошел и я. Долго бродил я по этому мертвому городу. Целые улицы с разрушенными домами, сохранились улицы и названия. Вот Via Annunziata, дальше Via Диамера. Вот кладбище, в стороне форум, тут и там развалины храмов, дворцов, все это когда-то жило, поражало красотой, теперь же изредка пробежит как угорелый, с книжкой в руках, англичанин, все ему нужно, все обнюхает.

А вот и Везувий. Это его соседство наделало тут такие чудеса. Он и теперь еще дымится, а когда смеркается, то по его громадному остову текут огненные потоки лавы, а из главного кратера то и дело вырывается вместе с дымом и огонь.

Наконец, вдали я увидел под зонтиком «питторе» (художник [итал.].— *А. Р.*), подхожу, вижу малороссийскую рубашку. И каково удивление сидящего, когда я сза-

ди подошел и спросил по-русски, не он ли Матвеев. Живо познакомились и немного погодя пошли завтракать, где познакомился и с Ободовской. Хорошая девица с невозможным хохлацким акцентом. Завтрак прошел очень весело. Было решено, что вместо вечера этого дня они выедут в Рим на другой день утром.

Ободовская обещала встать в 3 часа и разбудить меня, и я напишу с нее голову при утреннем освещении. После завтрака пошли снова в Помпею, где я начал этюд.

Пришли к обеду, который прошел еще оживленнее, наелись до отвала, а хорошее вино только помогало делу. После обеда я произнес блестящую речь в защиту Сурикова и Васнецова, и пошли спать.

В 3 часа действительно страшный стук в окно заставил меня проснуться. Через полчаса я уже сидел на террасе и приготовился работать. К 4 часам все было кончено. Вышла недурная головка.

Ободовская пошла спать, а я пошел гулять. В 6 часов все собрались пить кофе, а потом я пошел проводить их на вокзал, и мы расстались до Рима, с барышней — до Абрамцева (у Мамонтова). [...]

Сегодняшний день я много работал. Проводив своих, я пошел версты за 2—3 купаться в море... Выкупавшись, пришел и начал первый раз акварелью из окна вид на террасу и горы. Для первого раза вышло не худо...

После завтрака пошел в Помпеи и просидел шесть часов на одном месте, зато кончил этюд и завтра утром еду в Сорренто, часа два езды на извозчике, а послезавтра и на Капри (один час езды).

В Сорренто Суриков рекомендовал: вино, апельсины и вид... посмотрим...

Бруни приедет через несколько дней. Теперь напишу о Капри. Теперь читаю хорошую книгу и Вам советую прочитать: «Россия и Европа», соч. Данилевского. [...]

38. А. А. ТУРЫГИНУ

Капри. 28 июня / 10 июля 1889 г.

Душа Тряпичкин, письмо твое я получил вчера и, выбрав свободную минутку, пишу тебе ответ. В Фраскати был, написал там этюды (кажется, Фраскати). Там (в предполагаемом Фраскати) так же хорошо, как и вообще в окрестностях Рима. С Ивановым я не согласен, а Крамской почти прав [1]. Где можно пропахнуть художествами до тошноты, это там, в Риме. Наши занимаются рукоблудием, пишут «апликэ», под Бакаловича и К°. Хорошо ли, увидишь в Питере, на Академической выставке. Беклемишев сделал статую: «Весталка, защищающая своих богов», много хорошего в затее, но каково исполнено — не знаю, кажется, недурно. В Неаполе в музее бывал во все дни пребывания там, то есть три раза. Там прекрасные «дорафаэлисты» [2], хорош Тициан, Рибера. Хороша скульптура, и ее много; но где ты распустил бы слюни от умиления, это там, где размещены помпейские остатки. Там ты увидишь лучшую и богатейшую коллекцию черепков и разного рода кастрюль и т. п. рухляди. Есть даже черный хлеб, но такой жесткий, что разве уж очень проголодаешься, то съешь, и то с опасностью для желудка...

Итак, в Неаполе, где я пробыл три дня, кроме Национального музея — Каподимонте (дворец за городом), там современная живопись, которую хвалить нельзя, так же как и в музеях Рима и Флоренции. За исключением нескольких картин, бойко, по-французски, написанных, нет ничего. Лучший и действительно талантливый — это Микетти, человек лет тридцати пяти, но в последнее время, говорят, он стал размениваться на гроши. Но в Риме, в галерее «Модерно» (современный, новый) его две вещи: одна, маленькая (возвращенье с поля или что-то в этом роде) — чудно хорошо, тонко и свежо и много чувства (она, как большая редкость, под стеклом), другая — «Великий четверг» — поклонение гробу апос[тола] Петра, громадная (с «Б[оярыню] Морозову»), написана метлой и с необыкновенной виртуозностью, но не согрета чувством, а потому не делает глубокого впечатления. [...]

39. А. А. ТУРЫГИНУ *Капри. 10/22 июля 1889 г.*

[...] Про себя я скажу тебе пока одно доброе. Живу я на Капри, не замечая времени. Премьерствую в искусстве, окружающие ко мне относятся симпатично.

Незнание языка теперь меня мало беспокоит. Представь себе, я даже вхожу в оживленные политические споры. Не дальше как вчера я спорил со всеми двунадесятью языцами. Тут были и англичане, голландцы, немцы, шведы, датчане. Говорил я сразу на *четырех* языках, мимика, жесты, карандаш были в ходу. В споре заинтересовались даже старики англичане, словом, дело разгорелось страшно, начавшись за обедом часов в 8, кончилось поздно вечером. Я, конечно, стоял на почве, как ты называешь, XVII века, и хотя меня и причислили вышесказанные европейцы к партии «панславистов», в конце же концов симпатии ко мне были очевидны. Старик голландец пожелал выпить за мое здоровье, и все поддержали, я отплатил тем же. Когда же я собрался идти спать, то сверх обычая старики мне протянули руку, дамы также, и я победителем удалился во внутренние апартаменты.

В общем, право, на Капри я так прожил, как давно уже не удавалось. Я сделал штук двадцать этюдов, из них есть несколько, по живописи оставивших позади себя много, если не все мои работы, боюсь, лишь бы, по обыкновению, не почернели (писаны на досках). В ноябре в Москве будет выставка этюдов, где и можно будет некоторые поставить. Как, брат, здесь ни чудесно, а как вспомнишь про родину, про всенощную у «Преподобного» или мотив: «Ах, ни мне, подруженьки», так тебя и потянет туда, на север...

Печально утратить свою личину, это — лучшее из чувств человеческих, высшая поэзия и философия, бесконечный, равный или не многим меньше идеала о божестве...

Но из боязни получить от тебя нравоучение о «немудровствовании лукавом» — умолкаю. Теперь еще четыре станции, одна из них «с буфетом» — Милан, Париж (буфет), Дрезден и Берлин, а там, через месяц, и домой.

Этюды к «Мироносицам», кроме фигур, которые напишу в России, сделал все и основательно. Успею ли написать в России еще этюды к другой задуманной вещи, не знаю, но к этой постараюсь, и, даст бог, может быть, снова увидимся в Питере.

А теперь работать, работать не покладая рук. Всю энергию, какая мне дана, употреблю на то, чтобы что есть, того не зарывать в землю. Другого исхода нет, я должен быть художником...

40. РОДНЫМ *Капри. 12/24 июля 1889 г.*

[...] Вчера англичанин (который по летам и богатству за столом премьерствует) просил меня нарисовать ему в альбом что-либо на память, и я нарисовал сцену из «Русалки» (лучшая иллюстрация Ступину) [1]. Очень понравилось, и теперь все леди и мисс пристают тоже с просьбой о рисунке.

Я, кроме двадцати этюдов, сделал один небольшой портрет и расписал две двери. На одной — русскую сказку, на другой — нечто вроде «Христовой невесты», но гораздо лучше. За это сегодня голландец на моей наружной двери нарисовал голову в лавровом венке. Словом, мое ненасытное честолюбие насыщено сими наивными знаками почести, и я воображаю себя окруженным фимиамом. Что же, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Кроме того, тот же голландец сегодня просил сделать копию акварелью с лучшего моего этюда, конечно, я позволил.

Написал я это письмо, да берет раздумье — не разорвать ли его, уж очень много нахвастал, но пусть, ведь в Уфе, дома, меня за это не подденут и не припомнят в будущем, чтобы кольнуть лишний раз, тем более что все это хотя и хвастовство, но в то же время и правда. [...]

41. РОДНЫМ *Капри. 14/26 июля 1889 г.*

[...] Работаю очень много, может быть, как никогда. Встаю в 3 часа утра (со стуком и гамом, так что всегда разбужу соседку-шведку). Иду писать на берег этюд камней при утренней заре для «Мироносиц». Долго дожидаюсь рассвета, передо мной Везувий начинает вырисовываться серо-лиловой массой и розоватой струйкой текущей лавы, справа знаменитая скала Тиберия, а я, бесчувственный, лежу на камне, не замечаю всего этого и лишь ругаюсь, что медленно рассветает.

До 5 часов работаю этюды, потом иду домой и снова ложусь до 8 часов, в 8 иду купаться на море и, придя, пью кофе, затем иду (или ходил, теперь этот этюд кончен) на этюд. Потом завтрак за общим столом, перед носом англичанки как на подбор на одну рожу, какие-то летучие мыши, а еще дальше за морем, на горизонте тот же Везувий, и каждый день одно и то же (место всегда одно).

Перед обедом тоже этюд и даже два, к обеду опаздываю, но и то приходится сидеть часа полтора. Я для пущей важности говорю, что я из Сибири, что немало восхищает летучих мышей. Вообще пока в «Гротте» ко мне все народы относятся благосклонно и смотрят как на человека если не похожего на Миклуху-Маклая, то все же довольно отважного. Тут все говорят минимум на двух-трех языках, а англичанин в зулусской шляпе так на девяти, ну и Бог с ним. Все же они, не зная русского языка, еще не решаются ехать в Россию.

Начато у меня девять этюдов, кончено шесть, еще начну четыре, думаю, если буду здоров, то все, кроме фигур к «Женам-мироносицам», кончу. Хорошо бы. Есть между этюдами два-три недурных (если не почернеют). [...]

42. РОДНЫМ *Милан. 18/30 июля 1889 г.*

Сегодня я приехал в Милан, остановился в отеле «Централь». Ехал с почтовым поездом, так хотя рублей на 15 до Парижа дороже будет, зато без пересадки и спокойнее, потому что не придется по полсуткам ждать во всяком городишке. Словом, пока из бюджета не выхожу.

Милан — самый симпатичный после Флоренции итальянский город. Чисто, хотя и не похоже уж на Италию. Видел музей в палаццо Брера, где встретил русских, два из них сегодня же уехали в Париж, а третий остался, и мы с ним прошлялись весь день и вечер. Это помещик из Чернигова. Кроме того, я видел (хотя лишь снаружи) знаменитый Миланский собор — весь из белого мрамора и в готическом вкусе. Знаменитый театр «Ла Скала» хуже нашего московского раз в десять. Против него хорош памятник Леонардо да Винчи [1] и много других памятников. Хорош пассаж Виктора Эммануила. Вечером были в Национальном саду. Сейчас вернулся домой. [...]

В общем я устал, не знаю, хватит ли энергии. С Капри провожали меня сердечно, накануне был провозглашен тост за мое здоровье, на что я ответил тостом «за всех» (по-русски).

Почти все мне надавали своих карточек с адресами и приглашения побывать у них: в Англии, Голландии, Швеции. Англичанин прислал фотографию со своей виллы, и англичанка подарила хорошую гравюру с «Ponte Veccio» (мост во Флоренции). Долго махали платками, пока пароходы (*нрзб*) разошлись.

В Риме я не застал никого из наших, но на другой день они приехали, и я все устроил и узнал. Все провожали меня на вокзал, и расстались как нельзя лучше. Я покинул Рим, бросив «сольди» (2 копейки) в фонтан Бернини [2] и выпив из него воды: значит, есть надежда, что еще когда-нибудь увижу Рим. [...]

43. РОДНЫМ *Париж. 22 июля / 3 августа 1889 г.*

[...] Вот я и в Париже. Что слышал, читал когда-то, представлял себе в воображении, теперь вижу своими глазами и после, у себя дома, буду говорить так же, как тот

академик Доде в «Бессмертном»: «Это я сам видел», - а видел я много. Но не спеша опишу по порядку все.

Утром 19 июля я встал рано, опустил в ящик Вам в Уфу письмо, а сам пошел посмотреть, не отперт ли собор [1]. Он оказался отпертым, и я полюбовался внутренностью его. Затем на поезд и тронулся в путь. Часа через два мы были на швейцарской границе и, простившись с Италией, поехали по Швейцарии. Туннель за туннелью пролетает наш поезд, вот начинаются горы, они все делаются больше, вдали показываются снежные вершины, всюду бегут горные речки, и то там, то в другом месте шумят водопады. Вот снова показалась снежная вершина, исчезла и опять выглянула, это Сен-Готард.

Чем дальше наш поезд удаляется на север, тем кругом все более и более изменяется. Вместо апельсин, фиг, олив пошли седые сосны, ель, повеяло чем-то родным, постройки тоже уж не каменные, а наполовину деревянные. Вот те домики, швейцарские домики, которые когда-то продавались у нас в лавке для иголок что ли, похоже.

Скоро мы проехали Швейцарию: Люцерн, Базель, тут мы пересели на другой поезд. (В вагоне встретились русские, желающие казаться иностранцами. Они везут с собой папеньку, который уж совсем не иностранец, и все ворчит и просит выпить и закусить, на что получает ответ, что «это не дома».)

Утром в 7 часов вдали показался Париж! Вот он какой, немало он видел чудес, недаром прошла про него слава по всей вселенной. На вокзале ад: один поезд уходил и приходил за другим. Только слышно призывают пассажиров, едущих туда-то и туда-то, садиться в вагоны, и боже избави меня это перепутать, а как легко. Тут, как назло, засорил глаз, тер, тер, а толку нет, еще хуже стало. Почти не видал, как проехали Севастопольский бульвар, налево Notre Dame de Paris, направо Лувр, и, проехав через Сену, очутился у фонтана Михаила Архангела и затем уже поехал по бульвару Сен-Мишель.

Что делается на улице — это ужас. Омнибусы, конки, разных видов ландо мчатся во все стороны. Все это полно народом и куда-то спешит. Нижегородская ярмарка с ее «главным домом» покажется пустыней и безжизненной. Ад, да и только.

Извозчики не кричат, а трубно свистят, и все это не по-нашему: везде механизм, тот это проделывает ногой, тот локтем и т. д. Множество газетчиков бегут во все концы, на стене, на руках, шляпе — везде объявления. Каждый кричит свое. Вот малый, увешанный весь с ног до головы, бегом бежит и кричит во все горло: «Смерть и жизнь генер[ала] Буланже!!!» — кто смеется, кто ругается ему в ответ и т. д.

Костюмы просты, но крайне изящны, твои шляпы здесь в ходу, но все и везде или черное, или красное, больше черное.

Своих я застал в отеле номер двадцать в Латинском квартале. Они спали, разбудил, живут они высоко, в тех мансардах, о которых часто упоминается у Золя и Доде. Их здесь много, но плохо то, что кто знает язык, тот должен на днях — завтра, послезавтра — уехать, но уже я тогда буду все знать. Беклемишевы уже уехали в Рим сегодня. Мы все их проводили...

Напившись кофе утром (подают его в чашках, похожих на наши полоскательные и по форме и по величине, и пьют его столовой ложкой), мы пошли в Лувр. Снаружи это громадное здание, с дворами внутри, в конце которого памятник Леону Гамбетте [2] от отечества, а дальше триумфальная арка [3] (на которой был поставлен гроб В. Гюго).

Внутри Лувр громаден. Нет сил мельком обежать его в день. Там были до 12 часов, потом позавтракали и снова пошли до 5 часов. Тысячи народа движутся по нем. Чуднее всех англичане. Они, как стадо баранов, в разных диких и нелепых костюмах, бродят человек по тридцать вместе и преглупо слушают проводника (гида), который врет им всякий вздор... Затем они человек по двадцать залезают на особый омнибус, и кавалькада омнибусов в пять-шесть, запряженных пятерней, едут осматривать окрестности Парижа. Комики...

После Лувра пошли к Дювалю и там пообедали. Кормят хорошо и недорого. Словом, за 10 фр. (рубля 4) можно обойтись в день со всем. Если я буду так же скуп на покупки и дальше, как до сего времени, то думаю, что кое-что останется.

После обеда пошли в кафе, которые идут прямо по улице одно за другим, и масса народа тут же читает, ест, пьет, спорит и т. д. Вечером пошли в Notre Dame de Paris, по дороге еще увидали вдали Эйфелеву башню [4]. Она, как столб на небе, снизу покрыта туманом, лишь верхушка ее видна ясно с электрическим фонарем, слева от нее виден Пантеон.

Продолжение будет в другом письме, которое, может быть, распечатаете первым.

Продолжение.

В этот же день заходили в Большую Оперу. Снаружи очень богата, но не кажется слишком грандиозной. В начале этой недели пойду послушаю оперу и посмотрю внутренность театра.

На другой день утром подали по целой лоханке кофе, а затем пошли мы на «экспозисион» (выставка) [5]. Так как нас было четверо, то сложились и взяли возницу за 2 ф. (такса). По Сен-Жерменскому бульвару проехали вплоть до выставки, над которой, как над малыми ребятами, стоит великан Эйфелева башня. Пришли, отдали билеты и очутились в отделе скульптуры, прошли ее мельком и начали с французского отдела живописи — семнадцать зал. Тут все лучшие вещи Франции, много из них получили всемирную славу. Все это сперва ошеломляет, блеск удивляет, смелость необыкновенная, ходишь, как в чаду, ноги подкашиваются от усталости, а впереди все новое и новое... Нет конца ему.

Бруни показывал художественный отдел и останавливал внимание на тех вещах, которые ему интересны и симпатичны, а так как мы во многом сходимся, то особенных разногласий не произошло.

Много громких имен было пройдено... но вот первая, затем другая и дальше третья вещи художника, имя его забыл, он тоже звезда [6]. На всех трех представлено утро, на одной сидит Матерь Божия за прялкой. Она заснула, сидя на террасе, и голуби прядут за нее пряжу, унося ее в утреннее, еще бледное небо. В углу стоит ветка, которую принес ангел. Вдали виден Иерусалим. Глубоко поэтично.

На другой стоит святая, и ее подкрепляют в молитве ангелы, тоже симпатично. Третья также утро, Венеция, и по тихому морю плывет гондола, в ней сидят две монахини и везут умершую девушку — это тоже крайне симпатично...

Дальше Пювис де Шаванн. Его четыре вещи, две из них, кроме того, что оригинальны, но и крайне симпатичны, везде представлены какие-нибудь эпизоды из жизни разных святых [7].

Вот знаменитый Реньо. Его «Маршал Прим» [8] — последнее его произведение (он был убит один из последних на баррикадах во время осады Парижа лет двадцати пяти от роду). Картина эта, как и многие лучшие вещи, принадлежит отечеству. Ему же стоит памятник в той деревне, где он родился...

Но все это хорошо, прекрасно, оригинально, но не гениально, а между французами есть и гении, которые перевернули все, так сказать, весь художественный мир. Не ушла от них ни одна нация, начиная от нас, многогрешных, кончая американцами.

Первый и величайший из современных французов, по-моему, есть Бастьен-Лепаж. Каждая его вещь — это событие, это целый том мудрости, добра и поэзии. Не стану описывать каждую вещь в отдельности. Скажу лишь про главную: Иоанна д'Арк у себя в саду в деревне, после работы стоит усталая, она задумалась, задумалась о своей бедной родине, о любезной ей Франции, и вот в этот-то момент восторга и чистого патриотизма она видит между кустов и цветов яблони тени Людовика Святого и двух мучениц. Это так высоко по настроению, что выразить лишь можно гениальной музыкой, стихом или в минуту энтузиазма.

Бастьен-Лепаж умер молодым, а после него умерла и Башкирцева — наша землячка, в которую он был влюблен, вещи которой тоже составляют и украшают и выставки Лувра.

Теперь больше ни слова о художниках, перехожу к прозе. Мы проголодались и пошли в так называемую «Русскую избу XV века», где торгует вовсю некий Дмит-

рий Филимонович, — изба его маленькая, а желающих много. Снаружи лежит черный хлеб, самовары, внутри обтянуто кумачом, и на полках русская деревянная посуда, и на столе большой самовар.

Он — Филимонович — похож на Палатина [9], сметливый, энергичный, выучился по-французски и отдает распоряжения на этом языке, так как супруга их хотя и кончила в гимназии, но не успевает, и штук пять француженок не говорят ничего, кроме «русский квас» и «хорошо».

К избе подходят группы любопытных и смотрят, как на жилище дикарей, улыбаются и отходят дальше. Много тут русских, им особый почет, и скидка, и куски получше. Позавтракали плотно, ели щи и кашу, пили чай и ушли довольные снова на выставку, где начали осматривать иностранный отдел.

Вот русский отдел позорный. Маковский ничего не выражает, другие тоже плохи, но зато англичане, финляндцы и норвежцы молодцы и оригинальна, хороша Америка.

Часов в пять мы вернулись домой, оставя остальное до других разов. Вечером шлялись по улицам, заходили в кафе и т. д. Затем были в Люксембурге [10]. Там тоже есть Бастьен-Лепаж, хорошо, очень хорош, хороша и Башкирцева, Жюль Бретон и др.

Здесь едва ли управлюсь в четырнадцать дней (как думал раньше), верно останусь еще дней на пять.

Сегодня опять здесь большой праздник, и мы туда сейчас идем (иллюминация башни и всей выставки). На улицах особенно оживленно. Каких народов не увидишь здесь: и арабы в своих костюмах, и негры, мулаты, индейцы... К русским относятся с огромной симпатией. [...]

44. РОДНЫМ

Париж. 24 июля / 5 августа 1889 г.

[...] Сегодня пятый день, как я в Париже. На Выставке был три раза, художественный отдел обошел весь, с завтрего начну осматривать каждую залу (школу) отдельно, а затем остановлюсь уже на одном ком-нибудь. На ком, я уже знаю, конечно, и теперь. Кто может быть мне полезен — это Бастьен-Лепаж. Вот когда пожалеешь, что не Ротшильд: купил бы эту вещь... Как она исполнена, сколько любви к делу, какое изучение, не говоря об настроении, глаза Жанны д'Арк действительно видят что-то таинственное перед собой. Они светло-голубые, ясные и тихие. Вся фигура, еще несложившаяся, полна грации, простой, но прекрасной, она как будто самим богом отмечена на что-то высокое. Словом, где ни ходишь, а к ней вернешься. Публика довольно равнодушна к ней (???).

На башне Эйфеля буду на днях, потому еще не решил, может быть, предпочту подняться (за ту же цену 5 франков) на шаре, будешь на несколько аршин выше башни, да и диплом дадут, что летал, мол, собственной своей особой на 400 метров от земли. (Не бойтесь, не полечу...)

Третьего дня были на иллюминации во время пребывания на выставке шаха. Особенно грандиозный вид на Трокадеро [1]. Он был залит огнем, башня Эйфеля была вся красная, как раскаленное железо. Фонтаны были пущены и били разноцветной водой: то зеленой, то лиловой, то красной, а то радужной — красиво и величественно.

Устал я страшно, и зашли к Филимонычу, где я, на удивление француженок, выпил пять стаканов чаю и ушел как ни в чем не бывало...

Вернулись домой в 2 часа ночи, когда Париж живет полной своей жизнью. Все кафе кишат народом... По Латинскому кварталу ходит масса студентов, поют песни, речи и т. д.

Сегодня ездили в Версаль большой компанией (в семнадцать человек) с Матэ во главе... Версаль от Парижа по железной дороге верстах в двадцати пяти. Там три дворца Людовиков XV и XVI, Наполеона и небольшой дворец Марии Антуанетты, во всех довольно много живописи, но старинной. Ватто и Буше, конечно, первенствуют

там. В Версале хороши фонтаны, но они бывают редко открыты. Прекрасный парк. По дороге к нему находится Сен-Клу и т. д. [...]

45. РОДНЫМ

Париж. 30 июля/11 августа 1889 г.

Не знаю, получили ли вы посланные мною вчера 2 письма, одно со второго этажа, а другое с третьего башни Эйфеля. Жаль, если они не дойдут до Уфы,— оба открытые.

С момента, как я подошел к кассе, до того момента, как я очутился снова у выхода, прошло четыре часа, два из коих я ждал на второй площадке, так много желающих. Да это еще в будни, когда 5 фр., а в праздники 4 фр., тогда совсем беда, да и погода неважная была. Я только мельком видел окрестности Парижа. Занявшись писанием вам и Кабановым писем, я когда кончил, то шел уже дождь и все дали заволокло. Тем не менее впечатление громадное, и особенно в тот момент, когда вагон, нагруженный народом человек в пятьдесят, сдвинется со второй площадки. Невольно все ахают, а я совершенно машинально пробормотал: «Господи, благослови».

У вагона все окна стеклянные, и все видно кругом, поднимает несколько минут. Стены вагонов, а также всей башни исписаны фамилиями, и я, как тут, так и там, начертал свою, на башне там нашел фамилию какого-то земляка Нечаева и рядом с ним написал «Нестеров». [...]

Теперь я Выставку почти всю видел (конечно, кроме художественного отдела) мельком. В художественном все, что особенно интересно, записал. У Бастьен-Лепажа каждый день сижу по крайней мере полчаса отдыхаю. И чем больше смотрю на выставку, тем больше убеждаюсь, что это единственный француз, который не много болтает и у которого есть творчество и глубина поэтического чувства, остальные, за исключением мудреного Пювис де Шаванна, большие мастера — и только.

Жюль Бретон, Даньян, Казен тоже близки к творчеству и, уж конечно, очень симпатичные художники.

Не знаю, писал ли вам, что был я в Пантеоне. Хорошо, особенно живопись. Тут лучшая Жана Поля Лорана и того же Пювис де Шаванна, который тут знать не хочет ни рисунка, ни красок, а впечатление сильное[1]. Видел гробы великих французов: Карно, Гюго, Вольтера и др. Как-то был в отделе народностей, тут целыми семьями привезены дикари из Африки, арабы, японцы с острова Явы и т. д. Интересно. Они все обжились и чувствуют себя, как дома, живут в таких же избушках, как и у себя в «Арапии». Кто чеботарит, кто режет по дереву, — словом, полная жизнь.

Отдел машин делает сильное впечатление, какой-то ад. [...]

Не был и в Эспланаде инвалидов; пойду послезавтра. Русских здесь чествуют. Недавно был на выставке Пастера и Шарко (кажется), их приветствовали, в это время увидали русского студента, сейчас же его подхватили, начали качать и возгласы — «Да здравствует Россия и да здравствует Франция!» — огласили Выставку, и часто подобные истории можно здесь встретить.

Но все это хорошо, а домой страшно хочется. [...]

46. РОДНЫМ

Берлин. 5/17 августа 1889 г.

Вчера вечером я приехал благополучно в Берлин, с половины дороги отыскались русские, и мы вчетвером заняли целое купе и так поехали до Берлина.

Вечером город имеет вид очень нарядный, с вокзала пришлось ехать до гостиницы по главным улицам, как то: Унтер-ден-Линден, Кайзер-Вильгельмштрассе, на которой я и поселился в пятом этаже за 2 марки. Комнатка очень чистенькая, изящная, окно выходит на площадь, перед глазами какая-то старинная башня с часами, которые сейчас пробили 7 часов вечера.

Утром, вставши, напился кофе и пошел в Кениглих-музеум, где встретил своих итальянских знакомых: Филиппо Липпи, Боттичелли, Перуджино. Вспомнились хорошие дни, проведенные в Италии, таких в Париже уже не было, да и устал я страшно. [...]

Вечером вышеуказанные улицы освещены электричеством, да и вообще оно здесь сильно применено. Из Кениглих-музеума два шага до Национального музея. Здесь новейшие художники, хорош Макс — «Христос и вдовица». Прекрасная картина Кнауса «Праздник детей», Вотье «Больная», Дефреггера «Столичный гость», Ад. Менцеля «На заводе» и много других.

Из музея в 3 часа пошел и пообедал довольно дорого: за бифштекс с вином содрали 3 марки (1 р. 30 коп.). После обеда пошел гулять, прошел мимо дворцов Вильгельма II и знаменитого «исторического окна» старого дворца Вильгельма I [1]. Этот дворец хорош, недурен университет, некоторые памятники. В общем же здесь, сравнительно с Парижем, какая-то спячка, словно никого в Берлине нет, разъехались будто по дачам. Масса военных с набивными плечами и грудью, с расчесанным сзади пробором, у всех бравый и наглый вид. В общем несимпатично.

Народ же самый симпатичный в Париже. Тут же, куда ни плюнь, везде портреты ихних императоров и царского дома. Вот отменная преданность престолу-то...

Завтра в 8 часов утра еду в Дрезден, где в тот же день в 11 часов увижу рафаэлевскую «Сикстинскую мадонну», а вечером того же дня через Берлин же проеду на Вержболово — Минск в Москву, где, жив буду, рассчитываю быть в среду 9 числа в 12 ч. утра. Из Москвы напишу, как доехал. [...]

47. РОДНЫМ

Дрезден. 7/19 августа 1889 г.

Сегодня утром, как и думал, приехал в Дрезден. Сейчас же с вокзала поехал в галерею.

Как всегда в подобных случаях, все с первого раза поражает, почти все нравится, осмотревшись немного, начинаешь приходить в себя и относиться хладнокровнее.

Вот, наконец, я подхожу к заветной комнате, тут стоит «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Комната с громадным окном из цельного стекла, обита темно-малиновым репсом, все скромно, но таинственно-величественно. Перед картиной поставлены по стенам диваны для зрителей, сама картина на возвышении в виде пьедестала из темно-малинового бархата, в богатой, старинной, в помпейском стиле раме. Величиной она аршин около четырех. Первое впечатление чего-то крайне чистого и благородного; особенно бросается своей силой выражения маленький Христос, он не по летам серьезный, глаза его полны необыкновенного ума.

Святая же Мария отличается скромной и покойной постановкой позы и чистым, ясным выражением глаз. Она, может быть, с духовной стороны даже ниже «Мадонн» Боттичелли и Филиппо, но совершеннее последних по форме исполнения и тем превосходит своих предшественников... Прелестны два ангела внизу.

Что же касается св[ятой] муч[еницы] Варвары, папы Сикста II, то они ничего особенно не представляют.

В общем же я на эту вещь должен посмотреть еще и посерьезнее, для чего и остался еще на один день, и еду в Берлин завтра в 2 часа дня, там буду в 6 часов, а в 11 вечера выеду в Россию, куда приеду в четверг в 12 ч. дня. [...]

Сегодня же, выходя из галереи, встретил Остроухова, который здесь со вчерашнего дня. Он представил мне свою супругу, довольно некрасивую, но, кажется, из рода Боткиных, что значительно искупает ее недостатки. Сей Остроухов женился недели три и теперь путешествует на широкую ногу, остановился в одном отеле с князем В. А. Долгоруковым, что немаловажно.

Остроухов меня порадовал тем, что сообщил, что в Москве (в Абрамцеве) сейчас живет В. М. Васнецов, которого я, вероятно, увижу по приезде в Москву.

В общем, Дрезден гораздо симпатичнее Берлина. Он совсем старинный город, тут много хороших старых построек, как то дворец, собор, из новых очень хорош театр и несколько памятников. [...]

Вот я и был за границей, что-то будет дальше, будет ли польза? или выйдет так, как говорит пословица,— «не в коня корм»... Не дай-то бог!

По приезде домой, отдохну дней пять и за дело. В Москве Остроухов передает мне свою мастерскую за небольшую цену на два месяца (это лучшая мастерская в Москве, ее выстроил В. Маковский для себя).

48. Н. А. БРУНИ *Хотьково. 20 августа 1889 г.*

Добрый Николай Александрович, с первого дня своего возвращения домой собираюсь писать Вам, тем более, что к тому есть прямая необходимость, даже обязанность: в скором времени по отъезде Вашем из Парижа, на Ваше имя в гостиницу пришло письмо, которое я обязался передать Вам, что и делаю только лишь теперь, но да будет надо мной Ваше прощение, право, так было много дела, возни, хлопот, что каждый день, усталый и злой, откладывал писать Вам до сегодня. Пишу Вам, конечно, в возможно краткой форме. Начну с Парижа, который я оставлял в самом лучшем настроении, хотя усталый до последней степени.

Изо дня в день бывал на выставке, просиживая часами перед «Жанной д'Арк». И чем более знакомился я с ней, входил во внутренний мир этой чудной девушки, проникался всем тем, что воспитало такую возвышенную поэтически-восторженную душу, тем более все остальное принимало в глазах моих бесцветный, бледный и безжизненный тон. На «Жанну» я смотрел уже, не принуждая себя, не как на картину, а как на реальное явление, проявившееся в такой дивной форме. Уезжая, я с ней искренне простился, зная, что никогда более не увижу этих тихих голубых очей. Я испытывал состояние влюбленного при прощании со своей милой... Спасибо Б[астьен-]Лепажу, это поистине великий художник, который, создав «Жанну д'Арк», искренне сказал, как любит он свою родину. Не любя реально этой отвлеченной идеи, нельзя было и выразительницу ее воспроизвести так сильно и правдиво.

Пювис де Шаванн — другое дело, хотя он и содержит в себе неоспоримое присутствие духовной силы, но боже избави всякого христианина или басурмана [...] подражать ему. А желающих у него позаимствовать есть, говорят, масса охотников, не завидую им, если даже они и обладают долей того чувства, которое одно дало П[ювису]де Шаванну то имя, которое он имеет.

В общем, многое, что прежде так казалось велико и блестяще, теперь померкло и стало скучно и заурядно. В общем, Париж оставил впечатление симпатичное, начиная с людей до внешнего его вида. [...]

Теперь два слова о своих деяниях. Живу я в Хотькове, работаю этюд к карт[ине] «Явление старца отроку Варфоломею» (пр[еподобному] Сергию) [1]. В другом письме пришлю набросок композиции, а пока скажу, что эта вещь вернее, чем другие, задуманные мной, может увидать свет божий. [...]

49. Н. А. БРУНИ *Дер[евня] Камякино. 12 сентября 1889 г.*

Добрый Николай Александрович, благодарю Вас за память, Ваше письмо многое воскресило из пережитого недавно. «Злоба дня» отодвигает часто те дорогие впечатления, которыми наградила нас Италия. Не видать «Тайной вечери» [1], правда, есть крупный недочет в моей поездке, но разве я одну «Тайную вечерю» не видал, не видал я и гробницу Медичи [2], не видал я музея Брера [3], да и еще многое кое-что, и это, может быть, к лучшему: когда-нибудь судьба, быть может, захочет побаловать меня

еще разок, тогда, научившись глядеть и понимать виденное глубже и яснее, верну теперешние недочеты.

Живя в деревне, в двух верстах от Абрамцева, я часто бываю там, иногда Елизавета Григорьевна Мамонтова берет книгу и читает что-либо, выбор обыкновенно бывает удачный, и слушаешь с неподдельным удовольствием. Так, недавно она предложила прочесть «Письма из Флоренции» Буслаева, и передо мной снова, как живая, встала чудная Флоренция, побывал я с Буслаевым и в С[ан] Марко, и в Питти, полюбовался «Персеем» [4], посидел у Фра Анжелико, Ф[илиппо] Липпи и у других «приятелей». Хорошо стало на сердце, и невольно пожалел, что это уже прошло, будут ли когда-либо подобные чувства и в такой же силе пережиты еще раз — неизвестно...

Слава Богу, что беда, которая было надвинулась на Вас, миновала...[5] В надежде получить подробное описание Вашей новой картины, про которую я, по-видимому, не знаю ничего (если это не то, для чего Вы работали этюды в С[ан] Марко), опишу Вам свои затеи и если останется место, то сделаю набросок с эскиза. Сюжет своей картины я Вам, кажется, говорил еще в Италии: это «Видение отроку Варфоломею» (преп. Сергию). Интерес картины заключаться должен в возможной поэтичности и простоте трактовки ее. Достигну ли я этих, по-моему, главных и совершенно необходимых условий картины, скажет будущее. Эскиз же пока меня удовлетворяет. А также нравится он и тем, кто видел его, в том числе и Е. Г. Мамонтовой, которая в данном случае может быть довольно надежным судьей. Серый, осенний день клонится к вечеру, тихо стоит еловый бор на пригорке, ветер не шелохнет и листика молодых рябинок и берез, раскинувшихся по откосу сжатого поля, далеко видно кругом, видна и речка, видно и соседние деревни. За лесом выглядывает погост — на нем благовестят к вечерне...

Уже давно Варфоломей ходит по полю. Отец послал его искать лошадей. Он устал, хотел присесть у дуба, подходит поближе, около него стоит благообразный старец. Он молится. После молитвы старец любовно подозвал Варфоломея к себе, благословил его, утешил и дал ему частицу тела Господня, а затем вместе с Варфоломеем пошел в дом отца его.

Вот приблизительный набросок того, что описано выше [6]. Пейзаж и фигура Варфол[омея] почти готовы. Еще проживу здесь недели три, и думаю, что за это время успею сделать все этюды, нужные к картине. [...] Напишите впечатление Ваше от наброска и до времени не показывайте его никому из художников.

50. Е. Г. МАМОНТОВОЙ

Уфа. 20 декабря 1889 г.

Глубокоуважаемая и добрая Елизавета Григорьевна, примите мои поздравления с наступающим праздником и Новым годом. Искренне желаю всего доброго и хорошего как Вам, так и всем близким Вашим. Много вероятного, что в недалеком будущем я буду иметь возможность вернуться в Москву, а следовательно, и быть у Вас.

Отъезд мой в Уфу, вызванный логическим ли течением обстоятельств, а быть может, и известной странностью, на которую натолкнули меня мои неважные нервы, так или иначе, но до сего времени меня не оставляет тяжелая мысль, что, не воспользовавшись Вашим более чем любезным предложением переехать в Абрамцево, я навлек на себя Ваше нерасположение; потерять [Ваше расположение] мне было бы больно и тяжело, почему — потому что я, как и большинство знающих Вас, особенно молодежи, вижу в Вас высокое проявление простоты и сердечности. Ваша готовность терпеливо выслушать и дать по возможности добрый совет в случае какой-либо невзгоды — дорога бесконечно. Я думаю, что [чем] человек более отдален по складу обстоятельств от тех качеств, которые делают жизнь нормальной и легкой, как для самого субъекта, а так и для людей его окружающих, тем потребность в такой особе, как Вы, чувствуется настойчивее и необходимее.

Словом, если оставалось в Вас хотя отдаленное чувство неприязни ко мне, то прошу меня простить.

Моя поездка в Уфу мало дала мне утешения, приехал я больной, пресловутая инфлюэнца заставила меня неделю вылежать в постели, и я, слабый еще, принялся за картину, но, верно, в недобрый час... У меня закружилась голова, и я, упав с подставки, на которой сидел, прорвал свою картину.

Начались для меня и окружающих тяжелые дни ожидания, когда г-н Мо поспешит выслать мне новый холст. Холст пришел, и я, как голодный, кинулся к картине. Три недели я буквально работал с утра до вечера, и теперь картина замазана вся, осталось ее довести до возможного для меня совершенства в разработке частностей, и я, как только будет возможность везти ее, сейчас же уеду из Уфы, с тем, чтобы в Москве кончить ее в раме, и прошу Вас еще раз, Елизавета Григорьевна, не отказаться *первой* высказать свое мнение о моем «Отроке Варфоломее». При разработке картины я держался все время этюдов, и лишь удалив венчик с головы Варфоломея (Сергия), я оставил таковой над Старцем (Видением), показав тем в нем проявление сверхъестественное.

В. И. Сурикову писал недели две назад, передал от Вас поклон, просил его ответить, а Вас прошу при случае поклониться от меня В. М. Васнецову.

1890

51. РОДНЫМ

Москва. 6 марта 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша, лишь позавчера я выбрался из Питера и, проехав верст сто, уже почувствовал некоторое облегчение, а чем ближе подъезжал к Москве, тем мне было лучше, и лишь здесь, в Москве, я во всей силе представил себе тот ад, в котором прожил целый месяц. 28 февраля открылась Академическая выставка. Государь был накануне, он ничего не купил и был немилостив, государыня купила пустяки, и «весь царствующий дом» тоже немного. В общем выставка хотя и лучше, чем обыкновенно бывала, но масса дряни (всего четыреста двадцать кар[тин]) задавляет собой вещи хорошие. Самая свежая, хотя несколько грубая, это картина Творожникова «У церкви», она, кажется, куплена Третьяковым. Недурна картина Аскназия «Экзамен из талмуда». Нарядна карт[ина] Маковского. Неважно Кошелев и Новоскольцев. Бакалович и Степанов тоже слабее, чем прежде [1]. Но зато газеты надсажаются, хвалят все повально. Тот же «Житель», не разбирая ничего, распинается в похвалах [2]. Репин это объясняет тем, что Товарищество не умеет обходиться с репортерами, оно их до открытия не пускает на выставку, а то и просто гонит вон, тогда как в Академии их не только не гоняют взашей, но приглашают, угощают в ресторанах и дарят этюды, так делают и в Париже. Внемлет ли Товарищество всему этому, неизвестно, но было бы неплохо, если бы оно перестало их гонять, как ни мелки и подлы эти собаки, но и у них есть самолюбие.

С Третьяковым я виделся в Питере, взял у него 150 руб., и меня очень тронула его внимательность ко мне: когда он давал деньги, то осведомился, что крепкий ли у меня бумажник, и велел хорошенько при нем положить деньги и прибавил, что деньги нужно беречь. Потом приглашал меня в Москву к себе (я буду у него завтра и получу деньги). Насилу мне удалось его уломать прибавить череп у мальчика и сбавить у затылка, теперь и он находит, что лучше, и я спокойнее. Картина моя назначена в путешествие, но Третьяков с моего согласия и с тем, чтобы не давать повода волноваться мне, хочет просить Товарищество взять ее в Москве. Гугунова вещь не идет в провинцию, Иванова тоже [3]. Третьяков еще раз подтвердил (хотя он все читал, что писано было в газетах), что все же бы он мою вещь купил бы и после того, что было, *но, может быть, на других условиях* [4]. Вообще же был очень любезен. Спраши-

вает, что я делал в Питере, и просит захватить наброски к «Сергию»[5]. Репортеры тоже стали ко мне помягче. На выставке (академической) со мной познакомился редактор «Правительств[енного] вестника»[6], который хотя и признался, что вещь мою не понимает, но сказал, что она ему нравится и он бы хотел со мной поближе познакомиться и поговорить, но это было уже поздно, а на другой день я уезжал в Москву. Заметка о моей картине есть в «Русских ведом[остях]» и последнем номере «Всемирной иллюстрации», уже несколько мягче[7]. В «Моск[овских] вед[омостях]» писал Соловьев, мнение которого уважает Третьяков, хотя Соловьев его и бранит всегда за Репина[8]. Еще, между прочим, Третьяков утешал меня, сказал тоже, что и Вы, папа именно,— что много есть случаев и в литературе, что начинающего писателя ругают, а потом его же начинают хвалить и в конце поймут и полюбят, ладно бы так-то. Хотя, правда, я своей вещью приобрел много самых горячих и рьяных сторонников, которым так же достается за меня, как мне за «Варфоломея».

В Москве я проживу числа до 10-го, подожду Васнецова из Питера, и вместе поедем в Киев[9]. Сегодня буду у Мамонтовых. [...]

52. РОДНЫМ

Москва. 11 марта 1890 г.

Наконец-то определилось окончательное положение, хотя и не в столь выгодном виде, как того хотелось. Из письма, присланного мне В. М. Васнецовым, я узнал «нечто», что в значительной степени расстраивает мои планы. Во-первых, картоны[1], по болезни, еще не готовы и, кроме того, нужно собрать еще Комиссию, которая утвердила бы их, все это возможно устроить лишь к августу, теперь же, чтобы занять меня чем-либо, Васнецов предлагает мне работать сорокааршинный «Рай», но на самых скромных условиях, а именно 100 руб. в месяц, и, сомневаясь в том, что я возьму эту работу, просит, чтобы я приехал в Киев и там на месте, может быть, удастся что-нибудь устроить. В общем, письмо самое сердечное и сочувственное. [...]

В пятницу я был у Третьякова, принял он меня очень любезно, но денег дал лишь *половину*, объясняя тем, что он всегда делает в более крупных расчетах с художниками так, что платит половину сейчас, а другую тогда, когда вещь придет из провинции. Нечего делать, согласился, тем более что хотя моя вещь и назначена в путешествие, но Третьяков, с моего позволения, хочет просить Товарищество отдать ее ему после моск[овской] выставки. Картина ему по сие время нравится, он дал мне прочесть статью Стасова в «Север[ном] вестнике», где Стасов бранит меня, выдержку из статьи прилагаю здесь[2]. Показывал Третьякову наброски будущей картины[3]. Композиция ему понравилась, понравился и дух картины, после долгой беседы он проводил меня, поцеловавшись, и пожелал всякого успеха. Между прочим, он, как и Поленов, советовал ехать в Киев, но не утруждать себя работой и поберечь силы на картину. Поленов хотел озаботиться постановкой картины в Москве. Здесь все поздравляют меня с успехом. Статьи в «Московских вед[омостях]», в «Неделе» и еще в журнале «Художеств[енные] новости», издаваемом Академией худож[еств], посвящают мне лестные строки. Последний журн[ал] посылаю вам.

Кроме того, я слышал, что есть хорошие отзывы в «Русских ведомост[ях]» и в газ[ете] «День»[4]. Завтра еду в Киев, в среду буду там. [...]

53. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Киев. 15 марта 1890 г.

Вчера, после скучной дороги, я приехал в Киев, остановился в гостинице Чернецкого, на Б. Владимирской ул., близ Васнецова и напротив Прахова. Переодевшись и попив чайку, я пошел отыскивать собор, который оказался близко. С наружной стороны он не отличается ничем особенным от большинства киевских церквей, которые берут свое начало от киевского Софийского собора. Спросил В. М. Васнецова, меня

пропустили внутрь. Глазам моим представилась целая масса лесов, и лишь кое-где виднелась голова какого-нибудь гигантского святого, пророка, рука, часть аксессуара и т. д. По лесам я начал подниматься на левое крыло, на хоры, спрашивая по пути, как мне добраться до В. М. Наконец я увидел и его таким, каким он снят на фотографии, в длинной синей блузе, выпачканного краской и с большой палитрой в руке. Он, узнав меня, радушно поздоровался, расцеловался и поздравил меня с успехом. Я ему привез фотографию (он знал вещь по каталогу). Картина [1] ему очень нравится, он находит ее интересной и вполне русской и не согласен с Праховым, который видит в картине влияние Запада. Затем начал водить по лесам, показывая одну за другой свои работы. Первое, что я видел,— это огромные эскизы для «Рая». Изображено преддверие рая, и праведники толпой спешат к нему, тут видно св. Варвару, Екатерину, праведные цари, пророки, святители — все они идут или их несут ангелы на крылах своих к небу. Затем, против входа, в алтаре, колоссальная Богоматерь с предвеч[ным] млад[енцем]. К ней с боков прилетают и уносятся в небо тучи херувимов и серафимов. Внизу, в алтаре против престола изображено таинство евхаристии. Справа наши правосл[авные] святит[ели]: Феодосий, Сергий Рад[онежский], Филипп — митрополит Московск[ий], Антоний и др. Слева православные древние учители: Иоанн Злат[оуст], Григорий Богослов и др. Все это переплетено чудными орнаментами по золотому полю. Обежав бегло, осмотрев мельком раб[оты] Сведомского и Котарбинского, меня В. М. отправил домой, предварительно представив Котарбинскому, подвернувшемуся Терещенке с женой, к которым он отправился смотреть новые портреты Кузнецова и завтракать. Дома меня встретил брат В[иктора] Михайлов[ича] [2], потом вышла жена, моложава и симпатична, но вся седая. Выбежали ребята, все они в стиле Васнецова, а один из них (мой любимец) встречается во всех серафимах и херувимах [3]. Живет Васнецов хорошо, но не роскошно. Немного погодя пошли завтракать, и после завтрака через час пришел В. М. — и пошли разговоры. Говорили много. Он человек интересный, своеобразный, говорит образно и остроумно. Затем поехали с Апол[линарием] Мих[айловичем] на край города к Светославскому, который болен, его может постигнуть та же участь, какая и того художника, который ослеп у Немировича-Данченко в романе [4]. После Светославского приехали опять к Васнецову, там пообедали и спустя часик отправились к Прахову. Тот меня встретил с поцелуями и очень радушно. Семья его странная, все похожи на помешанных, хотя этого на самом деле и нет (семью в подробностях стоит описать отдельно). У Прахова было много народу, по случаю получения нового заказа Котарбинским пили шампанское. Сегодня Прахов звал обедать, и многое решится или выяснится относительно самостоятельной работы, чего очень желает Васнецов. Так или иначе, я в Киеве останусь на несколько дней и еду под Москву писать этюды к картине [5] и остаюсь там до июня, после же еду до августа на Кавказ, а затем уже в Киев на зиму, где если не буду работать самостоятельно, то буду помогать Васнецову, к тому времени эскизы святителей будут готовы.

54. РОДНЫМ

Киев. 16 марта 1890 г.

Начиная это письмо, я не знаю, когда оно будет кончено, но это неважно. Вчерашний день не принес ничего нового, обед у Праховых не дал возможности переговорить о деле; было много народу, и Прахов меня просил быть у него сегодня вечером. Странная семья этих Праховых, вольность обращения с гостями доходит до крайних пределов, хотя я и был еще в Москве предупрежден о m-me Праховой как об эксцентричной женщине, но ее выходки превзошли все ожидания. Она, нимало не стесняясь, ругает своих гостей дурачками и болванами, невзирая ни на их положение, ни годы. Меня она предупредила, что даст мне немного время прийти в себя, но что скоро я должен буду подчиниться общему порядку. Несмотря на все нелепое в этой даме, говорят, она добрая, и их дом один из приятных в Киеве и всегда полон народу. Живут они богато, он числится профессором в университ[ете] св. Владимира, затем председатель

комиссии по постройке храма и «его превосходительство». Со мной он очень любезен и внимателен.

Теперь вкратце опишу впечатление, полученное от Васнецова. Это человек простой, прямой, но сдержанный, в нем почти нет тех диких порывов, которыми так богата природа Сурикова. В глазах его много чего-то задумчивого и мягкого, но иногда это переходит в чистосердечную веселость. Он в полном расцвете мужественной силы, труд его почти не утомляет. Встает он рано и в 9 ч. уже на лесах, в 12 ч. идет завтракать, затем часа два отдыхает и снова идет в собор до вечера. По-видимому, он прекрасный семьянин. Жена его — докторша, но в ней нет ничего такого, что бы отличало это звание, она скромная, приятная женщина с моложавым и симпатичным лицом, но совсем уже седая, несмотря на свои тридцать восемь лет.

Вчера я с утра снова осматривал собор, уже более сознательно и спокойно. Чудный памятник по себе оставит Васнецов русским людям. Они будут знать в лицо своих святых, угодников и мучеников, всех тех, на кого они хотели бы походить и что есть их заветные идеалы. Вот как живые стоят Феодосий, Сергий Радонеж[ский], Филипп — митроп[олит] Московск[ий], повыше пророки. Тут типы равны Микеланджело. Вот Моисей, там Иеремия, Соломон, царь Давид — все они переносят зрителя своими образами в далекое прошлое, дают возможность представить себе целые народы, их обычаи и характеры. Был вчера я в куполе, видел Христа, здесь нет того мудрствования, какое видно у Ге [1]. Христос Васнецова традиционен, но исполнен красоты внешней и внутренней. А сколько поэзии во всех тех серафимах, херувимах, то там, то здесь пересекающих небо своими разноцветными крылами, эти дивные орнаменты, позолота, все это дает храму благородное изящество, и настроение, получаемое от него, близко тому, что ощущаешь после S[t] Marco в Венеции. Желал бы я жить лет через двести и посмотреть собор св. Владимира, когда вся эта позолота утратит свою новизну, краски излишнюю яркость, рассчитанную на много веков. Видел я Васнецова эскизы к Апокалипсису. Тут художественное творчество доведено до того, что если не знать аллегорический смысл Апокалипсиса, то можно, глядя на эти картины, сойти с ума. Это грандиозные сны, это страшный кошмар, это рай! это ад!.. К сожалению, комиссия не нашла возможным допустить эти вещи к исполнению ввиду того, что это не будет понятно для молящихся.

Вчера же я был в Софийском соборе. Там сохранилась удивительная мозаика и еще кое-что.

17 марта.

[...] Утром я пошел с А. Васнецовым в К[иево]-П[ечерскую] лавру. Главная церковь внутри не хороша, все новое и грязно, и я уже начал злиться, но, побывавши в пещерах, я остался очень доволен. Они производят более сильное впечатление, чем римские катакомбы. Видел мощи Нестора-летописца, Иоанна-постника и много других... [2] После мы пошли в сад, где уже поют птицы, летают бабочки, словом, весна во всей красе, внизу протекает Днепр широкий, а там бесконечные дали... Погуляли, отправились закусить в монастырскую столовую (дворянскую), где за 70 коп. наелись вдвоем до отвалу, напились квасу и пошли на Аскольдову могилу, где особенно ничего не нашли и вернулись домой, я напился чаю, отдохнул часика полтора и пошел к Прахову, где был и В. М. Васнецов. После разговора с Праховым дело установилось таким образом. Кроме работы, предложенной Васнецовым по его эскизам, состоящей из шестнадцати фигур святителей, которые будут готовы в эскизах в августе, мне Прахов предлагает сделать эскизы самостоятельные на темы: «Рождество Христово» (правый придел, запрестольная стена, аршин в 9, на хорах; картина будет вся видна, потому что иконостас в стиле XII века, вышиной не более 3 аршин), «Воскресение Христово» (в левом приделе, на хорах же) и если эти мне не понравятся, то в крестильне (род алтаря) расписать стены из жизни Владимира и из жизни же Владимира (когда он не был еще христианином) расписать стены по лестнице, ведущей на хоры. И если эскизы будут подходящи и Комиссия их утвердит, то эта работа останется за мной. Из отношения ко мне Прахова видно, что он желает, чтобы я работал в храме. Вчера Васнецов представил меня здешнему вице-губернатору, который

состоит почетным председателем комиссии. Не знаю, что будет дальше. Завтра с 9 ч. утра иду к Праховым снимать кальки с древних византийских образов, которые должны послужить первообразами будущих картин. Если успею отделаться, то вечером же уеду в Москву, поселюсь около Абрамцева. Пишите в *Хотьково до востребования.* [...]

55. РОДНЫМ *Абрамцево. 26 марта 1890 г.*

[...] Вот уже третий день, как я живу в Абрамцеве, мне Е. Г. Мамонтова любезно предложила поселиться в одном из флигелей, очень удобном, меблированном если и не богато, то вполне достаточно. Комната, которую я занимаю, большая, в три окна, светлая, выходит на поле, вдали видна деревня Быково, а еще дальше синеет лес. Обедаю я у учителя и плачу с ужином и чаем 15 рублей, ходить всего сажен 10–15. С вчерашнего дня начал писать этюд, а вечером скомпоновал эскиз «Воскресенья» и на днях начну его писать красками (его видела Поленова, и ей он очень нравится). «Рождество» пришлось уступить Серову, которому эта тема была предложена раньше (года два назад), и теперь он сделал очень интересный эскиз и обещается начать работать тотчас, как эскиз будет утвержден [1]. Кроме того, у меня намечено несколько тем из жизни св. Владимира для крестильни. Пасху, вероятно, буду встречать в Москве у Кабановых, хотя Мамонтова звала встречать вместе в Абрамцеве, но к ним наедет много знакомых, и я думаю улизнуть.

С этой же почтой посылаю вам номер «Недели» от 18 марта, где меня хвалят вторично и усерднее прежнего [2]. Вот не было гроша, да вдруг алтын. В Москве мою картину Поленов хотел поставить на лучшее место. «Что есть истина?» Ге с выставки снята в Петербурге недели за две до конца выставки [3]. Бестактность печальная, сами дали картине такое значение, которого она не стоит. Интерес ее вырос в глазах наивных и невежд...

Что-то ждет «Отрока Варфоломея» в Москве? [...]

56. РОДНЫМ *Абрамцево. 8 апреля 1890 г.*

[...] Праздники я провел скучно, причин тому много: во-первых, погода стояла скверная — то дождь, то снег и холодно, затем порасстроился опять и с выставкой. Картина моя хотя и поставлена хорошо, но соседство Репина портит все дело. В общем картина в Москве, так же как и в Питере, не нравится, за исключением очень немногих чудаков. Оставляя в стороне сюжет ее, остается странно слабая техника, что особенно заметно, когда картина стоит близко около таких сильных техников, как Репин и Серов [1]. Насколько мне удалось слышать, картиной остались недовольны как те, которые слышали про нее много хорошего — они не нашли ее столь хорошей,— так и те, которые шли посмотреть небывалое безобразие, не нашли также и безобразия большого, словом, и та и другая сторона не удовлетворена.

По отдельностям приходилось много слышать неприятностей: так, одна знакомая барышня, встретив меня на выставке, простодушно заявила, что картина моя «еще не так безобразна», как она того желала бы, начитавшись про нее в газетах. Приходилось слышать и то, что я ненормальный. Два господина уверяли третьего, что они из самых верных источников знают, что я постепенно схожу с ума, и т. д. ...Словом, к четвергу я был совсем готов, и слава богу, что уехал. Уехал и просил, чтобы никаких сведений о выставке мне не давали, зная заранее, что будут бить беспощадно. Наибольшим успехом на выставке пользуются Репин, Архипов [2] и Серов... Иванов сильно хлопочет с петицией в «Товарищество», где в виде предлога к распре выставлена просьба о допущении экспонентов в жюри, собрано много подписей, я, не видя еще ничего поло-

жительного, пока воздерживаюсь от подписи, памятуя, что написано пером, то не вырубишь топором [3]. Сегодня была у меня Мамонтова и немного утешила меня.

С вчерашнего дня начал работать, хотя пока путного ничего не сделал. На этой неделе хотел бы написать эскиз «Воскресения» для Киева, успешно ли — не знаю.

Дорогая Саша, к тебе на этот раз есть у меня просьба, вот она. Воздерживайся употреблять (а паче того злоупотреблять) слова «знаменитый», «известный», «гениальный» и вообще громкие слова в связи *с моим именем*. Не прими это за лицемерие, это есть нечто, от чего меня постоянно коробит и делается больно. А если это шутка, то шутить этим нездорово и опасно... Да и вообще скажу, что писать те или другие чувства и воображать что-либо запретить нельзя, но думаю, что высказывать вслух, при посторонних в особенности, эти чувства более чем опасно, есть люди злые, они ищут случая посмеяться над слабостью людской и смеются беспощадно...

Свой этюд «Монастырь S. Constanzia» я вчера подарил Е. Г. Мамонтовой, ей подарок понравился. Вообще на нее и Абрамцево сильно я рассчитываю в смысле успокоения нервов...

57. РОДНЫМ

Абрамцево. 1 мая 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша, сегодня я только что вернулся из Москвы, где пробыл 3 дня, были кое-какие дела. [...]

В Москве сильно агитируют экспоненты, готовится петиция, инициатором которой есть Иванов, ему сильно помогает сестра Поленова. Всеми правдами и неправдами собрали четырнадцать подписей. Многие после, разобрав дело, чешут в затылке, да поздно... Я не подписался. Остроухов объявил себя противником этой затеи и готовит контрпетицию, где я тоже не подпишусь, не зная твердо того, как поступлю я тогда, когда у меня будет картина. Если я буду уверен, что в Товариществе я лишний, то уйду из него и без подписей, которые делают лишь ненужный шум и отвлекают от дела. Поленов по своей бесхарактерности не знает, куда пристать, и лишь теряет себя в мнении товарищей и частью молодежи [1].

Что будет — неизвестно. Приезжал по этому делу Ярошенко и усмирил на время неурядицу, которая загорелась было и между членами. [...]

«Варфоломей» теперь уже в галерее, но я выдержал характер и не побывал там, отложив до приезда Георгиевской [2]. «Пустынник» висит теперь, где этюды Иванова, рядом с «Медведями» Шишкина. Разговаривая с философом о «Варфоломее», я узнал, что в числе моих сильных приверженцев стоит семья Самариных (славянофилы, один из них недавно вел полемику с В. Соловьевым в «Новом времени») и Хомяковы (тоже славянофилы). Это, конечно, утешительно уж по одному тому, что это, как известно, люди очень умные и образованные и стоят во главе целого направления, которое мне симпатично.

Работаю теперь несколько пободрее. Сделал недурной рисунок: «Препод[обный] Пафнутий Боровский». Только что Е. Г. Мамонтова вернулась из Киева, завтра будет у меня. [...]

58. РОДНЫМ

Москва. 17 мая 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша, письмо ваше я получил в Абрамцеве перед отъездом в Москву, где была Ольга и где я с ней виделся. Вчера они уехали в Уфу, где и будут, вероятно, в понедельник. [...] Сегодня был в галерее, но раньше, чем попал туда, пришлось постоять с полчаса на улице, по причине того, что галерею осматривал итальянский принц, которого, после полуторачасового пребывания там, насилу утащили на маневры, он сожалел, что не может еще раз посетить галерею. В особенном восторге от Поленова и Левитана. «Варфоломей» повешен хорошо (внизу), рядом

с «Пустынником», там, где висят этюды А. А. Иванова, на той стене, где висел «Лес с медведями» Шишкина, «Варфоломей» в середине, «Пустынник» в углу, а «Медведи» у двери к Поленову.

О «Варфоломее» говорят, есть хороший отзыв в журн[але] «Артист», я не читал [1]. Вечером сегодня был у Третьяковых, которые пригласили меня сегодня в галерею. Сам и сама были на даче. [...] Вечер провел интересно, познакомился с Зилоти, с которым и проболтали весь вечер, делясь ощущением от живописи и музыки, в результате получилось много однородного в том и другом [2].

Звали на дачу. Недавно моя знакомая Юргенсон просватана за художника Светославского. Завтра еду в Абрамцево. Сегодня в Москве был проездом Прахов, искал меня, чтобы дать нагоняй за безделье. Эскиз перед отъездом пошлю в Киев. Для картины кое-что сделал. Здоровье временами ладно, а больше неважно. Повторение Дубовской сделал лучше, чем оригинал [3]. «Бар[онесса] Икскуль» также в галерее. «Варфоломей» галерею тоже не портит... а впрочем, на чей взгляд...

Поленов написал интересный портрет с Левитана. [...]

59. РОДНЫМ

Абрамцево. 27 мая 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша, только что получил ваше письмо, благодарю за поздравление и пожелания. Сейчас собираюсь в Хотьково к обедне, о том, что я именинник, никто, кроме учителя, не знает, и с ним-то мы будем пировать — будет пирог и т. д. В прошлом году я этот день был во Флоренции... Вчера у меня была Е. Г. Мамонтова с большой компанией, принесла (подарок) майскую книжку журнала «Русское обозрение», где Соловьев, позабыв Бога и совесть, расхваливает меня, так что совестно просто. Учитель сделал выписку, которую и прилагаю здесь [1]. Эта статья хорошее впечатление сделает на Третьякова, который, кажется, одному только М. Соловьеву и верит. На сей раз он несколько изменяет взгляд на дело, ставя во главе меня и затем уже Богданова-Бельск[ого] и других. Начинается статья руганью по адресу Ге и Новоскольцева.

Не читал еще, что написано в «Артисте», но, говорят, хвалят. Эскиз мой «Воскресение» вчера в своей последней редакции Мамонтовой понравился очень, и, вероятно, он пойдет в Киев, а также есть еще возможность видеть в Абрамцеве Прахова, который теперь в Питере. [...]

60. Е. Г. МАМОНТОВОЙ

Уфа. 28 июня 1890 г.

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна, пишу Вам это письмо накануне своего отъезда в Пятигорск, окончательным поводом к чему послужила моя болезнь, от которой я только начал поправляться, во-первых, во-вторых же — это есть настоятельное желание отца и доктора. Здоровым и довольным выехал я из Абрамцева и сильно хотел сберечь столь редкое настроение до Уфы, но вышло не так. За Казанью я сильно простудился, старания моих спутников помочь мне не удались, и я уже совсем больной приехал в Уфу. Здесь были приведены в действие всевозможные растирания и вспрыскивания (завет бабушек и дедушек), но дело не клеилось. Пришлось позвать доктора. [...] Правда, во время болезни был у меня один день, когда мне было лучше, я мог думать, и воображение работало сильно, и я случайно напал на счастливую концепцию последующей картины из жизни пр. Сергия. Тема — «Прощание Д. И. Донского с пр. Сергием» — была давно мною намечена для серии картин к истории Радонежского чудотворца, но все наброски, какие я делал на эту тему, не были интереснее любой программы. Последняя же мысль, при оригинальности, выдерживает характер стиля и эпохи.

Действие происходит вне монастырской ограды, у ворот, все отъезжающие сидят на конях, тут и иноки Пересвет и Ослябя, тут и дядя Донского Владимир Андреевич [1]. Сам же Донской в последний раз просит благословить его. Он на коленях со сложенными молитвенно руками, он весь под впечатлением минуты и сознания значения ее, глаза полны слез и благоговейного почтения. Сергий же сосредоточен, одну руку положил на голову князя, другой благословляет его. Д. И. Донской рисуется в моем воображении, как и большинство князей того времени, удалым, несколько грубым, но добродушным, с натурой, склонной ко всему чудесному, он настроен несколько мистически. Он легко переходит от веселого пира и забав к вратам обители, тут он также искренен, он проливает слезы, кается, как недавно был искренне весел на своей княжой потехе. Удастся ли все это когда-либо привести в исполнение? [2] Пока же мне хотелось все это удержать как мою тайну.

Работать за болезнью не удалось, а потому обещанный вид Белой выслать не мог, надеюсь другой раз исполнить свое обещание.

Из Киева ни от кого и никаких вестей об эскизе не имею. Был бы Вам, Елизавета Григорьевна, много благодарен, если бы Вы мне потрудились написать, что Вам известно о всем этом деле. [...]

61. Е. Г. МАМОНТОВОЙ — *Кисловодск. 24 июля 1890 г.*

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна, искренно благодарен Вам за письмо и те сообщения, какие я нашел в нем о судьбе моих работ. Ваше письмо перенесло меня в Абрамцево, воспоминания о котором вызывают во мне лучшие чувства.

Вы спрашиваете меня о впечатлении, произведенном на меня Кавказом... Скажу Вам так: Кавказа я никогда не любил, ехал туда по необходимости, природа его мне чужда, в ней нет (по-моему) той тихой песни Севера, которая мне так любезна и понятна у нас... Правда, я не видал «настоящего Кавказа», быть может, тогда пришлось бы мне свои слова взять назад или оговориться. Грандиозное имеет свою неоспоримую красоту, но в Кисловодске, где я и живу теперь, Кавказ еще не носит на себе следов величия и, говорят, не характерен... Кроме того, я попал сюда в невыгодном состоянии духа: я живу на положении больного, в томительном ожидании операции [1] и т. д. При подобном настроении эстетические потребности невольно уступают место тяжелому чувству предстоящей неизвестности. Приехав в Пятигорск, я обратился к земляку доктору с тем, чтобы он дал мне должный совет. Выслушав меня, к моему великому изумлению, он нашел поездку на Кавказ ненужной, а главное то, что мне необходима вторичная операция, и, чтобы уверить меня в своих словах, предложил отправиться вместе с ним к професс[ору] Е. В. Павлову, который подтвердил вышеуказанное мнение. [...]

В Москве я буду в последних числах августа, непременно буду в Абрамцеве, тем более что за последние месяцы много набралось такого, что поговорить и посоветоваться с Вами, Елизавета Григорьевна, есть необходимость. Здесь я часто бываю у Ярошенко. Эта семья, несмотря на разность симпатий, очень хорошая и добрая; в настоящее время у них гостит московская артистка Махина [2], которая не ленится петь и так часто дает мне возможность хорошо себя чувствовать. В письме, посланном Виктору Михайловичу Васнецову, я описал мое положение подробно и просил его ответить мне: удобно ли ему будет ждать меня месяц, а то два, да и вообще просил поподробнее о всем, что касается меня в Киеве, так как Прахов еще письма не присылал.

Работаю я очень мало — не хочется. [...]

62. В. Г. ЧЕРТКОВУ — *Киев. 8 октября 1890 г.*

Искренне уважаемый Владимир Григорьевич, извинившись за долговременное мое молчание на Ваше участливое и сердечное письмо, я прошу Вас принять мою

благодарность за добрую память обо мне. Что касается «философии» в Вашем письме [1], то искренность ее для меня несомненна, так же, как не сомневаюсь я и в том, что все то, во что Вы веруете,— для Вас есть истина и Вы ей отдаетесь всецело, и если бы Вы возымели желание приобщить меня к тем верованиям, которые Вы исповедуете, то я не имел [бы] против этого ровно ничего, выслушал бы Вас охотно, предоставив себе лишь право соглашаться или нет с Вами, сообразно своему складу мыслей и сердца. По натуре своей я склонен менее подчиняться рассудку, чем сердцу, а потому я не хотел бы с последним входить в разлад. Хорошо это или нет, но пусть будет так...

Исполняя основные заповеди Христа и не чураясь добрых советов наших стариков, можно жить в Боге и быть недурным человеком. Правда ли?..

В настоящее время я в Киеве, разрабатываю эскизы для собора св. Владимира и кроме того в недалеком будущем начну писать, по эскизам В. М. Васнецова, святителей православ[ной] церкви. В этом я вижу, кроме подготовительной школы к стенной живописи, удовольствие быть глаз на глаз с творчеством Васнецова, творчеством безыскусственным, добродушным и ясным, как день Божий, способным просветлить и умилить сердце, склонное к порывам жестоким и несправедливым.

Вот передо мной поэтические образы святых мучеников Бориса и Глеба, нужно быть лишь беспристрастным, чтоб видеть в этих спокойных юношах подвижников правды Божией и мучеников за нее. Они стильны, но стиль их лишь способствует возвышению настроения моего сердца, они благообразны, как благообразно само добро. Как не поблагодарить Льва Николаевича Толстого, взявшего темой для своего прекрасного рассказа «Три старца» древний пролог, где с такой наивностью и глубиной изображены, по-видимому, немудрые старцы, их молитвы не были красноречивы и многоглаголевы, но дышали они искренней верой — и старцы спаслись. Глядя на простое, но искреннее (художественное, равно божеское) творчество В. М. Васнецова, мне приходит в голову, что не подобен ли он этим благочестивым старцам?

Отражая образы наших преславных святителей — лучшие идеалы православия и знакомя в образах с ними других, с ясной простотой и возвышенной верой в них, не делает ли он этим угодное Богу?..

Раньше, чем описывать Вам, как я избежал ожидаемой операции, скажу Вам еще несколько слов о старцах. Будучи в госпитале, я сделал эскиз к рассказу Л. Н. Толстого «Три старца» акварелью, на досуге думая увеличить его для Третьякова, оригинал же пришлю Вам, благо он кое-кому нравится [2]. [...]

63. РОДНЫМ

Киев. 15 октября 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

На этой неделе должно многое выясниться. Эскизы «Рождество Христово» и «Воскресение» готовы, были у меня В. М. Васнецов и Прахов, тому и другому эскизы нравятся, и Прахов говорит, что почти наверное, что оба будут утверждены и если будут замечания, то незначительные. На этой неделе будет собрана комиссия, которая и увидит их. Прахову, видимо, я нужен, и Васнецов говорит, что без меня Прахову не устроиться, что я более чем кто ему подхожу.

За Сведомского Прахову достается изрядно, хотя Сведомской сработал хорошо, но слишком реально, мало в его работах того, что есть у Васнецова, про меня же именно думают, что я более буду гармоничен с последним. Я лично могу сказать, что если в моих эскизах и нет большой оригинальности и, может быть, Врубель и Серов сделали бы интереснее, но все же в них есть интимность в одном и поэтическая торжественность в другом. Я не говорю, как В. М. Васнецову хочется, чтобы я получил этот заказ, он старается сильно. Ему кажется, что я более, чем кто-либо, могу назваться его учеником или последователем, он никому бы не доверил с такой охотой своих эскизов, как мне. Недавно он подарил мне фотографию с «Каменного века»,

«Слова о полку Игореве» и «Богоматери». Вообще дружба наша с ним, кажется, искренняя. Жена его тоже ко мне очень внимательна. Бываю я у них чуть не каждый день, а если не прихожу дня два, то это уж считается, что я их «забыл совсем». У Прахова бываю тоже довольно часто. Он, да и вся семья пока очень за мной ухаживают. На днях я был с визитом у вице-губернатора. Принял любезно. Сегодня Прахов просит, чтобы я съездил к остальным, из них самый неприятный визит — это к настоятелю Софийского собора Лебединцеву — самому главному злодею художников, украинофилу и врагу всего, что идет из Москвы. Недавно из Саратова получил два письма, в первом уведомляют, что картина [1] получена и повешена удобно, и извещается, что в скором времени мне город выразит свою благодарность, в другом же просят меня дать «биографические сведения обо мне и моей деятельности» для внесения в печат[ный] каталог музея. [...]

С завтра (вторник 16 октября) начну в соборе помогать Васнецову.

Первые работы мои будут «Муч[еники] Борис и Глеб». На колоннах фигуры по четыре аршина. Затем будет «Нестор летописец» и «Святой Алимпий» (живописец). И если утвердят самостоятельные эскизы, то этими четырьмя фигурами придется закончить помощь Васнецову, а то до весны не управишься.

В следующем письме напишу о результатах комиссии. [...]

64. РОДНЫМ

Киев. 21 октября 1890 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера было заседание комиссии, и она утвердила мое «Рождество» с небольшими изменениями (другие ясли, цвет одной одежды). «Воскресение» же придется вновь переделать, хотя последнее Васнецову и Прахову нравилось больше «Рождества». Нужно им (попам), чтобы Христос был лишь несколько прикрыт саваном, а не в хитоне, то есть так, как делают немцы, а не греки. Разозлился я вчера порядком, ну да, может быть, еще попробую, тем более что комиссия уполномочила Прахова войти со мной в соглашение насчет остальной работы на хорах. На это с иконостасами (двумя) ассигновано 12 $^1/_2$ тысяч, работу нужно сдать к январю 1893 года. Прахов так и вьется около меня, предлагает разные варианты, как например: взять на себя все работы на хорах, кроме иконостасов (восемь святителей на колоннах), два купола (небольшие), два потолка (тоже небольшие) и две запрестольные картины («Рождество» и «Воскресение»), за все это 4 $^1/_2$ тысячи.

Я же ему с первых слов заявил, что ничего не скажу решительного до тех пор, пока не испробую сил своих, то есть пока не напишу «Рождество». Если оно мне удастся — то может быть, если же нет, то я буду лишь бельмом у комиссии. Это говорено было в соборе. Вечером же Прахов, зная, что я у Васнецова, прилетел туда с теми же предложениями. Здесь снова я повторил свое решение, предоставляя Прахову сдавать работу по его усмотрению, но что я не могу заключить контракта ни на что, кроме «Рождества». На что он в конце концов и согласился. «Рождество» я берусь написать в пять месяцев (конечно, буду здоров — напишу в три) за 1200 руб. Это сумма очень дешевая, судя по размеру картины (6 арш. вышины и 4 длины), но не дороже брали и Сведомский с Котарбинским, это верно.

На днях будет скреплено все официально, и тогда за дело.

Эту неделю я проболтался. У Васнецова была инфлюэнца, и он не мог мне сделать необходимые указания насчет «Бориса» и «Глеба», со вторника начну непременно.

Итак, я работаю в соборе, и если бы не картина [1], которую пришлось бы бросить года на полтора, то, пожалуй, я бы рискнул взять на себя все, но с этим трудно примириться, да и потом нужно много энергии, чтобы выйти победителем, ну да что об этом загадывать, это будет видно после «Рождества».

Васнецовы ко мне очень хороши, бываю у них чуть ли не каждый день. Был раз в театре, слышал «Аиду». [...]

65. РОДНЫМ *Киев. 2 ноября 1890 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сегодня я получил ваше заказное письмо. Большое вам спасибо за советы, высказанные вами, я перечитал письмо несколько раз, и оно как бы прояснило мою голову, которая все это время была как в угаре. Прахов изо дня в день заговаривает со мной о новом условии. Теперь уже предлагает всю наличную работу на сумму $18^1/_2$ тысяч, но я упорно отказываюсь, а теперь буду и еще настоятельнее в этом смысле или, вернее, не прибегая к решительному отказу, буду ссылаться на то, что, мол, не уверен в силах и нужно-де их испытать и т. д. ... «Воскресение» — эскиз начну делать, как кончу помогать Васнецову. «Бориса» я ему написал, он остался доволен, и я получил прибавку (вместо 60—75 руб.). Теперь пишу «Глеба», а после него начну прямо эскиз (по утрам), вечером же делаю этюды к «Рождеству», на что, думаю, понадобится месяца полтора, а затем сделаю картон (картина в уменьшенном виде) и начну переводить на стену, писать прямо по загрунтованной стене. Что касается денег, то я их получаю так: при заключении контракта — 300 руб., при начале работы на месте — 200 р. и остальные по окончании картины. Все это время я раздумывал по поводу слов Прахова и Васнецова, что касается первого, то это очевидно, что он выжмет сок и потом выбросит меня прочь, что же касается Васнецова, то тот уговаривает бескорыстно, единственно из того, чтобы собор вновь не попал в руки, подобные Сведомского и Котарбинского, и так уже в нем много опереточного, неуместного к собору, и это ему не хочется. Во мне же он видит единственного человека, который в состоянии не нарушить гармонию с его работами. Но теперь (вчера) и Васнецов обещал меня больше не уговаривать на этот счет, после того как я ему сказал, что он рискует, быть может, когда-либо от меня услышать упрек за собор и за уговаривание работать в нем. Он понял мою боязнь и обещался предоставить решение мне самому, высказав лишь то, что я, по его мнению, мог бы поднять этот труд на себе, во всех отношениях...

Так что вы спите покойно, единственно возможная вещь — это то, что я возьмусь писать иконостасы (на хорах) — 14 образов за 6000 р. Это можно работать и не в Киеве и затем начать после картины, лишь бы кончить к концу постройки собора. Если на это Прахов согласится, то и я, не оставляя своего дела, могу по зимам (летом буду писать этюды к следующей картине) писать эти образа, они небольшие, и время на них пойдет не больше году. Но все это предположение, дальше которого, даю вам мое слово, я не пойду. И как вы верно сказали, раньше нужно составить прочное имя, а то какой-нибудь «бойкий малый» подхватит дорогую мне мысль да и поднесет сюрприз, куда будет не по душе. [...]

66. Е. Г. МАМОНТОВОЙ *Киев. 5 ноября 1890 г.*

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна!

Давно собираюсь писать Вам, но неопределенное положение мое к Владимир[скому] собору заставляло меня выждать окончательного решения. Теперь условие сделано. Я начинаю работать по утвержденному комиссией эскизу «Рождество Христово» и надеюсь писать «Воскресение», переделав его сообразно требованиям комиссии, которая уполномочила Прахова предложить мне взять на себя исполнение всех остальных живописных работ (за исключением орнамента), что должно занять время от двух до трех лет, но, не будучи уверен в своих художественных и физических силах, я уклонился от прямого ответа, желая проверить себя на «Рождестве». Кроме того, желание работать, пока силы молоды и энергия есть, задуманную мною

историю пр. Сергия в картинах, удерживает меня немало, да притом в соборе, кроме «Рождества» и «Воскресения», интересного ничего не осталось, да даже и «Рождество» уже мало подходит к моим художественным симпатиям и настроению (а тут еще комиссия с ее странными требованиями). Остается, следовательно, сумма гонорара (правда, недурная), но мне думается, что в двадцать восемь лет, которые я имею, немножко рано для художника начать помышлять о гонораре, придавая ему руководящее значение в работах, тем более — привычки у меня скромные, много денег же мне свободы не даст...

Но Прахов, а также и В. М. Васнецов настаивают, чтобы я взял это дело. Полагаюсь во всем на время, оно подскажет, как тому быть.

В Киеве жизнь моя сложилась недурно: работ много, часто бываю у Васнецовых, где отвожу душу, иногда ходим с В[иктором] Мих[айловичем] гулять к памятн[ику] св. Владимира, во время подобных прогулок фантазия заводит нас в леса дремучие, уносит в облака... может быть, пройдет много время, прогулки же эти не забудутся, так в них бывает много хорошего, задушевного.

Бываю я и у Праховых.

На днях отсюда уезжает Андрей Саввич[1], с которым теперь у меня общие интересы по собору, так как на хорах орнаменты поручены ему.

67. РОДНЫМ *Киев. 9 декабря 1890 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера я получил ваше письмо, рад, что все вы здоровы и все обстоит у вас благополучно. Что сказать о себе? Хандра несколько поутихла. Сегодня был у вице-губернатора, завозил заявление о том, чтобы на этой неделе соблаговолил собраться комитет, так как к среде будет готов контур на стене (вчера, в субботу, начал работать сам), а также и готов эскиз «Воскресения»; по мне, он вышел лучше первого, и было бы хорошо, если бы его утвердили. Васнецов и Прахов видели его неоконченным, им тоже нравится. [...]

(Между прочим, Васнецов мне передал следующее. Сведомский представил в комиссию свои эскизы, их утвердили и нашли, что они гораздо более в духе соборном, чем прежде Сведомский делал. Так что вице-губернатор уверял Васнецова, что эти эскизы деланы не Сведомским, а мной — вашим покорным слугой. По его [мнению], это лестно для меня, а по-моему, не очень).

На днях получил от Гугунова 30 рублей за проданный на этюд[ной] выст[авке] мой этюд фигурки отр[ока] Варфоломея. Писать же про мои этюды не могли ничего, потому что всего было два и ничтожных. Там царствовали Левитан, Серов, Поленов и из молодых — Малютин и Виноградов. Оставшийся непроданным «Вид Кисловодска» пришлю вам (это мой рождественский подарок).

Бруни мне пишет из Питера, что Рябушкина, которого провалил совет Академии на конкурсе на б[ольшую] зол[отую] медаль, вел. князь В[ладимир] А[лександрович] посылает на свой счет за границу на два года, не стесняя его никакими условиями и выдавая ему по 100 руб. в месяц. Рябушкин — мой старый товарищ по школе, и я рад его успеху, тем более что программа его хороша и он человек способный. Киселев получил академика, вещь не из важных, но звание ему необходимо, как человеку малодаровитому.

Числа 15—16 начну, думаю, «Рождество» красками, о решении комиссии сообщу в свое время. Теперь мне предстоит писать массу писем, и если я Вам буду писать реже и меньше, то не взыщите. В Николин день был с Праховым в театре, слушал «Кармен», а на другой день был опять в театре с Васнецовым, слушал довольно неинтересную оперу «Миньона»[1]. Через одного знакомого имею из Кишинева очень лестный отзыв о «Варфоломее», который теперь в Одессе. Вчера Прахов познакомил меня с графиней Мусиной-Пушкиной, председательницей здешнего Общества поощрения худож[еств]. Она, видимо, простая и милая барыня, но тем не менее я просил

Прахова ко мне в собор никого не водить и не знакомить ни с кем, чем его крайне удивил.

Сейчас иду к нему на вечер, так как сегодня воскресенье.

Хорошо бы успела собраться комиссия и выдала мне деньги к празднику.

68. Е. Г. МАМОНТОВОЙ *Киев. 18 декабря 1890 г.*

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна!

Позвольте поздравить Вас с наступающим праздником и Новым годом и пожелать Вам всего лучшего.

Дела мои в Киеве принимают все более и более определенное положение: недавно Комитет утвердил второй мой эскиз «Воскресение Христово», в настоящее время подписан уже и контракт, и я теперь обязан в шесть месяцев сделать две картины: «Рождество» и «Воскресение Христово» в северном и южном приделах на хорах.

При представлении мною второго эскиза Комитет включил в неприятную для меня обязанность *уничтожить* в композиции *ангела*, для меня же этот ангел был самым приятным и симпатичным местом (Виктор Мих[айлович] разделяет это мое мнение и ратует за меня сильно).

Не говоря о прямой выгоде и важности его для цельности и интереса картины, но решение отца протоиерея Лебединцева есть закон и не для меня одного: Виктор Михайлович немало попортил крови от сего непреклонного блюстителя православия.

Но так или иначе, формальная сторона с Комитетом кончена. В настоящее время я уже начал «Рождество» на стене красками, работаю охотно и много, так что если Бог даст здоровья, то в апреле вновь хотел бы быть в Москве и, поселившись в деревне, приняться вновь за этюды к «Пр[еподобному] Сергию», а затем и за самую картину. Внимание и добрые отношения ко мне Виктора Михайловича не изменились, за что я так много ему благодарен. С семьей Прахова тоже я в наилучших отношениях, хотя бываю у них не часто.

Адриан Викторович в конце праздников собирается через Москву в Петербург.

Время от времени получаю кое-какие новости из Москвы, слышали и об успехе москвичей на конкурсе [1] и порадовались за земляков.

69. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Киев. 19 декабря 1890 г.*

[...] Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше ко мне, оно еще раз доказало, что добрые отношения ко мне, видимо, не нарушены временем. Сожалею, что дела собора до сего времени не дали мне возможность кончить эскиз старцев, и как только кончу, тотчас оригинал перешлю на ст. Россошь [1].

[...] Теперь я уже работаю «Рождество» на стене красками. Композиция картины выдержана в характере легендарных изображений на эти сюжеты, в них я пытался совместить торжественность сцены с поэтической трогательностью ее.

Работаю я охотно настолько, насколько это возможно по отношению к *заказному* сюжету... Если бы мне удалось внести в мой труд долю искренности, я бы не раскаивался в том, что принял этот заказ.

Ваше сообщение о картине Н. Н. Ге [2] очень интересно, по письму Вашему видно, что ему заказана за границей копия, кому же принадлежит сама картина? Если это Вам известно, то я бы просил при случае сообщить мне об этом.

По заведенному обычаю на праздники сюда ждут Передвижную выставку, где увижусь со своей картиной.

Отношения мои с В. М. Васнецовым по-прежнему очень хороши, я часто пользуюсь его советами и опытностью. В настоящее время он работает над картонами к трем

собор[ным] потолкам, по обыкновению все, что он делает, полно высокой фантазии и художественного настроения.

Не помню, писал ли я Вам о возвращении из Сибири В. И. Сурикова (еще в начале осени). Он привез с собой большую картину из сибирской жизни [3] и намерен ее выставить в 1891 году на Передвижной выставке в Петербурге. (Ваше письмо, вероятно, перешлется ему в Россию, в Москву.) [...]

70. Н. А. БРУНИ *Киев. 21 декабря 1890 г.*

Дорогой Николай Александрович, поздравляю Вас с наступающими праздниками и Новым годом и желаю от всего сердца Вам успехов и счастья.

Я так рад был, получив Ваше письмо, в нем столько симпатичного, чувства самые теплые выражены просто и естественно. Я целиком прочел его Виктору Михайловичу, он Вас помнит, хотя смутно, просит передать свой поклон и по письму Вашему, в котором Вы описываете Ваши симпатичные собрания, уподобляет Вас «первым христианам», оно, право, похоже на то! Всюду мерзость запустения в искусстве, любят его больше за прибыльность его, и такое общество идеалистов, право, похоже на идеалистов-христиан.

Я здесь в лице Васнецова имею твердую поддержку в своих молодых чувствах и стремлениях.

Работаю с охотой и стараюсь полюбить то, что воспроизвожу. Теперь я уже пишу «Рождество» красками и сожалею, что словом нельзя передать композиции и настроения картины. Ее еще никто не видал (я не пускаю в алтарь никого). [...]

Недавно мне прислали приглашение и устав Петербургского худож[ественного] общества. Но я, не будучи плодовит, как Ю. Клевер, считаю, что мне за глаза и одной Товарищеской выставки, а потому хочу от лестного приглашения уклониться красноречивым молчанием.

Напишите, пожалуйста, как Вы трактуете Вашего «Иуду»?..

Этот сюжет, говорят, давно разрабатывает Н. Н. Ге, который, между прочим, теперь в Киеве, по обычаю своему всюду треплет Евангелие, толкуя его так, как повелевает Лев Николаев[ич].

1891

71. РОДНЫМ *Киев. 15 января 1891 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера я получил два письма из Уфы. Одно от Вас (строгое), другое от Ивановых, очень приветливое и сердечное. Отвечать им буду вскоре, пока же поклонитесь от меня.

Нового за это время случилось немного. В воскресенье был я в Кирилловском монастыре (XII века). Его реставрировал года три-четыре тому Прахов.

Там между другими художниками есть работы Врубеля (четыре образа в иконостасе). Писал он их в Венеции под впечатлением старинных мастеров и приложил к этому свой удивительный талант, и вышло нечто, от чего могут глаза разгореться. Особенно хороша местная икона Богоматери, не говоря уже про то, что она необыкновенно оригинально взята, симпатична, но главное — это чудная, строгая гармония линий и красок. На днях сюда приехал худ[ожник] Неврев, был в соборе в неописанном восторге от работ Васнецова, расплакался и долго целовал Виктора Михайловича. Мою картину не видал (я ведь не показываюсь никому, закупорен, и у двери вывешено объявление о запрещении входа).

Между прочим, очень хвалит программу Рябушкина «Голгофа», которая занимает уже 7 аршин в галерее Третьякова. На Периодической выставке особенно хорош Левитан [1] (это уже по словам недавно приехавшего из Москвы Мамонтова-сына).

Работа моя двигается. Теперь Богоматерь значительно ближе к тому образу, который мне желательно придать ей, но еще придется работать. Числа 1-го открою картину для «своих», а еще через недельку и, даст Бог, кончу. За последние дни работаю усерднее и с большой охотой, апатия меня оставила, не знаю, надолго ли... Передвижная еще до сих пор сюда не пришла, не знаю, почему, ждут со дня на день. В последних числах этого месяца здесь открывается выставка местных художников, их здесь порядком, но ладу между ними нет; лавры одного не дают спать другим... Вот уже с неделю здесь стоят страшные морозы и ветры.

В воскресенье был в театре, смотрел «Руслана и Людмилу». На концерт Славянского не попал. Он, бедняга, лежит в Житомире в тифе, и билеты возвратили обратно. По слухам, проф. Е. С. Сорокин при смерти. Очень жаль, хороший человек.

72. РОДНЫМ *Киев. 22 января 1891 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера я получил от вас письмо и отвечаю на него. На днях пришла Передвижн[ая] выставка, и я свиделся с своим «Варфоломеем», и нужно сказать, что свиданье это было не из нежных. Я нашел «его» подурневшим, похудевшим, словом, настолько не таким, как того хотел бы, что думаю, сразу сам и подурнел, и постарел лет на двадцать. Убитый пришел к В. М. Васнецову, который не знал, как и утешить меня. Его и то ввел в отчаяние. На другой день я видел картину уже в раме и на месте, и первое невыгодное впечатление сгладилось немного. Сегодня же (вторник) зашел на выставку (она откроется завтра), чтобы переписать фамилию, которую сделал меньше и благороднее. Там нашел Кузнецова и Терещенко, который расхвалил картину, в двадцатый раз пригласил к себе, просил позволения видеть «Рождество». Все ему обещано в свое время. Выхожу с подъезда (выставка в университ[ете] св. Владимира) — встречаю В. М. Васнецова, идущего туда. Условились через час видеться в соборе, где у меня сняты теперь леса, и сегодня я решил показать Васнецову (и только) «Рождество». Работы осталось дней на десять (не написана лежачая фигура, земля и барашки).

С трепетом ждал прихода главного своего судьи. Наконец он пришел и утешил меня. Божится, что моя — лучшая вещь на выставке, потом Дубовской, Серов, Репин. Богданов-Бел[ьский] не понравился [1]. Он ждал по крикам лучшего. Мальчик хорош, но, по его словам, в картине нет творчества и, за исключением мальчика, все напоминает В. Маковского и Максимова.

Но Васнецов согласен, что Богданов-Бельский еще долго будет мне солить на выставках своим успехом, но этим смущаться не следует и т. д. ...

«Рождество» (было уже темно) В. М. тоже понравилось. Богородица хороша, и весь тон симпатичен. Всему этому я очень рад. Прахов на днях прислал две телеграммы, где просит немедленно выслать Васнецова и меня несколько экземпляр[ов] фотографий, а также мое «Воскресение» (эскиз) и три последних эскиза Викт[ора] Михайловича.

Прахов просит на собор еще 442 тысячи, но ему не дают, и вот нас выдвигает он в виде резервов, что-то будет?

Е. Г. Мамонтовой эскиз «Рождества» нравится, и она просила купить ей один экземпляр фотографии, но я решил ей послать в виде подарка.

Кузнецов на днях начнет писать большой портрет с Васнецова в блузе, и в фоне одна из его соборных картин. Должно быть очень интересно... [2] Сегодня получил огромное письмо от Светославской с описанием выставок. [...]

73. Е. Г. МАМОНТОВОЙ *Киев. 4 февраля 1891 г.*

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна!

Андрей Саввич передал мне желание Ваше иметь снимок с моего «Рождества», а также и Ваш отзыв о нем, который меня немало обрадовал. (Интересно, как Вы найдете оригинал.) С этой же почтой посылаю Вам фотографию с картона, который в деталях имеет некоторые отступления от оригинала. На днях я кончил «Рождество», и его видели Виктор Михайлович, Кузнецов и еще кое-кто, и по отзывам первое впечатление благоприятное. На днях начинаю делать рисунки, затем картон, а там и самый образ «Воскресения» на стене. (Проездом через Москву А. В. Прахов, думаю, покажет Вам фотографии с эскизов Виктора Михайловича и мой эскиз «Воскресения», которые ему высланы в Петербург по телеграмме.) Я очень рад, что судьба свела меня в работах по собору с Андреем Саввичем. Его орнаменты мне крайне симпатичны, и приятно то мирное соглашение, которое до сих пор существует между нами в этом деле. Я в отношении Андрея Саввича испытываю те же благодарные чувства, какие бывают у рисовальщика к талантливому граверу, зная, что таковой не только не испортит рисунка, но часто придает ему нечто совершенное. В настоящее время здесь три выставки: Сухаревского, «южан» [1] и Передвижная. На первой я не был, на второй есть кое-что интересное, между прочим талантливый жанр начинающего художника Костенко (помощник Викт[ора] Михайловича). На Передвижной нового почти нет. «Варфоломей» и здесь имеет больше хулителей, чем хвалителей, но, к моему утешению, к последним принадлежит Виктор Мих[айлович] Васнецов...

Хотелось бы знать, что работают Василий Дмитриевич и Елена Дмитриевна Поленовы и посылает ли Елена Дмитриевна что-либо в Петербург. При свидании Вашем с ними прошу передать им мой поклон, а также кланяюсь я и всему семейству Вашему.

74. РОДНЫМ *Киев. 11 февраля 1891 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера я получил ваше письмо и благодарю за него. За это время мало что случилось нового. Вам уже, вероятно, известна статья «Нового времени» о Владимирском соборе [1], где есть отзыв и обо мне. На днях ждут в Киев Прахова, что-то он порасскажет? Меня местные газеты (исключение — «Киевлянин», который обо мне молчит вовсе) ругают за «Варфоломея», чем, конечно, много способствуют к различного рода затруднениям, может быть, даже это нехорошо отзовется на собор[ной] комиссии, которая неофициально видела уже «Рождество», и, к моему благополучию, на это время был в соборе Васнецов и сколько сил хватило спасал меня, тем не менее, вероятно, после формального осмотра (когда приедет Прахов) придется кое-что в мелочах изменить и переправить, что я и без комиссии хотел сделать. В общем же «Рождество» комитету понравилось. Скажу Вам, что много стоит трудов Васнецову отстаивать меня перед киевским обществом, и он это делает с таким же жаром, как бы отстаивал себя самого.

Вчера я с ним был в опере, слушали «Пророка» Мейербера. Хорошо.

Теперь я делаю рисунки к «Воскресению», а на той неделе примусь за картон, по праздникам, как и прежде, хожу в Софийский [собор] и отдыхаю за неделю, слушая несравненный хор Калишевского (самый примечательный голос — дискант у мальчика лет десяти, по словам видавшего его Васнецова, он похож по характеру на «Варфоломея» [2]).

По праздникам же я работаю акварели «Рождества», а потом буду и «Воскресения», и если удадутся — подарю их Третьякову. Передвижная закроется здесь 15 февраля, потом поедет в Курск и Тулу, а затем и домой месяца через полтора.

Портрет Кузнецова с Виктора Михайловича удался и кроме сходства очень живописен. Стоит В. М. с палитрой в синей блузе на лесах в фоне пророка (Исаия), на золотом же фоне. Это одна из интересных вещей будущей Передвижной.

На днях (послезавтра) уезжают в Рим Сведомские. Картина Павла Сведомского, проданная Терещенко, называется «Юлия (дочь римского императ[ора] Августа) в изгнании», написана она давно, лет шесть, и долго не продавалась. [...]

На этой неделе я, Хруслов и Менк были вечером у Васнецова, и он им показывал свои эскизы, от которых не только они, но и я, видевший их десять раз, потеряли совсем голову — это гениально! Недавно сюда приезжал из Москвы один известный адвокат и был с Терещенко в соборе, а потом и у Васнецова; адвокат, как почти и все они, человек вовсе неверующий и ему до всего, что касается этого, наплевать, но после всего, что он видел, до того одурел, что как после страшного сна проснулся и обозвал Васнецова «сумасшедшим» (что, как известно, граничит с гением).

Но довольно, надо приниматься за рисунки, ждет натурщик.

75. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 14 февраля 1891 г.*

[...] Я не могу обмануть себя и вижу яснее, чем нужно, свои силы. До сего дня я был и есть лишь отклик каких-то чудных звуков, которые несутся откуда-то издалека, и я лишь ловлю их урывками [...] истинный *художник* есть тот, кто умеет быть самим собой, возвыситься до независимости. В недавнем письме Соловьева к Виктору Михайловичу [...] он замечает в ободрение Васнецова, что у него есть уже последователи и именно — *«Нестеров»*. Признавая гений Васнецова, колоссальное его значение в будущем, я могу лишь признать себя подражателем его относительно, в той же мере, как я подражаю Франческо Франча, Боттичелли, Беато Анджелико, Рафаэлю, Пюфис де Шаванну, Сурикову и не более, но никак не исключительно Васнецову. И *последователь* его я лишь потому, что начал писать после него (родился после), но формы, язык для выражения моих чувств у меня свой, и чувства эти исходят не из подражания Васнецову или кому-либо, а из обстоятельств, которые предшествовали моей художественной деятельности. Удастся ли что сделать в жизни *действительно творческое* — вопрос остается открытым. [...]

76. РОДНЫМ *Киев. 18 февраля 1891 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера я получил от вас письмо и отвечаю на него тотчас. Хоть новостями я и небогат, но выберу, что есть. В субботу 16 февраля вечером снова был у И. Н. Терещенко, опять было много народу, и играл скрипач Ориджишек, известный и у нас, и за границей. Играет хорошо, так что я, пожалуй, лучше игры на этом инструменте не слыхал.

С ним (с Ориджишеком, а не с инструментом) я познакомился в соборе, где я рисовал последние дни этюды для «Воскресения». Завтра начинаю картон, а через неделю и на стене. Вчера отвез Лебединцеву «Фотия», очень понравился, был любезен и обещался заступиться за «ангела» (ангел один и был на эскизе). Интересно, как Лебединцев будет просить самого себя оставить ангела и удастся ли ему это сделать?

Прахов приедет в среду (20 числа). Сегодня (сейчас) был вторично у Ханенко, подробно рассматривал его коллекцию картин и редкостей, это собрание в своем роде единственное в России, даже в Москве этого нет в частных руках [1]. M-me Ханенко одна из тех странных дам, которые видят в картинах, подобных «Варфоломею», что-то интересное; удивляюсь, но не ропщу. Вечером у них концерт, звали, но едва ли пойду: хорошего понемногу. [...]

На днях прислала очень любезное, с хорошим отзывом о «Рождестве» письмо Е. Г. Мамонтова, а также Кристи из Кишинева с приложением двух книжек с подписями автора (Кристи же) о «Грешнице» Поленова [2]. Один экземп[ляр] мне, другой — В. М. Васнецову. Слава последнего растет и крепнет, на днях была о его работах в соборе в «Киевлянине» рецензия некоего «Москвича», хвалят так, что и Рафаэль бы стал просить отбавить [3].

Недавно Васнецову была предложена из Италии работа: образ в 1 $^1/_2$ аршина («Константин и Елена») написать для мозаики за 5000 руб. (дела недели на две-три), и он отказался, не желая отнимать своих сил от собора. В письме, где его просят взять эту работу, его называют русским Рафаэлем, да это название в отношении его начинает повторяться чаще и чаще.

Дай ему бог, чтобы все это укрепилось за ним, довольно он натерпелся. [...]

77. РОДНЫМ *Киев. 24 февраля 1891 г.*

[...] Недавно был у меня Ханенко (осчастливил). Старики Терещенко строят в своем родном городе Глухове собор. Стоит он им немало, и вот для большего великолепия они порешили ввести туда хорошую живопись; конечно, сейчас к В. М. Васнецову, но ему и некогда, да и вообще хочется отдохнуть. Он отказался, тогда обратились к Сведомскому, а теперь несколько раз Васнецов заговаривал об этом деле со мной, так стороной и издалека, но я, слава Богу, в себе имею благоразумие отклонять столь лестные предложения. Это и правда так (при таком малом и неглубоком интересе к этому делу) можно превратиться из маленького, но искреннего художника в большого ремесленника, «сих дел мастера». Что доступно Васнецову, то для другого может быть погибелью. Ну, Сведомские другое дело, им нужны деньги (а у Терещенок они есть), и потом они нравственно мало отвечают за то, что делают. [...]

78. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 11 марта 1891 г.*

[...] В настоящее время здесь находится петербургский проф. Павловский (историк искусств), который был в соборе и познакомился со мной. Ему, между прочим, поручено сделать для «Всемирной иллюстрации» подробное описание нового «национального памятника», сиречь нашего собора, описание это будет в нескольких номерах и выйти должно осенью. Павловскому также поручено поговорить с Васнецовым и покорным вашим слугой относительно того, чтобы дать право поместить с наших работ рисунки во «Всемирной иллюстр[ации]». Как Васнецов, так и я против такой вещи ничего, конечно, не имеем, если будет предложено приличное случаю вознаграждение, а также если Топпе согласится отдать резать Матэ или Янову. О результатах узнаем от Павловского, который в конце недели едет в Питер. «Рождество» ему очень понравилось.

«С театра военных действий» слышно не много, и то благодаря милым москвичкам [1], которые нет-нет да и дадут весточку. Картина Сурикова «Игра в городки» [2] (сибирская казацкая потеха), говорят, удивительно интересна. Лебедева (большая) «Конец Новгородского веча» [3], вероятно, «не Морозова», что-то довольно равнодушно хвалят. Из ста сорока семи экспонентских вещей принято только сорок девять и почти все москвичей. В члены выбраны, кажется, Лебедев, Светославский и Архипов (вещь которого купил Третьяков). Остальные подробности неважны. [...]

79. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 20 марта 1891 г.*

Дорогая Саша! Поздравляю тебя с днем твоего ангела и желаю тебе счастья и здоровья. Письмо ваше я получил и был удивлен неожиданностью его содержания [1].

Я давно имел в виду на случай размолвки с Е[леной] И[вановной] один исход — это взять Ольгу к себе и жить с ней в Москве, и еще осенью, при свидании с Е. Г. Мамонтовой в разговоре об Ольге и о возможном другом повороте отношений наших с Георгиевскими, Елиз[авета] Григорьевна обещала мне подыскать надежного человека (вроде няни или бонны, что ли), который и мог бы смотреть за Олей до тех пор, пока ее придется отдать в институт. На это я рассчитывал, в этом духе и планы строил. Вы же своим письмом поколебали меня сильно и открыли еще один исход, но раньше, чем сказать что-либо окончательное, я должен переговорить с вами (или с тобой, это все равно) серьезно и откровенно, но я знаю, что откровенность часто граничит с неприятностями и обидой (кажущимися) и может не только отношения не выяснить, но, напротив, их ухудшить и запутать суть дела, а потому раньше, чем высказываться, я предупреждаю вас (если хотите, повторяю, знать истину), не смущайтесь формой письма и не обижайтесь, а вникните в суть его. Взять Ольгу от Георгиевских и отдать вам (или тебе) — дело нетрудное с фактич[еской] стороны, но надо раньше, чем это сделать, быть уверенным и обеспеченным, что из Уфы бы не пришлось искать ей счастья где-либо в другом из городов Российск[ой] империи и т. д. ... Ведь воспитывая Ольгу, тебе придется в то же время иметь дело и со мной, и фраза Е[лены] И[вановны] — «проводником чужих идей...» и т. п. — не должна иметь здесь места, и ты ведь знаешь мой приятный характер. Сделав необходимое вступление, я перейду к, так сказать, необходимым условиям в этом случае. Беря Ольгу от Георгиевск[ой], я тем самым нарушаю желания покойной ее матери, которая, умирая, отдала ее Елене Ивановне, а потому я должен быть уверенным, что в новом своем жилище Ольга не только никогда не будет обижена (избави бог — бита!), но она должна видеть вокруг себя любовь и мир, чтобы она по возможности и понятия не имела, как люди ссорятся, злословят и т. д. Желательно, что[бы] ее окружало мирное спокойствие и чтобы сердце ее воспитывалось в самом добром, вполне христианском духе. (Лучший образец воспитания, может быть, «Семейная хроника» Аксакова, да и вообще взаимные отношения этой семьи достойны подражания.) Чтобы из нее не вышла психопатка, восторженная и взбалмошная барышня, готовая безумствовать из всяких мелочей, чтобы ее воспитание не было похоже на мое и чтобы в этом смысле она не была похожа на меня.

Хотелось бы ее видеть нормальной как с психической, так и с физической стороны, но чтобы она не была и балованным ребенком. Любовь и ласка не должна быть порывиста, а спокойна и разумна и, как ты, Саша, выразилась в своем письме, чтобы она не была занимательной игрушкой, а стала бы человеком, которому в будущем придется жить с людьми и заслужить их любовь и расположение, чем обладала в высочайшей степени ее покойная мать, с которой, к слову сказать, вы все должны примириться душой, без чего я не буду ни счастлив, ни покоен за Ольгу. Вот основные мои желания, форма их, быть может, несколько жестка, но суть та, которая желательна. Об мелочах поговорить можно после. Ответь мне, Саша, подумавши хорошенько (я боюсь, не поспешила ли ты со своим предложением и не раскаиваешься ли в глубине души своей, подумай!). [...]

80. РОДНЫМ

Киев. 23 марта 1891 г.

[...] В последнем № «Всемирной иллюстрации» помещена моя карт[ина] «За приворотным зельем», жаль, что лица плохо вышли, в общем же награвировал Матэ хорошо [1]. В предпоследнем номере «Иллюстрации», говорят, какой-то хват написал о Владимирском соборе [2], где, видимо, по невежеству своему или с чьих-то слов называет работы Васнецова не новыми, а «реставрацией», хотя в общем хвалит и Прахова, и Васнецова. «Воскресение» идет ладно, теперь дня два гуляю (праздники), а затем думаю к 1 числу кончить и начать поправлять «Рождество», а там комитет за бока;

после же него придется, вероятно, еще пройти «Воскресение». Так что, если будет все благополучно, возможность есть пасху встретить в Москве, хотя Васнецов и оставляет разгавливаться в Киеве. Недавно были мы все, и Васнецовы (братья), и Праховы на Симфоническом собр[ании]. Меня посвящали в произведения Бетховена: Седьмую симфонию играли, и мне, к удовольствию моему, главная ее часть (вторая) понравилась. В Благовещение идем с Васнецовым на «духовный концерт» хора Калишевского, предвкушаю удовольствие заранее. [...]

81. РОДНЫМ *Киев. 2 апреля 1891 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

В воскресенье вечером я получил ваше письмо (утром в тот день я отправил таковое же к вам). Лучшего ответа на мои пункты я не желал; все, что писано в нем, как нельзя более способно было успокоить меня, хотя тот «параграф», за который ты не ругаешься, Саша, все же может быть обусловлен в пользу счастливого исхода, иначе же это одно из серьезных препятствий. Что касается того, что будто бы мне не хочется Ольгу оставить у вас, скажу, что, правда, если бы была хотя малейшая возможность устроиться согласно моим мечтам, то, конечно, я бы не отдал ее никому, но это при теперешних обстоятельствах несбыточно, а посему я благодарю судьбу, что вы догадались помочь мне, и если в Петербурге не уладится дело миром, то, конечно, самое вероятное, что Ольга будет иметь местожительство в г. Уфе.

Из Киева я проеду почти без остановки в Петербург, предварительно же думаю написать туда письмо, где в возможно вежливых формах постараюсь ответить на известное письмо Ел[ены] Ивановны.

Из Киева, вероятно, придется выбраться на Фоминой. В начале той недели собирается комитет (сейчас я кончаю «Рождество», а в субботу думаю докончить «Воскресение»).

Сегодня говорил с Праховым опять об иконостасах и решил в комитет подать заявление, что я на исполнение их согласен. Что касается ваших опасений, то они не имеют тут основания, потому что срок окончания их дальний (конец 92 года), образов же восемь больших (аршина 1 $^{1}/_{2}$), да два «Благовещения», да восемь евангелистов (все это совсем маленькое). Цена же большая: кажется, 4 тысячи. Сделаю эскизы к ним летом, а после написания картины примусь за самые образа. Что касается до «Богоявления», то этот вопрос пока можно оставить в покое. [...]

Последнее время я начал чувствовать, что устал и пора отдохнуть. Сегодня проводили в Москву Ап. Васнецова. По слухам, П. М. Третьяков картину Сурикова торговал, но пока еще не сошлись в цене, хотя надежда есть, что и эта картина будет в галерее [1]. (Куплено еще большее место, и летом будет делаться значительная пристройка, а затем, приняв всевозможные предохранительные меры от воров и негодяев, Третьяков снова начнет пускать публику (это слух только). [...]

82. РОДНЫМ *Москва. 26 апреля 1891 г.*

[...] Здесь совсем неожиданно увиделся с Ольгой и Е[леной] И[вановной]. Перед отъездом из Киева я писал ей в Петербург, что «если не найдется способа к соглашению, более удобному для меня, то я Ольгу решил взять к себе», но это письмо не застало Е. И. в Петербурге, а потому вышесказанную фразу пришлось повторить лично при свидании, и если бы Е. И. не высказалась в примиряющем смысле и не пожелала сделать уступок, из которых одна очень существенная: она сама теперь желает, чтобы Ольга была не в гимназии, а в институте, а следовательно года через

4 или 5 все равно влияние Елены Ивановны на Ольгу должно уступить место институтским порядкам; кроме того, я высказал все с полной откровенностью и просил быть с Ольгой строже. Если бы всего этого я не достиг, то Ольга бы не осталась у Георгиевских, теперь же я решил ее оставить там, тем более что мне думается, что я должен был быть человечнее, раз поводы к раздору устраняются. Словом, пока этот вопрос можно оставить; вас же еще раз благодарю за готовность в случае помочь мне.

Е. И. едет в Крым до осени, пробудет дня 3—4 еще здесь. Сам Георгиевский также поедет туда. Он сильно нездоров. Я еще по случаю пребывания Ольги здесь не был в Абрамцеве, поеду лишь после отъезда ее. Встретила она меня во всеоружии с Сашиной куклой и в ее платье. Она очень выросла, знает наизусть стихи, и говорят, у нее хорошая память.

Пока езжу в Сокольники и пишу березки (мне нужно штуки две-три с весенней зеленью). Был у Третьякова, он очень любезен, просил заехать за деньгами и привезти эскизы к собору. Картина («Варфоломей») повешена хорошо. Остановился у Васнецова.

Выставка интересна, но не очень; хорош Суриков (у него тоже был и провел вечер хорошо), Левитан, А. Васнецов, Остроухов, Касаткин и еще кое-что [1]. [...]

83. В. Г. ЧЕРТКОВУ *с. Ахтырка. 15 мая 1891 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо и приглашение. С истинным удовольствием я узнал о том благоприятном впечатлении, какое сделал на Вас мой эскиз [1].

Вы спрашиваете, буду ли я с него писать картину,— в ответ могу сказать так: в настоящее время, наверное, нет, потому что слишком много дела неотложного, обязательного, нужно разрешить вопрос о задуманной картине, а там опять соборная работа, и лишь года через два, я думаю, буду свободен вполне. Кроме того, по-моему, сюжет такого рода будет проигрывать в картине, хотя бы и небольшого размера, и лучшая форма для него — форма рисунка. Рисунок же можно сделать большой, водяными красками и разработать его по натуре.

Относительно же любезного приглашения Вашего приехать к Вам летом приходится ответить неопределенно. Сейчас я живу в деревне, или, вернее, в селе — *Ахтырке, по Московско-Ярославской ж. д. близ ст. Хотькова,* поселился я здесь с исключительной целью — пополнить материал к будущей картине, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы заручиться необходимым. Успею ли я в своих намерениях, частью будет зависеть от моего усердия, частью от погоды. Мне необходимы серые дни, их приходится ловить или ждать осени, когда они бывают чаще.

На днях получил приглашение снова поехать на Кавказ, и это было бы небезынтересно, потому что там теперь моя дочка (в Кисловодске), а затем доктора советуют для полного оздоровления вновь пожить на юге, в покое и т. д., но и это, по всей вероятности, мне не удастся сделать, а придется пробыть в Ахтырке до глубокой осени, а там на родину, в Уфу, где и думаю приняться за самую картину.

В начале июня сюда приедет В. М. Васнецов и поселится от Ахтырки в верстах трех-четырех.

Суриков уехал в Сибирь до осени, думает там набрать необходимых материалов к задуманной им картине огромных размеров, «Ермак Тимофеевич».

Был на французской выставке [2], но, увы! в области искусства ничего поражающего нет. Три-четыре картины, прекрасные по технике, поражают своей бессодержательностью. И то сказать, чего с нами церемониться! Ведь мысль, что мы готентоты, еще нескоро покинет самообольщенных французов; они прислали к нам свои оборыши, и если бы не несколько картин, принадлежавших частным лицам в Москве и поистине прекрасных, то не на чем бы было и глаз остановить; до того все заурядно, что мы при всем нашем простодушии и подобострастии перед Западом дерзаем обходиться без излишных восторгов. [...]

P. S. Не нужно говорить, как меня интересует мнение Льва Николаевича Толстого.

84. А. В. ПРАХОВУ

с. Ахтырка. 5 июня 1891 г.

Глубокоуважаемый Адриан Викторович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать мне сообщить постановление комитета относительно «святых», предназначенных в столбцы к царским вратам. В недалеком будущем знать имена этих святых мне будет необходимо ввиду того, что эскизы к иконостасам мною уже начаты; и если распоряжение комитета будет мне известно, то я надеюсь в сентябре часть работ прислать в Киев.

Кроме того, не откажите мне, Адриан Викторович, передать Постникову, когда он будет в Киеве, мою просьбу снять точную мерку с местных образов на хорах: по утверждении эскизов (а быть может, и раньше) я его буду просить сделать мне цинковые доски к означенным образам.

Быть может, летом Вы надумаете побывать в Москве, тогда будет возможность показать Вам сделанные мною наброски. До августа думаю пробыть в Ахтырке, а там съезжу недели на две в Ростов, Углич, Переславль Зал[есский]; сентябрь проживу в Москве, затем до Нового года — в Уфу.

85. В. Г. ЧЕРТКОВУ

с. Ахтырка. 20 июля 1891 г.

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич!

Прошу Вас очень извинить меня за столь долгое мое молчание. Давно получил я Ваше письмо и с тех пор не раз собирался ответить Вам на него, но за это лето мне на долю выпало немало хлопот, которые и отвлекали меня от такового намерения. [...] Теперь я доживаю кое-как лето в деревне, утешая себя мыслию о скорой поездке в Уфу и о близком начале своей картины, этюды к которой почти уже готовы. Удастся ли мне вызвать из глубины веков на свет Божий интересный образ Сергия, то, конечно, покажет конец...

Кроме этюдов летом необходимо было заняться эскизами к иконостасу Владим[ирского] собора, которые также я подвинул значительно, и в сентябре думаю часть их представить на утверждение комитета. Как-то я ездил в Москву и был в галерее Третьякова, где между прочим встретил несколько новинок, в том числе картину Н. Н. Ге «Что есть истина?» и две картины В. В. Верещагина из русско-турецкой войны: «Перевязочный пункт» и «Панихида». Вообще галерея эта растет не только в смысле количества картин, но и по внешнему своему виду, так как владелец ее делает к ней значительную пристройку.

Недавно в этих краях был Репин, с которым я встретился у Васнецовых перед его поездкой в Ясную Поляну. [...]

86. А. М. ВАСНЕЦОВУ

Уфа. 14 ноября 1891 г.

Благодарю Вас, Аполлинарий Михайлович, за письмо и доставленные Вами сведения касательно евангелистов; с Вашей легкой руки через несколько дней мне таковые же сведения прислал ректор здешней семинарии, а затем один чиновник, ходок по этой части, итак: не было гроша, да вдруг алтын. Из письма Вашего я узнал, что столичная жизнь стоит нашей захолустной, и завидовать Вам можно лишь в немногом и то с оглядкой. Что касается выставки этюдов, то я думаю, что она теперь утратила для устроителей прелесть новизны, а потому и отношения к ней стали иные.

Тем более что для заправил, думаю, и не было интересно знать о существенной нужде художников, они исключительно преследовали цели «отвлеченные», а все отвлеченное редко ладит с материальным, а особенно если последнее обретается в благоустроенном порядке.

Из газет мы узнали о щедрых пожертвованиях Репина и Поленова [1], что же — находчиво, можно думать, от такого колена сам Вас[илий] Вас[ильевич] Верещагин почесал у себя за ухом и обозвал себя крепким словом.

Сегодня 14 число и теперь 11 часов веч[ера]. Ровно два месяца тому назад мы попрощались с Вами на вокзале Рязанской дороги. Я умчался за тысячу верст, унося с собой всякие планы и мечты, а много ли из всех этих затей нашло себе осуществление? Немного, да хорошо, если бы и немного... Мои мечты привыкли забегать вперед действительности, и «она» плетется за этими легкомысленными бреднями бледная, усталая, разочаровавшаяся. Вы спрашиваете про картину — я ее пишу усердно, на будущей неделе думаю приняться за фигуру, и если все будет благополучно, то к Рождеству кончу картину и притащу ее на принятие к вам в Москву.

Соборные эскизы также идут своим порядком — и осталось ко второму иконостасу только два образа: Михаила и Нестора. Как кончу их, просмотрев все начисто, отправлю эскизы в Киев.

Много утешите, если напишете что-либо о том, что слышно про судьбы драгоценного искусства в этом году. Напишите и опишите про себя и Ваши новые картины.

В скором времени буду писать к Виктору Михайловичу, о нем хотелось бы знать поподробнее. [...]

87. Е. Г. МАМОНТОВОЙ *Уфа. 20 декабря 1891 г.*

[...] Пишу Вам, Елизавета Григорьевна, это письмо на авось, так как не знаю, возвратились ли Вы из Вашей поездки по Италии, о которой я до сих пор вспоминаю с истинным удовольствием и благодарностью и сочту за большую милость к себе судьбы, если когда-либо еще удастся побывать там.

Пока же ограничиваю свои желания скорейшей поездкой в Киев, с тем чтобы поскорее приняться за образа.

Эскизы к первому иконостасу (которые Вы видели в Абрамцеве) комитетом утверждены. На днях я отослал на утверждение и остальные эскизы, к другому приделу.

Картина моя «Сергий Радонежский» [1] почти кончена, в первых числах января я буду в Москве, где и просмотрю картину в раме, а затем покажу ее знакомым (хотелось бы, чтобы Вы, Елизавета Григорьевна, как и раньше было, посмотрели ее одной из первых), и если она окажется удовлетворительной, то я думаю послать ее на Передвижную выставку. [...]

88. В. К. МЕНКУ *Уфа. 27 декабря 1891 г.*

[...] Вот скоро настанет и день моего отъезда из дома отчего. Я прожил здесь три с половиной месяца и 5 января еду в Москву, а также отправляю свою картину «Преп[одобный] Сергий». Картина почти окончена, и теперь хотелось бы ее просмотреть в раме, которая, думаю, уже готова. Видели пока мою вещь только мои семейные, и она им нравится, что же касается меня, то я настолько за эти месяцы ежедневного рассматривания ее пригляделся, что, право, не знаю, что я сделал, и жду, когда ее увидит Виктор Михайлович, которого я просил уже судить картину «страшным судом».

Кроме картины мною здесь сделаны эскизы ко второму иконостасу (во имя Нестора и Михаила), эскизы эти теперь уже у вас в Киеве, в ожидании судилища. На этот раз прошу Вас очень выбрать минутку и, если Вы видели эскизы, то написать

мне поскорее в Москву (Школа живописи) Ваше мнение, а также соборной братии. Это очень меня интересует.

В эти дни (со второго дня праздника) я работал эскиз «Богоявления», композиция сложная, много пейзажа (который я начинаю любить более и более). Мотив этого эскиза (я, кажется, и говорил Вам в Киеве) взят мной с одного древнего образа из музея.

Если этот эскиз кончу, то его в Киеве увидите. Туда я попаду в конце февраля, пока же думаю пробыть в Москве около месяца, а потом, чего доброго, проеду и в Питер. Но окончательное решение будет принято сообразно с ходом дела в Москве.

Мне писали из Москвы про Левитана: он написал что-то очень интересное [1]. Передвижная опять будет в этом сарае — Академии наук. Радость не велика. [...]

1892

89. РОДНЫМ *Москва. 16 января 1892 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сегодня ровно неделя, как я в Москве, но дело еще до сих пор остается невыясненным: до сего дня картину никто, кроме Грабье*, не видел, и лишь послезавтра (в субботу 18 января) будет у меня Васнецов. [...]

В день своего приезда я видел свою раму и нашел ее очень интересной, но, к сожалению, не того тона, какого хотел, вместо сероватой — красноватой, когда же ее принесли ко мне, то я, к моему огорчению и досаде Грабье, должен был настоять ее перебронзировать. (Картину я получил в тот же день благополучно, она пришла в Москву в один день со мной.) После двух дней работы рама вчера приведена в должный вид, и вчера поставлена картина.

Рама — сама по себе крайне интересная, серьезная и спокойная, в меру широкая — изменила картину сильно. Пейзаж выиграл к лучшему. Настроение весны определилось вполне, но голова для меня до сих пор остается неудовлетворительной. Дай Бог, чтобы до Васнецова не трогать ее.

Если над головой я не заработаюсь, то думаю, что остальное кончу скоро. Я еще нигде, кроме Васнецовых, не был. В[иктор] Мих[айлович] просит передать Вам, папа, поклон. Мед произвел эффект, такого они еще не ели. Встретились как нельзя радушно. 12 января я провел там весь день до 9 ч. вечера, там была именинница.

Вечером же попали с Аполлинарием в театр Амона, где нашли скверную оперетку и (такую же) публику, за исключением уфимского соборного старосты Зайкова, который также был там.

По слухам, к выставке готовится очень много и все большое, но выделяются из массы Архипов (кажется, купил Третьяков) и Левитан [1]. У них я буду после того, как у меня будет Викт[ор] Мих[айлович]. [...]

90. РОДНЫМ *Москва. 24 января 1892 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сообщаю вам все, что было за последние пять дней. На другой день после визита Виктора Михайловича я был с Паршиным в галерее, после осмотра которой я уговорился с Ап. Васнецовым показать ему картину. Уходя из галереи, по просьбе Треть-

---

* Грабье она нравится гораздо больше, чем «Варфоломей».

якова передал ему свой адрес, отправился с Паршиным домой, куда вечером пришел и А. Васнецов.

Посмотрел картину, и она ему не пришлась по сердцу, что он и высказал вслух (к немалому удовольствию Паршина. Он, как хороший наблюдатель, видит, что дал маху, пригласив его, и был доволен моим смущением).

Ап. Васнецов брал картину в сравнении с «Варфоломеем», и та ему казалась более доведенной в пейзаже, поэтичней, хотя по затее и по выполнению фигуры он ставит бо́льшую [1] выше.

Главное неудовольствие обрушилось на ту часть пейзажа, которая была замечена как неудачная и Виктором Михайловичем. Видя, что я упал духом, добрый Аполлинарий совсем сконфузился (чем дал еще бо́льшую пищу для земляка).

Вечером я был у Васнецовых, и Викт. Мих. ободрил меня как мог, и было принято в конце решение такого рода, что если я не успею исправить глаза и привести в тон пейзаж, то картину скатываю на вал и сам еду тотчас в Киев.

Сравнительно успокоенный, я ушел домой с тем, чтобы с завтра (понедельник) приняться за корректуру. На другой день с утра заперся и начал переписывать осинник, к вечеру вся задняя декорация преобразилась и общий тон картины сразу изменился к лучшему, появилась поэзия и т. д. Фигура вышла вперед и стала главным центром на полотне.

Не помню, как провел я вечер. Встав на другой день, принялся за голову, и в час или два голова, благодаря Богу, была изменена к лучшему, выражение не только не уменьшилось, но и прибавилось. За все это спасибо Васнецовым, так решительно толкнувшим меня. Конечно, могло бы кончиться и не так, но Бог не попустил этого.

Во вторник же я поехал к Архипову, видел его чудную вещь [2] и часов около трех с ним приехал к себе. Он от картины в восторге, находит ее выше мальчика [3]. Вечер провели вместе в театре, любуясь Заньковецкой.

На другой день чем свет приехал Левитан, тут не было конца похвалам. Вещь ему страшно понравилась, дошел до того, что начал говорить несообразности и кончил советом не выставлять картину здесь, а послать прямо в Салон [4]. Между прочим, он дал несколько дельных замечаний. В этот же день к вечеру он так раззвонил про картину, что ко мне приезжали Остроухов, Морозов, но не застали дома.

Вчера с утра был снова Ап. Васнецов с Кигном (Дедлов, что писал обо мне в «Неделе») [5]. Аполлинарий нашел вещь изменившейся до основания. Кигну тоже она сильно пришлась по душе. Особенно понравилась ее тихость и нежность. Он будет писать в «Неделе», и кажется, ее благополучие в этой газете обеспечено.

Кигн уехал вечером в Петербург, где пробудет месяца полтора, потом снова в Оренбург, где он служит по переселенческому делу.

Часу в третьем снова приехал Остроухов, встретились как нельзя лучше. «Сергий» ему очень понравился, находит, что картина много имеет лирической поэзии и т. д., сделал кое-какие замечания в мелочах и, пригласив в субботу к себе, уехал и, вероятно, у подъезда встретил Третьякова, который, как назло, пришел тогда, когда в мастерской не было видно ни зги (оттепель и туман). Встретились очень сердечно. Провел в мастерскую и оставил на волю божию. Долго смотрел картину вблизи, потом сел, сидел около получаса, спрашивал про Уфу и т. д., но про картину не проронил ни слова, как будто ее и не видал.

Пробыв около часу, простившись нежно и пригласив меня на вечер, уехал, оставив меня в неведении.

После его отъезда я отправился смотреть картину Левитана, о которой много здесь говорят. Картина большая, с рамой аршина четыре. Называется «Омут». Впечатление огромное. Тревожное чувство охватывает всецело и держит зрителя в напряженном возбуждении все время. Со времен Куинджи в пейзаже не появлялось ничего подобного.

Вечером (поспав часика два предварительно) я поехал к Третьяковым. Там, кроме меня, из художников были Васнецовы, затем несколько дам (все свои родные — Сапожникова, Якунчиковы и т. д.). Приняли меня очень любезно. Вскоре

начался домашний концерт в восемь рук, и я тут слушал в прекрасном исполнении Мендельсона, Шуберта, Баха и т. п.

Павел Мих[айлович] все время был крайне ко мне внимателен. За чаем все подкладывал мне всяких сластей (мне пришла на ум мысль, что не хочет ли старик подсластить конфетами ту пилюлю, которой думает меня угостить). Прощаясь очень любезно, тем не менее не выразил намерения побывать у меня еще, а также не проронил ни одного слова и Васнецову о картине. Васнецов говорит, что Павел Михайлович похож в мастерских художников на жениха.

Так или иначе, но я вот уже два дня как покоен, бодр и весел, и едва ли равнодушие Третьякова теперь для меня может быть столь роковым, как раньше. Хотя все же самое желательное в отношении картины — это чтобы она не миновала его рук. [...]

91. РОДНЫМ *Москва. 26 января 1892 г.*

Дорогой папа, мама и Саша!

Зная, как вам интересно каждое новое известие о делах моих, сообщаю вам узнанное мною через третьи руки и по секрету мнение Третьякова о картине. В тот же день вечером на вопрос дочери о моей картине — нравится ли она ему — Павел Мих[айлович] сказал — нравится, но не все.

Это на другой же день было передано Светославской, и я, будучи у Юргенсон, был, под условием молчания, посвящен в сию тайну. Более этого пока никому не известно ничего, но думаю на днях узнать через Левитана или Остроухова более подробно то, что подразумевается под сим крепким изречением. Третьего дня Пав[ел] Мих[айлович] покончил с Левитаном. Он приобрел «Омут» за 3 тысячи.

Вчера был у Остроухова, видел его вещи. Они не кончены, но и теперь уже много искреннего и интересного. В четверг вечером у него будет вечер, звал меня — пойду.

Вчера вечером у меня собрались человек до десяти художников. Был Виктор Михайлович, пригласил я и Паршина. Вечер прошел довольно оживленно — немножко выпили и разошлись в первом часу.

Виктор Михайлович также находит картину изменившейся к лучшему, и в особенности глаза. Вообще же всем фигура более по душе, чем пейзаж.

Я по-прежнему спокоен, и слова Павла Михайловича на меня мало подействовали. Картину я решил посылать [1] и еду в Петербург сам числа 9—10-го. Так или иначе, я не жалею о потраченном времени, и если она останется на руках, то все [же] за время выставки, думаю, сделает кое-что для меня. Ругать, говорят, ее будут сильно, и это может быть.

Сегодня жду кое-кого, а вечером собираюсь к Мамонтовым. [...]

92. РОДНЫМ *Москва. 2 февраля 1892 г.*

[...] Напишу вам отчет о картине за неделю. Между другими у меня были Е. Г. Мамонтова, сестра Поленова и сейчас А. В. Васнецова с детьми. Мамонтова находит картину интересной, с большим настроением и более зрелой, чем предыдущая, это крайне меня радует, тем более что это вполне искренне и мнение это она выражает на стороне.

Другое дело Поленова. Она, очевидно, ехала с умыслом, с готовой гримасой и т. д., но в конце пришлось гримасу убрать для другого случая, и она вполне присоединилась к мнению Мамонтовой, прибавив, в утешение себе, что, мол, все же вполне надеяться на прием и успех нельзя, хотя, мол, еще до приезда моего много было толков, чтобы отстаивать вашу вещь, и прочее в этом роде.

Сам Поленов еще не был. Собираются много, но, вероятно, теперь придется им ждать другой картины. А. В. Васнецовой картина очень понравилась.

Что же до Третьякова, то он упорно молчит и нигде еще своего мнения не обнаружил. Левитан хотел было его выпытать, но П. М. ограничился лишь тем, что, мол, этот сюжет я давно люблю, и тотчас же полный ход в сторону. Не знаю, будет ли он у меня до отсылки или уже в Петербурге все выяснится. Здесь думается, что отношение его к моей картине есть коммерческая уловка — маневр и т. д. Хорошо бы было, если бы было так.

Вещь очень нравится Остроухову, и он всем про нее говорит, и радуется, и благодарит тех, кому она нравится.

На минувшей неделе смотрел Элеонору Дузе в «Даме с камелиями», и, несмотря на банальность пьесы, Дузе вышла великой художницей. Все, виденное мною, включая и Заньковецкую, слабо и грубо. Дузе — это Бастьен-Лепаж — более не могу ничего сказать сильнее в ее похвалу.

В среду уезжает в Киев Виктор Михайлович. [...]

93. РОДНЫМ

Москва. 6 февраля 1892 г.

[...] Дня три уже, как мои акции неожиданно и повсеместно стали быстро падать. Остроухов [...] после похвал и т. д. начал кстати и некстати везде заявлять, что, мол, хотя я и положу Нестерову «белого», но что вещи я не сочувствую (не поясняя — направлению или исполнению) и т. д. Словом, Павел Михайлович, не купив мою вещь, развязал всем руки, все как бы ждали его решения, чтобы громогласно высказаться против меня. Некоторые фарисеи (вроде Касаткина [1]) говорят, что, мол, мы этой вещи не понимаем (не видевши ее), а потому не положим ни «черного», ни «белого».

Третьего дня был Поленов с женой и нашел картину интересной, с настроением, причем фигура ему нравится больше на последней, тогда как пейзаж — на первой. Заметил кое-какие недостатки, которые я тут же уничтожил. В этот же вечер он высказал сильное опасение за вещь, находя кое-какие мелкие погрешности, к которым могут придраться и не принять вещь. Словом, по словам его, мне сильно нужно быть готовым ко всему худшему и даже лучше бы было не посылать ее в этом году, так как, по его [мнению], «в воздухе что-то есть такое, что не обещает хорошего».

Все это было мне экстренно передано А. Васнецовым утром вчера, когда картину уже упаковали, и я с твердым намерением решил идти наудачу, имея все самое невыгодное, как скандал неприятия картины и т. п., в виду.

Пока я довольно бодр и иногда весел. Еду в Петербург, как на «4-й бастион». Картину отправил вчера, в этот день выеду из Москвы (утром), а в воскресенье буду на месте и получу картину. [...]

Но что самое неприятное — это то, что, в случае непринятия картины на Передвижную, ее нельзя будет поставить на Академическую, так как она открывается раньше и последний срок приема уже прошел. А потому «Сергий» может появиться на свет лишь через год.

Вот в каком положении дело. Будьте и вы, как я, ко всему готовы худшему и примем это попокойнее.

94. РОДНЫМ

Петербург. Февраль 1892 г.

[...] На выставке пока интересен Богданов-Бельский и Костанди. Пришлет пятиаршинную картину Ге, который по праву хозяина и займет место над лестницей. Ставит Репин два портрета [1], и много с Академической перекочевало.

Здесь дождусь наших (несколько человек едут отстаивать мою картину), посмотрю в воскресенье Академическую и — марш в Киев на отдых.

Вы не поверите, до чего я рад, что кончилось все так [2]. Я буквально ничего не проигрываю, все равно я бы после выставки стал картину переписывать или, вернее, дописывать. Подарить ее я всегда успею, так же как и поругаться с передвижниками. [...]

Вчера я был вечером у Матэ, встреча самая трогательная. Он намерен просить всех соборных художников дать ему право награвировать все, что есть в соборе, и издать все это роскошным изданием, а деньги поделить. Мысль эту я повезу в Киев.

Сейчас еду обедать к Ярошенке, а вечером буду у здешних Юргенсон.

В общем я очень хорошо себя чувствую, даже (что удивительно) Петербург мне нравится.

Желал бы, чтобы и вы не придавали всему этому значения неудачи и трусости: я только берегу свою репутацию для себя и собора. [...]

95. РОДНЫМ *Петербург. Февраль 1892 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера получил ваше письмо, писанное, видимо, до получения моих скорбных посланий. Рад очень, что вы совсем здоровы, и опасаюсь, чтобы мои неожиданные для вас вести не привели вас в уныние.

Я со своей стороны очень спокоен и весел, чему рад. Теперь для меня ясно больше, чем когда-либо, что я не ошибся, поступив так, как я то сделал, даже больше того, я был обязан сделать так...

Вчера приехали наши, и не было конца изумлению их. Сначала, как и Ярошенко, они начали браниться, но потом постепенно успокоились и согласились со мною, а Поленов — так тот просто поздравил меня с моим решением, дал очень дельные советы, которыми я и воспользуюсь. Летом сделаю еще три-четыре этюда и осенью, в виде отдыха, пройду картину — работы недели на две-три, и тогда с Богом на суд.

Нет сомнения, что вещь бы моя прошла (очень мало картин интересных). Ко мне все очень хорошо относятся, не исключая Мясоедова и В. Маковского. Я каждый день бываю у Ярошенко, обедаю у него и провожу почти все вечера, как когда-то в Кисловодске. Вчера был у него вечер, было очень интересно, была вся передвижка и кое-кто из посторонних. Просидели до третьего часу.

Павел Михайлович здесь уже, приехал на Академическую и Передвижную. Я с ним виделся, [он] спросил: «Где же Ваша картина?» Я ему ответил, что в Москве и что считаю ее неконченной и буду работать. Молчит. По обыкновению любезен.

Завтра открывается Академическая выставка. Сегодня там государь. Ге выставляет большую картину «Двор у Пилата». Почти наверное на выставке ее не будет, не пропустит цензура. Вещь интересная, но подлая [1]. Интересны очень два этюда Сурикова, кое-что Кузнецова [2]. В общем, выставка средняя. Сегодня вечером жюри, а завтра последует решение. В то воскресенье открывается Передвижная [3]. Я остаюсь здесь до вторника утра. Завтра побываю на Академической и в Эрмитаже. В среду буду в Москве, в четверг выеду в Киев, где буду в субботу.

Повторяю вам, что я очень спокоен и доволен, словно зуб выдернул, и на меня наши дивятся. Постарайтесь и вы понять мои поступки и тоже не вешать голову, год пройдет незаметно, а там, может быть, и устроится все к лучшему.

Был я в Итальянской опере, слушал «Травиату» с Мазини и Марчеллой Зембрих. Хорошо, очень хорошо, голоса удивительные, но души нет, это какие-то инструменты, правда удивительные, но это не Дузе, это не гениально. [...]

96. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Киев. 29 февраля 1892 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич!

Не раз я собирался отвечать Вам на любезное письмо Ваше. За последнее время у меня много было хлопот с картиной и переездами с места на место, и только с неде-

лю, как я у тихой пристани — в Киеве. Картину свою я решил в этом году не выставлять, считая ее недостаточно законченной, а главное, хочется видеть ее спустя несколько месяцев свежим глазом и тем дать себе возможность самому судить о ней здраво. Работая же ее несколько месяцев почти не отрываясь — сильно присмотрелся, и невольно веришь каждому мнению. Большинству из видевших картину она нравится, но этого недостаточно: могут быть увлечены сюжетом, проглядев исполнение, а оно в художестве должно быть на равной высоте с содержанием. Почему нам и понятны Рафаэль и наш Иванов.

Был я ненадолго в Петербурге, где видел две выставки: Передвижную и Академическую, на первой есть прекрасный пейзаж Левитана «Омут» и кое-что еще. Последняя же, безусловно, плоха. Видел Н. А. и М. П. Ярошенко. Они по-прежнему приветливы и гостеприимны.

Проездом через Москву в Киев был на выставке Репина [1], видел «Запорожцев», что сказать о них? Мне думается, что картина эта была бы лучше, если бы была немного хуже, право! Смотрел и Ваш портрет. Он похож, в общем, но такие лица, как Ваше, Репину редко удаются. Лучшие вещи — это этюды с д-ра Павлова [2] и Л. Н. Толстого (в кабинете).

Теперь снова в Киеве, на покое. Здесь у меня еще дела достаточно. Нужно к к 93-му году написать два иконостаса, к которым готовы пока только лишь эскизы. Работа приятная, ряд симпатичных образов дает возможность отдохнуть душе, а значение самого дела придает энергии.

Работы Васнецова двигаются вперед. Сейчас он занят окончанием трех потолков, на которых в чудных образах ему удалось разработать древнюю тему — «Единородный сын». Это целая поэма, величественная и трогательная.

Талант этого необыкновенного художника все растет и, сравнительно молодой годами (ему сорок четыре года), он дает право думать, что собор св. Владимира есть только начало его вполне зрелого творчества. И дай Бог, чтобы было так!

Здесь я думаю пробыть месяца три, а там, быть может, переселюсь снова под Москву, где буду продолжать работать образа, а также делать этюды с натуры. Буду очень благодарен, если когда-либо вспомните обо мне и сообщите о себе.

97. РОДНЫМ

Киев. 15 марта 1892 г.

[...] Сегодня был я в соборе и нашел там письмо, его прилагаю здесь, оно объяснит вам все, что нужно, я же лишь прибавлю то, что все это вышло благодаря В. М. Васнецову, он указал меня Кавалергардскому полку, который сначала обратился к нему [1].

Я решил заказ взять, хотя возможно, что эскизы и не утвердят, но это ничего, я за них получаю по 100 руб. и ничего не теряю в своем деле. Если же эскизы будут утверждены, то я беру в Комитете отсрочку на полгода, благо теперь время до освящения много [2].

Пока все это будет тайной для всех, и не говорите никому, пока не будут утверждены эскизы.

98. РОДНЫМ

Киев. 22 марта 1892 г.

[...] Дела мои идут ладно; письмо кавалергардам послал, и теперь они его получили. Эскизы уже почти скомпоновал, и сегодня «Александра Невского» начинаю красками. «Воскресение» будет напоминать соборное, только без ангела, и вместо лилий — красные розы, и вообще гораздо сжатее. Эскизы довольно большие, по 12 вершков.

Теперь я день распределяю так: утром до 11 часов (с 9) работаю в соборе — рисунки с натуры для картонов, после завтрака делаю эскизы в Петербург, а вечером картон для местного «Спасителя», сам же образ начну около первого числа. Около этого же времени думаю отослать и эскизы в Петербург.

Если состоится этот заказ, то самые образа напишу летом, предварительно взяв в соборе отсрочку.

В конце шестой недели отсюда уезжает Виктор Михайлович, тогда все утешение будет у меня в работе. В среду 25-го идем с ним в концерт Калишевского, предвкушая заранее великое удовольствие. [...]

99. РОДНЫМ *Киев. 29 марта 1892 г.*

[...] На неделе были с В. М. на духовном концерте Калишевского. Несмотря на общее прекрасное впечатление, пришлось несколько разочароваться: голос Гришин теперь переходит из сопрано в альт, а потому, несмотря на красоту голоса, в настоящее время он утратил главное — свою «проникновенность», гениальность, это очень обидно, но говорят, что это вернется. Хорошо бы.

Сегодня уезжает в Москву Виктор Михайлович до осени. У Праховых по этому случаю сегодня прощальный обед.

Один из эскизов — «Александр Невский» — кончил вчера. Вышел недурно, но в нем больше, чем в чем-либо, заметно влияние Васнецова. Сегодня начну «Воскресение», оно будет вроде соборного, только Христос правою рукой благословляет, а левой держит крест, внизу у ног — розы.

Думаю в среду или четверг отослать. Что-то будет. Хорошо бы, если бы этот заказ состоялся. О значении его можно говорить много. На праздниках думаю начать писать «Спасителя», цинк готов. [...]

100. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Киев. 2 апреля 1892 г.*

[...] Недавно мы проводили в Москву В. М. Васнецова, теперь, с отъездом его у меня порвалась последняя живая связь с художественной Москвой. Характер киевских художников менее всего подходит к нашему московскому, художественные интересы и взгляды здесь более сродни с петербургскими, только еще мельче и простодушнее.

[...] Занятия мои исключительно посвящены собору, хотя я и пишу дома. (Теперь усиленно приходится работать, ввиду запущенности дела.)

О своем решении относительно картины я не только не жалею и не считаю его ошибочным, но все более и более убеждаюсь в правильности своего поступка.

Кроме замечаний, сделанных Вами, а потом Виктором Михайловичем, я вспоминаю еще много корректур и промахов, особенно же меня занимает и беспокоит вопрос: не слишком ли много пейзажа в отношении фигуры? И по этому вопросу хотелось бы очень слышать Ваше мнение.

По газетам, теперь в Москве интересная выставка в Истор[ическом] музее [1], мне не удастся увидать ее, так как из Киева я выеду лишь к июню.

101. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Киев. 6 апреля 1892 г.*

[...] Сожалею очень, что и в это лето едва ли мне удастся повидать Вас, так как намерение мое ехать на юг едва ли осуществимо. Соборные дела и еще возможный

частный заказ заставляют меня усиленно работать, и если силы мне не изменят, то думаю не давать себе отдыха до конца.

Работаю пока с охотой и воодушевлением и чувствую, что то дело, которое пришлось делать мне, только и возможно делать при условиях вышесказанных, иначе шаблон, холодность и внешние преимущества подавят то, чем только и можно в данном случае подействовать на чувства и настроения молящихся. [...]

102. РОДНЫМ *Киев. 11 апреля 1892 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Благодарю вас за письма и поздравление с праздником, который я провел довольно обыкновенно, со вторника начал писать «Христа», и теперь же написано около половины (я думаю написать четыре образа, а потом дать им выстояться и осенью на свежий глаз пройти их обязательно).

Был в гостях у Прахова, у Терещенки, который только что приехал, и сегодня вечером уехал в Крым, он очень опасно болен после инфлюэнцы (что-то вроде паралича). Был он в среду в соборе, в четверг был у него я, смотрел новые картины, которые он приобрел зимой в Москве. Тут «Святитель Николай» (первый экземпляр) Репина [1], «Христос на Генисаретском озере» Поленова, «Богоматерь» Васнецова (она повешена одна в комнате на драгоценном ковре и — как высшая честь — под стеклом!). Всего куплено им зимой картин тысяч на двадцать пять. Кроме того, много драгоценной серебряной и золотой утвари и т. д. Он собирается строить здесь музей [2]. Не знаю, удастся ли: очень уж он плох. Когда он прощался, то в виде любезности сказал, что «теперь очередь за вами». Посмотрим! (Он был у меня в Москве, но не застал дома, очень интересуется «Сергием».) Сегодня был он у меня, смотрел эскизы, они ему понравились, особенно второе «Благовещение».

Распрощались очень любезно, обещался осенью увидаться со мной в Москве.

Недавно я прочел в № 53 газеты «Кавказ» фельетон Кигна под заглавием «У московских художников», там есть и обо мне кое-что...

Здесь весна, уже распускаются листья и тепло, думаю как-нибудь в воскресенье поехать в Китаев, это монастырь, и киевляне ездят туда гулять на пароходе (за 8 верст).

Сюда на днях приедет Светославский. Из Петербурга пока еще не получил ответа, да и рано еще, разве на той неделе. [...]

В четверг был в театре, смотрел Заньковецкую (она играла в пользу чего-то два раза). Остался недоволен, конечно не игрой, а теми пошлыми пьесами, на которые она тратит свой дивный талант, хотя еще раз скажу: далеко ей до Дузе. [...]

103. В. Г. ЧЕРТКОВУ *[Киев. Начало мая 1892 г.]*

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич!

Надеюсь, что Вы не захотите поставить мне в большую вину моего продолжительного молчания, причиной которому была усиленная работа последнего времени и чрезмерное утомление; через две-три недели я думаю дать себе отдых, поселившись в деревне под Москвой. Благодарю Вас очень за добрую память обо мне; письмо Ваше, а также и Ваш подарок — «Альбом русских художников» [1] — мною получены.

Как выбор картин, так и стоимость альбома вполне соответствуют своему назначению. Особенно трогательное впечатление делает снимок с картины Репина «Вернулся» [2] и очень сильное (хотя несколько грубое, примитивное) — картина моего

первого учителя В. Г. Перова: «Приезд гувернантки в купеческий дом» — это точная иллюстрация к Островскому и его «Темному царству».

Присланный Вами альбом на имя В. М. Васнецова тотчас же был переслан ему в Москву, куда он уехал к своему семейству еще до Пасхи и где останется до осени. В письме своем к нему я с удовольствием написал ему все то, что Вы просили сказать ему от Вас, и он, я уверен, будет очень благодарен за чувства, высказанные Вами...

На Ваши сожаления о том, что высказали Вы в письме своем по поводу Л. Н. Толстого, могу сказать только то, что многие взгляды Л. Н. мне издавна были симпатичны и в принципе я соглашаюсь со многим, но думаю также, что время сильнее людей, даже если они и гениальны...

В заключение мне было бы приятно знать, что Вы считаете меня более «терпимым» ко всякого рода взглядам и верованиям, особенно если в таковых присутствует искреннее чувство хорошего.

104. РОДНЫМ

Хотьково. 14 июня 1892 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

Не знаю, что написать вам... вся неделя прошла в гулянье. С того воскресенья в Абрамцеве гостит Беклемишев (теперь уже академик). В понедельник Мамонтовы большой компанией были у меня, пили чай, смотрели работы и т. д. На другой день я был у Васнецовых на пельменях, потом у Мамонтовых на обеде, там опять у них, затем у Васнецова, а вчера ездили компанией к «Преподобному» [1]. Сегодня Беклемишев уезжает на юг, будет в Киеве.

Словом, неделя прошла весело и незаметно, тем не менее я работал: кончил «Благовещение» (оно очень всем нравится) и начал «Евангелистов», которые надеюсь до отъезда кончить, а в Уфе начну вторые царские врата.

Из новостей сообщить можно еще о Н. А. Бруни (также моем римском приятеле). Он недавно назначен инспектором Академии художеств (о чем вы, вероятно, прочли в «Новом времени»). Числа 12-го получил письмо от Дашкова, который сообщает, что эскизы высланы и что Комиссия согласна на следующие уступки: в «Воскресении» пещеру можно делать незапечатанной и такую, какую я найду лучшей, но сияние и цветы не разрешаются (самое красивое во всем), в «Александре Невском» можно удержать старую позу и мелочи, но изменить одежду.

В заключение срок доставки образов отодвигается до октября будущего года. (За эскизы назначается 125 руб. и срок их к 1 октября этого года.)

Васнецов советует работу взять, и я во вторник думаю послать Дашкову окончательное свое согласие. [...]

105. РОДНЫМ

Хотьково. 20 июня 1892 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

Вчера написал вам письмо, сегодня пишу другое, над этим думал я месяца четыре, и немало было бессонных ночей, пока решился, наконец, написать его. Начало, кажется, довольно торжественное и загадочное, но, чтобы не запугать вас вконец, примусь за самое дело. Дело это в вашем добром совете и помощи.

Еще четыре месяца тому назад, когда я вернулся из Петербурга в Киев, сойдясь с В. М. Васнецовым, говорил я по поводу своей картины «Юность пр. Сергия Радонежского». Радуясь за мою решимость и перечисляя все недочеты и недостатки картины, он в числе первых и самых крупных, с которыми не мог он примириться вовсе (конечно, если речь идет о том, что картину я намерен поправлять) [назвал] неточно угаданный размер картины. В. М. кажется, что (и, что важно, он до сих пор

глубоко убежден в этом и считает это главнейшим недостатком ее) пейзаж картины по пропорциям слишком крупен в отношении фигуры. Через это значение фигуры теряется, и ей приходится оспаривать его у пейзажа. Тогда как по задаче — все-таки главную роль играет фигура в картине, а не пейзаж. Пейзаж только оркестровый аккомпанемент.

В маленьком эскизе это почти незаметно, по словам В. М. В картине же это чувствуется безусловно.

Когда это было сказано Васнецовым в первый раз, то я не соглашался с этим, но, проверяя сначала в памяти, а потом по присланному эскизу, а также делая другие композиции, я пришел к печальному убеждению, что опытный глаз Васнецова прав.

Советуясь с другими (Поленовым, С. Коровиным, Беклемишевым), сначала было несогласие с Васнецовым, но потом почти всем становилось ясно, что Васнецов прав. (Не говоря того, что ведь между нашими русскими художниками по композиции Васнецов не имеет себе равного, в этом ему уступает даже Суриков.)

И вот думая и гадая изо дня в день, переменяя свои решения почти ежедневно, я пришел к тому, что решил сделать повторение своей картины на $^1/_2$ аршина меньше сверху и на $^1/_4$ ар[шина] с обоих боков. За этот план и то, что первая картина остается нетронутой, тогда как одно время я хотел урезать ее и тогда подверг бы ее риску испортить то, что есть в ней. Мне же, по-видимому, все свои картины суждено переписывать на втором холсте. Так было с «Пустынником», «Варфоломеем», так пусть будет с «Юношей Сергием». На новом полотне дела будет немного, на какой-нибудь месяц... придется, оставляя старую фигуру (у меня написан очень интересный этюд головы Сергия, а также руки), повторить тот же (за очень малыми изменениями) пейзаж, вот и все.

Я надеюсь, что это с Божьей помощью мне сделать удастся, и сделать лучше, чем на первой вещи. На все это повторение нужно не более двух месяцев.

Не сделав же это теперь, не сделаешь уже никогда, а дело стоит того, чтобы потрудиться, и на душе будет всегда тягость, что поленился, и мог, да не пересилил себя, и буду я «лукавый раб»...

Не говоря об том, что все говорят, что если я не переделаю картины, то буду иметь если успех, то внешний (вроде статьи в газете «Кавказ»), а это не Бог знает как лестно.

Теперь материальная сторона дела. Нужно новый холст (21 руб.) и новую раму (60 руб.), всего нужно 125 руб. Эти деньги я могу пожертвовать из тех шальных 125 руб., которые получу от петербургских эскизов. Старую же раму можно, немного переделав, пустить на «Димитрия Донского».

Первую картину (если удастся вторая), как и хотел раньше, можно со временем, если не купят, пожертвовать [1]. Пока же она не пролежит в амбаре (а старая рама в кладовой передвижников).

(Не нужно говорить об том, что я ведь денежно обставлен счастливее очень и очень многих из художников, а потому грех мой в лености моей больше вдвое, [чем] если бы я отдавал последнее, а ведь в этом вся жизнь художника — настоящего, каким только я и хотел бы быть.)

Теперь еще одна статья и очень важная: где писать новую картину? Думал я, гадал и пришел к тому, что решил просить вас принять меня с моей затеей к себе не больше как на два месяца. Вести обещаюсь себя смирно, тихо (пачпорт выправлю беспрекословно и своевременно). И, приехав к вам в начале июля, проживу только до середины сентября, а может, и меньше. Работать, конечно, буду в зале, на старом месте.

За это время где-где я не передумал пристроиться, везде неладно: то людно, то мало места, то голодом насидишься. За эти же два месяца я надеюсь между делом сделать и петербургские эскизы.

Вот мое дело. Подумайте денька два-три посерьезнее, и если не в тягость буду я вам, то на этом и порешим, а я вам буду много благодарен... Решите это дело между собой, а решив, телеграфируйте мне. [...]

Сегодня пойду к Васнецову и порадую его своей решимостью, и дело будет тогда только за вашим ответом. (Все же ответьте до моего отъезда из Хотькова, а еду я отсюда 30—1-го.)

Еще вчера я не верил в возможность этого письма, решал и перерешал. Последние две-три ночи почти напролет не сплю.

Но верю, что, написав картину заново, найду в этом себя, покой душевный (ведь «Боярыню Морозову» Суриков тоже переписал на новый холст, а у Репина почти каждая вещь повторяется по два, а то и по три раза. Хотя я знаю, что я не Суриков и не Репин).

На следующей неделе сделаю набело новую композицию картины и позову В[иктора] М[ихайловича] и Е. Г. Мамонтову.

106. РОДНЫМ *Хотьково. 24 июня 1892 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сейчас, возвращаясь с последнего этюда для «Сергия», на дороге встретил телеграфиста, шедшего от меня. Ваше согласие очень меня обрадовало, и я искренно благодарен вам за него. Вчера начал писать красками новый эскиз, сегодня уже сделана фигура и все главное, и должно признаться, что вторая редакция ближе к цели, проще, полнее, так что первый эскиз кажется мелким и разбросанным. В воскресенье покажу эскиз Васнецову.

Во всяком случае, начиная новую картину, я ничем не рискую. Рама закажется тогда, когда картина будет кончена, если же она выйдет неудачной, то потерян только холст (21 руб.), и тогда шутя можно закончить старую к выставке. Начиная новую картину, я мало имею надежды на Третьякова (почти вовсе не надеюсь). Если же картина удастся вполне, то кроме того, что я буду душевно спокоен, что я не поленился и все сделал, что мог, можно надеяться, что картина будет кем-либо приобретена, если не теперь, то после когда-нибудь. Она меньше и удобнее первой для перевозки (имея в виду выставки: Всероссийскую, Берлинскую, Всемирную и др.).

Первая же если и не продастся, то, как и раньше, я думаю, ее можно пожертвовать куда-либо. Рама же с первой картины переделаться может для Д[митрия] Донского. [...]

107. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Хотьково. 29 июня 1892 г.*

Пишу Вам письмо это, дорогой Аполлинарий Михайлович, накануне своего отъезда домой в Уфу. Вчера вечером попрощался с Абрамцевом, Виктор Михайлович благословил меня на новое дело. В Уфе я начну повторение своей картины «Юность Сергия Радонежского» на новом холсте, убавив пейзаж сверху на $^1/_2$ аршина, с боков по $^1/_4$ арш. и изменив при этом кое-какие детали.

Судя по сделанному эскизу, таковая редакция безусловно выгодна для картины.

В Уфе думаю прожить до середины сентября, а там, Бог даст, опять в Киев. Сожалею, что Вам не удалось ознакомиться с окрестностями Златоуста, они стоят того, чтобы написать их, красивы они и содержательны.

Спасибо Вам и В. Л. Кигну за то, что навестили моих стариков. Вы, видимо, пришлись им по сердцу.

[...] Ходит слух, что Костя пишет каких-то трех девиц, выходит любопытно, хочет послать за море. Серов в бегах, об остальном знаю не больше.

Викт[ор] Михайлович кончил картину «Крещение Руси». Мысль церковно-народн[ого] торжества выражена ясно, просто, величественно. Лучшей иллюстрацией этого отдаленного события нашей церковной истории выдумать трудно; красивость красок и строгая приятность форм дополняет впечатление. Теперь Викт. Мих. при-

нимается за «Страшный суд», это хотя и трудно, но, думаю, живописный интерес картины искупит трудности всякого рода.

Здесь гостит Беклемишев, которого Вы, кажется, знаете. Он талантливый скульптор, славный человек, а по своему направлению может считаться нашим.

Заканчиваю свое письмо слезным прошением — не забывать меня в моем уединении — писать мне время от времени — это будет оживлять меня и освежать. [...]

108. РОДНЫМ *Киев. 22 сентября 1892 г.*

[...] Вы, видимо, не получили моего письма со вложенными «Московскими ведомостями» о передаче галереи, писанное из Сызрани? Да! свершилось неслыханное, небывалое дело, событие, равного которому нет в искусстве всех стран. Частное лицо, сравнительно небогатый купец, составил историю искусства целой страны за несколько столетий (у него богатейшая коллекция древних образов). И все это богатство, любимое им лучшими своими чувствами, должен был в силу нелепого случая при жизни отдать в руки города, или, вернее, людей, глубоко невежественных, не подозревающих даже смысла искусства, ценящих только свою несчастную копейку и ей одной дающих цену.

История только способна оценить значение такого нравственного великана, каким является П. М. Третьяков, является как прекрасный контраст ко всем этим Алексеевым, Солдатенковым, Мамонтовым и другим людям, иногда умным и способным, но мелким и ничтожным по существу своему. И как почти всегда бывает с истинным величием, оно при жизни его виновника замалчивается, проходит без шума и даже затуманивается умышленно подставленными событиями.

Живут два брата душа в душу, ничего не деля, думают пожить и еще, работая на пользу своей родины, в сердечных разговорах поверяя друг другу свои планы. Вдруг один неожиданно умирает, оставляя часть своего богатства родному городу. Но между этим даром есть кое-что общее, не разделенное при жизни, как, например, дом, где находится галерея и в котором живет другой брат. И вот, чтобы благодарные граждане не вздумали законно отобрать половину принадлежащего, по завещанию умершего, городу дома,— решено при жизни свести все счеты: отдать, или, вернее, вырвать живому из себя, как клок тела. Операция удалась, больной уехал тотчас за границу отдохнуть, прийти в себя [1]. Теперь галерея принадлежит равнодушному ко всему, кроме денег, городу, а просвещенные граждане его даже не сказали и спасибо [2]. Такова была судьба многих славных на родной Руси.

В Москве П. М. Третьякова сравнивают с несчастным королем Лиром, кто-то только будет его Корделией?

Но довольно об этом, скажу несколько слов о соборе. Там прибавилось много нового: в алтаре поставлено мраморное митрополичье место и сделаны мраморные облицовки, в иконостасы и киоты введена мозаика, что придало мрамору особую элегантность.

Из живописных работ сделаны фигуры на столбах по эскизу Васнецова, а также написаны фигуры на хорах Сведомским (неважно) и кое-что Котарбинским. Мои показались мне довольно сносными («Рождество» по настроению, «Воскресение» по краскам). «Рождество» мое теперь копирует какой-то художник из Питера (старик, а делает глупость).

Вечером был у Праховых, встретились, по обыкновению, очень нежно, наделали разных предложений, от которых я, конечно, постарался уклониться.

Эскизы нужно делать три: в одном иконостасе «Бориса» и «Глеба», в другом — во имя «Кн. Ольги» — одну Ольгу, другой образ можно оставить из старых, я думаю оставить «Михаила» (готов к нему хороший рисунок). Эскизы делать начал.

Вчера заходил Светославский, но не застал, поеду к нему сегодня, был еще кое у кого. С Васнецовым попрощался очень сердечно. Письмо его наполнено теплотой

и участием. Он кланяется всем вам и просит поцеловать ото всех Олюшку (это письмо как-нибудь, может быть, перешлю вам, оно типично рисует наши отношения).

Накануне отъезда из Москвы я обедал у Кабановых. [...] По дороге от них сажусь в конку, вынимаю деньги, вдруг вижу, влетает в вагон В. И. Суриков — ко мне,— спрашивает меня, не к нему ли я ездил, я говорю — нет. Вытаскивает из вагона и тащит к себе, живет он, оказывается, в двух шагах. Попали как раз к обеду, усадил насильно, пришлось пообедать в один час два раза.

Мы с ним не видались года полтора, и, оказывается, по простому недоразумению. Он, как и раньше (если не больше), ко мне ласков. Заметив мое уныние, накинулся на него, наговорил мне много бодрящего и взял слово, что я брошу хандрить, привезу картину и непременно покажу ему. Последнее я обещал. «Ермак» в этом году не будет (он $8^1/_2$ аршин [длины] и 4 арш. вышины) весь записан, но еще раз придется ехать в Сибирь за материалом. В этом году ставит давно начатую небольшую (2 арш.) «Христос исцеляет расслабленного». Расстались очень сердечно, чему я рад.

Одно не могу простить себе — это то, что недостаточно честно участвовал в торжестве Лавры пр. Сергия и что особенно — пропустил возможный случай слышать необыкновенную речь проф. Ключевского [3]. В. М. Васнецов был на акте с Мамонтовыми и считает, что, слышав эту речь, он получил себе драгоценный подарок. Одна надежда, что речь будет где-либо напечатана в журнале и я ее прочту. [...]

109. РОДНЫМ *Киев. 18 октября 1892 г.*

[...] Вчера я начал писать красками «Глеба», начал на свой страх, так как Комитета еще не было и эскизы пока не утверждены. На днях ждут Васнецова, и тогда заодно соберется Комитет для нас обоих. Начал удачно, свежо по краскам и есть выражение (напоминает Варфоломея). Если все пойдет по-хорошему, то на неделе кончу, а к отъезду думаю написать еще «Бориса» и «Михаила», да кроме того, прикончить все написанное раньше.

Из прежних образов особенно удачным можно признать «Богоматерь» и «Благовещение», да и вообще написанные образа оказались лучше, чем я думал о них заочно.

Прописал еще «Рождество» и думаю переписать драпировку на «Воскресении» (у Христа). [...]

110. РОДНЫМ *Киев. 25 октября 1892 г.*

[...] Минувшая неделя прошла довольно оживленно: в среду я кончил «Глеба» (писал четыре дня), а в четверг ко мне неожиданно зашел Прахов, и не в добрый час для него, я был в гневе (все мне не давались святые) и тотчас же на него кинулся, как я умею иногда это делать. Он, чтобы спасти себя и успокоить бурю, должен был поневоле приняться за хвалебные гимны, начал с того, что «Глеб» ему очень понравился, так что боязнь моя, что, не представив эскиза, могут образ заставить переделать, не только была напрасна, но даже Прахов советовал, не представляя эскизов вовсе, представить прямо самые образа. Но я от последнего уклонился.

Вообще «Глеба» Прахов нашел очень поэтическим и самостоятельным, также понравился ему и «Борис» с «Ольгой». На другой день он явился опять с тем, чтобы привести каких-то барынь, но от барынь [я] тоже «уклонился», по крайней мере пока вещи еще не вполне кончены.

Потом я был у него по делу и снова получил похвалы, и, что прежде не бывало, Прахов прочел целую лекцию, как надо поступать с таким драгоценным даром, какой дан мне,— даром трогать сердца людей. Ого!

Вы не подумайте, что после этого я зазнался — ничуть... Я еще раньше слышал от Ковалевского (который аккуратно бывает у меня по вторникам и сидит до часу

ночи), что еще с весны Прахов начал меня пропагандировать [как] что-то давно жданное и желаемое; но Прахов ничего не делает зря, и потому нужно держать ухо востро: не есть ли тут желание Прахова заглушить мною значение В. М. Васнецова, что ему очень теперь на руку.

Гораздо ценнее отзыв самого Ковалевского, который как-то выразился, что видит во мне то, что, может быть, между русскими художниками проявляется у меня у первого и т. д. Вот нахвастал! Словно разговелся.

111. РОДНЫМ

Киев. 1 ноября 1892 г.

[...] В начале недели проездом из Рима был здесь граф Строганов (отец его был женат на вел. княгине Марии Николаевне). Это известный собственник знаменитого собрания древностей (преимущественно византийских) [1], в которых он считается особенно знатоком и, как Прахов говорит, что «он перед ним в своих познаниях не больше, как ученик». Конечно, Строганов был в соборе, водил его Котарбинский, по словам которого я узнал, что он к собору отнесся очень строго, разобрал его по костям и что особенно не посчастливилось Сведомскому, про которого он не мог спокойно говорить и, увлекшись в своем негодовании, решил, что Сведомского из собора нужно гнать палками, а потом прямо в Тибр, а чтобы не выплыл, так привязать камень потяжелее, и все в этом роде.

Выслушав подобный рассказ, я, конечно, и не любопытствовал, что сказал Строганов о моих вещах, с тем и разошлись. На другой день я сел работать, присылает Прахов гонца, что сейчас будет у меня с гр. Строгановым, чтобы я не уходил из дома. Судите сами, как я почувствовал себя (после рассказа-то про Тибр и т. п.). Прибрал, наскоро приоделся.

Являются, познакомились, с виду человек уже почтенный, довольно приятный, со всеми манерами важного барина, держит себя очень просто, приветливо. Прахов около него ходуном ходит. Первое, на что было обращено внимание,— это на три написанных образа. Особенно понравился «Глеб», затем «Спаситель», «Богоматерь» же менее, хотя лишь в смысле стиля, в ней нет, конечно, Византии, а скорее — Франция.

Потом начал показывать последовательно эскизы, на них сердце его начало таять, наконец он, как человек нервный, начал высказываться определеннее. Прахов также начал помогать в пояснениях, на которые он такой мастер.

Первый иконостас пересмотрели очень внимательно (так мои работы не смотрел еще никто, кроме П. М. Третьякова). Строганов поздравил Прахова с находкой и не преминул упрекнуть Сведомским. Начали смотреть другой иконостас, тут внимание и похвалы мне возросли, посыпались названия вроде Рублева (знаменитый русский иконописец). Второй иконостас понравился еще больше, кроме «Благовещения», которое тоже не соответствует стилю.

Начали пересматривать на «бис», и так несколько раз.

Расспрашивал, где я учился, откуда, и когда узнал, что я из Уфы, то ему особенно пришлось это по сердцу. Строгановы, как известно, уральские купцы и издревле славились как рассадники художества на Руси (есть особый иконописный стиль «Строгановского письма» [2]).

Прахов и тут не упустил случая, нашелся, сказав, что, мол, вот здесь теперь «новый Строганов у нового уральского живописца». Строганов выразил удивление, что государь и [вел. кн.] Сергей Александрович еще до сих пор не обратили на меня внимания.

Сидели около часу, прощаясь, Строганов настаивал, чтобы я ехал непременно в Италию на год или полтора, и высказался, что из соборных моих работ ему очень понравилось «Рождество», что вообще собор очень хорош, и если бы не Сведомский и Котарбинский, то было [бы] лучше вдвое и т. д. Тут мне стали ясны рассказы Котарбинского.

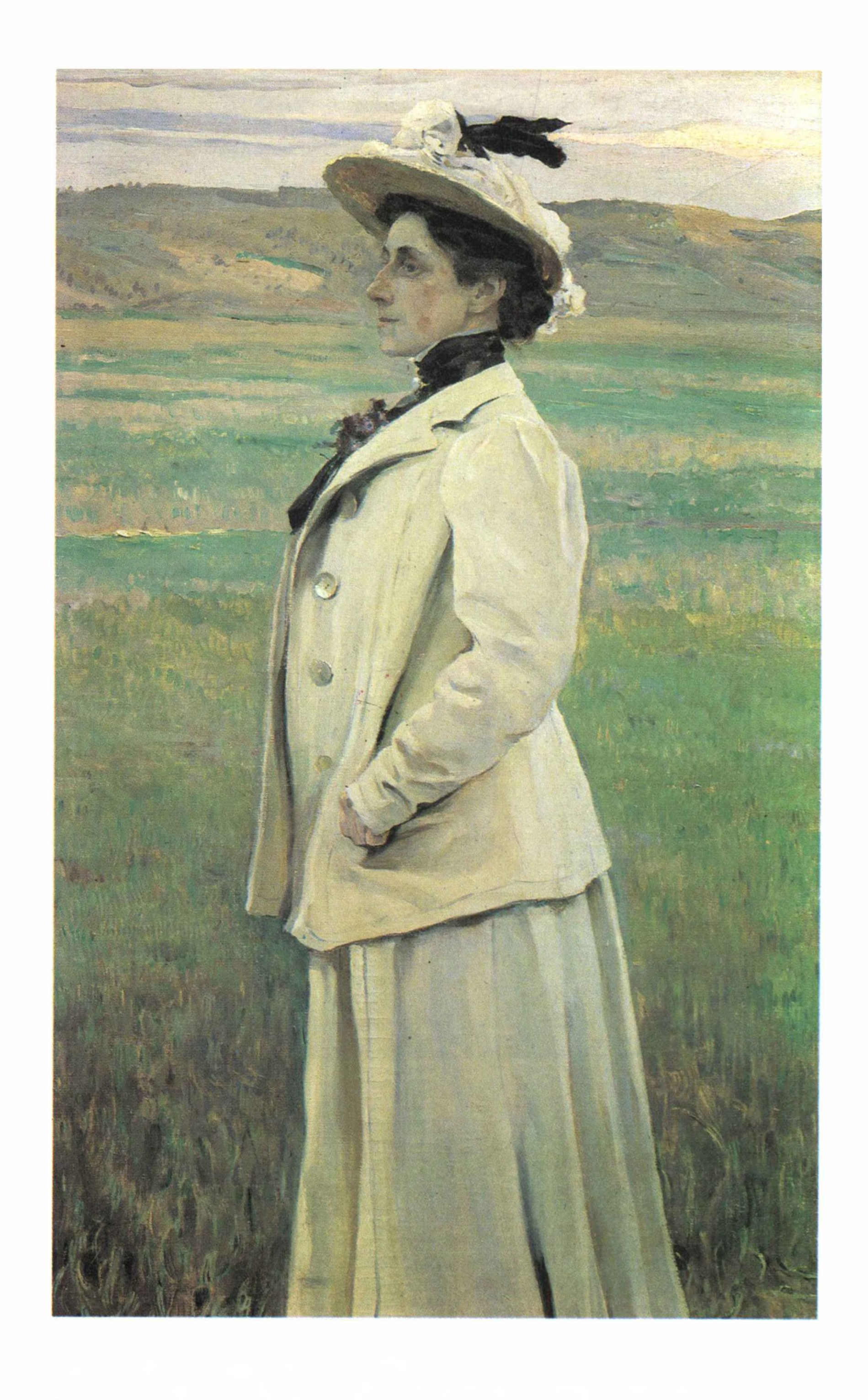
Под благовест. 1895.
Холст, масло. ГРМ

На горах. 1896.
Холст, масло. Киевский государственный музей русского искусства

Димитрий царевич убиенный. 1898—1899.
Холст, масло. ГРМ

Портрет княгини Н. Г. Яшвиль. 1905.
Холст, масло. Киевский государственный музей русского искусства

Попрощались при всевозможных добрых пожеланиях, благодарил Прахова и уже из дверей снова вернулся, чтобы посмотреть «Св. Ольгу», «Евангелистов» и весь второй иконостас. Затем, уже попрощавшись совсем, еще с лестницы послал пожелания успехов, уехал, видимо, очень довольный.

Такого рода визит, конечно, меня взволновал, и мне невольно пришло в голову: какая разница между просвещенной внимательностью такого человека, как Строганов, и невежественной снисходительностью моих уфимских ценителей, и еще раз на деле пришлось убедиться: чем человек больше смыслит в чем-либо, тем он осторожнее и снисходительнее, и чем меньше, тем настойчивее и развязнее в своих приговорах.

В этот день я обедал у Праховых, и там поздравили меня с таким почитателем, как Строганов, и я узнал, что еще в соборе у «Рождества» он спрашивал обо мне, а также мой адрес, о чем Котарбинский раньше умолчал мне. [...]

112. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Киев. 8 ноября 1892 г.*

Отвечаю Вам, Аполлинарий Михайлович, на Ваши два письма двойным письмом. И если оно не будет вдвойне интересно против обыкновенного, то не гневайтесь. Живу я в Киеве, как и раньше, уединился. Будни работаю, праздники отдыхаю, хожу в Софийский, слушаю чудное пение, впечатление иногда выношу, думаю, не меньше, чем от лучшей речи Ключевского. И сегодня меня там угостили концертом, слушая который словно на небе побывал. Вечера больше сижу дома, за последнее время «полюбил» меня П. О. Ковалевский, бывает часто, сидит чуть не полсуток, бывали случаи, что засыпал я «под звуки чудные» его рассказов. Но это мало, видимо, его смущает. Теперь работаю «Бориса», кончив его, буду проходить набело весь иконостас, а там в конце месяца надо будет и сдать его комитету, а сдав, ехать в свою Уфу. Обидно, что Остроухов не уважил моей просьбы. Этюд мне нужен не в Москве, а в Уфе, и отказ его мне будет уроком не выпускать своих этюдов в чужие руки [1]. [...]

Здесь теперь выставка этюдов, а поэтому страсти обнаруживаются сильнее, иногда пламя захватывает поневоле и стоящих в стороне от пожара. Ко мне приходят обыкновенно с рассказами и жалобами: кто из них прав, сам Аллах не разберет — все, кажется, хороши, и я обыкновенно отмалчиваюсь, и если уж доймут сильно — обругаю их вкупе.

Дамы, как и всегда почти в мирских делах, играют и здесь видную роль и подливают масла в огонь.

Здесь есть общества, партии, может быть, вскоре какая-нибудь «ассоциация» или еще что-либо в этом роде, есть «депутаты» и «представители», но будет ли «искусство», сказать не берусь, так как о нем, видимо, думается о последнем.

На этюдной выставке (в общем довольно недурной) хороши этюды Ковалевского (для публики они утомительны), недурны несколько этюдов Селезнева и кое-кого из молодежи. Есть Орловский, который в своем нахальстве дошел до предела. Этюд, не лучше плохого волковского, назначен к продаже за 1000 р. (вспомните этюды В. И. Сурикова к «Морозовой», «Стрельцам» по 50 и 100 руб.). Это меня сильно возмутило, и я не сдержался и не жалею.

Вы слишком коротко и неопределенно пишете о своих картинах, а ведь Вам известно, как меня интересуют они. На «Озеро» [2] я смотрю с томительным упованием, этот мотив Вами так взят, что Вы *не имеете права* здесь пятиться назад; перед картиной этой, как перед раем господним, возрадовалось бы сердце и застонала бы душа грешника. Вид этого небесного озера (оно ведь мистическое) возвратил рассудок безумному и возбудил равнодушный ум скептика.

Картина эта должна повернуть весь пейзажный мир, она, как событие, встряхнет и обновит этот мир. Это реквием, в нем тихо спят людские страсти, бродят упокоенные души усопших, ожидая, когда величайший творческий гений призовет и укажет им иной мир...

Повторяю — Вы должны выйти победителем или... или держать картину до тех пор, пока она не будет на высоте своей прекрасной задачи.

Видите, какой я строгий, право, кроме шуток, будет очень обидно, если Вы с ней поспешите...

9 ноября.

Перечитав сегодня написанное вчера, увидел, что в последних строках приподнят несколько тон, первое время хотел переписать, потом раздумал и оставил так, как написал раньше, пусть это будет моя мечта (да, может быть, оно так и есть), но я от нее не откажусь, оставлю право (извините за кляксы) мечтать за собой, хотя бы для того, чтобы иногда отдохнуть душой (а может быть, и потерзать ее слегка), уйти отсюда — туда...

Интересует меня Архипов, что он сделал? Также С. Коровин и Левитан... Если увидите, то сообщите, а также кланяйтесь и им от меня.

На прошлой неделе были у меня Праховы, да вообще что-то за последнее время меня начинают тревожить, но думаю, что «ничто не вечно под луною» и скоро я опять останусь в приятном одиночестве, что мне ближе и роднее, да и удобнее...

Передайте Виктору Михайловичу, что Лёля [3] к его приезду разучивает для него несколько новых песен...

Да! о музыке — недавно видел «Хованщину» Мусоргского, трудно себе что-либо вообразить менее талантливое, скучное, фальшивое и не характерное. И это еще лучший из «Кучки», его Стасов сравнивает с Суриковым, жестоко и обидно, хотя Бог, наверно, простил и это Стасову. О постановке не говорю, это балаган, а один тенор в прощальной молитве перед смертью на костре сумел меня, шельмец, уморить со смеху. Но довольно, а то желчь начинает подступать. [...]

113. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Уфа. 21 декабря 1892 г.*

Поздравляю Вас, Аполлинарий Михайлович, с преддверием рождественских праздников, а также и Новым годом, очень желал бы, что[бы] год этот принес Вам много удач и радостей в придачу с хорошим здоровьем.

Что-то Ваши детища? На чем Вы остановились? Хотелось бы очень повидать «Облака» [1], что же до чудного «Озера», то если оно Вас не удовлетворило, то и Бог с ним пока, Вы свое возьмете и выйдете «со щитом» и блестяще.

Ведь талант Ваш есть талант оригинальный. Он развивается медленно, но покойно, без затраты здоровья, или с гораздо меньшей его затратой против других. Мне думается, что в то время как другие из Ваших сверстников будут уже калеками, узнают на деле так называемую «собачью старость», Вы, бодрый и покойный, без особенного труда придете к высшей точке развития Вашего исключительного пейзажного дарования. Вы с румяным лицом и со всеми волосами на голове будете присутствовать на многих похоронах художественного дарования. Это завидное свойство Вашей природы. В преимуществе этом Вы так же мало виноваты, как и тот, кто такого преимущества не имеет.

Из газет я узнал о московском конкурсе. Абрам Еф[имович] загребает жар обеими руками, а милый Степа потрудился за пейзажистов на славу жанристов и к стыду пейзажистов [2]. Я в настоящее время живу жизнью, мало похожей на жизнь художника-аскета, ем, как хороший прасол, сплю тоже настойчиво, езжу на торг гнедых и т. д.

Картину свою [3] я нашел удовлетворительной, в ней, кажется, есть некоторое настроение необходимой тишины, конечно, она не отличается живописными достоинствами, но это меня мало еще огорчает. Если не произойдет ничего непредвиденного, то много похожего на то, что я ее выставлю на судбище, на позорище. [...]

114. В. Д. ПОЛЕНОВУ

Уфа. 21 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Прошу Вас принять мое поздравление с рождественскими праздниками и Новым годом, много здоровья и благополучия, поздравляю Вас также с почетным званием профессора, о чем мы все с удовольствием узнали в Киеве: сейчас я нахожусь в своей Уфе, где жестокие морозы уверяют, что Сибирь Уфе близкая соседка.

Картина моя «Юность Сергия Радонежского» в настоящее время может считаться конченной, если же будут необходимые поправки, то таковые я сделаю уже в Москве в раме.

Последняя ее редакция не заставляет жалеть о том, что я переписал ее на новый холст и изменил в ней кое-что. Слух о том, что Передвижная опять будет в Академии наук, едва ли кого радует, а меня так даже и опечалил. Архипов и Степанов, получившие премии в Обществе любителей художеств, еще раз поддержали доброе имя нашего милого Училища.

1893

115. РОДНЫМ

Москва. 16 января 1893 г.

[...] Вчера побывал на периодической выставке, где любовался поразительным (Тициановским) портретом некой m-me Мориц работы Серова и прекрасной картиной Архипова [1]. Потом был у Степанова, который пишет милую вещь: «Облава на волка». Архипова не застал. В четвертом часу поехал к В. М. Васнецову. Его не было дома, но встретили очень радушно. Посмотрел без него картон «Страшного суда». Картон даже и для Васнецова очень хорош.

С Викт. Мих. встретились как нельзя лучше. Он много извинялся, что не писал мне; в школе получил письмо от бывшего абрамцевского учителя и Черткова, последнее письмо крайне любезно, обещается выслать мне новое свое издание «Для интеллигентного читателя» [2]. Посмотрим, но, верно, не обошлось без Толстого.

Из слов и разговоров с Васнецовым видно, что отношения ко мне в Москве *не* изменились к худшему, как Третьяков, так и Мамонтов заинтересовались как картиной, так и вообще, что делаю я. Хотя это и не увеличивает надежду на Третьякова, он, кроме Архипова, не посетил никого и у Архипова вещи еще не взял. К обеду пришел Аполлинарий, который тоже извинялся, и я его, кажется, жестоко сконфузил. Потом приехал Светославский. После обеда я отправился слушать очень жиденькую оперу «Деревенское рыцарство» и очень интересную и драматическую оперу в 2-х действиях «Паяцы» (Частная опера) [3]. Сегодня на обед и на вечер отозван к Васнецову, который завтра утром уезжает и, следовательно, картину не увидит.

Утром был у Аполлинария, видел редкостно интересные вещи: «Долина Ика» и «Горное озеро».

С завтрашнего дня картину могу показывать. Номер довольно удачный: перед окнами Ильинские ворота и Кремль. Плачу 2 р. в сутки, проживу числа до 29—30-го. Третьего числа последний срок доставки в Академию наук. По слухам, интересны вещи у С. Коровина, Архипова, Сурикова (у всех я буду на днях). Одна вещь у Левитана («Владимирская дорога»). [...]

17 января 1893 г. Воскресенье.

Сегодня как проснулся, конечно, сейчас же к картине, но так как день сегодня серый, то в девять часов еще было видно плохо. Теперь же прояснилось, и можно судить смелее. Что картина в раме выиграла — это не надо и говорить. Она очень стройна по композиции, и есть в ней тон, голова Сергия имеет выражение. Но также

стали ясны и ее недочеты, которые думаю на днях уже исправить. Это некоторая жидкость тона наверху картины (в тенях хвойного леса), а также кое-где резкость — все это, думаю, не особенно важно и легко исправимо.

Во вторник узнаю мнение постороннее.

Сегодня уезжает В. М. Вчера я у него обедал и провел вечер. Часов в 8 приехал Поленов, потолковали, маленько выпили и разошлись с миром. Поленов будет, вероятно, на неделе. Сегодня пойду к Левитану, к С. Коровину, а вечером — к Сурикову.

Вечера все разобраны, днем бываю дома с 10 часов до 2-х. (Сейчас взошло солнце, и у меня стало светлее в комнате, а также прояснилось немного и на сердце.) Рамой я также доволен — она хорошего серо-бронзового тона и не так широка, как я того боялся.

116. РОДНЫМ

Москва. 20 января 1893 г.

[...] Воскресенье все прошло в разговорах и спорах. Утром пришел Паршин, с которым проболтали часов до двенадцати, после чего пошли к Симову, где тоже было немало разговору. Потом к Светославскому в мастерскую и, наконец, обедать у С. Коровина. После обеда поехали к Сурикову, а вечер закончил у Светославских дома в жесточайших спорах и вернулся домой в 3 часа ночи.

У Сурикова были с Аполлинарием и видели новую картину Сурикова «Христос исцеляет слепого». Картина небольшого размера. На первом плане сидит фигура слепого с протянутыми руками к солнцу, которое врывается между колоннадой храма. Больной только что прозрел и увидал мир божий в его праздничном виде, залитый солнечным светом. Христос одной рукой прикасается к правому глазу, а другой дотронулся до руки больного. И как бы через эти руки пропускает целебный ток своей благодати. Выражение Христа уверенное и спокойное, настроение его мистическое, а больной вполне реален и рад своему исцелению, как всякий больной.

В общем, впечатление очень сильное и своеобразное, картина колоритна, но слабо нарисована. У него два раза был Толстой. Л. Н. в восторге от слепого и негодует на Христа. [...]

Сейчас был Левитан и Милорадович. Картина очень нравится. [...]

117. РОДНЫМ

Москва. 21 января 1893 г.

[...] В понедельник был у Ступина, встретились очень радушно, надарил он мне детских книжек и звал обедать в воскресенье; вероятно, пойду, на днях и он придет ко мне. Вечером был у Переплетчикова на званом вечере. Со вторника открыл картину.

В этот день видели: Симов, Светославский и Аполлинарий. Вещь всем очень понравилась, и Аполлинарий нашел ее несравненно выше прошлогодней. Вчера (в среду) были Суриков и Сергей Коровин. Как тот, так и другой наговорили мне много приятного, находят картину своеобразной, чисто русской, хорошо скомпонованной и рисованной, очень нравится тип и выражение лица. Суриков сделал кое-какие замечания, которые я уже исправил, а Коровин много раз благодарил меня за хорошее удовольствие.

Но что интересно — это мысль Сурикова назвать картину не «Юность Сергия Радонежского», а словами знаменитой молитвы: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение», молитва эта будто бы очень ярко поясняет мою картину, дает простор мысли и чувству и освобождает меня от возможных придирок к историческим неточностям. Мысль эта очень смелая и мне нравится, и, быть может, я ею воспользуюсь.

Вечером был у Мамонтовых, сегодня иду (четверг) к Поленовым, на этой неделе как те, так и другой будут у меня. Третьяков не бывает нигде пока. [...]

118. РОДНЫМ *Москва. 24 января 1893 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Только сейчас окончательно закончил картину, подписал 93 год и теперь, думаю, уже не сделаю ни одного мазка, а впрочем??..

В пятницу были Поленовы, картину, как и все видевшие ее, нашли интересной и гораздо лучше, чем прошлогодняя, кое-какие замечания Поленова были тотчас мною исправлены.

Мамонтова жду сегодня, также и Серова, который заинтересован картиной. На предстоящей неделе буду у Левитана (он теперь кончил свою вещь), буду и у Серова. Время у меня все разобрано. Сегодня иду к Касаткину, а вечером в театр смотреть Цветкову в «Майской ночи».

Вчера вечером был в Обществе любителей худ[ожеств] большой вечер в память Федотова. Народу было человек до ста. Быковский прочел его жизнь, актеры Музиль и Ленский прочли федотовские стихотворения. Л. Жемчужников (друг и товарищ художника) рассказал со слезами на глазах свои личные воспоминания о последних месяцах жизни Федотова. После всего этого был ужин по подписке, и, изрядно выпивши, разошлись в 3-м часу ночи по домам.

В среду или четверг думаю упаковывать, а в субботу и сам поеду. Во вторник буду у Сурикова, посмотрю картину днем.

Выставка обещает быть очень разнообразная и интересная. Если мою картину примут, то, конечно, о ней будет толков немало. О названии ее я еще не остановился ни на чем окончательно.

Как-то обедал у чеховской «Попрыгуньи» [1], и она в знак чего-то навязала мне какой-то болгарский браслет на память. Нечего делать — взял. Была и она у меня, восторгам и всевозможным выходкам не было конца. [...]

P. S. Сейчас были два Левитана, Архипов и Степанов, всем очень нравится, находят много поэзии и жизни и т. д.

119. РОДНЫМ *Москва. 30 января 1893 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Пишу вам последнее письмо из Москвы. [...]

На неделе, кроме товарищей-художников, была Е. Г. Мамонтова, картина и ей очень понравилась, по ее словам — это бесспорно моя лучшая вещь и что в этом сходятся все, с кем она говорила о картине, с той разницей (добавлю я), что люди покойные находят степень ее превосходства над «Варфоломеем» в два раза, и чем человек одарен большей фантазией и смелостью, тем степень эта вырастает больше, кто-то так разошелся, что хватил прямо в двадцать раз...

Все сказанное выше не исключает возможности ее непринятия, и это от меня также не скрывают, так, например, Касаткин прямо заявил, что хотя вещь ему очень нравится, но она настолько необычайна, что он еще не знает, как поступить при баллотировке; кладя мне белого, он, быть может, тем самым признáет за мной право писать в таком направлении, а хорошо (нравственно ли) это направление, он еще не решил, и т. д. и т. д.

Словом, разговоров будет довольно, к 7-ми ч. вечера решится все, а в 8, вероятно, пришлю телеграмму (конечно, в том случае, если примут).

Волнуюсь я гораздо менее прошлогоднего, но устал изрядно: ни разу не лег раньше 12 ч.

На днях видел давно жданную «Сходку» [1] С. Коровина. (В виде особой любезности Сурикову и мне эта картина была показана первым.) Не говоря о красках, которые обыкновенны, эта вещь замечательная, и судьба ее, вероятно, выдающаяся. Здесь показан мир Божий, как он есть. Это диаметрально противоположная вещь моей. Это нечто вроде «Власти тьмы» Л. Толстого.

Желательно, чтобы она была у Третьякова, который (к слову сказать) ни у кого не был, нездоров, сидит дома.

При письме прилагаю выдержку из «Московских ведомостей» о прекрасном постановлении Московской думы [2].

Очень поэтичны три вещи Левитана [3] и чудные портреты Серова с Якунчиковой и И. Левитана (кстати, он дал мне хороший этюд Волги).

В четверг слушал «Тангейзера», а вчера всей компанией были в оперетке, смотрели смешную вещицу «Обозрение Москвы за 92—93 гг.».

В общем в Москве время провел оживленно. В $12^1/_2$ дня сегодня еду в Питер, где и предстоит много волнений и хлопот. [...]

120. РОДНЫМ

Петербург. 4 февраля 1893 г.

[...] В воскресенье вечером был у Ярошенок (его не было дома). Она же со мной по-прежнему любезна, просидел весь вечер. На другой день опять был у них, застал и его. Он все такой же, ко мне крайне внимателен, что меня сильно утешает. Я там бываю ежедневно, то завтракаю, то обедаю. [...]

Вечер, 11 часов.

Продолжаю начатое утром письмо...

Был в Академии наук, и только что взошел, почувствовал, что что-то неладно, за сутки успели поработать добрые люди! Тут же узнал, что против картины сильно шипят. Кучка молодежи (ограниченные бездарности) всяко вышучивают картину, в общем недоумевают.

Встретился с Мясоедовым, Шишкиным, Максимовым и Волковым, все до приторности любезны, но о картине ни слова. Говорят, Шишкин очень долго и внимательно смотрел и потом развел руками и заявил, что, мол, «ничего не понимаю!!..».

Уехал с выставки злой — травля началась (Рябушкина нет еще, С. Коровин прислал, Ге тоже пока еще нет).

Обедал у Ярошенки, долго спорили о Васнецове, Серове и других, жаль, что он их не хочет понять... На мои слова о выражении Шишкина по поводу моей картины Ярошенко сказал, что у них вчера было заседание, и что общий голос за картину, и что Шишкин хотя и сказал, что не понимает ее, но что находит ее выдающийся интерес,— ну и за то спасибо.

Буря будет жестокой, и еще раз повторю, что, провалив картину, они подпишут себе приговор в глупости.

Сегодня получил письмо от Милорадовича, который справлялся в духовной цензуре относительно законности названия моей картины на слова известной молитвы и получил утвердительный ответ, и я, вероятно, остановлюсь на этом названии, прибавив в скобках: «Юность пр. Сергия Радонежского».

Милорадович сопоставляет картину С. Коровина и мою, говоря, что в одной «Мир», а в другой «міръ» [1], и что обе они могут быть интересны как пробные камни для общества, и что хорошо бы их поставить одну против другой и т. д.

Настроение мое пока, слава Богу, ничего... Каждый день по гостям, почти вся неделя разобрана, то завтракать, то обедать, а также и вечера.

В субботу или воскресенье приедут москвичи, тогда будет дышать полегче. Следующее письмо буду писать после жюри (Пастернака вещь неважная [2], испортил прекрасную тему). [...]

121. РОДНЫМ

Петербург. 8 февраля 1893 г.

Дорогой папа, мама и Саша!

Через час я узнаю о судьбе моей картины. Вчера вечером было заседание и постановление жюри. Сегодня так или иначе, но кончаются мои волнения...

В пятницу видели картину Бруни и Беклемишев. Она им очень понравилась. Бруни в особенности. Оба благодарили меня и целовали, поздравляя. В этот же день говорил с Шишкиным и Мясоедовым. Оба находят вещь очень интересной, но тем не менее она одному не нравится, а другому непонятна.

В субботу приехали москвичи и Ге. Вечером были все у Ярошенко. (С ним будем говорить особо, но и он находит картину выдающейся по интересу.)

Я был в хорошем настроении и вечер провел интересно.

Ге вежливо поздоровался со мной и сказал, что из-за меня был у картины горячий спор, я не стал расспрашивать и узнал через других, что картиной своей я всем забил гвоздь, что споров, ругани и т. д. не было конца, но что это еще не все, главное-де будет завтра (в воскресенье), что не съехались еще все москвичи (нет Сурикова, А. Васнецова и других).

За ужином также было интересно и весело, а после него и того интереснее, из ничего затеялся спор о византийском стиле и стиле вообще, я, не замечая сам, как очутился оппонентом всего общества, которое осталось после ужина, и весело отстоял то, что для меня ясно, особенно пришлось выдержать от натиска Мясоедова, Собко, Ярошенко и Максимова. Спор затянулся до 3-го часу и, несмотря на разногласие, все разошлись довольные.

Вчера, в воскресенье, был в Панаевском театре. Был сборный оперный спектакль, давали по одному действию из опер: «Искатели жемчуга», «Аида», «Рогнеда», «Сельская честь». Последняя на этот раз произвела на меня очень сильное впечатление, этому способствовало то, что главную роль исполнял хороший тенор итальяшка, дирижировал также итальянец, молодой поклонник композитора. И теперь мне понятно, отчего эта опера так скоро облетела весь свет [1]. [...]

Сейчас узнал, что картина моя принята после жестокой битвы. Пишу эти строки на телеграфе. Из 148 картин принято 40. Не приняты Рябушкин, Менк, Сомов, Киселев, одна из двух Пимоненко и т. д. [...]

Все написанное выше, конечно, мало способствует веселому настроению, и я все время горячусь и бранюсь, чем, конечно, себе врежу, и теперь ясно, как день, что меня в члены не выберут, а, напротив, будут ко мне в будущем еще более требовательны, итак, бездарность имеет, как и глупость, свои преимущества.

П. М. Третьяков еще не приехал, а по тому, как мы встретились с Остроуховым, который толчется теперь около П. М., трудно допустить возможность приобретения вещи им для галереи...

122. РОДНЫМ *Петербург. 11 февраля 1893 г.*

Вчера окончательно установили мою картину, по бокам ее на стене справа поставлен пейзаж («Озеро») Ап. Васнецова, слева (от зрителя) портрет М. Л. Толстой [1] работы Ге. Как та, так и другая вещь мне не только не вредят, но даже помогают. Васнецова сродностью настроения, а Ге — своим безобразием. Рядом с этим невозможным портретом моя картина смотрится тоннее и изящнее.

В конце письма прилагаю рисунок, на котором изображена моя картина и ее соседи (с лестницы от зрителя).

Вчера обедал у Ярошенки, а вечер проболтался с Андреем [2], который, узнав о моей уступке Репину [3], сильно на меня напал, а я, вероятно, достаточно упал духом и почти не мог ему сопротивляться, и вновь сейчас (я сейчас на выставке) решил вставить молитву как эпиграф и видел уже цензурованный каталог. [...]

123. РОДНЫМ *Петербург. 16 февраля 1893 г. Утро.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сегодня в 3 часа я в компании других москвичей еду в Москву и дальше в Киев на отдых, а отдохнуть мне надо необходимо, устал я сильно и душой, и телом.

По всем данным картина не будет иметь того успеха, который можно было ждать по ее приему. Публика к ней равнодушна, предпочитая ей всякий вздор, бывалый сто раз прежде, да еще и плохо выполненный.

С Третьяковым я виделся, по-прежнему очень любезен, но о картине ни слова. Он купил две маленькие: одну новичка Кишиневского «Сцена в кабаке» (сто раз такие кабаки бывали, и этот ничем не лучше других), а потом Бакшеева тоже небольшую, но и недурную [1]. Третьяков, как и государь, уехал, оставив многих разочарованными в своих надеждах.

«Новое время» даже не напечатало в своем отчете и имени моего [2], и утешаться приходится только тем, что нет и имени Серова, Поленова, С. Коровина, но плохо, если приходится уже утешаться. Утешаюсь и утешаю вас приложенным перечнем картин в газете «Новости» до открытия выставки [3].

В иллюстрированный каталог картина тоже не войдет, потому что в том положении, как она поставлена, ее снимать нельзя — не возьмет аппарат. Пойдет ли она в провинцию, тоже неизвестно, намекают на тяжесть рамы, ну, словом, задуматься есть над чем, и я задумался, но духом не упал, да и вам не советую очень унывать. У меня будущее впереди, и если есть талант, то дело не пропадет, надо только выдержать все с возможным мужеством, прошлое В. М. Васнецова и др. может быть утешительным примером.

Теперь же Киев заживит те царапины, которые мною получены здесь, да и сознание, что много свежих, молодых людей на моей стороне, некоторые частные отзывы о картине стоят кое-чего.

В воскресенье был «товарищеский ужин» у Донона, было довольно скучно, могло кончиться скандалом с Куинджи, но уладилось дело, разошлись в 4-м часу...

Сейчас поеду попрощаюсь с «Сергием», а потом заеду к Ярошенке да по пути к Андрею, а там и в Москву. Из Москвы, быть может, напишу, а то уж из Киева. [...]

124. РОДНЫМ *Москва. 18 февраля 1893 г. Утро.*

Дорогой папа, мама и Саша!

Сегодня в 3 часа я еду в Киев, где, если будет все по-хорошему, должен быть утром в субботу, и таким образом я снова окажусь лицом к лицу с работой, с мечтами, и быть может, это меня несколько успокоит, хотя, говоря правду, я и теперь уже значительно чувствую себя бодрее и веселее.

Из Питера пришлось ехать компанией, для чего и Поленов взял себе билет не 1 класса, а 3-го (спальный). Время прошло незаметно в разговорах. Тут же ехал Левитан, Касаткин и Светославский. Между прочим, я узнал от Поленова, который был рядом с государем, когда царская фамилия стояла у моей картины, приблизительно следующее. Государь сказал, что «это в известном архаическом духе, но что это очень интересно». Много говорил о Пювис де Шаванне, сравнивая меня с ним, расспрашивал, где «Варфоломей», словом, был заинтересован, и Поленов уже думал, что он возьмет картину; когда шли с выставки, государь снова рассматривал картину со ступеней, прочел надпись (там большая подпись внизу на темном фоне золотом), спросил, крепко ли укреплена картина и не опасно ли для публики, и, милостиво простившись и пожелав всякого успеха, уехал.

В газетах мое имя везде замалчивают, как будто картины вовсе нет, молчат и про Серова с Коровиным.

Алекс[андра] Владимировна Васнецова меня утешает тем, что и В. М. когда-то настойчиво замалчивали, не замечая его вовсе, например с «Богатырем», «Аленушкой» и проч., что это нужно вытерпеть. Будем терпеть, а что выйдет — посмотрим.

В. М. меня очень ждет в Киеве, там он один и сильно скучает.

Да! Государь очень остался недоволен картиной Сурикова, находя, что Христос его в духе Ге. Этого бедный Суриков менее всего желал, но и это нужно вытерпеть.

Вчера я два раза обедал и один ужинал. Был у Поленова, он мне предложил на память очень хороший этюд свой (из палестинских), вещь крупная достоинством и размером и стоит кое-чего, и это хороший вклад в мою галерею. Подарил мне этюд Ярошенко (не из важных), Левитан (милый — небольшой) и Светославский с Аполлинарием.

На выставку «Московских худ[ожников]» [1], вероятно, не попаду, да смотреть почти нечего, говорят...

Ну, еще что написать? Заступник наш Кигн из Петербурга уехал, у него болен отец.

Накануне отъезда был у М. М. Иванова (муз[ыкального] критика), самого его не застал, оставляли обедать, но я уже был отозван к Турыгину, с которым примирился случайно и неожиданно. Ему более всего на выставке нравится мой «Сергий». [...]

125. РОДНЫМ *Киев. 27 февраля 1893 г.*

Дорогие папа, мама, Саша.

Сегодня (суббота) я получил ваше письмо и, благо есть свободный час до прихода натурщицы, отвечаю вам.

Со вторника начал работать, кончаю начисто «Евангелистов» и сегодня начинаю делать рисунки к «Ольге», «Богоматери».

С каждым днем я чувствую, что впечатление от Петербурга ослабевает, я теперь значительно бодрее, и если бы не сознание того, что вы терпите из-за меня неприятности, я бы вовсе был спокоен.

Пока будут силы, буду идти своей дорогой, как бы это ни обошлось мне дорого, один конец может показать: «стоила ли игра свеч» и имел ли я право так поступать; то есть было ли у меня достаточно на это таланта. Целый ряд картин после собора должен многое выяснить, как мне самому, так и другим, что я такое и надо ли со мною считаться...

За это время получил письмо от А. М. Васнецова, его препровождаю вам (надо его сохранить). Оно довольно ярко рисует отношение ко мне сочувствующих. Из письма видно, что совет Товарищества постановил, несмотря ни на размеры, ни на тяжесть рамы, послать «Сергия» в путешествие. Это, конечно, милость, и милость неожиданная. Кажется, не было случая, что картина такого размера ездила в провинцию. Пока я ничего официального не получил по этому поводу и не знаю, как поступить с этим вопросом, если что и получу.

Дело в том, что В. Мих. говорит следующее: «Перетягивая холст более двадцати раз, кромка вся оборвется, да и поручиться нельзя, что картину, перебивая так часто, где-нибудь не изуродуют». Конечно, есть выход: сделать подрамник на петлях, так, чтобы, не снимая картины, можно складывать ее вдвое, раму же необходимо заменить коленкоровой, так как после путешествия от той не останется и следа. В Москве же картину, конечно, поставят.

За неделю были отчеты о выставке в «Правительственном вестнике» № 18, затем в «Новостях» (не упоминается моя вовсе) и в № 53 «Московских ведомостей» статья М. П. Соловьева [1], но, увы, даже сей ревнитель не одобряет бедной моей картины, находя недостатки в археологии. Отчет о ней на двух столбцах и начинается так: «Прекрасная мать-пустыня,— таково внутреннее содержание новой картины М. Нестерова. „Слава в вышних богу и на земле мир и в человецах благоволение" („Юность препод. Сергия")» и т. д. Кончается же словами — «в археологической неточности костюма и часовни и несоответствии образа пр. Сергия есть крупный недостаток второй «Сергиевой» картины г. Нестерова». Что сказать на это, когда не это было моей задачей, а что интересовало меня, то не интересует Соловьева. [...]

Третьего дня слушал Девятую симфонию Бетховена. Это почти колоссальный Шекспир и Микеланджело вместе. Дирижировал киевский Рубинштейн — Виноградский — удивительно. [...]

126. РОДНЫМ

Киев. 2 марта 1893 г.

[...] В прошлом письме я позабыл написать об отзыве В. М. Васнецова о моих образах в первом иконостасе. Он их видел, когда вынимал образ Богородицы для офицера [1]. В общем В. М. нашел все образа интересными и тонными, но «Борис» и «Глеб» произвели на него исключительное впечатление, так хвалить, как он их хвалил, он не часто хвалит, или, вернее, хвалил всего первый раз за «Пустынника», который ему нравится больше всех моих работ до «Бориса» и «Глеба».

Он высказал, что это мои лучшие вещи в соборе, чтоб я запомнил, что «Борис» и «Глеб» будут шедеврами собора, что в них много чего-то трагического, при несомненной элегии общего, что тут больше, чем где-либо, приходится сожалеть об моей постоянной слабости — недостатке строгости форм (хотя она в этих образах лучше, чем обыкновенно у меня), что мне нужно учиться отдельно рисовать, а что то, что есть у меня, того ни учением, ни деньгами не купить, и т. д., и т. д. Словом, он сильно меня ободрил, и эту похвалу я положил в особый ящик от обычных обязательных похвал Васнецова. [...]

П. О. Ковалевский [2] делает на меня и Васнецова нашествия почти ежедневно и довел нас до того, что мы при ударе в дверь вздрагиваем!!!

Начал работать рисунки. [...]

127. РОДНЫМ

Киев. 7 марта 1893 г.

Дорогой папа, мама и Саша!

В дополнение к предыдущему письму могу прибавить не много.

На неделе мы все работающие — художники, мраморщики и позолотчики — получили от председателя бумагу, где нас уведомляли от имени генерал-губернатора, что желательно-де, чтобы работающие в соборе свои работы окончили к святой неделе 1894 г., и что более отсрочек не будет.

До меня пока это не касается (хотя мой пакет был под № 13), но Котарбинский и мраморщики сильно приуныли, и теперь работа в соборе закипела: стук молотков, переноска мраморов, песни рабочих — все дает чувствовать, что с нами уже не шутят...

Со мной же не шутят г.г. критики петербургских газет и журналов, браня меня или упоминая вскользь, как нечто не стоящее их внимания. «Нива» же и «Всемирная иллюстрация» в лице некоего Чуйки (недаром в записках Крамского этому Чуйке жестоко влетело) [1], описывая мою картину, говорит, что, мол, стоит какой-то экзальтированный юноша в саду, рядом с ним лежит волк и т. д.

Этот прием, как все применяемые ко мне критиками, также не нов. Критик «Русской мысли», описывая Васнецова «Ивана-царевича на сером волке», говорит так же простодушно-наивно, что, мол, скачет царевич на верном коне... [2]

Это значит, что так все плохо и ничтожно в картине, что он-де не мог различить одно от другого — слона от попугая... Бедные, жалкие остряки с птичьими мозгами!!!

Сегодня, вероятно, появится статья «Жителя» в «Новом времени» и некоего критика Михневича в «Новостях» [3]. Конечно, и от них я не жду ничего утешительного и жалею только вас, как причастных к моим невзгодам. Но повторяю, что энергия моя через это не ослабла и только конец один скажет правду. [...]

128. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 12 марта 1893 г.*

[...] Прошлое воскресенье я с В. М. был в концерте Калишевского, который состоял из произведений старых мастеров XVI, XVII и XVIII века, а также и этого столетия: Орландо Лассо, Антонио Лети, Перголезе, Керубини и Бортнянский, Турчанинов, Архангельский, Чегонит (киевский композитор нашего столетия). Программа, конечно, для непосвященного человека трудная, но чудное исполнение и в особенности Гриша пояснил многое непонятное.

Вызовов не было конца, особенно их выпало много на долю Гриши. Он, по настоянию публики, спел дуэт с прекрасным контральто; услышав их пение, многие вернулись из раздевальни, зал трясся от аплодисментов, но восторг дошел до полного неистовства, когда Гриша, уже усталый, запел под Калишевского на фисгармонии свой лучший номер — «Предвечный и необходимый» — соло. Сначала в зале наступила немая тишина, у многих были слезы на глазах (я так совсем потерял голову).

Нечасто приходится испытывать такие минуты, от них люди становятся лучше, добрее. И все это дает маленький двенадцатилетний мальчик, покойный, бледный и гордый сознанием своего чудного дара. Все восторги, гул рукоплесканий этот тихий мальчик принимает достойно, просто, как должное. Когда замерли последние звуки, толпа, уже сумасшедшая, кинулась на эстраду, подхватила милого мальчика и понесла на руках из залы.

Приехав домой, мы долго сидели у меня, часу в 3-м разошлись, наговорившись и напившись досыта. (Чтобы утешить меня, В. М. сравнил пение Гриши с моими «Борисом» и «Глебом». Его бы устами да мед пить.) [...]

129. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Киев, 25 марта 1893 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Поздравляю Вас и прошу передать мое поздравление с наступающим праздником и пожелание всего лучшего семейству Вашему.

Благодарю Вас еще раз за Ваш прекрасный подарок [1] и не могу при этом не быть признательным Наталии Васильевне за счастливое содействие в выборе этюда этого. У Вас в Москве теперь начало «страды», я слышал, что выставка на этот раз может быть и вне школы, если это так, то думаю, что такое новшество послужит не в пользу выставки, также и не в пользу Училища, которое и узнала Москва отчасти по выставкам. [...]

130. РОДНЫМ *Киев. 4 апреля 1893 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Наконец-то прошли праздники, чему я несказанно рад, все пойдет обычным порядком, хотя я с третьего же дня взялся за палитру и в три дня подготовил образ «Ольги», который можно считать одним из самых удачных, и он по достоинству, думаю, будет следующим после «Бориса» и «Глеба». Особенно вышла (по словам видевших его вечером) удачно голова Ольги — красивая и скромная, которая якобы может служить назиданием для красавиц, прибегающих к кокетству, без которого, очевидно, можно обойтись, глядя на красавицу Ольгу.

Прахов образов не видал; он тотчас по приезде укатил на Польшу. По приезде оттуда уедет в Москву, словом, его теперь поймать мудрено. Поездка его в Питер не прошла даром. Он направил генер[ала] Гурко, а тот подал мысль православного собора в Варшаве государю. Мысль эта утверждена теперь и правительством, ассигновано на собор миллион, да кроме того открыта подписка, так что думают догнать

сумму до $1^1/_2$ миллиона всего. По настоянию Прахова (и артист же он!) собор должен быть по повелению государя в древнемосковском стиле (это в Варшаве-то) и исполнен русскими художниками. Прахову в числе пяти человек предложено представить архитектурный проект храма, который Гурко желает видеть выведенным при своей жизни (ему 65 лет).

Рассказ Прахова о его мытарствах в Петербурге с этим делом достоин в некотором роде удивления, если бы этот человек был до конца предприятия таков, как в начале его!

(Между прочим, «мадам» проболталась мне, что в Петербурге Праховым предложены для выполнения живописных работ в будущем соборе как русские художники Васнецов и Нестеров [1].)

Окончание нашего собора, по-видимому, отложено до 1895 года, в Петербурге хотят его приурочить к одному из предстоящих праздников, кажется, присоединению Волыни или что-то в этом роде.

Все каверзы, какие учиняли здесь против Прахова, кажется, не удались, он весел и доволен.

Об иконостасах говорить пока не время. Приедет Васнецов, тогда выяснится это дело. В соборе начали снимать верхние леса до хор. [...]

Недавно получил радостное письмо от С. Коровина. Он продал свою «Сходку» П. М. Третьякову. В Москве выставка открыта, моя картина поставлена прекрасно, где хотел — в натурном классе [2], отход от нее большой, видно хорошо.

На выставке был Л. Н. Толстой, разбранил картину С. Коровина, мнение о моей не знаю, но думаю, что не в пользу мою. [...]

131. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 11 апреля 1893 г.*

Сейчас получил твое письмо, Александр Андреевич, а так как сегодня воскресенье, то есть день праздный, то отвечаю тебе тотчас, не ручаясь, однако, что кончу письмо [не] через месяц. Начну с того, что постараюсь возможно просто выяснить, что я подразумеваю под ответом моим «кому-то» по поводу «правды» или натуры в искусстве. Не помню, отвечал ли я так кому или нет, но если «да», то ответ такой, конечно, был дан не Поленову, не Сурикову, не даже Репину, а одному из тех ограниченных господ, «правда» которых есть уже шаблон, выработанный тридцатилетнею бесталанной практикой. Правда эта не идет у них дальше валяного сапога, написанного «с натуры», и, если можно так выразиться, правда «красноносая». Если же она и возможна как нечто интересное, то только у таких талантов, как Репин. «Правды» такой я не люблю, и она мне не дорога... Мила же и любезна мне она тогда лишь, когда олицетворяет собой внутренний, поэтический смысл характера — человека, природы или животных, а так как при этом я называю художником того лишь, кто имеет «индивидуальность», то, следовательно, и правду художественную я признаю «индивидуальной», и дело гения или таланта навязать, заставить людей верить в его личную правду, а не условную (какую-то «передвижную» или «академическую»). Что касается «декадентства», то с ним я знаком поверхностно, по образчикам француз[ской] литературы, более, быть может, его предчувствую, чем понимаю; возможно, в жизни оно как реакция известному направлению и, конечно, при талантливом выражении — может быть занимательно, я далек от него, хотя и не раз мне друзья и недруги навязывали его.

Перейду теперь к вопросам, интересующим тебя.

1) Годится ли языческое искусство для христианства? Конечно, годится — оно так же пригодно для него, как сами греки и римляне, а потом и мы с князем Владимиром годились для восприятия христианства,— конечно, сначала в форме грубой и резкой, как и искусство первых эпох этого учения.

2) Искусство византийское и дорафаэлитское — есть ли начало нового искусства или упадок старого? На это тебе скажу так: исповедуя что-либо *новое*, мы почти

всегда разрушаем раньше старые *формы*; «формы», кажется, были нам помехой на всех поприщах жизни, и тут мы не изменили людским обычаям — взялись за ненавистные «формы», как за первых своих врагов,— разрушили их (воображая, что уничтожили) и начали строить свое *новое* искусство — христианское, «духовное», и так увлеклись этим «духовным» (ведь оно не только тогда внове, а и теперь интересно необычайно), что сотни две-три лет и не думали о создании соответствующих форм (хотя гении этих эпох, несмотря на примитивность форм, дали им величественное и знаменательное значение (мозаика Монреале в Палермо).

3) Христианская идея (не православ[ная] и не мистическ[ая]) может ли быть предметом пластического искусства? А почему же нет! Этому примером не только религиозные картины Веронезе и Тициана, а и всякий «нравственный» бытовой жанр...

4) Искусство может ли быть языческим или христианским, или оно есть лишь только выражение формой такой идеи, которую можно выразить пластикой? Искусство может быть и должно быть олицетворением всякого религиозного культа, а *форма* — конечно, в подчинении *духу* учения — будет согласна с ним (разумеется, в зрелом искусстве).

Если я тебя понял и сумел выяснить предлож[енные] вопросы, то буду рад...

В заключение сообщу тебе про свои работы. Теперь пишу один из удачных по замыслу своих образов — «Св. Ольгу». В этом месяце думаю весь иконостас приготовить вчерне, а в мае, если все будет по-хорошему, то кончу и совсем его.

Повторяю, пиши чаще и не смущайся моим молчанием, тем более оно может и не быть, чему настоящий мой немедленный ответ может быть примером.

132. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 9 мая 1893 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, пользуясь праздником и дурной погодой. Выйдет ли письмо занимательным — не знаю.

В твоем последнем письме есть много замечаний, на которые можно бы говорить пространно, но неудобство переписки и неуменье вести таковую заставляет отложить эти разговоры до личного свидания, которое едва ли состоится скоро, конечно, если не произойдет чего-либо необычайного (вроде поездки твоей в Киев и т. п.)... Я же в ваш Питер теперь попаду через год или два — не раньше. Недавно комитет сделал предложение мне: образа в два иконостаса (диаконника и жертвенника). Это последняя живопис[ная] работа в храме. Она очень ответственная по своему видному положению (внизу) и по соседству с главным иконостасом, исполнением которого занят В. М. Васнецов. Я гляжу на эту работу серьезно и постараюсь отнестись к ней со всей искренностью и простотой художественного чувства. Для знакомства же с древнехристианским искусством в подлинниках на месте думаю поехать (если не будет сильной холеры или чего-либо неожиданного) в Италию. На этот раз путешествие мое начну с Константинополя, где осмотрю что следует, и через Грецию (заеду в Афины и на Афон) проберусь на юг Италии — Сицилию (Палермо), познакомлюсь с мозаиками Монреаля и др., что нужно — зачерчу и двинусь на север. Осмотрю мозаики Рима, проеду потом во Флоренцию (это моя слабость) и затем кончу Венецией и Равенной. Проезжу месяцев около трех и тогда уже примусь за эскизы новых иконостасов: в них восемь образов (по $3^1/_2$ ар. каждый), срок же окончания работ — через год...

Вот если бы ты был похрабрее и не обленился бы так, то можно бы поехать вместе, авось не подрались бы...

Ты пишешь в последнем письме, что *где-то* есть статья про *собор*, да еще и с *рисунками*. Не помнишь ли, где и что это за *рисунки*? Воспроизводить таковые пока право никому не дано, и потому интересно, кто этим занимается (готовится к освящению соборное издание, на которое ассигновано 10 000 р.). Если помнишь, где ты видел это,— напиши. [...]

133. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Киев. 17 мая 1893 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич! Благодарю Вас за присылку изданий «Посредника» [1]. На любезное письмо Ваше я ответил бы раньше, но желание ознакомиться с полученными книгами удержало мое намерение до настоящей минуты.

С некоторыми из присланных сочинений я знаком был раньше, но кое-что пришлось прочитать впервые, и вот впечатление, вынесенное мною из прочитанного: в рассказах Чехова на этот раз виден не столько «художник», сколько способный «наблюдатель врач», и как психологические исследования они интересны (факты нередко взяты случайные и единичные), но могут ли они быть полезны для больного, усталого теперешнего «интеллигентного» читателя, то один Бог ведает... Прочие рассказы и статьи (оставляя их общий оттенок), конечно, выбраны с большой осмотрительностью и читаются с большим интересом.

Просматривая «Цветник» [2], я заметил, что при выборе статей из жития святых редакция без достаточного внимания относится к своему родному, тогда как знать о своих *родных*, близких сердцу, славных и добрых предках, потрудившихся столь много для своей земли, было бы *естественной* потребностью народа. (Мне думается — раньше, чем знать о подвигах Геркулеса, нужно знать о таковых же Ильи Муромца, Добрыни и пр.) Из правосл[авных] русских угодников посчастливилось одному Феодосию Печер[скому], а у нас на Руси каждый из таковых святых имеет за собой свою трогательную, глубоко нравственную, поучительную духовную и общественную историю. Имена подобных деятелей, думается мне, должны быть внесены в память народную *первыми*.

Ваше предложение иллюстрировать что-либо для «Цветника» мне очень симпатично, и при первой счастливой мысли я это попробую сделать. [...]

134. РОДНЫМ *Киев. 5 июня 1893 г.*

[...] Вчера же со мной Прахов имел один из очень редких, но очень серьезных разговоров. Есть возможность, что ему поручат реставрировать полностью знаменитую «Великую церковь» Киево-Печерской Лавры, и вот он вчера делал запрос мне и Васнецову, что желаем ли мы, в случае благоприятного исхода этого дела (над этим стараются не один Прахов, работают много, и каждому хочется урвать лакомый кусок), принять вместе с ним — Праховым — участие в украшении этой церкви. (Это в то же время и главный и самый древний собор Лавры.)

Мы оба высказались почти одинаково, что работа в Лавре нам симпатична, но что об этом серьезно разговаривать надо по окончании Владимирского собора и что те цены, которые возможны во Владимирском соборе, там немыслимы... Кроме того, я высказал, что желал бы, чтобы темы картин (на стенах ведь) были мне даны сообразные с характером моего дарования (напр., Житие Антония, Феодосия Печерского и т. д.).

Ответом моим Прахов остался доволен, и теперь дело в том, чтобы ему удалось выйти победителем, а нам побольше здоровья. (Пока все это — тайна великая [1].) В разговоре Прахов высказал, что надеется глубоко на мое будущее, что я расту у всех них на глазах и что поездка за границу (хотя очень кратковременная) даст мне то, что язык мой приобретет твердость и постепенно прекратится то разноречие в отношении ко мне, какое существует теперь: один от моих работ в восторге, другой же кричит, что это черт знает что. Советовал еще раз не бросать натуры... и т. д., и т. д.

Сейчас я работаю «Воскресенье», прохожу его все, и делается от этого оно, конечно, не хуже. В общем, иконостасы и запрестольные образа поражают всех своей цельностью. Одна группа светлая, другая — темная, и, кажется, в них есть что-то приятное. [...]

135. А. А. ТУРЫГИНУ *Палермо. 12 июля 1893 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич.

Письмо твое я получил в день приезда же и вот сажусь, чтобы поделиться с тобой «чем бог послал»...

Начну с Одессы, города европейского в полном значении этого слова, тут не надо искать «русского духа» — его здесь нет и не найти его. Прекрасный театр завершает внешний вид Одессы... Дальше — пароход... «Царица» и два дня благополучного плавания по морю до Константинополя. Остановка в монастыр[ском] Пантелеймонов[ском] подворье, приличный вид и поступки, достойные звания Афонских братий... сотня тысяч красных фесок, грязь Галаты, и европейский шик Перы, и нищета Стамбула (так называют три части города).

Айя-София — мечеть; для нас св. София — великолепный храм нашему Богу, с гениальным творчеством и блеском задуманный и исполненный; равного по близости выполнения идеи к христианским мечтаниям я ничего не видал, тут небо сильной рукой опущено на землю. Храм Петра в Риме не поражает так своим ансамблем... Это теперь, что же было тогда, при Юстиниане??!!

Центр совершенства этого храма — его купол — обширный и прекрасный по форме и тонам мозаик (которые почти не сохранились). Лучше уцелели мозаики на хорах, там композиция их, ее серьезность и целесообразность не оставляют желать лучшего (это все орнаменты). Все, что относится до «лицевых изображений», то уничтожено или закрыто щитами с надписями из Корана.

Второй, после св. Софии, из сохранившихся храмов — Федора Студита — теперь мечеть Кахрие, там *в притворах* осталось много интересных мозаик: орнаментов и лицевых. Остальные храмы или разрушены, или уцелели в ничего не значащих мелочах. В общем, Константинополь делает впечатление города, который случайно и на время попал к туркам и они в нем едва ли чувствуют себя дома.

Ну, далее опять на пароход, на ту же «Царицу», идущую в Александрию, через Пирей. Благополучно приехав туда, простившись с *русским* пароходом, отправился в Афины, где и был через $^1/_2$ часа (трамвай). Отыскав квартиру своего киевского знакомого, теперешнего одесского професс[ора] археол[огии] Павловского, и не застав его дома, поехал в Дафни — это часа два от города езды, тут древний монастырь с остатками недурных мозаик; осмотрев его, снова вернулся в город, нашел Павловского, попил чайку и отправились в Акрополь (Павловский пишет докторскую диссертацию об акропольском музее). Осмотрев эти величавые развалины чуждой мне старины, полюбовавшись на Парфенон, побывав в музее архаики греческой, побывав везде, где осталось что-либо от античного зодчества, усталый вернулся домой. Пробыв пять дней в Афинах, осмотрев музеи и пр., я не был, как и ожидал раньше, ни разу задет *за сердце*, хотя и испытывал прекрасное, вполне эстетическое наслаждение, например, перед статуей Гермеса (кажется, Праксителя работы) [1]. Я чувствовал себя все время между красивыми, *быть может*, хорошими и умными людьми, но увы! *язык* их мне непонятен... Как город Афины очень красивы — из новых городов, но сухая, без влаги жара удручающе действует на человека, и тут много больных грудью...

Теперь дальше, вперед, ближе к цели, в Палермо...

14 июля

Проехав Калабрию до Реджио и пересев на пароход, — через час был в Сицилии (Мессина). Тебе известно прекрасное жанровое описание Сицилии гоголевским мичманом Жевакиным [2], потому и перехожу прямо на почву специальную. Вечером этого же дня я был в Палермо — этой столице Сицилии. Те же узкие улицы, как и повсюду в Италии, то же чудное море с синеватыми далями, с той же европейской политурой — электричес[твом], конками и т. п. Все это прекрасно, но я это видел, и не за этим сюда тянуло меня. Побывав у нашего любезного консула и запасшись обещаниями добыть разные разрешения, я начал смотреть то, за что ничего не платят и что раньше всем уже разрешено; пошел по соборам; католический блеск и роскошь барокко в связи с пошлой банальностью живут в Италии всюду и дружно. И это надо

не замечать с первых же шагов. Но вот и разрешения у меня в кармане, с ними слоняюсь целый день. Был в Марторане — сооружение это XII века, как и все почти выдающееся здесь; тут сохранились мозаики, и недурные, сюжеты посвящены так называемым «Богородичным» праздникам. Дальше — дворец со знаменитой мозаичной комнатой короля Рожера и еще более знаменитой капеллой Палатина. По великолепию своих мозаик и архитектурных *деталей* лучшего мудрено придумать, тут что ни капитель — то шедевр, что ни орнамент — то строгая, высокая красота, мозаики — лучшие по технике и разработке сюжета. Тут творения мира и человека, Ветхий завет и жизнь ап. Павла трактованы просто, ясно и с увлечением (конечно, при полной примитивности форм). Здесь, быть может, сила Византии сказывается более ярко, чем где-либо из виденных мною остатков этого искусства с колоссальным будущим, задержанным историческими случайностями.

Дальше — поездка в Монреаль и осмотр знаменитого собора (Cathedrale). Здесь, как и в Палатинской капелле, все прекрасно сохранилось, и этот храм гораздо обширнее маленькой сравнительно часовни Палатина, но достоинство его, по-моему, ниже во многом, если бы не замечательный «Христос», послуживший прототипом для двух лучших изображений в русской школе — Христа Иванова («Явление Мессии») и Васнецова (во Владимирск[ом] соборе) и нескольких композиций на темы из Нового завета. Теперь остается тебе описать поездку и осмотр собора в Чефалу (верст за 80 от Палермо), туда я еду завтра рано утром, вечером вернусь. Пробуду в Палермо до 18—20-го, потом через Неаполь в Рим, там недели две и тогда в Равенну, Венецию...

15 июля

Оканчиваю письмо свое, вернувшись из Чефалу, которое не много прибавило к виденному мною раньше. Разрушающийся храм очень дурно содержится, и от былого великолепия осталась одна абсида с хорошими и довольно оригинальными по трактовке своей сюжетами, здесь тип Христа несколько иной, чем в виденных мною раньше работах этой эпохи. Он так же спокоен, но менее суров. Вот и все, что видел я за три недели моего пути. С Рима начнется вторая половина заданной мне собою задачи. Хватит ли терпения и силы отнестись к ней с должным вниманием — увидим. [...]

136. РОДНЫМ

Палермо. 12—14 июля 1893 г.

[...] Со дня на день убеждаюсь, что эта поездка в Италию не будет похожа на первую, где не было ни задач каких бы то ни было, ни ответственности перед собой, ездил, наслаждался и отдыхал. Теперь — другое дело, я не только что не отдохну и не в состоянии просто душою радоваться, но, нагружая себя виденным, я еще больше устаю и с наслаждением предаюсь мечтам об отдыхе, который, кажется, будет необходим, хотя кратковременный. Ну, да это видно будет! [...]

137. РОДНЫМ

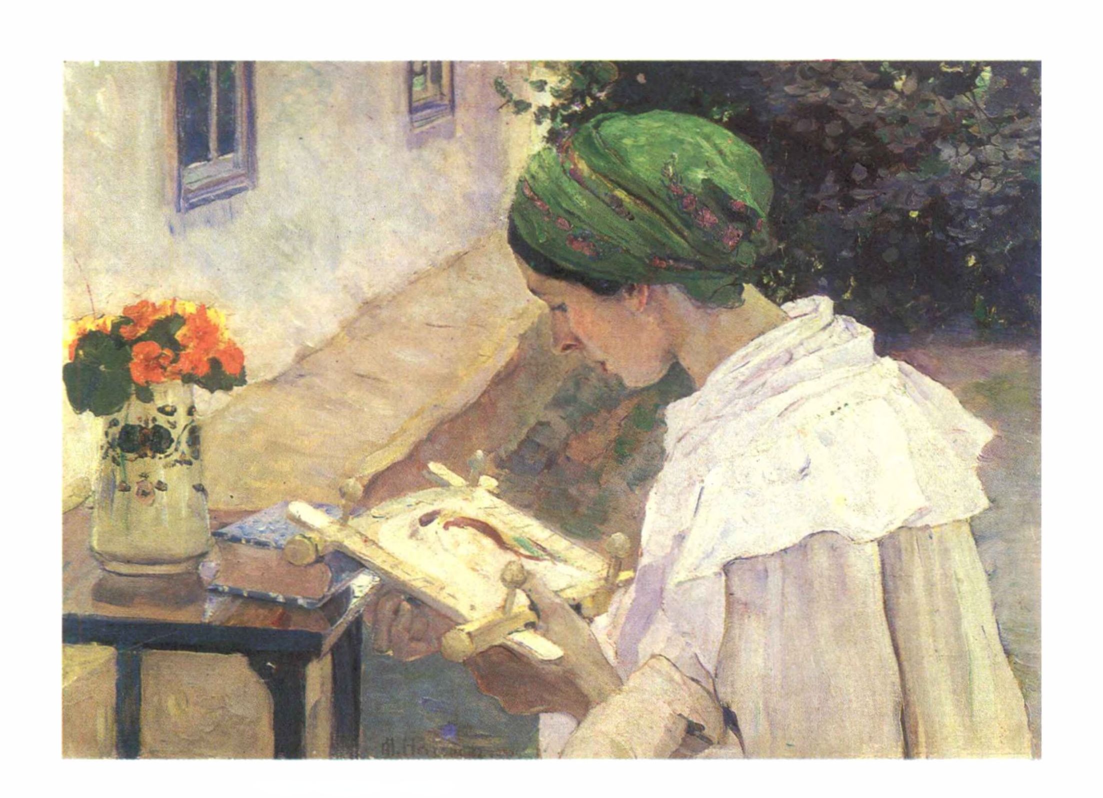
Сицилия. Палермо. 17 июля 1893 г.

Дорогие папа, мама и Саша.

Пишу вам последнее письмо из Палермо.

За эти дни был в Чефалу, где видел все, что надо. Собор большой с остатками мозаических изображений в апсиде (алтаре). Содержится собор плохо, грязно и не ремонтируется, все разрушается постепенно. Город Чефалу маленький, что-то вроде Стерлитамака... [...]

В Палермо время прошло за посещением Палатинской капеллы, которую я осмотрел внимательно, по несколько часов бывая там. Что следует — зачертил и купил фотографич[еских] снимков с больших, интересных изображений, как в ка-

Е. П. Нестерова за вышиванием. 1909.
Холст, масло. Собрание Н. М. Нестеровой, Москва

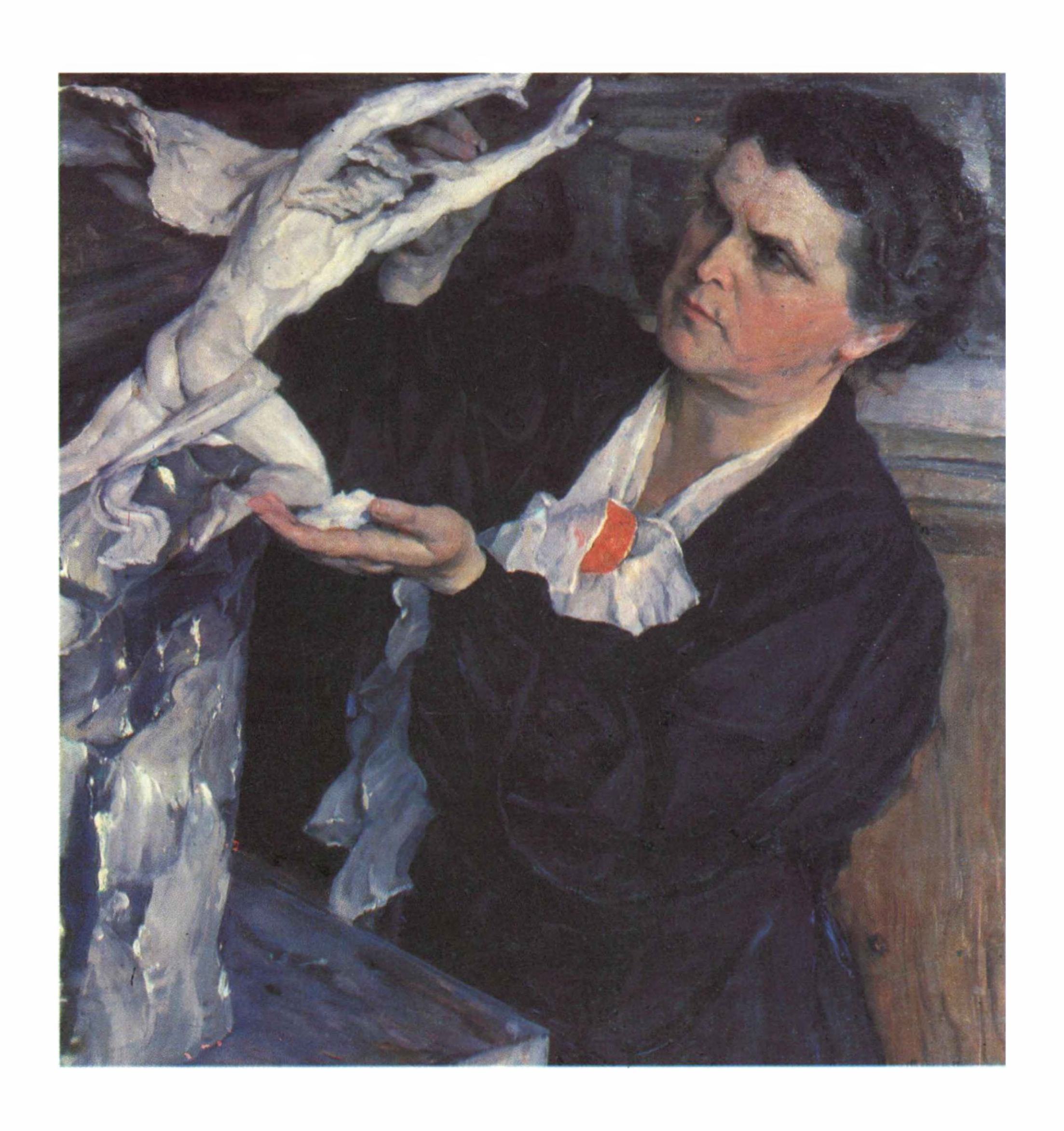

Цветущие пионы. 1908.
Холст, масло. Собрание Н. М. Нестеровой, Москва

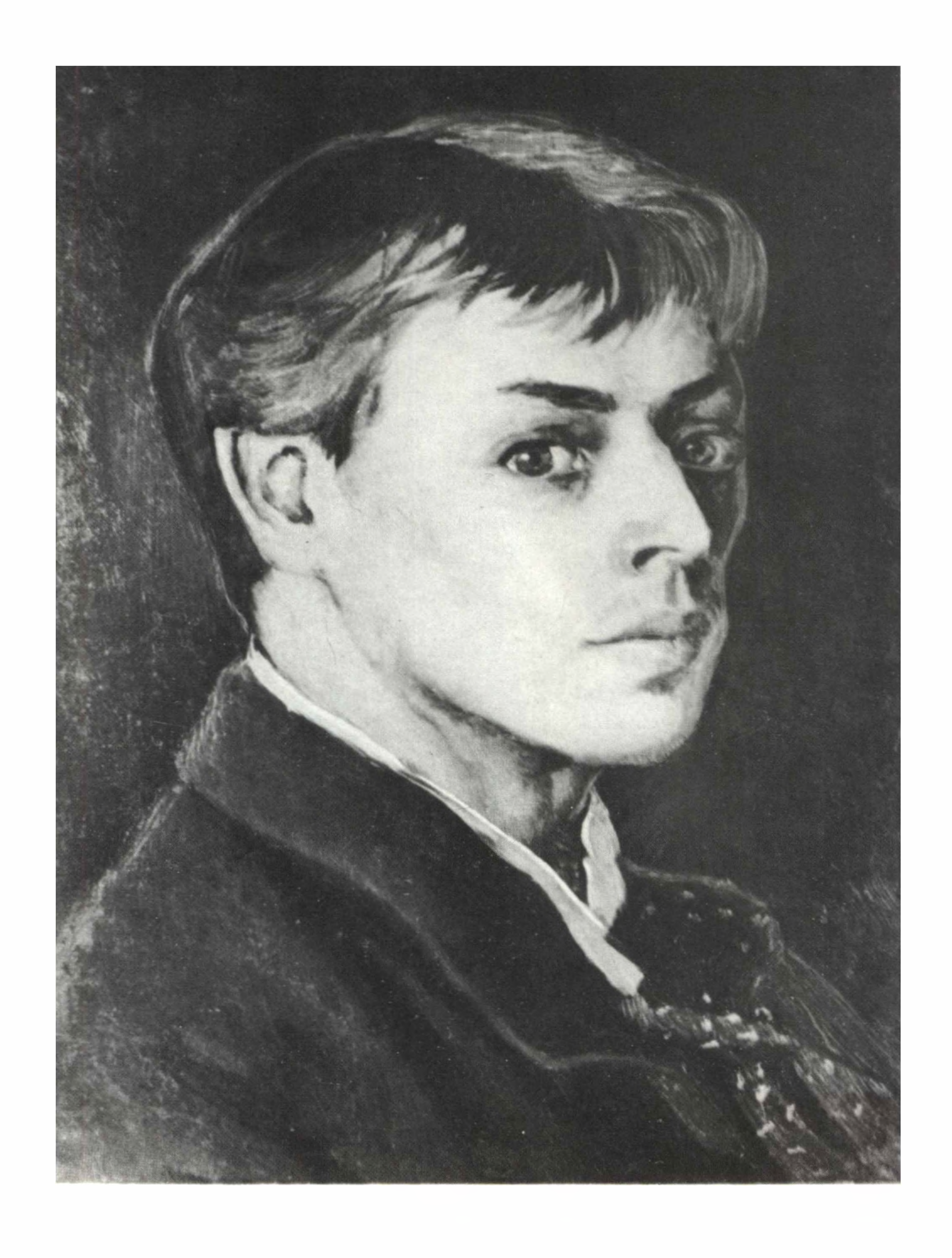
Капри. Цветущий миндаль. 1908.
Холст, масло. Собрание Н. М. Нестеровой, Москва

Девушка у пруда (Портрет Н. М. Нестеровой). 1923.
Холст, масло. Собрание Н. М. Нестеровой. Москва

Портрет В. И. Мухиной. 1940.
Холст, масло. ГТГ

Автопортрет. 1882.
Холст, масло. Собрание В. М. Титовой, Москва

Портрет А. И. Нестерова, деда художника (автор неизвестен).
Холст, масло.

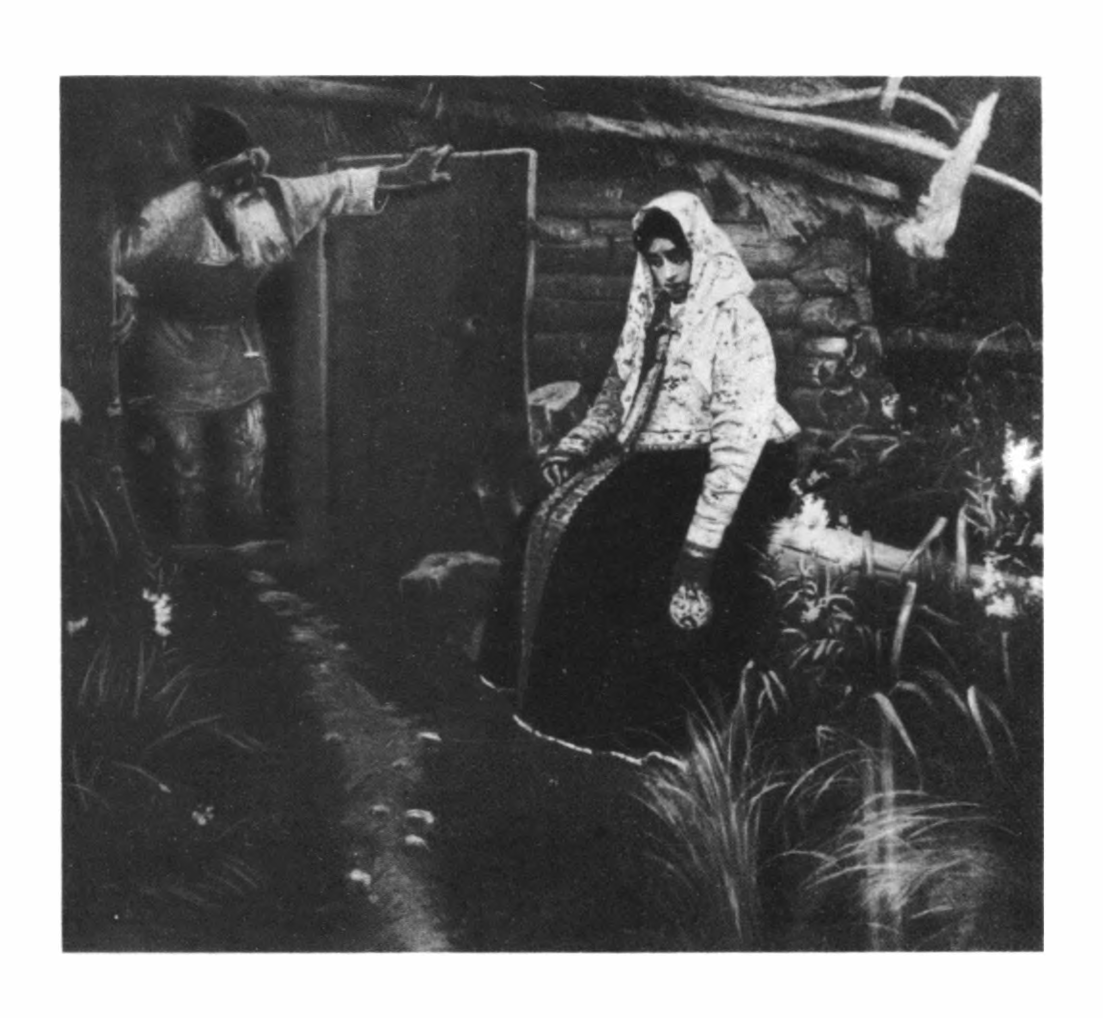
Портрет М. М. Нестеровой, матери художника. Начало 1880-х гг.
Холст, масло. ГТГ

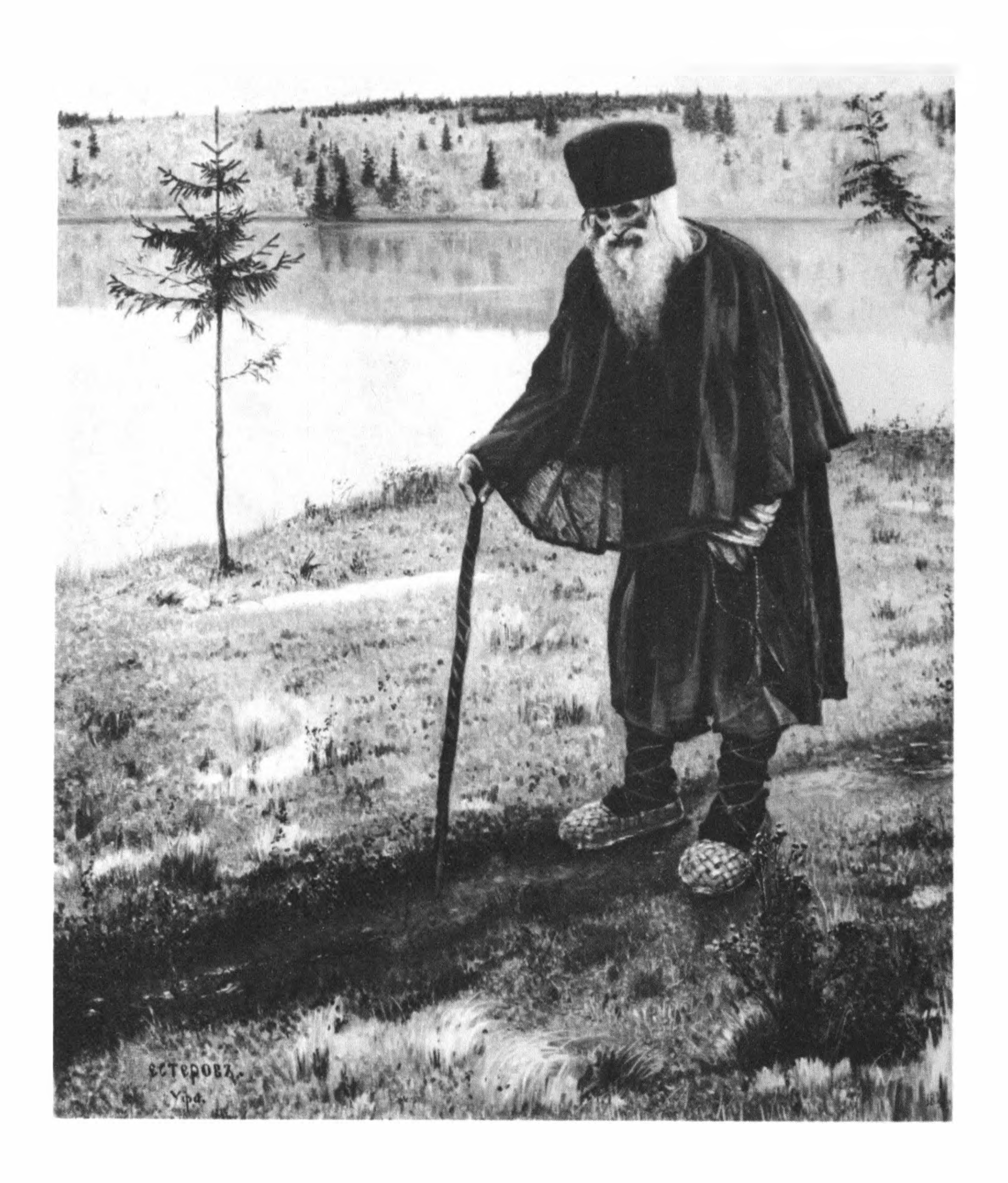
Портрет В. И. Нестерова, отца художника. Начало 1880-х гг.
Холст, масло. ГТГ

Портрет М. И. Нестеровой, жены художника. 1886
Холст, масло. ГРМ

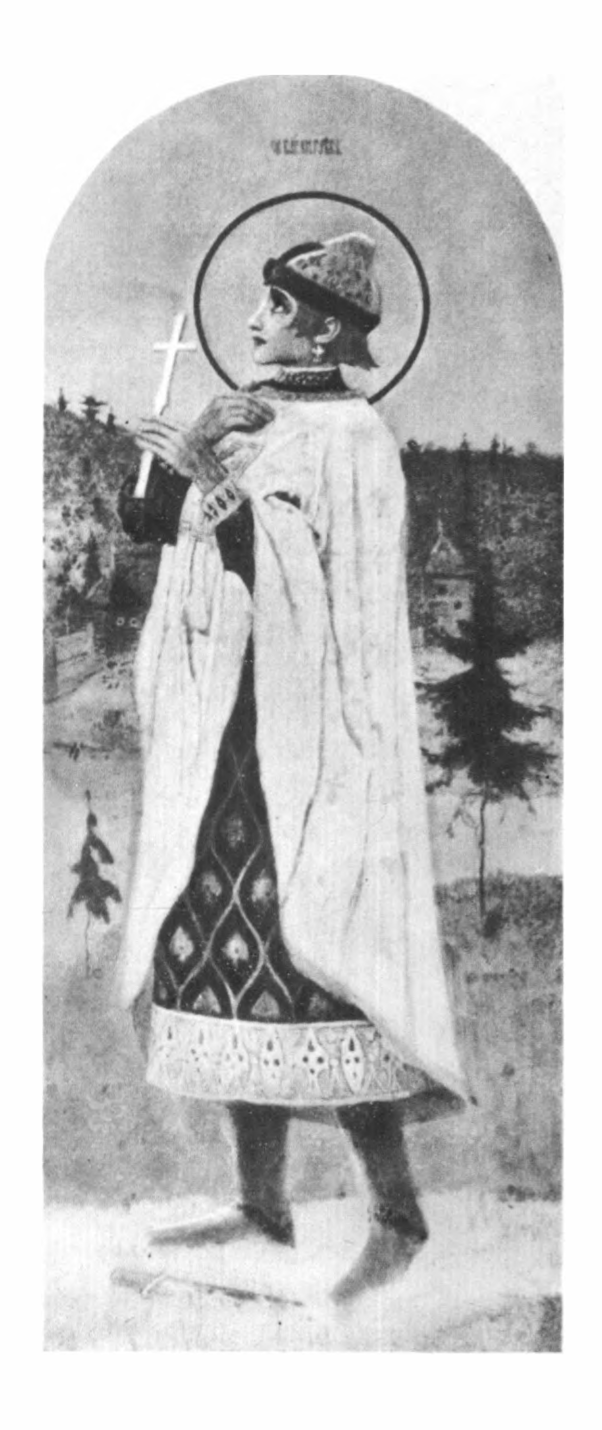
За приворотным зельем. 1888.
Холст, масло. Саратовский художественный музей им. А. Н. Радищева

Пустынник. 1888.
Холст, масло. ГРМ

Портрет Е. А. Праховой. 1894.
Бумага, акварель. ГРМ

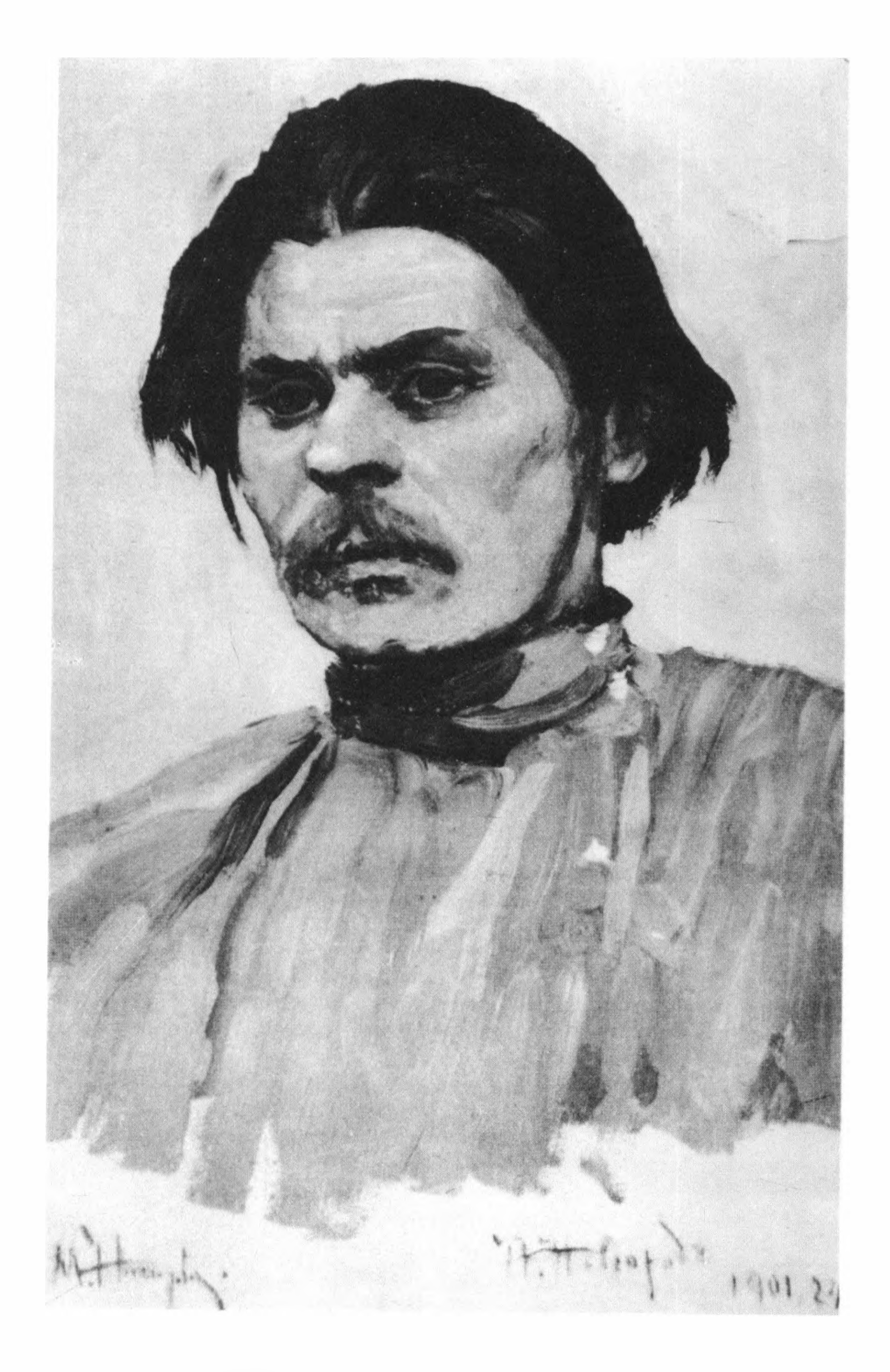

Св. князь Глеб. Роспись Владимирского собора, Киев, 1891

Кончина Александра Невского.
Эскиз росписи церкви Александра Невского
в Абастумане. 1890-е гг.
Бумага, гуашь, акварель. ГРМ

Молчание. 1903.
Холст, масло. ГТГ

Портрет А. М. Горького. 1901.
Холст, масло. Музей А. М. Горького, Москва

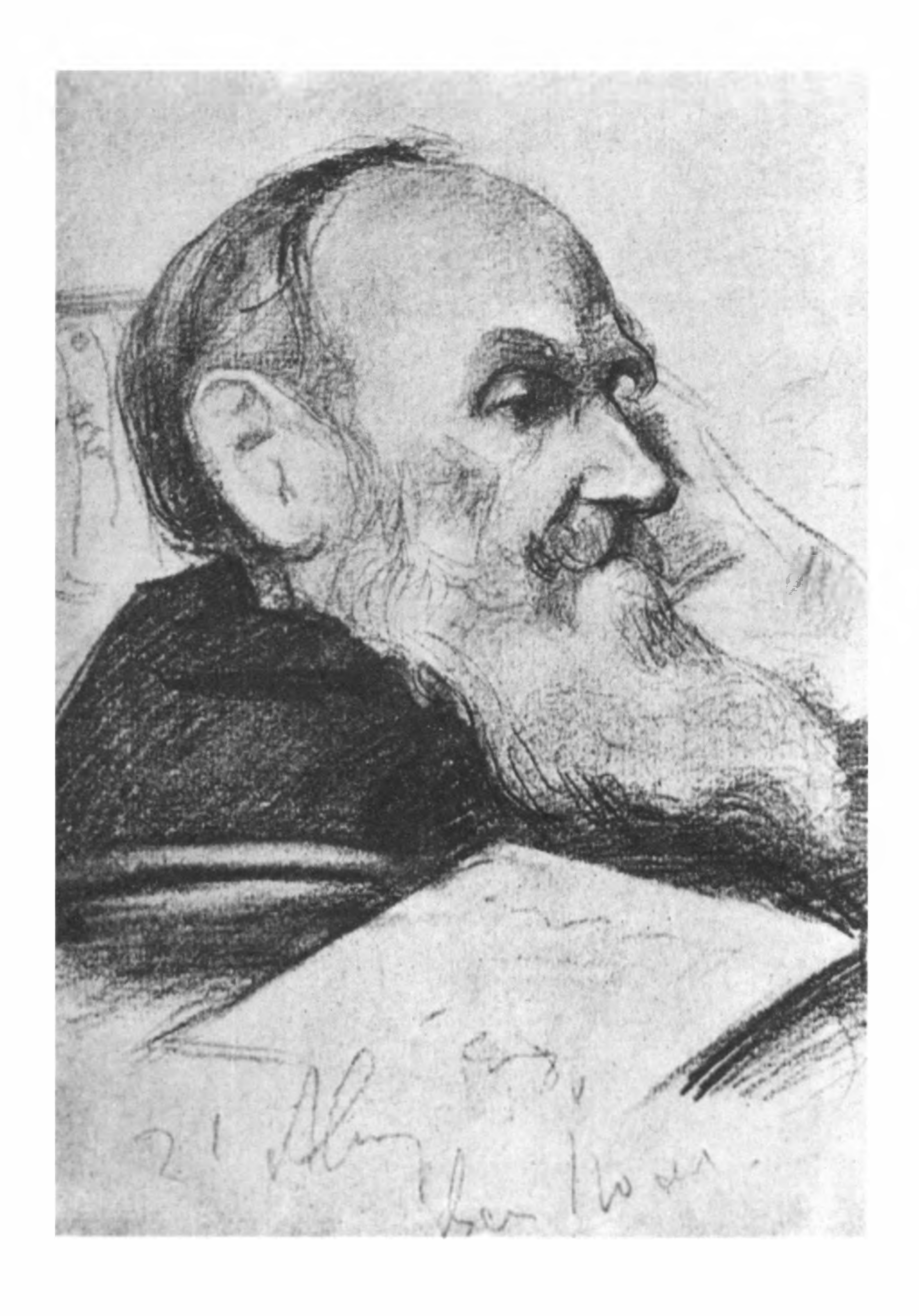

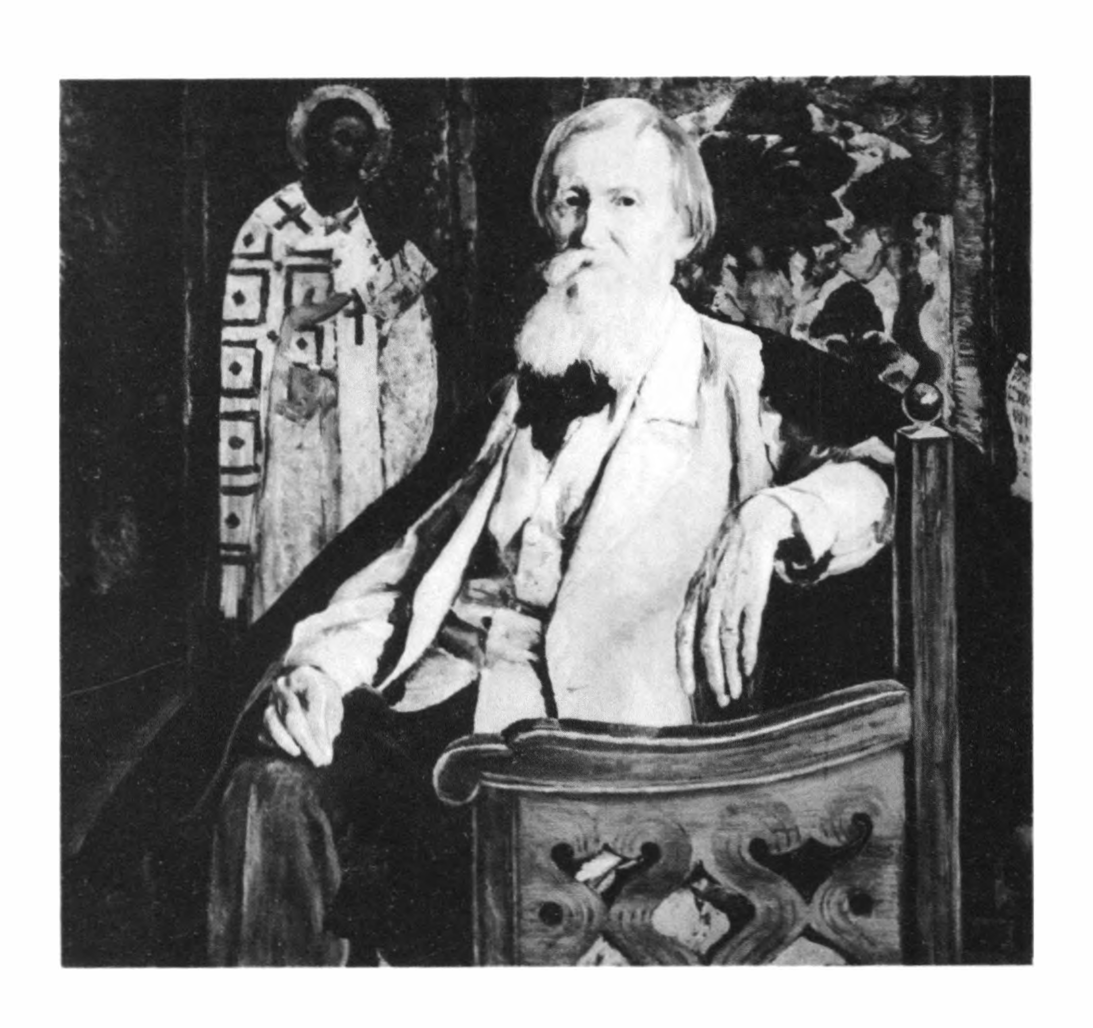
Рисунок к портрету Л. Н. Толстого. 1906.
Бумага, карандаш. Музей Л. Н. Толстого, Москва

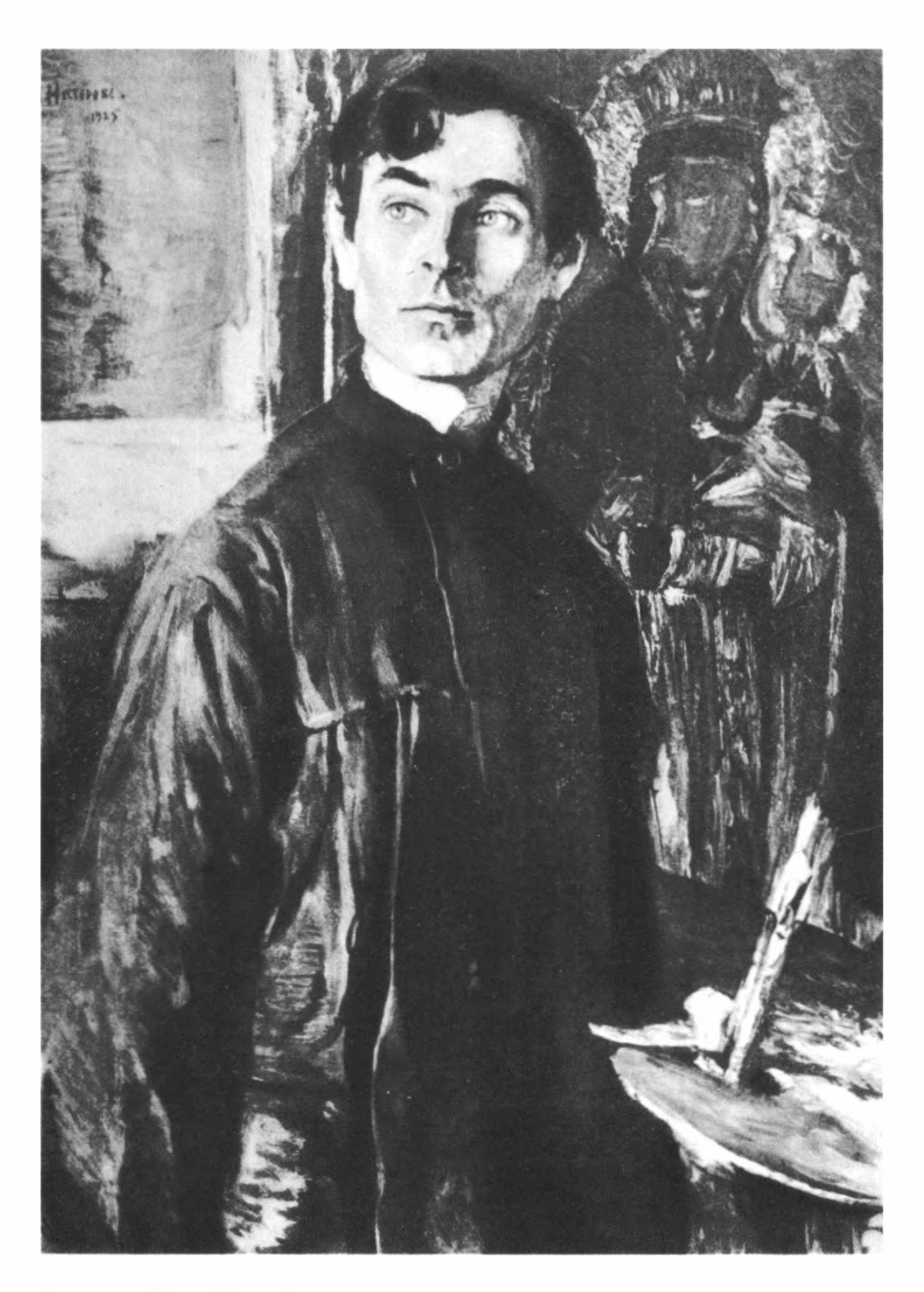
Автопортрет. 1915.
Холст, масло. ГРМ

Философы (Портрет С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского). 1917.
Холст, масло. ГТГ

Портрет В. М. Васнецова. 1925.
Холст, масло. ГТГ

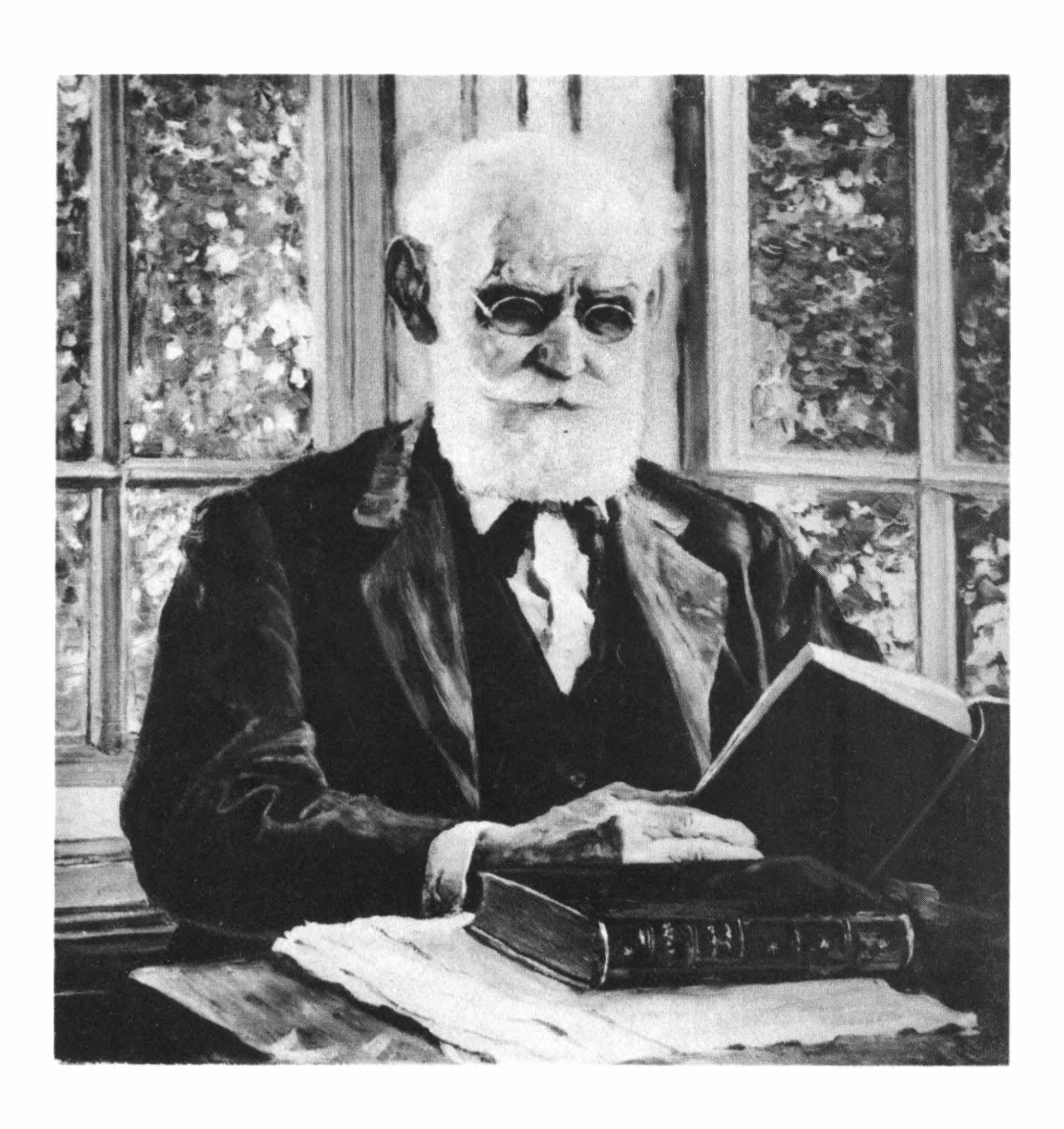
Портрет П. Д. Корина. 1925.
Холст, масло. Дом-музей П. Д. Корина, Москва

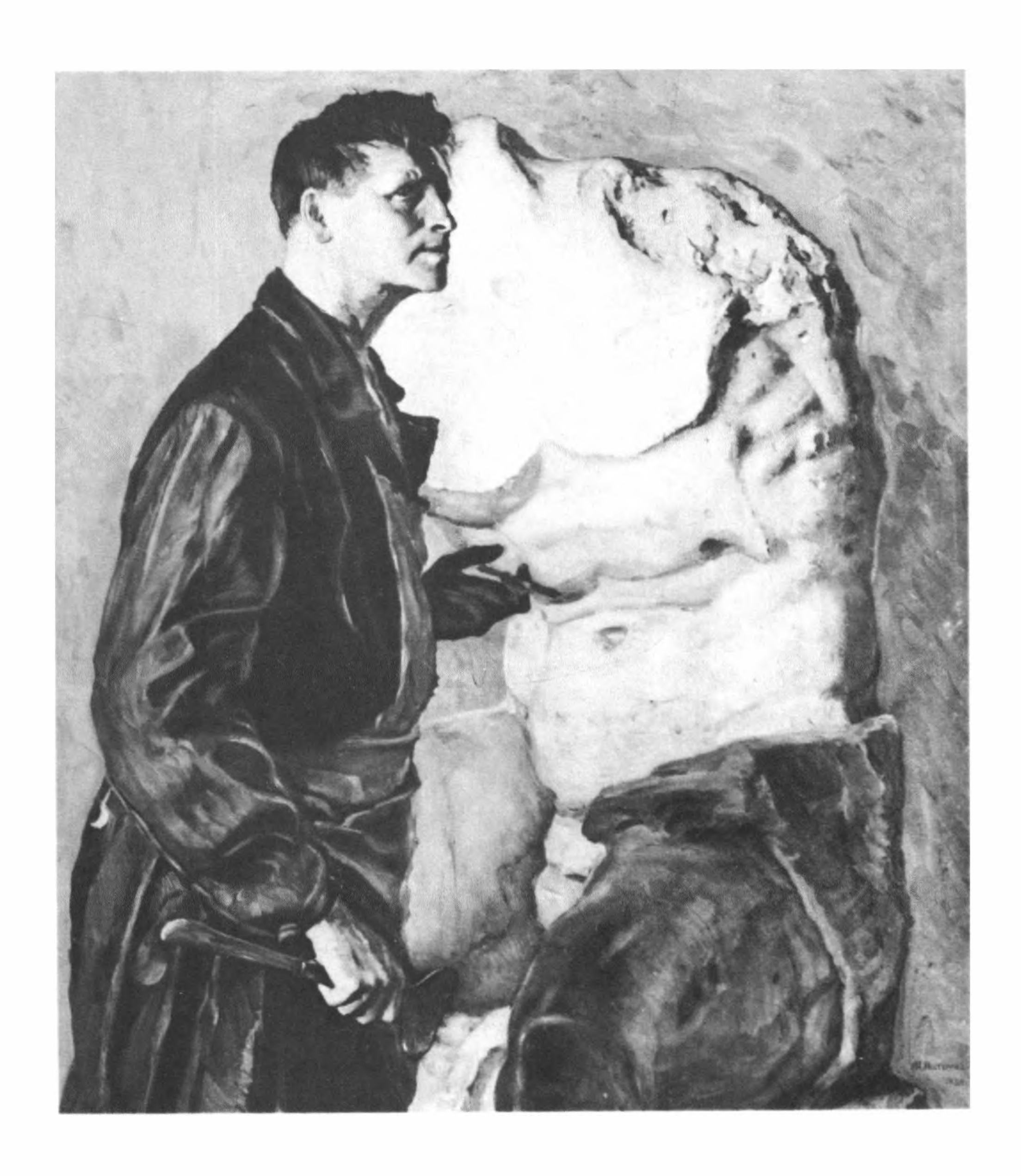
Элегия (Слепой музыкант). 1928.
Холст, масло. ГРМ

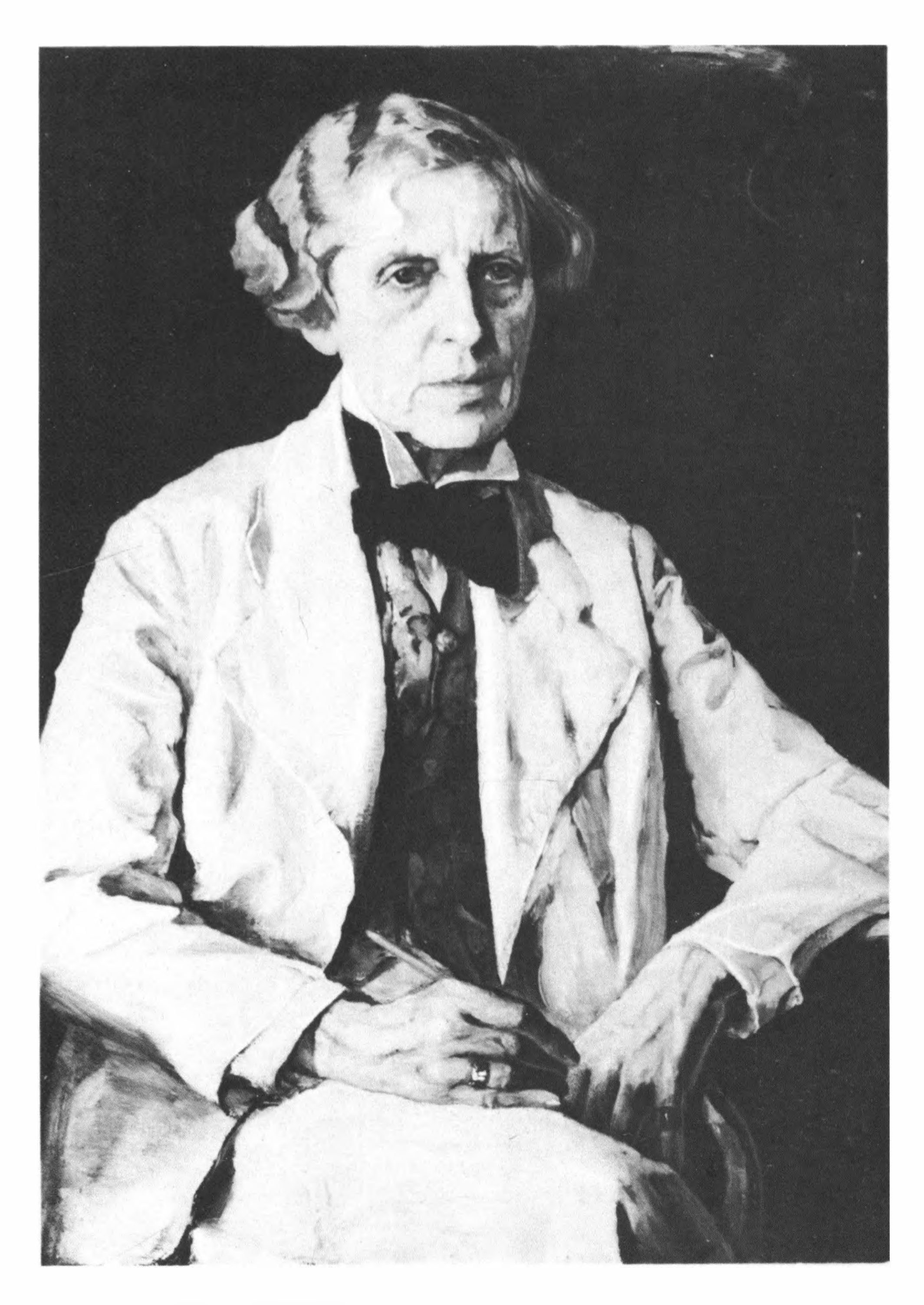
Братья А. Д. и П. Д. Корины. 1930.
Холст, масло. ГТГ

Портрет И. П. Павлова. 1930.
Холст, масло. ГРМ

Портрет И. Д. Шадра. 1934.
Холст, масло. ГТГ

Портрет Е. С. Кругликовой. 1939.
Холст, масло. ГРМ

Осень в деревне. 1942.
Холст, масло. ГТГ

М. В. Нестеров.
Фото 1887 г.

М. И. Нестерова (урожд. Мартыновская), жена художника.
Фото 1880-х гг.

М. В. Нестеров.
Фото 1898 г.

М. В. Нестеров и О. М. Нестерова в Киеве. Фото 1901—1902 гг.

М. В. Нестеров, О. М. и А. В. Нестеровы. Фото 1912 г.

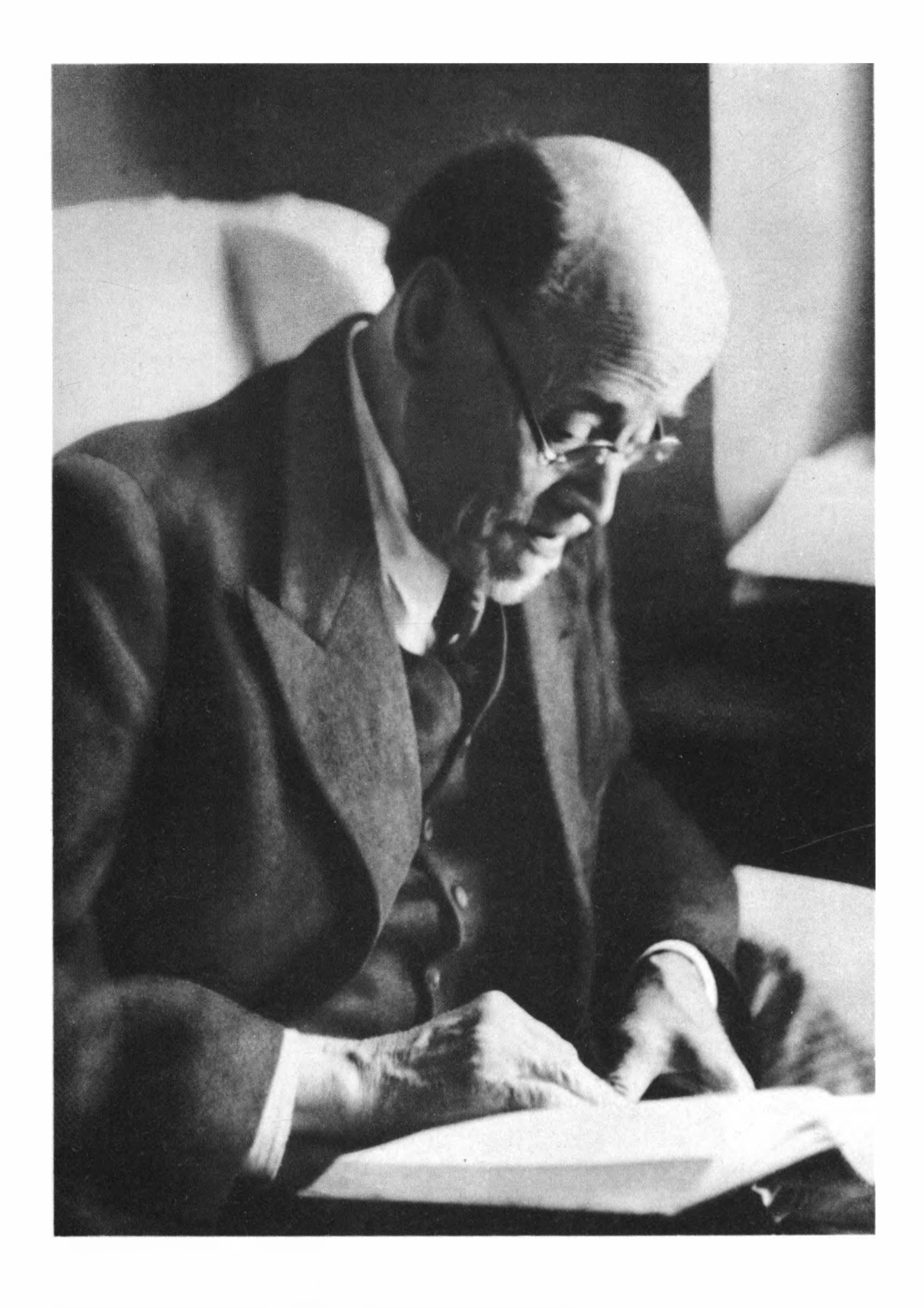
М. В. Нестеров и А. В. Щусев у церкви Марфо-Мариинской обители. Фото 1911—1912 гг.

М. В. Нестеров.
Фото 1916 г.

Алеша Нестеров.
Фото 1915 г.
для работы над картиной «На Руси»

М. В. Нестеров во время работы над книгой «Давние дни»

М. В. Нестеров.
Фото 1940 г.

М. В. Нестеров во время награждения его орденом Трудового Красного Знамени
в связи с 80-летием со дня рождения.
Фото 1 июня 1942 г.

пелле, так и в Монреале. Кроме того, написал два недурных этюда, один в серый день, что здесь редкость, это было вчера, шел даже дождь. [...]

138. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Рим. 19 июля 1893 г.*

Дорогая Саша!

Вот я и опять в «Вечном» городе. Сегодня около двух часов дня увидел купол св. Петра, возвышающийся над Римом, как великан перед пигмеями. [...]

Утром рано увидали Везувий, Неаполь. Я решил проехать Неаполь мимо, так как там дела для меня нет, а развлекаться некогда, и в тот же день, как я сказал, был в Риме, отыскал рекомендованный Павловским отель «Мария Розаде» (Via Aurora) и расположился в небольшой комнате с прекрасным видом на окрестности Рима (Кампанья).

Выспавшись после дороги и узнав, что профессора Айналова еще нет дома, я пошел на почту, где и нашел два ваши письма, одно из Афин, другое римское. Спасибо вам за них. Олюшку благодарю за заграничный рисунок и за письмо. Рад, что вы здоровы. Пишите теперь в Равенну — до 15-го буду там, до 20-го буду в Венеции (Ravenna, Venezia, как писать). Почту нашел скоро, прошел по Via Corso, все так же, только почище, чем раньше, возвращался домой через Via Sistina, зашел в тот дом, где жил. Русские все уехали отдыхать в Кампанью, зашел в ресторан «Чезаре». Сам сеньор Чезаре постарел, поседел.

Возвратившись домой, я познакомился с профессором Казанского университета Айналовым, который здесь, как и по всей Европе, изучает то же, что и я,— мозаики и вообще древнехристианское искусство. К нему у меня была карточка от Павловского. С Айналовым поговорили, благо есть о чем. Он мне будет очень полезен. Он Рим с этой стороны знает обстоятельно. С ним условились вместе обедать у Чезаре (Via Sistina и Via Aurora рядом почти). Завтра с утра начну с Сан-Джованни ин Латерано — дела будет довольно. [...]

139. М. М. НЕСТЕРОВОЙ *Рим. 22 июля 1893 г.*

[...] Теперь наслаждаюсь римским воздухом, он, как и сам Рим и римлянки, в этот раз особенно мне нравится, думаю, жаль будет и расставаться. С утра усердно посещаю церкви и музеи. Вчера был в Ватикане, вспомнил опять то, чем наслаждался четыре года тому, любовался на Рафаэля, на лучшие его работы, писанные им в самый его расцвет от 25—28 лет.

Был вчера же в Санта-Мария Маджоре, там мозаики IV века, чудные, еще не виданные мною по краскам [1]. Третьего дня был в музее и соборе Сан-Джованни ин Латерано, в музее много фресок из катакомб. Потом зашел в небольшую церковь Санти Куатро Коронати (четырех мучеников-художников, казненных за то, что они отказались расписывать идолов). Там фрески из истории Константина [2].

Сегодня тоже намерен побывать в двух-трех интересных местах. Даже во время отдыха работаю с фотографиями Айналова, снятыми им в Париже со знаменитой Парижской библии.

Айналов, узнавши, что я тот самый, который написал «Отрочество Сергия», оказался большим моим почитателем, и мы теперь все свободное время проводим в разговорах, он мне многое поясняет, и, словом, это знакомство в Риме для меня клад. Он еще молодой человек лет 35—36-ти, в направлении и даже в симпатиях наших много общего (даже чай оба любим пить и пьем его здесь у милейшей старухи Марии Розады, у которой за ее 20 лет содержания пансиона для приезжающих перебывало нашего брата очень и очень достаточно...). [...]

140. А. А. ТУРЫГИНУ *Рим. 26 июля 1893 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, вот тебе небольшой отчет о римских своих впечатлениях: здесь я вторую неделю и успел бегло осмотреть все, что значилось в моей программе по моей специальности. Лучшее из виденного — это, несомненно, мозаики двух близко отстоявших одна от другой церквей — Санта Мария Маджоре (Мария в снегу) и Санта Пуденциана, обе они ранней эпохи христианства (IV века), в первой из них, более великолепной (одной из блестящих базилик Рима), сохранились, кроме апсиды, еще серия мозаик из библейской истории, чудных по *колориту*, такого подбора цветов, их гармонической комбинации мне еще не удалось видеть. Они напоминают мне — и служат как бы прототипом в смысле красок — живопись Веронезе и Тициана. Кроме того, мозаика в с. Пуденциане важна как единственный *исторический* документ, дошедший до нас, о *Иерусалиме* врем[ени] Константина Велик[ого] и о том кресте, который воздвиг этот император на Голгофе.

Конечно, по Риму рассыпано еще немало драгоценностей этого рода, но то все же не так значительно по стилю и непосредственным достоинствам своим, как вышесказанное. Конечно, был я не раз (да и еще не раз буду) в Ватикане, в Сикстинской капелле, сидел там часами, созерцая образы, которыми некогда грезили Рафаэль, Микеланджело и другие. Все это действительно велико и благородно, и не мне пытаться словом передать красоту виденного.

Из Рима, этого мудрого и хорошего города-старца, я выеду через неделю в Пизу — Флоренцию, а там Равенна со своими чудесами, Венеция, Падуя и, наконец, милая, не сравнимая ни с чем для русского Россия с ее задумчивой, покойной, созерцающей глубину веков прошедших и будущих физиономией...

Здесь я, как и в Афинах, попал в среду наших жрецов науки — археологов, которые копаются, что-то ищут, находят иногда — восхищаются найденным вкривь и вкось, но искренне и держась почтительно перед лицом науки; есть между ними «классики», есть «христиане»,— и те и другие милые люди, и вот мы иногда собираемся вместе и спорим, спорим до третьего часа ночи (как вчера, например), все мы любим Россию и — увы! — не умеем ее любить естественной любовью, мы в любви своей к этой необыкновенной, единственной женщине — большие деспоты. [...]

141. РОДНЫМ *Равенна. 11 августа 1893 г. Утро.*

[...] Два слова о Равенне еще. При беглом обзоре это непривлекательный городок Италии, нет ни садов, ни воды, хотя стоит он у самого моря (но его ниоткуда не видно). Жизни в городе не видать тоже, и если бы не исторические памятники (храмы) и воспоминания, то цена ему грош. [...]

Поездка в Пизу обошлась дешево и съездил хорошо. Там, кроме падающей башни, собора, есть знаменитое кладбище Кампосанто (его основал один пизанский архиепископ так: когда завоевали турки Иерусалим, то архиепископ этот велел привезти пятьдесят кораблей земли с Голгофы и на этой земле устроил знаменитое кладбище). Там замечательные по стенам галереи фрески первой тосканской школы. [...]

142. А. А. ТУРЫГИНУ *Равенна. 14 августа 1893 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, отвечаю тебе на два письма в Равенну последним письмом из чужих краев. Пиши теперь в Киев, опять на старых правах, не требуя от меня аккуратных ответов: по приезде домой тотчас же начнется усиленная работа в соборе.

Что тебе сказать на твою попытку обличить меня в «тенденциозности»? Если *увлечение* — тенденциозность, то так, но это неправда: увлечение есть усиленная

жизнь духовной энергии, в нем кроется непосредственная правда, и ты в понимании этого не старайся походить на гг. Мясоедовых, будь свободен, гляди глубже, и тогда подобные обвинения не придут тебе в голову.

Без увлечения, без страсти и веры в дело в нем нет жизни, а я и по природе своей человек не умысла, а увлечения и страсти.

В суждениях твоих о памятниках прошлого Афин — одно лишь то правда, что все это в *настоящем* их виде — *археология*, обломки, годные для науки, я же художник, а потому и взгляд мой иной: я восхищаюсь самим предметом, а не по поводу его. Противное же мне напоминает одного старика, который, будучи в вилле Адриана, брал в руки первый попавший камень и замирал над ним, и он же был совершенно глух и бесчувственен к смыслу московских колоколов, их своеобразной музыке, их повествовательной мелодии — этому человеку нет места в *деятельной* поэтической жизни божиих созданий, он не поймет ни Глинку, ни Баха, не поймет шума лесного, пенья соловья и ропота ручейка. Он, бедняга, только — археолог и притом без чутья, сухой теоретик... [1]

В «Византии» я увлекаюсь не тем, чего нет вовсе или что было, но тем, что есть и в неприкосновенности дошло до нас, я увлекаюсь заложенной туда живучей силой, которая только случаем была приостановлена в своем развитии, верю в ее будущность, как в будущность серьезной и творческой силы русского народа, в судьбах которого есть общие мотивы с Византией. Я знаю недостатки ее, гляжу на них с критической осторожностью и надеюсь, что чувство мое меня не обманет. Но довольно об этом, я очень устал, и мне, в сущности, не до разглагольствований, да и жара душной комнаты в непривлекательной Равенне действует изнурительно. Перед Равенной я был во Флоренции и Пизе. Флоренцию я очень люблю за ее тихий, вдумчивый характер, за красоту ее физиономии и за ее прекрасное, трогательное искусство. Целая неделя прошла в Уффици и монастырях Флоренции.

В Равенне я нашел в трех ее главных церквах (V—VI века) лучшие по совершенству форм и красок мозаики, характер их нередко «бытовой»: в алтаре св. Виталия изображены на одной стене импер[атор] Юстиниан со своей свитой, на другой — императрица Феодора со своими приближенными. В базилике Аполлинария (нового) — поэтическое изображение «праведных жен» и «мужей праведных». В «Аполлинаре ин Классе» представлено изображение этого святого среди райской природы и мира животных (св. Аполлинарий был ученик апостола Петра и первым епископом Равеннским).

Теперь остаются Падуя и Венеция, затем прощай, Италия! А там снова Русь, Киев, любимое дело... [...]

143. РОДНЫМ *Венеция. 17 августа 1893 г.*

Пишу вам сегодня, дорогой папа, мама и Саша, после очень приятно проведенного утра. Я ездил в гондоле верст за пять в Торчелло. Это местечко на одном из мелких островов, которых много близ Венеции. Там есть запущенный собор (место тоже запустело). Он выстроен в пятом веке по Р. Х. [1]. В соборе этом сохранились мозаики и, между прочим, редкое изображение (мозаическое) «Страшного суда». Там есть древнее митрополичье место, которое чуть ли не единственное уцелело до нашего времени. Устроено оно совсем иначе, чем теперь, да и в позднейшие времена. Оно в алтаре, перед киворием, и к нему идут по крайней мере десять ступеней, ниже его места для священников амфитеатром в три-четыре ряда. Все это из белого мрамора.

Осмотрел все подробно и старательно кое-что зачертил. (Приехал, купил с главного фотографии.)

Выехал я утром, по пути зашел на почту, получил там два письма: одно из Крыма от Апол. Васнецова, очень милое, но про дела ни слова, потому что сам за все лето не имеет от Виктора Михайловича ни строчки. Другое из Павловска от неизменного философствующего корреспондента Турыгина.

Итак, взяв гондолу за три лиры туда и обратно (1 руб. 20 к.), я поплыл по бесчисленным каналам Венеции, потом выехали в залив. На небе и на воде было ясно и тихо, была еще утренняя прохлада, и так у меня стало на душе хорошо, как давно не было.

Простил я Италии то, что она не понимает по-русски, простил ей и за то, что у меня такой приятный характер. Да нельзя и не простить было; уж очень хорошо. И я пользуюсь этими минутами, ловлю их. [...]

144. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. Ноябрь 1893 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, давно и много раз думал писать к тебе, но веришь ли, до чего за день умаешься, не смотрел бы ни на что, кроме кушетки с подушкой. Работаю с приезда самого не покладая рук, и все еще дела много. Подготовлены образа «Константина» и «Елены» и начат «Мефодий», кроме этого писать надо еще пять, из них к трем не сделаны даже и эскизы (хотя назрели, кажется, и остается только присесть). На твой вопрос об окончании собора ответить положительно мог бы только человек не в меру смелый, из нас же не даст тебе этого ответа, думаю, никто, приблизительно же освятят в 94 или 95 году, летом. Работы масса... (мраморы, бронза и т. п.).

Живопись, за исключением трех нижних иконостасов (двух моих и одного васнецовского), вся почти закончена.

Поездка, кажется, мне помогла, теперь в эскизах и в образах менее промахов в стиле и, быть может, они ближе вообще подходят к архитектуре, к задаче и целям ее — то есть более *церковного* в них. Ну, да! «цыплят по осени считают».

В редких промежутках между работой и отдыхом — сном — бываю в опере, которая здесь хотя и существует, но в очень плачевном виде, но сама музыка уже дает много, это, быть может, лучшее средство против буйства нервов. Последний раз был на печальном торжестве чествования памяти покойного Чайковского. Давали «Евгения Онегина», из Чайковского опер — более любимую мною — там много нам дорогого, нашего интимного, что лежит у сердца и что трогает сладко душу, а подчас вызовет и слезы. Спасибо Чайковскому и вечная ему память. [...]

1894

145. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 21 января 1894 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, спасибо тебе за письмо и добрые пожелания. Письмо твое я получил только лишь на днях, так как праздники меня в Киеве не было; я ездил в Уфу отдохнуть (за две-то тысячи верст!), побывал в любезной Москве. Прими и от меня поздравления с Новым годом. Дай бог тебе всего хорошего, а чего именно — тебе там виднее... и предоставляю этот выбор на твое усмотрение.

Ты пишешь про какую-то хорошую книжку; хорошо, что я не обучен по-французскому, а то чего доброго книжка сия отняла бы у меня много время, а оно теперь мне нужнее нужного. Москва порадовала меня своей жизнью. Сильно и страстно живут там. Работают хорошо, интересно, думают оригинально и свободно [...]

Передвижная по всем признакам будет занимательна (Левитан, Поленов, Архипов) [1]. Суриков своего «Ермака» выставит лишь на будущий год, но по всем

предположениям, по тону его настроения можно думать, картина эта ему задалась и, даст Бог, гений Сурикова еще раз покажет, что можно ждать от скромного русского человека.

Напиши, что делается у вас в Питере. Собери поподробнее сведения о новой Академии [2], о том, что говорят и думают на этот счет, да и вообще не скупись на новости. [...]

146. РОДНЫМ *Киев. 22 января 1894 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Постараюсь возможно подробно описать как свое трехдневное пребывание в Москве, а также и то, что нашел здесь — в Киеве.

За три дня я успел быть почти везде, где хотел, много видел, слышал и говорил сам (даже было голоса своего чудного лишился). Васнецов В. М., конечно, встретил по-старому задушевно и тепло (благодарил вас за память). Дела его блестящи. Он, кроме Воскресенского собора, берет на очень выгодных условиях расписать церковь в имении Нечаева-Мальцева — это должно быть нечто выходящее из ряда — это должно быть тем, чем делались маленькие капеллы в небольших городах Италии, когда по воле какого-нибудь епископа-фантазера капеллы попадали в руки Джотто, Орканья или иного какого из славных имен того времени. Много было переговорено с Васнецовым, нелегко ему теперь — скверные человеческие чувства, при необычайном успехе Васнецова, стали вылезать из всех щелей и углов. И много нужно уверенности в себе и такта, чтобы по крайней мере быть покойным с виду. Был я и у Сурикова, тот ратует против новых порядков Академии, не веря в них, видя всюду лишь дурную сторону, спорили с ним немало, ну да что, коли тут самолюбие замешалось [1], расстались с ним тоже очень дружно. Прощаясь, он пригласил меня «на завтра», я понял, что он хочет мне показать «Ермака», и из «боязни» уклонился от столь интересного и соблазнител[ьного] предложения. Ведь художники — народ особый, и мое чувство прямо подсказало мне это решение, и я не жалею о нем, да и Суриков понял, кажется, меня.

На другой день мне передавали (как слух), что «Ермака» видел Третьяков и что упорно молчит, но по тому праздничному виду, который у Сурикова, нужно думать, что дело идет хорошо...

Был у Поленова, принял необыкновенно любезно, сообщил мне много приятного. В Москве (на археологическ[ом] съезде) был тот француз барон де Бай. Он был у Поленова и столько наговорил по моему адресу, что даже мне стыдно стало (записал меня в европейскую знаменитость, в необычайный талант, в «единственный» из виденных им в теперешней Европе, словом, только и можно передать все, что говорил он,— вам и никому больше). В заключение просил Поленова, когда тот увидит меня, просить фотографию с моей особы и автограф!!!? Вон куда пошло! Но выслушав любезности, я все же решился от последней чести уклониться, просив Поленова, чтобы он как-нибудь вежливо уклонился от последнего желания любезного барона. (В этом же роде отзывы милого француза слышал и передавал мне Серов, слышавший все это в одном большом обществе, где был и ратовал во славу мою француз, дай ему Бог здоровья). В заключение Поленов пригласил меня отправиться с ним в его мастерскую, показал картину свою «Мечты» (тоже Генисаретское озеро, на берегу сидит фигура). Академия его обошла, включив его лишь в члены Совета и не дав мастерскую. Словом, страсти в Москве клокочут!!. Был у Аполлинария (вам он кланяется), С. Коровина, Архипова, Степанова, Левитана. Все они работают, волнуются, надеются и ждут всяких благ.

Встреча всюду была милая и сердечная. Покинул я Москву с чувством добрым. В Киев приехал утром в четверг (20-го). Здесь снегу и не видали, ездили и ездят на колесах, довольно тепло, но тяжко смотреть на голую промерзшую землю. В соборе

дела идут быстро. К июлю кончают, а в сентябре думают освятить (ждут настойчиво приезда государя).

В соборе нашел два письма от Турыгина и Ярошенко (последнее посылаю вам). У Прахова, по обыкновению, приняли с распростертыми объятиями (сообщили, что они получили от друга француза еще письмо и опять с самыми нежными выражениями по моему адресу). На другой день... получил два письма: одно от вас со вложением папашиной росписи и с уведомлением, что вы все там здоровы, а Олюшка «шалит». Второе из Петербурга от Дашкова. Письмо очень большое, начинается поздравлением и уведомлением меня, что после конкурса, состоявшегося в конце ноября 93 года, выбранная комиссия, при участии сведущих людей (в том числе вел. кн. Владимира Александр[овича]) признала единогласно мои эскизы лучшими по оригинальности и законченности. Конкурентами явились мне проф. В. П. Верещагин, Бруни и Макаров [2]. Далее идут «пункты», по которым желательны некоторые изменения, очень небольшие (даже, быть может, полезные для дела), переправить их ничего не стоит, и я, конечно, все это охотно сделаю. В заключение сказано, что если образы при представлении их комиссии найдутся неудобными для воспроизведения с них мозаик и художник не согласится сделать необходимых поправок (чисто технических), то комиссия платит не по 1000 р. за образ, а по 500 и мозаики с них не делаются. Эта оговорка для меня не имеет особо страшного характера: потому что я и сам, не будучи опытен в писании с целью воспроизведения с написанного мозаик, не решился бы уклоняться от замечаний специалистов-мозаичистов. А потому и на вышесказанное условие я, безусловно, согласен. [...]

Ну! Довольно! Скажу несколько слов еще о себе. Получив письмо, я не удержался и вечером же сообщил Прахову об этом. (Прахов ничего не слыхал раньше об этих эскизах). Когда я ему растолковал, он, видимо, очень обрадовался, кинулся целовать меня (ведь наш успех теперь и его успех). Тут были и посторонние: Александров (бывший издатель «Худож[ественного] журнала») и еще один профессор.

Вечером приехал из Москвы Постников (молодой) и тоже намекал кое на что, очень для меня приятное. Александров здесь проездом в Петербург, чтобы посмотреть собор. Он сбит с толку, поражен и ни о чем не может говорить, как о соборе. Находя лишь, что нужно бы для полноты пригласить не Сведомского, а Сурикова. Был он у меня, видел эскизы, и они ему нравятся очень. Кажется, намерен писать о соборе. [...]

147. РОДНЫМ *Киев. 5 февраля 1894 г.*

[...] Прахов вот уже несколько раз настоятельно приставал ко мне, чтобы я взялся написать для собора большой образ (5 на 3 арш.) «Богоявление» в крестильню, между колонн кивория. Предлагает комитет за это 1500 р. Прахов торопит заявить о согласии своем формально, а я медлю, и если решусь, то, думаю, не иначе, как с тем, что лишь в том случае буду работать, если комитет найдет возможным утвердить мой эскиз без существенных изменений. Я себе представляю этот эскиз довольно интересно: хоры ангелов торжественно славословят в небесах знаменательное событие — это и ангелы меня особенно подкупают взяться за это, если же их мне не пропустят, то сюжет для меня делается неинтересным и только (*нрзб*) меня, а толку (кроме 1500) никакого.

Во всяком случае подожду от вас вашего слова, а вы подумайте и сообщите свое мнение (дела будет на месяц или полтора).

Сегодня подготовил «Николу», кажется, будет интересно, хвалят. На будущей неделе буду делать рисунки с натуры к «Арсению» и «Филарету», а также эскиз (предварительный) «Богоявления».

Вчера с большим интересом слушал в «Гамлете» знаменитого фр[анцузского] трагика Муне-Сюлли. Да, это очень хорошо, это трогательно и страшно, и чтобы

сыграть так, нужно быть больше, чем талантом. Сюлли сильнее Росси в этой роли, и те 4 р. 50 к., которые я дал за билет, вовсе не жалко. Спасибо ему! [...]

148. РОДНЫМ *Киев. 12 февраля 1894 г.*

[...] Во вторник состоялся Комитет; на этот раз не в соборе, как обыкновенно, а в губернском правлении.

Я представил свои три эскиза. Собрались судьи и, чтобы не задерживать меня, решили мои эскизы осмотреть раньше и отпустить меня. Мне пришлось присутствовать на собрании и судилище.

До приезда Баумгартена около эскизов собрались мои «мучители», и тут я увидал, кто мне враг и кто сторонник. К первым придется отнести прот[оиерея] Лебединцева, все же остальные не только сторонники, но из них есть прямо доброжелатели и защитники. Из них проф. Лошкарев даже страстный.

Отец Лебединцев начал очень запальчиво критиковать костюм Арсения Великого и позу Варвары, с нескрываемым недоброжелательством настаивал на переделке. Затеялся спор. Я сдержанно, но решительно защищал то и другое (заметил о. Лебединцеву, что едва ли поза и выражение Варвары способны нарушить настроение молитвы в верующем. Это его сильно задело, он даже ушел в другой конец залы).

Последнее горячее слово мое было обращено к остальным членам. Я сказал, что «желание сделать лучшее приводит к обратным результатам» и что-то еще. В разговор вмешался Прахов. Лошкарев начал горячо доказывать, что о. Лебединцев не прав. Остальные его поддержали, и действительно, костюм Арсения у меня верен, и о. Лебединцев ошибся всего на шестьсот лет.

Поза Варвары, по замечанию того же Лошкарева и Малышевского, да и Прахова,— вполне законна по иконографии. Словом, бедного попа совсем заклевали, и я, в виде любезности и чтобы прекратить спор, согласился вместо креста Варваре дать пальмовую ветвь, а Арсению на шею куколь [1]. Таким образом потешил самолюбие обиженного старика.

Приехал Баумгартен и объявил, что он эскизы мои уже видел, они ему нравятся и все единогласно решили их утвердить и выдать следуемые мне 300 руб.

В заключение неугомонный мой сторонник нашел еще случай кольнуть о. Лебединцева замечанием, что вот, мол, художник старается сделать незаурядно, он живет и выражает мысль свою языком вдохновенным, а ему-де говорят, что руку надо на вершок поднять, мешают ему, досаждают ненужными пустяками. Лучше ли было бы, если священники говорили ежедневно одну и ту же заученную проповедь, а не старались увлекать молящихся словом живым, согретым и вдохновенным и пр.

Старик разошелся, и немало надо было праховского умения, чтобы потушить пожар. Таким образом, все эскизы утверждены, Варвара спасена!

Теперь заканчиваю раньше написанного «Кирилла», а с той недели примусь за «Арсения». «Филарета» и «Варвару» оставлю напоследок. [...]

Читаю очень интересную книгу Макса Нордау «Вырождение», что ни строчка, то вижу себя и себе подобных.

Был сегодня у всенощной, пели дивно «Покаяние». Опять и Гриша в хоре Калишевского. [...]

149. РОДНЫМ *Киев. 27 февраля 1894 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Письмо от вас получил своевременно. Новостей пока никаких нет, на неделе получил два письма, одно от Турыгина с описанием новых академических порядков

и переселением туда передвижников, об их особенной роли там (что плохо, это то, что туда втерлись Брюллов, Мясоедов, Лемох). И жюри при принятии картин на академическую выставку тоже составляется из них (следствием чего бедный академик Платонов в первый раз в жизни и на старости лет был там забракован, старик очень убит, вещь была не настолько плоха, и наверно, напринимали и более слабые). Из письма Турыгина видно, что Передвижная почти брошена на произвол судьбы, там смуты, кажется, большие раздоры у всех с Ярошенко, единственным там из стариков честным и дельным человеком. [...]

На неделе начну контур «Филарета Мил[остивого]», а на следующей примусь и писать его, таким образом, недалеко теперь и до излюбленной «Варвары». Что-то из нее выйдет? [...]

Был раз в театре, слушал новую оперу Сен-Санса «Самсон и Далила», много хороших мест, красивые хоры (особенно одна молитва).

Теперь здесь пойдет ряд концертов с разными знаменитостями: московскими, петербургскими и заморскими. [...]

150. РОДНЫМ

Киев. 5 марта 1894 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

Письмо ваше получил в четверг и сейчас, пришедши из бани, принимаюсь за обычный ответ вам.

Завтра будет некогда, еду с приехавшим сюда Матэ в Софийский к обедне. Сегодня был с гостем во Владимирском соборе. Впечатление, как и часто бывает, собор произвел необычайное, ошеломляющее. Понравились ему и мои вещи, особенно новый иконостас (св. Константин, Елена, Кирилл, Мефодий). Перед собором Матэ был у меня, пил кофе, и я показывал ему все эскизы, особенно нравятся: Варвара, Александр Невский и Благовещение (розовое). «Варвару» он хочет награвировать. Завтра Матэ угощает нас обедом. Из его рассказов видно, что в Питере мои дела идут ладно. Также видно, что там идет сильная перетасовка. Старики не хотят уходить (Виллевальде имеет от Николая Павловича рескрипт, по которому он занимает место профессора пожизненно) [1].

Особенной силой и настойчивостью в гонении отличается (кроме Толстого) Куинджи — его прочат и в ректоры. Шишкин только член Совета, но не профессор-руководитель, так же как и Поленов.

Лемох и Брюллов отказались от жюри на Академическую выставку, так что и тут действовал тот же Куинджи (чуть было не забраковали Айвазовского, Мещерского, Клевера, Кошелева, все это профессора).

Матэ пробудет здесь до понедельника. Образа я вставил в иконостас, дни стоят пасмурные, в приделах тьма, да и мраморы-иконостасы при своей красоте до того нелепо глубоки (на пол-аршина внутрь), что густой мрак падает на живопись, через это мои краски погибли, одна надежда на светлые дни и на стеклянные боковые двери, которые теперь забиты. В общем образа кое-что имеют в себе, по крайней мере они не банальны. Скоро думаю их сдать.

Сейчас только ушел П. О. Ковалевский, утомил страшно, сидел долго, одно хорошо, что сказал много дельного про «Филарета Милостивого», которого я начал сегодня красками, и кажется, удовлетворительно. Недавно проф. Венюков снял фотографии с моих новых образов (царицы Елены и других).

Именины праховские прошли благополучно, я прислал хороший пирог от Жоржа. Сюда приехала итальянская опера. Хочу сходить раз послушать Масканьи, а пока поиграй ты, Саша!

Скоро ждем В. М. Васнецова. Его на все лады расхваливают в печати. Недавно было переведено в «М[осковских] вед[омостях]» письмо бар[она] де Бай, тот описывает свой счастливый день — день знакомства с Васнецовым и пр. Как

различны судьба Васнецова и Репина! Первый вовсе ничего не предпринимал для своей рекламы — и его превозносят до небес, второй все делает, чтобы быть на виду, и это ему удается, но стоит очень дорого, судя по фельетонам Буренина [2]. [...]

151. РОДНЫМ *Киев. 20 марта 1894 г.*

[...] На прошлой неделе схоронили при самой торжественной обстановке художника Иллариона Мих[айловича] Прянишникова, который года два был уже в чахотке. Была масса венков (от Дашкова, от П. М. Третьякова с надписью: «Прекрасному художнику и прекрасному человеку», от передвижников, учеников и проч., и проч.). Гроб несли все время на руках ученики до Алексеевского монастыря. Жаль Прянишникова, это был хороший человек и очень талантливый жанрист (в хорошем смысле). Мы, бывшие ученики (я, Светославский и Хруслов), послали в день похорон телеграмму жене покойного.

На неделе был в «Симфоническом собрании», давали ряд произведений Берлиоза, с которым я до того не был вовсе знаком. Это большой, симпатичный и оригинальный художник. Вскоре собираюсь с Праховым на «Кавалерию» Масканьи, здесь в пост поют итальянцы, и, говорят, недурно. [...]

Во вторник начну писать Варвару, нарисовал контур и сделал рисунок с Лели Праховой. Приступаю с благоговением и радостью, ведь это была цель всего заказа. [...]

152. РОДНЫМ *Киев. 3 апреля 1894 г.*

[...] Вчера у нас состоялся комитет под председат[ельством] нового вице-губернатора Федорова (Федоров — бывший конногвардеец, высокий и симпатичный на вид). Я представил четыре образа в законченном виде («Кирилл» и «Мефодий» и «Константин» и «Елена»). Приняты они единогласно, и следуемые деньги решено выдать теперь же.

Замечаний тоже не было сделано никаких, но я сам, по приезде, в иконостасах, когда будут готовы бронзы, пройду их еще раз. Второй иконостас тоже был выставлен с моей «Варварой», которая, по-моему, мне удалась, но мнение это, к сожалению, кажется, не общее, и мне думается, что со временем я за нее то же вытерплю, что и за маленького «Сергия» [1]. Дай бог, чтобы конечная судьба двух этих моих вещей была одинакова. В образе есть воодушевление, экстаз, и я дерзаю думать, что из моих произведений это пока одно из самых тонких, но правду, конечно, покажет время.

В общем, оба иконостаса делают цельное и даже оригинальное впечатление, несмотря на тьму, которую все с Праховым вместе видят, но дела до нее, кроме нас, художников, нет никакого и никому.

Думаю, и этот иконостас пройдет также без препятствий (комитет спрашивал даже, что я желаю теперь же получить — деньги за оба или за один, я, конечно, сказал, что только за один, а остальные по окончании второго).

Итак, вчера был для меня день сильных волнений, и все «Варвара». Кигн, который здесь со своим приятелем Сыромятниковым, называет «Варвару» мою не «великомученицей», а «великомучительницей».

Сыромятников — это фельетонист «Нового времени» — «Сигма». Он же и автор статьи в «Неделе» — «Фотография и живопись будущего» [2], где он так мило заступается за моего второго «Сергия». Вчера и Кигн и «Сигма» были у меня, смотрели эскизы, видимо, очень понравилось все; этот «Сигма» приехал нарочно сюда для собора и будет писать о нем. Сегодня они идут осматривать его. Завтра иду в Симфонический, и дни до отъезда [3], вероятно, пройдут быстро, проведу их у Праховых, где в это время будут и приезжие гости (Кигн и К°). [...]

153. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 3 апреля 1894 г.

Здравствуй, Александр Андреевич, долго ждал обещанного второго письма с описанием выставок, но ты, верно, забыл и молчишь упорно.

Под первым впечатлением твоего письма я хотел с тобой беседовать пространно, по порядку (подчеркнул даже кое-что в твоем письме красным карандашом), но пришло время, я остыл, да к тому же и устал жестоко, а потому ограничусь немногим, позволю тебя предостеречь: не будь так поспешен и неразборчиво строг в своих суждениях... Таковые суждения простительны газетным фельетонистам — им есть нужно и вдуматься некогда, другое дело человек свободный и, кажется, желающий быть серьезным, а не только остроумным, каким хотел бы тебя считать я,— в таком счастливом положении можно быть и объективнее, и *проницательнее*, не ограничиваясь общими местами и тем, что было разъяснено, разжевано на Западе. Они-то (давно известно) могут и умеют понимать свои вещи, но до наших, до чужих им — им нет дела, и долго придется ждать нам, если мы не научимся, а главное, не пожелаем всмотреться своими собственными глазами, своим личным, нам принадлежащим чувством, чутьем — понять свое, нам милое и дорогое. Неужели мы так глубоко порабощены, что даже люди «из народа» способны легче понять и усвоить чужой язык, чужой обычай, чужую природу, чужое искусство — чем свое прирожденное, естественное,— неужели нам, русским, свои произведения наших великих авторов нужно будет читать в немецком переводе и только после снисходительной критики иноземных умов??!.. Стыдно, малодушно и неостроумно!!.. Но довольно, все это сказано, не желая тебя обидеть, а лишь как сожаление, как печаль за то, что так близко моему сердцу и что так легко попирается ногами.

Что тебе сказать о себе? Вчера сдал комитету один из двух своих иконостасов, утвердили его единогласно.

Другой подготовлен, и кончу его по приезде своем из Крыма, куда еду на днях недели на три-четыре отдохнуть, освежиться. Сильно уповаю на эту поездку, стало мало сил, устал, ох как устал! Там думаю в виде развлечения пописать пейзажи с натуры — это приятно и не вредно...

Здесь у нас совсем весна, появилась зелень, тепло, по Днепру бегут десятки пароходов в Чернигов, Житомир... все сады, скверы отперты, кучи ребят возятся в них, словом, жизнь, молодость вступают в свои обычные права. [...]

154. РОДНЫМ

Одесса. 9 апреля 1894 г.

[...] Вчера я приехал в Одессу, сегодня в 5 ч. уезжаю на пароходе в Севастополь. Погода теплая, тихая, и, даст бог, завтра рано утром увижу славные твердыни севастопольские...

Одесса по-прежнему мне кажется красивой и интересной. Это переходная ступень к Западу. Запад здесь чувствуется во всем, здесь предвкушаешь заграницу...

Из знакомых видел совсем больного Размарицына (он живет в той же «Крымской» гостинице, где и я, а я в том же №, где останавливался прошлый год). Видел Кузнецова, он живет здесь барином — свой выезд и пр. Вчера чуть было не сманил меня ехать на праздник к нему в имение (за 25 верст), обещал там написать с меня портрет, и как ни заманчиво иметь портрет работы Кузнецова, но я устоял. Сегодня перед отъездом у него обедаю. Где бы я желал быть на праздниках — это среди вас в Уфе, но теперь об этом уже говорить поздно, надо было думать раньше. [...]

Прошлое письмо из Киева, кажется, сильно «кисловатое», причиной тому была моя усталость, которая последнее время мне дала себя чувствовать.

«Вел[икомученица] Варвара» нравится — нравится и Праховым, в особенности Леле, и я думаю, что все же это мой лучший образ в соборе, когда же я сделаю то, что можно сделать по-сухому, впечатление будет близкое к тому, чего хотелось. По-моему, на эскизе она сентиментальна, слащава, чего нет в образе...

Вообще, на мой вкус, второй иконостас интереснее первого, с чем, может быть, и не согласятся все. Он деликатнее (весь светлый, а первый весь темный) и оригинальнее, больше в нем меня, моих личных симпатий (с которыми, как известно, соглашаются другие редко).

Перед отъездом пр. Венюков снял в двух видах «Варвару» и «Филарета Милост[ивого]», который очень нравится самому Прахову, и, кажется, в нем вышла эта доброта — благодушие его. Кигн выпросил у меня мою карточку, дал ему с тем, чтоб выслал мне свою. «Барону Сигме» — Сыромятникову подарил фотогр[афию] с «Юности пр. Сергия» за его доброе слово в «Неделе» [1]. В скором времени он напишет свои впечатления от Киева, а потом думает издать книжку с иллюстрац[иями] с собора, образов в духе французских изданий, что должно получиться занимательно. «Сигма» человек не бездарный (он очень молодой, нарядный малый, Праховы назвали его «смерть мухам», подразумевая под мухами — барышень).

Перед отъездом получил еще письмо от В. М. Васнецова, конечно, деловое, но по обыкновению любезное, с В. М. я увижусь в Киеве по приезде из Крыма. [...]

155. РОДНЫМ

Севастополь. 10 апреля 1894 г.

Дорогие папа, мама и Саша!

Сегодня рано утром после тихого плавания увидали славный Севастополь. С моря вид на него чудный, на вершине видел «Адмиральский» Владимирский собор, ближе справа лежит Херсонес, налево вдали виден знаменитый Малахов курган...

Мы с попутчиком — одесским доктором — отправились в гостиницу Вентеля — недорогую и чистую — и заняли сообща номер.

И немедля же наняли возницу (коляска) и начали объезд Севастополя и его окрестностей. Первое осмотрели Адмир[альский] собор, поклонились могилам славных героев севастопольских: Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина. Они лежат в подземной церкви (в византийск[ом] стиле), могилы их достойны их имен. Дальше поехали в древний город Херсонес (верстах в четырех). Там некогда, по преданию, крестился князь Владимир Святой. Там внутри храма (нового) сохраняются остатки древнего храма и место купели. Живопись неважная: внизу немца Рисса, наверху Корзухина.

Из Херсонеса поехали в монастырь св. Георгия за одиннадцать верст, монастырь этот тоже древний, до христианства был там храм Весты, и, по преданию, на этом месте учил Андрей Первозванный. Вид оттуда поразительный — внизу, в подножье черных глубоких скал, плещется море, по уступам лепятся постройки монастырские, даль подернута дымкой (сегодня день серый и прохладно).

Там мы позавтракали, напились чаю, погуляли, я нарисовал голову одного монаха, молодого, родом ярославца, с него как будто списаны те св[ятые] князья, которые видны и теперь еще на стенах соборов ярославских, углицких и пр. Голова эта, хотя и спешно нарисованная, пригодится мне для «Александра Невского». Дальше поехали в Балаклаву — это греческая колония, ничем особенно не замечательна, около нее есть старая крепость генуэзцев и чудная корабельная бухта, туда посылают также больных.

Обратно, по дороге к Севастополю, заехали на французское кладбище. Там лежит до 45 тысяч французов. Место это содержится безукоризненно; масса венков с самыми трогательными и громкими надписями говорят о недавних горячих франко-русских празднествах [1].

Приехали домой, заплатили извозчику 7 р. и завтра, съездивши на Братское кладбище (а сегодня погулявши по Нахимовскому проспекту), поедем дальше через Симеиз, Алупку и в конце недели доберемся до Ялты (от Севастополя через Байдарские ворота на лошадях езды часов двенадцать — четырнадцать, 75 верст). Но остановка в Симеизе и Алупке займет два-три дня (там дивный вид, как и у Байдарских ворот — с них открывается панорама на долину Крыма). Поездка вдвоем и обойдется

вдвое дешевле. С Ялты же у меня своя программа; я поселюсь на одном месте и буду уже «отдыхать», думаю написать несколько этюдов...

Воздух и здесь уже легкий, прекрасный, и появилась знакомая мне по этюдам лиловость, мягкость красок. [...] Хорошо здесь, особенно теперь, цветут розы, миндаль, видно синее море, очень хорошо... Севастополь навевает мирное и задумчивое чувство — то чувство, которое знакомо нам всем, когда приходится быть в монастыре... (постройки прекрасны и все каменные). Да! Севастополь как бы и до сего дня тоскует и тихо вздыхает о тяжелой своей године. [...]

156. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Ялта. 17 апреля 1894 г.*

[...] В Крыму я несколько дней, успел объехать все южное побережье от Байдар до Гурзуфа. Эти дни проведу в Ялте, а там уеду дней на десять — двенадцать в Симеиз, там хорошо и недорого. Был у А. А. Рязанцева, он постарел (живет с вашим земляком из Казани). Встретил меня ласково, он все тот же добрый, цельный человек, каким я его запомнил с детских лет... Пообедав плотно, пошли гулять, забрались в горы, в лес (к Ярцеву), много поговорили, много воспоминаний прошло перед нами. Я передал ему Ваш поклон и теперь передаю Вам от него таковых же результатов (большой). Завтра заберусь в Магарач с утра, а послезавтра удалюсь в одиночество (Симеиз), там пусто, но хорошо. Крым, начиная с рекомендованного Вами Георгиевского монастыря до Гурзуфа, делает впечатление привлекательное, но — увы! — не грандиозное: он как бы в *наряде великана*, но не великан. (Георгиевск[ий] монас[тырь] и Байдары напомнили мне Ваши картины.) В монастыре я встретил редкого по своей чистоте типа великорусского монаха — молодого послушника из ярославцев, эти мечтательные глаза, странная улыбка, кудри русые, все это напоминает наших благоверных князей, лики которых мы видим в древних церквах Москвы, Ярославля, Костромы... Монаха этого я заметил в альбоме у себя.

Климат Крыма дивный, и правду говорят, что он только мертвых не воскрешает, и я сильно надеюсь на его чудодейственность. [...]

157. А. А. ТУРЫГИНУ *Ялта. 24 апреля 1894 г.*

[...] Ты, как человек любознательный, пожелаешь знать мои впечатления о Крыме, о «Тавриде»...

Увы! они не первого сорта; дело в том, что я попал сюда в недобрый час — все время ненастье, дождь, туман, и Крыма, того Крыма, о котором говорят, побывавши здесь с сладким чувством мечты, я не видал почти. А туманы мне не нравятся...

«Серенькие денечки» хороши на удачных пейзажах и пригодны для меланхолического фона в картине, а не для человека, ищущего радостей, тепла и света, едущего за всем этим за тысячу верст. Я, конечно, постараюсь быть справедливым и не забракую вовсе Крым, но теперь, в эти дни и к моему настроению он не совсем подходит, я бы желал иного...

Крым сравнивают с приятно написанной акварелью, это правда, но и то в нем еще курьезно, что он напоминает человека, желающего казаться выше своего роста,— величие его сомнительное, бутафорское...

Но довольно, я обещался быть справедливым и обещаюсь быть с этой минуты сдержанным.

В твоем письме есть отзыв о картине Новоскольцева [1] — художника, который при очевидной способности к краскам имеет что-то странное, и твои слова, быть может, содержат в себе немало справедливого, верного. Картину эту я видел в альбоме академическом, и она произвела на меня впечатление родственное с твоим, и вообще

Новоскольцев в этом смысле в высокой степени индивидуален; он, как говорится, «сам по себе».[...]

158. РОДНЫМ *Киев. 1 мая 1894 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Сегодня я вернулся в Киев, ускорил свой отъезд из Крыма дней на 5—7. Погода убийственная: туман, холод и дождь изо дня в день; все это надоело сильно, я и уехал. Распростился я со всеми старыми и новыми знакомыми сердечно и об Ялте и ялтинцах увез самые лучшие воспоминания.

Настроение мое несколько улучшилось, очень загорел, стал бодрее — не знаю, надолго ли?

Письма ваши все получил, конечно, хорошо, что Сигма упомянул добром о моей «Варваре», по-моему, она сто́ит, чтобы ее поддержать [1]. [...]

На пароходе в Ялте встретился с отцом Беклемишева, проехали до Одессы, там пришлось с утра дожидаться до вечернего поезда, и Беклемишев затащил меня с багажом в свою квартиру, предоставив мне в распоряжение комнату и прочее. У него же обедал, вообще был старик очень мил, вспоминали с ним про римские наши поездки, споры и т. д. Вечером я уехал, а сегодня был в 12 ч. дня уже в Киеве [...] Отправился в собор, потом к Праховым. «Сам» уехал недели на 2 в Москву «отдохнуть»?! В 4 часа приехал из Москвы и В. М. Васнецов, встретились как нельзя лучше. Привез много поклонов, много рассказов, новостей. Из его слов видно, что мои дела в Москве идут хорошо, отношение там ко мне делается более благоприятным, есть люди, сильно ратующие за меня... (и даже моего последнего «Сергия»). Словом, все рассказы В. М. подбавили во мне бодрости, и бог бы послал только здоровья всем нам...

Обедали у Праховых, и Леля поднесла Виктору Мих[айловичу] шитый шелками и золотом образ с его же «Св. вел. кн. Евдокии»; это чудный художественный подарок, достойный Васнецова.

(Леля хочет теперь попробовать вышить также мою «Варвару», я из «вежливости» отклоняю эту затею, хотя и хотел бы, чтобы намерение это состоялось.)

Со вторника примусь за окончание второго иконостаса, и если Прахов не задержит, то в недалеком будущем соберу комитет.

Погода здесь прелестная, масса зелени, Киев утопает в ней, и воздух дивный. [...]

159. РОДНЫМ *Киев. 29 мая 1894 г.*

Дорогие папа, мама и Саша!

Эта неделя прошла тихо, собирался комитет, я представил два эскиза [1], один старый, без изменения ангелов (лучшей композиции я придумать не мог), другой новый — вовсе без ангелов, его, конечно, и выбрал злополучный комитет, устранив, таким образом, лучшее место композиции, о чем я и заявил им в собрании. Нижняя часть картины осталась та же, тот же пейзаж с долиной Иорданской и синевой горы Илионской, тот же бледно-зеленоватый цвет раннего утра, словом, пейзаж остался мне в утешение, в нем, кажется, можно кое-что сказать. Для дела и время такое постановление выгодно: и дела меньше, да и скорее кончу.

Федоров в то же заседание обратился через Прахова ко мне с тем, что не могу ли я продать ему первый эскиз (с ангелами). После совета с Васнецовым и Праховым решил заказать повторение, потом я пройду его сам и поднесу Федорову как дар. Таким образом, оригинал останется у меня и коллекция не разрознится, да и Федорову — милому и очень любезному человеку — сделаю любезность, которой он стоит. (Сегодня, повтор[ение] принесут, делает его ученик школы, стоит пустяки.)

Сегодня закажу подрамник, на неделе кончу рисунки с натуры (ходят по два натурщика в день), а в будущую субботу, быть может, начну контуры образа на полотне. [...]

Если возможно, достаньте журнал «Артист» (за апрель), там есть статья о Третьяковской галерее, а в ней нежности по моему адресу, там же напечатана повесть Апол. Васнецова «Деревенский иконописец» (очень мило) [2]. [...]

Здоровье мое пока ладно, время идет в работе и в беседах с В. М., много говорится в таких беседах хорошего, далеко улетаешь в них мечтой, особенно когда что удается. Часто и казним себя нещадно, все бывает.

160. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 19 июля 1894 г.*

[...] Ты нередко пытаешься пугать меня сомнением по поводу моих соборных работ, на этот раз к обычному припеву в конце письма прибавляешь несколько слов о «спасении» моем и «византийщине». По-моему, «спастись» можно только через любовь, возлюбишь ты «византийщину» — спасешься, возлюбишь «ренессанс» — тоже спасешься. Сила любви, искреннее увлечение артиста (конечно, с талантом) — дает право *на спасение.*

В Москве живет художник Суриков — он написал когда-то «Морозову», теперь, говорят, окончил гениально «Ермака», не будучи повинен в «византийстве». Он, несомненно, *спасется.* Талант и паче того — гениальность при искренней любви есть несомненная и прямая дорога *к спасению.*

Удастся ли мне, грешнику, «спастись», то есть полюбить и любя выразить любимое,— не знаю; покажет время и дело. Повторяю, что «византийщина» тут ни при чем, хотя естественней мне чувствовать ее потому, что она больше мне сродни, чем что другое, и лицо *русское* мне милее, но без умыслу, а только потому, что родился и вырос я среди людей русских. Противное есть ненормальность; как ни хороши друзья, как ни хороши «заморские страны», а отец с матерью, а пуще того «родимая сторона» милее всего на свете, и пристрастие такое законно, естественно и *плодотворно.* [...]

161. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Уфа. 14 августа 1894 г.*

[...] Устал я душой и телом, лето прошло неожиданно плохо. Хорошо, что Вы не унываете, работаете. Дай Бог, чтобы все Ваши проекты и начинания были доведены до наилучшего разрешения. Из Вашего письма я узнал, что Костя К[оровин] и Серов поехали по поручению С. И. Мамонтова на север в Архангельск, но, по-моему, в выборе художников С. И. оказался не находчивым; что будет делать Костенька, например, в Соловках, как он отпишет природу могучего и прекрасного севера, его необычайных обитателей?! Ведь это не Севилья и не Гренада, где можно отделаться приятной шуткой. Серову же, мне кажется, там будет скучно (как художнику)...[1] А впрочем — никто, как Бог!..

162. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 7 сентября 1894 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, вчера я получил твое письмо с вопросом — где я...

Я до сих пор в Уфе и пробуду здесь числа до 17—18-го этого месяца.

За долгое молчание мое ты извинишь меня, когда узнаешь причину его...

В ночь на 2 сентября скончалась моя матушка, прохворав более двух месяцев. С первых дней моего приезда она слегла, катар, а потом водянка сломила ее еще

крепкие силы на 71-м году жизни. Мне с сестрой пришлось быть около больной все время ее страданий, а также и при кончине ее.

Покойная была с ясным, разумным мировоззрением, с очень сильной волей и крайне деятельна, то, что она переделала в своей области, очень значительно и может служить красноречивым примером неутомимости в труде.

Я потерял в ней не только мать, но и сознательно относящегося человека к моим планам, затеям. [...]

163. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 27 сентября 1894 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, два твои письма «до востребования» получил, спасибо за них. Жду обещанных известий об Академии, ее преобразованиях и проч. Что-то там делается? Кто ректор? Неужели Павел Брюллов? Тогда уже лучше Шамшин, за тем хоть громкие традиции эпохи, за П. Брюлловым же ни традиций, ни таланту. Говорят, умен, образован... Ректору Академии не это нужно (там для этого найдутся люди, да П. Брюллов, говорят, и не обладает преимуществом этим в значительной степени, быть же умнее Бодаревского и образованнее Еф. Волкова, право, не Бог знает что за совершенства). Ректор должен иметь почетное имя, он лишь знамя, хоругвь Академии. Имена Айвазовского, Репина, покойного Крамского, еще два-три, достойны звания ректора.

Но Паша Брюллов, Лемох, Корзухин и К° — это только забавно.

Виктор Васнецов от руководительства Отделом религиозной живописи в Академии отказался, подав прошение об отставке «по болезни».

Васнецов, по-моему, еще с большей пользой может оставаться художником, чем быть руководителем десятка или двух сомнительных талантов.

Покойный Перов, отдавшись *преподавательству*, скоро начал терять значение как *художник*. Совместить то и другое трудно, приходится служить одному в ущерб другого.

Я поселился в Москве, занят исполнением заказанных мне образов для мозаик храма Воскресения (что на Екатер[ининском] канале). [...]

164. В. К. МЕНКУ *Москва. 30 сентября 1894 г.*

[...] Поклон Ваш Васнецовым передал, и они очень благодарят Вас и просят поклониться от них. Теперь они живут в своем доме (Ново-Троицкий пер., д. 9, близ 4-й Мещанской). Устроились отлично, мастерская прекрасная, обширная, и в ней теперь раскинули «Богатырей», вставили их в раму.

От руководства классом религиозной живописи Виктор Михайлович отказался, подав на высочайшее имя прошение об отставке «по болезни». Аполлинарий Михайлович занят работой, ряд прекрасных картин, намеченных летом, ждут окончания. Левитана пока здесь нет, нет и Серова, который с Костей Коровиным были на счет Мамонтова на севере — на Мурмане. Впечатления очень занимательны, жаль, что они пропустили Соловки.

Архипов, Пастернак, Корин, кажется, Бакшеев и Касаткин — преподаватели в школе вместе с Савицким, взамен выбывшим Поленову (временно), Маковскому, Прянишникову, Лебедеву, С. Коровину и Васильеву.

Работ их я не видал, почти еще нигде не был.

Суриков здесь, оканчивает своего «Ермака» в Историческом музее, где и мне удалось его видеть. Картина эта, как Вы и знаете, очень больших размеров ($8^1/_2$ арш.) и своими достоинствами, быть может, превышает все, что писано Суриковым до сих пор. Огромный патриотический подъем, эпопея — это главное, чем зритель с первых моментов проникается. Взят решительный момент битвы, так сказать, «именины»

удалого воинства, огромная дикая толпа инородцев начала подаваться, в ней заметна паника, а на первом плане несколько сот удальцов под стягом Милостивого Спаса беззаветно двигаются вперед, руководимые непреклонной волей Ермака.

Вот пока все, что мне известно или что вспомнилось о москвичах-художниках. [...]

165. РОДНЫМ *Москва. 5 октября 1894 г.*

[...] Работа моя двигается, со вчерашнего дня начали ходить еще двое натурщиков, теперь дело двинулось сильно, и в субботу думаю начать красками. Сегодня был у меня Виктор Мих[айлович] и Костя Коровин. «Воскресение» В. М. понравилось, Коровину очень понравились эскизы к Владимирскому собору. Получил очень сердечное, милое письмо от П. О. Ковалевского. [...]

Видел этюды Серова и Коровина, в общем они очень красивы, по два же или по три у каждого прямо великолепны. На Соловецкий остр[ов] они не попали совсем. Тем лучше для меня и тем хуже для них. [...]

166. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 ноября 1894 г.*

Два твои письма, Александр Андреевич, я получил и благодарю тебя за них. Твои сообщения хотя и не достаточно полны, но и они, конечно, проливают некоторый свет на дела художественные как Академии, так и вообще в петербургском мире искусств. Ты пишешь, что лучшего «ректора», как В. Маковский, и не придумаешь и что не можно быть таковым Павлу Брюллову,— конечно, нельзя, даже издатель Маркс и тот никогда не брал для своих премий [1] П. Брюллова, предпочитая ему братьев Маковских (хотя и рыночные, а все же «знаменитости»).

Не знаю, было ли это почетное звание предложено Репину или Поленову? — эти двое были бы «красивые» ректоры, имели бы свой тон и приятную физиономию. Но все это к слову, а в сущности не все ли равно — поп ли, попадья ли или попова невестка?! [...]

167. В. К. МЕНКУ *Москва. 24 ноября 1894 г.*

[...] Здесь в Москве живут сильно. Пишут усиленно, но не показывают, за исключением очень немногих. Кроме Сурикова, говорят, много хорошего у Левитана, у которого я еще не был, но скоро надеюсь быть. Картины его взяты из поездки его по Италии и Швейцарии и, по слухам, очень красивы по краскам.

Апол[линарий] Михайлович тоже не ударит лицом в грязь, работает и много, и интересно. Особенно одна картина с ярко выраженным романтическим настроением, в этом роде у него (да, кажется, и ни у кого из наших пейзажистов) взят пейзаж не был. На Передвижную он, кажется, ставит три картины, остальные на Периодическую. Архипов не показывает.

Словом, работают все, стараются! Виктор Михайлович оканчивает образа царских врат Владимирского собора. [...]

168. РОДНЫМ *Москва. 27 ноября 1894 г.*

[...] Был у меня Павел Мих[айлович] Третьяков, пробыл около часу, смотрел с большим вниманием как образа, так и эскизы Владим[ирского] собора. Из образов

более других понравился «Александр Невский», которого я только вчера дописал вчерне — и, кажется, он мне удался, есть и тон, и настроение.

Из эскизов понравились многие, между прочим, «Варвара», «Филарет», «Арсений», оба «Благовещения» и зелен[ый] иконостас. Вообще, был очень любезен, но о цене не спрашивал, уходя, обещался у меня быть еще и советовал выставить эскизы на Периодическую. Почему-то визит его, несмотря на то, что он не заикнулся о покупке, оставил у меня хорошее, приятное впечатление. От меня он пошел к Апол. Мих. Васнецову. У него тоже пробыл долго, но и у него о «цене» не было реш[ено], что очень опечалило милого Апол. Мих. [...]

169. В. К. МЕНКУ *Уфа. 26 декабря 1894 г.*

[...] Я слышал, что Петербургское общество поощрения художников высказало желание приобрести Вашу картину [1], если Вы таковую согласитесь прислать в сказанное общество.

Вещь Вашу, посланную и запоздавшую на конкурс в О[бщество] л[юбителей] х[удожеств], я видел, она хороша по краскам и, быть может, найдет себе покупателя.

Вообще выставка [2] хотя и не особенно большая, но свежая. Вещи Левитана (пастели), К. Коровина, Серова, Ап. Васнецова интересны. Я выставил эскизы... Владимирского собора [3]. Сегодня выставка должна открыться в Историческом музее. Конкурс был слабый во всех отношениях; получили премии, кажется, Бакшеев, Соколов и еще кто-то.

В Москве я провел три месяца не без пользы и интереса. Работы частью подготовлены, частью кончены и отосланы в Петербург, куда я сам должен быть в конце января. [...]

170. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Уфа. 28 декабря 1894 г.*

[...] В Уфе стоят жестокие морозы, менее 20-ти градусов бывает редко, тем не менее я и с гор катаюсь, и на паре езжу, и другое веселит мою душу, а душа эта так измаялась, так устала! что всякое средство утешить ее — есть находка, и им пользуешься...

Начал работать... и о, радость! Не образа, а эскизы к картине, той самой картине, в которой «фигуры две, женская и мужская в пейзаже» или, точнее, «Пейзаж с двумя фигурами»... [1]

Но зачем говорить об этом, быть может, это льгота, желанный, но несбыточный сон. Действительно же — образа, много образов, сотни тысяч их... О, ужас!..

Но долой эти мысли, эта опять старая московская привычка, и дурная привычка...

Итак, пока все идет скорее хорошо, чем худо, и надо надеяться, что впереди также ждет «солнечный луч», как сказал бы добрый товарищ Симов. [...]

1895

171. РОДНЫМ *Москва. 22 января 1895 г.*

[...] Новостей за мое отсутствие не было особых. Выставка [1] имела большой успех среди публики и много разговоров среди художников.

Мои эскизы, кроме «Константина» и «Елены», не проданы, находят, что дорого и не по карману, ну и пусть их находят. Продалось вообще мало, больше других продал К. Коровин, Левитан — одну маленькую пастель, говорят, ходит злой, желтый. Вчера же, конечно, заехал и на выставку. Она делает хорошее, бодрое впечатление. Лучшие вещи — Коровина и Серова (ничего не продал). Мои эскизы, кроме нижних иконостасов, поставлены плохо и особенно проигрывают от своих убогих рамок.

Постараюсь, чтобы не ставить их теперь в Петербурге. Года через два — другое дело...

На выставке встретил (по обыкновению) очень любезного Быковского, от него узнал, что Бруни смещен и на его место инспектором приглашен пейзажист Киселев, таким образом постепенно в Академии воцарилась шайка передвижников. И теперь все труднее и труднее ожидать мне чего-либо хорошего. Как-нибудь надо сдать заказы и приниматься за картины. Владимирский собор дал мне свое, и оно, конечно, останется, хотя частью, но надолго. [...]

172. РОДНЫМ

Петербург. 19 февраля 1895 г. 9 час. утра

Дорогие папа и Саша!

Сегодня в 12 ч. дня соберется у меня в мастерской кавалергардская комиссия для приема образов [1]. Состоит она из трех офицеров полка, вице-президента Ак[адемии] худ[ожеств] Толстого, проф. Чистякова, Парланда и, быть может, Брюллова. Закончу это письмо по окончании комиссии, а пока поделюсь с вами кое-какими новостями. В четверг на Передвижной был государь с государыней и вел. княгиня с князьями. [...] Государь купил Шишкина (слабую), очень слабую Брюллова, государыня хорошую вещь Дубовского. Но кроме этих незначительных вещей государем приобретен «Ермак» Сурикова — приобретен за 40 тысяч (оказывается, эта сумма наибольшая, за которую покупались когда-либо русские картины. «Фрина» [2] заплачена 15 тыс., «Грешница» Поленова — 30 тыс. и «Запорожцы» Репина — 35 тысяч). «Ермак» был еще в Москве запродан Третьякову за 30 т., но государь, узнав, что вещь приобретена Третьяковым, сказал, что «эта картина должна быть национальной и быть в национальном музее» (Публичную библиотеку переносят в Михайл[овский] дворец, а на месте нее будет национал[ьный] музей [3], о котором когда-то говорил покойный государь).

Итак, Суриков теперь обеспечен на всю жизнь, обеспечены и девочки его. Лучшего желать было нельзя. Его радости не было границ. Первое, что сделал он, как узнал о покупке,— истово перекрестился, потом заявил, что ставит дюжину шампанского (но не поставил).

Выставка открылась на другой день. «Ермак» импонирует всей выставке, это, несомненно, произведение великого таланта и, что бы ни говорили люди и людишки, вроде вчерашнего репортера «Нового времени» [4], а значение картины Сурикова огромно, этот холст останется навечно свидетелем того, что среди русских людей встречаются нередко люди гениальные...

А травля началась! Сейчас опять прочел статью «Нов[ого] времени». Теперь нужно ждать Стасова в «Новостях», что-то старик скажет?

Сегодня открывается в Акад[емии] наук выставка бывших экспонентов Академическ[ой] выставки.

Да! Кончу с Передвижной. Кроме «Ермака» хороши очень пейзажи Аполлинария, жанры Архипова и портреты Репина (проф. Тарханов) и Серова [5]. Крайне плохи Маковский, Лебедев, Брюллов, Клодт, Мясоедов.

Вечером иду в симфонический концерт. Будет петь Пиньялоза, хор Архангельских, что очень интересно. [...]

2 часа дня

Только что кончилась комиссия, образа приняты. Очень всем понравились; кавалергарды благодарили, оригиналы пойдут в полковую церковь, а эскизы в полковое собрание. Особенно были милы и любезны Дашков и Кознаков. Также очень понравились образа и Толстому. Но особенно ратовал за меня Чистяков, а более других критиковал Боткин (этого господина все помнят, и всякому он что-либо напакостит). В общем образа прошли неожиданно успешно. Три-четыре замечания, которые необходимо исправить, и потом — расчет. [...]

173. В. К. МЕНКУ *Петербург. 24 февраля 1895 г.*

Дорогой Владимир Карлович!

Вы, конечно, очень интересуетесь тем, что делается в обеих Академиях: художеств и наук...

Выставки передвижников и петербургских художников служат как бы оттенком одна другой. Свежесть первой составляет контраст ординарности и вялости второй.

У передвижников «Ермак» (купленный государем за 40 000 руб.) составляет, конечно, центр выставки, и хотя так называемая «критика», а за ней и публика довольно к картине Сурикова на этот раз равнодушна, тем не менее по отзывам художников (таких, как Репин, Куинджи и др.) — произведение это есть несомненное событие: огромное воодушевление картины, героический оттенок ее дает ей право стать в ряд первоклассных художественных произведений. Картина была куплена еще в Москве Третьяковым, но государь сказал, что такое явление в искусстве редко и картина должна принадлежать государству. Теперь Суриков и его дети обеспечены, чему нельзя не порадоваться.

За Суриковым идут Архипов и Апол. Васнецов. Первый со своими двумя жанрами «Лед прошел» и «Отдыхом» ярко блестит красками, чудной обаятельной теплотой и искренностью. «Лед прошел» может быть причислена к лучшим его работам, и жаль, что Пав[ел] Мих[айлович] прозевал эту вещь.

Апол. Васнецов выставил несколько картин, но «Элегия» и «Кама» из них заслуживают внимательного к себе отношения. Это несомненно поэтические вещи. В одной из них ярко выраженный романтизм, в другой — суровая поэзия преддверья Сибири — Камы. Пока картины еще не проданы, но они, как и Архипова, очень всем (и художникам, и публике) нравятся. Левитан на этот раз слабее. Дубовской в двух-трех вещах хорош, но в общем нонче не силен [1].

Портреты Серова и Репина очень хороши. Тонки по краскам и интересны по композиции. Недурен «Влад. Соловьев» Ярошенки.

В члены выбраны два Богданова (один Бельский), Ендогуров и, кажется, Корин. Вещи их не превышают среднего уровня.

Интересен «Город» Светославского, Костанди, Кузнецов. Старики из рук вон плохи, особенно Брюллов и Лемох, Маковский тоже все больше и больше начинает походить на пресловутого Лейкина. Пимоненко остается в искусстве неизменным «мещанином».

Вот Вам беглый перечень Передвижной выставки.

У петербургских художников хоть шаром покати, буквально не на чем остановиться, все или нахальство, вроде Сергеева, или такой Беркос, что только рукой махнешь.

Есть здесь и еще две-три выставки: акварели, печатного дела и еще какие-то, но на них я еще не был, некогда, с утра занят до вечера. Хочется скорее к вам на юг, хотя признаки весны заметны и здесь.

Проф. Кайгородов уже насторожил уши и начал свои забавные бюллетени о грачах и другой весенней птице [2], и как только грачи в Питере, я из Питера. Устал изрядно.

Теперь работаю в мастерской (на постройке храма Воскресения) большой картон для наружной мозаики храма, картон этот около 13 арш. делается в один тон, для красок же написан эскиз в половину натуральной величины.

Образа Александра Невского и «Воскресения», заказанные офицерами Кавалергардского полка, мною уже написаны и благополучно сданы. [...]

174. РОДНЫМ *Петербург. 26 февраля 1895 г.*

[...] В мастерскую ко мне заехал пр[офессор] Чистяков с предложением написать для гр. Орлова-Давыдова два образа (для грубой мозаики), но я от заказа уклонился, сказав, что устал очень, хочу отдохнуть, поработать для себя и проч. Чистяков говорил много лестного для меня, высказал, что после Васнецова единственный остаюсь я и проч. ... Тем не менее я отказался и, видимо, немного огорчил Чистякова, но что делать! На днях поеду к нему вечером, он интересный, своеобразный человек и вполне русский.

Вчера был у Ярошенко, там опять все те же либеральные разглагольствования, и только лишь Шишкин говорил по-иному, спасибо старику за правду.

Передвижная особого успеха не имеет. Про Сурикова молчат или ругают «Ермака». Невежды, слепые люди, сколько они пропустили истинно высокого и талантливого...

Сегодня заеду к Сигме, а потом на Акварельную выставку, быть может, попаду и на Передвижную.

На четверг взял билет в театр, буду слушать «Риголетто» с Мазини — это одна из его лучших ролей.

Здесь начинаются признаки весны, но как мне надоел город, как хочется его забыть, где-нибудь в деревне, сидя в лесу на этюде, кажется, снова придут старые годы и будешь чувствовать себя моложе лет на десять; теперь же не веселят даже такие хорошие слова, как «знаменитый художник», которые недавно были мне преподнесены одним художником при знакомстве с ним у Матэ. Все это пошлость, даже и тогда, когда человек на самом деле знаменит и славен. То ли дело покой, здоровье и любимое дело. Как это хорошо, искренне и тепло. [...]

175. РОДНЫМ *Петербург. 9 марта 1895 г.*

[...] На днях Парланд предложил мне взяться написать образ Христа для главного иконостаса храма Воскресения (тоже для мелкой мозаики, образ Богородицы будет предложен Васнецову), я сказал, что теперь ничего не скажу, отвечу из Москвы или Киева и вообще думаю, что образ Христа было бы лучше предложить Васнецову, а мне Богородицу, но во всяком случае я раньше осени кисти для заказов в руки не возьму.

Все это надоело, только деньги, деньги и деньги!.. Если и возьмусь, то, конечно, не на таких условиях, как теперь. [...]

176. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 25 марта 1895 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Только что получил твое письмо,— отвечаю на него немного — некогда. В Киеве останусь лишь несколько дней — уеду в четверг — пятницу на Страстной в Москву — следовательно, и заутреню встречу в Кремле — Московском. Здесь все сдал: «Бого-

явление» приняли и даже похвалили. Вещь эта официальная, но в ней есть кое-что в пейзаже, да кое-что в живописи вообще.

Теперь Владимирский собор окончен мною совсем. Освящение его будет в начале будущего — 96 года. [...]

177. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 2 апреля 1895 г.*

[...] Газетные известия о Васнецове несколько несвоевременны, но дело двигается к тому. Недавно про него читали лекции во Франции: Париже и Реймсе, сравнивая его с Пювис де Шаванном и Доре [1], но ставя Васнецова выше и первого и второго. Он получил много телеграмм из Франции и письма от академий Парижской и Реймсской. Словом, популярность его растет.

Но вот Буренин!.. Его слава тоже велика, но какая нежелательная, несимпатичная. Последний фельетон о Сурикове [2] показывает, насколько нахальство и безнаказанность людская может быть безгранична. [...]

178. Л. В. СРЕДИНУ *Москва. 15 апреля 1895 г.*

[...] До Пасхи я был в разъездах: из Уфы поехал в Питер, там закончил работу для Кавалергард[ского] полка (дар полка в храм Воскресения на месте 1 марта). Затем сделал картон в 13 арш. для наружной мозаики сказанного храма. Закончив работы в Петербурге, я немедля уехал в Киев, где также все мною кончено и всякие обязательства сняты, я свободен, как говорится, «вольная птица», но, видимо, слишком продолжительно было мое сидение в клетке (пять лет). Я разучился летать, я не могу привыкнуть к своей свободе, мне страшно иногда: кажется, что вот я свободен, что никакие «постановления комиссий» не будут торопить меня к сроку и т. д., и что же — все это не веселит меня. Такова сила привычки... На днях я уезжаю в деревню под Москву, к Троице, там займусь этюдами, давно я их не писал, а теперь неизбежно, они нужны для картин.

Под Москвой проживу до конца мая, а там думаю проехать на север, начиная с Ростова, Ярославля и далее в Кострому, Углич, Псков. Цель этой поездки — знакомство с нашей старой церковной живописью, с ее лучшими образцами. После думаю по Волге проехать до Самары, а оттуда в Уфу, пробыть там в семье месяца полтора и снова в деревню под Москву, опять за этюды, а осенью, даст Бог, и за картины... Вот видите, как я размечтался!.. Удастся ли всю эту программу выполнить — не знаю. [...]

179. А. А. ТУРЫГИНУ *Сергиев посад.*
«Пещерная гостиница». 23 апреля 1895 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Отвечаю тебе на два твои письма, особенно же на второе, как более полное и как содержащее в себе прямые вопросы.

Книжку Гауптмана «Ганнеле» я купил и прочел, и вот мое впечатление от нее: жанр этот уже не первый год разрабатывается живописцами, этот слащаво-сентиментальный образ Христа среди «добрых» поселян и проч. часто встречается и у немцев, и у французов. Во всяком случае, в этом подходе нет того глубокого чувства поэзии, которое замечается в так называемых «мистериях»,— это «модерно», хотя и не лишенное талантливости. Старику Суворину, во всяком случае, не удастся в данном случае открыть шестую часть света... не помогут ему в этом ни Сигмы, ни другие верные его слуги...

Скажу тебе несколько слов о храме Воскресения: Васнецову комиссия на его условия ответила «с сожалением отказом», ссылаясь на отсутствие средств, предлагая ему местные образа иконостаса, за которые он назначил 6 тысяч (по 3 тысячи за образ). Ответ еще не получен.

Я пока еще не послал ни тем, ни условия на предложенные образа, буду сообразовываться с Васнецовым, вообще же в этом деле надо побольше осторожности, я слишком нервно вел себя все время в Питере, и теперь для меня очевидна не одна моя ошибка, но ведь я «русский человек», а ты знаешь пословицу про русского человека. Да и то сказать — «век живи, век учись»...

Вот уже пять дней, как я в деревне, или, точнее, в монастыре, или — того точнее, в монастырской гостинице, в 2—3 верстах от Троицкой лавры, в так называемых «пещерах у Черниговской». Пещеры эти однородные по характеру с Киевскими и похожи на катакомбы; в одной из пещер находится чудотвор[ная], очень чтимая икона Черниговской Б[ожьей] М[атери]. Икона эта собирает сюда много тысяч богомольцев, которые несут и везут многие тысячи рублей. Обитель цветет, монахи грубеют и живут припеваючи, мало помышляя о том, о чем по положению они должны помышлять неустанно. Но это дело их...

А вот я теперь свободная птица, но беда в том, что сильно поразучился петь по-птичьи, да и крылья не могу до сих пор путем расправить; очень уж засиделся в клетке. Начал писать этюды, пока очень робко, как школьник. Того ухарства, какое было, когда рисовал «картон» [1], и в помине нет... Одно несомненно хорошо — это природа. Господи! Сколько она содержит в себе звуков, мыслей, отрывков чувств, сколько в ней мечтаний, и не бессмысленных, как у образцовых земств наших [2], а глубоких, вдумчивых, вековечных...

Вот и сидишь да и слушаешь, что природа говорит, что рассказывает лес, о чем птицы поют, слушаешь и переживаешь юность, сравниваешь свою весну с весной природы и видишь, сколько упущено, как мало, неполно понята была своя весна, и с грустью видишь, что поправить ничего нельзя, все минуло и не вернется, и грустно станет, и защемит, заноет сердце...

Здесь пробуду с месяц, а потом проеду, как и хотел, на север, в города Ростов, Ярославль, Углич, а там и в Уфу проберусь. Там думаю начать одну из картин.

Писал ли я тебе, что В. Маковский вышел из Товарищества, обозвав их позорно — старыми девками, которые хвастаются своей невинностью... За что получил сильные нарекания...

Ну довольно, а то, кажется, скоро до сплетен дойду, а это уж не дело.

180. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 27 июня 1895 г.*

[...] В письме своем ты высказываешь небезосновательные предположения, что у меня есть что *писать*,— это правда, я видел в свою краткую поездку очень много интересного, но все это так специально и так трудно выразить словом, все это нужно было видеть, слушать, а главное — чувствовать.

Скажу одно, что если Италия пленяет нас своей красотой и искусством, если последнее имеет там свою родину и поныне там живет с неувядаемой силой, то искусство это и у нас есть, красота его так же живуча, но мы не так беспечны, как итальяшки, мы слишком рано делаемся зрелыми и утрачиваем наивность и жажду наслаждения природой, а с тем вместе и творчеством, нам уже кажется это не «важным», а ведь итальяшке хлеба не давай, только дай ему музыку-художество, и только за последнее время этот шарманщик сгорает манией к «политике».

Виденный мною Переславль-Залесский с его историческим озером и двадцатью девятью церквами и несколькими монастырями полон глубокой старины, но он — лишь только прелюдия к чудным, своеобразным звукам, который дает собой Ростов Великий с кремлем, его глубокохудожественными храмами, звонницами и знаменитым ростовским звоном. Звон этот единственный, он имеет шесть особых мотивов,

ведущих свое начало с давних времен, и мотивы эти носят наименования былых святителей ростовских, например: Авраамьевский, Дмитровский, Ионафановский и проч. А чтобы и отдаленное потомство могло иметь понятие об этом звоне — в музее находится подобранный камертон всех шести звонов. Архитектура и роспись своеобразна, первая принадлежит нашему русскому зодчему митрополиту Ростовскому Ионе Сысоевичу — она талантлива и остроумна, особенно оригинальна солея (род амвона) в церкви Спаса на сенях. Углич имеет свою прелесть по своей трогательной легенде о убиенном царевиче Димитрии.

Но всему венец — это Ярославль. Зодчество Ярославских храмов может быть названо гениальным. В некоторых храмах сохранились образа, которые показывают, что искусство наше приближалось в свое время не только по духу своему, но и по форме к счастливому разрешению.

Ну довольно, теперь я занят картинами, пишу усердно, что-то будет?.. Проживу здесь до первых чисел августа, а там в Москву, или, вернее, под Москву до сентября, в начале же сентября перееду в Москву. Думаю скоро написать свои цены Парланду. Что-то мне ответят?

181. А. А. ТУРЫГИНУ

Сергиев посад. «Пещерная гостиница». 14 августа 1895 г.

[...] Из Уфы я выехал 8 августа, в сообществе сестры и дочери, они приехали в Москву на месяц, немного вздохнуть, освежиться от чудачеств моего старика-батьки. [...] Ты спрашиваешь, что Парланд и что Мальцев?.. Первый, видимо, поумнел, и на мои цены вот уже второй месяц нет ни привету и ни ответу. Не знаю, в Питере ли он, и было бы хорошо, если бы ты, делая свой променаж, зашел на стройку и справился хоть у привратника: «где Парланд?». Мальцев — иное дело — часть огромного заказа Васнецовым уже взята и исполняется, остальное, вероятно, не минует также его рук. Да вообще Васнецов завален работой.

Образа (Христос и Богородица) для иконостаса храма Воскресения взяты также на условии по 3000 р. за каждый. За рисунок «ангела», от которого я отказался, ему выслали 200 р. ...Словом, дела Васнецова хороши, жаль, что энергия начинает ему изменять.

Не думаешь ли собраться в Москву? С 1 сентября я поселяюсь опять в Кокоревке, буду кончать свои картины, к ним и рамы к тому времени будут готовы. Теперь же живу в скиту, где жил весну, много брожу по лесу, пишу этюды и отдыхаю от Уфы, которая всегда мне приходилась солона, исключение, может быть, два-три последние года жизни матери. Недавно вернулся с Кавказа Аполлинарий Васнецов, этюды его полны самого глубокого интереса и обличают яркое понимание красот этой ветхозаветной местности. Апол. Васнецов, можно быть уверенным, сумеет воплотить свои впечатления в подобающие образы. Чего ему и пожелаем от всего сердца.

Завтра Успениев день; праздник у Троицы и у нас в скиту... Тысячи богомольцев спешат к этому дню сюда, заполняют собой все тропинки, дороги, домы и храмы, в которых здесь нет недостатка. Вот сейчас вечер, 10 ч., но всеночная еще не отошла, и только что пришедший служка — брат Василий — пояснил мне, что теперь только кончили «Кафизмы» и начинается самое интересное, и так, мол, там хорошо, что не ушел бы... Сейчас ударили у нас у Черниговской в новый колокол, далеко звук этого великана разнесся по лесу, вот ударили снова... еще и еще. Хорошо! [...]

182. В. К. МЕНКУ

Москва. 27 сентября 1895 г.

Дорогой Владимир Карлович!

Очень извиняюсь за свое упорное молчание на Ваше доброе и отрадное письмо. Здесь в Москве, за суетой жизни, дни бегут быстро. [...]

В Москве почти все уже в сборе. Нет лишь Левитана и Степанова. Все работают и пока прячут старательно друг от друга, но недалеко время, когда эта тайна потеряет смысл.

Напишу все по порядку, что знаю о работах знакомых мне москвичей. Начну с тузов — с В. М. Васнецова и Сурикова. Первый делает (кончает) плащаницу для Владимирского собора и сделал необыкновенно интересное коронационное «меню». Затем своим чередом идут работы для Мальцева. Суриков затевает новую картину, но какую — еще не сказывает. Серов работает портреты... Архипов картины, которые обещает скоро показать. Касаткин пишет большую вещь из жизни шахты. Много интересного.

Апол. Мих. Васнецов обламывает Кавказ, и можно надеяться, что эта задача будет разрешена с полным успехом, хороши этюды, картины же полны особенностей этого чудного края.

Милорадович написал патриарха Гермогена, много жизненного и интересного. Савицкий скорбит гражданской скорбью на большом полотне [1]. Про остальных не знаю пока ничего.

Я написал картину из жизни монашествующих, где взял быт этот с положительной стороны [2]. Картину эту поставлю на Передвижную. Теперь делаю эскизы. [...]

183. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 октября 1895 г.*

Получил вчера твое второе письмо и отвечаю тебе, Александр Андреевич, зараз на оба.

В первом из них ты, говоря между нами, иронизируешь насчет «скромности» моих цен. Сначала это меня немного обидело, а потом, подумавши, я нашел, что обижаться тут нечему, что ты не только не хотел мне сказать обидного, но сказал это даже с добрыми побуждениями, но сказал как человек, далекий от жизни, как дилетант и, главное, как человек всегда обеспеченный, немножко рантье, никогда не зарабатывавший себе и не думавший о заработке, не выносивший свой труд, свое уменье на рынок и не знающий, что такое этот рынок, как трудно и осторожно надо поступать на нем, как легко сбить там цены и как трудно тогда поднять их на необходимую высоту. Те минимальные цены, которые берут за свои работы разные специальные мастерские живописного цеха, немыслимы для нас, сравнительно немногих, посвятивших себя, свои знания, свои интимные чувства, не говоря о некоторой «исключительности» своих дарований, искусству иконописания — тогда мы подорвем кредит тех мастерских, но, набравши за бесценок заказов, мы, в силу необходимости вовремя, в срок исполнить их, принуждены будем делать все наспех, кое-как, впадем невольно в условность, в холодность и утратим то, что и придает работам нашим некоторую особенность, свежесть, подкупающую в зрителе искреннюю поэтическую нотку, работы наши станут близки к тем шаблонам, безжизненно условным изображениям, на которые мы так горячо и справедливо негодуем теперь, и все это из одного желания иметь *много заказов, иметь больше денег* (и несомненно, денег тогда будет больше, чем при крупных, но редких заказах). Дальше невольно просится еще один вопрос. Почему разные гг. Фигнеры, Яковлевы, Тартаковы и проч. берут огромные деньги за свой «товар», который есть не более исключительный, чем наш, при не бóльшей подготовке, да еще при условии, что «товар» их — голос — пропадет не сегодня-завтра бесследно, а наш остается на многие годы и им можно пользоваться и тогда, когда нас не будет в живых. Почему, спрошу тебя я, Фигнеры, далеко не гении, берут 40 тысяч в год, а Сурикову, быть может, с гениальным дарованием, ставят в упрек полученные им 40 же тысяч за три года упорнейшего труда? а?! Почему, наконец, и пишущему эти строки не взять 6—7 тысяч в год, когда их берут не бог знает что за Мазини — господа Тартаковы и Медведевы?!!! Ну да простит тебя Бог, и я тебя не бью...

Во втором своем письме ты упоминаешь о затее по постройке нового музея [1] в Москве и говоришь о каком-то глупом (твои слова) архитекторе, который предлага-

ет для Москвы «классический» стиль музея, как более понятный... [...] Скажи ему, что если у него нет таланта создать русский стиль, как единственный возможный и желательный в русской Москве, создать русский стиль в архитектуре, как он создан в литературе, музыке и, кажется, в живописи, то пусть он ограничится постройкой дач в Парголове, для купцов из немцев, это и ему доходно будет, да и нам не обидно... Он и невинность соблюдет, и капитал приобретет. [...]

184. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 21 октября 1895 г.*

[...] Раму на картину «Монахи» придется переделать, и на этот раз переделка коренная. Решил сделать ее золотую, не античную, а золотую, это единственное, что подходит к картине. Был и Грабье, и в один голос с Аполлинарием советуют позолотить, ввести некоторые скромные украшения. Переделка эта обойдется рублей в двенадцать. Но зато картина сильно выигрывает (делали пробу). На днях раму возьмут от меня опять и на неделю.

На днях приехал Ярошенко, был у нас два раза, сегодня у меня обедал и пробыл часов пять. Вчера было экстренное собрание передвижников, где был и я, просидели до двух часов.

С Ярошенко по обыкновению мы встретились и расстались в самых лучших отношениях. Жестоко спорили. Показывал ему картины (обе). «Монахи» нравятся, нашел по ним, что я выздоравливаю, конечно, не обошлось и без замечаний чисто ярошенкинских, вроде «светлых березок» и т. д.

Сильно досталось за «Чудо», только и извинительно может быть одно: если такая вещь у меня «последняя», что дальше этого я не пойду... я зарока не давал, однако. Словом, все было так, как и нужно было ждать... Сегодня у нас выпал снег, и большой, но верно все это скоро растает. Теперь мы пристально следим за ремонтом храма Василия Блаженного, все красят и начали было портить Василия Блаженного, но мы с Аполлинарием восстали, пожаловались Забелину, и теперь нам на утешение стали подбирать тона окраски строже, по старым цветам. [...]

185. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 13 ноября 1895 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Я тебе отвечаю на этот раз без промедлений: сегодня не работаю: 13 число — делать нечего, вот я и решил написать несколько писем, в том числе и тебе.

На твои заметки и впечатления о Гоголе — что сказать? Мне думается так — повышенное или отвлеченное настроение поневоле ищет таковых же и форм, и в том, быть может, Гоголь, как и Сервантес и многие другие, внесли некоторую архаичность в форму. Прерафаэлизм был и до прерафаэлистов, был при них и будет всегда, меняя от особенностей гения или таланта свои формы.

Ты мало что-то новостей академических сообщаешь, а там у вас, кажется, их непочатый угол. Сходил бы ты к Брюлловым, что ли.

К нам в Первопрестольную дошли вести о выходе Шишкина [1], о деяниях ректора [2], о благополучном окончании курса и посылке за границу ректорского сына Сашки Маковского и кое-что другое, не рисующее с доброй стороны как Маковского-отца, так и Маковского-фиса.

Художники: Савицкий, Максимов, Ефимка Волков и Ендогуров присуждены быть *академиками.*

Словом, «разделиша ризы Его» и проч. ... Что из этого всего выйдет — неведомо, одно пока ясно, что «академистам» теперь не до ученья, не до антиков и Тарасов [3], все их время — день и ночь — идет на «дебаты» и на борьбу из-за патрона. Девиз их — «чья возьмет!?». Поживем — увидим, как увидали, наконец, давно жданную

выставку картин из наполеоновской эпопеи знаменитого нашего художника В. В. Верещагина. Ею теперь и займемся, о ней и побеседуем.

Не нужно говорить, как выставка обставлена, какие объявления были ей предпосланы, все это всем известно, и на изобретение рекламы (правда, дешевой) Верещагин имеет давно привилегию. Сотни аршин дорогого безвкусного бархата (по 3 рубля аршин, говорят кумушки), 1000 рублей стоит зелень, которою обставлена выставка, множество витрин с награбленными древностями Новгородской, Вологодской, Архангельской губерний; всюду расставлены столы с портретами, книгами, фотографиями и проч., за столами этими бойко взывают «к вниманию» наивной публики хорошенькие продавщицы. Ну, словом,— Европа, больше того — Америка? Выставка помещается в Историческом музее, а напротив, в Гостином дворе, такая же «Америка» под фирмой музея восковых фигур и всемирно известного великана-турки — какого-то Шульце-Беньковского, отбивающего у Верещагина беспощадно лавры и посетителей.

Но довольно об этом, надо же сказать слова два о картинах, тем более что, несмотря на очевидный для всех упадок таланта художника,— в двух-трех из них, а главное, в нескольких этюдах виден прежний орел, хотя и подстреленный временем и чрезмерным самолюбием и гордостью. Картина «Дурные вести из Франции» и «Отступление, бегство», особенно же последняя, несмотря на отчаянную живопись и совсем не верещагинский, детский рисунок, впечатление производят сильное, личность Наполеона взята ярко (хотя костюм и делает его несколько смешным, но это же придает ему и трагизму).

Да! Рисунок в последней коллекции Верещагина особенно изменил ему, живопись сухая, жесткая. Трактовка, концепция в большинстве случаев заурядная, не гениальная. Что же особенно вредит выставке — это ее балласт невозможно детских этюдов, обставленных с большими претензиями. Вот тебе краткий отчет о Верещагине.

У нас здесь держатся грустные слухи о болезни Павла Мих[айловича] Третьякова...

Со дня на день жду вестей от Парланда.

186. В. К. МЕНКУ *Москва. 19 ноября 1895 г.*

[...] Живем мы здесь пока ладно, часто видимся, бываем в театре, преимущественно в опере (у итальянцев). Вчера слушали с великим интересом знаменитого француза баритона Девойода. Он до того нас увлек, что решили поднести ему как-нибудь свои рисунки, благо он страстно любит живопись и человек с очень тонко развитым эстетическим чувством. Вообще это «артист» в полном и широком значении этого слова. Его манера петь и играть полна царственной прелести и высоко поэтична, а также уменье в выборе костюма и проч. дает ему право на его всемирную славу. [...]

Вы пишете, чтобы я Вам сообщил подробнее о своей картине, она слишком проста, чтобы ее подробно разбирать. Взято у меня так: ранняя весна, среди монастырского пейзажа идут по дороге два монаха, старый и молодой — оба они «мечтатели». Вечерние сумерки способствуют их обычному настроению. Картина называться будет, кажется, «Под благовест». [...]

187. А. В. ПРАХОВУ *Москва. 3 декабря 1895 г.*

Глубокоуважаемый Адриан Викторович!

На днях я получил из Киева за подписью Д. С. Федорова бумагу, где в очень решительной форме предлагается переписать мне злополучную голову Варвары [1].

Я не считаю заслуженными те упреки, которыми полна эта «бумага», и должен сказать, что при отъезде своем из Киева вправе был считать дело с образом Варвары оконченным.

Но, чтобы не осложнять этого неприятного дела, я буду в Киеве и перепишу эту голову, и только. Прошу Вас содействовать мне в одном: не ускорять, не ограничивать мой приезд в Киев приведенным в бумаге сроком — 1 февраля 96 г. Я могу быть там лишь во второй половине февраля будущего года прямо из Петербурга. Переписать же голову, как Вам известно, можно в два-три дня. [...]

1896

188. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Петербург. 3 января 1896 г.

[...] На выставке все обстоит благополучно — всем вещь[1] нравится. Даже Ярошенко с Мясоедовым острят и придираются милостиво (будто бы я играю в руку Влад. Соловьеву — проповедую соединение церквей, написав православного старика и молодого католика и проч.). Есть и восторженные юноши, которым картина не дает спать, видят ее во сне. Словом, все идет как следует. Послезавтра приедут москвичи, числа 4-го или 8-го общее собрание, избрание в члены и прочее. Смотрел в суворинском Свободном театре «Принцессу Грезу» с Яворской. Это вещь того французского, чисто декадентского жанра, который так же свят, как «Прекрасная Елена». Яворская — хорошая «Сара Бернар» по внешним своим приемам. Во всяком случае, внешняя сторона разработана хорошо, красиво (декорации, костюмы и проч.).

Вчера был у молодожена Дубовского, обедал, видел хорошие картины, этюды (Палермо) и жену в 2 вершка ростом, но милую. Был в Эрмитаже. Сегодня пойду на Акварельную, к Бруни и к Елене Ивановне[2] (вечером). [...]

189. А. М. ВАСНЕЦОВУ

Уфа. 6 января 1896 г.

Письмо Ваше, Аполлинарий Михайлович, с поздравлениями и разными сведениями — хорошими и нехорошими — получил, спасибо Вам, примите и мое самое живое поздравление с Новым годом, с новыми успехами и новыми силами и энергией. Приятно было узнать, что «Эльбрус» в раме выиграл, хочется его посмотреть.

Скоро что-то Вы охладели к красотам Кавказа, или про него можно сказать «светит, да не греет»? Сочувствую всем Вашим намерениям — приятно за родное, русское. Это Ваша обязанность как пейзажиста, но об этом я говорил Вам не раз и при всем своем нетерпении надеюсь еще увидать пейзаж совсем русский, даже эпически русский... За Вами можно еще числить изображения пышных «исторических» городов, это Ваше намерение оригинально и очень желательно. Известие о здоровье Виктора Михайловича хотя и утешительно, но не вполне. Время его так дорого — дела так много, что один день даже не хвори, а просто прогульный и тот заметен.

[...] Время мое занято работой — пишу с натуры, делаю композиции картин и живу тем свободным чувством художника, которое так дорого для нас и которое имеет свойство молодить, взбадривать нашего брата. Неудачи с храмами и вообще с заказами, которые, правда сказать, есть «мертвая петля» в искусстве, меня как-то перестали огорчать — я готов себе сказать искренне, что «все, что ни делается, делается к лучшему»...

Продаже этюда я рад, как первой в этом году; каталог[1] еще не получен. Не забыл ли о нем Грушецкий? Если увидите его, то скажите, чтобы он после 12-го числа не высылал его — я числа 17-го выеду сам в Москву, где, как и хотел, пробуду дня два-три, а потом в Петербург. Интересует меня картина Архипова[2]. [...]

190. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 6 февраля 1896 г.*

Дорогая Саша! Опишу вам то, что было за эти дни. Отправлю же письмо в среду, когда участь моя решится, вопрос о моем членстве [1] будет установлен окончательно (сегодня мне Апол[линарий] передал конфиденциально, что в принципе мое избрание решено уже вчера и теперь остается утвердить его общему собранию, которое будет завтра вечером). Вообще же картина принята огромным, огромным большинством 23 голосов из 24 (1 черный положил Волков). Выставка будет разнообразна и интересна. Особенно хороши Серов, Левитан, Дубовской, Костя К[оровин]. Из стариков лучший — Шишкин (он очень ратовал за «Монахов») и Ярошенко [2]. Поленов на выставке еще, кажется, потерялся, ну да благо картина продана (П. М. купил ее за 10 тысяч) [3].

«Монахи» мои также несколько потерялись: кажутся темными и рыжими. П. М. здесь бродит по выставке, нюхает (этюды Серова), надежда же вообще на него плохая.

Моя кандидатура в члены поставлена первой, затем Бакшеев и некий Орлов (не бог знает что за талант). И все старания молодежи провести талантливых Костю Коровина и Пастернака, видимо, не будут иметь успеха [4]. Жаль, пожалуй, уйдут.

Время провожу здесь довольно бойко, извиняется это лишь масленицей, а так как есть пословица «не все коту масленица», то и я дождался великого поста и смирил свой веселый нрав. Сегодня сижу дома, и вообще теперь пойдет время поспокойнее. На масленице же (в субботу) пришла мне шальная мысль — пойти на бал (в благородном собрании) в пользу академистов А[кадемии] х[удожеств]. Выгладили мне фрак, и я впервые облачился в него (Олюшка, это тебе доставило бы большое удовольствие, и я все время думал о тебе, полюбовалась бы ты на своего «папулю»).

Турыгин дал шапокляк, я купил перчатки, словом, вышло все как следует, и, явившись в одиннадцатом часу к Турыгину на осмотр, был одобрен, сопутствуемый всякими наставлениями. Обошлась затея эта недешево (один билет 5 р. 10 к.).

Народу было очень много, были и в костюмах, но интересный был лишь один (японка), да и то потому, что барышня сама по себе была очень милая. Из кричащих, но банальных выделялся костюм Самокиш-Судковской. В киосках продавали всякую всячину актрисы и между ними Яворская (прескверный у нее наряд). На балу были Айвазовский с женой, Репин, Толстой (с ними здоровался и беседовал). Встретил там Суслова и Котова, оба звали к себе, быть может, соберусь. Живые картины были плохи. Панно, нарисованные по эскизам Репина, Куинджи и Айвазовского, были тоже неважны. Лучший — сатира на декадентов, да и то простодушные люди принимали за подражание Васнецову.

Бал затянулся чуть ли не до утра, я приехал в 3 часа усталый и теперь, верно, заговеюсь надолго с балами.

Ел и блины на масленице, оба раза у Ярошенко. Последний раз собралась там вся молодежь. Поедено и выпито было немало, и потом всей гурьбой на вейках поехали на балаганы, были там в каком-то театре (за 20 копеек второе место), вообще побезобразничали изрядно. [...]

7 февраля, утро.

Сейчас подали карточку, которую занесли вчера вечером с заседания ко мне Архипов и Аполлинарий, она красноречиво говорит о моем избрании в члены Товарищества. Наконец-то мне развязали руки, теперь бы бог дал сил и здоровья, энергия есть, и можно бы поработать, сделать кое-что, не смущаясь страхами перед грозным Товариществом. Надеюсь, что Олюшка и вы все разделите мою радость. Вчера очень весело обедали всей компанией в ресторане «Медведь», вечером был у Матэ.

В пятницу открывается Академическая выставка (завтра у них будет государь). Передвижная откроется в воскресенье. Государя ждут в субботу. Сегодня у меня на званом завтраке Турыгин. Картина поставлена очень хорошо, на виду, соседи — Левитан и Аполлинарий. [...]

191. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 7 марта 1896 г.*

Получил и второе твое письмо, Александр Андреевич, и оно мало меня удовлетворило. Ты большой лентяй!.. (между нами говоря). Отчего бы, например, тебе не написать о выставках поподробнее, потолковее, а я бы прочитал здесь между делом, глядишь, и похвалил бы за что-нибудь, а теперь за что я тебя буду хвалить — не стоишь ты этого.

Последние твои сведения тоже не ясны (относительно «Вознесения»). Напиши, если знаешь, имя художника, дерзнувшего сие учинить, ну и все прочее — что знаешь [1]. Хотя едва ли можно тут видеть «посягательство». Вообще же Парланд большой «сопляк». На днях он прислал мне нежное послание, где просит не удивляться, если я увижу свои эскизы и картон «Воскресения» на выставке исторических художников (у Карелина) [2]. Таковые там по распоряжению его высочества Влад[имира] Алекс[андровича] и после означенной выставки пойдут на Всероссийскую в Ниж[ний] Новгород. Бестия Карелин настойчив: получив через Парланда мой отказ, он (быть может, по его же вразумлению) обратился к вел. князю как председателю комиссии (ему ведь с князьями говорить — все равно что ничего, высморкаться труднее, не то что нам — мужикам) и просил вел. кн. воспользоваться всем, что пригодно ему для его делов.

Это меня огорчило очень, не знаю, как еще поступлю я со всем этим делом. Сделать заявление в газетах о моей непричастности к этой выставке, о том, что мои вещи на выставке «по не зависящим от автора причинам», или бросить все это дело, чтобы гусей не раздразнить — не знаю еще?..

В Киеве что нужно было — сделал, остались мудрецы киевские довольны. Теперь работаю эскиз мозаики, кажется, может выйти недурно (по крайней мере, в красках).

Недавно была презабавная карикатура в «Шуте» на Передвижную выставку и на мою картину в частности [3], я очень много смеялся — много юмору и таланту, говорят, это дело рук Первухина.

Завтра пойду слушать Девойода в роли Сусанина («Жизнь за царя») и в старинной опере Доницетти «Лючия». Вообще же хандрю много и нездоровится сильно. Развинтился я, вот как!!..

Перечитываю Толстого — «Севастопольские воспоминания» [4] — эко прелесть какая — много простишь старику за них...

Недавно увеличил свою коллекцию этюдов еще двумя — и «тузовыми» — Викт. Васнецов подарил мне эскиз своего «Поля битвы» («Слово о Полку Игореве») и этюд к давно написанному поэтическому пейзажу «Озеро с лебедями» — и то и другое очень интересно. Суриков тоже обещает поискать что-либо получше. [...]

192. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 15 марта 1896 г.*

[...] Вчера встретился с Поленовой у Аванцо. Она сообщила мне, что Стасов пишет ей письма, полные восторгов обо мне, о моих иллюстрациях к Синичке [1]. Стасов хочет написать о них статью (о картине в «Новостях» от 1 марта есть его отзыв тоже хвалебный, хотя и нелепый) [2]. Сейчас был и сам Синицын и рассказал о своих успехах в Питере. Он поднес книгу государю, который очень милостиво принял ее, а также вел. кн. Конст. Конст. и всем Победоносцевым, Игнатьевым, Воронц[овым-]Дашковым и проч., а также и Стасову, который тоже и ему наговорил кучу похвал и с обычной откровенностью брякнул, что «книга Ваша мне не нужна, а мне давайте рисунки Нестерова. Я не узнаю Нестерова, что с ним» и т. д. и в заключение обещался про них «просвистать». Помилуй Бог от усердия Стасова, он возлюбит кого, так понесет свою ахинею без удержу. Хотя я его и люблю искренне, но беда с ним. Он ведь был в Киеве, в соборе, и сказал тоже, что «просвистит» его,

но в смысле бранном, особенно Викт. Мих. и меня — это, говорит, «все подогретые котлеты» и т. д. ...

Картон кончаю, в Питер думаю уехать на святой в субботу. [...]

193. РОДНЫМ

Вифания[1]. *9 мая 1896 г.*

[...] Работаю усердно, начал фигуры[2], жаль, что мои натурщики — разные монахи-послушники — все поют молебны и до них не скоро доберешься. Ну да ничего, если погода будет хорошая, надеюсь к 19 мая кончить все этюды, какие можно было сделать тут. Что останется, можно будет докончить потом, в конце лета. Живя здесь, мне сама жизнь подсказала интересный сюжет из монашеской обстановки, думаю, между прочим, и его разработать, благо не сложный — из двух фигур[3]. Одну уж начал писать. [...]

194. О. М. НЕСТЕРОВОЙ

Хотьково. 23 мая 1896 г.

Олюшка, милая моя дочка!

Поздравляю тебя с наступающим днем твоего рождения — десятилетия твоей всем нам милой и дорогой жизни.

Я верю и надеюсь, что ты и впредь будешь нам и утешением и радостью, что ты запомнишь мое желание видеть тебя похожей на твою милую умершую маму, о которой ты так много слышала всегда хорошего.

Мои заботы о тебе будут постоянны, пока есть силы у меня, и я сделаю все, что сумею, для твоего счастья, а ты будь счастлива за нас всех. Тетя твоя, я тоже надеюсь, не пожалеет своих сил, уменья и благоразумия для блага твоего.

Ты делаешься с каждым годом больше и толковее и, конечно, будешь помогать нам, будешь и учиться хорошо, и стараться слушаться добрых советов, тебе даваемых.

Так-то, друг мой милый!

Целую тебя и крепко, и много-много.

Твой папа.

195. А. А. ТУРЫГИНУ

Вифания. 14 июня 1896 г.

Письмо твое, Александр Андреевич, я получил перед своим отъездом в Нижний — Уфу. Письмо мало и по размеру, и по содержимому, не пора ли тебе начать говорить «о серьезном»? Впрочем, это дело твое, а мое — поведать тебе, во-первых, что я в Уфу не попал, вернулся из Нижнего обратно к монахам и проживу у них недели три еще. Вернулся после осмотра выставки,— после массы впечатлений от затраты нервов своих (на что я их только не трачу!?..).

Вернулся отдыхать и, отдохнувши, поеду в Уфу до августа, до вероятной поездки в Киев, на освящение собора, которое, слышно, состоится в присутствии государя 15 августа...

Про выставку[1] скажу следующее: она грандиозна, скука на ней немногим меньшая, чем у вас у Красного (или у Синего — не помню никогда) моста[2]. Цены ужасающие. Лучший отдел «Дальнего Севера» (Мамонтовский) с панно К. Коровина[3] и многими подробностями, живо и со вкусом подобранными. Затем не может не обратить внимание мануфактурный отдел, как по богатству своих витрин, так и экспонатов. То, что можно видеть у Сапожниковых, у Морозовых,— не встретишь и в прославленной Европе. Отделы Военный, Среднеазиатский, вероятно, тоже хороши, но слишком специальны, а «галерея машин» есть обидное скопище разных Шульцев,

Кирконфов, Листов и иных очень русских немцев. Даже как случайного исключения в этом отделе нет *ни одного* русского имени. Чтобы на этот раз кончить с немцами, скажу, что немец Рубо [4] выставил свою интересную панораму «Покорение Кавказа» (местами до иллюзии), там, по-моему, мастерство и ловкость идут рука об руку с талантом. Нельзя сказать того же про немца же Шильдера [5]. Там только мастерство. Ну, кажется, с немцами покончил. Перейду к К. Маковскому, а кончу Общим худож[ественным] отделом и тогда пойду спать; если хочешь, и ты можешь пойти соснуть маленько, а впрочем, и это дело твое...

Картина «Минин» [6] показывается в отдельном павильоне, за отдельные 3 гривенника. Все сделано автором в интересах картины. Он позаботился о ней, как о дорогом покойнике. Похороны первого разряда; ковры, гобелены, возвышенные места для зрителей, рекламы. Картина колоссальных размеров (кверху). Огромная толпа с традиционным юродивым, девицей, вынимающей из ушей серьги, и проч.; все на картине есть, Минин машет руками, крестный ход выходит, все так, как нужно. Но боже! как жалко Маковского. Ведь это агония большого таланта. При огромных размерах все мелко, ничтожно, даже бархаты и ткани на этот раз плохи. В общем же огромная затрата энергии в пустопорожнее место (если Маркс не предложит поместить в виде премии к своей «Ниве»). Ну, довольно, для зрячих Маковский конченный — публика же, на его счастье, еще слепа и с радостью отдает 30 к., чтобы сказать, что она видела Маковского...

Общий худож[ественный] отдел беден и мал. В отделе Товарищества повешены картины по авторам, и кому бабушка ворожила, тем хорошо, мне она, по обыкновению, позабыла поворожить, и мои вещи повешены неважно. «Сергий» [7] еще ничего, а бедных монахов [8] задрали на «Сергия», и они пропали. На все воля Божия!.. Забавны финляндцы, они декадентствуют умышленно, есть кроме Эдельфельта два-три способных.

Из отдела Товарищества убраны два панно Врубеля. Говорят, очень интересны, хотя и не без обычных странностей. Причиной такому решению и не Врубель, а то, что «паны» разбранились (Витте с Мамонтовым с одной стороны и Толстой с е. и. в.— с другой) [9]. Ну, а нам, признанным судьям, как было не стукнуть лишний раз по макушке такого сопутника, как Врубель, авось, мол, и пойдет ко дну. [...]

196. А. Н. БЕНУА *Уфа. 27 июня 1896 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

Спасибо Вам большое за письмо Ваше и добрую память обо мне.

С удовольствием узнал, что Москва наша пришлась Вам по сердцу.

На вопросы Ваши могу сообщить Вам следующее: участие мое со своими эскизами на акварельной выставке [1], к сожалению, не зависит всецело от меня. Будучи избран в число *членов* Товарищества передвижников, я по уставу не имею права единовременно участвовать на двух выставках в одном и том же городе, и таким образом, если Товарищество будет настаивать на исполнении устава, то я буду вынужден отказаться от своей первоначальной мысли и поставить эскизы на Передвижную со своими картинами. Во всяком случае, это вопрос будущего. Я же лично, повторяю, остаюсь на стороне того, что акварели более уместно быть выставленной на акварельной же выставке.

На вопрос Ваш о том, что буду я делать с своими эскизами к храму Воскресения и имею ли я в виду продавать их, отвечу — *охотно*, но мне надо еще с них написать образа и сдать их в комиссию, на что понадобится около года; таким образом, я продать могу их с некоторой оговоркой, обусловив себе право пользоваться ими до окончания работ.

Что касается стоимости их, то это вопрос для меня всегда был затруднительным, и я в таких случаях чувствую себя обыкновенно не по себе.

Киевские эскизы, гораздо меньших размеров и оконченности, пошли у меня в 100 и 150 р. за лист — за эскизы к храму Воскресения могу назначить так:

«Сошествие во ад» — 250 руб.

«Вознесение господне» — 250 руб.

«Троица» и «Христос по дороге в Эммаус» — 200 руб.

и «Нерукотворный образ Спаса с предстоящими» — 150 руб.

При покупке коллекции в несколько листов возможна некоторая уступка.

Покончив с вопросами, перейду к тому, что сообщу два-три слова о себе или, вернее, о том, что я делаю и делал. В Уфе я недели три, пишу здесь картину из былого старообрядчества [2], так поэтически описанного в произвед[ениях] А. Печерского. До Уфы я жил по монастырям под Москвой, собирал материал к житию пр. Сергия — и складень из трех образов-эпизодов к житию надеюсь окончить к Передвижной и таким образом сниму с себя данное когда-то слово-обет написать «Житие пр. Сергия».

Здесь, в Уфе, пробуду недолго, уеду в Москву и, быть может, в Киев, где 17—18 августа состоится освящение храма св. Владимира в присутствии государя. С сентября же поселюсь на зиму в Москве (Кокоревская гостиница).

Несмотря на то что Вы уезжаете далеко [3], я не теряю надежды получать кое-когда вести о Вас. Да и теперь было бы приятно слышать более подробное описание московских впечатлений, а также не слышно ли что из Мюнхена о наших «дебютантах»... [4]

Интересно, что поделываете Вы? [...]

197. А. А. ТУРЫГИНУ *Вифания. 2 июля 1896 г.*

[...] Я помню твой вопрос о Врубеле, ты всполошился с ним, вероятно, прочитав статью в «Новом времени» некоего Гарина (инженера Михайловского тож) [1]. Я эту статью не читал, но об ней знаю, знаю и то, что она писана «по найму» Мамонтовым [2], которому не повезло на выставке с Врубелем. Словом, это дело «семейное». И знаю, что тут страсти распалены жестоко, и, несмотря на все это, должен сказать, что Врубель — *большой* талант, талант чисто творческий, имеющий свойство возвышенного идеального представления красоты, несколько внешнего характера, с большими странностями психически ненормального человека, но, повторяю, это талант. Судьбу Врубеля предсказать трудно. Этот человек, имея множество данных (воспитание, образование, даже ум), не имеет ни воли, ни характера, а также ясной цели; он только «артист». Нравственный его склад не привлекателен. Он циник и способен нравственно пасть низко. Если все это неважно для того, чтобы завоевать мир, то он его завоюет.

Забракованные его работы я не видал, а отзывы так разноречивы и резки, что трудно что-либо обо всем этом сказать.

Во всяком случае, от него можно ждать много неожиданного и «неприятного» для нашего покоя и блаженства в своем ничтожном величии. [...]

198. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 12 июля 1896 г.*

[...] В Уфе я нашел все в порядке. Дочь моя еще выросла, она через два-три года будет делать впечатление большой взрослой девицы. Тем, что она напоминает собой ее мать, она особенно мила мне и дорога.

Это письмо не будет пространно и не затронет ни один из «серьезных вопросов». Дай немного освоиться, прийти в себя.

На будущей неделе начну работать картину. Живя в Вифании, я тоже не сидел сложа руки — подготовил одну из трех к жизнеописанию пр. Сергия. Вообще дела много, и об Парланде пока мало думаю. [...]

199. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 30 июля 1896 г.*

[...] Курс уфимского сидения моего кончается. В субботу еду в свою родную, любезную Москву, а там числа 15-го августа, если позовут, то съезжу в Киев.

Здесь в Уфе работал усердно. Написал картину [1], сюжет ее простой, но довольно поэтический, концепция картины, кажется, удалась. Связь пейзажа с фигурой, так сказать, *одна мысль* в том и другой, способствует цельности настроения. К «Житию пр. Сергия» этюды почти все сделаны, которых нет — надеюсь успеть сделать в те промежутки, которые есть у меня в запасе между всяческими поездками, а там с первых чисел сентября, если Бог потерпит грехам, засяду в Кокоревке и начну действовать. К январю у меня делов скопилось множество, некогда и похандрить будет, а похандрить есть о чем; здоровье мое так себе, нервы, не знаю, долго ли вынесут всю ту работу, которую я наваливал на них в продолжение десяти лет. [...]

200. А. А. ТУРЫГИНУ *Вифания. 28 августа 1896 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

На днях возвратился с киевских торжеств. Впечатлений не оберешься, пережито много такого, что не поддается словам.

Опишу тебе как сумею и вкратце то, что особенно считаю для себя дорогим или значительным. Начну с того, что, приехав в Киев, нашел там страшный беспорядок: образа перепутаны, пыли на них слоями, огорчений и расходов была куча, но к приезду государя все было приведено в порядок, и когда приехал в собор вел. кн. Владимир Ал[ександрович] с Марией Павловной, то в соборе уже было все в надлежащем виде (это было накануне освящения). Его высочество был очень милостив вообще, шутки и остроты сыпались направо и налево. Собором остался очень доволен, к моим образам в частности отнесся довольно холодно (не без Парланда тут!). И лишь настоятельное внимание к моим работам великой княгини вывело его из сдержанного тона ко мне. Он очень хвалил мое «Благовещение». [...]

В 6 ч. вечера назначена была всенощная [1] — первая всенощная, о которой я давно мечтал.

Собор осветился электричеством. «Богоматерь» и «Христос» в куполе собора, кажется, еще больше, еще проникновеннее стали волновать своим нездешним величием и покоем (в общем, мне напомнил собор Монреале, капеллу Палатина и другие диковинные памятники Италии).

Торжественность службы, красота ее (служил один из блестящих и нарядных архиереев наших — Сергий), неземное пение, масса народа, сотни свечей у образов, которые когда-то писал я, над которыми думал, мечтал и волновался, все это так трогало чувство, душа была полна таким умилением и восторгом, что слезы катились непрерывно, хотелось рыдать, молиться, радоваться, высшего торжества духа трудно пережить. Всенощная длилась 4 часа, и мы с Васнецовым достояли до конца. Этот вечер был единственный и незабвенный в своем роде. [...]

На другой день в 9 ч. мы были в соборе. К десяти ч. приехал митрополит, вел. князья, министры и проч. Ровно в 10 звон колоколов оповестил о прибытии государя и государыни. Они вошли в предшествии Владыки. Государь грустный и бледный, грустна была и государыня. (Она, говорят, много плакала перед тем по кн. Лобановой-Рост[овской]; а государь будто бы сказал: «Не везет мне!»).

Они стали у колонны перед иконостасами. Началось освящение, потом крестный ход, пальба орудий. В соборе было просторно, молилось духовенство и государь, остальные же чины и власти устроили себе нечто вроде прогулки (всего приглашенных было 600 чел.). После обедни государю был представлен Васнецов. Государь подал ему руку и благодарил, как и государыня, и обещал быть в соборе для подробного осмотра его. После отъезда, получив благословение митрополита, поздравление самое задушевное от Победоносцева и немало любезностей от знати, бывшей на освя-

щении (между прочим, познакомился с гр. Бобринским, бывшим вице-президентом А[кадемии] х[удожеств], очень милым, простым человеком).

Таким образом, был освящен наш собор, с этого дня сделавшийся достоянием общества, которое, нужно надеяться, когда-либо оценит его.

Вечером мы были приглашены на маневры и прогулку по Днепру, на другой день Васнецов и Прахов получили приглашение к высочайшему столу. После обеда государь, обходя приглашенных, подошел к Васнецову (третьим) и беседовал с ним *более* $^1/_4$ *часа* (на зависть и смущение придворной братии). Беседа была простая, сердечная, государь благодарил за собор и выказал вообще тонкий интерес к направлениям искусства, не был забыт в беседе и я: государь упоминал о моем «Сергии». После обеда был концерт в высочайшем присутствии, число билетов ограниченное, но на этот раз получил не один Васнецов приглашение, но и я. После концерта, очень интересного, состоялась иллюминация, фейерверк на Днепре, с которого неслись чудные звуки Глинки, Серова и Верстовского. [...] На следующий день государь обещал в 3 ч. дня быть в соборе, а вечером был назначен отъезд в Бреславль (22 августа). (Утром этого дня был смотр войскам.)

Да! 21 состоялось освящение памятника имп. Николая I, я был там, памятник такой, каких на матушке Руси много ж понаставлено.

Итак, перейду к посещению государем собора вторично.

Для встречи собрался комитет в полном составе с председ[ателем] кн. Репниным, генер[ал]-губерн[атором] гр. Игнатьевым, настоятелем собора и мы — художники во главе с В. М. Васнецовым. Приближающееся «ура!» дало знать о прибытии царя и царицы. Вошли они просто, ласково и доверчиво глядя на нас, и мы рады были видеть их (я говорю за себя и Васнецова). Началось представление. Затем осмотр сначала «Богоматери» и вообще работ Васнецова внизу. Показывал Прахов и Васнецов. Вел. кн. Владимир Алекс[андрович] предложил пойти на хоры, для того чтобы получить более цельное впечатление. Пошли, опять любовались «Богородицей» Васнецова и вообще серединой храма, как живописью, орнаментацией, так и мраморами и бронзой, которые в соборе служат лишь к пополнению его высокохудож[ественного] впечатления. Налюбовавшись средним кораблем, государю предложили было осмотреть приделы Бориса и Глеба и Ольги. Проще сказать, настал мой час. Сначала пошли к «Борису» и «Глебу» (там же и «Воскресение»). Подходя, Прахов доложил, что живопись иконостаса и запрестол[ьный] образ «Воскресения» принадлежит кисти худ. Нестерова, причем указал на меня (а меня сзади в это время проталкивал вперед чуть не насильно гр. Игнатьев). Государь обратился ко мне, и государыня с ласковой улыбкой, я почтительно поклонился.

Государь, останавливая внимание свое на «Глебе», сказал: «Это очень похоже на Нестерова», дальше, осматривая «Бориса», обратился ко мне с вопросом: «Почему у него в ногах копье?» Я ответил, что в древней иконографии было правило писать у мучеников орудия их смерти; государь, подходя опять к «Глебу», сказал: «а тут нож»... Во время этой беседы великая княгиня Мар[ия] Павловна обратила внимание государыни на «Благовещение» царских врат, и государыня, видимо, одобрительно что[-то] отвечала. Затем смотрели «Воскресение» (с этой стороны было все время солнце и мешало цельности впечатления). Из алтаря все любовались «Пророками» и «Святителями» Васнецова. Затем государыня милостиво говорила (по-французски) с Васнецовым по поводу его «Рая», который вызвал у всех единодушные похвалы.

Пошли к приделу св. Ольги. Опять доклад Прахова; опять улыбки в мою сторону. Рассматривание другого «Благовещения» и особенное внимание государя и государыни на образ св. Ольги. Государь, отходя, заметил, обращаясь ко мне: «Очень хорошо! мне больше этот образ нравится, чем нижний» (Васнецова). Вел. кн. Михаил Николаевич заметил тоже, что образ этот «очень удался», также выражение похвалы последовало и от Вл[адимира] Ал[ександровича]. Затем смотрели «Рождество» очень внимательно, причем Прахов прочел о нем самые восторженные похвалы каких-то иностранцев. Вел. кн. Влад. Ал. спросил: «А где картон «Рождества»? велик ли он и чем сделан?» — Я ответил все как нужно, но, не будучи «ловким малым», *препод-*

несть этого картона вел. князю не догадался. Опять похвалы «Пророкам» и другой части «Рая» и обратное шествие вниз. Внизу подробный осмотр работ Васнецова, Сведомского и моих иконостасов, причем особая честь выпала на долю моей «Варвары», государыня очень внимательно смотрела образ и, отходя, сказала: «это очень трогательно и изящно», а государь заметил Прахову: «мы этот образ давно знаем по фотографиям; я и императрица любовались им всю обедню». [...] Осмотр плащаницы [2], которая есть в своем роде совершенство, вызвал похвалы общие (Владимир сказал: «Исполать Вам, барышня»). Тут же был поднесен государю шитый образ св. Александра Невского по рисунку Васнецова, а также альбом из раскрашенных учениками фотографий и акварелей с образов Васнецова и моих. Государь был рад этому подарку и велел альбом отправить прямо в поезд, чтобы рассмотреть его дорогой. Затем, осмотрев собор еще раз бегло, государь милостиво благодарил всех и в заключение подал руку Васнецову, Прахову, а также и мне, государыня также подала руку нам, и мы почтительно приложились к ней. [...]

Не будет преувеличенным, если я скажу, что на долю мою выпало больше внимания, чем я ждал, и, несомненно, *после Васнецова* внимание государя было обращено на мои работы. Чему я, конечно, неподдельно рад и счастлив...

В газетных телеграммах мое имя *не* упомянуто вовсе, но что за беда, я знаю, почему даже: по отъезде государя репортер обратился ко мне за справками, а я сказал, что извиняюсь и мне некогда. Справки дал Пимоненко, который, к стыду его, написал два прескверных образа св. Николая и цар[ицы] Александры, за что и вписан на мраморную доску собора рядом с моим именем. Но все это мелочи. Повторяю, я пережил за последние дни много такого, что помнить буду всю жизнь, будет ли она длинна, как Мафусаилова, или коротка, как жизнь птицы.

Кстати, здоровье мое делается все хуже, нервы слабеют, и силы и энергия улетучиваются, доктора советуют юг, Крым, или Кавказ, или, по крайней мере, Киев, и надолго, все это заставляет меня задуматься, и быть может, я осенью же уеду из Москвы, куда, конечно, напишу тебе.

Кончу письмо, чем начал — торжествами: накануне отъезда мы давали обед Прахову, было много речей, тостов, задушевных слов, в заключение Прахов предложил мне выпить с ним на «ты», а также и Котарбинский.

В день отъезда настоятель собора отслужил нам напутственный молебен и сказал, обращаясь к нам, «слово», все это было трогательно, так же были задушевны и проводы нас — собралось на вокзал много, было много и пожеланий самых милых и дорогих.

201. А. Н. БЕНУА *Москва. 17 сентября 1896 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

Ваше письмо и газеты на днях доставлены мне из Уфы. Сердечно благодарю за любезное содействие Ваше и добрые чувства ко мне.

Из письма Вашего видно, что единственное препятствие для участия моего на январской акварельной выставке с моими эскизами устранено само собой, и, таким образом, желание княгини Тенишевой может быть исполнено — эскизы будут высланы к назначенному сроку в Петербург. Перед возможным своим отъездом из Москвы я поручу это дело г-ну Грабье — нашему поставщику рам и комиссионеру по части укупорки и отправки картин. Вас же попрошу меня заблаговременно уведомить о сроке доставки эскизов, а также и адрес, чтобы я мог успеть своевременно дать знать г-ну Грабье. Очень вероятно, что мною будут выставлены, кроме эскизов к храму Воскресения, и все оставшиеся у меня эскизы к Владимирскому собору.

Эскиз «Спас нерукотворный» у меня *один* с изображением *Иоанна Крестителя* и Богоматери на белом фоне. Замечания же комиссии прямо мною введены в *картон* маслян[ыми] красками. Эскиз образа «Воскресения» для наружной мозаики храма у меня сохранился. Он одного размера с остальными, у меня же находятся и два

эскиза образов «Александра Невского» и «Воскресения», в тот же храм, заказанные мне обществом офицеров кавалергардского полка (дар полка храму). И если княгиня пожелает их иметь, то стоимость всех трех я определяю в 550 руб. (два по 150 руб. и один в 250 руб.).

Что касается *уплаты* денег за приобретаемые эскизы, то я думаю, что таковая должна быть произведена не ранее, как эскизы будут поступать в полное владение княгини, то есть частью по закрытии выставки, частью же по написании с эскизов образов.

(Меня очень радует мысль, что эскизы мои не только будут в хороших руках, но что со временем они могут быть достоянием общества.)

Вчера я виделся с Виктором Мих. Васнецовым и передавал ему желание княгини иметь в своем собрании его работы. Он охотно бы предложил княгине что-нибудь теперь же, но Третьяков забрал все сделанное Викт. Мих. для Владимир[ского] собора в галерею. Эскизы же к храму Воскресения и для базилики Нечаева-Мальцева не начаты, когда же таковые будут, он с удовольствием предложит их на выбор княгини.

Газетные статьи я прочел и очень опечалился неудачей моего дорогого приятеля, я вещи эти видел, и одна из них («Сибирь») прямо хорошая, интересная и настроенная — не испортило ли дело место, отведенное картинам, о такой оказии я не говорил злополучному автору...[1] За Левитана и Серова рад — хорошие художники, да и люди тоже[2].

Я же продолжаю упорствовать и думаю, что как ни плохо удалась наша Нижегородская выставка, но на ней я большего достиг, нежели послав в Мюнхен[3], который в свое время, конечно, не уйдет, Всероссийская же выставка повторится через десять лет...

За Москву, за Кремль наш и за все хорошее спасибо Вам, плохое же и мы видим, но о том помалкиваем. Интересно, что-то вы скажете о галерее Третьякова и картине Иванова («Явление Христа народу»)??

В минувшем августе нам пришлось пережить памятные дни киевских праздников. 20 августа совершилось освящение Владимирского собора, 19-го накануне была *первая* всенощная в соборе, всенощная, о которой мы с Васнецовым мечтали несколько лет, еще на лесах собора. Это было для нас нечто несравненное ни с чем — это был поистине «праздник сердца». [...]

202. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 12 ноября 1896 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Вместе с письмом от тебя мне принесли письмо от злополучного юбиляра — Репина[1], который в нежных выражениях приглашает меня принять участие на его выставке эскизов, обещая «все поставить со вниманием и почетом». Но что делать! приходится отказаться от столь лестного и почетного приглашения и предпочесть ему скромную выставку акварелистов.

Да! Репин, бедняга, свалял дурака![2]

Поведал всему миру крещеному о том, что лучше бы было сохранить в тайне. Если уже в самом деле бог послал ему не по заслугам, то и сохрани этот излишек про черный день на старость, когда все пригодится, а не давай это дорогое и заветное трепать по белу свету.

Не выдержал, сердечный, своего «величия», распустил слезу, покаялся всенародно. Но «лежачего не бьют», а потому и мы оставим его с меланхолией и покаянием в окаянстве его...

Твое письмо имеет немало интересных подробностей, и с некоторыми пропусками я хочу прочесть его В. М. Васнецову, которого дела Академии живо интересуют...[3]

Заметил ли ты этюды дальнего севера Борисова. Этот молодец был проездом у нас в Москве и показывал свои этюды В. Васнецову, где видал их и я. С такой энергией

можно уйти и дальше Новой Земли, где Борисов прожил несколько месяцев, познакомился с белым медведем, цингой, тюленьим жиром и многим тем, что нам знакомо было когда-то по географиям, а позднее (гораздо) по письмам норвежца Нансена [4]. В этюдах можно проследить развитие большого таланта и будущего крупного пейзажиста. Хорош ли Щербиновский и Малявин? Напиши, и подробнее, дали ли эти двое лучшее против прежнего, или все то же.

Конечно, жду от тебя подробного описания выставки наших зарейнских друзей [5].

Не невозможно и то, что до Рождества я приеду к вам в Питер вместе с другими членами Товарищества на общее собрание членов по поводу юбилея Товарищества, а следовательно, буду иметь возможность видеть французов лично.

У нас теперь происходят шумные, даже иногда бурные заседания по означенному празднеству, не невозможно, что ко дню юбилея мы будем ходить с подбитыми глазами, носами, ушами во имя равенства, братства, процветания родного искусства и проч. Так, например, недавно Суриков так же, как и Репин (но в своем роде, конечно), не выдержал величия своего гения и на предложение Товарищества дать право поместить снимки с его картин в альбом, издаваемый Товариществом в память 25-летия его, ответил вопросом: «А кто мне заплатит за это *право?*»... Его спросили: сколько же он хочет за право — он определил его стоимость в *2000* руб. На убеждения, резоны, указания на то, что он *член Товарищества,* что он так часто ратовал о «свете», об «идеале», православии и тому подобных высоких вещах, он красноречиво ответил, что — «то ему ничего не стоило (свет, православие), а тут денежки пожалуйте, деньги все!!!» и, обругав крепким словом Москву и объявив, что он «казак», а казаки — «хищники», удалился, оставив нас с физиономиями, полными самого тяжкого недоумения. [...]

203. Е. М. ХРУСЛОВУ *Уфа. 26 декабря 1896 г.*

[...] Вы спрашиваете новостей и подробностей нашей поездки в Питер. Поездка не была удачна для москвичей: наша обычная искренность и увлечение, наши порывы, встречи и негодования предали нас в руки наших более зрелых, хладнокровных противников-петербуржцев. И, кажется, не за горами то время, когда правление перейдет из рук москвичей в Питер к Маковскому, Лемоху и Брюллову. Савицкий и Остроухов отказались, Касаткин близок к тому же. Заседание было очень бурное, бестолковое, длилось до 4-го часа ночи. В результате празднества ограничиваются изданиями альбома из четырех (кажется) выпусков по сорок пять снимков каждый с произведений членов Товарищества за 25 [лет].

Общая стоимость альбома 9 или 12 рублей. Первый выпуск должен быть готов к открытию выставки в Петербурге, остальные в течение года. Заведующими по изданию альбома выбраны Мясоедов, Архипов и Ап. Васнецов. Печататься будет альбом у Фишера.

Затем предполагается обычный обед, где будут гостями семьи художников, а бар. М. П. Клодт протанцует обычный финский танец, Кузнецов успешно представит паука и муху, Позен будет рассказывать свои только еврейские рассказы, В. Маковский побренчит на рояле, кто может напьется, а кто может — и напьется, и на «малый» съездит. Словом, будет так, как было при дедах и отцах, хотя отцы и деды жили веселей своих внучат...

В Москве мы по-прежнему скучаем на пятницах, едим колбасу на субботах, а в праздники ходим слушать протодьякона и радуемся колокольному звону.

Появился в Москве артист-певец — Шаляпин (24 лет [1]) — поет он в Частной опере. Дар у него чудный, трагик он первоклассный. Росси и Девойод, быть может, превосходят его своей школой, но не глубиной и искренностью. Созданный им Грозный царь в «Псковитянке» — фигура живая, трагическая, полная той болезненной и странной поэзии, которая всюду заложена в сказаниях и песнях о царе Иване Васильевиче.

Относительно «Монахов» [2] могу в дополнение сказать следующее: в Киеве можно их уступать за 1000 рублей. По окончании же полного путешествия пускайте и дешевле — рублей за 700, что ли (между нами). Вообще, было бы очень хорошо, если бы Вам удалось ее не привозить в Москву. В Москву приехал Виноградов, но я его не видал. В Уфе проживу недели две и числа 10—12-го надеюсь быть уже в своей Кокоревке. [...]

204. А. Н. БЕНУА *Уфа. 26 декабря 1896 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

Письмо Ваше из Парижа я получил; конечно, очень неприятная история с письмом княгини Тенишевой, но вины моей в том нет. Относительно результата переговоров теперь, очевидно, надо положиться на «судьбу».

Если Вы в Петербурге, то очень прошу Вас последить за постановкой моих эскизов; желательно было бы *во всяком случае* разделить их на две коллекции: Киевского собора — отдельно и храма Воскресения — отдельно.

Желательно, чтобы повешены эскизы были *не* высоко: во второй ярус могут пойти более декоративные, эскизы же, в которых имеют значение лица, их выражение,— повесить внизу.

Названия и цены каждого эскиза отдельно сообщены мною Альберту Николаевичу [1].

Если бы княгиня Тенишева почему-либо раздумала приобретать коллекцию мою к храму Воскресения (в ней на выставке недостает трех листов, которые сейчас у меня в работе), то цены за отдельные рисунки будут мною несколько повышены. А также если бы нашелся желающий приобресть полную коллекцию (десять рисунков) Киевского собора, то стоимость могла бы быть понижена против той, которая назначена за каждый рисунок порознь.

Ваши впечатления от наших мюнхенских дебютантов, конечно, очень неутешительны [2]. Левитан опасно болен, у него внезапно открылся сильнейший порок сердца, доктора не обещают ничего доброго. Жаль его — он и человек хороший, и художник даровитый, я же лично имею к нему особую симпатию, как к школьному товарищу, с которым шел с семнадцатилетнего возраста, знал его жизнь и знаю, с какой энергией и трудом человек этот пробил себе дорогу и завоевал себе положение.

Посылаю Вам снимок с своей картины «Юность пр. Сергия».

Напишите мне Ваши впечатления, как от акварельной выставки, так и от выставки эскизов, устроенной Репиным, каковы эскизы самого Репина и есть ли что интересного у молодежи — его учеников или вообще академистов? [...]

Приятно было узнать, что мотивы Руси живут в Вас и за границей. [...]

1897

205. А. Н. БЕНУА *Москва. 14 января 1897 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

Сегодня я вернулся в Москву и нашел здесь Ваши два письма, они подтвердили тот крайне досадный газетный слух о выходе Альберта Николаевича, а также и Вашем из общества акварелистов [1].

Перед праздниками по делам Товарищества я был в Петербурге и случайно услышал о возможности такого решения Вашего брата, и настолько встревожился этим, что поехал к нему узнать более определенно, но Альберт Николаевич настойчиво меня

разубедил в таковой возможности и просил вещи присылать (я бы мог в противном случае тотчас поставить их на выставку Репинскую или после на Передвижную). Таким образом, мои эскизы попали на акварельную, в чем я так сильно теперь раскаиваюсь: с выходом Альберта Никол[аевича], Вас и, быть может, еще одного или двух членов — общество акварелистов потеряет свою *опрятную* физиономию, которая меня и притягивала к себе; в обществе же гг. Писемских, Галкиных и прочей компании мне очень тягостно себя чувствовать, а также и знать, что судьба моих эскизов частью будет зависеть от этих господ. Если бы я мог предвидеть такой оборот дела, я, конечно бы, не поставил ни одной своей вещи, тем более теперь только для меня выяснилось, что выставка коллекции кн. Тенишевой совершенно *самостоятельная* и не входит в состав акварельной, как я понимал из Ваших писем. Да, теперь поправить что-либо поздно. Печальное недоразумение!.. Если найдете возможным (конечно, *без скандала*: я их боюсь, а мне и так достается изрядно от разных художеств[енных] проходимцев, я устал после долгой дороги и толком еще не могу разобраться), то обратитесь к заведующим выставкой и попросите от моего имени снять с выставки *коллекции храма Воскресения* (если княгиня пожелает приобрести его полностью) и поставить ее на выставку, устраиваемую Вами. Тут же после только что сказанного считаю лучшим прибавить: *оставьте* все «на волю Божию», как сложилось все обстоятельствами.

Очень прошу Вас написать, достаточно ли удовлетворительно поставлены мои злополучные эскизы, как и где (ведь там, на выставке, у меня нет ни одного доброго человека, который позаботился бы обо мне, посылая, я надеялся на Вас и Альберта Николаевича).

Очень жалею, что не удастся мне повидаться с Вами, быть может, Вы не заглянете ли по какому-либо поводу к нам в Москву (конечно, ко мне прямо в Кокоревку). Было бы очень хорошо, я же попаду в Петербург не ранее конца февраля.

Получили ли Вы посланную мною из Уфы фотографию с карт[ины] «Пр. Сергий»?

Напишите мне адрес кн. Тенишевой, чтобы в свое время я мог знать, куда отправить приобретенные ею эскизы. Спасибо Вам за Ваши хлопоты...

По приезде моем заходил ко мне Апол. Васнецов и сообщил, что здоровье Левитана несколько лучше, что с удовольствием и сообщаю Вам.

Здесь у нас гостит французская выставка, я ее видел в Петербурге — есть вещи интересные, в общем же желательно было бы чего-то лучшего [2].

Сообщите, интересна ли «акварельная»? а также что-либо о себе. [...]

206. В. К. МЕНКУ *Москва. 21 января 1897 г.*

[...] Вы спрашиваете меня о выставках. Что сказать Вам о них? О французской можно говорить много, но нужно ли — вот где вопрос. Искренно говоря — не нужно, а почему — потому, что все то, что скажу я Вам, скажу субъективно, условно и ни для кого другого необязательно. Конечно, там есть и хорошие вещи, между всеми отраслями и направлениями, конечно, много там и знаний, много мастерства, усвоенного многими поколениями, мастерства по традиции, а я ведь, Вы знаете, мало склонен преклоняться перед одним этим...

Ну, а того, за что художникам сулят врата артистического «рая», там, говоря искренно, нет, да и то сказать, мы, русские, с этой стороны весьма и весьма избалованы. Деяния Сурикова и Васнецова, быть может, надолго оставят нас равнодушными к потугам западного творчества.

Несколько слов о Периодической, она делает приятное впечатление, работы Досекина, К. Коровина, некоего Чиркова (пейзажиста молодого) и некоего Браза... выставившего портреты, писанные с большой ловкостью и с талантом,— вот тот фундамент, на котором, главным образом, держится выставка. К этому прибавить можно нашего друга Ап. Васнецова и портрет Серова [1].

Продажа идет довольно недурно, на днях продалась картинка Н. О. Ковалевского (где-то он теперь?).

Из Ваших этюдов не принят один, поставлены этюды вполне удовлетворительно. Выставка кончится в начале февраля. К ней издан недурной каталог. Посещается она охотно.

Москва и Питер (передвижники) готовятся к своему юбилею. Деятельно работают над изданием альбома, который обещает быть недурным и при недорогой стоимости.

Картины пишут, но не показывают, и в этом случае я и Апол. Васнецов представляем исключение — отворили ворота и гостям рады, особенно когда нас не бранят. Лучшая из картин Васнецова — «Монастырь».

Я выставляю две: складень — «Труды пр. Сергия» и «На горах».

207. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 23 февраля 1897 г.*

Дорогая Саша, вчера утром со «скорым» мы приехали в Петербург. Я, Архипов, Аполлин[арий] и Касаткин занимали отдельное купе, в другом ехал Савицкий. Время прошло в болтовне и еде. Переодевшись в Петербурге (я остановился в гостинице «Россия» по Мойке, недалеко от Общества поощрения худ[ожеств]), я пошел на выставку, где еще накануне были собраны вещи экспонентов, их и немного, и неважны они. Хороши очень Костанди и Досекин. Первый почти наверно будет выбран в члены, и ему давно пора, это талантливый и вполне сложившийся художник, хорош очень и Досекин с своими северными морями. И его должны бы были выбрать в члены. Недурен Костя Коровин, Первухин, Пастернак и кое-кто еще. Очень плох Пимоненко со своими четырьмя вещами, да и вообще плохих много [1]. Судил я строго: все бездарное и ординарное — вон! Из ста вещей я приму штук около пятидесяти.

Сегодняшний день будет окончательный осмотр экспон[ентских] вещей, а вечером на общем собрании — и суд праведный, и решение судеб. Вечером был у Турыгина, он все тот же лентяй и резонер. Часов в 11 попал (проспал, лег дома на полчаса, а проспал часа два с половиной) к Ярошенкам, там тоже по-старому мило и хорошо, вечер закончил там, вернувшись часу в третьем. Сегодня (сейчас) еду туда же смотреть большую картину Ярошенко «Иуда». Картина, которая даст Ярошенко немало огорчений. Большая картина и у Мясоедова «Искушение Христа». Конечно, центром юбилейной выставки будет «Грозный» Виктора Михайловича. У него был уже и Третьяков, сказал ему, что от впечатления Грозного он не может отделаться, что-де с ним редко бывает. Он и Харитоненко спрашивали о цене. Назначил В. М. 15 тысяч. И это совсем недурно за две недели работы...

Лучшего «Грозного» у нас не было. Антокольск[ого] кажется бледен. У Репина не Грозный, а обезьяна. Шварц тоже лишь в намеке дает то [2], что Васнецов во всю силу своего огромного таланта.

Завтра и во вторник начнут собираться вещи членов — что очень интересно. Не помню, писал ли я в прошлом письме, что Акад[емия] худ[ожеств] закрыта с 12 числа. Там был бунт учеников, вышло из Академии 400 человек, и Куинджи предложено выйти вон, и говорят, что более того — его Толстой назвал «подлецом». Куинджи в погоне за популярностью во время беспорядков сказал в курилке академистам речь и будто бы выдал тайну бывшего накануне совета Академии. Вообще скандал большой, огромный. Завтра должна Академия или закрыться до осени, или если придут с покаянием, то открыться вновь [3].

Вот какие дела здесь!

Вчера заезжал на стройку [4] и просил, чтобы на той неделе был собран комитет. Мозаика «Воскресения» вставлена, хотя и не с той стороны (не с Невского), с какой предполагалась. За лесами пока не видно ничего. Купол сдан за 2000 р. По конкурсу выбран эскиз некоего Харламова, небездарного художника, моих лет. Мои образа придут завтра или послезавтра.

В четверг с великим удовольствием слушал Ван Зандт и Шаляпина в «Фаусте». Лучшей Маргариты и лучшего Мефистофеля я не слыхал. Успех был громадный. Шаляпину поднесли огромный ящик, убранный цветами, с серебрян[ым] сервизом (ящик аршин около двух). Мы вышли из театра как полупьяные от впечатлений. [...]

208. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 1 марта 1897 г.*

[...] В члены Товарищества выбран один Костанди, ни Костя, ни Досекин, ни Пастернак не выбраны.

Поставлены картины вообще неважно, да и нельзя их поставить в этом колодце хорошо [1]. Мои еще стоят лучше. Складень на месте «Монахов» рядом с большой картиной Савицкого и портретом Серова [2]. «На горах» — тоже в центральной зале рядом с Левитаном и К. Маковским. Картины мои встречены холодно, особенно складень. Не знаю, что будет дальше. Лемох спрашивал Архипова, нравится ли ему «Грозный», и когда тот ответил — нравится, то Лемох в великом недоумении спросил: «Тогда Вам, может быть, нравится и Нестеров?» На что Архипов ответил тоже: «Нравится». Вообще прием и мне, и В. М. был суровый и холодный. Над «Грозным» сильно острят все с Репиным во главе. Репин ходит со мной по выставке, останавливаясь перед «Грозным», замечает вскользь: «Обидели Грозного», дальше: «Что это у него в руке — очки?» Я говорю — «лестовка» [3],— и все в этом роде. И тем не менее «Грозный» уже приобретен Третьяковым за 15 тысяч рублей. Перед отправкой из Москвы у Васнецова были вел. кн. Сергей и Павел и справлялись о цене... В общем, Васнецов должен ждать больше плохого, чем хорошего, и я боюсь, не было бы с «Грозным» того, что с «Ермаком», что особенно худо. Он не вызывает споров, ожесточений, к нему равнодушны... Поживем — увидим. На днях был на парадном заседании Общества ревнителей просвещения в память Александра III, где между другими читал и Прахов (он прислал билет и мне) об искусстве в эпоху царствования Александра III. Читал блестяще, но, по обыкновению, с пересолом. Отвел значению передвижников и отношению к ним покойного государя большое место, но, конечно, Владимирский собор был главный центр процветания искусства в эту эпоху. Имена Васнецова и Нестерова, особенности их таланта, их творчества были преподнесены в самой восторженной форме (так что неловко было слушать даже). На заседании была вся знать Петербурга, с Деляновым и Победоносцевым. Ждали старую императрицу. Вчера с Праховым встретились на выставке шотландцев (дивная выставка акварелей) [4]. Конечно, горячие поцелуи, обращение на «ты» и т. д. Наговорил кучу нежных слов и заметил, что со мной и В. М. ему придется говорить по поводу очень важного дела, в чем оно, пока не догадываюсь. Но вообще Прахов здесь «в курсе дела», работает, слухи ходят разные и о том, что И. И. Толстой может быть заменен Праховым, а также и то, что Парланд доживает последние свои дни и там водворится Прахов, а он ведь таков у нас, что всегда ждать можно, ну да и это увидим... Есть слух и такой, что опять с Саввой Мамонтовым какой-то журнал затевается. На днях обещался Прахов дать мне знать о свидании и обещанном важном деле. [...]

209. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 4 марта 1897 г.*

Дорогая Саша!

Сообщаю вам о всем том, что было с тех пор, как послал вам свое воскресное письмо. Днем открылась выставка, народу было меньше обыкновенного, но были все те, кто бывает в этот день. Выставка наша в этом году открыта и вечером при электричестве. В 6 часов собрались у Донона обедать [1], но собрались не все; не было тех восьми-девяти человек с Маковским во главе, которые так много за последнее время

сделали передвижникам зла. С громом аплодисментов встретили старика Шишкина. Обед прошел довольно вяло, было прочитано до десятка телеграмм, до десяти писем. Не было ни задушевности, ни веселья былых лет, кто мог выпить — выпил, а кто, досидев часов до двенадцати, уехал домой, так сделал и я. [...]

210. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 9 марта 1897 г.*

Дорогая Саша!

Я и сегодня еще остаюсь в Питере, останусь и завтра, а может быть, и послезавтра, и вот почему: вчера с меня начал писать портрет Кузнецов, думал написать эскизно в один сеанс, но увлекся и просит еще один или два сеанса дать ему, что с удовольствием я и сделаю, потому что портрет удается, а также и потому, что иметь портрет работы Кузнецова приятно вообще. Портрет, к общему нашему сожалению, ввиду краткости времени начат небольшой, в полнатуры, начат свежо, колоритно и, повторяю,— похоже, хотя «и не таким красивым, как я в натуре» и каким снят на фотографии с Олюшкой. Да и вообще мне приятно будет, чтобы с меня был портрет у Олюшки, для которой, главным образом, я устроил это дело, согласившись поменяться с Кузнецовым на один из своих эскизов («Богоявление»), которые вообще ему очень нравятся. За эскизы свои я слышал здесь очень много комплиментов, и что дорого — от людей со вкусом.

Парланду все кончил, деньги переведет Турыгин в Москву. Последние 200 р. за эскизы, приобретенные императрицей, получил вчера и через банк тоже перевел на свой текущий счет.

Парланд на днях обратился ко мне с предложением взять еще работу: четырех евангелистов и четыре арки с ангелами, причем, ввиду ограниченности средств, они в комиссии постановили предложить мне написание одних эскизов (по натуре масляными красками). Картон же будет делать по клеткам другой. Я согласился на это, причем опять назначили цены не очень большие: за восемь эскизов (в $^1/_5$ натур. вел.) — 7000 рублей, при этом оговорился, что порознь цены будут другие. Если комиссия будет согласна на мои цены, то в год можно будет успеть сделать все.

Сейчас подали газету «Новости» (от 9 числа). Там нашел продолжение статьи Дягилева о Передвижной выставке[1]. Прочтите — это небезынтересно. Дягилев — «барин», человек обеспеченный, собиратель иностранных новейших мастеров, человек, у которого есть нюх и вкус, хотя и воспитанный исключительно на западных мастерах. Он теперь собрал и выставил чудную коллекцию акварелей шотландцев и немцев. Он же в «Новостях» писал летом о Мюнхенской выставке[2] и большой почитатель Левитана, Серова и меня (завтра, если не уеду, то на вечер приглашен к нему).

В общем, выставка наша посещается не особенно усердно, хотя она и Шотландская — наиболее интересны из всех. [...]

211. А. Н. БЕНУА *Москва. 17 марта 1897 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

Давно, очень давно имею намерение побеседовать с Вами, но «страдная пора» — выставки, поездка в Петербург, все это в общем меня постоянно отдаляло от столь похвального намерения.

Прежде всего спасибо за письмо и деловые указания в нем. Эскизы «Сошествие во ад», «Троица» и «Путь в Эммаус», словом, два листа, мною отосланы по адресу княгини Тенишевой и в получении их получена расписка от дворецкого княгини, расписку эту и препровождаю к Вам. Последний эскиз освободится на Фоминой неделе и тотчас же будет отправлен к Тенишевой. [...]

Вот, кажется, и все о «деле», теперь с более легким сердцем поговорим о художестве, о выставках, их много, быть может, слишком много. В Петербурге наиболее выдающиеся — Передвижная (юбилейная) и выставка акварелей шотландцев и немцев, устроенная С. П. Дягилевым. Об этих двух выставках и поговорим. Передвижная на этот раз, по-моему, интересна, разнообразна, есть немало свежести, есть и «балласт», но, право, видно, без него нельзя обойтись. Банальное и пошлое, очевидно, есть дань обществу, которое подчас обижается на художников и художество, такое, которое своей повышенностью оскорбляет не в меру чуткое самолюбие. Киселевы, Пимоненки, Волковы и К° — они тем хороши, что понятны и никому своим присутствием не в тягость, в их обществе можно говорить все без боязни за то, что иногда скажешь глупость, проявится грубость или невежество. Есть, конечно, на выставке и «товар» — целая улица Вл. Маковского, Бронникова. Но тут же можно отдохнуть на искренних, тонких по чувству и мастерству картинах Левитана (он завтра едет в Геную — ему получше). А. Васнецов хотя и однообразен несколько, но интересен по концепции и тому — ему свойственному — чувству меланхолии, той грусти, которая когда-то, верно давно, запала ему на его холодной, холмистой родине. Дубовской поставил слишком много, но среди этого «много» есть немало доброго и хорошего [1].

Из жанров — хорош Архипов, хорош по мастерству, по живописности. В его «После погрома» есть та особенность, редкая у нас — это чисто худож[ественное] объективное отношение к событиям жизни (в мнении об картине Архипова мы, к сожалению, очень расходимся с Дягилевым). Симпатичен Костанди (новый член Товарищества) [2], красив К. Коровин. Есть жанры старого типа, но с присутствием той жизненной правды, которая мила везде и всегда. К таким картинам (опять вопреки мнению, высказанному печатно Дягилевым) я причисляю и плоховато, по обыкновению, писанную картину Савицкого «Спорная межа» [3]. Старики — Мясоедов и Ярошенко — взялись за евангельскую историю, но, увы! красота Евангелия, его сила и глубина — очевидно, им не под силу [4]. Из молодежи, или, вернее, новичков, мне очень нравится небольшой жанр нашей москвички Ржевской «Веселая минутка», это поистине веселая минутка, она сообщается всякому, кто посмотрит на эту еще детскую, но искреннюю и талантливую картинку.

Портреты Репина, Серова и Кузнецова хороши, но слабее обыкновенных [5]. История (русская) представлена также в нескольких картинах. Клавдий Лебедев выставил чью-то царскую кончину, ни дать ни взять как бывало в старые годы писались программы на медали, все прилично, все скучно и неталантливо, что же хуже всего — это банальность, это хамское отношение к художеству, это то мещанское искусство, которого, к сожалению, так много в наших церквах [6]. Затем перехожу к большой картине В. М. Васнецова «Царь Ив[ан] Вас[ильевич] Грозный». Картина эта написана по очень давно сделанному эскизу, написана быстро и потому несколько условно, декоративно, в ней главное — это характеристика, психология Грозного. Он изображен идущим от ранней обедни — один после «тяжких дум и казней», с душой страдающей и бурной. Тип царя не взят отрицательно, он скорее ближе подходит к эпическому — народному и пушкинскому. Картину приобрел Третьяков, публика в недоумении, кто посмелее — бранятся. Художники тоже бранят, благо на их стороне то, что картина имеет технические промахи. В заключение скажу и о себе слова два-три. Мои картины, по обыкновению, приняты недружелюбно, публика бранится, газеты тоже, но я привыкать начал ко всему этому. Жаль очень, что Дягилев просмотрел мою наиболее интимную и певучую вещь «На горах». Он к произведению ультрарусскому подошел с меркой западной и внешней, и в этом его ошибка, которую исправить нельзя, а обидно — Дягилев имеет хороший вкус, что показала собранная им чудная коллекция акварелей. Это истинное удовольствие, это одна из тех редких выставок, на которые ходишь по нескольку раз. Спасибо ему.

Ваши акварели на академической выставке служат ей украшением, также и на Тенишевской они бросались в глаза своей свежестью и интересной трактовкой. Вообще Вы решительно и бодро пошли вперед. [...]

Хорошо будет, если Вы сообщите о себе, о том, что делаете и проч.

212. В. И. НЕСТЕРОВУ *Москва. 30 марта 1897 г.*

Письма ваши, папа, я получил, спасибо вам всем за них. Теперь обращаюсь к вам ко всем... Соберите семейный совет и решите следующее, а решив, ответьте немедленно мне (хорошо бы телеграммой — одним словом: «согласны» или «нет»). Давнишней мечтой моей было, чтобы все картины «из жизни пр. Сергия» были в Москве и в галерее.

Третьяков по каким-то причинам не взял их, было ли это самостоятельное решение или чье-либо влияние — не знаю. Прав ли он или нет, тоже сказать трудно... За картины эти я получал немало крупных любезностей, и во всяком случае они были замечены, их помнят. Все это дает мне право думать, что они галереи не испортят. Желание видеть их теперь же пристроенными в одной из московских галерей теперь у меня возросло до потребности, и я, продумав долго и много, решил предложить их (сначала) в дар Московской городской (Третьяковской) галерее, если же Павел Мих. отклонит мое предложение, то предложить Румянцевскому музею. Подарок этот ценный — в 9—10 тысяч, которые, конечно, могут никогда не быть реализованы, но также и нельзя сказать и того, что ценность эта может быть увеличена со временем. Словом, тут надо решить и за Олюшку, имею ли я право поступать согласно только моему чувству и не должен ли я только слушать рассудка.

Конечно, вопрос этот деликатный, и вы решите его осторожно. (Решите — оставаться ли мне идеалистом или быть практичным во всем.) Да! Вопрос назрел, хотелось бы слышать мнение мамы... Разумеется, это последний подарок, и тот обусловлен («Складень» в оригинале идет в галерею тогда лишь, если не продастся в путешествии, а то он заменяется повторением).

Конечно, мне хотелось бы лучше поместить эти вещи в Третьяковскую галерею, там и «Варфоломей», да и П. М. достоен самого большого уважения; по слухам, он намерен оставить городу «дом для престарелых и слабых художников» с надлежащим обеспечением. Это ли не ценить! Это ли не заслуга и предлог к почитанию! Конечно, могут явиться много вопросов о том, как кто на это посмотрит. Художники, например, но, во-первых, такие случаи были, только не такие крупные, а во-вторых, на душе у меня чисто и покойно. Картины деланы не на продажу, они сюжетом своим связаны с Москвой, и где же, как не в Москве, быть им.

Словом, можно ли мне сделать для себя, а может, и для имени Нестеровых этот решительный и серьезный шаг.

Пристроить же картины мне хочется именно теперь, уезжая из Москвы, в благодарность ей и уважение и любовь свою к ней... Решайте!!..

213. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ *Москва. 5 апреля 1897 г.*

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Обращаюсь к Вам как к основателю и попечителю Московской городской художественной галереи...

Давнишним и заветным желанием моим было видеть задуманный мною когда-то ряд картин из жизни пр. Сергия в одной из галерей Москвы, с которой имя преподобного связано так тесно в истории России.

Теперь, когда начатое дело может считаться доведенным до конца (частью — в картинах, частью — в эскизах), я решил просить Вас, Павел Михайлович, принять весь этот мой труд в дар Московской городской художественной галерее, как в знак моего глубокого почтения к Вам.

В настоящее время в распоряжение галереи может поступить картина «Юность пр. Сергия» и акварельный эскиз «Прощание пр. Сергия с вел. кн. Дмитрием Донским». Картина же «Труды пр. Сергия» будет доставлена в галерею по окончании выставки в провинции.

Если пожелаете, Павел Михайлович, осмотреть эскиз и картину «Юность пр. Сергия» в ее законченном виде, прошу пожаловать ко мне в мастерскую, от 10 ч. утра и до 3-х я бываю дома ежедневно.

Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в искреннем и глубоком к Вам уважении

Мих. Нестеров.

214. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 5 апреля 1897 г.*

Дорогая Саша, сегодня утром послал письмо Третьякову и теперь с волнением жду от него ответа. Каков-то он будет? Очень жаль, если Третьяков под каким-либо предлогом уклонится от моего предложения, идущего от души, с единственной целью оставить свой труд любимому городу. Тогда, конечно, нужно будет до времени отложить свое намерение. Со временем же оставить коллекцию Московскому Румянцевскому музею, пополнив ее вариантом к картине «Видение отрока Варфоломея». Во всяком случае, на днях, а может быть, и завтра это дело выяснится. Пока же это надо сохранить в глубокой тайне. ...Может быть, надо было бы сначала ощупать почву, посоветоваться с кем-либо из друзей, но я предпочел все это вынести на своих плечах.

Из полученного письма от вас я вынес ободряющее чувство. Я рад, что вы все поддерживаете во мне это настроение. Что касается того, как примет Московская дума и художники, — это дело третьестепенное. Важно, как примет Третьяков, у которого есть «свои фантазии». [...]

Картину [1] я за это время очень сильно поработал всю — и фигуру, и пейзаж. Она, по крайней мере, выиграла вдвое. Пейзаж ушел далеко, выражение стало тоньше, изменена шапочка и т. д.

Если Третьяков не примет этого моего дара, он сделает крупную и уже непоправимую ошибку, как то было в свое время с васнецовской «Аленушкой», лучшей вещью Васнецова [2]. Сегодня получил письмо от своего друга Тарновского, который в отборных выражениях высказывает сожаление, что, бывши в Москве, не застал меня там и надеется, что В. М. Васнецов мне передал его сожаления и проч. (Васнецов, конечно, не передал). Тарновский очень приглашает «обрадовать всех — почтить своим посещением их семинарию», когда я буду в Уфе и т. д. ...По словам Кигна, он энергичный и даже хороший человек, что, конечно, приятно. [...]

Сегодня прождал весь день, ответа не было. Волнения и сомнения мои увеличились, одного желаю, чтобы выяснилось скорее, так или иначе.

215. РОДНЫМ *Москва. 7 апреля 1897 г.*

Все вы, папа, Саша и Олюшка! Порадуйтесь со мною; мои планы сбылись: Третьяков был сегодня в третьем часу и с искренней благодарностью, с самым теплым чувством и заметным волнением принял мой дар. Как картина, так и эскиз ему, видимо, понравились, картину при нем еще кончал по его указаниям. Он находил, что еще в Нижнем она была хороша. Эскиз тоже понравился. Я в подробностях и [со] спокойствием объяснил ему, чего я добивался в картине и вообще, что было мечтой моей при работе этих всех картин. Просил Третьякова, чтобы он все их повесил рядом, как имеющих связь одна с другою. Он дал на это свое полное согласие. Пока они будут висеть все, где этюды Иванова и где в первый раз висел «Варфоломей». Место очень хорошее и почетное.

Завтра придут за картинами. И вероятно, к Пасхе они будут (кроме складня) на своих местах. Очень жалею, что нет мамы и она не может принять участие в моей

радости. Теперь второе дело, которое я считал важным для себя, Бог привел довести до конца. Слава Богу! Быть может, даст Бог, удастся дожить и до того времени, как моя ненаглядная Олюшка кончит курс и вырастет большая. Это предел моим желаниям.

Третьяков был долго, много раз принимался благодарить (а я его). Смотрел все — и коллекцию мою, и образа, особенно понравился ему образ для завода [1] (царица Алекс[андра] и св. Николай), так что я подумываю его пожертвовать в Уфимский собор, а в завод сделать копию дня в три-четыре.

Понравился Третьякову и кузнецовский портрет с меня (его выставлю на тот год в Петербурге).

В заключение и на прощание П. М. еще раз облобызал меня, благодарил «за сочувствие к делу», и тут мы оба очень разволновались. Вообще же я доволен своим поведением, все было хорошо, и я, довольный, как не был уж очень давно, поблагодарил Бога за то, что все устроилось, как желал.

Пока ни о затее моей, ни о ее исполнении не известно никому, и я говорить не стану, пока не узнают стороной.

Да! и вы, пожалуйста, не публикуйте все, что я пишу Вам только,— это и не люблю я, и ни к чему это.

216. А. В. НЕСТЕРОВОЙ

Москва. 16 апреля 1897 г.

Дорогая Саша!

Письма Олюшки и ваше общее получил (последнее только что).

Праздники прошли по обыкновению; бывал на выставке, был кое-где в гостях, вот и все. Сегодня был в галерее, видел большую картину, она повешена пока без рамы (рама вся разбита в Нижнем, и ее отдадут на Фоминой в починку). Рядом висит и эскиз, под ними надпись-ярлычок: имя автора, название картины и внизу «дар автора».

Место это временное (где этюды Иванова), и свет не с той стороны, как надо бы. Уходя из галереи, оставил две карточки П. М. и Вере Николаевне Третьяковым. От личного визита воздержался, оно и лучше. Вчера был у Виктора Михайловича, который в этот день только что узнал о подарке и был у Третьяковых. П. М. с очень симпатичным чувством рассказал В[иктору] Михайловичу обо всем этом, причем было видно, что он этого никак не ждал и несколько удивлен, водил показывать вещи, которые Васнецову очень понравились. Он находит, что в большой картине Сергий похож стал на Варфоломея, вообще же он мой поступок очень одобряет и находит серьезным и ценным. Так же принял известие и Аполл[инарий] с Архиповым и еще кое-кто, но есть и такие, которые «молчат». Ну, да мне все равно, я совершенно покоен на этот счет и знаю, что в случае сказать. На выставке у складня висит билетик «Собственность Город[ской] худ[ожественной] галереи», билетик спервоначала вызывал недоумение, меня поздравляли «с продажей», но я объявил тогда, в чем дело.

Во всяком случае, со всем этим кончено, я так или иначе своей цели достиг, и я рад и доволен, а дальше — что Бог даст. «На горах» многим очень нравится и, говорят, в публике имеет успех. (Чуть ли не первый раз со мной это на выставке.) Знаю я и такие случаи, что ярых моих хулителей картина эта обращала в таковых же поклонников, а Архипов передавал мне, что есть и такие экземпляры, которые с восторгом заявляют: «Нестеров — это мой полубог»! — и это не дамы и даже не психопаты. Вот тут и поди с ними. Молодежь находит, что Нестеров больше наш, чем Васнецов, и т. д. и т. д.

Но, похвастал и довольно, будущее точно и верно определит достоинства и недостатки наши, а нам, пока есть еще силы, надо работать, работать и работать не покладая рук. Аполлинарий продал одну картину фон Мекк и, кажется, едет за границу. [...]

217. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ *Москва. 6 мая 1897 г.*

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Довожу до сведения Вашего, о том, что картину свою «Труды пр. Сергия» я решил в путешествие не посылать, а потому она может поступить в Галерею тотчас же по закрытии выставки в Москве.

Прошу Вас принять уверение в моем к Вам глубоком уважении

М. Нестеров

218. А. Н. БЕНУА *Уфа. 28 мая 1897 г.*

[...] Будучи в Петербурге, мельком видел Ваших друзей с Дягилевым во главе, к сожалению, мне и на этот раз не удалось быть у него. Компания эта очень симпатичная, в них так много единодушия и хорошей молодости. Быть может, они более «европейцы», чем нужно, ну да Бог им судья!..

Выставки наши прошли скромно. Особенным успехом похвалиться мы не можем. Даже Виктор Васнецов не был принят так, как мог бы рассчитывать...

Что касается меня, то «травля» этого года превзошла все предыдущие года [1], но мне по-прежнему верится, что брань и нападки тогда лишь действительны, если окажется, что художник был пустоцвет, в остальных случаях ничто не может повредить существенно. А посему, не падая духом, надо работать, а там потом будет видно — время разберет все, как должно. Каждого поставит на свою полку. [...]

219. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 10 июня 1897 г.*

[...] «Нива» прислала «Историю искусств» [1], да прислал письмо Дягилев, где приглашает принять участие на выставке в Петербурге в январе [2]. Выставка эта будет составлена из самых молодых и наиболее интересных русс[ких] худож[ников], потом она пойдет целиком в Мюнхен. Отвечу утвердительно, а что пошлю — еще не знаю. Был в галерее, картинами остался своими доволен, не знаю, каково-то П. М. их повесит осенью? [...]

220. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Пятигорск. 27 июня 1897 г.*

[...] Я много работаю... день, жарко, и я сижу в комнате, зато вечера и серые дни пишу этюды без устали. Хорошо здесь в горах. Далеко виден Эльбрус, к нему на много десятков верст тянется цепь гор; это целое море холмов, нагроможденных один на другой, и чем дальше, тем бледнее и бледнее становятся контуры их, покрытые лиловатой дымкой, а иногда сокрытые быстро бегущими облаками.

Тихо и мирно вдали от жилых мест, только слышно, как в траве стрекочет кузнечик да где-то вдали над лесом вьется орел, жалобно или зловеще перекликаясь со своими орлятами. Так проходят часы, мимо проедет горец или наш казак, которого и не отличишь сразу от горца, тоже папаха и бурка, и лишь русые волосы выдают казака, а потом опять тишина, мир и покой, сколько передумаешь за эти часы, а больше всего о тебе. Какова-то ты вырастешь, и какое ждет тебя счастье, и как ты будешь жить да поживать, умная, милая да ласковая со всеми. Да! Я, несмотря на мой талант, этот дар Божий, в остальном не избалован судьбой, и может быть, ты, моя дорогая девочка, за твое хорошее сердце и милый характер, будешь счастливее меня. Дай-то Бог! [...]

221. А. А. ТУРЫГИНУ *Пятигорск. 2 июля 1897 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Вчера я приехал в Пятигорск, сегодня получил твое краткое послание, отвечу на несколько твоих вопросов по поводу плащаницы [1], а там поболтаю с тобой и еще кое о чем.

Я с тобой согласен относительно оригинала ее. Он не столько не отвечает задачам сюжета, сколько вообще бледен и немощен относительно других работ Васнецова во Владимирском соборе. Он принадлежит к тому времени «переутомления» огромного таланта Виктора Васнецова, который более и более чувствуется в последних его работах. Шитье я видел, когда оно было доведено до половины, художество было видно и тогда, тон, выражение лица, благородство материала — все это, взятое вместе, удовлетворяет самым придирчивым требованиям. Плащаница будет заключена в ковчег-гробницу из дуба, бока ее будут свисать, и все, конечно, будет покрыто стеклом (стоять в соборе я не знаю на каком месте будет гробница). Да! это дивная вещь! со времен «благочестивых княгинь» еще не было ничего подобного у нас. Вообще в работе этой для меня видна чудная мастерица-художница, эта прекрасная девушка, с которой я взял когда-то тип своей велик[омученицы] Варвары и был недалек от того, чтобы влюбиться в нее и связать ее судьбу с своей. Теперь, к сожалению, это поздно, все хорошо в свое время... Но что мечтать о том, что несбыточно...

Перейду к настоящему. Пятигорск все тот же, что и семь лет назад, но я стал другой, где тот огонь, та вера и надежда на будущее, куда все это улетело? Проживу здесь неделю или две, а там в Кисловодск...

Здесь и там, в Кисловодске, все напоминает Лермонтова, но напоминания эти грубы и пошлы, они оскорбляют память этого художника. В каждой попытке напомнить о поэте видна пошлая фантазия или присяж[ного] поверенного, или курсового врача. Не стану описывать всего этого, не стоит: разволнуешься. [...]

222. А. А. ТУРЫГИНУ *Пятигорск. 7 июля 1897 г.*

Спасибо тебе, Александр Андреевич, за твои три письма, адресованных в Пятигорск. Второе из них интересное и дельное, третье — утешительное. Начну с «интересного и дельного», а потом отвечу и на «утешительное».

Мнение свое о плащанице я сказал тебе в предыдущем письме. Что же касается новой дягилевской выставки, то ты во многом здесь прав, и *по-моему*, с нас *слишком* довольно тех выставок, какие есть, и они достаточно утомили бедного столичного зрителя и навязли у него в зубах со своими 30, 40 и более копейками. Но если уже помимо нашей воли и без нашего ведома затея такая состоялась, то «нехай ее буде». Попытка не пытка, и мы не без глаз — увидим, что из этого выйдет, сообразно с этим и будем поступать. Что же касается до «совместительств», то в Товариществе не принято, чтобы члены его участвовали единовременно на двух выставках в одном городе. Выставка же Дягилева закроется до начала Передвижной. Он мужчина тонкий и многое предусмотрел. Только вот худо в том, что, слышно, цель этой выставки есть не только выдвинуть таких художников, как Врубель и К. Коровин, но и забраковать многих им не симпатичных (как Архипов), заменив их «безвредными» из петербуржцев. Вот где зло, и зло, которое может погубить все дело, как погублено дело новой Академии, в основу реформы которой попало много однородных грубых ошибок. Словом, я раньше всего «Член Товарищества передвижн[ых] худ[ожественных] выставок», а потом уже и проч., и проч., и проч.

Что до г-жи Жорж Занд, то ее я не читал ничего, все собираюсь, недавно познакомился с ее «дружком» Бальзаком, но что ты со мной поделаешь — «Женщина тридцати лет» мне не понравилась, какое-то старье и по фабуле, и по стилю, другое дело г. Флобер. Тут талант так и прет наружу, хотя шельма слишком уж напирает и смакует то, что передвижники считают греховным блудом и окаянством. [...]

223. А. А. ТУРЫГИНУ *Пятигорск. 19 июля 1897 г.*

[...] Прочти один из последних романов Г. Сенкевича «Камо грядеши»... Это неглубокая вещь, но картинная, как бывает иногда у Семирадского в его удачных вещах. Хотя я совершенно нечаянно напал на прототип этого романа — на мало известный роман Мордовцева — «Жертвы Везувия»!!! Та же фабула, те же положения, хотя взята другая эпоха — не Нерона, а Тита.

Теперь я читаю Шеллера (Михайлова), я давно знал, что таковой есть, и даже его одобряют и празднуют его юбилей, но чьи юбилеи теперь не празднуют! Я не теряю надежды, что в свое время и Парланд с Ковальским отпразднуют свои юбилеи. Но, представь себе, я в Шеллере нашел много неожиданного, определенное миросозерцание, стиль и жизненность подчас такую, какую можно подметить у крупного мастера. Охота будет — прочти «Лес рубят, щепки летят» или «Жизнь Щупова». Да, брат, наша литература и во вторых рядах имеет настоящие таланты: Писемский, Лажечников, Потехин — и этот немец — Шеллер, Успенских двое, из новых Чехов, Мамин-Сибиряк. В живописи мы, к сожалению, малограмотны, а то бы тоже набрать можно немалое воинство. К сожалению, новая Академия не на одно поколение отодвинет от нас сознание в необходимости уметь грамотно выражать свои и чужие мысли. Русское искусство за короткое свое существование перенесло немало коренных потрясений; в иных случаях страдало само искусство, в других — школа, необходимая в этом случае. [...]

224. А. А. ТУРЫГИНУ *Кисловодск. 27 июля 1897 г.*

[...] «Дружба» наша с Парландом, верно, на исходе, догадался немец, что с таким, как я, каши не сваришь. Да и к тому же и Харламов вовремя подвернулся [1] — ведь все же не Киселев и компания. Ну, да это все вздор. Надо работать неутомимо, не покладая рук, теперь ведь всякое лыко в строку пойдет, да и вообще нужно поторапливаться, годы не те, не 25, а 35 лет теперь за плечами.

Говоря откровенно, мне бы очень хотелось, чтобы «Вена» не минула моих рук. Хочется поработать без этого нелепого террора Васнецова. От Котова пока никаких вестей нет [2], да едва ли раньше августа и будут.

Для Киева у меня, помимо новой картины (многосложной), зреет еще один план, о нем сообщу в свое время. Вот только бы Бог послал здоровья, его-то не очень много у меня — скриплю, и не больше. Эх! Молодость, много она унесла силы, а как бы она теперь пригодилась.

Здесь проболтаюсь числа до 14—15-го, а там и в Киев на зимние квартиры, снова в упряжку, которую, очевидно, я все-таки люблю. Здесь кроме меня и Ярошенко водятся и другие художники, но такие неприступные, в таких шляпах и с очень большими альбомами под мышкой; очень озабоченно они ездят на все места, где Лермонтов когда-то отдавал свой долг природе, — с чувством эстетика эти эпикурейцы художества осматривают эти примечательные места, говорят несколько укоризненных слов, даже проклятий по адресу поручика Мартынова и спешат дальше — дальше. [...]

225. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Киев. 4 сентября 1897 г.*

[...] На Кавказе я прожил лето очень хорошо, встретился с людьми милыми и хорошими. Ярошенки были по обычаю своему и ласковы, и гостеприимны, Николай Александрович чувствует себя нехорошо, без голоса, и последнее время заметно покидает его энергия и сила воли, он становится раздраженным, и Марии Павловне приходится трудно. Проездом в Киев заезжал в Харьков, где Хруслов открыл выставку, помещение плохое — вещи поставлены удовлетворительно. В Киеве ничего нет

нового. Прахов в Венеции, семья здесь, та же милая Леля, тот же дорогой нам собор. [...]

226. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 23 сентября 1897 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Письмо с «вступлением» о Рёскине [1] получил, спасибо, интересно. Личность, несомненно, оригинальная, большая. Все попытки его смелы. Жаль, что в этих случаях часто жизнь ставит деятеля в положения комические, этим самым как бы умаляя значение, стирая то идеально возвышенное, что кроется в основе подобных идей. Прошу тебя, если не заленишься, продолжать твое писание, оно, должно быть, дальше будет еще занимательней; меня интересует — *в чем проявилось* у Рёскина его стремление к прерафаэлистам, как он их понимает, чем в них любуется. Что в них ищет, на что уповает, чего ждет от них, как хочет их соединить, ввести в современное мышление, в жизненную потребность людей — людей нашего времени. В чем кроется *убеждение* Рёскина в том, что *это* нужно и что *это* именно и *есть то самое*. В таких случаях делается страшно, тут бывает часто «пустосвятство», та глупая «стасовщина», которая уперлась лбом во что-либо и, не поясняя ничего, брыкает копытами на все остальное, и это выходит уже больше, чем смешно — это приносит прогрессу (если таковой может существовать) не пользу, не услугу, а острый, долго непоправимый вред.

Объективен ли Рёскин в своей, так сказать, субъективности — проще, *гениален* ли он так, как, положим, наш Белинский? Идут ли у него выводы ума рядом с пророческим предчувствием сердца?

Вот все это меня интересует и пугает — такой человек ведь клад, и вдруг клад этот не червонцы, а просто горшок с золой — и обидно бывает. Во всяком случае, ты продолжай, дай возможность и мне быть «просвещенным» человеком. (Между прочим, если ты позволишь, то мне хочется поделиться сведениями о Рёскине с моим большим другом (девушкой) [2], с каковой целью письма твои будут посылаемы в другой город. Если ты ничего не будешь иметь против этого — напиши, если же это ты найдешь почему-либо неудобным, то тоже напиши.)

Теперь я усиленно работаю над новой картиной [3] на предбудущий год. Народу на картине пропасть, еще ни на одной из моих, бывших раньше, не было столько. Народ все по обыкновению постный. Тема печальная, но возрождающаяся природа, русский север, тихий и деликатный (не бравурный юг) делает картину трогательной, по крайней мере для тех, у кого живет чувство нежное. Вот как надо хвалить свой товар и клеймить грубиянов!

Помимо работы во все свободное время жестоко хандрю, шагая по своей комнате один, как медведь в клетке зоологического сада. По воскресеньям и четвергам бываю в институте у Ольги [4]. На днях сюда ждут Прахова проездом из Венеции в Петербург. Он теперь строит капеллу — или часовню — для Оржевской, где-то в юго-западном крае [5].

Ну, пока довольно, погода гнусная, на душе погано, даже читать не хочется. «Саламбо» Флобера лежит передо мной недели две, что-то не то как будто — Рошгросс [6] в этом направлении интереснее.

Будь здоров, не задерживай очень с Рёскиным.

227. А. Н. БЕНУА

Киев. 7 октября 1897 г.

[...] Из Ваших писем я всегда вижу с удовольств[ием], что Вы не только работаете кистью, но также очень много «видите», что так важно, что так развивает, делает чутким наш вкус. А там, на Западе, так много того, что с великим наслаждением готов

каждый из нас смотреть подолгу и часто, наслаждаясь этим. Хочется проехать хотя месяца на два в Италию, да и к Вам в Париж. Но то некогда, то российская лень...

Вы пишете, что решили участвовать на выставке Дягилева [1] — доброе дело и радуюсь за Вас душевно. Я думаю предложить С[ергею] П[авловичу] воспользоваться для выставки моими тремя эскизами — «Вознесением», «Сошествием во ад» и «Троицей» (если, конечно, кн. Тенишева не будет что-либо иметь против этого). Кроме того, если успею, пришлю одну вещь, писанную маслян[ыми] красками. Для заграничной выставки [2], быть может, подойдут мои «Монахи» и «На горах» (если будете писать С. П. Дягилеву, узнайте его мнение на этот счет).

Что касается *несочувствия* В. М. Васнецова к новому делу, то едва ли мои убеждения принесут пользу: с некоторых пор Васнецов стал очень ревнив ко всему молодому, новому и свежему, и как это ни печально, но, очевидно, и он не избег общей участи. Об Аполлинарии много говорить не приходится...

О Левитане последние слухи более утешительны, чему можно порадоваться.

В Москве недавно кончил земное свое странствие автор картины «Грачи прилетели» — Саврасов [3].

Закончу письмо сообщением академич[еских] новостей. Пейзажист Киселев пожалован в академики и занял место профессора — руководителя по пейзажной мастерской. Таким образом, в новой Академии наступают времена старые — времена Подозеровых, Венигов и К°. Зато, к утешению, в Московской школе избран вместо выбывшего Савицкого — Серов.

Я поселился на неопределенное время в Киеве, где в институте теперь моя дочка. Работаю усердно, не знаю, будет ли толк,— поживем — увидим.

228. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 14 октября 1897 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

И второе твое письмо о Рёскине я получил и со вниманием прочел его. Что же, мне он нравится, я ничем не могу быть в нем разочарованным. Все, что он требует от нас,— законно и основательно. Фраза о том, когда художник смеет браться за «пурпур и золото», совершенно согласуется с последующими требованиями Рёскина,— она есть только неизбежное пояснение и продолжение первого, она также составляет нечто, что дает право на писание «пурпура и золота». Всесторонняя продуманность сюжета — будь то человек, пейзаж или что иное, не закрывая глаза ни на худое его, ни на хорошее; ясный вывод, объективное представление, хотя бы индивидуальное, и дает право художнику не быть уже рабом, копиистом, а творцом, то есть дает право изображать смело и «пурпур», и «золото»...

Индивидуальное представление художника не исключает представление индивидуальной личности — ее особенной характерности. Тип Христа трактовали люди с несомненными индивидуальными представлениями: Иванов, Васнецов Вик[тор], Тициан, Рафаэль, Рубенс — и у всех у них можно проследить и те особенности, которые характеризуют в том или другом евангельском моменте личность Христа.

Пример Боттичелли я не могу проверить, но допускаю, что его «Гавриил» — вещь неудавшаяся, да и то сказать, сила и значение Боттичелли не в характеристике лиц, а в бесконечной лирике, музыке его картин, в его понимании некоторых особенностей природы, чисто психологических, доступных к пониманию *не* поголовно всем; тут ни при чем его наивность, и конечно, не она красит его картины, а тот «дух», который он вносит в картины своими комбинациями тонов, линий (последние могли бы без ущерба быть и более зрелыми). Все вместе и дает у этого автора тот «аккорд», который заставляет так сладко или томительно чувствовать присутствие высшей духовной силы среди нас, житейских прозаиков...

Я в оригиналах не видал прерафаэлизма, репродукций тоже видел мало и не могу себе представить Рёскина — «фанатика природы», не знаю, чем он восхищается или что находит достойным восхищения у прерафаэлистов. Природой ведь, навер-

но, и Ефим Волков вохищается, восхищается ею и Бёклин... Хорошо, если Рёскин на стороне Бёклина, а то ну его и с его фанатизмом, такой фанатизм хуже воровства.

Пиши или, вернее, дописывай о Рёскине — интересно, ну и все-таки насчет просвещения, оно лестно...

Я дописываю свой «Великий постриг». Кто видел — очень одобряют, быть может, и в самом деле есть что-нибудь (есть там «чистая голубица», кажется, любопытно).

Скоро начну писать к Дягилевской выставке. Все бы было ладно, да хандрю здорово.

Пиши, не ленись, что у вас там в Питере слышно про «министерство искусств»? [1]

229. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 25 октября 1897 г.*

Спасибо тебе, Александр Андреевич, за твои письма о Рёскине: ты прав — с каждым письмом интерес их возрастал, и мне было бы любопытно знать, как этот энтузиаст смотрит и на жизнь. Если будет охота — пиши.

На протяжении семи писем мне пришлось не согласиться с немногим. Наиболее таких мест в предпоследн[ем] письме. Странное разграничение искусства на три школы — рисунка, светотени... и колорита, что будто бы выражают собой Рафаэль, Рембрандт, и Фра Анжелико — тут есть большая натяжка. Никакого разнообразия в красках у Фра Анжелико нет, хотя, быть может, он и более непосредствен, чем Рафаэль. Заврался старик и там, где вздумал поучать о светотени...

Но рядом идут прекрасные истины о законах воздушной перспективы, теорию эту на практике начал один из первых Бастьен-Лепаж в 70-х годах. Условная же перспектива Писемских, Казанцевых и К° с умышленным ослаблением дальних планов, с целью вызвать (условно) первые планы — по меньшей мере наивна, безжизненна и пошла. О том, как нужно смешивать на палитре краски и как их класть на холст, старик бродит впотьмах (хотя этим приемом и пишет даровитый Врубель).

Самое интересное письмо — последнее и вообще все то, что говорится о том, с каким *чувством* должен художник подходить к природе, с каким глубоким трепетным благоговением [должен] он смотреть на великую учительницу свою,— все это чисто, восторженно и прекрасно. Четыре главных условия высокого искусства: 1) безупречное исполнение, 2) тишина действия, 3) голова, а не тело преобладает (вернее — дух, душа, а не тело), 4) освобождение от проявлений грубых — страдания, ужаса, порока — все это желательно, и весьма [1]. Так же несомненно, что *высший* тип, модель надо искать в природе. Природу надо и стоит любить больше всего, затем, как отражение ее,— искусство. Вообще в твоем старике много того, что зовется «темпераментом», много жизни — местами я вижу в нем нашего Прахова в минуты (к сожалению, очень редкие) увлечения искусством. В такие минуты сравнения самые яркие, мысли наиболее остроумные и дерзкие сменяют одна другую. В Рёскине почти все время чувствуется даровитая натура. Хотя то, что он в искусстве не специалист, а дилетант, иногда обидно прорывается. Правда и то, что он местами односторонен.

Но основной принцип — преклонение перед природой и природа как основание в искусстве, как вдохновитель его и предмет высокого благоговения и любви — принцип этот, безусловно, верен и желателен.

Письма твои с интересом читает Леля Прахова (автор плащаницы).

Спасибо Рёскину и тебе — его пропагандисту. (Отчего бы тебе «не взяться за ум», да не перевести его основательно, да не издать? А как на выразителя его теорий не указать у нас в России хотя бы на меня?! — право, недурная мысль?...) Ну, ну... я пошутил...

Пиши, дружище. Пиши и о том, что творится у вас на хладных берегах Невы. Прочти статью Ильи Репина в «Неделе». Знает кошка, чье мясо съела [2].

230. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 7 ноября 1897 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Ты спрашиваешь, были ли твои письма еще раз в Питере,— нет: в Питере живет один Прахов, семья же его здесь, здесь и Леля — вышивальщица плащаницы. Письма твои настолько ее заинтересовали, что она отдала их переписать и, между прочим, хотела бы знать имя того француза, который написал ту книжку, мысли из которой, принадлежащие Рёскину, ты переводил. Напиши...[1]

Сейчас Леля кончила вышивать мою «Богоматерь», раньше того была вышита ею «Св. Ольга» (моя же), а теперь предполагает начать «Св. Варвару», и на этот раз в подарок мне. Оригинал же этого образа (эскиз) я думаю подарить ей, тем более что мотивом для лица Варвары послужила сама Леля. Не удивляйся, что я так ее называю, кроме особенной моей к ней симпатии, давно установившейся, мы все ее так называем. Если бы мне было суждено когда-либо жениться вторично, то никого бы я не желал иметь своей женой, кроме этой талантливой и необычайно доброй и чистой душой девушки. Но... увы и ах!..

Сходи послушай в скульптурном музее Академии Прахова, он по четвергам читает там лекции бесплатно и для посторонних, и напиши свое впечатление как от лектора, так и от лекции. В пятницу начались в университете лекции заместителя Прахова — профессора Павлуцкого — искусство XIX века. Павлуцкий — молодой профес[сор] — большой почитатель Рёскина, искусства конца века вообще и моего искусства в частности. Он привез мне билет, и я буду бывать на лекциях, жаль, что две или три из них, и наиболее интересных для меня (Милле, Бастьен-Лепаж), придется пропустить: хочу проветриться — съездить на неделю в Москву, разогнать тоску, как говорят у нас.

Сейчас кончаю для возможной Дягилевской выставки «Благовещение», выходит «чувствительно и нежно»... Бог даст — увидишь, во всяком случае...

В заключение возвращусь на несколько строк к Рёскину — он великий идеалист, идеалист чистой воды, но странности иногда противоречит своей природе — он местами *отрицает* идеализм, говорит, что не надо его, и тут он невольно напоминает мне нашего балду Стасова.

Гораздо последовательнее мысли Золя — и он прав, говоря о значении индивидуальности, таковая с придачей таланта и есть гениальность.

Репин в письме своем, по обыкновению, «наводит тень», но нельзя отвергать, что он — «мужичонка задорный»; статья его, кроме того, есть, быть может, *предвестник* картины на будущ[ей] Передвижной [2].

231. Е. А. ПРАХОВОЙ *Киев. 27 ноября 1897 г.*

Поздравляю Вас, Елена Адриановна! Желаю много счастья...

Эскиз «Великомуч[еницы] Варвары» прошу принять от меня в память совместных трудов в дорогом нам Владимирском соборе и благодарность за Баха, Шопена, Бетховена... Вечером надеюсь быть у Вас и лично поздравить всех, теперь же шлю свой привет.

1898

232. М. П. СОЛОВЬЕВУ *Киев. 9 января 1898 г.*

Глубокоуважаемый Михаил Петрович!

Благодарю Вас за любезное письмо Ваше и отвечаю на вопрос Ваш — почему я в картине своей «Чудо» [1] не остановился на какой-либо *определенной* легенде.

Процесс творчества неодинаков, в одном случае художественное произведение слагается медленно, образы, линии, краски выясняются художнику постепенно, в таком случае безбоязненно художник вводит в свою композицию, как дополнение к главной ее задаче, свои научные или иные познания.

В другом случае картина *является* в представлении художника полностью, с мельчайшими подробностями, в определенных линиях своей концепции, с отчетливым выражением действующих лиц, общим настроением их, а также и пейзажем, если таковой имеется, и тогда добавлять что-либо, на первый взгляд даже и необходимое, сопряжено с *большим риском* нарушить целое, нарушить внутреннюю гармонию святости творчества (как прежде называли — вдохновения). Художественное произведение, *явившееся* автору (что бывает нечасто),— *неприкосновенно*, оно, по многочисленным опытам артистов, всегда имеет глубокое жизненное преимущество над созданием надуманным, и художник в таком случае больше, чем когда-либо, внутренне остается прав. С картиной моей «Чудо» было то же — она явилась мне готовой, законченной, и мне оставалось только с осторожностью перенести ее на холст, не останавливаясь на сомнениях в ее непогрешимости в той или иной исторической или научной правде. В творческом явлении этой картины меня, как и того юношу, который изображен на ней и как бы от лица которого легенда повествуется,— поразила, приковала мои симпатии *духовная сторона* ее, преобладание в ней пламенной духовной жизни над телом. Тот *мистицизм*, который окрыляет волю человека, дает энергию телу. Для меня не было в данном случае ни великомуч[еницы] Варвары, ни святой Евлалии — было лишь великое проявление *человеческого духа* на почве христианства вообще.

Предвидя возможность некоторых вопросов, я и решил назвать картину так, как она названа.

Многие склонны обвинять меня в принадлежности к новейшим западным течениям в искусстве — символизму, декадентству и т. д. Это большое заблуждение. Я пою *свои песни*, они слагаются в душе моей из тех особенностей, обстоятельств моей *личной* жизни, которые оставляют наиболее глубокий след свой во мне. Ни к одной из названных «сект» я не принадлежу, не отрицая среди них много истинных дарований, которые и оставались бы таковыми, если бы не увлекались названными учениями. Самое драгоценное в искусстве — *божий дар*, талант, и он должен служить к выражению *чувств добрых и прекрасных*, путем ли живописи, музыки или всеобъемлющей поэзии...

Вот Вам моя «исповедь».

Читая письмо Ваше, я с любовью перенесся в Италию, столь любимую мною. Жаль, что Вам не удалось побывать в Чефалу, там в соборе, в апсиде есть чудное мозаическое изображение Христа, который по *мягкости* своего выражения более нравился мне, чем суровый лик в Палермо, и послужил мне в свое время прототипом Христа, написанного мною для мозаики храма Воскресения в Петербурге.

Очень буду ждать Вашего отзыва о картине моей после последней выставки [2].

233. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 15 января 1898 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Спасибо и за письмо, и за твои хлопоты с фотографиями. Получив предыдущее письмо — хотел тебя пробрать хорошенько и за «критику» твою, и еще кое за что, но теперь, когда ты пробрал англичан, тебе твоя вина прощается, хотя раз навсегда заметь, что бранить легче, чем с толком похвалить. Твоя же «критика» насчет протянутых рук мученицы не имеет смысла уже по одному тому, что картина названа «Чудо»,— названием этим все сказано и объяснено. Если же это не действует, то и объяснения не подействуют; ты скажешь, что «венец мученический» сделан «не по мерке» и т. д., и т. д.

Смотри в глубь вещей, проникайся *задачей* автора и не мудрствуй лукаво... Вот тебе!..

Твое письмо об англичанах «неутешительно». Неужели они такие все «растопырки», как ты их рекомендуешь. Ну, а Берн-Джонс или как его там, ведь это, говорят,— «чудо из чудес». Хочу тебя проверить, и хочется думать, что ты был просто зол, наслушавшись цыганского хора или оркестра.

На Периодической в Москве вел. кн. Сергей Ал[ександрович] купил мою картину «Христова невеста», помнишь, давнишняя моя, теперь подправленная малость и обчищенная — пошла за пятьсот р., а тогда, канальи, ста не давали. О люди, люди!!..

С завтрашнего дня начинаются мои волнения, и на два месяца [1]. Ты в качестве друга и приятеля *береги мои нервы*, чтобы их на столь долгий срок хватило.

Пиши мне, какое впечатление сделала картина [2], *где поставлена* (план), с кем рядом; что говорят среди художников и глупой публики. Пиши это все осторожненько, обращайся со мной теперь «нежно»...

Все об этой выставке мне интересно. Жду от тебя несколько писем подряд и обстоятельных.

На днях отправляю на Передвижную «Великий постриг» и «Благовещение». Сам выеду 3 февраля, в Питере буду числа 7-го.

На праздниках получил интересное коллективное письмо от здешней худож[ественной] молодежи, мне неизвестной, письмо это очень меня растрогало.

234. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 23 января 1898 г.

Спасибо тебе, Александр Андреевич, за письмо, но оно мало, я голоден, мне нужно много, чтобы насытиться. Пиши подробно и немедля. Побывай еще раз у «Русских и финляндцев» и напиши тотчас. Скажи мне обстоятельно и толково *свои впечатления о моей картине*, как ты нашел голову святой? Что пейзаж? Не старо ли все это по приемам, по технике? и т. д. Скажи мне о «Чуде» и то, что услышишь о нем *за* и *против*. Комиссия не из легких, сознаюсь... Но на то ты и приятель мой...

Опиши мне подробно Врубеля и Серова (да *не злись* на Врубеля).

Ты прав, говоря, что наше время *второе Возрождение*, жаль, что наш Медичи (Павел) [1] не такой чуткий и даровитый, да и папы наши суть Палладии и Иоанникии [2], а с ними, надо правду молвить, далеко не ускачешь!..

Напиши толком, *когда закроется Английская выставка* и *когда* Русско-фин[ляндская], согласно с этим и буду спешить к вам в Питер.

По некоторым приметам выставка в музее Штиглица не Русско-финляндская, а Мамонтовско-Коровинская, и это надо принять к сведению...

235. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 29 января 1898 г.

А. А., ты прав, говоря, что письмом своим огорчишь меня, и тем не менее (без иронии) за правду твою — спасибо.

После восторженного письма (по получении фотографии) от Дягилева я не имею никаких вестей. Два-три частных письма не говорят еще ничего, и я, как довольно чуткий человек, давно понял, что картина не нравится, больше того — успеха не имеет. Что, брат, делать — это бывает. Быть может, она не удалась, быть может, то, что хотел сказать я,— слишком *субъективно* и большинству не только непонятно, но и вовсе не нужно. Что это ни образ, ни картина — это не резон: я тебе даю право называть ее образом, и право, сам не знаю, что такое «образ» и что «картина»... Образа Владимирского собора в то же время и картины, и наоборот.

Чувство тихой лирики и *искреннего* мистицизма доступно не многим и доступно им только тогда, когда оно в картине *есть*, а как знать, может быть, все это одно мое *воображение*, минутное воображение Дягилева и всех тех, кому картина нравится.

Врубель — ты о нем пишешь решительно (прочти в «Новостях» статью Стасова [1]), но как знать! Может быть, он прав, он *нужен* — он силен, а за силой и победа. Рябушкина я видел — это «площадная брань»... хотя далеко не бездарно. А Бенуа Александр? Ты о нем молчишь...[2]

Приеду в Питер, постараюсь тебя затащить еще раз в музей Штиглица и «просветить»... Я боюсь, как бы ты не прокис (это после Рёскина-то!).

По некоторым признакам на Русско-финляндской выставке сильно влияние «Саввы Мамонтова из Москвы» (так пишутся вывески на Нижегородской). А где этот самый Мамонтов, туда мне ходить не след, мы не выносим один присутствия другого.

А в конце концов все это «суета сует и всяческая суета!!..» Время скажет свое веское слово, и оно будет свято, а пока до свиданья. Жаль, что не узнал, когда закроют свою лавочку англичане. Числа 8—11-го буду в Питере.

236. М. П. СОЛОВЬЕВУ *Киев. Январь — февраль 1898 г.*

Глубокоуважаемый Михаил Петрович!

Благодарю Вас очень за любезное и доброжелательное письмо Ваше [1]. В определении характера картины моей «Чудо» Вы правы. Да и вообще творчество мое, как мне кажется, имеет в себе нечто болезненное, поэзия моих произведений — поэзия одиночества, страстного искания счастья, душевной тишины и покоя. Искусство для меня необходимый *отдых*. Картины мои слишком *субъективны*, в этом и кроется то крайнее разноречие в суждениях о них. Кто же сомневается в искренности их, тот глубоко не прав.

На предстоящей Передвижной выставке будут две новые мои картины: «Великий постриг» (навеянный когда-то романом А. Печерского, но *не* иллюстрация к нему) и «Благовещение». Обе картины в характере лирическом, тихом.

237. Е. А. ПРАХОВОЙ *Петербург. 22 февраля 1898 г.*

[...] В продолжение недели открылось несколько выставок, и вчера закрылась крайне интересная, свежая и молодая выставка Русско-финляндских художников, о которой, как и о других, я намерен особо и более подробно побеседовать с Николаем Адриановичем...[1]

На выставке есть много любопытного или в смысле новизны и молодости, или в смысле мастерства и авторитетности. На «Петербургской» — Семирадский со своей «Цирцеей» — вещью красивой, холодной и более чем странной в перспективе. На Академической — молодежь и Котарбинский, у которого «Оргия» [2] приобретена для Музея Александра III и который очень просил Вам кланяться.

У нас на Передвижной есть также несколько недурных вещей, а вообще выставка «серьезная», как всегда в Товариществе.

Вчера посетил нас государь, был очень ласков. Перед картиной моей «Великий постриг» обратился ко мне, вспомнил о соборе и выразил удовольствие, что картину накануне приобрела комиссия для Музея императора Александра III. Затем в конце обзора пожелал приобрести мое «Благовещение». Как видите — успех.

Картина нравится и художникам.

В среду покидаю Петербург и, усталый, спешу на отдых в Вифанию, а там опять в Киев, о котором начинаю подумывать все чаще и чаще, и числу к 10-му надеюсь быть там. [...]

238. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 9 апреля 1898 г.*

[...] Шлю тебе свой портрет, к которому и отнесись с должным почтением, поза и осанка показывают чин немалый, хотя «генеральством» и обойден в последнее «производство». Левитану, Серову, Архипову, Дубовскому и кому-то пятому [1] (смотри, не Пимоненке ли) дано звание академика.

Да, брат, верно, все мне придется брать с бою, даже и «академика».

Читал ли ты ответ Стасова бедняге Микелю Иванову? [2] Вот, брат, подарок к празднику!!.. Прочти, если не читал, — в одном из предпраздничных номеров «Новостей». Там же была раньше статья Стасова о Шаляпине же под названием «Радость безмерная» [3]. Все это хотя и по-стасовски, но, право, тут есть и талант, и искренность чувства, да и правды больше, чем у моего бедного друга. Не в бровь, а прямо в глаз угодил ему старичина. [...]

239. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 27 апреля 1898 г.*

[...] Последнюю неделю мне пришлось сильно поволноваться, и волнения эти не кончились: как-то с неделю тому я пошел во Влад[имирский] собор, прошел на хоры и увидел сцену: сидит один из *соборн[ых]* сторожей и «реставрирует» орнаменты Васнецова и Мамонтова. Как *«реставрирует»* — это нетрудно себе представить, все контуры и тоны полетели прахом. Я написал письмо настоятелю, ответа не последовало. Встретил затем одного из соборн[ых] попов, разнес его на чем свет стоит — молчание. Написали Прахову в Питер и Васнецову [1] в Москву — посмотрим, что будет? Быть может, придется обратиться в «Новое время». Невежество и некультурность наших попов изумительны, что же касается «коммерции», то тут один грех: по собору «кружки» расставлены, как мышеловки.

О книжке Толстого [2] поговорим на досуге. В ней много страстности и нелепого убеждения и противоречий. Нервно и настойчиво упрекая художников в подражании старому — отрицая за это Вагнера, Бёклина и других, старик запамятовал, что и сам в этом грешен: его «Три старца» есть то же подражание, пересказ древнего «пролога». Но о Толстом после, когда-нибудь!..

Леля Прахова дивно вышила и подарила мне мою «Св. Варвару» (на коленах, что была на Репинской выставке).

Мне передавали, что в одном из хорош[их] мюнхенских журналов есть прекрасный отзыв о «Великом постриге», Левитане и Серове [3]. Утешительно.

Здесь чудные дни, весна, деревья распустились, хорошо, брат! Жить хочется!... работать!..

240. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 26 мая 1898 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Пишу тебе о своем деле [1], которое разрешилось в смысле *отрицательном.*

В четверг собралась комиссия, и с первых же шагов начались незадачи: меня вовремя не представили гг. членам, а когда догадались, то было уже поздно, и первое, что я услышал, — это был «выговор»: почему я не был с визитом у старосты и у того, и у другого — на сие я ответил коротко, — отвернувшись от нахала плотника-миллионщика. Затем началось «заседание», и тут я нагляделся на нравы Замоскворечья. Островский их описал, но куда не полно, тем непочатый угол. Возмутительную сцену разыграл один из непризванных членов комиссии: после глупой, невежественной и дерзкой «речи», обращенной к настоятелю (он же и председатель комиссии), «оратор» выбросил 1000 р. и с ругательствами и громом удалился, призывая «Пречистую» себе *в защиту* и проч., и проч. Сцена тяжелая!

Убитый, оскорбленный и растерявшийся настоятель молчал, остальная братия, пользуясь его тихостью, добила его, и он принужден был *закрыть* заседание в начале его. Жестокие, сударь, нравы!!..

Где мне с ними жить, всякий день рискуя быть оскорбленным этими дикарями! Обо мне на заседании и речи не было, эскизы я не показывал, и смета пролежала у меня в кармане, но настроение вообще враждебное, там передавали, что я в смете назначаю 80 000 р. Между прочим, один из более «тихих» членов комиссии осведомился, велика ли у меня *артель*? И очень недоверчиво отнесся, услышав, что «артели» нет вовсе: странно, вероятно, «голытьба» какой-нибудь! Пишет и лики, и драпировки сам...

Друзья мои отсоветовали мне подавать официальный отказ в комиссию, предав все дело забвению; так я и сделал. Сейчас уезжаю к Троице, а в четверг на будущей неделе за границу — в Мюнхен и Италию — на месяц, оттуда через Одессу морем в Батум и к вам на Минеральные Воды.

В Мюнхене мы — русские — имеем шумный успех, мы — злоба дня, нас называют «гениальной провинцией». В каталоге помещено мое «Чудо». Дягилев со мной крайне любезен. Все это служит некоторым утешением в моих делах. Жаль искренне было расстаться с прекрасным храмом, не говоря о том, что дело это дало бы мне обеспечение. Ну, что делать, надо работать опять с мыслью о том, продастся или нет,— это тяжело вообще, а мне в особенности. Да! не делец я! Это с особенной яркостью определилось теперь; быть может, кроме «визитов» и с архитектором надо бы поставить дело *просто*. Он ученый, но опустившийся человек. Его споили купцы, и теперь, бедствуя материально, зависит от них же [2]. [...]

241. А. А. ТУРЫГИНУ *Мюнхен. 18 июня 1898 г.*

[...] Здесь, кроме двух пинакотек, несколько музеев и две выставки — обычная ежегодная и «наша» — «Secession». В Старой пинакотеке много хорошего из немцев и итальянцев, чудный Вандик, Рубенс, разные Ван дер Гольцы и т. п., Гирландаи, Франча, Липпи и прочие простодушные и искренние люди.

В Новой пинакотеке, кроме известных всем Каульбахов и Пилоти (нарядный, каналья!), много «самоновейшего» с кумиром соврем[енных] мюнхенцев — Франц[ем] Штуком. Его «Война» есть вещь большого дарования, тут много ума, много уменья извлекать из старого — новое. Это хорошо, но не только не Суриков, но даже и не Викт[ор] Васнецов — оба они даровитее Штука, но... «варвары». Среди других имен Нов[ой] пинакотеки можно назвать как несомненный талант — Сегантини, он свеж и, во всяком случае, нашел свою манеру говорить (у «нас» хорош его портрет с какого-то художника). Остальные ищут по мере своего дарования, совсем плохих вещей мало. Коллекция Шакка [1] знаменита своим Бёклином. Его там много, хотя и не самое лучшее из написанного этим *истинным* художником-творцом. У Шакка же наивный и милый предшественник Бёклина, как наш Венецианов в жанре, так этот в области лирической фантазии — мира грез, сказок — это Швинд (фон). На *Ежегодной* (как бы нашей академической) выставке — Ленбах с портретами знаменитостей, и главное внимание всех обращено на другой «кумир» — Макс Клингер. Его «Христос на Олимпе» — огромная картина, приправленная скульптурой, рассказанная в формах П[ювис] де Шаванна, только на немецкий лад — легенда, язык этого «рассказа» — умышленно-наивный, корявый, и тем не менее часто к ней ворочаешься, и присутствие незаурядного дарования дает себя знать. Макс Клингер, как Фр. Штук у «нас», первенствует на Ежегодной — он несомненный центр, везде с «Христа» выставлены фотографии, гравюры и т. д. Остальное, а его не одна тысяча номеров в духе времени, есть бесспорно талантливые вещи, принадлежащие всем нациям, хороши англичане, кое-что есть французское, лучшее же, конечно, самих хозяев-немцев.

Искания и *хорошие* намеки на новое искусство — это на «Secession'е». Выставка *сравнительно* небольшая: Штук здесь выставил «Голгофу» и несколько мелочей.

Хорошо, но не столь, как «Война», хотя в тех же тонах, но не так остроумно. Тем не менее это наиболее *серьезная* и казовая вещь. Остальные задаются задачами натуралистическими и разрешают их во всех областях, и в жанре, и в пейзаже, и в портрете иногда блистательно. Жанр и пейзаж сильнее наших Архиповых и Левитанов. Но портрет Серова [2] может смело выдержать соседство любого немца, испанца и итальянца. В общем, «гениальная провинция» — «не хуже людей», но и не больше... Мои «Монахи» делают впечатление оригинальное, хотя, быть может, мало понятное, по свойству нашей природы (здесь весна, вероятно, другая), а также и людей, изображенных на картине. Две другие мои повешены скверно и совсем пропали [3].

Именуемых «декадентами» и «символистами» сравнительно мало, и если есть, то в такой интересной и красивой форме, что видишь в них не кличку, а талант и, им увлеченный, не обращаешь на остальное большого внимания.

Формулировать *новое* искусство можно так: искание *живой души, живых форм, живой красоты* в природе, в мыслях, сердце — словом, повсюду. Натурализм должен, по-моему, в недалеком будущем подать руку и идти вместе со всем тем, что лишь по внешности своей, по оболочке не есть натурализм. Искание *живой души*, духа природы так же почтенно, как и живой красивой *формы ее*. Так-то, друг мой!..

Ты в письме своем говоришь, что российская тьма победила. Воистину тьма, и только теперь я живо представил себе положение Петра среди милых москвичей. Ну, да тот «средство знал» против них. Я рад искренне, что кончил с этим делом, отказавшись от него [4].

Перед отъездом за границу ко мне обратился фон Мекк (собственник картины моей «На горах») с предложением написать ему три образа по 2 арш. каждый, причем мне дали понять, чтобы я в цене *не стеснялся*. Я назначил за три образа 8000 р., и заказ, к общему удовольствию, состоялся. Жив буду — в год исполню *между делом* картинами. Через неделю буду в Риме, а через месяц думаю видеться с тобой на Минеральных.

242. И. С. ОСТРОУХОВУ *Киев. 4 октября 1898 г.*

Многоуважаемый Илья Семенович!

По приезде своем из Кисловодска в Киев я тотчас же хотел писать Вам, но внезапная и тяжелая болезнь моей дочери — скарлатина со всевозможными осложнениями, затем операция и вообще опасения всякого рода отвлекли меня от намерения поговорить с Вами; вот уже четвертая неделя, как я нахожусь в постоянной тревоге, и теперь еще нельзя поручиться за исход этой капризной болезни.

Институт распущен, и тем не менее лазарет каждодневно пополняется больными скарлатиной.

В Кисловодске я застал Марию Павловну значительно успокоившейся, пережившей острый период своего горя и сколь возможно примирившейся с событием минувшего лета [1]. Сочувствие ее утрате общее, даже от людей ей неизвестных получаются письма, и лишь по странной случайности члены Товарищества, за малым исключением, ничем не откликнулись... Ваше молчание я объяснил М. П. так, как вы желали, причем не счел нужным скрывать, что вторая статья «Русских вед[омостей]», понравившаяся М. П., написана Вами, и ей, очевидно, было приятно услышать, что автор ее — один из членов Товарищества.

Тогда же М. П. написала Вам по московскому адресу и говорила, что была бы рада и от Вас получить письмо.

Похоронили Николая Александровича в церковной ограде, под раскидистым деревом, вся могила в цветах, много венков, направо виден дом с мастерской, любимым балконом, налево горы, также любимые покойным. Намерение перевезти тело в Петербург отложено: М. П., успокоившись, оценила и удобство, и красоту настоящего места. Теперь все заботы и помыслы М. П. обращены на то, как и чем лучше почтить ей память Николая Александровича. Одно из первых желаний — поставить

хороший памятник на могиле; в этом случае, думаю, и Товарищество могло бы чем-либо проявить себя, быть может, член Товарищества Позен не откажется вылепить барельеф на памятник. Я со своей стороны предложил написать образ...

Затем М. П. помышляет о художественном издании произведений Н. А. К осуществлению этих планов она может приступить, конечно, тогда, когда Товарищество на общем собрании выскажется определенно относительно формы возможного своего участия... Пока же московские «пятницы» [2] при содействии Вашем и Касаткина могут разработать что-либо...

По слухам, Мясоедов собирает материал о Николае Александровиче, для чего — пока неизвестно.

Перед отъездом на Кавказ мне не удалось быть у Вас и узнать о судьбе моего писанья, моей статьи [3]. До сих пор в печати она не появлялась. Когда вернетесь в Москву, напишите мне, будет она помещена или нет, и если нет, то приберегите ее у себя до моего приезда в Москву.

243. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 30 ноября 1898 г.*

Здравствуй, дружище Александр Андреевич!

Давно тебе не писал, хотя от тебя и получал вести. Спасибо за журнал Собко [1]. Что же! Для передвижников и то хлеб. Здорово бездарно, но благополучие образцовое...

Другое дело Дягилев — тут молодость, тут самонадеянность, тут талант, все это перепуталось страшно, и получилось все же нечто, что может волновать, придавать интерес и энергию [2]. Статья Буренина грубая и грязная — писана она *по внушению* людей обойденных, с прищемленным самолюбием [3]. За такие статьи платят пощечинами. За Дягилева порукой те имена честных и даровитых людей, которые сознательно доверились ему, признавая в нем человека способного и с хорошим вкусом. Об этом Буренин не хотел задуматься...

Там в Петербурге у вас, видимо, не спят, и Дягилев не даст заснуть, по крайней мере до тех пор, пока сам не устанет и не плюнет на все это дело.

Его петуший задор забавен, тут сквозит молодость, а согласись — молодость, какая ни на есть — хорошая штука, и мы с тобой дали бы много за нее; умеренность и степенность нашего возраста пахнет халатом, а я его носить не люблю, он мне слишком мешает двигаться, работать, сознавать свою правоспособность... Словом, будем верить в «звезду» (как говорит Серов) Дягилева, а мальчишество его можно ему простить.

Рисунки майолики Малютина — плохо (просто — плохо), К. Коровина — красиво по краскам «Парусá» (помни, что это для майолики, и в деле это может быть интересно) [4].

Что, не будет ли уж об журналах? Не поговорить ли о себе маленько?... Благо есть новости, и не кое-какие, и ты в качестве верного друга порадуйся. Вслед за чином академика [5] на днях получил я от гр. Толстого телеграмму, а затем любезное письмо, где он извещает о желании наследника цесаревича [6] — поручить мне роспись вновь построенной небольшой церкви в Абастумане. Для чего, в случае моего согласия, предлагается мне поездка на казенный счет для ознакомления с грузинской церковной стариной (церковь цесаревича в грузинском стиле). Между прочим, гр. Толстой предлагает мне ехать в декабре совместно с вел. кн. Георгием Михайловичем, который особенно занят этой церковью. Столь приятный для себя заказ я, конечно, охотно принял, поездку же с вел. кн. отклонил по болезни Ольги и отправлюсь на Кавказ после выставок. Вот, брат, какое дело-то, Бог бы привел ему совершиться — и силы бы свои приложил почетно, и Ольгу бы свою обеспечил, и покоен бы был тогда.

Теперь усиленно работаю над двумя большими картинами — для Дягилева «Пр. Сергий» и на Передвижную — «Св. Димитрий царевич убиенный» [7]. Потом примусь за образа фон Мекку — эскизы утверждены и куплены уже...

Ольга моя медленно, но все же поправляется, она еще в постели, но силы растут.

244. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 12 декабря 1898 г.*

В минувший понедельник 7 декабря Москва похоронила своего почетного гражданина, одного из благороднейших своих сынов, дорогого нам, художникам, Павла Михайловича Третьякова.

Похороны были почетные, лучшие люди Москвы собрались поклониться покойному. Церковь была полна народом. После слова священника гроб подняли на руках художники во главе с В. Васнецовым и Поленовым, художники же несли его и до кладбища, потом долго, долго не расходились; печально, грустно было оставить им дорогую могилу и жутко было остаться одним среди просвещенных невежд, среди людей-хищников, холодных, чуждых и далеких от всех наших грез, наших наивных мечтаний... Павел Мих[айлович] был наш, он знал наши слабости и все то, что есть у нас хорошего, он верил нам, сознательно, разумно нас поддерживал. Покойному не нужны некрологи, ни глупые и пошлые вроде нововременского, ни восторженные и многоречивые. Деяния его так велики, они так ярко свидетельствуют о себе сами...

С отшествием покойного заканчивается блестящая эпоха русского искусства, эпоха деятельная, горячая и плодотворная, и он в ней играл важную роль. П. М. вынес ее на своих руках. Искусство вообще имело в нем друга искреннего, серьезного и неизменного. Я о кончине его узнал из газет в день похорон и не мог поехать поклониться ему, проводить его до могилы, пришлось ограничиться телеграммой семье да панихидой во Владимир[ском] соборе, на которую почти никто не пришел, несмотря на оповещение. Мало, брат, у нас *идеализма*, живем жизнью личною, суетною, хамскими расчетами, не подозревая об обязанностях к обществу, к его лучшим людям, к его работникам и героям, последние своей жизнью, своей деятельностью вызывают лишь враждебное, злое чувство. Да! Хорошо сказал Гоголь: «Скучно на этом свете, господа!» [...]

Кончу письмо иными темами: «Сергия» — довожу; «Димитрий царевич» — *не есть то слово, которое я знаю.* То, даст бог, впереди, через год, два.

Не поленись узнать, что стоит *академический значок?!* (Он должен быть *золотой.*) Если можно, вышли мне к празднику наложенным платежом или купи, что стоит — немедленно вышлю! (Спроси, быть может, есть *меньшего* размера или имеет ли право быть таковой.)

Как видишь, стареть стал, либерализм охладевает, хочу на праздники украсить грудь свою орденами и иными знаками отличия. «Все, брат, там будем», как говорит Несчастливцев.

1899

245. А. А. ТУРЫГИНУ *[Киев. 18 января 1899 г.]*

Здравствуй, Александр Андреевич! Давно тебе не писал, давно и о тебе нет вестей.

Не писал я тебе потому, что все это время писанье на ум не шло: здоровье бедной Ольги все в том же неопределенном положении. В Питер я не приеду, конечно, до Передвижной, мало того, что не приеду, но не послал и своего «Сергия», ограничившись несколькими эскизами.

В последние дни, когда все было готово к отправке большой картины, был у меня Прахов, видел обе картины, и «Димитрий» на него произвел сильное впечатление, и, чтобы не портить впечатление, он посоветовал не выставлять «Сергия» вовсе, находя пейзаж его превосходным, а фигуру равнодушной, не отвечающей «величине темы». Прахов был в ударе, говорил с большим увлечением и убежденностью и поколебал меня: чтобы проверить Прахова, я пригласил знакомых барынь, вкусу и чутью

которых я доверяю, и они подтвердили впечатления Прахова и настояли, чтобы картину не посылать, о чем я и телеграфировал Дягилеву, получив от него ответ, полный мольбы и настояний, но удержался и картину не послал, думал рассердится — нет, сегодня прислал телеграмму с просьбой выставить еще один эскиз. Видишь, сколько еще волнений было чисто художественных.

«Димитрий» нравится всем очень, находят его лучшей моей вещью, перебывала у меня вся здешняя знать. Старый Терещенко заговаривал о том, чтобы приобресть вещь,— я назначил высокую цену и сказал, что другой не будет до приезда государя. Пиши подробно (очень подробно и обстоятельно) о дягилевской [1] и начерти план, где стоят мои вещи и что, и как... понимаешь...

Устал я, брат, жестоко, ночи сплю плохо, бром глотаю «ведрами»...

246. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 20 апреля 1899 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, несколько строк на твое письмо.

Ругательное письмо Репина в «Ниве» [1] не имеет цельности и убежденности и только лишь — раздражение. Конец его очень пошлый и портит все, что сказано в нем выше. Буренин больше прав по отношению Репина, чем Дягилева, который для меня все еще загадка [2].

Сегодняшнее объявление в «Новом времени» о выходе десятого № «Мира искусства» меня совсем сбило с толку. Что же — неужели после публичного отказа Репина от участия в журнале состоялось *примирение* или Дягилев пошел напролом (от него смелости всяческой станется), помещая рисунки и даже портрет автора «Бурлаков» [3]. Ничего я тут не понимаю и радуюсь, что от этого «мира» могу уйти подальше, авось в Абастумане мне удастся найти другой «мир», более крепкий, тихий и удобный для занятий искусством.

247. А. А. ТУРЫГИНУ *[Кореиз. 10 мая 1899 г.]*

[...] Тебе, конечно, известно, что накануне Светлого праздника не один Илья Репин получил от Дягилева хороший ответ [1], но и Буренин дождался также достойной платы. Быть может, и не по-европейски Дягилев поступил, отхлестав Буренина по щекам, но согласись — другого выхода нет [2]. Я верю, что Дягилев не Карелин [3] и вполне честный человек, а что такое Буренин и нововременцы — тебе хорошо известно. [...]

248. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 30 мая 1899 г.*

Сегодня получил номер «Шута» и вознегодовал.

Неблагодарная скотина — Щербов; я еще его на извозчике довез до острога — а он!..

Маленький человечек с пяльцами в детском «наивном» платьице — увы! «твой друг». Не пощадили ни чина, ни звания... Большой с кружкой — Философов. В общем, зло и талантливо. «Корова» сегодня мне прислала телеграмму, что на днях будет в Киеве [1].

Из Абастумана, али там откуда — уже и не знаю — пока ничего нет. [...]

P. S. Хорош бедняга Бакст.

Меня Щербов еще, встретив на выставке, спросил: я ли вышивал «Варвару» и «Богоматерь». Мне тогда и в голову не пришло, что уже тема готова.

249. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 4 июня 1899 г.*

[...] Вышел номер «Мира искусства» с прекрасными рисунками *Сергея* Коровина [1], этого лучшего нашего жанриста, к сожалению мало работающего. Обрати внимание и скажи мне свое впечатление о его рисунке: «Больную ведут (отец и мать) к Троице». Какой это чудный, трогательный рассказ, простой, правдивый и глубокий, и какая новизна приема и форм!..

Если будешь в Петербурге, будь добр, приобрети для меня издание школы *бар. Штиглица «Орнаменты византийские и русские»* (там и Венеция, и наш Юрьев-Польской, и Ярославль) [2].

Рисунки эти сделаны кн. Гагариным, изданы в красках и прекрасно, возьми *последнее издание* (оно в четверку листа), стоит рублей 5—6 (в Москве оно есть и у Дациаро, и Аванцо), и вышли мне в Кисловодск, где я буду к *первому* июля.

Если к тому времени появится номер «М[ира] и[скусства]» с моими рисунками — тоже пришли [3].

250. А. А. ТУРЫГИНУ *Кисловодск. 22 июля 1899 г.*

Письмо твое, Александр Андреевич, писанное 16 июля, а также книжку Гагарина получил. Спасибо тебе за книжку, она пополнит мою библиотеку, хотя она и не та, которую я просил (я писал об издании бар. Штиглица). Что-то ленив ты стал, дружище, а я тебе еще хотел дать возможность показать себя, хотел предложить ехать в Абастуман помощником. Не говоря о том, что ты мог бы там капитал приобресть, но и почет!.. Глядишь, вернулся бы с серебряной медалью в петлице, а это всякому лестно. [...]

Что тебе сказать о путешествии своем по Кавказу [1], ехал я с высочайшей бумагой, и лошадей, никогда не бывающих на станциях по Военно-Грузинской дороге, выводили с быстротой молнии. И насмотрелся я еще раз на людей и людишек!..

Военно-Грузинская дорога великолепна. Зрелище единственное в своем роде. Характер грузинской живописи в лучших своих проявлениях — византийский. И лишь национальные темы разработаны в горбоносом и чернобровом стиле восточных человеков. Живопись и эмали Гелатского монастыря дали много интересного. Говорят, что жена какого-то губернатора Левашева здóрово пообобрала драгоценности края, теперь осталось их немного — оборыши.

Ольга все-таки окрепла, и есть надежда, что юг сделает свое дело. [...]

251. А. А. ТУРЫГИНУ *[Киев. 6 октября 1899 г.]*

Письмо твое, полное увлечений «культурностью», я получил и, конечно, с ним не согласен: оставляя в стороне свинства Свиньина [1] и ему подобных, свинства, от которого не застрахован ни англичанин, ни тобой излюбленный немец — и лишь только, быть может, свободный (по своей прирожденной галантности) француз и поляк,— скажу тебе, или, вернее, напомню, что называемый тобой «российский хлам», как то — «нутро», талантливость и патриотизм — дали нам героев — Ломоносова, Щепкина, Иванова, Скобелева, не говоря о времени более отдаленном, где были у нас и Минины, и Сергии Радонежские (называю тебе нарочно имена, вышедшие из народа), и думаю, что, перебирая тысячи наших славных имен, легко убедиться, что только лишь благодаря такому «российскому хламу», как талантливость и патриотическое чувство, земля наша стала великой землей, с нами говорят и слушают нас внимательно.

Ты бранишь «декадентов», представь себе, если бы твой дед [2] был жив и ему удалось бы объяснить «декадентство», он его и понял бы, и не стал бранить, и только потому, что в нем (в лучшем) есть жизнь, деятельность и будущность, а ты, «куль-

турный», но без «нутра», уже не поймешь его (если тебя не заставит понять твой же немец), и как знать, не потому ли ты не поймешь жизнь, ее движение с ее ошибками, успехами и превращениями, что ты более декадент (в твоем отрицательном смысле), чем самое декадентство.

Я с тобой привык говорить простым языком, говорить откровенно и скажу тебе — не спи! Жизнь мчится мимо тебя, а ты уткнул нос в книжку и ждешь, чтобы она тебе ответила, ты в книжке найдешь выводы *прошлого*, настоящее же надо видеть самому, быть наблюдателем, участником, а не антикварием пережитых чувств, пережитых явлений жизни. Так-то, дружище!..

Ты мне описываешь «Тангейзера» и говоришь, что любишь Вагнера! Это хорошо, потому что и Вагнер, и его «Тангейзер» талантливы, а вот скажи мне, знаешь ли ты и задумался ли (если знаешь) над музыкальным, художественно-народным (таким, что так много в поэзии Пушкина) «Борисом Годуновым» Мусоргского? Пожелал ли ты узнать сокрытую в этом непопулярном у нас создании красоту духа человеческого, да еще и нам близкого; если бы ты не решал слишком «культурно» вопросы, то мог получить наслаждение и не слушая безголосого Фигнера. В «Борисе Годунове» поет бас Шаляпин, некультурный, но гениальный русский мужик (нам с тобой сродни), и вот когда этот простой парень наденет царский кафтан, да выйдет на сцену, да запоет хорошим, простым голосом, то перед твоим духовным взором вырастет и народ русский, и его владыка-царь, и поймешь ты, что есть «нечто» и побольше, да и подороже для людей, чем немецкая культура.

Почувствуешь и смысл, и радость, и горе всего мимо нас идущего, познаешь и бога, и народ свой, и себя в нем!!..

252. Е. Г. МАМОНТОВОЙ

Киев. 6 октября 1899 г.

Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна!

Событие последнего времени, несчастье, постигшее Савву Ивановича [1], вызывает к Вам и семейству Вашему общие симпатии.

Те же, которые, как и я, имели возможность узнать Вас лично, иногда быть свидетелями Вашей тихой жизни, добрых дел Ваших, те опечалены случившимся еще более.

Глубокая вера и присущее Вам мужество духа, конечно, и в настоящем исключительном случае утвердят Вас, помогут пережить столь тяжелое испытание, мне же позволено будет присоединить свой голос глубокого участия к тем многим, кои, как и я, питают к Вам искреннее уважение.

Абрамцево и жизнь моя там остаются в моей памяти чем-то столь юношески-привлекательным, что хотелось бы впечатления этого хорошего былого поддержать и сохранить еще надолго.

Мое почтение прошу передать Вашему семейству.

С глубоким и искренним уважением и преданностью остаюсь

М. Нестеров.

253. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 23 октября 1899 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Давно тебе не писал, не давал ответа на твое «опровержение». Думаю, что инцидент о культуре и культурности исчерпан, а следовательно, можно перейти к очередным делам, что я и делаю. [...]

Вопрос, где я останусь с Ольгой до отъезда на Кавказ, решен: я остаюсь в Киеве, снимаю квартиру, меблирую ее, поселяю там себя, Ольгу и гувернантку, под покровительством и попечением дружественных мне дам, которые будут без меня охранять мою Ольгу.

За это время я весь был в хлопотах, да и теперь числа до 10-го их будет масса. Недели полторы-две тому ездил в имение Оржевской — Новую Чарторию, где пробыл гостем хозяйки сутки (представь себе меня едущим ночью на четверке в карете с гербами по дороге от станции к Н[овой] Чартории, освещаемой верховым с факелами?!). У Оржевской я взялся исполнить иконостас из шести образов за 15 000 р. Причем эскизы остаются ее собственностью. Заказ должен быть исполнен к январю 1901 года и пока остается нашей тайной, дабы не возроптали *наверху*.

Из Чартории проехал к своим друзьям — княгине Яшвиль, там при удивительно мирной обстановке, слушая редкое пение княгини, провел два дня и вернулся в Киев.

Здесь в Киеве кончаю образа Мекку, подготовил св. Георгия на гробницу и делаю эскизы Оржевской. (Церковь у нее если не очень хороша снаружи, то внутри, особенно склеп, — превосходна, и все это Прахов — талантлив, бестия! и я за это его люблю, чудные мраморы, прекрасные стекла делались в Мюнхене с образов Васнецова и моих. Все это пахнет большими тысячами — благо их не занимать-стать!)

Недавно здесь был Алекс[андр] Бенуа, приезжал смотреть собор. Он пишет историю русского искусства, кажется для Мутера [1]. Много рассказал мне нового, интересного. [...]

254. Е. А. ПРАХОВОЙ *Петербург. 7 декабря 1899 г.*

В прошлом письме своем я обещал Вам, Лелюшка, рассказать о Малявине. Слушайте же. Филипп Андреевич Малявин - крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезда, тридцати лет. Он побывал на старом Афоне [1] и, сбежав оттуда, попал в Петербург и при содействии Беклемишева поступил в Академию художеств. Вот краткая биография этого удивительного, громадного таланта, появившегося на горизонте нового искусства.

Непосредственное дарование этого сына земли, быть может, не имеет себе равного среди всего, что прошло с основания Академии, с появления у нас искусства. Его «художественные» ощущения до того тонки, новы и ярки, до того неожиданны и смелы, что я, еще нестарый в художестве вообще, чувствую, слушая его, что старею, что мы уже «отживающая эпоха» (это и больно, и приятно, радостно).

При огромной необузданной энергии, при страстной вере в себя, в свое будущее человек этот может быть страшен, неприятен. Молодость, отсутствие образования и, быть может, переходное время в искусстве вообще — делают Малявина как бы без ясных, определенных стремлений, делают его бессюжетным. И быть может, в этом отсутствии предвзятости, в этой чистоте и непосредственности его художества и кроется (кроме таланта, конечно) его «новое слово». Он, как Веласкес, как Милле и как большинство пейзажистов, заражается самой природой, а не идеями ее.

Его огромная шестнадцатиаршинная картина — без названия или, как ее окрестили, «Смеющиеся бабы» — вызвала и вызывает страстные, яростные, то полные негодования, то восторга споры.

Его только лишь после огромного скандала среди совета Академии признали достойным «звания» [2]. Репин, Матэ и Котов спасли его жалкое «звание» угрозой немедленного выхода из Академии, вызвав бурю страшную, даже юродство (проф. Померанцев просил названных трех заступников остаться... на «коленях»). Вообще изнервничались все до последней степени, наделав при этом массу глупостей.

Картину эту я видел вчера в мастерской Малявина, и вот мои впечатления: войдя в дверь мастерской, я увидел в противоположном конце огромный холст с красно-зеленым пятном переливчатых, играющих красок. Затем впечатление это сменилось мгновенно. Передо мной из красок появились формы, шумные, оживленные, в следующее мгновение — образы — живые, веселые, радостные лица,— все это снова волею художника зашевелилось, запрыгало, захохотало. Шесть или семь деревенских баб в красных платьях с хохотом и гамом вертелись на зеленом лугу, а солнце сверху радовалось их веселью, их жизни, обдавая их своими веселыми лучами. Вот вам

сюжет картины. Дополните сами красивую гамму красок — страшно широкую мазню — живопись, удивительную обобщенность, свободу обращения, так сказать, близость, дружбу с природой, не прикрашивая ее, а радуясь ей,— вот Вам и будет бледный облик новой картины в новом искусстве — этой, как называют, «анархии» искусства. Затем идет ряд дивных по краскам и смелости письма этюдов. [...]

1900

255. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 20 января 1900 г.

[...] Ты пишешь, что Куинджи побил Репина, что же — дело хорошее: по делам вору и мука, но Кравченко верен себе, своей бездарной природе, он не дал бойцам проявить их гении в новой силе и области. Беклемишев — ректор, ну что ж — он красивый, нарядный и даже не дурак. Во Франции президентами выбираются люди за хорошо сшитые гетры.

Ответом на заметку «М[ира] и[скусства]» о Владимирском соборе [1] было закрытие собора, куда теперь пускают только во время службы.

Кабаки, трактиры открыты весь день, собор заперт. Просвещайся, русский народ!

Я много работаю над «Голгофой», она занимает меня своей новизной, «трагедия» — для меня задача небывалая. Да и формы более строги, чем обыкновенно,— дают мне немало забот.

Мечтаю на Передвижную привезти картину сам.

На днях должна открыться Дягилевская выставка [2]. Сходи туда поскорее и тотчас напиши мне, где стоит моя большая картина [3] (нарисуй обычный план), также есть ли на выставке моя «Христова невеста» и где поставлена.

Напиши свое мнение о моих вещах и прочих участников. Поставлен ли малявинский портрет с меня? и прочее.

Подробно и обстоятельно опиши все, что у вас творится.

256. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 31 января 1900 г.

Твое письмо, Александр Андреевич, было для меня очень поучительно, ты на меня вылил, и весьма вовремя, ведро холодной воды — это было нужно, и я тебе благодарен за это.

Еще в прошлом году Прахов и кн. Яшвиль удержали меня от посылки этой картины [1], как неподходящей к Дягилеву, она хороша бы была у нас в «богадельне» на Морской [2] и, пожалуй, имела бы там успех. Ну, а здесь, конечно, она и сера и надоела. Обещаюсь никогда больше не «приставать» к публике с «угодничками».

Что касается Малявина, моего портрета, писанного им, то тут, брат, надо разобраться. Ты бранишься «хлестко», но бездоказательно. Я бы желал видеть портрет сам, среди обстановки других работ. Слова «наглость, нахальство» — это, брат, слова страшные и особенно их рискованно применять к такому господину, как Малявин,— он для нас, «стариков», еще загадка, и как знать, может разгадать ее суждено не нам, а тем, кто пойдет за нами.

Об остальных ты говоришь спокойнее, а потому и ближе к действительности, хотя тон твой к Дягилевской выставке всегда «пессимистический».

«Мир искусства» (то есть Дягилев) *обставляет* свои дела ловко — этот вернисаж стоит каталога с карандашиком на ленточке. Это, брат, уже XX столетие и нам, людям XIX,— не по зубам. Ну да живой — об живом думает!

Моя «Голгофа», хочется думать, не подведет меня — эти две недели пойдут на окончание ее. Жаль, что время мало и не удастся отойти от нее на два, на три месяца, чтобы взглянуть свежим глазом.

Да! Теперь время такое, что только держись да поглядывай. Вон Васнецов-то, в своем митрополичьем облачении вызывает улыбку у неверующих, не спасает и «сан». Народ — охальники, им что!

Лето надеюсь пробыть еще не в Абастумане и мечтаю о севере, хочется отдохнуть, да хорошенько, а то, брат, устал я так, что хоть ложись да умирай.

Числу к 20-му приеду в Питер, поговорим тогда, чем Бог пошлет. Ну, а теперь будет («Новое время» своим молчанием обо мне — подтвердило твои слова). [...]

257. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 5 февраля 1900 г.*

Письмо твое, Александр Андреевич, получил и прочел. В нем ты обстоятельно говоришь о портрете Малявина, но все же я не вижу в нем достаточно спокойствия — ты нервничаешь. Мое мнение — сходи еще на выставку «М[ира] и[скусства]» и проверь себя. О сходстве я и сам не буду говорить — да в Малявине, быть может, и не оно важно.

Сумей (если есть) найти наслаждение в самой живописи, постарайся смаковать ее помимо мысли о сходстве. Сходи и напиши мне без «негодований» все, что вынесешь с этой, надеюсь, все же интересной выставки.

Я выезжаю 17-го на Вильно. 19-го, в субботу, надеюсь быть в Петербурге и видеться с тобой.

Внешний успех Дягилева (вообще) теперь большой. Большое уменье было не пасть духом в начале. Теперь ему будет легче. «Голгофу» кончаю на днях. С огромным интересом жду, какая судьба ее ждет? [...]

258. И. И. ТОЛСТОМУ *Москва. 6 марта 1900 г.*

Глубокоуважаемый граф Иван Иванович!

В воскресенье отправлена в Москву [1] картина моя «Св. Варвара» (или «Чудо»). Картина и рама к ней упакованы в одном ящике и идут большой скоростью по адресу Академии художеств, причем для большей точности в квитанции на получение картины я прибавил: «Графу Ив. Ив. Толстому».

Если необходимо знать стоимость картины, то таковая определяется мною в 4000 рублей.

О приобретении карт[ины] «Пр. Сергий» для музея пока положительного мне не известно ничего. Перевод на новый холст я поручаю сделать Сидорову в Петербурге.

В Москве узнали о пожаре в Академии художеств в подробностях только вчера [2].

К счастью, огонь пощадил это прекрасное и для многих родное здание.

Сегодня я уезжаю в Киев.

259. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 14 марта 1900 г.*

Что о тебе, друг мой, ни слуху ни духу? Уж не болен ли ты? Смотри, брат, нашему брату хворать не полагается — это дело стариковское, а мы с тобой еще «молодчики».

Вчера прочел в «Новом времени» критику [1], ну, брат, и злую же собаку там нашли. Как он, дуй его горой, меня отхватал.

Я было хотел огорчиться, но прочел еще раз и успокоился — не стоит, да и глуп тот писака, который хочет повредить мне такой откровенной злобой. Как бы в ответ на

его статью сегодня Дягилев телеграфировал, что утром получил официальное извещение о том, что «Сергий» приобретен в Музей Александра III. [...]

260. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 23 марта 1900 г.

[...] Со дня на день жду известия от Левитана: нам всем — «перебежчикам», подписавшим четвертый параграф условий Дягилевской выставки (где говорится, что мы обязуемся все лучшие вещи ставить у Дягилева и только хлам на Передвижной), сделан *запрос* от Товарищества: как мы намерены поступить и как мы относимся вообще к делам Товарищества? Словом, вопрос ребром, а так как я и Левитан еще в Москве решили действовать *сообща*, то, быть может, *сообща* придется и *выйти* из Товарищества. Он телеграфировал: «жди письма». Вообще же это дело называется «влопались» паки и паки! [...]

261. И. С. ОСТРОУХОВУ

Киев. 4 апреля 1900 г.

Добрейший Илья Семенович!

К Вам, как стоящему вне наших «партий», обращаюсь с просьбой — обратить внимание Ваше на постановку моей «Голгофы» на выставке Товарищества в Москве.

Картину эту я самолично провалил в Петербурге, поставив в темноте, и теперь в Москве не хотелось бы повторить того же. «Голгофа» писана в мастерской при *большом покойном* свете и с значительным отходом для зрителя.

Писана картина по одному из абастуманских эскизов, и судьба ее меня интересует по многим причинам.

Печать и публика картину по обыкновению, укоренившемуся с первого моего появления на выставках, забраковала, и лишь несколько человек поддерживают во мне энергию, столь необходимую для дела, а поддержка извне бывает столь же иногда необходима, как и энергия внутренняя.

Буду благодарен Вам, если найдете возможным замолвить слово при постановке картины распорядителям выставки, и порадуюсь получить Ваш отзыв о ней.

262. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 7 апреля 1900 г.

[...] Твое желание исполнилось: я и Левитан оказались достаточно стары, чтобы быть «благоразумными», и, получив от Дягилева запрос: как быть? и готовность *все сделать*, чтобы удержать нас у себя, решили написать Товариществу, что мы остаемся в нем на старых условиях. При этом я прибавил, что с моей стороны ввиду спешных и ответствен[ных] заказных работ возможно лишь временное отсутствие на выставках вообще. Кратко и мило.

Дягилев очень встревожен, хотя и пишет, что дела вообще идут хорошо, печать за них, и Архипов, Виноградов, Пастернак, Бакшеев прислали согласие участвовать на выставке будущего года, а также есть предположение, что и Суриков будет у Дягилева.

Я, как и прежде, не могу сердиться на него, в особенности же за параграф 4-й. Мы все были в твердой памяти и здравом уме, и вольно же нам было то подписывать, что не следует. А Дягилев — он как на войне. По нем все средства хороши. Не удалось нас перессорить с передвижниками, он обойдется и без этого. Пока только, кажется, без *нас* начинать ему не охота. Ну, словом, поживем — увидим. [...]

263. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 26 апреля 1900 г.*

Что это от тебя, дружище, нет вестей? Откликнись, поведай, чем ты теперь *занят* и почему молчишь?

Через неделю или полторы я покидаю Киев. 3-го у Ольги экзамены, 6-го она едет в Уфу, а я — сначала в Крым, где сейчас собрались несколько интересных людей: Чехов, Горький, Ермолова и еще кое-кто. С ними хочется встретиться, с Горьким же — познакомиться, благо у нас есть общий приятель — доктор [1], о котором я, кажется, тебе говорил.

Любопытный человек, талант его в уменье умно, интересно «слушать». Он, несмотря на то что в последнем градусе чахотки,— есть центр всего, что более или менее интересного бывает в Ялте. Тонкий знаток музыки, литературы и живописи. Каков клад для нашего брата — и это все мы чувствуем — и счастливы.

Как тебе известно, война в художеств[енном] мире все разгорается... Заварил кашу Дягилев, дай Бог ему здоровья. Будут его помнить!.. Когда выйдет номер «Мира искусства» со статьей обо мне [2] — купи этот номер и пошли в Уфу, Вас. Ив. Нестерову, старик рад будет прочесть тот вздор, который там напишут. [...]

Теперь работаю Оржевской образа — и делаю эскизы к будущей картине [3], которая, если все будет у меня благополучно, появится года через два. Картина сложная во всех отношениях, после нее хоть и на покой — все главное будет сказано. [...]

264. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Ялта. 11 мая 1900 г.*

Третьего дня приехал в Ялту, в тот же вечер был у Срединых, где все по-старому, очень мило, спрашивали о тебе. Вчера познакомился с М. Горьким (Алексеем Максимовичем Пешковым). Сошлись мы почти сразу и по душам проговорили до ночи. Он любит мои вещи — я его. Он очень живой, интересный человек, с огромной будущностью, которая не за горами уже. До отъезда будем видеться ежедневно у Срединых.

Ермоловой еще нет. Чехов уехал в Москву.

Ждем сюда В. М. Васнецова. Здесь Алеша [1].

265. А. А. ТУРЫГИНУ *Горячий Ключ. 18 мая 1900 г.*

Давно не писал я тебе. С 6 мая я начал свои странствования. Отправив Ольгу в Уфу (она снова поступила в институт), я в тот же день проехал в Одессу, где видел новый памятник Екатерине, по обыкновению банальный и бездарный, виделся там кое с кем из знакомых; на другой день на пароходе двинулся на Севастополь — Ялту.

Погода чудная, море тихое, кормят здорово, и я всегда в море чувствую себя моложе и бодрее...

В Ялте в тот же вечер отправился к своему милому доктору, узнал, что Чехов уехал в Москву, Ермолова еще не приезжала. Горький в Ялте, в Ялте же Рахманинов (композитор) и Мамин-Сибиряк, все они бывают у Средина (доктор). Через несколько дней ждут Виктора Васнецова, сын которого живет у Срединых уже месяца три.

На другой день познакомился с Горьким, это очень высокий сутулый человек, с простой широкоскулой физиономией, русыми волосами, в одних усах. Портрет Репина [1] похож, но в нем, как и всегда почти у Репина, выдвинута отрицательная сторона человека — и тут ускользнуло очень существенное выражение мягкости и доброты в лице Горького.

Мы почти сошлись сразу, он оказался моим большим почитателем, и это самое почти всегда упрощает первое знакомство, поселяя доверие и симпатии, тем более что и я очень люблю талант Горького и жду от него много впереди, как жду от Малявина и Шаляпина, этих трех мужиков, выдвинувшихся так ярко и быстро.

Горький умный, тонко развитой, простой и наблюдательный человек (хотя образования он и не получил).

Из трех вышеназванных на меня он сделал впечатление более развитого и устойчивого, хотя в смысле *даровитости природы* выше всех я должен поставить Шаляпина, необыкновенно быстро схватывающего все и столь ярко отражающего собой красоту и всяческую прелесть жизни в своем искусстве.

Рахманинов — это балованный молодой музыкант, который себе цену знает. Мамин-Сибиряк (тоже ярый мой поклонник) — проживший жизнь неудачник (он сильно пьет).

Время провел я в Ялте хорошо, интересно. А теперь сижу у приятеля-земляка около *г. Екатеринодара, в местечке Горячий Ключ* (это мой адрес).

Здесь чудная природа, тишина, и я, отдыхая от культуры, сплю, ем, купаюсь и работаю эскизы в Абастуман, отсюда числа 1—2-го июня проеду в Абастуман, а оттуда под Москву, в Уфу, в Париж. Словом, буду все лето до сентября ездить, а потом засяду за дело.

Напиши мне до отъезда в Абастуман, что знаешь и про что знаешь...

Завтра мне стукнет 38 годов, пора за ум взяться...

266. А. А. ТУРЫГИНУ *[Аляухово]* [1]. *24 июня 1900 г.*

[...] Что тебе сказать нового? Ну, да хотя бы то, что Дягилев получил от государя 45 тысяч руб. на ведение «Мира искусства» на три года — это выхлопотал Серов во время сеансов в Зимнем дворце [2].

Малявин, Коровин (Костя) и Серов удостоены золотой медали [3]. Это знатная затрещина Академии и наша победа. Репин выходит из Академии [4], а Левитан доживает последние дни — его сердечная болезнь развилась, и, говорят, он не перенесет. Жаль его — я его искренне люблю и ценю. Но долой мрачные мысли!..

Вчера начали судить Савву Мамонтова (это пошли мысли игривые). А завтра, может быть, вы, сидя в Петербурге, объявите войну и мы, рыцари и амазонки Аляухова, должны покинуть ванны и мирный отдых, идти на бранное поле.

Но довольно. Отвечаю тебе о Горьком... Он теперь совершенно здоров — у него был бронхит, и Ялта его поставила на ноги. Гораздо опаснее нездоров Чехов, у того в легких неладно. [...]

267. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Аляухово. 6 июля 1900 г.*

Здравствуй, Олюшка!

Поздравляю тебя, дорогая, с днем твоего ангела Утром в твой праздник тетя передаст тебе мой подарок, о том, понравится ли он тебе, напиши мне, напиши и о том, как ты провела 11 июля.

Желаю тебе, моя звездочка, быть здоровой, веселой и милой, твое благоразумие и спокойствие, желание послушать мой совет порадовало меня. Порадую и я тебя, а также и дедушку с тетей. В Париже на выставке мне присуждена (по газетам) вторая (серебряная) медаль, первую (золотую) получил Малявин за своих «Смеющихся баб» и Костя Коровин. Высшую же «почетную» — Серов за живопись и Трубецкой за скульптуру, вторую получили еще Кузнецов, Похитонов, который-то из Васнецовых, Дубовской и еще кто-то [1].

Ни Поленов, ни Маковский не получили ничего.

Я, ты знаешь, и в голове не имел награды, вещи посланы старые и немного. Там «Чудо», о котором княгине из Парижа писали много хорошего, и «Монахи». Почти все награды присуждены участникам «Мира искусства», и Дягилев торжествует, тем более

что государь дал 45 тысяч на три года на поддержание журнала «Мир искусства».

Малявинские «Бабы» проданы в Париже за 25 000 франков [2]. Они вызвали огромный успех там, и жюри долго колебалось, кому дать почетную медаль: Малявину или Серову?..

Теперь переделывают Третьяковскую галерею. В. М. Васнецов делает фасад в старорусско-васнецовском духе, но выходит не очень интересно. Из Петербурга о мозаиках [3] пока нет ни слуха ни духа.

Сегодня еду в Москву хлопотать о паспорте за границу, а числа 15—16-го, быть может, и выеду в Париж. [...]

268. Л. В. СРЕДИНУ *Аляухово. 8 июля 1900 г.*

Здравствуйте, дорогой Леонид Валентинович!

В своих странствованиях не было мне времени побеседовать с Вами, и теперь только из своей глуши, подмосковной деревни, из тихой обстановки безусловного отдыха я могу поделиться с Вами впечатлениями проходящего лета.

Из Вашей Ялты я отправился на Новороссийск, откуда, как и хотел, проехал к своему приятелю, там пожил недели две, отъелся, нервы успокоились, и я решил проехать в Абастуман.

Чудный морской путь, подобравшаяся компания добродушных спутников доставили много удовольствия. Затем путь от Боржома до Абастумана и свидание со старыми знакомыми там. Впечатления минувшего, осмотры и соображения, касающиеся храма, несколько этюдов с места последних минут наследника [1] — все это заняло меня. Там я узнал, что в Тифлисе были В. М. Васнецов, Чехов и Горький, проехали по Военно-Грузинской дороге с большой помпой и исчезли с Кавказа в неведомые страны [2].

Осмотрев злополучный храм, я с полной откровенностью поведал обо всем великому князю, а затем гр. Толстому и милейшему Свиньину, который, не имея больше приманки в лице наследника, совершенно запустил храм, масса всевозможных недочетов и промахов делают храм негодным к росписи. Мозаики, которые я хотя и предложил вел. князю, тоже едва ли приложимы, так как их не выдержат тонкие своды купола.

По недавним известиям из Питера, дело это императрица желала бы довести до конца, а также вполне сочувственно расположена к Вашему покорному слуге, а следовательно, надо терпеливо ждать, что я и решил делать.

Теперь я у Токарского, в санатории бывшем Апрановича (в Аляухове близ Звенигорода). Начал толстеть, но, чтобы к этому же и не одуреть,— решил ехать в Париж (Соловки отложил до того года). В этом месяце еду, 19-го буду в Париже, пробуду там числа до 7—8-го августа, а затем, если не устану, проеду за Ольгой в Уфу, а то ее прямо привезут ко мне в Киев... Из Парижа или по приезде отсюда напишу Вам свои впечатления. [...]

269. И. С. ОСТРОУХОВУ *Париж. 27 июля 1900 г.*

Многоуважаемый Илья Семенович!

Мне помнится, при последнем свидании с Вами я передал слух о том, что «Смех» Малявина продан в Париж. Здесь на месте слух этот не подтверждается (пока). Между тем картина эта настолько интересна, настолько эта вещь яркая и талант Малявина в ней полон, что невольно является опасение, чтобы она не ушла в чужие руки, не повторилась бы история с «Аленушкой» и другими вещами, упущенными в свое время [1].

Картину «Смех» необходимо иметь в Москве, она лучший образец новейшего искусства. В ней «живописная сторона» представлена так богато, так красиво и даровито, и в наших музеях так сильно чувствуется отсутствие этой стороны художества.

Малявин своим живым смехом, своими звучными красками наполняет и оживляет весь русский отдел.

Илья Семенович, Вас обстоятельства выдвинули к большому делу, делу, около которого еще недавно стоял Павел Михайлович [2]. Наследуйте ему и его решимость!.. Берите без колебаний все живое, все свежее, даровитое и красивое. Оставайтесь всегда юным, бодрым и смелым!..

Вы в Вашей прекрасной роли должны быть проникновенным творцом. Вы должны стать выше пристрастий, симпатий и антипатий. Здесь можно и должно приложить лучшее свое честолюбие...

Не упускайте Малявина, не останавливайтесь на полумерах, нет их хуже!

Искренне желаю Вам обновить галерею Малявиным, столь же искренне желаю, чтобы галерея вместила в себя все, что и впредь появится свежего, талантливого, будь то произведение с громким именем автора или вовсе без такового. Произведение создать труднее, чем имя.

Гг. Маковские и К° — вот то зло, которого надо бояться. Посмотрите на них здесь?!. Серов и Малявин первенствуют. Виктор Васнецов, лучшие вещи которого повешены худо,— проиграл. Его «Триптих» [3] и «Гамаюн» не следовало бы посылать вовсе. Еще можно назвать несколько вещей, остальные представляют обычный балласт Передвижных и иных доморощенных выставок.

Письмо это вызвано лучшими побуждениями, искренним желанием крепко пожать Вам руку за одну лишнюю хорошую картину в галерее.

Кончаю письмо свое обращением к вам, распорядителям галереи: не найдете ли вы в интересах дела возможным переменить (конечно, за мой счет) рамы на картинах моих: «Сергий с медведем» и «Отрочество Сергия» [4]. Это старое мое желание — я давно хотел сделать рамы на эти две картины «стильные» и говорил об этом с Грабье. Таковое же мое желание по отношению к «Великому постригу» вел. кн. Георгий Михайлович охотно уважил.

Буду благодарен, если будет признано возможным не отказать в моем ходатайстве. О чем прошу уведомить меня (в Москве, Кокоревская гост., если Вы уедете за границу до 15 августа) или же г-ну Грабье. А также прошу сделать распоряжение о своевременном покрытии картин «Труды Сергия» и «Сергий с медведем» лаком...

Выставка интересная, хороши Бенар, Котте, Даньян, немцы, американцы. Чудный Лялик (драгоценности) [5].

Пробуду здесь с неделю, потом в П[етербург], сдавать в музей картину [6].

P. S. Только что узнал о смерти Левитана. Глубоко опечален, я любил его и ценил искренне и горячо.

Прощай, отличный художник и товарищ!

270. Э. О. ВИЗЕЛЮ *Париж. Конец июля 1900 г.*

22 июля в Москве скончался от аневризма Исаак Левитан. Было бы крайне желательно, чтобы к одной из картин его, как это принято здесь, был прикреплен траурный флер [1].

Буду, как товарищ и художник, признателен Вам, если Вы возьмете на себя труд распорядиться об этом последнем знаке уважения памяти прекрасного нашего пейзажиста.

Жму Вашу руку
М. Нестеров.

271. А. А. ТУРЫГИНУ *Париж. 30 июля 1900 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, более для того, чтобы исполнить обещанное, пишу немного, а больше расскажу при свидании. Я уезжаю отсюда гораздо раньше предполагаемого, во-первых потому, что все осмотрел и страшно устал, а во-вторых потому, что отец желает, чтобы я побывал в Уфе. Старик очень стар, и надо сделать ему приятное. Выезжаю я 1-го, во вторник. Остановлюсь на сутки в Берлине и 5-го буду в Питере. Если хочешь, приезжай провести время до отхода поезда в Москву. [...]

Теперь два слова в память дорогого мне Левитана. Он умер 22 июля, а 25-го его очень торжественно (прочти московские газеты — «Русские ведомости», «Новости дня» и другие) хоронили. Это начали уже из нашего полка, как скоро идет время, вот уже и Левитана нет! Нет одного из очень близких мне людей, человека глубоко мне симпатичного. Пусть ему земля легка будет. Имя же его в истории русского пейзажа начерчено яркими буквами...

Перехожу к выставке.

По внешнему виду она неказиста, напоминает архитектурой «сад Неметти» [1]. Она огромна, раскинулась на много верст... Содержимое крайне занимательно, я, конечно, держался больше около искусства. Оно представлено богато, особенно сами хозяева. Лучшие из них: Бенар, Даньян, Котте, Менар, Бенжамен Констан, скульптор Фремье (Роден был бы гениален, да с ним что-то поделалось сродное нашему Ге, только на почве эротической). Бенар - удивительный живописец. Даньян — поэт, они двое меня особенно здесь привлекали. Великолепно обставлены отделы Австрийский (Климт не понравился) и Германский, оба в стиле «Сецессион» [2]. Интересны англичане и американцы (Берн-Джонс не понравился). Северяне — разные Тауловы и Цорны — тоже не пришлись по душе, да я их и раньше не очень любил. Очень по душе пришелся Сегантини. Вот здоровый поэт с повышенным чувством. У нас в отделе самый яркий, самый «звучный» по краскам — Малявин. Серов очень хорош (кроме портрета Боткиной). Викт. Васнецов потерялся, особенно неудачны «Триптих» и «Гамаюн». Левитан тоже потерялся. Хорош Аполлинарий, Суриков и Архипов пропали вовсе (им обоим по бронзовой медали). Жалок Поленов [3]. Мои обе вещи повешены очень хорошо и не проиграли (висят рядом с Малявиным).

Вот и все пока о живописи. Там в Отделе промышленности есть чудные, не поддающиеся описанию драгоценности Лялика.

Париж мне по-прежнему очень нравится, элегантный, веселый, нарядный, я его люблю. Был в Лувре, Люксембургск[ом] музее, Пантеоне, сегодня — на Père-Lachaise [4] (интересно).

Смотрел в «Орленке» старушку Сару Бернар. Эта удивительная женщина не желает стариться, ей не дашь больше 35 лет (я сидел близко). Огромный мастер своего дела. Сколько красивых женщин, как эти француженки умеют быть интересными, и их здесь больше, чем мужчин, и последние менее крепки и не так нарядны (красивы). С утра до глубокой ночи адский шум движения, огромные толпы по бульварам, все это галдит, куда-то торопится...

Был в пятницу на иллюминации выставки, красиво, хотя мы это уже видели в Москве на коронации.

Хорош Париж! А у нас все же на Руси лучше — милее.

272. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Париж. 1 августа 1900 г.*

Пишу тебе, моя дорогая Олюшка, из Парижа последнее письмо, сегодня вечером, усталый, уезжаю в Берлин — Петербург. [...]

Париж оставляю, несмотря на усталость, неохотно. Хорошо тут. Был как-то на знаменитом кладбище Père-Lachaise. Это целый город умерших. Сколько похоронено здесь великих талантов, и какие памятники разбросаны среди этих каменных улиц и траурных кипарисов. Тут лежат поэты, художники. Тут Мюссе, Делакруа и много-

много еще славных имен. При входе великолепный памятник, на нем скульптор изобразил человечество у дверей вечности, тут старики, молодые и дети остановились в трепете — впереди других в покорной позе стоят любящие жена и муж, они уже почти вошли, еще момент — и они все увидят. Как это поэтично! Эта громадная скульптура-поэма [1] рисуется на фоне кипарисов у подножья горы, посвящена эта давняя поэма «всем мертвым». Трогательно! Невольно вспомнил и о Левитане, лежит и он, бедный, и здесь на его картинах уже красуется траурный флер.

Если бы ты знала, какие здесь движения! Вот катит господин на велосипеде, к которому прикреплен стеклянный ящик с дамскими шляпками, вот пара собак везут, побрякивая бубенчиками, какой-то фургон. Сотни газетчиков, бегут, кричат! С громом несутся автомобили, конки электрические и другие. Был как-то в музее Клюни, на выставке скульптора Родена, на иллюминации выставки. Словом, побывал везде, где можно быть без знания языка. Через две недели здесь соберутся все наши из «Мира искусства», приедет и милый Станиславский. Если Бог пошлет сил и здоровья, хотел бы побывать на Западе с тобой. Показать тебе хотя бы все то, что сам видел. Учись, моя дорогая, постарайся овладеть языками, хочешь — зимой займись английским.

273. А. Н. БЕНУА *Петербург. 6 августа 1900 г.*

Дорогой Александр Николаевич!

[...] Сегодня с 11 ч. до 4 провел в обществе С. П. Дягилева и Д. В. Философова. Много было переговорено, многого пришлось коснуться такого, что вызывает горячие возражения и разноречия, но не приводит ни к охлаждению, ни тем более к чему-либо острому.

Есть надежда, что зима и ряд вопросов, поставленных самой жизнью, даст возможность прийти к желательному полному согласию.

Художественный мой возраст таков, что заставляет быть в своих поступках медлительным и осторожным [1]. Пора юношеского пыла прошла. Увы!..

274. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 7 октября 1900 г.*

[...] На днях в здешнем университете были прочитаны неким Александровским две лекции «о Горьком и его босяках», я был на лекциях, поскучал изрядно, и только...

Впечатление такое, что этот самый Александровский, признавая Горького «с одной стороны», признавал и за собой — Александровским — немалые права на авторитетное покровительство и поощрение «несколько, правда, преувеличенного дарования, но все же дарования Макс[има] Горького» — «с другой стороны». Все это продолжалось часов пять и поражало меня наивностью серьезного тона лектора и нас, покорных и простодушных слушателей.

А впрочем, ну их, этих благожелательных и неблагожелательных критиков и покровителей...

Сейчас передо мной стоит портрет покойного Левитана и так пристально смотрит на меня, как бы говоря: стоит ли волноваться, плюнь, брат, на это дело и береги свое здоровье!... И правда. [...]

275. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 9 октября 1900 г.*

Давно от тебя не было вестей, сегодня, наконец, получил твое краткое письмо.

Это время я сильно работал, а как? — можешь судить по тому, что за полтора месяца сделано мною двенадцать эскизов да написаны (подготовлены) четыре обра-

за [1]. Устал и изнервничался жестоко. Хочу числа 20-го проехать куда-нибудь, может быть к знакомым в имение, а то в Крым, теперь там Чехов и еще кое-кто из людей любопытных.

По газетам теперь идет сильная перепалка в худож[ественном] мире. Письма Репина и Дягилева в «России» подняли опять всех на ноги. Забавно! «Сторонний» по своей глупости оказал медвежью услугу Виктору Васнецову, да и Рериху тоже [2]. А впрочем, ну их всех...

Относительно картины «Сергий» получил известие от Альберта Бенуа, который пишет, что картина стоит все на старом месте (очень хорошо, я сам ее там поставил временно) [3].

Картиной очень интересуется публика. Великий князь при Бенуа в музее не был и, насколько ему известно, ничего не говорил про картину, и вообще ничего не слышно про то, что передавали тебе.

Между прочим, он догадывается, откуда эти слухи: это Тевяшов, быть может, Свиньин, да и Брюллов, думаю, тоже, огорченные картиной и, больше того, мною, решили принять зависящие от них меры к ее удалению. Тевяшов обращался к Бенуа с вопросом: «По какому праву картина принята в музей?» — на это Бенуа сказал: «По распоряжению великого князя» [4].

Они там все на ножах и один злится на другого.

Быть может, «интрига» и есть, и я допускаю, что и вел. кн[язь] мог сказать на хитрые речи Тевяшова что-либо. Во всяком случае, я все сделаю, чтобы *«Сергий» остался в музее*, и только в крайнем случае (как и написал я Бенуа, поручая ему судьбу «Сергия») предложу взамен «Чудо».

Тебе рекомендую быть с Брюлловым на этот счет *осторожнее*, не сослужи мне службу, за которую тебя пришлось бы поминать лихом, не сделайся невольно орудием ловких людей и, зная мою горячность, не спеши с известиями.

С следующего месяца начну картины [5], хотя вопрос о том, буду ли в этом году участвовать на выставке, остается открытым,— если буду, то у Дягилева (конечно, выйдя из Товарищества) [6].

Итак, «сезон» открыт — дай Бог благополучного начала.

276. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 2 ноября 1900 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Пишу тебе по возвращении из имения княгини Яшвиль [1], где я пробыл около недели, отдыхая вместо Крыма, куда не попал: далеко и дорого. Гостя у Яшвиль, был у гр. Бобринского, получил от него заказ написать два образа для часовни в Александро-Невскую лавру на могилу жены графа. Это надо исполнить к маю, образа будут исполнены мозаикой в Риме.

Сегодня получил официальное приглашение на выставку «Мира искусства», которая откроется 5 января в залах Импер[аторской] Академии художеств!??.. По всем вероятиям, я из Товарищества выйду, хотя, быть может, в этом году и не буду участвовать у Дягилева.

[...] Теперь отдохнул немного и, если ничего не приключится (все Ольга недомогает), начну снова усиленно работать.

Дела много, в эту зиму надо много денег заработать, чтобы иметь право два года писать большую картину [2].

277. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 11 ноября 1900 г.*

[...] Сообщение Ваше о В. М. Васнецове меня порадовало, видимо, человек стряхнул с себя обузу труда, да к тому же и снял свое «архиерейское облачение», оно

совсем его задавило, как бедную голову Бориса шапка Мономаха. Из когда-то милого, живого, увлекательного и увлекающего – он в Москве у себя стал олицетворением «Московских ведомостей», да хорошо бы, если времен Каткова – а то нет... И как это все скучно, утомительно и безжизненно. [...]

Но, так или иначе, в Крыму и на Кавказе Васнецов был прежний В. М., милейший человек, и это хорошо, и хорошо, главным образом, для него.

Что сказать Вам о себе – работаю, работаю, как батрак, без радостей, удовлетворения доставая свое «дневное пропитание». Образа, которые я пишу, мало меня трогают. Дай Бог, чтобы те, кто будет на них молиться, нашли в них себе утеху.

Ольга все болеет, худа и желта, как мощи.

Горький, по газетам, «отделал» почтеннейшую публику Художественного театра, слишком усердно заявлявшую свое «обожание» ему. Смелый он человек, и нервы у него хорошие, не всякий бы решился сказать то и так, как сказал он. И поделом ротозеям![1] [...]

278. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Киев. 14 ноября 1900 г.*

Здравствуйте, многоуважаемый Аполлинарий Михайлович, давно собирался написать Вам, поблагодарить Вас за высылку моего чемодана с пожитками, а также поздравить Вас с новым высоким постом и почетным званием [1]. Как и первому обстоятельству, так равно и за второе я очень порадовался. Желаю Вам с любовью и пользой потрудиться для Школы, где работал когда-то Перов, Прянишников, Поленов и другие, где еще так недавно с таким увлечением трудился Левитан, где мы все, теперь сорокалетние «молодые» художники, были молоды и так пламенно мечтали, и еще теперь для многих из нас Школа вызывает счастливые воспоминания юности, надежды и упований.

Каково-то Вы съездили в Париж? Каково показалось Вам искусство, с той ли бодростью Вы вернулись в Кокоревку, с какой уехали? Что поделываете теперь, что делают наши товарищи? (Всех вас, москвичей, сегодня видел во сне и с седыми, длинными бородами, к чему бы сие?)

Что слышно и как намерены Вы действовать на предстоящих выставках в Петербурге? Какие слухи о С. П. Дягилеве и его делах? Я знаю только то, что выставка «Мира искусства» будет в стенах Академии художеств, и считаю это весьма знаменательным. Вы, как человек, живущий в самом водовороте художеств[енных] событий, вероятно, осведомлены весьма подробно обо всем, что слышно интересного и нового, и не откажете поделиться с нами. С. И. Светославский из Товарищества вышел, теперь геройствует. Готовится дать генеральное сражение передвижникам, задать им звону!!..

Я занят образами, пишу их много, и картины пока остаются в намерениях.

На петербургских выставках этого года едва ли удастся что-либо поставить – не успею. В январе, вероятно, придется быть у Вас в Москве, проездом в Питере с эскизами для Абастумана (остальными).

Сообщите мне, как зовут Грушецкого, я думаю на Периодическую прислать старые две маленькие вещицы (тогда посмотрите за ними, чтобы их поставили получше).

Я и Светославский ждем от Вас подробного письма, введите им нас в круг того, что известно Вам.

Привет москвичам-товарищам.

279. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 21 ноября 1900 г.*

Два твоих письма, Александр Андреевич, я получил жду третьего с описанием (да подробным!) выставки конкурентов вообще и А. Мурашко, его картины и портрета с меня [1] – в частности. [...]

Я занят сейчас заказом гр. Бобринского и начинаю «Воскрешение Лазаря». Почти наверно, что в этом году я *не* приму участия *ни на одной из предстоящих* выставок, в таком духе будет отправлена своевременно и «нота» Дягилеву. [...]

А Горького я все-таки одобряю, зная его, я уверен, что он все, что сказал,—сказал искренне, *от души*, выведенный из терпения цивилизованными дикарями. Речь его ему обойдется дорого, и за это мне жаль его, надо с толпой говорить на ее ординарном, ничего не значащем языке, и в этом ошибка Горького. Плохо не то, что он груб, а то, что он смел и не опошлел еще до человека из толпы, до просвещенного дурака [2].

Да, так-то, душа Турыгин!..

280. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 11 декабря 1900 г.

Что о тебе, А. А., нет ни слуха ни духа? Здоров ли ты? Откликнись...

За тобой пропадает долг: «ученическая выставка в Академии».

Читал ли ты новый выпуск «Истории искусств» Мутера, где А. Бенуа в статье о русской живописи разделывает В. Васнецова, а попутно и М. Нестерова (за образа)?[1]

Хорошо теперь пишут истории искусств, хлестко. Лежишь как карась на сковородке, а тебя то с того, то с другого бока поджаривают, маслица подбавляют.

Да, прочти, твоему «критическому уму» много пищи найдется в статье о бедном Васнецове. Для этой статьи стоило издавать и Мутера, и писать о Воробьевых и о Шебуевых и еще черт знает о ком, предвкушая удовольствие «пиcнуть» на закуску о Васнецове, первому «облаять» большую знаменитость всякому лестно...

Да, брат, или и я уже стар становлюсь, или эта статья о Васнецове — статья свинская...

В мае обещано поговорить обо мне особо, доживем — послушаем, а теперь надо работать, тянуть ту лямку, которую сам надел на себя, возлюбив злато.

Теперь пишу «картинки» величиной в 500 сребреников, кои и привезу в январе в Питер (конечно, не на выставку, на выставках этого года не буду участвовать вовсе, о чем и сообщил Дягилеву). [...]

281. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 23 декабря 1900 г.

[...] Разбойник Дягилев в ответ на мою «дипломатическую» ноту о желании в этом году нигде не выставлять — махнул прямо к гр. Голенищеву-Кутузову и через его содействие добыл «высочайшее соизволение» поставить абастуманскую коллекцию у себя на выставке, о чем и телеграфировал мне, и мне, «бедному», оставалось только «радостно согласиться»...

Эскизы сегодня уже в Питере, и 5-го ты их увидишь в Академии. Ну, не разбойник ли Дягилев! Он в один прекрасный день может оставить любого из нас не только без эскизов, но с высочайшего соизволения и без штанов.

Что касается того, что его следует держать «*в черном* теле», то я бы хотел посмотреть, как бы ты это сделал и что бы сталось с твоим *белым* телом?

Мои знакомые сочувствуют такому обороту дела, видя в этом возможность не дать мне уснуть раньше время. Это конечно! С Дягилевым не уснешь, но в нашем возрасте и сон необходим.

Устал я страшно, нервы мои расшатались вконец. Ну, да беседой их не поправишь.

P. S. В Товарищество я ставлю пейзаж, картон «Рождества» и две маленькие вещицы, *очень милые*, рублей по 400 и даже меньше за штуку [1].

1901

282. Л. В. СРЕДИНУ

Киев. 3 января 1901 г.

С Новым годом, с Новым столетием!!

Ваши письма, дорогой Леонид Валентинович, ожидаются с большим интересом и всегда живо переносят меня на юг, в Вашу столь любезную мне обстановку. Знать, что здоровье Ваше удовлетворительно, а тем более хорошо, доставляет мне большую радость.

Бедный Алеша, самый милый из васнецовской семьи, самый тонкий и добрый, и вот на него-то и все напасти. Здесь мне передавали, что у него туберкулез, и что его дело плохо, и что его везут на юг Италии. Очевидно, это все вздор. Было бы слишком обидно, если бы эта прекрасная жизнь погасла. Передайте милому мальчику мой горячий привет и пожелание скорого выздоровления. Жаль Калинникова! Музыки его я не знаю, но слышал о ней только хорошее [1].

Я завтра еду в Питер, где на выставке «Мира искусства» выставляю с высочайшего разрешения свои абастуманские эскизы. Выставка, по слухам, будет боевая, устраивается она в Академии художеств, в этом вражеском новому искусству гнезде. Кроме меня, из *стариков* выставляет К. Коровин, Серов и Апол. Васнецов (и покойный Левитан). Вопрос о выходе нашем из угасающего Товарищества еще остается открытым, немного страшно кинуться в объятия такому «герою», как Дягилев. Он, несмотря на свою колоссальную энергию, свой вкус и нюх,— все же для нас не вполне ясен.

Вы слышали, быть может, о выходе в свет книги Алекс. Бенуа «История русской живописи XIX века», написанной им для известного немецкого профессора Мутера. Книжка эта весьма остроумная и занятная. Там есть много новых положений и взглядов, правда, скорее, блестящих и смелых, чем неоспоримых, но, во всяком случае, прочесть ее не мешает. Есть там большая статья и о В. М. Васнецове, статья жестокая и, к сожалению, небеспристрастная. Прочтите, если достанете книгу.

Сегодня спросил в нашей самой большой библиотеке — Идзиковского — I часть М. Горького, дали, но по словам приказчика, который в библиотеке двадцать один год, успех Горького колоссальный, такого не имели ни Тургенев со своими лучшими вещами, ни Л. Толстой. Каждый день спрашивают его до пятидесяти раз, и книги буквально переходят из рук в руки. Что-то слышно про самого Алексея Максимовича после московского «поучения», которое обошлось ему недешево. [...]

283. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 2 марта 1901 г.

[...] Был ли у Станиславского? Я читал довольно пакостные, достойные душонки Юрочки Беляева отзывы о Московск[ом] театре в «Нов[ом] времени» [1]. Был ли ты на «Дяде Ване» или «Д-ре Штокмане» (двух пьесах, которые видел я)?

Я работаю как кляча или как Крамской последних лет — это одно и то же.

Между прочим, написал несколько этюдов на снегу для картины [2], и если бы не продал душу свою сатане [3], то было бы можно с уверенностью сказать, что «картина будет». Теперь же все зависит от *обстоятельств.* [...]

284. А. А. ТУРЫГИНУ

[Киев. Вторая половина марта 1901 г.]

А. А., послание твое, «полное яду», получил, без лести скажу тебе — из тебя бы могла выйти презлая Кравченка [1].

Помилуй, из пятнадцати вещей Репина [2] успел заметить «миленький багетец» на раме, ну разве ты не «Кравченка» после этого?! [...]

Слыхал ли ты Станиславского в «Штокмане» или «Дяде Ване»? Вот, брат, Шаляпин какого наделал в Милане шуму [3]. Показал им, каков русский мужичок есть. Прочти фельетон Дорошевича в «России» от 14 марта [4]. И написано талантливо, и лестно для русского сердца.

Я ревел как белуга, а кончил тем, что послал Шаляпину письмо «с выражением чувств», — это значит, еще «младая кровь играет». [...]

285. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 1 апреля 1901 г.*

[...] Давно нет от Вас вестей, а знать о Вас, о здоровье Вашем прямо необходимо и столь же приятно, как слышать об успехах, например, Шаляпина или милейшего Алексея Максимовича... Что сказать Вам о себе? Пока все обстоит благополучно, в январе представлял эскизы свои государю и императрице М. Ф. Все одобрено и утверждено к исполнению. Храм в настоящее время осушен [1], и не за горами то время, когда придется приступать к делу. Осенью или даже весной придется ехать в Абастуман.

Проездом тешу себя мыслью быть в Крыму, а быть в Крыму — значит, быть в Ялте, а быть в Ялте и не быть у Срединых — это свинство, и на такой поступок, конечно, человек мало-мальски порядочный не отважится. Словом, мне очень хочется на день-два остановиться в Ялте, чтобы побывать у Вас, посидеть и побеседовать с Вами на террасе, посмотреть на море, отдохнуть.

Зима прошла в работе, сделано много, но все не то, что надо, что хотелось бы, — все образа, образа! Все деньги, деньги и деньги, как это утомительно и пошло! Живу мечтой написать свою большую картину — она должна быть написана, она будет последняя свободная песня. А там пусть берут меня, пусть предают меня пыткам в виде неизбежных и бесконечных образов и — увы! — так редко «óбразов». Ну, что-то я разнылся ради первого дня праздника. [...]

286. П. П. ЧИСТЯКОВУ *Киев. 8 апреля 1901 г.*

Глубокоуважаемый Павел Петрович!

Граф Л. А. Бобринский просит меня обратиться в мозаический отдел Академии художеств, во главе которого Вы стоите, с вопросом: не пожелают ли работающие в этом отделении художники взять на себя исполнение мозаикой трех образов, писанных мною для часовни в Александро-Невской лавре на могиле супруги графа.

Причем необходимо иметь в виду желание графа получить мозаики в возможно *скором* времени, также желательно было бы знать: какой способ ввиду холодного климата Петербурга наиболее гарантирует прочность и долговечность мозаики, *на чем* в таких случаях предпочитается *укрепление смальты? На металле или графите?*

Высылая с этой же почтой на Ваше имя размеры образов, покорнейше прошу Вас, Павел Петрович, передать оные в мозаический отдел для вычисления стоимости мозаики, как старой (той, что в Исаакиевском соборе), так и новой (той, что в *храме Воскресения).*

Буду ждать любезного ответа Вашего, чтобы таковой передать графу Бобринскому для соображений.

287. П. П. ЧИСТЯКОВУ *Киев. 21 апреля 1901 г.*

Глубокоуважаемый Павел Петрович!

Благодарю Вас за письмо Ваше и спешу в пояснение первого моего сообщения добавить следующее.

Все три образа писаны мною в значительно упрощенной манере и красках: образ «Воскресения» хотя и напоминает мой образ для кавалергардов, но писан в более общих тонах, причем на первом плане введены цветы и также часть фона исполнена золотом. В остальных двух образах фоны тоже золотые, цвета на образе св. Льва бледно-зеленоватые с легким орнаментом на фелони [1]. Св. цар[ица] Александра в темном облачении, короне и бармах, с пальмовой ветвью в руке. И мне думается вообще, ввиду назначения этих образов, к ним придется приложить возможно более декоративные общие приемы. Единственным непременным условием со стороны заказчика является *скорость* исполнения мозаик.

Если всего вышеизложенного недостаточно хотя бы для приблизительной оценки работ, тогда, конечно, является единственный исход — это по окончании образов переслать их в Петербург. На днях граф Л. А. Бобринский будет в Киеве и у меня, я сообщу ему Ваш ответ, а быть может, успею получить и *приблизительную* смету. [...]

288. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 22 апреля 1901 г.*

А. А., ты что замолчал?

Живешь, так сказать, в центре цивилизации и прогресса, вкушаешь плоды современности и молчишь — нехорошо, братец! Постарайся исправиться...

Спасибо за «Новый мир». Статья о Нестерове написана «хорошо», но я бы написал о нем лучше, он стоит того! [1] Удивляюсь, как ты не посвятишь ему несколько горячих слов, повторяю — он стоит того. [...]

Читал ли ты Горького «Трое»? Прочти, размашисто, шельмец, пишет — ярко! хотя, быть может, несколько и грубо. Меня занимают всякие «критики» на него. Я думаю, что эти господа со злости лопаются, говоря о «подноготной», а о таланте-то и забывают! А у нашего брата талант-то ведь все и есть, и он все победит, и скверных писак этих «Кравченок и К°» победит, не возвеличив их...

Удастся ли мне побывать летом в Соловках? Это освежило бы мою душу, запакощенную заказами. Есть слух, что летом в Абастуман собираются в[ысочай]шие, не задумали бы меня потянуть! Лето надо отвоевать, зимой надо пописать картину, ну, а там хоть и в «пекло»...

Как знать, может... Бенуа и прав [2], может, мои образа и впрямь меня съели, быть может, мое «призвание» не образа, а картины — живые люди, живая природа, пропущенная через мое чувство, словом — «опоэтизированный реализм» [3].

Ты скажешь, небось: «ну, запыл!» — впрямь, что я! — дело надо делать, а там разберут! [...]

289. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 20 мая 1901 г.*

[...] Я теперь благодушествую в огромной своей мастерской, и одно лишь меня смущает, что такая мастерская как бы обязывает писать хорошие картины, а ты сам знаешь, как это нелегко!

В среду уезжаю отсюда в Москву, а числа 10-го думаю двинуться в Соловки (это тайна! ибо я уже сижу в Уфе и пишу образа для Абастумана).

Сходи, если ты еще в Питере, в Музей Александра III и посмотри: говорят, повешен мой «Сергий» и в *новой* раме, говорят — хорошо! Утешь меня, напиши, правда ли и где повешен?

Напиши (соберись с духом) всю историю «Волконский — Дягилев» и в каком положении дело теперь [1].

Вы там в Питере зря мотаете деньги, что, конечно, нашему брату на руку. Правда ли, что репинское «Ох, искушение!» купили Вы со Свиньиным за 30 000 рублей? [2] И заказали И. Еф. «десятиаршинное торжество» в Государств[енном] совете? [3]

«Лемоха» села вместо Альберта Бенуа [4], это тоже не находка, как и многое другое!!.. Слышно, «разгром», обещанный на май месяц, Александр Бенуа откладывает до прохладных осенних дней. [...]

290. А. А. ТУРЫГИНУ

Хотьково. 4 июня 1901 г.

Что с тобой, дружище А. А., от тебя вот уже с месяц нет вестей?

Умер ты или притворяешься мертвым?

Будь благоразумен — откликнись, напиши цидульку.

Я сижу у святых отцов, в Гефсиманском скиту, услаждаю свой ум беседами с батюшкой — отцом Иулием, моим смешным старичком Авраамием и прочей почтенной братией, так или иначе, но я отдыхаю от безалаберной зимы, а Ольга моя живет в Крейцнахе, и кажется, с пользой. [...]

Знаешь ли ты, что Чехов женился на Книппер, лучшей артистке Худож[ественного] театра, М. Горький был опасно болен, но теперь ему лучше, что здесь в Москве на каждом углу и в окне торчат портреты Л. Толстого, М. Горького и Шаляпина, со всевозможн[ыми] посвящениями этим трем героям настоящего времени?

Знаешь ли ты, что «Красные бабы» приобретены в Венеции правительством Италии для *Национального музея в Риме* [1], славная плюха нашим блюстителям и собирателям хлама для музеев (где за последнее время, кроме прекрасных вещей Нестерова, и взглянуть не на что)?

Словом, живем пока, дышим и если что — шапками закидаем! [...]

291. А. А. ТУРЫГИНУ

Хотьково. 27 июня 1901 г.

А. А., пишу тебе из св. обители Хотьковской, из тех мест, где когда-то жил маленький Варфоломей, потом св. Сергий, пишу тебе из тех мест, где некогда и я был молод, был полон надежд и самых смелых упований, из коих более половины погибло безвозвратно и только кое-что сбылось...

Я усердно работаю этюды к моей будущей картине [1], к картине, где я надеюсь подвести итоги моих лучших помыслов, лучшей части самого себя. Два года жизни, два года хотя бы относительного здоровья и силы, думаю, достаточно, чтобы спеть эту свою «лебединую песнь». До половины этюдов собрано. Еще остается полтора месяца, в которые буду работать в Соловецком и Уфе...

Во вторник приезжает Ольга из Крейцнаха, а в четверг я еду в Соловецкий [2] и, кажется, с Вологды на пароходе, что увеличивает интерес вдвое. Еду я с молодым худ[ожником] Чирковым (на Передвижной «Баржа на Амуре»). Пробуду в Соловках пока не выгонят (там ограниченное время можно жить «без дела»). А потом в Уфу, там закончу коллекцию этюдов — и в Киев. В Киеве подготовлю образа Абастум[анского] иконостаса и в начале октября — в Абастуман. Налажу там дело, оставлю помощников — и в Киев, там и начну картину, буду ее работать до января, ну а там что Бог даст!..

В Уфе думаю встретиться с Горьким. Знаешь ли, он сидел в «одиночном» за петерб[ургские] беспорядки и только недавно больным выпущен и едет в Уф[имскую] губ[ернию] на кумыс. Там и Чехов с молод[ой] женой, там же, кажется, будет и мой ялтинский приятель — доктор [3]. Все народ любопытный, и повидаться с ними после моих монастырей и одиночного душевного заключения будет приятно.

Читаешь ли ты «Россию», читай, пожалуйста, там презабавные карикатуры пишет талантливый Дорошевич, недавно пресмешно пародировал он Розанова (твоего друга) и моего друга Сигму [4].

Брось свое «Новое время» или подбей, чтобы у «Красного моста» выписали «Россию». Она, конечно, такая же «подлая», как и «Новое время», но талантлива и «современна» — бестия. [...]

292. А. А. ТУРЫГИНУ *Соловецкий монастырь. 15 июля 1901 г.*

Пишу тебе, А. А., несколько строк из Соловецкого. Тут много интересного, много своеобразного, но все это я как бы видел когда-то во сне и передал в своих первых картинах и некоторых эскизах. Тип монаха новый, но я его предугадал в своем «Пустыннике». Жизнь вообще очень неудобна, особенно тяжела общая трапеза и помещение. Я еду не один, с молодым художник[ом] Чирковым. [...]

293. А. А. ТУРЫГИНУ *Нижний Новгород. 25 июля 1901 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, с перепутья из Нижнего, где я провел два приятных дня у Горького, написал с него удачный этюд, которым надеюсь воспользоваться в будущем [1]. Горький здоров и весел, полон энергии и планов на будущее. Беседы с ним живые, увлекательные и интересные.

«Высидка» его в нижегородс[кой] тюрьме не отразилась на нем угнетающе. Он вынес из нее много наблюдений и лишний раз убедился в добродушии русских людей.

Конечно, высидка имеет и свои худые стороны, как то, что пока Горькому воспрещен въезд в большие города и столицы. И теперь, когда он собирается ставить у Станиславского свою пьесу-драму [2], это будет чувствоваться особенно ярко.

Много, много было затронуто милых и любезных русскому человеку тем. Тут и Толстой, и Шаляпин, и Горький, и Васнецов с Нестеровым не были забыты. Говорилось в упор, без ломанья и обходов.

Живет Горький безалаберно, у него милая жена, но, кажется, совсем не хозяйка [3].

Постоянно приходят разного звания люди, и мне думается, это Горького сильно должно утомлять. Разные «интеллигенты» идут в его карман, как в свой.

Ты, может быть, хочешь, чтобы я тебе порассказал о Соловках — неохота мне!.. скажу только, что все, что было можно оттуда взять,— взято. Поездкой туда я очень доволен, для картины моей имеется несколько этюдов, которые мне помогут сказать то, что надо.

Сейчас сажусь на «Александра Грибоедова» и еду в Уфу, где буду 28-го и выеду 6—10-го. Пиши все интересные сплетни, если не в Уфу, то в Киев, где буду числа 15-го августа. [...]

294. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 9 сентября 1901 г.*

Милый друг Турыгин!

Где ты и что с тобой? На мою просьбу о немедленной высылке моих двух картинок [1] ты молчишь, а тем временем 18 число сентября месяца приближается, приближается и мой отъезд в Абастуман. Поспеши, не заставь меня прозевать удобный момент! Меня там ждать не станут!

Что тебе сказать о Нестерове, он, как каторжный, работает. На днях ждет Оржевскую и посылает образа гр. Бобринскому, а там Абастуманский иконостас, а дальше, дальше — картина... О, миг желанный!

Как-то тут был Лемох. Наше дипломатическое свидание кончилось не совсем дипломатично: на опрометчивое заявление Лемоха, что «он не пойдет на Дягилевскую выставку», я заявил ему, что «его туда и не позовут», и на многократное повторение уверения о его твердом намерении к Дягилеву не ходить он услышал многократное уверение, что Дягилев его и не собирается звать...

Вот как иногда кончаются дипломатические попытки к сближению!..

Твой друг Кравченко перебрался на старую квартиру в «Новое время», а в «России» поселился некий муж, имя же ему Брешко-Брешковский (как эта фамилия тебе покажется?!). [...]

295. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 19 октября 1901 г.*

[...] А вот Дягилев так молодец! Какой славный номер выпустил [1], и в хороших-то заграничных журналах не часто попадешь на такой подбор.

Написанная семинарским языком выдержка из «мнения» Виктора Васнецова — сильна, благородна и умна, я вижу в ней лучшие стороны В. Васнецова [2].

Вернулся в Киев и тотчас начал картину. Счастлив безмерно! Сижу днями в мастерской, живу с своими «чудаками» среди русской природы, переживаю еще раз свою молодость. Стараюсь не думать ни об Абастумане и [ни] о чем другом в этом роде.

Если все пойдет по-хорошему — в первых числах ноября начну красками. [...]

296. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 22 октября 1901 г.*

Дорогой Леонид Валентинович!

Шлю Вам и Софье Петровне свой привет из Киева, куда вернулся через Новороссийск. Поездка закончилась вполне благополучно. [...]

Получили ли Вы из гостиницы (Центральной, кажется) две фотографии и этюд для Алексея Максимовича? Если он приехал в Ялту, то с моим поклоном передайте ему эти две фотографии, а этюд не передавайте ему, а от моего имени передайте Марии Григорьевне Ярцевой, как мою искреннюю благодарность за ее любезное содействие мне в написании настоящей моей картины [1], к которой я тотчас же по приезде приступил и теперь с утра до сумерек в мастерской вожусь над зарисовкой на холсте моих «чудаков». Живу среди них, среди русского пейзажа, и все это, к счастью, может меня радовать.

Алексею Максимовичу я решил вручить другой этюд, который и вышлю ему, когда буду знать, где он [2]. Кстати, где он и какие слухи о нем имеете Вы? [...]

297. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 2 ноября 1901 г.*

[...] Работаю я горячо, почти весь верх картины (пейзаж) прописан, кажется, ничего, морозно! На днях перейду к фигурам, это будет потруднее, но и полюбопытнее.

Недавно получил подарок от Горького — все его сочинения с очень милой надписью [1]. Он к 10 ноября приезжает в Крым, до апреля ему разрешено жить там (только не в Ялте), с апреля же его затянет в Арзамас.

Жестокие, брат, нравы! За что, неведомо! Безобидный он человек, не говоря уже о том, [что] таких людей надо бы беречь да беречь! (Недавно прочел где-то, что Мар-

тенсу Рузвельт поведал, что он любит русскую литературу, знает Толстого, Гоголя, молодого Горького... Лестно!)

Твои сведения о молодом Алчевском прочел с удовольствием [2]. Да, чуть было не позабыл: недавно получил горячее воззвание из Москвы, там образовывается новое общество (состав — дягилевский с дополнением нескольких молодых имен передвижных).

Выставка откроется на рождестве, в Строгановском училище, под покровительством вел. кн. Елизаветы Федоровны, с благословения и в присутствии Дягилева. Участников 36 человек, задача: напакостить передвижникам?! [3] [...]

298. В. Д. ПОЛЕНОВУ

Киев. 7 ноября 1901 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Узнав о состоявшемся на днях праздновании тридцатилетней художественной деятельности Вашей, спешу присоединиться в моем Вам поздравлении ко всем тем, кто, как и я, глубоко чтут славную деятельность Вашу.

Для меня и художников моего поколения работа Ваша в области родного художества еще тем драгоценнее, что Вы первый поставили нам на вид, что увлечения, господствующие в то время, не исчерпывают собой всего в искусстве и что красота цвета и формы, а равно и прелесть пейзажа, как фона для композиции, в огромной степени расширяют область художественного творчества.

Вы первый своими прекрасными произведениями, своим исключительным художественным образованием и горячей проповедью указали нам на новые пути, по которым мы разбрелись теперь и работаем каждый по силе способностей своих.

Горячо поздравляю Вас, Василий Дмитриевич, искренне желаю Вам здоровья и счастья на долгие годы.

Наталии Васильевне прошу засвидетельствовать мое истинное почтение. С совершеннейшим уважением и глубокой преданностью остаюсь

Михаил Нестеров.

299. Л. В. СРЕДИНУ

Киев. 13 ноября 1901 г.

Дорогой Леонид Валентинович!

Посылаю на Ваше имя два этюда, из коих один прошу Вас принять от меня на память и как некоторый знак моего искреннего к Вам чувства симпатии, другой же прошу Вас передать Алексею Максимовичу — думаю, что оба этюда достаточно характерны для меня.

Вместе с тем прошу передать А. М. и письмо мое, в коем я благодарю его за присланные мне книги.

Сегодня из Петербурга я получил сенсационное известие — мне пишут, что у вас в Крыму на днях скончался гр. Лев Толстой и что пока о сем не велено говорить и писать в газетах. Правда ли это? И если правда, то какая печальная и тяжелая для нас, русских, счастливых тем, что среди нашего народа жил и работал этот истинно колоссальный талант.

На столь тревожный вопрос не откажите, Леонид Валентинович, ответить хоть кратко. Если же охота придет сказать больше, то сообщите о том, как чувствует себя Горький? Думает ли работать? Будет ли его драма зимой поставлена у Станиславского? и проч.

Как поживаете Вы, что здоровье?

Я настойчиво, целыми днями простаиваю у картины, люди приходят один за другим, наполняя собой уголок родной природы, все они ждут, как и многие, многие

люди, своего счастья, своего утешения и покоя. Иногда мне их бывает так искренне жалко (как и самого себя).

Да! Спасибо большое за фотографию [1]. Она очень интересна сама по себе и во всяком случае мне пригодится.

Из письма Марии Григорьевны и Вашего узнал, что этюд мой сделал приятное впечатление и доставил удовольствие,— рад этому.

Если где достанете последний номер «Мира искусства», прочитайте в нем статью Дягилева «Наши музеи» и Философова «Иванов и Васнецов в оценке Бенуа». Обе статьи заслуживают внимания и сочувствия.

300. А. М. ГОРЬКОМУ

Киев. 17 ноября 1901 г.

Душевное спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за хороший подарок Ваш, да еще со столь приятной моему сердцу надписью. По получении книг перечитал вновь многое.

Какое широкое, как песня, изображение природы, сколько страсти, удали, вместе с тем глубокой тоски-печали души человеческой.

Какая во всем поэтическая правда...

Проездом в Абастуман был в Ялте, повидался с нашим дорогим Леонидом Валентиновичем, думал и Вас застать там, захватил с собой фотографии «Пустынника» и «Дум» — они, вероятно, уже переданы Вам.

Теперь посылаю через Срединых этюд знакомой Вам *нашей весны* (он послужил мне фоном к Сергию, что в Музее Александра III) [1].

Этюд этот прошу Вас, Алексей Максимович, принять на память о наших встречах.

Вернувшись с Кавказа, принялся за картину. Люди, измученные печалью, страстями и грехом, с наивным упованием ищут забвения в божественной «поэзии христианства». Вот тема моей картины.

Кончаю свое письмо, горячо пожелав Вам отдохнуть и подкрепиться для новых трудов.

301. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 18 ноября 1901 г.

[...] Что же касается двух статей в «Мире искусства» — Дягилева и Философова, то они — первая талантлива — обе очень интересны.

Философов своим писанием, думается мне, указует на «новый курс», и, так или иначе, таким заявлением с журнала снимается тяжкое подозрение в соучастии с Бенуа (он написал статейку об искусстве для «Вестника финансов» или «Отчета министра финансов» [1]).

Из писем москвичей видно, что новое общество действует горячо [2]. Серов *ежедневно* набавляет количество вещей, Малявин обещал три, а если успеет кончить четвертую, *большую*, то поставит и ее.

Я посылаю эскизы Оржевской и, может, один небольшой «блуд», за который принялся сегодня [3].

Большая картина двигается пока успешно, есть живые лица и есть места не худо писанные. *Главное* еще не написано. К Рождеству надеюсь все, к чему есть материал, записать. Работаю с увлечением.

В общем, живу тоскливо, одинок я душой здесь (все же Праховы, и в особенности Леля, для моей жизни большая, незаменимая потеря [4])... Так-то, брат, не худо бы было и похандрить, к тому же и тем для «увеселительного» письма нет налицо. [...]

302. А. А. ТУРЫГИНУ

[Киев]. 2 декабря 1901 г.

[...] Картина моя двигается, и если бы все этюды были налицо, к Новому году я мог бы ее вчерне записать. Недостает из двадцати фигур — пяти. В середине января, жив буду, поеду под Москву, и там, быть может, удастся написать остальные. Пока сделанным я доволен, есть места не худо писанные, есть живые любопытные люди. Тема из тех, в которых хорошо разбирается Розанов, и ему больше, чем кому-либо, я желал бы картину показать, когда доведу до конца.

Да! получил из Крыма опровержение на вашу петербургскую сплетню о Толстом. У него недавно были Чехов и Горький и, по словам их, Толстой совершенно здоров и бодр, много работает, катается верхом и гуляет. Хотя сильно постарел и одряхлел, бедняга.

Горький поселился в Олеизе на той даче, где я жил одно лето с Ольгой. Он в отличном настроении и собирается энергично работать. Про Чехова не знаю ничего, кроме того, что он недавно вернулся из Москвы. Однако на днях надеюсь получить о всех трех — Толстом, Чехове и Горьком — более подробные сведения и тогда, что будет, сообщу тебе.

Вот еще что: купи и вышли мне «Студио» за июль, там, по словам Дягилева, есть снимки с моих художеств [1]. [...]

303. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 13 декабря 1901 г.

Ну, здравствуй, Александр Андреевич! Твое письмо с гимном Алчевскому получил...

Я люблю «инструмент», подобный тому, каким владеет Собинов или, быть может, твой Алчевский, но еще больше люблю я в артисте живую душу, глубокое сознание и способность передать этим инструментом душу человеческую, драму души нашей, и потому я всегда предпочту гений Шаляпина «инструменту», хотя бы и прекрасному по звуку своему.

Шаляпин и ему подобные владеют и *властвуют* своим инструментом, Собиновы же подвластны таковому сами.

Так-то, мой милый друг Турыгин!..

Только что прочел фельетон любимца твоего Розанова «Земное и небесное» [1]. Он, твой Розанов, весьма искусен становится в своих дерзновениях, затрагивая темы острые и подходя иногда к ним вплотную,— он кладет камень за камнем в подготовке больших и смелых решений в религиозных вопросах. Теперь по Руси немало таких, как он, и наисильнейший и наиболее обаятельный сидит в Уфе — это епископ уфимский и мензелинский Антоний (Храповицкий). Далеко он идет в своих мечтаниях — об «отделении церкви от государства»,— и я хотел бы знать, имеют ли на сей случай наши смелые проповедники достаточную гарантию того, что, отделившись от государства, «церковь» или, вернее, «ее служители» перестанут все, или большинство, быть «чиновниками», перестанет ли черное духовенство торговать и обирать народ, не давая от себя народу этому ровно ничего... Тема, правда, старая, но вечно живая и досадная по своей практической неразрешимости. [...]

304. А. А. ТУРЫГИНУ

[Киев. Конец декабря 1901 г.]

[...] Ты пишешь о Горьком. «Трое» я начал еще читать в журнале и конца не знаю, но, во всяком случае, аналогия с «Фомой» [1] заметна была и без конца.

Но какой вихрь успеха у нас и за границей переживает сейчас Горький. Это один из популярнейших писателей Европы, и все это в пять-шесть лет! [...]

Сюда приехала Передвижная. Мое «Чудо» выглядит хорошо по краскам. Газеты появление его приветствовали так: «не обошлось, конечно, и без Нестерова»... и т. д.

Что слышно о Бенуа и его «Истории искусств», неужели выход ее отменен «до благоприятной погоды»? [...]

Ну, пиши, Турыгин, ты живешь в столице, так сказать, в вихре удовольствий и центре культуры.

1902

305. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 1 января 1902 г.*

[...] Каждая весточка от Вас приносит какое-то тепло, которое не только греет, но и светит мне. Рад был слышать, что этюд мой пришелся Вам по душе (выбирать на чужой вкус очень нелегко). Сведения об Алексее Максимовиче подтверждают убеждения о нем не только как о прекрасном таланте, но и славном, добром человеке [1]. Поклонитесь ему при случае от меня.

Что Вам сказать о своем житье-бытье?

Теперь порыв азартной работы прошел, все этюды к картине, сделанные раньше, использованы. Жду конца января, когда поеду снова на север, под Москву, и допишу то, что недостает, и тогда надеюсь еще поработать с месяц над картиной, а потом, потом Абастуман — образа, много, очень много образов, но мало искренности и мало утешения душевного.

Тою частью картины, которая выяснилась, я, пожалуй, доволен,— будто есть живые люди и нет того, чего я так страшно не люблю,— нет пошлости, нет этой суеты людской, у художников часто выражающейся в каких-то праздных, пустых цветах, в противно развязных тонах. Что касается «темы», то она по сей день остается «на моей совести». Я думаю, что несмотря *ни на что* я буду себя в ее выборе, а главное, в подходе к ней, ее трактовке считать *правым*, как считаю правым, написав «Димитрия царевича», «Чудо» и все те картины, которые забраковало большинство и, как на днях слышал я,— некоторые перед «Димитрием» в негодовании разрывали на выставке каталоги?!..

Повторяю — я прав, любя своих «детей», это так естественно, если даже они и не столь совершенны. Благодарю Вас за призыв к Вам в Ялту. Хорошо об этом мне и помечтать. Хорошо помечтать также и о том, как славно было бы весною показать Вам свою картину у меня в киевской мастерской.

306. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 13 января 1902 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Ты пишешь о Борисове, и хорошо пишешь, верно и то, что судьба-индейка посмеялась над нами с тобой, но верь и тому, что другие, похожие на нас, но более удачливые, сделают многое то, о чем мы с тобой обречены только мечтать.

Резервы — народ — велики, и как зря и случайно ни гибнет он тысячами, но один такой хват, как Борисов, восполнит собой тысячи погибших, а, помилуй Бог, если такой Борисов да родится гением!..

Твои впечатления о художнике Борисове близки к правде: он не талант художественный, но он «сила», и сила эта уйдет вся без остатка не на художество, как мы с тобой его понимаем, а на пропаганду каких-то «полярных» идей, кому-то нужных, для чего-то необходимых и полезных, а художник Борисов только лишь проводник этих идей.

Так вот что такое, по-нашему, этот русский мужичок — соловецкий «годовик» лет семь-восемь тому назад — и художник ныне.

А вот завтра Киев хоронит хорошего человека, энергичного деятеля и талантливого актера Соловцова — пожил он лет сорок восемь, поработал, устал и теперь вот получил отдых — долгий, глубокий отдых на Аскольдовой могиле [1]. А жизнь пойдет дальше, цепляя своими колесами то за то, то за другое. Подвернемся мы с тобой — и нас туда же. [...]

Устал я жестоко, нервы мои вконец истрепались. Работаю вяло, скоро посылаю иконостас в Абастуман.

Интересный номер «Мира искусства», бойко пишет каналья Бенуа, жаль, что он взял такой паскудный тон о Васнецове [2]. Суть же дела о нем не лишена «верхнего чутья».

Напиши о выставке Маковского и Волкова [3], кои почтили пригласительным билетом и меня, недостойного.

307. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 2 февраля 1902 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, на твой вопрос: когда я буду в Питере.

Выеду я или 9—10, или 14, не позднее.

Следовательно, «свидание друзей» может произойти между 10 и 15 февраля.

Здесь я попал в самый водоворот: был в Художеств[енном] театре, слушал Шаляпина, в антрактах «Бориса» просиживал в уборной Шаляпина и видел, как этот гениальный художник *работает*, гримируется и вообще подготовляет свой выход на сцену.

Вчера я пировал у него среди любопытных московских людей. Шаляпину стукнуло 29 лет.

Выставка «36» интересна. [...]

308. В СОБРАНИЕ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ [1] *Киев. 3 марта 1902 г.*

Не имея возможности быть в Собрании Союза лично, считаю необходимым высказать свое мнение письменно.

Причем прежде всего нахожу нужным предусмотреть Собранию включить в число членов Союза приглашенного Архипа Ивановича Куинджи, как первоклассного художника, еще не сошедшего со сцены и могущего стать не только почетным, но и полезным деятелем нового общества.

Далее считаю не менее необходимым предложить Собранию серьезно обсудить вопрос о времени устройства выставок Союза в Петербурге.

Для того чтобы Союз художников стал сильным и крепким, чтобы он сделался центром наиболее даровитых, интересных художников своего времени, необходимо, чтобы в его состав вошли такие яркие, живые дарования, как Серов, Александр Бенуа, Конст. Коровин, Головин, Сомов, Лансере, — словом, все те участники общ[ества] «Мира искусства», кои не решаются порвать связь с делом, многим из нас симпатичным. Для того чтобы привлечь названных художников к участию на петербургских выставках Союза, эти выставки необходимо устраивать разновременно с выставками «Мира искусства».

Для еще большего развития художественного интереса и жизнеспособности нового дела считаю необходимым теперь же решить вопрос о приглашении молодых сил, выдвинувшихся за последнее время, дабы тем самым парализовать всякую возможность этими силами пополнить другое общество.

Со своей стороны предлагаю к избранию следующих лиц: Рущица, Рериха, Пурвита, Фокина, Мурашко, Кустодиева, Латри, Околовича, Дурнова и Вальтера.

Смотря на Союз только с идейной стороны, я желал бы ему жизни долгой, но бодрой, смелой и яркой, дабы он не представлял собой скучной середины так называемого «благополучия». Желал бы, чтобы ничто пошлое не знало к нему дороги, чтобы талант и стремление к истинному, живому искусству во всех его бесконечных проявлениях было в нем преобладающим.

Желал бы видеть единодушие, взаимоуважение и доверие его сочленов.

Иначе для чего этот Союз!!..

Разве мало без него обществ, где люди тянут в смертельной тоске скучную лямку постылого сожительства!..

Необходимо создать нечто другое, лучшее, а для этого мало одного желания, нужны силы, и силы бодрые, смелые, молодые!

Михаил Нестеров.

309. А. М. ВАСНЕЦОВУ *[Киев. Март 1902 г.]*

Посылаю, дорогой Аполлинарий Михайлович, квитанцию на получение картины «Тихая жизнь», посланной большой скоростью по железной дороге. Получить Вы можете ее дня через четыре-пять. Расходы будут уплачены своевременно.

В посланном Вам мною письме в собрание Союза не вошли два-три имени, забытые мною. Это Шмаров, Чирков и, быть может, Жуковский.

Не найдете ли Вы возможным исправить эту мою оплошность, предложив названных художников от своего имени. Хорошо бы было.

Здесь Шаляпин. Он — как Цезарь, пришел, увидел и победил.

Мой привет Архипову. Жду сообщений о делах Союза.

310. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 14 марта 1902 г.*

Не ропщи, старина! Не писал тебе потому, что времени не было, много было запущенных ответов, а потом работал, да и теперь работаю с азартом. Пока дело идет ладно. Люди живые и, кажется, любопытные: кажется, попала туда живая русская нота,— и скажу тебе по секрету, если Серов еще не сдал, так не сдал и я еще. Мне даже думается, что эта вещь будет наиболее сильная из всех написанных раньше.

В Благовещение надеюсь показать ее *ближайшим* своим знакомцам. Жду этого дня с понятным нетерпением. Что-то скажут? Прав ли я?

Желал бы иметь *более подробные* сведения о выставке «Мира искусства» [1], как она *устроена*? интереснее ли предыдущих? как принята вообще? Да! о «Демоне» [2] — свое ты мнение о нем высказываешь или прохоровское? (Лучше пусть будет прохоровское [3].)

Здесь у нас две недели, как все бредят Шаляпиным. Этот действительно гениальный артист совсем тут свел всех с ума. На шесть гастролей (он берет за вечер 1200 р.) билеты были расхватаны в продолжение *суток* (с вечера 12 ч. и до другого дня ночи 2 часов стояла, говорят, перед театром толпа в несколько тысяч). «А он, мятежный, ищет бури!» Пьян, говорят, ежедневно, в зале Гранд-отеля (ваш Кюба) свистит Соловьем-разбойником, скандалит в трактире какого-то Лаврушкина!

А на другой день возвышается до глубочайшей трагедии зла в Мефистофеле, до эпоса Сусанина, заставляет бледнеть, плакать, делает то, что способны делать величайшие гении мира. Вот воистину «русский гений». Вот то же бы делал и Фома [4], если бы был гений. Кстати об авторе «Фомы». Ну, не идиоты ли у вас сидят? Где они были раньше, сами себя настойчиво секут ежедневно. Что Горькому их академический почет [5], когда его чтит, да как еще чтит, весь свет (все пять частей света, изволите ли видеть, как сказал бы старик Шамшин). [...]

311. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 15 апреля 1902 г.*

[...] Пост у меня прошел по-скоромному, и все тому виной Шаляпин. Пришлось не только выставить ему «холодненького», но и у него попировать на бенефисе.

Он такой, брат ты мой, пир устроил, что я, самый непьющий (так сказать), напился и вернулся тогда домой, как Ольга собиралась в институт. Заезжал на минуту сам старик Драгомиров, ну и прочие соответственно.

Речей было куча, и самые остроумные, веселые и милые — самого бенефицианта. Он был неисчерпаем. Часов в 6 утра вся компания забралась из ресторана к нему в номер, и тут он пел, и как пел!.. ах, как он пел!..

Словом, братец ты мой, все киевляне за пост перебесились: счастливый отец, встречая друга, сказал ему: «А у нас Шаляпин родился» — и т. п.

А артист Ф. И. поистине гениальный. Мефистофель в последней редакции местами по своей художественной высоте поднимается до красот Данте.

Ну, а теперь, дружище, скажу тебе о своей картине, которая вчерне кончена и показывается знакомым (видел и весьма одобрил ее и Шаляпин).

Картина, вероятно, будет называться «Святая Русь» (Мистерия). Среди зимнего северного пейзажа притаился монастырь. К нему идут-бредут и стар и млад со всей земли. Тут всяческие «калеки», люди, ищущие своего Бога, искатели идеала, которыми полна наша «святая Русь».

Навстречу толпе, стоящей у врат монастыря, выходит светлый, благой и добрый Христос с предстоящими ему святителями Николаем, Сергием и Георгием (народные святые).

Вот вкратце тема моей картины, которая нравится, в которой есть живые места, но надо ее достойно кончить.

312. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 3 мая 1902 г.*

Давно собираюсь тебе писать, Александр Андреевич, давно хочу ответить тебе на твой вопрос о картине подробнее, но событие неожиданное, чрезвычайное отодвинуло все, и в том числе картину, на десятый план.

С тех пор как картина открыта, у меня перебывало много народа, преимущественно дам, знакомых и незнакомых.

Раз, недели три тому, я узнал, что ко мне собирается, просит разрешения посмотреть картину одна классная дама института, мною не виденная ранее,— молодая, красивая, любимица гр. Коновницыной и прочее. Я дал свое согласие... и вот теперь эта девушка страстно, до самозабвения *полюбила* меня — а я влюбился, как мальчишка, в нее.

Она действительно прекрасна, высока, изящна, очень умна и по общим отзывам дивный, надежный, самоотверженный человек.

И если по дурной привычке своей я не выпрыгну в окно, то через месяц наша свадьба [1]. [...]

Ольга тоже протестовала сначала, выставляя молодость с одной стороны (23 года) и, с другой, преклонный возраст твоего беспутного друга, но потом примирилась под впечатлением тех отзывов, кои слышала о своей будущей «мачехе», и, уезжая в Вену, настаивала в окно не выпрыгивать. [...]

Ты спрашиваешь, есть ли у меня на картине «Шаляпины»? На пространстве $5^1/_2$ аршин изображено двадцать фигур, из них четыре святых — остальные шестнадцать — женщины и мужчины, грешные и праведные, Шаляпины (Горький, может быть, Достоевский) и не Шаляпины.

Картина продолжает нравиться. Общий отзыв, что это лучшая моя вещь, даже по технике.

Посмотрим! В ней дела еще довольно, и едва ли успею ее поставить на будущий год.

313. А. М. ВАСНЕЦОВУ *Киев. 3 мая 1902 г.*

Давно собираюсь ответить Вам, Аполлинарий Михайлович, но события разного рода отклоняли меня от сего благонамерения. И вот, проводив Ольгу в Вену и собравшись сам уезжать завтра в Абастуман, сажусь, чтобы написать Вам.

Картину мою прошу до осени заколотить в ящик и поставить к стене. Относительно выставки ее у меня еще нет определенных намерений. Поживем — увидим. Что касается действий Товарищества, то оно в своей последовательности неумолимо. Но надо признать то, что, пока у них в руках такие «козыри», как Суриков и Репин, им бояться нечего.

Вы не написали, почему не состоялся Союз. Я в него плохо верил и не считаю его затеей живой и бодрой [1]. Пока не явится творческая организаторская сила — все «союзы» будут иметь характер случайный и скучный, неживой.

Если надумаете что-либо сообщить — адресуйте в Абастуман, куда я еду до осени и где работы сейчас идут ускоренными темпами.

Как жаль Врубеля, какой чудный талант исчезает в его лице [2].

Товарищам-москвичам шлю привет.

314. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 14 июля 1902 г.*

[...] Думаю, что тебе еще не писал, что абастуманскую церковь — увы! — снова приходится загрунтовывать заново: рецепт грунта, данный мною архитектору (заместителю Свиньина — Луценко), использован небрежно (если не сказать большего), и стены, из коих три четверти уже были покрыты орнаментом и позолотой, пришлось соскоблить, и купол, уже расчерченный под живопись. Вся эта милая шутка архитекторов обошлась мне тысячи в полторы-две.

И я был вынужден все, не скрывая, изложить вел. князю и просить его удалить архитекторов и доверить [мне] все работы по подготовке храма под живопись, на что и получил телеграмму от вел. кн. с полным согласием на все мои запросы. Луценко немедленно выехал, рабочие его были отставлены (страшные злоупотребления открываются почти ежедневно). Теперь десяток солдат скоблят стены под командой моего помощника, я же пишу пророков на уцелевших от разрушения местах. Придется месяца на два-три или больше дело затормозить. Денег идет пропасть. Но тем не менее надеюсь дело под моим надзором закончить благополучно.

Будни все в церкви; вечера с Екатериной Петровной гуляем и много читаем. Праздники — полный отдых. Живем как нельзя более скромно и тихо.

Был ли ты на похоронах Антокольского? Умер интересный скульптор прошлой эпохи, хороший талант, но куда не гений. Образы его не носят в себе ни трагизма, ни мощи, они робки и немного слащавы. Антокольский не был ни Суриковым, ни Шаляпиным, тем не менее он вывел русскую скульптуру из ее фальши и апатии. Трубецкой досказал многое, не выраженное Антокольским.

315. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 12 сентября 1902 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Письмо твое получил, на сей раз твоим «остроумием» я не весьма доволен, гораздо более мне нравится то, что сказал в своей (второй части) «Истории искусства» обо мне Александр Бенуа [1].

«Горькая правда», сказанная им обо мне, глубже проникает в нутро и может заставить крепко задуматься. Вообще «вторая часть» написана спокойнее и, кроме обычной талантливости, содержит много мыслей верных и тонких и в значительной мере примиряет меня с ее автором. [...]

316. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 6 ноября 1902 г.*

Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав...

Да! Друг мой Турыгин, ты не прав! Думаю, что всякая деятельность, в том числе и «критика», и история, освещенная талантом, непременно субъективна. Субъективна и книжка А. Бенуа, потому что она написана человеком даровитым, с темпераментом. Много у нас и того больше за границей книг и дел, где все «объективно», как в механизме самого лучшего доброкачественного немецкого приготовления, но согласись, что от книг и дел этих мухи дохнут.

И твоя «критика» критики А. Бенуа субъективна, потому что ты все же еще «жив», и постарайся в этом состоянии проздравствовать на пользу отечеству долгие годы. Взгляд Бенуа на Нестерова при всей жестокой правде, по-моему, куда проникновеннее, глубже всего того, что о Нестерове говорят и пишут, и надо много субъективной антипатии к Бенуа, чтобы видеть то, что увидел на страницах о Нестерове твой чисто «буренинский» взор.

Читая Бенуа, я читал живую книгу, я читал тонко и остро подмеченную правду о художниках, ту правду, которую лишь каждый из нас знает про себя молча.

Я не защищаю Бенуа безусловно, я со многими из его взглядов не согласен, но я вижу, что книга написана с полной отчетностью и не есть невежественная компиляция или сонно-равнодушная лекция ожиревшего профессора-специалиста.

Историки Карамзин, Костомаров, Ключевский потому только ярко сияют в исторической науке, что они в высшей мере субъективны. А как возмутительно субъективен великолепный Белинский!

Так-то, друг мой любезный.

Книга Бенуа — жестокая книга, прекрасная книга, и появление ее надо приветствовать, а не ворчать на него по-буренински. [...]

317. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 15 декабря 1902 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич, давно тебе хотел ответить, давно собирался поделиться с тобой московскими впечатлениями от художества всяческого — и живописного, и сценического. Были мы в Москве на выставке «Мира искусства», там есть два «слона» — Серова портрет М[ихаила] Абр[амовича] Морозова (Джентльмена) и великолепные, хотя снова «красные», бабы Малявина. Портрет Серова — это целая характеристика, гораздо более ценная, чем в пресловутой пьесе Сумбатова [1], плюс живопись «почти» старых мастеров, умная, простая, энергичная. Это прямо великолепно без оговорок. Портрет царя в красном [2] — хорошо, красиво, но менее «ясно» в худож[ественном] отношении.

Жаль, что у бедного Филиппа Малявина «голова» слабее таланта. Какой удивительный живописец, какой дерзкий талант *опять* живописца, и какое «животное» в остальном, даже досадно! А впрочем, все хорошо, что хорошо, а живопись-то у Малявина ах как хороша! Дальше Рерихи, очень много Рерихов и Бразов, Сомов хотя и оценен в 12 тысяч, но до жалости плох (я ведь, знаешь, люблю его) [3].

«36» сильно портят дела Дягилева в Москве. Газетки молчат в ожидании выставки «36-ти», где будет участвовать Викт. Васнецов с рисунками к «Снегурочке».

Ну, потом, братец мой, были в Большом на Шаляпине и Собинове, были в Художественном на «Мещанах» и «Штокмане», ах, как это все хорошо, ну разве это не возрождение?! [4] Какой живой, горячий подход к искусству — сколько во всем этом еще увлечения, вдумчивости, желания изыскать новые формы. Сердце радуется, сам молодеешь.

Как гнусны, завистливы по своей бездарности и пошлости те людишки, которые засели в «Новом времени» и «направляют умы» и так жестоко опошленных, обезличенных россиян.

Слава Станиславским, Шаляпиным, слава всем тем, кто с таким искусством, талантом, энергией раскрывает пред нами великолепные, полные трагизма, веселости, тонкой прелести жизни и поэзии страницы!

Они заставляют нас любить божий мир, самих жить, действовать, а потом дают счастье умереть с сознанием, что жил ты недаром...

Ну, довольно, брат, пиши...

Картина моя подвигается. Переписал — и к лучшему — главную голову в ней.

В этом году, конечно, не выставлю, а если жив буду — на тот год ты ее увидишь.

1903

318. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 6 января 1903 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Все праздники мучаюсь, заела меня совесть!

Огорчил я тебя, старина, своим последним письмом...

Не гневайся — сделай милость!

Очень уж твое «Новое время» распалило меня [1].

Ведь подумать только, что им питаются большие десятки тысяч, что оно своей подлой деятельностью отодвигает и без того трудное дело художественного развития масс на долгие годы. И тогда станет понятнее и мой нервный тон — тон человека, которому дорого то, чем люди будут жить, чем они питаются, куда направят свой путь и путь своих детей.

Я один из тех, на долю которых выпала необходимость воевать с рутиной и пошлостью, я на себе испытал всю тяжесть такого призвания, и теперь, когда новые люди пришли нам на смену, сердце кровью обливается, глядя, как разные «нефельетонисты», гг. Булгаковы, М. Ивановы и прочие людишки бросают этим избранникам нашей культуры, нашего художественного воспитания в колеса щепки! Людишки, недостойные развязать ремень всем Шаляпиным, Чеховым, Коровиным, Горьким, Малявиным, осмеливаются дышать своим зловонием на этих божией милостью артистов — поэтов и художников! [...]

Статья Дягилева [2], правда, умна, но она статья «дипломатическая» по преимуществу: Дягилеву нужно вернуть расположение Репина, В. Васнецова, ну, разве за это не стоит подбросить под ноги им Лансере, Бакста,— и Дягилев это сделал очень ловко, зная, что Лансере и Баксту идти некуда, да не уйдут от него и Серов с Сомовым, не уйдет и Малявин: невыгодно. [...]

319. А. А. ТУРЫГИНУ

Абастуман. 22 января 1903 г.

Порадовал и ты меня своим письмом, Александр Андреевич, а Леонида Андреева и я не считаю за талант, это что-то искусственно подогретое, а что он на фотогр[афии] с Горьким и Шаляпиным снят, тоже не патент даже и на талантливость.

Теперь в Москве целая компания: Л. Андреев, Чириков, Скиталец-Петров — все это, как их называют, «Подмаксимье». Настоящий же «Максим» — действител[ьно] фигура большая. Проездом через Москву были мы в Художественном и видели «На дне». Тут, брат, показана такая картина, такие образы и типы, такая сила, новизна и яркость изображения. Великолепный замысел Горького так дерзко-даровито воплощен артистами, что дух захватывает, а нервному человеку так прямо «мат».

Странник Лука (Москвин), «девица» Настя (Книппер-Чехова) и рамолик — Барон. Эти три типа, разные по содержанию — одинаковы по своей необычайной яркости, новизне. Лука — мужичонка, странник, святая душа, балагур — вносит необыкновенно русскую ноту в действие, он полный оптимист, и главное, оптимист — живой. «Девица» Настя — создание погибшее, но не утратившее врожденной мечтательности; ее рассказ о каком-то ее «Гастоше» — потрясающий по своей трогательной, хотя и грубой наивности, а этот «Барон»... да ведь это великолепно, это такой подлец, наивный подлец! подлец до святости... Его *смех* над «Настёнкой», его любовницей и кормилицей, во время ее воспоминаний о былом, о ее «Гастоше» — это все надо слышать и видеть самому, а увидевши и услышавши — подобное не забывается. Театр становится уже не театр, а жизнь, где нет актеров, а есть люди — худые и хорошие, но уже не актеры.

Пьеса имеет успех колоссальный, идет она ежедневно, билеты можно достать только по записи.

Видели еще «Монну Ванну» (не на Художественном), это нечто кисло-сладкое, с кисло-сладкой Комиссаржевской [1]. [...]

320. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 11 февраля 1903 г.*

Спасибо тебе, Александр Андреевич, за открытки: они действительно мне понравились и очень хороши. Неужели это у нас делают? — Едва ли... а?..

Я давно хотел поделиться с тобой впечатлениями о Мережковском и его романах «Юлиан-отступник» и «Леонардо да Винчи» [1].

Начну с тем. Темы, во всяком случае, обличают в человеке ум и вкус.

Подход к ним научно-философский и отнюдь не художественный, по крайней мере «художественность» — самое больное место обоих романов. Там есть хорошие характеристики Юлиана, Леонардо, Рафаэля и Микеланджело, но нет действия, нет в нем жизни, страсти, искренности; толпа у Мережковского ходульна и банальна, словом, где автор должен показать себя как художник — он бездарен, скучен до утомления. Успех этих книг у нас и за границей — это новизна тем, умный подход к оным, образованность автора, его культурность — это научно-философское исследование, но не поэма, это даже слабее Сенкевича с его «Камо грядеши»,— вот тебе мой аттестат о Мережковском.

Читаешь ли ты новый журнал «Новый путь», в котором участвует дягилевская компания: Розанов, Мережковский, Философов, Перцов и куча архиереев и архимандрил. Я выписал журнал в надежде «не отстать от века» [2]. Хотя по первому номеру и опасаюсь, как бы этот самый «век» не избрал для себя иной «путь». Посмотрим.

Напиши, каков новогодний номер «Мира искусства», и пришли второе приложение. [...]

321. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 20 апреля 1903 г.*

Давно не болтали с тобой, Александр Андреевич, не до того было, возился с квартирой, извела меня вконец. Только сегодня кончились поиски, и к 1 маю перехожу на новоселье (Елизаветинская — Липки, д. № 4/1, кв. 2). Квартира не идеальная, но есть большая комната, правда, с низкими потолками, но обращенная окнами на север. Квартира дешевле рублей на 250, но и дальше от института минут на 10 ходьбы. Словом, много «но», а так как до 1-го мая что-либо найти было трудно, то и остановился на этой.

Ольга 25 кончает экзамены и переходит в последний класс, затем числа 3—5, перебравшись и устроивши новое гнездо, жена с Ольгой едут в Москву, где Ольгу передает сестре, с которой Ольга продолжает путь до Уфы и будет там пить кумыс все

лето. Легкие у нее, по словам лекарей, нехороши (катаральное состояние верхушек, опасное в ее возрасте). Сдав Ольгу, жена едет на Одессу в Гагры, где я в ее отсутствие надеюсь написать пять дивных образов, пять новых «шедевров» и, выехав навстречу жене, «проследовать» через Батум в Абастуман и засесть там до конца августа. Вот моя программа до осени (в Абастумане буду в конце мая).

В Питер, видимо, не приеду, ограничась присылкой всяческих «докладов» его высочеству, а то и времени нет, да к вам теперь наедет гостей и без меня довольно, займитесь выворачиванием их толстых карманов во славу великого Петра и его гнилого детища [1].

Ты пишешь, что «На дне» у вас провалилось. По газетам тоже можно это заключить (разве исключение составляет отзыв Пыпина, который рекомендует с Горьким не спешить, считая его «очень большим талантом, работающим при *исключительных условиях*» и т. д.) [2].

Но «Новое время» — чтобы черт его побрал! — с бешеной пеной подбирает всяческие обвинения, словечки и брань, маскируя свою зависть, бешенство и бессилие, замалчивая «Луку», который в высокой степени оригинален, свеж и один оправдывает глубоко человеческую (а не чертовскую) тенденцию мировоззрения Горького. Бедняги эти «умные», но не честные Суворины, бешеные Буренины и бездарные Булгаковы, Меньшиковы и К° [3].

Вот Розанов так мужчина, его стоит любить. Его отповедь дуре Лухмановой и квартальному православия Грингмуту — превосходна. Тут и убеждение, и страсть, и искренность...[4] Хорошо! Я доволен! Но, однако, будет! Работаю мало, а ем каждый день. Это уж нехорошо, и этим я не доволен. [...]

322. П. П. ПЕРЦОВУ *Абастуман. 8 июня 1903 г.*

Милостивый государь господин редактор!

Возвратившись недавно в Абастуман, я нашел здесь телеграмму от редакции «Нового пути», на которую, к сожалению, не мог ответить своевременно. Теперь же пользуюсь случаем, решаюсь высказать свой взгляд на роль иллюстрации в журнале с такой исключительной задачей, как Вами намеченная.

Цель всякой иллюстрации одна — пояснить мысль, высказанную словом, сделать ее как бы более осязательною. Из трех композиций на тему «Благовещение», данных Вами, думаю, несмотря на всю примитивность выполнения, более соответствовало евангельскому тексту «Благовещение» Фра Беато Анжелико и менее всех — мое. Такие темы, как «Благовещение», требуют, кроме внешних художественных достоинств, главное — величайшей искренности и теплоты чувства, которого мне, к сожалению, ни разу в изображении названной темы достигнуть не удалось, тогда как я могу назвать кое-что из своих произведений, где живое молитвенное чувство, быть может, удалось воплотить в форму.

К таковым мог бы я причислить «Видение отроку Варфоломею» (преп. Сергию Радонежскому), «Юность преп. Сергия» и, быть может, ту картину, над которой работаю я последнее время, где пытаюсь изобразить странствующую Русь, ищущую со страстью и надеждой своего Бога.

Несомненно же высокие человеческие порывы у русских художников, кроме Александра Иванова (в его удивительных эскизах в особенности), мы встречаем в произведениях Сурикова, где драматические моменты человеческой души чередуются с глубоким лиризмом и мистическим настроением («Меншиков в Березове»), а также в некоторых декоративных работах Виктора Васнецова во Владимирском соборе, из которых на первом месте следует поставить «Святителей русской церкви».

Вообще же религиозная живопись наша, церковная и нецерковная, нередко имея за собой внешние достоинства, неудовлетворительна по существу. В данном случае церковная музыка неизмеримо счастливее живописи.

Музыка горячо откликается на все моменты жизни. Она с нами радуется и плачет, она утешает нас в минуты скорби, тогда как живопись в названные моменты, за весьма редким исключением, остается равнодушной и бесстрастной.

Кроме старых итальянцев к счастливым исключениям могут быть причислены некоторые современники в западном искусстве, как то: Пювис де Шаванн, а также Бастьен-Лепаж. Картины последнего, хотя и нерелигиозного содержания (как и Суриков), по высоте нравственного чувства, переданного свято, глубоко и умно, например картина «Деревенская любовь», находящаяся в Московской галерее Третьяковых, могут служить добрым напутствием хотя бы для брачующихся. Картина того же автора «Жанна д'Арк» передает момент молитвенного экстаза с глубочайшей проникновенностью и трогательной простотой.

323. П. П. ПЕРЦОВУ *Абастуман. 27 июня 1903 г.*

Милостивый государь господин Перцов!

В ответ на предложение, высказанное в любезном письме Вашем от 17 июня, должен сказать следующее.

Мы, художники, мало склонны к писательству, и наши попытки в этом в большинстве случаев нельзя признать удачными, ввиду этого могу лишь обещать Вам сделать опыт обработки предыдущего письма моего к Вам в небольшую статью для напечатания [1], в осенние месяцы моего отдыха.

Что же касается помещения в Вашем журнале репродукций с моих вещей, то абастуманские работы, исполняемые по заказу императорской фамилии, в настоящее время еще не закончены, и к воспроизведению их необходимо получить высочайшее разрешение.

С картины моей «Святая Русь» по окончании ее будет снята фотография, которую с удовольствием пришлю Вам.

Пока же нахожу возможным указать Вам на те 3—4 картины моих, которые я считаю наиболее соответствующими характеру Вашего журнала.

Картины эти: «Пустынник», «Видение отроку Варфоломею», «Юность преп. Сергия» и «Под благовест».

Фотографии с них можно достать в Москве у Фишера.

324. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 28 июня 1903 г.*

[...] В начале этой недели совсем неожиданно заявился ко мне Максим Горький с женой и двумя верными своими спутниками [1]. Он сильно поправился, настроение хорошее, бодрое. На первых порах пошли в церковь, выводил я его всюду. Мое художество ему, видимо, очень пришлось по душе, особенно же понравилась св. Нина, которую я только что написал с одной приезжей от вас сестры милосердия [2], очень занимательной физиономии, которая, кстати сказать, в картине заменит мне Максима.

Горький справедливо жалеет, что церковь в Абастумане, то есть у шута на куличках.

По осмотре моего художества батя [3] показывал почетному гостю дареные высочайшими богатства церкви. Затем отправились к нам завтракать — где пили и болтали о разных разностях. Работа у Горького пока не идет на ум, путешествие по Закавказью [пред]принято с тем, чтобы подкрепить здоровье.

В 6 часов собрались к обеду, а к этому времени о приезде Максима весть облетела Абастуман, к концу обеда у нашей террасы начали собираться зеваки, студенты, барышни и проч. молодые психопаты. Затем, сначала робко, начали бросать цветы. Занавесы пришлось закрыть, и несмотря на это, к вечеру наша терраса была завалена букетами роз, жасмина и прочих даров Кавказа.

Всем этим Горький, видимо, приелся и мало его занимает, но спутники, видимо, довольны...

В ночь компания уехала в Кутаис, а отклики пребывания Горького здесь и теперь еще живы. По словам спутников, по всему пути их с появлением Горького происходили такие неистовства. [...]

325. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 1 августа 1903 г.*

[...] Чехов, как и Мопассан, не создал гвоздя, но *в целом* дал удивительную картину жизни людей и природы, плюс прелестнейшая форма.

Пьесы Чехова есть *новое* слово в сценическом творчестве, в них, как и у Островского в лучших вещах его, чувствуется поворот к небывалой форме построения пьесы плюс явное присутствие лирической поэзии, тонкой меланхолии...

Ну, на этот раз с тебя довольно. Перехожу к своим делам, которые мне порядком опротивели.

Написал целую кучу «шедевров», один шедевристее другого [1]. Сегодня рассчитываю своего помощника, большой пакостник и смутьян, каких мало. [...]

326. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 21 ноября 1903 г.*

Рад был получить от тебя, старина, хорошее письмо, рад был убедиться, что наш «преклонный» возраст еще не лишил нас живого чувства к прекрасному, высокому, истинно художественному. Читая твое письмо, переживал вместе с тобой минувшее, когда Шаляпин — теперь великий артист, а тогда — начинающий большой талант — показал нам в Москве царя Ивана [1]. Какой свежестью, красотой, остротой чувства повеяло от его создания. Все традиции полетели к черту. Федор Иванович нарушил их без сожаления, властно, как это может сделать лишь большой, огромный талант. Но ты видел царя Ивана, при случае посмотри царя Бориса [2] — будет сорт выше. При необычайном подъеме чувства трагического, там бесподобная пластика, конечно не условная, а живая, исходящая из существа роли, из ее психологии.

Твоя повесть о старухе Громовой [3] написана и ярко, и образно и дает повод лишний раз пожалеть, что судьба оставила тебя сидеть на мели.

Но довольно о твоем письме — перехожу к тому, что я узнал и увидел проездом через Москву нового, интересного, печального и смешного.

Москва — сколько в ней молодости, восприимчивости, даровитости, и как это все бьет в нос и желает высказаться!

29 ноября

Один Художественный театр чего стоит!.. Купец Алексеев-Станиславский, вписавший там свое имя четко в историю русского театра. «Юлий Цезарь» в постановке Худож[ественного] театра — яркая, смелая картина [4]. Не знаю, я не ученый специалист, которому на роду написано спустя четыреста лет объяснять Шекспиру, что он хотел и как хотел написать то или иное свое произведение, — я простой смертный, да к тому же еще и художник, то есть человек непосредственного чувства, и мне, право, наплевать, что в таком-то году тот или другой мудрец думал о Шекспире и его «Юлии Цезаре». Я вижу в трех первых действиях *живой* Рим, *живого* Цезаря, [рядом] с которым все окружающие его кажутся простыми смертными. Вижу гениального Цезаря, свершающего свой славный путь, клонящийся к закату жизни. Чего же мне еще нужно?! Спасибо, большое спасибо тем, кто такие картины и моменты мне в жизни дал возможность видеть, будет ли это Росси или Шаляпин, мейнингенцы [5] или Дузе, один Качалов или вся труппа Художественного театра, или только его режиссер и декоратор — не все ли мне равно.

В молодом Качалове (прошлогоднем «бароне»)[6] Художеств[енный] театр имеет восходящее сценическое дарование едва ли не первой величины: ум, разнообразная и яркая способность воплощения и, что особенно ценно,— отсутствие актера-профессионала. Этакого, знаешь, прохвоста, так сказать, Далматова или Аполлонского. Постановка первых трех действий захватывает целиком, без остатка. Есть такие моменты, что переживаешь полностью явления природы со всей ее поэзией, красотой...

Попасть в театр стоит огромного труда: за два, за три дня все билеты проданы. Хорошую «школу» имеют москвичи в Худож[ественном] театре.

В Москве узнал о выходе из передвижников семерых товарищей: Остроухова, А. Васнецова, Первухина, Иванова, Степанова, Архипова, Виноградова,— это уже совершившийся факт[7]. Было и мне предложено присоединиться к отважным молодцам сим, но я не вижу еще достаточно к тому причин, ибо не выставляю и нынче нигде и ничего. [...]

Серов в мое время был почти безнадежен, я был у него и виделся с женой его и матерью после одного из консилиумов — впечатление было тягостное, теперь, по газетам, ему лучше: на прошлой неделе была сделана операция и температура спала до нормы. Дай-то Бог, чтобы эта беда над русским художеством миновала[8].

Дома я нашел все в порядке. Жили без меня тихо и ладно. Жена и Ольга просят тебе передать привет. Наталья[9] покрикивает.

Я отдыхал недолго, теперь с увлечением работаю, написал «экран» для себя, пишу образ Богоматери и небольшую картину из соловецких впечатлений[10]. До праздника хочу «побаловаться» — кончить все начатое, в том числе и большую картину, а после Рождества — за эскизы, которые я в конце января или начале февраля привезу к вам в Питер.

1904

327. Л. В. СРЕДИНУ

Киев. 4 января 1904 г.

С Новым годом, с новым счастьем!!.

Дорогой Леонид Валентинович, очень обрадовали меня своими письмами — добрыми вестями о своем здоровье. Вот уже второй месяц, как я вернулся из своей ссылки, из Абастумана (чтоб ему ни дна ни покрышки). И на этот раз поездка моя туда, в смысле дела, была удачна, еще приблизила столь желанный конец. Если все будет обстоять благополучно, то через год «об эту пору» можно будет распроститься с Абастуманом окончательно, а затем, не торопясь, перебираться в Москву, куда меня тянет, как чеховских трех сестер.

Устал и душой, и телом, должно быть, грехи одолевают... Так бы, знаете, лег да и лежал бы целый год, ни о чем не думая, а смотрел бы в небо да на солнце грелся...

Здесь, в Киеве, запоем работал — отводил душу на своих затеях, кончил «Святую Русь», написал и еще две картины небольших — одна — «Обитель Соловецкая» (белая ночь) — стоят два монаха и «ничего не делают». Другая — «Святое озеро» — тихий вечер, природа как бы засыпает, тихо и на озере, молчат и рыбаки-монахи в своих лодочках. Бог их знает, о чем они думают. Вот видите, какие немудрые темы меня останавливают на старости лет, и я их так люблю, сам отдыхаю вместе с моими простаками-мечтателями.

Вы спрашиваете, читал ли я Вл. Соловьева,— читал еще тогда, когда вещи эти появились в свет. С философами-позитивистами я по своей природе никогда в большой дружбе не был. Соловьев же более отвечает моему складу, он ближе мне, понятнее. [...]

328. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 22 января 1904 г.*

[...] Теперь несколько слов о «Вишневом саде» и «Демоне» с Шаляпиным [1]. Эти два спектакля были, во всяком случае, наиболее интересными номерами моего пребывания в Москве, и представь — Чехов в моем представлении художества *одержал верх...*

Потому ли, что я видел *его первым* и он отнял у меня всю силу чувства прекрасного, или почему-либо иному, но это так.

«Вишневый сад» — это прекрасная, трогательная поэма отживающего старого барства с его безалаберностью, непрактичностью, красивым укладом, с вишневым садом, со старыми слугами-друзьями.

Смотришь эту тонкую, благоухающую вещь, и слезы тихие, сладкие незаметно льются по щекам. Как будто и ты сам участвуешь в судьбе этих бестолковых добряков. Пьеса имела успех огромный. Огромный же успех имел и Шаляпин в «Демоне», великолепно звучавший голос, грим и костюм *по Врубелю,* декорации Кости Коровина, все это привело Москву (была вся Москва, ложи были по 400 р.) в восторг. Но я сильно устал и не мог воспринять всего, что дал этот удивительный художник, настолько устал, что не мог воспользоваться приглашением Ф. И. и поужинать у него после бенефиса в обществе гг. Дорошевичей, Ленек Андреевых, Скитальцев. [...]

Ну пиши, душа Тряпичкин.

329. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 14 февраля 1904 г.*

Что-то давно нет от тебя вестей.

Я продолжаю жить повышенной жизнью. Теперь к волнениям общим [1] прибавились личные... Я тебе еще не писал о намерении своем по окончании Абастумана в январе будущего года устроить самостоятельную выставку своих картин, эскизов, этюдов и т. д. Выставка предполагается в Обществе поощрения худож[еств]; оно на январь 1905 г. свободно и предлагается за 2000 р. Вопрос в том — теперь *рискнуть* или не рискнуть, выставив прямо в Союзе [2], который взял помещение в Академии художеств.

За самостоятельную выставку (в январе) то, что я свою «Русь» и прочее выставляю *раньше* Сурикова [3] (февраль) и *раньше* союзных гениев (все эти соображения, конечно, между нами). Выставляя особо, я могу добиться какого мне угодно эффекта в смысле «нестеровских» настроений и т. д. Против самостоятельной — риск в 2—3 тысячи, если никто не пойдет и не окупится входной платой.

Шансы на посещение высочайших и на приобретение — почти одни с Союзом.

Вот какое дело-то. В Обществе меня торопят с ответом. «Раскинь мозгами» и скажи свое мнение (если можно — по телеграфу: «выставляй отдельно» или «выставляй союзом»).

Так я полон всем этим, что больше пока не хочется писать ничего...

330. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 20 февраля 1904 г.*

Спасибо тебе, Александр Андреевич, за письмо. В нем много дельных соображений — и тем не менее я уже послал письмо в Общество поощрения художеств с *отказом* на тот год от помещения для своей выставки, и вот почему главным образом: война — дело серьезное, и не нам, художникам, теперь занимать собою внимание общества, да еще с такой выставкой, как предполагаемая моя, хотя и серьезная, но в то же время нарядная по внешности, по убранству своему.

Ты скажешь, что через год мы будем сидеть, обнявшись с японцами, на берегу тихих вод Великого океана с оливковыми ветвями в руках,— допустим, что так, но

отклик недавней брани будет, во всяком случае, и внимание в сторону искусства будет весьма слабое, а также выставка моя, к сожалению, не будет иметь лишь только характер платонический, но все, что выставится на ней (от сорока до пятидесяти еще не бывших в Петербурге вещей), будет продаваться, а чтобы приобрести — хотя и Нестерова,— нужно иметь свободную наличность.

Приму все меры, чтобы *не* присоединиться к Союзу или Товариществу и, переждав тяжелую годину, выставить хотя и позднее, но самостоятельно, так сказать, «солистом».

Послал бы Бог здоровья. [...]

Буду рад, если найдется охотник купить «Голгофу», а то она пойдет в церкви Общины [1].

Пиши о выставках, их у вас тьма-тьмущая. Что Мурашко, Иванов, молодые пейзажисты? Пиши чаще, обо всем, что у вас слышно. Скоро, брат, свидимся. [...]

331. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 3 апреля 1904 г.*

Только что собирался писать тебе, как получил твое письмо.

Велико наше русское горе! Я же лично потерял вместе с «Петропавловском» [1] друга своей молодости: погиб на нем доктор Волкович, с которым прожито много хороших дней. С ним когда-то мы едва не потонули в реке Белой... [2] и много воспоминаний связано с этим милым человеком. Его любила вся наша семья, а особенно Ольга, с которой еще нет двух лет он виделся в Уфе проездом на восток.

Погиб и славный художник наш В. В. Верещагин, которого щадили и пули, и стрелы туркмен, чтобы умереть столь случайно, так нелепо... Да, тяжелый день был для нас 1 апреля!

Много было и слез, и отчаяния, и самого тяжкого горя. [...]

332. А. А. ТУРЫГИНУ *Керчь. Пароход «Пушкин». 19 апреля 1904 г.*

Пишу тебе, старина, с дороги, сидя в Керчи в пасмурную погоду, в печальном одиночестве и после двух суток, очень интересно проведенных в Ялте.

В Ялте кроме старого своего приятеля доктора Средина и его семьи застал Миролюбова (издат[еля] «Журн[ала] для всех»), Собинова, Скитальца и кое-кого еще.

В семье доктора я привык отдыхать от житейской сутолоки, грязи и вони, атмосфера жизни этого скромного, но в высокой мере содержательного человека совершенно исключительная. Несмотря на тяжкую форму чахотки, там нет никогда уныния, нет апатии к жизни, удивительная гармония, покой и простая, естественная ласковость всей семьи, очень любящей и приятной. Сам доктор — человек обеспеченный (он приходится родственником Станиславскому-Алексееву), несмотря на свою прикованность к своей комнате, своей постели, не тяготится своей печальной жизнью и не удручает ею своих близких. Глубокий, редкий интерес ко всему, чем живо человечество, чем оно дышит и на что смотрит с упованием в будущем,— глубокий интерес ко всему, «чем люди живы», проявляет этот человек неустанно, переваривая, передумывая, взвешивая и очищая в себе самом,— готовый постоянно делиться своим душевным богатством с окружающими. Вот тебе образ этого редкого человека.

Философия и искусство в лице Средина имеют воодушевленного истолкователя и тонкого ценителя.

Многие, приезжая в Ялту, находят здесь, у этого больного, объяснения, и очень ясные, вопросам для себя запутанным. Он, лежа на своей постели, как бы за всех, кому *недосуг*, вопросы жизни, искусства, мысли и чувства решает.

На этот раз темой для разговоров были новые вещи М. Горького «Человек» и Андреева «Жизнь отца Фивейского», только что выпущенные в сборнике товар[ищества] «Знание» за 1903 год.

Прочти — и то и другое любопытно в своем роде... «Человек» предназначается для руководства грядущим поколениям, как «гимн» мысли. Вещь написана в патетическом стиле, красиво, довольно холодно, с определенным намерением принести к подножью мысли чувства всяческие — религиозные, чувство любви и проч. И это делает Горький, недавно проповедовавший преобладание чувства «над мыслью», всею жизнью доказавший, что он раб «чувства», недавно, увлеченный чувством, бросивший жену и ребят, влюбившийся в красивую артистку Худож[ественного] театра Андрееву. Горький, поющий песнь «Мысли», едва ли искренен и, во всяком случае, при всей внешней нарядности своего «Человека», более слабый, чем прежде, более уязвимый, хотя, вероятно, и еще более любезный толпе наших «интеллигентов» [1].

Два слова об Андрееве: вещь талантлива по частям, заваленная и растянутая на сто страниц ради излюбленных им «ужасов», которые менее страшны, чем противны [2]. [...]

333. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 24 апреля 1904 г.*

[...] Из Керчи я тебе послал довольно *беспорядочное* письмо, писанное от скуки. И тема письма не кое-какая — этот самый «Человек» Горького. Дилетант-философ в восхвалении своем «мысли» позабыл, что все лучшее, созданное им, создано при вдохновенном гармоническом сочетании *мысли и чувства*.

Все самое великое на земле, созданное когда-либо человеком, создано им при равномерном участии этих *неразделенных* спутников творчества. Вот где коренная неправда, фальшь поэмы. Быть может, предвзятость, преднамерность такая и делает новое произведение Максима столь *холодным*, хотя и красивым внешне.

Меня крайне занимает, как «Человек» будет принят серьезной — честной и беспристрастной — критикой?.. Буду ждать статей в «Новом пути» [1].

Напиши и ты свое впечатление, напиши и об «Отце Фивейском», в котором, на мой взгляд, столько скверных, нелепых «ужасов» и так эти ужасы и страхи противны и неискренни, так нереальны и не просты, что все, что там есть талантливого, теряется... [...]

В общем, оба произведения говорят, что *непосредственная* пора творчества для их авторов миновала и они, бедняги, работают для *своей публики* и стараются ей заслужить. Жаль и обидно, как скоро художника покидает «Божия благодать»... Как скоро он из вдохновенного певца превращается в услужливого раба. О слава! о популярность! Часто в вас наша гибель...

Ну довольно — несколько слов о церкви, и письмо готово. Первое впечатление после шести месяцев не худое, есть нарядность, не все зрело, не все строго, но не лишено красоты. Начал работать, оканчивать с купола. В июне надеюсь снять леса. И если все будет по-хорошему, к ноябрю кончить совсем.

Скука в одиночестве смертная — день работаю, вечером рано ложусь спать.

334. Л. В. СРЕДИНУ *Абастуман. 1 августа 1904 г.*

Дорогой Леонид Валентинович!

Захотелось побеседовать с Вами, захотелось поделиться тем, что пришлось пережить за последние месяцы Абастуманского сидения, конец которого, к счастью, не за горами. «Шедевры» растут, как грибы после дождя: из сорока шести осталось пять. Сорок один шедевр за два года — согласитесь, продуктивность колоссальная.

Кроме шуток, меня самого удивляет близкий конец.

1 июля были сняты леса, и мы увидели впервые цельную картину исполненной росписи. 3-го приехал в Абастуман экзарх Грузии, служил у нас торжественную всенощную, а на другой день обедню. Старик вежливый, политик тонкий. Живопись расхвалил, и похвалы его не прошли бесследно для абастуманцев. Свирепые нападки на «декадентскую» роспись церкви стали глуше, и, думаю, если бы последовала благосклонная санкция свыше, то «декадентство» и вовсе было бы позабыто и прощено мне; ну, а пока что надо радоваться и тому, что не мешают мне работать.

И, как знать, быть может, месяца через два я стану вольной птицей и потяну на милый север.

За работой тяжелая година наша как будто не так остро чувствуется. Отлетело много жизней, и среди них одна, нам, людям, живущим художеством, особенно дорогая. Среди нас не стало Чехова. С русского неба скатилась яркая звезда. Помянули мы в нашей церкви Чехова, собралось много народа помолиться о нем... [...]

335. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 28 августа 1904 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, несколько слов. Первое, что сообщу тебе на этот раз,— это то, что 24 августа скончался отец. Пожил покойный Василий Иванович 86 лет.

Сделал все, что положено ему было, и сделал хорошо, что называется — по чести.

Жаль, что скончался он один, когда Александра Васильевна подъезжала к Уфе на возвратном пути из Абастумана, куда она привозила Ольгу.

Болезнь его была — старость, против которой лекарства нет. [...]

336. А. А. ТУРЫГИНУ *Абастуман. 4 октября 1904 г.*

[...] Церковь кончена, теперь дня три-четыре корректура, и в воскресенье 10 октября — «прощай, Абастуман!..».

Фотограф попался хороший, но великий лодырь и хам. Не везет мне на эту братию.

Пишу тебе немного и, вероятно, последнее письмо из Абастумана.

Уверен, что ты вместе со мной порадуешься счастливому окончанию этого огромного дела, бесконечно трудного по своей ненормальной обстановке [1]. [...]

1905

337. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 28 апреля 1905 г.*

Как живешь, что поделываешь? а вот я так ровно ничего не делаю. Так сказать, сплю на лаврах...

Выставка моя будет в Питере в январе, в Обществе п[оощрения] х[удожников], сиречь на Морской.

И будем мы с тобой удивлять и восхищать очарованных петербуржцев, они понесут нам злато, много злата, ну, а пока, конечно, терпение и злато будем нести мы.

Был я как-то на днях в Волынской губ[ернии] у Оржевской. Ну, брат, какую она устроила церковь, так на удивление... Право!

Мраморы старого Прахова и его бронзы (темные) — верх совершенства, и, видимо, старый грешник собрал все свое искусство, весь свой талант и на эти прекрасные

последки дал истинный шедевр, и, говоря по правде, у нас в России по части мраморов я не много видел подобного. Орнаменты Прахова-фиса не худы, но не более, стекла еще слабее, зато живопись Нестерова — этого Рафаэля наших дней, внушает благоговение и умиленный трепет. Стенная живопись, исполненная по эскизам Нестерова художником Замирайло, более смахивает на Врубеля, что имеет, конечно, свои достоинства. В общем, в Новой Чартории я провел время приятно, даже весьма приятно. [...]

338. А. А. ТУРЫГИНУ *Париж. 24 мая 1905 г.*

[...] В общем, видено за месяц путешествия [1] немало, многое восстановлено из давно виденного. Много пришлось смотреть впервые.

Первое место по значению и высокой поэзии занимает гениальное создание Пювиса де Шаванна в «Новой Сорбонне» [2].

Здесь великий поэт-живописец возвысился до глубочайшей лирики. Композиция, форма и тон картины — есть чудная музыка, ласковая, спокойная и торжественная. За сим идет Пантеон с тем же Пювисом и его «Св. Женевьевой» и Жан-Полем Лораном [3].

Дальше «Отель-де-Вилль», сиречь ратуша или дума. Там опять великолепный Лоран, красивый Бенар, эффектный Бонна, поэтичный Мартен и многие другие.

Много хорошего, поучительного в Лувре, Люксембурге, занимателен Бенар в Школе фармацевтов [4]. Салоны оба плохи [5]. Из нескольких тысяч холстов едва наберется сотня-другая вещей заметных (первоклассных ни одной). Хорош Гандара, Англада, (*нрзб*), Сулоага.

Прекрасный посмертный отдел Казена, моего давнего любимца.

В Париже грязь, мещанство. Люди живут или политикой, или наживой. В общем, немцы «куда ушли дальше»: там истинная культура. Выдумывают идеи, может быть, и во Франции, но одухотворяют, вводят их в жизнь немцы, русские и другие. Так-то.

339. А. А. ТУРЫГИНУ *[Германия. Конец мая 1905 г.]*

Ну, завтра увижу Берлин, а числа 1 июня и Киев.

Что тебе сказать про петербургские новости (кроме тех, которые ты сам знаешь). Прогорел «Мир искусства», нарождается новый журнал (при «Вестнике Европы»), юмористический, с участием А. Бенуа, Сомова, Грабаря... и, по словам Щербова, будет называться «Русский сифилициссимус» [1]. Вот тебе и все новости.

340. А. А. ТУРЫГИНУ *Пучеж. 17 июля 1905 г.*

Вот когда собрался тебе написать, старина!

Сижу на пароходе, один, в окна видно, как капает дождь, довольно снотворно, а тут попалась на глаза бумага со штемпелем и навела меня на мысль вспомнить столичного друга, потешить старые кости его. Этим рейсом оканчиваю свое летнее странствование, первую половину которого очень приятно, полезно для дела и здоровья провел между Нижним и Казанью в Васильсурске. Потом деловито, а главное — «сыто» прожил в Уфе, откуда проехал, вспоминая детство и отрочество, по Белой и Каме (как хороша последняя!). Затем думал прожить около Нижнего у старого Макарья (Желтоводского, где некогда была Макарьевская ярмарка) [1].

Завтра в 4 буду у Николы на Бабайках, старом монастыре близ Ярославля и, если погода позволит, поживу там дня два-три, затем, через Москву, к 24-му думаю быть в Киеве и начать картины.

Матерьялу собрано достаточно, и с ним, надеюсь, мне удастся осуществить две старые затеи чисто нестеровского (лирического) характера. Эти вещи должны завершить мою выставку, придать ей более светский характер... [2] [...]

341. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 24 июля 1905 г.*

В среду приехали в Киев. Жара здесь нестерпимая. Начал работать картину. Катерина Петровна отдохнуть не успела. Наталья выросла, все болтает и стала еще забавнее. Здесь Щусев и Станиславские, сегодня у нас обедают. Что ты думаешь об августе и сентябре — останешься в Кисловодске или нет. Пиши — отвечу большим письмом... [...] Здесь все тихо и мирно. Ты не можешь себе представить, с каким наслаждением я начал писать свою «За Волгой», выходит поэтично... [...]

1906

342. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 10 марта 1906 г.*

[...] В Москве Викт. Мих. Васнецов «не выдержал» — приехал (без зова) посмотреть картину [1] (ее переснимали). Нашел интересной, в тот же день ее видела «крайняя левая» — Милиоти — и также наговорила любезностей... Видимо, пока я еще со сцены не сошел. В Париже если буду участвовать, то большой вещью, и не иначе... [2]

Пиши о выставке «Мира искусства» [3]. [...]

343. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 1 апреля 1906 г.*

[...] Выставка Дягилева была из рук вон хороша. Здравствует искусство! [...] Право, отличную выставку устроил Дягилев... «Старики» — Серов, Малявин, Сомов — дали превосходные вещи. «Молодежь» — Кузнецов, Милиоти, Анисфельд и друг.,— хотя еще и не выяснилась, но дают «свое», крайне интересное... [1]

На пасхе я снова попаду в Питер. Хочется окончательно установить время и место своей выставки зимой. Предположение же показать себя летом в Париже или Лондоне не осуществилось.

Лето свое я надеюсь провести в странствовании. Хотел бы и у Вас в Ялте побывать дня на два-три. И на севере поработать хочется. [...]

344. О. М. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 19 мая 1906 г.*

Здравствуй, моя милая Олюшка!

Сегодня я ждал от вас вестей с дороги, вместо них получил телеграмму из Уфы. Спасибо за память и поздравление. А мне сегодня и взаправду стукнуло 44 года, пройдет еще несколько дней, и тебе будет 20...

Много воды утекло за эти годы, было кое-что и хорошее, было и нехорошее... без которого не проживешь... Я не могу сказать, как «Демон», — «и прошедшего не жаль», нет, мне его жалко, и как еще жалко! Его и вернуть нельзя, и исправить трудно... Особенно когда начинаешь чувствовать близость старости.

Тебе полегче — ты человек будущего, сумеешь сама не прозевать и не испортить свою жизнь. Будь *искренна* не только с другими, но, что еще важнее и труднее — *будь искренна сама с собой*, не старайся себя *усыпить, обмануть* в самых *глубоких своих помыслах*. Постарайся же постепенно свои качества, которые в тебе есть (правдивость, ум, способности), не заглушить, а развить без ханжества и лицемерия.

Как знать, может, тебе, да и всему твоему поколению людей, придется быть свидетелями и участниками событий исключительных. Господа будут те, кто умен, деятелен, энергичен, а глупые, ленивые и праздные очутятся в положении рабов (в истории этому были разительные примеры). Интересное, хотя и бурное время настает, много надежд, восторгов и разочарований переживут русские люди, пока выработают лучшую норму жизни.

Желаю тебе от всего сердца, драгоценная дочурка, в предстоящее десятилетие твоей жизни много здоровья, энергии для жизни, полезной не одной только себе; духовно сыта ты будешь тогда, когда будешь думать и о других,— тому примеров в твоей жизни довольно. [...]

Я провожу время однообразно, много очень гуляю и читаю, успокоился, поправился и скоро уеду на Волгу, где с наслаждением примусь за задуманную работу.

Много думаю о «Христианах» [1], мечтаю летом попасть в Ясную Поляну, написать с гр. Л. Н. Толстого этюд. Хорошо, если бы удалось: капризный старик!

Что твоя вышивка? Я не теряю надежды в конце концов и от тебя получить подарок и приму его с наслаждением.

345. А. А. ТУРЫГИНУ *Сергиев посад. 3 июня 1906 г.*

Вот я и снова под Москвой, у «Сергия». Наслаждаюсь воспоминаниями молодости, чуть не каждый куст и бугорок напоминает былое, невозвратную юность, молодое творчество!..

Сегодня видел оригинал елочки для «Пустынника», за восемнадцать лет она стала елью, кудрявой, стройной. Правда, за эти годы вырос и я, но не стал ни стройным, ни кудрявым, а обидно!..

Проживу здесь несколько дней, поработаю, а там на Волгу в Чебоксары (Казанской губернии). Там поработаю недели две, а затем в Уфу недели на две. Оттуда возьму Ольгу, отправлю ее в Кисловодск, а сам постараюсь попасть в Ясную Поляну, а для сего «испрашиваю» соизволения у жены великого старца. Посылаю тебе для редактирования и проч. предполагаемое письмо к гр. Софии Андреевне [1]. [...]

346. А. А. ТУРЫГИНУ *Чебоксары. 16 июня 1906 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Спасибо за письмо. С измененной редакцией я согласен и ею воспользуюсь почти целиком. Письмо, вероятно, пошлю из Уфы, так как послал узнать к своим титулов[анным] друзьям о форме обращения к графине Софии Андреевне.

Ты прав, старина, если я попаду в Ясную Поляну, то не раз придется «попотеть». Прав ты и в том, что Л. Н. — это не «княгини» и «высочайшие», и даже не ты, говорить с ним не то что фунт изюму съесть. Но ведь не даром же ты и некоторые иные находят, что покорный твой слуга в некоторых случаях «Антокольскому равный». Думаю, что столь лестное равенство мне поможет и тут. Побольше осторожности, побольше внимания, дозу искренности и простоты, а затем сознание того, что ведь не на экзамен я иду и что мнение гр. Толстого хотя и дорого, но не за ним я еду в Ясную Поляну, цель моя очень определенна: *написать с Л. Н. этюд*, а затем остальное имеет значение весьма относительное. Если мне удастся попасть в Ясную Поляну (в чем я имею полное основание сомневаться, ибо Л. Н. меня не жалует как художника

давно и определенно), то часы или дни, кои я там проведу, не будут посвящены ничему иному, как тому делу, за которым я приехал.

Тем не менее думаю, что «попотеть» придется.

Вот я и в Чебоксары забрался, и тут тоже приходится «попотеть» немало, хотя и по-иному: живу в избе, ем что попало. Сплю на сундуке с приданым хозяйской дочери. Множество блох, клопов и иных гадов избрали меня для своих вкусовых опытов, все это милое царство насекомых скачет, ползает, бегает по мне, совершенно игнорируя то, что я «академик», что я известность, что, наконец, мне просто все это может быть неприятным, и все это ради чего же? — да ради того же, ради чего я решаюсь «попотеть» в Ясной Поляне: для любезного искусства, которому я продолжаю верой и правдой служить.

Ты желаешь знать о «Христианах» больше, чем название, охотно поговорю о картине с тобой, но только в другой раз, теперь жара, лень и проч. мало меня вдохновляют. Картина (если ей суждено когда-нибудь быть написанной) будет «хорошая, большая»!..

347. С. А. ТОЛСТОЙ *Уфа. Вторая половина июня 1906 г.*

Милостивая государыня Софья Андреевна!

Приступая к выполнению задуманной мною картины «Христиане», в композицию которой среди людей, по яркости христианского веропонимания примечательных, войдут и исторические личности, как гр. Лев Николаевич Толстой, для меня было бы крайне драгоценно иметь хотя бы набросок, сделанный непосредственно с Льва Николаевича. Я решаюсь потому через Ваше посредство обратиться с почтительной просьбой к Л[ьву] Н[иколаевичу] разрешить мне с вышеупомянутой целью во второй половине июля приехать в Ясную Поляну.

Буду очень признателен за ответ на настоящее мое письмо.

С глубоким почтением и преданностью остаюсь

Михаил Нестеров.

348. А. А. ТУРЫГИНУ *Уфа. 9 июля 1906 г.*

[...] Толстому письмо послал, но почти уверен в отказе (сон такой видел).

Во всяком случае, напишу тебе в свое время, что из нашего с тобой «сочинительства» выйдет. Конечно, отказ не подействует на меня особенно неожиданно, но и вдохновения не прибавит.

Ты ждешь «умного» письма с пояснением картины. Ой, жарко! ой, лень какая! Потерпи маленько, дай срок, напишу. Здесь поневоле больше болтался. Начал портрет Ольги [1], но по недостаче времени не кончил, и если кончу, то в Киеве. На юге останусь до начала августа, а в августе к вам — в Питер (осчастливлю и Павловск), на Валаам и к Котову в имение.

Первая часть лета прошла довольно бестолково и бесплодно. Посмотрим, что будет дальше.

Дотянул до второй страницы, а что дальше писать, и сам не знаю. Диккенса не читаю, и вообще читаю мало. Хотя все же могу тебе рекомендовать познакомиться с Оскаром Уайльдом, его «Дорианом Греем». Этот англичанин — столь же распутный, как и даровитый, увлекательный романист. Прочти также Мережковского — «Грядущий Хам» и в той же книге — «Максим Горький и Чехов» [2].

Много новых мыслей, хотя «форма» изложения обычная, нудная, искусственная, а мысли свежие. [...]

349. А. А. ТУРЫГИНУ *Княгинино*[1]. *30 июля 1906 г.*

Письмо от графини получил, ниже его тебе переписывает жена (ведь и твоя копеечка в сочинительстве его есть). Ответ не чрезмерно любезен, но я и этого не ждал, зная, что у Толстых есть манера вовсе не отвечать[2]. Еду я потому, что мне Толстой *нужен*, не на поклонение и не экзамен сдавать, а только затем, что пройдет год-другой — и он может не быть, и тогда будешь жалеть и бранить себя за излишнюю чувствительность.

Еду я числа 10—15 августа и оттуда, вероятно, проеду к вам в Питер. Здесь работаю усердно: большой этюд на воздухе с Ек[атерины] Петр[овны] и начинаю портрет с польск[ого] худож[ника] Станиславского. [...]

350. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Княгинино. 1 августа 1906 г.*

[...] Сегодня приезжают Станиславские (они гостят недалеко отсюда и были уже у нас третьего дня). Бедный Иван Антонович тяжко болен, у него нефрит, та болезнь, от которой умер Александр III, а также муж кн. Яшвиль. Станиславский еле ходит, от него остался только остов старого толстяка. Настаивают, чтобы его везти в Египет, климат Кракова для него губителен. Теперь в тепле ему лучше. Жаль его страшно. Жена его в полном отчаянии и рада тому, что я предложил написать с него портрет. Пробудут они у нас с неделю, после чего все из Княгинина разъедемся (Е. П. и Наталья останутся до середины сентября). Станиславские — в Киев, я — в Ясную Поляну, откуда получил письмо очень вежливое, хотя в нем и говорится, что Л. Н. болеет и позировать не будет, но приехать разрешает и т. д. [...]

351. А. А. ТУРЫГИНУ *Ясная Поляна. 22 августа 1906 г.*

Здравствуй, старина!

Вот уже третий день, как я в Ясной Поляне.

Л. Н., помимо ожидания, предложил мне позировать и за работой и во время отдыхов. И я через два-три часа по приезде сидел уже у него в кабинете и чертил в альбом, а он толковал в это время с Бирюковым — его историографом.

Из посторонних здесь, кроме Бирюкова, сейчас нет никого, за неделю же до меня был Леруа-Болье и ваш Меньшиков, которому жестоко влетело от старика[1].

Л. Н. сильно подался, но бодрый, скачет верхом, так, как нам с тобой и не снилось. Гуляет во всякую погоду.

Первый день меня «осматривали» все, и я тоже напрягал все усилия, чтобы не выходить из своей программы. На другой день с утра отношения сделались менее официальные. Старый сам заговаривал и, получая ответы не дурака, шел дальше. К обеду дело дошло до искусства и взглядов на оное, и тут многое изменилось. В общем, с Л. Н. вести беседу нетрудно, ибо он не насилует мысли. Вечером наш разговор принял характер открытый, и мне с приятным удивлением было заявлено: «Так вот вы какой!» (разговор был о Бастьен-Лепаже и его «Деревенской любви»)[2]. Вечером же вчера я почувствовал сильную простуду, температура поднялась без малого до сорока градусов, и я щеголял уже в фланелевом набрюшнике «великого писателя земли русской» и его дикой кофте. Затем меня уложили в постель, и благодаря усилиям их доктора драгоценная для России жизнь теперь вне опасности, и сегодня поздно вечером я, вероятно, уеду в Москву, сделав несколько набросков с Л. Н. в альбом и получив обещание графини выслать мне в Киев ряд снимков с Л. Н. (у нее их до шестисот).

Да! я страшно рад, что решился сюда заехать, живется здесь просто и легко, а сам Толстой — целая поэма! В нем масса дивного мистического сантимента, и ста-

рость его прелестна. Он хитро устранил себя от суеты сует, оставаясь всегда в своих фантастических грезах. Революции здесь сочувствия нет, старик же относится к ней уклончиво, предлагая свое гомеопатическое средство — непротивление.

Ясная Поляна — старая барская усадьба, сильно запущенная. Все сосредоточено здесь около писательства Л. Н-ча.

И необыкновенная энергия графини (самого «мирского» человека) направлена на то, чтобы старичина не выходил из своего художеств[енно]-философского очарования.

Вот тебе, душа моя, краткое описание моего пребывания здесь.

В заключение должен горько тебя разочаровать: в Питер я сейчас не приеду, буду в середине ноября. Теперь же, пробыв с неделю под Москвой, уеду к семье, а затем в Кисловодск за Ольгой.

352. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 24 августа 1906 г.*

У Толстых пробыл еще день и только вчера вечером приехал сюда.

Расстались прекрасно. С семьей дружелюбно. Сам звал на прощание заезжать в Ясную Поляну еще и высказал о моем искусстве, что «теперь он понимает, чего я добиваюсь», он сочувствует этому, особенно в наше время безумной проповеди «неверия», что *теперь* он считает даже и столь ему ненавистное «православие» и вообще деление христианства на церкви, как оно ни грубо (деление), полезнее полного неверия.

Понимает моего «Сергия с медведем» и просит ему выслать все снимки со старых моих картин, которые я сам более ценю, и с новых, обещая высказать мне свое мнение о них подробнее.

Словом, конец уже совсем неожиданный.

Так-то, старичина!

Твои страхи насчет «потенья» в Ясн[ой] Поляне не сбылись, и отлично, что так. В Толстом же нашел я громадную нравств[енную] поддержку, которой мне недоставало последние годы.

Будь здоров. Надеюсь, ты доволен мной, потому что мои удачи — есть и твои. Таково дело старой дружбы.

353. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 31 августа 1906 г.*

Да! старичок, вижу я, что ты моим письмом разочарован. Все твои надежды на потенье не оправдались. Я столь же мало потел в Ясной Поляне, как и на Караванной, не вызвал надлежащей испарины и француз [1]. Что поделаешь! На все дело мы, очевидно, смотрим разными глазами, а может быть, и то, что ты у Красного моста одичал не в меру.

Во всяком случае, у меня было твердое намерение дать тебе в ближайшем письме более обширную характеристику Толстого, как я его понимаю. Теперь же постараюсь удовлетворить твое любопытство с тем, чтобы надолго не ворочаться к «Яснополянскому отшельнику».

«Толстой-старец — это поэма», писал я тебе, и это истинная правда, как правда и то, что «Толстой — великий художник» и как таковой имеет все слабости этой породы людей. В том, что он художник, — его оправдание за великое его легкомыслие, за его «озорную» философию и мораль, в которых он, как тот озорник и бахвал парень в «Дневнике» Достоевского, постоянно похваляется, что и «в причастие наплюет». Черта вполне «русская». И Толстой, как художник, смакует свою беспринципность, свое озорство, смакует его и в религии, и в философии, и политике. Удивляет мир злодейством, так сказать...

Лукавый барин, вечно увлекаемый сам и чарующий других гибкостью своего великого таланта.

Деловитая и мирская граф[иня] София Андреевна не раз говорила мне в Ясн[ой] Поляне, сколько увлечений, симпатий и антипатий пережил Л. Н. Он еще недавно восхищался характером и царствованием Николая П[авлови]ча, хотел писать роман его эпохи, теперь же с редким легкомыслием глумится над ним. Провожая меня, как я и писал тебе, Толстой «учительно» говорил, что даже «православие» имеет неизмеримо более ценности грядущего «неверия» и т. д. Рядом с этими покаянными словами издаются «пропущенные места» из «Воскресения», где он дает такой козырь в руки «неверию». Сколько это барское легкомыслие и непоследовательность, «блуд мысли» погубил слабых сердцем и умом, сколько покалечило, угнало в Сибирь, один бог знает! И все ведь так мило, искренне и очаровательно, при одинаковой готовности смаковать «веру» умного мужика Сютаева и вошь на загривке этого Сютаева [2]; как часто этот «смак художника» порождает острую мысль, хлесткую фразу, а под удачливую минуту и целую систему, за которой последователи побегут, поломают себе шею. Он же, «как некий бог», не ведая своей силы, заманивая слабых, оставляет их барахтаться в своих разбитых, покалеченных идеалах. «Христианство» для этого, в сущности, нигилиста, «озорника мысли» есть несравненная «тема». Тема для его памфлетов, острот, гимнастики глубокомыслия, сентиментального мистицизма и яростного рационализма. Словом, Л. Толстой – великий художник слова, поэт и одновременно великий «озорник».

В нем легко уживаются самые разноречивые настроения. Он обаятелен своей поэтической старостью и своим дивным даром, но он не «адамант» [3].

Теперь ты, конечно, вправе спросить – какое же место может занять Л. Толстой в будущей моей картине «Христиане». «Ему подобающее»,– отвечу тебе пока, подробнее же как-нибудь в другой раз.

Сегодня вернулся из Абрамцева (Мамонтовых) и завтра уезжаю в Киев и потом в Смелу – в Княгинино-Сунки, к семье.

354. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 8 октября 1906 г.*

В ответ на малоинтересное письмо о найденной сторублевке посылаю тебе очень интересное письмо Л. Толстого к М. Нестерову, полученное им сегодня:

«Мих[аил] Вас[ильевич], благодарю вас за фотографии. Вы так серьезно относитесь к своему делу, что я не побоюсь сказать вам откровенно свое мнение о ваших картинах. Мне нравятся и Сергий Отрок, и два монаха в Соловецком. Первая больше по чувству, вторая больше по изображению и поэтически религиозному настроению. Две же другие, особенно последняя, несмотря на прекрасные лица, не нравятся мне. Христос не то что не хорош, но самая мысль изображать Христа, по-моему, ошибочна. Дорого в ваших картинах серьезность их замысла, но эта-то самая серьезность и составляет трудность осуществления. Помогай вам Бог не унывать и не уставать на этом пути. У вас все есть для успеха. Не сердитесь на меня за откровенность, вызванную уважением к вам. Лев Толстой. 3 окт[ября] 1906» [1].

Это письмо получено в ответ на посланные фотографии: «Сергия-отрока», «Сергия-юноши» (с медведем), «Мечтателей» («Белая ночь на Соловецком») и «Св. Руси», которые Толстой желал иметь.

В конце этого месяца надеюсь лично улицезреть тебя, а пока что сообщи мне, подумав хорошенько, *следует мне ставить на выставку наброски с Толстого или нет?* Подумай всячески – и практически, и психологически, и политически. Ты мужик мозговатый, обмозгуй и это дело и ответь, не откладывая в дальний ящик.

Жду также обещанного описания «предков».

Чемберлена [2] прочту, о нем я слышал в Ясной Поляне.

Что касается моего живописания, то скажу тебе, что пишу я без «задней мысли», памятуя, что не единым хлебом сыт человек. [...]

355. О. М. ШРЕТЕР *Москва. 1 ноября 1906 г.*

Сейчас вернулся из Художественного театра. Превосходно! Наслаждение огромное, постановка, костюмы, игра Качалова (Чацкий), Москвина (Загорецкий) великолепны! [1]

Завтра вечером в Питер.

356. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 19 ноября 1906 г.*

[...] Могу тебя порадовать — в «Речи» (знаешь, что это за «фрукт»!) появилось заманчивое объявление подписчикам, что к рождественскому номеру выйдет «приложение» с картинами известных художников: В. Васнецова, Нестерова и Айвазовского [1]. Лестно, брат Аркадий!..

Заканчиваю кратким описанием новой карт[ины] Сурикова «Разин». По широкому раздолью Волги в тихий вечер плывет под легким парусом лодка — «атаманка». Плавно взлетают весла удалых гребцов, плеск воды и звуки бандуры нарушают тишину. На первом плане сидит заложник — персидский хан, около него двое разгульных казаков. Дальше казак-бандурист, а против него у мачты сам Разин. Задумчиво глядит этот удивительный человек, глаза его голубые, зоркие, как бы видят свою судьбу. Он красив тою великорусскою красотой, которая неотразима ни для старого, ни для малого, ни для красных девок. Картина первого сорта. Тон, как и композиция, благородны. Это «поэма»!

357. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 15 декабря 1906 г.*

Дорогой Леонид Валентинович!

Посылаю Вам обещанную фотографию с «Св. Руси» и шлю при сем Вам и Софии Петровне самые искренние, горячие пожелания всего лучшего на предстоящие праздники и наступающий Новый год.

Недавно получил из Москвы от Вашего брата Александра Валентиновича письмо, где он просит написать сведения обо мне для очерка, который он предполагает напечатать в февральском (мне посвященном) номере «Золотого руна» [1].

Послезавтра уезжаю в Питер, где 5—6 января открывается моя выставка и вместе с тем начинается моя «Голгофа».

Напишите Ваше впечатление о картине, а также дайте весточку о себе и Вашем здоровье.

1907

358. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Петербург. 3 февраля 1907 г.*

[...] Вчера (в пятницу) было на выставке более тысячи человек [1]. Гр. Толстой [2] мне передал, что Музей Александра III приобрел портрет Ольги за 2000 руб., чему нельзя не порадоваться. Выставка закрывается завтра. Надеюсь, что общее количество посетителей дойдет до девяти тысяч чел. Пока продано более чем на 15 000 руб. А там еще Москва, куда еду в среду 8 февраля. [...]

359. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 21 февраля 1907 г.*

Каждый день собираюсь тебе дать отчет о своих делах в Москве.

Выставка для «избранных» открылась 14-го [1]. Было немного, но купили в этот день более чем на 1000 р. На другой день (15-го) была выставка открыта для публики, которая идет довольно охотно, за шесть дней перебывало до 1500 человек, почти вдвое более того, что за первые дни было в Питере... Продано по сей день двенадцать вещей — на 5000 р. В общем перевалило за 20 000 рублей. Из восьмидесяти четырех выставленных вещей осталось на руках шесть, а впереди еще три недели. Газеты хвалят: «Московские ведомости» посвятили фельетон черносотенных похвал. «Русское слово» (левое) большую статью, и довольно недурную [2].

Ходит на выставку много молодежи... студентов, курсисток и т. п. Черносотенцы читают о «Св. Руси» «рефераты».

Третьяковская галерея выставку прошла молчанием (есть слухи, что из-за «Димитрия царевича» перегрызлись Серов с Остроуховым) [3].

В Москве в первое время замечалось два настроения: «барство» всецело за меня, «прогрессивное» купечество было открыто враждебно... Однако Харитоненко купил три вещи: «Молчание», «Осенние дни» и этюд.

На мелочи в Москве цены повысил, и все же все съели.

Устроена выставка уютно, по-другому, чем в Питере.

Боюсь, что если здесь народ *повалит*, как в Питере, то больше тысячи человек не влезет в один день.

В Киев еду 27-го, там останусь числа до 10-го и приеду закрыть выставку (15—18 марта). И около 20 марта снова увижу твои «ясные очи».

Устал я страшно и мечтаю об отдыхе, о полной тишине и покое. Мечтаю о лете, об этюдах в лесу или на Волге.

360. Л. Ф. МАКЛАКОВОЙ-НЕЛИДОВОЙ *Киев. 24 апреля 1907 г.*

Милостивая государыня Лидия Филипповна!

Накануне светлого праздника Вам угодно было доставить мне истинную радость. За эту радость, за те хорошие минуты, которые я испытал, читая статью, напечатанную в «Голосе Москвы» [1], я и благодарю Вас сердечно.

С полной искренностью скажу, что из тех многих отзывов, печатанных и обращенных ко мне письменно, статья «Голоса Москвы» доставила мне одно из наибольших удовлетворений (к каковым причисляю прекрасные письма фабричного рабочего [2] и неизвестной мне г-жи Ольги Каратыгиной из Вильно), вынесенных мною от выставки в Петербурге и Москве.

Статья, присланная Вами, носит в себе следы желания автора ее подойти возможно близко к самым сложным сторонам души художника, заглянуть в глубокие, едва уловимые источники творческих его побуждений. И надо сказать правду, в описании «Царевича Димитрия убиенного» это удается в значительной мере, и я бы лишь решился добавить к высказанному еще следующее: жалость к убиенному царевичу-ребенку должна быть разделена с жалостью к великому страданию, великой тайне, горю матери, потерявшей лелеенную ею лучшую часть души своей, душу ее ребенка, существа еще не опороченного, еще идеального, еще святого. Горе остающихся на земле еще острее, еще мучительнее, еще сожалительнее, ибо они, оставаясь здесь с живущими и доживающими жизнь, уже доживают ее без иллюзий, без теплой, согревающей, деятельной любви к живому, близкому, родному, плотскому, без любви к части своей души, облеченной в живое тело, формы милые, трогательные, драгоценные.

«Св. Димитрий царевич убиенный» есть повесть скорбной, трагически-умиленной души матери со всей материнской — божественной и плотской природой ее.

Вот, думается мне, наиболее законченное пояснение этой наиболее ценимой (после «Отрока Варфоломея») картины моей.

Будущая судьба картины этой интересует, конечно, меня очень. Во всяком случае, я решил при вторичном обращении организатора выставки в Лондоне, а также на приглашение выставить в декабре в Париже ответить отказом. Таким образом, «Димитрий царевич» остается в России и пока у меня, а дальше покажет время и обстоятельства [3].

Если Вы знаете автора статьи «О живых и убиенных» (а полагать так у меня есть некоторое основание), прошу Вас не отказать [передать] автору статьи мою горячую искреннюю признательность за доброе слово о выставке, за участие к судьбе «Св. Димитрия убиенного».

361. В. В. РОЗАНОВУ [1]

Княгинино. 10 мая 1907 г.

В[асилий] В[асильевич], вернувшись из деревни, я нашел Ваше письмо, которое меня очень порадовало, приятно было узнать, что «Зосима Соловецкий» Вам и семье вашей пришелся по душе [2].

Мысль увидаться летом в Кисловодске мне очень улыбается, и я думаю, что это вполне возможно, тем более что мне известно, что Вами снято помещение у М. П. Ярошенко, которая действительно пресимпатичный человек, хотя, быть может, в значительной мере и отступает по своему характеру от Вашего о ней представления. Мария Павл[овна] человек с темпераментом, страстная, а потому и пристрастная. Явления жизни она, как и я, многогрешный, принимает под острым углом, освещая их очень ярко, почему и теневая сторона этих событий получается густая черная; и мне думается, что в Вашей беседе с ней Вы приняли благие намерения за искомую терпимость.

Во всяком случае, в Марии Павловне в Кисловодске Вы найдете очень интересную собеседницу, перед глазами которой проходили и события, и интересные люди.

Вы правы, в природе моей, как и у множества и множества русских людей, живет страсть плыть «против течения», и, к сожалению, мне, как художнику, как свидетелю и наблюдателю явлений, бурно несущихся передо мною, больше бы пристало сидеть на берегу, занося спокойно, вдумчиво явления эти в свой альбом... А я, побуждаемый какой-то властью, но без достаточной силы, надрываюсь в борьбе с этим проклятым течением. И мысленно теоретически иногда готов (хотя бы как католик) «поднять факел и зажечь город». Ибо «город» этот иногда мне представляется достойным страшной участи Содома.

Последнее время я переживаю отданье своей выставки. [...]

362. Л. Ф. МАКЛАКОВОЙ-НЕЛИДОВОЙ

Киев. 14 мая 1907 г.

Глубокоуважаемая Лидия Филипповна!

Очень сожалею, что за выездом в деревню не мог ответить на письмо Ваше своевременно и тогда же выслать копию с письма, присланного мне неизвестным г-ном Назаровым с одной из подмосковных фабрик с пояснением, что автор письма — полуинтеллигентный рабочий человек, хотя и далекий от художества, но глубоко чуткий и т. д. (письмо со значительными орфогр[афическими] ошибками).

В письме этом действительно есть весьма ценные для меня строки.

С большим интересом прочел в «Московском еженедельнике» впечатления Ваши от деревни наших дней [1]. Они рассказаны образно, без той тенденции, которая так часто мешает знать правду о жизни нашего народа.

Обещанной статьи Екат. М. Лопатиной еще не получил, но слышал, что в журнале «Весы» (апрель) появились отзывы о выставке моей художника Грабаря и некоего Макса Волошина [2]. Оба названные автора к моему творчеству относятся с неумолимой беспристрастностью.

Еще раз приношу мою глубокую благодарность за теплое отношение к будущности «Димитрия царевича» и к моему художеству вообще. [...]

363. А. А. ТУРЫГИНУ *Ясная Поляна. 30 июня 1907 г.*

Пишу тебе, старина, о своем пребывании у Толстых, где я уже вторую неделю работаю над портретом Льва Николаевича. Выходит неплохо, находят сходство, и даже — некоторые — большое. Пишу на воздухе. Позирует Л. Н. сидя за шахматами с Чертковым. Позирует плохо, все время развлекается, то говоря с кем-нибудь, то поучая ребят, то просто засмотрится на воробьев... [1]

В фоне будет пруд и часть еловой аллеи, им лет пятьдесят тому посаженной. Когда нужно, Л. Н. стоит (фигура стоячая), но не подолгу, разговаривая с кем-нибудь...

Вообще же он сразу согласился на мое предложение, а теперь даже настаивает, чтобы я все довел до конца. Отношение ко мне прекрасное, и мой «прием» — быть тем, чем я есть,— только избавил обе стороны от ненужной осторожности в мнениях. Л. Н-чу гостивший здесь писатель Сергеенко проболтался, что я ехал первый раз с некоторым опасением, зная о себе мнение Льва Н-ча (помнишь — «драть его надо», «к Кузьмичу» и т. д.), все это вызвало объяснение с Л. Н-чем, кончившееся особым выражением расположения. Словом, что ни делается пока — все к лучшему. Толстой бодр, весел и работает неустанно. На коня он вскакивает, как корнет, и мчится через канавы не хуже молодого; ходит верст по десяти в день, забредает далеко, едет домой с бабами на телеге (это в семьдесят девять лет).

Вчера вечером завязалась беседа о монастырях, монахах, путешествиях его по монастырям, все интересно, ярко и живо. Как-то он врасплох спрашивает: какой я веры? — то есть «православный» и проч., я ответил утвердительно, от «исповеди» же уклонился очень ловко, что и было оценено.

Здесь гостил Сергеенко (второй биограф Толстого), гостил Чертков, несколько барышень. Чуть не ежедневно появляются и исчезают разные Брешки-Брешковские, Борисы Демчинские и прочая мошкара из газет. (К твоему удовольствию, Л. Н. по утрам прочитывает преимущественно «Новое время».)

Жить здесь легко и приятно, свобода полная, едят до отвалу, я шляюсь за ягодами с какой-нибудь из барышень (художница Игумнова, талантливая сестра композитора, сестра депутата Маклакова).

На днях все дела здесь кончу и уеду в Сунки (адрес: Смела, Киевской губ., Сунки-Княгинино). О пребывании в Ясной Поляне еще напишу в другой раз, напишу кое-какие наблюдения, мысли Льва Николаевича о моем художестве и пр. Пока же довольно.

364. А. А. ТУРЫГИНУ *Княгинино. 12 июля 1907 г.*

[...] Начну с дневника доктора, записывающего в продолжение двух с лишком лет стенографически все более или менее интересные слова и мысли Толстого.

Зимой за чайным столом в общей беседе дочь Л. Н. Татьяна Львовна Сухотина защищала от нападок Л. Н. Метерлинка и, говоря о роли настроения в его произведениях, между прочим сказала: «Да это то самое, что у нас у Нестерова»,— на что Л. Н. горячо возразил: «Совсем нет: Нестеров передает настроение *народной* души, *народной* поэзии, чего у Метерлинка нет». Дальше в том же дневнике записан следующий разговор: «Юлия Ив[ановна] Игумнова (сестра композитора, талантливая художница), приехав из Москвы, говорила о выставке Нестерова, которая ей понравилась. О Христе на картине «Св. Русь» говорила с недоумением. Он мог его нарисовать, как на иконах. Лев Н-ч сказал: «Он должен был его нарисовать таким, каким

его видят все эти люди, которые стоят перед ним. Они его не могут видеть в виде итальянского певца». Помолчав, Л. Н. сказал: «Это панихида русского православия». София Андр[еевна] спросила: «Что панихида?» — Л. Н.— «картина Нестерова — это панихида». Вот тебе две выдержки из дневника, касающиеся меня [1].

Теперь постараюсь передать, что помню — в точных выражениях, что не помню — своими словами — из бесед и слов, сказанных Л. Н. в разговорах со мной. Говоря о монастырях и монахах, теме для нас обоих довольно щекотливой, Л. Н. поведал о своем путешествии — в [18]82 г. в Киевскую Лавру. Одетый, как всегда, просто, неприглядно, с лицом некрасивым, он прямо прошел к старцу схимнику, бывшему тогда в Лавре, и обратился к нему с просьбой «поговорить о вере». Старец, занятый делами поважнее и не подозревая, что перед ним стоит граф и Л. Толстой, ответил: «Некогда, некогда мне, ступай с Богом!» Тем же кончились попытки «беседы о вере» с другими важными сановниками Лавры. Утешился Толстой у монаха-привратника, кот[орый] приютил его у себя в сторожке в башне, там они две ночи хорошо говорили о вере.

Монах-привратник дрался перед тем с туркой под Плевной, за веру христианскую проливал кровь.

Две ночи искателя правой веры гр. Толстого ели в сторожке монастырские блохи и вши, и он остался всем очень доволен, дружески расставшись со своим новым приятелем.

Дальше Л. Н. рассказал мне, как он был вместе с покойным Страховым в Оптиной пустыни у знаменит[ого] старца Амвросия и как Амвросий, приняв славянофила, верующего церковника Страхова за закоренелого атеиста, добрый час наставлял его в вере православной и как сконфуженный Страхов терпеливо, без возражений выслушивал учительного старца, который при всей прозорливости перемешал своих посетителей. На мой вопрос Л. Н., показался ли ему старец Амвросий человеком большого ума,— Толстой, конечно, ответил, что «нет», прибавив: «но он был очень добрый человек» [2].

За вечерним чаем 30 июня Л. Н. по поводу написанного с него мною портрета завел речь о новом искусстве, говоря, что он не понимает ярких красок новейших художников (хотя бы таких даже, как я), признавая Бонна наисовершеннейшим из современных портретистов. Дальше, по его мнению, идет ересь. Досталось Рембрандту, я говорил за «стариков», за Веласкеса, сумевшего своим гением дать такое простое и великое разрешение в пластике человеческого лица, к какому ни один из современных живописцев приблизиться не мог. Досталось художникам безыдейным, было подарено несколько теплых слов Фра Беато Анжелико с его наивной верой. После чего наш разговор перешел на современную литературу. Досталось Горькому, особенно Л. Андрееву, который якобы хочет своими произведениями всех напугать. «А я его все-таки не боюсь!» — закончил лукаво Толстой.

1 июля Л. Н. зашел ко мне с утренней прогулки, когда я, голый, мыл свое грешное тело.

Поздоровавшись, как бы мимоходом сказал: «А я вот сейчас думал — какое преимущество наше перед вами, молодыми. Вам надо думать о картинах, о будущем, наши картины все кончены, в этом наш большой барыш. Думаешь, как бы сохранить себя получше на сегодня».

Перед отъездом моим из Ясн[ой] Поляны, прощаясь, Л. Н. сказал так: «Я рад был, истинно рад был вас узнать поближе и думаю, что мы еще с вами увидимся».

Вообще и на этот раз с Ясн[ой] Пол[яной] я расстался прекрасно...

20 июля

Вчера возвратился от гр. Толстого Дмитр[ия] Ив[анови]ча, который живет у своей тещи Чертковой в великолепном имении Кагарлык (Киевский уезд). Провел там три дня и три ночи, и меня все слушали — не наслушались...

Ухаживали все и на все лады.

Уезжая, получил приглашение на следующее лето, а также в Петербурге тоже придется бывать у Чертковой [3].

На днях сюда в Княгинино приедет Щусев. В середине августа я еду к Троице и вторично на Волгу. [...]

365. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Княгинино. 6 августа 1907 г.*

[...] В Ясной Поляне все обошлось как нельзя лучше. Портрет закончил (голову), сделано к нему несколько этюдов, и сняты фотографии. Портрет остался до сентября у Толстых, вышлют его прямо в Киев, где я его и закончу. Уже мне есть запросы для издания прислать с неоконченного снимки, в чем, конечно, я отказал. Л. Н. проводил меня очень мило и ласково, сказав — «я был истинно рад поближе узнать вас и думаю, что мы с вами еще увидимся». Очень много мне помогала все время графиня [1] и Чертков. На другой день в Киеве вечерние газеты передали «слух о кончине Л. Н. Толстого», из Смелы я послал телеграмму с запросом, получил ответ: «совершенно здоров».

В Киеве узнал, что мне было три телеграммы от самарского дворянства (одна слов во сто), где мне предлагают написать складень для наследника, срок — один месяц. Предложение приятное, но я рад, что меня не было, так как срок невозможно мал. [...]

366. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Княгинино. 8 августа 1907 г.*

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Мысль о незаконченном портрете с Льва Николаевича продолжает беспокоить меня, и я решаюсь обратиться к Вам в этом письме с напоминанием моей большой просьбы, если Вам еще не удалось сделать снимков с Льва Николаевича в позе начатого мною портрета, снять таковые теперь, пока еще не настали короткие, холодные дни, и передать эти снимки Ю. Ив. Игумновой, которую я буду просить особо о высылке портрета в Киев, когда я вернусь туда в сентябре.

Лето мое прошло удовлетворительно, удалось поработать достаточно. Август надеюсь провести частью под Москвой в Абрамцеве, частью на Волге или проехать к М. П. Ярошенко в Кисловодск. [...]

367. Л. В. СРЕДИНУ *Княгинино. 10 августа 1907 г.*

[...] Лето мое прошло довольно разнообразно. Начал я с того, что в мае уехал на Волгу, потом в свою Уфу, оттуда на Урал, перевалил его, был в сорока пяти верстах от Европы.

Дивная природа Урала восхитила меня, столько в ней чего-то близкого моей великорусской душе! Неисчерпаемый источник этот Урал для русских пейзажистов, и жаль, что даже Апол. Васнецову не удалось подметить всей прелести, своеобразия и драматизма Урала. Ну да бог с ним!

Из Уфы я поехал в Ясную Поляну. В этот приезд я не был там новичком, и в первый же вечер Лев Николаевич дал свое согласие позировать мне для портрета. На другой день начались сеансы, коих было шесть, и мне, кажется, удалось уловить то благородное старчество Л. Н-ча, которое так доминирует теперь.

При мне были экскурсанты — девятьсот детей приехали в Ясную Поляну из Тулы [1]. [...] В общем, провел я время в Ясн[ой] Поляне интересно. Толстой остается все тем же живым, деятельным, неугомонным, как и раньше. Во взглядах его на жизнь трудно уловить, где начинается «непротивление» и где оно переходит в лукавство, в житейскую «осторожность». [...]

368. А. А. ТУРЫГИНУ *Абрамцево. 6 сентября 1907 г.*

[...] Что касается «Христиан», то их дело плохо: за лето к ним почти ничего не сделано, отчасти потому, что после двух Толстых [1] (сильный прием) я запоем захандрил (хандрю и теперь), отчасти «Христиан» отодвигает и другое дело. Еще во время выставки в Москве мне вел. кн. Елизавета Федоровна предложила через фон Мекка принять на себя роспись храма, который она намерена построить при общине, ею учреждаемой в Москве. (*Все*, что я пишу *тебе* здесь, *пока* безусловный *секрет*, такова воля вел. кн.). По желанию ее высочества я рекомендовал ей архитектора — Щусева, теперь его проект церкви и при ней аудитории-трапезной (прекрасный) утвержден, весной будет закладка (да! напиши подробно впечатления от «Парланда» [2]).

Община во имя Марии и Марфы и храм во имя Покрова при ней воздвигаются на *личные средства вел. княгини*. И это дело — дело ее души. Вся затея, с обеспечением на вечные времена, обойдется недешево, а потому на «художество» ассигнована сравнительно сумма небольшая,— а так как моя давнишняя мечта — оставить в Москве после себя что-либо цельное, то я, не взирая на скромность ассигновки, дело принял (к искреннему удовольствию великой княгини). А приняв его, естественно, и отдался этому делу всецело. На днях я представлялся вел. княгине в Москве (на месте будущей общины за Москвой-рекой в старом саду большой полуторадесятинной усадьбы). Представлял предварительные свои планы, которые были *все приняты* с самым лучшим чувством. Живописи будет немного — в церкви, по белым гладким стенам, будет две больших картины в алтаре и две картины в самой церкви по правой и левой стене, затем иконостас и одна большая картина (арш. десять) в аудитории (над аркой, ведущей в храм). Здесь я предложил написать нечто сродное «Св. Руси»... Сестры общ[ины] Марии и Марфы (в их белых костюмах) ведут, указывают людям Христа, являющегося этим людям в их печалях и болезнях душевных и телесных среди светлой весенней природы. Люди эти *не* есть только «люди русские» ни по образу, ни по костюмам... (такова идея общины — евангельская — общечеловеческая). На прощание вел. к[няги]ня пригласила меня приехать в Ильинское, куда я и собираюсь из Абрамцева. Числа же 15-го думаю быть дома в Киеве, где надеюсь найти твое письмо (да получше напиши, смотри). Ни на каких выставках я участвовать не предполагаю. По приезде буду кончать портрет Толстого, начну образ для Перми и «Богоматерь» для гр. Ферзен. Потом примусь за эскизы для храма.

В Кисловодске десять дней путался с Розановым. От «поцелуев» переходили чуть не к драке. [...]

369. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Киев. 3 ноября 1907 г.*

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланные снимки, за любезное письмо и обещание выслать мне Вашу брошюру. Из снимков для блузы в портрете Льва Николаевича пригодится один, снятый у дома и в той именно светлой блузе, в кот[орой] Лев Никол[аевич] позировал мне; остальные, у пруда, интересные сами по себе, не подходят ни по освещению, яркому со спины, ни по характеру фигуры, несколько грузной.

Большой снимок с головы Льва Николаевича безотносительно к портрету моему — превосходный. О том, чтобы отпечатки, присланные Вами, сделались общественным достоянием, не может быть речи, потому что это не входит не только в Ваши планы, но и в мои.

Снимки, сделанные с определенной целью, другого назначения иметь не могут. Я, в свою очередь, просил бы Вас если не уничтожить, то и не опубликовывать снимки эти (кроме *большой* головы в профиль).

Самый портрет я также не предполагаю в близком будущем где-либо выставлять. В будущем же отдаленном, если суждено мне будет написать задуманную большую

картину, одновременно с ней появится и портрет Льва Николаевича — на второй самостоятельной моей выставке, которую я мечтаю устроить в России, а также за границей, в Париже и Лондоне [1]. [...]

1908

370. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 20 апреля 1908 г.*

[...] Ваше хорошее душевное письмо получил, дорогой Леонид Валентинович! Несказанно был рад узнать, что хотя Вы, обычая не меняя, поболели зимой, но болезнь благополучно миновала и теперь Вы в добром здоровье.

Путешествием своим по Италии [1] я остался доволен, хотя и не выполнил всей своей программы, ограничившись тем, что видел и знал раньше. Не видал ни Сиенны, ни Вероны, ни других очаровательных уголков Италии, чему виной мои спутницы. Капри, с его природой, прогулками, голубым морем, пленил их, и я решил не насиловать их вкусов, принялся на Капри за этюды, благо нашел там кое-что для себя подходящее.

Знаменитого соотечественника [2] мельком видел и мельком слышал, как он «чертыхался». Вилла, в которой он обитает, большая, выходит окнами и террасой к морю, к скалам Форилионе. Живет Максимыч, как слышно, не тужит, среди захудалых итальянок большим барином. [...]

Там одновременно с нами был и наш приятель С. Я. Елпатьевский, с которым встретились в день моего отъезда в кафе и горячо поговорили...

К Горькому я не пошел; идти на явную ссору не было охоты [3]. [...]

371. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 21 апреля 1908 г.*

[...] Видел на днях Дункан (за 4 целковых сидел в девятом ряду). Получил огромное наслаждение. Этой удивительной артистке удалось в танцах подойти к природе, к ее естественной прелести и чистоте.

Она своим чудным даром впервые показала в таком благородном применении женское тело. Дункан — артистка одного порядка с Дузе, Девойодом, Шаляпиным, Росси, словом — гениальная...

Поскольку она «иллюстрирует» Бетховена или Шопена — это меня (а может быть, и ее) мало занимает. Своим появлением в мир хореографии она внесла струю чистого воздуха, и после нее на наш балет невольно будешь смотреть, как на раскрашенную красавицу в ловко сделанном парике и отличном корсете. Как пошлы и лживы после этой божественной босоножки — все «стальные носки»! Смотреть на Дункан доставляет такое же наслаждение, как ходить по свежей траве, слушать жаворонка, пить ключевую воду... Успех она здесь имеет громадный. [...]

372. А. А. ТУРЫГИНУ *Черниговская (скит). 19 мая 1908 г.*

[...] Пребывание здесь многое для меня выяснило, композиция «большой стены» [1] созрела и окрепла на живых наблюдениях. Если бы ты знал, как народ и всяческая «природа» меня способны насыщать, делают меня смелее в своих художественных поступках, я на натуре, как с компасом. Отчего бы это так? — не скажешь ли ты, мудрец... Натуралист ли я, или «закваска» такая, или просто я бездарен, но лучше

всего, всего увереннней всегда я танцую от печки. И знаешь, когда я отправляюсь от натуры — я свой труд больше ценю, уважаю и верю в него. Оно как-то крепче, добротнее товар выходит! В общем, я наработал немного, но вполне достаточно, чтобы ориентироваться в эскизах. Уж очень долго холода стояли, сколько у меня зарядов пропало, пока дождался весны, а она запоздалая, пришла и исчезла очень скоро (первая зелень). [...]

Щусев в Москве и ходит именинником: в Вене, на архитектурной выставке, он имеет огромный успех с Почаевской лаврой [2] и великокняжеской моск[овской] церковью.

Русский отдел иностранцы находят самым интересным и свежим. Проект Щусева Почаевск[ого] собора покупают в музей и т. д. Лестно, брат Аркадий! [...]

14 мая я был за обедней в Гефсиманском скиту, там есть деревянная церковка, старая, вот в ней-то шла торжеств[енная] обедня, а потом молебен, на который вышла вся братия. Впечатление огромное, XVI век — Александровская слобода, Кирилло-Белозерский монастырь, красота и сила, и я, как не часто, почувствовал со страшной силой, что я тоже русский и эти мужики-монахи мне родные, такими были мои предки.

373. А. А. ТУРЫГИНУ

Княгинино. 20 июня 1908 г.

Здравствуй, старина!

Спасибо тебе за очень хорошее письмо и за последующее, полученное вчера.

Да! слава моя растет, «Нива», Календарь Гатцука [1] и, наконец, «епископ Евлогий» [2] — все это марка серьезная. Впереди табакерки и войлочные ковры с изображением «Великого пострига», «На горах» и т. д., вплоть до славы Якобия и Айвазовского последних дней. И тем не менее я «горю в огне творчества». Написано двадцать пять этюдов. Явился давно ожидаемый первый план «Христиан», которых, если бы я не был одним из «Восьмибратовых» [3], и следовало бы теперь начинать писать. Но Бог милостив ко мне, многогрешному, и я еще не теряю надежды дожить и до «Христиан». [...]

В Ессентуки я еду 12 июля. Перед этим предполагал быть у Васнецова в имении и написать с него портрет, но он написал мне, что лишь в конце лета освободится от спешных заказов (Варшава) [4] и может мне попозировать [5]. [...]

374. В. Г. ЧЕРТКОВУ

Княгинино. 10 июля 1908 г.

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Все лето собираюсь написать Вам и через Ваше посредничество обратиться к Анне Константиновне [1] с великой моей просьбой. Собирая материал для задуманной картины «Христиане» и встретив в Ясной Поляне после многих лет Анну Константиновну, я тогда же мысленно решил просить ее не отказать попозировать мне для этюда к будущей картине. В случае согласия Вы, быть может, позволили бы мне приехать к Вам на будущее лето на день, на два. Если же мысли об этюде невыполнимы, то буду просить Вас посодействовать снять хотя [бы] *фотографию* с Анны Константиновны в позе прилагаемого здесь рисунка, из которого видно, что фигура взята в картине *в профиль*, с лицом и взором, обращенным на Христа (от зрителя влево), с распущенными волосами, с сосредоточенно прижатым к груди больным ребенком (манекеном для него может быть подушка). Костюм обычный, простой, темный, с темной прозрачной накидкой на голове, как я видел Анну Конст[антиновну] в Ясной Поляне. Если позировать для фотографии *стоя* будет трудно, то снимки могут быть сделаны и сидя (голова по рисунку). Освещение воздушное, без солнца. Снимок не к спеху, т. к. я на днях выезжаю в Ессентуки и в Киеве буду лишь к первому сентября. (Адрес: Киев, Елизаветинская, Липки, д. № 1.)

Не зная Вашего адреса, пишу в Ясную Поляну, и когда будете там, не откажите передать мой глубокий поклон Льву Николаевичу и граф[ине] Софии Андреевне.

Был бы очень признателен, если бы при случае Вы осуществили свое предположение снять для «Христиан» же *Льва Николаевича* лицом от зрителя налево *в профиль и на коне.*

375. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 8 октября 1908 г.*

[...] Эскизами [1] я доволен, они серьезно сработаны и гораздо самостоятельнее прежних моих церковных работ. Большая картина вышла сложная и по композиции, и по цветам, и я с удовольствием написал бы ее на стене, да еще такой громадной. Ведь пятнадцать аршин! Перед ними надо не растеряться. Это чувство громадности, которую надо одолеть,— страшно я люблю, тут есть как бы вызов на бой!.. Здесь открываются одна за другой выставки, на все присылают «почетные» билеты, по которым в день открытия не хожу я — не люблю я этих торжеств.

Тут открыла не худую выставку краковская молодежь, ученики Станиславского и Рущица (и сами эти авторы тут выставлены). Потом в пользу лечебницы туберкулезных выставлены картины от владельцев, и между ними есть мой портрет с Яшвиль и совершенно неожиданно — перепроданная после разорения Мекков моя «На горах», попавшая к некоему Мерингу [2], наезднику и всяческому спортсмену. Эта новость была не из приятных. [...]

Маковскому еще раз отказал от участия в его «Салоне» [3], там-де и Суриков, и Вик. Васнецов, и Серов будут, ну, да за ними не угонишься.

376. Л. В. СРЕДИНУ *Киев. 28 октября 1908 г.*

[...] Я все время усиленно работал. Много уже готово, и числа 15—20-го ноября думаю забрать сделанное и отправиться в Москву с тем, чтобы представить вел. кн[ягине] и так или иначе выяснить окончательно московское дело.

Со мной едет и Ольга, она не была в Художеств[енном] театре, и хотя я все менее и менее остаюсь им удовлетворен, но все же хочу показать диковинки Станиславского Ольге.

[...] Здоровье мое в том же положении. Настроение довольно пакостное, и если бы не эти «кишки» с их «атонией», я бы мог в полной мере наслаждаться работой. Ведь эскизы — это самое, быть может, приятное в художестве (для меня) после работы с натуры.

Конечно, я далек от мысли сделать что-либо новое, так называемое «откровение». Увы, пора возможных откровений миновала, теперь голова берет верх над непосредственным чувством, которое я ценю все же превыше всего.

В феврале мечтаю поехать в Петербург посмотреть выставки, а главное — понабрать материала для будущей картины, которую так хочется написать. [...]

377. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 4 декабря 1908 г.*

[...] Были с Ольгой в Художественном, видели «Синюю птицу» Метерлинка. Играли не ахти как, но поставлена пьеса дивно, поразительно. Молодежь — декораторы выше всяких похвал [1], вымысел живой, художественный и красивый. Были в опере у Зимина — чуть было не услышали новую знаменитость — тенора Дамаева, мальчишку двадцати лет с голосом Таманьо и с необыкновенной-де будущностью. Его уже захватил Дягилев в Париж на лето за большие деньги. Но, как назло, Дамаев заболел,

и самозванца в «Борисе» пел Южин, и пел скверно. Были и в Большом театре на возобновленном балете «Раймонда» братца Турыгина — Глазунова [2], хорошо, красивая музыка и чудная постановка К. Коровина. Все это предполагается показать в Париже, откуда Дягилев приехал нарочито и, кажется, остался недоволен.

Встретил в Москве Дягилева, напрашивался посмотреть эскизы — отказал ему. Видел А. Бенуа, Рериха. Все «очаровательны». Москва показалась нам с Ольгой преинтересной, и, как знать, может быть, не за горами то время, когда мы решим оставить Киев и променяем его на Москву.

Иван Толстой снова удрал за границу, бросив все уставы, и теперь в Академии снова начал раздаваться безмятежный храп успокоенных старцев. Слава Богу — все осталось по-старому. [...]

378. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 23 декабря 1908 г.*

[...] На выставке «Салон» я не участвую и рад этому, все посулы — одна реклама...

А вот гляди, чтобы Дягилев не стал министром искусства. Сюда едет старушонка Сара Бернар — все попытки достать на нее билет (даже за бешеные деньги) не увенчались успехом (я-то ее видал, а дамы мои — нет, да, думать нужно, и не увидят).

Праздники Ольга (да и Е. П.) собирается кутить, приглашают их и туда и сюда, а я — «бедный инок, монашеской неволею скучая, *свой* замысел обдумываю я отважно»...

Рвусь в бой, вижу перед собой стену в пятнадцать аршин, а там — далеко, далеко мерещатся «Християне». Разве это не поэзия? Грезы старости — скажешь ты, что ж, может быть...

Да! Я тебе, кажется, не писал, Уфимский музей вступает в новую фазу — Уфа собирается праздновать юбилей старика Аксакова — решила в ознаменование сего построить Народный дом его имени *с музеем*, библиотекой, аудиторией и проч. В комитет по сему делу избран среди почетных лиц и «аз грешный и лукавый раб». [...]

1909

379. А. В. НЕСТЕРОВОЙ *Киев. 1 января 1909 г.*

[...] Твое письмо с сообщением о намерении Аксаковской комиссии в Народный дом включить и мою картин[ную] галерею меня не огорчило. И вот почему: надежды выстроить свой музей очень мало или ее вовсе нет. Значит, надо использовать умело, осторожно и с толком то, что есть возможного. Аксаковский дом, не говоря об имени Аксакова, с которым имя Нестеровых совместить не стыдно, должен будет в себе вместить несколько просветител[ьных] учреждений, к коим следует причислить и картин[ную] галерею. В принципе я против этого ничего не имею (лучше, чем то, если бы галерея была над торговыми рядами, лавками...) (*нрзб*).

Но вместе с тем если ко мне обратятся с таковыми предложениями, поставлю те условия, которые обозначены в моем духовном завещании, а именно: картинная гал[ерея] должна будет носить имя жертвователя или по крайней мере над входом в нее должна быть сделана надпись (как в Казанском городском музее над залами, где находится собрание Лихачева, подаренн[ое] городскому музею: «дар Лихачева») «Дар городу М. В. Нестерова».

Затем необходимо, чтобы залы, отведенные под галерею, были окнами на север (это также непременно). Далее над картинн[ой] галереей учреждается контроль

жертвователя, или его семьи, или Академии художеств, без ведома которых галерея пополняться не может...

Вот те условия, на которых галерея может быть передана в Народ[ный] дом имени Аксакова. В этом духе и будет, в случае надобности, мой ответ комитету. [...]

380. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 19 января 1909 г.*

Сегодня получил из Питера два письма. И в твоем и в щусевском говорится о Салоне. Ну что, не прав был я, не послав *Маковскому ничего*?! Другое дело — какое я впоследствии получу за эту мою «предерзость» возмездие... Твое предположение, что господин в бархатном пиджаке, смахивающий на художника, есть Маковский,— неверно. С. Маковский одет по последней моде, скорей смахивает на молодого дипломата, чем на «богему». И едва ли он станет мозолить своей особой глаза публике. Твои приговоры нашему брату — сорокалетней молодежи — жестоки, смотри — не ошибаешься ли ты, друг...

Особенно подозрительны твои слова о Серове. Смотри, брат, февраль недалеко, приеду в Питер — придется тебе ответ держать. Читаешь ли ты статьи Перцова [1] и прочел ли недавно Розанова о новой книге какого-то академическ[ого] профессора, кажется, «О сущности христианства» или что-то в этом роде... интересно весьма [2]. Что-то «Брут»-то нововременский, как будто проворовался... Час от часу не легче! [3] [...]

На днях получил от уфимского губернатора сообщение о заседании Комитета по постройке Народного дома имени Аксакова и о единогласном избрании меня членом комитета. [...]

381. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 3 марта 1909 г.*

Два твоих письма получил. Спасибо за сведения о выставке Поленова [1], сведения эти несколько расходятся с Кравченко, но ты ведь известный «передовик», тебе сам черт не брат. Швыряешься Тиссо и Альмой-Тадемой, как мальчишка снегом. Ох уж эти мне критики с Караванной!

Кроме шуток — от Поленова на старости лет и трудно чего-либо ждать сногсшибательного. Ведь не Суриков же он в самом деле!..

Однако я хотел бы слышать все же более подробное суждение от тебя о более выдающихся вещах этой выставки. Есть ли в этих вещах, кроме костюмов и пейзажа, хотя бы то, чем берет зрителя Тиссо. Есть ли драма? Общая, так сказать, драма Евангелия... Есть ли хотя эти «мейнингенцы», играющие евангельские сюжеты, или и их не чувствует зритель? [...]

382. В. В. РОЗАНОВУ *Киев. 9 марта 1909 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

После нашего свидания все последующие дни я с некоторым волнением ожидал вероятного появления Вашей статьи о Марфо-Мариинской обители. И вот появляется, и не одна, а несколько, объединенных общим заглавием — «Великое начинание в Москве» [1]. Ценя с давних пор Ваше дарование, относясь ко всему, что пишете Вы, с осторожностью, с вдумчивым вниманием, а потому, быть может, и с некоторой придирчивостью, на сей раз я как бы удвоил свою критику к написанному Вами, и теперь позволю высказать Вам свои впечатления совершенно правдиво, по совести.

В первой статье мне показалось, что Вы взяли тон несколько нервный, «тема» от Вас как бы ускользала. Темы вводные, Вас волнующие давно, не давали Вам ходу,

не пускали к главному. А тут еще я в беседе с Вами позабыл, что Вы, кроме того что, дорогой Василий Васильевич, умный, интересный собеседник и слушатель, также и журналист,— забыл предупредить Вас, не догадался попросить мое имя в статье не упоминать вовсе; тем более как истолкователя перед Вами того душевного состояния вел. княгини, которое было как бы первопричиной возникновения мысли об обители милосердия, а также не упоминать ни о чем лично или семейственно касающемся вел. княгини.

В первой статье Вы были около темы, не задев ее по существу. И я боялся, что на этом «нащупывании» темы все и кончится. Но появление последующих статей все опасения рассеяло: Вы вышли на простор. Тема получила живую, яркую окраску, в нее вложили Вы много теплоты, и я уверен, что именно эти последующие статьи могут сделать то дело, на которое можно было надеяться, т. е. обратить внимание общества в сторону новой прекрасной идеи человека, которому Бог дал талант быть вдохновенно-доброй и возможность по исключительным своим условиям выразить свою идею активно, подать людям вовремя не камни, хотя бы и самоцветные, а хлеб живой.

Словом, дорогой Василий Васильевич, лично от меня считаю обязанным сказать Вам глубокое спасибо, и я был бы обрадован, если бы статьи Ваши и в Москве были поняты и оценены, как того они стоят.

И пояснительное слово о. Серебрянского Вами не было забыто, а священник этот по всем слухам о нем один из тех, увы, немногих, которые имеют силу в себе идти твердо к добру жизни...

383. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Киев. 22 апреля 1909 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Очень сожалею, что мне не удалось дождаться открытия Вашей выставки в Петербурге, и я рад был узнать, что она продлится в Москве до второй половины мая, так как числа 10—12-го я должен быть в Москве и поэтому надеюсь еще видеть Ваши картины там.

Очень благодарю за присланный входной билет. Что касается предложения Вашего прислать что-либо из моих церковных работ в сооружаемый Вами храм, то, конечно, я с большой охотой воспользуюсь этим предложением, причем было бы желательно знать приблизительный размер образа, по которому я мог бы написать его (готового у меня сейчас ничего не имеется), а также срок присылки образа Вам.

Я имею два прекрасных Ваших этюда, и лишь, повторяю, будет очень приятно погасить часть давнего своего долга Вам.

Успех Вашей выставки, судя по газетам и по словам киевлян, бывших на ней в Петербурге, очень велик. По приезде в Москву хотел бы видеть Вас и получить точные сведения об образе.

Мое почтение прошу передать Наталии Васильевне. Искренне преданный и уважающий Вас Михаил Нестеров.

384. А. А. ТУРЫГИНУ *Киев. 3 мая 1909 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, проводив всех своих: Ольга только что прислала телеграмму о благополучном прибытии в Уфу. Е. П. с ребятами сегодня уже в Княгинине. Я на полной своей воле, отдыхаю, блаженствую, один во всей квартире...

Еду в Москву 9-го. Там пробуду *дня два* и потом к Троице. Назад числа 23 – 25 мая. По пути заеду в Воронежскую губ[ернию], в село к одному попу, с которого

в Ессентуках не успел написать этюдов и рисунков. Больно хорош батя, византийского письма. [...]

Аксаковский народ[ный] дом и при нем Нестеровская карт[инная] галерея торжественно заложены 30-го апреля. В ответ на мое приветствие 30-го вечером получил следующую телеграмму: «Великому художнику, носителю заповедных идеалов святой Руси Михаилу В[асильеви]чу Нестерову за горячее сочувствие сердечный привет Аксаковского комитета и русское спасибо его земляков-уфимцев. Председатель губернатор Ключарев».

Вот оно как!

Губерн[атор] Ключарев уже набрал до 100 тысяч. Приедет к купцу, посидит час-другой, глядишь, «борода» и отвалит тысячу, а один, Нагарёв, так так размяк, что подмахнул сразу 26 тысяч на разные нужды. «Лаской» с нами много можно взять, и почет мы любим, любим это самое — «за кавалергардов» — и за грех это не считаем. [...]

Да! забыл похвастаться: написал больно хорошего Христа для московского иконостаса. Такого еще не писывал, сурьезный: величавый и сильно византийский. [...]

385. А. А. ТУРЫГИНУ *Гефсиманский скит. 13/14 мая 1909 г.*

Нечего делать, надо старику написать о памятнике Гоголю [1] и о Цветкове...

Памятник Гоголю «всесторонне» обругать нельзя, ибо он талантлив. Сделан, правда, не специалистом по монументальной части, а потому хорош с одной-двух сторон, как живое изображение, красив по некоторым декоративным линиям, по матерьялу, с которого сработан, но никуда не годен по идее — Гоголь на нем не изображен здоровым, полным творческих сил автором «Мертвых душ», «Тараса Бульбы» и друг., а изображен он умирающим, в смертельной тоске отрешающимся от всего им содеянного. И тут нет для Андреева пощады. Он, конечно, виновен, тем ли, что он «сын своего времени», или тем, что недостаточно умен, не знаю... Что же касается того, подражал ли он Родену или нет, то это меня не занимает, может, подражал, а может, и нет. Техника его самая самоновейшая.

Барельефы карикатурны, хотя тоже в них немало жизни. После Опекушиных «и это — хлеб».

Ну, теперь о Цветкове, он не профессор, а, «изволите ли видеть», Иван Евменьевич — тень Третьякова, его почитатель и подражатель, без третьяковского ума и инициативы. Галерея состоит из Маковского, Прянишникова, Ге и вообще передвижников, представленных не ахти в каких образцах. Хорош Репин. Кое-кто еще. Стоит с домом все тысяч двести (а не миллион). Дом, по рисунку В. Васнецова, плох, банален [2].

Главное же, галерея тем не хороша, что в ней нет ни одного Нестерова и нет (по нелюбви к нему) никакой надежды, чтобы Нестеров туда попал. Вот тебе самый беспристрастный отзыв на твои два вопроса. Надеюсь, ты доволен?! [...]

386. А. А. ТУРЫГИНУ *Княгинино. 6 июня 1909 г.*

Спасибо тебе, дружище, за поздравление. Одновременно с «Александровской колонной» [1] получил официальное уведомление от Комитета Международной выставки в Мюнхене — о присуждении мне за «Св. Русь» золотой медали 1-го класса, что, признаюсь, меня обрадовало, как полная неожиданность. Продолжаю получать письма от редакций и писак. Появится статья, иллюстрированная моими произведениями, и во французских журналах. И все это делается без того способа «делать успех», коим так усердно пользуется современная братия («Пресса вся куплена» — Рерих).

Что-то теперь предпримут Дмитр[ии] Ив[анови]чи Толстые, Маковские, Владимиры и Сергеи, Грабари и Дягилевы для водворения «Св. Руси» снова в «одиночное заключение» в Академии за черносотенство ее автора? Да, Мюнхен нарушил равновесие и хорошее настроение моих «друзей» слева.

Я же, признаюсь, ходил весь вечер «именинником» (ведь помимо моей воли картину приказал послать покойный вел. кн. Владимир Алекс[андрович]). Эта золотая медаль подоспела весьма вовремя, я было стал падать духом. Теперь же вновь закопошились «Христиане» с существенными изменениями. Лишь бы Бог послал жизни и здоровья! А то мы с тобой еще повоюем!..

Не знаешь ли, кто такой Колесников, не пенсионер ли это последнего года за картину «Купающиеся на солнце?» (талантливая вещь). Напиши, если знаешь.

По снимкам мне памятник Александру III нравится [2].

Съезди в Питер и напиши подробно. (Не делает ли фигура слишком «пухлый» подушкообразный вид, хороша ли *форма* богатыря-царя?)

387. Д. И. ТОЛСТОМУ

Княгинино. 16 июня 1909 г.

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Вам, быть может, известно, что картина моя «Св. Русь», посланная по желанию покойного вел. кн. Владимира Александровича Академией на международную выставку в Мюнхен, получила там золотую медаль 1-ой степени.

Помня добрые отношения Ваши ко мне, я решаюсь написать Вам это письмо, просить Вас как заместителя вел. кн. Георгия Михайловича взять на себя инициативу перенесения «Св. Руси» в Музей императора Александра III.

Не найдете ли Вы именно настоящую минуту подходящей для перенесения картины, тем более что мне памятны и дороги слова, сказанные Вами в последние дни моей выставки, когда успех картины так полно определился. Вы сказали тогда, что «Св. Русь», может быть, придется перенести из Академии ранее установленного срока, что так порадовало меня тогда, так как Вы знаете, каким было бы для меня утешением видеть именно эту мою картину доступной широкому кругу общества.

Мои немногочисленные критики-хулители, желая свести значение этой картины на нет, усердно указывают на неудавшегося мне Христа, но много ли удавшихся Христов вообще? много ли их в наших музеях?

В данном же случае Христос не был «темой» в картине, в которой, согласно ее названию, совершенно сознательно отведена главенствующая роль народу-богоискателю и природе, его создавшей.

Картины «Св. Русь», «Св. Димитрий царевич» и всю серию «Сергиев» я, как и весьма многие, считаю по своей духовной сути наиболее «народными» из моих произведений, понимая это слово в обширном значении [1]. [...]

388. А. А. ТУРЫГИНУ

Княгинино. 18 июня 1909 г.

[...] Первое о картине Колесникова, или Неколесникова — «Купанье на солнце». Столь резкое разномыслие, полагаю, произошло между нами потому, что мы люди разных эпох — ты, как современник Шамшина, привык, как и твой знаменитый учитель, лизать картину языком; мы же — современники Малявина, Павла Кузнецова, Милиоти, Рябушинского — охватываем художеств[енное] произведение взором (едим глазами), проникаем в него нашим утонченным чувством людей XX века. Понял? [...]

389. Д. И. ТОЛСТОМУ *Княгинино. 4 июля 1909 г.*

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Благодарю Вас за письмо Ваше. В нем хотел бы я видеть все же добрые признаки, т. к. мне верится, что при благожелательной решимости Вашей заветная мысль моя может исполниться ранее условленного срока. Мне припоминаются два случая, где единоличная воля сделала невозможное возможным.

Первый случай был двадцать лет тому назад. На передвижной выставке появилась картина моя «Видение отроку Варфоломею», принятая влиятельной критикой того времени более чем враждебно. И П. М. Третьяков, купивший вещь еще в мастерской, в день открытия выставки, молчаливо выслушав самые резкие нападки за свою покупку от Стасова, Григоровича и Суворина, ответил им так: «Если бы я картину Нестерова не купил раньше, то, уверяю Вас, купил бы ее после всего того, что слышал сейчас от Вас» (подлинные слова П. М., когда-то мне им переданные). Таким образом, приобретение картины в галерею ее спасло от забвения на многие годы. Второй случай был с «Сергием с медведем», где решающая роль принадлежала графу Ивану Ивановичу [1]. После ожесточенных споров членов Товарищества, в котором противниками моей картины были лучшие силы того времени — Ге, Репин и др., большинством голосов решено было картину на выставку *не* принимать (я тогда был еще экспонентом). Случайный приход в собрание графа Ивана Ивановича, его горячее слово за картину сделало то, что картина была поставлена на перебаллотировку, а затем принята на выставку. Теперь же, спустя много лет, многие считают «Сергия с медведем» лучшим из моих произведений.

«Св. Русь», видимо, доставит мне также немало разнородных волнений. Ныне кроме высшей награды, за нее присужденной, я имею ряд запросов от заграничных журналов на разрешение поместить с нее репродукции и предложение из Лейпцига издать ее отдельно. Но наиболее ценной наградой все же для меня остается иметь реальную возможность послужить картиной русскому обществу, для чего у нас — художников, к сожалению, средств не так-то много. И вот почему для меня было бы так больно расстаться на неопределенное время с моей мечтой. [...]

390. С. П. СРЕДИНОЙ *Киев. 11 октября 1909 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая София Петровна!

Письмо Толи [1] застало меня врасплох. Я на днях вернулся из Москвы, где Викт. Мих. передал мне вести скорее успокоительные, а дома я нашел портрет Леонида Валентиновича и сегодня хотел писать ему, и вот теперь пишу Вам, его лучшему другу. Теперь, когда все кончено, когда навсегда ушел из мира дорогой человек [2], значение его как бы стало понятнее и ярче.

Сила его души счастливо совмещалась с редким умом, умом гибким, углубленным в мир тайн жизни.

Перед его мудростью многое было открыто, он спокойно созерцал живущее: наслаждался лучшим, опечаленный, провожал взором худшее.

Сознание мирового бытия, познание живущего человека, мятущегося, любящего и негодующего, было доступно покойному, как великому прозорливцу. Богатство души и разума влекло к Леониду Валентиновичу неудержимо. Я испытал обаяние его на протяжении многих лет и скажу — был счастлив тем, что Бог дал мне возможность знать Леонида Валентиновича. Он для меня был одним из тех посланцев судьбы, которые обогатили меня духовно, показали мне мир Божий с его чудной святой красотой.

С горечью, с болью души говорю себе, что никогда уже не услышу его речь, его молчаливое внимание, гениальную способность слушать другого, прислушиваться к душе собеседников, давать жизнь и вдохновение их мысли.

Это был истинный исповедник души, исповедник по призванию, он нес этот дар свой, быть может, как сладкое бремя.

Воспоминания о покойном останутся воспоминаниями светлыми, незабвенными, дорогими. [...]

1910

391. А. А. ТУРЫГИНУ

Киев. 20 января 1910 г.

[...] Из последнего «Аполлона» [1] узнал, что умная голова — Дмитрий Толстой «приобрел у Дягилева» для Музея Алекс[андра] III первый вариант «Пустынника», история коего такова: в 88 году я начал в Уфе «Пустынника», холст оказался плох, да и я не лучше, пришлось картину бросить и начать на новом холсте.

Вторая удалась, попала в Третьяков[скую] гал[ерею], а первый вариант я содрал с подрамка, и он у меня валялся в мастерской (в номере в Москве), где его подобрал Остроухов, спустя много лет у Остр[оухова] его выменял на «Крамского» Дягилев, издал его, куда-то таскал за границу, а теперь нашел простака и всучил ему этот мой «шедевр».

Боюсь, что много хламу таким образом попадет в музей...

В том же «Аполлоне» сообщается, что кн. Тенишева приносит в дар музею мою «Под благовест». Я бы предпочел, чтобы Толстой купил вместо «Пустынника» «Св. Димитрия царевича», а вместо Тенишевой — Академия принесла бы в дар музею «Св. Русь». Так ведь нет — не выходит по-моему... А ты не поленись, сползай в музей да посмотри, правда ли то, что людишки в «Аполлоне» пишут. Да кстати узнай, что Толстой, сделавшись директором Эрмитажа, остается товарищем управляющего Музеем Александра III или его там заменят — ну, хоть Свиньиным, что ли...

392. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 26 января 1910 г.

Новостей никаких нет. Работаю не покладая рук. Начал большую картину, выходит ладно. Еще поработаю с неделю-полторы и начну подумывать об отдыхе. К вам в Питер надеюсь попасть числу к 10-му. Выставок здесь масса, но я был только на двух — Союзе и Передвижной,— об этом ты осведомлен. Союз шибко торгует, тысяч на 30 продано. Остальные «бедствуют». Здесь Щусев, он «модный» архитектор. Ему заказывает Казанская дорога вокзал [1] в 6 000 000 руб. и Страннопреимный дом в Баре (Италия) государь в 500 000 рублей. Вот как, с моей легкой руки, пошел малый. Лишь бы не свалял дурака, больно легкомыслен по таким делам... «Принцыпов», увы! никаких, а таланту много. Сегодня после шести лет свиделся с абастуманским батей. Много воды утекло, о многом потолковали, погрустили... Ольга все прихварывает, однако собирается на днях в северную столицу, на людей посмотреть (на тебя в том числе) и себя показать. [...]

393. Д. И. ТОЛСТОМУ

Москва. 12 мая 1910 г.

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Ваше письмо нашло меня уже в Москве, куда я переехал совсем.

К участию на заграничных выставках, правда, я отношусь последнее время несколько иначе, чем раньше, и, обратись ко мне Дягилев или гг. из «Аполлона», я ответил бы вполне определенно — отрицательно. Вам же, граф, могу сказать следующее: «Св. Димитрий царевич убиенный» годы оставался без пользы, и я давно меч-

тал, чтобы для него явилась возможность послужить родному обществу, желание мое благодаря Вам и великому князю может теперь осуществиться. И то, что картина моя будет в «русском» музее, я считаю несравненно серьезнее всяческих успехов среди чуждого картине моей космополитического общества международной выставки. Обществу этому нужен крик моды — «Chanteclair». В «Св. Димитрии» же не было и нет ничего шумливого. Успех его тихий, наш русский успех, и это меня радует и утешает.

Картину эту многие знают и любят, и это приобретено ею медленно, но надежно, и полагаю, что здесь, «дома», никакой бойкот теперь ее уже не одолеет.

И я очень хотел бы, чтобы «Св. Димитрий царевич» никогда не покидал своего места в Русском музее императора Александра III. Если же Вы находите нужным, чтобы мое имя было представлено на Римской выставке [1], то я могу предложить Вам две вещи: одна из них «Молчание» (монахи в лодках ловят рыбу), находящаяся у Павла Ив. Харитоненко в Москве (полагаю, что г. Харитоненко не откажет дать ее, если к нему обратиться). Другая, тоже небольшая, «Вечерний звон», недавно написанная. Обе вещи достаточно для меня характерны.

К кн. Тенишевой я писал и получил ответ, в котором княгиня говорит, что вопрос о картине «Под благовест» разрешит она только по возвращении в Россию.

После 20 мая надеюсь приехать в Петербург с картиной и быть у Вас.

394. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 мая 1910 г.*

Вчера, 19 мая, в день своего рождения получил твое краткое послание...

Вчера исполнилось сорок восемь годов. Много ли их еще придется одолеть? И с каждым годом «одоление» будет все труднее и труднее, а все же еще хочется повоевать!.. Понаписать и то, и другое, и пятое, и десятое... А пуще всего хочется добраться до «Христиан»! Кол́ом они засели в моей голове. И иной раз кажется, будь я один, справился бы с задачей проворней.

А то тысяча мелочей меня отвлекает на все стороны, а не говорил ли я — «не ходи, Грица, на вечерныцы»!..

К стенам церкви приступлю во второй половине июня — не сохнут эти самые стены, будь они неладны!

Решили пока что две боковые расписать на медных досках, вставленных в стены на металлических подрамках. Обойдется эта спешка в 1100 руб. лишних, ну да мы за этим не стоим!..

А там, глядишь, помаленьку и остальное за лето подсохнет.

Квартиру я нанял отличную, удобную, от Ордынки семь—десять минут езды на трамвае. Зато от центра — ох как далеко! минут двадцать пять езды...

Да! Квартирка хороша, из окон видна улица вся в садах, в конце старая-престарая церковь «Риз положения», а дальше Донской монастырь. [...]

395. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Березка [1]. 25 августа 1910 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

Благодарю Вас за сообщение. Радуюсь, что Вам удалось преобороть все препятствия и осуществить свою мысль относительно размещения картин.

Ваше предположение поместить мои вещи в угловой зал мне улыбается. На какой из стен Вы думаете их повесить? Может быть, на (*нрзб*), а именно (в сад Лавры) [2]. Это было бы, думается мне, не худо, причем в середине «Сергия», слева (от зрителя) «Св. Димитрия», ближе к окну «Постриг», между «Димитрием» и «Сергием» — «Пустынника», а между «Постригом» и «Сергием» — портрет дочери.

Если не удастся Ваше предположение относительно стекла, о котором Вы намекаете в письме, то, чтобы не задерживать дело выпиской стекла из-за границы, придется примириться или с первым присланным в музей, или, вынув металлическую раму, оставить картину вовсе без стекла, в белой раме.

Что касается перемены рамы на «Постриге», конечно, я против белой рамы (как на «Димитрии») ничего не имею и, если музей возьмет на себя это дело, буду благодарен. Также недурно было бы и «Пустынника» поместить в узкую дубовую раму с широким профилем (без золотого канта) и застеклить картину.

Переделали ли бок и уменьшили ли раму на «Сергии»?

Надеюсь быть в Петербурге во второй половине сентября.

396. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Москва. 7 сентября 1910 г.*

На этих днях я видел у А. А. Грабье один из Ваших евангельских эскизов, на мой вопрос — какими красками эскиз написан? — Грабье, к сожалению, ответить мне не мог. Приступая к стенной росписи церкви вел. кн. Елизаветы Федоровны в Москве, я хотел бы избрать способ наиболее красивый для стенописи, вместе с тем гарантирующий прочность живописи.

Не найдете ли Вы, Василий Дмитриевич, возможным познакомить меня с теми красками, которые Вы применяете в Ваших последних работах, сообщить, как они называются, где их можно достать?

Можно ли клеем писать на стенах по масляной загрунтовке, прочны ли они, можно ли протирать или промывать их, и чем, и как?

Словом, можно ли без боязни предпочесть их при стенописи краскам масляным? Буду очень признателен Вам, если Вы почтете мне [возможным] ответить по ниже приведенному адресу.

Предстоящая работа в церкви вынудила меня покинуть Киев и переселиться в Москву, от которой я изрядно за минувшие годы поотвык. [...]

397. Д. И. ТОЛСТОМУ *Москва. 31 октября 1910 г.*

[...] Весной, когда я видел Харитоненко и говорил ему о предположении обратиться к нему, [чтобы] дать картину мою «Молчание» для Римской выставки, я помню, он высказался в положительном смысле. После этого произошел пожар Брюссельской выставки [1]. Напуганный им Харитоненко мог легко изменить свое решение.

Совершенно не могу объяснить себе его неучтивого молчания: он человек очень деликатный и воспитанный.

Взамен «Молчания» я предложил Вам две вещи: «Мечтатели» и «За Волгой» (репродукции с них есть в журн[але] «Золотое руно» за февраль 1907), хотя и не считаю ни ту ни другую подходящей для ответственной выставки за границей.

Из двух все же «Мечтатели» (два монаха, пожилой и юноша, в белую ночь на Соловецком) нахожу более серьезной и, пользуясь предоставленным мне выбором, думаю выслать Вам именно эту вещь. О ней Лев Ник. Толстой в письме ко мне отзывался с большим одобрением. Для того же, чтобы несколько нарушить сродство тем с картиной «Вечерний звон», хочу предложить, быть может, памятный Вам по выставке эскиз «Два Лада». [...]

Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, получена ли картина «Вечерний звон» в Академии, видели ли Вы ее и как она Вам показалась? Также довольны ли Вы результатом перемещения картин в Музее, как выглядят в новых условиях мои вещи и в какой из зал им дано место? [...]

P. S. Ко мне обратились от общ[ины] «Св. Евгении» за разрешением издать открыт[ые] письма с вещей, посылаемых в Рим. Ничего не имея против этого, я предложил по этому поводу обратиться к Вам, как комиссару Римской выставки.

398. В. В. РОЗАНОВУ *Москва. 1 ноября 1910 г.*

Пишу Вам, дорогой Василий Васильевич, под несказанно взволновавшим меня впечатлением яснополянского события. Прочитав о том, что Толстой покинул семью, дом и все, к чему был долгие годы так крепко привязан, не верилось, что этот удивительный старик в восемьдесят два года проявил столько великой решимости. Я, что называется, заметался. Хотелось говорить, плакать, радоваться. Но говорить было не с кем. Хотелось бежать к Викт. Васнецову, но боязнь, что там встречу речи Никона Вологодского, и тут охладили мой пыл... И вот, простите мне, Василий Васильевич, пишу к Вам, чтобы хоть немного «отвести душу».

Господи! сколь сладко было почувствовать, что «новая» Русь в лице Толстого так полно, так просто, великолепно, так народно и по-русски соединилась с Русью дедов и прадедов, с Русью стародавней — и пошли, Господи, «Правительствующему Сенату» и «Светлейшему Синоду», этим двум чадам Петровым, хоть долю той мудрости, которая посетила Толстого. Вразуми их, Господи, вовремя снять с великого старца ненужное теперь — больше чем когда-либо — «анафемствование». Останется ли он в монастыре или уйдет к своим же «толстовцам» (лишь бы не в Ясную Поляну и не к бесталанному тяжкодуму Черткову) — все равно, он теперь совершил нечто столь великое, полное, законченное, что не людям его судить. Он вплотную подошел к Престолу Божию, и у него он услышит свой последний суд и едва ли — осуждение.

Какие нам, русским людям, среди тяжких, кошмарных будней посылает Бог праздники!

Лев Толстой — великий символ русского народа во всем его многообразии, с его падениями, покаянием, гордыней и смирением, яростью и нежностью, мудрым величием гения, кои так непостижимо сплетаются в нашем народе, этот Толстой на склоне дней своих и пережитой жизни, изведав все — от самого сладостного до великой горечи, этот Толстой осенней ночью держит путь к Богу, по пути свернув к такому же старому, как он сам, быть может, карамазовскому старцу — Зосиме, для того, чтобы проверить остальный раз, той ли дорогой пошел он к Истине.

Я плакал самыми сладкими очистительными слезами, прочитав и представив себе Толстого, вопрошающего у монашка-келейника: «Может быть, Вам неприятно мое посещение?» — и милый ответ простеца: «Мы всем рады»... Нет, никогда, ни у каких «немцев» ничего подобного случиться не может! Это Русь святая, это ненаписанная, но лучшая страница из Достоевского.

Теперь, в эти удивительные дни, так хочется слышать Ваш голос (только не в «Русском слове», там место адвокатской речивости Дорошевичей), Вы более, чем кто-либо из русских писателей наших дней, можете проникнуть глубоко и пламенно осветить это чудное событие, показать всю его великую прелесть обществу, которое, как и я, грешный, радуется порывисто, взволнованно, упуская, быть может, многое значительнейшее.

Однако, довольно.

Всех чувств не перескажешь.

В начале декабря надеюсь быть в Петербурге и быть у Вас.

Сейчас больше все «на лесах». Хороша деловая пора. Люблю я ее. [...]

399. Д. И. ТОЛСТОМУ *Москва. 12 ноября 1910 г.*

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Ваше письмо доставило мне много радости, и я искренне благодарю Вас за него.

«Молчание» и «Два Лада» высылаю сегодня по адресу Академии художеств.

Картина «Молчание» имеет еще *пояснительное* название: «Белая ночь на севере». Такое пояснительное название очень желательно удержать и в итальянском каталоге. Что же касается эскиза «Два Лада», то его можно наименовать просто «Весна» (эскиз). *Все три* вещи я предпочел бы, чтобы были повешены *вместе*, пополняя друг друга, и если можно, то на указанном Вами на плане месте (рядом с большой картиной Малявина) [1].

На оборотной стороне картин обозначены их названия.

Сообщение Ваше об абастуманских эскизах доставило мне особое удовольствие, так как я не предполагал их видеть открытыми для публики ранее окончания нового здания музея [2].

Отзыв Ваш о деятельности П. И. Нерадовского отрадно было мне слышать, так как Нерадовского я знаю довольно давно и с самой лучшей стороны. Личность его, прежде всего, высокопорядочная, искренне преданная художеству. В нем есть много того ценного, что необходимо для той роли, которая ему поручена: покойная энергия, культурная подготовка к делу, настойчивость в достижении цели.

Словом, все те качества, коих так хочется пожелать другому вашему сотруднику, хотя и вполне порядочному, благодушному человеку [3].

Минувшие недели для меня, как и для многих и многих на Руси, были полны больших волнений.

Уход Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны, а затем тяжкая его болезнь и столь необычайно трагическая развязка заставили пережить минуты огромного нравственного подъема и затем горечи и глубокой печали. Пришлось перебрать заново свои чувства, мысли и идейные отношения к личности великого человека. [...]

400. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 23 декабря 1910 г.

[...] Здесь, в Москве, открылось и открывается ряд выставок, одна завлекательней другой, из них, так сказать, «пальму первенства» заслуживает какой-то «валет», не то бубновый, не то червонный [1]. Там водворились Бурлюки, их штук сорок. Я не был, но люди беспристрастные говорят, что это «Лысая гора» или «Палата № 6». Если это верно, то, согласись, посмотреть есть что. 26-го открываются Союз и Передвижники — эти последние являют вид убогий, унылый, но вполне добродетельный.

Закончу слухом, якобы Суриков, вернувшись из Испании, развернул своего «Разина», увидел его, выругался, «выбил,— как говорят, искру из головы»,— взял кисти да так переписал эту свою неудавшуюся вещь, что ее теперь не узнать, дивно, мол, хороша стала картина, но это слухи, факт же тот, что «Разин» отправлен в Рим на подмогу Толстому. [...]

1911

401. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 11 февраля 1911 г.

[...] Скажу тебе в ответ на твое описание выставки «Мира искусства» (кстати, Дягилев тут ни при чем, тут орудуют А. Бенуа и Рерих, отколовшиеся от Союза [1]).

Выставка [2] неплохая, хотя характер — «этюдный», теперешний. Есть хорошая скульптура Коненкова — «Мужичок-полевичок», нечто вроде нестеровского «Пус-

тынника», но «архаический», как теперь и полагается. Хороши К. Коровин, Головин, Жуковский, Виноградов, Юон, Малютин и др. Но «гвоздь», из-за которого много было пролито чернил, много было волнений, ожиданий и увы! разочарований,— это портрет Малявина (его и его семьи). Портрет этот ждали в «Мире искусства», о нем написал в «Речи» фельетон А. Бенуа [3], поместили его там в иллюстрир[ованный] каталог, а лукавый мужик, взвесив обстоятельства (поговорив наедине с Остроуховым), поставил портрет в Союзе. Было торжество; был повторен для портрета этого вернисаж, был вечером банкет с речами и т. д. Чуть было москвичи его не купили заглазно за 25 000 рублей, но портрет оказался шваховат, хотя местами и малявинист, но вульгарен и безвкусен, и был тотчас же по осуждении предан равнодушию капризных москвичей.

Словом, бедняга Малявин обречен волею судьбы на писание «баб» и в «благородное общество» ему дорога заказана.

Дальнейшая судьба картины — поездка в Рим, а затем, вероятно, домой в деревню.

Сам «маэстро» постарел, поумнеть не поумнел, но спеси посбавил. Теперь к нему обратилась Московская школа с предложением занять место Серова [4]. И вот ему надо умненько решить, где себя пристроить — в Школе ли или в деревне; и там и тут угрожает «гибель»... Вот наши дела какие!

На днях был у Щукина, смотрел его знаменитую коллекцию декадентов, новых и старых.

Щукин, Сергей Ив[анович] — один из двух братьев, коллекционеров [5]. Оба богатые фабриканты, делают платки и сбывают их на миллионы персюкам, а на деньги эти живут и покупают — один старину дивную, рукописи и проч. (пошли ему свое сочинение о «предках») [6], другой французских декадентов с Пювиса, Моне, Мане, Дега, Марке, Дени, Сезанна, Матисса, Сислея и Писсарро. Последние четыре имени родили «Золотое руно», «Голубую розу» и «Червонного валета» не только у нас, но и по всей Европе [7]. У Щукина находится также лучший Гоген, его у него на несколько сот тысяч франков (последняя картина приобретена за 100 тысяч франков). Обе коллекции бр[атьев] Щукиных пойдут в дар городу Москве! [...]

402. П. П. ЧИСТЯКОВУ *Москва. 27 февраля 1911 г.*

Глубокоуважаемый Павел Петрович!

В ответ на Ваше письмо уведомляю Вас, что голос свой я подаю убежденно за Василия Евменьевича Савинского [1], считая его единственным достойным Вас заместителем, который не стал бы с учениками заниматься флиртом, а стал бы честно, прямодушно делиться с ними своими знаниями, в чем, по моему убеждению, учащиеся только и нуждаются, ибо таланты — дар творчества, энергия, наблюдательность, ум — даются природой.

Дело профессора, не насилуя и не заглушая эти таланты, научить наилучшим способом пластически выражать эти дары Божии.

Время от времени узнаю о Вас, о Вашем здоровье, радуюсь душевно, что силы Ваши восстанавливаются [2]. Свидетельствую Вам и Вашей семье мое почтение.

Искренне уважающий и преданный Вам

Михаил Нестеров.

403. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 3 марта 1911 г.*

[...] А вот я, бедный, недостойный, худородный раб Божий, снова превыше заслуг возвеличен — избран вместе с такими же, как я, грешный,— Ильей Репиным, Конст. Маковским и Алексеем Щусевым — в действительные члены Императ[орско-

го] Общ[ества] поощрения художеств, и все за мое смирение и тихость мою, и видишь — не горжусь сим, смиренно и сие переношу ниспосланное мне искушение.

Ну, чтобы закончить свое писание достойно, скажу тебе про выставленный здесь на «Мир искусства» новый большой портрет Сомова с некоей Носовой [1] — вот, брат, истинный шедевр! — произведение давно жданное, на котором отдыхаешь. Так оно проникновенно, сдержанно-благородно, мастерски закончено. Это не Левицкий и не Крамской, но что-то близкое по красоте к первому и по серьезности ко второму.

Сразу человек вырос до очень большого мастера. [...]

404. В. Е. САВИНСКОМУ *Москва. 7 марта 1911 г.*

Многоуважаемый Василий Евменьевич!

Приветствую Вас со вторичным избранием в профессоры-руководители. Нужно надеяться, что на этот раз последует и утверждение Вас к благу дела и к радости всех тех, кто желает Академии и молодежи, в ней учащейся, истинного успеха [1].

Пишу Вам о «Тайной вечере» [2], которую видел вчера после обедни. Выглядит картина отлично, свежо, напоминая собой весьма ярко былой оригинал. Жухлостей пока немного, местами, пожух лик Христа, верхняя часть фона, но все это почти незаметно и не делает пока помехи общему впечатлению.

Каково здоровье Вашей супруги? Надеюсь, оно уже восстановилось и все волнения, вызванные этим, утихли и жизнь Ваша вступила в обычные рамки.

Кто прошел на этот раз в члены Академии?

Я усиленно работаю, дела еще много, но я куража не теряю, что-то будет дальше.

405. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 марта 1911 г.*

[...] Твои суждения о Малявине правильны... Быть «Ла Гандарой» ему не указано. Когда-то выругался Котов, назвав его «изобразителем Прохоровской мануфактуры».

Тут он силен, ему тут и книги в руки.

А вот Сомов не «Ла Гандара», а все же Сомов, русский барин, с хорошими барскими манерами, выдержанный и благородный, обо всем этом свидетельствует портрет, написанный с госпожи Носовой, урожденной Рябушинской. В портрете этом Сомов «рожденной Рябушинской» дал «потомственное дворянство» и попутно нашлепал по заднице всех блаженных, юродствующих и шарлатанов «новейшего» искусства. Однако суждения о портрете Сомова не единодушны, одни, как я, готовы его вознести, другие его унизить, называя портрет «полным упадком» Сомова, фишеровской фотографией [1]. А Остроухов, покупая партиями для галереи «Сарьянов», про портрет выразился, что «даром не возьму». Вот оно, искусство-то, сколь спорно. Таким манером могут даже найтись и такие люди, которые и «Нестерова» не признавать будут. Но да не смущается сердце верующих — «Нестеров» есть Нестеров.

Работаю я яростно. На Страстной надеюсь окончить «Путь ко Христу» — пятнадцатиаршинный пейзаж, и по нем бредут люди добрые — умилительно и не менее внушительно для ума и сердца.

Ольгу ждем на днях. Щусев на конкурсе (государств[енный] банк в Н.-Новгороде) получил — увы! — 4-ю премию. (Ильин, Покровский и Шехтель — три первых.) Рвет и мечет, не послушал меня, пожадничал, вот и посадили «первого архитектора» на четвертое место. [...]

406. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 8 апреля 1911 г.*

[...] Мои художеств[енные] дела тоже оказались в отвратительном виде: 2 апреля кончил «Путь ко Христу», а 5-го оказалось, что картину придется счищать всю. Она отстает вместе с грунтом слоями (как орнаменты в Абастумане). Надо искать причин в штукатурке или шпаклевке, так как кирпич по анализу *не* дал и одного процента влаги.

Штукатурили два года тому назад помощники Щусева, грунтовал им поставленный подрядчик.

Сегодня будет по этому поводу совещание. Завтра будет в церкви вел. княгиня.

Вероятно, придется вставить на это место металлич[ескую] доску и потратить еще месяца три на повторение. Вот какие дела-то, старичок!

407. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Березка. 14 июня 1911 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

Возвращаюсь к нашему последнему разговору по поводу портрета моей дочери [1].

Не откажите передать графу Д. И. Толстому, что я прошу его разрешить застеклить портрет дочери, обрезав его с левой от зрителя стороны по сгиб холста, соответственно этому обрезать и раму.

Перед тем как застеклить — необходимо портрет покрыть тонким слоем хорошего белого лака.

На стекло я ассигную от 30 до 40 руб., которые и будут мною уплачены в августе, когда я надеюсь быть в Петербурге.

Очень прошу Вас, Петр Иванович, сообщить о разрешении по этому делу.

Завтра, отдохнувши, уезжаю опять в Москву.

408. П. П. ЧИСТЯКОВУ *Москва. 4 сентября 1911 г.*

Телеграмма

Поздравляю глубокоуважаемого Павла Петровича пятидесятилетием славной деятельности желаю здоровья долгие годы чем больше живу работаю тем больше чувствую надобность вашей школы.

Михаил Нестеров.

409. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 22 ноября 1911 г.*

[...] Здесь, в Москве, понемногу все оживает, начинают копошиться с выставками. Не знаю, состоится ли выставка «Мира искусства», а «союзники» готовят кое-что хорошее, голову держат высоко... На Рождество откроют лавочку, тогда и увидим, как «старое стареет, молодое растет». Из больших художественных новостей самая любопытная — это на днях утвержденный к постройке вокзал Московско-Казанской ж. д. Щусева. Постройка громадная, целая площадь — стоимостью в 2 000 000 р. Проект сделан на конкурс с Шехтелем и каким-то еще немцем, которых Щусев «раскатал» основательно. Постройка будет украшением Москвы и могла бы быть не помехой и в Кремле Московском.

Стиля *русского*, смешанного; вошли и старые соловецкие башни, и стиль Петра I, и Сумбекина башня в Казани, все это очень талантливо, остроумно переработано, вложено много красоты, чудесно применены мозаики — плоскости по белой Сумбекиной башне, забранные мозаикой малахитового цвета с золотым орнаментом вокруг

громадных старинных курантов. Черепица, камень белый и вообще тон всей массы предпочтительно белоснежный. Москва «декадентская» и Москва современных «ампирчиков» очень освежится, получив такое вдохновенное сооружение, и оно будет прекрасным дополнением типа гражданской архитектуры к нашей церковке на Ордынке.

Готов вокзал должен быть через три года.

Теперь у Щусева, кроме Ордынки, два громадных заказа — Странноприимный дом (с церковью) в Италии (Бари) и новый вокзал в Москве, затем ряд меньших работ (церковь Харитоненко, кн. Щербатову — Школьный городок и т. д.), в общем миллиона на три, если не больше. И все это с «моей легкой руки». Хотелось бы, чтобы он с годами перестал быть легкомысленным и самонадеянным, что часто ему вредит и делает его довольно несносным.

Работы на Ордынке двигаются, пишу последнюю стену,— а потом все проходить придется, просматривать. Время наступает самое приятное, работается легко, весело. Жаль, что темно и день мал, а то бы, кажется, не ушел из церкви. [...]

410. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 2 декабря 1911 г.*

[...] На той неделе мы схоронили Серова, бедняга много трудился, трудился честно и хорошо, и ему была уготована кончина безболезненная [1].

Похороны вышли «демонстративные», на манер Муромцева (и схоронили его на Донском против Муромцева). Гроб провожала огромная толпа, молодежь всю дорогу пела «вечную память»...

Но отбрасывая некоторое политиканское кликушество, все же жаль искренне большой здоровый талант, отличного, в лучшем смысле европейского мастера.

Серов оставил большую семью — жену и шесть ребят от студента и барышни лет восемнадцати до трехгодовалой девочки. В первый момент казалось, что семья оставлена без гроша (в момент смерти в доме было 50 рублей). Но позднее вышло, что кроме дачи в Финляндии тысяч в 25 осталось на столько же работ, да друзья в первые дни между собой набрали тоже тысяч 25, а там, глядишь, пенсию выхлопочут тысячи в $1^1/_2$ — 2 и наберется так годовых тысяч пять, если не больше. С этими деньгами можно будет и ребят поднять... (славная у него жена). [...]

1912

411. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 16 января 1912 г.*

[...] Что тебе поведать про себя, тоже сходящего с ума по-своему... Провел в квартиру телефон, не сегодня-завтра заведу электричество, словом, ряд безумств, одно вероломнее другого. Такое басшабашное стремление к «новшеству», желание не отстать от века объясняется отчасти тем, что в прошлую неделю неожиданно «хорошо поторговал». Некий Хáрват из Ниццы купил заглазно за 500 р. вариант одного из эскизов к Великокняжеской церкви.

Затем некий домовладелец Коровин возжелал стать Лоренцой Медичисом — приобрел у меня оставшуюся от выставки картину «За Волгой» [1] за тысячу рублей. Таким образом, 1500 руб. свалились ко мне нежданно-негаданно и ввели меня в соблазн приобщиться к благам цивилизации. А перед тем были старики Харитоненки и наконец уломали меня взять (без срока) написать для строющегося огромного

собора в Сумах четыре образа для главного иконостаса, за такое «малодушие» с моей стороны должна быть ответом щедрая плата — с их стороны.

Так, малодушничая (в ущерб «Христианам»), я набрал мелочей тысяч на 20, правда, всё бессрочных.

Дела в церкви подвигаются быстро к концу, еще неделя-другая и большой, четырехлетний труд окончен, и надо надеяться, что все написанное переживет меня. Церковь вышла интересная — единственная в своем роде.

Освящение 30 января едва ли состоится, вернее — в Вербное воскресенье (18 марта). Сегодня вернулась из Питера великая княгиня, и вопрос этот завтра-послезавтра выяснится, и тогда, закончив все к первому февралю, после первого проеду к Вам на недельку отдохнуть. Кстати, есть и дело, да и позаседать охота пришла в Академии, подержать, так сказать, судьбы русского искусства в своих руках. [...]

412. Д. И. ТОЛСТОМУ *Киев. 12 марта 1912 г.*

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за доброе содействие и телеграмму.

Сознание, что картина «Св. Димитрий царевич убиенный», так же как и «Видение отроку Варфоломею», «Юность пр. Сергия» и «Св. Русь», эти наиболее для меня дорогие произведения, будет принадлежать музею, следовательно обществу, родному народу, это сознание меня глубоко удовлетворяет и утешает на тот случай, если бы в будущем я не написал ничего.

В памяти моей запали слова, сказанные Вами при прощании, что «в животе и смерти Бог волен», и я решил принять все меры, чтобы «Димитрий царевич» был доставлен в музей в возможно скором времени. Для этого я теперь же написал в Москву, чтобы к маю мне приготовили металлическую раму для зеркального стекла на картину (так, как это теперь делается в Третьяковской галерее), также новую наружную раму.

Если все это мне успеют сделать, также если в мае Вы будете еще в Петербурге, то, не откладывая до августа, я надеюсь доставить картину в музей еще весной. Теперь же буду просить П. И. Нерадовского заказать за мой счет дубовую неширокую раму для картины «Пр. Сергий».

413. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 марта 1912 г.*

[...] Здесь у меня дело идет тоже пока ладно. Церковь показываю, с разрешения вел. кн[ягини], своим знакомым. Видело человек тридцать — слышу много похвал, поздравлений и удивлений моей настойчивости и энергии и проч. талантам и добродетелям.

Были Поленов и Виктор Васнецов. Остались довольны, последний осматривал все как знаток дела,— много и серьезно хвалил, особенно большую картину и образа иконостаса.

Щусев тоже заслужил похвалы, и лишь немногие его подругивают, как, вероятно, будут подругивать и меня, к чему готовлюсь, зная, как давно на меня шипят некоторые...

Словом, мы со Щусевым вступаем в полосу людских пересудов, зависти и иных прекрасных качеств человека.

Освящение назначено на 8 апреля. Поволнуюсь я изрядно, а потом на отдых в деревню.

Работать едва могу себя заставить, опротивело все. [...]

414. В. Д. ПОЛЕНОВУ *Москва. 24 марта 1912 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Посылаю Вам выбранный Вами этюд [1], к сожалению, в раме не весьма удачной.

Часть давнего долга уплачена. Надеюсь, что к осени удастся написать и образ св. Наталии для Вашей церкви. [...]

415. А. А. ТУРЫГИНУ *Березки. 12 сентября 1912 г.*

[...] Про церковь Покровскаго ты говоришь приблизительно то, что я слышал и от других. Я же прибавлю, что из всего слышанного и виденных репродукций очевидно, что там живого места нет, все существенное стянуто у Щусева, но для «понятности» опошлено, обесценено.

У Щусева при всех недостатках и всем вам — зодчим — присущей компилятивности есть непосредственное воодушевление и поэзия старины. Покровский же — это усовершенствованный Парланд — самоновейший кустарь-ремесленник и ни капли не «артист», не художник. Чтобы тебе наглядно показать разницу между Щусевым и Покровским, необходимо тебе побывать в Москве, но для этого надо проснуться до «второго пришествия».

Бери пример с меня — я почти совсем перестал спать, правда, я стал от этого зол нестерпимо, но зато «творчество клокочет» во мне неиссякаемое.

Кроме шуток, несмотря на все препятствия этого лета, я все же «Христиан» сдвинул с места, написал к ним до двадцати этюдов, из которых до десятка пойдут в дело.

Послезавтра, во вторник, переезжаю на зимнюю квартиру (остальные — в четверг 20-го) и там постараюсь позабыть до весны о картине, буду смирненько пописывать заказы, «резать», так сказать, «купоны».

Дни установились здесь ясные, морозные, начинается золотая осень, и все же пора «стричь купоны» и «соловья баснями не кормят». [...]

416. П. Д. КОРИНУ *Березки. 17 сентября 1912 г.*

Поздравляю Вас, Корин, с поступлением в школу [1]. Желаю пройти ее с пользой и стать большим, серьезным художником. В добрый час!

Михаил Нестеров.

1913

417. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 3 января 1913 г.*

[...] Выставка «Союза» отличная, живая, мастеровитая. Хороши Коровин, Малютин, Юон, Виноградов, Туржанский, Жуковский. А особенно — Рябушкин — «Въезд посольства». Эта неоконченная вещь — одна из прекраснейших вещей в русском искусстве [1].

Передвижнички — ослабели. Старец Репин со своим «17 октябрем», бывшим в Риме, не только одряхлел, но и зело поглупел, «юн и светозарен» Бодаревский [2]. Дает же Бог столь младенческое разумение всего в мире сущего! [...]

418. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 6 февраля 1913 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

За письмо — спасибо, кое-что из твоих мыслей верно, кое-что неверно, а кое-что... запутано, мысль не выражена ясно: талант Куинджи, как и Сурикова и некот[орых] других русских художников-«нутренников», возможно, столько имел «мастерства», сколько требовалось. Быть может, тверской мудрец — Чистяков — прав, говоря о В. Васнецове («Баян»-то, слыхать, продан не за 30, а за 15 тысяч, что, сам знаешь, не одно и то же), [что] полагает, что выучи он, П. П., Васнецова *верно рисовать позвоночник*, может быть, и Владимирского собора-то не было?! В таких самородках-талантах «душа меру знает».

Что касается мысли *все* передать музею — то это такой же вздор, как и совет Кравченки *все* рассовать по провинциальным нашим Луврам — на потребу «прасолу Набатову» и другим уфимским эстетам.

Я, не зная выставки [1], заочно отобрал бы *десяточек* получше, поразнообразней и этот десяточек (много полтора) хорошо бы выставил, а остальные, частью, штучек по пятку, разослал бы в провинцию, в Румянцевский музей в Москве (в Третьяковской гал[ерее] Куинджи представлен отлично), а что останется — распродал в частные руки, а деньги приобщил бы к капиталу имени покойного [2]. [...]

Теперь я выхожу, но слабость изрядная, температура утром 35,7, днем — 36,2. В воскресенье проведать болящего заехали Харитоненки (с Виноградовым). Ну, то да се — показал им «Крестный путь» для кн. Оболенской, а потом и обновку «Тихие воды» (старик везет иконку по озеру). Ну, пришли в восторг и пристали, чтобы я «уступил» им. Я долго не ломался, назначил крайнюю цену — 1500 руб. (картинка небольшая) и тотчас же был с благодарностью заключен в объятия.

Харитоненко теперь говорит, что из частных владельцев ни у кого не представлен так Нестеров, как у него... Добродушнейшие старики!..

Сегодня кончил им эскизы образов иконостаса для собора в Сумах — кажется, будет ладно, едва ли не интересней «великокняжеского», что на Ордынке. Дальше примусь за «Столыпина» [3], а там и к вам в начале марта нагряну. [...]

419. О. М. и В. Н. ШРЕТЕР [1] *Москва. 17 февраля 1913 г.*

[...] На той неделе неожиданно в художественном мире Москвы произошло страшное событие: покончил с собой Хруслов — покончил страшно — бросился под поезд и его перерезало пополам [2]. Заела его тоска и одиночество, а случай с картиной Репина, вероятно, переполнил чашу бедствий житейских [3].

Кстати о Репине, его недавно в публичном заседании, на которое неизвестно зачем его понесло, — тяжко обидели «Бурлюки» и «Максимьян» Волошин (он «божится», что предки его были запорожцами). Теперь общество и художники всячески выражают Репину сочувствие, меня тоже пытала одна газета, и я высказал полное сочувствие старику Репину, а своему биографу — Максимилиану — порицание. Теперь, вероятно, хорошенькую «монографию» мою напишет «запорожец», портрет которого прилагаю при письме, также и описание диспута «Червонных валетов» [4]. [...]

На днях был в балете — смотрел Павлову в «Дон-Кихоте» — удивительно! Лучшего в этом роде не видал. То, что дает Шаляпин в пении, — Павлова — в танцах, мимике. Она вся — жизнь, вся женственность... [...]

420. С. В. МАЛЮТИНУ *Москва. 7 апреля 1913 г.*

Многоуважаемый Сергей Васильевич!

В день нашей встречи у Новодевичьего монастыря ко мне обратились с просьбой иметь для издания [1] мой портрет — я указал на Ваше предложение написать таковой,

на что мне было сказано, что если Ваши намерения Вы не изменили, то будет найдена возможность сеансы устроить на нейтральной почве (в виду скарлатины у нас в квартире). Не откажите сообщить, когда и где мы с Вами об этом могли бы поговорить.

421. В. В. РОЗАНОВУ *Москва. 29 апреля 1913 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

Много благодарю Вас за письмо и за хлопоты по моему делу. Конечно, я поступлю по Вашему совету и [по]шлю М. А. Суворину телеграмму такого рода: «Прошу картину разыграть теперь же, полученные от лотереи деньги переслать от меня в Черногорию [1]. Фотографии прислать в Москву». Вас же, Василий Васильевич, прошу передать Суворину, что, *если можно*, чтобы об этом моем пожертвовании в газетах не сообщать, даже в виде отчета, а таковой был бы мне прислан письмом через редакцию. Иначе вся эта история будет смахивать на рекламу, на напоминание, что вот-де в таком-то городе живет М. В. Н-в и т. д., что мало привлекательно.

Что пошлю я черногорцам не 1000 руб., а 500—600, конечно, не одно и то же, но все же это лучше, чем ничего.

Жалею, что по неведению обратился к Суворину, доставил ему неприятных хлопот, а себе немало огорчений. Но что поделаешь! Попал не по адресу. На другой день после письма Суворину мне предлагали подарить картину Славянскому комитету, причем одна из московских выставок предлагала поставить картину и принять все меры к ее продаже у себя. Но дело с Сувориным уже было начато, и я отказался. И вместо 2—3 недель пришлось ждать более или менее благополучного разрешения вопроса 6 месяцев. Впредь наука — не соваться в воду, не узнав броду.

Послав Вам телеграмму, я должен был экстренно выехать в Уфу к больной сестре, перевезти ее сюда, и вот сегодня консилиум подтвердил диагноз уфимских врачей, признав у сестры рак в форме безнадежной. Теперь придется больную отправить обратно в Уфу. С ней на днях выедут Ольга с мужем, которые по этому случаю вернулись из-за границы. Тяжко терять близких людей, а уходят они один за другим.

Дорогой в вагоне прочел Ваши «Опавшие листья», прочел с большим, захватывающим интересом. Какая это «розановская» книга! Как Ваше дарование, вся острота чувства и глубина размышлений ярки и полны там!

Вы не любите Боборыкина, да и как Вам любить эту пустую скорлупу. Как любить Вам бесталанного, либеральничающего энглизированного барчонка Философова? Понятна и нелюбовь Ваша к интеллигентскому прорицателю Мережковскому, этому кастрированному Грише Распутину. Но довольно, а то их всех пошлешь на костер и потом долго гарью будет пахнуть...

Еще раз сердечно благодарю за помощь. [...]

P. S. Хотелось бы, чтобы Вы посмотрели в редакции «Н[ового] вр[емени]», до отправки в Москву, фотографии с росписи церкви Марфо-Мариинской обители и наиболее Вам понравившуюся взяли себе на память.

422. А. А. ТУРЫГИНУ *Сергиев посад. 6 июня 1913 г.*

Получил твою интересную (увы! не по содержанию) открытку. И так как делать нечего, пришел с этюда и спать еще рано, то думаю, дай поболтаю со старым приятелем. Со дня на день жду вестей из Уфы, чтобы ехать туда для печального обряда. Жизнь угасает быстро. Присланные снимки с больной говорят, что от былого человека

большой силы и энергии не осталось и следа. Быть может, никогда болезнь с ее печальным концом не производила на меня столь реального, «убедительного» впечатления: потому ли это, что Ал[ександра] Вас[ильевна] всего лишь на четыре года старше меня, или потому, что в ее лице я теряю последнего человека, с которым мог говорить как с очевидцем и участником былой, давней жизни нашего родного гнезда, с ней прошло детство, с ней так сладко было вспоминать о том, что было и чего никогда не будет. Останется молодежь, они могут быть милыми, славными, но они не поймут и половины того, что было понятно и любезно нам с полслова. Итак, из стариков останутся только приятели, и ты между ними, как это ни странно, на первом плане. Ты близок по своим тридцати годам приятельства, по твоей купеческой породе, которая гнездится в нас обоих крепко, и по своей безвредной причастности к художеству.

Твой «Святополк окаянный» или «морг» в ассирийском стиле, называемый тобой, кажется, музеем, меня никак не волнует, а мое художественное благополучие, за редким исключением, тебя волнует — приятно.

Ну что ж, будем жить с тобой, пока не придет наш час, а те, кто захотят разделить нашу судьбу, могут присоединиться к нам и быть участниками того «жизненного пиршества», какое мы от своих щедрот им предложим. Полагаю, такие добрые души найдутся. Тем лучше для всех...

А вот я сейчас читаю Ипполита Тэна «Путешествие по Италии» (в 60-х годах). Книжка, впервые переведенная Перцовым и подаренная мне как-то недавно. Читал ли ты ее в подлиннике? Если не читал — возьми в переводе. Умно на редкость, такое хорошее, благородное (в наше время — хамское) свободомыслие.

Таков верный, осторожный и страшно «личный», ответственно личный, взгляд на великое и менее великое итальянское искусство. Как в этих письмах еще молодого Тэна чувствуется его славное будущее. [...]

423. П. Д. КОРИНУ *Уфа. 21 июня 1913 г.*

Вчера получил Ваше письмо, Корин. Рад Вашему успеху. Свое время Вы устроили толково. Не забывайте, что Вы будущий художник, готовьтесь к этому великому призванию, пользуясь всякой минутой. Вы не пишете, когда справитесь с двумя плащаницами [1]. Если не успеете вернуться в Москву к *1 июля*, тогда кончите образ в *середине августа*. Я только что схоронил сестру [2] и 23-го еду в Москву, к Троице, а числа 3-го июля уеду *на юг* до середины августа (числа до 10-го). Пишите в Москву (Донская, 26) всякий раз, как будете менять место. Письма мне перешлют по адресу. Жму руку.

424. А. А. ТУРЫГИНУ *Сергиев посад. 3 июля 1913 г.*

Твое хорошее письмо получил, спасибо...

Нечего говорить, как жаль Александру Васильевну! Как незаменима она была для меня во многом. И как *умный* человек, и как человек *прямолинейной честности*, который не умел колебаться между прямым путем и кривым. Это был человек хорошей нравственной породы и личного самовоспитания.

Кроме того, последние годы она жила моими интересами, моим успехом и неуспехом — как никто.

Я сильно за эти месяцы *подался*, и если не сумею себя поставить на ноги в Ессентуках, то не знаю, как зиму проскриплю. Работы нахватал пропасть. Сделать надо не кое-как, сроки все пропущены — три-четыре года (Харитоненкам, которые ждут чуть ли не с моей выставки иконостаса). [...]

Хочется со всеми заказами кончить и больше не брать их, ненавижу их я, как врагов своих!!..

Необходимо написать еще если не «Христиан», то две-три вещи стоящих, к которым у меня почти весь материал готов, и надо сделать через два-три года выставку.

Денег сколько ни добывай, не будет этому конца, да и «спасибо» не скажут, а, пожалуй, еще скажут «мало».

Стоит ли себя терзать?!

Надо «остальные денечки» пожить «для души». А она еще полна хороших художеств[енных] чувств, мыслей. [...]

425. А. А. ТУРЫГИНУ *Княгинино. 30 августа 1913 г.*

[..] Грабарь выпускает монографии, вышли Врубеля, Левитана, теперь будет Серова, Нестерова, потом Васнецова, Перова [1]. Вот для перовской Грабарь мне предложил написать воспоминания, нечто похожее на то, что я писал о Левитане в «Мире искусства» [2]. Такое воспоминание могло бы войти в монографию отдельной главой за моей подписью. Я отказался, а теперь, сидя в Малороссии, взял да и написал, вышло «прекрасно», что-то совершенное, равное лучшим нашим произведениям пера,— откуда что бралось [3].

Я щипал себя за нос, не веря, что пишет это не Тургенев, а я, твой друг, самый, казалось бы, обыкновенный смертный, однако — нет, писал не Ив[ан] Сер[геевич], а я, Мих. Вас. [...]

426. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 13 сентября 1913 г.*

[...] Что-то все реже и реже задумываюсь над «Христианами», они, мол, нарушат «гармонию идей» в моем творчестве — все, мол, было «слава в вышних богу», а тут — на тебе!..

Сегодня с утра в волнении: утром развернул газету и как по лбу ударили — «беседа» с М. В. Нестеровым и И. Э. Грабарем по поводу пропавшей картины Ге (одного из «Распятий»).

Было тут несколько дней тому в Кунцеве у Солдатенковых торжество освящения церкви (недурная), среди знатных гостей и я сдуру попал. Там было все как следует, и архиерей, и протодиакон Розов, и градоначальник, и предводитель, и я с губернатором.

Были корреспонденты газет и фотографы. Был дивный хор и уха из стерлядей с расстегаями — словом, все было так, как бывает в старо-дворянско-купеческой именитой семье по поводу какого-либо особого события. И вот там, не знаю с чего, заговорил со мной бритый господин, не то шофер, не то шулер — рожа знакомая. Начал о злобе дня — об исчезновении картины Ге, о том, что имп[ератор] А[лександр] III картину эту обругал и велел убрать, я знал, что дело было не так, заступился за царя, а этот бритый болван взял да сегодня все и напечатал, прибавив, что слышал от меня, *как от свидетеля* этого обстоятельства, а я самого и царя-то видел дважды на улице...

Что с ними, подлецами, поделаешь?

Как-нибудь опишу тебе, что делается у нас в Третьяковской галерее: все вверх дном, но очень хорошо. Одним словом, «система», история искусств для наглядного обучения невежественных россиян... хотя, кажется, и против воли «завещателя» или что-то близкое к тому. Одним словом, смелость города берет; бедняга Остроухов все пальцы себе с досады обкусал [1]. [...]

427. С. В. МАЛЮТИНУ *Москва. 1 ноября 1913 г.*

Многоуважаемый Сергей Васильевич!

На днях, когда я был в Петербурге, приносили оттиски портрета и эскизов [1], и, к сожалению, я не мог их видеть. По получении Вашего письма, в коем Вы высказываете сомнение относительно возможности сделать фон у портрета более красным,— я говорил с Грабарем, и по его мнению, необходимый фон технически легко достижим, и он надеется, что Вы в окончательном его виде останетесь отпечатком довольны. Что касается предложения Вашего поменяться с Вами, то, конечно, я готов это сделать с большим удовольствием, как потому, что люблю вообще Ваше художество, и в частности предлагаемый этюд-портрет.

Позировать, как и раньше Вам говорил, стану Вам охотно, об одном бы просил: не найдете ли Вы возможным писать *у меня*, как потому, что у меня комната больше, так и потому, что этим путем у меня будет оставаться больше времени для работ, с которыми увы! приходится спешить. [...]

428. С. В. МАЛЮТИНУ *Москва. 6 ноября 1913 г.*

Многоуважаемый Сергей Васильевич! Примите мою большую благодарность за прекрасный Ваш подарок — портрет Вашей милой дочки. Я его с удовольствием приобщаю к своей коллекции, долженствующей поступить со временем в Уфимский музей [1].

Жалею, что сегодня не мог видеть Вас у себя, приготовил для мены с Вами на выбор несколько вещей. Быть может, заглянете ко мне в субботу или в воскресенье от 2—3 ч. Буду рад повидать Вас, поговорить о будущем портрете.

Сегодня любовался в галерее хорошо повешенным портретом Вашего сына (дивная вещь!!) [2]. Ваш автопортрет повешен хуже. Вообще перетасовка многое изменила, больше, кажется, к лучшему. Превосходен Репин.

Итак, до скорого свидания. Поправляйтесь скорее. Еще раз благодарю за подарок.

429. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 8 ноября 1913 г.*

[...] Здесь у нас есть новый театр — «Свободный». Некий помещик, «любитель комедийного действа» и обремененный миллионами [1], решил потешить помещичью душу свою — кликнул клич, и все, кому в жизни не хватало лишь одного — денег, собрались на клич и стали тешить хорошего барина. Сомов сделал из разноцветных шелковых лоскутков занавес с «арлекинами и Коломбинами» (ну, как же без них нам обойтись!).

Певицы запели, музыканты заиграли — все заплясало и пошла писать губерния. Помещик кричал — «поддай пару» и ежемесячно выбрасывал тысяч, говорят, 60—70. Поставили, между прочим, и «Елену Прекрасную». Вот ее-то мы и собрались посмотреть после святых и благоверных.

Первое действие — стилизованная (по вазам) Греция. Цвета — белое, черное, коричнево-красное. Красиво, но анафемски скучно (я помню в «Пр[екрасной] Елене» — Запольскую, Волынскую, Родона).

Второе действие — XVIII век — Елена — королева, весь ансамбль — короли, гризетки, кардинал Калхас переносит зрителя в век Ватто, искусно и красиво поставленный Сомовым. Все действие происходит на кровати, гигантской кровати, и около нее. Самый острый момент Елены с Парисом напоминает траурную мессу — публика скучает, «помещик» радуется и кричит — «поддай горячей!».

3-е действие — современность, наши дни, карусель и на ней все герои «Сатирикона» [2]: и лицеист с легкими девицами (Орест с Леона и Парфенис), и Агамем-

нон — бюрократ в расшитом мундире, и Ахилл — пристав, и тому подобное сатириконское остроумие.

Вот как мы в Москве веселимся!

Приезжай к нам — и тебя угостим. Не хочешь — как хочешь.

В Художеств[енном] идет «Ставрогин» [3], и говорят, сильно, захватывающе... (была Екат[ерина] Петровна).

[...] В галерее мои вещи повесили прекрасно, никто, кроме Врубеля, не оказался особенно для меня страшен — нахожусь среди равных,— а там и Серов, и Левитан, и К. Коровин (мой сосед на стене). Ну, довольно, а то начну хвастать, так и силой не остановишь. [...]

P. S. Был ли в Академии? Посмотри «Купающихся» Яковлева [4].

430. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 17 ноября 1913 г.*

Пишу старику немного, некогда, сейчас еду в гости, и надо письмо теперь же опустить в ящик.

На днях были у меня попечитель Третьяковской галереи — И. Грабарь с В. П. Зилоти, урожденной Третьяковой, и приобрели для Третьяковской галереи «Портрет Толстого» [1] и небольшую, нынче летом написанную (вариант) «Христову невесту».

Взял ради «хорошего места» недорого, за пару — 4000 рублей. На днях вещи будут в галерее, и она будет открыта для публики в новом виде. Таким образом, теперь я в галерее представлен полно и разнообразно.

Не хотел расставаться с портретом, хотел поберечь его для выставки. Но разные соображения стариковского характера перетянули, и теперь надо с этим делом покончить. [...]

Мои «монографии» плодятся, как грибы после дождя,— и малые, и побольше, и большущие. От 15 коп. до 15 руб. Теперь уже известно мне пять в России да одна за границей. Вот они дела-то какие!

Ну, будь здоров, сходи на «Мир искусства» и в Академию.

431. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 4 декабря 1913 г.*

[...] Тут была сутолка и волнение по поводу Третьяковской галереи. Страсти разгорелись неимоверно! Москвичи разделились на два лагеря, и я, как это ни странно, очутился с «левыми» за реформу Грабаря, и тем не менее и по сей день вопрос о развеске картин висит в воздухе.

Репин, Перов, Суриков, В. Васнецов, Серов, мои вещи — страшно выиграли, как выиграли Брюллов, Левицкий, Боровиковский, Рокотов и другие.

Однако радение о воле Третьякова, который был живой и непартийный человек и всю жизнь улучшал дело, а главное, личные самолюбия и «чего моя нога хочет» Остроухова и К° — могут сделать, что четырехмесячный труд перевески картин по системе и в исторической последовательности сойдет на нет и картины могут заставить перевесить по-старому [1].

Вот они дела-то какие!

Я продолжаю «приторговывать», продал к вам в Питер какому-то инженеру Смирнову эскиз за 400 р.

Монографии мои плодятся как грибы.

На днях в галерею приобретен мой портрет, писанный весной Малютиным. Таким образом, в Третьяковской гал[ерее] я увековечен вдвойне — своими произведениями и портретом Малютина с меня. Есть слух, что не за горами время, что «Св. Русь» перенесут из Академии в Музей Александра III [2].

Читаю теперь «модного» Муратова «Новеллы», в коих изящество больше меры перемешано форменной похабщиной [3].

Получил с льстивой надписью книжку сочинений Рериха.

Работаю «страшно», скоро кончу 4-й образ... К рождеству напишу еще 4 малых евангелистов.

Как хочется все сдать к лету и приняться за свои дела.

Были как-то с Харитоненками в Большом театре, слушали «Севильского цирюльника» с Шаляпиным и Неждановой. Хороша музыка, хороша Нежданова, а Шаляпина — не люблю, когда балаганит. Люблю его в «Борисе» с его трагической душой, с его страшной судьбой. [...]

432. В. В. РОЗАНОВУ *[Москва]. 4 декабря 1913 г.*

Первым побуждением по получении Вашей статьи и письма было тотчас же благодарить Вас и послать Вам телеграмму.

Затем было приступлено к чтению самой статьи [1], и хотя это и было делом нелегким, однако мы его преодолели к общей радости и удовольствию.

Статья Ваша, не вдаваясь в обсуждение, сколь я заслужил ее,— одна из наиболее ярких, значительных Вами написанных о художестве и художниках или таком художнике, какого, увы! среди нас нет, но он до боли желателен.

Статья Ваша и фантастична и в то же время убедительна, так талантлива, что, право, моментами, читая ее, забываешь, что объект ее Ваш покорный слуга, готов воскликнуть: «Да покажите мне этого Нестерова, этого удивительного художника! Какое счастливое сочетание в его произведениях драгоценных качеств нашего народа, какое дивное отражение в его созданиях души великого народа-страдальца!» Ваша фантастическая поэма о невиданном русском художнике, Ваш необычайный дар мечтать вслух, грезить мыслями, извлекать их со дна морского, воплощать их в образы — тут сказался во всей своей обаятельной неотразимости,— и если бы местами не пробивался тон полемиста и не нарушался негодующим голосом в сторону «басурман», то перейти к действительности было бы нелегко.

В самом деле, как Вы любите «свое», «наше», как Вам хочется (как и мне), чтобы у нас было побольше ценностей, больше радостей, больше того, «чем люди живы», и если я в малой доле способствовал тому, чтобы дать Вам повод к прекрасной мечте о желанном художнике, то я буду счастлив и доволен и буду утешен в минуты тех тяжелых, безнадежных сомнений, которые так часто заглядывают в мой творческий угол. Спасибо, глубокое спасибо Вам, дорогой Василий Васильевич.

Теперь перейду к тем немногим местам статьи именно «полемическим», кои хотелось бы несколько смягчить. Сделать это желательно потому, что книга предназначена для широкого распространения, заглянет в нее, вероятно, и наш брат-художник.

Говоря о «Монастырской гостинице», «Крестном ходе», «Протодиаконе»,— я не договорил бы до конца. Внутренняя «дурость» авторов — понятная сама собой. О басурманах — не стал бы перечислять всех этих немцев, англичан, ограничась общим наименованием «басурманов».

Затем позволил бы упомянуть два места, для меня не совсем ясных и немного режущих слух. Фраза «приведет к Богу протоиерей» для меня не ясна, я ее не могу связать ни с предыдущим, ни с последующим, и самое слово «протоиерей» хотелось бы заменить «священником». Затем, говоря о характере моего художества, Вы пишете: «Разве человек, больной раком, стал бы просить изнести себя из стен темницы?» Выражение «больной раком» после недавней смерти сестры невольно бьет по нервам. Хотелось бы заменить его другим сравнением.

Все эти поправки я говорю Вам от своего имени. Представитель Левенсон, который ведет издание книги, ни одного замечания не сделал и от статьи в восхищении,

и с первого слова был согласен уплатить Вам 300 рублей, кои и будут Вам пересланы не позднее вторника 17 декабря (я прямо назвал цифру — 300 р.).

Теперь вот в чем дело, дорогой Василий Васильевич. Некий Николай Никол[аевич] Черногубов, давний Ваш горячий почитатель (знаток Пушкина и Фета), возымел желание иметь Ваш портрет, исполненный масляными красками одним из наших лучших портретистов — С. В. Малютиным. Им исполнены, между прочим, портреты Брюсова, Вересаева, Давыдова и мой — приобретенный в Третьяковскую галерею. И вот Н. Н. Черногубов обратился к моему содействию просить Вас не отказать попозировать Малютину для портрета. В случае Вашего согласия Малютин мог бы приехать в С. П. Б. Со своей стороны могу прибавить, что талант Малютина большого размера. Он теперь в Московской школе вместо Серова, и крайне желательно иметь Ваш портрет масляными красками. Он нужен для будущего. [...]

Гранки Левенсон вышлет Вам для корректуры.

433. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 23 декабря 1913 г.*

[...] Читаешь ли Муратова? Вышла его «София» [1] (я подписался). Не худо, хотя и специально больше меры. На днях (на второй день) [2] открывается ряд выставок — на «Союзе» будет и мой портрет [3] (купленный в галерею).

На днях посетил (по делу) меня Репин, веселый старикашка!.. ходячая сенсация, так сказать, наш доморощенный «Макс Линдер». А все же пойдешь в галерею и удивляешься огромности этого стихийного дарования, дарования без всякой примеси культуры. Знай — валит! [...]

1914

434. П. Д. КОРИНУ *Москва. 3 февраля 1914 г.*

Давно не видал Вас! Приходите, Корин, завтра или послезавтра, часов в 12—1 ч. Пообедаем, потом поговорим о делах.

Недавно слышал Вам похвалы на Ордынке, видел Ваш рисунок там, он мне понравился.

435. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 12 февраля 1914 г.*

Корин, прошу Вас быть у меня в субботу (15 февр.) часов в 9 утра. Мне надо с Вас порисовать кое-что.

436. В. В. РОЗАНОВУ *[Москва]. 14 февраля 1914 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

Статью получил и на днях отправляю по назначению.

Статья выиграла не только в своей мягкости, близости к теме, а также в «чеканке» ее, она превосходно теперь сработана.

Подзаголовок ее «Психология творчества» Вами пропущен умышленно или по забывчивости?

Рукопись (первая или последняя?) полагаю, своевременно будет Вам возвращена. Сердечное спасибо как Вам, так и Александре Михайловне, потрудившимся над переработкой и перепиской статьи. Надо ли присылать корректуру на просмотр Вам?

Посылаю Вам вырезку статьи, недавно напечатанной в «Голосе Москвы» о Мережковском...

Посылаю также программу заседания Религиозно-философск[ого] о-ва на 26 февраля, где будет прочтен доклад кн. Евг. Трубецкого о книге Флоренского[1]. Не приедете ли послушать? остановитесь, просим, у нас на Донской (д. 26), будем Вам очень, очень рады.

Иногда вижусь с Перцовым и говорим о Вас — он хорошо, добро относится к Вам и любит Ваш талант. На днях он с женой едет в Италию, чему невольно завидуешь. Хорошо там теперь, в каком-нибудь Салерно, в Амальфи. А тут мерзни, да еще пиши заказы. Господи! Когда им конец!

437. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 15 февраля 1914 г.*

[...] Была как-то у меня очередная ассамблея, ну, кое-кто собрался, был народ всякий, была пара профессоров, пара или тройка писателей, поэтов, был Щусев и еще кое-кто. Ждали мистера Греама, корреспондента «Таймса», гостящего здесь и собирающегося писать обо мне с Васнецовым, но сей англичанин застрял на парадном обеде у своего консула и не был.

Повесили на днях мое изображение в галерее. Какой-то «белый черт»!

Открылась выставка Серова[1] — газеты вопят, а народ пока еще идет умеренно (а выставка прекрасная, и ты напрасно не пошел и не видел одного из самых серьезных наших живописцев во всем его параде).

Прислал исправленную, переработанную, смягченную статью Розанов[2]. Стало куда лучше, чеканней, глубже. [...]

438. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва. 26 февраля 1914 г.]*

[...] На твое любопытство, как я смотрю и что думаю о современном художестве, и в частности о «союзниках» — своих собратьях по школе и времени деятельности, отвечу так. Русское искусство и искусство вообще последние годы «отдыхает», отдыхает от тяжких трудов художеств[енной] мысли, напряжения творчества и серьезной учебы,— отдыхая, молодеет и крепнет и в избытке новых сил пока что разминает косточки, а подчас впадает в озорство и даже в буйство...

Но все это минует, и искусство возродится в новые формы (пока неведомые), яркие краски, о которых многие истосковались, и новые художеств[енные] теории и мысли. Художники Союза — это люди средних лет, поработавшие изрядно, а некоторые и преизрядно (как К. Коровин с его удивительными театральными «откровениями» и постановками).

Эти средних лет молодые люди, сознавая свои *права на отдых*, вот и разлеглись на солнышке, и греются, и нежатся тебе назло и себе на утеху.

Ты злишься без всяких прав на злобу, на строгую критику...

Я смотрю на все спокойней только потому, что опытом всей жизни *знаю, как трудно*, как много надо положить таланта, настойчивости, труда для того, чтобы быть тем, чем стали художники Союза, они дали все, что могли дать, и едва ли что утаили от нас. И спасибо им за это, как и всем тем, кто не зарывает своих даров в землю.

Не этика профессионала и не партийная дисциплина, а опыт и знание нашего дела заставляют меня относиться снисходительно ко многому, что я вижу, конечно, не хуже тебя. [...]

439. В. В. РОЗАНОВУ *[Москва]. 23 марта 1914 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

На днях только получил оттиск статьи, которую и посылаю Вам вместе с рукописью.

На странице девятой мной сделана пометка красным карандашом; я очень прошу Вас, если найдете возможным, эти очерченные 9—10 строк изъять из написанного вовсе, отчего, думаю, смысл и яркость статьи не изменятся, а между тем отпадет всякая возможность к придиркам. А то ведь любой остроумец скажет, что был-де на Руси Петр Великий, напутал он, напортил в своем деле вот как! да Бог смиловался — послал Нестерова, тот все дело поправил...

Затем я все же решаюсь предложить, в виде пояснения, что ли, под оглавлением «Вечное преображение» — прибавить: «психология (лучше — душа) творчества Н-ва». Вот и все, что, по-моему, желательно для полной законченности статьи в последней корректуре, которую и буду ожидать от Вас, чтобы сдать ее в типографию.

Теперь о докладе кн. Е. Трубецкого о книге о. Флоренского [1].

Я, как человек из публики, да еще и художник, человек своей специальности, от доклада кн. Трубецкого чувствовал себя «не по себе», и вот почему.

Народу набралось видимо-невидимо, а помещение малое, духота. В этой духоте или от этой духоты доклад вышел вялый, бледный и уж слишком узкоспециальный (об антиномиях). И эти «антиномии» заслонили от ученого докладчика и его оппонентов живую книгу о. Флоренского и живые мысли его.

Докладчик и оппоненты его ушли по уши в ученейшую эквилибристику, схоластику и всякую «сугубую аллилую».

Этого ли ради батюшка Флоренский прошел такой интересный путь мыслей и чувств?..

О, непогрешимый русский интеллигент, как он мало любит живую душу, в науке ли она, в искусствах ли, в разуме или чувствах. Во всем, во всем он сумеет омертвить и потушить искру жизни, а если выйдет где «неладно», то благородно пеняет на соседа...

Вот, дорогой Василий Васильевич, Вам предпраздничное писание мое. Заработался я и устал жестоко. Доктор гонит меня проветриться, думаю на второй-третий день Святой собраться в Киев, там солнце, зелень, добрые старые друзья, хорошо там!

Как Вы живете? Как здоровье Варвары Дмитриевны? всем, всем Вашим шлю свой привет.

Корректуру, когда поспеет, пришлите на Донскую, 26.

440. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 18 апреля 1914 г.*

[...] Но... ладно хоть и то, что угодил тебе и открыткой из Киева и своим портретом [1]. Да! брат, вещь «тузовая», как сказал бы Стасов. Что же касается тонкостей, то тут пойдут такие субъективности и мы залезем с тобой в такие дебри психологии, что выйдем оттуда мокрые, как куры, а дела не подвинем и на вершок.

Знай одно, что, как этот знаменитый портрет попал в галерею, с тех пор туда у меня пропала охота ходить. Он повешен в той же зале, где мои картины, против стены Серова и против портрета царя серовской работы. Это ли или все взятое вместе с «психологией» и всякой чертовщиной, но, повторяю, быть там, где этот мой «двойник»,— для меня сущее наказание.

Однако надо все же сказать, что карикатура это или нет, но он не оставляет зрителя равнодушным, как тысячи других портретов. Еще недавно, в Киеве, одна прекрасная во всех отношениях барынька просила у меня позволения повесить репродукцию с этого портрета в своей нарядной гостиной, и мне пришлось подписать на нем свое имя, и таких любителей немало, а есть и восторженные хвалители, бескорыстные и искренние, что же касается нас с тобой и братьев-художников, то все мы

заинтересованы немного и радуемся в тайниках души, что Нестеров «влопался», Нестерову подложил Малютин огромную свинью и т. д. ...

А в конце концов, не все ли равно, назовет ли потомство Нестерова Нарциссом или Квазимодой,— важно, что этот самый Н[естеро]в написал такие-то и такие картины, остальное — суета сует!

441. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 6 мая 1914 г.*

[...] Репродукцию с портрета Малютина в «Лукоморье» [1] видел, там и десятой доли не передано того «зверства», что в самом портрете... (ведь он на ярко-огненном фоне).

Как-то встретил Малютина, жаждет написать второй портрет во весь мой богатырский рост. Я, правду сказать, не спешу теперь позировать и даже более того — чуть было не дал Малютину прочесть твое письмо...

Был как-то у Троицы, кое-что помазал. Там дивно хорошо, видел красивые похороны монаха. 16 век, да и только! Стройный ритуал, серьезное величие и ни одной слезы, ни одного сожаления!..

На днях лезу в купол обительской церкви, напишу там бога-отца и кое-что добавлю из орнаментов. [...]

442. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 16 сентября 1914 г.*

[...] Я минувшую неделю просидел у Черниговской, погода была осенняя, но природа красоты необыкновенной, и я изрядно поработал.

Послезавтра еду (по Волге и, быть может, Каме-Белой) в Уфу — кончать с домом, а по приезде перепишу, остальный раз, духовную.

Аксаковский народный дом и мой музей откроются после войны (теперь все занято ранеными).

Вернусь из Уфы числа 20—22 сентября и за работу. [...]

443. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 16 октября 1914 г.*

[...] Последние дни кончал окончательный эскиз «Христиан». Теперь хоть и за картину приниматься, все продумано, все естественно и, кажется, живет и движется.

Народу много, народ всякий, и получше, и похуже, все заняты своим делом — верой. Все «верят» от души и искренне, каждый по мере своего разумения. И никого не обвинить, что-де плохо верит,— верит всяк, как умеет. А все же надо помнить всем и каждому, что «не войдете в царство небесное, пока не будете, как дети». Вот оно дело-то какое, Турыгин! [...]

444. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 19 ноября 1914 г.*

[...] Работаю, хотя и с ленцой. Пишу небольшого роста картинку: «Раб божий Авраамий». Изображен еловый молодняк, опушка, а среди него стоит старый, старый, согбенный «раб божий». Стоит он и взирает на мир божий, на землю, на небо, на весеннюю в цветах лужайку и радуется — сколь все прекрасно создано царем небесным... Вот и вся тема... небольшая тема, небольшая и картинка...

Теперь москвичи-художники устраивают целый ряд выставок в пользу наших воинов и их семейств.

Принимаю на всех этих выставках и я участие. Даю вещей (по мелочам) тысячи на полторы. Причем уже продал рублей на 450 у себя дома до открытия выставки (ведь мои вещи на «рынке» — редкость, а потому берут их охотно). Таким образом, при всех своих немощах и убожестве все же хоть как-нибудь да несешь свои «гражданские обязанности».

Солдаты наши подлечились [1] и ушли на позиции, хотим взять еще, хотя сейчас и не дают на дома менее пяти человек.

На днях поеду на Казанский вокзал. Щусев звал посмотреть модели постройки вокзала.

Сооружение очень интересное, и думаю, оно займет среди московских архитектурных красот не последнее место. Здание в минувший сезон доведено почти до верху Сумбекиной башни и представляет массив, перед которым противоположный старый Николаевский вокзал кажется игрушкой.

Все минувшие дни у нас была зима, со снегом и морозцем, сегодня пошел дождь и поползло...

1915

445. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 1 января 1915 г.

[...] Расскажу тебе о выставках — о Союзе и Передвижной...

На Союзе выставил старик Суриков «Благовещение», его обругали художники, обругали и частью «замолчали» газетчики. А я скажу, что хорошо! Конечно, не так хорошо, как писал козак в старину, а «по-стариковски» хорошо. Особенно хорошо, что «по-своему». Чудесное выражение богоматери, такое простое, душевное, доверчивое, а Гавриил — юноша стройный, сильный, «зовущий» — удачен менее, особенно тип лица — и формой шеи, слишком крепкой, — все же вместе и особенно *тон* картины — напоминает испанцев — Мурильо.

Ты скажешь: вот тебе и «по-своему»... Да! да! по-своему — так, как по-своему написан «Ермак», столь близкий «Тинтореттам» в венецианских базиликах, музеях, дворцах...

Ну, а потом опять Малютин — превосходные портреты и в Союзе, и на Передвижной.

Дальше отличный, мазистый (что твой Цорн) Архипов, проданный за 5000 р. Рябушинскому. Радостный, играющий переливами самых праздничных красок — К. Коровин [1]. И прочая союзная компания, мастеровитая, однообразная, продажная, бойко торгующая...

Передвижная — счетом 43-я, как будто помолодела, принарядилась, заговорила каким-то живым языком и, право, кажется возродившейся.

Там Юрий Репин выставил «Бой под Тюренченом». [...] Все живое — и люди, и событие. Идет «несчастный бой». Люди дерутся с отчаянием, гибнут у тебя на глазах, и ты чувствуешь, как это страшное дело захватывает тебя, делает участником этой страшной бойни. Нет ни преувеличений, все так естественно и так трагично.

Молодец Ю. Репин! даром, что неврастеник... (говорят, что жалок он своей беспомощностью, готов каждую минуту слезы лить и т. п.). Его же «Вечер», или «Тайная вечеря» — тоже интересна, хотя и много в ней несуразного, а все же чувствуется, что люди собрались не по пустякам и что то, что творится тут, для них всех имеет значение первостепенное. Старик Репин должен выставить портрет Шаляпина.

Есть новички — и не худые.

Читал ли ты сочинения бельгийского поэта-певца Брюгге — Жоржа Роденбаха? Не читал так прочти его «Мертвый Брюгге» и «Выше жизни». Очень хорошо, и мне больше по душе, чем Метерлинк. «София» лопнула на шестой книжке [2].

446. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 11 февраля 1915 г.*

[...] Ваш Петроград на меня на этот раз подействовал целебно... Возвратившись на Донскую, я принялся за новую картинку (перед отъездом из Москвы подготовленную). Вышел, конечно, «шедевр»...

Серый, тихий день, берег Волги, вдали леса, Заволжье, а тут на горах — скит, по двору скита идут две сестрицы, сестрицы кровные, а души у них разные — у одной душа радостная, вольная, а у другой она сумрачная — «черная» [1]. Вот и все...

Теперь подожду денька три и примусь за другую картинку, тоже невеличку: «Усталые».

Тут тоже девицы. Бредут обе по опушке,— устали они от дум, от таких, как ты, донжуанов. Пожалеть их надо. Вот я их и пожалел...

А кто меня-то пожалеет?.. эх ма! [...]

447. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 18 февраля 1915 г.*

[...] Как-то дали мне прочитать книжку — «лучшую о Достоевском» — некоего Льва Шестова [1]. Будь он неладен — этот Шестов! [...]

Написал, подлец, бойко, талантливо, но и подло же: все «качества» самых гнусных героев Достоевского он видит в самом Федоре Михайловиче. Он и Раскольников. Он и Иван Карамазов, и Вел[икий] Инквизитор, и Федор Павлович, нет такого преступления или порочных мыслей, которых не навязал бы г. Шестов автору «Бедных людей» и «Карамазовых».

Преступна и «Пушкинская речь» [2], и глупо человечество, обманутое и поклоняющееся гению Достоевского, этого мракобеса и гасителя правды, прогресса и добра,— этого преступнейшего из смертных и т. д., и т. д.

А «Мертвый Брюгге» и «Выше жизни» Роденбаха — ты прочти: узнаешь новый тип писателя-лирика.

[...] Ежедневно и обильно работаю, шедевр выливается за шедевром. На днях кончаю «Усталых» и думаю начать после недельного перерыва — «На земле мир, в человецех благоволение». Тема тоже старая и давно намеченная: где-то на «Рапирной горе», в «Анзерском скиту», на севере, у Студеного моря, живут божие люди, старцы. Вот они сидят трое, ведут тихие речи,— перед ними лес, а там за ними светлое озеро, а еще дальше, совсем далеко — голубая мгла, то горы. Мирно, неспешно живут божие старцы. Кругом их в лесу поют птицы, прыгают лесные звери, вот совсем близко выбежала на них лиска — лиса, значит. Не боится она старцев, и им она не помеха, смотрят на божию тварь — улыбаются. Таково прекрасно сотворен рай земной, воистину — «В человецех благоволение»!..

Видишь, какая тема давняя и вечно юная — вот и надо около нее походить, а там, если грехам бог потерпит, и к «Христианам» подойти.

Пиши, что и где увидишь, побывай на Союзе, у передвижников и т. д.; и позабыл было тебе сказать два слова о «Девушке» или «русской Венере» Коненкова. Вот великолепное русское создание! Едва ли не гениальное и, во всяком случае, лучшее, что сделано русским скульптором за громадный промежуток времени. Однако мы и тут верны себе — статуя Коненкова (дерево) еще никем не куплена. [...]

Грабарь не берет ее потому, что Коненков «не их прихода». Вот когда тысячи раз пожалеешь, что нет в живых Третьякова и мы живем в безвременье.

448. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 18 сентября 1915 г.*

[...] 14 сентября скончалась в Кисловодске Мария Павловна Ярошенко. Она хворала давно (грыжа), жила долго. Она была до последнего времени бодрая, живая, деятельная старуха. Ушел из жизни прекрасный образец женщины-друга, знавшей на своем веку много самых выдающихся людей, бывшей с ними в самых лучших отношениях,— Достоевский, Тургенев, Л. Толстой, В. Соловьев, Короленко, Гаршин, Менделеев, Кавелин, Крамской, Ге и все выдающиеся передвижники лучшего времени бывали у них, пользовались их гостеприимством, лаской, участием. Оба Ярошенко были редкой красоты люди. Одним из последних друзей М. П-ны был покойный митрополит Антоний, очень любивший ее. Умерла М. П. окруженная большой заботливостью. Ольга, которую она особенно нежно (и пристрастно) любила, была около нее в последние дни день и ночь. Я назначен, кажется, одним из душеприказчиков М. П-ны. Придется ликвидировать ее имение в Кисловодске (его покупают сейчас за 200 000 рублей под санаторий). Картины Ярошенко и его современников пожертвованы покойной в музей, кажется в Полтаву [1]. Таким образом, не невероятно, что мне придется побывать и в Питере, и в Кисловодске.

Вчера в Питер по делам Земского союза выехал недели на полторы-две Виктор Николаевич Шретер. Он будет у тебя (позвонит тебе), и ты прими его, как мной очень любимого человека.

449. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 10 октября 1915 г.*

Твое письмо, Александр Андреевич, получил сегодня, сегодня же с утра я начал своих «Христиан», или «Верующих», красками, а потому твое поздравление и пожелание принимаю с особым удовольствием и благодарностью. Приведет ли Бог увидать окончание картины — появление ее перед российской публикой — неведомо, но работаю я с огромным наслаждением. Картина «выношена» до мельчайших подробностей, а к левой (от зрителя) ее половине все матерьялы собраны, и работа должна в этой ее части идти без задержки. Сегодня подошел к пейзажу, осеннему, приволжскому. Люблю я русский пейзаж, на его фоне как-то лучше, *яснее* чувствуешь и смысл русской жизни, и русскую душу. В левой части картины взята верующая Русь с далеких времен, от князей и царей московских. И, подвигаясь вправо, заканчивается верующими людьми наших дней.

«Процесс» христианства на Руси длительный, болезненный, сложный. А слова Евангелия — «пока не будете, как дети, не войдете в царство небесное» — делают усилие верующих особенно трудными, полными великих подвигов, заблуждений и откровений. [...]

450. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 29 октября 1915 г.*

[...] Не приехал я к Вам к 26-му потому, что не до прогулок было, дома дела по горло.

В хорошее, ясное утро с 8 ч. стою у картины, к 12 $^{1}/_{2}$, совершенно осатанелый, плетусь обедать, и пока не набью брюха, все сидят затаив дыхание.

Обед длится десять-двенадцать минут (на «щи» — три мин., на жаркое пять да на сладкое — две минуты).

Кофе подают в мастерскую, и пьется он на ходу, с палитрой в одной руке, с чашкой в другой. Вот оно, дело-то какое! И жить торопимся, и чувствовать спешим.

Чтобы не обалдеть окончательно, необходимо принять какие-нибудь меры, и числа 10—15 ноября все же придется проехать к вам в Питер. Боюсь, что не пришлось

бы ночевать на вокзале с беженцами — так как слышно, что у вас все гостиницы битком набиты.

Работа пока клеится — самую подвижную, «буйную» часть толпы написал — и стану теперь двигаться вправо к самой «живописной» части картины. Матерьялу хватит до Рождества — не больше. И если будущее лето все будет благополучно, постараюсь запастись остальными этюдами и за осень и зиму вчерне картину написать, а потом три-пять месяцев на просмотр и на суд, снова на Голгофу. И восхождение на эту «символическую» гору будет, кажется, на этот раз куда тяжелей, чем восемь лет назад. Всех почти друзей-почитателей за эти годы я сумел растерять, и они теперь встретят меня таким улюлюканьем, завываньем, как самого матерого волка. И такая перспектива заранее вызывает дрожь во всех оконечностях. Давно я слышал поговорку: «не имей 100 рублей, а имей 100 друзей», но никогда она мне не казалась столь верной, как теперь.

Стал какой-то я «негибкий», тяжелый на подъем, куда ни приглашают — не иду. Вот сейчас подали приглашение от моск[овского] городского головы «пожаловать» в воскресенье в Думу на заседание по поводу сбора пожертвований для русских военнопленных. И конечно, не подумаю поехать, и так довольно часто: зовут — молчу, сижу как сыч на Донской [...]

451. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 10 ноября 1915 г.*

Твою открытку, Александр Андреевич, получил.

В гостеприимстве твоем не сомневался, за него благодарю, но воспользоваться им не собираюсь, потому что в Питере кроме порядочных гостиниц есть сотни «меблирашек», где в случае надобности я и остановлюсь.

Что же касается «несуразно большой квартиры», то я бы на твоем месте предоставил ее под лазарет, ибо в них, слышно, в Питере острая нужда. Отданы под лазарет залы Зимнего дворца, а в твоих «несуразных» гостиных поместилось бы до полусотни кроватей. У нас в Москве под лазареты передан ряд особняков барских и купеческих. Конечно, эта мысль легко осуществима в том случае, если ты уже введен во владение.

Вчера только я кончил второй рисунок для вел. княгини, на этот раз для благотворит[ельных] марок. Календарь же будет в конце ноября выпущен в 100 тысячах экземпляров по 75 к. за штуку, да с этим же рисунком 100 тысяч открыток, да с другим открытки для «однодневного сбора» [1]. Так что в этом году мой вклад в общее дело будет изрядный. Жаль, что все это меня отвлекает от картины. Сейчас я опять стою около нее с палитрой и радуюсь тому, что там происходит.

На днях получил письмо от уфимск[ого] городск[ого] головы и протокол засед[ания] 27 октября Уфимск[ой] городск[ой] думы, из коих узнал, что земляки почтили меня единогласным постановлением избрать «почетным попечителем» музея, наименовав его моим именем. Кроме того, постановлено как в музее, так и в зале заседаний Городской думы повесить мои портреты. Не надо говорить, что все это мне было приятно и того приятней было бы моим старикам.

Здесь на днях открылась кустарн[ая] выставка бабьих тряпок моих киевских знакомок. Много дерзкого, «футуристического», но красивого.

Был ли в Академии на конкурсной выставке? что хорошего? [...]

1916

452. В. В. РОЗАНОВУ *Москва. 26 января 1916 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

Посылаю Вам две вырезки из «Русского слова» со статьей кн. Евг. Н. Трубецкого и коллективным заявлением художников в Моск[овскую] город[скую]

думу о порядках в Третьяковской галерее [1]. Не скажете ли Вы свое слово в «Новом времени» о том, что *грех* городу Москве не исполнять заветов своего почетного гражданина Павла Мих. Третьякова. Завещая Москве и России свой великолепный дар, П. М. Третьяков был до чрезвычайности скромен в своих желаниях, он просил, ставил в условие сохранить лишь полную неприкосновенность галереи, завещал ***не смешивать*** его детище со всем тем, что поступит в галерею после его смерти.

Город такое обещание *дал* и... не исполнил, а санкционировал произвольные действия Грабаря.

Не уподобился ли г. Москва здесь «немцу», не обратил ли духовное завещание П. М. Третьякова в «клочок бумаги»?

Мы полагаем, что думская «прогрессивная» партия с ее ставленниками ведет все к ***юридическому*** спору по духовному завещанию П. М. Третьякова, тогда как следует решать вопрос *нравственный, этический* по отношению воли завещателя и даже — России.

При отсутствии должного контроля Думы у общества и нас, художников, не может быть доверия к беспристрастию лиц, стоящих во главе управления галереи, самовластно вершащих ее судьбы.

Известно же, что «жена Цезаря должна быть выше подозрения».

Скажите, дорогой Василий Васильевич, об этом наболевшем деле, об его нравственной, «душевной» обязательности для всех без исключения. Нам дорого Ваше слово. [...]

P. S. Мое имя, если будете писать, не называйте. Дорого яичко к святому дню. Теперь как раз время для появления такой статьи.

453. В. В. РОЗАНОВУ *Москва. 1 февраля 1916 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

Только что подали «Новое время» и я прочел Вашу статью [1]. Благодарю, это именно то, что следовало «им» сказать. Они, отстаивая своих ставленников, забыли старика Третьякова. Он молчит там в могиле, значит ли это то, что мы, его современники, должны безмолвствовать. Здесь готовится в ответ на наше «стариковское» заявление — заявление теперешних этих собирательных Грабарей. Они сулят, когда явится «Сверх-Грабарь», повыкидать из собранного Третьяковым все то, что не по вкусу им, что они считают ниже своей магазинной мюнхенской «культуры». Грозятся подменить культуру Третьякова этого благородного умницы-самородка — своей культурой «красных фраков», бутоньерок в петлицах и всяческих «премьер».

Вы, как неспециалист-живописец, не могли не сделать некоторых промашек, но они совершенно незначительны. Например, Третьяков делал свое дело главным образом в царствование имп. Александра III. [...] Имп. Александр II был к искусству равнодушен и почтил своим вниманием лишь «Русалок» Конст. Маковского, приобрел их в Эрмитаж. Затем лучше бы было, говоря о приобретениях в галерею, не говорить, что допустимо в старую Третьяковскую галерею приобретение тех авторов, которых покупал сам Третьяков, то есть *нас, стариков*. По-нашему, в оставленную Павлом Михайловичем галерею не следует *ничего добавлять* и все, что совет будет приобретать (и приобрел уже за 18 лет после Третьякова), следует помещать совершенно отдельно, даже в новом здании, если это будет нужно. То, что статья появилась несколько ранее, чем нам казалось,— значенья серьезного не имеет. Она сделает свое хорошее дело, за которое сердечно поблагодарят Вас все, чтущие память Третьякова.

Прошу Вас, Василий Васильевич, из этого письма *ничего не предавать гласности* и благодарю, что мое имя не обозначили в статье. Я «им» и так солоно прихожусь.

454. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 21 февраля 1916 г.*

[...] Я живу — хлеб жую — работаю, большая картина двигается, народ все приходит, толпа растет и движется. Обошел ее краской со всех четырех сторон. Осталось больших фигур девять, да голов с десяток, да «аксессуары» там разные, и если бы весь этот матерьял у меня был, то, глядишь, к маю или в мае я бы вчерне картину и кончил. Теперь же другое дело, — надо ждать весны-лета, понаписать этюды и тогда уже кончать.

Пока картина во многом меня удовлетворяет, есть жизнь, действие, основная мысль кажется понятной (евангельский текст: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся»).

Не удовлетворяет часто меня холст — гипсовый, матовый, он хорош тем, что не чернеет на нем живопись, сколько ни переписывай; но *не* хорош тем, что живопись на нем несколько тускла (хотя и красива). Вот этот холст да еще кое-какие соображения могут меня заставить, написав картину, ее «вариировать» на другом холсте. Ну, да это дело отдаленного будущего, а теперь все идет пока ладно. С маленькими картинками и эскизами как-то тут расторговался. Одну продал в Кишиневский музей, туда же пошел эскиз «Три старца» и еще кое-что на сторону, любителям. Приторговывают и еще, да дорожусь — теперь ведь эскизик мой ценится — 500—700 рублей, — а разве напасешься столько денег!!..

То ли дело в старину, можно было «хорошего Нестерова» иметь за 50—75 руб.

Воюем с Грабарем, что ни день, то заявление в Думу. А Думе этой самой — на наши заявления начхать!

Однако все же похоже на то, что третьяковское собрание от нетретьяковского отделят [1].

Но какие же «монографии» за сим воспоследуют! [...]

455. П. П. ПЕРЦОВУ *[Москва]. 22 февраля 1916 г.*

Многоуважаемый Петр Петрович!

Жена и я благодарим Вас за книги. О Серовых прочли с интересом, хотя и не все там симпатично. Мало симпатична автор книги [1].

Портрет Вл. Соловьева мне весьма пригодился [2].

Работаю много. Собираюсь в Петроград.

По приезде оттуда хотелось бы с Вами повидаться.

456. В. Г. КОРОЛЕНКО *Петроград (?). 1 марта 1916 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович!

В качестве душеприказчиков покойной Марии Павловны Ярошенко позвольте обратиться к Вам со следующей покорнейшей просьбой.

Одним из пунктов завещания Марии Павловны возложена на нас обязанность учреждения картинной галереи имени Николая Александровича Ярошенко в г. Полтаве. Еще при жизни Мария Павловна передавала нам, что по этому вопросу она имела с Вами разговоры и, кажется, Вы обещали ей свое содействие и даже как будто уже вели предварительные разговоры с полтавцами. Если все это так, то не найдете ли возможным возобновить прерванные переговоры и в то же время указать нам, к кому нам следует обратиться официально: к городскому ли общественному управлению, земству или той или иной администрации Народного дома, при котором Марией Павловной проектировалось учреждение галереи (какой Народный дом? его официальное наименование?).

Рассчитывая на благоприятное удовлетворение нашей просьбы, пользуемся случаем высказать Вам чувства совершенного уважения, готовые к услугам

Н. Тычино
Михаил Нестеров.

457. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 марта 1916 г.*

[...] Ты желаешь знать о художниках «Мира искусства», о их художестве и его ценности.

Ладно: есть худож[ник] Берггольц из «кимряков», в этом году он вошел в академическ[ую] комиссию по покупке картин в музеи. Комиссия в большинстве оказалась «левая», приобрела этого твоего Кустодиева — «Катанье на масленице» в музей. Берггольц остался при особом мнении, написав в протоколе, что «он призван покупать для музеев картины, а не лубки». Августейший президент Академии [1] постановление комиссии утвердила, а особое мнение «кимряка» было истолковано как мнение человека эксцентричного.

Ты человек не «эксцентричный», но, однако, не лишенный черносотенных «начал» — и мне, человеку «прогрессивно мыслящему», надлежит тебя просветить... Попробую...

Меня нимало не смущали и не смущают искания не только «Мира искусства», сообщества довольно консервативного, но и «Ослиных хвостов», и даже «Магазина» (новое, наилевейшее общество) [2]. Не смущает потому, что «все на потребу»... «Огонь кует булат». Из всего самого негодного, отбросов, в свое время и в умелых руках может получиться «доброе».

Придет умный, талантливый малый, соберет все ценное, отбросит хлам, кривлянье и проч. и преподнесет нам такое, что мы, и не подозревая, что это «такое» состряпано из отбросов, скушаем все с особым удовольствием и похвалой.

«Мир искусства» — это одна из лабораторий, кухня, где стряпаются такие блюда. Кустодиев, Яковлев Александр — это те волшебники-повара, которые, каждый посвоему, суммируют достижения других, а сами они, быть может, войдут в еще более вкусные блюда поваров еще более искусных.

«Лубок» — это принятый до время язык, иногда даже жаргон более понятный или забавный, чтобы быть выслушанным, понятым.

Язык Пушкина — это язык богов, на нем из смертных говорят немногие: Александр Иванов, Микеланджело, Рафаэль...

Даже такие таланты, как Суриков, прибегали, чтобы поняли их «смертные»,— к народному говору — жаргону.

Так что ты со своими Вейсами и кимряками был недалеко от «правдочки». И да не смущается твое сердце. Под луной не произошло ничего нового, а жить всякому охота — и Вейсу, и кимряку, а придут «боги», и, может быть, мы с тобой и впрямь их не поймем, обложим их матерным словом и закричим «распни их».

Но не думай, однако, что быть Кустодиевым, притворяющимся рубахой-малым,— так просто. Им, как и Вейсом, надо родиться.

Боги же сходят с Олимпа и не болтают, а глаголят!..

Ну вот тебе и весь сказ! [...]

458. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 27 марта 1916 г.*

Вижу, вижу, что старик не скоро уймется! Вынь да положь ему «исходную точку». А того не хочет сообразить, что сколько «ищущих», столько и «исходных точек». И не больно уж много стоит такой искатель, который заранее все знает, что найдет...

А ты пристаешь с ножом к горлу... к Кустодиеву — скажи да скажи, что он ищет? И удивляюсь, как он еще не послал тебя к черту с твоим любопытством!..

Ищет он внутреннего удовлетворения жажды красоты, а в чем? — *в разном*, в красках, в быте.

Ищут ее в формах, ищут миллионами путей, через постижение личное, рефлективное — отразительное, головой, сердцем, и «сколько голов, столько и умов», и никакого «канона», тем более никакого «дважды два четыре» в поисках ни у кого нет. [...]

Вот ты на Союзе испытал тяжелые минуты — поколебалась твоя твердость, стал одолевать тебя враг рода человеческого — купить или не купить пейзаж Виноградова... сотворил крестное знамение — оставил тебя лукавый, вернулся ты домой цел и невредим, без пейзажа... А бес стал приставать к самарскому купцу-мукомолу [1], и тот купец не выдержал — купил пейзаж, купил много еще разных картин в Питере, а приехал в Москву — забрался на Донскую, и здесь был снова искушаем и купил у Нестерова «Раба божьего» [2] за... 3000 руб. и увез его в Самару, а тот Нестеров с сентября наторговал с осени тысяч на десять.

Вот оно что, все это на твоем «философическом языке» называется суетой сует, а по-нашему — все это есть «жизнь» и в ней все на потребу, на потребу и мукомол самарский. Приедет он на Волгу, да музей выстроит, да подарит его народу, и скажут мукомолу люди добрые спасибо, и враг будет посрамлен.

Так-то, душа Тряпичкин.

459. Д. И. ТОЛСТОМУ

Москва. 28 марта 1916 г.

Глубокоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Благодарю Вас за письмо Ваше и приложенное при нем заключение о картине моей «Пр. Сергий» реставратора г. Богословского.

Мнение специалиста было знать особенно интересно, но, к сожалению, ни объяснение г. Богословским причин порчи картины, ни способ ее сохранения на будущее время не кажутся мне достаточно убедительными, и вот почему.

Картины «Пр. Сергий» и «Св. Димитрий царевич убиенный» (прекрасно сохранившийся) начаты и кончены мной *одновременно*, одновременно они и были выставлены — «Св. Димитрий» на Передвижной выставке, «Пр. Сергий» на выставке «Мир искусства».

Писаны обе картины *одинаковыми* красками, которыми я пишу около тридцати лет, но на разном холсте.

Ни лаков, ни ультрамарина я не употреблял и не употребляю.

Все картины, написанные мною за тридцать лет, по общему признанию, хорошо сохраняются, мало темнеют и т. д. Я приписывал это тому, что всегда писал и пишу *сразу, не прибегая к лессировкам* с белилами и без белил. Приемы и техника письма у меня давно установившиеся, и ни на одной картине или образах никаких дефектов я не знаю.

Иногда попадается холст, который отдает краску слоями; на таком холсте написанным оказался и «Пр. Сергий», и потому он в свое время был переведен реставратором Сидоровым на другой холст, после чего им же был покрыт лаком. Поэтому я думаю, что вторичное покрытие лаками едва ли необходимо и может спасти картину от дальнейшего разрушения.

Сейчас в Петрограде находится реставратор Крайтор (адрес его — квартира директора императорских театров Теляковского). Я бы просил Вас, граф, распорядиться пригласить его, а также опытного химика. И если не будет найдено причин более веских, чем приводимые г. Богословским, а также не найдется способ охранить картину от дальнейшего разрушения, то я и на этот раз могу лишь предложить сделать с нее повторение.

460. В. К. МЕНКУ *Москва. 6 апреля 1916 г.*

[...] События огромной важности сменили наш мирный быт.

Сейчас наступает час, когда всему югу и северо-западу предстоит огромная мировая роль. Там у нас разовьются бои необычайной силы и, как знать, может быть, решат судьбу Европы.

Вчера взят Трапезунд.

В зависимости от событий у вас на юге и мы устроим свое лето. Если Вильгельм побежит, то мы поедем на хутор. Если нет, тогда в Абрамцево.

Удастся ли Вам пожить на вашей дачке?

Война с Грабарем не закончена, но все же много шансов, что все наши волнения будут напрасны и Дума утвердит все его беззакония, ибо она первая их допустила. На этих днях будет нами напечатано заявление, подписанное девятью обществами, протестующее против постановления «Организационной комиссии», которая не признала ни юридического, ни морального обязательства по отношению к завещанию П. М. Третьякова!

В конце апреля думаю снова побывать в Питере, вероятно, буду и на заседании Академии. Вместо Сурикова в собрание Академии, кажется, пройдет Архипов.

Что-то поделываете Вы? удастся ли поработать картину?

Я всю зиму писал большую картину, записал больше половины, сейчас примусь за этюды для нее к осени.

Что работает А. А. Мурашко? видите ли Вы его? [...]

461. В. В. РОЗАНОВУ *Москва. 28 апреля 1916 г.*

Дорогой Василий Васильевич, возвратившись из П[етрограда], нашел Ваше письмо и портрет. Портрет похож, а приписка характерна — розановская. Спасибо Вам и за то и за другое. Ольга благодарит за привет и просит передать от нее Вам и всему семейству Вашему ее поклон. В воскресенье еду в Троицу и передам Ваше письмо о. Флоренскому.

Здесь, в Москве, без меня, слышно, был интересный доклад кн. Ев. Трубецкого о старой русской иконописи. Мы, художники, продолжаем бороться с самоуправством Грабаря. Сейчас иду к Новоселову слушать Дурылина о Лескове.

462. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва. Апрель 1916 г.]*

[...] Умер старик Прахов, этот талантливейший язычник,— дом его в Киеве был моим «университетом». Там перевидал я и переслыхал многое множество интересных людей, мыслей и чувств («чувств», как всегда, у меня — больше всего).

Как знать, может соберусь, так напишу в «Новом времени» о старике,— тогда прочтешь. Подбивают [1].

463. В. В. РОЗАНОВУ *Абрамцево. 28 мая 1916 г.*

Дорогой Василий Васильевич!

Прочел в «Новом времени» напечатанным свое письмо о Прахове. Искренне благодарю за содействие в этом деле.

Хотелось и помянуть старика, и вспомнить кое-что из давно минувшего.

Прахов был, как и многие, грешником, но наличность доброго, полезного и прекрасного, им содеянного, превышала во много раз то, о чем так охотно люди болтали о нем при жизни.

Его талант, образованность, энергия были исключительны. В свое время это был обаятельный человек.

Как Вы с семьей устроились на лето? Каково здоровье Варвары Дмитриевны?

Я на этот раз живу в мамонтовском Абрамцеве в 12—15 верстах от Троицы (Ярославская ж. д., ст. Хотьково).

Вероятно, буду время от времени видеться с кружком Новоселова. Они — народ хороший, правильный. [...]

Радостно поздравляю с победой.

464. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 11 августа 1916 г.*

[...] Картину за этот свой недельный приезд в Москву сильно двинул. Написал почти весь первый план, и он ожил. Теперь дела осталось (кроме четырех-пяти этюдов) месяца *на три*. И если все будет благополучно, перед рождеством покажу картину. Сейчас она передо мной и радует меня. Такая большая, русская, волнующаяся. Все еще не могу остановиться на названии: 1) «Христиане», 2) «Верующие», 3) «На Руси», 4) «Алчущие Правды» и, наконец, 5) «Душа народная» (или «народа»).

Ну, да это не суть важно, была бы картина написана, а название умные люди придумают, им в охотку будет. [...]

465. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 ноября 1916 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Вот я и опять дома [1]. Чувствую себя пока *ладно*, принялся работать, ежедневно езжу в Оружейн[ую] палату. Сегодня писал «шапку Мономаха». В ней позировал мне хранитель Ор[ужейной] пал[аты] Трутовский (сын художника), а держава позировала самостоятельно. Эти предметы дивной работы сохранились неприкосновенными. Завтра буду писать знамена. Потом «воеводу», бармы и кое-что еще. Надеюсь к 1-му управиться *с этюдами совсем*, а после первого развернуть картину, и если можно будет ее работать, то к новому году вчерне ее закончить.

Третьего дня собрались у нас художники, набралось народу человек шестнадцать — и в качестве рождественского «гуся» был Малявин (он хочет сделать еще мой портрет). Вот образец истинного варвара в стадии благополучия, успеха. И смех и грех. Хитрый русский мужик, юродивый, наивный хвастун и откровенный невежда. Все слелось воедино. Такой винегрет, такой махровый букет российского самородка!.. В этом году, вероятно, Малявин выступит в Союзе.

Вчера был старый генерал Жиркевич — поэт, судья, гуманист в духе д-ра Гааза. Проговорили часа три, до этого времени лет семь переписывались. [...]

466. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 8 декабря 1916 г.*

Твоя позиция насчет Викт. Васнецова правильна. Это *художник* — и большой! Если бы он написал только «Аленушку», «Каменный век» и алтарь Владимир[ского] собора — то и этого было бы достаточно для того, чтобы занять почетную страницу в истории рус[ского] искусства. Десятки русских выдающихся худож[ников] берут свое начало из национального источника — таланта Викт. Васнецова. Не чувствовать это — значит быть или нечутким вообще к русскому самобытному художест-

ву, или, хуже того, быть недобросовестным по отношению своего народа, его лучших свойств, коих выразителем и есть В. Васнецов, может быть грешный лишь в том, что мало учился и слишком расточительно обращался со своим огромным дарованием.

Относительно Нестерова тебе (как и мне) мешает мыслить и особенно говорить вслух его *близость* к нам с тобой... Однако Нестеров все же может быть назван тоже художником. Менее одаренный, чем В. Васнецов, он, быть может, пошел глубже в источник народной души, прилежно наблюдал жизнь и дольше, старательней учился, не надеясь на свой талант, как Васнецов, он бережней относился к своему и все время держался около природы, опираясь во всем на виденное, пережитое.

Надо полагать, большая картина положит окончательное разделение Нестерова и Васнецова,— и это не будет к умалению ни того ни другого.

В картине остается написать еще три фигуры и две-три головы, и тогда ее можно будет показывать, а вместе с тем и корректировать.

В январе надеюсь «открыть» свою мастерскую.

Сейчас в Москве огромный спрос на художество и особенно на некоторых из художников, которые не заваливали (как, например, я) «рынка». Недавно моя вещь, которую я на выставке своей десять лет назад ценил в 1200 р., а позднее продал за 3 тысячи, перепродана за 6000 р. («Мечтатели»). Затем вариант «В скитах», проданный в начале войны в Кишиневский музей за 1500 р. — сейчас ушел (с этюдом) за 5200 руб., и заказан вариант трех старичков («На земле мир») за 6000 р. (без определения срока). Маленький этюд идет по 300—400 рублей, эскиз 700—800 р. (раньше 200—300).

Известный присяж[ный] повер[енный] Кистяковский (зарабатывает, говорят, в год тысяч 200—300) будто бы приглашает Щусева строить ему особняк, где предполагается быть «комната Нестерова», которого он теперь скупает где можно. Вот дела-то какие! [1] [...]

467. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 22 декабря 1916 г.*

[...] 20 декабря кончил вчерне свою большую картину. И кое-кому из очень близких показал,— находят, что *я не старею* и как живописец «вырос». Находят картину выше и «Св. Руси», и «Пути ко Христу» (в М[арфо-]М[ариинской] обители).

Теперь ожидаю раму, и тогда можно будет ее показать москвичам. (Жаль, что мала мастерская и нет должного отхода.)

Полагаю, что для окончания довольно будет двух-трех недель, и тогда «хоть на выставку». [...]

Кстати, о выставках. Они открываются одна за другой, и я, в качестве, очевидно, «маститого», на все получаю «почетные билеты».

Передвижная слабая, как давно не было. Очень нарядная — Союза. Очень любопытен Малявин [1]. Продажа идет бойко, в день открытия «покупатель» становился в очередь и продано тысяч на 60—70 (на Передвижной — на 31 тысячу).

468. В. К. МЕНКУ *Москва. 23 декабря 1916 г.*

Дорогой Владимир Карлович!

Шлем Вам и Марусе наши предпраздничные поздравления. Желаем от души в предстоящем году полного здоровья и душевного покоя. Желаем Вам того, что так жаждет вся Родина,— более светлых дней, чем мы переживаем теперь.

Сейчас Москва готовится к праздникам, готовится не по-праздничному, однако жизнь все же кипит. Открываются зрелища — выставки. Я был на Передвижной —

слабой вообще, где есть несколько вещей свежих (Малютин, Юр. Репин, А. А. Мурашко) [1]. Вообще же Передвижная переживает тяжелые дни.

Выбранные члены, за малым исключением,— не помощники. Союз очень наряден, много таланта, блеска; к сожалению, он рассчитан на вкус богатых потребителей и потому не свободен от их вкусов — не всегда высоких.

Жаль также, что Союз избегает молодых сил, полагаясь на «неиссякаемые» свои.

Хорош Малявин, Юон, Виноградов, Крымов [2] и многие другие. [...]

«Торговля» идет бойко, чтобы купить что-нибудь в день открытия — стояла очередь. Вот как теперь у нас живется «бедным» художникам!

Впереди открытие Ученической и «Мира искусства», на последней обычно бывает много молодежи. [...]

Талантов новых, как и всюду, не очень обильно, однако Машков будет отличный живописец.

Что сказать о себе?

Вернувшись из Кисловодска, я много работал над большой картиной, которая вчерне почти кончена. И по получении рамы буду ее показывать.

Что-то ожидает в мире мое новое детище, с которым повозился около десяти лет?..

1917

469. А. А. ТУРЫГИНУ *Черниговский скит. 18 января 1917 г.*

Пишу тебе, старина, из Черниговской, куда меня выгнал Гетье. Замотался я с картиной. Что ни день — то приходится переживать ее сызнова. Желающих видеть картину много. Неохотно ее показываю лишь своему брату-художнику. Из них видели картину три-четыре — всем нравится вещь «по-своему». Но все говорят одно — что *она выше* всего того, что мной сделано за последние десять-двенадцать лет. И за то спасибо!

Скульптор Коненков настаивает, что по такой теме размер нужно взять *втрое*?! (У меня семь арш.)...

Была компания «религиозно-философов» — с проф. Булгаковым, отцом Павлом Флоренским, Кожевниковым и другими.

Эти парили в области недосягаемых высот. В этот вечер много пришлось слышать хороших вещей — на другой день договаривали мудрые речи свои по телефону.

Завтра я буду в 3 ч. в Москве, а вечером будет кн. Евг. Н. Трубецкой — тоже «философ», но другого толка.

В пятницу же народу собирается всякого и будет петь под гусли старые былины Колосов, с которым я познакомился на докладе его в Археологическ[ом] институте и который вызвался сам у меня быть с гуслями.

В институте во время перерыва неожиданно меня чествовали, что напомнило мне давно прошедшие последние дни моей выставки в Питере.

Изредка это и забавно, и приятно.

Так или иначе, но когда настанет час картину выставить — мне придется выслушать всякого,— едва ли она поддастся «замалчиванию», столь излюбленному способу моих будущих врагов (не будь я такой, какой есть,— эти враги были бы все моими «друзьями»). [...]

Я сам выеду из Москвы еще не знаю когда, хотя и не невозможно, что и в это воскресенье (22-го), и, полагаю, не позднее 28—29-го. Здесь у Черниговской славно, отдохнул я и телом и душой. Мороз 26 градусов. Темный еловый бор под снегом — и каждое-то дерево мне тут знакомо. Знакомы и люди, среди них есть и хорошие.

470. В. К. МЕНКУ *[Москва]. 24 февраля 1917 г.*

[...] Выставки здесь (все без исключения) имели небывалый успех, все на них было продано, и деньги платили, говорят, бешеные.

Новый меценат пошел — это «герой тыла». Слышно, покупает этот меценат не в розницу, а гуртом, целыми галереями, собраниями и, недолго думая, так же все купленное перепродает, наживая большие деньги [1].

Недавно похоронили Цветкова, оставившего хорошее собрание рисунков и картин г. Москве [2]. Почтенный был деятель, хотя и тяжелый в сношениях.

Художников вижу не часто. Все мы стареем, а как это «приятно», Вы по опыту знаете. [...]

471. В. Е. САВИНСКОМУ *Москва. 20 апреля 1917 г.*

Дорогой Василий Евменьевич!

Сегодня прислали мне доклад собр[ания] Акад[емии] худ[ожеств] от 17 апреля.

Не откажите сообщить мне, *не откладывая*,— кого намечают правые и левые в президенты, вице-президенты и секретари?

Я послал на собрание свое письмо, в коем предлагаю выборы отложить до Учредительн[ого] собрания, теперь же ограничиться выбором временных президента и вице-през[идента].

На первую «роль» называю Вл. Е. Маковского, на вторую Г. И. Котова.

Меня поддержали некоторые москвичи. Напишите, как на это дело взглянули петроградцы, кого, повторяю, намечаете *Вы*? и кого они?

По получении сейчас же займемся агитацией и Вас постараемся поддержать.

Буду ждать скорого ответа.

472. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 6 октября 1917 г.*

[...] Лето прошло сносно. Жили в Абрамцеве, много работал, написал двойной портрет ваших философов-богословов от[ца] Павла Флоренского и проф[ессора] Булгакова. Сейчас пишу архиеписк[опа] Антония (Храповицкого), возможного патриарха всероссийского [1]. В конце месяца надеюсь уехать в Кисловодск.

1918

473. И. Е. БОНДАРЕНКО *Москва. 9 сентября 1918 г.*

Посылаю Вам, дорогой Илья Евграфович, четыре места — сундук большой и сундук малый и два ящика — один с посудой, другой с книгами.

Все это прошу устроить так, как Вы предлагали при нашем последнем свидании. Шесть картин (а не пять, как Вы пометили в сопроводител[ьной] записке) вчера отправлены мной в музей Бахрушина и приняты там на хранение под расписку.

Еще раз благодарен за дружеское содействие [1]. [...]

1920

474. В. К. МЕНКУ *Москва. 21 ноября 1920 г.*

Дорогой Владимир Карлович!

Как давно мы не имеем от Вас весточки, хотя и знаем, как живется вообще сейчас в Киеве. Какая уйма событий протекла за эти два года, как мы с Вами последний раз виделись.

Ваши письма в Армавир [1] мы получали и вовремя отвечали Вам. [...]

Москва сильно за два года изменилась, нет торговли и всего, что сопровождает ее,— вывески, магазины, верхние Торговые ряды и проч. не существуют. Нет семи тысяч деревянных домов, снесенных на топливо, нет заборов, сады обнажены и т. д.

Своих я нашел целыми и невредимыми. Нашел очень милую внучку [2], но чего не нашел — это всего того добра, которое накопилось в продолжение тридцати лет. Пропали и все эскизы, рисунки, но картины и этюды, бывшие на хранении в музеях, уцелели, и это мое все достояние [3]. Слава Богу, что хотя оно-то осталось!

Теперь мои друзья хлопочут мне паек — этот «Станислав 1-й степени». Его не имеют и такие «генералы», как Викт. Мих. Васнецов, К. Коровин и др. Все они постарели и пишут, пишут, пишут! благо цены на товар стоят высокие.

Третьяковская галерея пополнилась новой залой крайних течений (взамен «иностранцев», сейчас убранных или взятых на особую выставку). Много открылось новых картинных галерей: Морозова, Остроухова, Цветкова, Леве и других.

Много наставлено памятников [4]. Увы! очень плохих. Исключение составляет «Разин» Коненкова, сейчас убранный с Красной площади в музей Леве.

Я понемногу втягиваюсь в работу, написал кое-что из давно задуманного [5], но работать трудно: нет красок. Живу пока у своих [6]. Приглашают к Троице, дают там большую комнату. Зовут в Ярославль, но, вероятно, останусь до весны в Москве.

А весной, в мае, жив буду, поеду в Абрамцево, а там и мои подъедут из Армавира, где они и сейчас. Екатерина Петровна там служит, много работает, ее там отметили, охотно всюду выбирают представительницей от школы. Наташа кончает гимназию, Алеша в четвертом классе. Письма от них имею часто и очень скучаю без семьи.

Напишите, дорогой Владимир Карлович, как живете Вы? Как здоровье Ваше и Маруси? Напишите, что и как живут наши общие знакомые? Напишите о Праховых (их адрес тот же). Что делается в ваших «Академиях» и проч.

Много художников поумерло. Не стало А. Н. Шильдера, Вл. Е. Маковского, Залемана, Беклемишева, Творожникова. Репин в Куоккала, стал миллионером, продавая свои произведения из Финляндии за границу.

Много бы можно написать Вам, но, памятуя, что слово серебро, а молчание золото,— умолкаю. Буду ждать от Вас весточки.

1921

475. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 5 февраля 1921 г.*

Дорогая Маруся!

Пишу Вам под впечатлением известия о кончине дорогого Владимира Карловича, сообщенного мне М. А. Мурашко. Мир душе его! Славно, добро зело совершил он свой земной путь. Любил он все прекрасное, от человека и его деяний до природы и искусства. Добрую память он оставил по себе в нас, оставшихся здесь. Вам известно было, как высоко я ценил обоих, ныне покойных родителей Ваших. С их именем

у меня, да и у Екатерины Петровны, связаны многие лучшие воспоминания о Киеве. С самых ранних наших встреч, еще в Москве, и до последнего свидания светлый образ Владимира Карловича был мне дорогим и любезным. [...]

Как Вы предполагаете поступить с квартирой и со всем тем, что осталось после Владимира Карловича?

Вы, вероятно, знаете, как высоко сейчас расцениваются предметы искусства, в частности живопись и в особенности некоторые авторы, как Репин, Крамской, Шишкин, да должен на всякий случай сказать, и мои вещи. В Москве идут произведения искусства по безумным ценам (правда, деньги сейчас немного стоят). Однако, мое мнение, именно теперь не следует без особой нужды спешить продавать картины, этюды и прочее. Цены, во всяком случае, не будут падать, и если они будут меняться, то в соответствии с изменением рубля. Равно мое мнение не спешить сейчас с посмертной выставкой Владимира Карловича, и лучше будет сейчас убрать со стен, снять с подрамков все то, что для Вас особенно дорого, оставив на них наименее стоящее.

Относительно Вашего предложения прислать мне краски и прочее — я Вам уже писал (думаю, что это письмо Вы получили). Я очень благодарю за Ваше предложение и повторяю, что наиболее необходимы мне кобальты — голубой и зеленый, как и вообще зеленые цвета, как поль-веронез темный, перманент и прочие, цинковые белила, масло маковое или льняное, хорьковые или колонковые кисти (и акварельные), бумага для акварели — белая или цветная. Причем прошу Вас, Маруся, пересылать все, что Вы вздумаете, только с верной оказией. Также прошу Вас оценить посылаемое, так как все, что касается художественных материалов, теперь очень дорого ценится. А я не хотел бы пользоваться предлагаемым Вами в такое тяжелое время безвозмездно. [...]

476. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 5 июня 1921 г.*

Здравствуй, старина!

На днях мне передали в деревню твой запрос в галерею, и вот я, после почти четырехлетнего перерыва, снова пишу тебе... Так много произошло за это время неожиданного, так переменилась наша, и моя в частности, жизнь, что не знаешь, с чего и начать. Попробую, как встарь, начать с начала и кончить... концом... Лето 17 г. мы всей компанией провели в Абрамцеве. Я написал двойной портрет Флоренского и Б[улгако]ва, а в начале сентября мои уехали в Армавир к брату Е. П. подкормиться. Там жизнь шла правильная: Кубань ломилась от хлеба и всяческих надежд, после их отъезда я начал портрет м[итрополита] А[нтони]я. События шли своей чередой. Москва была в дни всероссийского церковн[ого] собора покорена под нози Советской власти. Нас стали выселять из домов, квартир. Я, как художник, держался дольше других на своем Новинском. Затем наш дом был занят Реввоенсоветом, и в моей квартире расположилось юрисконсульство Совета. Я был внедрен в мастерскую, перевезя картину и этюды в Истор[ический] муз[ей], а часть имущества к земляку [1] в его особняк (сам земляк оказался в президиуме Коллегии по охране памятников старины и вообще проявил неожиданные таланты). Я жил среди ящиков и всякого своего скарба по отъезде моих на Кубань еще год на Новинском и, наконец, в октябре выехал с одним из «державных» украинских поездов — сначала в Киев, а потом на Кубань за своими. Квартира или, верней, мастерская была под надежной охраной с мандатом т. Склярского оставлена за мной. На нее мной, как на все мое имущество, сейфы и проч., дана была доверенность Викт[ору] Ник[олаеви]чу (все ключи тоже), и я покатил туда, где еще хозяйничал гетман... [...] Наконец приехал в Армавир. Меня не ждали — все были после болезней: тифа, испанки и проч. (не переписывались месяца три). Дон и Кубань в это время были заняты добровольцами, и мы от Москвы отрезаны больше чем на год.

Жилось там сытно. Летом я был в Железноводске, Кисловодске. Потом всей компанией поехали к морю, в Туапсе — купались, отдыхали... Осенью я опять ездил

туда, работал, а в конце ноября поехал в Кисловодск по поводу имения Ярошенко. Там заболел воспалением легких и едва уцелел. Приехала Е. П., вызванная телеграммой, и едва вставшего на ноги увезла в Армавир, где я и поправлялся. В 1920 г., в марте, город был взят советск[ими] войсками, и скоро все стало дорожать. В июле я выехал из Арм[авира] в Москву, где меня считали одни — умершим, другие — виденным на берегах Арно. Еще в Армавире я узнал, что квартиру, верней мастерскую, в мое отсутствие реквизировали (все, что было в Моск[овском] Куп[еческом] б[анке], еще при мне «аннулировали»). Оставались два сейфа в неизвестности. В Москве я узнал, что дом земляка, когда он уехал устраивать мою коллекцию (она тоже хранилась в Истор[ическом] муз[ее]) в Уфимский пролетар[ский] музей, его дом в Москве был разграблен и там погибли все те ящики и сундуки, которые были даны ему на хранение. Там погибла вся библиотека с книгами большой ценности, многие — с автографами, также все *рисунки* — материал за 30 лет работы. Друзья приступили к розыскам, но они *не* увенчались успехом. Кроме того, я узнал, что оба сейфа тоже погибли. Там много ценного, все медали, весь архив семейный, масса дорогих писем. А в мастерской, во взломанных столах пропали ценные маленькие эскизы — мысли и все добро, собранное за жизнь. Все попытки что-нибудь найти, повторяю, не привели ни к чему, если не считать остатков мебели — в самом жалком виде мне вернули недавно... Надо сказать, что все советские учреждения с выдающимися деятелями старались исправить дело, но тщетно. [...] Теперь, кроме ящика с картиной и этюдами, у меня ничего не осталось — я гол как сокол! Так, как был лет 35 тому назад. Только тогда была молодость и надежды... Такова была воля Божия! Недаром я так много грешил, надо же было проучить, надоумить, и все случившееся в этом смысле принесло результаты благие!

Ну, вот! теперь скажу про семью... Е. П. четвертый год как служит в Армавирск[ой] гимназии, заменяла там начальницу, была последнее время председательницей месткома и проч. и проч.

Она оказалась очень деятельной, и ее очень все ценят. Наталья кончает гимназию, Алексей в 5 классе. Наталья энергичная, живая — «дядя Наташа»... Алексей огромный «дредноут», благодушный, ленивый (однако дрова колет и пилит с матерью) — он зовется «тетей Алешей». Всю эту компанию со дня на день жду сюда с тем, чтобы они отдохнули в деревне лето, а осенью — за дело. Сейчас я живу в деревне у приятеля худ. Бакшеева, который «крестьянствует». Мне он отдал свою отличную мастерскую. Зиму и в свои наезды сейчас в Москву я живу у Шретеров. Он профессорствует — гоняет из (*нрзб*) десятки верст, а она сидит на Смоленском «пляже» (рынок — Сухаревка!) и торгует нестеровским добром, которого еще изрядно. [...]

Вера [2] вышла замуж за кончившего университет некоего Квятковского, малого бойкого, но не очень крепкого. Сейчас он проходит железнодорожный стаж на Кавказе, там же с ними и мать Веры. Михайло умер от сыпняка в Казани, когда был курсантом [3]. В общем, всем сестрам досталось по серьгам...

Я постарел, но много работаю, еще порох есть. Затеваю портрет с одного из замечательных наших ученых-философов [4]. Задуманы и две ответственные картины (портреты, писанные в 17 году, просят продать в Третьяк[овскую] галерею). Посмотрим, как сложится в смысле работы лето, какой в руках будет матерьял, соответственно с этим и распределю свою осень и зиму. Жить, конечно, нелегко (мы с Васнецовым — без пайка и нигде не служим). Ты спросишь, почему тебе не писал,— *не помнил твоего адреса*, забыл № дома. Встретил как-то здесь твоего знакомца, нынешнего полезного деятеля Пунина-Бабурина [5], он сказал, что ты жив и здоров, но адреса твоего и он не знал. Так я и не писал тебе. Теперь дело за тобой. Поведай, как ты устроился, на каких ролях — художник, комиссар? С пайком, без пайка? Словом, заполни мне «анкету» на современные вопросы. Если бываешь в Эрмитаже и в музее А[лександра] III, напиши, что там. (Не узнаешь ли от моего имени от Нерадовского, *где моя «Св. Русь»? в Питере или в Харькове?*).

Ну, пока довольно. Пиши в Москву, на Сивцев Вражек, д. 43, кв. 12, оттуда перешлют в деревню. Пиши обо всем и о себе подробно.

477. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 7 июля 1921 г.*

Здравствуй, старина! Твое письмо получил и вижу, что ты, пройдя школу на Караванной, духом не падаешь и в поте лица зарабатываешь хлеб свой... Ну, конечно, и то слава Богу, что «предки» позаботились оставить тебе Гарднера и Попова [1] и эти последние помогают тебе в черные дни. Что же касается «Нестерова», то ты тут впопыхах распорядился не так, как надо бы: «Петю» надо бы пристроить в музей, ибо это история, а «Макарта» и «Сказку» [2] спустить в первую голову, как и «Выбор невесты». Не знаю, что тебе дали, но цены на Н[естеро]ва здесь очень высокие, почти так же, как на Левитана, Серова, Сомова, ибо его, Н[естеро]ва, «на рынке» мало. Писал ли я тебе, чтобы при случае узнал в Русск[ом] муз[ее], там ли «Св. Русь», как говорил мне здесь Исаков, или же в Харьковском музее? Разузнай, не поленись.

Неделю тому назад приехали мои из Армавира. Е. П. не изменилась за год, а дети выросли, особенно Алексей — он больше меня, «дредноут», как его звали в гимназии, выросла и Наташа, она недурна собой, кончила гимназию и сейчас хочет готовиться (два нулевые класса) на медицинские курсы. Сейчас вся компания уехала в деревню к приятелю Бакшееву (он крестьянствует) на отдых и «на страду» (сенокос). [...]

Сейчас больны и «Штоль и Шмидт» [3]. Первый болеет больше месяца — плевритом, был я у него — лежит старый, в заплатанных штанах, второй тоже лежит и пишет тебе эти строки. Тут пронесся слух, что обоим — и Шт[олю] и Шм[идту], а также Косте Кор[овину], Архипову положено дать академический паек, но слухи эти едва ли не преждевременны. Вот еще что, чтобы не позабыть,— нашу сорокалетнюю переписку (если цела она) прошу тебя в свое время передать *Екат[ерине] Петровне полностью.* Ну, что еще тебе сказать?! Дух мой бодр, как и в старину, тело же становится немощным. А жаль! еще хочется поработать, написать одну-две вещи, которые в голове уже «образуются» (особенно «Распятие»). [...]

478. А. А. ТУРЫГИНУ *Дубки. 10 августа 1921 г.*

Пишу тебе, Александр Андреевич, из деревни, куда переехал недели полторы и уже начал работать, писать этюды и картину «Путник». Содержание ее таково: в летний вечер, среди полей, по дороге идут и ведут беседу Путник и крестьянин, встретившаяся женщина приветствует Путника низким поклоном. Вот и все. Картина невелика — аршина полтора: она одна из нового цикла задуманных, самая небольшая и по размеру, и по содержанию [1].

Перед отъездом у меня были ваши петербуржцы: старый приятель (еще по Риму) проф. Айналов и молодой проф. Сычев, недавно назначенный директором музея А[лександра] III. Сычев был с тем, чтобы добыть материалы к задуманной им моей монографии (якобы — ученый труд) [2]. Он поведал мне, что «Св. Русь» перенесена в музей и там останется навсегда. Она пока остается в запасных залах. Я показывал свои новые работы и эскизы к «Душе народа». Сычев просил, когда настанет час, иметь первым покупателем музей, но, полагаю, много воды утечет, когда этот момент настанет. Предлагал мне для выставки помещение и приглашал в Питер, обещая гостеприимство и проч. О Питере я соскучился, но торопиться не собираюсь.

Перед отъездом же был у меня посланец от патриарха, который выразил желание видеть меня у себя, передал также предложение патриаршее написать образ «Всех святых» и согласие его святейшества позировать мне для задуманного мною сложного портрета-картины. К сожалению, от заказа (по трудности темы) пришлось отказаться, а воспользоваться согласием позировать тоже не скоро придется, т. к. нет матерьялов — красок и проч. Кстати, ты когда-то покупал мыло «гроссами», быть может ты покупал и краски «оптом» и они у тебя *сохнут* без употребления, и ты, может, при оказии со мной поделишься (небезвозмездно) *белилами, кобальтом, кино-*

варью и еще чем-нибудь — маслом, ретушью и т. п. Сообщи об этом в ближайшем письме.

479. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 21 ноября 1921 г.*

Давно собираюсь тебе отвечать, старина! Но заботы о сегодняшнем дне, сутолка, в которой живешь, и проч. отвлекали от такого доброго намерения, и только сегодня, в понедельник, не работая, решил со всеми накопившимися ответами покончить. Пишу несколько писем в Киев, тебе, на Кавказ, а завтра опять за дело, за кисти и краски.

Правду сказать, новостей у нас за это время не прибавилось. Живем скопом одной семьей. Большой радостью для всех — внучка — живая, острая умом и всем любезная, вылитая отец. А отец — великий «спец» по юридическим делам, занят с 10 ч. утра по 12 ч. ночи, а потом работает еще дома до 2, до 4 ч. ночи.

Все мы, и молодые и старые, еще больше постарели, поседели, однако куража не теряем. Недавно с октября я, Викт. Васнецов и Конст. Коровин удостоены академического пайка и теперь поедаем селедки, а после пьем, пьем, без конца пьем — увы! воду, а не шампанское, как пивали в старину...

Работаю я много, сделал повторение «Путника», также с «любимицы публики» — с карт[ины], написанной в 17 г., — «Соловей поет». Однако силы берегу, предпочитая количеству сделанного — его качество и в соответствии с сим уже количество «гонорария». Как и в старину, видаюсь со многими, не забывают и меня добрые люди, теперь, в новом своем положении, я особенно ценю такое к себе отношение, особенно людей выдающихся духовно, умственно. Приглашен на две выставки, на «Мир искусства» и в Союз рус[ских] худ[ожников]. Дал согласие первым, как более проворным, сумевшим опередить вторых [1].

Поставлю старую вещь, переписанное «Чудо», — св. вел[икомученицу] Варвару — тож.

Выставки начнутся с декабря. [...]

1922

480. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 23 февраля 1922 г.*

Сегодня получил твое, Александр Андреевич, письмо, сообщающее о кончине Анны Александровны [1]. Мы оба, жена и я, просим тебя принять наше сочувствие твоему большому горю, к которому ты хотя и был подготовлен долгой болезнью покойной, и все же твое горе надолго, если не до конца дней оставит тебя душевно одиноким. Такова сила любви, сила привычки и новизна одиночества. [...] Хотел бы быть сейчас около тебя, быть может, чем-нибудь мне, старому твоему другу, и удалось бы смягчить твое горе, твою печаль. Пиши чаще, если сможешь. Мы живем в непрестанном труде, заботах о «хлебе насущном». Жена у плиты, варит, жарит, штопает разный хлам — я пишу-пишу... Повторяю одну за другой свои старые вещи, благо на меня есть спрос и платят, по-старому — гроши, по-новому — миллионы. Мечтаю о весне, о лете, и если здоровье позволит, надеюсь в деревне, у Бакшеева, где у меня опять будет прекрасная мастерская, написать 2—3 задуманных *новых* картины и один, задуманный еще в прошлом году, портрет.

Сейчас здесь открылась Передвижная, говорят, слабая, пойду на днях. У нас ранняя весна, то и гляди, что поедут на колесах.

481. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 1 апреля 1922 г.*

[...] Ты давно не писал, и я не знаю, как ты живешь, что делаешь и как себя чувствуешь. Обо всем, не скупясь, напиши: 40 лет, прожитых так, как мы с тобой прожили, дают основание на дружбу и связанные с ней отношения, чувства и прочее...

Все думаю попасть к вам в Питер, но то то, то другое держат меня на Сивцевом Вражке...

Работаю неустанно, переписал без конца повторений и вариантов с своих мелких старых картин.

Однако все же пока что жить можно, так как получаю академический — «семейный» — паек. Затем американцы (АРА) многим из выдающихся ученых, художников, артистов, словом, наиболее неприспособленным к теперешней борьбе за жизнь людям, выдают посылки [1]. Получил и я такую за 2 месяца и, быть может, получать буду такие посылки и еще. Там кроме прекрасной белой муки было сгущенное молоко (40 банок), сало, чай, сахар, маис и еще кое-что... Все это сильно поддержало нас.

Был у меня один из членов америк[анской] миссии — интересующийся умствен[ной] и духовной жизнью русс[ких] людей в настоящих условиях. Он член Христианского союза, человек интересный. Разговор шел через переводчицу, и очень живой, более часу. Потом он прислал мне два письма... Был он и у Викт. Васнецова.

На днях были двое англичан из миссии Нансена [2] — эти исключительно интересовались моим художеством и хотели видеть и знать, «как сейчас живет и работает Н-в», и... узнали.

Это народ нестарый, веселый. Они тоже были с переводчицей, но так как оба они говорили и по-французски, то разговору помогала и Екат. Петровна. Пробыли долго, осмотрели все до мелочей.

Вообще могу сказать, что сейчас, несмотря на скудость матерьяльную, на постоянную угрозу остаться без денег, на каторжную работу Е. П-ны, которая и кухарка, и жена художника Нестерова во одно и то же время (одно другого стоит, не правда ли?), все же круг моих знакомых, надо признать, крайне разнообразный, и умственно и духовно — высокого уровня, и, благодарю Бога, они все ко мне хорошо расположены и все мы часто видимся.

У нас весна, через месяц надеюсь уехать в деревню и начать работать для себя по выработан[ному] плану.

482. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 2 июня 1922 г.*

[...] Подумай — вчера мне пошел *седьмой* десяток. Каково! а давно ли мы с тобой «резвились», пили красное вино и многое другое, и вот... не угодно ли — седьмой десяток...

Я все прихварываю, вот и сейчас сижу третью неделю с бронхитом: ездил к Троице писать весну, сидел, как и 30 лет тому назад, не слезая со стула, часа три, был дождь, сырость, ветер, и вот я опять простудился (зато этюд удался, вышел «молодой» и сильно пригодится для «Пророка»). Так или иначе, на той неделе смогу уехать в деревню (к Бакшееву), где уже 3 недели живут Шретеры и через месяц на смену приедут мои. Вчера кончились экзамены. Наталья окончила гимназию и думает поступить на английские курсы, а Алексей с переэкзаменовками лезет в 5-й класс.

Недавно у меня были важные петербургские гости и много рассказывали о ваших петербургских делах. Славно вы там живете, да и мы здесь не хуже. [...]

Погода все время дождливая, не теплая. Послезавтра троицын день, а там и духов день — памятны они мне: 36 лет тому назад в троицин день умерла моя Марья Ивановна, оставив мне Ольгу...

Много воды утекло с тех пор... Я сделался художником, прожил большую, интересную жизнь, дождался взрослых детей, внучки,— и вот не за горами время, когда

придется переступить порог и познать бо́льшее, главное, а готов ли к этому последнему? — не готов, и боюсь, что готов не буду до последнего момента. И это плохо: все придется пройти наспех, начерно. Между тем каждый из нас знает, как могли и умели час этот встретить наши святые, да одни ли святые, но и наши несвятые предки. Мысли ли о картинах, или суета жизни давно и постоянно отвлекают меня, увлекают меня до забывчивости, и так было всю жизнь, так будет и до последнего часа. [...]

483. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 20 сентября 1922 г.*

[...] Мы прожили лето довольно благополучно, хотя начало и не было таковым: с месяц я прохворал в деревне, а затем начал работать, работал много и всю свою программу выполнил [1], но... не отдохнул и вот сейчас начинаю возиться с докторами, с лекарствами и дал себе отпуск недели на две.

В художественном мире наступает некоторое оживление, но труд наш оценивается чрезвычайно низко. Так, например, вещи Константина Коровина, одного из «любимцев публики», так сказать, «Собинова в живописи», идут по 200 миллионов, и вещи эти неплохие, аршинного размера. Все спекулянты сыты по горло, и им сейчас не до нас.

В январе предполагают поехать с большой русской выставкой в Америку, туда, где много денег или будто бы много охотников до нас. Организаторы — художник Виноградов и некий Трояновский. Выставка предполагается очень большая, в нее войдут многие общества и некоторые отдельные художники. Думаю и я послать дветри вещи. Отбор будет очень строгий [2]. [...]

484. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. [31] декабря 1922 г.*

[...] Сегодня вернисаж выставки Союза рус[ских] худ[ожников]. Я участвую двумя небольшими вещами, одной уже проданной [1]. Вернисаж очень многолюден, наряден (мои были, я не был). Есть неплохие вещи. Старики почти не стареют, хороши Крымов, Бакшеев, Степанов, Виноградов, К. Коровин (он в Берлине, как и Пастернак с Малявиным). Неплохи и молодые — Рыбаков, Зайцев, Захаров. Есть и пошлятинка изрядная, некая «Даная» или «Смерть нэпманам» [2]. Вспомнишь невольно «Тигриц» блаженной памяти Бодаревского. Нового ничего, старое не очень худо. [...]

1923

485. Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ *[Москва]. 29 февраля 1923 г.*

Глубокоуважаемый Эрих Федорович!

Ваше желание я исполнил.

Письмо П. П. Перцову послал.

Думаю, что П. П. согласится написать статью в сборник [1].

Я знаю, что у него много материалов о рус[ских] художниках для его «Истории русского искусства», которую он сейчас оканчивает. К тому же, повторяю, он один из немногих видавших мою большую картину «Душа народа», законченную мной в 1917 году.

Я полагаю, что срок, данный Вами П. П., будет достаточным.

Что касается статьи В. В. Розанова [2], то у меня хранятся два варианта, один — рукопись, другой, сильно урезанный, напечатанный на машинке. Если мне удастся в ближайшее время его перепечатать — я вышлю его Вам. Однако думаю, что купюры могут сильно повредить Розанову, и я, полагаясь на Ваш опытный глаз, прошу не пускать статью в сборник чрезмерно покалеченной.

Если бы Вы нашли нужным поместить снимок с одной из моих *последних* картин, то сейчас одна из них — «Села далекий звон» — находится у Н. И. Нерадовского и могла бы быть сфотографирована Вами для сборника.

486. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 6 апреля 1923 г.*

Воистину воскресе, дорогой Сергей Николаевич!

Так приятно было получить Ваше письмо, приложенное в нем пасхальное яичко, видимо Вами и разрисованное. Спасибо Вам за все. Вашими письмами Вы не только радуете меня, но и балуете своими похвалами. И так хочется, чтобы хоть часть их была мною заслужена, ведь так трудно оправдать добрые чувства к себе друзей.

Георгий Николаевич [1] принес мне для подписи «Монографию», я сделал это, дав краткое заключение о книге. В письме же этом и в ряде последующих, ввиду Вашего предположения писать обо мне (не нужно говорить, с каким доверием я отношусь к будущему труду Вашему), я постараюсь дать Вам материалы, кои еще не были использованы. Их немало, часть их заключается в многочисленных рецензиях, печатанных с появления «Пустынника» и «Видения отроку Варфоломею» до освящения обительского храма, они сохранились у покойной сестры моей Александры Васильевны. Часть же материалов может состоять из воспоминаний о моем детстве и последующей жизни, наиболее заметных моментах моего творчества, а также о людях и событиях, способствовавших моему художественному развитию и деятельности.

Первая часть материалов, пока Вы в «Челябе» [2], для Вас недоступна (разве можно будет прислать некоторые дубликаты статей), но их я постараюсь возместить в своих письмах тем, чего нет и не могло быть в газетных статьях.

Еще недавно, будучи в С.-Петербурге, мой старый друг А. А. Турыгин (двоюродный брат композитора Глазунова) заметил мне, что в монографии С. Глаголя почти ничего не упоминается о моих родителях, и винил в этом меня. (Турыгин имеет в руках несколько сот моих писем за сорок лет нашей дружбы, сейчас он их сортирует и на днях еще прислал мне предисловие к будущему изданию их — когда?). Чтобы загладить невольную, может быть, вину свою, постараюсь в письмах к Вам возместить этот пробел, дам Вам несколько характеристик моих «предков».

Род наш ведет начало из Новгорода Великого. Крестьянами предки мои переселились на Урал, где и оказались позднее крепостными господ Демидовых владельцев знаменитых заводов.

Дед мой Иван Андреевич, видимо, был человек богато одаренный, родители его, получив вольную, отдали его в Уральскую семинарию, что по тем временам было редкостью для крестьян. Позднее Иван Андреевич занялся торговлей, но не торговля была его призванием, его, видимо, тянуло к административной деятельности. Он был назначен уфимским городским головой и в этой должности оставался двадцать лет.

В нашей семье сохранилась фраза, будто бы сказанная знаменитым в те времена генерал-губернатором Оренбургского края — Василием Алексеевичем Перовским, посетившим Уфу. Перовский, довольный благосостоянием города, сказал деду:

— Тебе, Нестеров, быть бы головой в Москве!

И спустя много времени уфимцы сохраняли в памяти тот порядок, который был при Иване Андреевиче Нестерове, ставя его в пример администраторам позднейшим.

Дед был великий хлебосол, это у него-то и ставили «Ревизора», «Купца Иголкина» и многое другое.

В сильно драматических ролях имел чрезвычайный успех дядя Александр Иванович, видимо, с истинным артистическим призванием. От его игры многие плакали, он

чудесно декламировал, играл на скрипке. Судьба дяди Александра Ивановича совершенно исключительная: имея пылкий характер, обуреваемый благороднейшими порывами, он попал в великую беду. Посланный дедом на Нижегородскую ярмарку, дядя очутился в Петербурге, там в Летнем саду, во время обычной прогулки императора Александра II, передал ему жалобу заключенных в уфимской тюрьме заводских рабочих, следствием чего была высылка дяди в Сибирь, где он и прожил большую часть жизни. В Уфу вернулся стариком, жил в доме моего отца. Я его хорошо помню. Он очень похож был на художника Ге. Много читал, играл на скрипке. Личными его врагами были: папа Пий IX и Бисмарк, героем — Гарибальди. Умер Александр Иванович глубоким стариком.

Один из дядей молодым отправился в Америку и там пропал. Еще один был врач-самоучка, и только мой отец Василий Иванович стал купцом, однако, как понимаю теперь, тоже без призвания к коммерческому делу. Тетушка Анна Ивановна хорошо рисовала, и акварели ее были предметом моего детского восхищения. Всего у деда моего Ивана Андреевича было пять сыновей и три дочери. Мой отец был младшим и любимым.

Я родился в 1862 году от второго брака отца с Марией Михайловной Ростовцевой. Ростовцевы были родом из г. Ельца. Фамилия эта в городе тогда (да и посейчас) была очень распространенная.

Родители матери были с хорошими средствами, вели большую торговлю хлебом — пшеницей и, когда матери моей было лет семь, переселились в г. Стерлитамак Уфимской губ., где в те времена велся большой торг пшеницей. Семья деда Ростовцева была тоже большая, причем сыновья, видимо, были менее удачливы, чем дочери.

Моя мать вышла за отца моего вдового и не в ранней молодости, и разницы в годах между ними большой не было. Отца и мать я помню с самого раннего детства, причем всегда казалось, что первенствовала в семье мать — женщина с непреклонным характером, умная, властная. Она царила в доме, вела хозяйство, дело это любила, и оно шло у ней образцово. Всех детей у родителей было двенадцать, в живых же осталось двое: сестра и я. Сестра была четырьмя годами старше меня, и это чувствовалось при воспитании нашем.

Я не имел сверстников в семье, если не считать мальчиков из нашего магазина. Душа моя, характер слагались как-то сами по себе, без особых влияний, я нащупывал сам то, что было нужно. В детстве особую нежность, заботливость я питал к матери, хотя она и наказывала меня больше, чем отец, а позднее, в юности и ранней молодости, проявляла себя, свою волю так круто по отношению ко мне, что казалось бы естественным, что мои чувства к ней должны были измениться, и правда, они временно утратили свою силу, однако с тем, чтобы вспыхнуть вновь в возрасте зрелом, в последние годы ее жизни, и теперь, стариком, я вижу, что лишь чрезмерная любовь ее ко мне заставляла всеми средствами, правыми и неправыми, пламенно препятствовать моей первой, очень ранней женитьбе, искоренять во мне все, что она считала для меня — своего единственного, как она иногда называла меня — «ненаглядного» — [не]нужным и [не]полезным.

В детстве я помню мать или сидящей у себя в комнатке за работой (она была великая мастерица на всякие мудреные рукоделия), трогательно напевавшей что-то тихо про себя, или в хлопотах, в движении, обозревающей, отдающей приказания в своих владениях, в горницах, на дворе, в саду. Ее умный, хозяйский глаз всюду видел и давал неусыпно себя чувствовать. Особенно прекрасны были годы ее старости, последние годы ее жизни. Около нее росла ее внучка — моя дочь от покойной жены. Вся нежность, которая когда-то, по каким-то причинам, была недодана мне, обратилась сейчас на внучку. В мой приезд в Уфу на праздники из Киева, где тогда я работал во Владимирском соборе, каких задушевных разговоров тогда не велось между нами, каких яств она тогда не придумывала: пельмени, пироги всех сортов и видов чередовались ежедневно.

«Пустынник» и «Видение отроку Варфоломею» были уже написаны и дали моим старикам огромное, хотя, может быть, и запоздалое удовлетворение. Мне казалось, да и теперь кажется, что никто и никогда так не слушал меня и не понимал моих юноше-

ских молодых мечтаний, опасений, планов, как она, хотя необразованная, но такая чуткая, жившая всецело мной и во мне -- моя матушка. Мне удалось быть около нее и [в] последние дни и часы ее жизни, слышать самые лучшие, самые прекрасные слова, обращенные ко мне. Умирая, она сознавала и была счастлива тем, что ее «ненаглядный» нашел свой путь и пойдет по нему дальше, дальше, пока, как и она, не познает запад свой!.. Царство ей небесное, вечный покой!

Отец мой, Василий Иванович, был очень живой, деятельный человек. В домашнем быту всецело подчиненный матери, но вне дома проявлявший твердую волю, твердые принципы. Он был человек своеобычный, оригинальный, и много россказней ходило по городу о его независимом праве, поступках, иногда граничащих с анекдотом.

Отец прожил долгую жизнь, умер восьмидесяти шести лет (мать — семидесяти), в ту пору, когда я кончал роспись Абастуманского храма. Я благодарен ему за то, что он не отказал мне в средствах к образованию, согласился с доводами К. П. Воскресенского (директора реального училища, где я учился) пустить меня по избранной и излюбленной дороге, благодаря чему жизнь моя протекла в деле мной любимом и я мог послужить своему призванию, своей родине в размере способностей, Богом мне данных.

После смерти родителей моих у меня в Уфе оставалась самым близким человеком сестра Александра Васильевна. Замуж она не вышла и приняла после смерти матери моей всецело на себя воспитание моей дочери. Много любви и забот было вложено ею в это дело. Поздней она посвятила себя делам, связанным так или иначе с помощью людям, делала это не показно, знали об этом лишь самые близкие. В дни же народных бедствий, как голод, она проявляла огромную энергию, инициативу и совершенно позабывала о себе, своих навыках и привычках культурного существования. Она была человеком долга и, раз приняв на себя какое-либо обязательство, считала исполнение его для себя священным, и много бедного люда было к ней горячо признательно, и долго после бедствия из дальних, глухих деревень приезжали к ней в гости ее клиенты, и отношения между ними и сестрой были совершенно необычайными по трогательной простоте.

Александра Васильевна до самой смерти (умерла в 1913 г. пятидесяти девяти лет) [3] управляла моим имуществом в Уфе. Наши отношения с ней за последние годы жизни были особенно дружественными. Она с любовью следила за моей деятельностью, видела прохождение всего пути моего до росписи собора в Марфо-Мариинской обители включительно. Радовалась моей радости, печаловалась моим печалям.

Этим, дорогой Сергей Николаевич, закончу настоящее свое письмо. При верных оказиях буду посылать Вам материалы, кои еще не появлялись в печати. Сейчас мне прислал для просмотра корректурные листы обширной главы обо мне из своей «Истории русского искусства» П. П. Перцов. Много там написано обо мне приятного для старика, если бы хоть часть была воздана по заслугам. [...]

487. П. П. ПЕРЦОВУ

[Москва]. Апрель 1923 г.

Дорогой Петр Петрович!

Благодарю Вас за присланное письмо. Не отвечал на него потому, что хотел написать Вам по возвращении из Петербурга, где пробыл дней десять.

Впечатлений очень много, и они неожиданно, как на подбор, хорошие.

Сам Петербург утратил свой блеск, великолепие, но приобрел какую-то царственную грусть, он ушел в себя, что-то понял, чего еще не может понять старая дура Москва. Петербург сосредоточен, не суетлив и не буен. Он уже до конца пережил свою трагедию. Внешне и в центре следов пережитого заметно мало, на окраинах их, слышно, больше. Невский кишит народом, что незаметно на других улицах. Магазины многие открыты. Цены выше московских, хотя извозчики, трамваи дешевле наших.

Печальное зрелище являет собой ободранный Казанский собор, однако он полон молящимися.

Конечно, первое, куда я устремился,— были музеи — Ал[ександра] III, Эрмитаж и другие (их много — Юсуповский, как называют его — «роковой» [1], Строгановский, Шуваловский, Шереметевский).

Музей Ал[ександра] III, как я и писал Вам, весь перевешен заново, и надо сказать, в общем прекрасно. Счастливая окраска стен, восстановление некоторых панно, дивная мебель, часто та же самая, что была в нем во время его былой славы, поставленная так же, как когда-то,— все это придает музею вид дворца, а развешенные умело, умно, не тесно Боровиковские, Левицкие, Брюлловы наполняют его истинным великолепием. [...]

Там и знаменитые «Смолянки», там лучший Рокотов, и все они говорят нам о былом, о людях, о нравах, об исчезнувшей жизни...

Из новых выиграл на новом месте Поленов, он утратил свою «акварельность», получил густоту краски (не тона) и большую декоративность пейзажа (говорю о «Грешнице»). Очень выиграл рядом с «Фриной» — Смирнова «Нерон». Наполнился движением, каким-то безумным воодушевлением огромный холст Сурикова. Волшебник Суворов там, где-то в облаках, бросает в чаду военного восторга тысячи жизней, ему радостно повинующихся, в бездну...

А рядом — мистерия «Ермак». Тоже колдовство одного над толпами... Над «Ермаком» — «Святая Русь», такая скромная, женственная, с неубедительным Христом, и все же автору любезная, как всякое детище, и я рад, что картина в музее.

Репин в большой зале представлен тремя вещами: «Запорожцами», «Св. Николаем» и «Садко». Выиграли «Русалки» Маковского. Хорош В. Васнецов, представленный количественно бедно («Витязь» и «Скифы»).

В брюлловской перевешена «Помпея» — против двери из анфилады, идущей от лестницы. «Медный же змий» занял всю стену, где был Айвазовский. «Магдалина» неудачно, слишком близко к свету, повешена среди дивных ивановских этюдов.

Великолепен брюлловский особый зал (где были мои и Левитана вещи). Там удивительно нарядный, не бывший никогда воспроизведенным, женский большой портрет. Как он хорош!

Федотов менее занимателен, чем о нем говорили здесь, и московский, во всяком случае, выше качественно. Прекрасен и пополнен Венецианов.

Перейдем в нижние залы.

Средний Крамской, правда, увеличенный портретом старика Суворина и еще двумя-тремя вещами. (Сейчас в Питере есть тенденция возвращения к Крамскому, признание его портретов выше репинских). Очень хорош один новый, знакомый по репродукциям, женский портрет Ге. Перов гораздо слабей московского, зато несколько новых вещей Васильева дают лишний повод пожалеть о ранней смерти его.

Но вот и репинский зал — большой угловой, неудачно покрашенный в «соломенный» цвет, и на таком же фоне развешены бесконечные портреты, блестящие сами по себе и как характеристики, но в массе теряющиеся, как-то мешающие один другому. Подхожу к «Проводам новобранца» — и не узнаю этой прекрасной, свежей, молодой вещи, так она выцвела, потемнела, утратила бодрость техники; лучше «Проводов» — «Бурлаки». Словом, Репин проиграл до обидного, и сами хранители музея это сознают и стараются найти способ дело поправить.

Кстати, о самом Илье Ефимовиче. Он в Куоккала, на все мольбы вернуться — качает головой, стал очень религиозен, поет на клиросе и читает «апостола»... Посмотрел бы да послушал его старик Стасов!..

Идем дальше к двум темным залам, где развешен К. Маковский («Масленица» и другие мелкие вещи). Там же Шишкин (с Репиным несколько довольно слабых Куинджей), там же Богданов-Бельский, Крыжицкий и много других ценных и менее ценных авторов и картин.

А вот и зал шестой, где собраны вещи мои и Левитана, и к ним прикинуты по одной, по две вещи Сурикова, Ап. Васнецова, Малютина и иллюстрации к «Купцу Калашникову» Виктора Михайловича Васнецова. Зал светлый, выходит в сад тремя

окнами. Освещены вещи, как и повешены,— прекрасно, во всяком случае они не проиграли. Среди них «Под благовест», недавно извлеченный из ящика (коллекция Коровина) [2], картина очень потемнела, пока еще без рамы и требует большой реставраторской работы. Очень хорош суриковский «Городок» [3]. Левитан полон, хорош, но не так, как московский.

Дальше прекрасный Серов. Среди известных его вещей — дивный портрет кн. Юсупова на белом коне. Эту вещь я не знаю ни по выставкам, ни по монографии. Красив конь, красив и всадник!

Тут же Сомов старый и новый (хорош), Бакст (старый).

Дальше ряд зал, в них очень разнообразен, полон Кустодиев, отличный Рерих (огромный успех в Америке), Богаевский. По этой стороне помещены все по Татлина включительно, Кончаловский и Машков слабее московских. Татлиных целый зал, они не смешаны с другими и все же возмущены близостью «академиков» (Кончаловский, Петров-Водкин и Машков в соседнем зале).

Однако письмо растет! Надо унять свое многословие, ведь еще необходимо сказать кое-что об Эрмитаже, о Зимнем дворце и проч., а потом о людях, с которыми встречался, а их я видел «тьмы». По Эрмитажу и Зимнему дворцу ходил я с Ал. Бенуа. Встречи с ним и другими мирискусниками были очень милы и приятны.

Эрмитаж все тот же. Бродил по нему, предаваясь воспоминаниям. Когда-то давно так много было воспринято там такого, что хватило на долгую жизнь. Редко гений человеческий так властно давал себя чувствовать, как то бывало в Эрмитаже в молодые годы. Вот и теперь, когда жизнь изжита, те же чарующие видения. Вот и мой Вандик — «Неверие Фомы», вот эти чудные принцы и принцессы, дальше Рубенс, а там таинственный золотой Рембрандт. А дальше еще итальянцы — Тициан, Беллини, Рафаэль.

Комната драгоценностей, в ней сейчас тоже драгоценности: во всю стену декорум к раке св. Александра Невского, тут же серебряный трон Петра Великого.

Там французы, голландцы. Вокруг лестницы новые примитивы, взятые от владельцев.

Наконец, мы вступаем через Эрмитаж в Зимний дворец. Первое — дивные гобелены — их несколько, выдержаны они в торжественных тонах, они отлично сохранились, и у нас в России я видел равные лишь во дворце Строганова (там же удивительный Клод Лоррен и еще лучший у Юсупова).

Идем дальше — тут так называемая «Романовская галерея» [4]. Лампи, Виже Лебрен, Боровиковский, Левицкий, и, чем ближе к нам,— тем хуже, безнадежней.

Начинается ряд комнат, заполненных французами, взятыми отовсюду. Тут особенно хорош Ватто, мной до того невиданный и совершенно изменивший о нем мое мнение.

Вот и покои великой Екатерины. Они небольшие, от былой прелести их не осталось ничего, стены выкрашены то сереньким, то фисташковым тоном, но мебель, обстановка подобраны прекрасно. Тут весь европеизм, все знания Бенуа и его сотрудников налицо. Вот и опочивальня великой монархини. Вот дверь, где она упала замертво, выходя из уборной, тут стояла ее кровать, а тут ее положили на тюфяк и приводили в чувство... Словом, история последних, печальных часов царствования северной Семирамиды.

Дальше прекрасно обставленные комнаты, где изумительный, ни с чем не сравнимый Грёз. Пуссен тоже хорош.

И наконец, вступаем мы в парадные залы — Тронный и другие. Там еще хаос, навалены портреты, манекены в латах и без лат, оружие и прочая бутафория. Туда страшно было бы попасть ночью... Зал не поражает при всей внешней пышности художественным замыслом, и того меньше его видно в залах последующих (переходя из одной в другую, осмотрели «Галерею 12-го года»). Из картин в парадных залах нет почти ничего (три вещи Виллевальде из наполеоновских войн — велики и многосложны). И только так называемый Петровский зал хорош, и он будет прекрасен, когда по нем пройдется опытная рука знатоков века, когда там будет трон Петра и все то, что о нем может напомнить нам — неблагодарным его потомкам.

Вот и окончен осмотр Зимнего дворца. После пожара он, как известно, не был восстановлен и попал в руки зодчих, помышляющих больше об обильном «пайке», чем об искусстве гг. Растрелли, Росси, Воронихиных...[5]

Легко скажу о дворцах Строганова и Юсупова. Первый очень стилен, скромен и мало потерпел от варварских рук зодчих конца XIX века. Хорош дворец Юсуповых, но лишь в парадных комнатах. Картинная галерея, театр — плохи — дело рук какого-то архитектора Степанова. Начатое убранство комнат молодого Юсупова Чехониным с братией [6] не доведено до конца, судить о нем пока нельзя.

Перейду теперь к людям. Людей я видел много, впечатление от них, как и от города Петербурга, очень приятное и неожиданное. Они духовно возмужали, пелена с их глаз спала. Содеянное им сейчас ясно, и они ушли в дело, в работу, стараясь в ней найти себе оправдание. Очень сплоченным я нашел кружок «Мир искусства». Там и старые и молодые живут в полном единении, как некогда было в молодых еще передвижниках. Кто центральная фигура? — едва ли не Бенуа. Он выступает в ролях если не «героев», то «благородных отцов». Все же человек с идеалом, с планом...

Понравилась мне и «молодежь», как среднего, так и младшего возраста. Они много работают, много знают, многие из них служат в Эрмитаже, по музеям, и от них так плодотворно то, что каждому сейчас бросается в глаза при осмотре музеев.

Во главе Эрмитажа стоит Тройницкий, говорят, очень деятельный, сведущий человек, его помощник — А. Бенуа. Во главе музея Ал[ександра] III находится проф. Сычев, хранители Нерадовский и Воинов, все работают не покладая рук.

Был трижды среди художников: у А. Бенуа (познакомился с приятной мне по своему творчеству Серебряковой-Лансере), у Остроумовой-Лебедевой (скоро выходит ее монография с текстом Бенуа) и у Нотгафта (если не перепутал фамилии). Везде одна и та же картина дружной работы, отличных отношений и прояснения рассудка.

Был у бедного Кустодиева. Он прикован к креслу или кровати, но энергия его неукротима. Ряд картин — иллюстраций уходящего быта делают его сейчас очень нужным и ценным [7].

Видел много старых друзей, иные совершенно разорены. Отношение к себе в Петербурге я нашел самое милое, доброжелательное, все старые счеты как бы забыты, и я чувствовал себя там лучше, чем в нашем Тушине... [8]

Наконец-то вышла и моя монография (из серии Грабаря) с текстом Сергея Глаголя, но, к сожалению, без цветных репродукций, они остались в Праге. В книжке далеко не было сделано того, чтобы она дала полное понятие об моей художественной деятельности, но как материал она небесполезна, так на нее и смотрят в Петербурге. (История ее выпуска такова: она была реквизирована у Кнебеля и сейчас выпускается государственным издательством второй раз и продается исключительно в их магазинах). Внешний вид книги бедный, она в какой-то серой обложке. Текст приличный. [...]

488. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 23 мая 1923 г.*

Дорогой Петр Иванович!

Это письмо передаст Вам Александр Андреевич Турыгин, мой старый друг, у коего сохраняется переписка со мной чуть ли не за сорок лет.

А. А. сейчас занят приведением писем в порядок, их редактированием и проч.

И так как Алекс. Андреевич совершенно одинок, а деньгами, как и я, ветх, то и озабочен, в случае чего-либо, судьбой переписки и хочет об этом переговорить с Вами. И я прошу Вас не отказать прийти ему на помощь с добрым советом [1]. Алексей Ник. Северцов в полном восторге от виденного в музее. Он мечтает в одну из своих поездок осмотреть отдел иконописи. Я, конечно, буду рад видеть Вас у себя, но на этот счет придется сговориться, т. к. на днях я еду в деревню на все лето. Быть может, в свое время Вы напишете мне, так за неделю, о времени Вашего приезда в Москву (где я буду бывать вообще, т. к. это от города недалеко), сообщите Ваш адрес.

Я хотел бы Вас ознакомить кое с чем из своих работ последних лет.

Мой привет прошу передать Евгении Георгиевне [2].

489. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 5 июня 1923 г.*

[...] Письмо твое получил только что, приехав на день из деревни на заседание по поводу американской выставки.

Работать начал (погода плохая). Твое письмо не вызывает возражений. Но среди осматривающих памятник А[лександра] III меня не было, и вообще я не помню, кто был тогда (во всяком случае, это обстоятельство в памяти у меня не удержалось).

То, что ты не дал согласие на полное (без изъятий мест неподобающих) издание писем,— ты прав, и я хвалю тебя за то, что ты бережно со мной обращаешься. Делай так и впредь. Спешить, конечно, не к чему. И ты успеешь сделать добавление к возможному изданию своих впечатлений (о Крамском ты можешь сказать больше моего).

Я рад, что Н[ерадо]вский тебе пришелся по вкусу, он и мне давно люб. [...]

Сегодня мое «тезоименитство», а 19-го был день рожденья...[1] А ты хоть бы что!

Только что кончил читать письма Толстого к жене за сорок шесть лет. Мало любопытно. Интересно, как старик старел и, старея, время от времени вспыхивал юношеским огнем. Такова же была и старуха...

490. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Дубки. 24 июня 1923 г.*

Дорогой Петр Иванович!

Пишу Вам под живым впечатлением только что слышанного. Из Владимира (на Клязьме) вернулись двое молодых художников и рассказали мне следующее.

В соборах Дмитровском и Успенском они видели картины Викт. Мих. Васнецова «Страшный суд», «Сошествие во ад» и, кажется, «Похвала Богородицы».

Все эти вещи были написаны для храма в имении Нечаева-Мальцева «Гусь» [1]. Некоторые из них выполнены мозаикой, а «Страшный суд» должен был быть написан увеличенным вдвое (оригинал двенадцать ар. высоты). Н[ечаев]-Мальцев умер, не успев исполнить свое намерение. Все три вещи застала революция хранящимися в храме. Храм был обращен в кинематограф, а картины, после разных мытарств, оказались во Владимире, где их и видели сейчас — «Страшный суд» — накатанным на большую жердь, разорванным более чем на аршин внизу и наскоро зашитым бечевкой (до того он был сложен в несколько раз и на сгибах потерся). Намерение соборян развернуть его и повесить на стену так, как вешают географические карты. Палка наверху, палка внизу.

Две другие картины пока без определенного назначения валяются в другом соборе. Сырость делает свое дело. В общем, не знают, что с этим имуществом, в настоящем их виде, делать. Как бы ни относилось современное общество сейчас к Виктору М[ихайлови]чу Васнецову, как бы оно ни считало себя правым, обвиняя его, что он как мастер не использовал своего огромного дарования и продешевил его, и все же имя это, дорогое многим и сейчас, как символ национального в искусстве, будет особенно чтимо при национальном возрождении самосознания народного и займет ему подобающее место. И все, что сделано этим большим художником, приобретет утраченную сейчас ценность. «Страшный суд» я считал и считаю лучшим из церковных произведений Васнецова после алтарной росписи киевского Владимирского собора, и вот, взволнованный слышанным, не зная, к кому обратиться, остановился на Вас, Петр Иванович. Быть может, Вам удастся спасти, пока еще не поздно, эти вещи от полной их гибели, взяв их в Русский музей, хотя бы пока не выставляя их, а лишь сохраняя в кладовых музея. Хочется думать, что и Н. П. Сычев не будет иметь ничего против спасения этих произведений кисти Васнецова.

Как это сделать технически — не мне Вам советовать, могу лишь напомнить, что в Москве находится земляк и, кажется, почитатель В. М. Васнецова — Машковцев, он значительное лицо в Кол[легии] по охране памятников и, быть может, он посодействует, где нужно, облегчить эту задачу [2].

Простите, что докучаю Вам. Я живу и работаю в деревне, изредка по делам наезжая в Москву. Погода сырая, холодная.

Сейчас в Москве идут хлопоты с выставкой в Америке. Приготовили ли Вы что-нибудь для нее?

491. А. А. ТУРЫГИНУ

[Дубки]. 20 августа 1923 г.

[...] По случаю дождей пришлось почти все лето проработать в мастерской (прекрасной, специально выстроенной). Написал восемь вещей, из них три *новых* картины: «Старец», «Дозор» и «Молитва», четыре повторения для Америки и портрет Натальи на воздухе [1]. Вышел, говорят, не хуже, чем в молодые годы, свежо, нарядно. Она сидит у пруда в серый день, в голубом платье типа «директория», в белой косынке на плечах и белой шляпе соответственного фасона. В целом получилось нечто вроде Шарлотты Корде!.. (Наташка сильно вытянулась и становится красивой, хотя, несмотря на почти двадцать лет, еще очень девчонка.) Вера служит в одном учреждении с Шретером и недурно зарабатывает. Она очень способная и милая. Мечтает учиться у Мордкина, и, как знать, может быть, что-нибудь из этого и выйдет.

Дела мои (материальные) неважны: в октябре последний раз выдадут академический паек, а «Ара» уже покончила с кормежкой и уехала домой, за океан. [...]

Если бы «Америка» удалась [2] — вздохнули бы полегче и, быть может, перебрались бы из дорогой Москвы или в Киев, или к вам в Питер, словом, в «провинцию». Живу только мечтами, одни планы сменяются другими, а 61 год чаще и чаще напоминает об... Ваганькове. Там спит много мечтателей, компания отменная. От великих актеров — Щепкина, Садовского до Сурикова — все они, голубчики, там упокоились!

Но не хочу кончать «надгробным» рыданием, хочу жить, действовать, работать до последнего часа... Перееду в Москву и снова за дело, а его много. Как-нибудь поведаю тебе в другой раз, какое это дело и об чем старик мечтает сейчас.

492. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. Сентябрь 1923 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Сегодня перечел Ваши «Впечатления, размышления, домыслы» (в первый раз читала мне их Екатерина Петровна), и мне захотелось, не откладывая, написать Вам. Написать так, как написаны Ваши размышления, можно только о чем-нибудь любимом, любезном сердцу, хорошо понятом, почувствованном.

О «Димитрии царевиче» в разное время было написано много, и лучше, совершеннее все же — написанное Вами в размышлениях. Писал о нем когда-то и В. В.[1] — писал хорошо, остро почувствовав в нем мою задачу. Писала любовно, горячо Маклакова (мачеха всех Мак[лако]вых) [2]. Еще совсем недавно пришлось мне перечесть о «Димитрии царевиче» мне посвященную обширную главу в еще не изданной «Истории русского искусства» П. П. Перцова.

Перцов к моему художеству относится вообще благосклонно, он его любит давно. Так обстоит дело и в названной «Истории русского искусства», и лишь Димитрий царевич представляет там исключение. О нем Перцов говорит с нескрываемой неприязнью, и дело зашло там так далеко, что бедный Димитрий царевич со всей моей мечтой о нем уместился без остатка в... «Атлас костюмов XVII века» Прохорова.

Петр Петрович — искреннейший и благороднейший человек, Вы его знаете, и мне думается, в данном случае в таком отзыве сыграло немалую роль неизлечимое

«интеллигентство», и оно помешало быть и более проницательным и чутким к несчастному ребенку. И в этой же статье Петру Петровичу это же интеллигентство помогло умно и ярко разобраться в последних трех портретах [3].

Однако снова перехожу к впечатлениям. То, что Вы, говоря о «Димитрии царевиче», вспомнили одну из любимых моих страниц из «Годунова»,— одно это повергает меня в радостный конфуз. Подумайте, какое сопоставление! Величайшие достижения Пушкина — и мои трепетные мечтания, верней, «мечты о мечте».

Вы шаг за шагом любовно, осторожно, вдумчиво разбираете картину, и то, что вложено Вами в этот разбор,— есть уже поэзия или опоэтизированная критика. Ваше определение в этой критике роли пейзажа, в частности роли пейзажа в моих произведениях,— бывало и раньше, однако не с таким проникновением в психологическое соотношение пейзажа к действующим лицам, к теме картины. Форма, слова для Ваших размышлений найдены так счастливо, что и В. В. Р[озано]в не отказался бы от них.

«Единая душа» человека и природы, его окружающей, взаимно необходимы. Эта единая душа создает то единое действие, ту целость впечатлений, кои поражают нас у великих мастеров Возрождения, и нет нужды допытываться, обладал ли мастер этим секретом сознательно на вершинах культуры века своего или делал это в простоте душевной. «Душа» необходима картине не менее формы и цвета. Она и есть тот «максимум» достижений в творчестве, который отмечает присутствие бога — творца всего живущего.

Наши многочисленные сезанновцы (это правое ныне крыло левых течений), заимствуя от своего учителя внешние его способы и достижения — положительные и отрицательные, не видят или не хотят видеть то, что сила и особая притягательность Сезанна в том, что, обладая ярким ви́дением цвета, краски, он умел вложить в них свою, сезанновскую, живую душу, и она-то и делала его произведения одухотворенными, поэтическими и отличными от большинства из этих слепых, бездушных, самодовольных имитаторов, фальшивомонетчиков.

Лучшие вещи Сезанна проникнуты полнотой чувства, «душой», и она-то и роднит его с великим Ивановым, овладевшим за много времени до Сезанна всеми достижениями последнего и превосходящим его присущим Иванову даром религиозного, евангельского откровения. Но «душа» познается душой же, а если ее нет, то можно обойтись и без нее, а чтобы она или ею не мозолили нам глаза, так можно и высмеять эту самую душу, замолчать ее, да мало ли способов свести ее на нет, подменив ярким кобальтом, суриком или еще чем поглазастей.

Наши поэты, живописцы, говорят, и музыканты не с сегодняшнего дня ушли в технику, в мастерство кисти, рифмы и проч., перестав видеть, любоваться природой и человеком, «их душой» — непосредственно, без переводчика, толмача, посредника, без прежде живших художников, уже наложивших и на природу, и на все живущее в ней свой «человеческий», земной, сильно пониженный и загрязненный часто отпечаток, «стиль», выражаясь деликатно, подменив им лучшее, божие — безбожным, бездушным, этим же «сырьем» — кармином, кобальтом, всякими «ужимками и прыжками». [...]

493. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 октября 1923 г.*

Здравствуй, старина!

Пользуюсь свободным днем, пишу тебе, чтобы напомнить о себе, подбодрить тебя, вызвать на ответ, узнать, как ты живешь, и проч. Берись за перо и строчи. Ты спросишь: «уж будто ты так занят, что у тебя редко и день свободный найдется». Представь, что почти так: неустанно «строчу» картины. Лето писал для Америки, сейчас пишу «впрок», как бывало в Уфе солили впрок капусту и огурцы. Авось пригодятся кому-нибудь и когда-нибудь и можно будет выменять на хлеб или картошку. Последние недели были хлопотливые: все «заседали» по поводу американской

выставки. Вчера было жюри, отбирали козлищ от овец. Оказалось, что и те и другие довольно паршивы, однако духом не падаем, и первая партия через неделю выезжает, а через три и остальные двинутся, «если Бог грехам потерпит»... А потерпит ли — один Аллах ведает. Вон что делается на Ближнем Западе! Каково себя ведут ляхи и немцы! Далеко ли с ними уедешь!..[1]

Понаписали же в Москве и в Питере до тысячи штук; у нас особенного ничего не вышло. Есть вещи типа хорошей выставки Союза — не больше. Самая большая вещь Лансере еще не пришла из Тифлиса[2].

Я даю, кроме повторной «халтуры», переписанное «Чудо» под названием «Св. Варвара»; теперь и прежде разница та, что прежде у Варвары голова валялась на земле, сейчас она на плечах, а тебе из опыта известно, что куда лучше, когда голова на плечах...

Есть и т. н. пикантные вещицы (аршина на три величиной), одна Лентулова — «В студии художника». Художник в образе апаша пирует среди дам веселого поведения, они больше без ничего, выпито много, еще больше побито всякого добра. Все это писано так, как писали еще недавно левые Кончаловские, Машковы, кои тоже есть у нас, но в сильно поправевшем виде. Другая «пикантная» вещь — «Вакханалия» молодого художника Василия Яковлева (их теперь развелось множество). Этот Яков[ле]в — правый, скверный имитатор Рембрандта-Рубенса и каких хочешь из старых голландцев.

В Питере, слышно, хорош Сомов (он едет сам в Америку представителем от питерцев). Сомов написал «Маркизу» — маркиза спит на лужайке в парке, задрав юбки, а маркиз, не будь плох, увидав сие, лезет на нее, спустив штанишки... Все это было бы хорошо, но эти американцы — ханжи великие, и говорят, что не одну такую картинку сожгли у себя в таможне (Буше), не дав и полюбоваться добрым республиканцам, хуже того — при сходе на берег каждый приезжий должен «заполнить анкету» — причем должен написать, «веруешь ли в Бога», что не будешь вести антирелигиозную пропаганду и еще многое в этом духе.

Всего с питерцами и заграничными россиянами наберется не менее тысячи вещей, включая сюда графику.

Таким образом, живем сейчас надеждами на американских дядюшек. Каково-то ты живешь? Как твое писанье, далеко ли ушел, много ли писем осталось? и как дела вообще? [...]

Недавно схоронили старого школьного товарища А. С. Степанова — помнишь приятные деревенск[ие] сцены, охотники, мухрастые лошадки, все овеяно такой теплотой, нашей русской душевностью, северной поэзией. А. С. и человек был превосходный. Нас, стариков, делается все меньше и меньше — пора, должно быть, и остальным собираться в путь-дорогу. [...]

494. Е. А. ПРАХОВОЙ

Москва. 8 декабря 1923 г.

[...] Рекомендуемый Вами мальчик[1] оказался способным, умным, и его охотно принял к себе в мастерскую Кардовский (лучший преподаватель сейчас).

На днях мы отправили большую живописную выставку в Америку (100 художников, 1000 произведений). Открытие выставки в Нью-Йорке предполагается во второй половине января. Затем выставка посетит Бостон, С[ан]-Франциско, Чикаго, а мы, здесь оставшиеся, будем трепетно ожидать щедрот американских дядюшек. [...]

495. А. К. ВИНОГРАДОВУ

[Москва]. 22 декабря 1923 г.

Многоуважаемый Анатолий Корнильевич!

Обращаюсь к Вашему содействию, как к директору Румянцевского музея.

В музее сейчас работает молодой художник Пав. Дм. Корин. Он делает замечательную копию (фрагмент) с картины Иванова «Явление Христа народу». Копии картины Иванова редки и не были удачны. Это — первая и лучшая на моей памяти более чем за сорок лет. Работа худ. Корина настолько выдающаяся, что может служить пособием... к пониманию гениального мастерства, того великого совершенства, которое достигнуто при кажущейся простоте Ивановым — этим трагическим русским гением.

Сейчас, когда осталось после долгих месяцев работы лишь закончить копию, Корину заявили, чтобы он перенес копию на другое место, с которого почти ничего не видно и, во всяком случае, крайне трудно и неудобно работать. Мотивируется такое распоряжение тем, что якобы при копировании может произойти несчастье, художник может упасть с лестницы и проч. и проч. С времен незапамятных во всех галереях Европы привыкли видеть копиистов с Рафаэля, Тициана, Веласкеса и других великих мастеров — это поощрялось академиями западными и нашей. Кто из нас не копировал в Эрмитаже, и никогда и нигде не было опасений, подобных настоящему. Всякий копирующий понимал и, понимая, берег и отвечал за себя. Отвечает за себя и Корин, особенно ценя великое творение Иванова. Ввиду сказанного не найдете ли Вы возможным сказать свое слово за Корина, дать ему спокойно окончить его копию, которая сама по себе может стать музейным украшением.

Буду очень благодарен Вам за такое Ваше содействие.

496. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 24 декабря 1923 г.

Здравствуй, старина!

Только что подали твое письмо, такое печальное, такое одинокое. И захотелось мне, старику, тебя — тоже старика — обнять, поздравить с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом, пожелать тебе силы и бодрости душевной для того, чтобы до конца донести тяжелую ношу жизни. Плохое, конечно, будет утешение, если и про себя скажу тебе, что и мне живется не сладко, но у меня нет твоего одиночества, быть может, самого тяжелого, что остается человеку, дожившему до наших лет. Но не буду предаваться унынию и тем самым не введу тебя еще в горшую печаль-тоску.

Твои сведения о делах минувших интересны, но недостаточно ярки, думаю, что наиболее характерные места следовало бы выписывать отдельно, сохраняя форму изложения, не полагаясь на память. Жаль, что служба отдалила тебя от писем, ну да делать нечего.

Выставка наша сейчас переезжает океан и дня через три-четыре будет в Нью-Йорке. Я получил письма из Риги и Лондона, который несказанно поразил наших «плавающих и путешествующих», поразил особенно после обнищалого, обшарпанного (ни дать ни взять — мы с тобой) Берлина. В Лондоне все можно получить и все-де первого сорта. Жизнь бьет водопадом, настолько, что Париж выглядит провинцией!! Вот оно как!

Что-то нам принесет Америка? Все мы, оставшиеся по сю сторону, ждем оттуда великих и богатых милостей, так как здесь «потребитель» сейчас вовсе вывелся, его нет, не до нас ему... У меня же ресурсов никаких. Деньги, те гроши, что были, на исходе. Недели на три — больше не хватит, и я не знаю, как протянуть еще месяца два, пока не откроется выставка в Нью-Йорке и что-нибудь не продастся там и не будет выслано сюда. Мне пришла в голову мысль дать тебе поручение к Петру Ивановичу Н[ерадовско]му: увидишь его — кланяйся ему от меня и спроси его, нет ли у него на примете любителя картин Н-ва и если бы такой нашелся, то я мог бы или прислать, или сам привезти две-три вещи. Сделай это и то, что он скажет тебе, сообщи мне немедля.

На днях неожиданно меня запросили из Парижа, не желаю ли я устроить в этом сезоне свою *самостоятельную* выставку, хотя бы вещей из двадцати пяти.

Ответил отказом, как потому, что сейчас такого количества вещей у меня нет, так и потому, что на будущее имею особые планы, которые осуществить можно будет, конечно, в том лишь случае, если буду иметь какой-нибудь успех в Америке.

Писал ли я тебе, что Абастуманский храм обращен сейчас в музей, крест с него снят, как со всех церквей Закавказья. Марфо-Мариинский храм и Чарторийский находятся под ведением Коллегии по охране памятников, таким образом, с этой стороны пока что обстоит дело благополучно.

497. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. Декабрь 1923 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Письма Ваши получил, благодарю за них. Постараюсь ответить Вам по пунктам.

1. «Пр. Сергий», что в музее Ал[ександра] III, написан в Киеве, одновременно с «Постригом» или, точнее, с «Димитрием царевичем». Он появился на выставке «Мира искусства», тогда так «Димитрий» был в том же сезоне у передвижников. Написан «Сергий» на урезанном холсте первого «Сергия», с медведем, который был уничтожен, это не обошлось мне даром. «Сергий» (музейный) стал лупиться, и его пришлось дублировать, таким он и вошел в музей. Сейчас он гибнет: после неудачной дублировки на нем появились пятна и его следует считать для музея непригодным [1]. Помимо сказанного, я эту вещь считаю неудачной, кроме весеннего пейзажа. Лицо и вся фигура преподобного [не] проникнуты [ни] сосредоточенностью, ни полнотой чувства окружающего.

2. «Труды пр. Сергия» я считаю также недостаточно удавшимися — это скорее «иллюстрация» к житию.

3. «Юность пр. Сергия», в том виде, как она предстала мне сейчас в Третьяковской гал[ерее], писалась долго, до самой Нижегородской всероссийской выставки, где она была, и там лишь я убедился, что большего я сказать не смогу, и после выставки «Юность пр. Сергия» вместе с «Трудами» и эскизом «Благословения Димитрия Донского» я принес в дар галерее, которая к тому времени был передана П. М. Третьяковым Москве.

«Труды» и «Пр. Сергий», что в музее Ал[ександра] III, писаны по маленьким эскизам в альбомах (все они пропали в 19—20 году). Этюды ко всем моим Сергиям писаны в Абрамцеве, у Черниговской, в Вифании или Хотькове.

4. «Благословение Димитрия Донского» осталось в эскизах (их несколько), думается потому, что острый интерес к теме пропал, насиловать же себя не хотелось,— работая лишь по долгу, нетрудно было впасть в холодную официальность; к тому же в это время явились новые темы, они и захватили мое непосредственное чувство.

5. Эскиз «Видение Минина» сделан в раннюю пору — в 87—88 году, тогда, когда появилась «Христова невеста». В ту пору я собирал материалы для большой (аршин семь-восемь) картины «Гражданин Минин», в чем помогал мне известный в свое время в Нижнем историк края — Гацисский. Тогда был сделан ряд эскизов из жизни Минина, они были помещены в «Ниве» и в журнале «Север», издаваемом Всеволодом Соловьевым и Гнедичем [2].

6. Большой же эскиз «Гражданин Минин», что у Мещерина [3], сделан гораздо позднее с маленьких альбомных набросков. Он был на моей выставке 1907 года. Еще раньше того намерение написать с них картины было оставлено навсегда. Краски в эскизе были самым «живым» местом. Серый волжский пейзаж эскиза дает тон действию.

7. «Преп. Сергий» 20 года сделан по первоначальному эскизу «Сергия с медведем». (Позднее был сделан ряд эскизов на эту тему — один, акварельный, сейчас

выставлен в музее Ал[ександра] III). Правда, у меня было предположение включить эту картину в триптих «Слава в вышних богу». Сейчас это намерение, быть может, я оставлю, заменив эту часть вновь написанным.

8. Первое путешествие за границу было тотчас после «Пустынника», до «Видения», которое уже было задумано, но еще не начато. Начал картину осенью, по возвращении своем из путешествия. Владимирский собор начат осенью после «Видения». [...]

9. Пювиса я увидел в первую свою поездку в Париж, как и «Жанну д'Арк» Бастьен-Лепажа. Оба художника (особенно второй) заслонили собой тогда все виденное на Всемирной выставке. И только Италия с Джотто, Беато Анжелико, Боттичелли, Ватиканом остались в силе и на всю последующую жизнь. И я дивлюсь, как мое молодое сердце могло тогда (мне было 26 лет) вместить, не разорваться от тех восторгов и сладкого томления...

10. Александра Андреевича Иванова люблю всего, но предпочтительно «Явление Христа народу», как нечто выраженное совершенно, как некое видение, открывшееся Иванову, как свидетельство того, чего он был очевидцем. В картине, такой сдержанной внешне, я чувствую пламенное исповедание Ивановым пришедшего Христа-Спасителя, такое же внутренне огненное, как у Иоанна, как у многих предстоящих на картине очевидцев события. Это одно из совершеннейших, гениальных живописных откровений, какое когда-либо было дано человечеству. Свидетельство Иванова — этого простеца-рыбаря евангельского, убедительно и одинаково понятно как душам простым, так и тем, кто после многих сомнений и дум, житейской суеты и опыта подошел к последней черте с открытыми для восприятия очами и самого простого, и самого мудрого и высокого, главного и неизбежного.

«Явление Христа народу» я могу поставить рядом лишь с некоторыми небесными видениями Пушкина. Даже Достоевский мне кажется тогда «жанристом» вроде Сурикова. Хотя оба последние по-своему великие и незабываемые русские художники.

11. У Троицы я живал часто, работал там этюды. Окрестности Черниговской, Вифании нанесены на этюды, вошли в картины. Там, в Абрамцеве и в Уфе я чувствовал себя дома. У Черниговской монахи говорили: «Нестеров приехал — весна пришла».

Продолжая отвечать Вам на поставленные вопросы, я подошел к самому трудному, к пониманию изображения лика Христа, да еще «русского» Христа. Прожив жизнь, немало подумав на эту тему, я все же далек от ясного понимания его. Мне кажется, что русский Христос для современного религиозного живописца, отягощенного психологизмами, утонченностями мышления и в значительной степени лишенного непосредственного творчества, живых традиций,— составляет задачу неизмеримо труднейшую, чем для живописца веков минувших. Духовная, религиозная немощь современного живописца понуждает его ограничиваться имитациями разного рода, в лучших случаях прикрываясь совершенством достижений XVI—XVII веков. Перед нами, живописцами, стоит огромная задача, и лишь один из современников или, верней, художников послепетровской эпохи сумел сказать свое мощное слово — это был Иванов.

Однако первый русский Христос был намечен сотни лет назад — он тогда был близок ко Христу византийскому и лишь постепенно освобождался от последнего, приобретая особенности чисто русские.

Лучшим из достижений этих эпох я считаю лик Христа в куполе Софии Новгородской, за ним идет ряд прекрасных разрешений позднейших веков. Лик Христа приобретает черты народные, духовно нам родственные. И такой Христос принимается целым народом как достижение идеала, как ответ на горячий, жгучий вопрос веры, нашей веры.

Среди таких достижений есть превосходные чисто в живописном смысле. Переходя же к эпохе нам близкой и доднесь, я не могу остановиться с большим удовольствием ни на ком, кроме упомянутого выше Иванова. Христос на большой картине меня удовлетворяет всецело. На картине он наш Христос, современный, русский. Помимо

того, что он имеет основные внешние черты типа, он вмещает в себе все, что воспринято русской душой, русским сознанием, пониманием и долгом, заповеданным нам Евангелием. Ивановский Христос, прошедший великий путь дум, подвига, страдания от воплощения своего, через крещение Руси до Пушкина, Достоевского, Толстого и до наших мучительных дней. Весь этот великий, скорбный путь отпечатался на его сложном, трагически-сложном лике.

Вы всматриваетесь в этот величественно спокойный и в то же время бесконечно осложненный пребыванием среди нас, на нашей грешной земле лик Христа-Спасителя и чувствуете, что он в нас и мы в нем пребываем. Не только лик, но и фигура его, спокойная, благостная, непреклонная, выражает всю полноту его учения. Лучшего изображения я не знаю и на Западе. Тициан, Леонардо — хороши, но слишком просты для людей, доживших до XX века. Скажу больше — Христос ивановский угадан и на времена пребудущие: он будет отвечать собой еще долго и многим, особенно русским. Он осветит им путь жизни, подвига, страданий. О совершенстве художественных форм я говорить не стану. Недаром наши сезаннисты, не охочие до изучения формы — рисунка, говорят про Иванова, что форма — рисунок его совершенны до неприятного, так сказать, до неприличия...

Теперь скажу о связи Христа в «Св. Руси» с Марфо-Мариинским. Конечно, она есть, так как оба изображения имели один источник. Христос «Руси» не удался, быть может, не столько на лицо, как его фигура, слишком плотская, плотская и несколько надменная. Конечно, и лицо Христа незначительно, недостаточно благообразно... Шел я к нему в тумане, ощупью, после ряда неудачных образо́в, соборов — Владимирского, храма Воскресения, церкви в Новой Чартории. Не видел я его и позднее в Абастумане, Гаграх. Лучше немного обстояло дело в Обители [4], где я пытался позабыть все сделанное раньше, вызвать яснее элементы трагические, даже, быть может, в ущерб благости.

Передо мной становилась уже необходимость освобождения лика Христа от двух крайностей: чрезмерной суровости, с одной стороны, и слащавости (прежнего недостатка) — с другой.

Этот период исканий выразился в окончательном образе Христа для собора в Сумах [5].

Как знать, если бы не стали мы лицом к лицу с событиями 17 года, я, вероятно, попытался бы еще более уяснить себе лик «русского» Христа, сейчас же приходится останавливаться над этими задачами и, по-видимому, навсегда их оставить.

Однако художники будущего еще не раз поставят себе задачей обрести путь к пониманию русского Христа. Опыт минувшего и ви́дение настоящего им подскажет, что надо делать, куда идти и т. д.

Мне очень нравятся Ваши заголовки отдельных глав. Такая группировка, кажется, не имеется в практике прошлого. Приветствую я желание Ваше отрешиться от мысли опасной: «кто что скажет, кто как посмотрит, осудит, одобрит» и т. д. и т. д. Если Вам это удастся (а необходимо, чтобы удалось), труд Ваш будет совершенно оригинальным, выразит дельно Вас не только как критика, но и как мыслителя-художника. (Таким мне представляется написанное о «Димитрии царевиче».) Ваши слова приобретут яркость, убедительность, а присущая Вам одухотворенность придаст живительную теплоту.

Помоги Вам господь!

Еще хочется пожелать Вам не упускать посильно оценки чисто технической стороны нашего ремесла, отметить удачные или неудачные места в живописи, в форме, композиции разбираемых Вами произведений. Для Вас, как не специалиста, задача очень трудная, и здесь все козыри в руках гг. Бенуа; особенно они сильны, может быть, в тех случаях, когда смогут быть добросовестными, забыть разные счеты, антипатии и проч. или подавить дружеские влечения.

Того, что Вы опасаетесь, я не разделяю: едва ли «поля», оставляемые Вами, будут мною заполняться, в этом надобности не предвидится. [...]

1924

498. Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ *Москва. 3 февраля 1924 г.*

Милостивый государь Эрих Федорович!

В ответ на предложение Ваше, мне переданное С. С. Розановым (к сожалению, меня не заставшим дома), написать что-либо, относящееся к тому времени «Мира искусства», когда я входил в состав его членов, — посылаю Вам небольшой «эскиз», б[ыть] м[ожет], он пригодится для предполагаемого сборника [1].

Конечно, о деятельности главных участников «Мира искусства» написать можно было бы много, они заслуживают большого внимания к себе, но сейчас заботы о сегодняшнем дне вытесняют все остальное на второй план.

499. Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ *Москва. [4] февраля 1924 г.*

Милостивый государь Эрих Федорович!

Вчера я послал Вам «эскиз» для предполагаемого юбилейного сборника «Мир искусства».

Если еще не поздно, было бы желательно в тексте сделать небольшое изменение, дополнив его несколькими именами художников, мною пропущенных.

Вместо: «К тому времени в состав «Мира искусства» входили петербуржцы: Серов, Врубель, Сомов, Бакст, Алекс. Бенуа, был там Малявин, Рерих, Лансере, Остроумова-Лебедева, Добужинский... Из москвичей, кроме К. Коровина и меня, вошли туда еще несколько молодых тогда передвижников» — следует начать так: «К тому времени в состав «Мира искусства», кроме упомянутых выше четырех передвижников, входили туда Врубель, Сомов, Александр Бенуа, Бакст, Головин, Малютин, там были Рерих, Малявин, Лансере, Остроумова-Лебедева, Поленова, Якунчикова, Добужинский и другие». Дальше идет: «А Дягилев, такой обаятельный, смелый...» и т. д.

Буду очень признателен, если Вы исправите мою оплошность.

500. Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ *Москва. 14 февраля 1924 г.*

Глубокоуважаемый Эрих Федорович!

Из письма Вашего было приятно узнать, что писанье мое Вам пригодится. Что же до того, кому предложить написать о моем творчестве, то я мог бы назвать два имени, конечно, если бы на то было дано согласие: 1) Петр Иванович Нерадовский и 2) Петр Петрович Перцов. И тот и другой знают мои работы за последние 8—9 лет.

Что же до статей В. В. Розанова, то у меня хранится нигде не напечатанная статья его обо мне для предполагавшегося лет десять тому назад (перед войной) издания моих произведений религиозного характера. Статья эта, быть может, самая яркая и наиболее «розановская» из всего им обо мне написанного. Но статья эта едва ли сейчас пройдет в Петербурге, как не прошла она у нас в Москве.

Фотографий с моих последних работ (18—23 года), к сожалению, я не имею, снять же обойдется сейчас недешево.

В мой «эскиз» попала еще одна-две опечатки, так, после слов: «выставка тузовая» следует поставить знак восклицательный; б[ыть] м[ожет], также пропущены кое-где запятые.

P. S. Адрес П. П. Перцова: г. Кострома, Вознесенский пер., д. 31, Константин. Владимир. Рыбникову для передачи П. П. Перцову.

501. А. К. ВИНОГРАДОВУ *[Москва]. 15 февраля 1924 г.*

Многоуважаемый Анатолий Корнильевич!

Слова Ваши мне переданы.

На П. Д. Корина я не имею никакого влияния. Павел Дм.— человек сильной воли и большой личной инициативы.

К тому же художникам, давшим свои подписи под известным «письмом в редакцию» вчера, взять их обратно сегодня, когда слух о перенесении картины подтверждается в газетах, было бы, по меньшей мере, непоследовательно.

И я, в свою очередь, прошу Вас, Анатолий Корнильевич, сделать все от Вас зависящее, чтобы великое творение Иванова осталось в Румянцевском музее, в помещении, нарочито для него создан[ном], и чтобы над Ивановым не было учинено задуманного опасного деяния.

502. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 19 февраля 1924 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Я жив и здоров, не писал потому, что на душе все время нехорошо и делиться с тобой тем, чего у тебя дома много,— не хотелось.

Быть может, в недалеком будущем я пришлю «с оказией» две свои вещи на имя Петра Ивановича, однако мало надеюсь, что из сего что-либо может выйти путное. Из двух одна неплохая: «Вечерний звон», «Молитва» или что-нибудь в этом роде. Вариант при весеннем пейзаже оставил дома — тот лучше. Сидим без денег, в чаянии притока долларов, а они, доллары, не спешат течь через океан.

Выставка откроется на этих днях, б[ыть] м[ожет], завтра [1]. Помещение нанято на 12-м этаже. Выставка большая, номеров тысяча!.. Наши посланцы входят во вкус, проникаются нравами янки. Успели призанять у них денег. Создают и т. н. «патронат» из знатных дам и гг. Вандербильт и К°. Они и должны дать выставке необходимый блеск и создать успех. В патронат входят и наши: Рахманинов, Зилоти, Станиславский. Рахманинов живет великолепно, в своем доме на набережн[ой] Гудзона, богат, славен. Не так счастлив в этом сезоне Художествен[ный] театр — он *надоел* и кончает свои дни, едет домой [2]. Художники живут похуже, и лишь двое: Бакст и Сорин живут хорошо. Первый ездит и читает лекции... о дамских нарядах и пишет портреты с единоплеменниц, второй пошел дальше — пристроился к богатой старухе и тоже пишет портреты. Слух, который о себе распускал Рерих, о колоссальном успехе и богатстве,— оказался преувеличенным — не было ни успеха, нет и богатства, Рерих сейчас в Европе. Тоже оказалось неправдой и о Стеллецком, тот даже и вовсе не был в Америке. Плохи дела Судейкина. Помилуй бог, если и про нас пойдут такие слухи. [...]

Музеи в Америке картин *не* покупают вовсе, их туда дарят целыми собраниями меценаты. В музеях рядом с вещами «потрясающего значения» висят поддельные Рембрандты, Корреджо, Рафаэли, и янки всем довольны и горды.

За вход на выставках не берут денег. В прошлом году некий Коган сделал выставку русск[их] эмигрантских картин в Бруклинском музее, перебывало до семидесяти тысяч человек и все даром. Картин продано две или три!! Вот тебе и мечтай о долларах. Однако наши не унывают и полагают, что способы, ими принятые, дадут и результаты соответствующие. Помоги им, господи! [...]

503. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 17 марта 1924 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Рукопись Вашу я получил и прочел с большим вниманием. Какой огромный труд Вы предприняли,— и все это связано с моим именем. Ну, не баловень ли я среди моих собратий! В Вас я ведь имею не только любящего мое художество современника-

писателя, но также поэта, непосредственно чувствующего жизнь, красоту, душу природы и человека, их великое место в бытии. Я имею в Вас одновременно и ученого и богослова, вооруженного всем тем, без чего будет не полон труд, подобный Вашему. В нем великолепно вступление со всеми этими цитатами из Никанора, Филарета и проч. от Ключевского до наших дней.

Ваше невольное уединение, быть может, много способствует углублению, созерцательному восприятию темы, и не знаю, было ли бы лучше, полезней для дела, если б Вы сидели в столице, окруженный «материалами» и даже имея перед глазами мои картины, прошлые и настоящие, или, как теперь, оставленный без этой видимой помощи, один на один с вашими мыслями, чувствами, воспоминаниями и, так сказать, созерцанием темы, думается, для труда самостоятельного, творческого, для всяческого отвлечения от ранее сказанного, кем-то прежде понятого и разъясненного. В этом случае Ваше одиночество имеет огромное преимущество, и я скажу более — было бы лучше, если бы с Вами не было ни С. Глаголя, ни даже легкомысленного Евр[еино]ва [1].

Вашим одиночеством Вы прекрасно пользуетесь,— все, что Ваше,— Ваше без какого бы то ни было дуновения посторонних ветров, а также это не общие места на довольно устарелую тему о Нестерове, а глубокий, пережитый, перечувствованный лично анализ, в котором даже Ваше «пристрастие» к автору не мешает Вам произносить над ним суд, к которому будут относиться со вниманием. Ваш религиозный опыт, воодушевление, где-то соприкасаясь с чувством, которое когда-то, быть может, бессознательно двигало мной, водило моей рукой и дало сумму известных результатов,— и дает Вам ту силу, убедительность и новизну авторитета, которых недостает у прежде писавших обо мне. Описание «Отрока Варфоломея», особенно пейзаж и еще более пейзаж «Юности»,— проникновенно и непосредственно, благоуханно, как и та природа, которая была когда-то перед моим взором. Суждения Ваши о «Трудах» таковы, что я подпишусь под ними обеими руками. Словом, так о моих «Сергиях» еще не писали.

Теперь кое-что о том, что, по-моему, могло бы быть иным: прежде всего, о моих так называемых «злодеях» [2]. Вы их берете слишком серьезно, слишком много уделяете им места. Поверьте, не они страшны мне, не их суд, а тот суд, который произнесет время, не их «искусствоведение» может труд мой свести на нет, а, помилуй Бог, собственное бессилие, отсутствие живых творческих начал — вот это куда пострашней и бойких перьев, и злых языков. Одно время может сказать, кто из нас чего стоит. И от такого суда никуда не спрячешься, ничем не оградишь себя. [...]

Все, что сказали Вы об Иванове,— прекрасно и вдохновенно, и сам Иванов — великое религиозное вдохновение, вершина, достигнутая в русском искусстве. Там глубочайшая, здоровая, истинная мистика, ни фальши, ни кривлянья, ни суемудрия в Иванове нет, к нему подход доступен всякому, как доступен он к Евангелию.

Сам Иванов умер, не познав, быть может, того, что он однажды увидел и поведал бедному, хотя и гордому человечеству.

Не знаю, успею ли я Вам послать продолжение описания, как прошло детство, затем перейти к юности. Если я не ошибаюсь, я окончил последний раз свое повествование тем моментом, как меня повезли в Москву — двенадцатилетним мальчиком. В следующих письмах сообщу о годах у Воскресенского, а затем — Школа живописи и Академия и, если Господь поможет,— до написания «Пустынника».

Теперь же сообщу лишь то, чем мы сейчас живем,— живем мы надеждой на американскую выставку. Она открылась 9 марта в Нью-Йорке. Пока получена телеграмма, что на вернисаже проданы вещи: (сколько, за что?) моя, Сомова, Поленова (евангельский цикл), Виноградова и Исупова. На выставке до ста авторов и до тысячи вещей с графиками. Каков будет результат этого предприятия — еще сказать ничего нельзя, так как мода на все русское быстро проходит и лишь музыка пока еще исключение. Рахманинов, Зилоти и до сих пор имеют успех. Успех же Рериха, о котором он сообщал, оказался сомнительный. Сейчас он, слышно, в Индии, куда уехал с Рабиндранатом Тагором, однако и это может оказаться «преувеличенным». Бакст в Америке, переезжает из города в город, читая лекции о... дамских нарядах. По письмам из

Америки, страна ошеломляет новичков и столь же быстро надоедает своей бездушностью: «земля не пахнет» там и все как бы неживое.

Жили мы это время очень тяжело во всех отношениях. Я работаю много, но только впрок. Скоро выйдет юбилейный сборник (двадцатипят[илетие]) «Мира искусства». Со многими статьями художников и о художниках; редактор — Голлербах. Будет помещен там и мой «эскиз» и, кажется, обо мне что-то...[3]

Сейчас март, весна хотя и робко, но говорит о себе, и недалеко то время, когда она ворвется победительницей, все оживет, а потом зацветет, заблагоухает, и лишь мы, старики, больше и больше будем «вспоминать», а не жить. Печальная пора!

504. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 25 марта 1924 г.*

[...] На позапрошлой неделе меня посетили мои знакомцы — американцы. Один из них только что из Нью-Йорка и был на нашей выставке накануне вернисажа. Находит выставку нарядной, интересной и думает, что успех она иметь будет.

Оттуда же, с выставки, идут вести пока не слишком радостные: за первую неделю из 914 номеров была продана всего двадцать одна вещь. Из коих четыре поленовских (12 т. долларов), три — Исупова, две — Сомова, две — Виноградова, две — Юона, моя, Крымова, Кардовского, две — Остроумовой-Лебедевой и Шарлеманя. Народу на вернисаже было около восьми тыс., на следующие дни от ста пятидесяти до девятисот человек (у Нестерова бывало на Конюшенной [1] и больше — тысячи по две иной день). Мне говорят американцы, что у них есть обычай — «ждать прессы» и потом уже покупать... посмотрим. Прислали два каталога, малый и большой иллюстрированный, где В. Васнецов и я. Снимки помещены в начале, так сказать, «по первому разряду». В сопроводительных статьях американского Грабаря и Грабаря российского также память наша «была почтена вставанием». В. Васнецов, Нестеров и Серов идут прежде других, однако на них не задерживаются долго. Зато Грабарь, по мнению м-ра Бринтона [2], — краса и гордость русского искусства, равно Кончаловский и Машков, одобрительно отзываются о Сомове и Коненкове, упомянуто еще несколько имен. Сам И. Грабарь о себе, из скромности, ему присущей, говорит мало, предоставляя это м-ру Бринтону. Иллюстраций немного — тридцать, столько же портретов авторов. Обложка хорошая — Чехонина.

Если бы я попал к вам в Питер, захватил бы и письма из Америки, и каталог, но для этого надо побольше денег, а их еще, как видишь, пока мало.

Много курьезного пишут сюда из Америки: вот, например, приведу тебе два предложения «для оживления» вернисажа: пригласить десять красивых девушек и столько же юношей и пустить их (в национальных костюмах) среди публики на роликах (коньки) или: «десять *красивых* самоваров и десять красивых девушек», конечно в национальн[ых] костюмах, должны фигурировать среди избранной публики вернисажа. Предложения эти приняты не были.

Наша братия в Европе и в Америке живет неважно: в Париже бедствует К. Коровин; Милиоти, Шухаев, Тархов «одичали» от голода. Один «Саша-Яша» [3] плывет по течению к успехам: он с одинаково *равнодушным мастерством* расписывает гараж под кабаре, подолы модных платьев парижанок, мебель и т. д. Судейкин недавно открыл в Нью-Йорке «Кабаре падших ангелов» и заявил, что он «теперь уже не художник, а директор кабаре», и т. п. и т. п. Видишь, сколь не сладко приходится бедным художникам «в наш просвещенный век»... Дикость американцев необычайна... например: подходит к статуе Коненкова дама, с интересом смотрит на нее, а затем спрашивает: «Какой машиной это сделано?» Статуя из дерева и «хорошей работы» — ясное дело машинной и, быть может, американской фирмы... Т[ак] наз. «духовные интересы» у этих людей в зачаточном виде, и потому все, что сейчас в этом роде является у них из Европы, они охотно «пересаживают» к себе, платя за это деньги [4]. [...]

Я рад, что мое стариковское художество [5], что попало в О[бщество] поощр[ения] художеств (оно — худшее из того, что мной было сделано за год), тебе понравилось.

Ты судья любящий, но нелицеприятный... Попало это художество туда для меня неожиданно. Я его переслал с родственником к П. И-чу Н[ерадовско]му, а уж он его определил в Общество. При этом я только на днях узнал из письма сестры жены (она взяла из О[бщест]ва и квитанцию на картины), что она без моего ведома или, верней, по неведению предложила П. И-чу или спросила у него, не могут ли эти вещи быть приобретены музеем?! Мысль не из счастливых у моей родственницы, далеко стоящей от художества и совершенно не осведомленной о том, как я смотрел и смотрю вообще на музейные приобретения и на приобретения для музея *моих* картин. Нерадовский должен мое мнение об этом знать, я не раз ему об этом говорил: мое желание было и есть — видеть в музеях лишь действительно лучшие и самые ответственные мои вещи, пусть будет количественно их и не много. Присланные ни в какой степени этим моим взглядам не отвечали и были посланы, чтобы продать кому-нибудь из частных лиц, т. к. дела мои были критические и приходилось хвататься за все более или менее возможное. При случае объясни это П. И-чу, *рассей* его недоумение на этот счет. Музей Александра III, как и Третьяковская галерея, не склад, а *хранилище* наиболее *достойного в русском искусстве.* Туда должны попадать вещи с величайшей осмотрительностью.

Однако надо и кончать мое писание. В заключение я попрошу тебя о следующем: в моих письмах к тебе, в редактировании тобой их я вполне уверен в твоей дружбе, в твоем такте заменить точками все то (думаю, что этого будет *не* вполне достаточно) из моей чисто личной жизни, что мне не хотелось бы выносить на улицу. Я предложил бы *при окончательной передаче писем в архив поставить условием*: если письма будут напечатаны или если кто пожелает ими пользоваться в архиве, то до годовщины столетия со дня рождения (1962 г.) это делалось бы *по твоим рукописям, а не по оригиналам писем в архиве.* После этого времени об нас с тобой хорошо забудут, чтобы кому-нибудь пришла охота сверять твою рукопись с оригиналом. Это моя большая к тебе просьба. Ты ее исполни.

505. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ *Москва. 21 апреля 1924 г.*

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

В ответ на Ваше письмо, сегодня мною полученное, сообщаю Вам следующее о нашей выставке в Нью-Йорке. Вести эти за первые *три недели,* следовательно, далеко не последние.

Успех выставки в Нью-Йорке большой, но «моральный», матерьяльный же более чем скромный. Мне известно, что на первых же днях по открытии были проданы две малых Ваших вещи за 100 долларов. Что было позднее — не знаю. Повешены Ваши вещи и выглядят они прекрасно. В той же комнате висят вещи Виноградова (нашего председателя) и Степанова.

Вы, Серебрякова, Кустодиев и Рылов представлены превосходно — это, кажется, общий голос. «Девочка» Серебряковой расходится, как и вещи Кустодиева, во множестве репродукций.

Вы, конечно, уже получили каталог с обложкой Чехонина.

Вещи Кустодиева, «очень русские», как пишет Виноградов, очень нравятся, но тем не менее, назначенные очень дорого, не покупаются.

Цены вообще в Америке сейчас малые, от 200—300 долларов дают еще охотно, чем же ближе к тысяче, тем тяжелее и неохотнее. Из петербуржцев нет А. Н. Бенуа, Сомов на первых днях продал две небольших вещи, что же было дальше — не знаю.

Из москвичей наибольший успех имеет Поленов с 12-ю картинами евангельского цикла. 4 из них проданы. Поленов — «гвоздь» выставки. Продал 3 этюда Исупов и по две вещи Виноградов, Юон, Ап. Васнецов, Степанов, Архипов и я. Остальные по одной, огромное же большинство еще ни одной (до 2 апреля). Посещают выставку слабо (вход — 1 рубль). Одновременно — 36 выставок — Сарджента, Бенара и друг[их] более или менее известных европейцев.

В общем, продано мало, едва ли более 30 вещей на небольшую сравнительно сумму. Долг выставки велик, до 25 тыс. долларов. Изыскивают пути для покрытия долгов. Дальнейшая судьба выставки еще не выяснена. Есть частичные предложения (по 2—4 автора) в другие города. Предлагают все оставшееся оставить на их «постоянной» выставке, но это предложение, конечно, неприемлемо. Наша беда произошла от неправильной информации: господа Рерихи осведомляли Питер и Москву о своих якобы из ряду вон выходящих успехах, на поверку же таких успехов или вовсе не было, или они были ничтожны. Мода на все русское прошла. Художествен[ный] театр влачит жалкое существование. Сейчас он уехал в Вашингтон. Кто имеет действительный успех — это Рахманинов, но и он не творит, а концертирует. Живет богато, уважаем и т. д. ...

Как жаль, что Сомов — ваш представитель — забыл о вас всех. Мы же здесь получили много писем, хотя все частные и ни одного официального.

В Вербную субботу было у нас общее собрание. Послана телеграмма с рядом запросов. Когда получим ответ на них — Вам сообщу. Эти дни, слышно, в Москве Нерадовский, он, вероятно, привезет Вам много московско-нью-йоркских новостей.

506. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 25 апреля 1924 г.*

[...] Наша американская «авантюра» в Нью-Йорке окончилась не блестяще. Продано мало, очень мало — моя еще одна, и задешево. Огромное же большинство без почину (В. М. Васнецов тоже). Сейчас ждем ответа на посланную запросную о дальнейшем телеграмму. Поедут ли куда дальше — или домой в Москву, в Москву!..

Лучший успех имел все же Поленов. Он хорошо продал. Странная судьба Кустодиева — он очень хорош, очень нравится, очень охотно его распространяют в репродукциях, но ничего не покупают. Говорят, назначил очень дорого — десять тысяч, а там 1000 дол[ларов] — уже задумываются.

Множество чисто американских анекдотов порассказали нам в письмах, лень их пересказывать. Однако один все же тебе сообщу. Десятки тысяч абонентов слушают по радиофонографу симфонию Бетховена — в самом патетическом месте звуки замолкли. Что такое? — несчастье... у мистера Кулиджа — президента — пропал любимый... кот Том... Президент в отчаянии, не может работать... Затем еще что-то, снова перерыв — снова слышны слова из Вашингтона... кот нашелся, ликованье! Бетховен с прежним подъемом продолжается... Такая вырезка была из газет приложена в одном из писем.

Конечно, много бы было можно тебе порассказать того-сего — да лучше уж помолчу, или, если будут деньги — их еще нет, прикачу к вам в Питер, и тогда услышишь все разом. Как-то пришла в голову мысль: а что, если бы тебе попытаться сократить свой труд по переписке с Н[естеровы]м — попросту *вычеркивая* из оригиналов те места, *какие ты нашел бы нужным, а не переписывать все заново*, оставляя в оригиналах все же то, что может когда-нибудь быть кем-то прочтено, а? Как ты на это посмотришь? Напиши. Будь здоров.

507. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 7 мая 1924 г.*

[...] Вы в своем письме задаете мне задачу — сообщить о себе все, что помню, — нелегкое это дело. Все прошлое было прекрасно, светло, полно надежд, а настоящее — старость, нужда, болезни и печали. Однако, Бог даст, летом попробую заглянуть в далекое, невозвратное. Справлюсь ли с этой задачей, тогда видно будет. Сейчас же ограничусь ответом на два-три Ваши вопроса.

Для меня не вполне ясно, что Вы подразумеваете под словом «ходы»? [1] Значит ли это эскизы и картина «Душа народа» или что? Если да, то отношение «Св. Руси»

к последней было такое: «Русь» зародилась раньше на два-три года до «Души народа», и эта последняя как бы вытекала из первой — была, как и «Путь ко Христу», уже неизбежной в развитии «темы». Тема же — почти одна и та же во всех трех, и, мне думается, лишь в третьей композиции тема была для меня почти исчерпана. и лишь в последние четыре-пять лет у меня появилась композиция, могущая внести как бы некоторое углубление или, быть может, концентрацию той же темы о нашей вере, душе народной, грехах и покаянии. Но эта новая мысль пока еще лишь в эскизах, а приведет ли Господь воплотить ее в законченные образы, в картину — сейчас не скажешь. Тут нужна воля более молодая, упругая и ряд благоприятных обстоятельств, на которые сейчас трудно рассчитывать. Однако, пока жив,— надежды не теряю, и все думается, что напишу еще и эту картину, как привел Бог написать все ранее задуманные.

Вот не думал я, что «Святая Русь» на Вас — юношу сделала такое впечатление. Слаба она, ох! слаба она в главном. Хотя сейчас на новом месте, в музее Ал[ександра] III, отлично повешенная в большом, с верхним светом зале, значительно выглядит лучше, несмотря на то, что под ней висит никто другой, а «Ермак»!.. Однако главного в ней нет, и это почти все.

Рад, что в писании остаетесь один на один с собой. Верный залог, что все будет от сердца. Проверяйте же все, и мое, и свое, созерцая подлинную природу и жизнь. [...]

508. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 11 мая 1924 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Пишу тебе обещанное «подробное» письмо, хотя о конечных результатах нашей выставки в Нью-Йорке еще и не знаю. Сейчас выставка уже вторую неделю как открыта в Уотербери, в $3^1/_2$ часах езды от Нью-Йорка. Она из ста сорока восьми вещей. Другая, вероятно, тоже теперь открыта уже, в Филадельфии, из стольких же полотен (на обеих мои оставшиеся *три* вещи, большая же — «Варвара» — остается «в фонде» в Нью-Йорке).

Эти две выставки будут открыты до 1 июня. Затем — перерыв до осени, тогда, соединившись, они полностью будут посещать другие города Америки. Таким образом, наши надеются к Новому году все «разбазарить»!..

Есть слух, что выставка прошла без убытка и даже какая-то прибыль. Но подробности узнаю, когда будет созвано собрание для официального ознакомления с телеграммой из Нью-Йорка. Успех бы был не только «моральный», как теперь, но и материальный, но цены, огромные цены, особенно назначенные некоторыми петербуржцами (не всеми, правда), отбили охоту покупать на русской выставке с первых же дней.

На выставке были Шаляпин, Анна Павл[овна] Павлова и другие наши знаменитости. Виноградов описывает пирушку, устроенную Шаляпиным нашим уполномоченным. Был обед в трактире, посидели до 2 ч. ночи. Ш[аляпи]н все так же занимателен. Предавался воспоминаниям, когда-то с В[иноградовы]м он жил вместе. Хорошее-де время было! Он привез чемодан с вином и пили тайно, в отдельном зале. Ресторан этот так и называется «Шаляпинским». Ш[аляпин] сделал его большим и богатым из маленького кабачка. Хозяин — немец. Оказывается, когда Ш[аляпи]н был в первый раз в Америке, еще давно, до войны, не имел совершенно успеха и зол был на все невероятно, и когда уезжал — интервьюерам все изругал, всю Америку во всем, и еду, и только поесть можно вот в этом кабачишке, да и тот немецкий. С этого интервью и пошел в моду ресторанчик и стал богатеть хозяин, так что, когда Ш[аляпи]н приехал второй раз — немец помчался на пароход с цветами встречать, а тот, конечно, и забыл давно о немце. Очень забавно Ш[аляпи]н рассказывал это за обедом, а немец сидел с ним и осклаблялся. Теперь по стенам висят портреты Ш[аляпи]на. некоторые с его подписью. Ш[аляпи]н прислал нашим ложу в Метрополитен-опе-

ра наши были. Шел «Борис Годунов». Вот как описывает В[иноградо]в свои впечатления: «Как услышал я музыку нашу, вступление, самые первые-то музыкальные фразы — помните — Господи, как сердце заволновалось. [...] Все пели по-итальянски. Федор, конечно, по-русски. И какие слова-то пел! И как он был велик на этом смешном фоне всех остальных. А соединение-то какое: Пушкин, Мусоргский и Шаляпин! Хорош он был, изумителен. Весь остаток дня ходил с особым чувством страшной грусти. Ушло, ушло самое драгоценное наше». [...]

Америка, видимо, нашим изрядно надоела. Сытин и Трояновский скоро возвращаются в Москву (на днях). Виноградов еще останется месяца полтора. Про остальных — не знаю. [...]

Пресса американская нам посвящает хвалебные статьи, печатает наши картины в своих журналах, газетах, их много прислали мне. [...]

Завтра-послезавтра еду к Троице — в Абрамцево на обычные весенние этюды. Пробуду с неделю вне дома. А там и совсем в деревню на все лето. Будь здоров. Будут новости — сообщу. Рад, что ты в добрых отношениях с Воиновым. Он сделал на меня очень хорошее впечатление.

509. В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. Май 1924 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич!

Поздравляю Вас с восьмидесятилетием Вашего рождения. Путь, пройденный Вами,— одинаково славный для Вас и для родины нашей. Вы были участником и свидетелем незабываемой эпохи в жизни русского искусства, его прекрасных достижений. Вы, один из лучших учеников П. П. Чистякова, передали заветы учителя своим ученикам.

Из Вашего большого опыта молодежь брала то, что ей недоставало. С юных лет я был восхищенным почитателем «Бабушкина сада», «Московского дворика», «Болота с лягушками».

В них Вы с таким молодым, непосредственным чувством, с такой красочной полнотой показали поэзию старого, родного быта, неисчерпаемые тайны нашей родины.

Вы как бы заново открыли волшебное обаяние красок.

За все благодарю Вас.

Наталии Васильевне и семье Вашей, прошу, передайте мое поздравление с днем рождения Вашего.

Вас уважающий

Михаил Нестеров.

510. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Дубки]. 27 июля 1924 г.

[...] Живем мы сейчас хуже прошлогоднего, ибо без надежд, кои были в год минувший, на американскую выставку...

В Нью-Йорке выставка наша, быть может, и писал я Вам, открылась в конце сезона, причем мы были очень плохо осведомлены, назначили дикие цены и с ними сели на мель. Из ста авторов продали лишь сорок, остальные «без почина».

Сумма, вырученная с продажи картин, тоже невелика. Но у нас есть возможность сделать ряд выставок в других городах Штатов, Канады, куда нас приглашают. И это мы сделаем, если удастся получить разрешение на предмет командировок наших уполномоченных и на право открытия таких выставок. Увы! на это не много надежд, так как за нашей выставкой и ее представителями оказались какие-то прегрешения, полагаю — невольные, за которые они и должны понести известные кары [1].

Если же все обойдется, тогда с сентября опять «заторгуем», и будет «картошка», а иначе — придется сосать лапу. Часть наших уполномоченных возвратилась. Здесь Сытин, Трояновский и Грабарь. Все они полны рассказов о виденном, о чудесной заокеанской жизни, столь не похожей на жизнь европейскую. Все иное, методы воспитания — упрощенные до последней степени. Наукой и запросами высшей культуры заняты немногие «избранные», 95 процентов всего населения Штатов работают, торгуют, сыты, обуты, одеты, веселы (почти каждый имеет свой автомобиль, ванну, хороший стол). Воспитывается крепкая, здоровая, веселая, деловая порода людей, и эта порода все имеет, что ей поставили в детстве идеалом. Идеал же — «живи и не мешай жить другим». Просто, понятно и легко достижимо. 4 $^1/_2$ процента живут иной жизнью — они богаты, получили некоторые потребности, каких нет у 95 процентов, и эти, как и первые, стремятся к наивысшему идеалу — стать «миллиардерами» — коих $^1/_2$ процента, и эти $^1/_2$ процента «правят»-де миром. [...]

Надобности в искусстве нет, но если умеешь, то продать там и наш товар можно, что в Европе уже труднее. Все упрощено до чрезвычайности.

Работаю в это лето мало: что-то не клеится все, то лень, то погода плохая, а время идет да идет. [...]

511. А. А. ТУРЫГИНУ *Дубки. 22 августа 1924 г.*

[...] Мне пишут из Риги, что в тамошних газетах много уделяют места юбилею Репина. Чествовали его торжественно, поднесли драгоценную икону. Сам юбиляр был в вожделенном здравии, бодр и радостен. Работает И. Е. до сих дней по пять-шесть часов ежедневно. Вчера была статья «О Репине» и в московск[их] «Известиях».

Некий критик отмечает выдающийся талант автора «Протодиакона» и «Исповеди осужденного» [1].

Пошли, господи, России побольше таких «некультурных» талантов, каким награжден Репин, и вопрос — когда-то будущая Россия дождется ему подобного...

Писал ли я тебе о результатах этого лета (оно для меня кончено, 14-го ст. ст. едем в город)? Написал портрет Веры — он неплохой по живописи, но недостаточно схожий, а следовательно, и не портрет (как правильно думает Т[урыгин]). И переписал с головы до пят «Пророка». Картина, по общему признанию, сейчас «допеклась», и я рад этому. Два-три повторения старого да с десяток этюдов. Вот и все. Что же хуже всего — это вовсе не поправился и еду в город инвалидом. [...]

512. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва. 8 октября 1924 г.]*

[...] Я недавно совершил путешествие, большое, пятидневное, осеннее путешествие по всем знакомым и любезным местам. Был в Абрамцеве. Там мир и благодать; был у Троицы, там сейчас интересная выставка, составленная из предметов, хранящихся в ризнице XVI—XVII века. Чудные вышивки, образа, миниатюры и проч. [...] Последним посетил Мураново, Тютчевский музей, умно, со знанием дела составленный из архивов и предметов быта Тютчевых, Баратынских, Аксаковых. [...]

513. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 25 ноября 1924 г.*

[...] Работается пока что мало: сейчас темно, а выпадет снег — начну третью часть триптиха «На земле мир».

А там после рождества думаю сделать начисто эскиз предполагаемой картины «Распятие». Говорю — предполагаемой, не смея говорить уверенно, будет ли сама картина написана: так это трудно сейчас осуществить.

Наша американская выставка могла бы идти прекрасно, если бы не затруднения на пути дела, но и они, есть надежда, будут устранены, и те двенадцать городов, кои нас пригласили, еще увидят, каковы мы есть...

В г. Питсбурге нас пригласили устроить «постоянную выставку» картин. Много и еще предложений, для нашего самолюбия лестных, но их осуществить едва ли будет возможно, т. к. срок нашего пребывания в Америке ограничен мартом 25 года.

Виноградов все еще в Риге, и его замещает на месте [1] К. А. Сомов.

Сейчас с интересом читаю жизнь Жорж Занд.

Огромный талант и личная жизнь огромных страстей, увлечений и разнообразия сейчас сведены почти к воспоминаниям, хотя расцвет таланта Ж[орж] З[анд] был менее чем сто лет тому назад.

Столько идей, их воплотителей и носителей прошло с тех пор, и лишь первоклассные гении держатся неувядаемыми.

Страшно подумать — неужели и Толстого с «Войной и миром» постигнет та же судьба, как Жорж Занд?.. все это станет прекрасным литературным воспоминанием, как «Бедная Лиза» и многое другое?.. А мы все, ныне живущие и еще недавно жившие,— не ждет ли нас судьба «Княжны Таракановой» Флавицкого или «Неравного брака» Пукирева? [...]

514. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 5 декабря 1924 г.*

[...] Был Виктор Мих. Вас[нецо]в (давно не бывал). Старик в семьдесят семь лет выглядит не более семидесяти.

Бодр, остроумен и красив старческой, благородной красотой (ты пишешь, что «забавны» письма Антокольского — чем?).

Вчера и я был у Васнецова — хлопочем о Владимир[ском] киевском соборе. Его забрала обновленч[еская] группа [1], а т. к. у них денег нет (никто к ним не ходит), то и топить будет собор зимой нечем, а из этого вывод один — живопись собора погибнет.

Хлопот был полон рот. Куда-куда не писали и не подавали мы бумаг — сегодня послали в УССР. Что-то будет?

Получил я письмо и от Ильи Еф[имовича] (ответ на поздравление с его восьмидесятилетием) [2]. [...]

515. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Москва. 12 декабря 1924 г.*

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

На днях передали мне Ваше письмо и книгу [1].

Сердечно благодарю Вас за них. Мои воспоминания о давно минувшем и во мне вызывают лучшие чувства.

С тех пор мы сами и жизнь вокруг нас так изменились...

Работаю я мало, и все же еще временами в моей старой голове бродят кое-какие мысли... образы.

И тогда мне так хочется обратиться к Анне Константиновне, попросить ее посидеть час-другой, написать с нее этюд, но такое состояние души проходит, и вновь «дрема долит». [...]

1925

516. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 5 января 1925 г.*

[...] Твои два письма получил своевременно и давно. Первое, о Литовченко, очень хорошо, от души смеялся, вспоминая его образ. Хорошо и то, что в твоих о нем воспоминаниях нет «усмешки», иронии и тому подобной дряни. О покойнике, да еще о хорошем, каким и был Ал. Дм. Л[итовчен]ко, требуется особая деликатность, и она в твоем очерке есть.

Где эти люди, как далеко они от нас, нашей сегодняшней жизни. А мы! все еще топчемся, все еще барахтаемся здесь... Ну да придет время, дай срок, и нас не будет...

В Питере, слышно, опять наводнение, опять вы там поплыли. Эк вам неймется!..

Вчера и сегодня и у нас в Москве дождь (это в конце-то декабря)!

Дела не веселят, сидим с остатками американских долларов, на ладан они дышат, эти доллары. А новых не предвидится. Там, за океаном, у нас разруха. Поглядим, поглядим, да и лавочку закроем.

Здесь, дома, не работается, ни к чему. Повторять себя надоело, а новых мыслей нет, а те, что есть, около печки сидя, не напишешь.

В художествен[ном] мире тихо, продолжают перелицовывать Трет[ьяковскую] галерею. Дело хлопотное и невыигрышное. И то сказать, «еже писахом, писах». Открыто здесь, при скульптурном музее, отделение старой живописи; кое-что дал Эрмитаж, еще кое-что понабрали,— вышло, слышно, так себе, второй, третий сорт...

Как-то по одному делу недавно был у Черткова (толстовца). С ним мы видимся через 15—20 лет. Встречи наши обычно — встречи хорошие, благожелательные. Так было и на сей раз. Черткову сейчас уже 70 лет. Этот когда-то красавец-кавалергард одряхлел изрядно, однако основное его качество — упорство, какая-то непреодолимая тупость, ограниченность в восприятии жизни и идей — осталось незыблемо. И оно-то так и разнит его от Толстого, человека вечно юного, вечно обновляющегося внутренне. Чертков, показывая мне рисунки мальчика, его родственника, видимо одаренного (он и музыкант, и актер), заметил, что он (Чертков), как демократ, хочет сделать из мальчика «сапожника». На мои слова — «А что, если у мальчика окажется дарование-то подлинное, стихийное, да еще при уме и характере, тогда как быть?» — Чертков успокоительно заметил, что, «к счастью, у мальчика нет ни воли, ни характера», а потому карьера сапожника обеспечена счастливцу. Каков старец?!.. Очень мила, совершенная развалина давно болеющая жена Черткова, также подавленная издавна его тупой волей. [...]

517. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 29 января 1925 г.*

Давно не писал тебе, Александр Андреевич, да и от тебя что-то нет давно вестей, обещанного письма о Крамском. Здоров ли ты, как твои дела и проч. Мы здесь все за последний месяц переболели. Начал Алексей, потом Ирушка, за ней Ольга, Наталья, кончилось тем, что свалился и я. Была у кого — ангина, у кого — жаба, у кого — инфлуэнца. Я и сейчас еще сижу дома, долечиваюсь. Боялся третьего воспаления, однако кончилось малым, инфлуэнцей... Был доктор — старый приятель Ф. А. Гетье, когда-то директор одной из самых лучших московских больниц — Солдатенковской, построенной на средства Косьмы Терентьевича Солдатенкова — мецената, старообрядческого архиерея, одного из основателей Моск[овской] школы живописи и ваяния. Одного из любопытнейших самородков старой Москвы, с обликом Росси в «Короле Лире», да и с повадками этого короля.

Теперь Гетье «во славе». Он лечил Ленина и лечит в Кремле многих из правител[ьства]. Он остался таким же добряком, душевным человеком, приносящим много

пользы людям. Посмотрел меня он основательно, нашел, что для 62 лет пока что больших изъянов нет. Попили чайку, поговорили — приятно было вспомнить старину, иные времена...

На днях получил большое-пребольшое письмо от некоего Жиркевича, бывшего военного судьи генерала, когда-то писавшего в разных журналах, печатавшего свои стихи и проч. Водившего компанию со многими художниками, в числе их и с И. Е. Репиным. Теперь Ж[иркеви]ч доведен до полного разорения, бедности и живет в одном из городов Поволжья. Работает, как и ты, в каком-то архиве и не бросает старой привычки интересоваться художеством и художниками. Он пишет в своем письме много о Репине, говорит, что у него сохранилось-де более ста писем Ильи Е ча, лучшего периода его творчества. Вот мне и пришло в голову написать тебе, не пригодились ли бы эти 100 писем Репина вам, в музей? Спроси Петра Ивановича, - и если письма эти музею будут пригодны, тогда я мог бы предложить Ж[иркеви]чу их переслать или завещать передать музею. Тут и тебе, архивариусу, найдется работа, пороешься в «пыли времен».

Дела наши американские хвалить нельзя. Никто не стал ходить, ничего не стали покупать на выставке с того дня, как там водворились новые люди. Хотят везти выставку из Штатов в Мексику — дружественное государство. Вернее же всего, что весной выставка вернется домой, не оправдав всех «бессмысленных мечтаний» нашего брата, голодающего русского художника.

А дела действительно из рук вон плохи. Еще 2—3 недели, и у меня станет вопрос о существовании ребром. На 65 р. от КУБУ не проживешь, платя эти деньги полностью за квартиру, отопление, освещение, по высоким расценкам для лиц «свободных профессий», хотя бы и сидящих без заработка...

Однако боюсь довести тебя до слез — и прекращаю свои стенания.

Никто, как Господь!

Погода у нас весенняя, то оттепель, то один-два градуса — холода. Каков-то будет урожай?

518. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 16 февраля 1925 г.*

[...] Твои воспоминания о Крамском прочел со вниманием [1]. Пишешь *осторожно*, в этом есть и хорошее, и слабое место [для] дела. Хорошо то, что факты преобладают над анекдотом, плохое — то, что иногда хороший вымысел *оживляет* повествование. В первом письме твоем мне несколько мешало и то, что ты понадергал отрывков без их последовательности. Но, однако, должен сказать, что все, что ты говоришь,— умно, доброкачественно. Продолжай, если будет охота, читаю, повторяю, с интересом.

Недавно меня очень порадовали мои земляки-уфимцы. Они справляли юбилей (пятилетний) уфимского музея. Было торжественное заседание в «Нестеровском» зале, основано «Общество друзей музея» (сейчас это модно). И было постановлено послать приветствен[ную] телеграмму «основателю» музея, сиречь мне, и постановлено обратиться с ходатайством к «Башреспублике», чтобы дом, где родился я, вырос, жил и работал, был превращен в худож[ественную] студию или иное какое просветител[ьное] учреждение имени Нестерова. Кроме того, там основана библиотека (при музее же) моего имени. Чуть было не пролил слезу от такого чрезмерного ко мне внимания.

Дела с Америкой — плохи. Петр Ив[анови]ч [2] со слов сегодня уезжающего в Питер Грабаря узнает, в чем дело, и, быть может, тебе порасскажет.

Сейчас работаю большой портрет с давнишнего приятеля своего (еще киевского), теперешнего академика проф. Северцова.

Фигура живописная. Нечто костистое, неуклюжее, сходное со страшной гориллой, но умное и интересное... Пишу всю фигуру, в обычной его обстановке, в кабинете, среди книг.

Как ни странно, но уже много лет я живу не среди художестве[нной] братии, а среди братии ученой — профессоров!

519. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 9 марта 1925 г.*

Прошу тебя, Александр Андреевич, передать мой привет и адрес В. Д. Поленова Вс. Вл. Воинову. Адрес таков: г. Таруса Калужской губ., имение Бехово.

Поленов, как слышно, очень хорошо себя чувствовал, много работал в ближайшие месяцы после своего юбилея, но последнее время стал опять недомогать. [...]

Работаю большой портрет с акад. Северцова. Выходит похож и, кажется, живописен в пределах мне доступных. Это интересное ученое чудище разметалось у себя в кабинете на своем большом диване как подстреленный коршун,— Северцов тяжело болен, на днях ему в третий раз пустили кровь. Работы осталось сеанса на четыре-пять. Пишу с большим удовольствием.

Вчера у нас было малое заседание по поводу американской нашей выставки. Собралось человек семь. Прочли нам все страшные и менее страшные бумаги, письма и проч. Оказалось менее все страшно, чем казалось. Насочиняли ответов, если не исчерпывающих, то, во всяком случае, значительно смягчающих наши вины (коих, конечно, и не существует вовсе). Решено с выставкой не предпринимать ничего решительного, т. к. сейчас, по всем признакам, там что-то произошло в смысле улучшения положения или обстановки дела — есть несколько продаж и деньги за них уже высланы. Поживем — увидим. [...]

520. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 10 марта 1925 г.*

Только что получил письмо от Виноградова. Письмо хорошее, полное надежд на лучший исход нашей выставки в Америке. Новые люди [1] дело ведут тактично. Приглашений хватит не на один год. Передай Петру Ивановичу, что в Waterbury проданы: Нерадовский — 1, Богдан[ов-]Бел[ьский] — 1, Кустодиев — 2, Фалилеев — 1, Е. Лансере — 1, графика Митрохина, Верейского — 1, Виноградова — 1. Затем в г. Мемфисе Бялыницк[ий]-Бируля — 1, Бобровский — 1, Кругликова — графика — 1, Савинов — 1 и аквар[ель] Е. Лансере, Бычков — 1. В г. Балтиморе — Крымов — 1 и Бялын[ицкий-]Бируля — 1. Сомов жалуется на свои дела, что никому не нужно его искусство. Хочет весной ехать в Париж.

521. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 12 мая 1925 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Что-то давно нет от тебя писем. Что случилось? Неужели только лень — стыдно, брат,— лень надо на ремень...

Отвечай немедля, а то буду думать, что ты заболел и лежишь недвижим.

Я уже побывал в Абрамцеве, пописал там, таким образом весенний сезон как бы открылся. Там, в Абрамцеве, все мне любезно — и природа, и люди. Настроение там всегда было высокого духа, а природа такова, что я мог бы там прожить годы безвыездно, постоянно находя для себя что-либо интересное, любимое, вызывающее бесконечные темы для картин, эскизов...

Сейчас на очереди поездки в Мураново (Тютчевы) и через Мураново к Северцовым так на неделю-другую.

Северцов на днях справлял свой юбилей (35 — ученой и профессорск[ой] деятельности). К этому был приноровлен в Москве съезд естествоиспытателей, почетным

председателем коего и был избран юбиляр. Собралось человек до семисот ученой братии. Было произнесено много речей, и на все (и от Академии наук, как академику своему) Северцов отвечал одной краткой речью — покрытой «ура!» семьюстами голосов.

Тут же было объявлено о пожаловании ему пенсии, закреплении пожизненно квартиры, о разрешении поездки на год за границу (в Англию, Италию) и прочие блага.

В конце съезда был грандиозный банкет, данный ему учеными и друзьями. Я на банкет не пошел, находя, что это по теперешним временам — не гоже... Послал приветственное письмо, которое и было прочтено в числе других (и от Викт. Васнецова было такое же, т. к. сын его состоит доцентом в лаборатории Северцова). Ответом на наши приветствия предложено было выпить за наше здоровье, при соответствующих речах, на которые такие мастера гг. ученые-профессора.

Вчера вечером Северцов с женой были у нас. Он выглядит плохо, страшная болезнь делает свое дело, и я боюсь, что вместо Англии и Италии не пришлось бы отправиться недавнему юбиляру куда поближе-подальше... в Новодевичий. Жаль будет искренне. За долгие годы дружбы нашей пережито немало хорошего. Да и вообще сейчас терять сверстников и знакомых особенно тяжело и заметно — еще более становится ясно свое одиночество. [...]

522. И. С. ОСТРОУХОВУ

[Москва]. 3 июня 1925 г.

Многоуважаемый Илья Семенович!

Сегодня, в день чествования сорокалетия художественной деятельности Вашей, присоединяюсь в этом к семье русских художников.

Приветствую Вас как автора прекрасных «Весны» и «Сиверко», украшающих сейчас Третьяковскую галерею.

Вспоминаю как попечителя галереи, точно исполнившего волю покойного Павла Михайловича.

Желаю Вам доброго здоровья.

Надежде Петровне прошу передать мой поклон. Михаил Нестеров.

523. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

Москва. 9 июля 1925 г.

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

Письмо это передаст Вам моя хорошая знакомая, талантливая ученица П. П. Чистякова — Тамара Александровна Моллот.

Тамара Александровна очень хотела бы посмотреть Ваши работы последних лет, а также посоветоваться с Вами относительно своих художествен[ных] занятий, т. к. сейчас, после минувших тяжелых лет и лишившись советов Павла Петровича,— она очутилась на перепутье.

Тамара Александровна хотела бы показать Вам и свои работы, знать Ваше мнение о них, а также повидать Александра Н. Бенуа, который, слышно, сейчас за границей.

Как проводите Вы настоящее лето, работаете ли?

Я, к сожалению, сижу в городе, кое-что делаю, но, конечно, не то, что бы хотелось.

524. С. Н. ДУРЫЛИНУ

Железноводск. 8 октября 1925 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Письмо Ваше получилось первым из ряда писем, направленных сюда. Благодарю Вас за все, что Вы говорите в нем. Благодарю за вкусную уфимскую дыню.

Душевно часто бываю с Вами и люблю Вас искренне за мягкую, ласковую дружбу Вашу.

Побывайте у старого-старого сказочника В. М. В[аснецов]а. Он тоже любит Вас и очень заботливо говорит о Вас, подходит к Вам.

Не помню — говорил ли я когда-нибудь Вам о своем приятеле А. А. Т[урыги]не, которого Вы встретили у нас без меня? Кажется, нет человека более «по видимости» не подходящего для дружбы со мной, чем этот флегматик, и однако сорокалетние отношения утверждают нас обоих в этом звании — звании испытанных друзей, и, видимо, утверждают навсегда, навек. Странная дружба... и, однако, несомненная. Еще недавно — очень богатый человек, умный, безусловно высокопорядочный, он представляет собой необыкновенно яркий образец вырождения отличной, но недолговечной породы.

Дед — холмогорский мужик — самородок, в сороковых — пятидесятых годах наживает миллионы, ведет, полуграмотный, торг лесом с Англией, роднится (женит единственного сына) с Громовыми, когда-то знаменитыми столпами старообрядчества. Холмогорский мужик роднится с санктпетербургским именитым купечеством: Елисеевыми, Глазуновыми [...].

Мужик-миллионщик посылает единственного сына своего (отца А. А.) в Англию, в Лондон учиться там уму-разуму, себе и отечеству на пользу. Однако пользы ни отечеству, ни роду от него не вышло.

Вернувшись англоманом, но не дельцом, отец А. А. кладет начало конца большому делу, не любя его, им не интересуясь, — наш англоман предпочитает сделаться рантье. После рано умершей первой жены (Громовой — матери А. А-ча) отец А. А. скоро женится на второй, уже на этот раз артистке, ставя, однако, условием, чтобы она свои «художества» бросила. Десятки породистых мопсов должны были заменить искусство, а вместе с тем и живые потребности бездетной женщины, а пасынок рос одинокий, забытый, без тени любви. Он мечется до тех пор, пока преждевременно не обессилевает окончательно в праздности, пока не делается Обломовым из купечества.

События последних лет сделали его нищим, но духовно его оживили. Ведь известное дело — «нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет». Вот и Т. «заплясал», и было это достойней слишком долгой праздности, в лучшем случае — интеллигентского парения в невысокую высь. И все же, несмотря на наше крайнее духовное расхождение, несродство характеров, я не могу не считать скептика и умного циника — Т[урыгина] — своим другом. Сорокалетняя переписка наша — все эти 600—700 писем не содержат в себе ни обмена мыслей или чувств о художестве или «идеалах» вообще. Ничего заветного в них говорено не было, и писать другу Т[урыгин]у об этом заветном было бы праздным делом [1]. И однако, в этих письмах проходит вся моя внешняя жизнь, а она все же была полная, разнообразная, деятельная. [...]

525. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 26 ноября 1925 г.

Твое письмо, Александр Андреевич, получил. Известие о П[етре] И[ванови]че — очень неприятное известие. Жаль его, как очень хорошего человека, и жаль за музей, в дело которого он положил и душу, и знание. Сейчас и в Москве с музейными делами — неблагополучно: подал в отставку — и она принята — директор Третьяковской гал[ереи] Щекотов. Намечены в директора двое — Грабарь и Петр Иванович. О последнем говорят сочувственно, но опасаются, что он не захочет переезжать в Москву, где очень трудно с квартирн[ым] вопросом [1]. [...]

Вчера мы собирались для обсуждения американских наших дел. Много там неясного, отчеты теперешние заправилы выставки дают неохотно, и мы мало знаем, что и как там идет. Стал вопрос о том, что не пора ли эту затею кончать (к весне) и товар вернуть домой.

Мои дела — так себе. Утешительного ничего из Америки не поступало. Сейчас есть надежда кое-что сбыть в Толстовский музей (остались три рисунка с Л. Н. и этюд с Чертковой). Кроме того, я нарисовал иллюстрацию к «Казакам» для издания «раннего Толстого» (безвозмездно, по-приятельски). Толстовскому обществу обещано 500 тыс. руб. к юбилею (столетие со дня рождения). Будет издан девяносто один том! всяческих его произведений (писем, записок и проч. и проч.). Удивительная жажда к постоянному прославлению, к «не могу молчать». Какой-то недуг, с которым, очевидно, и поделать ничего нельзя. Недавно мы получили в подарок (от Натальи) билеты на «Гамлета» с Чеховым [2]. Чехов сейчас «любимец публики», и посмотреть его в Гамлете хотелось — и вот увидели...

Поставлена шекспировская пьеса со всеми современными претензиями, отзывающими пошлостью, которую уже перестали и узнавать в лицо,— она стала как бы необходимой. На фоне всяческих балаганных трюков и шутовства, с бездарными, самодовольными лицедеями выступает Гамлет — Чехов. Человек безусловно талантливый, но не более того, Чехов не дал шекспировского Гамлета-философа — хотя бы и с повышенной нервной чувствительностью. Гамлета, как бы созерцающего жизнь, свои переживания, углубленного внутрь. Гамлет — Чехов не дал ничего этого. С первого появления своего — неврастеническая крикливость, переходящая в неистовые крики, в позерство, суетливость. Редкие проявления высокого искреннего трагизма, который так неотразим в Шаляпине и у когда-то мной виденных Росси, Муне-Сюлли и даже в Сальвини-сыне. Пошлость и внешние, дешевые эффекты постановки пьесы как бы подавляют и заражают собой бедного Гамлета — Чехова. Многочисленная публика в диком восторге, как и теперешняя молодежь, не видавшая лучшего, что выпало на нашу долю. Ей не с чем сравнить — она обречена на созерцание посредственного.

Ну, пора кончать. Сейчас пишу женский портрет в расплату за Железноводск. Модель — очень приятная. Пишу с большим удовольствием, хотя и со страхом [3].

1926

526. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 11 мая 1926 г.*

[...] На праздниках, между прочим, был у меня хранитель (тоже «старший») уфимского музея, коммунист, татарский писатель. Человек неглупый, удобоваримый. Поговорили обо многом. Музей в отличном состоянии. Ходатайствуют о пополнении из фондов... Крамским, Серовым, Зичи, Куинджи и другими. Сообщил мне, что кроме школы моего имени в быв[шем] моем доме они решили свой музей переименовать из «I пролетарс[кого] музея в память Велик[ой] Октябр[ьской] революции» — назвать так: «Государствен[ный] музей искусства имени Мих. Вас. Н[естеро]ва». Это слушать было мне приятно, тем более что так предполагалось поступить и раньше — музей должен был носить мое имя.

На выставке АХРР еще не был,— слухи как в печати, так и среди художников однородны, что выставка велика (1700 вещей), но более «этнографическая», чем художественная. Лучшие вещи — Архипова (конечно, «бабы») и Кустодиева — старые или повторные картины.

На праздниках был Вик. М. Васнецов. Был очень оживлен и снова заговорил о моем (с меня) портрете. Было условлено начать его во второй половине мая у него в мастерской.

Таким образом безденежье, с одной стороны, и писанье портрета, с другой, останавливает меня здесь. В Питер, видимо, я не попаду.

527. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *[Москва]. 14 мая 1926 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

По слухам, в ближайшее время в особой Комиссии будет обсуждаться вопрос об Иванове.

Трагическая судьба Иванова близка нам, художникам, и, зная, что Вы входите в комиссию, я хочу побеседовать с Вами о нем, хочу сделать это еще и потому, что знаю вообще, что об Иванове говорить с Вами можно. Он для Вас не только объект для специальных исследований, но нечто большее. Говорить буду главным образом о картине и об этюдах к ней [1].

Об эскизах много говорить не приходится: они, как известно, «высочайше», так сказать, «утверждены» Алекс[андром] Н[иколаеви]чем Бенуа.

Говорить же о картине надо неустанно, т. к. весь трагизм Иванова заложен в его картине. Картина была и остается непонятой, спорной. А между тем *только в картине* Иванов выразил полностью весь свой гений. В ней он целиком отразил свое великое земное призвание, в ней художник-мыслитель, как Гоголь, совершенно реально обвеял жизнью каждую фигуру, голову, кусок природы, он вдохнул жизнь в каждую складку, так назыв[аемую] «классическую» складку драпировок картины. И недаром два такие знатока жизни, как Гоголь и Суриков, приходили в глубокое восхищение именно от *картины* Иванова.

В чем же секрет? Не в том ли только, что они *уже умели видеть то*, что было от множества людей по тем или иным причинам еще скрыто?

Гоголь и Суриков видели не так называемую «академическую» оболочку картины (подумайте, что осталось от академизма в картине?), а ее реальную, внутреннюю подоплеку, такую реальную, как в «Боярыне Морозовой», как в действующих лицах «Мертвых душ», как герои Шекспировых трагедий, где через стиль, эпоху, символы и проч. рвется изо всех щелей мощная, живая, реальная сущность изображаемого действия. Дело не только в том, верил ли и как верил Иванов, был ли он мистик или позитивист, к кому он ездил и с кем советовался после создания картины. Все это не имеет никакой цены. Ценно и важно одно, что в моменты наибольшего напряжения создания картины Иванову удалось силою истинного своего гения проникнуть в самые сокровенные видения изображаемого, и оно стало подлинной жизнью. Иванов сотворил *живое действие*. В этом и есть тайна, глубина и откровение картины.

В ней внешне все сдержанно, внутренне же пламенно. Эту пламенность как-то нужно прозреть, и только тогда блеск солнца поразит, восхитит прозревшего. Иванов — повторяю — в картине своей достиг предельного напряжения своего творчества, *в ней одной* он захватил *все стороны своего искусства.*

В ней он и великий живописец, опередивший чуть ли не на столетие своих современников, не менее совершенный рисовальщик и композитор, как говорилось когда-то. А «академизм» его, о котором так много говорено страшных слов, так же полно насыщен жизнью, вдохновенно претворен, как и ватиканские фрески Рафаэля, как «Тайная вечеря», потолок Сикстовой капеллы, и величие Иванова столь же подлинное, как подлинно оно в его гениальных итальянских предшественниках.

И только судьба его особая... русская судьба, сказал бы я, и мы все — «живые и мертвые» — в ней повинны.

Эскизы Иванова — превосходные эскизы [2], но в них он уже повторно и, б[ыть] м[ожет], по инерции проходил тот путь, которым впервые вдохновенно шел к картине.

После картины эскизы осуществить Иванову было легче, да и самый реализм их более внешний, так сказать, археологический, композиционный, рассудочный.

В эскизах Иванов — мастер, уже изживший лучшую долю своего гения. Родился Иванов для своей картины. Земная миссия его осуществилась в ней.

С одними эскизами, но без картины не было бы «нашего Иванова». Картина кончена — Иванов остался один. Страх, уныние, скептицизм — вот печальные его спутники. Все кончено!..

Физическая смерть была только освобождением от смерти духовной. Тут он оказался счастливее многих.

Иванов для нас, художников ушедших, настоящих и будущих, еще и учитель, учитель в самом обширном смысле слова.

Каждая мысль его (художественная), каждый этюд, законченный или незаконченный,— правдивая, реальная школа.

Иванов не только своею жизнью, но каждым штрихом, мазком своим учил, учит и будет учить вдумчивых художников.

Его огромный опыт, знание — наше лучшее достояние.

Он кажет нам путь верный, с ним бесплодные блуждания во мраке — немыслимы.

Потому и необходимо, чтобы не только картина и эскизы были до времени оставлены в настоящем их помещении, но чтобы там же были выставлены все без исключения его работы, хранящиеся как в самом музее, так и в фонде музейном.

Пусть художники сами разберут, что кому на потребу. Их не следует ограничивать: что не нужно одному, то может принести пользу другому.

Весь Иванов должен быть доступен, открыт народу, он верно послужит его просвещению.

Письмо это — выражение моего личного взгляда на Иванова, и все же полагаю, что художники в чем-то взгляды мои разделят.

И верится, что вашей Комиссии удастся облегчить судьбу великого Иванова.

Уважающий Вас

Михаил Нестеров.

24 мая

Это письмо было написано Вам, Петр Иванович, тогда, когда здесь стало известным о назначении Вас в Комиссию по обсуждению вопроса об Иванове.

Письмо не попало к Вам своевременно потому, что сведения о Вашем местопребывании были противоречивы.

Только что узнал точно, что Вы в Петербурге и что на заседании не будете (оно назначено на 25 мая). Письмо решил Вам все же послать. В последний момент в Комиссию привлечены и московск[ие] художники — оба Васнецова, Кончаловский и я. Кончаловский, говорят, в Новгороде. Будет очень, очень жаль, если не будете и Вы.

528. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 1 июня 1926 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Возвратившись в Москву, я нашел между другими приветствиями, присланными ко дню сорокалетия моей художественной деятельности,— приветствие и от Русского музея [1].

Не надо говорить, как оно мне дорого. Многие годы я знаю и люблю Ваш музей. На моих глазах он создавался, рос и, наконец, принял тот прекрасный облик, которым он славится сейчас.

Прошу Вас, Петр Иванович, передать мою искреннюю признательность всем тем, кто пожелал подписаться под присланным приветствием.

Получили ли Вы запоздалое мое письмо об Иванове?

Вероятно, Вам уже известно, что заседание прошло очень гладко и вполне благоприятно для будущего картины и проч. Завтра я опять еду в деревню, где сейчас так хорошо дышится и пишется.

529. ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Москва. 2 июня 1926 г.

Приветствие, полученное мною в день сорокалетия моей художественной деятельности от Третьяковской галереи, созданной великой любовью, подвигом всей жизни замечательнейшего русского гражданина Павла Михайловича Третьякова, — особенно взволновало меня.

Мы, старые, ныне уходящие художники, помнящие галерею с ее основания, любим ее, связанные с ней живыми чувствами, частью своей деятельности, особенно чутко воспринимаем ее судьбу, полагая, что судьба ее — есть как-то и судьба русского искусства, нам всем близкого и дорогого.

Я прошу всех почтивших своей подписью приветствие мне принять мою самую горячую признательность.

Михаил Нестеров.

530. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 2 июня 1926 г.

Благодарю тебя, Александр Андреевич, за твои поздравления и пожелания.

Все твои письма получил и прочел... с удовольствием...

Тебе уже известно, что т. н. «юбилей» прошел благополучно... но «виновник торжества» отсутствовал, т. к. с самого начала этой затее не сочувствовал, считал ее праздной, ненужной и т. д., но... «без меня меня женили»... Прошлая неделя вообще была полна впечатлений...

Было два заседания — одно по поводу наших американских дел. Оно прошло горячо, т. к. наши американские дела оказались в очень плачевном состоянии: выставка, остававшаяся неизвестно зачем без наших уполномоченных в Америке почти два года, сейчас ликвидируется — с большим дефицитом, т. к. новые, не наши, уполномоченные дела вели плохо. Принятых от старого комитета обязательств на себя не берут и проч.

За полтора мес[яца] в Нью-Йорке было выручено более 60 тысяч. За остальные же полтора года выручено всего — 12 тысяч! и долги не погашены.

Вот какие дела-то!

Второе заседание было по поводу карт[ины] Иванова. На него были приглашены и мы — трое стариков — оба Васнецова и я. Ждали Петра Иванов[ича], но он не приехал.

Заседание кончилось к общему удовольствию, и судьба Иванова, как говорят, сейчас «в хороших руках».

К ноябрю открыта будет для публики не только картина и эскизы, но еще и две залы с этюдами, ранее бывшими в фонде.

Мне пришлось услышать много любезностей от коммуниста — директора Румянцевск[ого] музея [1].

Вообще, по общему впечатлению, надо сказать, что сейчас мое положение неплохое, и будто бы недавно посетившая Третьяковскую галерею какая-то «высокая комиссия», дойдя до Серовского зала, остановилась перед моими картинами, с особым чувством и увлечением говорила о них: вот-де где русская душа и проч.

После этого я уехал в деревню к Щепкиным, где хорошо провел несколько дней, и сегодня уезжаю к ним опять; всего там пробуду недели две.

Люди они прекрасные, и я отдыхаю душой и телом. Начал работать этюды. [...]

531. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. 14 июля 1926 г.

Здравствуйте, дорогой Сергей Николаевич!

Рад был получить от Вас давно жданную весточку.

Рад и тому, что Вы с пользой для себя и для дела проводите время в Коктебеле. Курорт всякий, как бы он ни назывался,— курорт.

Строки о Волошине – утешительные строки. Я его ценю за многое, но этюд его с Сурикова[1] – прямо превосходен,— только недавно о нем говорили с Васнецовым, с Чулковыми.

Портрет с меня почти написан[2]. Сходство, кажется, большое, но то, что поставил себе художник (написать «автора Варфоломея» и проч.),— задача не из легких.

Кто портрет видел (из близких В[иктора] М[ихайлови]ча) — находят его удачным.

Нравится он и мне... но годы берут свое... В чем, полагаю, я не ошибаюсь, это в том, что в портрете нет ничего вульгарного, дешевого, но и то сказать, что написан он Виктором Васнецовым, написавшим «Аленушку», «Каменный век», создавшим алтарь Владимирского собора!.. Это все к чему-то обязывает и от чего-то страхует. [...]

532. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. 26 июля 1926 г. Утро

Дорогой Сергей Николаевич!

Оба письма Ваши получил, сердечно благодарю.

Сегодня отвечаю лишь несколькими строками: 23 июля в 11 часов вечера скончался Виктор Михайлович Васнецов! Помолитесь о душе его.

Васнецова не стало. Ушел из мира огромный талант. Большая народная душа.

Не фраза – Васнецова Россия будет помнить как лучшего из своих сынов, ее любившего горячо, трогательно, нежно.

Ваше и последующее поколение ему недодало в оценке, оно его не было уже способно чувствовать.

Виктор Михайлович умер мгновенно. Еще за час до кончины он бодро говорил с бывшими у него об искусстве, о моем портрете. Причем назвал его последним своим портретом.

Похороны завтра, в понедельник. Как-то церковь православная почтит память искреннейшего и вдохновеннейшего творца и создателя незабываемых образов Владимирского собора?

Сейчас ничего не пишу – много хлопот. Когда все поуляжется — напишу большое письмо.

533. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. 1—3 августа 1926 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Вот похоронили и Васнецова! Не стало большого художника, ушел мудрый человек.

Верю я, что немного пройдет лет, как затоскует русский человек, его душа по Васнецову, как тоскует душа эта по многому и многому, чего не умела ни видеть, ни понять. Ушел один из немногих горячо любивших Россию, ее народ, умевших в образах показать ее героев, всю сложность души этого странного народа.

Не стало Васнецова, стало пусто, одиноко, тоскливо.

В минувшие дни, в день похорон, я не раз слышал: «Вы остались у нас один», «Вы один у нас теперь национальный художник» – и многое такое. Слова шли от души искренне, а я думал, спрашивал себя — чем же я отвечу на такие слова? Что стоят мои старческие порывы, порывы без дел, без творчества... Все, что было сказать,— давно сказано, давно отдано... [...]

Однако попробую передать Вам то, что видел и пережил я с 24 по 26 июля.

Шли обычные и необычные панихиды. Приходили малоизвестные батюшки, пели импровизированные певчие.

Любители и близкие читали псалтырь. Первое время покойный лежал такой величавый, торжественный, как некий «благоверный князь». Еще бы корзно [1] да меч у бедра...

Ночью тихо мерцали лампады, свечи. Тишина нарушалась мерным, значительным чтением псалтыря.

В воскресенье, 25-го, за панихидой было очень многолюдно, а вечером был парастас [2] и народу нельзя было вместить в комнаты, он стоял на дворе. Все такие яркие русские лица, знакомые и вовсе не знакомые. Все пришли попрощаться, помолиться о новопреставленном рабе божии Викторе. Масса цветов, ими насыщен душный воздух.

Покойный уже в гробу стал меняться...

В понедельник — 26-го похороны. С $9^1/_2$ ч. утра у дома много народа. Сейчас вынос в церковь Адриана и Наталии. Епископ прислал отказ «по болезни». Лития... и гроб подняли сыновья и мы — художники. У ворот строится процессия — впереди дети, их человек двадцать — они с букетами в руках. Потом венки, затем крышку несут девушки. Дальше духовенство с о. Александром во главе. Гроб, огромная толпа провожающих и катафалк в одну лошадь.

Гроб поставили перед «Распятием» — одной из самых последних работ Виктора Михайловича, подаренной своему приходу. Служил о. Александр, сослужило ему восемь священников и два диакона, один их них — великолепный протодиакон — сибиряк. Прекрасный хор, певший все время песнопения старых композиторов Бортнянского и Турчанинова. Художников мало: они разъехались на лето.

Вот и начало отпевания, прекрасное чтение Евангелия о. Иоанном Кедровым. Простое, трогательно-задушевное слово о. Александра.

Долгое прощание, и гроб на руках близких, художников и народа был вынесен. Процессия двинулась снова к дому, а потом, после литии, к Лазаревскому кладбищу. Всю дорогу несли гроб на руках. Так много было желающих, такая была ревность в этом, равно у старых, как и молодых.

День жаркий, томительный. Однако путь этот прошли незаметно. У врат встреча. Могила близко от могилы о. А. Мечева.

Щусевская умелая речь над могилой от Третьяковской галереи (депутация с венком) и от Архитектурного об-ва. Затем говорил Аполлинарий [3] и кое-кто из публики.

Земля застучала о крышку, и скоро образовался холм, покрытый множеством цветов, с крестом, тоже покрытым цветами и венками. Долго стояли мы, перекидываясь словами... Затем пошли на могилу о. Алексея, там шла панихида, и домой, или, верней, на поминальный обед.

Пока говорились речи — на кладбище с колокольни шел такой радостный, пасхальный звон. Это привезли Иверскую, и когда мы покидали кладбище, провожали икону, тоже со звоном, народу множество, тут и слезы, и умиление... и вот опять святая Русь! [...]

534. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. 15 августа 1926 г.

Здравствуйте, дорогой Сергей Николаевич!

Ваше доброе и такое, по обыкновению, пристрастное письмо получил. Благодарю за него. Ведь так хорошо иногда чувствовать, что не все люди беспристрастны... Как-то легче дышится. [...]

Из двух слов Ваших о Матейке я вижу, что этого художника Вы не знаете (оригиналы). Матейка похоронен в Кракове, на Вавеле, где покоятся польские короли, где похоронен Мицкевич. Даром поляки этого не делают. Когда-нибудь мы поговорим с Вами о польском художнике-патриоте. О, он не Мункачи!..

Вчера был двадцатый день со дня смерти Виктора Михайловича Васнецова. Были на Лазаревском, служилась одна за другой две панихиды. Пели свои, очень

хорошо. Народу набралось много, художников человека четыре-пять. Вся могила в живых цветах.

С неделю тому назад в Историческом музее об-ва «Старая Москва» чествовали память Виктора Михайловича, был доклад, за ним воспоминания о детстве и юности. Доклад слабый (секретарь общества), воспоминания (Аполлинарий) приятны, хотя и хаотичны. Говорил еще кое-кто довольно косноязычно. Народу было много.

Но что вышло странно — это одновременное с чествованием памяти усопшего — празднование семидесятилетия Аполлинария Михайловича с речами, забавными стихами, с аплодисментами и проч. Желающим предлагалось гравированное изображение юбиляра, на обратной стороне которого, в широкой траурной раме, было извещение о кончине Виктора Михайловича и еще что-то относящееся к минувшим печальным дням. Неуместно, если не сказать большего.

По газетам, ни Репин, ни его сын сюда не собираются. Купленные у него эскизы, выставленные на АХРР'е, слышно, слабые. [...]

КУБУ [1] мне предлагает поехать в Крым или на Кавказ на октябрь-ноябрь. Мудреное для меня это дело. [...]

535. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. Август 1926 г.*

[...] Писал ли я тебе, что у тебя появилась соперница в долголетней дружбе со мной. Нет... так слушай: в конце зимы или ранней весной я получил письмо из г. Баку от О[льги] Павл[овны] Шильцовой, которая пишет мне, что хочет напомнить о том, что когда-то, более 40 лет (43 г.), она встречалась со мной в Академии и Эрмитаже, пользовалась моими советами и добрым к ней отношением. Сейчас она учительницей в Баку и в то же время она — владелица фруктового сада в Бахчисарае. Что она очень счастлива своей жизнью, хочет прожить еще 100 лет, и много такого, женского, но приятного и забавного. Просит ей ответить.

Я помню молоденькую барышню, очень скромную блондинку в суровой блузке с пояском. Барышню способную, из небогатой учительской семьи. Я к ней подходил в Академии, в Эрмитаже, говорил, советовал и проч. Завязалась переписка уже с Бахчисараем.

Я узнал, что моя приятельница окончила Академию. Была на Дягилевск[ой] выставке, имела там успех. Потом обстоятельства личной жизни привели ее на 3 года в монастырь, а затем учительницей в Баку, где она уже 25 лет. Она обладает незаурядной энергией, предприимчивостью. Обошла пешком Крым, Кавказ, Грецию, Италию, и только война пресекла ее странствования. Она отличный садовод. У нее произрастают прекрасные фрукты, и она то и дело присылает мне из своего сада то сушеные фрукты, «вкусности», как она говорит. Недавно же прислала пуд великолепных груш (до 100 штук) и пишет, что намерена присылать мне свои изделья «еще 50 лет», так как не знает, чем она может выплатить мне свой долг за старую дружбу и за какой-то академический эскиз, ей подаренный когда-то. Славная старуха!

Алексей нас не порадовал, в институт не попал. Хочет держать в другое место.

536. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 12 сентября 1926 г.*

Давно не писал ты, старик, и твое вчерашнее письмо не много прибавило к этому.

Ну, ладно, что с тебя спрашивать, с архивариуса...

Жена Викт. Мих. Васнецова, рожденная Рязанцева,— из старинного вятского купеческого дома (фабриканты). Она женщина-врач *первого* выпуска. Сейчас ей семьдесят шесть лет. Она больная, едва двигающая ноги — старушка! Она всю жизнь была другом и тихим, немногоречивым почитателем таланта своего мужа.

Она будет получать пенсию своего мужа — 75 р. [...]

Вообще же сейчас выработан устав «Общества имени В. М. Васнецова». Общ-во это предполагает устроить в доме покойного музей его имени, сохранив в нем все то, что относится к его деятельности, жизни, «быту». Там же будут выставлены все его непроданные работы, как последнего периода, так и более ранние [1].

За один рубль всякий может быть членом этого общества. Особые функции О-ва будут разработаны позднее. В создании О-ва принимают участие многие деятели, и я участвую во всех группах (инициативной и друг.). От председательства отказался, но буду делать все, что *умею и смогу*. Председателем, вероятно, будет Щусев. То, что ты ждешь от меня о Васнецове,— нечто вроде «воспоминаний» — напишу ли — не знаю [2]. О нем мне писать трудней, чем о ком-либо. Потому что здесь одними общими местами или сплошными восторгами нельзя обойтись. Восторгов, как и хулы, на него было много. Но как дать, как очертить лицо его художественное и человеческое, не впадая в крайности оценок,— еще не представляю себе. Мне, знавшему В. М., из живущих ныне, быть может, наиболее полно, чтобы дать *живой* образ этого большого художника и человека,— нельзя обойтись одним сиропом... В. М. был человек страстный, там жила «стихия» сложная, гамма его деяний, поступков, чувствований была тоже сложная. И вот всего этого касаться мне «невместно». Как-то пришлось бы «судить Васнецова», а мне, Нестерову, судить и как-то, быть может, в чем-то осуждать его не приходится. Нас — Штоля и Шмидта — пусть судит Бог.

Отдельные черты его характеристик, вероятно, найдутся в моих письмах к тебе,— они отражали в той или иной степени те моменты, в кои они писались. Иногда, б[ыть] м[ожет], слишком сгоряча, под тем или иным впечатлением, но что написано, то написано.

Повторяю — я не отказываюсь, но и не обещаю сделать это во что бы то ни стало.

О Репине сейчас говорить перестали.

Недели две тому назад я сделал себе «отпуск». Пожил дней восемь в Муранове. Там, у Тютчевых, многое напоминает былое, былую жизнь, обычаи. Там отдохнул душой и телом. Оттуда проехал в Хотьково к Яковлевым, с ними прошел в Абрамцево, где провел их престольный праздник. Через неделю в Абрамцевском музее открывается выставка «В. М. Васнецов в Абрамцеве».

537. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 9 октября 1926 г.*

[...] Вот ты все пристаешь, чтобы я тебе об Васнецове писал больше... Изволь. Как-то на днях у меня были супруги Кончаловские. Между многими рассказами, героями коих были они, супруги К[ончаловск]ие, был один, слышанный ими от Остроухова.

Как-то давно, когда В. И. Суриков был еще молод,— он задумал приятелей угостить пельменями. Позвал на них Вик. Васнецова, Поленова, а за ними увязался «петушком, петушком» и молодой тогда Остроухов. Пельмени удались. Съедено было изрядно и выпито соответственно... Начались тосты. Вас. Ив. предложил выпить [за] здоровье троих присутствующих *самых лучших* русских художников — Васнецова, Поленова и... Сурикова... Выпили... Прошло сколько-то времени, В. Д. Поленов посмотрел на часы и с сожалением заявил, что ему пора уходить. Уговаривали остаться, В. Д. не мог — ушел.

Погодя немного Вас. Иванович, оглядевшись, сказал — что, мол, выпьем еще, и теперь уже за *двух самых лучших* рус[ских] художников — Васнецова и Сурикова, т. к. Поленов, «говоря между нами и по правде», вовсе *не* самый лучший — самые лучшие они двое... Выпили.

Прошло сколько-то, поднялся Васнецов, собрался домой, за ним «петушком» и «Семеныч». Спускаются по лестнице, Васнецов и говорит: «Вот, мол, Вас. Ив. сейчас налил себе еще рюмочку, подошел к зеркалу и, смотря в него, предложил выпить... за единственного, настоящего лучшего русского художни-

ка В. И. Сурикова»... т. к. оба ушедшие не были ни настоящими, ни лучшими... Ну... вот тебе о Васнецове... и еще о нем же:

На минувшей неделе я и Аполлинарий были приглашены семьей В. М. разобрать его художественное наследство. Разбирали два дня и еще дня на два, на три осталось. Самое ценное, конечно, сказочные картины последнего периода. Из них лучшая «Спящая царевна» полотно аршин шести. Если бы не старческие недочеты, происходившие от слабого зрения, от слабости рук и проч., эту вещь можно было [бы] считать равной с лучшими вещами расцвета Васнецова. Так она неожиданна, поэтична, так в ней умен художник. В первый момент зрителя, как и всех тех, что на картине, окутывает тихий сон, сладостная дремота, разлитая по всей картине. Спит царевна, спят слуги, спят звери, птицы. Спит чудный русский ландшафт. Прелестная вещь! Превосходны эскизы, рисунки раннего периода, периода «жанра». Первоклассный мог бы быть жанрист — с большой любовью к людям, к их слабостям, очень близкий по духу к Достоевскому. К этому я еще вернусь. Кончаю письмо сообщением, что Третьяковск[ая] галерея покупает у меня портрет Васнецова, цена дешевая, все [же] это даст возможность обуться-одеться. [...]

Тяжко заболел 82 летний Поленов. Выживет ли?

538. А. А. ТУРЫГИНУ *Гаспра. Крым. 12 ноября 1926 г.*

Привет тебе, Александр Андреевич, из Гаспры!

Сегодня получил письмо в небесно-голубом конверте. Оно было первое сюда присланное, спасибо. Прочел о картине [1], то, что сказал о ней П[етр] И[ванович], напомнило мне давно прошедшее... Крамского,— помнишь ли, как смутил душу Ив[ана] Н[иколаеви]ча суриковский Меншиков, то, что сам И. Н. никогда бы не допустил и что так легко допустил Суриков. Огромный Меншиков если бы поднялся во весь рост свой, то проломил бы потолок той крошечной горницы, в которую его засадил художник Суриков, и все же Суриков был прав, конечно не формально прав...

Не имея претензий на равенство с Суриковым, все же скажу, что и я в своей картине прав, и вот почему. Мне необходимо было всеми средствами выразить устремление толпы вперед. Для чего все линии композиции должны были так или иначе помогать, а не препятствовать этому устремлению, между тем если бы я направил линию дальнего берега Волги иначе, чем сделал я, то она бы явно воспротивилась этому, мне необходимому, устремлению вперед как всей толпы, так и мысли, которая вложена в толпу.

А то, что теперь мною взято, было единственно допустимое в тех условиях, в которых действие происходит.

«Хвост» толпы ни в коем случае не попадает в воду, чего боится П. И., не попадет по тому одному, что линия берега, по которому огромная толпа движется,— эта линия может идти произвольно, извиваясь, меняя свое направление, делая то прямую, то ломаную линию мыса, залива и проч. Словом, природа не знает ватерпаса [2].

Если ближний берег пойдет непременно «по ватерпасу», то может случиться, что хвост толпы очутится в Волге, но это необязательно: линия берега может быть и произвольной, как ей Бог на душу положит, тогда все обойдется благополучно.

А вообще в картине, в искусстве все это неважно, важно не это, а совсем, совсем другое, и если это другое есть, то и слава создателю.

Первые слова П. И-ча, когда он увидал картину, были: «Поразительно!» — а остальное пришло позднее и пришло только ему одному.

Что касается размера картины (семь арш.), то он достаточно велик («Ермак» восемь арш.). Первоплановая фигура в хорошую натуру.

Однако довольно о картине, пусть она сама себя защищает, если у ней есть сила, а мы с тобой поговорим о другом, о разном.

Я только теперь, здесь, в Гаспре, увидел, до чего я устал за год. Я еще по сей день не могу отойти, еще брожу, а не хожу и разве через неделю буду способен работать. [...]

539. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Гаспра. 15 ноября 1926 г.*

Сейчас вернулся с утреннего этюда ($8^1/_2$ утра), и мне подали твое письмо от 12-го. Спасибо за него. Я не хотел тебе писать сегодня большого письма, хотел написать наскоро открытку с просьбой выслать мне один из виноградовских этюдников, складной, не тяжелый. (Стоит или в спальне под окном, или за сундуком, или в большой комнате за шкафом.) Он мне необходим, чтобы было возможно довести до Москвы сырые этюды. Зашьешь его в холстину или как и отправишь по моему адресу. Пожалуйста. Я чтой-то «раскомпоновался», как говаривал приятель Васнецова — Горшков.

Написал два маленьких этюда, и не очень плохих.

Письмо твое — хорошее письмо, и я такие подробные и обстоятельные люблю получать.

Была ли ты на открытии в Румянцевско́м музее по приглашению или «так себе», ты об этом не пишешь. [...]

Я живу «припеваючи». Хотя погода и нежаркая, солнце бывает нечасто, но все же тепло так, что можно ходить без пальто (я не хожу). Чувствую я себя день от дня лучше (сегодня отдали сделать анализ). Сплю и ем вволю, а главное, не треплюсь без нужды. [...]

Так как темнеет в пятом часу, то я много читаю. Сейчас с большим интересом читаю стасовскую книгу о Ге [1]. Кроме болтовни самого Стасова, «тузовой», но не противной, там приведены целые страницы из дневников самого Ге, очень интересных,— первая половина жизни (ее и прочел). Он не был поклонником Иванова, все его восторги молодые и позднейшие относятся к Брюллову и к Академии его времени.

Интересно было бы и тебе это прочесть, а для меня это сверка, как пишут добрые люди свои воспоминания, и вижу, что так же, как и я, где лучше, а где и похуже. Ге, помимо всего прочего, был очень даровит и умен. Еще читаю, и тоже интересную, книгу Буассье «Археологические прогулки по Риму» (70-е годы). [...]

540. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Гаспра. 19 ноября 1926 г.*

[...] С большим интересом читаю о Ге. Вот незадачливый старик. С большим талантом, умом, начинает огромным успехом (программа и затем «Тайная вечеря»). Потом ряд сильных неудач, и снова успех, хотя и меньший («Петр и царевич Алексей»). После чего сплошные неудачи до конца дней. Сначала он с этими неудачами пробует бороться, а затем, озлобленный, едет в деревню, сходится с Толсты́м и с ним отводит душу. Смесь ума, таланта, лучших побуждений с озлобленностью, актерством всякого рода,— жаждой популярности во что бы то ни стало. Такой «винегрет» чувств, мыслей — хороших и плохих. Все это приправлено «толстовством». В результате — жаль человека, замученного обстоятельствами, ставшими против него на протяжении долгой жизни.

Книга Стасова, как все написанное поклонниками, тенденциозна, преувеличена в похвалах, сумбурна, противоречива, и все же, повторяю, жаль Ге. [...]

541. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Гаспра. 24 ноября 1926 г.*

[...] Письмо С. Н.[1] очень интересно. Описывает два торжества — ивановское и васнецовское. Очень недоволен тем, что́ в мастерской В. М.,— портретом включи-

тельно[2]. По-моему, все это поколение просмотрело Васнецова,— его музыкальность они в грош не ставят. [...]

542. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Гаспра. 30 ноября 1926 г.*

[...] Написал четырнадцать этюдов и, если бы не они да не здешние горки, на которые я взлетал,— приехал бы к вам «как новенький». Однако и теперь я ничего себе кавалер. Хотя здесь я стал чувствовать свою старость больше, чем сидя на Сивцевом, где за суетой некогда предаваться этим печальным наблюдениям и размышлениям, а здесь на досуге часто думаешь «о суете сует» и о приближающемся часе...

Возможно, что выедем вместе с С. М.[1], и тогда не в мягком, а в «курортном», за компанию с ним, что и дешевле будет рублей на 18.

Много сейчас пишу. Написал уже о появлении «Пустынника» (на 26-м году), следовательно, почти половину своих «воспоминаний» написал уже. Потому считаю половиной, что намерен кончить их 17-м годом, когда мне было пятьдесят пять лет. Местами выходит жизненно, кое-что читал С. М-чу,— нравится очень. Пробую написать о Васнецове (к каталогу), но что-то уж очень умно выходит. Надо бы как будто попроще... а попроще — не выходит. Верно, брошу — дальше от греха. За что тебе КУБУ так отвалило? что-то не по заслугам будто...

Погода прекрасная, хотя листья сильно за три недели облетели. Море же тихое, сияет, блестит, как солнце. Тепло так, что я опять пробыл на солнце более двух часов без пальто.

Сегодня опять нет ни одного письма, что за чудо — сглазили, что ли, моих корреспондентов?

День дивный, просто не верится, что завтра у вас в Москве 1 декабря. Здесь похоже больше на август, хороший август.

Читала ли ты «Записки Е. Дашковой»? Я сейчас с огромным удовольствием читаю их. Умная была дама и чем-то местами напоминает другую умную даму, Нат[алью] Г[ригорьев]ну[2]. Люблю я эту породу людей, особенно женщин подобного сорта. [...]

Завтра, надеюсь, кончится ваше молчание, и я снова начну получать письма. А в субботу часу в третьем и в поход. Хорошо бы было, если бы не было тумана. Может быть, увидал бы из Байдарских ворот панораму южного берега Крыма, такого ласкового для меня в этот раз. [...]

543. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ *[Москва]. 28 декабря 1926 г.*

Многоуважаемая Анна Петровна!

На днях у меня была Тамара Алек[сандров]на Моллот и передала мне Ваше письмо. Т. А. с благодарностью говорила о приеме, который нашла у Вас. Она способный, славный человек и так имеет мало возможности заняться искусством, постоянно думая о нем, о Петербурге. Теперь, познакомившись с Вами, мечтает о нем больше, чем когда-либо.

О Вашем знакомстве с С. Н. Д[урылины]м он говорил мне еще осенью. С. Н-ча я знаю давно и очень люблю его за его прекрасное, верное сердце, за его талантливость. Конечно, он один из выдающихся людей теперешнего безлюдья. К сожалению, в наши дни его труды обречены надолго быть под спудом. Он как писатель обречен на безмолвие. Б[ыть] м[ожет], пройдет много лет, когда он будет печататься. А между тем многое из написанного им — прекрасно, оригинально, глубоко по чувству и совершенно по форме. С. Н.— прирожденный лирик с умом и чутким сердцем. Им хорошо усвоено все лучшее, что дала старая школа наших художников слова; а все им пережитое так богато, так много дало ему матерьяла. Темы его охватывают огромный духовный мир.

С. Н. очень восприимчив и чуток к нашему, живописному, искусству, его любит любовью человека здоровой, благородной культуры.

Вы спрашиваете, что делаю ли я что-нибудь? — мало...

Недели две тому назад я вернулся из Крыма, пробыв там с месяц (дом отдыха Ц. К. У. Б. У.), отдохнув немного и немного пописав (несколько небольших этюдов).

Сейчас, в Москве, продолжаю писать «воспоминания» (кто теперь не пишет их — нам только и осталось, что «вспоминать»).

Я за свои 65 лет много видел, немало встречал людей выдающихся во всех сферах жизни, и о них-то, б[ыть] м[ожет], небезынтересно будет узнать кое что лет через пятьдесят.

О нашей американской выставке я на днях говорил с Грабарем. Он сказал мне приблизительно то же, что я уже знал от моих петербургских корреспондентов: что на отправку картин в Москву у Наркомпроса нет денег, что картины могут быть отправлены в Москву (когда?) малой скоростью и когда придут — неизвестно. Когда картины придут сюда — будет образована комиссия для их обследования,— а что вообще он, Грабарь, за этим делом «следит». Все это малоутешительно. Надо было «следить» за всем тогда, когда это еще было не поздно,— там, в Америке, а не бросать выставку на произвол, на людей малознакомых...

Конечно, сейчас приходится мириться со всем, что ни поднесут нам т[ак] наз. «обстоятельства».

Прошу Вас передать мой поклон Вашему супругу, а если Вы видите Ел. Сер. Кругликову, то и ей.

Примите мое искреннее уважение. Мих. Нестеров.

1927

544. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 10 января 1927 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

Извещение Русского музея Людмиле Ник[олаевне] Степановой я передал. Сейчас возбуждается ходатайство о пенсии вдове Алексея Ст[епановича] Степанова. Третьяковская гал[ерея] дала свой отзыв о покойном художнике.

Было бы желательно получить в ближайшее время и от Русского музея отзыв его для присоединения к ходатайству Л. Н. Степановой, еще недавно принесшей в дар музею произведения своего мужа.

Московск[ие] художники со своей стороны присоединяют свой голос.

Вчера была в «Известиях» заметка о том, что в Москву прибыла наша злополучная «американская» выставка. Посмотрим, что будет дальше. Найдутся ли деньги для ее выкупа. Что-то давно не видно Вас в Москве? Благодарю за приглашение на открытие суриковской выставки. Слухи о ней хорошие.

545. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ *Москва. 13 января 1927 г.*

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

Пишу Вам, возвратившись из таможни. Ваше письмо получил вчера вечером, а сегодня утром позвонил к Грабарю с тем, чтобы узнать, как обстоят наши американские дела.

Грабарь сказал, что сейчас он едет в таможню для осмотра картин. Я спросил, едет ли кроме него еще кто,— он назвал Лентулова, Машкова, В. Яковлева и, быть может, Кардовский. На мой вопрос, будет ли представитель от петербургской группы

и почему не было дано знать еще никому из участников дела здесь, в Москве,—Грабарь ответил на первый вопрос, что петербуржцев очень мало и им пришлось бы оплачивать проезд до Москвы и обратно, а москвичи не были оповещены по недостатку времени. Я предложил свои услуги ехать и поехал в таможню.

Там, при свидании с остальными (Машков и Лентулов не явились), я настаивал, чтобы были приглашены для приема картин еще несколько человек, чтобы потом не было упрека в односторонности этой процедуры. Таким образом, пригласили еще троих: Малютина, Ап. Васнецова и Крымова. А так как оказалось, в кладовой таможни при 15-ти градусах мороза работать немыслимо, то и решили перевезти все 24 ящика в теплое помещение и там, в понедельник, 17 января, всем поименованным лицам собраться и начать осмотр картин.

В воскресенье же, 16-го, мы соберемся (все участники выставки) для общего обсуждения дел этой выставки.

Желание Ваше, чтобы я, т[ак] ск[азать], был представителем Ваших интересов и если понадобится, то и отстаивал бы их,— я, конечно, исполню со всем моим усердием, но я уверен, что вообще интересы петербуржцев, и Ваши в числе их,— сумеет защитить уважаемый Д. Н. Кардовский.

Спешу кончить письмо, чтобы оно сегодня же пошло...

546. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 29 января 1927 г.*

Давно и я тебе не писал, старина. Последние недели две возились с нашей американской блудницей. Она вернулась к нам, к сожалению некоторых,— в своем виде, неподмоченной, и лишь моя «Варвара» с «колотой раной» на боку. Видимо, это произошло где-то за океаном, а не в океане...

Да на портрете Е[катерины] П[етровны] подменили хорошую, дубовую раму плохой, багетной. Но я рад, хоть так-то портрет вернулся. Мы не видали его с 14 г., когда он попал на выставку в Мальмё [1].

Теперь с заграничными авантюрами я покончил навсегда... будет! [...]

Выставка Васнецова налажена, а деньги (500 р.) обещают, но не дают. Что же касается музея, то его судьба так неясна, так сомнительна. Ведь вообще сейчас полоса закрытий, а не открытий музеев. Да еще музея такого определенного лица, каково лицо Викт[ора] М[ихайлови]ча [2].

Мои «воспоминания» идут, в общем, неплохо. Написано до приглашения меня в Киев. Причем написан ряд этюдов — характеристик приятелей-художников. Некоторые, по отзывам слышавших, удались. В ближайшее время приступлю к Владимирск[ому] собору. Вот там и придется говорить о Васнецове. Ведь там, на лесах собора, произошло наше знакомство.

Кроме Васнецова придется вывести ряд лиц, а главное — Прахова и его семью. Эта задача интересная, хотя и очень трудная.

Работаю с интересом. Хотел бы кое-что прочитать тебе, да и твое писанье послушать... Однако это не просто. В кармане у нас с тобой пусто, а следовательно, и проч. ...

Полагаю, в главах о «Караванной» не последнее место займет Н[естеро]в. Ты у меня выведен прямо хоть на пьедестал — и красуйся с него, взирай с него на мелочи житейской суеты. [...]

547. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 6 февраля 1927 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

Пишу Вам с большим опозданием. Причина тому — наша американская выставка. Она долго шла до Москвы, еще дольше мы получали картины здесь, в таможне,

а потом пошли дни раскупорки, сортировки и, наконец, отправки петербургских экспонатов к вам, в П[ите]р. Скоро, вероятно, Вы получите на руки посланное, и, надо думать, получите в полной исправности. По крайней мере, так говорил на днях Грабарь, много поработавший здесь над этим делом. Все то хорошо, что хорошо (хотя бы относительно) кончается. Теперь перейду к Вашему письму, постараюсь точно на него ответить. Отзыв Русского музея об Алек. Ст. Степанове я передал Людмиле Н[иколаев]не [1].

Она просила передать музею ее благодарность и также просила передать прилагаемую здесь анкету.

Ивановский зал [2] я осмотрел подробно. Все сделанное там производит впечатление очень хорошее. Так или иначе, мечта художника почти осуществлена. В Москве появился особый «Ивановский» музей, правда пока еще не полный, еще разрозненный, часть московских его вещей остается еще в Третьяковской галерее, но это вопрос времени, оно придет, в это теперь можно верить, т. к. труднейшее уже сделано. Окружение картины сделано толково, умно. Внимание зрителя всецело сосредоточено на картине, чему очень способствуют повешенные по бокам картины большие рисунки. У места бюст художника (не витальевский [3] ли он?) — вероятно, портретно передающий такое значительное лицо автора знаменитой картины. Хуже масляный портрет, совсем не живописный, но едва ли не единственный правдоподобный.

Верхний свет мог бы быть лучше расположен, и те недостатки, кои Вы в нем отметили, говорят, будут устранены. Остается сказать о развеске старых и новых этюдов. Тут могли бы быть кое-какие придирки, но не следует забывать, что условия дела таковы, что, быть может, не так-то было легко совместить систематизацию с живописными их достоинствами, и мои пожелания пока что сводятся к тому, чтобы галерея, разбогатев, могла бы заменить дешевые багетные, черные рамы — узкими дубовыми или бронзированными — у́же тех, что на этюдах сейчас.

Посещаемость нового Ивановского музея, слышно, день ото дня растет, и едва ли этому способствует «выставка книги», сама по себе интересная, хотя и бедно обставленная. Я верю, что рост значения и степень понимания Иванова будут возрастать от ряда новых, выходящих из самой современной жизни причин... и как знать, может быть, наш народ еще познает истинную гениальность сурового художника, так долго ускользавшую, столь глубоко скрытую.

Большим было бы праздником для покойного В. М. Васнецова — открытие Ивановского музея, над чем так много и при таких трудностях поработали настойчивость и влюбленность в Иванова П. Д. Корина. По слухам, над развеской немало потрудился и Ю. П. Анисимов. Всем им мы, художники, должны сказать великое спасибо.

К сожалению, мне не удастся посмотреть вашу Суриковскую выставку [4]. О здешней же Суриковской мне пришлось недавно говорить (а вчера и видеть ее еще не развешенной) не только со Щусевым, упоенным своей «диктатурой», охотно и много обещающим, но бессильным, идущим «под суфлера», «миротворцем», но еще с Эфросом. Битый час проговорили мы с ним о судьбах московских музеев, о Третьяковской галерее и, в частности, о выставке Суриковской.

Впечатление — непреоборимая атмосфера интриг, личных, «ведомственных» самолюбий, а главное, отсутствие истинной любви, живой заинтересованности самими судьбами художества, не только «архивной», но и творческой его судьбой, мешают им всем продуктивно работать. Количество работающих в здешних музеях, сдается мне, сильно превышает качество их... И я не верю, чтобы все беды их происходили от отсутствия больших помещений, оттого, что под руками у них нет «дворцов»...

Вчера, по приглашению Кончаловского, я был в галерее. Смотрел «Бояр[ыню] Морозову». Половина картины уже промыта. «Дымовая завеса» с картины снята, и я вновь, после чуть ли не сорока лет, увидел то, что так поразило всех нас тогда. Изумительные краски загорелись вновь. Все ожило, заволновалось, заблестело. Какая дивная вещь «Боярыня Морозова»! Как в ней непосредственно чисто живописное творчество. В ней нет еще ничего заученного,— все открыто впервые... Именно в ней,

в «Бояр[ыне] Морозовой», Суриков нашел свои краски. В «Ермаке» же их завершил, закрепил, а духовно возрос до глубочайших мистических откровений, до своего предельного пафоса.

Способы промывки, видимо, не будут для картины вредными. Ничтожный процент скипидара и масла, быть может, даст, как думают галерейные работники, и свои положительные результаты...

В конце Вашего письма Вы говорите о планах, о намерениях создать после Суриковской выставки — Васнецовскую. Это было бы отлично и своевременно, но невольно является мысль, чем Вы наполните такую выставку — после таких богатых, как Репинская и теперешняя — Суриковская? Те картины, что имеются у вас, не достаточны, они едва ли смогут стать крепким ядром выставки. А религиозные, что у вас хранятся, нельзя и думать вводить в состав выставки, так же, как нельзя бы было использовать огромный оригинал мальцовского «Страшного суда», наиболее значительного из всего сделанного Васнецовым по религиозному, по церковному его творчеству, после алтарных стен Владимирского собора.

Если бы можно было убедить семью покойного и гарантировать ей целость и неприкосновенность последних, сказочных картин В. М-ча, тогда бы, по окончании Васнецовской выставки в московской мастерской его, можно бы эти картины, как и многое другое, составляющее собственность семьи, перевезти в Петербург и ими пополнить предполагаемую Вами выставку в Русском музее. Однако за успех такого плана я не поручусь.

548. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 1 марта 1927 г.

[...] Минувшая и настоящая неделя были неделями «Максимильяна Волошина». Его сейчас таскают по Москве — был он и у нас — читал свои стихи. Стихи хороши, читал тоже хорошо.

В субботу и сегодня в Акад[емии] худож[ественных] наук о нем доклады и выставка его фантаст[ических] рисунков «Коктебель».

Сегодня в галерее открывается выставка «Бубновый валет», а в пятницу — Сурикова — очень интересная.

Есть и еще выставки — говорят, так себе. На них не был.

В свое время сообщи, куда перевесят картины Н[естеро]ва? Повысят его в чине, или... как? [...]

549. Е. А. ПРАХОВОЙ

Москва. 3 марта 1927 г.

[...] В ближайшее время предполагается открытие выставки В. М. Васнецова. Выставка будет в их доме — и со временем, быть может, удастся в этом доме создать музей покойного Виктора Михайловича. Наследство, им оставленное, большое, как в чисто художеств[енном] смысле, так и в количественном. Между новыми большими полотнами есть прекрасные. Лучшее же — «Спящая царевна». Вещь очень музыкальная.

Драгоценны и альбомы покойного. А также кое-что из религиозных эскизов, как последнего, так и давнего времени.

Знаете ли Вы, что последней его работой, законченной так за неделю до смерти,— был мой портрет, который он давно хотел написать и написал.

Но лучшее, что сделал В. М. в области портретной живописи, конечно, Ваш, превосходный, совершенно изумительный портрет, место которому — в одном из музеев Петербурга или Москвы [1]. [...]

550. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 8 марта 1927 г.*

[...] М. Волошин, вероятно, читать будет о Сурикове. Этюд о нем есть, быть может, лучшее, что когда-либо было написано о рус[ских] художниках. У Волошина сейчас есть большой труд о Сурикове, не напечатанный по причинам от нас независимым.

Ну, вот тебе все. Вот и пост пришел. Грешная Москва сейчас кается.

Выставка Сурикова предполагается к открытию 12-го, Васнецовская 13-го.

Эти дни возился со старыми письмами к отцу. Много живого, давно забытого. Много волнительного. Там и поездки в Италию, и Влад[имирский] собор.

Автор и по сей день — один и тот же, его лицо обозначилось рано — и в главном не менялось.

Жизнь пролетела быстро, и какой печальный, преждевременный конец (как художника).

551. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 22 марта 1927 г.*

Ах, старик, старик! Что мне с тобой делать...

Твое письмо пришло, когда я был в гостях у своей приятельницы — скульптора Голубкиной, его распечатала Ек. П-на и... прочла. Прихожу, — смущенная, говорит, что от Турыгина письмо и проч. ... Что мне с тобой делать!

Сходство Чистякова с Ивановым есть — они оба были несомненные *художники* — один гениальный и великий труженик, другой — очень одаренный и тоже великий, но лентяй.

Твои вопросы делаются все сложней, и поневоле приходится брать в руки или книжку Глаголя, или старые письма к родителям (они хранятся у Ольги). [...]

К вам едет Макс Волошин. Читать будет, конечно, о Сурикове. Выставки в Москве плодятся. Открыто уже три больших — Суриковская, Васнецовская и Кончаловская да две-три малых.

В скором времени открывается юбилейная Архипова — в Музее революции. К юбилею выпускаются монографии (АХРР) с статьей Луначарского и проч. и проч.

Словом — по заслугам и честь...

Выставка Васнецова имеет хороший успех, нравится ее содержательность, духовное ее богатство. Народу, по праздникам, бывает чел[овек] шестьсот-семьсот.

Лучшие вещи — эскизы к Апокалипсису, ранние портреты (мой — никому не нравится), старые рисунки.

Выставка Кончаловского, конечно, иная, там нелегко искать «содержания», «чувства» и проч., но живопись хороша — напоминает Сурикова. Кончаловский еще идет вперед. Большие картины — «С ярмарки» и «Игумен Варсофоний» — очень живописны,— особенно последний,— риза написана превосходно. Вот бы к вам в музей... (Апокалипсис — тоже).

На Суриковскую пойду завтра с Е. П. Напишу о ней в следующем письме. Недавно «воспоминания» пополнились этюдами о Стрепетовой [1] и о старинном актере — Плавильщикове (часто слыхал от отца). Кому читал — хвалят.

552. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 апреля 1927 г.*

[...] Писал ли я тебе, что за последние недели две меня посетил ряд лиц. Первым из них был Грабарь. Пришел-де с тем, что нет ли у меня чего купить для каких-то музеев, не возьму ли я заказ на портрет и еще что-то. Дают, мол, денег, много денег и вот — и проч. и проч. Хорошо поговорил с ним, а «что к чему», я только

поняя сегодня, побывав на выставке так наз. «Реставрацион[ной] мастерской», под ведением Грабаря состоящей.

Спустя несколько дней пожаловал ко мне Щусев с тем, чтобы осмотреть у меня вещи, кои Третьяковс[кая] гал[ерея] могла бы у меня приобрести на ассигнованные ей 50 тыс. р. Он смотрел, говорил, хвастал, путал. Все было смутно, неясно слова, слова, слова! Получил от меня по заслугам и, предупредив, что завтра будет у меня целая комиссия,— ушел.

[...Комиссия] отметила портрет Ек. П[етров]ны, писанный в 1905 г., бывший в Мальмё и в Америке. Затем портрет Флорен[ского] и Булг[акова] — условно (если и если), и еще одну, малостоящую вещь, быть может для провинциал[ьного] музея.

Просидели часа четыре и, обнадежив (по крайней мере, насчет Е. П-ны), отбыли, оставив меня в «бессмысленных мечтаниях».

В воскресенье открылись еще три выставки: «АХРР», б[ывших] учеников Репина и выставка в Реставрацион[ной] мастерской, что, как сказал выше, состоит под ведением Игоря Грабаря. На ней я был сегодня, о ней и поговорим.

«Гвоздь» этой выставки — тебе уже известная «Мадонна с покрывалом», открытая на Уральских заводах Демидовых, привезенная с год или более Грабарем в Москву и приписываемая им... Рафаэлю. В каталоге о «Мадонне с покрывалом» сказано, что нашли ее расколотую и каждая половина доски валялась в отдельном сарае, что в каталогах демидовских собраний она не значилась вовсе и проч. «Несомненные признаки» ее великой ценности — были налицо. После чего Грабарь божится-клянется, что Рафаэль — «чистокровный». Я писал тебе, что, когда картину привезли в Москву, ее показывали нам; видел ее и я, и П. Ив., и многие еще. «Мадонна» выглядела «так себе», и хотя доска была склеена и кое-где картина промыта,— все можно было еще что-то предполагать, надеяться...

Время шло, ходили смутные слухи о том, что картина смыта чуть ли не до доски, вновь записана одним бойким малым и теперь в ее «чистокровности» нет сомнений.

Вот и я на выставке. Грабарь уехал на юг — по реставрационным делам, меня встретили его подручные мастера. Пошли, смотрим, — есть хорошие образа. Рублев не Рублев, а хорошо; есть не худые вышивки, еще кое-что... А вот и «Мадонна с покрывалом». Она выставлена парадно, в широкой, «дешевой», золоченой раме, протянута веревочка,— все как полагается... Где же скромная, жестковатая мадонна? ее нет... В глаза бросается безвкусная ярко-малиновая «кустарная» нижняя драпировка Мадонны. Картина как новенькая, следов реставрации никаких. И мечты о том, что могло бы быть, если бы... и проч., их как не бывало.

Рафаэль-то Рафаэль, но только... «московских писем» [1]. Ну, вот тебе и сказке конец...

P. S. Начал ли с тебя П. И. писать портрет? Мои за чаем сегодня решили, что тебя изобразить следует в костюме Генриха IV.

Представляешь себя в таком виде?.. Нет — так вспомни Гольбейна.

553. А. В. ЩУСЕВУ *Москва. Апрель 1927 г.*

Дорогой Алексей Викторович!

Портрет, о котором я говорю в обращении своем к совету Третьяковской галереи [1], я считаю лучшим из написанных В. М. Васнецовым (вторая половина восьмидесятых годов). Портрет написан с дочери Адриана Викт. Прахова — Елены Адриановны. Он тонко живописен, прекрасно рисован и очень характерен для той, лучшей васнецовской поры («Каменный век», начало Владимир[ского] собора).

Друг многих художников своего времени, с которой не раз рисовали и писали Врубель, В. Васнецов и другие, она изображена во весь рост с протянутой к клавишам рояля рукой. Размер портрета — большой, думаю, не менее трех аршин высоты.

К сожалению, находится он в Киеве, и доста[ви]ть его будет нелегко (в хорошей золотой раме).

Если Вы найдете возможным дать ход моему письму, помимо всего прочего, сделаете доброе дело, так как сейчас Е. А. Прахова нуждается (старики умерли) и здоровье ее плохо.

На запрос совета галереи — ответ дан — предлагаю портрет Ек. П-ны и Северцова — ценю каждый в тысячу рублей.

554. В СОВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Москва. 3 мая 1927 г.

Настоящим прошу обратить внимание Закупочной комиссии совета Третьяковской галереи на картины, оставшиеся после смерти академика Алекс. Ст. Степанова, художника, признанного Академией, П. М. Третьяковым, признаваемого до наших дней: еще год назад семья А. С. Степанова получила приглашение дать на выставку и конкурс Института Карнеги [1] в Америке картину А. С. «Качели» (последнего периода его деятельности, в галерее не имеющихся).

Вдова А. С. Степанова, Людмила Николаевна, до сих пор пенсии не получает и нуждается. Адрес ее — Покровский бульвар, д. 9, кв. 8.

Еще позволяю себе обратить внимание совета галереи на картины К. К. Первухина, оставшиеся после его смерти у его вдовы, С. А. Первухиной, живущей по Лаврушинск[ому] пер., в б. «Убежище для вдов и сирот художников».

Совет Третьяковской галереи мог бы приобрести что-нибудь из картин названных художников из специальных сумм, предназначенных для покупки произведений умерших художников.

555. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 17 мая 1927 г.

Унылое твое письмо, старик, получил...

Подтянись, взгляни на мир божий оком оптимиста. Не все уж так плохо, как тебе кажется от скверной питерской весны.

Не так плохи и граверы-лубочники, как ты их окрестил, а Остроумова-Лебедева так и просто молодец!

Матэ был талантлив, но *зарабатывал* свои вещи, мельчил их, пестрил, и все это мешало делу.

Что касается того, чтобы отложить читать о Н-ве, то сему я сочувствую — все в свое время. Теперь, помни, весна, не до докладов: всех тянет на воздух, и только вам, несчастным «музееедам», неймется с вашими выставками и докладами. Подумаешь — невидаль какая!

Вот и мы здесь недавно «отскучали» такой вечерок.

Васнецовым-наследникам вздумалось в память своего великого родителя устроить «нечто». Собрали докладчиков. Был неизменный Аполлинарий, «воспоминающий» теперь по дважды в сутки о брате; утром, скажем, в о-ве «Старая Москва» что-то прошамкает, а вечером, глядишь, стонет и кряхтит в О-ве архитекторов и т. д. и т. п.

Что хорошего, посуди сам! После него, после часа такого веселья, когда молодая соседка моя благоразумно похрапывала, «вспоминал» газетчик-профессионал. Тот помоложе, побойчей, прочел хорошо и скоро. Он повыписал из старых писем В. М. что поинтересней да этим и кончил. После него вылезла моя «мадам» и по настоянию Васнецовых прочла выдержку из моих воспоминаний о В-ве времени нашего первого знакомства в соборе. Она не задерживала, отзвонила минут в десять,

не больше. Напустила фимиаму и ушла. За ней вышел инженер, поклонник, «благодетель» в голодные годы... Вышел сказать «два слова», а кончилось тем, что едва за полы смогли стащить. Говорил о том, как старик делился с ним своими «муками творчества» и т. п.

После сего мы с Е. П. сбежали, а там, по программе, начали подвывать, вопить и выть ученики студии Станиславского. Этот номер длился долго, до 12^{ти} часов. Потом чай и выпивка. Так-то до третьего часа. Старуха уж расплакалась. Да и то сказать — «поминки»!

Вот тебе басня, а смысл ее таков: не читай докладов весной, не надоедай П. Ив-чу и благо сотворишь...

Письмо это тебе передаст молодой худож[ник] Фед. Сер. Булгаков, сын того, что у меня на портрете.

Сейчас пишу целую большую главу о Сурикове,— кажется, выходит [1]. [...]

Есть слух, что Третьяк[овская] гал[ерея] намерена у Васнецовых купить последний портрет (с меня). Не нашли ничего лучше. Ну и народ!..

556. В КОМИССИЮ ПО ОКТЯБРЬСКИМ ЗАКАЗАМ У ХУДОЖНИКОВ

Москва. 22 мая 1927 г.

Художник Павел Дмитриевич Корин происходит из старого рода живописцев-крестьян известного села Палех Владимирской губернии.

Лет за двести вышло немало живописцев из коринского рода, о чем говорят летописные записи с. Палеха. Последним и самым выдающимся из них надо признать Павла Дмитриевича, окончившего б[ывшую] Школу живописи и ваяния, оставленного ассистентом у проф. С. В. Малютина, позднее самостоятельного руководителя в Свободных государственных мастерских. Пав. Дм. Корин, задумав писать картину, оставляет профессорство, посещает университет, изучая серьезно анатомию у проф. Карузина. Чтобы еще более укрепить свои знания в рисунке, он делает ряд копий — фрагментов со знаменитой картины Александра Иванова.

Последняя из копий Пав. Дм., совершеннейшая из всех, когда-либо с картины Иванова сделанных, обращает на него общее внимание. Ректор теперешней Академии художеств, увидав копию, оценив ее исключительные достоинства, выражает желание ее приобрести для Академии и лишь за неимением свободных средств откладывает это свое намерение.

К сознанию необходимости серьезного изучения великих мастеров П. Д. Корин пришел давно. Побывать в Венеции, Флоренции, в Риме для такого индивидуального дарования, как у Павла Дмитриевича, есть насущная необходимость.

От Иванова, Брюллова до Бруни Академией вменялось в обязанность молодым художникам перед началом самостоятельной творческой работы сделать копию с одной из картин великих мастеров нашего Эрмитажа, чтобы нагляднее уяснить их высокие технические достоинства, чтобы поднять общий уровень понимания задач искусства. После чего наиболее достойные посылались в Италию. Там на местах они знакомились с великими творениями века Возрождения.

Будет совершенно справедливо, не связывая художника ничем, дать ему возможность и средства на поездку по Италии, тем более что такие случаи в недавнее время бывали.

Во всяком случае, П. Д. Корин по возвращении из-за границы, при отсутствии у нас серьезных руководителей по рисунку, будет очень полезен как совершенно исключительный знаток рисунка и формы вообще, к познанию чего сейчас так заметно стремится наша художественная молодежь [1].

Академик живописи

Михаил Нестеров.

557. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 25 мая 1927 г.

Вчера был у меня Петр Иванович и передал твое письмо и порассказал о тебе. Что ты приболел, я знал из твоих писем, но что ты постарел — не думал.

Подбодрись,— вспомни, какой ты был молодец еще недавно... Письмо твое интересное. Неплохи выписки из Н[естеро]ва, да и твои умозаключения не хуже (одобрены Е. П.). И если весь доклад такой же, не ниже, то, полагаю, успех его обеспечен.

Однако лучше чтение его отложить до осени, что я и писал тебе в письме, посланном с Ф. Б[улгаковы]м (получил ли его?).

К моей мысли присоединяется и П. И. Когда будет с тебя рисовать — послушает. Я ему тоже прочел о Сурикове. Доволен, вероятно, тебе расскажет.

Вообще, пишу с удовольствием. Жаль, что писательская техника плоха, но, думается, ее еще можно развить.

Сейчас путешествую вторично по Италии. Приехал в Палермо, получил много писем, между ними от Турыгина, с которым незадолго перед тем примирился в Питере (по письмам в Уфу).

Перед тем написал многое о Васнецове, о Праховых, о П. О. Ковалевском.

Славное было время! Не «вспоминали», а действовали, жили...

558. Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 20 июня 1927 г.

Глубокоуважаемая Наталия Васильевна!

Только что узнал я из «Известий» о кончине Василия Дмитриевича [1]. Прошу Вас и Ваше семейство принять мое соболезнование по поводу Вашей тяжелой утраты. Лишь на днях исполнится годовщина смерти Викт. Мих. Васнецова, и вот уже нет еще одного из стаи славных.

Русское общество вновь теряет одного из даровитейших сочленов своих.

С Василием Дмитриевичем сходит со сцены деятель славной эпохи передвижных выставок, коих он многие годы был украшением.

Покойный Василий Дмитриевич был современником и сподвижником одного из замечательнейших русских людей — Павла Михайловича Третьякова.

Имена этих людей — слава Русского Искусства.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

Михаил Нестеров.

559. П. И. НЕРАДОВСКОМУ

Москва. 21 июня 1927 г.

Многоуважаемый Петр Иванович!

Вернувшись из Муранова, я нашел два письма за Вашей подписью. Сообщение совета Русск[ого] музея о рисунке А. С. Степанова и из Общ[ества] поощрения художеств, коему приношу мою благодарность за членский билет.

При случае попрошу выслать мне устав Общества или же пояснить мне мои обязанности, ведь на выставках я теперь не участвую.

Завтра я снова уезжаю в Мураново, где остаюсь большую часть недели, работая двойной портрет «Внуков поэта Тютчева», Софии Ивановны и Николая Ивановича.

Работаю портрет с большим удовольствием.

Маргарита Августовна Мурашко предлагает одному из больших музеев портрет с покойного Б. М. Кустодиева (как искренне жаль его!) в ранние его годы, писанный Александром Алексеичем [1] Мурашко. Не найдете ли нужным его приобрести для Русского музея? [2]

560. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 июня 1927 г.*

Твое «большое» письмо получил, вернувшись из Мураиова на несколько дней. Завтра возвращаюсь туда, т. к. начал писать двойной портрет «Внуков поэта Тютчева», или «Последних Тютчевых». Работаю с большим азартом, простаивая иной день на ногах часов по шести (не зараз, конечно). Живется в Муранове мне очень хорошо, как в былые времена жилось у хороших, старых людей в усадьбе. Погода лишь мешает полному удовольствию, льют дожди.

Что ты отложил доклад — приветствую. Что ты его почитываешь — это авторское право — и «потребность».

Мои понемногу разъезжаются. Нет Ольги с Ирушкой. Уезжает Е. П. в Киев, в хохлацкую деревню.

Потом едет Вера к Ольге и Алексей в Ялту-Олеиз. Мы с Натальей и В[иктором] Н[иколаеви]чем пока что домовничаем в Москве.

Вчера праздновали серебряную свадьбу. Причем никакого празднества не было. Ездили с Е. П. за город. Вечером был чай, были случайные гости, вот и все.

Не пишу тебе много: накопилось за неделю много ответов.

Пиши по частям свой доклад. Ты остановился на том, что я не хочу лежать в Пантеоне с Лемохом и Еф. Волковым. Кому охота быть в такой компании, хотя бы и в Пантеоне!

561. Е. А. ПРАХОВОЙ *[Москва. 13 июля 1927 г.]*

[...] Вчера я говорил по поводу портрета с одним из главарей галереи — Эфросом, а также с бывшим у меня П. И. Нерадовским, хранителем Русского музея в Петербурге. Эфрос сказал мне, что портрет Ваш «запротоколен» у них как приобретенный для галереи, выплата же денег (1500 р.) начнется с октябрьской получки. В следующий свой приезд постараюсь от Щусева узнать больше.

Нерадовский рекомендует, в случае, если с галереей почему-либо дело не состоится, прислать портрет к нему в Русский музей, и он найдет возможность его устроить если не в Третьяковскую галерею, то к себе в музей. (Превосходный музей, создание самого Нерадовского, очень и очень порядочного человека.)

Васнецовым галерея уплатила 1500 р. за портрет Аполлинария работы покойного В. М. и за пейзаж «Дуб в Ахтырке».

Вообще же, говорят, галерея купила много хлама и большие деньги распылились по ветру, зря.

10 июля ст. стиля — годовщина смерти Виктора Михайловича. Время летит с поразительной быстротой... За этот год пережито семьей Викт. Мих. так много разного. Столько горечи пришлось испытать по поводу выставки. Что осталось от того пламенного поклонения и восторгов, коих мы были свидетелями когда-то. И все же я надеюсь, что многое из давно нами пережитого когда-нибудь вновь вернется и большой талант покойного найдет себе правильную оценку в истории нашего искусства. «Каменный век», «Аленушка», «Три царевны», «Витязь» и алтарь Владимирского собора — венец неувядаемой красоты.

Пора равнодушия минует, новые люди будущего поражены будут глубоким чувством, музыкальностью и воодушевлением нашего славного современника. [...]

562. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 20 июля 1927 г.*

Ну, старина, поговорим...

Твое письмо с выдержками из доклада о Н[естеро]ве получил. Что же — ладно.

Только, быть может, твое суждение о слишком *большом* затылке моего маленького Варфоломея грешит произвольным выводом. Такой удлиненный затылок как раз был у одного из наиболее годных для «преподобных», у Павла Мих. Третьякова, жизнь и деятельность которого были похожи на «житие», на подвиг во всяком случае.

И я бы это место переработал и вообще о «Варфоломее», выдержавшем почти сорокалетний искус, говорил бы более обдуманно... Ну, да это твое дело...

«Пустынник», в первом экземпляре, был подобран в мастерской не Дягилевым, а Остроуховым и им, будто бы, был выменен на Крамского у Дягилева, позднее продавшего его музею за 1000 руб.

Вот, кажется, и все, что мог бы я тебе заметить о твоих писаньях.

Ты как бы сетуешь на то, что П. И. не удосужится прослушать твой доклад. Подожди; ему сейчас не до этого: он полон одним делом, которое его поглощает последнее время.

Рисунок его с меня приобрела Третьяковская галерея.

Это, быть может, наиболее объективный изо всех сделанных с меня. П. И. был у меня дважды. [...]

Портрет с Тютчевых (внуков поэта) — кончил.

Видевшие его одобряют.

Мне думается, что *по сходству* это один из наиболее удачных. Да и сама композиционная и красочная затея для меня еще небывалая. Эти двое пожилых людей — брат и сестра — сидят на полуоткрытой террасе, среди зелени. Оба породистые, характерные для Тютчевых лица, у которых бабушка (жена поэта) была иностранка — баронесса или графиня — не помню.

Когда вернется Е. П., съезжу, чтобы еще немного «тронуть» портрет, и тогда возьму его домой.

Жилось мне в Муранове отменно хорошо. Жизнь среди людей старой, большой культуры мне всегда была по душе, а сейчас — тем более. У нас наступили жаркие, летние дни.

Буду продолжать писать свои писанья и делать эскиз для одного образа, что думают мне заказать.

563. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 2 августа 1927 г.

Здравствуй, Александр Андреевич!

Пишу тебе «семьсот первое» послание. Каково! Можно ли было думать, что встреча в академическом коридоре кончится так...

Сегодня вновь еду в Мураново, чтобы привести портрет в окончательный вид, а потом и домой его взять.

Видевшим он очень нравится, я же пока ничего не могу сказать... «кажется», а... впрочем... и т. д. [...]

Мне КУБУ вновь предлагает на осень поехать в Крым или в Кисловодск — посмотрим.

За лето с портретом и по случаю дождей я мало отдохнул. Вид имею «так себе».

На днях Музейный фонд отпустил мне для Уфимского музея пятнадцать вещей — из них есть порт[рет] Перова, порт[рет] Крамского (с Айвазовского), два Врубеля, два Левитана, два Серова и проч. Уфимский музей сейчас один из лучших провинциальных.

Напиши, в каком состоянии и где сейчас «Под благовест»? Оказывается, вам удалось приспособить боковой флигель под музей, верней, под выставки. Третьяк[овская] гал[ерея] тоже намерена в октябре расшириться, добыв себе соседний с галереей дом. [...]

564. А. А. ТУРЫГИНУ *Мураново. 11 августа 1927 г.*

[...] А я здесь, в Муранове, оканчиваю портрет... Он был бы уже закончен, если бы не дал я маху: не посадил Н. И. Тютчева не полвершка ниже, чем надо. И вот пришлось скоблить лучшее место в портрете — голову. Хорошо, что удалось повторить не хуже, а лучше прежнего, а то было бы досадно.

На днях, по дороге от Троице-Сергиевой, сюда заезжал и переночевал П. И. Н[ерадовск]ий. На другой день я показал ему неконченый портрет. П. И. остался им весьма доволен. В разговоре я спросил о твоих «воспоминаниях о Н[естеро]ве». Одобрил, заметив, что ты недостаточно использовал материалы — письма. Но это дело легкопоправимое, надо только сделать это «со вкусом». Не тащить из писем всякий «вздор», но ты — молодчина и сделаешь это, как надо. [...]

Живется мне в Муранове отлично. Все ко мне милы. После ужина дети провожают меня, в виде почетного эскорта, из флигеля — домой — в музей, где я пребывание имею.

Ложусь рано, встаю поздно. Погода не такая, какая мне нужна для портрета. Нужны серые дни, а их-то и нет. [...]

565. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 31 августа 1927 г. 6 ч. вечера.*

[...] Как-то пришло толстое заказное письмо,— это «чистяковцы», собравшись в день ангела П[авла] П[етрови]ча в Царском, вспомнили обо мне и, за подписью всех собравшихся (подписей двадцать пять), написали мне приветствие, предлагая мне что-нибудь «навоспоминать» о покойном для юбилейного сборника, ему посвященного [1]. Что же... написал о том, о сем. Хотел привести один-два анекдота, да благоразумно воздержался [2]. [...]

[Музейный фонд] обещал мне кроме уже полученных пятнадцати вещей дать еще столько же, но гораздо лучших, и не только живописи, но и скульптуры — Антокольского, Коненкова, Голубкиной...

Такой состав может обогатить и не такой музей, как в Уфе. Вообще Уфимский музей, говорят, растет и скоро его будут считать одним из лучших в провинции, да он и не провинциальный, он столичный, ибо г. Уфа — столица «Башреспублики»... Вот оно что!

Был у меня и П[етр] Ив[анович], тоже обещал дать кое-что из вашего фонда (Репина, К. Маковского и еще что-нибудь). [...]

566. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 14 сентября 1927 г.*

Ну, здравствуй, старина!

Сейчас получил твое письмо о Чистякове... Конечно, и я не возьмусь судить о нем заглазно, но полагаю, что то мастерство, какое полагалось в те времена иметь талантливому, предприимчивому и умному молодому, а потом и не молодому художнику, у П[авла] П[етрови]ча было...

И твое скептическое отношение к знаменитому «юродивому» — напрасно. Ты, сидя в музее и общаясь с нашим братом, испортил свой вкус к хорошей старине, она у П. П. — эта «хорошая старина» — должна быть.

Во всяком случае, не за горами то время, когда «приедет барин» и разберет, в чем дело... кого надо миловать и кого наказать за легкомыслие и пристрастие к Татлиным и К°. Так-то! [...]

Схоронили талантливейшего скульптора — Анну Семеновну Голубкину, отличного, умного и своеобычного человека.

567. И. С. ОСТРОУХОВУ *Москва. 2 октября 1927 г.*

Многоуважаемый Илья Семенович!

Мои старые знакомые вынуждены продать фамильный портрет, который передаст Вам моя жена. Портрет работы Александра Брюллова. Изображен на нем гр. Алексей Алексеевич Перовский, воспитатель поэта Алексея Констан[тинови ча] Толстого [1].

Мои знакомые затрудняются определить стоимость этого портрета, я также не в курсе этого рода вопросов.

Не откажите указать, хотя бы приблизительно, что за такой портрет можно бы было назначить с тем, чтобы не отпугнуть пожелавших его приобрести.

Конечно, желание моих знакомых, чтобы портрет попал в один из больших наших музеев.

Во всяком случае, они не предполагают его выпускать из России. Прошу Вас, Илья Семенович, передать Ваш ответ, устный или письменный, Екатерине Петровне.

568. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 12 октября 1927 г.*

Пишу тебе, старик, потому что «скушно». «Душа моя мрачна» и проч.

Это, скажешь ты, бывает, а мне от этого не легче. Целыми днями волком вою. Работать нет охоты, хотя и работаю сейчас некий заказной образ, но он от меня далек; за тысячу верст мои мысли! Хотел бы написать сейчас один портрет, но написать его сейчас по многим причинам нельзя.

Да и страшно: а вдруг не выйдет! промахнусь.

Затея слишком молодая, а я слишком старый, хотя и не душой, душа моложе, чем полагается в мои годы...

Писал ли я тебе о тютчевском портрете? На нем изображены два лица — брат и сестра (внуки поэта, в возрасте после пятидесяти). И вот, написав их, я понял, что они *на одном* портрете несовместимы: нет внутренней гармонии ни душ, ни образов, ни линий. Один как бы исключает другого. Причем «она» вышла живой, живописной, похожей, чего нельзя сказать про него.

И я, промучившись осень, в одно солнечное утро все понял и решил их разъединить. Оставив ее на старом подрамке, переработав фон, его перенести на новый подрамок, в другую обстановку.

К сожалению, все это сделать сейчас поздно, надо ждать весны, лета, а пока что убрать портрет со стены, убрать в затвор. Вот тебе драма художника, не очень «шекспировская» — однако все-таки...

На днях я был с одной нашей знакомой в Третьяковск[ой] галерее, смотрел великолепный васнецовский портрет с Лели Праховой, наконец-то приобретенный галереей за 1500 р. с уплатой в два срока [1]. [...]

569. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *[Москва]. 10 декабря 1927 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Пишу Вам о картинах А. А. Мурашко, что видели Вы у меня.

Ни одну из них галерея взять не пожелала: слишком памятны всем злополучные «Парижане» [1].

Один из портретов (Дитятского) Вам нравился, и Вы высказали предположение, что его Русский музей мог бы взять за недорогую цену, рублей за 200...

Как Вы сейчас на это смотрите? Согласен ли будет музей этот портрет (в большой черной шляпе) взять за означенную сумму?

Если да, то сообщите мне об этом, и я вышлю портрет Вам. Если же музей от покупки отказывается, тогда все вещи Мурашко надо будет переслать в Киев.

Еще очень прошу уведомить меня, когда открывается у Вас в музее выставка Чистякова?

Хотелось бы побывать в Питере на этой выставке. Дать себе отчет не только о преподавательской деятельности Павла Петровича, но и о том месте, какое он должен занять в нашем искусстве при современном взгляде на это дело.

Несколько месяцев тому назад я получил большой пакет с рядом приглашений так или иначе отозваться на чествование П. П. Там были и приветствия мне, чуть ли не застольные, за многими подписями его учеников и почитателей; было и предложение написать небольшое воспоминание о П. П. Последнее я сделал и отправил его тогда же по указанному адресу Владимирова. Однако от последнего о получении моего писания ничего не получил. Не встречались ли Вы с этим Владимировым и не спросите ли его, дошло ли до него мое писание?

Я только недавно вернулся из Кисловодска, где пробыл более месяца в доме отдыха КУБУ. В полном одиночестве прошло это время. Погода первые три недели была летняя, и я очень поправился. Затем сразу наступила южная зима, неприветливая, не наша северная зима с белыми снегами, морозами, санками и проч.

И я заболел. Потерял там все нагуленное и теперь здесь, в Москве, продолжаю болеть — у меня грипп. Сижу дома и пишу свои воспоминания, кои уже подошли к 1897 году.

Уже освящен Владимирский собор, прошли многие события того времени.

Каково-то Вы съездили? Набрались ли сил на зиму?

Очень хочется побывать у Вас. Посмотреть теперешний Эрмитаж и многое другое.

570. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 26 декабря 1927 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Поздравляю Вас с успехом, с продажей картины [1] в галерею. Рад за Вас очень! Вот Вы и признанный художник, и я дождался этого дня.

Когда Вы узнаете, что галереей деньги получены, и когда их *начнут выплачивать*, прошу Вас тотчас же дать мне об этом знать, чтобы Праховы и В[аснецо]ва не прозевали этот момент и успели бы получить что им следует.

1928

571. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 4 января 1928 г.*

[...] Ты пишешь о письмах ко мне П[етра] И[ванович]а. Одно из них — последнее — я получил. Первое же до меня не дошло, а там-то, вероятно, и было сказано то, о чем ты передаешь [1]. Я Петру Ив-чу на второе письмо тотчас же ответил, упомянув, что первого не получил. И он, быть может, сам мне изложит о том, что ему надо. На всякий же случай передай ему, что ему я дам охотно написанное с одним условием — не читать написанное без выбора слушателей. И еще: сейчас все переписывается, с неразборчивых черновиков, набело, и когда это будет сделано — вышлю все П. И-чу. Пусть он только укажет — следует ли это сделать почтой (заказной бандеролью) или как? Есть намерение и желающие все мною написанное с перебеленного напечатать на машинке в нескольких экземплярах. Вот и все, о чем я прошу тебя передать П. И-чу.

Не любят они П. И-ча за его безусловную порядочность и за то, что как-никак, а он создал самый интересный из современных музеев. Потом он окружил себя порядочными людьми, ему верят.

Что до поездки в Петербург, то таковая будет зависеть от двух условий: 1) чтобы Чистяковская выставка была налицо, 2) и чтобы было немного лишних денег (эта дрянь — «злато» — испаряется с необыкновенной быстротой).

Все же я не теряю надежды обнять тебя этой зимой в музее или на Галерной.

О московском художестве, о выставках пока слухи смутные. Выставка заказанных Совнаркомом картин [2] была назначена к открытию (вернисаж) в минувшее воскресенье. Но в последний момент это было отменено. Почему? Аллах ведает...

Говорят, особенно тяжелое впечатление производят «метры»: Архипов, Малютин, Машков. Лучше других — Кончаловский — он-де «держится»...

Я собираюсь после праздника начать «Автопортрет». С меня написанные — прекрасны, но ни к черту, говорят, не годны.

Посмотрим, что выйдет у самого «пристрастного» ко мне живописца — у Н[естеро]ва.

Сейчас начнется на Сивцевом всякая кутерьма — елка и прочее, что связано с Рождеством, со святками.

Ну, будь здоров,— не забывай старого годами, но душой молодого твоего приятеля.

572. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 23 января 1928 г.*

Отвечаю тебе, Александр Андреевич, на твое письмо.

В Питер, по всем *данным*, я *попаду*, но приезд свой хочу приурочить если не к Чистяковской, то к *Кустодиевской* выставке, а потому узнай, *когда она предполагается быть открытой*, и тотчас напиши мне. Также напиши, *по каким дням* (сколько раз в неделю) открыт старый и *новый* Эрмитаж? *и по каким дням открыт наш музей*? Все это я должен знать *достоверно*, т. к. в Питере долго быть не предполагаю.

С собой привезу часть своих «воспоминаний» и привезу также для П. И. Н[ерадовско]го этюд свой о Сурикове. Передай ему об этом.

О его предложении [1] поговорю с ним при свидании.

Теперь о твоих «тяжелых обязанностях» — о том, что написать тебе о Н[естеро]ве...

Мне, Н[естеро]ву, о себе говорить не так просто. Тут легко «дать маху». Быть близоруким и т. д.

Однако я с уверенностью могу сказать, что в чем хочешь можно увидеть влияние на Н[естеро]ва В[аснецо]ва, но только *не в технике*. Тут все с самого начала, с «Пустынника», с «Варфоломея», иное. Мы оба «техники» не бог весть какие, но совершенно разные. И здесь меня в В[аснецо]ве *ничто не поражало*, ничего не привлекало. Привлекало лишь в дни Владимирского собора и перед ним — это *одухотворенность, его поэтический замысел*, но и они в ответственных моих вещах иные; я больше *лирик*, он — эпичен. Во Владимирском соборе я временно (до Марфо-Мариинской обители) принял, так сказать, *стиль* стенной живописи, *подход, разрешение* (внешнее), ранее меня найденное, где-то подсмотренное В[аснецовы]м. Вот и все.

С Марфо-Мар[иинской] об[ители] я и в этом был совершенно свободен, нашел свой подход. Что же касается *картин*, то в них я, начиная с «Христовой невесты» и до конца, и технически, и в стиле, и в духовном своем ощущении был совершенно свободен от В[аснецо]ва, и он мне ничем *не мог* угрожать, импонировать. Таким образом, во времена Владимирск[ого] собора *и до* Мар[фо]-Мар[иинской] обители — я лишь с храмовой росписью как-то в стиле, в подходе к стилю, *к внешнему* его проявлению был не свободен от В. М. Вот и все.

Как и из кого *родился* я? Полагаю, этот вопрос тобой разрешен верно.

Личная моя «судьба», моя природа, обстоятельства жизни и проч. были иными, чем у других, иными, чем у В[аснецо]ва, Репина, Сурикова.

Однако мы все были с ног до головы *русскими*, и это как-то и где-то сказывалось — у каждого, однако, по-своему, сообразно размерам дарования, темпераменту, этике и проч. и проч.

Ну, довольно о Н[естеро]ве. Займись им сам, если это нужно. [...]

P. S. На днях начинаю автопортрет.

573. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 16 февраля 1928 г.*

Дорогой, любимый Сергей Николаевич!

Ваше такое хорошее, сердечное письмо получил. Целую, обнимаю Вас за него.

Был бы рад безмерно, если бы Вам удалось получить заработок. И дело было [бы], и кое-какие монеты.

Что сказать Вам об искусстве? Оно не процветает. Открывшиеся две выставки, говорят, одна слабее другой. Пойдут теперь целый ряд их, не ждут лучшего и от них.

М. В.[1] написал свой автопортрет. Кто его видел — одобряют, говорят, что он из лучших, какие этот старый человек написал за последние годы. Он ходит по этому случаю «гоголем», позабыл свою старость и некоторые душевные невзгоды, на него напавшие.

Я еду сегодня в Питер. Хочу вспомнить и увидать новый Эрмитаж. Говорят — дивный в его настоящем виде. Вернусь к великому посту, когда в Москве будет великопостный звон, а о блинах и помину не будет.

Сейчас, верней весной, затеваю написать одну лирическую поэму. Страшно за них браться в шестьдесят пять лет, за эти лирические поэмы.

Записки пишутся усердно.

574. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 3 марта 1928 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Я все еще живу впечатлениями вашего чудного города и того, что там видел.

Как хорош Пушкинский дом! а также какая огромная работа сделана в Академии. Вы, как никто, можете это оценить.

Петр Иванович, я позабыл Вам сказать, попросить Вас не читать и не давать на прочтение мною написанного о Сурикове и проч. Так будет лучше.

И еще вот что: когда Вы соберетесь в Москву, прикажите сделать точную мерку подрамка с «Приворотного зелья» [1]. Я хочу здесь заказать на него узкую и более подходящую к картине рамку.

Как я рад, что реставрация «Сергия» так счастливо осуществилась [2]. У нас в Москве ряд выставок, кои не хвалят. Я еще ни на одной не был.

575. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. Март 1928 г.*

Дорогой и любимый Сергей Николаевич!

Ваши письма Екатерине Петровне и мне — такие «Ваши» письма! В них то, что Вам так щедро дано, выражено столь ярко, задушевно, мечтательно... В них «Вы» как живой...

Спасибо за них, милый наш Сергей Николаевич!

Что сказать Вам о Нестерове? Он хандрит. Во всяком случае (даже несмотря на такие примеры, как семидесятилетний Фет и зоревые песни соловья [1]), «Лирической поэме» [2], видимо, не суждено осуществиться... Она дальше от осуществления, чем когда-либо... Придется довольствоваться Нестерову написанием портрета (от-

дельного) с внука другого поэта, который в свои семьдесят лет, как соловей, пел свои зоревые песни [3]. Затем придется убрать одну фигуру с прошлогоднего, оставив лишь женскую [4]. Словом — «починки» и ничего нового или почти ничего. «Лирическому певцу» пора собираться в Данилов или в Новодевичий... Там его место, а не среди певцов, да еще лирических.

Автопортрет всем без исключения нравится, как по сходству, так и по характеристике. Отзывы о нем разнообразны. Кто находит его несколько старше, чем сам «молодцеватый такой» оригинал. Кто такое мнение опровергает. Находят его «острым». Что он очень «динамичен», что выражает собой всю сумму соденнного этим господином. Он так же схож, как «А[нтоний]», как «С[еверцов]». Словом, хвалят взапуски. А автор — «хоть бы что».

Поездка в Питер была — бегство от самого себя. Оно не удалось. Однако там пришлось увидать много истинно прекрасного. Сам Питер, как печальная вдовица, подернут грустью, меланхолией. Тишина, безмолвие повсюду. По музеям много драгоценного, люди там тоже иные...

Великолепен созданный новым ректором музей Академии художеств. Ректор коммунист Эссен (брат адмирала) с изумительной энергией, почти без денег, превратил два этажа «по циркулю» Академии из запущенных квартир и мастерских профессоров в дивные залы нового музея, наполнив их тем, что было драгоценного на чердаках и закутах Академии, взяв многое из музеев Штиглица, Общ[ества] поощрения художеств и друг. Полуживой Эссен [5] сделал то, что не могли сделать десятки лет те, кто ведал Академией. Все стены, внутренние переборки, нагромождения вопреки дивному заданию Баженова убраны, согласно с сохранившейся большой моделью Академии [6]. Эссен водил меня по залам музея часа два, до полного своего и моего изнеможения, и я не мог не восхищаться энергией этого человека, говорят, с очень тяжелым характером. Однако я не скрыл от него то, что без школы, хорошо поставленной, без создания кадра новых, талантливых, грамотных, образованных художников его дело сейчас же после него рухнет, так как оно не будет никому нужно...[7]

Пушкинский дом по-другому прекрасен. Эпоха и личность гениального россиянина там так ярко, с такой убедительностью передается, что дух захватывает. Все, все там говорит об этом самом дорогом мне художнике-поэте. Как он рос, жил, работал и погиб.

Прекрасные залы бывшей Таможни [8] способствуют, так сказать, созерцанию славного минувшего. «Пушкинские» залы — лучшее из всего, что есть в этом доме. Уже слабей то, что показано в Лермонтовском, а там все хуже и хуже. Портреты заменены фотографиями. У Толстого их сотни. Сам «быт» Достоевского, Островского — интеллигентски-мещанский быт — не радует после того, что пережито там у Пушкина. И чем ближе к Леониду Андрееву, к М. Горькому, тем горше чувствуется, как падает вкус, как быт мельчает и все делается таким серым, серым.

Меня в Пушкинском доме приняли его хранители очень радушно. Поднесли издания, относящиеся к нему. Вообще Питер меня побаловал...

В Русском музее был при мне реставрирован «Сергий», обреченный на гибель после старой, давней его реставрации, еще эрмитажной. Теперь он будет выставлен вместе со «Святой Русью» наверху, где «Ермак», «Грешница», «Запорожцы» и другие холсты.

Нечего говорить об Эрмитаже. Он был и стал еще больше необходимым воспитателем художников. Именно там они могут найти то, что никакая Академия дать не может. Там увидеть лицо гения, познать его величие, его облагораживающее влияние. Воздухом Эрмитажа следует дышать художнику, особенно со «слабыми легкими». Он в себе содержит целебную силу.

Ник. Ник.[9] скоро увижу. Мурановский сборник [10] читал (верней, просматривал). Прочел и то, что дал С. Н.[11], и то, что написал его ученик [12].

На днях сюда приехал П. П.[13] Слышно, собирается к нам. Его всегда рады видеть.

Здесь начался сезон выставок. Их целый ряд. Был пока что на двух. На выставке АХРР — очень большой по количеству и по размеру произведений. Там огромные полотна, сделанные по заказу военного ведомства. Лучшие вещи Кончаловского (нео-

конченная), Богородского («Засада матросов»), Савицкого-сына [14] и еще несколько... Много скульптуры. Вторая выставка «Художников-реалистов». На ней приютились старички с Передвижной, с Союза... Ничего себе, шамкают.

Спешу окончить письмо, так как сейчас за ним придут. Посылаю Вам старый абрамцевский этюд «Вечер на Воре». Он, быть может, напомнит Вам что-нибудь.

576. С. Н. ДУРЫЛИНУ *Москва. Первая половина апреля 1928 г.*

[...] Я на днях вернулся из Киева, куда давно собирался к старым друзьям. Останавливался у Праховых, вернее, у Лели Праховой. Славно там пожилось мне, вспомнили старину, то-се, Владимирский собор и многое, многое другое.

Там была весна. Днепр прошел... Природа нарядная, почти южная. А у нас еще зима, еще шубы, как у Вас в Томске. Обошел музеи, кои в большом порядке. Вещи М. В.[1] меня порадовали. Они мало изменились.

В прекрасном состоянии Исторический (украинский) музей. Там множество материала для историков, писателей, художников Украины. Заведующий очень озабочен тем, чтобы собрать побольше Трутовского, когда-то столь любимого, а теперь забытого. Это был талант не «репинский», но истинный, он был поэт, он был Шевченко в живописи. И его как-то позабыли, и я рад, что о нем вспомнили.

Там отличный Нарбут, рано умерший. Талант не очень самостоятельный, вначале так похожий на Билибина и других мирискусников, а в конце жизни окрепший.

В Художественном музее (бывш. Терещенко) [2] великолепный, если не лучший, Васнецов — «Три царевны». Он их ставил очень высоко, так, как «Витязя на распутье», а я ставлю выше.

Отличный Шишкин, неплохо «На горах» [3].

Что особенно прекрасно — это Лаврский музей (Лавра — заповедник) [4]. Там с большой любовью, знанием собраны вышивки (облачения). Какие есть удивительные парчи. Какой красоты, смелости комбинаций цветов, что диву даешься. Там собраны иконы, преимущественно XVIII века, с сильным влиянием католицизма — унитарства [5]. Все в большом порядке. Там же и известное собрание Потоцкого, где особенно ценны рукописи.

Мне с большой любезностью все было показано, и я едва живой возвращался домой после таких осмотров.

Владимирский собор мало-помалу разрушается... Портится «Богоматерь» Васнецова. Половина Котарбинского и столько же Сведомского облупилась, краски висят клочьями. Н[естеро]в сохранился, но очень (как и все) загрязнен. Народу нет, денег «нема», ремонта делать не на что...

Много народа в Десятинной, еще в нескольких, немногих церквах. В старой Софии — украинская церковь. Священнослужители бритые, весь характер униатский. Народу довольно.

Старых «Линок» нет... Сам же Киев — красавец.

Я там отдохнул от тяжелой зимы. Вообще мое настроение лучше, чем несколько месяцев тому назад.

Здесь 16-го открывается выставка Кончаловского. М. В. мечтает летом написать портрет с его Веры — «лирический портрет». Посмотрим, остался ли у старика «порох в пороховницах» или это уже «пшюник».

577. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 24 апреля 1928 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Обращаюсь к Вам со следующим.

На днях Уфимский музей прислал мне письмо, из которого видно, что до них дошли вести, будто бы в настоящие дни музейные фонды передают остатки своих вещей в провинциальные музеи и что если сейчас таковыми музеями время для получения будет упущено, то упущено будет если не навсегда, то на очень долгий срок.

Уфимский музей, на основании Вами мне сказанного, в свое время обращался в Русский музей с ходатайством прислать, что можно (Конст. Маковского, Репина и других художников передвижного и мирискуснического периода), но ответа от Русского музея на их просьбу не последовало. И вот, не решаясь быть назойливыми, они просят эту неблагодарную роль принять мне на себя, что делать — пишу Вам...

Присовокупляя слышанное как-то от «Талейрана» [1], что вышло-де распоряжение свыше, чтобы без особого, какого-то чрезвычайного разрешения и ходатайства музейные фонды не могут давать провинциальным музеям ничего. Так или не так, Вы, Петр Иванович, конечно, знаете и, если это не так, быть может, отберете и пошлете, что можно, в Уфимский музей. Они, да и я с ними будем Вам за это признательны.

Это первое. Второе: я писал Александру Андреевичу, чтобы он передал Вам, чтобы Вы приказали вымерить размер подрамка «За приворотным зельем». Я хочу прислать Вам узкую античную рамку вместо неудачной дубовой. Не откажите и в этом мне — пришлите размер картины. Я слышал, что Вы были в Москве. Здесь у нас ряд выставок, из коих кое-что Вы, вероятно, видели. Говорят, на какой-то — интересный Богаевский. На днях с большой помпой открылась выставка П. П. Кончаловского. Мои были, хвалят. Я еще не был, собираюсь...

И думается, что, несмотря на все приемы и «стиль» Кончаловского, несмотря на то, что там, в картинах П. П., много «всякой всячины»,— это все же истинный художник и, быть может, единственный в Москве художник.

Да простит ему господь бог все его прегрешения — вольные и невольные. Его хочется беречь. На нем отдыхаешь. Я работаю кистью очень мало, пером больше. Когда то, что у Вас в руках [2], не будет Вам нужно, или передайте А. А., или, при случае, захватите с собой в Москву — передайте мне.

578. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 10 мая 1928 г.

[...] Ты *не* пишешь, как ты смотришь на то, чтобы копии отдать в П[ушкинский] д[ом], а оригиналы, *без комментарий* (лишь сделать в соответственном месте примечание о соглашении с автором о пропуске известных тебе мест, а быть может, и просто *их хорошо зачеркнуть* на оригиналах), оставить в музее. По-моему, *надежней* иметь письма *в двух местах*, а не в одном. И сделать это заблаговременно, «до Митрофаньевского»... Так-то!!

Что касается до моего борзого писательства, то Илья, мужик лукавый, мне не указ [1]. Пишу я сейчас 1903 год. На днях начну 1904.

Письма и помогают, и осложняют многое забытыми подробностями. Хотелось бы за лето все тобой присланное (до 1909-го, кажется) использовать. Переслать тебе копии обратно и получить от тебя продолжение. Тут пойдут года интересные: японская война, революция, моя выставка. Разные «представления» в Царское, в Гатчину и проч.

Вот не помнишь ли, когда, *в каком году* были сии последние? А затем Обитель. Ее основательница [2].

Недавно написал этюд «В. В. Р[озано]в» [3]. Весьма одобряют.

К тебе пришлю с П. И. много напечатанного. Прочтете и положите — куда следует (да не забудь то, что у вас с П. И., *вернуть мне*: «Суриков» и еще что-то).

Околовича жаль. Мне о его смерти писал Н[ерадовск]ий. Хороший был, должно быть, человек, а эти хорошие люди будут скоро показываться в музеях, как экспонаты... Спасибо ему за реставрацию «Сергия». Не надоумь — картину пришлось бы бросить.

Иду к Кончаловскому.

Затеваю портрет, «лирический портрет» с моей Веры.

Недели через две побываю в Муранове на несколько дней — да и за портрет. Писать его буду, вероятно, в одной из зал «Музея сороковых годов» (Хомяковский дом на Собачьей площадке) [4].

Мне всегда страшно было начинать новую вещь, а теперь того больше.

579. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 16 мая 1928 г.*

Дорогой и любимый Сергей Николаевич!

Давно хочу ответить Вам на Ваше милое письмо. На Ваше «утешение» моей старости. Ну что же, спасибо. Приведенная выдержка из Пильняка и М. Горького немного прибавляет «веселости» ко всему содеянному за 66 лет жизни. И Вы отлично знаете, что не в этом дело. Дело не в «березках» и не в однобокой популярности, а в чем-то ином, гораздо «большем», а есть ли это большее — один господь ведает...

Это уже будет видно потом, когда от автора «березок» и следа не останется. Вот тогда, лет через сто, скажем, будет видно, жив он или мертв «во гробе почивает». О «бессмертной душе» разговор особый — не о ней сейчас речь.

Так-то, дорогой мой друг!

Жаль, что Ваши дела не так хороши, как бы хотелось. И чем помочь беде — не знаешь сам, не придумаешь.

Выставки, так сказать, их сезон — кончается. О нем, за исключением выставки Кончаловского и той, где выставлял Богаевский, я вкратце писал Вам. На «Богаевского» собрался тогда, когда она закрылась, и очень о сем жалею. По слухам, его картины и в особенности рисунки были очень хороши. К Кончаловскому тоже собрался перед самым закрытием.

Выставка не хуже предыдущих, но и нет шага вперед. Случайно ли это, или старость накладывает и на этого неугомонного автора свои лапы. Посмотрим, что будет дальше. Может быть, новые темы — Северный и Южный Кавказ, Казбек, Мцхет не дали оглядеться художнику. Он там был впервые и, пораженный виденным, так сказать, «ошалел». Собирается туда вторично.

Чего недостает Кончаловскому — это «души Кавказа», его образа, поэзии особой, ему присущей. Есть «виды» Кавказа, есть краски, но в них нет «света», а только «цвет» — этого мало. [...]

580. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва. Конец июня] 1928 г.*

Дорогой, любимый Сергей Николаевич!

Спасибо за ласковое письмо. Оно, как всегда, овеяло меня Вашей любовью. Спасибо Вам за нее.

Что я делаю... Пишу, пишу и буду писать. Планы писанья обширные. Кончаю «лирический портрет», быть может, назову его иначе. Выходит (если сегодня не испорчу) свежо и не на шестьдесят пять лет. Когда кончу, напишу о нем поподробней.

Ближайший план — написание отдельного портрета с Н. И. и переработка прошлогоднего из двойного на однофигурный, с местным, тютчевским пейзажем на фоне [1].

А потом еще два проекта. Один другого замечательней. Но Вы спросите: откуда этот неугомонный старик возьмет сил? Думаю — «Бог даст», не иначе.

Один из ближайших проектов: больная, лежащая много лет в ожидании смерти, девушка прекрасная, с такими глазами, каких не удалось написать Нестерову ни на одной «Варваре». Она, эта милая, с темными локонами больнушка, когда узнала о моем намерении, будто бы сказала, что «она этому рада, что если это исполнится, то

она будет думать, что жизнь ее прошла не даром». Каково! И к чему это обязывает художника! [2]

Еще затея, быть может не менее интересная, но о ней говорить, быть может, еще рано. Пусть все созреет. И если начну уже к осени, тогда напишу. Во всяком случае, тема «моя», несмотря на то, что одновременно и «портретная» тема.

Писанье идет, кажется, успешно. Сейчас самый интересный по воспоминаниям год — 1907-й (выставка, начало Ордынки и проч.) [3].

581. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 24 июня 1928 г.

[...] Что-то ты медленно читаешь [1] и все еще не можешь дать мне свое «заключение». П. И., конечно, буде он пожелает, дать все можно, а потом возьми и сделай так, как я тебя просил. Ну, вот об этом пока и довольно, а то ты заскучаешь... Стар ты стал и непокладист, посмотрю я на тебя.

Конечно, не молодею и я, а все же «молодчина». Только что кончил портрет Веры. Тот самый «лирический портрет», о котором думал. Вышел ли он «лирический» — не знаю, но, по общему отзыву его видавших, он поэтичен и писан *не* стариком. Да я и сам знаю, что старики пишут иначе. Есть свежесть, есть мастерство, коим я не отличаюсь и не отличался раньше. Словом, в этом смысле пока что еще жить можно, и вот, пока еще я не остыл, так сказать, «с разбегу», начинаю другой *портрет-картину* [2]. Очень трудную *по выражению, по напряженности* всей темы. Нервам достанется. Но я думаю, что если *голова* не удастся (в ней все дело), то возьму да и брошу, что с меня возьмешь, с такого... На той неделе примусь за это дело. Оно отодвигает поездку в Мураново, переписку портрета Тютчевых (брата и сестру разъединяю). Сестру оставляю на прежнем холсте, брата пишу на новом. Вообще, планов целый ворох. [...]

582. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 1 июля 1928 г.

Твое письмо, Александр Андреевич, получил сегодня. Путаницу, что ты усмотрел в писаньях, распутает Е. П-на... Она все тебе подберет, всему даст свое место.

Что в писаньях есть *длинноты*, что не все в них проработано, знаю. Если будет время, это можно будет поисправить. Короткие характеристики, как «М. Н. Ермолова», то, что они не входят *в план*, а сами по себе,— это не беда. Такие «этюды» пишутся тогда, когда внезапно приходит желание,— есть охота — тогда садишься и пишешь. Выходит иногда кратко, но *ярче*, чем если бы я к ним добирался постепенно. Они у меня в своем месте, где-нибудь среди актерской братии, найдут себе пристанище. Этюд о Ер[молов]ой «спецам» нравится своей сжатостью, он, быть может, ярче, чем растянутый «Шаляпин». О передвижниках «поштучно» писать не буду: ну что я скажу об Еф[им]ке, об Мак[сим]ке [1]. Что один был глуп, другой пил горькую — не стоит, а цена им, *как художникам*, и без меня будет видна из их произведений, что висят по музеям.

О Праховых, о Викт. Васнецове написано много, в свое время прочтешь... (половина написанного — еще в рукописи). Одна из задач моих, чтобы те, что когда-нибудь захотят прочесть, что написал я, - не заснули и не выругали меня за то, что я отнял у них драгоценное время на такую скуку, как передвижники. Об этой почтенной «секте» писалось много. Их пересчитывать еще, как баранов, нет нужды, надоело! Да и не такой уж я их поклонник и верноподданный, чтобы забыть ради них многое другое. Я ведь «беспартейный». Говорю я столько же о художниках разной масти, о художестве, как и о том, что видел, слышал, как сам жил-поживал, как писал, как грешил и каялся. Вот о чем мне писать интересно, а ты с передвижниками... Ну их!

Большинство моих характеристик своей братии — художников — будут кратки, в двух-трех метких словах и готово... Даже такой, как А. И. Куинджи, всегда благожелательный ко мне и такой своеобычный, проходит в моих воспоминаниях попутно. Будет маленький *особый* этюд о В. В. Верещагине. О Поленове по нескольку слов в двух-трех местах, и только. Ничего «заказного», обязательного... Пишу что бог на душу положит. Сейчас пишу 908 г., Марфо-Мариинск[ую] об[итель]. Осталось еще лет восемь (до 17 года).

Портрет Веры кончил, он нравится, говорят, написан свежо, красиво, хоть бы и двадцать лет тому назад, и то бы ладно. Будем думать, что так... Сейчас работаю над портретом-картиной. Тема не по годам — трудная. Модель прекрасная, но полуживая. Два дня работаю, три дня она отдыхает. [...]

583. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 6 августа 1928 г.*

Здравствуй, Турыгин!

Давно ни тебе, ни от тебя нет вестей. Как застыли оба старика. Приехала Е. П., порассказала кое-что. Мало, но из нее не выжмешь многого. Ну, и за то спасибо.

«Дофина» видал, каков? Голиаф!.. Сейчас на скачках. Какова специальность! [1]

Перечитал присланные письма. Интересно, но много ненужного, фривольного. Одно оправдание: когда писалось, не думалось, что Т[урыгин] все копит, да еще и ленточкой перевязывает. Напрасно он не сжег в свое время все это добро. Было бы куды покойнее. Отчитал да и в печку, а то вот на поди. Думай, возись с этим хламом.

А что — ведь сжечь-то и сейчас не поздно. Ну-ка...

Только что прочел о Чистякове книжечку Ольги Форш [2]. Хорошо. Дама уловила характер старика. Местами как живой. Маленько смахивает на Луку, мужика лукавого [3].

А умен, вот как умен. Умен до последних дней жизни. И цену своему уму знал.

Прочти Ольгу Форш. Доволен будешь.

Мои все собрались (одна половина квартиры). Вчера приехала Наталья из Киева. Завтра побегут кто куда. Вера — в «Анилинтрест», Наталья — в свою библиотеку, Алексей в институт. Начнется шум и гам. Шретеры в Евпатории. Сам — в Берлине [4]. [...]

Мое лето прошло. Кончил свою «больнушку». Нравится... да это мало меня радует: не такова она в натуре. Там — одна музыка — какие «флейты в небесах»! А у меня — жалко... и только...

На днях еду в Абрамцево к Северцову. А потом недели через полторы в Мураново. Там попробую переписать на новый холст Н. И. Тютчева. Сестру же его оставлю на старом, напишу лишь новый «тютчевский» фон.

Этим и закончу летние работы. Стану подумывать о Гаспре, о Крыме. И если бог грехам потерпит да Таубе снимет свой запрет — тогда и поеду в октябре.

Писанья свои последнее время запустил. Понемногу втянусь опять. Ты, слышно, ими доволен.

В будущих придется сильно попользоваться письмами.

Погода у нас осенняя: холодно, дождь.

Сейчас надо идти «делать моцион». Подумай, два часа в день этого моциона.

Пиши, не ленись.

584. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 8 августа 1928 г.*

Дорогой Петр Иванович!

Благодарю Вас за сообщение о том, каким способом удобней и скорей получить отобранные Вами вещи для Уфимского музея.

Все, что Вы передали Екатерине Петровне, а также и то, что сообщили в письме ко мне, я изложил сегодня в своем письме к заведующему Уфимского музея Юлию Юлиевичу Блюменталь. Вероятно, он не замедлит поступить так, как Вы рекомендуете. Особенно я был тронут намерением Вашим принести, лично от Вас, в дар Уфимск[ому] музею вещи покойного Фокина и Теснера, а также намерением Е. М. Боткиной [1]. Благодаря содействиям Русского музея и галереи — Уфимский музей становится, по слухам, одним из лучших провинциальных.

Мое лето прошло незаметно. Удалось поработать. Сегодня еду в Абрамцево дней на пять, а потом в Мураново, где останусь на все время, пока не напишу нового (отдельного) портрета с Н. И. Тютчева и не перепишу прошлогоднего — такого незадачливого.

Мое писанье о Сурикове Вы получите в ближайшие дни от А. А. Турыгина, которого я попрошу достать это писанье из общего свертка, у него хранящегося, и передать Вам. Так будет удобней и для Вас, и для Е. П., так занятой сейчас.

В Москве у нас все по-старому. В галерее, слышно, идет перевеска картин на новые места, в новое помещение.

Посмотрим, как удастся гг. Эфросу и Машковцеву осуществить эту куда нелегкую задачу. Премудрый «Талейран» избрал для себя благую долю, взяв на себя развеску художников почивших, безмолвствующих. Куда похуже обстоит дело у Эфроса... Живые — беспокойный народ! Желаю Вам, Петр Иванович, хорошо отдохнуть. На обратном пути с Кавказа — загляните на Сивцев.

Благодарю еще за подарок Уфимскому музею — его судьбы близки мне.

585. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 15 августа 1928 г.*

Дорогой и любимый наш Сергей Николаевич!

Спасибо Вам за весточку, по обыкновению, бодрую и бодрящую.

Нам живется, как и раньше, ни шатко ни валко. Работаем, похварываем. Так и идут наши дни, не очень яркие, но и не слишком тусклые.

Все так себе, на тройку с плюсом, редко на четверку.

Собираюсь скоро в Мураново, где думаю выполнить свой план: разъединить несоединимое.

Недавно был в Абрамцеве. Там все по-иному, чем было еще недавно. Природа же все так же прекрасна, как и сорок лет назад.

И хотя лил дождь, но мы с Алекс. Ник. С[еверцовы]м все же много гуляли по берегам Вори. И чего-чего не припоминалось мне на этих прогулках! И далекая молодость, и тот день, когда я в первый раз шел неуверенной стопой по дороге в Абрамцево от Троицы, с «Вифанки», где жил в то лето у старухи Бизяихи, готовился к «Привор[отному] з[елью]», к «П[устынни]ку». Четыре десятка лет пролетело с тех пор. Много воды утекло, а все же далекое-былое встало передо мной как живое.

Вспомнился и прекрасный образ Верушки, и ее благочестивой, без ханжества, матери [1]. И сам Савва великолепный, шуты и карлы, его окружавшие,— всё ушло, всё и все спят теперь вечным сном.

Музей меняет свой облик.

Дальше и дальше уходит абрамцевский силуэт моих дней. Но все в нем — маленькая комнатка наверху имени Гоголя и побольше имени Ел. Дм. Поленовой. Там еще живой осколок прошлого — Александра Васильевна [2], старенькая, на пенсии. Многое она помнит из «счастливых дней Аранжуэца», о многом могла бы она порассказать любознательному слушателю.

На Ордынке [3] в ближайшем времени должно все измениться до основания. Там будут читаться доклады, лекции... Третьяковская галерея тоже меняет свой вид (который раз). Там идет радикальная перевеска картин: Брюлловы, Левицкие, Флавицкие, а также передвижники будут все наверху. Там же, но в новом помеще-

нии, будут В. Васнецов, Суриков и Нестеров. «Мир искусства» и новейшие течения внизу.

Строитель новой галереи Щусев очень доволен собой, своим детищем [4]. Готово все будет не раньше октября. Тогда дам Вам подробный отчет. В октябре мечтаю поехать в Гаспру. [...]

586. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 12 сентября 1928 г.*

[...] Вот сейчас перевешиваем Третьяковскую галерею, и знаешь, неплохо. Начали с конца, со всех этих супрематистов, эгофутуристов и других клоунов-эксцентриков живописи. Перевесили «Голубую розу», «Ослиный хвост» и еще что-то. Поработали над мирискусниками. Отлично представили Сапунова, Бор[исова-]Мусатова, прошли Шуру Бенуа с его приближенными. Потом Врубель, Костя Коровин, Серов — все на светлых стенах выглядит ново, празднично. Правда, цвет стен жидковат, правда и то, что выбирал его Эфрос, однако краски картин на нем сияют радостно, звучно, нарядно...

Теперь начинают верх с другого конца. Чуть ли не со времен Петра Великого... С Аргуновых и дальше через Боровиковского, Левицкого: к Брюллову, Иванову, Флавицкому,— к передвижникам, к Перову, Ге, Крамскому. От них к Сурикову, В. Васнецову, Нестерову. Последние будут в отдельных залах новой галереи (с верхним светом). Тут же за ними «историки»: Шварц, Литовченко, Рябушкин, Аполлинар[ий] Васнецов с его «Старой Москвой» и др. Здесь же, в новой галерее,— тысячи рисунков (моих до десятка) и отдельный зал скульптуры. Покраска стен наверху — разная. Заведует развеской Машковцев. Щусеву дан миллион двести тысяч для начала постройки новой Третьяковской галереи. Таковая будет у храма Христа-спасителя, рядом с Музеем изящных искусств. Снесется для этого целый квартал по Волхонке [1]. Вообще Москва сейчас не только разрушается (церкви), но и строится. На Полянке строится огромный, пятнадцатиэтажный, дом ВЦИК'а, в основу его идет старый кирпич от церквей, как более добротный.

Сейчас в разгаре Толстовские празднества. Я получил на них приглашение, но не был, как не бываю ни на каких торжествах. [...]

587. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 18 сентября 1928 г.*

[...] Вы желаете знать об М. В.,— он работает, так сказать, «запоем». За лето написал пять портретов и семь этюдов,— все, кто видел, говорят, что старик не желает стареть. Каков! Вам писали о портрете дочери его, также Вы знаете и о «больнушке». Последнее время написан второй (большой) автопортрет [1],— его хвалят, одни неумеренно, другие (меньшинство) находят старее оригинала, а В. А. Т[ернавце]в, недовольный, заявил, «что ему было бы приятно видеть гостеприимного хозяина», что едва ли совпадает с тем, о чем думал автор, который мечтает, полагать нужно, войти «в Историю русского искусства» не как «гостеприимный хозяин», а как-то по-другому. Видевшие портрет спецы галереи одобряют. Машк[овцев] неоднократно будто бы воскликнул: «совершенно удивительно!» Насколько сие искренне — это другой вопрос.

Очень однородные и благоприятные отзывы вызывает портрет Н[иколая] Ив[анови]ча, изображенного в мурановском кабинете-библиотеке. Соф[ия] Ив[ановна] теперь в одиночестве на фоне мурановской деревни. Осень — на душе старой дамы, осень и в природе — осенний букет (астры, рябина) на столе. Вышло столько же портрет, сколько и картина — появился смысл. [...]

588. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 2 октября 1928 г.*

На прошлой неделе вернулся из Муранова с двумя портретами — одним прошлогодним, переписанным, другим новым... Таким образом, мое лето было урожайное: ***пять*** портретов и семь этюдов. Давно со мной «этакого» не приключалось: теперь посмотрим, что из сего последует.

Третьяковские господа были, и один нашел автопортрет «совершенно удивительным». Ты злословишь об «Уффици», а я скромно мечтаю о Третьяковской галерее, где бы портрет стен не испортил.

Оба тютчевских портрета тоже видевшим нравятся.

Ну да чтобы не давать поводу твоему остроумию выбиваться наружу, перейду на другие темы.

Вот опять Уфимский музей. Чуть не год, как П. И. сказал мне, что в вашем музейном фонде найдется кое-что и для Уфы. Надо-де хлопотать. Написал в Башреспублику. Стали хлопотать. А воз и посейчас на том же месте. И ты пишешь, что П. И. уехал на два месяца... Дело плохо...

Ты поговори с Воиновым, б[ыть] м[ожет] он, как заместитель П. И-ча, может ***своим*** именем это дело окончить, чтобы его не затягивать до Рождества. Или напишет П. И-чу, чтоб он сделал соответственные указания или распоряжения. Или же *сообщи мне адрес П. Ива-ча* (небось, в музее-то оставил такой), и я напишу ему. А то сам посуди, уфимцы там и «лапки сложили» — такой подарок, да еще в такое время!

Да ты поживей двигайся. Разведи пары-то... одна нога тут, другая там... Ты ведь у меня молодчина! [...]

Голова полна художественных планов. Мечтаю о многом, что-то из этого многого придется осуществить? Ох уж эти мне 66 лет!

Пиши...

Когда я был в Муранове, был Сабашников (издатель), просил ему дать «воспоминания» для печати — не дам: рано. Пусть потерпит.

589. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 25 октября 1928 г.*

[...] Что сказать о себе... Я отдыхаю от содеянного летом. Бывает много народа. Были и третьяковские главари. Все хвалят. Особенно единодушно отношение к автопортрету. Грабарь находит, что старость моя — «завидная старость», что если бы не Советская власть, то, быть может, никто бы и не знал об этой скрытой до 17 года, до *Октябрьской революции* способности моей к *чистому портрету* и т. д., и т. п. Словом, еще «жив Курилка»...

Нравится почти всем портрет Соф. Ив-ны Тютчевой, также «Больная девушка» и картинка «Элегия» (слепой музыкант). Последняя равна автопортрету и одна из самых удачных так называемых «лирических» вещей моих. Словом, похвал довольно.

Было бы хорошо, если бы к похвалам прибавилось что-нибудь более существенное. Право, некоторое из написанного летом не испортило бы галереи, да и вашего музея тоже. [...]

590. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Гаспра]. 17 ноября 1928 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Пишу Вам из Крыма, из тех прекрасных мест, где провел я осень 1926 года. Те же милые люди, тот же парк, и осень такая же, как тогда, — южная, теплая, может быть, менее солнечная, но и сам я не тот стал, постарел, сдал... Машина испортилась, все время надо за ней смотреть. То смазывать (касторкой), то исправлять какие-то

там испортившиеся винтики. И хуже всего то, что никакой «Мозер» тут уж ничего не поделает. Шабаш!

А все же как хорош юг! Даже Крым, который в старые годы я презирал. Он казался мне и «акварельным», и еще что-то, по сравнению, например, с благословенной Италией, а теперь, когда Италия стала недоступной простым смертным, то и Крым, пожалуй, сойдет, ну, хоть за Флоренцию.

Да, часто, именно здесь, на юге, я переношусь в далекое прошлое. Последний раз мы были с Екатериной Петровной в Италии в 1911 году. Мне хотелось ей показать Рим, а самому побывать в Сиене, Вероне, Виченце и еще где-нибудь между Флоренцией и Римом. Работы свои я тогда почти закончил. Можно было и отдохнуть с месяц. Вот мы и махнули через «Вагнеровский» Земмеринг на Понтебу, прямо в Венецию.

Понравилась моей спутнице Италия, что говорить!

По Риму мы носились, как неистовые англичане. От Сикстинской капеллы, Латерано до какой-нибудь Санта Пуденцианы или Проседы мы обшарили все. Мы не знали отдыха, были неутомимы, хотя Рим и не был мне новинкой.

На обратном пути у нас были Орвието и Верона.

Верону я давно любил по превосходным этюдам Станиславского. Он, как редко кто, умел в своих этюдах передать душу местности, города. Он был истинный поэт.

Первое впечатление было иное. Провинциальный городок, по улице, шатаясь из стороны в сторону, бегает без рельс маленький вагончик трамвая, по сторонам его — по середине же улицы — куда-то спешат и болтают на красивом языке какие-[то] люди из «Сельской чести». О чем-то спорят, горячатся и того и гляди, как у синьора Масканьи, вцепятся один в другого и всадят нож в спину. Но это вам только так кажется...

Вы скоро ориентируетесь и тоже, презрев европейские порядки, несетесь куда-то и, быть может, почувствуете себя немножко итальянцем. Вы спешите в короткий срок осмотреть все: и собор, и Сан-Джорджо с изумительным Веронезом, где он так великолепен. Загляните и в амфитеатр, и еще, и еще куда-то. Наконец, вы очутитесь у знаменитого дворика Скалигеров [1]. Вы совершенно изумлены тем, что наделали эти Скалигеры у себя, на какой-нибудь веронской Полянке. Они на этом совсем полянском дворике сумели увековечить, да как! свой род. Одни из них предстали перед изумленным европейцем XX века на конях, во всеоружии их доблести. Они смотрят на вас с нескрываемой иронией, как бы говоря: «Вот мы какие, смотрите и дивитесь на нас». И им дивятся через... пятьсот лет. Другие почиют в мраморном изображении — и где же... над входом в их же дом — над самой дверью устроена гробница с изображением одного из этих удивительных Скалигеров.

А что за изумительный вымысел зодчих, что понаделано там из мрамора!! Ну да всего не перескажешь. В Орвието мы видели в соборе «Страшный суд» Содомы... и порядочно подвыпили... Ах, какое там местное вино! — Орвието...

Ну, довольно, довольно. «Молчание», как сказал злополучный гоголевский герой [2].

1929

591. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 19 января 1929 г.*

[...] У нас, в Москве, в художественном мире, с одной стороны, выставки, юбилеи (25-летний юбилей профессорской деятельности Кардовского [1]). С другой — неожиданный «разгром» во Вхутемасе — его крен налево. Причем получилось, что прославленные профессора — Кончаловский, Машков, Пав. Кузнецов, Фаворский — на днях проснулись уже не профессорами, а лишь доцентами со сниженным жалованьем. А профессорами остались по рисунку — Кардовский, а по живописи — Штеренберг (крайний левый — кубист, супрематист или какой-то су...), с жалованием в 250 руб.

(бумажных), а те, «бывшие», будут получать только по 150... Таким образом, «слава» сменилась бесславием, и все это за несколько ночных часов. Все растеряны, потрясены, удивлены. Хотят куда-то идти, где-то протестовать... но, подумав, остыв немного, полагаю, здраво решат, что и 150 — лучше, чем ничего. В Третьяковской галерее тоже «новизна сменяет новизну». Там полевение не меньшее. И теперь думать нам, старикам, о чем-нибудь — есть «бессмысленное мечтание». И все это произошло за какие-нибудь два последних месяца, когда ушел, или «ушли» очаровательного болтуна Щусева [2], который вчера должен был вернуться из Парижа в Гагаринский переулок. [...]

592. А. А. РЫБНИКОВУ [1] *Москва. 4 февраля 1929 г.*

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Давно Вас не видал, но думал о Вас часто. Думал в связи с некоими моими действиями. Как-то, показывая кое-что из написанного летом, я заметил сильную жухлость; не долго думая, я беру маленький фридлендоровский флакон с ретушью и усердно протираю ею зажухлые места. Дело сделано, но я вижу, что протер я не ретушью, а... лаком...

Смущен, но тотчас же вспомнил о Вас, о Ваших магических экспериментах — успокоился в надежде, что Вы дадите мне добрый совет, как поправить дело, свести лак.

Если Вы не очень заняты, быть может, не откажете заглянуть на Сивцев Вражек, д. 43, в один из Ваших свободных дней, в воскресенье, в понедельник или в четверг, часам к 12-ти, а в час мы пообедаем, не так ли?

593. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. Февраль 1929 г.*

Дорогой наш Сергей Николаевич!

Давно как мы с Вами не беседовали, и я с удовольствием беру перо, чтобы поведать Вам о себе, о нас, о делах искусства, к которому Вы имеете слабость (каюсь, я тоже).

Мы живем изо дня в день. Служим, кто служит. Те, кому на роду написано стоять у плиты, стоят у плиты, варят, жарят. Понемногу привыкают к адскому пеклу. А иные, так сказать, «герои труда», те, кому так под восемьдесят и более, те ходят из угла в угол, мечтают, бессмысленно мечтают, как сказали бы в старину. Как видите, каждый занят по-своему. Лодырей в семье нет. Совесть каждого чиста как стеклышко...

Вы однажды (если не дважды) выразили желание знать о смерти Анны Семеновны Голубкиной. Она скончалась более года тому назад у себя в Зарайске [1]. Скончалась после недолгой болезни и там же, в Зарайске, похоронена. Пошли некрологи, не очень длинные, потом стали собираться друзья-приятели, думать, рассуждать, как «почтить память почившей». Среди друзей оказались и недруги,— они стали кидать палки в колеса. От благих намерений осталось немного: сестра и племянница покойной заняли ее мастерскую, где и проживают сейчас.

Что же касается посмертной выставки, отлития лучших статуй Анны Семеновны из бронзы, то это осталось лишь в мечтах. Денег нет, достать их трудно, а главное — теперь все, что делала Анна Семеновна, не нужно.

Я смотрю на все это оптимистически, считаю, что все самое выдающееся из работ Анны Семеновны находится в музеях и будет так или иначе говорить о том, что у нас когда-то жила, творила Анна Семеновна Голубкина, как творили перед ней Растрелли, Логановский, Мартос, Витали, Пименов, потом Антокольский и современник Анны Семеновны, прекрасный талант Коненков (о нем скажу дальше).

Имена этих художников не забудутся долго. Чего еще надо?.. То же, что новоявленному портретисту не удалось написать портрета с Анны Семеновны [2],—конеч-

но, жалко, а может быть, так-то и лучше,— вдруг «шедевра»-то бы и не вышло, а вышла бы самая обыкновенная «пошлятинка» с претензией на Перова, Крамского, Серова и прочих признанных (и не признанных) Ван Дейков.

Слышно, Ваш любимый портретист написал портрет со своего «единственного» [3]. По обыкновению, говорят, «приукрасил» и вышел сущий «Дориан Грей»...

Вернусь к Коненкову. Он из Америки переехал в Рим. Там обосновался, занял отличную мастерскую и создал таких «Петра и Павла», что весь Рим перебывал у него, восхищаясь нашим российским Фидием. Имя его, как когда-то Иванова, у всех на устах, все славят его, величают. А он и пить перестал...

Что еще Вам пересказать из слышанного от художников, прочитанного в газетах?

Перевеска галереи идет медленно. Окончен весь низ, последние течения «Мира искусства», законченные Врубелем, Серовым, К. Коровиным и Левитаном, наполовину проигравшим, невидимым в темноте (зал против бывшего иностранного). В нижнем пристроенном помещении развешены рисунки.

Лучшие места предоставлены Врубелю и Сомову, они представлены в неограниченном количестве. Иванов, Брюллов, Бруни по два-три рисунка. В. Васнецова ни одного, даже нет и «Снегурочки». Левитан, Поленов, Нестеров по два-три старых. В огромном количестве новые течения (молодой Бруни и др.). Сейчас работы идут в верхних залах. Развешены авторы времен елизаветинских, екатерининских, александровских. В проходной маленькой, где были Архипов, Касаткин, С. Коровин,— там висят елизаветинские. Где был Серов, Левитан и др.— там Рокотов (где Коровин К.), против него (где был Левитан) — Левицкий с их современниками. Огромное количество вещей второстепенных совершенно поглотило лучших Рокотовых, прекрасных Левицких. Стало скучно, официально... Ушла жизнь. То же стало и с Боровиковским, развешенным по соседству, где был Рерих, Малявин, Сомов — Бенуа.

Система уничтожила дыхание жизни. Совершенно ничего не осталось от того, что давала галерея не только времен Третьякова, но и Грабаря. Сейчас, говорят (я не был там давно), окончили зал Брюллова — Иванова (прежний Брюлловский). За ним идет Перов. «Никита Пустосвят» и религиозные убраны вовсе. Весь Перов передвинется к Маковскому, Корзухин к Прянишникову. Все же последующие (Крамской — Ярошенко) механически передвинутся к Репину — Сурикову. Репин же одной своей частью войдет к Сурикову. «Не ждали» будет на месте «Морозовой». Суриков же, В. Васнецов, Нестеров, Шварц, Рябушкин и еще кто-то из «историков» будут помещены в новые, верхние залы. Окончится перевеска едва ли не ранее как к лету.

О новом директоре галереи особых слухов нет. Старый — недавно вернулся из Парижа. Много рассказов, быль и небылицы густо перемешаны.

Начались выставки, была Ульянова — неплохо. Были еще какие-то, знаю по слухам. В Русском музее Кустодиевскую сменяет Кончаловский за многие годы, что видела Москва.

Мы с супругой любуемся прекрасной дамой в виде «роброне», Кирибеевичем (он же и Китаец) [4]. Какая изобретательность, какое искусство!

594. В. Е. САВИНСКОМУ

[Москва. Март 1929 г.]

Дорогой Василий Евменьевич!

Позвольте мне присоединиться к чествованию Вашего семидесятилетия, пожелать Вам всего лучшего, прежде всего — здоровья,— будет оно — остальное приложится.

Быстро пронеслись сорок пять лет!

Помню Петербург, Академию, натурный класс.

Мы, москвичи-перовцы, зорко всматриваемся в жизнь Академии, нашего класса. По его стенам висят «оригиналы» [1]. Все имена, да еще и какие!

Не успеваешь благоговеть...

У окна группа академистов копирует этюд чистяковца Савинского. На него очередь. Савинский сейчас — конкурент. Подходим и мы москвичи, - и как ни мало мы «живописцы», а этюдом любуемся.

Не знаем, что в нем лучше «колорит» или рисунок. Письмо густое, большого напряжения, темпераментное.

Рисунок углубленный, нет и следа заученности. Знания же много. Вот и конкурс на золотые медали. Программы выставлены для обозрения. На большую золотую было [задано]: «Призвание князя Пожарского». Тема из тех, где легко впасть в общее место. Кроме одного и дали это «общее место».

Один же нашел себя. Он понял значение темы, вложил в нее живое действие, большое чувство.

Живопись свежая, звучная все окутано светом, зеленоватыми рефлексами из окна.

Прекрасная живопись, строгий рисунок.

«Призвание кн. Пожарского» написал тот же Савинский, что и классный этюд.

Ему присуждена большая золотая медаль, заграничная поездка. Савинский увидит Италию, великих мастеров. Как хорошо!

Прошло сорок пять лет, жизнь прожита. Мы, тогдашняя молодежь, стали стариками, юбилярами...

Так-то, дорогой Василий Евменьевич... Храни Вас господь!

Мой привет Вашей дочке.

Любящий вас Михаил Нестеров

595. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 10 апреля 1929 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Ваше письмо очень порадовало меня. Наконец-то Уфимский музей получит давно ожидаемое.

Благодарю Вас за содействие и личный Ваш дар моей родине.

Ю. Ю. Блюменталь, полагаю, уведомит, когда картины получатся.

Вы пишете о П. П. Кончаловском и Ал. Дм. Корине, как бы сопоставляя их одного другому.

К П. П. я питаю «род недуга»... Я знаю и «вижу» его совершенно... и все же както ему симпатизирую. А так как он и Вам симпатичен, то и прекрасно. Корин, или Корины — особое дело! Эта порода людей сейчас вымирает и, быть может, обречена на полное уничтожение. И однако, пока они существуют, я не устану ими любоваться. Любоваться моральными, душевными их свойствами, их, как пишете Вы, «целиной». Оба брата дают много и давно мне радостей. И я желал бы, чтобы и художество их не осталось шапкой-невидимкой.

П[авел] Д[митриевич] имеет почти все, чтобы быть большим художником, мастером, художником с большим специальным умом и сердцем. У него есть все, что ценилось в мое время, что было в лучших художниках моей эпохи. И что, надеюсь, еще когда-нибудь и как-нибудь вернется, как неизбежная реакция всяческим кривляниям (они часто называются сейчас «исканиями»), салонной болтовне и всяческому моральному безразличию. Как ни велики силы зла, но и добро могущественно.

Что сказать Вам о делах московских? Они таковы: «блаженный Аполлинарий» [1] устраивает свою «посмертную» выставку в... Ивановском зале Румянцевского музея. Устраивает вопреки, казалось бы, собственному убеждению, т. к. года три тому назад он был одним из немногих, ратовавших за оставление великого Иванова в том помещении, кое для не[го] было создано. Ратовал за то, чтобы выставить все его этюды и проч., и вот теперь — подите же... все позабыто, и он, влекомый какой-то недоброй силой, добился того, что Ивановский зал отдан, после долгого упорства В. И. Невского, ему, Аполлинарию. Таким образом, никто иной, не Ф[едоров]-Д[авыдо]в, не Штеренберг, а он, А. М. Васнецов, нарушил то, о чем так взывал, расточал свое

красноречие. Он создал *прецедент* к ряду других выставок в Ивановском зале (который от такого нашествия еще месяца два тому удалось нам отстоять). Сейчас Невский заявил, что если такие выставки будут еще, то он всего Иванова попросит убрать, залу очистить... А Кристи уже был и вымерял размеры картины... Словом, все, что было так хорошо и с такими трудами налажено, Аполлинарий разрушил из побуждений личных, эгоистических...[2]

Большая картина будет закрыта, этюды сняты. А если за сим произойдет и переноска картины, опять лишь во *временное* помещение галереи, трудно себе и представить, что станется, т. к. картина осыпается. [...]

Уж так ли это необходимо?..

Галерейные «политики и дипломаты», все гг. «Талейраны» из Лаврушинского переулка, — сейчас деятельнее своих праотцев времен Венского конгресса, Священного союза... Они и жить торопятся, и угождать спешат... Однако довольно...

596. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 27 мая 1929 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Вернувшись в субботу из Муранова, застал у себя петербуржцев и москвичей в горячих разговорах.

Говорили, спорили о «музейном патриотизме». Толковали о насильственном переселении бедных «Смолянок» из Питера в Москву, ивановских эскизов из Москвы в Питер. Пришлось и мне принять участие в дебатах. Конечно, и я понимаю музейный, так сказать, междуведомственный патриотизм. Люблю же и приветствую патриотизм «просто».

Инициатива переселения прекрасных девиц исходит от наших московских «Талейранов». Они, ревнуя не столько о «благе искусства», о Левицких и Ивановых, сколько о благоденственном и мирном житии своем, задумали учинить некую неприятность Русскому музею, предложив ему поделиться с Третьяковской галереей своими знаменитыми «Смолянками». Русский музей ответил согласием, поставив условием передать ему часть... ивановских эскизов (также эскиз «Явление Христа народу»).

По всей вероятности, предложение Русского музея было сделано с расчетом на то, что Тр[етьяковская] галерея на такую сделку пойти не решится, однако московские «Машкиавелли» ни на минуту не задумались: часть ивановских эскизов отдали. Что им Иванов, что им Левицкий!

Их музейный патриотизм, их ведомственное самолюбие выше всяких Ивановых и Левицких... Так было, так будет и впредь.

Дорогой Петр Иванович, Вы, умудренный опытом в такого рода делах, но любящий и само наше дело, дело искусства, ревнующий о нем, Вы видите, сколь необходима в данном случае *цельность*. Вы знаете, что ни «Смолянок», ни ивановских эскизов *дробить нельзя*.

В крайнем случае, менять одно на другое можно лишь *целиком*, отдав *всех* «Смолянок» в Москву, взяв все эскизы Иванова в Русский музей. Делить то и другое — плохая услуга Искусству.

Эскизы — не этюды, в коих нет цельного, объединяющего задания. Эскизы Иванова — это большая, цельная *тема*. Она, эта тема, и под спудом должна быть единой. И Вы, быть может, найдете *иной*, более удачный выход, равноценный предлагаемому, чем «успокоите умы»[1].

Искусство, как и душа человеческая, вещь деликатная, играть им нельзя. С Вами обо всем «таком» я говорить стану, с «ними» вообще говорить не о чем. Их удел — интриги и делячество.

На днях получил письмо из Уфим[ского] музея. Присланным довольны выше меры. Еще раз и я благодарю Вас за сделанное для музея. Благодарю Вас и за личный дар Ваш. Рад я, что мой приятель Ал. Дм. Корин пришелся Вам по вкусу.

При благоприятных обстоятельствах много можно ожидать хорошего от обоих братьев. Особенно от старшего, человека высоких понятий, способностей и настроений.

597. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 7 июня 1929 г.*

[...] Осуществил ли ты мое желание – сделать урезки в письмах? Сделать это необходимо: чем меньше празднословия будет оставлено, тем «умнее» мы с тобой будем выглядеть...

Да! вот что еще: у тебя, помнится, есть письма Крамского — достань книгу, вытри с нее пыль, найди там письмо И. Н. (ему был тогда двадцать один г[од]) по поводу смерти великого Иванова. Какая горячность, яркость и сила мысли и чувства! Какой великолепный юноша двадцатилетний Крамской! Едва ли кто когда-либо говорил так об И[вано]ве [1]. [...]

598. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 15 июля 1929 г.*

Спасибо, старик, за Бронзино [1]. Он сейчас передо мной. Вот как надо писать портреты. Пиши, как Бронзино, а не так, как пишет их Н[естеро]в... Как «посажен глаз»!.. Как высмотрена рука! [...]

Вчера был твой patrone [2]. Посидели, поговорили.

Из остроуховского собрания пока что не удалось выудить ничего. И теперь существует два предположения: одно (галерейное) — все перенести в Лаврушинский, а дальше — будет видно. И (Луначарского) все оставить на месте, в Трубниковском, неприкосновенным [3]. Думается, восторжествует первое: все перетащат, все смешают, и делу конец. Сделают то, что в свое время сделал Грабарь, а последующие «молодые люди» доделали,— все смешали, выкинули им не угодное, заменили им угодным. Придут другие «молодые люди», выкинут оставленное этими — и наведут свой порядок. Глядишь, от большого-то дела и не осталось ничего.

...Поговорили с patrone и о том, будут ли повешены мои вещи («Св. Русь», «Под благовест» и «Сергий»). Мялся долго,— я ему помог, сказав, что не собираюсь настаивать на развеске. Тогда он с облегченным сердцем начал излагать свои «дипломатические соображения». Что скажут рабочие и еще что-то в этом роде. Ну, вижу, тут пути не будет: боится... Да и заветы Шуры Бенуа на мой счет не те, чтобы торопиться со мной надо было.

Что-то от Нестерова останется лет через двадцать пять, хотел бы я знать? К чему сведется его «энергическая деятельность»? Не к нулю ли?.. А жаль, малый был не бездарный — и был в свое время «любимец богов».

Недавно кто-то мне сказал, что в одном из иллюстрир[ованных] журналов была статья Грабаря... Там он ставит мне в упрек, что я недостаточно способствую «социалистическому строительству» (иначе: «бди»). Что тут скажешь... Стар я стал, где уж в семьдесят лет угнаться за всем...

А тут кто-то на днях поведал, что тот же Грабарь где-то написал «восторженный отзыв» о моих портретах [4]. Вот и пойми тут что-нибудь! [...]

599. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 10 сентября 1929 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Ваше одобряющее письмо получил, с добрым и благодарным чувством прочел его. Я люблю Ваши письма: в них, кроме их стиля, всегда изящного, литературно-живого,

я вижу Ваше лицо. Они ярко, полно отражают Вашу прекрасную душу, нежную, чувствительную, любящую, верную во всех случаях жизни. Таково и последнее Ваше письмо. Оно, как некий бальзам или как разговор с Ф. А. Гетье, действует на меня успокоительно, утишает боли физические и душевные. Так действуют на меня Ваши «послания». Вы — давний мой утешитель, Вы тот «Жалостник», который так хорошо Вами нарисован. Спасибо Вам.

Только что дочитал написанное Вами о Сурикове [1], переданное симпатичным Пан[телеймоном] Ивановичем [2]. Об этом мне хотелось бы сказать Вам несколько слов.

Суриков — тема сибирская, соблазнительная. Погрешил и я, написав на эту тему «этюд», вспоминая о Василии Ивановиче, что осталось в памяти, попутно рассуждая кое о ком еще (об Иванове).

Суриков — тема будущего. В ней налицо все элементы для создания хотя бы и романа с героем — Василием Ивановичем — в нем. Ваши размышления о Сурикове правдивы, прекрасно проведены, интересны, и все же хочется обратить Ваше внимание: во-первых, на пристрастие Ваше к так называемым «русизмам», едва ли достаточно необходимым, характерным, несколько искусственно звучащим. Во-вторых, чрезмерная подчеркнутость эпитетов — ярый, яростный, сердцем ярых, красноярь и прочее, как-то вытекающих из названия родины Сурикова. Быть может, такое подчеркивание не усиливает, а ослабляет значение этих эпитетов чрезмерной своей настойчивостью. Вот и все, что мог бы я поставить Вам на вид в Вашей прекрасной статье.

Что поведать Вам о себе, о нас, о художестве и художниках всех отраслей?

Говорят много о музеях. Не стало музея Остроухова — он поступил в «фонд» галереи, из которой будет по мере надобности расходиться повсюду. Не стало музея «сороковых годов» [3]. Там поселены студенты, им зимой там не будет жарко.

Уничтожается «Музей игрушки» и туда, в прекрасный ампирный дом Селезнева, хотели перевести вашу Академию из дома Поливановского [4]. Едва ли долго просуществует и Абрамцевский музей.

Предполагается будто бы смена или мена директоров Третьяковской галереи с Русским музеем — Кристи с Н. И. Н[ерадовски]м. Что из такой мены выйдет — покажет время. [...]

Недавно исполнилось восьмидесятипятилетие Репина. На посланное ему мною приветствие на днях получился нижеследующий ответ с адресом на конверте, писанным чужой рукой. Ответ начинается добрым, размашистым почерком: «Академику живописи М. В. Н[естеров]у», чем дальше, тем почерк делается мельче, неразборчивей, и сводится все на «многоточие». Привожу письмо полностью:

«Ак. ж. М. В. Н[естеров]у.— Растроган до глубины души Вашим проникновенным письмом. Ваш искренно любящий и свято чтущий, как религиозное начало жизни, Илья Репин. Необыкновенно осчастливленный, недостойный пережитого счастья — этих последних светлых дней... неземной красоты...» [5]

Вот что делает с людьми столь преклонный возраст, как восемьдесят пять лет. Однако не пора ли умолкнуть и мне — шестидесятисемилетнему старцу. [...]

600. А. А. ТУРЫГИНУ *Гаспра. 5 ноября 1929 г.*

[...] Итак, я снова в Гаспре, снова в своей уютной, беленькой комнатке. Перед глазами Ай-Петри, над ним бегут облака — окна настежь, тепло, как летом: еще купаются. Общество — какой-то больной профессор из Сибири — и только... Вечером, если вздумается пройтись — идешь темной дорогой, кое-где бредут люди, особой «горной» походкой. Мелькнет огонек — это Кореиз, деревня. Ее восточные домики ютятся, жмутся к скалам — то там, то здесь слышится журчанье ключей, они несутся с гор в море, а оно, спокойное, темно-свинцовое, стелется вдали, сливаясь с яркой желтой полосой горизонта.

Впечатление оперы — или... маленького сицилийского городка — какого-нибудь Чефалу.

Нервы отдыхают от Москвы, от глупых слухов, болтовни и проч. — хочется жить, работать и... быть молодым. Ах! как иной раз хочется быть молодым... и... удалым... [...]

Здесь думаю написать «Заключение» к «Воспоминаниям». Дело это нелегкое. В сжатой форме надо дать объяснение, «что и почему». Надо угадать *тон*. Несколько вариантов такого финала не удовлетворяют меня. Оно должно быть сработано в мягких тонах, а главное *«умно»*, вот это «умно»-то и трудно: не переумнить бы...

Торопиться с ним не буду.

Явилось желание написать особый этюд о Дягилеве и Шуре Бенуа, они оба «достойны кисти Айвазовского». Если выйдет, буду рад, не выйдет — не беда... [1]

Слышно, хорошо выходит «Мадонна Литта» у Ал[ександра] Дм[итриеви]ча [2]. Посмотри сходи.

Пиши, как и что, и «какое в свете чудо».

601. А. Д. КОРИНУ *Гаспра. 2 декабря 1929 г.*

Дорогой Александр Дмитриевич!

Спасибо Вам за письмо. Оно порадовало меня тем, что Вы работаете то, о чем давно мечтали, что Вам по душе [1]. Вы говорите, что на работе этой — *учитесь*.

Ах, как хорошо это слово! Как содержательно оно и как жаль, что оно выходит из моды, что его смысл так часто и от многих бывает *сокрыт*.

Мы начинаем *постигать* его великое значение тогда, когда и волосы, и зубы повыпадут (у Вас-то и то и другое в великолепном порядке).

Рад, что отношение к Вам П. И. [2] хорошее, да он и сам хороший.

Пишу это письмо на отлете. Завтра покидаю Гаспру и еду в Москву, там, бог даст, увидимся как с Вами, так и с Вашей «Мадонной Литта».

Спасибо за набросок стены, где висит «Св. Русь». Я очень благодарен П. И., что надумал повесить эту мою картину. Как знать, может быть, надумает он повесить и «Монахов», более «Руси» ценимых и менее ее одиозных.

Жаль мне оставлять Крым, чудное солнце, море...

1930

602. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 9 января 1930 г.*

Милый, любимый друг Сергей Николаевич!

Спасибо за письмо, по обыкновению утешительное и ласковое.

Спасибо за поздравления и пожелания. Поздравляю и я Вас с праздником и Новым, уже 1930 годом. Сколько их помню я в прошлом! Какие они были разные, хорошие и так себе. Были и совсем, совсем плохие.

По обыкновению, полагаю, Вы ждете от меня художественных новостей. И правда, вращаясь в этом мире, слышишь иногда кое-что.

Вот это кое-что и постараюсь Вам передать, то, что слышал от людей, к этому пестрому миру причастных. Во-первых, говорят, Корин младший сделал удивительную копию с Леонардовой «Мадонны Литта». Копия такова, что те, кто много видали копий по заграничным музеям, уверяют, что лучшая и совершеннейшая — только что сделанная. Ее техника равна тому содержанию, тому высокому художественному смыслу, что вложил в нее Леонардо да Винчи. Сейчас «Мадонна Литта» выставлена для обозрения желающих ею полюбоваться в Музее изящных искусств [1]

Картина Иванова будто бы к весне перенесется в новое помещение Третьяковской галереи, еще совершенно сырое. Что-то будет? Боятся за ее благополучие.

Последний писанный с Васнецова портрет почему-то снят, как и кузнецовский. Весь Васнецов перевешен, вещи киевского периода убраны вовсе. А остальные сдвинуты ближе к «Богатырям». А часть залы от входа в нее отдана картинам Ге, и оба автора отделены перегородкой. Говорят, оба проиграли.

Я давно, больше года, не был в галерее.

Выставок пока нет никаких. «Этюды» о Перове, Третьякове, а также Дягилеве и Бенуа завершают собой ряд других о художниках, артистах, писателях.

В общем, с этим делом пора покончить Вашему приятелю.

Поездка в Крым была очень удачная, подбодрила. Надолго ли? Годы берут свое. Внешне очень поддался, как гриб сушеный.

Морозов у нас еще не было, не только сибирских, сорокаградусных, но и московских еще не видали.

Вы, дорогой, не очень на меня гневайтесь, что редко пишу Вам, и в этом как-то виновата старость и многое другое.

603. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 8 марта 1930 г.*

Что-то ты, старик, примолк, нет в тебе былой резвости, не вижу неукротимого «темперамента». Куда все девалось!.. Откликнись, пока не попал к предкам...

Да! предки... все ближе и ближе мы к ним. Мы к предкам, а потомки от нас.

Третьего дня проводили Алексея на службу — на Госуд[арственные] конн[ые] заводы на Дон.

Уехал до мая. В мае приедет, сдаст зачеты, получит бумажку об окончании института. Только мы его и видели... Уедет на юг совсем. Заживет своей особой жизнью. Он очень возмужал. Стал огромный, массивный, самостоятельный.

Перед отъездом я написал с него портрет в натуру, вышел похож и одобряют. Тот, что написал год назад,— уничтожил: и сходства было мало и был жидковат.

Тебе, быть может, говорил П. И., что «Автопортрет» взят в галерею, на выставку вещей, предполагаемых к приобретению. Теперь они стоят там для обозрения масс, кои и есть наши судьи.

Что из всего выйдет, увидим... Кто был на выставке, говорят, что автопортрет лучший из всего того, что туда понатащили. [...]

604. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 21 марта 1930 г.*

[...] Что сказать Вам о Вашем незадачливом друге... Увы! он дряхлеет, порастает, так сказать, травой забвения. Тут тоже делу не поможешь ничем. Дела его неважны. Автопортрет, взятый советом галереи для выставки с тем, чтобы после нее он поступил в галерею, по каким то причинам туда не попал, и будто бы вопрос о его покупке не был поставлен на голосование, столь он оказался плох. Такое постановление, якобы единоличное, объясняют еще и тем, что автор не нашел возможным дать на выставку другой портрет — двойной [1], и тут-де было сведение счетов или, как теперь говорят, «головотяпство». Кто его знает, где зарыта «истина». Факт тот, что друг Ваш остался при «пиковом интересе». [...]

Выставка Кончаловского «оживила всех собой», как поется в одной старинной песне.

Много бодрящего, веселых красок... формы никакой, да и в ней ли счастье. Всего сто двадцать номеров. На одном из самых больших — четырехаршинном холсте — написано море, по волнам плывет ладья, на ней трое людей — кипит котелок с водой, на корме стоит беленькая чайная чашка, на ней аленький цветочек, он светит и игра-

ет на четырехаршинном полотне. Глядя на этот маленький цветочек — сердце радуется [2].

Вы скептически заметите, что цветочка Вам мало... а я скажу, что и малым надо быть довольным, и Вы со мной согласитесь. В каждой картине Петра П[етрови]ча есть где-нибудь это малое, и воздадим ему за него хвалу.

Братья К[ори]ны благодарят за привет и память.

Ваш друг [3] просит поблагодарить Вас за Ваши неожиданные «экскурсы» в область давно прошедшего, где когда-то и кто-то про него сказал доброе слово. Это его утешает, поддерживает гаснущий дух. Он ценит любовь Вашу к нему и сам Вас нежно любит, шлет Вам его поклон и проч.

Какое милое, живое письмо написала Ирина [4]. Какой она молодец!

605. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 21 марта 1930 г.*

[...] Ты пишешь о реставрации моей картины [1]. Я слышал об этом давно-давно от П. И. И мне помнится, что он говорил об *окончании ее*, а не о начале. Но это неважно, над нами не каплет... Благодарю А. И. Кудрявцева за его доброе намерение приложить свои знания и силы к этому делу. Передай ему при случае мой привет. И *ты ему тоже ни в каком случае не говори*, что мне известно, *когда заделывает хороший реставратор — то он искусно заполняет только белые места, а сами художники начинают бесцеремонно переписывать по-целому.* (Пример — Репин. Нестеров и друг.). Не говори ему, что я и не собираюсь уподобиться этим злополучным и самонадеянным господам — и буду рад, если А. И. Кудрявцев *единолично* доведет свое дело до конца.

Этого всего ты ему не говори, понимаешь... ну, вот...

Предстоящую выставку приветствую. Особенно то, что передвижники, включая Н[естеро]ва и Левитана, сняты на неопределенное время...

Здесь Н[естеро]в почти вовсе отсутствует по независящим причинам.

В темноте висят «Варфоломей», «Пустынник» и «Портрет жены художника». [...]

606. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 16 апреля 1930 г.*

[...] Скуки ради надумал написать портрет (двойной) с бр[атьев] Кориных. Оба, каждый по-своему, интересны. Один в стиле итальянцев Возрождения, другой — в стиле ультрарусском. Не то Ян Усмович, не то Микула Селянинович. Что-то крепкое, на чем, может быть, вырастет иное, чем то, что породило Обломовых. Оба брата — художники, оба — мастера своего дела, и их запечатлеть остатками сил хотелось бы. На Фоминой возьмусь за дело. А как трудно — и сказать нельзя (особенно Александр). Ведь знаешь, несмотря на сорокалетний опыт, у меня не было никогда самоуверенности, *даже образа* я боялся начинать. А картины, портреты — тем больше... Как школьник.

Напиши, когда откроется и когда кончится выставка «Война»? [1] И что будет дальше? Новая «реконструкция» или что?

Что же с выставкой Чистякова? еще на год отложили. [...]

607. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 17 апреля 1930 г.*

[...] Перейду к Вашему молчаливому другу. Хотя он и киснет, но искра жизни где-то еще, очевидно, в нем теплится. Хвастается, что не сегодня-завтра начнет писать двойной портрет с братьев К[орины]х. Я говорю ему, что трудная тема, а он свое —

«ну так что же, что трудная, зато интересная». Один ему кажется каким-то итальянцем времен Возрождения, другой — русак-владимирец с повадкой Микулы Селяниновича, с такими крупными кудрями...

Оба брата даровиты, оба выйдут в люди...

Подумайте, разве тут какие резоны помогут. «Хочу» и больше ничего. И я махнул рукой, пусть пишет.

Среди нас не стало Маяковского... да, не везет русским поэтам! Не первого его унесла пуля в небытие...

А весна идет, молодая жизнь вступает в свои права... Да здравствует жизнь! не так ли, дорогой друг?

608. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *[Москва]. 29 мая 1930 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Ваше письмо я получил в Муранове, где прогостил неделю и сегодня вернулся к себе на Сивцев.

Благодарю Вас от всей души как за хлопоты, так и за сообщение о И. П. Павлове. Его согласие позировать для портрета, само по себе ценное, усугубляется предложением И. П. поселиться у него на даче на время работы.

Это устраивает меня как нельзя лучше.

Я надеюсь выехать из Москвы 7-го вечером и на другой день быть как у Вас в музее, так и у Павлова, которого о дне своего приезда уведомлю на днях письмом. [...]

609. О. М. ШРЕТЕР *[Ленинград]. 9 июня 1930 г.*

[...] Питер великолепен. Тишина тут, как в деревне, когда мужики и бабы ушли на сенокос. Вспоминаю радостно наш Арбат, где пульс жизни бьется по-американски.

Павлов — преинтересный старик, играет отлично в городки, в дураки и побеждает врагов своих на этих поприщах, как и на поприще научном.

Много думаю о портрете. Лицо благообразное, в некоторых положениях напоминающее Толстого. Павлов очень избалован близкими и почитателями. Живет отлично. [...]

Был в Эрмитаже и в Русском музее. В последнем висит «Святая Русь» и выглядит неплохо, хотя и окружена со всех сторон Суриковым.

610. А. А. ТУРЫГИНУ *Колтуши. 13 июня 1930 г.*

[...] Здесь я катаюсь как сыр в масле. Ем (прекрасно), сплю (неважно) и начал работать портрет. Завтра берусь за краски. Лицо интересное, живое и благообразное. Сидит хуже Толстого, но думаю, попривыкнет...

Отношения прекрасные.

Пробуду здесь около двух недель.

611. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 7 июля 1930 г.*

Отвечаю тебе, Александр Андреевич, на твои запросы. Конечно, мысли устроить выставку в память 30-тилетия смерти Левитана [1] я сочувствую. Этюды свои дам.

В Уфимском музее есть большая моя картина (пейзаж) «Родина Аксаковых», другие мои незначительны, и их брать не стоит.

Надо помнить, что русский пейзаж одновременно с Левитаном (чистым пейзажистом) работали еще ряд, тогда молодых, художников – его сверстников: Конст. Коровин, Бакшеев, Аладжалов, Переплетчиков и другие. К. Коровин стал самостоятельным большим мастером, прославившимся декорациями. Бакшеев — талантливый, тонкий пейзажист, к сожалению, мало деятельный, остался в тени. Аладжалов, по неведомым причинам, не оправдал надежд. Переплетчиков был более старателен, чем даровит.

Ваш музей, вероятно, имеет вещи названных мастеров.

Сейчас Левитан в большом умалении, для чего накопилось немало причин.

Чтобы его снизить, давно и много работали завистливые модники, люди, лишенные того *чувства природы*, коим так щедро обладал Левитан. Чтобы снизить его, работала *интрига* не один год. Теперь мы можем видеть плоды этой работы. Левитана добили Костей Коровиным (способ давний, давно испытанный), прекрасным живописцем, но меньшим *поэтом*, чем Л[евита]н.

Пройдет время, люди *без чувства* жить устанут, и если к тому времени Левитана не разбазарят, он будет вновь любимым художником.

Что тебе сказать о портрете П[авло]ва я его поработал, и он стал лучше. Он всем нравится, а я одним недоволен — его размером малым по фигуре и голове, а потому хочу сделать повторение на бóльшем холсте, с *бóльшим* фоном.

Судьба первого остается до сих пор неясной [2]. [...]

612. Е. П. РАЗУМОВОЙ *Москва. 9 июля 1930 г.*

Глубокоуважаемая Елена Павловна!

Пишу Вам, неуверенный, что письмо застанет Вас в Кисловодске, т. к. здесь ходят слухи, что Вы скоро намерены вернуться в Москву.

Так или не так, но я пишу Вам согласно нашему уговору. Пишу с тем, чтобы осведомить Вас о себе, о своих, о немощах, одолевающих мое бренное тело. Цель моей поездки в бывшую северную столицу была достигнута: портрет с И. П. П[авло]ва написан. Сам И. П., его близкие, также почитатели и последователи, видимо, портретом остались довольны. Сходство оказалось значительным. Сам И. П. меня поразил своей жизнеспособностью. Подумайте, в восемьдесят четыре года он юн, он каждое утро в любую погоду купается, неустанно бодр, много работает, а в часы отдыха играет со своей молодежью-врачами в чурки, оставаясь часто победителем!

Я провел в Колтуше, где И. П. сейчас на отдыхе, бесподобных две недели, наслаждаясь чудной старостью необыкновенного человека, славного русского ученого.

Там же, в Колтуше, строится научно-физиологическая станция на средства, отпущенные правительством в день восьмидесятилетнего юбилея П[авло]ва. [...]

613. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 1 сентября 1930 г.*

[...] Я, братец мой, «живу» вовсю, пишу портреты, властвую над своим курятником, когда надо, воюю,— заключаю мир и снова воюю. Еще на днях закончил портрет бр. Кориных. Само собой, портрет вышел на славу. Вандик, если бы увидал, пообкусал бы себе все ногти... а я себе хожу по Сивцеву Вражку и виду не показываю, что Вандика «угробил».

Шутки шутками, а портрет-то вышел неплохой. Таких писал я немного не больше десятка.

Публика, что видела, одобрняет.

Напиши ты мне, *долго ли* продлится у вас в музее выставка «Война» и что намерено ваше начальство делать с моими злополучными картинами, будут ли они снова развешены, или как? [...]

614. П. И. НЕРАДОВСКОМУ [1] *Москва. 30 сентября 1930 г.*

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Хочется с Вами поделиться грустными мыслями, воспоминаниями...

У нас прошел слух о смерти Ил[ьи] Еф[имовича] Репина [2]. Не стало последнего из славной плеяды ранних передвижников.

Вместе с И. Е. Репиным ушла целая эпоха русского искусства, эпоха необычайного его расцвета.

Илья Еф[имович] был одним из самых даровитейших ее деятелей.

Феномен по своей природе, он рано понял свое призвание, а поняв, стал с необыкновенным упорством преодолевать великие трудности живописного искусства, доведя его до огромной высоты, до совершенства.

Тогда было счастливое время: после Иванова, Брюллова, после огромного напряжения художественного творчества наше искусство, передохнув, прислушиваясь к голосу времени, к грядущей новой эпохе в жизни народа, искусство, творчество народное, распустив крылья, готово было обновленным подняться ввысь...

Первыми признаками его возрождения были картины Федотова, Перова, Ге, Крамского... Следом за ними появился Верещагин со своей «Туркестанской коллекцией», юный Васильев с невиданными пейзажами, Антокольский с «Грозным», а там Репин с «Бурлаками», Виктор Васнецов с первыми сказками, Суриков со «Стрельцами», Куинджи со своими солнечными эффектами... [3]

Над русским искусством снова взошло солнце, ожила наша земля... Появился скромный, молчаливый Третьяков; без громких фраз он объединил художников — больших и тех, что поменьше; оставляя их свободными в их замыслах, мечтах, он дал возможность осуществлять их радостно, и художники показали свое истинное лицо, свою творческую природу, отличную от тысячи других. Работа закипела надолго. Появилась Третьяковская галерея - пантеон русского искусства, туда скромный, молчаливый человек собирал все самое яркое, талантливое, нередко подчиняя свои вкусы творческой воле художников.

И что ни год, что ни Передвижная, эта ярмарка тогдашнего художества, то имя Ильи Еф[имовича] Репина более и более становилось нам, художникам и русскому обществу, дорогим. Картин его ждали, а он, зная, что великий талант его *обязывает*, что каждая его картина, всякий портрет есть не только его личное возвышение, но и возвеличение родного искусства, он с терпеливой настойчивостью *вынашивал* каждую вещь. Огромный, стихийный талант, отличный мастер, он мог бы затопить любую выставку своими картинами, портретами, дивными этюдами, рисунками (так был он продуктивен), он, как и все художники его времени, выставлял на суд публики лишь самое совершенное. Потому-то каждая картина, портрет Репина были событием. Проходили десятки лет, а люди помнили не только самую картину, год ее появления, но и то место, где она стояла на выставке. Гово[ри]ли: «Это было в год появления «Не ждали» или «Святителя Николая».

Художники, малые и большие, с одинаковым чувством ждали новых творений Репина, а их появление — была общая наша радость, и на выставку валом валил народ. В те времена и в помине не было позорного слова «халтура», и всякие признаки ее гибли бесславно.

Появление «Царевны Софьи», «Проводов новобранца», «Крестного хода» или «Грозного», а позднее «Запорожцев» были праздниками всего русского образованного общества [4].

Художник огромного диапазона, Илья Еф[имович] живо откликался на все вибрации жизни, он отражал в своем творчестве как красоту, так и уродливости окру-

жавшей его жизни. Он был, быть может, самым убедительным повествователем современности, иногда возвышавшимся до Толстого.

Я помню день появления «Крестного хода». Выставка была в Академии наук; в конце зала, направо, виден огромный «Крестный ход». Мы, художники, спешим туда, там — толпа, восторги, дружественный суд. Напротив «Крестн[ого] хода» не то «Неизвестная», не то «Портрет г-жи Вогау» Крамского [5].

Общее возбуждение, все разделяют торжество автора, а торжество было полное.

Жизнь на картине бьет ключом, солнце сияет, оно залило светом огромную движущуюся толпу. Кое в чем видны нарочитости, тенденциозность, но ведь это «соль», без которой в те годы нельзя было обойтись... Нам, молодым тогда, «Крестный ход» нравился своими красочными откровениями, подлинным солнцем, в коем купается толпа богомольцев. Солнцем залит золотой купол фонаря, что несут мерным шагом столь знако[мы]е мужицкие фигуры, а там горожане, кто их не знал тогда, они были вырваны из самой гущи быта, а вон там, среди певших, и наш Аполлинарий Васнецов! Стоим, восхищаемся дивным автором, славим его, величаем. Успех картины огромный, Третьяков еще до выставки приобрел ее в галерею.

Проходит год или два — появление «Не ждали». Тема такая близкая интеллигентскому сердцу, для нас, тогдашней молодежи, привлекательна в картине не тема, а свежая живопись, полная света комната, дивное выражение вернувшегося, утратившее свою прелесть после переписки автором головы,— до того такой тонкой, сложной, нервной...

А вот и «Иоанн и сын его Иван». Это уже всероссийская сенсация. Петербург взволнован, можно сказать потрясен; все разговоры около «Грозного», около Репина, «дерзнувшего» и пр. Восторги, негодование, лекции, доклады, тысячи посетителей, попавших и не могших попасть на выставку. Конный наряд жандармов у дома Юсуповых на Невском, где первые дни открытия Передвижной стоял «Грозный». Потом его опала, увоз в Москву, в галерею. Грозный был кульминационной точкой в развитии огромного живописного таланта И. Е. Репина. На картине страшное злодеяние обезумевшего царя как бы вышло из забвения истории. Царь — и отец — убил в безумном гневе сына. Ужас охватил всех так, как бы событие совершилось въявь. Потоки крови, коей художник залил картину, вызывали патологические ощущения, истерики и пр. [6]

Большей сенсации на моей памяти не вызывало ни одно художественное создание — дальше шел уже Шаляпин со своими трагическими образами, с особым, ему присущим умением их преподносить обществу.

Так проходила жизнь и деятельность одного из славнейших художников моего времени, времени яркого расцвета русского художества, времени создания Третьяковской галереи и Русского музея, этих неоценимых сокровищниц нашего искусства, отразившего в живописи жизнь, события, людей, современность и историю народа не менее ярко, чем то сделали Толстой, Достоевский, Тургенев и другие в нашей литературе.

После Карла Брюллова не было, быть может, живописца, столь властно распоряжавшегося своей палитрой, как покойный Репин. Ему, как и Брюллову, не нужны были «темы», и не в них была сила этих феноменов нашего живописного искусства.

Мне не хочется говорить сейчас о недостатках репинского искусства, они были... Меня сейчас печалит мысль — нет Репина, как нет уж никого из его славных сверстников, нет Васильева, нет Викт[ора] Васнецова, нет и Сурикова, нет и многих других. Всем им вечная память!

Простите меня за длинное письмо.— На душе тяжело... хотелось вспомнить былое.

615. А. А. ТУРЫГИНУ

Хоста. 16 ноября 1930 г.

Здравствуй, старик!

Послезавтра будет две недели, как мы в Хосте. Тепло здесь, люди купаются

в море, а оно плещет себе о песчаные берега, то тихое, голубое, то серо-фиолетовое с розоватыми гребнями, то бурное, темное. Тогда оно кидается на берег и яростно отступает назад. А мы, люди, отдыхающие здесь, им любуемся. Солнце летнее, августовское, греет, а иные дни поливает нас дождиком, и тогда мы прячемся в свой Дом отдыха, и тут было много народа, было весело, шумно. Много молодежи, есть и такие, как ты.

Взяли уже семь ванн в Мацесте, куда ездим чуть ли не каждый день и раз в неделю в Сочи к врачу. Все это близко, кругом — что твоя Швейцария.

На горизонте снеговые вершины и все такое...

Кормят нас неплохо, едим много, и если бы не утомительные ванны, стали бы толстеть. [...]

Работать здесь не начинал, очень много времени и сил отнимают ванны, и ладно, если будет прок и мы помолодеем...

Меня беспокоит, что портрет П[авлова], посланный из Москвы 18 октября, еще не был получен институтом и 4-го ноября. А деньги получены все сполна, и мы на них сейчас живем.

Ладно, что успел с портрета сделать повторение (немного большего размера фон). Если пропадет, придется отдать повторение.

Прочел у Ольги Форш о «художнике-философе», о нашем Павле П[етрови]че Чистякове. Тем хорошо, что баба не мудрила, взяла да списала все, что было у кого о нем в воспоминаниях, и вышел старик живой, своеобразный, не то Лука горьковский, не то еще что-то, вернее всего — П. П. Чистяков, незадачливый гений или, как его почитатели зовут, «великий учитель». Почитай, почитай, тебе понравится. Читая, и сам многое припомнишь. Книжка называется «Причальные мачты».

Другая ее же — «Современники» — куда похуже. Там Гоголь, Иванов и другие. Что-то в стиле Мережковского, но пожиже. Что у вас в музее, окончилась ли выставка [1] и когда ей конец? Что начальник [2], здравствует ли, и как ты живешь-можешь? [...]

1931

616. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 6 марта 1931 г.

Давно с тобой не беседовал, мой старик. Живем помаленьку. Работаю мало, однако написал «Меланхолический пейзаж», хвалят, написал вариант «За Волгой» (купчик с девицей на берегу Волги, что было на моей питерской выставке).

Сейчас меня усиленно «вывозит» Грабарь. Вчера были у знаменитости здешней — физика Лазарева. Он был как-то у меня, смотрел портрет Павлова и прочие «шедевры» и пригласил к себе. Вот мы и собрались вчера у него в институте, коего он директор. Сначала всего нас поили чаем, вином, а потом Л-в в продолжение 3 $^{1}/_{2}$ ч. делал нам сообщение о своих открытиях в области физико-химии, геологии,— я сидел «с ученым видом знатока», благоразумно молчал. Были два брата Грабаря с женами, я с семейством и еще одна дама, мать якобы гениального ученика Лазарева,— человек с десять.

Не пойму я что-то, для чего все это было инсценировано, иной раз приходит мысль, не хочет ли Л-в, чтобы и с него, как с П-ва, я написал портрет (тоже ведь «мировая» величина), а мне не хочется. Матерьял-то не живописный. Для Влад. Маковского. Хотя во время доклада он воодушевился... лицо преобразилось, стало серьезным и облагородилось. Такова сила любви к предмету, к его значению. [...]

617. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 18 мая 1931 г.*

[...] Сейчас у нас весна. На балконе цветут анютины глазки, распустились липкие листочки березки. Хорошо! Лето проведем в Москве, быть может наезжая днями в Мураново. Осень тоже, вероятно, на Сивцевом, т. к. денег нет.

Идут ряд выставок: Бродского, Юона, Павла Кузнецова и сейчас «Ассоциац[ии] советских художников» [1]. На последней — «посмертный уголок» Архипова. Какой отличный мастер! Правда — внешний, но такой яркий, сияющий, молодой в шестьдесят восемь лет, молодой, если не юный: за два-три месяца до смерти. Недаром он когда-то собирался прожить триста лет! Что тебе сказать еще... Я молчу, то есть не беру кисти в руки, зато язык еще болтается.

25 мая (по-старому 12-го) можешь поздравить меня с юбилеем: в этот день сорок пять лет тому назад я получил «классного художника». Это почетное звание и несу по сей день с возможным достоинством. 25-го тебе представляется случай выпить «беникарло» за мое здоровье, а мы сделаем это здесь, на Сивцевом Вражке, в обществе немногих друзей (о юбилее, конечно, никто не знает, даже те немногие, кои приглашены на этот вечер). [...] Что читаешь? Прочти англичанина Беннета, забавно, и Андр[ея] Белого «На рубеже двух столетий».

618. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 26 мая 1931 г.*

[...] Работаю я мало. Живу во всем (и в искусстве) «воспоминаниями». Область поэтическая, но она не всегда соответствует моему характеру, моей неугомонной природе. Так бы хотелось летом написать хоть один портрет, а писать не с кого... Вот и молчу,— «а я все мóлчу, все мóлчу», как говаривал покойный Пав. Петров. Чистяков, без умолку болтая о том о сем, больше о любимом всеми нами «Искусстве»... Так-то, дорогая, и я все мóлчу...

Не забывайте старого, с юной душой, друга своего, вчерашнего «юбиляра»... [...]

619. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 26 мая 1931 г.*

Спасибо тебе, старина, за хорошее, живое письмо. Прочел его с удовольствием. Юбилей прошел как нельзя лучше. Цветов и иных подношений куча. Я, как Калхас в оперетке, завален сейчас цветами, каких тут только нет, и ландыши, и незабудки, и купавки, и сирени целый воз... Все благоухает, напоминает о весне, только, увы! не нашей!.. Мы с тобой старые грибы и едва ли не опенки... Юбилей начался раньше положенного часа. Весть о сем знаменательном событии, вопреки замыслу юбиляра, проникла кое-куда, и с 5 часов началось чествование. Приехал проф. Н-в с милой своей женой (православной американкой), они привезли торт своего изготовления (были когда-то богаче, чем Т[урыги]н) и цветы. Просидели часа два, разговаривая на любимые темы, и юбиляр за эти два часа изрядно выдохся. С 9-ти часов потянулась вереница поздравлений и подношений (утром мои «младшенькие» поднесли мне духи — проще сказать, одеколон).

Явились под руку П[етр] И[ванович] с Ал[ександром] Дм[итриевичем]. П. И. был прикрыт огромным букетом сирени, дабы тем показать, что он ничего и ни о чем не знал, явился случайно и прочее. Вышло мило. За ними другой К[ори]н с супругой — он с бутылкой, ты думаешь — токайского, — нет, просто с бутылкой столового красного, а она с незабудками и ландышами. День моего 45-летнего «служения» искусству совпал с 20-летием со дня появления у меня на Донской молодого и для меня приятного палехского паренька — Корина, который, даст бог, станет большим художником, во что я сильно верю. Дальше с букетом явилась Лиза Е., приятельница Веры, которую я знал еще девочкой...

Дальше явился Ванечка А[лябьев], друг № 2 (36 лет дружбы). Когда-то красивый малый, женатый на Оле Пра[хо]вой, сейчас старик, похожий на Дон-Кихота так, как ты на Любима Торцова.

Вот и все многочисленное общество, кое почтило меня своим вниманием. Я был «резов и мил». Тосты один за другим следовали. Третий из них был за двух старых друзей А. А. Т[урыгина] и Ив. Н. А[лябье]ва. Сказать, что я был в речах и тостах так же находчив, как Кони, было бы преувеличением. Причем память не всегда была на высоте, т[ак], например, было позабыто (*нрзб*).

Конечно, все это пустяки, и дело вовсе не в этом, а в «молодости души».

Чествование кончилось в 12 ч.

Это письмо передаст тебе Н. И. Мы с ним говорили о моих писаньях ранних и позднейших. Было бы хорошо *своевременно*, пока ты еще бегаешь, а не улегся на Митрофаньевском, передать писанья в *другие руки*, если таковые найдутся, о чем я просил позаботиться Н. Ив-ча. Иначе все это «добро» пойдет прахом. Если же из нас двоих первый уберусь на Ваганьково я, тогда можно будет передать *непосредственно* все музею. Вот моя просьба к тебе, обсуди ее и соверши...

Я убеждал Н. И-ча твой портрет начать в большом размере, хотя *Т[урыги]н — тема трудная* и я бы очень подумал, раньше чем за нее взяться. [...]

620. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 29 мая 1931 г.*

Дорогой друг мой!

Спасибо Вам, Ирине, за вести о Вас, о Ваших работах. Все это радовало бы меня, если бы не Ваше нездоровье. Оно всему помехой. Как его избыть, что делать? Весна, солнце, в нем, казалось бы, могли Вы обрести силу, здоровье... Так нет-с...

Предыдущее письмо Ваше с предложением написать ряд портретов-картин, картин-характеристик, поэм, имеющих в себе кроме основной формальной темы еще смысл и значение привходящее... Все это заставило меня сильно пошевелить своими стариковскими мозгами, подойти к Вашему предложению и так и эдак, поговорить о сем с близкими и ближними людьми, словом, отнестись вполне серьезно, тем более что Вы этому делу придали как бы решающее значение.

И вот к каким выводам я пришел: нам, художникам-живописцам, как известно Вам, положен предел. Вы же указываете мне путь, лежащий за этим пределом. За ним начинается область нам неподвластная, чуждая, запретная. За нее лучше не совать нам свой нос, и вот почему: область, Вами указанная,— область литературы, поэзии, связанной с писательством, со словом, и эта область слова ревнива, она не допустит к себе ни живописца, ни музыканта, как они, в свою очередь, ощетинятся на излишнее вмешательство в их пределы — литературы, слова.

Вы указуете и те базы, на которых мог бы я утвердить свое творчество. Они сами по себе ценны и характерны для названных поэтов, но для нас, живописцев, они в лучшем случае будут поводом сделать к этим поэтам более или менее удачные иллюстрации, не более того.

Оговариваюсь: если эти поэты-писатели не возбудят в нас — живописцах — самостоятельных художественных побуждений, образов (для меня таким был Мельников, для Врубеля — Лермонтов). Найти творческое лицо поэта в его портретном изображении? хм! Что я стал бы делать с лицом-портретом гусара Лермонтова?

Если я позволил себе показать в большой картине [1] портретные изображения Толстого, Достоевского, Соловьева, то это было вызвано основной темой картины, она без этих лиц была бы неполна, не закончена. Толстого, Достоевского и Соловьева нельзя было выкинуть из жизни народа, идущего по путям, скажем, богоискательства. Особые тропы народные (быть может, только интеллигентские) шли к ним и от них. Тут выхода для меня — живописца не было.

Иное дело заданная, а не воспринятая непосредственно тема: Тютчев, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и другие. Тут такой вольнолюбивый живописец, как я, немеет, язык мой «прилипает к гортани».

Из всех Вами указанных лиц, быть может, один Достоевский, но и он, если бы я взял его темой, прошел бы по особым, неведомым, несамостоятельным, не зависящим ни от времен, ни от иных задач путям. Я думаю, что для Вашего Лермонтова мог бы быть один достойный портретист -- Врубель, для Тютчева же немец — Менцель, да, Менцель и никто иной. Менцель — автор совершенных картин из жизни Фридриха Великого — «Фрица».

Писать портрет, как Вы себе представляете, художника слова совсем не то, как писал портрет живописец Перов с Достоевского, Островского, Серов с Лескова (превосходный злюка), Крамской с Л. Толстого. Перед ними была живая модель, непосредственно возбуждавшая их творческое напряжение, иначе будет лишь иллюстрация или к творениям поэта, или иллюстрация же к особе самого поэта...

Словом, Ваша тема для меня безнадежна. Давайте думать, что она явилась Вам в приятном литературном сне, пробуждением же пусть будет это мое письмо. Сердечно благодарю за «предложение».

Обнимаю Вас нежно.

А новый-то «юбилей» Вы, мой друг, прозевали: 45 лет моей художественной деятельности исполнилось 12 мая ст. стиля, да-с...

621. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 18 июня 1931 г.*

По самому письму твоему, старик, вижу, что писать тебе нечего...

Плохо, когда старческое одиночество заставляет высасывать из себя давно бывший в голове греческий рисунок. И пока ты понемногу, медленно его обдумываешь, в эти самые дни я, твой антипод, одним махом уничтожил свою «Варвару»; взял нож и раз-раз — и нет «Варвары», а она когда-то принесла мне медаль с Парижской всемирной выставки, побывала с Дягилевым в Берлине, Мюнхене, Дюссельдорфе. И еще недавно — в Америке. Нет «Варвары» — цела от нее хорошая рама и подрамок, из которого мне сейчас, за неимением материала, состряпают два-три небольших, ходовых. На них появятся новые шедевры. А в голове они так и «клокочут». Жаль, что нет красок, нет много чего...

Ну да ладно!

На лето есть у меня и другие планы, написать портрет с необыкновенно интересной, умной и полной (вроде моего «Яна Станиславского») дамы [1].

Если это дело состоится — то придется пожить в Муранове, куда сия дама приедет погостить.

Надо, чтобы твой портрет был закончен, и так, чтобы музей мог обогатиться им [2].

Я время от времени пописываю: недавно написал этюд: «В. И. Икскуль», хвалят [3]. [...]

622. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 18 июля 1931 г.*

[...] Вернулся П. Д. К[орин] из деревни, где написал отличный этюд (в натуральн[ую] величину). Вообще его этюды к задуманной картине [1] — чудесные, они сами по себе художествен[ная] ценность, ими многие здесь интересуются, о них говорят и проч., а я твердо верю, что из П. Д. выйдет *большой* художник.

Читал ли ты воспоминания Григоровича (так себе), там много о Иванове и о Крамском.

623. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 24 сентября 1931 г.*

Твое письмо, Александр Андреевич, мало утешило меня: и твое неясное положение, и твое безденежье мне не нравится. Не нравится мне и то, что болеет Петр Иванович, я его как-то люблю, во всяком случае ценю его порядочность: она несомненна.

Передай ему, если будешь, мой привет и пожелание скорее попасть в Хосту.

А у нас в Москве, в нашем художественном муравейнике *событие* большой важности, о нем все говорят, судят-рядят, радуются, а больше того — завидуют. На той неделе встретил я П. Д. Корина, он поведал мне, что завтра ждет к себе Бухарина, что ему не в диковинку: были у него и Луначарский, и Семашко, и Ухановы-Углановы, был Блюхер — очередь дошла до Бухарина,— по словам И. П. П[авлова] — человека живого, интересного, не чуждого художествам (сам пишет пейзажи и будто бы неплохо). Я просил П[авла] Д[митриеви]ча после визита зайти ко мне, порассказать, «как и что». Вечером приходит взволнованный — повествует, что посетил их, братьев К[орины]х, целый «сонм», с Максимом Горьким во главе, оставались часа два,— пересмотрели все работы, все этюды, всех, кого за последние два года написал П. Д. для своей картины. Много хвалили, восхищались, результатом же было *предложение Горького ехать братьям в октябре за границу* — Павлу — в Италию, Александру — в Париж (для копирования в Лувре «Джоконды»).

Все произошло как в сказке, по щучьему велению, по Максимову хотенью... В настоящее время все *оформлено*, все выяснено. Едут братья самое меньшее на полгода. Таким образом, сбываются мечты обоих: одного — увидеть великих мастеров, Сикстинскую капеллу, увидеть всех, всех Тицианов, Веронезов, другого — увидать их же и скопировать «Монну Лизу» («Мадонну Литта» Горький очень упрашивал Ал. Д-ча продать ему, тот с простодушием и прямотой ответил, что он «не торгует»... Вот какие дела-то!). Вся эта история и меня взволновала: вспомнилась далекая молодость, мои мечты и их осуществление. А потом и все, что пришлось пережить последние годы...

Во время посещения Горький видел мой ранний портрет с Павла Д[митриеви]ча, хвалил, спрашивал, не ученик ли К[ори]н мой? тот, как всегда, ответил утвердительно (хотя я-то, кроме Турыгина, учеников в жизни не имел). Бухарин думал, что я давно на Ваганьковом (это многие думают, так я зажился здесь, на Сивцевом). Спросил, работаю ли, что и как живу? Корин ответил, как и что, и когда сказал, что я живу на пенсию в 125 р., Бухарин очень был этим удивлен: «Как, один из самых замечательных русск[их] художников и пр.»... Записал мой адрес и еще что-то. Выразил желание быть у меня [...]

624. А. Д. и П. Д. КОРИНЫМ *Москва. [Декабрь] 1931 г.*

Здравствуйте, дорогие мои Павел Дмитриевич и Александр Дмитриевич!

Ваше римское письмо перенесло меня в далекое прошлое. То, что переживаете вы сейчас, что видите, чем восхищаетесь, что изучаете, все это прошло передо мною более сорока лет тому назад... [1] И Петр [2], и Ватикан, и Микеланджело, и Рафаэль, Аппиева дорога с виадуком, все, все прошло перед моими молодыми тогда глазами, и я с великим восторгом впитывал тогда эти видения, этот «сон наяву».

Ваши письма разные, как вы сами, и, конечно, Вы, Павел Дм., должны были зарисовывать «Сибиллы», а Вы, Александр Дм., — «Афинскую школу». Но ни тот ни другой не упоминаете в своих письмах о моем любимом Рафаэлевом «Пожаре в Борго» [3]. Помните ли общий тон этой фрески, цвет тела старца, полноту гармонии, благородство, тот такт великого художника, ту меру, правду и мудрость, какие он влагает в свое создание? Тут, в этой первой зале, Рафаэль как бы впервые находит себя, и вся сила его молодого гения, откровения веселит его, насыщает картину звуками, формами, линиями, драматизмом. Тут, глядя на «Пожар в Борго», вспоминаешь и брюлловскую «Помпею», и «Медный змий» Бруни; их обоих, и Брюллова, и Бруни, «Пожар»

привел к сильнейшему трагическому возбуждению в их творчестве. Это письмо найдет вас, вероятно, во Флоренции. Там опять Микеланджело — уже скульптор, и его духовная полярность — Фра Беато Анджелико, с его чистотой помыслов и чувств и его неземными видениями, и все это, и бурный Микеланджело, и тихий Фра Анджелико, — все это прекрасно по-своему и будет на пользу вам обоим.

Вы оба впитываете в свой художественный организм эти великие злаки гениальной эпохи, гениальных художников и мастеров своего дела. Все это послужит фундаментом, на котором вы построите ваше творчество, может быть, вашу славу. Так-то, друзья мои! Что сказать вам о себе, о своей старости, она приходит к своему закату, да. Моя поездка в Сочи не была полезна мне в этом году: молодые эскулапы, видимо, «перелечили» меня, «перемацестили» в Мацесте. Это бывает... Вернулся я в Москву в худшем состоянии, чем уехал, здесь показался старым, опытным врачам — моим друзьям, и они подивились тому, как я еще вернулся, а не остался там, на Кавказском побережье навеки. [...]

1932

625. С. Н. ДУРЫЛИНУ

[Москва]. 12 января 1932 г.

[...] Сейчас читаю де Кюстина (современное издание, 1930 года [1]). Читаю с интересом. Его характеристики иногда верны и обидны для нас, иногда он, западник своей эпохи, ровно в нас ничего не понимает. Его спасает самоуверенность, непогрешимость иллюстраций. Ведь редкие из них объективны.

Иное впечатление делает небольшая книжка Петрова-Водкина «Хлыновск»[2]. Этот живописец, а не литератор нашел такой верный, мягкий и живой тон в повести о себе, о своих близких, деревенских, простых, по хороших людях. Читаешь — их видишь, с ними живешь, ихними радостями радуешься, их горем горюешь.

Почему-то вспоминается старик С. Т. Аксаков с его «Семейной хроникой». Только иное время, иной быт, та же жизнь, теплота и безыскусственность. Такой ли он — этот Петров-Водкин — живописец. Я его плохо знаю, надо бы было узнать, да лень идти в галерею.

Работы Богаевского видел в продолжение минувшего года, они «тематичны», и прежний Богаевский в них лишь просвечивает. [...]

626. П. И. НЕРАДОВСКОМУ

[Москва]. 21 января 1932 г.

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Ваше и А[лександра] А[ндреевича] письма я получил, благодарю Вас, радуюсь, что он благополучен, работает, трудится...

В Вашем письме говорится о том, что А. А. намерен принести свой материал в музей [1]. Думается, что не весь он должен поступить туда теперь же в полную собственность. Вторая половина его может быть, до известного времени, передана лишь на хранение. Так ли я понимаю его?

Насколько мне известно, вторая половина материала подлежит еще переработке.

Сообщения Ваши о реконструкции Русск[ого] музея могут радовать, тем более что и у нас в Москве будто бы есть тенденция взять за музейный образец Музей изящных искусств.

Вчера, по получении Вашего письма, была у нас Пашенька, и я ей прочел часть его, где говорится о братьях [2], об их успехах. О таковых и у нас ходят слухи.

Братья очень задержались в Риме. Вместо предполагаемых трех недель пробыли там почти три месяца. И лишь 17—18-го выехали в Неаполь дня на два-три. Сейчас они в Сорренто в гостях у Г[орьког]о, который их нетерпеливо ждал. «Мадонна Литта» якобы имеет совершенно особый успех. Я видел фотографию с Павла Дм[итриевича] (у Пашеньки), снятую с них для визы. П. Д. очень интересен, выглядит поиному, чем мы его знаем. Алек[сандр] Дм[итриевич] очень пополнел. Наработали они очень много.

Рисунками иллюстрированы письма обоих к жене и невесте. Рисунки Павла (перерисованы из альбомов) очень мужественны, напоминают давно минувшие времена художников, влюбленных в Италию, умеющих ее понимать, чувствовать...

Сердце мое радуется, глядя на все, слыша о них хорошее.

Микеланджело и Рафаэль ими всецело овладели. Теперь надо желать, чтобы оба эти титана не придавили, не убили в них индивидуальности.

Нелегко будет связать виденное, пережитое с тем, что живет, просится наружу в их, коринском, творческом духе. И все же я надеюсь, что Италия будет, как Вы говорите, для них «историческим» моментом. Также надеюсь, что довременные похвалы не помрачат их головы. На севере Италии, а потом, быть может, в Париже еще много придется пережить обоим. Одна Венеция с Тицианом и Веронезом могут наделать немало хлопот. Оба они понимают значение «живописи», ее соблазнов, ее велений.

Трудная задача — все переварить и остаться все же «Кориными». И это все так необходимо.

Однако я разболтался, но Вы поймете, что тема «Корины» слишком для меня захватывающе интересная тема.

627. П. Д. КОРИНУ

[Москва]. Январь 1932 г.

Дорогой Павел Дмитриевич!

Спасибо Вам за письмо, за поздравление с Новым годом. Желаю и Вам в Новом году поработать так, как работалось в году минувшем, желаю еще большего: чтобы в 32-м была начата картина, чтобы все то, что дала Вам Италия, великие ее художники, претворилось с тем, чем полон Ваш творческий дух, чтобы я еще успел полюбоваться Вами соделнным. Не зная темы Вашей будущей картины, чувствую ее дух живой. Великие мастера объяснят Вам ту сложную и мудрую простоту, которая необходима в искусстве. Ничего лишнего, ничего преднамеренного, того, что нужно было бы пояснять словом.

Истинное искусство не нуждается в толмаче. Примеры — Микеланджело, Рафаэль, Тициан и др.

Большее, что допустимо, это название, остальное «от лукавого».

Картина создается в духовном чреве художника, остальное — дело мастерства, «техники», той или иной — рафаэлевской, палеховской, репинской или иной какой. Я уверен, что Италия научит Вас не только любить великих мастеров, но и следовать по их путям. И вот еще что: дайте сейчас себе хорошую передышку, отдохните возможно дольше в Сорренто, не работайте там вовсе, любуйтесь дивной природой (Везувием, что ли), дайте улечься римским впечатлениям, чтобы они утряслись хорошенько и все стало на свое место. Помните, впереди у Вас еще Флоренция и, может быть, главное — Венеция с ее великими живописцами. Им надо оставить свое место в Вашем художественном восприятии. После Тинторетто, Тициана Вечеллио, Веронезе — Тьеполо будет казаться Вам ловкой талантливой акварелью. В Вероне не забудьте Веронеза с вороным конем в Сан-Джорджо [1]. Всем им надо дать место, а вернувшись в Москву, как-то вспомнить, как-то претворить в своей картине,— как — не знаю, думаю, как-то *по-своему, по-korински*, однако не позабыв вековых традиций родного Палеха.

628. А. Д. КОРИНУ *[Москва. Январь 1932 г.]*

И Ваше письмо, дорогой Александр Дмитриевич, получил я, и оно порадовало меня. И Вам желаю в Новом году всяких успехов и в жизни, и в искусстве.

На днях видел Татьяну Александровну, она в добром здоровье. Много говорили о Вас, о Ваших работах.

Отдыхайте теперь хорошенько. В Палермо не задерживайтесь: на севере будет много дела, особенно в Венеции, там живописцы со своей особой природой, из них Тициан и Веронез — изумительные декораторы. Они, быть может, на время заставят Вас позабыть и самый Рим с его Ватиканом, Рафаэлем и Микеланджело.

Тихая Флоренция даст Вам тоже немало работы. Там ведь скульптура Буонарроти, в нее он вложил свой великий дух, не менее, чем в потолок Сикстовой капеллы, и заметьте, *формы* как капеллы, так и гробницы Медичи часто совпадают, повторяются.

В Санта-Мария Новелла вспомните обо мне, когда-то много восторгов пережил я там. Да где в Италии я не пережил их! Ах, Италия, Италия! как поется — «страна высоких вдохновений...».

Попадете в Палермо — еще раз вспомните о старом художнике, что живет на Сивцевом Вражке. В капелле Палатина провел я много часов, дней. В Чефалу всмотритесь в абсиду.

Часто мысленно бываю с Вами.

629. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 5 февраля 1932 г.*

Здравствуй, Александр Андреевич!

Твое письмо получил, за адрес П[етрова-]В[одкина] спасибо, написал ему «чувствительное» письмо, не приложив своего адреса. Что-то он за человек? Его живописное искусство такое разное с писательским — ясным, трогательным, непосредственно-искренним, чего я не усматриваю в его картинах. Однако их я должен пересмотреть заново, как-то претворить с его прекрасным писательством...

Копи, старик, монету, будем живы — летом увидимся, приедешь в Москву, поживешь, побродишь по музеям, потолкуем, справим свой пятидесятилетний юбилей, вспомянем былое, Академию, Караванную, Красный мост, погорюем да и разъедемся по домам.

Вас с П[етром] И[вановичем] интересует путешествие бр. Кориных — они сейчас в Сорренто. Добрались они туда с приключением. Поехали они из Рима в Неаполь — не по железной дороге, а автомобилем с сыном Горького, Максимом, любителем автомобильного спорта (вроде нас с тобой). Выехали из Рима под вечер, развили большую скорость (130 километров в час), где-то по дороге ехал впереди в двухколеске некто, он, видимо, задремал и гудков не слыхал, а когда услыхал, то растерялся, задергал лошаденку туда-сюда, и автомобиль врезался в тележку, смял ее, отбросил лошадь и седока на пятнадцать шагов, перед автомобиля сломался, сломалось колесо, при этом ранение получили сам шофер (Максим Ал[ексеевич]) и Павел Д. К[ори]н, остальные — Александр Дм. и какой-то итальянец остались невредимы. Пришлось вернуться в Рим. Там наложили раненым повязки, и, в общем, все обошлось сравнительно счастливо. Через несколько дней братья уехали в Неаполь по электрической ж[елезной] д[оро]ге. Сейчас они отдыхают у Горького. [...]

630. П. Д. КОРИНУ *Москва. 22 марта 1932 г.*

Здравствуйте, дорогой Павел Дмитриевич!

Я давно получил Ваши письма из Палермо и не отвечал долго потому, что болел: был грипп, но с ним Е[катерина] П[етровна] справилась. Не отвечал Вам еще и пото-

му, что ждал нового флорентийского или венецианского адреса. Вчера после долгого отсутствия была у нас Пашенька, она здорова, выглядит отлично, но очень занята. Ею только что получено было Ваше письмо с приложением снимка с портрета [1], снимок слабый, мутный, и все же по нем можно составить понятие о замысле, а главное, о разрешении основной задачи, и, несмотря на трудную тему, думается, Вы справились с ней: все наиболее значительное, ценное попало. Выражение лица, позы — естественно, серьезно. Оканчивать портрет (фон), судя по письму, Вы намерены в Москве, а я думаю, что и начало портрета Вы, за краткостью времени, отложите до Москвы, до лета, побывав перед тем в Венеции, этой родине великих портретистов — Тициана, Тинторетто, ознакомившись с их гениальным выражением всех сторон портретного изображения — психологической, композиционной и живописной... Размер, взятый Вами (больше натуры), очевидно, был продиктован необходимостью. Я помню, когда-то Крамской говорил мне (а я, может быть, передавал Вам), что ни один вершок холста не должен быть занят без крайней необходимости, экономика в слове у писателя и в композиционных оформлениях у нас, живописцев — одинаково необходима. Это важно, как и то, чтобы изображаемое лицо или действие жило своей особой жизнью и заражало зрителей. Судя по словам Пашеньки, портрет писан не на воздухе, а на закрытой террасе, без верхнего света, фон же пейзажный будет написан по этюдам уже дома, в Москве. Мы, старики, воспитанные на реальной школе, давно позабыли былые приемы, приемы великих мастеров, да и позднейших — Брюллова, Винтергальтера и др., и часто, гоняясь за реальностью, делали плохие фоны (грешил этим и Репин), а ведь удачный фон — половина дела, ведь он должен быть органически связан с изображаемым лицом, характером, действием, фон участвует в жизни изображаемого лица. Однако я разболтался, так недалеко и до «трактата» о портрете, это оставим искусствоведам, они народ дошлый, пусть они и пишут трактаты, а мы будем писать портреты, картины,— не так ли?

Сейчас, может быть, Вы уже во Флоренции. По пути не забудьте Сиенны, Вероны, Мантуи, Болоньи, Пизы, Падуи... Если есть возможность пробыть в Италии месяц-другой лишний, этим воспользуйтесь, не спешите.

631. А. Д. КОРИНУ *[Москва]. 22 марта 1932 г.*

Дорогой Александр Дмитриевич!

Письма Ваши из Палермо получил, спасибо, что и там, в капелле Палатина, в Монреале, в любезном мне Чефалу, вспомнили обо мне, старом.

Да! славно когда-то давно-давно и мне жилось, думалось, гадалось там. Мысленно сопутствую Вам и во Флоренции, на Сан-Миньято и повсюду, где Вы будете любоваться великим искусством, где пристально станете в него вглядываться, насыщаться им, черпать силу для Вашего творчества.

Во Флоренции Вы застанете чудную итальянскую весну, благоухающую, нарядную, а там — Венеция, аромат лагун, особый аромат венецианской живописи.

Помните оба, что Венеция для живописца — это праздник красок, их торжество, *не забывайте, живописцы, о живописи...*

А там прощай, лучезарный край...

И сколько ни довелось бы прожить Вам на белом свете, как ни сложилась бы Ваша жизнь удачливо, а Италию с ее великим искусством не позабыть Вам. При всяком воспоминании о ней сладостно защемит сердце. [...]

632. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 27 марта 1932 г.*

[...] На днях послал письмо в галерею — указываю о приближающемся *пятидесятилетии смерти* Перова (29 мая ст. ст.) и через год, в 33-м году, *столетии*

рождения Перова. Указываю на разрушенную могилу художника и о том, что не худо бы было перенести прах его туда же, куда перенесены останки Гоголя, Языкова, Хомякова и других, — в Новодевичий монастырь.

Памятник с могилы уже исчез [1]. Ставлю вопрос и о том: не пора ли издать обстоятельную монографию знаменитого художника-сатирика, лучшие произведения которого находятся в Третьяковской галерее. [...]

Мои приятели только на днях добрались до Флоренции. Вышло так: вместо трех недель в Риме они пробыли три месяца. Потом поехали в Неаполь — Сорренто, где вместо двух недель пробыли полтора месяца!.. (ездили в Сицилию). Я тебе писал, что Горький предложил Павлу написать с него портрет, находя, что все написанное прежде, включая и Серова, неудачно.

Сейчас портрет написан. Г[орько]му очень нравится. Размер — больше натуры — на фоне Неаполитанского залива. Я видел маленькую фотографию, очень слепую, и однако все же можно разобрать кое-что. Взято так [2]: на светлом небе, силуэтом — вся фигура уходящей влево от зрителя, горизонт низкий. Голова серьезная, взято все лучшее, значительное.

Портрет (фон) по этюдам будет кончаться в Москве.

Возвращаются братья неизвестно когда — быть может, их путешествие продлится на сколько-то. Будет ли Александр копировать «Джоконду» — тоже здесь не знают.

Вообще же письма довольные.

Вот тебе сколько написал. Копи монеты, приезжай летом в Москву. Я было тут поболел, полежал — теперь опять на ногах. Подумываю о новых «шедеврах» — творчество так и «клокочет»!! Да! [...]

633. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 21 апреля 1932 г.

[...] Посылаю тебе и П[етру] И[ванови]чу небольшой снимок портрета М. Горького. Есть большой, есть отдельно снятая большая голова. Все это интересно, взято здорово, как сам М. Г[орький] сказал: «Портрет вышел кондовый». Голова (по большому снимку) удалась и по форме, и особенно по выражению глаз [1]. О портрете много говорят, а какова его дальнейшая судьба — посмотрим, скажет время... Нет сомнения, что портрет вызовет разноречивые толки (помнишь историю с портретом Суворина, писанным Крамским) [2].

Братья лишь несколько дней тому назад покинули Сорренто, пробыв там вместо двух недель — два месяца?!.. Их путь сейчас на север Италии, Париж, и после того они оба (или один — Павел) вернутся домой, а Александр, быть может, начнет там копию с «Джоконды». Но все это еще предположение. Что еще нового в Москве? Слышно, что Кончаловский написал портрет Пушкина... и с семьей едет на полгода в... Японию. Там будут две его выставки: по приезде — вещей, написанных дома, а перед отъездом из Японии — вещей, написанных там, на месте. Слухи ходят о выставке картин Юона в Америке, словом, художники живут не тужат. Это хорошо!..

Снимок с портрета Г[орько]го, после того как посмотрит его П. И. (и *только он* — таково желание самого П. Д.), ты вышлешь мне обратно. Если есть лупа — смотри в лупу. С левой стороны оборвана небольшая часть холста. Портрет приедет в Москву, где по этюдам будет кончаться фон. Сейчас жена и невеста К[орины]х озабочены с мастерской: над ними предполагается надстройка и, быть может, им придется выселяться в другой дом. Предприняты хлопоты по этому делу «наверху»... Что будет — скоро узнаем.

634. А. А. ТУРЫГИНУ

[Москва]. 3 мая 1932 г.

[...] Что касается присланной тобой открытки, то за нее, вернее, за твои «домыслы» о ней я тебе дам взбучку, и основательную, и ты ее вполне заслужил. Ты гово-

ришь, что этот Г[орело]в сделал свое дело лучше Сурикова [1]. Это суждение столь же варварское, сколь и легкомысленное. Суриков — есть Суриков, Суриков поверженный все же колосс рядом с пигмеем Г[ореловы]м. Его, прости господи, «картина» есть плакат, самый дюжинный, грубый, ничем не наполненный. «Герой» этого плаката — театральный тенор провинциальной оперы, даже не Секар-Рожанский (такой когда-то был), а плохонький, ходульный, глупый тенор — не больше. Толпа годится для ступинских изданий «раннего Н[естеро]ва». Она вся фальшивая,— все они статисты, не знающие, куда деть свои руки, ноги, пустые головы. Лучше остального затеян пейзаж (дальний курган), и то затеян, а не исполнен.

У Сурикова, у старика уже Сурикова, всякая фигура знает свое место, она живет, она чувствует, думает, действует — она полна глубокого внутреннего смысла. Герой же его — это сам Василий Иванович, буйный, романтичный, почти сказочный герой великолепной мелодрамы, а сама мелодрама поставлена с таким уменьем, умом большого таланта, не говоря о *живописи*, повторяю, уже *старого* Сурикова — живописи плотной, суровой, насыщенной правдой и серьезной красотой.

В заключение скажу — не присылай мне больше таких открыток: я не люблю претенциозной пошлости. Присылай Левицких, Рубенсов и им подобных.

Про твоего же Г[орело]ва в заключение можно сказать: «велика Федора — да дура».

Итак, друг мой, мы обменялись с тобой мыслями и будем продолжать жить да поживать, дондеже не помрем, а это, полагать надо, не за горами...

Е. П. присоединяет свои приглашения приехать к нам к 19 маю (ст. ст.).

Все мои шлют привет, таковой от меня передашь П. И. (если хочешь, можешь ему прочесть мое «ругательное» письмо). Корины во Флоренции, объехали ряд мелких городов, затем Венеция — Париж. Павел возвращается через месяц. Александр, вероятно, останется на несколько месяцев в Париже для копии «Джоконды».

Горький здесь, от портрета в восторге. Привез с собой «Мадонну Литта» [2], все ее показывает, нахваливает. Привез много подарков жене и невесте братьев. От них самих тоже в восторге — и это так понятно — ребята «хоть куда». Прислана фотография, снятая с них на фоне бенвенутовского «Персея» [3] на пиацца Синьория. Стоят такие разные — один как бы врос ногами в мостовую, по которой, быть может, когда-то шел Савонарола в последний раз. Другой иной, сосредоточенный, красивый,— оба нагружены альбомами,— их пересмотреть понадобится немало времени.

Я жду Павла с понятным нетерпением, он как-то мое «детище».

635. А. В. ЩУСЕВУ *[Москва]. 15 мая 1932 г.*

Дорогой Алексей Викторович!

Павла Дмитриевича Корина выселяют из его мастерской, с его чердака. Выселяют по настоянию губернского инженера.

Помогите Павлу Дмитриевичу, чем найдете возможным, спокойно жить и работать.

Я особенно прошу Вас об этом. Ведь таких, как Корин, немного сейчас. Его выгонят,— придется бросать работать [1].

636. В. Г. ЧЕРТКОВУ *Москва. 2 июня 1932 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич!

Благодарю Вас за приветствие в день моего семидесятилетия. Быстро пролетело время с тех пор, как мы встретились с Вами в Кисловодске на даче милых благородных Ярошенок.

Многое изменилось вокруг нас, многих нет, нет и прекрасного спутника Вашей жизни — Анны Константиновны. Нет Льва Николаевича...

Дал бы бог прожить остаток жизни честно. Будьте здоровы.

637. П. И. НЕРАДОВСКОМУ *Москва. 7 июня 1932 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Иванович!

Ваше письмо, переданное мне А[лександром] А[ндрееви]чем, очень тронуло меня своей теплотой. Ах эта теплота! Как она завораживает меня всегда. Все, что Вы пишете о том о сем, якобы свойственном мне, быть может, и не существует на самом деле, но я ведь «юбиляр», мне стукнуло семьдесят, и я говорю себе: «Пусть будет это на день моего юбилея так, как думает Петр Иванович и, быть может, еще кое-кто, а потом, на другой день, я стану опять таким, каким я и есть на самом деле, тем более что ведь иным и быть не могу». Что же делать — не могу и не могу. Ал. Андр. Вам порасскажет о моих очередных житейских бестактностях. Расскажет Вам А. А., как прошел день моего семидесятилетия. Из художников было двое: Грабарь и Щусев,— кое-кто из собратий прислал любезные письма. Вообще было в этот день шумно, людно, сказано было немало лестных слов, но я ведь «старый воробей», силы свои знаю и не был никогда склонен их преувеличивать...

Буду рад Вас видеть у себя в Москве. Бр. Корины уже в Париже и к 20 июня предполагают быть в Москве.* Будет о чем поговорить, послушать, повидать. Вот что *молодит* меня — это *будущее* мне любезных братьев.

638. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 4 июля 1932 г.*

[...] Корины приехали, и в тот же вечер были обе пары у нас. С виду изменились мало, выглядят хорошо, хорошо одеты (кроме старых, летних блуз), полны планов, много говорили об Италии, где сейчас нет ни музыки, ни пенья (раньше вся Италия пела и играла). Много видели чудес в музеях. Хороши впечатления от Сорренто, от М. Горького...

Внутренний облик братьев остался прежний. Много говорилось о Париже, тамошнем искусстве, его крайнем полевении в сторону «беспредметности»... и проч. Если П. И. приедет, б[рать]я многое ему порасскажут. Сейчас Павел начинает кончать портрет Горького (на квартире М. Г[орько]го). Между прочим, ему предложили занять место старшего реставратора в музее [1]. В должность он вступит через два месяца, по окончании портрета и после поездки в Палех.

На другой день по приезде Павел (с женой) был еще и уже в полном европейском костюме, выглядит Павел итальянцем.

Что у вас в музее, началась ли «реконструкция»?

Так через неделю собираюсь в Мураново, где пробуду недели две.

639. А. А. ТУРЫГИНУ *Мураново. 24 июля 1932 г.*

Вчера получил письмо от Е[катерины] П[етровны]. Она пишет о Кориных, все это настолько интересно, что я хочу поделиться с тобой и П. И. Вот точные ее слова: П. Д. получил такие предложения: за портрет М. Горького ему строят мастерскую с квартирой и дают какой-то процент с репродукций, кроме того, заключают «контрактацию». Ему обеспечат 1000 р. в месяц на четыре года, чтобы он писал свою картину [1], но, кроме того, он должен написать два портрета. Музей он должен оставить, но он хочет сохранить за собой руководство (бесплатно).

Александру Д[митриеви]чу предложена контрактация на два года по 750 р. в месяц, и если он напишет то, что им не подойдет, он им отдаст свои копии икон. Работа П. Д. идет хорошо, быть может, если вернусь и они не уедут еще в Палех, то портрет еще увижу (вернуться думаю в Москву к 1 августа). Вот какие дела... Без меня был Павлов [2], спрашивает, буду ли что я иметь против того, чтобы издать портрет Ив[ана] П[етрови]ча в красках,— конечно, не буду ничего иметь, но хотелось бы и мне «на бедность» выторговать «процент».

Живется мне в Муранове чудесно, погода дивная, и я немного посвежел, а «в общем и целом», конечно,— старье. Ну да ладно, «наплевать», как скажет мой благородный друг Турыгин. Что у вас в музее, что реконструкция и проч.?

Да, тут мне как-то сообщили, что меня хотят сделать *ректором* новой Академии, «невероятно, но факт», сказал бы я... Ну тогда, брат Турыгин, и тебе место будет, чем ты не профессор, если я ректор.

Будь здоров, поблагодари меня за интересное письмо.

640. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. Август 1932 г.*

[...] Вчера видел портрет Макс. Горького — он впечатляющий. Корин сумел найти суть темы, главное, что есть в человеке, портрет содержательный, значительный и, конечно, лучший, с Горького написанный. Краски еще не те, что могли бы быть после Венеции, после Тициана, Веронеза, Тинторетто,— фон же — пейзажный фон Неаполитанского залива — неожиданно хорош, красочен — хотя, быть может, по своей *внешней* реальности более реален, чем фигура психологически тонкая, глубокая, но писанная *не* на воздухе — недостаточно еще слитая с фоном. Что касается «контрактации» — то увы! она еще далека до полного «уточнения» и еще не подписана братьями. Младший уже уехал, старший уезжает на днях на месяц. Он жестоко устал за последние десять месяцев непрерывной работы и всяческих «восприятий».

Я изрядно отдохнул, прожил среди мне любезной обстановки, с интересными, дружески настроенными ко мне людьми. Сейчас здесь адова жара, и я уже снова мечтаю о юге, о Бахчисарае, о милом садике с виноградом, со всяческими плодами, медом и проч., но до этого еще далеко,— лишь к концу октября думаю попасть туда. Все, что пишу о К[орины]х, при случае передай П. И.

641. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 21 сентября 1932 г.*

Твое последнее письмо, Александр Андреевич, пополнило те слухи, кои уже с месяц носятся в московском воздухе. То меня поздравляют с состоявшимся якобы «назначением ректором Академии художеств», то — профессором, «а я,— как говорил, бывало, старик Чистяков,— все молчу»...

Вот и ты со своими питерскими новостями туда же, а я все буду молчать, молчать до того времени, когда «слухи» превратятся в факты (люблю факты, не люблю слухов).

Вот тогда и мой черед придет что-то сказать... А пока что давай помолчим. Хорошо?

При случае передай мой привет Петру Ивановичу, рад, что твой портрет будет закончен.

642. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 7 октября 1932 г.*

[...] Грабарь читал еще кое-что из своих писаний о Репине... Сделано неплохо потому, что главное и основное взято из писем или слов самого Репина или его со-

временников, людей, в истории русского искусства ценных, примечательных. В писаниях Г[рабар]я чувствуется некий умысел — елико возможно *умалить значение* в жизни и деятельности передвижной эпохи, в создании большого искусства этой эпохи — тишайшего *Павла Мих. Третьякова.* Такая тенденция не нова — Грабарь же всегда имел «нюх» к тому, что надо на сегодняшний день, и все же, полагаю, книжка будет читаться с интересом по причине изобилия документов людей этого яркого времени.

Винегрет из Перова, Ге, Крамского, Шишкина, Сурикова, Репина, Викт. Васнецова и всей нашей группки, тогдашней молодежи, не может не быть занимательным.

«Персонажи» тогдашней молодежи быстро сходят с житейской сцены: доживает последние дни Аполлинарий Васнецов (у него рак предстательной железы). О нем можно и теперь уже сказать, чем он был, был добрым, хорошим, тихим человеком, любившим поболтать о старине, о том о сем, о том, в чем плохо разбирался, но грех этот — наш общий грех. Художник Аполлинарий был даровитый, интересный, с большим *личным* ощущением русской природы, русского северного ландшафта, был с «поэтической душой», и она-то доминировала в его картинах, придавая им особую, часто лирическую окраску. Техника А[поллина]рия была слабая, так сказать, косолапая, немного дилетантская, однако ни в каком разе не банальная, она вытекала из его личных свойств человека, этой стороной дела мало интересующегося, отдаваясь всецело т. н. «душе» природы или вымыслу далекой старины. Искусство Аполлинарий любил горячо, ему был предан всецело, свой талант он пережил задолго до своего конца. [...]

643. А. А. ТУРЫГИНУ

Москва. 24 октября 1932 г.

[...] Я тут последнее время что-то вышел из своего уединения. Меня посетили некоторые знатные персоны, весьма одобрили то, что я наделал последние годы, соблазняли на выставку всех моих произведений, а я «все молчу»...

Думаю числа 30 окт[ября] уехать в Бахчисарай на месяц. Оттуда напишу свой адрес.

Погода у нас осенняя, но хорошая, тихо, прохладно.

Работаю одну вещь, задуманную лет 14 тому назад [1].

Работаю с увлечением и потому не хотел бы ехать никуда, но говорят, что «надо». Надо так надо, сяду да и поеду, а если вернусь целым и благополучным, сейчас же за картину, и тогда «держись!..». Такую напишу, какую ты, как говаривал Иван-натурщик, и «во щах не хлебывал»...

Вот какой старый хвастун, скажешь ты, и будешь прав.

644. А. А. ТУРЫГИНУ

Бахчисарай. 11—12 ноября 1932 г.

Ну, здравствуй, Турыгин! Все эти дни собирался с тобой поболтать, но новизна жизни, обстановки, природы, все это как-то выбило меня из обычного состояния. Я ходил, смотрел, дышал южным теплом после скверной московской осени, и лишь сейчас, освоившись с этой приятной, хотя и знакомой мне по годам минувшим прелестью, я принялся за письма, вспомнил и о тебе.

Я живу у милой, доброй, жизнерадостной подруги академического моего бытия. Она прослужила сорок лет учительницей и сейчас живет на пенсию, равную годам ее службы — в 40 руб. в месяц! Живет и бога хвалит... Давно это было, лет пятьдесят назад. Я был юн, она тоже. Мы познакомились в Эрмитаже, а учились в Академии — она хорошо, я плохо. От нее Чистяков ждал, что «вот Шильцова будет пи-

сать, как европеец», от меня уж ничего не ждали. Ты помнишь это время, и все же барышня Ш[ильцо]ва *уверовала* в меня, слушала, как учителя, я ставил ей «баллы» и проч.

Позднее, когда я «творил» картину для Кяхты [1], творил в доме Елисеева, в мастерской Турыгина, барышня приходила ко мне показывать свои работы, и я поучал ее.

Затем произошла душевная драма, барышня попала в монастырь, а оттуда учительницей рисования в г. Баку. Прошло много, много лет, я стал художником, а она все учительствовала, позабыв о том, что пророчил ей Чистяков. Лет пять тому назад она вспомнила старину, написала мне, возникла переписка [2]. Моя приятельница по дороге в Питер заехала ко мне в Москву, а вот теперь я гощу у нее, в ее хижине, живет она, как Робинзон, этому способствует и пенсия. Несмотря на свои шестьдесят девять лет, она все делает сама, она вечно что-нибудь работает, она неутомима. Ее садик весь возделан самой. Чего-чего там нет. Одного меду она собрала в этом году два пуда, наварила варенья из своих абрикосов, слив, и вот теперь всей этой благодатью она угощает меня.

Сам Бахчисарай сейчас в упадке. Его дворец, прославленный дворец хана Гирея, виден внизу из моего окна. Я в нем еще не был и пушкинско-брюлловского фонтана не видал, но, конечно, все это увижу, но — без одалисок, гарема, евнухов и проч. атрибутов старого мусульманского мира.

Погода была дивная, солнечная, было 34 градуса тепла. Сейчас, вероятно от вас, повеяло сыростью, идет дождь, хотя и тепло. Пробуду здесь до самого ***конца ноября***, но ты своим ответом *поспеши*, т. к. почта сюда идет дней пять-шесть, и ты позднее 22 ноября не пиши: не получу...

Работать начал, но нехотя, сижу в саду и пишу окрестные скалы, их здесь много, город каменный, был весь в садах, теперь их нет, как исчезло много и построек, предполагает[ся] новый Бахчи[сара]й, на другом месте, ближе к вокзалу, но это дело будущего...

Из Москвы слышно, что там снег, тьма, глубокая осень. В московском художествен[ном] мире — выставка Кончаловского и недавнее перенесение, а затем и промывка бр. Кориными ивановской картины перед ее выставкой в Тр[етьяковск]ой галерее. Несметное количество грязи было смыто, краски засияли, но само помещение для картины, слышно, никуда не годно.

Вот тебе все новости здешние и московские, теперь дело за тобой. Опиши мне обстоятельно, что у вас в музее, когда будет открыта «юбилейная» выставка [3] и чем вы думаете удивить крещеный люд? Что П. И., как обстоят его дела с пенсией и проч.?

1933

645. С. В. МАЛЮТИНУ *Москва. 7 января 1933 г.*

[...] Я охотно воспользуюсь Вашим предложением посмотреть Ваши работы, я всегда любил их.

К сожалению, я три недели не выхожу из дому, у меня грипп, но сейчас мне лучше, я надеюсь через неделю-другую выйти на воздух и тогда осуществить наше общее желание повидаться, поговорить об искусстве, его ведь с молодых лет научили нас любить наши учителя, и мы его любим само по себе, верим в его красоту, в чистую, здоровую природу его.

Итак, до скорого свидания.

646. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 26 января 1933 г.*

Что-то от тебя нет давно обещанного «большого» письма (большие вы «мудрецы» с П. И., а мы тут кое-как живем). Вот завтра хоронят добрейшего Аполлинария Мих. Васнецова [1]. Он хворал долго (был у него рак), а перед тем долго жил, много и хорошо работал, написал немало прекрасных картин, и если Левитан был лирик чистой воды, был истинный поэт, то и покойный Аполлинарий был поэт-романтик. Никто, кроме него, так ярко не изобразил ландшафты моей родины, быстрых уральских рек, сибирской тайги... Не стало еще одного старика, жившего в эпоху пышного цветения русского искусства. [...]

647. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 1 февраля 1933 г.*

Сейчас подали твое «большое» письмо. Как усердный писака отвечаю тебе тотчас, тем более что еще темно и «хорошую» картину писать невозможно, а что она хорошая, так это верно, хорошая по теме, а ведь твой Рёскин этому делу (теме) придавал немало значения, да и мы, старые передвижники, от тем не бежали, понимая их по-своему, по-русски, соответственно своему времени. Моя тема — типичная *моя* тема. Она, конечно, имеет все элементы, из которых можно безошибочно сложить мою художественную персону. Тут есть и русский пейзаж, есть и народ, есть и кающийся (черт ли в том) интеллигент, все есть, а есть ли или будет ли соответственное *уменье* — это посмотрим, когда хорошая картина будет кончена. За время пребывания у нас Алексея я в последние дни, в плохую, темную погоду, больной (и сейчас еще сижу дома с осложнением после гриппа), написал с него этюд «испанца», контрабандиста. Этюд, говорят, удался, по крайней мере бывший на днях Грабарь (щедро же накупили вы у него для музея, чуете, у кого *надо* и у кого *не надо* покупать) неумеренно им восхищался, да и другим он нравится: и «испанец» есть, и похож, да, пожалуй, и написан не по годам свежо. Ну, вот тебе, как я расхвастался, и картину-то я пишу хорошую, и этюд вышел чуть не веласкесовский.

За болезнью не видал выставки Кончаловского и его Пушкина без штанов [1]. Не мытьем мы берем, так хоть катаньем... А этюды и кое-что еще, слышно, у Кончаловского вышли неплохи. Получил ли ты мою открытку с извещением о смерти Аполлинария Васнецова? Похоронили его по-христиански, хотя и на Немецком кладбище, на Введенских горах, там, у немцев, и на кладбище больше порядка, чем у нас, грешных. Таскали покойника и в галерею, там проделали все, что полагается, справили, так сказать, «юбилей покойника»... наговорили ему целый короб любезностей, а он лежал... и молчал... Когда-то он и сам был не последний говорун в таких случаях, говорил, бывало, долго, с тихим пафосом, и «мораль» никогда не была забыта. Славный был человек Аполлинарий, отличный был он и художник. [...]

648. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 15 марта 1933 г.*

Давно от тебя нет вестей, цел ли ты? Я мотаюсь, что-то делаю, что похоже и на дела, и на безделье. Кончил картину, что носил в чреве своем с 19 года. Как будто что-то вышло и чего-то не вышло. Показывал кое-кому, одобряют, говорят, что «глубоко», а черт ли в том, если «*только* глубоко». Не так ли? Затеваю другую, на пушкинский стих «Отцы-пустынники и жены непорочны». Предполагается винегрет из Нес[теро]ва. Да и что иное ждать, когда малому через два с половиной месяца стукнет семьдесят один год!!

На днях Малютин прислал подарок: великолепно написанный лошадиный череп,— что это? — напоминание о бренности нашей или просто глупость «злого Кар-

лы», как его зовет «добрый Грабарь». [...] Я как-то был в галерее (после пяти лет, что не был там). Скверный вокзальный Ивановский зал, окрашенный в «крем-цвет» с его несуразными перегородками, кои мешают, заслоняют «Явление» и совсем погубили бедного Федотова. На мне вновь «почиет благоволение», я почти весь вывешен, в витринах около картин мои эскизы «Св. Руси», «Марфы и Марии» и другие. Великолепно представлены образа. Там отдыхает душа и глаз.

Я, помнится, писал тебе о книге Петрова-Водкина «Хлыновск». Недавно вышла вторая его книга, не менее живая, яркая и свежая,— «Пространство Эвклида» — прочти, там много интересного про нашего брата и о многом другом [1]. Писания его пером куда выше писания его кистью. [...]

649. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 4 апреля 1933 г.*

[...] Я все время вперемешку работаю и прихварываю: должно быть, не старость ли подходит, а по годам-то как будто бы и рано, да и по работе, говорят, ее не заметно. Недавно окончил еще один «шедевр» на стихи Пушкина: «Отцы-пустынники и жены непорочны». Ясное дело — на этом холсте собрались все н[естеровск]ие пустынники и все жены... (ох уж мне эти жены! хотя бы и непорочны!). Был в галерее, где сейчас прекрасная выставка икон. Там идет перевеска, которая по счету — один Аллах ведает. Мне повезло, я почти весь выставлен, хотя и в разных концах галереи, выставлены даже и эскизы, например «Св. Руси» и обительские [1]. Так что если П. И. решится повесить мою большую картину [2], то здесь этому не удивятся. Повешены сейчас и портреты, хотя и плохо. Вообще же кутерьма в галерее великая, и совет из 26-ти собираться будет лишь один раз в *три* месяца; а всем, как и раньше, вертит Фед[оров-]Дав[ыдов]. В число 26-ти входят Грабарь, Юон, Лентулов и множество других художников и не художников. Время скажет, что из такой окрошки выйдет.

Был на выставке Лентулова — человека с талантом, но одержимого «новаторством» со дня своего появления на свет. Сейчас он более «реалист», чем раньше. Есть хорошие вещи, хотя они тонут в вещах «эксцентрических», коих век миновал. Рад, что П. И. оканчивает твой портрет, хотел бы его видеть. [...]

650. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 4 июня 1933 г.*

Спасибо тебе, старина, за память и поздравление меня с 71-й годовщиной пребывания моего на нашей прекрасной планете.

День 19 мая (1 июня) прошел многолюдно, шумно, народу набралось больше прошлогоднего, куча цветов, тортов и проч., однако дело обошлось без речей. Завтра «тезоименитство» — будет кое-кто и завтра.

Рад, что П. И. меня побаловал, развесил мои вещи, по твоим словам, прекрасно. С описанием сего письма я не получал, а потому прошу не полениться — написать второе, такое же, и даже, если можно, более точное, с *планом* развески (какой зал?).

Здесь тоже меня почтили: приглашали и на выставку («15 лет»), чуть дело не дошло до «депутации», но где мне, старому, участвовать с молодежью: разве за ними угонишься, а потому дело, по-видимому, обойдется и без меня.

Нашел себе по душе модель, собираюсь писать портрет [1], и страшно: а вдруг не выйдет?! Ну да посмотрим...

Корины на выставку ставят: Павел — портрет Г[орько]го и большой этюд отца с сыном, также два итальянских пейзажа и ряд акварелей, тоже итальянских. Он будет представлен хорошо. Слава его здесь растет стихийно. Этюды подходят

к концу, еще написать фон и тогда надо приниматься за картину, хотел бы дожить до ее появления. Александр ставит несколько этюдов и рисунков. Все время работает над материалом к своей никому не ведомой картине...

Я на обоих братьев не нарадуюсь. [...]

651. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 12 июня 1933 г.*

[...] Ну что с тобой поделаешь — придется ждать письма П. И., а пока что заняться портретом, начатым с одного даровитого хирурга [1], мастера своего дела, похожего и на Рахманинова, и на К. П. П-ва [2]. Портрет затеял сложный — в операционн[ом] зале, где я теперь бываю, смотрю, как потрошат людишек, как оттяпывают им руки-ноги, и все это проделывают с величайшим спокойствием, с деловитостью — и людишки потом бегают, благодарят и часто живут подолгу... Полагаю, в начале июля портрет будет готов, и тогда если ты соблаговолишь написать, есть ли у вас «номера для приезжающих» и где, в каком месте такие водятся, то, быть может, и приеду в ваш город — посмотреть то и се (тебя, твой примус и проч.). Числа 20-го здесь открывается «юбилейная» выставка, слышно огромная, но пустая. [...]

652. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва]. 14 июля 1933 г.*

Ленишься ты, старик, нехорошо, подумай о своем поведении. Мы же тут трудимся в поте лица... Был тут на выставочных торжествах П. И. Посетил и меня дважды. Порассказал много хорошего, о музее, о развеске моих картин и проч.

Мы тут торжествовали, открывали выставки с большой помпой, теперь пожинаем лавры. На мою долю выпал тоже один или два оброненных ненароком лавровых листа. С непривычки не знал, что с ними делать, чуть было сдуру не положил их в суп...

Ты, конечно, знаешь от П. И., что на сей раз и я участвую на выставке, после долгих размышлений поставил портрет Кориных и этюд с Алексея. На самой выставке еще не был и как повешены вещи — сам не видал, слышно, около них стоит народ, размышляет, тот ли это Н[естеро]в, который... и т. д.

Грабарь и кое-кто еще признают мое «первенство» на выставке. Но ты знаешь, что все в мире относительно... а потому я носа не задираю и даже совсем напротив. [...] Портрет хирурга Юдина почти окончил, не знаю, «шедевр» ли это или только полушедевр, окончание работы и время определит стоимость работы.

К вам надеюсь приехать в начале (в первой трети) августа, остановлюсь у Павлова. Полюбуюсь на тебя, на картины Эрмитажа, а также Русского музея и — в Колтуши, куда зван погостить. Завтра или на днях предполагаю отправить Е. П-ну в Ростов к Наталье, а там сам, быть может, на несколько дней съезжу в Мураново, затем окончу портрет и к вам.

653. А. А. ТУРЫГИНУ *Мураново. 25 июля 1933 г.*

[...] Сейчас наслаждаюсь чудным воздухом Муранова и людьми, его населяющими, умными, интересными, живыми... вернусь домой к 1 августа, закончу портрет (сеанса на два-три) и к вам.

На выставке, кажется, я имею успех, о портрете пишут, говорят просто и по радио, дивятся моей бодрой старости, так сказать «неувядаемости», хотя и преувели-

чивая лета на целый лишний год. Однако все это диктует, что время бросить баловаться кистью; ибо плохо, когда будут дивиться тому, что я одряхлел, выжил из ума и все же пишу и пишу, не зная ни стыда ни совести. Тогда будет хуже. Не так ли? [...]

654. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 12 августа 1933 г.*

Вы, полагаю, уже получили мою открытку из Питера, опущенную в день приезда туда (вчера). Из нее вы знаете, что я ехал «с удобствами» и что сии удобства стоили мне 10 р. Знаете и то, что меня В[ладимир] И[ванович] [1] встретил с автомобилем и в четверть часа довез до дома, где мне была уготована комната и пр., что празднование именин было отложено до сегодняшнего дня в Колтушах, что я был в музее, где ждал меня очень постаревший Т[урыгин], что вечером я был у него, болтали, пили портвейн, а вернувшись, я нашел там Ев[гению] Серг[еевну] [2] очень милой, но, представьте, с сильной сединой в волосах...

Сегодня утром мы вчетвером (со старым другом-ассистентом Ив[ана] П[етровича]) отправились в Колтуши, ехали 25 верст минут тридцать. Издалека увидали новый дом, а затем на подъезде и самого хозяина, тоже постаревшего, но такого же бодрого, энергического. Сер[афима] В[асильевна] [3] тоже встретила нас, она совершенно не изменилась.

Сейчас же приступили к очень вкусному завтраку, потом я отправился в отведенную мне чудесную комнату и спал часа два, после чего пошел гулять в разведенный сад, где много всяких цветов, ягод и прочих хороших вещей.

Дом двухэтажный, простой, приятный по архитектуре, внутри отлично обставленный, с чудесной застекленной террасой и балконами, обращенными на далекий горизонт с Пулковской обсерваторией, балкон в цветах. Все приятно, комфортабельно, чисто, уютно. [...]

Я ничего не сказал о музее. В общем, он стал огромный. Сильное впечатление сделал хорошо повешенный Репин. Огромный мастер, ряд вещей прекрасных, но позабытые, есть и не виданные.

Хорош Серов, тоже отлично повешенный,— мастер меньшего размаха, но более культурный. Множество вещей разных авторов, никогда мной не виданных. Это в новом, нижнем помещении. Наверху с самого начала отличная развеска, прекрасный подбор вещей. Во второй большой верхней зале нашел свои, они висят прекрасно, даже и «стойло» [4], обитое малиновым бархатом, не мешает настолько, чтобы надо было возмущаться. Понравился «Димитрий» и портрет О. [5] «Димитрия» я таким еще не видал. Тонкая вещь, а все они светлые, серебристые, особенно по отношению к моему визави В[иктору] М[ихайлович]у, черновато-золотистому, со слабым «Баяном» наверху. Из суриковских «Ермак» темный, но поразительный. Хорош очень Врубель, еще не виданные большие «Русалки». Словом, пока я очень доволен.

Однако волшебное перо Ив[ана] П[етрови]ча иссякло, кончаю своим карандашом, а конверт допишу завтра утром. Кругом тишина, все спят, сейчас и я угомонюсь.

655. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 14 августа 1933 г., вечер, 10 ч.*

Буду писать вам в форме «дневника», так как не знаю, когда письмо дойдет. [...] Сутки распределены не только по часам, но и по минутам: являться ровно в 8 часов утра к чаю, затем И. П. идет работать, два часа ежедневно, неукоснительно чистить садовые дорожки, я читаю или иду гулять (погода дивная). Сераф[има] В[асильевна] хлопочет по хозяйству (в доме нас сейчас трое). В 12 часов обильный завтрак, затем иду отдыхать, в половине третьего начинается сеанс (сегодня был первый).

Ив. П. вчера высказал желание, чтобы я написал портрет с Сераф[имы] В[асильев]ны, который он хочет оставить детям. Я согласился попробовать, но с тем,

что это не будет заказ. Если портрет удастся — подарю его И. П. Модель приятная, и я охотно начал работать на небольшом холстике, что взял с собой (так вершков в десять). После сеанса прогулка с книгой «Воспоминаний» Дельвига, племянника пушкинского Дельвига. В 5 часов обед превкусный из трех блюд. До девяти или прогулка, или разговор, в 8 ч. чай, в 10 расходимся по своим комнатам.

Я, как сейчас, пишу письмо или читаю до 11-ти и ложусь. Завтра то же самое с маленькими изменениями, но с обычной точностью в минутах. [...]

656. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ

[Колтуши]. 18 августа 1933 г.

[...] Портрет вчерне сегодня кончил, показывал, нашли похожим, но в восторг не пришли, а по-моему, и похож и живет...

Сегодня во время сеанса подали записку от Ол. М. Чеботаревой, докторши, с ней когда-то сто лет встречались в Кисловодске у М[арии] П[авловны]. Я не мог бросить работу, О. М. пригласила С. В. к обеду, но полил дождь (барометр катился налево), и гостья уехала обратно в Питер.

Этот дождь может ускорить мой отъезд из Колтуша, и вместо 29—30 я попаду к вам 25—26. А жаль: так приятны утренние прогулки по финским полям-холмам, их благоустроенным, каким-то «но́рвежским» деревушкам, с садами, где так много малины, смородины. От этих чудных мест веет чем-то даже мне родным, быть может мои «доисторические предки» бродили, как и я, по этим местам лет так тысячу тому назад.— Не так ли? Жуть!! [...]

657. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ

Колтуши. 22 августа 1933 г.

Еще дня три, и я покину чудесный Колтуш, гениального старика и его милую старушку. Попаду ли когда еще — один бог знает. Прожил я здесь, как не жил ни в каких домах отдыха. Я действительно отдохнул и душой и телом.

Портрет с Сер. Вас. кончил, вышел сильно похож (как Ив. П-ча) и сейчас всем нравится. Правда, если бы я знал, что мне придется его писать, я бы и холст с собой взял и красок побольше (не хватило некоторых), а главное, имел бы время для того, чтобы не спеша к оригиналу присмотреться, узнать его особенности, навыки, характер. Теперь же, несмотря на большое сходство, оно вышло несколько случайным. И все же, видимо, портрет нравится, я его уже подарил, чем лишь удвоил и до того ко мне общее внимание, радушие и проч. И вот сейчас, когда пора собираться уезжать, заходят речи, отчего бы еще не погостить, не отдохнуть и тому подобное.

Не помню, писал ли я вам, что шимпанзе приехали, они «месье и мадам», Рафаэль и Роза. Первый солиден, вторая кокетлива, как и вообще эта порода человечества. Им строят отличную «площадь», и на ней могла быть неплохая мастерская, хотя бы для акад. Н[естеро]ва. Кормят и Розу и Рафаэля (мне не нравится такое название, хотя некоторые из нас — Рафаэлей — и порядочные шимпанзе — обезьяны), итак, кормят Розу и Рафаэля тоже неплохо; молоко в изобилии, апельсины, шоколад, кушают они и овощи, но с гораздо меньшей охотой, чем шоколад и фрукты. [...]

658. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ

[Колтуши]. 26 августа 1933 г.

Вот уже две недели как я в Колтуше, пройдет еще завтра, и я его покину, покину с сожалением, с грустью, с желанием в него вернуться еще когда-нибудь. [...]

27 [августа], утро.

Вот и останный денечек в милом Колтуше. Сейчас звонили в город, температура у Вс. Ив. утром высокая, будет доктор. Билет мне будет заказан своевременно по телефону, так что, думать надо, первого утром увидимся. Ваше письмо, а может быть, и письма, получу лишь завтра на Вас[ильевском] о[стро]ве, куда еду с С. В. Сейчас 9 часов утра, иду гулять часа на два с половиной. Опять солнце, хотя и не жарко. Написал один маленький этюд, быть может, напишу другой.

27 [августа], вечер.

День прояснился, написал второй этюд. Ходили с С. В. ко всенощной, хорошая, простая служба. Дивный вечер, надо полагать, завтра будет ясная погода и в 10 час. утра за нами приедет машина (едем вдвоем с С. В.). Билет на проезд мой уже заказан. Завтра же, получив письмо или, быть может, письма, отправлю и это последнее из П[ите]ра к вам. Завтра буду или в Эрмитаже, или в Русском музее, на другой день в Ц[арском] С[еле], вечером по гостям.

Сделал ряд набросков с Павловых. Вообще, пока я своей поездкой доволен, что-то вы там, как пожили, каковы ваши «достижения»? Хочется думать, что не только ничего плохого, но что-нибудь и хорошее мне приготовили. [...]

[Ленинград]. 1 сентября

Расстались мы с Ив. П. очень хорошо. Утром очень благодарил меня за портрет. Я с удовольствием буду вспоминать о Колтуше.

Сейчас сижу и пишу эти строки в нарядной комнате Веры Ив[ановны] и после завтрака отправлюсь в Эрмитаж, а завтра предполагаю быть в Ц[арском] Селе.

659. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 23 сентября 1933 г.*

[...] Я немного работаю. Недавно написал (почти окончил) портрет очень даровитого хирурга проф. Юдина, к сожалению сейчас тяжело больного.

Как-то был у меня один земляк, с ним я послал кое-что для Уфимского музея, о котором имею хорошие вести.

Летом гостил недели три под П[итеро]м у акад. Павлова, в его Колтушах, где достраивается сейчас биологическая станция его имени.

Погода была хорошая, и я изрядно отдохнул, в безделье, в интересных беседах с гениальным стариком. Ив. Петровичу на днях будет восемьдесят четыре г.! а он и бодр, и здоров, очень деятелен, мысль его свежа, и он полон творческих замыслов. Завидная старость! Походил в город и по музеям, был в Эрмитаже, он непомерно разросся. Был и в Русском музее. Там много перемен. Сейчас прекрасно развешены все мои картины. Надолго ли, никто не скажет. Здесь, в Третьяковской галерее, сейчас мои вещи почти все висят и хорошо. [...]

660. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 6 октября 1933 г.*

[...] Был у меня П. И., видел портрет Юдина (он, бедняга, шестую неделю тяжело болен), нашел портрет *интереснее коринского.* Что-то скажут другие «спецы»?

Сам К[ори]н (Павел) уехал с женой в Кисловодск писать портрет. Александра, да и Екатерину Петровну — ты будешь скоро лицезреть у себя на Галерной. Будь здоров, пиши.

Слышно, Алекс[андр] К[ори]н написал чудесную вещь: его мастерская с фигурой его красивой жены.

Не то хорошие голландцы, не то старик Толстой или Федотов. Похоже, что оба брата будут большими художниками, каждый на свой лад. Один драматический, на огромных полотнах будет показывать людям человеческие переживания, «катаклизмы» человечества, другой — на небольших досках даст деликатную, мастерскую «лирику».

Так или иначе — будущее их не совсем обычно, им суждено сыграть в будущей русской художеств[енной] жизни большую и, быть может, совершенно исключительную роль. Дал бы бог, чтобы эта роль была почетной для нашего искусства.

661. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 14 октября 1933 г., 10 ч. утра.*

[...] Вчера был день для меня приятный, утром пошел к Александру, он показал сначала этюды, свежие, яркие, очень тонко написанные, затем показал этюд совершенно неожиданный, не только яркий, красивый, но и широко написанный. Я с удовольствием увидел, что А[лександ]р будет и живописец... да, быть может, и какой!

Наконец, я увидел и картину, во всех отношениях неожиданную. Она маленькая (на доске), отлично скомпонованная и еще лучше писанная. Тонко-тонко. Фигура Танечки великолепна, похожа, со вкусом, хотя и не с изысканным, а со здоровым, естественным. Больше всего по манере приближается к Федотову (без его, конечно, юмора, типов и проч.), но еще больше это «Корин», совершенно новый художник.

Радость моя была безмерна, я его и целовал, и миловал, и совсем одурел, он тоже был, видимо, растроган, показал мне некоторые итальянские альбомы, они очень интересны. Славный будет художник! Потом много и о многом говорили, и я за него и Танечку сейчас спокоен. Вот какие дела-то!

После пятичасового чая неожиданно пришла «Грабариха» (с Олечкой) [1]. Она похудела, помолодела, весела, счастлива, здорова. Пили чай, потом она попросила показать новый портрет [2]. Неожиданно пришла в восторг, просила расцеловать меня,— я не только не был против, но ответил ей не менее искренне тем же. Много наговорила мне приятностей.

Показал я и пейзаж «Задумчивость»,— она и им осталась довольна, нашла, что в моих пейзажах большое сродство с Тютчевым (это и Ник. Ив. [3] находил).

На днях жду Игоря [4], что-то он провещает? Расстались дружески (Олечка играла на рояле).

Вечером сидели дома. Я «мечтал». Сегодня утром к обедне, после чая к Сереже [5], а потом, быть может, к Борзовым с «рапортом» о картине. [...]

662. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *[Москва]. 15 октября 1933 г., 6 ч. вечера*

Сейчас был Грабарь, посмотрел, «одобрил» многое, но так как я назвал портрет неконченым, то и он искал тех мест, что не кончены, находил и не находил их. Впечатление все же менее восторженное, чем у мадам и даже Петра Ивановича. Очень хвалил «Задумчивость». Хотел зайти днем, чтобы посмотреть портрет при дневном свете.

Ты, по обыкновению, вскользь упомянула, что в музее и мои там вещи, не того ждал я и ждет всякий автор от тех, кто имеет очи... ну да ладно... Рад, что у П[авловы]х тебя хорошо приняли. Хорошо будет, если ты прокатишься в Колтуши и пойдешь в оперу. Бедняга Тур[геги]н проспал всю долгую жизнь свою (однако, в чистой рубашке и на чистой постели). Побывай еще по разу в музее и в Эрмитаже, а если будет хорошая погода, то и в Гатчине. [...]

663. А. А. ТУРЫГИНУ *Москва. 24 ноября 1933 г.*

[...] Грабарь читал выдержки из его большой монографии о Репине. В письмах, коими она пестрит, много интересного, характерного для эпохи, нами с тобой прожитой (такой интересной, неповторяемой), тот же Г[раба]рь говорит, что он примет участие в дополнительной и окончательной (надолго ли?) «реконструкции» Русского музея. Деятельный, неутомимый малый, при всем вышесказанном он успевает и работать, написал живой, яркий по краскам этюд зимы из окна своей мастерской.

Кстати о мастерской, в ближайшее время П. Д. Корин перебирается со своего чердака в новую огромную, с колоссальным окном мастерскую — дом-особняк в несколько комнат с особой усадьбой, на которой зимой будет каток, а летом разбит сад...[1] Там он и предполагает писать свою десятиаршинную картину. Хотел бы я дожить до ее окончания и увидать, какова будет дальнейшая судьба обоих братьев, по всему таких разных. [...]

Работаю я мало, зато читаю запоем. (Да! скоро выйдет большая книга Машковцева об Иванове со включением двухсот недавно найденных, очень интересных, писем [2].)

P. S. Был как-то Е. Лансере с Юоном, смотрели мои «творения», хвалили. Затем я был у Лансере на Казанском вокзале, видел его работы (плафоны, панно) для буфетного зала. Хорошо...

1934

664. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *[Москва]. 18 января 1934 г.*

Здравствуй Верушка, дружок!

Сообщаю тебе очередные новости; вчера был в галерее, получил часть платы за автопортрет; видел свои образа, что будут выставлены в галерее, они в ужасающем виде, и раньше, чем их выставить, придется отправить в реставрационную мастерскую, а потом, быть может, мне пройти их. Часть басмы пошла в Торгсин (серебро). Отношение ко мне пока что прекрасное, надолго ли? «Философы», по всей вероятности, тоже будут в галерее.

Вчера была компания из кооператива «Художника» с Славинским, смотрели новые вещи (С. С.) [1] и приобрели для галереи «Трех старцев» (с моей чайкой) [2].

Таким образом, год для меня начался хорошо, что-то будет дальше. [...]

665. А. А. ТУРЫГИНУ *[Москва. Январь 1934 г.]*

[...] Порасскажу тебе о своих очередных достижениях, они таковы: «Три старца» приобретены для галереи, о чем как будто тебе доложено. Недавно меня посетила милая молодая дама, невестка М. Горького [1]. Она давно намерена была это сделать. Она, говорю, не только мила, но умненькая, тактичная и очень привлекательная (о чем я знал раньше). Пришлось показать ей многое из того, что было за последние годы сделано. Впечатление от показанного большое, а результаты те, что она приобрела этюд М. Горького, писанный тридцать три года тому назад в Нижнем, и небольшую картинку — «Вечер на Волге».

Сейчас на меня и спрос, и «мода». Желающих видеть мои вещи много, но у меня видеть всех «желающих»... мало. [...]

Да! Хорошие панно и плафоны написал Лансере на Казанском вокзале (щусевском). Лансере — милый, талантливый человек. Он у меня стал бывать недавно.

Ну, старик, поправляйся.

666. А. А. ТУРЫГИНУ[1] *Москва. 1 февраля 1934 г.*

Только что послал тебе, Александр Андреевич, письмо на Красную, как получил уведомление Дуни о том, что ты в больнице и что она тебе будет доставлять мои письма туда.

Подробностей о ходе твоей болезни нет, да не знаю, и тебе позволяют ли писать, старина...

Во всяком случае, поправляйся, не падай духом, ведь ты всю жизнь был молодец...

Быть может, мне удастся собраться к вам раньше предполагаемого времени, и тогда мы с Павлом Дм[итриевичем] тебя навестим, если не дома, то в больнице.

Все мои желают тебе поскорей поправиться и вернуться в твою «Коммуну» на Красной.

667. Е. А. ПРАХОВОЙ *[Москва]. 7 марта 1934 г.*

Дорогой друг мой!

Все уехали к Кориным на новоселье, на годовщину (восьмую) их свадьбы, а я, бедный, остался дома. Третью неделю как я сижу (то лежал, теперь же не только сижу, но и хожу), был грипп, боялись воспаления, но, кажется, все обойдется благополучно и я получу отсрочку... Сейчас я сожалею, что не могу присутствовать на новоселье. Мастерская, говорят, такая, каких московские художники еще не видали, целая усадьба — особняк с великолепной в 20 аршин мастерской с чудным двойным светом, еще три или четыре больших комнаты, ванна и проч. ...Теперь надо приниматься за картину, а пока что необходимо написать несколько *обязательных* портретов... один уже написан (кроме Максима) и очень удался — дивная характеристика лица исторического. [...]

668. С. В. МАЛЮТИНУ *Москва. 11 апреля 1934 г.*

Дорогой Сергей Васильевич!

Сегодня Ваш большой день: семьдесят пять лет жизни, из них пятьдесят лет служения родному художеству, пятьдесят долгих лет неустанного творчества, огромный его диапазон, яркость, плодовитость его, и все это в пору величайшего расцвета русского искусства, в пору Сурикова, Репина, Виктора Васнецова, целого сонма талантливых собратий. Среди них быть одним из первых — какое глубокое, полное удовлетворение! Я со школьных лет восхищаюсь Вашим дивным даром — живописца, фантаста, приветствую Вашу почетную старость, Вашу творческую бодрость, желаю Вам долгих лет радостного творчества.

Михаил Нестеров

669. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *[Москва]. 13 апреля 1934 г.*

Верушка, друг мой!

[...] Я тут «кутил» у Сев[ерцов]ых. Там были все свои, бр[атья] К[ори]ны с женами, Зелинский с женой, Ел. П.[1] не была: устала, бегая по своим делам.

Кутил у Кориных, там была «невестка» со свитой [2], домой меня доставили в г[орьков]ском автомобиле. Было все хорошо, я вел себя не очень хорошо, ну да ладно!..

В тот же день был приглашен на другой банкет, к Малютину (сейчас его выставка здесь). На него я не пошел, а просил П[авла] Д[митриевича] прочесть и передать юбиляру прилагаемое послание [3], что и было исполнено.

Погода у нас пакостная, снег, дождь, холод; я хожу в шубе и шапке... [...]

В этом году после пятидесяти с лишком лет не поздравлял и не получил поздравления от Турыгина...

Что тебе еще сказать?

Много читаю, вчера получил от Дм. П. Кончаловского его (переводную) книгу «Двенадцать цезарей». Почитаем...

Работаю мало, лень. [...]

670. В. М. НЕСТЕРОВОЙ

Мураново. 27 мая 1934 г., 6 ч. вечера

Здравствуй, моя Верушка!

Пишу тебе из милого Муранова, оно встретило меня, как всегда, приветливо, но на другой же день с утра пошел дождь, подул ветер, стало холодно; так и по днесь... И все же я наслаждаюсь природой, чириканьем птичек, из коих соловей первенствует, а кукушка кукует, делая весну такой знакомой, «русской» весной. Я много читаю, прочел преинтересные письма Екатерины Великой к Гримму и воспоминания С. Т. Аксакова о друге своем Гоголе. Видишь — я зря время не теряю — к тому же сегодня из окна музея, из «гоголевской» комнаты написал сносный этюд. [...]

28 мая 1934 г., 6 ч. веч.

Холод и непогода выгнали-таки меня из Муранова. В Москве застал разные разности: 1) 31-го поет у меня Пирогов; 2) затем желает играть пианистка Юдина; 3) с юдинского портрета в «Известиях» будет скоро помещена репродукция [1]. 1-го и 5-го обычные торжества [2] — жаль, что в эти дни ты не будешь со мной... [...]

671. В. М. НЕСТЕРОВОЙ

Москва. 2 июня 1934 г.

Вчера с утра и до ночи вспоминал вас, особенно тебя, моя дочка, мне недоставало. Утро началось присылкой из Горок от Над. Ал. [1] великолепного букета огненных маков с приложением поздравления. Затем пошло дело «крещендо», не дали и поспать после обеда,— пришел артист театра Вахтангова Русланов с розами. Пирогов ни 31, ни вчера петь не мог: 31 был вызван петь в высоком учреждении, а вчера неожиданно назначен был петь Мельника в «Русалке». Теперь неведомо, когда соберется, очень сконфужен, а я огорчен. Народу было как всегда в этот день, было тесно. Орочко принесла великолепный букет пионов, а роз было без конца, как никогда,— были лилии, ландыши же и проч.— не в счет. [...]

Сегодня получил извещение из Третьяковской галереи, что 4-го будет у меня их комиссия, для того чтобы кончить дело с покупкой коринского портрета [2],— посмотрим. О его приобретении было уже что-то в газетах. [...]

672. В. М. НЕСТЕРОВОЙ

[Москва]. 8 июня 1934 г.

Здравствуй, Верушка, и ты, старушка [1], здравствуй!

Вот кончились и все «торжества». Народу в том и другом случае было много, было шумно, весело. 5-го пел Кузьмич [2] (хорошо) и играла Юдина — превосходно.

Играла Бородина («Перезвон») и Бетховена («Лунная соната»). Из новых еще были супруги Шадры (скульпторы) и еще кое-кто.

Не было (опять) «Ваничек», не было и «Сережек» [3].

Думаю попробовать начать портрет с Шадра (Иванов-Шадр).

На другой день — 6-го были с Грабарем супруги Жю-Пэон (китайский художник с женой). Они «европейцы», жили долго в Париже, отлично образованы и одеты. Она красива и мила. Искусство мое очень понравилось (они оба мои почитатели). Он сказал, что «Европа сейчас не имеет такого портретиста». «Если не врет, то правда» — скажу я.

Вчера вечером с Кориными были в Пушкине у Кузьмича — пел, и отлично поужинали там, вернулись поздно.

Сегодня приглашены на юбилей к акад. Зелинскому — пойду на парадное заседание, а на банкет не пойду: начало в 11 ч. веч. [...]

Писем получил много — чудесное от Павловых и Лели Ш[рахов]ой.

Погода у нас переменчивая, то холод, то тепло и солнышко, как сегодня.

Работаю пока мало, но уже «руки чешутся» на новый портрет. Сейчас иду смотреть портрет, написанный Грабарем с китаянки. [...]

673. Н. П. УЛЬЯНОВУ *[Москва]. 9 июня 1934 г.*

Дорогой Николай Павлович!

Одно из самых дорогих приветствий с пятидесятилетием моей художественной деятельности было Ваше приветствие. 1) Потому что Вас я всегда считал *истинным* художником, а их ведь так мало. 2) Еще потому, что Вы меня *побаловали*, причислив к тем людям эпохи, когда художество у нас ценилось само по себе. Видел Ваш прекрасный эскиз «Пушкин на балу». Вы непременно с него напишите картину: о Пушкине в живописи сказано мало и не очень удачно...

От души желаю Вам поскорей поправиться и приняться за дело.

Искренне любящий Вас Мих. Нестеров.

674. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 23 июня 1934 г.*

[...] Третьего дня у меня был хороший день, был в галерее, и при мне повесили мои вещи — повесили отлично, самый придирчивый из нас остался бы доволен.

Висят они в нижнем зале (советское искусство) рядом с «М[аксимом] Г[орьким]» Павла К[ори]на, слева, все вместе — «Корины» и автопортрет, над ними — Виктор Михайлович [1]. Общая гамма — благородная, темная, «эрмитажная». Слабее других автопортрет, и все же неплох. В других залах выставлен и малютинский портрет с меня — отличный «монстр»...

Наверху прекрасно размещен ранний Н[естеро]в. Пришел домой довольный, ходил целый день «задравши нос». На другой день «прошло»; прислали из галереи деньги. [...]

675. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 29 июня 1934 г.*

[...] Завтра, 30-го, я начинаю работать портрет с Иванова-Шадра (скульптор) в мастерской Александра К[ори]на, который уезжает в Палех. Модель интересная, физиономия и «повадка» в характере Шаляпина... Позировать согласился с удовольствием (мечтал-де об этом). Посмотрим, что выйдет. Заранее волнуюсь, едва ли буду хорошо спать и прочее, что обычно сопутствует такие дни. [...]

Почти каждый день кто-нибудь бывает, показываю свои «шедевры», болтаю, слышу похвалы, ни дать ни взять — «престарелый тенор и его поклонники». Ну да ладно!..

676. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 5 июля 1934 г.*

[...] Портрет пишу с удовольствием. Голова написана, похожа, и модель в восторге, вчера мы с ним *простояли около 8 часов* на ногах! я скакал около мольберта, а он позировал. За это время, может, один час ушел на обед (дома).

Работаю у Корина младшего (он уехал в Палех). Там когда-то работал Коненков, работал Н[естеро]в, и он снова там. До своего отъезда надеюсь *фигуру кончить,* весь же портрет кончу по возвращении из Ярославля. Вот какие дела-то. [...]

677. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 30 июля 1934 г.*

[...] Отправился к Александру в мастерскую. Он и Танечка были дома, оба счастливые, поправившиеся. Посмотрел портрет, остался доволен, постучал к Александру, он пришел и очень похвалил работу, сказал, что Шадр *выпадает* из всех моих портретов. Что это едва ли не самый из них сильный — реальный. Я был рад, отправился на Кузнецкий в «Художник», там встретил Славинского. Он затащил к себе в кабинет. Созвонились с Шадром, он выздоровел, но сегодня вечером едет на Урал за мрамором. Явился Кончаловский и пошел... начали друг друга превозносить. Тут удержу не было. Оказалось, что «Сережа» [1] равен портретам Репина лучшей поры... Явился Шадр, и тайна того, что я с него пишу, открылась! Сговорились на сегодня с утра (с 9-ти часов) работать, может быть, успею написать руки, едет Шадр дней на десять-двенадцать.

Пили чай, бойко болтали, получил подарки (карандаши — *настоящий Фабер*) и новые издания «Художника». Затем на ихнем автомобиле был доставлен в галерею, там тоже одни приятности; директором назначен старик Кристи, что был и раньше. Он хороший, честный. «Старички» и «Молчание» повешены *идеально,* так же как и портреты. Рамы готовы, Кристи в разговоре высказал пожелание иметь «для симметрии» к трем уже висящим портретам четвертый, я обещал ему сказать, когда будет готов *Шадр.* (А Кончаловский со Славинским болтали о том, что надо приобрести у меня «Сережу»; я, как мог, «брыкался».) [...]

678. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Москва. 4 августа 1934 г.*

[...] Я кончил портрет, он удался, многие уже видели, очень хвалят, находят его одним *из самых лучших* моих портретов, «неожиданным» и проч., говорят, что он должен быть в галерее, и т. п. Я тоже думаю, что портрет удался, живой, свежий, *реальный,* как ни один предыдущий.

Вот какой старик молодец!

Приехали Павловы (сын с женой), привезли письмо от стариков. Они зовут меня на август в Колтуши, — раздумываю. [...] ... Может быть, придется начать еще портрет женский (Е. П. П.) [1], и тогда не до поездок; однако это дело еще не решенное. [...]

679 Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 17 августа 1934 г., 8 ч. утра.*

Вот я и опять в любезных Колтушах! Все еще спят, и только на дальней скамейке сидит какая-то бодрствующая женская душа, кто не разберу...

Погода тихая, ясная, славное северное утро.

Доехал я вполне благополучно, пыталась со мной повести беседу моя визави, не удалось, так и доехали в «молчанку».

На вокзале меня ждал Анд. Ник. Потемкин на чудесном «линкольне» (с собачкой), и мы плавно покатили по уже проснувшемуся Невскому. Заехали в аптеку за боржомом и дальше. Сидя в такой чудесной машине, испытываешь, думаю, однородность ощущений с каким-нибудь маркизом XVIII века, едущим в золотой карете шестериком. Судя по своей натуре, если приличной,— то «снисхождение» к бедному человечеству, бегущему по улице, едущему на «конке»; если же едущий на таком «линкольне» — поганец, он чувствует глубокое презрение к этому «человечеству», к так называемым «массам», в лучшем случае такой сеньор их не замечает.

Так или иначе, но через сорок минут мы были в Колтушах (старая машина везла час). И я увидал чудный законченный дом и на ближней террасе всю семью с И. П. во главе. Самая сердечная встреча, расспросы, передача поклонов от «неизвестного профессора» и друг., и через террасу — лестницу, заставленную цветами (их масса повсюду), попал прямо к завтраку, от пищи, очень, видимо, вкусной, воздерживался (и как это было трудно).

Оживленные разговоры с Ив. П. и Верой Ив.; Влад. Ив. больше молчит и очень ласков с обеими девочками, милыми светлыми блондинками. Татьяна Ник. [1] решительная, стройная, ведет хозяйство и сидит против Ив. П-ча за хозяйку.

После завтрака в стеклянной террасе недолгий разговор, и я пошел спать (спал дорогой неважно). Получил «Переписку Чайковского с фон-Мекк» и отправился в свою комнату, чудесную, с «шагреневыми» кофейного цвета обоями и соответствующей обстановкой, и погрузил свое многогрешное тело в мягкие объятия тюфяка постели.

В 4 часа пили чай и много разговаривали, потом все пошли к новому помещению Розы и Рафаэля, смотрели на их «достижения», затем с И. П. мы прошли в сад и там, на скамейке, проговорили до обеда. Разговор был увлекательно-занимательный (общий), и если его содержание не забуду, то расскажу.

Обед — опять разговор с И. П. и В. И., после на террасе, и в 10 часов спать. Вот как прошел первый день...

Ив. П. и Сераф. Вас. совершенно не изменились за год. И. П. даже «помолодел» [2]. Та же живость в движении и речи. Словом, все как нельзя лучше... С сегодняшнего дня разрешение вина и елея.

Сейчас позовут к утреннему чаю. У Вл. Ив. висит моя небольшая, в большой рамке «Девушка по снегу на вечерней заре идет за водой», времен передвижных, недавно купленная. [...]

680. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 21 августа 1934 г.*

[...] Живется мне здесь великолепно. Все со мной милы, ласковы и проч. Кроме того, в тоне обращения появилось нечто новое, весьма приятное, доверительное, простое, я как бы стал своим. [...]

Разговоры, особенно утренние, за чаем, бывают увлекательны, интересны. Вечерние, иного характера, ведутся с С. В. во время прогулки по саду. Погода хорошая, немного осенняя, иногда жалею, что нет с собой красок. Гуляю вне сада мало. Ходил один раз в соседнюю деревню да раз вместе с И. П. на новую стройку,— вот и все.

Вчера, за утренним чайным разговором впервые пришла мне мысль написать с И. П. еще портрет, большой, композиционный портрет вместе с Верой

Ив[анов]ной — этим двойником Ивана Петровича, о чем я и поведал ему, и представь, не нашел, чего боялся,— он принципиально согласен, дело осталось за малым: нам обоим 157 лет, и вот тут-то и «заковыка»,— что с нами будет через год, будем ли мы оба такими «молодцами», как сейчас, или от нас останется только труха.

Сегодня (только что) разговор на тему о портрете продолжался с большими подробностями. Он у меня рисуется сложным, и если ему суждено быть осуществленным, то это будет ладно: ведь я считаю первый лишь этюдом, второй будет полной характеристикой отца и дочери. Дал бы бог дожить и хорошо осуществить эту затею. Уж одно то в этой затее хорошо, что этой мыслью я буду жить, поддерживая в себе угасающий огонь. Ведь старость — вещь серьезная и, как гласит китайская мудрость, «старость есть огонь на сквозном ветру»,— вот тут и поди! [...]

681. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 23 августа 1934 г.*

[...] Вчера мне удалось получить «принципиальное» согласие Веры Ив[анов]ны позировать на будущем портрете, она не любит сниматься и не снимается, и вообще это еще дело не верное, но двойной портрет мне очень улыбается с них написать. В. И. твоя «поклонница». Отношение ко мне здесь «лучше желать не надо», и я начал опять толстеть, хотя нога моя очень медленно худеет.

Особенно привлекательны утра, за чаем и беседы тут очень оживленны и интересны (пьем утренний чай вдвоем).

Погода чудесная, свежие утра и вечера, день же жаркий, ясный. Я много гуляю. Много времени всеми уделяется наблюдениям над Розой и Рафаэлем, они проделывают забавные штуки, сколь они помогают «экспериментальной науке» — судить не берусь. Вчера Роза утащила с крыши свое одеяло и, напялив его на себя, как королевскую мантию, проследовала в нем по крыше, а затем в нем же забралась на самую высокую сосну (возле дома) и там на верхних сучьях его оставила...

Кроме «Переписки» я сейчас читаю очень веселый английский роман П. Дж. Вудхаус «Капризы мисс Мод». Прочтите,— талантливо и живо описаны английские нравы и быт. [...]

682. В. М. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 23 августа 1934 г.*

[...] Я мечтаю о новом портрете с И. П. Павлова и на этот раз о двойном, с его дочерью — двойником по облику и темпераменту. За одним дело стало, надо целый год ждать, а нам обоим 157 лет. Вот какое дело-то!..

Время проходит в увлекательных и поучительных для меня разговорах. [...]

И. П. выглядит в этом году года на четыре моложе, он точь-в-точь мой портрет. [...]

683. Е. А. ПРАХОВОЙ *Колтуши. 26 августа 1934 г.*

Дорогой и милый друг мой!

Я снова попал в Колтуши, куда меня пригласил Павлов, и я с большой охотой отозвался на это приглашение. Живу я в обстановке, о которой мы хорошо позабыли, комфорт и довольство здесь полные, а любезность хозяев трогает меня. Утренние беседы с Иваном Петровичем интересны, полны жизни и увлекательности, этот знаменитый старик в свои 85 лет еще юн. Ум его светлый, ясный, прямой и благородный, увлекает слушателя, он всегда полон новых наблюдений. Неусыпный

анализ жизни в бесчисленных ее проявлениях всегда полон неожиданных новинок. Утренние наши встречи за чаем — часто целые откровения для моего достаточно невежественного разумения. В 72 года я охотно учусь многому, как студент-первокурсник.

Семья, очень дружная, на этот раз довольно многочисленная, сейчас здесь живет старший сын, профессор-физик, с женой и двумя прелестными, хорошо воспитанными девочками, затем дочь, очень похожая лицом и темпераментом на отца и работающая у него в институте. Тут же и неизменный друг Ивана Петровича — его жена — умная, тактичная старушка 75 лет. В скором времени это общество пополнится вторым сыном с женой, они сейчас путешествуют по Волге. Вот какое мое окружение.

Колтуши — небольшое финское селение в 25 верстах от бывшей столицы. Сейчас оно оживлено большим строительством — биологической станции имени И. П. Это целый ученый городок, где идут большие работы по методам знаменитого ученого. Я среди этого мира казался бы большим анахронизмом, если бы И. П. не выказывал с давних пор большого интереса к живописи и мы, художники, не были бы подвержены его ученым наблюдениям. Его выводы из этих наблюдений очень интересны. По его заключениям наша категория людей искусства тоже кое на что годится, и это так приятно, и еще сегодня за завтраком он горячо говорил в нашу пользу.

Я здесь пробуду числа до 1 сентября, а затем, осмотрев Эрмитаж и [Русский] музей, возвращусь в дом свой.

Дошли ли до Вас вести о новом моем художественном детище. Оно родилось; можно сказать, столь же неожиданно, как и вдохновенно. Это портрет скульптора (очень даровитого) Иванова-Шадра. Портрет готов, и его очень хвалят, а я этому и рад... Подумайте — какая беспокойная натура у Вашего престарелого друга. Пора бы и уняться, так нет же!..

684. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *[Колтуши]. 27 августа 1934 г.*

[...] Эти дни много рисую с Ив. П. во всех положениях, есть и за работой в саду, кое-что удачно и может пригодиться для портрета. Сейчас до отъезда необходимо сделать несколько набросков с В. Ив[анов]ны. Она согласилась мне помочь. Вообще, творчество во мне «клокочет», и если бы было время и краски, то портрет можно бы было начать хоть завтра — настолько его композиция разработана подробно. К великому сожалению, надо ждать, и ждать целый год, а нам с И. П. едва ли придется дожить до ста лет... едва ли...

Погода дивная, был у обедни, в успеньев день пойду опять. Здесь и священник хорош, и служба тоже, напоминают митрополита Алексия...

Сегодня подарил Т. Н. набросок с детей [1]. Вс. Ив-ча ждут со дня на день. Это письмо, вероятно, последнее из Колтуши. Время здесь пролетело совершенно незаметно. Я уже и писал тебе, как я здесь прижился, чувствую себя прекрасно, отношения ко мне лучше желать нельзя. Много мечтаю о портрете,— эта главная тема моих дум, пока тут еще много препятствий: на будущее лето у И. П. два конгресса, один в Лондоне, другой здесь под его почетным председательством. Вот тут и надо улучить время для написания будущего «шедевра». Хорошо, что обе модели готовы способствовать моим мечтам и их осуществлению. Пока что о портрете никому ни слова... На модели свои взираю сейчас «жадными глазами», вот так бы сейчас взял и написал бы обоих. Неистовый старик. [...]

685. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 28 августа 1934 г.*

[...] Со вчерашнего дня начал делать наброски с Веры Ив[ановны]. Лицо интересное, но трудное, а так как в композиции оно необходимо, то и следует все трудно-

сти преодолеть. Самая большая «заковыка» — это благополучно дожить до следующего лета и не утратить то, что надо иметь для хороших результатов в портрете: мастерство, свежесть чувства и проч.

При малой своей практике до чего очевидно, насколько удобней, покойней и приятней писать портрет со своего брата-художника; как бы он требовательным ни был, его требовательность толковая, «придирки» разумны, а его помощь безмерна, однако нельзя же писать остаток жизни с одних художников. И так их написано мной достаточно. [...]

686. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 7 сентября 1934 г.*

[...] В Колтушах я пробыл две недели и дня два-три в Питере, где был в Эрмитаже и Русском музее, посмотрел на содеянное мною когда-то. По приезде сюда ко мне обратился теперешний ректор Академии художеств [1] с предложением профессуры в Академии и, если я соглашусь, с переездом из Москвы, с квартирой при Академии и проч. Я предложение отклонил: стар и дело для меня новое, мало симпатичное. Как-нибудь проживу и так. Летом написал портрет (со скульптора Ив[анова-]Шадра). Хвалят.

687. И. П. ПАВЛОВУ *Москва. Сентябрь 1934 г.*

Глубокоуважаемый Иван Петрович!

На днях исполнится Вам 85 лет [1], из них большая часть отдана была Вами русской науке, в ней Вы заняли одно из самых почетных мест. Вы стяжали славу в родной земле, Вас узнали и оценили народы всех стран мира, Вы — достояние всего человечества.

Мне, как художнику, выпало на долю не только знать Вас лично, но и написать Ваш портрет. Я трижды провел с Вами и с Вашей семьей незабываемые дни в Колтушах. В день Вашего 85-летия жена и я приносим Вам наши поздравления и пожелания здоровья, благополучия и радости среди близких Ваших.

Я прошу Вас в этот день принять от меня на память повторение Вашего портрета, его Вам передаст 27 сентября Всеволод Ива[нови]ч. Мы оба с женой поздравляем Серафиму Васильевну, Вашего верного и достойного спутника славной жизни и трудов Ваших, с семейным праздником. Наш привет шлем всему Вашему семейству [2].

688. А. А. РЫЛОВУ *Москва. 5 октября 1934 г.*

Дорогой Аркадий Александрович!

Спасибо Вам за письмо [1]. Конечно, я жалею, что Вас не застал дома, не видал Ваших последних работ, новой картины, все это я надеюсь увидать на Вашей московской выставке в декабре — январе.

Те вещи, что сейчас поступили в галерею с юбилейной выставки, я люблю за их свежесть, за то, что они такие *Ваши*, такие характерные для Вас, нашего северного живописца пейзажа. Так хорошо, что Вы снова чувствуете себя помолодевшим и работаете тоже по-молодому.

Я в минувшее лето и погулял вне Москвы, но «жиру» не накопил, здоровья тоже. Моя поездка в Ярославль [2] была в этом смысле бесплодна, к тому же в конце третьей недели моих гостин там я повредил ногу и сейчас еще вожусь с ней; врачи нашли выделение солей, попросту подагру, вещь совершенно стариковскую, сейчас меня лечат — и успешно — рентгеном.

После Ярославля меня пригласил Ив. Петр. Павлов к себе в Колтуши, где я пробыл еще три недели в полном покое, в отличных условиях и тоже без особой пользы для моего здоровья. Вот тогда-то, после Колтуш, я и был у Вас, у А. П. Остроумовой-Леб[еде]вой и у Кругликовой, никого не застав, походил по Эрмитажу, по Рус[скому] музею и вернулся к своим Пенатам...

Работал я, по обычаю последних лет, мало, так по портрету в год (кои, как Вы знаете, я не считаю своей специальностью, просто, можно сказать, «балуюсь»). В минувшее лето я снова разрешился портретом со скульптора Иванова-Шадра. Это не свойственное мне занятие меня тешит, и за то богу слава. Вот и сейчас, в эти осенние дни, я снова одержим портретописанием, начал еще один, чисто живописного свойства [3].

И то сказать, на что не дерзает отчаяние, вызываемое старостью!

Итак, дорогой Аркадий Александрович, быть может, к московской выставке Вы и сами пожалуете сюда. Многие москвичи и я среди них буду рад видеть Вас у себя на Сивцевом Вражке (д. 43, к. 12), показать кое-что из того, что сделано за последние лет двадцать.

Походим и здесь, в Москве, по музеям.

689. П. Д. КОРИНУ *Москва. 30 октября 1934 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Вы порадовали меня тем, что Крым принес Вам пользу, что нога стала подживать и что Вы понемногу работаете...

Ваши наброски очень хороши, они дают ясное представление о том пейзаже, среди которого Вы сейчас проживаете.

Хочется видеть и Вас поздоровевшим и окрепшим, и Ваши новые работы.

Я тоже что-то «раскомпоновался», как говорил некий Горшков — вятич, приятель Викт. Михайловича... Никак не могу уняться: написал еще один портрет с Алексея Николаевича Северцова. Задачу себе поставил трудную, чисто живописную, а как вышел из положения — приедете, сами увидите. Те же, кто видел, не ругают, а я и рад...[1]

Смотрел работы Александра Дмитриевича,— успех сделал несомненный, не покидая лучших традиций своей Родины, оставаясь непосредственным наблюдателем природы, проникаясь ее красотами, не только внешними, он дерзает и на живописную сторону дела — у него являются краски. Что-то будет дальше?.. По нему вижу, что русский живописец обходился и может обходиться без гг. Сезаннов и от такого обстоятельства худа не бывает. Непосредственный «контакт» нашего глаза, нашего внутреннего восприятия, а природа только помогает делу. Рисунок А. Д. остается точным.

Портрет Ш[ад]ра, вероятно, будет в галерее.

Ну, что Вам еще написать, мой дорогой Павел Дмитриевич. Остается погода, она скучная, осенняя, темно, и так будет еще с месяц, а там зима, свет, и можно будет подумать о работе... Скучно ведь без нее.

690. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. Ноябрь 1934 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Только что прочитал переданную мне Маргаритой Николаевной [1] Вашу книгу «Сказания о любви» [2].

Конечно, я прочитал книгу Вашу с большим удовольствием и вниманием. Разнообразие тем, их выбор, матерьял использованы Вами прекрасно, что и делает книгу особенно привлекательной... но как это все далеко от нас, от тех сказаний и любви, что слышим мы сейчас. Благодарю Вас за стихотворное послание Ваше, я не знаток в стихосложении, но в Вашем послании хорошо то, что мои счастливые соперники, разные эти Микеланджелы, Фра Беато Анджелики, отсутствуют.

Ну вот видите, какой «вредный» старик этот Н-в! Он не может обойтись без «шпилек». Таковы ли все старики?

Екатерина Петровна и я приветствуем Вас.

Книга Ваша возвращена по принадлежности.

691. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. Ноябрь 1934 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие, оно написано с обычной для Вас живостью и... дает столько возможностей для «шпилек» (они, по Вашим словам, всегда Вам годятся), что, право, я «не могу молчать» и тотчас отвечаю Вам, увы, без Вашей живости и, б. м., тупыми, никуда не годными шпильками. Вы пишете, что вторую неделю ходите в Русский музей, и можно было думать, что «изучаете» там Карла Павл[овича] Брюллова, Александра Иванова или любуетесь Репиным, Серовым, Суриковым, однако это не было так; я узнал, что предметом Вашего изучения были эскизы Н-ва. Ай, ай, ай! Что же мне с Вами делать?.. Неужели уже Вами забыто все, что внушалось Вам в Москве с таким красноречием и беспристрастием, доказывалось, как дважды два четыре, что злополучный сей автор не только не стоит Вашего драгоценного внимания, но что вообще ему цена грош... и что же, все труды московского критика-судьи прошли даром?.. «Извиняюсь», где Вы нашли ангельские крылья, да еще золотые и розовые, и разные там облака и прочее?.. Поистине надо быть автором поэтического «Сказания о любви», чтобы, имея перед собой пресловутые эскизы, найти там и то, и другое, и пятое, и десятое. Такова уж, видно, природа гг. поэтов!

На вопрос о женской фигуре (вместе с Иосифом и Марией), ничего не могу припомнить и вообще хотел бы забыть о всех этих доморощенных «белых осликах».

Я уверен, что прекрасная Ваша книга была бы сейчас написана Вами по-иному, для этого столько нового матерьяла и столько возможностей его использовать...

На днях у нас была М[аргарита] Н[иколаев]на, как всегда, очень, очень мила, и кажется, ей не удалось у нас поскучать.

Будьте здоровы и благополучны.

Екат[ерина] Петр[овна] просит передать Вам ее приветствия.

692. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 10 декабря 1934 г.*

[...] После летнего «Ив[анова-]Шадра», приобретенного для галереи, я уже в октябре принялся за новый портрет со старого Северцова, и столько же с него, сколько с его чудесного *бухарского* халата, ему привезенного из самой «Бухарии» года два-три тому назад. В этом экзотическом халате престарелый академик время от времени бродил у себя мне на соблазн, на соблазн моему темпераменту истого живописца,— и вот однажды, неожиданно для себя, для Северцова и его халата, я предложил ему себя увековечить. Не знаю, почему — потому ли, что он недостаточно надеялся увековечить себя сам, или почему другому, но он охотно предоставил это дело мне, ну и я, «ничтоже сумняшеся», взял да и увековечил его. 16 се-

ансов в довольно теплые октябрьские дни было достаточно, чтобы совершенно «целиком и полностью» этот почтенный человек был обессмертен к обоюдному удовольствию.

Портрет сейчас окончен, показывается желающим на Сивцевом Вражке, и такие авторитеты, как тов. Аляб[ье]в и другие, находят портрет удачным, а некоторые идут дальше — находят, что равного этот старый мастер еще не писал и проч. Но «молчание, молчание», как говорил наш общий знакомый Поприщин. [...]

693. Е. А. ПРАХОВОЙ

[Москва]. 25 декабря 1934 г.

[...] Что сказать о себе,— старею, дряхлею, но все же совсем «уняться» не могу: написал в ноябре портрет Северцова, кот[орый] всем нравится, все говорят мне всяческие слова и хвалят и даже приобрели его для Третьяковс[кой] гал[ереи] (опять через «Всекохудожника»). Таким образом, к лету в галерее будет моих шесть портретов, коими и будет представлен *поздний* Н[естеро]в. И как этот *поздний* далек от *раннего*, и насколько мне, человеку, стоящему в стороне, любезней ранний того нового, позднего... Однако «о вкусах не спорят», придется примириться и с поздним, как мирятся со старостью, с ее недугами и проч.

1935

694. Е. А. ПРАХОВОЙ

Москва. 28 января 1935 г.

[...] Эти недели мы, художники (не все и более уже умершие), были очень озабочены судьбой Третьяковской галереи. Пострадали от аварии с отоплением два зала: наш с В[иктором] М[ихайловичем] и смежный (где лестница), куда лишь накануне были перевешены *весь* Левитан, Айвазовский, Куинджи, Семирадский. Пострадали больше всего «Аленушка», мой «Сергий с медведем» и «Омут» (Левитана). Вашему портрету, «Богатырям», «Черному морю» (Айвазовского) тоже попало изрядно, но сейчас благодаря бр. Кориным, их энергии, их добросовестности все пришло в полный порядок и *все* вещи стали промытые, регенерированные, покрытые лаком, все они стали как только что написанные.

Произошло чудо, подобное тому, как «пожар способствовал к украшению Москвы» или как там это говорится. «Братья» награждены, возвеличены, но, как народ умный, носов не задрали!..

Мне предстоит, б. м., написать портрет... Черткова, толстовца, когда-то конногвардейца, сейчас 80-летнего паралichного старика, достойного, так сказ[ать], «кисти Айвазовского». Однако не невозможно, что я по разным причинам и откажусь (портрет по обыкновению не заказной, но почитатели и сам Ч[ертков] очень его желают иметь). Вот я сейчас и понимаю, каково быть Рубенсом или каким-нибудь Веласкесом, и ничего не поделаешь, «назвался Ван-Дейком, полезай в кузов», так-то! [...]

695. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ

Москва. 9 февраля 1935 г.

[...] Я без Е. П. немного похвастал: меня возили на машине за город к Черткову (толстовцу), им очень хочется, чтобы я написал с Ч[ерткова] портрет, ему сейчас

восемьдесят первый год, красивая развалина, быть может, и напишу, но не по заказу, а, как всегда, для себя. По дороге болтал и простудился, но были моей докторшей и Ю. Н. [1] приняты такие энергичные меры, что все кончилось благополучно, и я уже выхожу.

Письмо твое Вере передал, и она сказала, что на него тебе уже ответила. Сейчас я вступаю в «новую полосу деятельности»: меня просят для большого издания, посвященного Горькому, написать о нем воспоминания, что происходило давным-давно, лет тридцать пять тому назад [2]. Кроме того, недавно вышла книжка о Стрепетовой (воспоминания и письма), где есть и мои несколько страниц о ней [3]. Видишь, куда пустился твой дядюшка!

696. А. А. РЫЛОВУ *[Москва]. 13 февраля 1935 г.*

Дорогой Аркадий Александрович!

Очень, очень жалею, что не видал Вас на Вашей дивной выставке [1]. Какую радость Вы доставили мне, какой Вы *интимный* художник, какой поэт! Вы наш русский Григ... Был бы рад, если бы Вы заглянули ко мне. (Сивцев Вражек, д. 43, к. 12.) Ближайшие вечера (кроме 13—14-го) я дома. Обедаем мы около 2-х. Быть может, надумаете у нас пообедать?

697. А. А. РЫЛОВУ *[Москва]. 14 февраля 1935 г.*

Дорогой Аркадий Александрович!

Я и мои друзья, побывавшие на Вашей выставке, в полном от нее восхищении. О ней хочется говорить, радоваться за искусство, за Вас, сохранившего всю свежесть чувства, всю самую нежную влюбленность в божий мир и во всякую тварь, его населяющую.

Глядя на Ваши картины, этюды, рисунки, чувствуешь, что Вы родились юным и сохранили этот чудный дар до сих пор.

Вчера на Вашей выставке я написал Вам несколько строк, приглашая Вас к себе. Я буду очень, очень рад Вас повидать, но будет лучше, если Вы найдете свободный час *днем и пораньше*, так часов в 12, и мы до обеда, который у нас около *2-х*, успели бы поговорить с Вами кое о чем и я смог бы показать Вам то немногое из своих работ, что есть у меня.

698. А. Н. СЕВЕРЦОВУ *[Москва]. 12 марта 1935 г.*

Дорогой, старый друг мой Алексей Николаевич!

Вас нам недостает, чувствуете ли Вы это? если «да», то поправляйтесь скорее, чтобы пополнить ряды «старой гвардии». Я веду себя не по годам «резво», во второй половине марта предполагается закрытая трехдневная моя выставка — 10—12-ти картин, преимущественно портретов, чему отчасти способствовали Вы, Ваш портрет...

Ну что же, «ехать так ехать», сказал один пернатый диккенсовский персонаж. [...]

699. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *[Москва]. 24 апреля 1935 г.*

[...] Последний месяц для меня был очень суетливый: Бубнов (нарком) был у меня и уговорил сделать мою выставку. Я не любитель выставок, но в этом случае пришлось уступить с некоторыми условиями. Выставка должна быть «закрытой» (бесплатной), для художников и приглашенных. Продолжаться должна только три дня, причем я просил не возбуждать никаких ходатайств о наградах и проч. Все было принято. Выставка открылась 2 апреля [1]. Пригласительных билетов разослано тысячи три-четыре, но т. к. их при входе не отбирали, то перебывало народу очень много. Бубнов продолжил выставку еще на три дня, и будто бы по одному пригласит[ельному] билету проходило в последний день до сорока человек. Седьмого уже закрытую выставку посетил М. Горький, с которым мы не встречались тридцать два года. По всем признакам выставка имела успех. В печати появилась статья в «Правде» и очень сочувственная в газете «Советское искусство» и во «Французской газете» [2]. Особенно осталась довольна художествен[ная] молодежь...

Портрет Шадра (скульптора) уже в галерее, куда идет и «Северцов» (он тяжело болен). Все эти мои приключения оставили на мне след огромной усталости (выставлено было всего шестнадцать вещей, написанных в последние десять лет).

Теперь я лежу, отдыхаю, погода дивная, 20 градусов тепла, и так хочется быть на воздухе...

Вот какие дела-то, друг мой!.. Выехал «в свет», да и сам не рад, не по мне, не по моим годам такое занятие.

Сейчас здесь сезон выставок: чудесная «юбилейная» (семьдесят лет со дня рождения) покойного Серова в Третьяковской галерее (в продолжение двух месяцев), художника Кончаловского и друг[их].

Тяжело болен знаменитый И. П. Павлов, ему восемьдесят пять лет, и выживет ли?

Я затевал предстоящим летом поехать к нему и написать с него большой портрет, удастся ли? [...]

700. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *[Москва]. 8 мая 1935 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Благодарю Вас за милое Ваше письмо.

Сейчас я снова на ногах и уже «выезжаю». Однако это еще не значит, что я тот же самый «молодец», каким был до выставки, до болезни... (ее можно бы было назвать «выставочный грипп»). От моего недавнего молодечества осталось мало, все немощи, кои были скрыты, сейчас обнаружены, их можно видеть невооруженным глазом. Но что же делать, когда за плечами 73 года!.. возраст царя Соломона, без его мудрости и проч[его] иного...

Дела художественные полны «грандиозных» планов (иначе и не могло быть после столь «потрясающих» успехов), но эти планы в лучшем случае могут ограничиться 2—3 портретами в ближайшее полугодье.

Время от времени видим Вашего (и нашего) друга Маргариту Николаевну, видим и всех тех, кого и Вы встречали у нас.

Благодарю за сообщение о И. П. Павлове, на днях мы получили сведения о нем от его старушки супруги. Она пишет, что И. П. начал «говорить», появился аппетит, вся семья, исключая самой старушки и племянницы, уехала на отдых в Колтуши.

Конечно, Москва, Ваши московские друзья будут рады Вашему возвращению сюда. Что же, опять начнутся «дискуссии» в области любезного нам искусства, опять восстанут из гробов все эти гении, родственные нам души... И достанется же им от нас, любящих их потомков!..

701. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *[Москва]. 5 июня 1935 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Вашу телеграмму, а вечером и письмо с дарами, прекрасными, как и само письмо, получил 19-го. Очень хотелось поблагодарить Вас лично на Сивцевом Вражке, поблагодарить, поцеловать Вашу ручку за память и пожелания мне тихой и безмятежной старости, в чем я так нуждаюсь. 19-го и сегодня — 23-го [1] — я увижу Маргариту Николаевну и многих других, кто мне любезен и мил; увы! среди них не будет Вас, но, б. м., Вас будет «представительствовать» Николай Борисович?.. [2]

19-го был день всяческих подношений, и я, как г-жа Гельцер в день бенефиса, был засыпан цветами... и это было радостно (помните, как это слово часто упоминает в писаниях Л. Н. Толстой).

Кто не любит цветы! это прекрасные божьи создания, и разве такой материалист, как опереточный «служитель культа» Калхас (Родон — помните?), брюзжал. Не таков я, идеалист чистой воды, так ск[азать], провинциальный «Беато Анджелико» и, б. м., «Рафаэль»,— я безмерно был признателен за такие дары. После всех этих празднеств я собираюсь в Мураново — тютчевско-баратыновское Мураново. Там я надеюсь с неделю отдохнуть от моих «головокружительных успехов», от гриппа и проч. Кроме милых людей, хорошей природы и книг мое внимание ничем не будет занято, полное отдохновение.

А там, после возвращения в Москву, начну новый портрет со старой своей модели, с С. С. Юдина, в которого вновь влюблен (и, б. м., не без взаимности, что всегда приятно). И вот тогда посмотрим, много ли осталось пороха в нашей пороховнице, а вдруг там уж нет ни «маковой росинки»... Но сильным — бог владеет...

Попаду ли я в ваши края, как предполагалось,— не знаю: И. П. Павлов — главная цель моей поездки, хотя и поправился, но его не следует пока беспокоить такими пустяками, как написание с него портрета, о чем мечталось до его болезни. [...]

702. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. 28 июня 1935 г.*

[...] ...Я чуть было не попал к Вам на Кирочную, мне помешало то, что сейчас я всецело нахожусь там, где мой старо-новый «предмет» — С. С. Юдин. Портрет с него в полном разгаре, и лишь несколько дней съезда хирургов разлучили нас, и я мог более или менее спокойно взяться за перо. И повторяю Вам, что если бы не это пагубное увлечение, то я был бы на Кирочной, т. к. Павловы пригласили меня приехать к ним погостить от 25 июня по 15 июля, когда Ив. Петрович выедет на Лондонский конгресс. Начатый портрет заставляет меня отказаться от всего... и если я попаду в северную столицу Вашу, то лишь в середине августа... [...] На днях закрывается Вам известная превосходная выставка Серова, осенью предполагается, б. мож[ет], не менее интересная репинская, а там и третья («решающая»)... Игоря Грабаря. [...]

703. В. А. СВИТАЛЬСКОМУ *Москва. Июнь 1935 г.*

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Нечасто получал я такое удовольствие, какое доставили Вы мне Вашими иллюстрациями к «Онегину».

Мастерство техники, оригинальность приема, тонкий характер, смысл и прелесть Вашего художества, столь родственные поэме, дают возможность Вас поздравить с большим успехом. Его, полагаю, на этот раз признают очень многие... «Борис» Вам менее удался: самый прием грубее. Самозванец мелок...

«Онегин» же, повторяю, великолепен.

Желаю Вам дальнейших успехов.

704. П. Д. КОРИНУ *Москва. 1 июля 1935 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Вчера получил Ваше второе письмо, на этот раз из Лондона [1]. Жаль, что на Лондон пришлось уделить меньше времени, чем предполагалось. Те отзывы, что Вы пишете о его художественных богатствах, о Фидии, Веласкесе, Веронезе, очень ярки, выразительны. Часто мысленно бываю с Вами и радуюсь, что Вы эту красоту видите и, претворив как-то, дадите нашей стране нечто прекрасное. Сейчас перед Вами опять La bella Italia с ее Рафаэлем, Микеланджело, Тицианом, Веронезом...

Получив Ваше парижское письмо, я написал Вам несколько строк в Лондон, «до востребования». Это мое письмо Вы едва ли получите.

Я сегодня начинаю портрет с С. С. красками, как всегда боюсь, как школьник. И. П. Павлова предполагаю начать писать лишь в августе... Доканчиваю письмо у Вас... Пашенька поделилась со мной тем, что Вы пишете ей, видел и набросок, великолепно... [...]

705. Е. П. РАЗУМОВОЙ *[Колтуши]. 3 сентября 1935 г.*

[...] Увы! я не летал, а лишь доехал до Колтушей и чувствую себя иногда в некотором смущении: ложась спать или вставая по утру, я чувствую легкое головокружение (даже иногда лежа в постели...), говорил с Ив. П., но он ничего ясного мне не пояснил, сказав, что и у него «такое» бывает. Утешение слабое, особенно когда вспомнишь о бедном Мензбире... [1] и о тому подобных бывших людях.

Между тем я работаю не покладая рук. Портрет с Ив. П. почти окончен [2], сеансы организованы были очень удачно, в эти часы с ним беседовал его любимый сотрудник, очень спокойный, разносторонне образованный врач-физиолог; таким образом, я мог без особого напряжения уловлять в кипучей натуре И. П. то, что мне хотелось, и быть может, это мне удалось. Ежедневно на работу выходит у меня не более четырех-пяти ч[асов], включая сюда не только сеансы (часа полтора-два), но и дополнительные работы, касающиеся портрета (фон и т. п.). Видите, какой я молодец, и все же поругать меня есть за что, и Вы, конечно, это сделаете...

Жизнь в Колтушах очень регулярна, по часам: утром, после чая, с половины девятого портрет, потом [в] половине первого завтрак, чай в 4, в 6 обед, еще чай в 9, а в 10, в 11 все расходятся по своим комнатам.

Беседы с Ив. П-чем, как и раньше, возбуждающе интересны, сам он остается неизменным. После всей суеты и шумихи двух конгрессов [3] жизнь вступила здесь в обычный порядок. Даже на днях возобновилась игра в городки (чурки), и И. П. принимает в ней деятельное участие. Могу Вас, как врача, порадовать: сегодня я работал над портретом с половины девятого до половины второго дня, затем на завтрак и сон два ч[аса], после чего вновь работал до 6 ч[асов] в[ечера]. Довольны ли Вы мной и есть ли у Вас лекарства против таких «темпов»? [...]

706. П. Д. КОРИНУ *Колтуши. 9 сентября 1935 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Вчера получил Ваше письмо из Палеха. Рад был, что у Вас проходит все благополучно, работаете над картиной и вспоминаете чудесную страну. Вместе с Вами говорю: «Ах, Италия, Италия!»...

Я работаю с остервенением, по пять-восемь часов просиживаю у мольберта (Ел[ена] Павл[овна] [1] разрешила не больше двух; как же, так я и буду ее слушать!).

Портрет почти закончен, *голова вышла*, бьюсь над руками, характерными, а старик бедовый, сидеть смирно не может, к тому же погода неустойчивая, то солнце, то

серо или дождь, замучился, спал с тела, и все же дело движется, осталось на три-четыре сеанса, а потом сушка; хочу портрет привезти с собой (и рама уже заказана). Жизнь здесь живая, интересная, старик все тот же, неукротимый, еще играет в чурки, а какой спорщик!..

Тут прочли «Хозяйку» Достоевского (И. П. подряд три раза для уяснения), что было споров!.. Но я, конечно, весь в портрете, одна только и дума о нем...

Время от времени сюда наезжают гости, как-то был некий английский лорд с семьей. Он, видите ли, занят ученой мыслью осуществить, заменить человеческую речь жестами... И. П. считает эту мысль если не праздною, то едва ли скоро осуществимою. Были и другие гости: полпред в Лондоне Майский с женой, умный, дельный, говорили и об искусстве. Ваш привет И. П. передал, он просил Вас поблагодарить. Жалеет, что не пришлось повидать Ваши этюды. [...]

707. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *Колтуши. 14 сентября 1935 г.*

Пишу вам последнее письмо. Затем 20-го ждите меня. Билет будет взят на десятичасовой вечерний поезд, в мягком вагоне. Со мной будет три вещи. Портрет накатан на широкой скалке. Ничего не буду иметь [против], если кто-нибудь меня встретит, ехать придется в автомобиле.

Вчера был Рылов, смотрел, хвалил, завтракал, рассказал весь свой «репертуар». Очень, очень мил...

В городе нет ни Савинского, ни Кругликовой, ни Остроумовой-Л[ебедев]ой. Завтра уезжает Ив. П-ч с Сер. Вас. Остаемся мы с хозяйкой В. И., а также Т. Н. и Вл. Ив. 18-го после завтрака еду я, а 19-го вечером покидаю здешний край, невские берега.

Портретом удовлетворен. Устал жестоко, и дело ваше мне создать отдых. Полагаю, я его заслужил... Было бы неплохо, если это письмо придет дня за два-три до приезда, тебе поехать утром в галерею, спросить, готов ли подрамник с рамой, и если да, то попросить раму окрасить в темный (как на Шадре), но не черный цвет (покрыть и заднюю часть рамы) и, заплатив что следует, рублей 75—80 (возьми с собой 100 руб.), попросить все доставить до моего приезда на Сивцев (кто принесет, дать 5—6 руб. на чай). В уплате тебе дадут расписку. Поняла? (На всякий случай с собой возьми это письмо).

Сегодня портрет смотрели сотрудники, ученые мужи, остались довольны, сходство больше первого... Теперь надо отдохнуть, хотя погода сырая, хмурая.

Очень хочется показать новинку в Москве.

708. А. Н. СЕВЕРЦОВУ *Колтуши. 15 сентября 1935 г.*

Дорогой Алексей Николаевич!

Все время думал о Вас, собирался написать Вам, но портрет и хлопоты с ним отвлекали меня от столь похвального намерения.

Сейчас портрет окончен, сохнет, и через несколько дней я отправлюсь с ним к Вам в Москву на судилище.

Писать портрет с Ивана Петровича не было делом легким, но не потому, что знаменитый старец плохо позировал, нет... дело писания было организовано прекрасно. Мы принимались за дело после утреннего чая, в $8^1/_2$ ч. (утрен[ний] чай вдвоем), во время сеанса велась обычно оживленная беседа с приходившим к тому времени его любимым сотрудником, но постоянно менявшаяся погода, то солнце, то хмурый, то дождливый день мешали и нервировали необычайно. Тем не менее портрет написан, видевшие его находят похожим более первого, а остальное покажет время и люди.

Я себя до последнего времени чувствовал неплохо, но работа утомила меня (писал от 2-х до 8 ч.! в день). [...]

709. П. Д. КОРИНУ *Москва. 21 сентября 1935 г.*

[...] Еще рад тому, что Вы остановились в композиции на внутренности У[спенского] с[обора] [1]. Куда легче, все ведь писано в мастерской, а не на воздухе...

Портрет [2] привез, жду Вас. Пока что как будто нравится. Во всяком случае, сходство больше, чем в первом... Что-то будет?..

Сейчас у меня кое-кто сидит, а мне хочется письмо отправить Вам сегодня...

Будьте здоровы на радость Вас любящих и во славу русского искусства.

710. С. И. ТЮТЧЕВОЙ *Москва. 28 сентября 1935 г.*

Глубокоуважаемая Софья Ивановна!

Позвольте поздравить Вас от себя и Екатерины Петровны с наступающим днем Вашего ангела. Прошу Вас принять мои лучшие пожелания.

Могу сообщить Вам новость: Ваш портрет приобретен в Третьяковскую галерею [1], Черткова в Русский музей [2], новый портрет Юдина тоже в галерее. О Павлове идут переговоры.

Сейчас необходим отдых, устал жестоко. Едем между 12—14 октября в Сочи.

711. М. П. КРИСТИ *[Москва]. 1 ноября 1935 г.*

Глубокоуважаемый Михаил Петрович!

Препровождаю Вам портреты Вл. Гр. Черткова и Сергея Сергеевича Юдина, приобретенные у меня Наркомпросом. Благоволите о поступлении их в Галерею сообщить О. М. Бескину.

Было бы желательно их развесить до поступления портрета А. Н. Северцова так: ближе к окну над портретом бр. Кориных, Васнецова и Юдина, ближе к двери автопортрет, Шадр, а над ними Чертков. Завтра уезжаю на юг до декабря.

712. П. Д. КОРИНУ *Сочи. 8 ноября 1935 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Вот мы и «у самого синего моря», оно, как всегда, великолепно.

Наш санаторий, говорят, один из лучших, он в двух шагах от Мацесты, на горе, масса цветов радует глаз, в окно и с нашего балкона море тихое, спокойное уходит в беспредельное пространство. Природа роскошная, почти тропическая, бурная, своевольная. Погода дивная, теплая, дамы в летних платьях, много купающихся. Сочи за два последние года не узнать. Душа и тело отдыхают. Ек. Пет. уже берет ванны, я еще не знаю, буду ли брать: моя старая голова (склероз), может быть, не выдержит силы чудодейственной Мацесты; но для меня еще не запретный плод — морские ванны. [...]

Что-то у Вас, подсыхает ли портрет И. П.? Когда портрет подсохнет, Вы его приведете в порядок и покажете кому предполагали, сообщите мне. Я не хотел бы, чтобы портрет видели многие, лишь избранные, по Вашему особому усмотрению. Хорошо? Мои «достижения» здесь пока что весьма скромны. Однако я начинаю

походить на живого человека, брожу, хотя после заката солнца меня еще на воздух не выпускают, работать не начинал, но руки иногда чешутся, но все, что я захватил с собой (1/2 аршина полотна), едва ли даст мне возможность сделать что-либо путное. [...]

713. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Сочи. 9 ноября 1935 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Помните ли Вы последнее посещение Ваше Сивцева Вражка? Желание, чтобы я написал Вам о себе, как мы ехали, доехали, устроились в Сочи... Спешу исполнить Ваше желание, не без надежды на ответ.

Ехали мы со всей доступной простым смертным комфортабельностью. На вокзале нас встретили и, усадив в машину, меня, как ветхого деньми акад. Карпинского, помчали, куда-то привезли, кому-то что-то говорили, я тоже говорил какие-то слова, идиотски улыбался, и, получив все должное, меня снова мчали, мы неслись дальше и дальше... Как сквозь сон я видел на пути обновленный, преображенный Сочи.

Наконец нас доставили на Новую Мацесту, на гору «Благодать» в санаторий 8 и сдали меня под № 0, это не был еще конец наших мытарств... эта развалина Нестеров должен был пройти кучу испытаний, десятки процедур, им яростно противился, негодовал, всех привел в священный трепет и только тогда свалился как мешок у себя в комнате. Позднее благодетельные феи, красивая докторша, сестры и проч., сделали меня ручным... «львом». Дальше пошло лучше и лучше, мне все стали милы и любезны сердцу, мое существование стало блаженным, приближалось к мечте...

Накануне празднеств, на парадном заседании, я был избран в президиум при весьма жидком «громе аплодисментов», но как заяц спрятался за капусту, просидев у юбки Ек. П-ны.

Этим дело не кончилось, в первый день празднеств, когда у нас сидела милая, скромная З[инаи]да Осиповна [1], сообщили, что меня желает видеть некто с двумя ромбами. Через минуту явился совершенно галантный военный и передал мне приглашение на ужин от Ворошиловского санатория (самого большого и великолепного). Увы! мне восьмой десяток, я стар и немощен, мне запрещено выходить по вечерам. Поблагодарив со всей учтивостию за приглашение, я остался в обществе своих дам...

Однако я вижу, что заболтался, закончу это письмо достойно моему возрасту и «сану». Погода здесь великолепная, море «безбрежно», дамы в летних платьях, все поголовно очаровательны и т. д.

Екатерина Петровна начала свое лечение чудодейственной Мацестой и еще чем-то, я пока отдыхаю, позднее, вероятно, последую ее примеру.

714. Е. А. ПРАХОВОЙ *Сочи. 9 ноября 1935 г.*

[...] Предлагают (его близкие) написать [портрет] с М. Горького, но я, не уверенный, что смогу передать его революционную стихию, предложение отклоняю. Его напишет, и я уверен — великолепно, П. Д. Корин. Писал ли я Вам, что он летом снова был в Италии, в Париже, в Лондоне и сейчас приступает к своей большой картине.

Вот человек, на которого я смотрю с великой надеждой. Он даст русскому искусству такое значительное и новое, чего в нем нет...

715. А. М. ГОРЬКОМУ *Москва. 20 декабря 1935 г.*

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

«Литературное наследство» просит меня написать о наших встречах. Я это сделал и раньше, чем послать написанное в «Литературное наследство», посылаю Вам. Если мое писание ладно, пусть будет так; если нет, сделайте пометки, что не так, исправлю. Если вовсе не так, перечеркните, и делу конец. Ваше решение и будет моей цензурой [1].

П. Д. Корин предполагает весной, в светлые дни, начать с Вас портрет. Приветствую такое его намерение и думаю, что новый портрет будет лучшим, с Вас когда-либо написанным [2].

1936

716. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 20 января 1936 г.*

[...] Художествен[ный] мир красной столицы живет. Ряд выставок посредственных — и среди них одна интересная, молодого (лет 45-ти) художника *Дейнека* [1],— сменяют одна другую. Дейнека еще не совсем сложился, он «растет». Его картины, более «плакаты», интересны как характеристики стран, где он побывал (а где он не был?!), как типы современности очень новы, ярки, занимательны. У него не было «красок» — сейчас являются «краски» — живые, выразительные. Особенно хороша Италия с ее современной жизнью, особенно нам с Вами новой. Но Италия, то, что мы знали когда-то,— вызывает чувство грусти, чего-то навсегда от нас ушедшего, но милого, дорогого, как «воспоминание».

Словом, Дейнека есть тот художник, которому пока что одному удалось передать то новое, что несет жизнь текущих дней. [...]

717. М. П. КРИСТИ *Москва. 2 марта 1936 г.*

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Этюд И. Е. Репина, написанный с художника Влад[имира] Карлов[ича] Менка (ученика Шишкина) для картины «Иоанн и сын его Иван», сейчас, по полученному мной на днях письму, находится на пути из Киева в Москву, на пути в галерею [1]. Этюд написан Репиным для сына Грозного; вернее, для его носа — *ноздрú*, характерно расширенной у Менка.

Этюд в величину натуры, в том же розовом кафтане, что и на картине.

Принадлежит этюд дочери В. К. Менка — Марии Владимир[овне] Статкевич, адрес ее: Киев, ул. Энгельса, д. 31, кв. 112.

Этюд сейчас несколько попорчен, и я прошу Вас по получении передать его Алекс. Дм. Корину для приведения в порядок.

Жаль, что я по болезни не смогу скоро быть у Вас в галерее и узнать, получили ли Вы мое письмо и как на него откликнулись.

718. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 10 марта 1936 г.*

Дорогой друг мой!

Благодарю Вас за небольшое, но хорошее письмо Ваше, за сочувствие нашему общему русскому горю: потере Ивана Петровича Павлова [1].

Я лично в нем потерял хорошо настроенного ко мне человека, горячего собеседника и спорщика. Последнее наше свидание и прощание было с ним особенно дружественно, после поцелуев он, с свойственной ему порывистостью, выскочил на площадку лестницы, крича мне вослед: «до лета, до лета!..» Но живым нам уже больше не суждено встречаться!..

Остались Вы довольны московским гостем Н. В.? [2] Он остался Вами и Вашим Врубелем очень доволен...

Я изрядно похворал, теперь отдышался и опять «запрыгал». [...]

P. S. Поклон старо-молодым Праховым.

719. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 5 апреля 1936 г.*

[...] Ты спрашиваешь меня об Ив. П. Павлове. Эта фигура большая не только в науке, но и в жизни. Трудно тебе в небольшом письме ответить на твои три пункта. Ученый он, как тебе известно, большой, с давно установившейся славой. Его учение об «условных рефлексах» переведено на все языки мира, как человек он был прямой, честный, яркий во всем, чего касались его ум, сердце, слово. Он по рождению был звания духовного, по воспитанию своего времени (70-е годы) материалист, атеист, но не грубый, бесшабашный. Во всяком случае, он не был врагом христианства и даже нашей церкви. Вот тебе вкратце то, что можно про него сказать, не впадая в излишества в ту или иную сторону.

Сейчас я пишу о нем свои воспоминания, а за пять с половиной лет наших добрых отношений вспомнить есть что... [1]

С нового моего портрета Павлова будет цветная репродукция, а где будет сам портрет — еще не знаю, т. к. предложений несколько: Третьяковская гал[ерея], Академия наук и Музей имени Павлова в Ленинграде. Буду ждать от тебя письма о моей выставке в Уфимск[ом] музее.

720. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. 5 апреля 1936 г.*

Дорогая и глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Ваше «утешительное» письмо получил, рад очень, что Николай Борисович вне опасности, что полоса «метерлинковских постановок» миновала [1]. Да, да! Пересол хуже недосола, а таковой, видимо, был.

Я, конечно, о ходе событий на Кирочной был осведомлен Маргаритой Нико[лаев]ной. Вчера мы с ней предприняли большое путешествие на Маросейку к С[ергею] Н[иколаевич]у, там, кроме хозяев, милых, любящих, интересных — одного вообще, другой — для особых наблюдений и симпатических выводов из них, туда пришел истинный Ваш «Беато-Анжелико» — Гедике. Какой он славный! (помимо его музыки).

Мы, москвичи, ждем Вас, и как знать, м. б. 14-го вечером я попаду на Тверской бульвар, хорошо? Слышали ли Вы от М[аргариты] Н[иколаев]ны о такой первоапрельской шутке? В этот вечер на Сивц[евом] Вр[аж]ке сидели Мар[гарита] Н[иколаев]на и еще один «дядя». Сидели до половины одиннадцатого, собирались уходить, как неожиданно стремительно влетели «запоздалые» супруги Ю[ди]ны. Увидав столь немногочисленное общество, они выразили явное неудовольствие; еще утром некий женский голос сообщил им, что сегодня у Н. соберется много «интересных» людей и что их просили быть, не стесняясь поздним временем. После догадок, негодований и проч. было решено, что столь злую шутку с ними проделала «седовласая дама» [2].

В половине двенадцатого все собрались уезжать на хромоногой машине Ю[ди]ных, простились и на лестнице повстречали едва живую после большого спектакля Кс. Г. Дер[жинс]кую, ей в то же утро женский голос передал приглашение и особое желание Н. видеть ее в любое время,— и вот она, усталая, поднималась к этому Н. Снова догадки, снова возмущение злой шуткой на седовласую гостью за ее «знак признательности». Вот чем мы пробавляемся, ай, ай, ай! [...]

721. П. М. КЕРЖЕНЦЕВУ [1] *[Москва]. Апрель 1936 г.*

Многоуважаемый Платон Михайлович.

Наш беглый разговор о делах искусства, что был во время Вашего посещения, оставил ряд затронутых, но далеко не выясненных вопросов. Мы говорили о необходимости школы, о грамотности в живописном деле, без которой немыслим прогресс в нем. Нельзя строить не только большого, но и малого, но истинного искусства, не имея хорошо поставленных школ; они должны быть обеспечены высококвалифицированными кадрами учителей, и только тогда будет польза — не только людям большого дарования, но и той неизбежной массе посредственностей, которая всегда пригодится в огромном государственном хозяйстве. Тот реализм, к которому сейчас призывают работников искусств, который был у передвижников их расцвета, должен быть подлинным, основанным на знании, на серьезном изучении природы и человека, в ней живущего, действующего. Тут нужна полная «дезинфекция» от того нагноения, извращенности «правды природы», что мы когда-то переняли от Запада и что так вредно отразилось на ряде поколений нашей, по существу здоровой, молодежи. Эта извращенность, эта надуманная «теоретичность», этот «формализм» подвинули молодежь на легкий и нездоровый путь.

Оздоровление необходимо и естественно должно идти через школу, через познание природы и жизни, через примеры в нашем искусстве, через Иванова, Брюллова (портреты), Репина, Сурикова, Серова и других, знавших цену знанию, создавших вполне доброкачественное искусство (я не касаюсь здесь тематики). Художник обязан знать свое дело, быть в нем сведущим, как хороший врач, инженер, знать технику дела. Необходимо не только уметь распознать болезнь, но и излечить ее. Примеры историй академий, школ гласят, что в деле искусства обучение, овладение мастерством часто зависят не от даровитости учителя как артиста-художника, а от особого призвания его к учительству, способности отдавать свои знания, увлекать, оплодотворять ими...

Репин — превосходный художник, В. Маковский, Шишкин — были хорошими художниками, однако, несмотря на их благие намерения, ни один из них не был подлинным учителем, а был им П. П. Чистяков, хотя и талантливый, но бесплодный, обленившийся краснобай: он был истинным учителем. Чистяков не только умел передать технику дела, но часто открывал своим ученикам «тайны творчества». Вот почему его ученики — Семирадский, Репин, Виктор Васнецов, Суриков, Серов, Врубель — и мы все, знавшие Чистякова, его любили и благодарно чтим его память.

Вы спросите меня: где же выход из создавшегося положения? Как «ликвидировать безграмотность» с ее следствиями, как приблизиться к желанному расцвету нашего искусства?.. Школа без преподавателей (грамотных) немыслима, наличие их невелико, старики ушли навсегда, царивший долгие годы «формализм» не мог дать здоровых ростков ни в чем, не дал он и грамотных учителей. Конечно, «земля наша велика и обильна», талантами природа нас не обидела, но нужны время и выдержка, чтобы возместить потерянное. Тут нужна та работа, которая была проделана за эти годы нашей армией. И вот тогда, когда наша молодежь будет грамотна, когда она научится смотреть на природу и жизнь трезвым глазом исследователя, она увидит в событиях нашего времени тысячи тем, увидит их впервые, восхитится ими, и это

не будет «халтурой», а будет истинным творчеством, наступит подлинное возрождение нашего искусства.

Как видите, мой 50-летний опыт в живописном искусстве не был опытом учителя: я был лишь живописцем-практиком, который по мере сил осуществлял то, что любил, чем был увлекаем... Но мой долгий опыт наблюдателя дал мне возможность убедиться в том, что нашему великому отечеству необходимо здоровое искусство,— и я верю, что оно у нас будет.

Ведь художник, как и ученый, призванный к служению своему народу, к его просвещению, должен дать ему лучшие, самые здоровые образцы своего творчества. От великих греков, Ренессанса и до наших дней, до Пушкина, Менделеева, Павлова так повелось...

Вы, Платон Михайлович, призваны сейчас к очень ответственному трудному делу — устроению искусства у нас, к его оздоровлению; и я горячо желаю вам осуществить это почетное задание.

722. П. М. КЕРЖЕНЦЕВУ *[Москва]. Май 1936 г.*

Многоуважаемый Платон Михайлович!

Обращаюсь к Вам со следующим: в связи с предстоящим 1 июня пятидесятилетием моей художественной деятельности, а также с 74-летием со дня моего рождения возникла мысль отметить этот день устройством моей персональной выставки.

Я должен сказать Вам с полной искренностью, что такое «чествование» не даст мне ни радости, ни удовлетворения: я стар, я не любил, совсем отвык от выставок, «юбилеев» и проч.

Моя выставка имела бы смысл лишь тогда, когда могла бы появиться моя большая, написанная в 1916 году картина «Крестный ход» [1], но время для ее появления, полагаю, еще не настало, и я ни в каком случае не решусь дать эту картину на выставку, если на то не последует согласие И. В. Сталина, а он год тому назад обращавшимся к нему в этом отказал...

Без большой же картины нет нужды делать выставку, так как лучшие мои вещи находятся в государственных музеях Москвы и Ленинграда, они всегда доступны желающим их видеть, и лишь можно пожелать, чтобы те из них, что хранятся в так называемых «фондах» (Русский музей), увидели свет...

Перевозить большие, застекленные картины мои не только из Ленинграда, но и из Третьяковской галереи в Музей изящных искусств небезопасно во многих отношениях.

Выставку не следует делать сейчас, т. к. уже есть прекрасная выставка превосходного мастера Репина, на днях открывается интересная выставка Лансере, а москвичи начнут скоро разъезжаться по дачам, домам отдыха и т. д.

Но если, паче чаяния, И. В. Сталин разрешит выставить большую картину, то все же не следовало бы делать выставку большой, 30—40 доброкачественных вещей довольно: ведь так часто мы видим, что количество убивает качество выставленного.

Вот те мысли, кои я решаюсь поведать Вам в надежде, что Вы меня поддержите в них.

723. М. П. КРИСТИ *[Москва]. 3 июня 1936 г.*

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Благодарю Вас за Ваше поздравление с 50-летием моей художественной деятельности.

Ваши благие намерения, конечно, исполнимы в том случае, если я смогу еще написать что-либо достойное Третьяковской галереи, той Третьяковской галереи, на которую положил весь свой ум, большое сердце и понимание истинного искусства незабвенный Павел Михайлович Третьяков.

Благодарю в Вашем лице всех Ваших сотрудников, кои столь внимательно относятся в последнее время к моему художеству.

724. А. А. РЫЛОВУ *[Москва]. 3 июня 1936 г.*

Дорогой, любимый Аркадий Александрович!

Благодарю Вас за поздравление меня с юбилеем. Многие или не многие лета придется пожить, поработать, один господь ведает...

А что мы с Вами любим искусство, природу и человека, так в этом, кажется, и те, что не крепко любят нас, не сомневаются...

Очень прошу Вас передать прилагаемое письмо художн[ику] Радлову, председателю ЛОССХ. Адреса их я не знаю [1].

Целую Вас и желаю еще долго и хорошо поработать: в этом ведь вся наша жизнь.

725. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Мураново. 15 июня 1936 г.*

Дорогая Маргарита! Спасибо тебе за поздравление и пожелание. Их на этот раз было много, и официальных и неофициальных. Последним через две недели пришло из Уфимского музея. Там долго думали, гадали, можно ли Н[естеро]ву посылать поздравление, и, убедившись, что «можно», на десятый день рискнули, риск был небольшой... На этот раз было у нас особенно шумно. Было гостей множество, говорят, человек до ста! Обе мои комнаты превратились в цветник самых роскошных цветов. Артистка Держинская прислала еще накануне, поздно вечером, великолепную, художествен[ного] фарфора, вазу с цветами. 1-го она пела у меня одну из лучших своих арий: пролог к «Псковитянке» Веры Шелоги... с другой артисткой из Больш[ого] театра... Играл на рояле проф. Игумнов. Читались приветствия. С. Н. Д[урылин] сказал большое приветствие, у некоторых вызвавшее слезы... Я тоже разошелся и просил выпить за своего друга, пришедшего двадцать пять лет тому назад юношей, похожим на тех юношей, что написаны на фресках Гирландайо во Флоренции, в церкви Санта Мария Новелла, потом этот юноша стал моим другом, а теперь лучшим, замечательным художником нашей страны, это был П. Д. Корин.

От всех официальных чествований, от выставки, от «банкета» и каких-либо наград я отказался, послав письмо об этом председателю «Особой комиссии по делам искусства» Керженцеву, перед тем недели за две бывшему у меня, приобретшему портрет И. П. Павлова для Третьяковской галереи. Невестка Горького и его первая жена были у меня, завезли поклон от Горького, тогда уже лежавшего, и чудесную клубнику на еще лучшей фарфоровой дорогой вазе. Бубновы прислали огромный торт на дорогом, художественн[ом] китайском блюде... Шампанского и конфет нанесли множество. Повторяю, было очень шумно, большинство стояло (в маленькой комнате все было убрано и стоял второй стол). Разошлись все довольные, на другой день я лежал, т. к. сильно устал. В именины было нечто повторное, но в меньшем виде. [...]

Пятьдесят лет, как я работаю самостоятельно, семьдесят четыре года живу на свете, двадцать пять лет, как знаю и люблю чудесного человека и художника Павл. Дм. Корина. Много, много прошло событий и людей мимо меня. Знал я людей замечательных (Толстого, Менделеева, Павлова, Сурикова, Васнецова, Репина), многому научился и век бы учился, да старость мешает.

Сейчас я сижу в Муранове у Тютчевых, где все напоминает мне былое, славного поэта и его время. Я люблю Мураново.

На вторую половину июля собираюсь в Колтуши, куда меня зовут, там пробуду недолго, а там, если жив буду, поеду с Е. П. в Сочи, это уже в октябре.

По приезде из Муранова думаю начать два женских портрета, очень трудных, но интересных [1]. Вот, кажется, и все написал тебе. Разве написать тебе еще об одном «подарке»? В то время, когда был разгар «пира», мне сказали, что принесли еще огромных размеров цветы, все было занято, ставили их на кухонные табуретки, я, недовольный, вышел в переднюю, вижу огромный, завязанный бумагой пакет, я говорю: «развяжите, несите в комнату» (а там негде пошевелиться), начинают сверху развязывать, и из пакета выглядывает улыбающаяся физиономия поэтессы Щепкиной-Куперник (внучки актера и переводчика Ростана), приехавшей нарочно к этому дню из Питера, чтобы сделать мне такой сюрприз. Она позднее прочла чудесное стихотворение, посвященное мне. Ну, кажется, все. Е. П. за два дня пекла пироги, устала безмерно. Сейчас без меня отдыхает.

Очень волнуюсь болезнью Горького из-за Павла Дм[итриеви]ча.

726. А. Д. КОРИНУ *Москва. 19 июня 1936 г.*

Дорогой Александр Дмитриевич!

Ваше письмо перенесло меня в Эрмитаж, во времена иные, когда там и я, еще молодым, копировал «Неверие Фомы» [1]. Славное было время. К нам, копирующим, относились доверчиво, предупредительно, всячески способствовали нам. Но это было давно, более 50 лет тому назад.

Я сейчас кончаю портрет Ел. П-ны [2], сам еще не знаю, что выйдет? Вот приедете, рассудите, быть может, помилуете, а бывает, и казните...

В галерее хаос, начали перевешивать всех вверх ногами: что было наверху, пошло вниз и обратно.

Кристи крепко держится за ручки своего директорского кресла, а «претендент» [3] уехал в отпуск на 2 месяца.

Павел Дм. здорово работает. [...]

727. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ *[Москва]. 29 июня 1936 г.*

[...] Спасибо за «официальное» и неофициальное сообщение о музее, конечно, там ни с места [1]. Зато в Галерее повешены мои идеально (портреты), никогда я не имел такого парадного места, надолго ли? Вчера окончил портрет Е[лены] П[авлов]ны, всем видавшим его очень понравился — П[авел] Д[митриевич] находит, что в эти годы (ох уж эти мне годы?) ни один из русск[их] художников не был так свеж (как огурчик).

728. Е. Е. ЛАНСЕРЕ *[Москва]. 11 июля 1936 г.*

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Я совершенно очарован Вашей превосходной выставкой. Вот подлинный, живой, благородный реализм. Вы мне доставили большую радость. Целую Вас как художник — художника. [...]

729. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *[Колтуши]. 12 августа 1936 г.*

Вот я и в Колтушах!

На вокзале меня встретили М[аргарита] Н[иколаевна] и Т[атьяна] Л[ьвовна] с розами... Встретили радостно, обе похудели и постарели: заработались. У выхода

меня ждала Е[вгения] С[ергеевна], такая же милая, скромная, своей скромностью и «стушеванностью» напомнившая мне З. О.[1] Тот же чудесный линкольн, тот же шофер (не Потемкин). Все сели (познакомились), покатили за двумя стариками, коих нужно было захватить в Колтуши. По дороге ссадили двух престарелых дам, купили три бутылки боржома.

Старики ждали нас, и все вместе покатили в Колтуши. П[итер] великолепен, Нева — дивная, такова же погода. Вот видны и Колтуши, подъехали через городок прямо к новому дому. На крыльце стояла С[ерафима] В[асильевна] и вся семья и близкие. Мы, три старика, поднесли кем-то заготовленные по пути цветы имениннице. Она все такая же, даже выглядит свежей и бодрей. Вера Ив[ановна], очень оживленная, остроумная, несколько похудевшая,— интересна. Тары-бары-растабары... повели меня осматривать дом. Он оказался уютным, отлично обставленным. Масса цветов, хорошо скомбинированных. Моя комната отличная, с видом на П[ите]р (вечерние вдали огни), она внизу, одна из тех, что предназначены Вл[адимиру] Ив[ановичу] с семьей (все они в Финляндии).

Именинный обед с пирогами, но без вин, все вкусно, посадили меня рядом с именинницей. Хозяйничала (отлично) В[ера] И[вановна].

Я почти сразу занял «командное» положение, распустив свой язык предельно, все слушали не наслушались. Был один из стариков — мастер слова, «барин», и его увлек. Сидел бы до вечера, да С[ерафима] В[асильевна] вспомнила, что мне полагается спать, и все разошлись.

Проснулся к чаю, старичков уже не было, уехали. Чай и вечер прошли обыкновенно, разговоры общие.

Спать разошлись в 10 часов.

Спал хорошо, комфорт умеренный, разумный, я люблю.

Сегодня проснулся часов в 7 (часы вчера в 6 час. в[ечера] вновь стали). Читал «Наполеона»[2].

Сейчас кончили пить чай. [...]

Перед этим выскочили из своего заключения Роза и Рафаэль. Они огромные, опасные, все переполошились, так как Сер[афима] Вас[ильевна] гуляла по саду (свой час). Сейчас эти зверюки сидят на верху березы, а кругом народ глазеет. (Передай П[авлу] Д[митриевичу], что его поклон С[ерафиме] В[асильевне] передал, как и остальным. Она благодарит.)

Иду слушать написанные С[ерафимой] В[асильевной] воспоминания о Достоевском и Репине. Позднее будет читать вслух В[ера] И[вановна] мои об И. П. Воспоминания о Достоевском ярки, характерны и рисуют обоих совершенно точно, оба, каждый, стоят один другого.

Репин взят в последние годы жизни, обессиленный, без признаков былого Репина, однако и такой Репин жил еще, и такого нужно как-то зафиксировать, не искажая действительности, не окарикатуривая его.

За предобеденным чаем не В[ера] И[вановна], а Е[вгения] С[ергеевна) отлично прочла мои воспоминания, они очень понравились... [...] Старушка благодарила. Все нашли, что И. П. похож, что написано живо, интересно. Я рад этому.

Сейчас обед, приехали гости, один певец (Чумаков), вечером будет пение...[...]

730. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ *Колтуши. 14 августа 1936 г.*

Дорогой друг мой!

Вы звонили ко мне, когда я мирно почивал. Я здесь отдыхаю всячески... Обстановка для такого занятия чудесная, хороший, не чрезмерный комфорт, общество мне любезное, симпатичное, оно заботится обо мне так, как только можно. Чего мне.

престарелому, отставному художнику, еще недостает... Скажите мне на это хоть что-нибудь... Моя жизнь здесь не жизнь, а житие. Хорошие разговоры, хорошее чтение («Наполеон» Вашего знакомца Тарле). Слушанье воспоминаний об Ив[ане] П[етрови]че, что сейчас пишет Сераф[има] Вас[ильев]на, писем Ив[ана] П[етрови]ча в пору его предженихoвства, пожелтевших листков, коим более 55 лет.

Письма эти чудесные по форме, частью «философские», частью юмористические, им придан характер периодической газеты, с передовицами серьезного содержания, текущими новостями, полными остроумных, забавных положений,— с единственным подписчиком-читателем С[ерафимой] В[асильевн]ой. После чая, после послеобеденного сна (вот сейчас он наступает) начинается это чтение, оно неутомительно не только по интересности содержания, но и потому, что читает старушка отлично (76 лет, без очков), еще потому, что оно продолжается не более $^1/_2$—$^3/_4$ часа. Читались и мои воспоминания, они произвели хорошее впечатление, меня благодарили.

Поправки внесены ничтожные, и я буду очень, очень рад, если Вы к нашему свиданию успеете напечатать ту часть их, которую я передал Вам на вокзале. Числа 17—18, вероятно, мы увидимся в городе, т. к. предполагается поездка на Волково [1]. [...] На днях в «Известиях» (уже здесь) прочел, что выходит переписка Вашей славной матушки с мало кому известным доктором Срединым под редакцией С. Н. Д[урыли]на [2].

Как интересно будет прочесть все это, хотя, вероятно, Вам-то это давным-давно известно.

731. В. М. ТИТОВОЙ (НЕСТЕРОВОЙ) [1] *Колтуши. 14 августа 1936 г.*

[...] Сер[афима] Вас[ильевна] читает свои воспоминания; письма И. П. к ней до жениховства. Письма блестящие, остроумные, человека, желающего понравиться своей избраннице. Такие письма, конечно, можно писать лишь тогда, когда корреспондент дает со своей стороны соответствующий, раздражающий ум, его обостряющий, материал. Со стеной такой переписки не заведешь, зная, что стена тебя не сумеет толком ни выслушать, ни понять, ни разделить, ответить на то, что в твоей голове иной раз копошится, а копошится разное — и умное, и курьезное, и просто чепуха.

Мой корреспондент — Турыгин вызывал во мне одностороннее возбуждение. Он не был тем возбудителем, который мог бы вызвать во мне то, что осталось в моих картинах [2]. [...]

Числа 17—18 мы с С. В. думаем поехать на Волково, где лежат И[ван] П[етрович] и Вс[еволод] И[ванович], оттуда я отправлюсь на званый обед к Татьяне Львовне. Что у вас в подземелье? что мама? [3] Пиши, друг мой, не забывай престарелого отца, тебя любящего.

732. В. М. ТИТОВОЙ *Колтуши. 18 августа 1936 г.*

[...] Страшно недостает здесь Ив. П.— души Колтушей. Вчера были у него на Волковом.

Там они лежат оба; у обоих белые мраморные плиты с крестами, место большое, но оно увеличится еще вдвое. Предполагается большой памятник — стена с его барельефом и надписями тех из семьи, кто уже похоронен и будет похоронен впредь. Видел памятник (напротив) Менделееву, и очень запущенные, с украденным

бюстом, Тургенева и Щедрина. Кладбище обычное, теперь разрушенное, но меланхолично-элегичное, как ему и полагается быть. [...]

733. П. М. КЕРЖЕНЦЕВУ *Москва. Сентябрь 1936 г.*

Многоуважаемый Платон Михайлович!

На днях я вернулся из Ленинграда, был в Эрмитаже и в новом Русском музее (старый ремонтируется) [1], внимательно осмотрел его и хочу поделиться с Вами своими впечатлениями.

К сожалению, мне придется говорить не только о картинах моих старых друзей: Левитана, Виктора Михайловича и Аполлинария Васнецовых, но и о своих...

Картинами В. М. Васнецова начинается осмотр нового музея. Славному, огромного дарования художнику — автору «Богатырей», «Аленушки», «Игорева побоища», «Каменного века», росписи киевского Владимирского собора, его большим прекрасным картинам — «Витязю на распутье», «Бою со скифами» и др.— почему-то отведен проходной коридор с двумя малыми отверстиями наверху, из коих скупо льется свет на картины.

В. М. Васнецова давно нет в живых, но его творчество занимает огромное место в русском искусстве (о «Каменном веке» когда-нибудь мне хочется поговорить с Вами особо). Иду дальше, налево, вижу ряд узких, длинных комнат, окрашенных в глухой, коричневый тон; в первой из них висят большие картины талантливого Рябушкина, за ними, тоже большие,— мои. Комната для больших вещей, повторяю, узкая, картины висят против окон, вплотную к которым примыкает крыша и высокие трубы, порыжевшие от времени, они бросают отсвет на картины. Этот «ландшафт» не застеклен матовыми стеклами, занавесей на окнах тоже нет, почему на мои картины, повешенные против окон, без наклона, ни с какой стороны смотреть нельзя: они блестят...

Моих картин «Под благовест» и «Святой Руси», висевших в музее в самые суровые для меня годы, сейчас вовсе нет; «Под благовест» — одна из самых удачных, по общим отзывам, моих вещей — лет десять как находится в реставрационной мастерской и никак оттуда выбраться не может. «Святая Русь», получившая на Международной выставке большую золотую медаль, убрана в «запас». Картин с фигурой Христа, с монахами как в Русском музее, так и в Третьяковской галерее много... того больше их в нашей классической литературе, и худо[го] от того нет: прошлое — прошло.

Страна, народ — живут настоящим.

Перехожу в соседний зал Левитана, несравненного поэта русской природы; картины его развешены в двух смежных комнатах, одной побольше, другой — поменьше, проходной. Ряд прекрасных, небольших вещей дивного мастера, у которого есть чему поучиться, рассмотреть нельзя.

Если названные художники и их произведения администрацией музея признаются ненужными или вредными, то их не следует выставлять вовсе; если же этого нет, то их необходимо выставить так, чтобы можно было на них смотреть... не так ли? Левитаном кончаются передвижники.

Через ряд комнат идут прекрасные большие залы, с верхним светом, заполненные большею частью картинами меньшего размера или графикой; там же висят прекрасные вещи Серова, Врубеля, Коровина — сверстников Левитана и моих. Нередко личные вкусы музейных работников при развеске картин прикрываются так называемой «хронологической последовательностью», между тем эта «последовательность» так часто ими же и нарушается...

Хочется пожелать музейным работникам Русского музея в таком живом деле, как искусство, меньше педантизма, чиновничанья...

Зная, сколь серьезно Вы, Платон Михайлович, взялись за дела искусства вообще, за все то, что необходимо в нем улучшить,— я обращаюсь к Вам с этим письмом.

Быть может, Вы найдете возможным уделить Ваше внимание и на то, что я говорю здесь о Русском музее.

734. А. Д. КОРИНУ *Москва. 29 октября 1936 г.*

[...] Рад, что Вы работаете и, если погода не помешает, привезете к нам немало интересного, тогда только успевай Вас хвалить и радоваться, на Вас глядя.

Я плетусь в хвосте художественной жизни. Написал что-то вроде портрета [1], да боюсь, что заругаете, опять потом бессонная ночь, думы, чем и как на Вас потрафить...

Вот до чего довели бедного старика!

Беда с вами, «молодняком», нам, людям века минувшего...

Пчелин написал новую картину, только что видели с нее снимок в «Известиях» [2].

В галерее открылась пушкинская выставка. На смену репинской открывается суриковская. Будет на что посмотреть, чему поучиться, а в музее изящных искусств готовится рембрандтовская; продлится несколько месяцев, и ту и другую еще застанете. [...]

735. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 30 декабря 1936 г.*

[...] Недавно, после долгих и тяжких страданий, не стало старого приятеля, академика Ал. Ник. Северцова, и он в отходящем году третий из моих «моделей» помер. Не стало Павлова, нет Черткова и вот сейчас Северцов — и все люди большие, вошедшие в историю русской культуры. Отображения всех трех сейчас остались на стенах Третьяковской галереи. Работаю я мало, «гриппы» минувшего года отозвались и на мне, порядочно постарел. Однако сейчас работаю над большим портретом, очень трудным и ответственным, хотя по обыкновению и не заказным [1]. [...]

Зима у нас наконец установилась, но ни санок, ни троек не видно, по новым улицам Москвы мчатся линкольны, лимузины и просто ваньки-фордики. Ушла старина, пришла новизна.

1937

736. А. А. РЫЛОВУ *Москва. 15 января 1937 г.*

Дорогой Аркадий Александрович!

Спасибо Вам за память и поздравление меня с Новым годом...

Полюбовался на открытке на чудесный Ваш, такой «рыловский», такой русский, русский пейзаж, и стало хорошо на душе, хорошо, что Вы здравствуете и работаете во славу нашего родного художества. [...]

737. В. М. ТИТОВОЙ *[Москва]. 21 января 1937 г.*

[...] У нас открылась третьего дня выставка (удивительная) Сурикова. Приедешь, непременно побывай там с мамой. Репинская, перегруженная всяким ненужным вздором, кажется рядом с Суриковым ослабленной... этим вздором, отсутствием чувства меры, такта и проч.

Сурикова, по мне, [можно] поставить сейчас же после Иванова, Брюллова.

Мой портрет двигается.

Модель находит, что она на портрете — «душка», а я ей говорю, что мне душку не надо, а надо Д[ержинс]кую.

В общем, надеюсь недели через две кончить, и, быть может, тогда ты его увидишь, если не у меня, то у нее. [...]

738. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *[Москва]. 22 января 1937 г.*

[...] Мы тут копошимся. Среди всякой житейской суеты выпал красивый день или дни. Это превосходная выставка Сурикова. Несравненного художника и человека, значительно уступающего его великолепному таланту... что бывает частенько...

Из 500 картин, эскизов, портретов, этюдов, акварелей не наберется и десятка сомнительных.

Я работаю над портретом, дело хотя и идет к концу, но медленно, т. к. моя модель часто занята или исчезает из Москвы то туда, то сюда. Однако недели через две все же надеюсь портрет кончить и представить его на «суд милостивый» моих друзей.

Кончил Кони [1], большой мастер писательского искусства. Сейчас, неожиданно для себя, подвернулось толстовское «Воскресение», читанное мною однажды, когда оно появилось у Маркса в «Ниве» [2]. Оно очень тогда огорчило меня. Сейчас, за исключением страниц, Вам известных, все же я наслаждаюсь тоже мастерством, гораздо более ценным, чем у Кони. Какое знание быта и какое умение справляться со всеми трудностями, иногда так мешающими художнику! [...]

739. Т. В. САВИНСКОЙ *Москва. 1 марта 1937 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Васильевна!

Я только что узнал о кончине дорогого Василия Евменьевича.

Несказанно был огорчен этой вестью.

Я давно знал и любил Василия Евменьевича, любил его цельную природу, его талант, ум, благородство...

Его не стало, и что-то ушло для меня из жизни, всегда душевно близкое, поучительное, на чем я нередко проверял себя, свою жизнь, поступки...

Мне хочется в эти скорбные дни пожать Вам руку, сказать, что к Вашему горю, особенному горю, горю любящей дочери, многие годы так заботливо, нежно оберегавшей покой, здоровье, наступившую старость, я, в числе других, присоединяю свое чувство признательности Вам за друга, за большого художника, превосходного человека.

740. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 2 апреля 1937 г.*

[...] Статья моя о Крамском может появиться в «Советском искусстве» во время или перед открытием выставки Ив[ана] Ник[олаевича] в Москве, как слышно, в мае [1]. В номере 10-м есть моя статья о Сурикове, а в номере 13-м — плохой снимок с портрета артистки Держинской — родом киевлянки (последняя моя работа).

Что касается выставки Репина и якобы моей, то таким я не очень сочувствую. Рисковать Репиным, Суриковым и Рембрандтом — слишком опасная затея, повторить их ведь нельзя. Возможность моей выставки отпадает, хотя бы потому, что я еще год назад, во время 50-летия моей художественной деятельности, отклонил намерение

Комитета по делам искусств устроить мою большую «персональную» выставку в Москве. Я, видимо, старею и все больше и больше не люблю «шумиху»... [...]

741. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 26 апреля 1937 г.*

[...] Дела мои все в том же порядке, как в последние годы, только здоровья поубавилось, что и понятно, т. к. через месяц «стукнет» семьдесят пять. Вот как быстро пролетела жизнь. Работаю я мало, последний портрет мой (с Держинской) нравится, но он еще у меня.

Сейчас «забавляюсь», пишу и печатаюсь в «Советском искусстве», кое-что из воспоминаний (Суриков [1], Крамской). На Парижскую выставку пойдет мой портрет (последний) с И. П. Павлова [2]. Лето мое, если все будет благополучно, складывается так: раза два съезжу в Мураново, а в июле поеду в Колтуши к Павловым. [...]

742. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 10 июня 1937 г.*

Дорогая Маргарита! Спасибо тебе за память и поздравления с моим увы! семидесятипятилетием, с настоящей старостью... Что поделаешь! В эти дни (1-го и 5-го) у нас было шумно, многолюдно, перебывало более ста человек, были поздравления, официальные (Русский музей), и яркая речь директора Третьяковской галереи, и неофициальные. Стихи, музыка, декламация и хорошее пение: Держинская спела ряд романсов и арий: Лизы из «Пиковой дамы» и из оперы «Тоска». Спела хорошо, мастерски и задушевно. Жаль, что не было тебя,— послушала бы все это...

Словом, все хотели мне выразить, как умели, свое расположение, и за это им всем спасибо. [...]

743. Е. А. ПРАХОВОЙ *[Москва]. 29 июня 1937 г.*

Дорогой друг мой!

Это письмо передаст Вам Лина Михайловна По.

Лина Михайловна слепой скульптор, очень талантливый.

Еще недавно, года два—три, она была балерина, тоже талантливая, но грипп с его последствиями превратил ее, очень милую, славную, в скульптора. Она с большим успехом участвует на выставке московских скульпторов.

Вы, моя дорогая, как никто, можете ласково и нежно принять ее, а потому я и посылаю ее к Вам пока вместо В. М. Мещериной (б. m-me Грабарь), о которой, помнится, я писал Вам. [...]

744. П. Д. КОРИНУ *Колтуши. 20 августа 1937 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич,
вчера получил Ваше письмо и был рад узнать, что Вы с Пашенькой отдыхаете. Вы *пишете*, и я уверен, все будет хорошо. Конечно, когда натура перед глазами — дело иное, как с компасом в море.

Я здесь «отдышался», провожу время праздно, но хорошо: люди живые, интересные... Погода все время дивная, гуляю, сижу на солнце. Чего лучше!

Но всему бывает конец, наступает конец и моему блаженному житию... 22-го еду в город. Побываю в Эрмитаже, в Р[усском] музее, кое у кого из приятелей-знакомых,

поищу холст, да и айда домой. Думаю 24-го быть на Сивцевом Вражке, а там за дела, а их набралось порядочно: «не было гроша, да вдруг алтын»... Станиславский выразил полную готовность позировать мне, письмо чудесное [1]. А перед самым отъездом сюда я получил предложение написать портрет со Шмидта,— дал согласие на обычных условиях. Пишу с натуры, портрет остается моей собственностью. Видимо, идут на все... Посмотрим, что и как. Главное — осталось ли «пороха», не сесть бы в калошу? Стар становлюсь. Ну да никто, как бог!

Вот видите, какие дела-то, вот и надо добывать холст во что бы то ни стало. [...]

745. С. И. ТЮТЧЕВОЙ *[Москва]. 28 сентября 1937 г.*

[...] Усердно пишу портрет Шмидта, модель приятная, но условия писания не удобны: деловой кабинет с докладами, посетителями и проч.

Дело идет к концу, еще сеансов семь-восемь и все будет готово, тогда и на суд, конечно, праведный.

Самому Ш[ми]дту портрет нравится. Если бог грехам потерпит, то в декабре или в январе примусь за Станиславского. То, быть может, будет полегче и не столь специально, а то чувствую себя, как на «дрейфующей льдине». Во всяком случае, положение новое и даже не «папанинское», а похуже. Однако склонность к стариковской болтовне заставляет меня вспомнить о Козьме Пруткове и, пожелав всем вам, дорогим мурановцам, еще раз всего наилучшего, положить свое «бойкое» перо.

746. В. М. ТИТОВОЙ *Москва. 8 октября 1937 г.*

[...] Вчера кончил портрет со Ш[ми]дта. Был осмотр сослуживцев, друзей и знакомых. Портрет всем очень нравится. Завтра возьму его домой и вставлю в раму, и начнутся посещения, «критика» и проч. Какая дальнейшая его судьба — пока известно лишь то, что я обещал его дать на выставку «Индустриализации»... и только. [...]

Сегодня иду на именины Серг. Николаевича, который (или, вернее, Ирина) отстроил себе «хижину» верстах в тридцати пяти от Москвы, там будет комната, которая в любое время будет ожидать моего посещения [1]. Это не худо, только я-то становлюсь с каждым годом менее и менее подвижен. Лишь чудесные Колтуши с их обитателями имеют еще для меня некоторую притягательность. [...]

747. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 14 октября 1937 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Сегодня получил Ваше письмо, благодарю. Поздравляем Пашеньку с наступающим днем рождения, шлем самые хорошие пожелания. Е. П. благодарит вас обоих за сегодняшние поздравления и память.

Теперь к делу. Алекс[андр] Дмитриевич уже «надвинулся». Прибыл на днях и посетил, посетил и «разнес» как полагается, после чего я долго почесывал бока. Ничего не поделаешь — «сила».

Портрет кончил, и он у меня. Многие его видели еще на месте писания. Как самой модели, так сослуживцам и друзьям модели портрет нравится. Домашним моим и друзьям тоже портрет нравится. Я же сам думаю, что если бы не крайняя усталость, то еще не худо бы пописать сеанса два. Обстановка писания была невероятно тяжелая, постоянно народ, люди деловые, занятые мелькают перед глазами, говорят, так что из девятнадцати сеансов настоящих можно было бы выкроить не больше *пяти*... Отношения с моделью, расставанье были самые лучшие, было высказано жела-

ние, чтобы знакомство наше не ограничилось портретом и т. п. Время покажет, как дальше пойдет дело.

Я говорил Ш[мидт]у про Ваше желание написать Громова [1], он охотно согласился этому содействовать.

Как-то встретил жизнерадостного, такого удачливого Ник[олая] Вас[ильеви]ча [2]. Он «уповает» на самый радужный исход Ваших дел. На днях были «покупатели», и похоже на то, что новый портрет будет на выставке, после чего пойдет в галерею. Хорошо бы было! Сюда вернулся «рыжий Яковлев» [3], был без меня, говорят, что все такой же, похож на дьячка... Вместо Кристи в галерее Угаров... Новые порядки, перевески и т. д. Кое-какие новости Вы узнаете, сидя у себя в Палехе, из газет... Приятно было прочесть, что молодежь обоих полов «овладевает» искусством... И что современный Палех, что Рим времен Возрождения или Веймар времен Шиллера, Гете, Вагнера и Листа, становится центром искусства в нашей стране.

В конце концов мне постоянно недостает Вас, и буду очень, очень рад увидеть Вас, когда вы оба отдохнете, у себя на Сивцевом Вражке.

1938

748. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. 17 апреля 1938 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Татьяна Львовна!

Спасибо Вам за милое письмо. Меня в нем порадовало, кроме всего прочего, полное отсутствие «профессиональной зависти», этого бича истинных талантов, а что мы с Вами таланты истинные, а не «апплике», то кто же с этим будет спорить...

Итак, я вновь «нашел себя», я пишу, пишу, пишу [1], и, по словам одного моего друга, недалеко то время, когда выйдет в свет «полное собрание сочинений Н[естерова]». Интересно было бы знать, войдет ли это новое литературное светило в число классиков, в число литературных «Рафаэлей» и им подобных господ? Но... я чувствую, что мои горделивые мечтания напоминают Вам m-me Сквозник-Дмухановскую с ее мечтами об «алой или голубой», и видит бог, я согласен и на «алую».

Вам это письмо доставит в собственные руки Маргарита Николаевна. Она, со свойственной ей яркостью красок, передаст Вам мою жизнь (если не житие) в духе «истины и красоты». Эти две основные идеи господствуют и укрепляют мое бренное тело.

Вы, б. м., спросите М[аргариту] Н[иколаев]ну, «что же, он работает по прежней своей специальности?» Вот тут Вы едва ли услышите что-либо утешительное. Вам ответят: «н-ничего!» и добавят: «он не хочет пережить самого себя». И он прав: охота писать плохие пейзажи, еще худшие портреты и вообще брать кисти в руки, когда перо в его руках с таким блеском заменяет кисть. [...]

749. Т. В. САВИНСКОЙ *Москва. 4 мая 1938 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Васильевна!

Давно-давно собираюсь я написать Вам, полагаю, не раз Вы помянули меня «лихом», и поделом... Хотя о Вашем «деле» [1] я часто думаю и время от времени напоминаю разным людям, кои, кажется мне, могли бы быть в нем полезны, а они отвечают мне «посулами»... дело же ни с места...

Сейчас Комитет по делам искусств получил нового шефа и занят всяческими реконструкциями, принятием дел от предыдущего, и так пока что никто и ничего путем не знает...

Выставки делаются охотно тех художников, которые дают «полный сбор»: Серов, Репин, Суриков, сейчас — Левитан. Длятся эти выставки месяцами, и думаю, левитановская останется до осени... Почти одновременно с ней предполагается выставка Кипренского.

Однако все же не следует терять надежду; быть может, явится случай повидать кого-либо из вновь назначенных «вершителей судеб наших», и тогда положение вещей может сразу измениться. В таком случае я тотчас же извещу Вас.

Как Вы живете? В начале июля надеюсь повидать Вас, т. к. собираюсь в Колтуши к Павловым.

Не гневайтесь очень за мое долгое молчание: все хотелось Вам дать добрые вести, да и похварывал зиму: грипп сделал то, что я сейчас плохо слышу и сильно постарел, в этом нет ничего мудреного: 1 июня «стукнет» мне семьдесят шесть лет! [...]

750. В. С. КЕМЕНОВУ *Москва. 7 мая 1938 г.*

Многоуважаемый Владимир Семенович!

На днях минуло девяносто лет со дня рождения одного из наиболее славных русских художников — Виктора Михайловича Васнецова, имевшего в свое время огромное влияние на судьбы русского искусства. В стенах Государственной Третьяковской галереи хранятся почти все лучшие станковые создания Васнецова, но самое замечательное из них не в галерее. «Каменный век» остается на стенах Государ[ственного] Исторического музея. Выше «Каменного века» Васнецов в своем творчестве, быть может, не поднимался, и однако этому творению Васнецова с самого начала сильно не повезло. Картина, написанная около шестидесяти лет назад на огромных, составных холстах, предназначалась для одной из зал Историческ[ого] музея. Тогдашние мастера (помнится — Торопов) не были искусны, их техника далека была до достижений наших дней, и «Каменный век» не удалось вклеить как надо.

Картина местами не соединилась со стеной, не дала ровной поверхности, и Виктору Михай[лови]чу во всю его долгую жизнь не удалось увидать свое лучшее создание, как бы он желал, что причинило ему немало огорчений.

Сейчас у нас есть чудесные мастера этого дела, и я, как один из оставшихся близких современников Викт[ора] Михай[лови]ча, обращаюсь к Вам, Владимир Семенович, с великой просьбой: Вы, как директор Третьяковской галереи, как человек, любящий искусство, думается мне, могли бы помочь этому делу. Вы можете обратиться в Комитет по делам искусства, просить Комитет, в лице т. Назарова, принять участие в судьбе «Каменного века». Картину необходимо тщательно, осторожно промыть, быть может, снять со стены, сделать это не кое-как, наспех, «домашними средствами», а применяя все наиболее совершенные, технические возможности. Дело это большое, дело необходимое. Я скажу больше того: васнецовский «Каменный век», как большая картина Алекс[андра] Андреев[ича] Иванова, как «Боярыня Морозова», должен быть в списках Государственной Третьяковской галереи (место ей там найдется). А в Историческом музее на том невыгодном месте (часть картины между окон), где сейчас «Каменный век», было бы достаточно хорошей копии.

Так я смотрю на дело, и хочется думать, что Вы поддержите меня в этом.

Уважающий Вас Михаил Нестеров.

P. S. Сейчас я уезжаю на неделю в Киев, между тем в Историческом музее в эти дни поднят вопрос о реставрации «Каменного века».

751. М. В. СТАТКЕВИЧ *(Москва). 24 мая 1938 г.*

[...] Сейчас я неожиданно для себя принялся за новый портрет [1]. Сегодня начинаю писать красками. А еще три-четыре дня тому назад говорил утром за ча-

ем, что больше уже писать не буду, что все эти краски и прочее надоели, что все «приелось», что нет ни к чему «вкуса», «аппетита».

Не знаю, верили ли другие, а я сам в это верил. И вот к вечеру явились гости — две дамы: старая и молодая — обе давнишние знакомые, одна (молодая) даже киевлянка. И вот случилось нечто: я «влюбляюсь» в старую, семидесятичетырехлетнюю, и полетело все прахом.

Сейчас я пишу с нее портрет. Оба «влюбленные» страшно устают, но это не беда, оба живут, а это «уже хорошо», как говорят у Вас на юге...

Погода у нас холодная, хотя солнце светит во все лопатки, да ему что, оно знает, что весна и оно обязано светить. [...]

752. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 15 июня 1938 г.*

Дорогая Маруся!

Давно собираюсь поговорить с Вами, но, как назло, написавши портрет, заболел, меня Ек. П. уложила в постель, и только сегодня я чувствую себя «человеком»...

Меня доконал портрет, он дался мне так трудно. Были моменты, и их было немало, когда мне казалось, что надо бросить это дело и вообще перестать думать об искусстве. Однако один счастливый день повернул все... Портрет закончил. Его хвалят, а я еще ничего не знаю.

Вы любопытствуете знать, кто же сия особа, наделавшая столько хлопот. Это девушка, интересная, талантливая, нам обоим сто пятьдесят лет... Но это ничего. Девушка так моложава, кокетливо умна, что девятнадцать сеансов, несмотря на все трудности, пролетели почти незаметно. Да, Вы все же не знаете, кто эта чаровница... Это известная офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова. Она долгое время (в старое время) прожила в Париже, вообще за границей, в последние двадцать лет профессорствовала в Академии, выпустила много своих цветных монотипий, сделанных по способу, ею когда-то изобретенному, и проч. В Москве она оказалась гостьей на три-четыре дня и задержалась по сей день благодаря моему портрету. Какова его судьба — покажет будущее. [...]

753. М. М. МЕЛЕНТЬЕВУ *14 августа 1938 г.*

Отвечаю на Ваше письмо. В первый раз Владимир Александрович [1] был у меня тотчас по возвращении своем в Москву. Он был с К. Н. Игумновым. В. А. произвел на меня впечатление очень нервного, издерганного жизнью человека. Его наружность, несмотря на убогий костюм, показалась мне привлекательной, изысканной, но что больше всего меня пленяло — это его чудесный дар, его силуэты, остроумные, выразительные, жизненные. Я был поражен не только техническими приемами его работ, но их содержательностью, композицией, изяществом... И я был уверен, что его работы будут скоро оценены, что и исполнилось.

В. А. бывал у меня не раз, преображаясь внешне и внутренне. Мое отношение к нему было неизменно искренне доброжелательное, и я был уверен, что он выйдет на большую дорогу в художестве.

Я и посейчас не могу забыть его, такого элегантного, умного особым умом, умом артиста.

Я очень, очень жалею о нем, о ранней и случайной его гибели [2].

Что же касается написания его портрета, то от этого отказываюсь, т. к. пишу только с натуры, и скажу Вам, что при жизни В. А. мне не раз приходила мысль

написать с него. Он был благодатным материалом для красивого портрета, увы! несовременного молодого человека.

Желаю Вам полного успеха в Вашем намерении почтить память чудесного молодого художника.

P. S. За фотографию благодарю, она не очень удачна — оригинал был иной.

754. Е. А. ПРАХОВОЙ *Колтуши. 23 августа 1938 г.*

Дорогой, милый Друг мой, вот я и опять в любезных мне Колтушах, среди симпатичных людей, знакомой обстановки. Здесь недостает одного — Старика, этого дивного, живого, подвижного, как ртуть, 86-летнего Старика — И. П. Павлова. Он, как Толстой освещал собой Ясную Поляну, красил собой Колтуши. [...]

755. Е. Е. ЛАНСЕРЕ *Колтуши. 25 августа 1938 г.*

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сейчас подали письма из Москвы, среди них и Ваше хорошее письмецо. Спасибо за память, за ласковые слова. От Вас мне они особенно дороги. Ведь Вы знаете, как я отношусь к Вам, к Вашему художеству... А я с годами становлюсь не очень расточительным на свои симпатии. [...]

756. И. В. ШРЕТЕР *Колтуши. 25 августа 1938 г.*

Здравствуй, моя милая «старшая внучка»!

Из твоего письма от 19 августа (получил его 23-го) вижу, что ты толково осмотрела Русский музей. Что мои вещи повешены плохо — это я знал; говорят, что они висят так «временно», как и Врубель. Посмотрим...

Ты пишешь, что тебе не даются «яркие краски». Добивайся не яркости, а гармонии: она даст тебе и яркость. Хорошо запомни это.

Твоя поездка, полагаю, даст тебе разнообразную пользу. Наберись сил на осень и зиму. Завтра ты выезжаешь в Москву, и это письмо придет туда одновременно с тобой.

Мы живем здесь прекрасно. Пробудем до 1-го, а 5-го надеемся быть в Москве (дня три-четыре останемся в городе).

757. Ф. С. БУЛГАКОВУ *Колтуши. 26 августа 1938 г.*

Дорогой Федя!

Вчера получили кучу писем из Москвы, среди них было и Ваше хорошее письмо. Видимо, Вы Тебердой довольны. Теперь надо пожелать, чтобы она осталась довольна Вами...

То, что Вы не слушаетесь «старших»,— понятно... Однако все же не растрачивайте сил понапрасну. Берегите их, как бы ни вкусна была малина,— один-два раза малину можно променять на Тициана и Рембрандта, а затем надо Тициана все же предпочесть малине.

Все ваши планы мне нравятся (поездка на озере, туда-сюда), но все они хороши при одном условии для нас, художников: искусство прежде всего. Ему, как Ваалу или

более родственному нам Перуну, понесем наши жертвы, таланты, силы, энергию и проч. Чтобы не впадать в «учительный» тон, скажу Вам: работайте, а там, осенью, будем живы, во всем разберемся.

Мы вторую неделю живем в любезных нам Колтушах. Живем в условиях чудесных и так думаем пробыть еще недели две, а там домой, на Сивцев Вражек, куда и пишите нам о своих достижениях.

Я работал над статьей о П. М. Третьякове, быть может, она появится в одном из журналов [1]. Погода больше «серенькая», но не без приятности. Впереди: Эрмитаж, быть может, Павловск.

758. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. Начало сентября 1938 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Получил Ваше письмо. Рад, что «родимая сторонка» Вам по-прежнему мила. Отдыхайте, отдыхайте, а приедете в Москву — за дело. Ждут Вас две модели... одна другой интереснее [1]. Мы живем по-прежнему, ничего не изменилось в нашей жизни. Бывают друзья-знакомые. Сегодня звонил Ив[ан] Митрич [2]. Работает над двумя памятниками Горькому да над группой к американскому нашему выставочному павильону. Об искусстве с ним говорить приятно. [...]

759. Т. В. САВИНСКОЙ *Москва. 11 сентября 1938 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Васильевна!

По возвращении своем домой хотел написать Вам о том, что перед самым отъездом своим в Москву мне удалось поговорить с Аркадием Александровичем Рыловым, просить его дружеского содействия в устройстве выставки Василия Евменьевича. От Арк. Алекс. я слышал, что *совместная* выставка В. Е. и П. П. Ч[истяко]ва предположена на 39 год. Он, как ученик Вас. Ев-ча, обещал свое содействие в этом деле, равно возбудить ходатайство о пенсии Вам. Насколько успешны будут все эти обещания — покажет время.

Мое посещение Вас оставило во мне очень яркое впечатление. Эскизы, что видел я у Вас,— превосходны. Они столь же талантливы, своеобразны и умны, как умен был их автор.

Драма, что произошла когда-то [1], была следствием ряда обстоятельств: тут и Поленов, и Павел Петрович, и само свойство характера Василия Евменьевича — все это не могло пройти бесследно для столь требовательного к себе, предельно честного художника, каким был Ваш папа.

Ваша далеко не обычная особа, так тесно связанная с жизнью и деятельностью Вашего родителя, меня всегда глубоко трогала, а на этот раз больше, чем когда-либо. И я так желал бы видеть Вас счастливой не одними воспоминаниями...

Во всяком случае, горячо желаю Вам сохранить то, чем я давно привык восхищаться...

Прошу не забывать меня, хотя изредка подавать о себе весточки.

760. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 3 октября 1938 г.*

[...] Посылаю Вам, Маруся, оттиск статьи моей о Заньковецкой, напечатанной в номере «Советского искусства» [1]. [...] Напишите свое мнение о статье, достаточно ли она «хвалебная» и не задел ли я Ваших патриотических чувств.

Сейчас я написал статью о Третьякове, этюд «Капри» и пишу об артисте Девойоде. Возможно, что все это в свое время появится в печати. В ближайшее время (в продолжение месяца) появится в «Огоньке» статья «Л. Н. Толстой», в «Советском искусстве» — «Актер» и «Ф. И. Иордан» и еще кое-что, быть может, в «Литературной газете» [2]. Видите, до чего я расписался от безделья.

11-го закрывается выставка Левитана.

Праховы продали портрет Адриана Викторовича, и быть может, Леля соберется теперь в Москву, что мне обещала. Этюд Ваш [3] висит в галерее, справа от «Грозного».

761. В. С. КЕМЕНОВУ

[Москва]. 10 октября 1938 г.

Многоуважаемый Владимир Семенович!

Я очень сожалею, что мои годы и связанные с этим недомогания не позволяют мне быть на сегодняшнем торжественном собрании, посвященном памяти Исаака Ильича Левитана.

Его выставка, устроенная в Государственной Третьяковской галерее с такой любовью и вниманием,— лучшие «поминки» славному художнику.

Юношеские и молодые годы мои прошли в дружеском общении с ним. Я любил как его самого, так и его искусство. Любил его «Омут», как что-то пережитое автором и воплощенное им в реальную драматическую форму. Любил его популярную «Владимирку», ценную как по замыслу, так и по выполнению. Эту прекрасную картину смело можно причислить к немногим историческим пейзажам. Во «Владимирке» счастливо сочеталась историческая быль с совершенным законченным мастерством, и эта картина, по-моему, остается одним из самых зрелых созданий художника.

Мне приходилось в моих писаниях об Исааке Ильиче высказывать пожелание, не мое только, но и многих почитателей чудесного дарования художника, чтобы его прах был своевременно перенесен в «Некрополь», в б. Новодевичий монастырь, в соседство к его другу, столь же чудесному художнику-писателю Антону Павловичу Чехову.

С этим моим предложением я обращаюсь сегодня, в день, посвященный памяти И. И. Левитана, к тем, от кого такое решение зависит [1].

762. П. Е. КОРНИЛОВУ

Москва. 20 октября 1938 г.

Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Вы правы, в Русском музее, в его советском отделе, ничего моего нет. Чем объяснить, что в продолжение более двадцати лет музей, покупая многое, не нашел возможным вспомнить обо мне? «Причины неизвестны», как писалось в прежних газетах. Я охотно пойду навстречу намерению Русского музея, и Вы опять правы: портрету Елиз[аветы] Сергеевны Кругликовой место не в Москве, а у Вас в Ленинграде. Но у нас на пути Закупочная комиссия, а она, в настоящем ее составе, едва ли благоприятствует мне (за исключением, быть может, В. С. Кеменова, еще недавно будто бы говорившего о приобретении портрета Е. С. К-ой. [...]

В конце минувшего августа я был в Ленинграде, был и в Русском музее. На этот раз нашел свои картины хорошо развешанными. Правда, света в угловой комнате немного, но мои картины «тихие» и яркого света им не нужно. Одно могу пожелать, чтобы музей наконец решился выставить «Под благовест» (можно *название* несколько изменить). Эта картина — одно из наиболее когда-то ценимых моих произведений. [...]

763. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 28 октября 1938 г.*

[...] Сегодня довольно ясное утро, и на душе беспричинно немного поясней, чем вообще за последние месяцы. Я работаю, но не кистью, а пером. Написал еще две-три пьески. Одна, говорят, удалась, другая — меньше. Но над ними еще можно поработать, для чего время есть.

В последнем, 9-м номере журнала «Театр» вышли две крохотных моих вещицы «Артем» и «Андреев-Бурлак» [1]. Но в «Советском искусстве», быть может, долго не появится ничего моего, так как новый редактор не очень расположен печатать мои вещи. «Заньковецкая» у «кацапов» имела успех, у вас, «хохлов», кажется, нет... недостаточно в ней превосходных степеней.

Недавно были два торжественных вечера, посвященных Левитану. На одном была Екатерина Петровна и читалось мое письмо, на другом пришлось быть мне самому. Ждали моего выступления, но я так и не выступил. И хорошо сделал. Не мое это дело. Уехал после первого доклада, а после меня началась потеха... Выставка Левитана закрывается на днях.

Сегодня утром получил милое письмо от Лины По. Она в Киеве, лежит больная и лежа работает. Работает она воображением и осязанием. Талант несомненный и очень интересный. Беда в том, что нет школы и отсутствие зрения мешает ее приобрести.

764. А. А. РЫЛОВУ *Москва. 5 ноября 1938 г.*

Дорогой Аркадий Александрович!

Только что получил Ваше [1] и, одновременно, Елизаветы Сергеевны письма. Оба портрета — и ее, и Держинской — уже взяты в галерею, и деньги за них уплачены. Завтра в галерее открывается выставка приобретений за 1938 г., да, оба портрета будут на ней.

Русский музей думал-гадал двадцать один год!!, а в это время галерея набрала моих вещей довольно. Что тут делать, кто виноват?..

Конечно, *окончательное* распределение будет сделано Комитетом в свое время и, быть может, вам, ленинградским художникам, неплохо бы было обратиться со своим желанием иметь портрет Е. С. *непосредственно*, всем коллективом, в Комит[ет] по делам искусств... Но это моя, быть может, никчемная мысль: в галерее сидит народ *крепкий*, сурьезный и проч. Однако «попытка не пытка»...

Пока что я предлагаю Русскому музею «О. Ю. Шмидта», *первый* портрет Ив. П. Павлова, что в Институте экспериментальной медицины (институт выражает охотно желание уступить оригинал за приличную копию) [2]. Наконец, первый *портрет* проф. Юдина (во время операции). Была бы у музея охота — выбор есть...

А как было бы хорошо посмотреть на выставку Чистякова — Савинского и как полезно для малограмотной молодежи нашей! Дорогой Аркадий Александрович, поратуйте за это благое дело. Авось *Вас-то* послушают.

765. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 28 ноября 1938 г.*

[...] Сегодня у меня берут Юдина и Таль с тем, чтобы переслать их в Р[усский] м[узей] через Третьяковскую галерею... Вчера у меня был Я. П. Пастернак, и мы столковались с ним по поводу *оригинала* портрета И. П. Павлова, что находится в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде. Оригинал будет обменен на повторение с него, что в Третьяковской галерее.

На днях получил письмо от Е. С. Кругликовой, она принципиально согласна позировать для нового портрета.

Это может состояться не раньше марта — мая. Приедет ли она в Москву или я в Ленинград, пока сказать трудно: старики тяжелы на подъем...

У нас в Москве глубокая осень, темно, и те, кто хотели бы работать,— не могут. [...]

766. Е. И. ПИГАРЕВОЙ *Москва. 5 декабря 1938 г.*

[...] Наша жизнь проходит в обычной житейской суете, изредка нарушаемой то тем, то иным событием, вроде приобретения моих портретов в музеи. Судьба портрета Софии Ивановны еще не выяснена [1]. Он всем видевшим его «покупателям» нравится. А мы так к нему привыкли, что не хотелось бы с ним пока что расставаться.

Сейчас в художественном мире разгорелись «страсти» по поводу статьи Кеменова в газ. «Правда» под заголовком «Без лишней скромности» [2].

В какую сторону разрешится возникшая полемика, сказать трудно.

Могут быть перемены в составе галереи и многое другое.

Давно не видали Кирилла [3], ждем его посещения. Николай Иванович [4] не забывает нас. Он ведь такой желанный гость на Сивцевом Вражке.

1939

767. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 4 апреля 1939 г.*

Дорогая Маруся!

Наконец-то я собрался поговорить с Вами. Оправдания для моего долгого безмолвия существенного нет, но кое-что, конечно, тормозило мои благие намерения. Первое и, быть может, самое существенное — хворал целый месяц, опять грипп с лежанием в постели, с потерей вкуса и обоняния, с еще большей глухотой, второе — ждал открытия выставки (а их у нас множество), из них ответственных — историческая и молодежная. Обе эти выставки заняли из сорока трех зал Третьяковской галереи двадцать семь. Таким образом, для самой галереи, для ее богатств осталось лишь шестнадцать зал. Остальные стащили в запасник, так на полгода...

И вот только два дня тому назад меня вытащили на эти две выставки и я осмотрел их. Конечно, на исторической главенствуют Суриков, В. М. Васнецов и Репин, хорош Рябушкин. Хорош старый, старый Коцебу (времен Очаковских и покоренья Крыма). Он все пребывал во дворцах, и даже мы, художники, почти не знали. Очень занимательны мирискусники со своим XVIII веком и ампиром. Вот, пожалуй, и все.

Молодежь плоховата, и скоро (в мае) уберут.

Теперь о себе. Я ничего не делаю, почти год как безмолвствую. Лень и страх, что все ушло, все осталось на стенах соборов и надо благоразумно с этим мириться. [...]

Я мечтаю, если доживу, в первой половине мая проехать в любезный Киев, если, если, если Маруся будет чувствовать себя сносно и супруги Статкевичи меня пригласят на несколько дней. Так хочется повидать всех вас — милых киевлян. [...]

768. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ *[Москва]. Начало апреля 1939 г.*

[...] Третьего дня меня вывезли в Тр[етьяковскую] галерею со всеми почестями, подобающими моему высокому сану. Ничего, вел себя прилично, расточая по пути ласковые слова и высокие милости. [...] Выставка (историческая) неплохая. Первен-

ствуют три старика — Суриков, В. Васнецов и Репин. Хорош еще более старый мастер — Коцебу (он всегда пребывал во дворцах). Очень занимательны мирискусники. У них мало «драматизма», «лиризма», но они такие, извините за выражение, культурные, свежие, жизнерадостные и мастеровитые. «Молодежь» (так называемая) не дает больших надежд в будущем. «Халтура» там еще «в юношеском виде». Большинство сих господ пойдут по путям Бродского и К.° [...]

769. В. М. ТИТОВОЙ *Киев. 24 мая 1939 г.*

Пишу тебе, дорогая моя Верушка, с твоей родины — Киева. Как тут хорошо! Все цветет, цветут тысячи каштанов в скверах, по улицам, садам, паркам. Они, как пасхальные свечи в паникадилах, стоят стройно, торжественно. Цветет сирень, вся моя комната наполнена цветами. И так мне хорошо здесь... Неделя прошла, как день, и 27 мая надо ехать в Москву. [...]

Мне здесь, у Маруси [1], так хорошо, даже спина болит меньше и слышу лучше. Все за мной ухаживают, на все лады приглашает меня художественная молодежь поделиться с ними чем-то, послушать моих «сказок» о том о сем. Отказываюсь, т. к. приехал отдыхать. Все со мной любезны, водят под ручки. А я действительно сильно постарел за год. Мои вещи висят прекрасно и выглядят неплохо...

Встреча на вокзале была торжественная, такие будут, думаю, и проводы. Леля постарела, но мила. Маруся прыгает бойко на костылях и закармливает меня вкусностями. Вот тебе мое житье в любезном, нарядном, ласковом Киеве. Все здесь мне нравится...

Приеду в Москву, поделюсь впечатлениями с твоей мамой. Тебя и внучек [2] нежно целую. Ив[ану] Ив[анови]чу [3] шлю привет. Не за горами и мои 77 лет! ай! ай! ай!

770. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 4 июня 1939 г.*

Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Благодарю Вас за письмо от 30 мая. Видимо, Вы путешествовали с пользой и удовольствием. Я тоже ездил в Киев, побывал и повидал те места, где когда-то, очень давно, хорошо мечталось, думалось, гадалось. Эти места сейчас в великом запустении... В Софии идут реставрационные работы, идут медленно, но неплохо. Киев очаровательный... Красивый Днепр. Сады, парки, бульвары были в цвету. Цвели каштаны, бел[ая] акация, сирень. Весна в Киеве — лучшая часть года. Там же остались старые друзья. Так[им] образом я провел чудесные дни и с сожалением покинул Киев. [...]

Сейчас, после годового перерыва, я начал работать портрет [1]. Модель интересная, а что выйдет — посмотрим. Портрет по обыкновению *не* заказной, и в случае неудачи с ним будет расправа короткая...

771. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 6 июня 1939 г.*

[...] Аркадия Алекс[андровича] очень жаль, ушел чудесный художник и милый человек. Хотелось бы, чтобы лучшее из его наследства не миновало наших музеев.

Об упоминаемом Вами эскизе [1] в архиве Турыгина ничего не могу сказать, ничего о таком не помню. Да и мало ли хлама было за пятьдесят лет понаписано. Следует собирать и хранить в музеях лучшее, что дает и оставляет после себя художник.

В минувшем месяце гостила в Москве Е. С. Кругликова, и мне удалось написать с нее второй портрет. Видевшие его не бранят. [...]

772. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ *[Москва]. 21 июня 1939 г.*

Дорогой друг мой Маргарита Николаевна!

Ваши письма дошли благополучно, благодарю за них. Видимо, Вы переживаете в своей Тарусе чудесные дни. К Вам туда приехала А. П. Остр[оумова]-Леб[еде]ва, отличный художник и человек. Если Вы с ней знакомы и видитесь, передайте ей мой привет.

Мои дела с портретом ее друга Е. С. Кр[угликов]ой двигаются к концу. Думаю, числа 25-го портрет привезти на Сивц[ев] Вражек. Портрет похваливают — обычные слова о нестарении моем и проч. Я же скажу, что портрет более похож, чем первый. От дальнейшего воздержусь.

На днях видел великолепный портрет Павла Дм[итриевича] с Леонидова. Портрет «потряс» своей неожиданностью Л[еонидо]ва. Леонидов очень, видимо, похож, на нем это «гранд-сеньор», как и подобает быть артисту. Общий тон — благородный, все значительно, и полагаю, это будет один из самых лучших портретов в галерее «великих людей». [...]

773. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК *Москва. 21 июня 1939 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна!

Благодарю Вас за милую память. Недавно, перечитывая Мольера в издании Маркса, нашел Ваш чудесный перевод «Мизантропа». Перевод свободный, живой, передающий характер пьесы, кажется мне, в совершенстве. Какой Вы молодец! Одно и в одном месте резнуло мне ухо: «Пару слов». В старину (недавнюю) говорили: «пару чаю», а во времена позднейшие говорят «пару пустяков». И то и другое мне не кажется созвучным языку, скажем, Тургенева. Не правда ли? И больше ничего. Мастер Вы, каких мало. Сейчас Вы в прекрасной Тарусе «блаженствуете», отдыхаете от тяжелой зимы... и работаете. Я тоже приобщился к работе, написал портрет, его качества будут оценены «потомством». Я же пока что о нем помолчу.

Жара здесь убийственная: во время работы я пудрю свой «римский» нос, чтобы с него не слетало ежеминутно пенсне.

Впереди у меня отдых в Болшеве, Мураново, вообще положение «скитальца» (но не горьковского). И все же я не унываю. И, как-никак, надеюсь дожить до осени, до Вашего возвращения на Тверской бульвар.

774. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 23 июня 1939 г.*

[...] Я не отвечал Вам тотчас потому, что кончал портрет с моей престарелой красавицы. Сейчас портрет кончен, хотя он еще и не дома: привезу его на Сивцев Вражек 25-го. Видевшим он нравится. Я скажу, что он похожей первого, но менее «эксцентрический». Довольно свеж по живописи (для 77 лет). А как будет принят массами — посмотрим.

Удивительно молодой, прекрасный портрет написал Павел Дмитриевич Корин с Леонидова. Какая чудесная может быть будущность у этого большого художника и как много на его славном пути препятствий!

Одновременно с Вашим письмом получил письмо от Лели. Она пишет о Вас, ее письмо мне живо напомнило Киев, милых киевлян и киевлянок. Славные дни провел я у Вас на юге.

Сейчас мои планы таковы: 1-го думаю поехать к С. Н. Д[урыли]ну, 8-го в Мураново — дней на пять. Потом к Вашей землячке Ксении Георг. Д[ержинск]ой, а там до самого сентября дома, буду лечить свою поясницу: она так меня изводит. Сам я «молодой», а поясница старая. Что тут делать?

Когда выяснятся дела с портретом (как его примут массы) — напишу Вам особо письмо.

775. Е. Д. ТУРЧАНИНОВОЙ *Москва. 6 июля 1939 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Евдокия Дмитриевна!

Вернувшись на днях от С. Н. из Болшева, нашел и Ваше такое хорошее, сердечное письмо. Спасибо Вам за него.

Радуюсь, что Ваша поездка в мои родные края, в б. Екатеринбург, оставила в Вас так много хороших воспоминаний. Хорош Урал, хороша и моя родина — Приуралье — Уфа. Жаль, что, сидя то в Москве, то в Киеве, переходя с одних «лесов» на другие, я мало уделял времени родному краю, да и вообще он почти не затронут художниками. В литературу кое-что попало о нем яркое, например у Мамина-Сибиряка.

В Болшеве я пробыл недолго: три хороших, приятных дня, отдохнул немного от портрета [1]. Он закончен и, слава богу, видевшим его нравится, меня не бранят, и хочется верить — не из одних «деликатных чувств», нежелания огорчать старика.

Сейчас я на перепутье в Москве, 11 июля предполагаю на недельку перекочевать в Мураново, позднее буду делать налеты на другие «Подмосковья». Так, глядишь, лето-то и пройдет, а там, в сентябре, если бог грехам потерпит, махну через любезный Киев к морю, в Одессу, так недели на три. Там, быть может, еще поработаю [2]. Как видите, планы широкие, совсем не стариковские...

Одновременно с Вашим письмом пришло письмо из Тарусы от Маргариты Ник[олаев]ны. Сейчас там гостит Никол[ай] Вас[ильевич] [3]. В письме М. Н. много меланхолии, «лирики». Да и трудно без них прожить на белом свете.

Письмо полно забот, волнений и проч. Татьяна Львовна неустанно работает. Сейчас, как Вам известно, над воспоминаниями о Марии Николаевне (совместно с Марг[аритой] Н[иколаевн]ой) [4].

776. Т. В. САВИНСКОЙ *Москва. 20 июля 1939 г.*

Глубокоуважаемая Татьяна Васильевна!

Письмо и книгу [1] Ваши получил, благодарю. Письмо Ваше очень тронуло меня не заслуженным мною расположением Вашим. Книга, изданная не очень хорошо, содержит множество драгоценных мыслей двух настоящих художников, благородных, честных, горячо любящих большое, подлинное искусство. Почти на протяжении всей книги происходит *глубокая драма* двух родственных, «идентичных» между собою душ. Понятия, воззрения их, столь далекие целям, характерам прозаическим, так сказать, житейским задачам людей их окружающих, им современным. Книга редкая по глубине, чистоте понимания искусства и жизни. Она нужна сейчас очень, т. к. художество и художники сейчас на распутье. Теперешний так называемый «реализм» далек от реализма подлинного, основанного на изучении человека, жизни и природы, столь непонятных и чуждых сегодняшним, далеким от того, о чем грезили Чистяков и Савинский. Только подойдя к такому пониманию, можно еще надеяться, что то море «халтуры», что заливает сейчас наше искусство, иссякнет. Будем на это надеяться, иначе искусству, как бы его ни называли — «реалистическим» или иным каким, не поздоровится. Оно падет еще ниже, чем мы наблюдаем сейчас. Не будет ни Чистяковых, ни Савинских, не увидят ни Суриковых, ни Репиных, ни Васнецовых, а далеко с г.г. Y и Z не уедешь. Повторяю — книга очень нужная, она, быть может, протрет очи нашей братии художникам, они взглянут прямо, честно на природу и человека. Школа наша скатилась вниз, и лишь героические усилия людей, подобных Вашему покойному родителю и его мудрому учителю, могут поднять ее на высоту, необходимую для ее процветания, развития, жизнеспособности. Нельзя утешать себя тем, что

где-то на Западе работают еще *хуже нашего*: плохое, бесплодное утешение. Я так думал и думаю по сей день.

Вы спрашиваете, как я себя чувствую,— так себе, годы берут свое, и конечно, не за горами и мой час...

Лето я провожу частью у себя, на Сивцевом Вражке, частью — разъезжая по «Подмосковным» к друзьям-приятелям. Обычная летняя поездка моя в Колтуши не состоится, и быть может, попаду к Вам зимой, в январе, феврале.

В сентябре хотел бы побывать в Одессе, погостить у своего знакомого профессора-окулиста Филатова [2].

Постараюсь с присланною Вами книгой ознакомить возможно больше художников, способных к восприятию мыслей, пониманию душевного строя авторов переписки.

Желаю Вам отдохнуть у Ваших друзей и, быть может, поработать.

Что касается выставки [3], то надежды на ее осуществление терять не следует: многое, многое с годами меняется.

P. S. Конечно, раньше, чем передать письма в Р[усский] м[узей], необходимо их перечесть и снять копии.

777. И. В. ШРЕТЕР *[Москва]. 24 июля 1939 г.*

[...] Рад, что живется, тебе хорошо и что ты работаешь. Смотри на природу, как на любимую красавицу, находя в ней тысячи скрытых прелестей, доступных лишь тебе одной. Не мажь зря, рисуй, пиши с полным сознанием.

У тебя хороший глаз. Бери от него наибольшее.

Вот тебе и «поучение». Приедешь — дам тебе прочесть «Переписку Чистякова с Савинским». Жду тебя 30—31-го.

Дед, тебя любящий М. Н.

778. Е. П. НЕСТЕРОВОЙ *[Москва]. Июль 1939 г.*

[...] Начну с того, что, проводивши тебя в 7 часов, в 9 часов начал переписывать «Элегию». Написал «даму в белом», позвал Наталью [1], спрашиваю: лучше или хуже, говорит «хуже»; прогнал, а сам, не будь плох, все стер (бес-то все шепчет в ухо: соскобли старую фигуру, соскобли,— а я все молчу). То был час второй. Пообедал, поспал, стал писать «даму в черном», был час шестой, звонит Е. П. [2], я едва ворочаю языком, продолжаю писать, написал, позвал судью — Наталью. «Это,— говорю,— лучше?» Говорит: «лучше, но старое все же было лучше». Прогнал, решил из черной дамы сделать темно-синюю. Сделал, был час 9-й. Бросил, пошел кисти мыть, ноги едва волочу. Просидел десять часов!!

Звонит Ник. Вас. [3], прошу. Собирается молодежь, среди них и Н. В. Выгоняю всех, оставляю Н. В. и прошу его сказать «по совести», что и как. Показываю «Элегию». Он в ужасе, все испортил. Спрашивает, что, соскоблил ли мужскую фигуру? Говорю, что, как и Антоний Падуанский — посрамил бесов,— фигура цела,— радость! Говорю, как все уйдут (был очень красивый Коля Т. с Лизой и дочкой и еще кое-кто, подобный Верочке Г [4]), сейчас же все сотру. К часу ночи картина была восстановлена, и я уснул сном младенца.

Вот эпизод первого дня «свободы». На другой день был весь разбитый, «спинушка» и проч. ответственные места болели. [...]

Вчера предполагалось вечером истязание моего грешного тела,— отменено, так как в 8 час. позвонил Влад[имир] Сем[енович] [5], спросил, буду ли я вечером; он собирался ко мне с Мухиной. Потом звонил Александр [6], был зван. К 10 час. явились гости. Впечатление хорошее. М[ухина] — полная, нарядная, лет пятидесяти (ее слова), умная, очень занятная, смотрели портрет, пили чай с фанерой [7], хозяйничал Александр. Просидели до 1-го часа. Решено, что портрет начну (взаимная симпатия),

когда она приедет, отдохнув где-то на юге... Сговорились повидаться до отъезда у ней в мастерской. Повторяю, лицо «законченное», приятное, черты лица мелкие, но своя манера держаться, и кажется, есть за что уцепиться... [8]

Сейчас думаю, не отложить ли Одессу до весны, а сентябрь отдать Мухиной. Размер портрета не меньше Держинской. Вл. Сем. рад, сегодня он едет на север. [...]

779. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 9 августа 1939 г.*

[...] Лина По мне звонила из Киева, перед отъездом своим на дачу (кажется, в Дарницу). Она действительно молодец. Очень интересные мысли бродят в ее головке, она их интересно осуществляет (эскизно). Жаль, что она не прошла никакой школы, и еще больше жаль, что она безнадежно слепая и вообще тяжело больной человек. [...]

780. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 3 сентября 1939 г.*

[...] На Ваше желание поделиться с Вами моими взглядами на моих сверстников — Первухина и Рылова могу сказать немного. Дарования их не были равноценны ни по размеру, ни по качеству. Появление Первухина на Передвижной выставке было одновременно со мной и с Серовым (мой «Пустынник», Серова «Портрет отца»). Это было в 1889 году. Первухин выставил небольшую, незамысловатую, но полную искреннего чувства природы, весенней природы, какую-то «Канавку» с водой, где-то на окраинах Петербурга. Вечереет, начинает таять снег, и вот это-то весеннее таяние, такое томительное, немного чахоточное, «петербургское», так просто, непосредственно выраженное, было настолько убедительным, что картина была сразу замечена и приобретена П. М. Третьяковым. Она сейчас где-то в «запасниках», в их недрах, заглушенная поколениями последних лет. Позднее Первухин выставлял не раз, имея успех.

Я очень люблю его «Венецию» с угасающим вечером над Большим каналом, с его своеобразной жизнью. Эту вещь я не раз просил администрацию Третьяковской галереи выставить для поучения и любования ею многих. Моя просьба была уважена. Вы верно говорите — Первухин был честный, хороший человек, со своими странностями, немного курьезный. Портрет с него, написанный Бразом, похож и хорош.

О А. А. Рылове могу сказать едва ли больше. Отличный художник со своеобразным лицом, со своим «рыловским» подходом к нашей северной природе. Он еще до революции сказал все, что имел сказать *главного*, потом лишь досказывал интересно, живо.

Однако после своей прекрасной выставки Р[ылов] стал заметно сдавать. Усталость, большая ли слишком «продукция», как Вы говорите, возраст или все взятое вместе ослабило качество его произведений.

Возраст — штука серьезная, с ним необходимо считаться, его беречь надо.

Трудно себе сказать «довольно», но это необходимо.

Вот все, что я могу Вам сказать про этих двух прекрасных художников.

781. Ф. С. БУЛГАКОВУ *Москва. 15 сентября 1939 г.*

Дорогой Федя!

Письмо Ваше с Казбека получил. Спасибо за память и поздравление (Натальи). Радуюсь, что Вы устроились, полагаю, сейчас уже работаете с увлечением. Какова-то погода? Лишь бы она не испортила дело, дала бы Вам использовать с таким трудом завоеванное время. Помните заветы Вашего учителя П. Д. [1] — рисуйте внимательно, точно. Краски будут, они уже есть. Надо победить форму.

Что сказать Вам о себе? По обстоятельствам времени я отложил свою поездку в Киев, Одессу. Не такое время [2], чтобы можно было разъезжать в мои семьдесят семь лет. Буду сидеть дома, и если здоровье позволит, то попробую написать у себя же дома одну интересную особу [3]. Попробую еще раз испытать, что осталось пороху в моей старой пороховнице...

Художники понемногу съезжаются. Оба К[ори]ны здесь. П. Д. работает над портретом Качалова, а тот часто хворает, хотя позирует старательно, и, видимо, обоим хочется, чтобы портрет удался, а я в это и верю. А. Д. привез этюды, обещает показать, как «наш друг Сугробов» сделает подрамки. Проездом была Остроумова-Лебедева. Ей удалось лишь поговорить со мной по телефону: так трудно было попасть на поезд. Она дежурила на вокзале целый день и вечер.

Вот, кажется, и все новости, кроме газетных, которые доходят и до Казбека. [...]

782. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 18 октября 1939 г.*

Благодарю Вас за письмо, за сообщение о единодушном, как Вы говорите, постановлении Ленинградск[ой] закуп[очной] комиссии приобрести у меня портрет Елиз. Серг. Кругликовой. Такое решение, полагаю, будет приятно Е. С. Приятно оно и мне, несколько смущает меня одно. Когда приобретенные у меня музеем портреты увидят свет, музейный свет, а не пыль запасников? У Вас круглый год «кочующие караваны» выставок, сменяя одна другую. Эти выставки совершенно вытеснили из Русского музея все основное, всех Врубелей, Коровиных, Головиных, у которых было бы чему поучиться...

Ничего нет мудреного, что к Вам в музей посетителей не загонишь. Они без охоты несут к Вам свои рубли. Если бы эти выставки оставались у Вас на месяц, много — на два, а то они длятся по полугоду и больше, не лучше ли бы было для таких выставок создать особый дворец, что ли... Картины таких выставок мало имеют общего с искусством в его настоящем, непреходящем значении. Так думаю не только я, но то же сказал бы Вам Суриков, Репин, сказали бы Иванов, Брюллов и многие, многие из нас. Ведь так дело может дойти до особых мастерских-фабрик, где в старые времена исполнялись казенные и частные заказы гражданского и церковного характера. Рядом с такими мастерскими-фабриками естественно возникали разные «передвижники», «мирискусники», кои и давали Суриковых, Врубелей и других, словом, спасали бедное искусство. Искусство имеет свое предопределение, и мы все, люди к нему причастные, этого забывать не можем, не смеем. Вот видите, какое неожиданное письмо написалось...

Что сказать Вам о себе?..— работаю мало: нет охоты, быть может, в свое время переработал, устал. Да и здоровье мое все хуже и хуже, годы берут свое. [...]

783. В. М. ТИТОВОЙ *[Москва]. 29 октября 1939 г.*

Твое письмо, моя Верушка, я получил. Отнес его маме, а там нашел твое *огромное* к ней. Читал, читал, так и не дочитал: так много в нем «пеленочного» и «рыночного» материала. В твоем письме ко мне было приятно знать, что ты познакомилась с семьей, которая тебе полезна в смысле разнообразия от забот ежедневных. Не теряй облика человека, который мыслит, понимает, что, кроме ребят, существуют и иные интересы, умственные, духовные и проч. Ехать тебе сейчас нет никакой надобности [...] потому, что мое здоровье не так плохо — я чувствую себя лучше, начал портрет с Веры Игнатьевны Мухиной, чудесного нашего скульптора (она и Шадр — лучшие и, быть может, единственные у нас *настоящие ваятели*).

Начал работать портрет с меня и Пав. Дм. Выходит необыкновенно интересно. Хорошо бы было, если бы оба портрета были окончены. [...]

Портрет (второй) Е. С. Кругликовой приобретен в Русский музей, чему особенно будет рада сама модель. [...]

784. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 9 ноября 1939 г.*

[...] Теперь я расскажу Вам о делах художественных. Писал ли я Вам, что Комитет по делам искусств постановил создать галерею «знаменитых людей», в числе коих попал и я... Сейчас художники заняты этим делом. Павлу Дм. Корину предложено написать несколько портретов: актеров — Качалова, Леонидова (уже написал прекрасный портрет), академика Баха, А. Толстого и мой, коим Павел Дмитриевич сейчас и занят. В угле я видел, интересно, хотя и рискованно. Было уже восемь сеансов, трудных. Работает Павел Дмитриевич горячо, а я не знаю — выдержу ли.

В свою очередь и я начал рисовать портрет скульптора Мухиной (Парижская группа на Советском павильоне) [1]. Но начну ли красками (после Корина) — не знаю. [...]

785. Н. А. ЦЫГАНОВУ *Москва. 15 декабря 1939 г.*

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

На днях я слышал, что у вас в Ленинграде предполагается в феврале чествование Е. С. Кругликовой по случаю ее 75-летия и что на этом празднестве имеется в виду показать портрет Елиз[аветы] Сергеевны моей работы.

Если этот слух верен, то, полагаю, было бы хорошо *заблаговременно* портрет этот получить из Москвы (кстати уж и «Портрет девушки» [1]). При нашем последнем свидании было решено, что портрет Е. С. будет взят у меня в январе 1940 г. по уплате уговоренной суммы (налог за портрет оплачивается музеем в 1941 году).

Говорилось также, что моя рама *не* годится и будет заменена другой, переделанной из ваших старых, на что нужно время, а потому я посылаю Вам здесь *точную мерку* с портрета, чтобы он не остался ко дню юбилея без рамы.

786. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 15 декабря 1939 г.*

[...] Сейчас говорил по телефону с П. Д. [Кориным]. Передал ему Ваши приветы, в ответ на них он предполагает прислать Вам фотографию с портрета. Всего было без перерыва 41 сеанс! причем половина этих дней были темные, и все же портрет вышел удивительный как по живописи, так и по характеристике. Кроме того, он красив какой-то *благородной красотой*. Писался он в самые темные дни у меня на Сивцевом Вражке, и на Екатеринин день [1] его в первый раз увидел я, а вечером его видели все те, кто собрался поздравить Екатерину Петровну. Все были в полном восторге, и правда, из всех с меня написанных последний самый лучший. [...]

1940

787. Е. С. КРУГЛИКОВОЙ *[Москва]. 25 января 1940 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Сергеевна!

Приближаются дни Вашего юбилея, и мы оба «загодя» приносим Вам наши поздравления и пожелания всего, всего наилучшего, на выбор... Я полагаю лучшим из

благ все же — здоровье, потом успехи в художестве, в жизни, успехи настоящие, к каким Вы привыкли давным-давно, пусть они не покидают Вас и в наши радостные дни. Не так ли?

В виде маленького юбилейного подношения посылаю Вам давно обещанный снимок с Вашего первого портрета (со второго не могу добиться снять его). П. Д. Корин просит присоединить и его поздравления, а также снимок с моего портрета его работы. Сам П. Д. сейчас живет за городом, у Алекс[ея] Толстого, с которого пишет портрет.

Оба снимка неплохие, они оба дают понятие об оригиналах с той разницей, что портрет с меня писан молодо, энергично, красиво, в благородных тонах,— он очень значителен. Писан портрет при невероятных условиях ноябрьских, декабрьских темных дней. Мнения о нем расходятся: молодежь — в восторге, «заслуженные» и новый «доктор» [1] портретом недовольны, на что есть особые причины. Оба портрета Корина «говорят», и нет к ним людей равнодушных... Хотелось бы слышать Ваше мнение о портрете.

На днях получил письмо от Корнилова, оно меня не порадовало: Ваш портрет, повидимому, к юбилею не попадет и не скоро увидит Русский музей, и вот почему: там еще гостят выставки «Перекопа» [2] и др., и когда они покинут музей — неизвестно, б. м., к весне, но я боюсь, что и тогда Ваш портрет не увидит музея, потому что в Закупочной комиссии нет денег (это мое предположение), а на запрос мой по этому поводу Цыганова ответа нет...

Я написал обо всем Корнилову, просил его вопрос этот выяснить. События мало способствуют вообще делу Искусства, не в нем теперь дело, не до нас, художников. Сейчас есть дела куда поважней [3].

Желаю Вам еще раз встретить и провести Ваш день хорошо, радостно, мысленно буду с Вами.

Мое приветствие прошу передать Ольге Сергеевне и Марии Сергеевне.

Ваш усердный почитатель Мих. Нестеров.

788. П. Е. КОРНИЛОВУ

[Москва]. 7 марта 1940 г.

[...] Рад, что портрет П. Д. Корина с меня Вам понравился, он очень выигрывает в красках; ничего банального. Сейчас портрет приобретен в Третьяковскую гал[ерею]. Видимо, там же будут и портреты Корина с Леонидова и Алекс[ея] Толстого [1] — только что написанный — очень интересно. [...]

789. Н. А. ЦЫГАНОВУ

[Москва]. 29 марта 1940 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Посылаю Вам фотогр[афический] снимок с «Осени». Он не вышел удачным, но Вы знаете картину, знает ее и П. Е. Корнилов.

Очень рад, что история с передачей Р[усскому] музею оригинала портрета И. П. Павлова, видимо, приходит к благополучному завершению. Портреты Е. С. Кругликовой и «Девушки» [1] уже в музее.

Очень сожалею, что мое недомогание не дает мне возможности написать об Арк. Ал. Рылове [2], да и знал я его не настолько, как других своих современников... Сурикова, Левитана, Перова...

Сейчас у меня в квартире лазарет, половина ее обитателей лежит — я в гриппе, сын в тяжелой форме туберкулеза.

О московских художественн[ых] музейных новостях Вы знаете. В галерее нет В. С. Кеменова, энергичного, толкового человека, о котором многие и многие (в их числе и я) очень жалеют. В. С. взят на трудную и ответственную работу [3].

Нового директора [4] Вы знаете; по слухам, он человек молодой, приятный, порядочный. Все это хорошо. Дальнейшее покажет время.

790. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *Москва. 20 апреля 1940 г.*

[...] Я понемногу работаю, написал весенний пейзаж, он видевшим его нравится... Скоро стану продолжать начатый осенью портрет скульптора Мухиной. В дни юбилейных торжеств Уфимского музея получил приветственную телеграмму более чем из ста слов. [...]

791. Н. А. ЦЫГАНОВУ *Москва. 24 апреля 1940 г.*

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

В день открытия выставки прекрасного нашего художника Аркадия Александровича Рылова шлю Вам и всем, кто потрудился над устройством ее,— мое приветствие и сердечное пожелание ей наибольшего и заслуженного успеха.

В этот день, в эти часы мысленно буду с Вами, со всеми, кто любил и ценил Аркадия Александровича.

Прошу Вас передать мой привет и поздравление Сарре Львовне [1].

792. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 23 мая 1940 г.*

[...] Дни бегут, я их не вижу, так быстро они мелькают. Работать не начинал, начну, если все будет ладно, после 1-го, таким образом, едва ли смогу до окончания портрета побывать у Вас в Болшеве. [...]

Был сегодня в Морозовском музее. Любовался «Деревенской любовью» [1], какая прекрасная любовь там изображена!.. Вообще, несмотря ни на что, так много такого, что напомнило мне Италию, Венецию, былое. [...]

793. О. М. ШРЕТЕР *[Москва]. 2 июня 1940 г.*

Дорогая моя Ольга!

Вот мне и «стукнуло» семьдесят восемь лет! В молодости, да и поздней, не думал так зажиться и однако живу...

День с утра начался приношениями цветов и разных даров. К 10 ч. цветов негде было ставить, комнаты превратились в благоухающий цветник. Народу было множество, были тут и ученые, и писатели, актеры, народные, заслуженные и другие, были скульпторы, художники, архитекторы, были и просто милые люди, женщины и мужчины.

С. Н. [1] сказал горячую, блестящую речь. Молодежь неистово кричала ура! Были телеграммы, письма и проч. Комитет по делам искусств прислал поздравление и пожелание, «Всекохудожник» — превосходный набор английских красок. Они были очень кстати, так как мои почти все вышли.

К концу вечера я изрядно устал. Сейчас мои комнаты продолжают быть дивным садом, где цветут чудесные розы и проч... Недоставало только Ирины, она рано утром уехала со своим институтом до 12 на работы за городом.

Книга моя [2] выйдет в продолжение 1940 года, и не раньше осени.

Третьяковская галерея сейчас перевешивается, пока лишь старые вещи мои будут повешены прекрасно. Мне и Левитану отдан отдельный зал с верхним светом. В. М. Васнецову, Сурикову, Репину, Серову, Поленову, Верещагину — по отдельному залу,— они представлены будут парадно в окружении нас с Левитаном. Надолго ли?

На днях начну красками портрет М[ухин]ой. Предполагал написать портрет балерины Семеновой!! Ответ был отрицательный.

П. Д. К[орин] написал отлично, во весь рост, портрет Качалова. Он — П. Д.— сейчас признанный большой мастер. [...]

794. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ *Москва. 4 июня 1940 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Анна Петровна!

Сердечно благодарю Вас за подарок. Каталог Вашей выставки дал мне возможность полюбоваться Вашим чудесным искусством, хотя бы и в малой мере.

Жалею, что не могу быть на Вашей выставке в Русском музее, однако надеюсь дожить до ее появления у нас в Москве. Тогда, б. м., увидим и Вас на Сивцевом Вражке.

795. В. М. АЛЕКСЕЕВУ *Москва. 8 июня 1940 г.*

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Благодарю Вас за письмо, переданное мне Ниной Евгеньевной Зелинской.

Мнение Ваше о мною содеянном доставило мне хорошие минуты.

О своем художестве сейчас, на склоне лет, когда деятельность свою я считаю завершенной, я могу говорить со спокойной объективностью: сделано все в меру отпущенных мне сил. В свое время я много и охотно поработал в области «мечтаний». К той поре нужно отнести и «Великий постриг», о котором Вы говорите в письме столь сочувственно. Картина эта была задумана в юношеские годы, а написана в 1898 году, тогда же за нее мне дали звание академика.

«Великий постриг» задуман и написан под впечатлением превосходного повествования Мельникова-Печерского. С Павл[ом] Ивановичем Мельниковым я и должен разделить тот успех, который выпал когда-то на долю этой картины.

Сейчас я работаю мало, больше в области портрета, где не чувствую себя как у себя дома.

Иногда заглядываюсь по старой привычке на наш северный ландшафт, когда-то воодушевлявший меня на лирический лад.

Так идут под уклон дни моей жизни, дни размышлений о давно минувшем.

Примите еще раз мою благодарность от уважающего Вас

Михаила Нестерова.

796. М. В. СТАТКЕВИЧ *Москва. 15 июня 1940 г.*

[...] Начал работать, пишу и, быть может, скоро окончу портрет Мухиной. Ей нравится, я же могу сказать, что пишу с неожиданным увлечением. Искусство, как алкоголь,— стоит раз-другой к нему прикоснуться, потом от него никак не отстанешь...

Сколько раз я давал себе слово бросить его, и все же до сих пор оно не отпускает меня от себя, а сил у меня на то, чтобы отрезветь, взглянуть на себя «оком благоразумия», нет как нет.

Книга моя (вернее, книжка) выйдет, смотря по обстоятельствам, между сентябрем и декабрем 1940 г. В ней будет рассказов, воспоминаний до двадцати пяти да с десяток снимков с портретов и картин. Если доживу до ее появления в свет, непременно вышлю Вам с авторской надписью. Лишь бы нам дождаться ее выхода.

Сейчас меня подправляют, заштопывают массажем. Посмотрим, каков-то я буду после штопки.

Погода у нас холодная, прошли дожди, а что делается там, на Западе, в Париже — ума помрачение...

797. Е. А. ПРАХОВОЙ *Москва. 1 августа 1940 г.*

[...] Сейчас я «резвлюсь на свободе», т. к. кончил портрет скульптора Мухиной, он уже у меня дома, и кое-кто его видел — ничего, не ругают... Опять слышу слова о своей несомненной «молодости». Хотя сам молодой человек трещит по всем швам... (Почему-то вспомнил фрак покойного Виноградского, так некстати треснувший на парадном концерте когда-то).

Да, портрет написан, какова его «судьба», пока еще неизвестно, что он не хуже некоторых предыдущих (тоже «молодых») — это и я вижу и... молчу.

«Модели» портрет нравится, установились добрые отношения. Мухина, помимо ее даровитости, умный, тактичный человек. Хотел употребить модное сейчас слово «динамична», но вовремя вспомнил, что академик Зелинский, по словам его жены, на новом портрете П. Д. Корина «полон динамики мысли», а старик во время сеанса сладко спал, закинув красивую голову свою на спинку кресла. Итак, оставив «динамику», скажу, что Вера Игнатьевна Мухина вовремя проявляет чисто мужскую силу, что отражается на ее лице, вовремя бывает женственной,— у нее все вовремя, все кстати... [...]

798. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 7 августа 1940 г.*

Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Ваше письмо мною получено своевременно, и я очень благодарю Вас за него.

Намерение Н. А. Цыганова побывать у П. Д. Корина своевременно и необходимо.

Сейчас П. Д. на отдыхе у себя в Палехе, вернется он в Москву к середине сентября, о чем я и прошу Вас осведомить Н[иколая] Алексеевича.

Мысль Ваша соединить воедино мое дореволюционное художество с работами последних лет я приветствую, но думается, что провести Вашу мысль в жизнь при существующих условиях не будет легко и едва ли возможно: Вы встретите в других художниках немалое противодействие.

Ваше предложение прислать мне для прочтения вышедшую недавно книжку А. Я. Головина [1] не следует делать потому, что книга эта не сегодня — завтра появится и в Москве и мы ее прочтем дома. Я очень люблю Головина как тонкого художника (особенно его декорации), высоко ценю его дарование. Но как человека мы все, его товарищи, знали мало, не знал его с этой стороны и я. Замкнутый в себе, он, видимо, избегал близости, и это, конечно, было его право.

Я с Головиным провел школьные годы Училища живописи, словом, московский период его деятельности. Отношения наши тогда были хорошими. Позднее, в пе-

тербургский период, отношения наши стали безразличными, а позднее, когда я отошел от группы «Мира искусства», встречи наши стали редкими.

Завтра я еду за город, так на неделю, мое здоровье неважно, и врачи меня гонят отсюда настойчиво.

Не за горами и осень, что-то она принесет нам? Подписка на мою книжку в Издательстве Третьяк[овской] гал[ереи], по слухам, идет хорошо.

На днях галерея почтила сорокалетие со дня смерти И. И. Левитана особым заседанием, на котором я, по нездоровью, быть не мог.

799. О. М. ШРЕТЕР *[Москва]. 28 августа 1940 г.*

[...] Ирина показала сделанный ею с тебя рисунок, он очень хорош, хорош по мягкости выражения, и я прошу Ирину вставить его в раму и повесить у себя в комнате, чем-то все же очень хорошим, хотя и грустным он будет напоминать мне о тебе. Спасибо тебе за подарки. [...]

С портретом Мухиной дело обстоит так: у меня одновременно были из Третьяковской галереи и из Русского музея. Галерея, конечно, у меня на первом плане, хотя у них и нет денег. У Русского музея деньги есть, но я портрет туда отдам лишь в том случае, если другого выхода не будет. Портрет всем нравится, да и я считаю его одним из более удавшихся. Такими я считаю четыре, он один из них.

Вчера был в галерее. Там идет перевеска картин. Я тебе писал, что мои (не все) висят хорошо, вместе с Левитаном. Книгу думают выпустить к Октябрьским праздникам. Запись на нее идет хорошо. Тебе вышлю тотчас, как выйдет. [...]

800. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 31 августа 1940 г.*

[...] На минувшей неделе были у меня из галереи (утром), а вечером из Русского музея. Разговор о портрете Мухин[ой]. Вероятно, портрет останется за галереей, хотя там и нет денег (а Русский музей разбогател). Из Р[усского] м[узея] была заведующая Советским отделом [1], хотела быть у Вас, взяла Ваш адрес. Полагаю, в один из ближайших приездов кто-нибудь из музейных посетит Вас [2]. Был недавно в галерее. Любовался правой стороной «Серовской» залы. Левая скучновато развешена. Очень хорош Леонидов.

Повешены хорошо Крамской и Ге... Книжку мою грозятся выпустить к Октябрьским торжествам. [...]

801. П. Е. КОРНИЛОВУ *Болшево. 15 сентября 1940 г.*

Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Благодарю Вас за письмо, за все то, что в нем Вы сообщили мне. Работы в Р[усском] м[узее] все же двигаются, и все же они сейчас ближе к желанному концу, чем $^1/_2$ года назад. Будем уповать на лучшее.

Воспоминания Мудрогеля читал [1]. Сам М[удроге]ль фигура далеко не полноценная, но о нем Вы больше и лучше узнаете от его сослуживцев по галерее. Свидетелей его «близости» к П. М. Т[ретьяко]ву осталось не много, да и те не станут вмешиваться в это дело.

Прочел и А. Я. Головина — его воспоминания написаны в благожелательных, легких тонах. Мы с Вами, по-видимому, сходимся в оценке этого прекрасного художника-декоратора. Портреты его красивы, больше декоративны, чем характери-

стичны. Конечно, это не Серов, не Крамской. Спасибо ему за все то, что он нам дал. В этом письме я посылаю Вам фотографию с *уникального* барельефа (гипс) работы Серова — его «Офелию», когда-то, в молодых годах, сработанную с его жены. Барельеф сейчас у меня, его продают дальние родственники, коим когда-то его подарил Валент[ин] Алекс[андрович]. Галерейные господа его видели, *но денег у них сейчас нет*, к тому же в галерее имеются три или четыре скульптуры раб[оты] Серова. Ознакомьтесь со снимком, а когда кто-либо из Р[усского] м[узея] будет в Москве — посмотрит и оригинал. М[ожет] быть, он и пригодится Вам...

С месяц тому назад была у меня ваша сотрудница Ю. А. Лебедева. Она была с тем, чтобы посмотреть мой портрет В. Игн. Мухиной. Портрет ей понравился, и она хотела бы, чтобы он попал к Вам, в Р[усский] музей, о чем она писала мне поздней. Увидите Ю. А., скажите ей, что я очень извиняюсь, что до сих пор не ответил ей на ее письмо. Отвечу *тотчас*, как получу тот или иной ответ от Тр[етьяковской] галереи. Гале[ре]я в лице ее бывш[его] директора «повинна» в написании этого портрета, и она по этому самому первый на него претендент, но у «претендента» сейчас *нет денег*, по их словам, они деньги для портрета *ищут*, ищет их и Комитет по д[елам] и[скусст]в... Когда получу тот или иной *окончательный* ответ, тотчас напишу Ю. А. Лебедевой. Вы, слышно, сейчас «в капиталах» и их не ищете...

Книжка моя, вероятно, выйдет к ноябрьским празднествам. Подписка на нее идет, говорят, бойко, а что и как, потом покажет время.

Если на портр[еты] И. П. Павлова и Е. С. Кругликовой не удастся подобрать из старых «приличных» рам, то прошу Вас, Петр Евгеньевич, сделать *дубовую, темную, как на «Лизе Таль»*. По крайней мере, без особых претензий.

802. П. Е. КОРНИЛОВУ

[Москва]. 30 декабря 1940 г.

...Помимо «Выставки наших достижений», по слухам, готовится еще ряд выставок — персональных и иных. Меня озабочивает предстоящая «передвижная» выставка «зажившихся» не в меру на сем свете «академиков». Их наберется штук пять-шесть. Между ними и я попал, не успевший своевременно удалиться к праотцам. Академики по этому поводу безмолвствуют. Я же позволю себе думать, что такое путешествие картин по стогнам и весям нашего отечества — в сырых ящиках, при существующем транспорте, случайностях,— а главное, при отсутствии опытных, бывалых людей, что было когда-то так деловито, солидно поставлено у передвижников, грозит картинам если не гибелью, то порчей, а государству — убытками. [...]

Мои вещи принадлежат государству, на них я прав не имею, единственно, что может их еще спасти от такого «вояжа»,— это их неподходящая тематика и большие размеры. И вот я прошу Русский музей, если к нему обратятся за моими большими вещами, защитить их хотя бы этим путем. [...]

Я рад, что портрет Толстого намечен в Русский музей, рад, что П. Д. Корин показался Вам тем человеком, каким я знаю его тридцать лет. Он талантлив, честен, но всяческого рода невзгоды сделали его очень нервным. [...]

P. S. В случае чего, лучше им дать «Пустынника» и «За приворотным зельем».

1941

803. С. Л. РЫЛОВОЙ

Москва. 14 января 1941 г.

Глубокоуважаемая Сарра Львовна!

Благодарю Вас за присланные мне «Воспоминания» Аркадия Александровича [1]. Читаются они с большим интересом. Написаны в оптимистических тонах,

столь свойственных природе Аркадия Ал[ександрови]ча. Меня очень тронуло все то, что написано об Архипе Ивановиче Куинджи, каждая строка, сказанная о нем, дышит любовью, искренней признательностью учителю.

Имя Архипа Ив. Куинджи и для меня далеко не безразлично, оно и мне дорого и любезно с юношеских лет. Его «Украинскую ночь» я видел впервые на Передвижной выставке в Москве, реалистом, учеником лет четырнадцати. Позднее А. И. не раз вступал в бой за мои картины, кои не были любезны гг. Маковским, Лемохам, Мясоедовым. Мне же пришлось, по кончине Архипа Ивановича, быть избранным на его место в действительные члены совета Академии художеств. «Воспоминания» по нынешним временам изданы хорошо. Цветные репродукции оставляют желать лучшего. Есть некоторый редакционный недосмотр в тексте. Так, например, мое знакомство с Аркадием Александровичем произошло в бытность Левитана живым, не в 1905 году, а раньше, т. к. Левитана уже не было в живых летом 1900 года. Таких недосмотров можно найти и еще.

Теперь о выставке в Третьяк[овской] гал[ерее]. Я на ней еще не был, и когда попаду — сказать трудно, т. к. чувствую себя не очень хорошо. По общим отзывам, картины Аркадия Александровича развешены хорошо — в одной комнате со мной. Две из них («Полет лебедей») висят над моими портретами И. П. Павлова и проф. Юдина (комната светлая). Остальные вещи Ар. Ал. висят вместе с пейзажами Крымова.

Картины Ар. Алекс. всем очень нравятся. Иначе и быть не может, таких художников, как Рылов, у нас немного. Во всяком случае, я тотчас же Вам напишу и пришлю план развески, когда сам попаду в галерею.

Моя небольшая книжка, слышно, выйдет в середине февраля. Я тотчас же ее вышлю Вам.

804. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 27 января 1941 г.*

[...] Особенно интересны те страницы [1], где Арк. Алекс. говорит об Архипе Ивановиче Куинджи. Это, быть может, лучшие места книги. Вообще же, Куинджи надо было знать самому, чтобы его очень любить или не любить, что так охотно делали люди в свое время. Архип Иванович был слишком ярок и непосредствен, а картины его о нем дают чрезвычайно мало понятия — они не сохранили о нем памяти, изменили ему.

[...] В Ваших примечаниях Вы «вознесли» меня в «Заслуженные художники», но такого звания я не имею и не очень скорблю об этом, после того как его заслужили гг. Штеренберги и т. п. Когда-то, в молодости, в хорошей компании Серова, Архипова, Левитана, Дубовского, и мне дано было звание «академика». То было в 1898 году за «Великий постриг». Надо сказать, что труднее всего заслужить звание *художника,* и я желал бы его заслужить и после того, как меня не будет. [...]

805. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 7 февраля 1941 г.*

[...] Относительно рамы на реставрированную картину [1], то на выставке она была когда-то в хорошей золотой (не античной). Позднее, в 20-х годах, была короткое время в черной, дубовой. И то и другое ей не мешало. Попробуйте дубовую, но не рыжеватую, или тоже темную, почти черную, матовую (покрытую воском). Белую полоску к ней делать не следует — картина все же вечерняя, не очень светлая...

Теперь относительно Макарта. Дело было давно, давно, лет пятьдесят тому назад. Макарт был тогда в большой моде. Помню, я пришел к своему приятелю Ту-

рыгину, брату композитора Глазунова, служившему в первые годы революции у Вас в музее. Турыгин мусолит с прекрасной фотографии этого Макарта маслом. Я был молод, горяч, отнял у него палитру и в час, в полтора написал с фотографии, по памяти, эту голову (я тогда уже побывал за границей и Макарта уже видел, хотя и не был им увлечен). Потом этот этюд долго был у Турыгина и в годы революции, по нужде, вероятно, был кому-нибудь продан.

Что касается этюдов от Дубовского, то, помнится, один я ему подарил взамен подаренного им мне морского вида (Уфимский музей), а как попал другой — не помню. Оба зашлите куда-нибудь в Белебей или Мензелинск, если там тоже есть музей. Во всяком случае, не загромождайте такими вещами не только музея, но и запасника... Этого хлама у каждого из нас было много. [...]

806. И. Д. ШАДРУ *Москва. 12 марта 1941 г.*

Дорогой Иван Дмитриевич!

Редкий день проходит, чтобы я не справлялся о Вас, о Вашем «поведении» [1].

Слышно, что ведете Вы себя молодцом, как и подобает быть герою.

Конечно, Вам следует поскорей отделаться от разных там температур и проч.

Но это уж дело такого мастера, как Сергей Сергеевич!

Вы там, у «Сухаревки», совсем обжились, недостает одного — заняться лепкой, да боюсь, что в этом благом деле помешает тот же С. С. и другие «медикусы». Они на это дело, быть может, посмотрят иными глазами, чем мы, по своей природе больше мечтатели.

Вот и весна скоро, того и гляди снег сойдет, прилетят жаворонки, и Вас потянет в Барвиху.

Часто говорили о Вас с друзьями. С П. Д. К[ориным]. Он собирается к Вам в гости, если пустит С. С., у которого он хочет просить на это разрешения. П. Д. Вас искренне любит, ценит Ваш чудесный талант. Да Вас ведь много народа любит, любят за дар божий, за хорошее сердце, да мало ли за что Вас можно любить...

Я тоже подумываю махнуть к Вам в гости — как-то на это дело посмотрит С. С., да и стар я стал, одолевает меня старость: такое состояние, что я как будто составлен из трех частей: из головы (лысой), туловища, набитого всякой требухой, и из проволочных ног, кои тебя не слушаются, не хотят ходить, как ходили встарь. Как тут быть? Тут и супруг В. И. М[ухиной] со своей «магией» [2] не поможет.

Ну, дорогой мой, боюсь подпасть старческому недугу — болтливости — замолкаю.

Целую Вас, люблю искренне, давно, о чем, надеюсь, Вы знаете, не сомневайтесь.

Выздоравливайте скорей, да и в Барвиху.

807. В. М. АЛЕКСЕЕВУ *Москва. 22 марта 1941 г.*

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Очень благодарю Вас за приветствие меня с высокой наградой [1]. Благодарю также за намерение Ваше прислать мне Ваш редкий труд о «Китайской поэме пейзажиста о пейзаже» [2], в коем Вы проводите нечто сродное с моими пейзажными попытками.

Не пишу Вам много, т. к. сильно устал эти дни от непривычной и чуждой мне суеты. Сейчас, когда наступили предельные годы жизни, когда нет здоровья, — чувствуется все это с особой силой.

Будьте здоровы и благополучны.

808. И. Д. ШАДРУ *[Москва]. 28 марта 1941 г.*[1]

Недавно я был в Третьяковской галерее, видел там поразившую меня по силе таланта, страсти, мастерства, так, как бывало умел это делать Ф. И. Шаляпин, скульптуру, мною раньше не виданную. Рабочий, молодой рабочий, в порыве захватившей его борьбы за дорогое ему дело, дело революции, подбирает с мостовой камни, чтобы ими проломить череп ненавистному врагу [2].

В этой великолепной скульптуре, так тесно связавшей талантом мастера красоту духа с вечной красотой формы, всем тем, чем жили великие мастера, чем дышал Микеланджело, Донателло, а у нас «старики» и иногда еще один, неизвестно зачем покинувший Родину [3].

Стою зачарованный, обхожу кругом — великолепно! Спрашиваю: Чья? — говорят — Иван Митрича...

С восхищением смотрю и снова возвращаюсь, чтобы любоваться моим другом, моим дорогим, истинным художником. Мысленно целую Его крепко, желаю, чтобы он поскорей поправился и дал «такое», чтобы все любящие его возликовали, а завистливо-ненавидящие обкусали себе когти...

Спасибо, дорогой Иван Митрич, за ту радость, какую Вы мне дали.

809. С. И. ЗИМИНУ *[Москва]. 30 марта 1941 г.*

Дорогой Сергей Иванович!

Сердечно благодарю Вас и Вашу супругу за приветствие меня с высокой наградой.

И я вспоминаю с самым лучшим чувством те годы, когда мы с Вами познакомились, а потом Вы иногда заглядывали ко мне. Далеко и эти дни! Все уходит, как и сама жизнь...

Живу я тоже неплохо, но старею не по дням, а по часам, да и пора: ведь мне скоро стукнет 79 лет!.. Работаю мало, вернее, последние месяцы совсем бросил: болею. [...]

Во всяком случае, мы с женой, когда станет потеплей, а мне полегче, будем у Вас на Кузнецком мосту. Из письма вижу, что Вы, несмотря на перенесенную Вами болезнь, еще полны энергии и по-прежнему любите искусство, — я тоже прожил жизнь, любя его больше всего. Им жил, на нем получал радости, быть может самые большие, ему остался верен до конца, и оно стоит того.

Горячо обнимаю Вас, шлю вместе с женой приветствие Вашей супруге.

810. КОЛЛЕКТИВУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

[Москва]. 31 марта 1941 г.

Мысленно я сегодня со всеми, собравшимися почтить память славного нашего художника Василия Ивановича Сурикова, давшего стране, народу, искусству, после Александра Иванова, наиболее драгоценные создания своего огромного таланта, показавшего с такой необычайной силой героические, трагические порывы духа народного.

Оставленное Суриковым наследие есть достояние, слава, пример, как надо любить искусство, как беззаветно служить ему.

Жалею, что болезнь и годы не позволяют мне сегодня быть самому среди собравшихся там, где хранятся лучшие создания Василия Ивановича.

Михаил Нестеров.

811. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 17 апреля 1941 г.*

[...] Волна приветствий стала утихать, но не проходит дня, чтобы кто-нибудь из медвежьего угла нашего отечества не выразил мне свои «чувства». Они иногда бывают забавны, иногда трогательны, неожиданны. Однако ко всему человек привыкает, привык и я к этому кратковременному «провертыванию» своей особы.

21-го числа предстоит получение дипломов, как и кто их будет нам выдавать — неизвестно, но похоже, что без особой торжественности, чему я рад буду, так как все это меня только утомляет, а здоровье мое неважно: слабеют ноги, голова моя бывает в каком-то тумане. Очень надеюсь на массаж. Если на этот раз он не поможет — плохо мое дело.

Иногда «заношусь» в своих мечтах в Киев, к Вам на улицу Энгельса, или в Питер, к Павловым, а вернее всего, останусь у себя на балконе. [...]

812. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 18 апреля 1941 г.*

Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Благодарю за последнее письмо Ваше. Поздравляю Вас с наступающим праздником, желаю всякого благополучия и успехов в Ваших делах.

Вы правы: сейчас приток приветствий уменьшился, но не кончился. Каждый день я получаю всяческие выражения «чувств» и проч. Особенно щедры на этот счет Москва и провинция. Слабее — Ленинград. В общем, я жестоко устал, но полагаю, что все же скоро настанет конец «провертыванию». 21-го числа нам выдадут дипломы. Как у Вас идут дела музейные? Началась ли развеска картин дореволюционного времени, или еще у Вас продолжается ремонт здания?

Мы здесь живем повышенной «столичной» жизнью — выставки сменяют одна другую с быстротой невероятной. Две-три из них были интересны: Кости Коровина, Ал. Ст. Степанова и Кончаловского. Дело с выставкой «академиков» что-то затихло. Прошел слух о том, что наши картины поедут по Волге и будут показываться чуть ли не в пути, в каютах. Так велико желание просветить массы (хотя бы на скорую руку). Было «покушение» неких лиц, для пользы тех же масс и для торжества «реализма», уничтожить Музей западной живописи, но была подана «бумага» в высшие сферы с указанием на высокую оценку этого музея самим Лениным, и потому «покушение» не состоялось. (Это уже не первое.)

Вот как мы живем...

Книжка моя, слышно, скоро увидит свет, да и пора бы...

Соберитесь, напишите о себе, о Вашем музее, о делах в нем и проч.

813. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 9 июня 1941 г.*

Дорогая, милая Маруся!

Спасибо Вам за поздравление и пожелания. От Вас они особенно ценны, как от человека, который привык с детства относиться ко мне хорошо (как отношусь неизменно и я к Вам).

Да, мне пошел «восьмидесятый годок»! и сколько осталось еще дней, недель, месяцев или лет мозолить своей особой белый свет — не ведаю, но, думается, не так-то много. [...]

Весь день 1 июня до 6 часов пролежал. После 6 часов встал, едва держась на ногах. Народу было тьма, столько же нанесли цветов, но «новорожденный» едва ноги таскал. Так было до тех пор, пока моя Елена Павловна [1] не распорядилась всю публику удалить (часу в 12-м), а меня уложить в постель...

Сейчас я «молодец хоть куда» и надеюсь, при благоприятной погоде, дня через два выйти на воздух и, быть может, начать небольшой портрет [2].

Мечтаю о Болшеве, о Муранове, но увы! не о Киеве: на него меня не хватит.

Среди других подарков получил так называемую «сигнальную» книжку моих «Давних дней». Издано изящно, прекрасна бумага, печать. Спрос на книгу превышает тираж. Вы, Маруся, конечно, получите «авторский» экземпляр. Слышно, что идет речь о втором ее издании. Что теперь скажет о новом «писателе» критика? [...]

814. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 13 июля 1941 г.*

[...] Мы благополучны, жалею, что мои годы не дают мне принять участие в более активной деятельности, но вера, что враг будет побежден, живет во мне, как в молодом.

На днях кончил новый портрет с А. В. Щусева, видевшим портрет нравится. Время же произнесет окончательное свое мнение о содеянном... Устал жестоко. [...]

815. М. В. СТАТКЕВИЧ *[Москва]. 26 августа 1941 г.*

Дорогая Маруся!

Письмо Ваше от 26 июля получил вчера. Рад, что у Вас все благополучно. Не знаю, как сейчас? От Коки [1] имею письма частые, у них все близкие на фронте. Призван ли сейчас Владимир Францевич? О Вас знаю от Коки...

Ольга с трудом сходит в бомбоубежище. Оно у нас хорошее. Мы остаемся в Москве, быть может, я дней на десять уеду в Мураново и... только.

Здоровье мое так себе, возраст берет свое. Так часто хочется повидать Вас, побеседовать.

Времена тяжелые, их надо пережить бодро, все силы придется употребить на это.

Написал портрет Щусева,— всем он нравится, но не до портретов сейчас. Галерея вся вывезена на восток.

Алеша в Болшеве. Здоровье его неважное. Наталья и Ирина служат в хирургической клинике. [...]

816. Е. Д. ТУРЧАНИНОВОЙ *[Москва]. 9 ноября 1941 г.*

Глубокоуважаемая Евдокия Дмитриевна!

Екатерина Петровна и я благодарим Вас за память. Радуемся, что Вы добрались до «Челябы» благополучно. Впереди у Вас, как и у нас, неизвестность. Но и с ней надо освоиться. Враг рода человеческого в конце концов все же уберется «нах хаузе».

Живем мы пока что благополучно, хотя и тревожно. Мое здоровье, а также Алексея и старшей дочери — так себе. Живем надеждой на будущее.

Когда определится Ваше постоянное местожительство, Ваша работа, не откажите сообщить нам о себе, как и свой адрес.

817. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 19 ноября 1941 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Спасибо Вам за хорошее письмо Ваше. Давно хочу ответить Вам, но на душе такая «кутерьма», что лучше, думаю, помолчу.

Мы здесь живем последние дни особо напряженной жизнью: враг участил свое внимание к нам, стало тревожно, так как налеты чуть не круглые сутки, и все неожиданные, такие жестокие. И все же я (да и мои тоже) рад, что остался здесь, а не двинулся в «дальнее плавание». Там, слышно, еще хуже, чем у нас, особенно плохо без денег, а у нас как раз их и нехватка, несмотря...

Получил письмо от Евдокии Дмитриевны, телеграммы от Ксении Г[еоргиев]ны [1] — малоутешительные.

Всякий лишний день, прожитый благополучно, считаем за милость к нам небес, а сколь долго она продлится — не ведаем.

Из нашей «братии» более заметных осталось мало: сидят здесь Алексей Викт[орович], Петр Петрович с братом доктором [2]. Сидят братья Корины. Остальные все уехали. [...]

Я много читаю, прочел в новом издании Вольтера («Кандид» и др.). Читаю давно позабытый «Холодный дом». Какое английское, размеренное остроумие! А все же очень хорошо, когда привыкаешь к автору, к его национальной манере писать.

По «специальности» ровно ничего не делаю. В старую голову ничего не лезет и из нее не вылезает. Что поделаешь! Мысленно часто бываю в Болшеве, думаю о Вас обоих. [...]

818. Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Москва. Ноябрь 1941 г.
[рукой Лансере: *получил в Песках 3/XII*]

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Рад был получить от Вас весточку, узнать, что Вы и Ваша семья благополучно здравствуете. Вы даже начинаете работать, как все это хорошо. В такое тяжелое время, что мы переживаем, такое благополучие, как возможность заниматься любимым делом,— ведь это «дар богов»... Не так ли?..

Наш телефон, как и все в нашем районе, давно выключен, до того же я время от времени звонил к Вам, и незнакомый голос отвечал, что Вы благополучны и что Вы в Песках.

Сейчас приближаются особо тревожные дни, быть может, недели, месяцы. Мы готовимся к ним, я, в мои годы, тем более, т. к. на мою долю выпала долгая жизнь, пришлось много видеть, знать, быть может, больше, чем я хотел бы, но и самое плохое, но увы! неизбежное меня не пугает. Другое дело молодежь, она не жила еще, и многое ей кажется заманчивым, но она едва ли увидит ту жизнь, ту патриархальность, как в царстве сказочных «Берендеев», какую прожили мы и так от которой стремились к неизведанному.

Вы спрашиваете, кто из нашей братии и художников остается в Москве или близ ее.

Скажу, что слышал, что знаю. На днях посетили меня супруги Кончаловские, они полны своими недавними переживаниями, такими необычными, яркими [1]. Бывает у меня и Алек[сей] Виктор[ович] [2]. Он, после долгих колебаний, остается в Москве, оградив свой «замок» фанерными ставнями и ямой на дворе, куда и удаляется с семейством в часы тревог. [...]

Не уехал К. Ф. Юон, тот будто бы сказал, что «желает умереть в Москве», что ж, и то дело. Здесь же хотят сложить свои кости Дейнека, Павел Кузнецов, Илья Машков, Куприн, старик Бакшеев, Милорадович (которому за девяносто лет) и кое-кто еще.

Сивцев Вражек посещают друзья и знакомые почти как обычно, чаще других бр. Корины. Одни из последних, и не без приключений, покинули Москву Вера Игнатьевна [3] и Серг. Вас. Герасимов. Молодежь института [4] частично отправилась в «пешем строю», без риска быть высаженной на дороге.

Здоровье мое так себе, что вполне естественно в мои годы, и все привходящее особого значения здесь не имеет. Неважно себя чувствует Ек. Петровна, того хуже старшая дочь и сын. Я много читаю из давно прочитанного, возобновляю в памяти Вольтера, Сервантеса и других господ, давно покинувших свое земное странствие.

По «специальности» ровно ничего не делаю. Разные запоздалые думы стучатся в стенки моего черепа.

Спасибо Вам большое, дорогой Евгений Евгеньевич, за доброе отношение ко мне, старому. Я очень и очень ценю и давно люблю Вас, Ваше прекрасное искусство, оно посейчас сохраняет свою свежесть. [...]

819. Е. И. ПИГАРЕВОЙ *[Москва]. 7 декабря 1941 г.*

[...] Сейчас у нас сидят Оля и Надежды Вас[ильев]ны [1] сестра и мы говорим о чудесном Муранове, о том, как там хорошо (даже теперь), возвращаемся мыслью к прошлому, увы! к прошлому, и, быть может невозвратному! Мы пока что благополучны, но стрельба идет с раннего утра и до ночи, ночью же, как ни странно, я сплю, ни в какие убежища не хожу. Когда бодрствую — много читаю хороших книг. Бывают знакомые, говорим о том о сем, касаемся возможности остаться без валенок, без шуб и проч. Слушаем поневоле всякие слухи, они разнообразны, но я любитель *хороших* слухов и их мое ухо охотно ловит на лету.

Сегодняшний день вспоминаются дни былые — давно, давно минувшие. Моя мысль охотно возвращается назад, так лет за пятьдесят!

Однако боюсь нагнать своими далекими воспоминаниями на Вас тоску, а потому умолкаю. Прошу передать мои сердечные приветы Софье Ивановне, Николаю Ивановичу и Вашей молодежи. Она — лучшее средство чувствовать себя «современным человеком», конечно с большими оговорками...

Искренне уважающий Вас Мих. Нестеров.

820. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 9 декабря 1941 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Ваши оба письма получил, получила и Екатерина Петровна. День 7 декабря [1] прошел почти как всегда, был народ, были цветы и проч. Екатерина Петровна будет Вам отвечать сама, я же при оказии пришлю Вам не открытку (они скорее доходят), а «большущее» письмо.

Живу я по-старому, надеждой, что мы скоро прогоним врага и супостата в его Vaterland. Довольно он у нас набедокурил, пора и честь знать.

Здоровье мое то так, то эдак. В бомбоубежище не ходим, мне носить туда свои восемьдесят лет трудно.

Много читаю, сейчас занят чтением некоего Исаака Масса, голландца, описывающего XVI век до конца царствования Грозного, Федора Иоанновича, Бориса и Самозванца. Во веки веков мы были те же, что сейчас. Прелюбопытный народ...

821. Е. Д. ТУРЧАНИНОВОЙ *[Москва]. 12 декабря 1941 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Евдокия Дмитриевна!

Так было приятно получить весточку от Вас из прекрасного далека, из «Челябы». Ваше житейское благополучие нас искренне порадовало. Живете Вы в тепле (мы тоже), кушаете сытно. Мы предпочитаем меню вегетарианское: картошку, капусту и прочие злаки. Дух наш бодр, и мы с успехом отражаем врага от Москвы.

Другое дело — здоровье, но ведь оно от нас не зависит. Что Вы хотите, когда человеку не сегодня-завтра стукнет восемьдесят!! у сына чахотка, старшая дочь на костылях. Все это не может прибавить к былому «вдохновению» еще вдохновения, и я о нем позабыл уже и думать. Если доживу до лета — это будет очень хорошо.

Вообще же мы живем тихо, к нам заходят старые друзья, посидим, поговорим и разойдемся.

Недавно получил письмо из Омска от З. О.[1] Она тоже вроде того что благоденствует, что нас весьма радует. Получаем трогательные письма из Болшева[2], там оба супруга прихварывают, что для молодых людей даже и нехорошо.

Наша Москва имеет все признаки города, готового каждую минуту отразить врага, а тот зябнет, так как у нас морозы лютые (сегодня 20 град.), а было до 30-ти.

Вот видите, наша жизнь у Вас «как на ладоньке». Она несложна, однако и не без впечатлений, коих Вы в Вашей «Челябе» лишены. В бомбоубежище мы не ходим, так как не видим в этом надобности.

Будьте же здоровы и благополучны. Наш общий привет Вам и Марии Дмитриевне. Увидимся ли когда?

Не забывайте Вам преданного

М. Нестерова.

822. Н. И. ТЮТЧЕВУ — *Москва. 15 декабря 1941 г.*

[...] Сведения последних дней утешительные: враг, хотя и медленнее, чем нам бы хотелось, отходит на новые позиции, и хорошо было [бы], если бы он на них не задерживался и не стал «окапываться» до лучших дней. [...]

Дни наши (у меня и у Алексея) проходят во сне. Ночи тоже. На б[омбо]убежище смотрим равнодушным оком. На днях бросили немцы 5 фугасок почти в одном месте. Одна из них (небольшая) попала в клинику, где работают Наталья и Ирина. Вылетели не только все стекла, но и рамы. Убитых и раненых (кроме прибывших с фронтов) не было: дело было ночью.

Меня обычно посещают оставшиеся здесь знакомые, им я рад, бывают и новые (очевидно, посмотреть, как живет этот неугомонный старик). Здоровье мое то получше, то похуже. Причины ни тому ни другому не известны. [...]

823. С. Н. ДУРЫЛИНУ — *[Москва]. Декабрь 1941 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Давно получил я Ваши письма, и особо хорошо было последнее. Я люблю получать такие письма, в них лучшие стороны души человеческой светятся. Ваше последнее было именно таким. В нем я увидел прежнего моего Сергея Николаевича, Сергея Николаевича былых дней, лет. Спасибо Вам за это письмо.

Жаль, что Вы с Ириной оба прихварываете, но и времечко же выпало на нашу долю, а тут еще эти япошки с их крохотными островами и с огромными аппетитами на мировое владычество. Когда-то давно им посчастливилось сделать нам большую неприятность, посмотрим, что сейчас удастся им сделать своим бывшим учителям и их друзьям, обладателям мировых капиталов, посмотрим... Но торговали эти годы банкиры чудесно, так ли они теперь повоюют, как торговали. Время покажет не нам с Вами (наш век короткий), а кому-то, стоит ли человек сам по себе, с его устарелой «душой» что-нибудь или он только придаток (меньший, чем винтик в часовом механизме) к чему-то огромному, к какому-то чудовищному, фантастическому изобретению, над которым «дядя Сам» ломал голову, ради злата и комфорта продал свою душу, честную, неподкупную, чистую, как кристалл, черту. Что сейчас делается в мире — непостижимо, со дня творения вселенной не было такого чудовищного и бесчеловечного кавардака. «Люди гибнут за металл»! как когда-то пел наш гениальный певец... [...] Шаляпин пел оперного черта, пел дивно хорошо. Одни наши «Иваны» (и наши ли только?) спокон веков отдавали свою душу, свою жизнь.

Я сейчас читаю, быть может, Вам известного голландца Исаака Масса, жившего при Грозном царе до самозванцев.

Я гляжу сейчас, доживая свой долгий век, особым старческим оком. Нам, старикам, под конец, «под занавес» дается увидеть то, что никогда не снилось «нашим мудрецам». Думается мне, что конца наших дней я не дождусь, да и не дай бог. Но чувствую я всей полнотой своего сознания, что «немца» мы прогоним, когда — все равно, но он у нас не заживется и надолго будет помнить нас — «Иванов».

Мы ведь за редчайшим случаем все «Иваны», но ведь один загадочный Иван когда-нибудь возьмет да и опишет, «не мудрствуя лукаво», всю Иванову жизнь, его душу, его ум и глупость и итог подведет.

Пока что мы живем «задним умом», простодушно умных считаем дураками и наоборот, но это когда-нибудь минует и мы однажды проснемся зрячими. Дал бы бог поскорей. [...]

Что меня огорчило и возмутило — это то, что сделали немцы с могилой Пушкина. Ведь Пушкин-то, после святых угодников, идет в первой очереди. Такого непостижимого варварства, ничем не оправданного, не знаешь, чем объяснить. Неужели после всех Гете, всех их мудрецов, людей с великой душой, остались только одни невежды и мракобесы. Не хочется верить!

Вот я и устал, вот я и не гожусь никуда, и чувствую я с горечью, что ушли мои годы, куда девались «благие намерения»? Мне под восемьдесят... пора и отдохнуть.

Последний месяц я состарился так, как не состарился за десять лет предыдущих. Нехорошо и Алеше... Ну да как-нибудь скоротаем остаток долгих лет у себя в Москве, где я жил, учился уму-разуму, где встречал много хороших людей, видел мировые события, там и смерть приму. Жаль, что прожил больше, чем надо, и не кончил жизнь, как мечтал, и эти грехи тяготят меня давным-давно... Да что поделаешь! [...]

1942

824. Н. И. ТЮТЧЕВУ

[Москва]. 1 января 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Иванович!

Екатерина Петровна и я поздравляем Вас, Софью Ивановну, Екатерину Ивановну и всех близких Вам, Вашу молодежь с наступившим новым 1942 годом. Наши пожелания идут от всего сердца, а оно говорит... что в первую очередь надо сейчас желать хорошего здоровья, бодрости духа и всякого благополучия, кое зависит и от новых побед и одолений над врагом. Он нас, москвичей, сейчас оставил почти в покое: дни и ночи мы его не слышим, спим спокойно, но привычка к настороженности нас не покидает, она останется еще, быть может, надолго, во всяком случае месяца на два-три, на время наших лютых морозов, коих враг не любит и боится так же, как и наших славных воинов. Вы, конечно, многое знаете из газет, они сейчас полны этих радостных вестей.

Мы часто думаем о Муранове и мурановцах. Надеемся, что разные слухи никак не коснулись Муранова.

Мы живем, как большинство сейчас. Особенно нас заботит болезнь Алеши. Он лежит, очень похудел, кашель увеличился и больной ослаб. Неважно выглядит и Ольга. Я на правах старости быстро становлюсь никуда не годным, на воздухе не бываю (стоят лютые морозы). Екатерина П[етров]на, по ее силам, работает, наша остальная молодежь работает много и устает, но бодра. В Москве начинают появляться люди, выбывшие отсюда в памятные дни, их встречают без восторга. Впереди много всякого, но хорошего, думается, увидят люди больше, чем плохого. Кому-то суждено пережить минувшие и грядущие тяжелые дни, страшные годы. Народ наш и История их не забудут, Народ — надолго, История на века.

825. Н. М. РОМАДИНУ *Москва. 3 января 1942 г.*

Дорогой Николай Михайлович! Вашу единственную открытку получил вчера. Сегодня пишу Вам, поздравляю с Новым годом. Желаю вам обоим то, что вы сами себе желаете, чего желает сейчас вся наша земля: избавления от врага, он отступает от Москвы, помогает ему в этом наша доблестная Армия и... морозы, кои сейчас стоят здесь лютые (30 град.).

Радуюсь, что Вы не забываете своего прямого призвания — Искусства, оно у Вас не останется в долгу...

Что сказать Вам о себе, в мои годы все кажется тяжелым, не так как в годы молодости, к тому же тяжко болен мой Алеша, у него туберкулез в сильной степени. Что-то скажет весна. Она и желанна, и боюсь я ее что-то. П. Д. [1] был у меня третьего дня, но и он Ваших писем не получал, иначе бы сказал мне. Он работает. Мы будем рады видеть Вас, когда к тому придет время. Екатерина Петровна и я просим передать наш привет Нине Герасимовне. Художников здесь осталось много, многие призваны в армию. Настроение хорошее, бодрое.

826. М. М. ОБЛЕЦОВОЙ *[Москва]. 7 января 1942 г.*

[...] 1 января вышла моя книга «Давние дни». Издала Третьяковская галерея, и издала прекрасно. При первой оказии вышлю тебе с авторской подписью. Но когда такая «оказия» будет, сказать сейчас трудно. В Москве были сильные морозы, теперь стало помягче, да и враг уходит все дальше и дальше. В каком состоянии музей [1] — осталось ли в нем что-нибудь мое или все отправили? Напиши, это меня интересует. В Уфу сейчас понаехало много народа, там проживает моя знакомая Лина По — слепой талантливый скульптор. Живет она с родными своими — те врачи.

827. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 5 февраля 1942 г.*

Дорогой Петр Евгеньевич!

Ваше письмо от 26-XII 41 г. получил на днях. Очень благодарю Вас за те строки, что Вы писали еще в минувшем году. От Павловых имеем два письма. Они благополучны, старушка, несмотря на свои «за 80», бодра. У нас в Москве стоят морозы, но вообще мы поуспокоились. Начинают люди понемногу работать, но до Вас еще далеко. Вы все в вашем чудном городе служите примером для нас — москвичей. Здоровье мое неважно, но что же тут скажешь, если человеку без малого 80?! Хуже здоровье сына, у него сильный туберкулез, что покажет весна? Больна старшая дочь, что у нее, трудно сказать, дома — лазарет. Пока в порядке жена и младшая дочь, работают не покладая рук (жена просит передать Вам привет). Книга моя «Давние дни» вышла. Евг[ений] Евг[еньевич] сделал чудесное для нее оформление, спасибо ему. Будет возможность, пришлю книгу Вам. Москва понемногу приходит в себя. И все же житье наше нельзя назвать легким. Привет мой при случае прошу передать Анне Петровне.

828. П. Е. КОРНИЛОВУ *Москва. 20 февраля 1942 г.*

[...] Скоро мне минет 80, и это надо помнить... Придут иные времена, тогда вспомните, что мои картины *очень любят верхний или боковой* (слева) свет и не очень довольны, когда их развешивают *против окон.* Такой уж у них нрав.

У нас стоят морозы, я давно не выхожу из дому, а завтра вот «выеду». Привет мой А. П. О.-Л. [1] Рад за нее, что она такая бодрая.

Книга моя «Давние дни» вышла, ею, кажется, довольны... Для Вас оставлен один экземпляр...

Вот я и устал, кончаю...

829. Н. М. РОМАДИНУ *Москва. 3 апреля 1942 г.*

Дорогой Николай Михайлович!

Ваши открытки получил, благодарю.

Я еще в клинике, но скоро думаю быть дома, хотя мое здоровье остается почти в том же состоянии (как и возраст). [...]

У нас в Москве недавно открыт реставрированный под наблюдением П. Д. К[ори]на плафон Большого театра, когда-то, при его постройке, расписанный итальянцами, и неплохо. Вот все, что мне известно по части художества. Художники ездят на фронт, делают зарисовки и проч.

В Москве стояли до последних дней морозы. Живем мы серьезно, соответственно времени, тоже серьезному. [...]

830. М. В. ЯМЩИКОВОЙ (АЛ. АЛТАЕВУ) *[Москва]. 12 апреля 1942 г.*

Глубокоуважаемая Маргарита Владимировна!

Мне приятно было слышать Ваше мнение о моей книге «Давние дни», того приятнее Ваше намерение посвятить Ваш новый труд — мне [1].

Эпоха, которую Вы избрали для Вашей книги о нашей Академии художеств начала прошлого века,— богатая эпоха: из недр Академии тех лет вышли двое Ивановых, причем сын стал гордостью и славой нашей. Вышли братья Брюлловы, ряд других живописцев, скульпторов и зодчих.

Конечно, эпоха эта имела в себе и отрицательные явления, но их приходится отнести к нравам этого времени. Ведь у каждого времени — свои нравы.

831. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 3 мая 1942 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Пишу Вам с Сивцева Вражка, куда перебрался из клиники 28 апреля. Чувствую себя сносно.

Но дело не во мне и не в моем «драгоценном», а вот в чем. На днях я получил письмо из Ленинграда от Серафимы Васильевны Павловой, супруги Ивана Петровича Павлова. Серафима Васильевна просит меня разузнать, не найдется ли в Москве желающих издать ее «Записки» — воспоминания, охватывающие более пятидесяти лет с того времени, когда она была на Бестужевских курсах, а Иван Петрович — студентом Медико-хирургической академии, затем их жениховство и долгую, интересную последующую жизнь их вместе.

Воспоминания мне частично известны, они написаны живым, образным языком, читаются легко...

Быть может, Вы, при Вашем обширном знакомстве, сможете что-либо устроить тут. Было бы очень хорошо.

Я в клинике написал очерк о Н. А. Ярошенко. Что вышло — не знаю [1].

832. М. В. ЯМЩИКОВОЙ (АЛ. АЛТАЕВУ) *[Москва]. 15 мая 1942 г.*

Глубокоуважаемая Маргарита Владимировна! Благодарю Вас за Ваше интересное письмо, ответ на которое, к сожалению, могу только продиктовать Екатер. Петровне.

Вернувшись домой, я почувствовал себя хуже. Врачи признали ухудшение деятельности сердца. Запретили мне вставать. Я лежу теперь, и лежа мне трудно писать, а потому ограничусь на этот раз кратким Вам ответом. Вас. Максим. Максимова я знал мало, и знал его в часы его несчастной слабости. Из его картин я ценю его ответственные вещи: «Приход колдуна» и другие из крестьянской жизни, кот[орую] он, будучи сам крестьянином, хорошо знал. Ваша книга обещает быть интересной по намеченному к ней материалу.

833. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 12 июня 1942 г.*

Дорогой и глубокоуважаемый Петр Евгеньевич!

Прекрасное письмо Ваше от 4 июня, а затем вчера от 19 мая получил. Душевно благодарю Вас за оба (они «оба лучше»). Спасибо Вам за доброе отношение ко мне, к моему художеству. Юбилейные дни прошли шумно. 30 мая было торжественное собрание по поводу юбилея [1]. Народа, говорят, собралось много, говорились речи, читали доклады, пели, играли артисты. Председательствовал Храпченко. Присутствовали многие важные персоны (Ал. М. Герасимов и друг.). В день моего 80-летия собралось у меня много народа, было тесно, было начальство, опять говорились речи, я сидел не больше часа, потом врач меня уложил в постель; я жестоко устал. На другой день узнал, что мне правительство дало звание и орден [2]. 1-го получил (читались) адреса, и до сего дня шлют телеграммы со всей нашей страны, много писем, есть очень хорошие (среди них и Ваше), но есть и смешные, хотя и душевные, но жизнь прожита, все кончено, сделано во всю силу, что было отпущено, а что сделано плохо или недоделано — прошу простить меня. Надеюсь, ответ мой на приветствие Русского музея получен и Вам передана моя благодарность за телеграмму.

Книжка моя предполагается быть выпущена *вторым* изданием. Ваш экземпляр (подписанный) ожидает того часа, когда можно будет переслать его Вам.

Сердечно рад, что Вы и Ваша супруга крепко и дружно держитесь. Работа, конечно, этому способствует, но и личная «закалка» многого стоит, а она у Вас, к счастью, имеется.

От всего сердца желаю Вам бодрости душевной и сил телесных до конца тяжелых дней. Хочется думать, что им скоро настанет конец.

Жена просит передать ее привет Вам и Вашей супруге, к чему я всей душой присоединяюсь. Не откажите при случае передать А. П. О.-Л. [3] прилагаемую записочку.

834. А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ *Москва. 12 июня 1942 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Анна Петровна!

Сердечно благодарю Вас за приветствия и добрые пожелания...

Радуюсь, что Вы бодры духом и крепки телом, что много работаете: в этом ведь наше спасение, страховка от всяких недугов. Часто вспоминаю Вас, люблю Ваше искусство с первых дней Вашего появления на выставках «М[ира] и[скусства]».

Оставил для Вас книжку свою «Давних дней». Хотя сейчас и трудно предугадать, когда она попадет к Вам.

Желаю Вам от всей души благополучия и здоровья.

835. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 8 июля 1942 г.*

Дорогой мой Павел Дмитриевич, сегодня день Вашего рождения, пятидесятилетия, Ваш «Большой день», и я от всей души поздравляю Вас с прожитой интересной художественной жизнью, по временам нелегкой и тем более ценной. Но все, что прошло,— прошло. Там, в прошлом, было, как всегда и у всех, много чудесного... незабываемого, были, конечно, дни, часы, о которых лучше забыть, мы и забудем о них. Вспомним то, что было нам любезно, любо. Меня особо радует в Вашей жизни то, что Вы осознали нашего великого Иванова, видели Рим, Ватикан, Рафаэля, Микеланджело, их творения, видели «Иннокентия X» [1]. Все это было праздником Вашей художественной природы, было Вашим университетом, и это большое счастье, большая удача для Вас, и я уверен, что Вам суждено оставить нашей Родине немало прекрасного. Пошли Вам господь силы душевной и здоровья для этого подвига. Я желаю Вам того, что мог бы пожелать себе. Жалею, что немощи мои лишают меня быть сегодня у Вас и с Вами, мысленно я думаю о Вас, прохожу вместе тридцатилетний путь... за него сердечное Вам спасибо...

Пашеньке, Вашей верной спутнице в жизни, шлю свой привет и поздравленье любящий Вас Мих. Нестеров.

836. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 16 июля 1942 г.*

[...] Ваше описание жизни и трудов Анны П-ны О[строумовой]-Л[ебедевой] восхищает меня. Какой она твердый, мужественный человек, но и Вы с Вашей супругой достойны удивления... Изыскиваете все способы, чтобы не падать духом, работать.

Я живу, как многие здесь и, быть может, лучше, чем многие, но то, что я стар и болен в такое время, меня угнетает, я не могу быть ничем полезен. Больше лежу, вернее — все лежу. Здоровье мое естественно идет на убыль. [...]

837. В. Г. ЛИДИНУ [1] *[Москва. Начало августа 1942 г.]*

Многоуважаемый Владимир Германович!

Обращаюсь к Вам по следующему поводу. Два близких мне человека, один очень старый — Петр Петрович Перцов, другой молодой — Кирилл Васильевич Пигарев, на днях должны проходить в Союз писателей.

П. П. Перцов — старый литератор (сейчас больной, сильно нуждающийся), автор превосходных работ по искусству, как то: «Венеция» (2 издания), «Третьяковская галерея», «Музей западной живописи», а также живых по художественному изложению «Литер[атурных] воспом[инаний]» [2]. Он, как критик, работает с мастерством большого художника. Его как поэта ценил покойный Фет.

К. В. Пигарев сейчас лучший специалист по Тютчеву. Его — «Тютчев и дипломатия царской России», ряд статей о Тютчеве, а также им проредактированы два советских издания Тютчева. В литературных своих работах он является даровитым специалистом художественно-литературного очерка.

Сейчас печатается в журнале «Октябрь» его статья «Суворов в его письмах». Академия наук издает под его редакцией с его же статьей «Переписку Тютчева». ГИХЛ издает под его редакцией «Письма Суворова» [3].

И Перцов, и Пигарев имеют хорошие рекомендации для принятия их в Союз, но всего этого сейчас недостаточно. Сейчас будто бы склонны принимать туда лишь «творчес[ких] работников», то есть поэтов и беллетристов, а не литературоведов и критиков.

Как П. П. Перцов, так и К. В. Пигарев уже прошли счастливо первую отборочную комиссию. Теперь необходимо, чтобы их обоих поддержали в *заседании президи-*

ума. Вот тут-то Ваш голос, как члена президиума, и может быть для обоих решающим. И я очень прошу Вас не отказать подать его за этих двух вполне достойных кандидатов и близких мне людей. Буду Вам очень и очень признателен.

838. Н. М. РОМАДИНУ *Москва. 29 августа 1942 г.*

Дорогой Николай Михайлович!

По Вашему письму вижу, что художественная жизнь Ваша не проходит так однообразно, как Вы говорите,— Вы много работаете, заглянули даже в область ваяния, все это, при наличии живой заинтересованности, оставит добрые следы. Вашу поездку на оз. Иссык-Куль приветствую, думаю, что там Вы найдете много нового. «Художественные вериги» Ваши не будут Вам в тягость, хотя бы потому, что они преходящие... Письмами Иванова жило, восхищалось не одно поколение художников... Они призывают нас к высоким идеалам... Пусть эти письма и для Вас останутся непреходящими. При горячем желании (а оно у Вас должно быть), я уверен, что на поверхности Вы удержитесь, путь Ваш верен (работа с натуры и еще «кое-что»). [...]

839. В. Г. ЛИДИНУ *Москва. 5 сентября 1942 г.*

Многоуважаемый Владимир Германович!

Прочел все, что Вы так любезно прислали мне. Прочитал и «Могилу неизвестного солдата», столь популярную среди читателей, написанную Вами таким живым, правдивым языком.

«Избранные рассказы» тоже прочел, среди них мне особенно пришлись по вкусу: «Младость», «Ледники», «Рыбаки», словом все то, что соответствует моей «природе».

Жуткий рассказ «Возвращение Гелы» и другие этой серии написаны ярко, читаются с большим интересом.

Как много Вы путешествовали, как много видели, и как это хорошо. [...]

840. Е. Д. ТУРЧАНИНОВОЙ *[Москва]. 7 сентября 1942 г.*

Глубокоуважаемая Евдокия Дмитриевна!

Сердечно благодарю Вас за письмо. Совершенно понимаю Ваше желание быть в Москве, мы ни в какой мере не жалеем, что не покинули ее...

Вчера мне передали, что видели здесь артистов Художественного театра — Качалова и других, видали Немировича и слышали, что в самые ближайшие дни выезжают в Свердловск. А про Ваш Малый ходят слухи, что он скоро возвратится в Москву. Вот тогда и сбудется Ваше и наше желание — мы с Вами увидимся, и все будет так хорошо...

В наше необычайное время — все неожиданно, все возможно.

Мое здоровье согласуется с моим возрастом, оно неважно, больше полеживаю. Попытки (настояние врачей) прогуливать себя кончаются плохо: едва живой возвращаюсь в дом свой, тут же, на Сивцевом Вражке, и снова лежу и лежу. Так проходят мои не очень радостные дни.

Сегодня вернулся из туберкулезного санатория Алеша, вернулся без голоса. Он и мы все возвращению его очень рады.

Сергей Николаевич время от времени заглядывает, он очень занят, много работает, выступает.

Лето кончилось, наступают осенние дни, законные осенние холода, хоть солнышко светит, но греет по-осеннему.

841. П. Е. КОРНИЛОВУ *[Москва]. 15 сентября 1942 г.*

Дорогой Петр Евгеньевич!

Очень был обрадован Вашим письмом (также получил и приглашение на заседание в память покойного П. А. Шиллинговского). Письмо Ваше успокоило меня, я из него узнал, что мое медвежье «усердие» не причинило Вам неприятностей [1]. Буду ждать возможности, чтобы переслать один ее экземпляр [2] А. П. Остроумовой-Лебедевой, другой переслать Серафиме Васильевне Павловой (супруге И. П.). Их адрес: Васильевский остров, 7-я линия, д. 2, кв. 8. Они сейчас, по-видимому, из Колтушей вернулись в город (получил письмо дня три тому назад). Буду очень Вам признателен.

В связи с моим восьмидесятилетним юбилеем недавно я был избран почетным членом Союза писателей. Таким образом, «без драки попал в большие забияки», а все эти «Давние дни». [...]

842. Ф. С. БУЛГАКОВУ [1] *[Москва]. 5 октября 1942 г.*

Дорогой Федя! Давно собираюсь писать Вам, но время горячее, и пришлось откладывать до сегодня. Вчера выяснилось, что операция неизбежна, и не позднее 11—12 октября. Она, говорят, не опасна, но неприятна. [...] Делать операцию будет или Фрумкин в Боткинской, или С. С. [2] у Склифосовского. Это решится сегодня вечером.

Дома все то же, бывает народ, я полеживаю. Алексей прихварывает, радостного мало. С художеством все то же, что и при Вас, слышно, открылась выставка ленинградских художников, слабая. П. Д. завален работой, устает, нервничает. Пишет «Александра Невского» для массового распространения [3].

Слышал, что у Вас тоже много дела, но знаю, что Вы от дела не бегаете, что я приветствую от всего сердца.

Если будет возможность писать после операции, то писать буду, а то будет Вам сообщать обо мне Наталья. Если Вы вздумаете о себе написать, буду рад получить о Вас весточку. Пишите на Сивцев Вражек — передадут.

Я тут «расфантазировался», вздумал написать портрет с Обуховой, она была у меня и понравилась мне, собиралась для меня попеть, теперь обо всем этом надо позабыть... жаль...

Много разных было затей, надо проститься. Так живем мы в Москве, хочется видеть Вас, но подождем.

Все мои шлют Вам привет.

Любящий Вас М. Н.

843. С. Н. ДУРЫЛИНУ *[Москва]. 7 октября 1942 г.*

Дорогой Сергей Николаевич!

Послезавтра Сергиев день. «Ваш день», и я поздравляю Вас «по старинке», желаю много, много хорошего и всяческого благополучия вообще. За книжку [1], что передала мне Ирина, благодарю, благодарю «на добром слове», быть может, я их не заслужил, но что с Вами поделаешь. Знаю, что у Вас лично идет все из лучших, искренних побуждений, кои встречаешь все реже и реже...

Многие из писавших в разное время (и Вы также) поэтически описываете пейзаж на «Пустыннике», с особым чувством говорите о прелестях весенней природы, ну, а куда тогда деть снег, а зрелые, красные ягоды на ветке рябины? это ли «поэзия весны»?

Есть и еще одно место, Вами, видимо, позабытое из того слишком многого, что я в разное время передавал Вам. Вот сие: «Куда мне! — говаривал не раз Н[естеро]в.— Я ведь не Портрет Портретыч, я этого не умею».

Когда-то Серов, смотря на неудавшийся портрет своей работы или другого мастера, с сумрачным презрением обзывал такой портрет: «Портрет Портретыч — и только»... А Вы слова «Портрет Портретыч» приписываете мне.

Конечно, это мелочь, но Вам я не желаю извинить и этой мелочи. Вы у меня давно «на особом положении», Вы слишком много и давно знаетесь с нами — художниками,— и никакая отсебятина от меня, по крайней мере, не скроется.

В общем, написан очерк прекрасно, с большим мастерством, и думается мне, что в живом Вашем слове он еще ярче. Так ли все, как Вы говорите о моем художестве,— покажет время. Оно строже и справедливее самого А. Н. Бенуа, все в свое время разберет и поставит на свое место, а пока надо готовиться к операции, назначенной вчера на 14—15 октября в Боткинской больнице у проф. Фрумкина. [...]

Да! вчера на консилиуме Юдин сообщил, что книжка Ваша «Н[естеро]в» идет бойко, у него одного имеется четыре экземпляра, два сам купил, и два ему подарили.

Пишу это письмо не уверенный, что если будет в четверг плохая погода, то кто-нибудь попадет к Вам с Сивцева Вражка.

Второе издание «Давних дней» решено. Научите, что следует назначить издательству минимум с листа. Я в этом ничего не понимаю и не хотел бы «заломить». Лишь бы было сносно, с меня этого совершенно достаточно. Хочется написать в новое издание еще один очерк: «Рим», как я его помню лет пятьдесят тому назад, как я понял его, кого нашел тогда в нем своих русских приятелей, их жизнь там.

Написал уже восьмидесятилетним пейзаж на тему: «Уж небо осенью дышало, короче становился день»... Видевшим стариковская стряпня нравится [2]. [...]

844. П. Д. КОРИНУ *[Москва]. 10 октября 1942 г.*

Дорогой Павел Дмитриевич!

Если успеете к 6-ти часам (сегодня) быть у меня с Пашенькой, услышите пение Обуховой. Вчера только выяснилось время и место, где она будет петь... [1] Буду рад видеть Вас обоих. Если не успеете быть сегодня, загляните завтра, чтобы я успел передать Вам перед отъездом в Боткинскую конверт.

Любящий Вас М. Нестеров.

комментарии

адресаты и источники текста

именной указатель

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архив АН СССР	Архив Академии наук СССР (Москва)
ГБЛ, ОР	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей (Москва)
ГПБ, ОР	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей (Ленинград)
ГРМ, ОР	Государственный Русский музей, Отдел рукописей (Ленинград)
ГТГ, ОР	Государственная Третьяковская галерея, Отдел рукописей (Москва)
ИРЛИ	Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом, Ленинград)
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)
ЦГИАЛ	Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде

КОММЕНТАРИИ

1

[1] Силами учеников частного реального училища К. П. Воскресенского, где Нестеров учился с 1874 по 1877 г., была поставлена «Женитьба» Н. В. Гоголя.

[2] *К. П.* — Константин Павлович Воскресенский.

[3] Братьям Бутеноп принадлежал дом, в котором помещалось училище К. П. Воскресенского.

2

[1] *Гриб* — шутливое прозвище соученика Нестерова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества скульптора С. М. Волнухина.

[2] И. И. Метцель — издатель журнала «Радуга».

[3] Гравюры с рисунков Нестерова к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского были напечатаны в журнале «Радуга» (1887, № 4).

3

[1] Нестеров ездил в Петербург, чтобы повидать свою маленькую дочь Ольгу, воспитывавшуюся после смерти матери, М. И. Нестеровой, у ее сестры Е. И. Георгиевской.

[2] Речь идет, по-видимому, о картине «До государя челобитчики», за которую Нестеров в 1886 г. был удостоен большой серебряной медали и звания художника; экспонировалась на 9-й ученической выставке в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в декабре 1886-го — январе 1887 г.

[3] В 1886—1887 гг. Нестеров работал над иллюстрациями к роману П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского. «Хламом» же он называет, по-видимому, бесчисленные иллюстрации на различные темы для журналов «Радуга», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Север», над которыми он трудился для заработка.

[4] Картина «До государя челобитчики» была выставлена Нестеровым на конкурс Общества поощрения художников, помещавшегося на Морской (ныне там, на ул. Герцена, 38, — Ленинградское отделение Союза художников РСФСР).

Гаевский Виктор Павлович — известный литератор, пушкинист, один из основателей Литературного фонда.

[5] Имеется в виду картинная галерея Московского публичного и Румянцевского музея (в просторечии — Румянцевский музей), обладавшая собранием западной и русской живописи, в частности блестящей коллекцией произведений А. А. Иванова.

4

[1] «До государя челобитчики».

[2] Картина «До государя челобитчики» поступила в собрание Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В настоящее время — в собрании Г. Б. Смирнова (Москва).

[3] Очевидно, имеется в виду картина «Первая встреча царя Алексея Михайловича с боярышней Марией Ильиничной Милославской», написанная Нестеровым по заказу из Кяхты. «Вещь эта ничего оригинального или художественного в себе не имела. С нее и было сделано мной повторение для отца моего приятеля Турыгина...» — пишет Нестеров в своих «Воспоминаниях» (*Нестеров М. В.* Воспоминания. М., 1985, с. 89. Далее: *Воспоминания).*

5

[1] Нестеров получил премию им. В. П. Гаевского пополам с художником С. Я. Лучшевым.

[2] И. Н. Крамской.

[3] См. примеч. 3 к письму 4.

6

[1] *Ваничка* — Четан (Иван) Георгиевич Гугунава.

[2] См. примеч. 3 к письму 4.

7

[1] Обе картины были посвящены памяти скончавшейся 29 мая (ст. ст.) 1886 г. жены Нестерова, Марии Ивановны. «Тогда же явилась мысль написать «Христову невесту» с лицом моей Маши... В этой несложной картине тогда я изживал свое горе. Мною, моим чувством тогда руководило, вело меня воспоминание о моей потере, о Маше, о первой и самой истинной любви моей. И еще долго, на стенах Владимирского собора я не расставался с милым, потерянным в жизни и обретенным в искусстве ее образом. Любовь к Маше и потеря ее сделали меня художником, вложили в мое художество недостающее содержание, и чувство, и живую душу, словом, все то, что позднее ценили и ценят люди в моем искусстве» (*Воспоминания*, с. 88—89). Картина «Смертный час» не была закончена.

[2] Нестеров собирал материал и работал над эскизами к картине «Видение Кузьмы Минина». Картина написана не была.

9

[1] Ныне г. Загорск.

[2] Имеется в виду Троице-Сергиева лавра.

[3] Художница Елена Дмитриевна Поленова.

[4] *«Черниговская Божья Матерь»* — считавшаяся чудотворной икона богоматери

(XVIII в.) в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой лавры.

[5] Портрет Верушки (Веры Саввишны) Мамонтовой работы Н. Д. Кузнецова экспонировался на XII Передвижной выставке в 1884 г. Находится в Музее-усадьбе «Абрамцево». О работе Кузнецова над этим портретом см.: *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках (Абрамцевский художественный кружок). М., 1950, с. 31—32.

11

[1] Церковь села Благовещенского — один из немногих в настоящее время в Подмосковье памятников деревянного зодчества XVII в. Относится к типу «клетских» церквей.

[2] Речь идет, по-видимому, о портретах С. И. и Е. Г. Мамонтовых И. Е. Репина и о портрете Е. Г. Мамонтовой В. М. Васнецова. Портрет В. С. Мамонтовой («Девочка с персиками», 1887) работы В. А. Серова с 1929 г. принадлежит ГТГ.

[3] О постройке церкви (1881—1882) в Абрамцевском парке см.: *Васнецов В. М.* Воспоминания о Савве Ивановиче Мамонтове. В кн.: *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках, с. 65—66; *Пахомов Н.* Абрамцево. М., 1969, с. 239—246.

[4] Эта композиция легла в основу запрестольного образа богоматери, написанного В. М. Васнецовым во Владимирском соборе.

[5] Пейзаж «Сергия Радонежского» работы В. М. Васнецова оказал несомненное влияние на Нестерова при создании им «Видения отроку Варфоломею».

[6] «Избушка на курьих ножках» была сооружена по проекту В. М. Васнецова и предназначалась для детских игр.

12

[1] Об этом посещении Поленовых Нестеровым см.: *Сахарова Е. В.* Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964, с. 397—398. (Далее: *Сахарова Е. В.* В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова...)

[2] В. Д. Поленов происходил из известной дворянской семьи. Его бабушка, дочь архитектора Н. А. Львова, была замужем за героем Отечественной войны 1812 г. генералом А. В. Воейковым. Отец Поленова, Д. В. Поленов, крупный библиограф и археолог, был сенатором.

13

[1] С. В. Иванов путешествовал летом 1888 г. по Кавказу.

[2] Модный «комнатный декоратер» А. А. Томашко жестоко эксплуатировал молодых московских художников, которых нанимал для помощи в работе. Так, А. Я. Головин по окончании Московского училища живописи, ваяния и зодчества в течение семи лет служил у него в подмастерьях, фактически исполняя всю работу за хозяина и получая за это гроши. Нестеров работал у Томашко зимой 1885/86 г. и осенью 1888 г.

14

[1] «За приворотным зельем».

[2] Нестеров создал ряд рисунков к «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова (см.: *Лермонтов М. Ю.* Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. С рис. художника Нестерова. М., изд. А. Д. Ступина, 1893).

16

[1] См. примеч. 2 к письму 13.

[2] Речь идет об иллюстрации к рассказу П. Г. «Созерцатель» (Север, 1888, № 38, с. 9).

19

[1] Нестеров работал в 1888 г. над иллюстрациями к сказкам А. С. Пушкина и к собранию его сочинений, изданному для юношества, к «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, к книгам В. Кудрявцева «Пустынница», А. Сливицкого «Дядька Квасов (Воспоминания кадета)», Е. Салиас «Волчков-доносчик». Рисунки Нестерова для этих изданий гравировались обычно А. С. Яновым.

21

[1] Речь идет о конкурсе в Обществе любителей художеств в Москве, где И. И. Левитан получил вторую премию (за пейзаж) за картину «Вечереет», В. А. Серов — первую премию (за портрет) за «Девочку с персиками», К. А. Коровин — вторую (за жанр) за групповой портрет «За чайным столом» и третью — за пейзаж «Золотая осень».

[2] На VIII периодической выставке любителей художеств в Москве была экспонирована картина Нестерова «За приворотным зельем».

[3] Речь идет об иллюстрациях Нестерова к книге: Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее. Составил и издал П. В. Синицын. Рисунки М. В. Нестерова. Гравировал А. С. Янов. М., 1895.

22

[1] В газете «Русские ведомости» за 28 декабря 1888 г. (№ 357) была опубликована статья В. Си-ва «Периодические выставки в залах Общества любителей художников», в которой автор хвалил картину «За приворотным зельем», подчеркивая, что она «обличает в г. Нестерове очень талантливого художника».

23

[1] В своем письме к Нестерову А. А. Турыгин критиковал картину «За приворотным зельем», поставленную на конкурс Общества поощрения художеств под девизом «Тоска-кручина».

24

[1] Премию на конкурсе Общества поощрения художеств получил Г. Ф. Рыбаков за слабую картину.

[2] *Лукутинские табакерки* — табакерки из папье-маше, покрытые черным лаком, с росписью на крышках, производились под Москвой в селе Данильцеве (близ Федоскина), на предприятии, основанном в конце XVIII в. купцом П. И. Коробовым и приобретенном в конце 1810-х гг. П. В. Лукутиным. Расцвет лукутинских росписей относится к середине XIX в. В конце века, при Н. А. Лукутине, художественный уровень их снижается, предприятие становится чисто коммерческим.

[3] Картина «За приворотным зельем» была приобретена Саратовским музеем им. А. Н. Радищева.

25

[1] Нестеров высоко ценил романы П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и «На горах». Его живописный цикл или, как его называл сам художник, «роман в картинах», посвященный горестной женской судьбе, был навеян в известной мере этими романами (см.: *Дурылин С.* Нестеров в жизни и творчестве. (ЖЗЛ). М., 1965, с. 85).

[2] XVII Передвижная выставка, на которой экспонировался «Пустынник», отправлялась в поездку по России.

27

[1] Нижний (1714—1716) и Верхний (1721—1722) Бельведер (арх. Л. Хильдебрандт) — дворцовый комплекс в стиле барокко.

[2] Перечисленные здесь здания находятся на одной из главных улиц Вены — Ринге («Кольцо» — Рингштрассе). Возведены в 1850—1880-е гг.

[3] Собор св. Стефана строился с 1137 по 1433 г. Западный его фасад — романский.

28

[1] Фамилия русских, встреченных Нестеровым,— Дедловы.

[2] Собор св. Марка, крупнейший в Италии памятник византийского зодчества, был построен в 829—832 гг., перестроен в 1073—1095 гг.; его готико-ренессансный фасад окончен в XV в. Постройка Дворца дожей начата в IX в., корпус, выходящий на набережную, относится к XIV в., западный корпус — к 1424—1442 гг., восточный корпус — к 1483—1498 гг., достраивался дворец в XVI в. Таким образом, в этих зданиях слиты воедино элементы византийской, романской, готической и ренессансной архитектуры.

[3] Скульптор Э. Феррари, 1887 г.

[4] Имеется в виду церковь Санта-Мария Глориоза деи Фрари (1338—1443).

31

[1] «Прерафаэлистами» Нестеров называет итальянских живописцев треченто (XIV в.) и кватроченто (XV в.), предшественников Рафаэля.

32

[1] *Наши* — живописцы А. А. Киселев, Н. Д. Лосев, скульптор В. А. Беклемишев.

[2] Нестеров поселился в комнате, в которой до него жил И. В. Цветаев.

[3] Памятник Джордано Бруно был открыт на площади ди Фиоре в Риме (скульптор Э. Феррари).

33

[1] Церковь Сан-Джованни ин Латерано — раннехристианская базилика (311—314), перестраивалась в IX, XIV и XV вв.

34

[1] Имеется в виду гравюра Ф. И. Иордана с «Преображения» Рафаэля.

36

[1] «Портрет папы Павла III с Алессандро и Оттавио Фарнезе» (1545—1546).

[2] Национальная галерея Каподимонте основана в 1738 г., обладает собранием живописи XIII—XIX вв. и скульптуры XIX в.

[3] В Чертозе (крепости) ди Сан-Мартино (1325, 1580—1623) находится Национальный музей, которому принадлежит собрание скульптуры XIII—XVIII вв. и живописи XVII в.

38

[1] И. Н. Крамской, в противоположность А. А. Иванову, не любил Рим. Окрестности города казались ему более привлекательными. К длительному пребыванию русских художников в Риме Крамской относился отрицательно (см. письма И. Н. Крамского П. М. Третьякову от 23 апреля, 5 и 7 мая 1876 г.— В кн.: Переписка И. Н. Крамского. М., 1953, т. 1, с. 135—139).

[2] См. примеч. 1 к письму 31.

40

[1] См. примеч. 1 к письму 19.

42

[1] Работы П. Маньи.

[2] Речь идет о фонтане Треви, сооруженном по проекту Н. Сальви (использовавшего рисунок Л. Бернини) в 1732—1762 гг. По римскому поверью, уезжающий из города, бросивший в фонтан монетку, вернется в Рим.

43

[1] Миланский собор (1386—1550), один из главных памятников готики в Италии.

[2] Ошибка Нестерова: речь идет о памятнике М. Лафайетту.

[3] Триумфальная арка Каррусель, возведенная в 1806—1808 гг. по проекту Ш. Персье и П. Фонтена в честь побед Наполеона I в 1805 г.

[4] *Эйфелева башня* — стальная башня (высота ок. 300 м), сооруженная по проекту А. Г. Эйфеля для Всемирной парижской выставки 1889 г. как символ технических достижений XIX в.

[5] Всемирная парижская выставка 1889 г.

[6] По каталогу выставки ста лет французского искусства на Всемирной выставке в Париже (Exposition Universelle internationale de 1889 á Paris. Catalogue général officiel. Beaux Arts. Exposition centennale de l'art français [1789—1889]. Lille, MDCCCLXXXIX) не удалось установить, чьи произведения описывает Нестеров.

[7] Согласно каталогу (см. примеч. 6) на выставке экспонировались работы П. Пюви де Шаванна «Осень», «Обезглавливание Иоанна Крестителя», «Блудный сын», «Девушки на берегу моря», «Жизнь св. Женевьевы» — эскиз к росписи Пантеона.

[8] *«Маршал Прим»* или, вернее, «Хуан Прим» (1869) — конный портрет испанского генерала и политического деятеля. Автор его — эпигон романтиков А. Реньо пользовался большой популярностью в 1870-е гг.

[9] *Палатин* — уфимский купец.

[10] Т. е. в Люксембургском музее, расположенном в здании одноименного дворца (с 1886 г.— в оранжерее дворца). Являлся на протяжении XIX и первой трети XX в. музеем современного искусства, в котором размещались произведения главным образом живущих художников. В 1939 г. его функции были переданы Музею современного искусства.

44

[1] *Трокадеро* — дворец в «восточном» стиле, построенный для Всемирной выставки 1878 г. (арх. Г. Ж. А. Давиу и Бурде). Назван в честь захваченного французскими войсками форта Трокадеро в Кадисе во время подавления испанской революции 1823 г. В настоящее время на его месте — дворец Шайо, построенный для Всемирной выставки 1937 г. (арх. Ж. Карлю и др.)

45

[1] Ж. П. Лорану принадлежит в Пантеоне композиция «Смерть и погребение св. Женевьевы», а П. Пюви де Шаванну — «Сцены из жизни св. Женевьевы», «Св. Женевьева, охраняющая Париж» и «Св. Женевьева, воскрешающая Париж».

46

[1] Речь идет об угловом окне рабочего кабинета императора Вильгельма I в его дворце на Унтер-ден-Линден, из которого он имел обыкновение наблюдать за разводами караулов и военными парадами.

48

[1] «Видение отроку Варфоломею» (1889, ГТГ) — первая картина из созданного Нестеровым цикла, посвященного Сергию (до принятия схимы — Варфоломею) Радонежскому, крупному церковному и политическому деятелю Руси XIV в., одному из вдохновителей борьбы русских против татарского ига, основателю Троице-Сергиевой лавры. В «Житии преподобного Сергия», написанном его учеником Епифанием, рассказывается об эпизоде, легшем в основу картины Нестерова: отроку Варфоломею не давалась грамота; однажды, когда отец послал его на поиски пропавших жеребят, Варфоломею явилось видение святого старца, к которому мальчик обратился с просьбой «яко да бых умел грамоту»; старец исполнил желание мальчика. История создания картины, ее покупки П. М. Третьяковым и ее приема на XVIII Передвижную выставку изложена Нестеровым в очерке «П. М. Третьяков» (в кн.: *Нестеров М. В.* Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959, с. 150—163. Далее — *Давние дни*) и в «Воспоминаниях» (с. 117—127).

49

[1] Речь идет о «Тайной вечере» Леонардо да Винчи (роспись маслом и темперой, 1495—1497, трапезная монастыря Санта-Мария делле Грацие в Милане).

[2] Имеется в виду капелла Медичи постройки Микеланджело (начата в 1520 г.) с его скульптурными надгробиями Лоренцо и Джулиано Медичи и статуей «Мадонна Медичи».

[3] Пинакотека Брера в Милане, обладающая богатым собранием западноевропейской живописи. Очевидно, Нестеров все же бегло осмотрел музей, так как в письме 42 пишет: «Видел музей в палаццо Брера».

[4] Нестеров имеет в виду бронзовую скульптуру Бенвенуто Челлини «Персей» (1545—1554) в Лоджии деи Ланци во Флоренции.

[5] О чем идет речь, установить не удалось.

[6] В письме помещен набросок композиции «Видения отроку Варфоломею».

51

[1] На Академической выставке 1890 г. экспонировались картины «Перед венцом» К. Е. Маковского, «Владимирское разорение» Н. А. Кошелева, «Последние минуты митрополита Филиппа» А. Н. Новоскольцева, «Музыкант» и «Колыбель Михаила Федоровича в доме бояр Романовых в Москве» К. П. Степанова, «Дискобол», «С голубями», «Ода» С. В. Бакаловича.

[2] *Житель* [Дьяков А. А.]. По выставкам. Академия.— Новое время, 1890, 4 марта.

[3] «Бродяга» С. В. Иванова, «Егорьев день» И. Г. Гугунавы.

[4] «Видение отроку Варфоломею» было куплено П. М. Третьяковым за 2000 рублей. Подробнее об этом см.: *Воспоминания*, с. 117—127.

[5] Речь идет о набросках ко второй картине Нестерова из «Сергиевского цикла» — «Юность преподобного Сергия Радонежского».

[6] По-видимому, главный редактор «Правительственного вестника» В. К. Истомин.

[7] *Михайловский Н.* Письма о разных разностях. VII.— Русские ведомости, 1890, 28 февр.; *В. Ч.* [Чуйко В. В.]. На XVIII Передвижной выставке.— Всемирная иллюстрация, 1890, т. 43, 3 марта.

[8] *Соловьев М.* Петербургские художественные новости.— Московские ведомости, 1890, 16 февр.

[9] Речь идет о поездке в Киев для ознакомления с работами по росписи Владимирского собора и заключения договора на участие в них. Росписи во Владимирском соборе (заложен в 1859 г. по проекту арх. А. В. Беретти) начаты в 1885 г. под руководством и по плану А. В. Прахова. Ведущая роль в огромной работе по росписи принадлежала В. М. Васнецову. К работам были привлечены братья П. А. и А. А. Сведомские, В. А. Котарбинский и М. А. Врубель, великолепные эскизы которого были отвергнуты комиссией, наблюдавшей за живописными работами в соборе. Среди помощников Васнецова (главным образом, по орнаментальной живописи) были В. Д. Замирайло, С. П. Костенко, А. С. Мамонтов. В 1890 г., увидев на XVIII Передвижной выставке «Видение отроку Варфоломею», Прахов, недовольный работами Сведомских и Котарбинского, решил, что в лице Нестерова он нашел художника, чьи данные необычайно подходят к задачам, которые он и Васнецов ставили перед собой в работе над декорировкой собора. Нестеров стал ближайшим помощником и сотрудником Васнецова, создав в соборе ряд значительных живописных произведений. Им были написаны (по собственным эскизам) «Рождество» и «Воскресение» (запрестольные образа двух приделов), «Богоявление» (в крестильне); на хорах в иконостасе северного придела — образа богоматери, Христа, святых Бориса и Глеба, в иконостасе южного придела — образа богоматери, Христа, святых Михаила митрополита и Ольги; образа царских врат обоих приделов; образа святых Варвары, Константина, Елены, Кирилла, Мефодия. Подробно о работе Нестерова во Владимирском соборе см.: *Воспоминания*, с. 129—204.

52

[1] Картоны-эскизы (в размер оригинала) работы В. М. Васнецова, по которым Нестеров, по первоначальному предложению А. В. Прахова, должен был выполнять росписи на стенах собора.

[2] См.: Передвижная выставка и ее критики.— В кн.: *Стасов В. В.* Избр. соч. в 3-х т. М., 1952, т. 2. Впервые опубликована в журнале «Северный вестник» (1890, № 3, с. 90—91).

[3] См. примеч. 5 к письму 51.

[4] См. примеч. 7 и 8 к письму 51; в «Неделе» за 18 февр. 1890 г. были опубликованы «Заметки» о XVIII Передвижной выставке; в журнале «Художественные новости» (1890, т. 8, 1 марта) была напечатана статья В. Воскресенского «XVIII Передвижная выставка картин».

53

[1] «Видение отроку Варфоломею».

[2] Аполлинарий Михайлович Васнецов.

[3] Речь идет о сыне В. М. Васнецова Мише — Михаиле Викторовиче Васнецове, которому в 1890 г. было шесть лет.

[4] О каком романе Вас. И. Немировича-Данченко идет речь, установить пока не удалось.

[5] «Юность преподобного Сергия Радонежского».

54

[1] Речь идет о серии картин Н. Н. Ге, посвященных Христу.

[2] Первоначально (в XI в.) пещеры служили жилищем монахам-отшельникам. С возникновением в конце XI в. Печерского монастыря пещеры были обращены в усыпальницу для монахов, тела которых клали по обеим сторонам коридора, в углублениях в стенах.

55

[1] В. А. Серов сделал лишь небольшой набросок композиции «Рождества», а эскиз им выполнен не был. «Рождество» было заказано Нестерову.

[2] *Н. М.* [Кигн В. А.]. Возрождающиеся передвижники.— Неделя, 1890, 18 марта.

[3] Картина Н. Н. Ге «Что есть истина?» была запрещена цензурой, усмотревшей в ней «неуважение к личности Христа и нарушение его канонического изображения».

56

[1] На XVIII Передвижной выставке экспонировались «Портрет баронессы В. И. Икскуль» И. Е. Репина и «Портрет отца» В. А. Серова.

[2] А. Е. Архипов выставил картину «По реке Оке».

[3] В этом и следующем письме речь идет о подготовке заявления в Общее собрание Товарищества передвижных художественных выставок, в котором экспоненты просили «допустить к баллотировке экспонентских картин членами и тех экспонентов, художественное направление которых через их неоднократное участие на выставках успело достаточно определиться». Инициаторами обращения были С. В. Иванов, А. Е. Архипов, Е. Д. Поленова. Подробнее об этом см.: *Сахарова Е. В.* В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова..., с. 447—456.

57

[1] Нестеров весьма пристрастно судит о Поленове, неизменно поддерживавшем все выступления прогрессивно настроенной передвижнической молодежи.

[2] Речь идет о сестре покойной жены Нестерова Елене Ивановне Георгиевской, воспитывавшей его дочь Ольгу.

58

[1] *Глаголь С.* [Голоушев С. С.] Весенние художественные выставки в Москве. Передвижная выставка.— Артист, 1890, кн. 7, с. 103—107.

[2] Пианист и дирижер Александр Ильич Зилоти был женат на дочери П. М. Третьякова Вере Павловне.

[3] Имеется в виду повторение бывшей на XVIII Передвижной выставке картины Н. Н. Дубовского «Притихло», исполненной им по заказу П. М. Третьякова. Первый вариант картины принадлежит ГРМ.

59

[1] *Соловьев М.* Русское искусство в 1889 году.— Русское обозрение, 1890, май.

60

[1] Князь Владимир Андреевич Храбрый был не дядей, а двоюродным братом Дмитрия Ивановича Донского.

[2] В 1897 г. Нестеровым была написана акварель «Благословение преподобным Сергием Дмитрия Донского на Куликовскую битву», преподнесенная им в дар, вместе с другими произведениями «Сергиевского цикла», Третьяковской галерее.

61

[1] Нестерову предстояла операция по поводу затянувшегося экссудативного плеврита. Известный петербургский хирург Е. В. Павлов счел впоследствии возможным обойтись без нее.

[2] Более подробно о Ю. Я. Махиной см.: *Давние дни*, с. 74.

62

[1] В. Г. Чертков в письме Нестерову излагал взгляды толстовцев. В своем очерке «Н. А. Ярошенко» (*Давние дни*, с. 73) Нестеров пишет: «Встречаясь часто с Чертковым, беседуя о Толстом, о его учении, я чувствовал немалое желание Владимира Григорьевича вовлечь меня в толстовство; однако, питая восторженное преклонение перед гениальным художником Толстым, я не чувствовал влечения к его религиозно-философским воззрениям».

[2] В настоящее время акварель «Три старца» (1890) принадлежит Музею Л. Н. Толстого в Москве.

63

[1] «За приворотным зельем».

64

[1] «Юность преподобного Сергия Радонежского».

66

[1] Андрей Саввич Мамонтов.

67

[1] «Миньона» — опера А. Тома, либретто М. Карре и Ж. Барбье по роману И.-В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

68

[1] На конкурсе Московского общества любителей художеств первую премию получили: В. А. Серов за портрет Анджело Мазини, В. Н. Бакшеев за картину «В родном гнезде» и А. М. Васнецов за пейзаж «Весенняя тишь».

69

[1] В. Г. Чертков жил в это время на хуторе Ржевске недалеко от имения его родителей Лизиновки близ ст. Россошь.

[2] Речь идет о картине Н. Н. Ге «Что есть истина?». Подробнее об этом см.: *Арбитман Э.* Жизнь и творчество Н. Н. Ге. Саратов, 1972, с. 245.

[3] «Взятие снежного городка» (1891, ГРМ).

71

[1] На 10-й периодической выставке Московского общества любителей художеств в декабре 1890 — январе 1891 г. экспонировались «Осенью» и «Голова старухи» И. И. Левитана.

72

[1] Картина Н. П. Богданова-Бельского «Будущий инок».

[2] Портрет В. М. Васнецова работы Н. Д. Кузнецова (1891) находится в ГТГ.

73

[1] Речь идет о II периодической передвижной выставке художественных произведений южно-русских художников. На ней экспонировали свои работы К. К. Костанди, Н. Д. Кузнецов, С. П. Костенко, Г. А. Ладыженский, В. К. Менк, М. С. Судковский и др.

74

[1] *М-е.* Новые работы во Владимирском соборе в Киеве. II.— Новое время, 1891, 3 февр.

[2] Речь идет о Грише Черничуке, в дальнейшем неоднократно упоминаемом в письмах Нестерова.

76

[1] Коллекция Б. И. и В. Н. Ханенко легла в основу собрания Киевского государственного музея западного и восточного искусства.

[2] Речь идет об оттиске статьи: *Кристи И. И.* Историческая правда в искусстве. Несколько замечаний и размышлений по поводу картины В. Д. Поленова.— Православное обозрение, 1887, № 5, 6.

[3] *Соболев А.* Киевские заметки (Впечатления москвича).— Киевлянин, 1891, 16 февр.

78

[1] Имеются в виду, очевидно, Е. Г. Мамонтова и Е. Д. Поленова, сообщавшие Нестерову сведения о XIX Передвижной выставке.

[2] См. примеч. 3 к письму 69.

[3] Полное название картины К. В. Лебедева «Марфа Посадница. Уничтожение Новгородского веча» (1889, ГТГ).

79

[1] Родители и сестра Нестерова предложили ему взять к себе в Уфу его пятилетнюю дочь Ольгу, воспитанием которой у ее тетки Е. И. Георгиевской он не был удовлетворен. Ольга была взята Нестеровым от Георгиевских летом 1891 г. и отвезена А. В. Нестеровой в Уфу, где и прожила до своего поступления в Киевский институт благородных девиц в 1897 г. Подробнее об этом см.: *Воспоминания,* с. 151—153.

80

[1] Всемирная иллюстрация, 1891, № 1156, с. 191.

[2] *В. Г.* Работы г. Васнецова в Киевском соборе.— Там же, № 1155, с. 177—179.

81

[1] «Взятие снежного городка» В. И. Сурикова было куплено В. В. фон Мекком; в 1908 г. картина по совету И. С. Остроухова была приобретена у фон Мекка Д. И. Толстым для Русского музея (письма Остроухова Толстому по этому поводу хранятся в ЦГИАЛ, ф. 696, оп. 1, д. 446, л. 33—35).

82

[1] На XIX Передвижной выставке 1891 г. экспонировались, помимо «Взятия снежного городка» В. И. Сурикова, «Тайга», «Утро в Уральских горах», «Весенняя тишь» А. М. Васнецова, «Большая дорога», «Соперницы», «За хворостом» Н. А. Касаткина, «Тихая обитель», «Ветхий дворик», «Баргетто (Италия)» И. И. Левитана, «Сиверко» И. С. Остроухова.

83

[1] Речь идет об эскизе картины «Три старца», осуществленной Нестеровым значительно позднее, в 1914—1915 гг.

[2] Французская промышленная выставка (с большим художественным отделом) была открыта в Москве весной 1891 г.

86

[1] Речь идет о Выставке в помощь голодающим, организованной в помещении Московского общества любителей художеств в ноябре 1891 г. Одним из инициаторов и устроителей ее был Поленов. Репин экспонировал на выставке повторение картины «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных» (картина — 1888 г., повторение — 1890 г.), Поленов — повторение картины «Христос и грешница». Нестеров весьма субъективно оценивает их участие в этом деле. Подробнее об этом см.: *Сахарова Е. В.* В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова..., с. 468—469, 764.

87

[1] Картину «Юность преподобного Сергия Радонежского» Нестеров в этом и последующих письмах называет «Преп. Сергием Радонежским», «Преп. Сергием», «Сергием».

88

[1] Речь идет, очевидно, о картине Левитана «У омута».

89

[1] Архипов выставил картины «Перед обедней» и «Келейник», Левитан — «Осень», «Октябрь», «Лето», «У омута».

90

[1] «Юность преподобного Сергия Радонежского».

[2] См. примеч. 1 к письму 89.

[3] Т. е. выше «Видения отроку Варфоломею».

[4] Имеется в виду один из двух парижских Салонов (ежегодных выставок) Общества французских художников и Национального общества изящных искусств.

[5] См. примеч. 2 к письму 55.

91

[1] Нестеров, не вполне удовлетворенный картиной, все время колебался, посылать ли ее на XX Передвижную выставку в Петербург (см. письма 92—96 и примеч. 2 к письму 94).

93

[1] В оценке человеческих качеств Н. А. Касаткина Нестеров сходится с такими хорошо знавшими этого видного передвижника людьми, как В. М. Васнецов, В. Э. Борисов-Мусатов, хирург С. С. Юдин (см. отрывок из воспоминаний С. С. Юдина «Большая правда», опубликованный в журнале «Наука и жизнь», 1964, № 7, с. 105—107).

94

[1] На XX Передвижной выставке экспонировались «Новая сказка» Н. П. Богданова-Бельского, «За ягодами» и «Странствующий музыкант» К. К. Костанди. Н. Н. Ге выставил лишь портрет О. Костычевой. Репин ничего не выставил, так как 2 февраля 1892 г. в залах Исторического музея в Москве открылась его персональная выставка, проходившая ранее, в ноябре — декабре 1891 г. в Петербурге (в честь 20-летия творческой деятельности).

[2] Нестеров после долгих колебаний решил не выставлять в 1892 г. «Юность преподобного Сергия Радонежского».

95

[1] Отрицание Н. Н. Ге канонов ортодоксально-православной религии, трактовка им в своих картинах Христа как исторического лица, как человека, отсутствие какой бы то ни было идеализации его внешнего облика — все это вызывало резко отрицательное отношение Нестерова. Подробнее об отношениях между художниками см.: *Давние дни*, с. 100—103.

[2] Экспонировались «Портрет г-жи NN» и «Исторический этюд» В. И. Сурикова; «Портрет Л. Н. Толстого», «Послушница», «Охотник», «Овцы», «Головка девушки» Н. Д. Кузнецова.

[3] XX Передвижная выставка открылась 23 февраля 1892 г. в Петербурге, а 6 апреля того же года — в Москве.

96

[1] См. примеч. 1 к письму 94.

[2] «Хирург Е. В. Павлов в операционном зале» (1888, ГТГ).

97

[1] Кавалергардский полк заказал Нестерову эскизы и картоны для восьми мозаичных образов в церковь Воскресения «на крови» в Петербурге. Ему же были заказаны образа и комиссией по постройке церкви.

[2] Имеются в виду комитет по созданию и украшению Владимирского собора и отсрочка освящения собора.

100

[1] Речь идет, по-видимому, о выставке картин из частных собраний Москвы (в пользу пострадавших от неурожая).

102

[1] Нестеров ошибается: Н. А. Терещенко принадлежало повторение картины «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных» (приобретенное, очевидно, с Выставки в помощь голодающим). Первый вариант картины принадлежит ГРМ.

[2] Коллекция русской живописи, собранная Н. А. и И. Н. Терещенко, легла в основу собрания Киевского государственного музея русского искусства.

103

[1] Речь идет об издании В. Г. Черткова «Русские картины» (I серия, 1892).

[2] Имеется в виду картина Репина «Не ждали» (1884—1888, ГТГ).

104

[1] В Троице-Сергиеву лавру.

105

[1] На холсте первого варианта «Юности преподобного Сергия Радонежского» был впоследствии (в 1898 г.) написан «Преподобный Сергий Радонежский» (ГРМ), Второй вариант «Юности Сергия», вместе с триптихом «Труды преподобного Сергия» (1896) и акварелью «Благословение преподобным Сергием Дмитрия Донского на Куликовскую битву» (1897), был преподнесен Нестеровым в дар Третьяковской галерее в апреле 1897 г. (см. письма 212—216).

108

[1] Нестеров, излагая обстоятельства передачи П. М. Третьяковым своей галереи в дар городу Москве, весьма субъективно трактует эти обстоятельства. Дочь Третьякова А. П. Боткина пишет в своих воспоминаниях об отце: «У Павла Михайловича эта передача была решена десятки лет назад. Расставание с собранием, с безгранично любимыми картинами не огорчило его; да он, собственно, и не расставался с ними. Его огорчал и пугал шум, который должен был подняться вокруг этого, похвалы и чествования» (*Боткина А. П.* П. М. Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951, с. 246). Так же субъективна и пристрастна в этом письме оценка Нестеровым деятельности К. Т. Солдатенкова и особенно С. И. Мамонтова и К. С. Алексеева (Станиславского), в ту пору одного из основателей Общества искусства и литературы.

[2] О том, как высоко был оценен дар П. М. Третьякова современниками, см.: *Боткина А. П.* П. М. Третьяков в жизни и искусстве, с. 248—252.

[3] В конце сентября 1892 г. в Сергиевом посаде на торжестве по случаю 500-летия кончины Сергия Радонежского известный историк В. О. Ключевский произнес речь, посвященную жизни и деятельности Сергия Радонежского.

111

[1] Речь идет о графе Г. С. Строганове, жившем постоянно в Риме, собирателе произведений византийского искусства и живописи раннего Возрождения. Большая часть его коллекции была после его смерти продана в 1911 г. с аукциона в Париже. «Мадонна» Симоне Мартини и реликварий Фра Беато Анджелико поступили по завещанию в Эрмитаж.

[2] Строгановская школа живописи возникла на рубеже XVI и XVII вв. и развивалась на протяжении первой половины XVII в. Для икон «строгановского письма» характерны утонченность, изящество, виртуозное мастерство. Главные представители школы — Емельян Москвитин, Прокопий Чирин, мастера из семьи Савиных (работавшие в Сольвычегодске в мастерских Строгановых и при царском дворе в Москве).

112

[1] Речь идет, очевидно, об этюде «Отрок Варфоломей» (1889), подаренном Остроухову и нужном Нестерову для работы над картиной «Юность преподобного Сергия Радонежского». С 1929 г. этюд — в ГТГ.

[2] По-видимому, картина А. М. Васнецова «Горное озеро».

[3] Е. А. Прахова.

113

[1] Очевидно, имеется в виду картина А. М. Васнецова «Грозовые тучи над долиной реки Ика».

[2] На конкурсе в Московском обществе любителей художеств А. Е. Архипов получил вторую премию за картину «Проводы», а А. С. Степанов — за картину «Журавли летят».

[3] Речь идет о втором (окончательном) варианте картины «Юность преподобного Сергия Радонежского».

115

[1] На периодической выставке Московского общества любителей художеств в 1893 г. экспонировались портрет З. В. Мориц работы В. А. Серова (1892) и картина А. Е. Архипова «Проводы» (1892), за которую на конкурсе Общества ему была присуждена вторая премия.

[2] Издательство «Посредник» (с 1884 по 1891 г. — в Петербурге, с 1892 по 1935 г. — в Москве), организованное Л. Н. Толстым и руководимое В. Г. Чертковым, выпускало наряду с книгами «для народного чтения» сборники «для интеллигентных читателей».

[3] Московская частная русская опера — оперный театр в Москве (1885—1904), созданный С. И. Мамонтовым, объединившим в нем крупнейших мастеров русского искусства. Среди певцов были Н. И. Забела-Врубель, В. Н. Петрова-Званцева, Ф. И. Шаляпин, В. П. Шкафер, А. В. Секар-Рожанский и др. Особую роль сыграла работа в театре таких живописцев, как В. Д. Поленов, В. М. и А. М. Васнецовы, М. А. Врубель, К. А. Коровин, С. В. Малютин, В. А. Серов, создавших, по существу, новую систему оформления спектакля.

118

[1] Речь идет о Софье Петровне Кувшинниковой, художнице, ученице Левитана, считавшейся многими прототипом главного действующего лица рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья».

119

[1] Имеется в виду картина С. А. Коровина «На миру» (1893, ГТГ).

[2] На заседании 15 сентября 1892 г. Московская городская дума постановила принять дар П. М. Третьякова, благодарить его и ходатайствовать о присвоении галерее наименования «Городская художественная галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых».

[3] Одна из трех виденных Нестеровым у Левитана работ — «Владимирка».

120

[1] Имеются в виду два слова, одинаковые в современном написании и различные по смыслу: «мир» — отсутствие вражды, войны, согласие, тишина, покой (в картине Нестерова «Юность преподобного Сергия Радонежского») и «мир» (по старому правописанию — «міръ») — община, общество крестьян, сходка.

[2] Л. О. Пастернак экспонировал на XXI Передвижной выставке картину «Дебютантка».

121

[1] «Сельская честь» — опера П. Масканьи (1888). Впервые на русском языке была поставлена 18 января 1893 г. на сцене Мариинского театра в Петербурге.

122

[1] Ошибка Нестерова. Портрет М. Л. Толстой экспонировался на XIX Передвижной выставке в 1891 г. Очевидно, Нестеров имеет в виду портрет Н. И. Петрункевич работы Н. Н. Ге, экспонированный на XXI Передвижной выставке, о которой идет речь в письме.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

[3] Репин протестовал против включения в название картины «Юность преподобного Сергия Радонежского» слов молитвы «Слава в вышних Богу и на земле мир...» (см.: *Воспоминания*, с. 164).

123

[1] Картина В. Н. Бакшеева «Житейская проза» (1892—1893, ГТГ).

[2] Новое время, 1893, 15 февр. («Хроника»).

[3] К XXI Передвижной выставке.— Новости и биржевая газета, 1893, 12 февр.

124

[1] Речь идет об открывшейся в феврале в Москве в доме Полякова «Выставке картин московских художников», положившей начало новому объединению — Московскому товариществу художников. Экспонировались работы В. Н. Мешкова, Ф. И. Рерберга, М. И. Шестеркина, И. Г. Гугунавы, С. В. Малютина и др.

125

[1] Две выставки. XXI Передвижная и выставка картин проф. Айвазовского.— Правительственный вестник, 1893, 18 февр.; *Соловьев М.* XXI выставка Товарищества передвижных выставок.— Московские ведомости, 1893, 23 февр.

126

[1] Речь идет об офицере Гурском, копировавшем нестеровский образ Богоматери для новой офицерской церкви в Варшаве.

[2] П. О. Ковалевскому Нестеров посвятил очерк (см.: *Давние дни*, с. 110—114).

127

[1] 27 февр. 1893 г. журналы «Всемирная иллюстрация» (т. 19, № 1258) и «Нива» (№ 9) опубликовали статью В. В. Чуйко «XXI Передвижная выставка». И. Н. Крамской в письме к А. С. Суворину от 27 февраля 1885 г. (И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. Изд. А. Суворин. Спб., 1888, с. 535) резко отзывается о В. В. Чуйко как о человеке, лишенном непосредственного чувства и понимания искусства.

[2] «Иван-царевич» В. М. Васнецова экспонировался на Передвижной выставке в 1889 г. *Критик «Русской мысли»* — М. Н. Ремезов, опубликовавший в этом журнале (1889, кн. 5) под псевдонимом *АД* статью «XVII Передвижная выставка в Москве».

[3] *Житель* [Дьяков А. А.]. По выставкам.— Новое время, 1893, 7 марта. Нестеров в этой статье не упоминался. Статья В. О. Михневича не была опубликована.

129

[1] «Поленов подарил мне прекрасный палестинский этюд»,— писал Нестеров позднее (*Воспоминания*, с. 164).

130

[1] Нестеров отказался от участия в росписи Варшавского собора. В. М. Васнецов работал над эскизами для мозаик Варшавского собора в 1906—1911 гг.

[2] В Москве Передвижные выставки устраивались в помещении Училища живописи, ваяния и зодчества.

133

[1] «Посредник» — книгоиздательство культурно-просветительского характера, организованное В. Г. Чертковым при ближайшем

участии Л. Н. Толстого в 1884 г. в Москве. В 1893 г. перешло в руки И. И. Горбунова-Посадова.

[2] «Цветник» — сборник маленьких рассказов, басен и т. п. для детей и малограмотных читателей. Первое издание — Киев, 1886; второе, исправленное — М., 1889. Над составлением сборника работали сначала А. М. Калмыкова, затем А. К. Черткова.

134

[1] Нестеров отказался от участия в росписи «Великой церкви» Киево-Печерской лавры.

135

[1] Речь идет, по-видимому, о скульптуре Праксителя «Гермес с младенцем Дионисом» (ок. 340 г. до н. э., музей в Олимпии).

[2] Моряк Жевакин — действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Женитьба».

139

[1] Мозаика Санта-Мария Маджоре относится к 432—440 гг.

[2] Т. е. Константина Великого, римского императора, поддерживавшего христианство.

142

[1] Речь идет, по-видимому, о А. Н. Беклемишеве, отце скульптора В. А. Беклемишева (см. письмо 33).

143

[1] Собор на острове Торчелло построен в 639 г., перестроен в 867 и 1008 гг.; мозаики в соборе относятся к IX и XII вв.

145

[1] Левитан экспонировал на XXII Передвижной выставке 1894 г. картины «Над вечным покоем», «На озере», пастель «Осень» и др., Поленов — «Мечты» и «Осенью на Оке», Архипов же не участвовал в выставке.

[2] В конце 1893 г. была осуществлена реформа Академии художеств, проект которой в течение трех лет разрабатывался специальной комиссией. В результате реформы Академия художеств признавалась «высшим государственным учреждением для поддержания, развития и распространения искусства» в России. При Академии учреждалось Высшее художественное училище. В качестве профессоров были привлечены виднейшие передвижники — И. Е. Репин, В. Е. Маковский, И. И. Шишкин, А. И. Куинджи, Н. Д. Кузнецов, В. А. Беклемишев и др. Классы рисования с гипсов упразднялись, обучение начиналось с рисования с натуры, через два года после поступления ученики переходили по собственному выбору в мастерскую профессора-руководителя.

146

[1] Нестеров, по-видимому, имеет в виду то обстоятельство, что В. И. Суриков не был приглашен на должность профессора в Высшее художественное училище, а лишь избран в Академическое собрание.

[2] См. примеч. 1 к письму 97.

148

[1] *Куколь*, или апостольник — плат, которым монахи прикрывают грудь и шею.

150

[1] Б. П. Виллевальде в 1848 г. был назначен профессором без исполнения программы и определен на службу при Академии художеств.

[2] Нестеров имеет в виду «Письма об искусстве к редактору „Театральной газеты"» И. Е. Репина (Театральная газета, 1893, 31 окт.). Эти «Письма» вызвали бурную дискуссию между В. В. Стасовым и В. П. Бурениным (см.: *Буренин В. П.* Критические очерки. — Новое время, 1894, 28 янв., 11, 25 февр.; *Стасов В. В.* Два слова г. Буренину. — Новости и биржевая газета, 1894, 6 февр.; *Стасов В. В.* Еще пара слов г. Буренину. — Там же, 22 февр.). Содержание «Писем», в которых Репин призывал художников усилить внимание к живописной стороне картин, привело к длительной размолвке его со Стасовым.

152

[1] Нестеров оказался прав (см. письма 187, 191 и *Воспоминания*, с. 197—199).

[2] *Сигма* [Сыромятников С. Н.]. Фотография и живопись будущего. — Книжки недели, 1893, апр., с. 238—243.

[3] Нестеров собирался ехать в Крым.

154

[1] См. примеч. 2 к письму 152.

155

[1] Имеются в виду празднества в честь заключения союза между Францией и Россией в конце 1893 — начале 1894 г.

157

[1] Речь идет, по-видимому, о картине «Последние минуты митрополита Филиппа» (ГРМ), за которую А. Н. Новоскольцев получил в 1889 г. звание академика.

158

[1] См. примеч. 2 к письму 152.

159

[1] Речь идет об эскизах «Богоявления» (для крестильни Владимирского собора).

[2] *Михеев В. М.* Городская галерея Павла и Сергея Третьяковых.— Артист, 1894, кн. 4, с. 1—16.

161

[1] Нестеров ошибался в своих предположениях. Поездка и для К. Коровина, и для Серова оказалась необычайно плодотворной в творческом отношении. Оба художника создали на Севере ряд глубоко лиричных и тонких по живописи произведений, в чем убедился и Нестеров (см. письмо 165).

166

[1] Журнал «Нива», издававшийся А. Ф. Марксом, давал своим подписчикам в виде бесплатных приложений-премий репродукции (олеографии) и альбомы репродукционных гравюр.

169

[1] О какой картине В. К. Менка идет речь, установить не удалось.

[2] В залах Исторического музея в Москве была открыта XIV Периодическая выставка картин Московского общества любителей художеств. Серов и Коровин экспонировали на ней картины и этюды, созданные ими во время поездки на Север.

[3] Нестеров экспонировал следующие эскизы: 1) Св. Арсений великомученик; 2) Св. Николай; 3) Св. Варвара великомученица; 4) Св. Филарет милостивый; 5) Св. Кирилл; 6) Св. Мефодий; 7) Св. царица Елена; 8) Св. Константин; 9) Иконостас из четырех образов: Иисус Христос, Богоматерь и св. Борис и св. Глеб; 10) Рождество Христово (запрестольный образ); 11) Евангелисты; 12) Благовещение; 13) Иконостас из четырех образов: Иисус Христос, Богоматерь, св. Ольга и св. Михаил; 14) Богоявление; 15) Благовещение (собрание П. М. Третьякова); 16) Евангелисты.

170

[1] Речь идет об этюдах к картине «Весною» (первом замысле картины «Два лада»).

171

[1] См. примеч. 2 к письму 169.

172

[1] Для храма Воскресения «на крови».

[2] «Фрина на празднике бога морей Посейдона в Элевсине» — картина Г. И. Семирадского (1872—1889, ГРМ).

[3] «Национальный», т. е. Русский музей был открыт в здании Михайловского дворца в 1898 г.

[4] XXIII Передвижная выставка.— Новое время, 1895, 18 февр. (Статья без подписи).

[5] На XXIII Передвижной выставке экспонировались «Кама», «Рассвет», «Элегия. Крым», «Сибирь», «Свибловская башня» А. М. Васнецова, «Лед прошел» и «Отдых» А. Е. Архипова, портреты г-жи N, И. Р. Тарханова, Н. А. Римского-Корсакова кисти И. Е. Репина, портреты Н. С. Лескова, г-жи З. В. Г. и «Татарская деревня» В. А. Серова.

173

[1] И. И. Левитан экспонировал на XXIII Передвижной выставке «Lago di Como (Италия)», «Corniche (Юг Франции)», «К сумеркам», «Астры», «На озере» и 4 пастели, Н. Н. Дубовской — 9 пейзажей, в том числе «После грозы» и «В начале зимы».

[2] Известный естествоиспытатель и популяризатор естествознания проф. Д. Н. Кайгородов помещал с 1888 г. в газетах «Новое время» и «Правительственный вестник» «Бюллетени» о жизни природы.

177

[1] Произведения В. М. Васнецова сравнивались с огромными, по большей части ходульными и эклектичными картинами знаменитого французского графика, блестящего иллюстратора Гюстава Доре. Лекции о творчестве В. М. Васнецова читал во Франции историк и археолог барон де Бай.

[2] *Буренин В.* Приятельские разговоры. О картинах.— Новое время, 1895, 31 марта, 14 апр. Автор этого фельетона, один из постоянных сотрудников «Нового времени», реакционер и мракобес В. П. Буренин, в издевательском тоне пишет о приобретениях у Сурикова и Репина картин для Русского музея, о суриковском «Ермаке».

179

[1] По-видимому, Нестеров говорит здесь о картоне к «Рождеству» для Владимирского собора.

[2] Нестеров имеет в виду речь Николая II при приеме депутаций от дворянства, земств, городов и казачьих войск, в которой он назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды на участие представителей земств в делах внутреннего управления государством, на реформы самодержавного строя.

182

[1] Нестеров, очевидно, имеет в виду картину К. А. Савицкого «Вести из дому».

[2] «Под благовест» («Монахи», ГРМ).

183

[1] Имеется в виду предполагавшаяся постройка будущего Музея изящных искусств им. Александра III (ныне — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Условиями конкурса на проект музея был определен классический стиль здания. И. В. Цветаев, инициатор создания музея и его будущий директор, привлек к проектированию и постройке здания архитектора Р. И. Клейна.

185

[1] Весной 1895 г. И. И. Шишкин вышел из состава профессоров Высшего художественного училища вследствие своего несогласия с деятельностью стоявших во главе Академии чиновников.

[2] В. Е. Маковский с 1894 г. исполнял обязанности ректора Высшего художественного училища, а в 1895 г. был назначен ректором.

[3] Тарас Малышев — академический натурщик, позировавший К. П. Брюллову.

187

[1] Нестерову было предложено переписать голову Варвары вследствие слишком явно выраженного сходства святой с Е. А. Праховой, позировавшей художнику для этюда к образу (подробнее об этом эпизоде см.: *Воспоминания,* с. 198—200; *Прахов Н. А.* Страницы прошлого. Очерки-воспоминания о художниках. Киев, 1958, с. 179—180).

188

[1] «Под благовест».

[2] Т. е. к Е. И. Георгиевской.

189

[1] Каталог XXIV Передвижной выставки 1896 г.

[2] На XXIV Передвижной выставке экспонировались две картины А. Е. Архипова — «Поденщицы (На чугунолитейном заводе)» и «Обратный».

190

[1] Нестеров был избран членом Товарищества передвижных художественных выставок 7 февраля 1896 г.

[2] В. А. Серов экспонировал на XXIV Передвижной выставке портрет М. Я. Львовой, картины «Летом», «У лопарей», «По жнивью», И. И. Левитан — 10 пейзажей, в том числе «Март» и «Золотая осень», Н. Н. Дубовской — 22 пейзажа, К. А. Коровин — картины «Хозяйка» и «Летом», И. И. Шишкин — 4 пейзажа, в том числе «Дубовая роща», Н. А. Ярошенко — ряд пейзажей, портреты П. П. Семенова и А. П. Фонвизина.

[3] Картина В. Д. Поленова из его евангельской серии — «Среди учителей».

[4] К. Коровин и Пастернак не были избраны членами Товарищества передвижных художественных выставок.

191

[1] Очевидно, предполагаемый участник работ в церкви Воскресения «на крови» — Н. Н. Харламов.

[2] Речь идет о Первой выставке картин художников исторической живописи в Историческом музее в Москве (1896).

[3] Речь идет о карикатуре Old Judge'а (П. Е. Щербов) «Триумф панорамы на передвижной выставке 1896 года», помещенной в журнале «Шут» (1896, № 9, с. 4—5). Среди прочих изображена и картина Нестерова «Под благовест».

[4] Имеются в виду «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года» (все — 1855 г.).

192

[1] Имеются в виду иллюстрации Нестерова к книге П. В. Синицына «Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее». Рисунки были выполнены Нестеровым в 1888 г., книга же вышла лишь в 1895 г. Письмо В. В. Стасова к Е. Д. Поленовой от 29 февраля 1896 г., в котором он говорит об этих иллюстрациях Нестерова, опубликовано в кн.: *Сахарова Е. В.* В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова..., с. 544—546.

[2] *Стасов В. В.* Заметки о 24-й выставке передвижников.— Новости и биржевая газета, 1896, 1 марта.

193

[1] Вифания, или Спасо-Вифанский монастырь, находилась в нескольких километрах от Троице-Сергиевой лавры.

[2] Нестеров работал над этюдами и эскизами к триптиху «Труды преподобного Сергия Радонежского».

[3] О сюжете какой картины идет речь, установить не удалось.

195

[1] Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде.

[2] Т. е. на выставках в Обществе поощрения художеств, помещавшемся в доме на Морской (ныне — ул. Герцена, 38), задним своим фасадом выходящем на участок набе-

режной р. Мойки между б. Синим и Красным мостами.

[3] Среди декоративных панно К. Коровина в павильоне «Крайний Север» — «Северное сияние», «Первые шаги изысканий в тундре», «Торговое оживление на пристани в Архангельске» и др. (в настоящее время хранятся в ГТГ).

[4] Франц Алексеевич Рубо был по своему происхождению не немцем, а французом.

[5] В каталогах художественного отдела Всероссийской выставки картина А. Н. Шильдера не значится.

[6] К. Е. Маковский экспонировал на Всероссийской выставке картину «Минин на площади Нижнего Новгорода призывает народ к пожертвованиям» (1895, ГРМ). В письме Нестерова речь идет об увеличенном варианте картины (1896, Горьковский государственный художественный музей).

[7] «Юность преподобного Сергия Радонежского».

[8] «Под благовест».

[9] Академическое жюри Художественного отдела Нижегородской выставки забраковало панно Врубеля «Принцесса Греза» и «Богатырь». Причиной этому была не только смелость живописного решения обоих панно, но и конфликт между С. И. Мамонтовым, получившим от министра финансов С. Ю. Витте полномочия на оформление художественного отдела, и Академией художеств в лице ее президента вел. кн. Владимира Александровича и вице-президента гр. И. И. Толстого. С. И. Мамонтов выстроил для врубелевских панно (законченных Поленовым и К. Коровиным) специальный павильон, где они и экспонировались.

196

[1] Речь идет об участии Нестерова (эскизами к росписям Владимирского собора) на очередной выставке Русского общества акварелистов.

[2] «На горах».

[3] А. Н. Бенуа собирался вместе с Л. С. Бакстом и К. А. Сомовым ехать в Париж.

[4] В Русском отделе Международной выставки в мюнхенском Хрустальном дворце экспонировались работы И. И. Левитана, А. М. Васнецова и В. В. Переплетчикова.

197

[1] *Гарин (Михайловский) Н.* Жюри и художник.— Новое время, 1896, 20 июня.

[2] В этих словах, явно пристрастных и несправедливых, сказывается давняя антипатия Нестерова к С. И. Мамонтову.

199

[1] «На горах».

200

[1] 19 августа 1896 г.

[2] Плащаница, вышитая Е. А. Праховой по рисунку Васнецова.

201

[1] А. М. Васнецов экспонировал на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде картины «Сибирь», «Кавказ», «Эльбрус перед восходом солнца», «Тихое озеро» — всего 15 работ.

[2] На Всероссийской выставке было экспонировано 18 пейзажей И. И. Левитана (в том числе «Март», «Волга», «Вечер на Волге», «Золотая осень») и 6 работ В. А. Серова — портреты А. Н. Серова, Ф. Таманьо, картины «Летом», «По жнивью», «Пруд», «В Крыму».

[3] Об отношении Нестерова к посылке своих картин, в том числе «Под благовест», на мюнхенский Сецессион 1896 г. см. письмо А. Н. Бенуа к Е. Е. Лансере от 19 февраля 1896 г. (*Воспоминания*, с. 199, примеч. 189).

202

[1] В ноябре 1896 г. отмечалось 25-летие творческой деятельности И. Е. Репина. В ознаменование этого Репин организовал «Выставку опытов художественного творчества (эскизов) русских и иностранных художников и учеников» в помещении Общества поощрения художеств в Петербурге.

[2] Речь идет о «Письме в редакцию» газеты «Новое время» (1896, 7 нояб.), в котором Репин, благодаря всех, отметивших его юбилей, говорит о творчестве художника как о забаве, называет художников счастливчиками, недостойными «празднования и участия общества», подчеркивает, что при знаках внимания «нам [художникам] — совестно». Это письмо, умалявшее роль художника, перечеркивающее работу самого Репина, письмо, написанное явно под влиянием минуты и необдуманно, вызвало оживленную полемику в печати. Письмо с резкой отповедью написал Репину В. А. Серов (см. ответ Репина Серову от 21 ноября 1896 г. в кн.: *Репин И. Е.* Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952).

[3] Письмо А. А. Турыгина не сохранилось.

[4] Нестеров познакомился с письмами Нансена, очевидно, по книге В. Г. Берггера и Н. Рольфсона «Фритьоф Нансен», вышедшей в Петербурге в 1896 г.

[5] Осенью 1896 г. в Петербурге была открыта выставка французского искусства. См. также примеч. 2 к письму 205.

203

[1] Федору Ивановичу Шаляпину в 1896 г. было 23 года.

[2] Речь идет о картине «Под благовест».

204

[1] Альб. Н. Бенуа.

[2] См. примеч. 4 к письму 196.

205

[1] Альберт Николаевич Бенуа, вследствие ссоры со своими товарищами по Русскому обществу акварелистов, вышел из него вместе с Александром Николаевичем Бенуа и решил организовать новое общество. Из этого проекта ничего не вышло, и Альб. Н. Бенуа вернулся в Русское общество акварелистов.

[2] В ноябре 1896 г. в Петербурге, а через месяц в Москве открылась французская художественная выставка. Среди работ ее ретроспективного отдела были картины Энгра, Милле, Коро, барбизонцев, Курбе. Современное искусство было представлено главным образом работами салонных живописцев, хотя было экспонировано и несколько произведений Пюви де Шаванна, К. Моне, Ренуара, Сислея.

206

[1] На 16-й периодической выставке Общества любителей художеств 1896—1897 гг. в Москве Н. В. Досекин экспонировал картины «Под рождество», «Прилив (У берегов Голландии)», «Наводнение», А. М. Васнецов — пейзаж «Дарьял», К. А. Коровин — картину «На даче», А. И. Чирков — «Весенний день», О. Э. Браз — четыре портрета (в том числе автопортрет), В. А. Серов — «Портрет Е. В. Мусиной-Пушкиной».

207

[1] На XXV Передвижной выставке 1897 г. экспонировались «Белое море» и «Поморские кресты» Н. В. Досекина, «Ранняя весна» и «Вечер» К. К. Костанди, «На даче» К. А. Коровина, «На мосту» и «На террасе» Л. О. Пастернака, «На речке», «Портрет NN», «В больнице», «До дому» Н. К. Пимоненко.

[2] Имеются в виду картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» И. Е. Репина (1885, ГТГ) и «Иван Грозный у тела убитого им сына» В. Г. Шварца (1864, ГТГ).

[3] В феврале 1897 г. в Высшем художественном училище Академии художеств вспыхнули студенческие волнения, непосредственным поводом к которым было оскорбление, нанесенное ректором А. О. Томишко одному из студентов. На сходке учащихся был поставлен вопрос о забастовке в знак протеста. Экстренное заседание Академического собрания приняло постановление о закрытии до осени Высшего художественного училища и об исключении всех студентов (желающие возобновить занятия с осени должны были подавать заявления в канцелярию училища). Президент Академии вел. кн. Владимир Александрович уволил профессора-руководителя мастерской А. И. Куинджи, вставшего на сторону студентов. Подробнее об этих событиях см.: *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М., 1974, т. 1—2, с. 95—100.

[4] Речь идет о строительстве церкви Воскресения «на крови».

208

[1] Нестеров называет «колодцем» двухсветный зал Общества поощрения художеств, где обычно устраивались Передвижные выставки.

[2] К. А. Савицкий выставил среди других работ картину «Спор на меже» (ныне — в Государственном музее Революции СССР), В. А. Серов — портреты А. С. Карзинкиной и гр. Е. В. Мусиной-Пушкиной.

[3] *Лестовка* — кожаные четки.

[4] Нестеров имеет в виду выставку английских и немецких акварелистов (открылась 20 февраля 1897 г. в залах музея училища Штиглица); это была первая выставка, организованная С. П. Дягилевым. В ней принимали участие около пятнадцати шотландских художников.

209

[1] В ресторане Донона в день открытия Передвижной выставки ежегодно устраивался традиционный обед ее участников.

210

[1] *СД.* [Дягилев С. П.] Передвижная выставка.— Новости и биржевая газета, 1897, 9 марта. См. также: Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. М., 1982, т. 1, с. 67—71, 292—300.

[2] *СД.* [Дягилев С. П.] Европейские выставки и русские художники.— Новости и биржевая газета, 1896, 23, 26 авг.

211

[1] И. И. Левитан экспонировал на XXV Передвижной выставке 5 картин (в том числе «Весна, большая вода»), А. М. Васнецов — 7 пейзажей, Н. Н. Дубовской — 18 пейзажей и этюдов.

[2] К. К. Костанди выставил картины «Ранняя весна» и «Вечер».

[3] Правильнее — «Спор на меже».

[4] Речь идет о картинах «Искушение» Г. Г. Мясоедова и «Иуда» Н. А. Ярошенко.

[5] И. Е. Репин выставил портреты А. В. Вержбиловича, кн. М. К. Тенишевой, гр. Н. П. Головиной, кн. Е. К. Четвертинской; Н. Д. Кузнецов — портреты А. Эдельфельта, А. Н. Бенуа, А. О. Ковалевского, А. М. Васнецова.

[6] Речь идет о картине К. В. Лебедева «Кончина царя Федора Алексеевича».

214

[1] Речь идет, по-видимому, о картине «Юность преподобного Сергия Радонежского», над уточнением ряда деталей и элементов которой Нестеров работал в 1897 г. перед передачей ее П. М. Третьякову.

[2] «Аленушка» В. М. Васнецова была приобретена советом Третьяковской галереи в 1900 г. у В. В. фон Мекка.

215

[1] Для церкви завода хрустального стекла в имении Ю. С. Нечаева-Мальцева Гусь-Хрустальном. Образ находится ныне в Башкирском художественном музее им. М. В. Нестерова.

218

[1] В статьях, посвященных XXV Передвижной выставке, картина Нестерова «На горах» и особенно триптих «Труды преподобного Сергия Радонежского» по большей части жестоко критиковались. Наиболее резким был отзыв В. В. Стасова в статье «Выставка» (Новости и биржевая газета, 1897, 4 апр.).

219

[1] Очевидно, речь идет о 3-м томе «Истории искусств» П. П. Гнедича.

[2] С. П. Дягилев подготовлял Выставку русских и финляндских художников, открытую в январе 1898 г. в Петербурге. Нестеров послал на выставку картину «Чудо».

221

[1] Речь идет о плащанице, вышитой Е. А. Праховой по рисунку В. М. Васнецова.

224

[1] Художник Н. Н. Харламов был привлечен А. А. Парландом к работе над мозаиками храма Воскресения «на крови».

[2] Речь идет о предполагавшейся росписи русской церкви в Вене, построенной Г. И. Котовым. Работа Нестерова по росписи не состоялась.

226

[1] А. А. Турыгин излагал Нестерову в письмах от 15 сентября, 16, 17, 20, 21 октября 1897 г. (ЦГАЛИ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 38) теории Дж. Рёскина, известного английского художественного критика, идеолога и теоретика прерафаэлитов (Нестеров в своих письмах называет их обычно «прерафаэлистами»). Прерафаэлиты — Д. Г. Россетти, Дж. Э. Миллес, Х. Хант, Э. Бёрн-Джонс — английские художники середины XIX в., увлеченные искусством раннего, дорафаэлевского Возрождения, стремившиеся подражать его наивному реализму. Книга, из которой Турыгин черпал сведения о Рёскине и его теориях,— известный труд Р. де ла Сизеранна «Ruskin et la religion de la beauté» (Paris, 1897).

[2] Речь идет о Е. А. Праховой.

[3] «Великий постриг».

[4] См. примеч. 1 к письму 79.

[5] Церковь строилась в имении Н. И. Оржевской «Новая Чартория» на Волыни. Нестеров в 1899—1901 гг. написал для церкви ряд образов; по его эскизам тех же лет церковь была расписана.

[6] Жорж Рошгросс — французский живописец-академист, автор ряда больших исторических картин на античные и восточные темы.

227

[1] Речь идет о подготавливавшейся С. П. Дягилевым Выставке русских и финляндских художников (открывшейся 16 января 1898 г. в Промышленно-художественном музее при Центральном училище технического рисования, основанном бароном А. Л. Штиглицем в Петербурге).

[2] Имеется в виду мюнхенский Сецессион 1898 г., где был выставлен «Великий постриг».

[3] А. К. Саврасов скончался 26 сентября (ст. ст.) 1897 г.

228

[1] Нестеров имеет в виду Академию художеств, по уставу 1894 г.— высшее государственное учреждение для поддержания, развития и распространения искусства в России.

229

[1] На полях письма против этих строк рукою Нестерова написано: «верно».

[2] Речь идет о статье И. Е. Репина «В защиту новой Академии художеств» (Книжки недели, 1897, № 10).

230

[1] См. примеч. 1 к письму 226.

[2] См. примеч. 2 к письму 229.

232

[1] В картине «Чудо» (1895—1897) Нестеров изображает коленопреклоненную велико-

мученицу Варвару с «усеченной главой», лежащей перед нею.

[2] Речь идет о картине «Великий постриг», которую Нестеров собирался поставить на XXVI Передвижную выставку.

233

[1] См. примеч. 1 к письму 227.

[2] «Чудо».

234

[1] *...наш Медичи (Павел)...* — П. М. Третьяков. Лоренцо Медичи, прозванный «Великолепным» (1449—1492),— правитель Флоренции, покровитель искусства и литературы.

[2] Палладий — митрополит Петербургский и Ладожский; Иоанникий — митрополит Киевский и Галицкий.

235

[1] В статье «Выставки» (Новости и биржевая газета, 1898, 27 янв., 24 февр.) В. В. Стасов в чрезвычайно резкой и грубой форме критиковал работы Врубеля, обвиняя его в «декадентстве».

[2] На Выставке русских и финляндских художников были экспонированы «Московская улица XVII века в праздничный день» А. П. Рябушкина и 19 акварелей Александра Бенуа (в их числе «Сентиментальная прогулка», «Вид на оранжереи», «Вид на Большой канал»).

236

[1] Ответ на большое письмо М. П. Соловьева от 31 января 1898 г. (ЦГАЛИ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 36).

237

[1] Н. А. Прахов.

[2] На Академической выставке 1898 г. экспонировалось более ста картин и этюдов В. А. Котарбинского, главным образом на античные и религиозные сюжеты, в том числе картина «Оргия».

238

[1] «Пятым» звание академика получил Н. А. Касаткин.

[2] В статье «Уморительный музыкальный критикан» (Новости и биржевая газета, 1898, 3 марта) В. В. Стасов полемизирует с реакционным музыкальным критиком М. М. Ивановым по поводу его «Музыкальных набросков» (Новое время, 1898, 2 марта), посвященных опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

[3] *Стасов В. В.* Радость безмерная.— Новости и биржевая газета, 1898, 25 февр.

239

[1] В архиве ГТГ хранится письмо В. М. Васнецова, в котором он благодарит Нестерова за его вмешательство в «реставрацию» росписей собора (ГТГ, 100/307, 29 апреля 1898 г.).

[2] Статья Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» была впервые напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897, № 5; 1898, № 1).

[3] На мюнхенском Сецессионе экспонировались картины И. И. Левитана «Над вечным покоем», «Весна. Последний снег». «Луг на опушке леса», «У ручья» и портрет М. К. Олив кисти В. А. Серова.

240

[1] Нестерову предлагали выполнить роспись большого приходского храма Казанской божьей матери в Москве.

[2] Речь идет об архитекторе Никитине.

241

[1] Художественная галерея, основанная в Мюнхене немецким литератором А. фон Шакком.

[2] Портрет М. К. Олив.

[3] «Монахами» Нестеров называет картину «Под благовест». Две другие картины — «Великий постриг» и «Чудо».

[4] См. письмо 240 и примеч. 1 к этому письму.

242

[1] 25 июня 1898 г. скончался Н. А. Ярошенко.

[2] По пятницам в Москве собирались члены Товарищества передвижников.

[3] Статья Нестерова, посвященная памяти Н. А. Ярошенко, напечатана не была. Значительно позднее Нестеровым были написаны воспоминания о Ярошенко, опубликованные впервые в журнале «Октябрь» (1942, № 5—6, с. 113—120), а затем во втором издании книги «Давние дни» (с. 63—79).

243

[1] Первый номер журнала «Искусство и художественная промышленность», издаваемого Н. П. Собко, вышел в конце октября 1898 г.

[2] 10 ноября 1898 г. вышел первый номер журнала «Мир искусства», редактировавшийся С. П. Дягилевым.

[3] В статье «Критические очерки. Новые художественные журналы» (Новое время, 1898, 20, 27 нояб.) В. П. Буренин с крайне реакционных позиций критиковал первый но-

мер «Мира искусства», позволяя себе грубые выпады по адресу Дягилева и сотрудников журнала.

[4] В журнале «Мир искусства» (1898, № 1—2) были помещены два рисунка для майолики К. А. Коровина и один — С. В. Малютина.

[5] Нестеров был избран в академики живописи 25 сентября 1898 г. Его кандидатура была выдвинута В. М. Васнецовым, В. Д. Поленовым и И. Е. Репиным и поддержана В. И. Суриковым, П. М. Третьяковым, Д. И. Менделеевым и др.

[6] *Наследник цесаревич* — младший брат Николая II вел. кн. Георгий Александрович.

[7] Речь идет о подготовке к организуемой С. П. Дягилевым Международной художественной выставке картин журнала «Мир искусства» в Петербурге (была открыта в январе 1899 г.).

245

[1] См. примеч. 7 к письму 243.

246

[1] И. Е. Репин опубликовал в «Ниве» (1899, № 15, с. 298—300) письмо в редакцию «По адресу „Мира искусства"», где в чрезвычайно резком тоне выступил против взглядов на искусство, проводимых журналом, против С. П. Дягилева как устроителя выставок «Мира искусства», против А. Н. Бенуа, К. А. Сомова, С. В. Малютина, названных им недоучками.

[2] В своей статье «Критические очерки» (Новое время, 1899, 16 апреля) В. П. Буренин, озлобленно понося Дягилева, одновременно весьма резко отзывается о выступившем против «Мира искусства» Репине, который сам, по мнению Буренина, придерживался в 1870—1880-е гг. взглядов, проводимых Дягилевым.

[3] В № 10 «Мира искусства» за 1899 г. были помещены репродукции с работ И. Е. Репина. В своей статье «Письмо по адресу И. Е. Репина» (Мир искусства, 1899, т. 1, с. 4. Статья опубликована также в изд.: Сергей Дягилев и русское искусство. Сост., авторы вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М., 1982, т. 1, с. 88—94, 309—316) С. П. Дягилев писал: «В последнем нашем свидании 22 марта, когда мы совместно обсуждали вопрос о Вашем письме в «Ниву», Вы, зная, что ближайший (10) номер «Мира искусства» будет посвящен специально Вашим произведениям, обещали мне непременно оговорить, что выход Ваш из числа сотрудников журнала совсем не касается указанного номера, на который Вы дали Ваше согласие. Хотя Вы Вашего обещания сделать эту оговорку и не исполнили, но я убежден, что появление 10-го номера не удивит Вас своею неожиданностью и что Вы не сочтете некорректным с моей стороны, что я, опираясь на Ваше последнее разрешение, не задумался закончить Ваше сотрудничество в журнале номером, посвященным, между прочим, Вашим произведениям».

247

[1] См. примеч. 3 к письму 246. В «Письме по адресу И. Е. Репина» Дягилев резко критиковал его позицию по отношению к «Миру искусства» и участникам его выставок, сопоставляя его теперешние высказывания с более ранними, часто прямо противоположными по смыслу.

[2] Подробности об этом эпизоде см.: Сергей Дягилев и русское искусство, т. 2, с. 310, 506.

[3] А. А. Карелин — бездарный живописец, но весьма энергичный и предприимчивый деятель. Нестеров относился к нему резко отрицательно.

248

[1] В сатирическом журнале «Шут» (1899, № 13) была помещена карикатура П. Е. Щербова на «Мир искусства» — «Дягилев доит корову», где в виде коровы художник изобразил кн. М. К. Тенишеву, финансировавшую в эту пору издание журнала «Мир искусства», в виде петуха — Л. С. Бакста. На коленях перед коровой, с лавровым венком на блюде в руках — И. Е. Репин.

249

[1] В журнале «Мир искусства» (1899, № 11—12) были помещены рисунки С. А. Коровина «В церкви», «У обедни», «Избушка на курьих ножках», «В пути» (подготовительный к акварели «На богомолье»), а также фототипия с акварели «На богомолье» (1896), легшей позднее в основу картины «К Троице» (1902, ГТГ).

[2] Нестеров имеет в виду издание «Орнамент всех времен и стилей. 100 таблиц с объяснительным текстом Н. Ф. Лоренца» (Спб., 1898—1899, вып. 1—10).

[3] См. примеч. 2 к письму 263.

250

[1] Нестеров в июне—июле 1899 г. совершил путешествие по Кавказу для ознакомления с памятниками средневековой грузинской архитектуры перед началом работы над росписями Абастуманской церкви.

251

[1] Архитектор В. Ф. Свиньин весьма недобросовестно относился к своим обязанностям

при постройке святого храма в Абастумане.

[2] Дед А. А. Турыгина — лесопромышленник Павел Андреевич Турыгин.

252

[1] В сентябре 1899 г. С. И. Мамонтов, возглавлявший акционерное железнодорожное общество, сделал превышавший законную возможность краткосрочный заем из кассы Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги для субсидирования вагоностроительных заводов. Этот поступок Мамонтова был использован министром юстиции Н. В. Муравьевым, интриговавшим против министра финансов С. Ю. Витте, покровителя Мамонтова. Мамонтов был арестован, разорен кредиторами, но оправдан судом присяжных, так как следствием было установлено, что недостающая сумма присвоена Мамонтовым не была.

253

[1] Речь идет о главе «Русская живопись в XIX веке», написанной А. Н. Бенуа для книги Р. Мутера «Geschichte der Malerei im XIX Jahrhundert» (1893—1894), вышедшей в значительно расширенном виде на русском языке в 1900 г.

254

[1] Ф. А. Малявин был в юности послушником монастыря.

[2] Речь идет о звании художника, присуждаемом оканчивающим Высшее художественное училище Академии художеств.

255

[1] В статье «Вандалы» (Мир искусства, 1899, т. 2, с. 94) Б. Вениаминов сообщал о том, что во Владимирском соборе грязно, живопись В. М. Васнецова заслонена киотами — дарами жертвователей, подрамник нестеровского «Крещения» обгорел, поврежденная мраморная колонна заменена деревянной, цветные стекла разбиты и заменены белыми.

[2] 2-я выставка картин журнала «Мир искусства».

[3] «Преподобный Сергий Радонежский» (1898, ГРМ).

256

[1] См. примеч. 3 к письму 255.

[2] Т. е. на Передвижной выставке, устраиваемой обычно в доме Общества поощрения художеств на Морской.

258

[1] Картина «Чудо» («Св. Варвара») была послана не в Москву (описка Нестерова), а в Петербург для отправки ее на Всемирную парижскую выставку 1900 г.

[2] Пожар в здании Академии художеств в Петербурге произошел 5 марта 1900 г. Сильно пострадали мастерские верхнего этажа, сгорела статуя Минервы, венчавшая купол здания.

259

[1] *М. С.* Наши художественные выставки.— Новое время, 1900, 11 марта.

263

[1] Леонид Валентинович Средин.

[2] В журнале «Мир искусства» (1900, т. 3, с. 76) в разделе «Художественная хроника» были помещены биографические сведения о Нестерове.

[3] Речь идет о начале работы над картиной «Святая Русь».

264

[1] Сын В. М. Васнецова Алексей Викторович.

265

[1] Портрет А. М. Горького, исполненный И. Е. Репиным в 1899 г., находится в ИРЛИ.

266

[1] В Аляухове, близ Звенигорода, находился санаторий доктора Токарского, где Нестеров отдыхал и лечился летом 1900 г.

[2] На самом деле субсидия Николая II ограничилась 10 000 руб. (см.: *Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. 4—5. М., 1980, с. 290).

[3] Золотые медали Всемирной парижской выставки 1900 г. были присуждены Ф. А. Малявину за картину «Смех», К. А. Коровину за панно из циклов «Туркестан» и «Север», В. А. Серову за портрет С. М. Боткиной (обе последние — «высшие почетные» медали), П. П. Трубецкому за ряд работ, в том числе за скульптуру «Л. Н. Толстой на лошади». Нестеров получил серебряную медаль за картины «Чудо» и «Под благовест».

[4] И. Е. Репин ушел из Академии значительно позднее — в 1907 г.

267

[1] *Вторые* — серебряные медали на Всемирной парижской выставке получили кн. М. В. Эристова, И. П. Похитонов, Л. О. Пастернак, Нестеров, Н. А. Касаткин, Г. Ф. Ярцев, Н. А. Гиршфельд, М. Я. Виллие, Н. Н. Дубовской, по скульптуре Н. Л. Аронсон, Л. С. Бернштейн-Синаев.

[2] Картина Малявина «Смех (Красные бабы)» была приобретена Музеем современного искусства в Венеции.

[3] Т. е. о мозаиках церкви Воскресения «на крови», над которыми по эскизам Нестерова

работали мозаичисты мозаичной мастерской Академии художеств.

268

[1] Наследник престола вел. кн. Георгий Александрович умер в июне 1899 г., скоропостижно, на дороге близ Абастумана.

[2] А. М. Горький, А. П. Чехов, В. М. Васнецов, Л. В. Средин и А. Н. Алексин летом 1900 г. совершили большую совместную поездку по Кавказу.

269

[1] См. примеч. 2 к письму 214.

[2] С 1898 г., после смерти П. М. Третьякова, галереей руководил совет, утвержденный Московской думой, в который вошли И. С. Остроухов, В. А. Серов, дочь Третьякова А. П. Боткина и с 1899 г.— И. Е. Цветков.

[3] Триптих В. М. Васнецова — «Христос», «Богатырь» и «Св. Ольга».

[4] Под «Отрочеством Сергия» Нестеров подразумевает, очевидно, «Видение отроку Варфоломею»; «Сергий с медведем» — «Юность преподобного Сергия Радонежского».

[5] Р. Лялик — знаменитый парижский художник-ювелир.

[6] «Преподобный Сергий Радонежский».

270

[1] В «Воспоминаниях» (с. 231) Нестеров пишет: «Как-то, придя в Русский отдел Всемирный выставки, я увидел на одной из левитановских картин траурный креп и тотчас узнал в комиссариате о полученной телеграмме, что Левитан скончался...» Письмо Э. О. Визелю доказывает, что Нестеров по прошествии лет несколько ошибся в изложении последовательности событий, так как сам был инициатором прикрепления траурного крепа к картине Левитана.

271

[1] «Сад Неметти» — театр в Петербурге с комедийным и фарсовым репертуаром, основанный в 1887 г. актрисой и антрепренером В. А. Линской-Неметти.

[2] Стиль «сецессион», или «югендстиль» — немецкий модерн.

[3] На Всемирной парижской выставке 1900 г. были экспонированы картины Поленова из евангельского цикла — «Мечты», «Среди учителей», «Генисаретская долина», «Христос на Генисаретском озере» и пейзажи «Зима», «Ранний снег».

[4] Père-Lachaise — кладбище в Париже.

272

[1] Нестеров имеет в виду многофигурную скульптурную композицию «Памятник мертвым» (1891—1899) А. Бартоломе у входа на кладбище Пер-Лашез.

273

[1] Речь идет о колебаниях Нестерова, не решившего еще, оставаться ли ему в Товариществе передвижных выставок или полностью связать свою судьбу с «Миром искусства» (см. письма 260, 262, 275 и примеч. 6 к этому письму).

275

[1] Нестеров работал над образами и эскизами образов для храма в Абастумане.

[2] Речь идет о дискуссии, разгоревшейся в печати по поводу присуждения премий русским художникам на Всемирной парижской выставке 1900 г. «Сторонний» (А. А. Тевяшов) выступил в газете «Новое время» (1900, 26 сент.) в защиту не получившего премии Н. К. Рериха, против Ф. А. Малявина и М. А. Врубеля (вообще не участвовавшего в выставке). И. Е. Репин в «Письме в редакцию» (Россия, 1900, 30 сент.), выступая в защиту решений жюри, подробно рассказал о процедуре голосования (при голосовании кандидатуры Малявина на золотую медаль за него было подано 42 голоса из 45, а Рерих — при голосовании на бронзовую медаль — получил всего 3 голоса). С. П. Дягилев, со своей стороны, опубликовал письмо в редакцию газеты «Россия» (1900, 3 окт.) «Русские художники на Всемирной выставке», где, возражая «Стороннему», упрекал его в том, что своим выступлением он поставил Рериха в неловкое положение.

[3] В Русском музее.

[4] Т. е. вел. кн. Владимира Александровича.

[5] «Святая Русь» и «Думы».

[6] Нестеров остался в Товариществе передвижных художественных выставок и принял участие в XXIX выставке 1901 г. На 3-й выставке «Мира искусства» Дягилев выставил нестеровские эскизы к абастуманской росписи (см. письмо 281).

276

[1] Близкому другу Нестерова кн. Н. Г. Яшвиль принадлежало имение Сунки близ Смелы.

[2] Т. е. «Святая Русь».

277

[1] Речь идет об известном эпизоде, происшедшем в антракте спектакля «Дядя Ваня» в Художественном театре, когда Горького обступила толпа зрителей (см.: *Телешов Н.* Записки писателя. М., 1948, с. 92—94;

Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 20-ти т. М., 1949, т. 18, с. 403). В письме в редакцию газеты «Северный курьер» Горький писал: «...я сказал вот что: „Мне, господа, лестно Ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы? Вот я напишу пьесу — шлепайте, сколько вам угодно. И как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками!"» (*Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954, т. 28, с. 140).

278

[1] А. М. Васнецов был приглашен после смерти Левитана на должность руководителя пейзажного класса Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Тогда же он был избран академиком.

279

[1] На Выставке учащихся Высшего художественного училища при Академии художеств в 1900 г. была экспонирована картина А. А. Мурашко «Похороны Кошевого»; портрет, написанный им с Нестерова, не выставлялся.

[2] См. примеч. 1 к письму 277.

280

[1] А. Н. Бенуа в своей главе о русской церковной живописи (История живописи в XIX веке. Русская живопись. Спб., 1902; до выхода в свет этой книги исследование Бенуа, написанное им для «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера и значительно расширенное, издавалось отдельными выпусками в 1900 г. в Москве) говорит о Нестерове: «...если бы Нестеров писал только свои церковные образа, ничем по сладости и искусственности не отличающиеся от фальшивых созданий Васнецова, то он представлял бы очень мало интереса, так как в истории копии не идут в счет с оригиналами. Однако Нестеров заслуживает совершенно другого отношения, так как он создал не одни свои иконы, но и несколько (к сожалению, немного) картин, в которых ему удалось вложить много личного, по существу и значительности превосходящего даже творчество Васнецова. Но в этих своих работах последнего рода Нестеров уже является художником нового периода, периода свободного, личного и „вдохновенного" начала в искусстве...» (с. 131). Главу, посвященную творчеству Нестерова, Бенуа закончил следующими словами: «К сожалению, успех толкает его все более и более на скользкий для истинного художника путь официальной церковной живописи и все более удаляет его от того творчества, в котором он, наверное, сумел бы сказать немало дивных и вдохновенных слов. Ведь является же он, рядом с Суриковым, единственным русским художником, хоть отчасти приблизившимся к высоким божественным словам „Идиота" и „Братьев Карамазовых"» (с. 239—242).

281

[1] На XXIX Передвижной выставке Нестеров экспонировал картины «На Руси», «Зимний вечер», «Рождество» (только в Петербурге), «Чудо» и пейзаж (только в Москве).

282

[1] Композитор В. С. Калинников скончался от туберкулеза в возрасте 35 лет.

283

[1] *Беляев Ю.* Художественный театр.— Новое время, 1901, 21, 22, 25 февр.

[2] Т. е. для картины «Святая Русь».

[3] Нестеров имеет в виду работу над росписью Абастуманской церкви и другими церковными заказами — работу, отрывавшую его от свободного творчества.

284

[1] Имя Н. И. Кравченко, так же как и имена других сотрудников реакционнейшей газеты «Новое время» — В. П. Буренина, М. О. Меньшикова, стало нарицательным для обозначения журналиста-мракобеса.

[2] На XXIX Передвижной выставке экспонировалось 15 работ И. Е. Репина, в том числе портреты В. В. Стасова, Л. Н. Толстого, И. И. Толстого, Н. Б. Нордман-Северовой, этюд «Белорус» и картина «Иди за мною, сатано».

[3] В начале 1901 г. Шаляпин с огромным успехом выступал в миланском оперном театре «La Scala» в роли Мефистофеля (в одноименной опере А. Бойто).

[4] *Дорошевич В.* Шаляпин в «Scala».— Россия, 1901, 14 марта.

285

[1] Из-за небрежности и злоупотреблений строителя абастуманского храма архитектора Свиньина и его помощников стены, загрунтованные по непросохшей штукатурке дешевой, низкого качества олифой, очень долго не просыхали. Когда Нестеров в 1901 г. приехал в Абастуман, чтобы заканчивать работы по декорировке церкви, оказалось, что влага проступает на стенах, подготовленных к росписи и частично уже покрытых орнаментом.

287

[1] Фелонь — риза, облачение священника при богослужении.

288

[1] *Дмитровский М. К.* М. В. Нестеров и его значение для русской живописи.— Новый мир, 1901, № 55, с. 129—131.

[2] См. примеч. 1 к письму 280.

[3] В работах, посвященных Нестерову, его выражение «опоэтизированный реализм» неправильно читалось как «поэтизированный реализм» из-за ошибки, вкравшейся в цитировавшуюся копию писем Нестерова Турыгину.

289

[1] В начале 1901 г. обострился конфликт между директором императорских театров кн. С. М. Волконским и С. П. Дягилевым, бывшим с 1899 г. чиновником особых поручений при директоре императорских театров и в качестве такового стремившимся обновить устаревшую систему постановки и оформления спектаклей. В результате конфликта Дягилев был уволен. Подробнее об этом см. в кн.: Сергей Дягилев и русское искусство, т. 1, с. 22—24; т. 2, с. 64, 384—386.

[2] Нестеров имеет в виду картину И. Е. Репина «Иди за мною, сатано» (1901—1903). Картина не была приобретена Русским музеем, принадлежала Харьковскому художественному музею и погибла во время Великой Отечественной войны.

[3] В апреле 1901 г. И. Е. Репин получил заказ написать картину «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения». В ноябре 1903 г. работа над картиной (Репину помогали его ученики Б. М. Кустодиев и И. С. Куликов) была закончена.

[4] К. В. Лемох был назначен старшим хранителем художественного отдела Русского музея, сменив на этом посту Альб. Н. Бенуа.

290

[1] См. примеч. 2 к письму 267.

291

[1] Речь идет о картине «Святая Русь».

[2] Соловецкий монастырь на Белом море (основан в XV в.).

[3] Л. В. Средин.

[4] *Дорошевич В.* За день. Дела тибетские.— Россия, 1901, 22 июня; *Дорошевич В.* За день. Нечто о пуговицах и о школе (статья известного философа г. Розанова).— Там же, 24 июня.

293

[1] Нестеров предполагал сделать А. М. Горького одним из действующих лиц картины «Святая Русь», однако он вскоре отказался от этой мысли (см.: *Воспоминания*, с. 240, примеч. 243).

[2] «На дне».

[3] Е. П. Пешкова, первая жена А. М. Горького.

294

[1] Нестеров в письме от 25 июля 1901 г. просил Турыгина выслать ему в Киев эскизы к «Благовещению» и «Женам-мироносицам», экспонировавшиеся на выставке «Мира искусства» в январе 1901 г. в Петербурге.

295

[1] № 8—9 журнала «Мир искусства» за 1901 г.

[2] *Васнецов В.* Мнение о проекте положения о художественно-промышленном образовании.— Мир искусства, 1901, № 8—9, с. 157—159.

296

[1] М. Г. Ярцева, дочь художника-передвижника Г. Ф. Ярцева, позировала Нестерову для молодой монахини в картине «Святая Русь».

[2] См. письмо 300 и примеч. 1 к нему.

297

[1] Собрание сочинений А. М. Горького, подаренное им Нестерову, пропало в 1919 г. (см. письмо 476).

[2] По-видимому, Турыгин писал Нестерову о первых выступлениях драматического тенора И. А. Алчевского на сцене Мариинского театра.

[3] Речь идет об организации объединения «36 художников», непосредственно предшествовавшего Союзу русских художников. В состав его вошли крупнейшие живописцы поколения Нестерова. Инициаторами создания объединения были москвичи (А. М. Васнецов, С. А. Виноградов, В. В. Переплетчиков, И. С. Остроухов), хотя участвовали в нем и все основные члены «Мира искусства». Это объединение уже самим фактом своего возникновения противопоставило себя Товариществу передвижников, где в это время главенствовали такие художники, как Г. Г. Мясоедов, В. Е. Маковский, К. В. Лемох.

299

[1] О какой фотографии идет речь, установить не удалось.

300

[1] Нестеров подарил Горькому «Весенний пейзаж» конца 1890-х гг. (ныне — в Горьковском государственном художественном музее). На этюде надпись: *Славному певцу рус-*

ской природы М. Горькому М. Нестеров 1901 г.

301

[1] *Дягилев С.* О русских музеях. — Мир искусства, 1901, т. 6, с. 163—174; *Философов Д.* Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа. — Там же, с. 217—233.

[2] См. примеч. 3 к письму 297.

[3] На «Выставке 36 художников» Нестеров экспонировал эскизы образов для церкви в Новой Чартории — «Св. Петр» и «Св. Наталья».

[4] В ноябре 1899 г. Нестеров был помолвлен с Е. А. Праховой, но вскоре произошел разрыв и брак расстроился из-за ряда семейных обстоятельств.

302

[1] В английском журнале «Studio» за июнь 1901 г. было помещено воспроизведение эскиза Нестерова «Смерть Александра Невского» (с. 141).

303

[1] *Розанов В.* Небесное и земное. Новое время, 1901, 11 дек.

304

[1] Т. е. с романом М. Горького «Фома Гордеев».

305

[1] Ответ Л. В. Средину на его письмо от 28 декабря 1901 г., в котором рассказывается о том, что А. М. Горький приютил у себя семью своего покойного друга химика Васильева и взял на себя все заботы о вдове и трех осиротевших детях.

306

[1] Н. Н. Соловцов, талантливый драматический актер, создатель и руководитель постоянного русского театра (театр Соловцова) в Киеве. Был похоронен в Пустынно-Николаевском монастыре на Аскольдовой могиле.

[2] Речь идет о статье А. Н. Бенуа «Ответ г. Философову», в которой автор возражает против принижения Философовым значения А. А. Иванова и возвеличивания В. М. Васнецова как религиозного живописца (см.: Мир искусства, 1901, № 11—12).

[3] В январе 1901 г. в Петербурге открылась «Выставка картин, этюдов и рисунков действительных членов ИАХ и членов Товарищества передвижных художественных выставок В. Е. Маковского и Е. Е. Волкова».

308

[1] В конце 1901 г. в среде московских художников возникла идея создания нового художественного объединения — Союза русских художников. Оформилось общество лишь в 1903 г. В состав его вошли, с одной стороны, виднейшие московские живописцы, с другой — члены «Мира искусства», последняя выставка которого открылась 15 февраля 1903 г.

310

[1] 4-я выставка картин журнала «Мир искусства» в Петербурге.

[2] «Демон поверженный» М. А. Врубеля экспонировался на 4-й выставке «Мира искусства».

[3] О чьем мнении идет речь, установить не удалось.

[4] Т. е. Фома Гордеев, герой одноименного романа М. Горького.

[5] В 1902 г. М. Горький был избран почетным академиком, но выборы — по распоряжению Николая II — были объявлены недействительными.

312

[1] Екатерина Петровна Васильева вышла замуж за Нестерова 7 июля 1902 г.

313

[1] См. примеч. 1 к письму 308.

[2] В феврале — марте 1902 г. обострилось психическое заболевание М. А. Врубеля. В конце апреля его поместили в психиатрическую лечебницу.

315

[1] См. примеч. 1 к письму 280.

317

[1] Драма А. И. Сумбатова (Южина) «Джентльмен» шла в Малом театре в Москве в сезон 1897/98 г. и имела, по словам автора, «большой успех сборов, общего мнения, скандала». По слухам упорным, но ошибочным, в лице главного героя Рыдлова был выведен и жестоко осмеян известный московский фабрикант-миллионер М. А. Морозов (см.: *Южин-Сумбатов А. И.* Записи, статьи, письма. М., 1951, с. 103, 556—557).

[2] Портрет Николая II в форме Шотландского полка (1902 г.).

[3] На выставке «Мира искусства» в Москве в 1902 г. экспонировалась картина К. А. Сомова «Заманчивое предложение».

[4] Премьера драмы М. Горького «Мещане» состоялась в Московском Художественном театре 26 марта 1902 г., а пьеса «Доктор Штокман» («Враг народа») Г. Ибсена шла там же с 24 октября 1900 г.

318

[1] Речь идет о написанных с реакционных позиций статьях: *Нефельетонист* [Ежов Н. М.]. Московская жизнь. Маленькие рассказы.— Новое время, 1902, 7 дек.; *Иванов М. М.* Одичание театральной атмосферы.— Там же, 23 дек.

[2] Имеется в виду статья: *Дягилев С. П.* По поводу книги Бенуа «История русской живописи в XIX веке», часть II.— Мир искусства, 1902, № 11, с. 39; см. также: Сергей Дягилев и русское искусство, т. 1, с. 154—160. Автор, высоко ставя труд Бенуа, критикует его за субъективизм ряда положений.

319

[1] Драма М. Метерлинка «Монна Ванна» шла во время гастролей В. Ф. Комиссаржевской в Москве.

320

[1] Нестеров говорит здесь о двух первых романах трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» — «Отверженный» («Смерть богов, или Юлиан Отступник», 1896) и «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи», 1901). Третий роман, «Антихрист» («Петр и Алексей»), вышел в 1905 г.

[2] В 1903—1904 гг. публицист и критик П. П. Перцов издавал в Петербурге религиозно-философский журнал «Новый путь», в котором печатались видные литераторы-символисты.

321

[1] Имеются в виду празднования по поводу 200-летия основания Петербурга.

[2] Речь идет, очевидно, о рецензии А. Н. Пыпина: *Коробка Н.* Очерки литературных настроений... III. М. Горький.— Вестник Европы, 1903, февр. с. 827—831.

[3] Нестеров имеет в виду написанную с крайне реакционных позиций и предельно грубую по тону статью В. П. Буренина «Трое», направленную против повести «Трое» и драмы «На дне» М. Горького (Новое время, 1903, 4 апр.).

[4] Речь идет о статье: *Розанов В. В.* О высших интересах знания и речи.— Новое время, 1903, 16 апр. Автор полемизирует со стоящим на позициях ортодоксальной православной церкви В. А. Грингмутом по вопросу отделения церкви от государства.

323

[1] Письмо Нестерова в журнале «Новый путь» опубликовано не было.

324

[1] Один из них — издатель сборников «Знания» К. П. Пятницкий.

[2] Сестра милосердия петербургской Крестовоздвиженской общины Кончевская «обладала, — по словам самого Нестерова, — на редкость своеобразным лицом. Высокая, смуглая, с густыми бровями, большими, удивленными, какими-то „восточными" глазами, с красивой линией рта» (*Дурылин С. Н.* Нестеров. М., 1965, с. 231).

[3] К. А. Руднев, протоиерей в Абастумане.

325

[1] Речь идет о ряде образов для Абастуманской церкви.

326

[1] Ф. И. Шаляпин исполнял роль Ивана Грозного в опере Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка».

[2] Т. е. Ф. И. Шаляпина в роли Бориса Годунова в одноименной опере М. П. Мусоргского.

[3] А. А. Турыгин в письме Нестерову от 8 ноября 1903 г. (ЦГАЛИ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 38) рассказывал историю замужества петербургской купчихи А. И. Громовой.

[4] Премьера трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» состоялась в Московском Художественном театре 2 октября 1903 г. Роль Юлия Цезаря исполнил В. И. Качалов.

[5] *Мейнингенцы* — Мейнингенский театр, т. е. драматический театр в городе Мейнингене, столице Саксен-Мейнингенского герцогства. В Мейнингенском театре в последней трети XIX в. под руководством герцога Георга II, актрисы Э. Франц и главного режиссера Л. Кронека был осуществлен ряд значительных сценических реформ. Необычайно возрастала роль режиссера, добивавшегося слаженности всех элементов спектакля, исторической точности в трактовке образов, в декорациях и костюмах. Мейнингенский театр дважды — в 1885 и 1890 гг. — гастролировал в России. К. С. Станиславский высоко оценивал постановочную культуру театра.

[6] В драме М. Горького «На дне».

[7] Перечисленные Нестеровым художники покинули Товарищество передвижных художественных выставок в связи со вступлением их в Союз русских художников.

[8] В ноябре 1903 г. В. А. Серов тяжело заболел. У него обнаружилось прободение язвы желудка, требовавшее немедленного хирургического вмешательства. Удачная операция, произведенная хирургами Ф. И. Березкиным и И. И. Алексинским, спасла ему жизнь.

[9] Дочь М. В. Нестерова Наталья родилась 2(15) сентября 1903 г.

[10] «Мечтатели (Белая ночь в Соловецкой обители)» или «Молчание (Святое озеро)».

328

[1] Премьера пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Московском Художественном театре состоялась 17 января 1904 г.

[2] Опера «Демон» А. Г. Рубинштейна с Ф. И. Шаляпиным в главной роли шла на сцене Большого театра с 1904 г.

329

[1] Нестеров имеет в виду нападение японского флота на Порт-Артур и начало русско-японской войны.

[2] Т. е. на выставке Союза русских художников.

[3] Нестеров предполагал, что В. И. Суриков выставит на XXXIII Передвижной выставке в феврале 1905 г. картину «Степан Разин» (была экспонирована только на XXXV выставке в 1907 г.).

330

[1] Картина «Голгофа» находится в ГТГ.

331

[1] Броненосец «Петропавловск» был потоплен японскими военными кораблями 31 марта 1904 г.

[2] В своих «Воспоминаниях» (с. 70) Нестеров подробно рассказывает о том, как он, ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества, и гимназист 8-го класса Андрей Волкович чуть не утонули, купаясь во время летних каникул 1882 г.

332

[1] Отношение Нестерова к философско-лирической поэме «Человек», несомненно, весьма субъективно и было вызвано неприятием в те годы ее основной тенденции — оптимистической веры в возможность силами самого человека, человечества, преобразовать мир.

[2] Отзыв Нестерова о «Жизни Василия Фивейского» совершенно совпадает с отзывом Л. Н. Толстого о произведениях Л. Н. Андреева: «Он пугает, а мне не страшно» (см. письмо 364).

333

[1] В журнале «Новый путь были опубликованы статьи Г. И. Чулкова (1904, кн. VI) и Д. В. Философова (1904, кн. XI) с отрицательной оценкой поэмы «Человек». С крайне реакционных позиций была оценена поэма в «Критических очерках» В. П. Буренина (Новое время, 1904, 15 авг.). Отпор Буренину дал В. В. Стасов в статье «Неизлечимый» (Новости и биржевая газета, 1904, 2 окт.).

336

[1] Нестерову в течение всех пяти лет работы в Абастуманской церкви приходилось постоянно отрываться от решения чисто творческих задач для борьбы с придворными интригами, хищениями строителей и различными техническими неполадками.

338

[1] В мае 1905 г. Нестеров с женой Екатериной Петровной и дочерью Ольгой были в Вене, Париже и Берлине.

[2] В амфитеатре Сорбонны (Парижского университета) Пюви де Шаванном была выполнена роспись на тему «Науки и искусства».

[3] В Пантеоне находится цикл росписей Пюви де Шаванна — «Жизнь св. Женевьевы» (св. Женевьева считается покровительницей Парижа) и «Смерть св. Женевьевы» Ж.-П. Лорана.

[4] В Отель-де-Вилле находятся композиции Ж.-П. Лорана на сюжеты из истории Франции, а также «Аполлон и музы» А.-Ж. Мартена, панно А. Бенара, посвященные наукам. В Школе фармацевтов — его же росписи на темы врачевания.

[5] Салон Общества французских художников и Салон Национального общества изящных искусств.

339

[1] Нестеров имеет в виду предполагавшееся издание журнала «Русский Симплициссимус» (по примеру мюнхенского юмористического журнала «Симплициссимус»).

340

[1] Макарьевская ярмарка, на которую съезжались купцы со всей России и из-за границы, устраивалась ежегодно при Макарьевом монастыре начиная с первой половины XVII в. и до 1817 г., когда ярмарка была перенесена в Нижний Новгород.

[2] Речь идет о картинах «За Волгой» и «Два лада».

342

[1] Речь идет о картине «Святая Русь».

[2] В ретроспективной выставке русского искусства при Осеннем салоне в Париже, подготовляемой С. П. Дягилевым, Нестеров не участвовал.

[3] 24 февраля 1906 г. Дягилев открыл в Петербурге блестящую по составу выставку под флагом «Мира искусства», хотя в этот период объединения формально уже не существовало (см. письмо 343).

343

[1] На выставке, устроенной Дягилевым в феврале — марте 1906 г. в Петербурге, ясно обозначились две группы художников. В одну из них входили зрелые мастера — петербуржцы и москвичи, бывшие члены «Мира искусства»; в другую — недавно умерший В. Э. Борисов-Мусатов и его последователи, молодые московские символисты-декоративисты — П. В. Кузнецов, М. С. Сарьян, П. С. Уткин, Н. Д. и В. Д. Милиоти, выступившие на следующий год на выставке «Голубая роза». К ним примыкал и петербуржец Б. И. Анисфельд.

344

[1] Нестеров пишет здесь о возникшем у него в 1905—1906 гг. замысле большой картины (первоначальное название — «Христиане»), в которой он предполагал изобразить «взыскующую бога» Россию. В число действующих лиц картины он намеревался включить крупнейших религиозных мыслителей, среди них — Льва Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева (в связи с этим Нестеров и работал в 1906—1907 гг. над портретом Л. Н. Толстого). Работа над картиной велась им (с перерывами) с 1906 по 1916 г. Картина, получившая в конце концов название «На Руси (Душа народа)», принадлежит ГТГ.

345

[1] Письма Нестерова А. А. Турыгину с рассказом о двукратном пребывании (в 1906 и 1907 гг.) в Ясной Поляне, о знакомстве с Л. Н. Толстым и работе над его портретом были опубликованы в позднейшей обработке самого автора под названием «Письма о Толстом» первоначально (не полностью) в журнале «Огонек» (1938, № 25, с. 16—17), затем (также частично) в сборнике «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» (1955, т. 2, с. 197—200) и в обоих изданиях книги Нестерова «Давние дни». В настоящем издании, так же как и в издании 1968 г., эти письма публикуются в первоначальной редакции, по рукописям, хранящимся в ОР ГРМ (ф. 136, ед. хр. 18, 19), за исключением письма 347 (к С. А. Толстой), публикуемого по тексту книги «Давние дни» (с. 274; см. также: *Воспоминания*, с. 258—266, 278—283. Ср.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904—1910. Яснополянские записки. Кн. 2-я. 1906—1907. М., 1979, с. 212—215, 460—468).

348

[1] Портрет О. М. Нестеровой на берегу реки Белой, известный также под названием «Девушка в амазонке» (ГРМ).

[2] *Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. Спб., 1906.

349

[1] Нестеров и его семья в течение ряда лет проводили летние месяцы в Княгинине — хуторе, принадлежавшем другу художника кн. Наталье Григорьевне Яшвиль (находился в четырех верстах от ее имения Сунки, близ Смелы).

[2] См.: Письма о Толстом.— В кн.: *Давние дни*, с. 275.

351

[1] Французский писатель А. Леруа-Болье был у Толстого 9 мая, а сотрудник «Нового времени» М. О. Меньшиков 11 августа 1906 г. Во время последней встречи возник резкий спор между Толстым и его посетителем. Меньшиков оспаривал религиозные теории Толстого.

[2] Картина Ж. Бастьен-Лепажа «Деревенская любовь» (1882), высоко ценимая Нестеровым, Серовым и другими живописцами этого поколения, приобретенная С. М. Третьяковым, в настоящее время принадлежит Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

353

[1] Речь идет, очевидно, о Поле Буайе, бывшем у Толстого 28 августа 1906 г.

[2] Общение с В. К. Сютаевым, крестьянином Новоторжского уезда, сектантом-проповедником, имело большое влияние на Л. Н. Толстого в период его религиозных исканий (их знакомство состоялось в 1881 г.). О Сютаеве см.: *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать? — Полн. собр. соч. М., 1934, т. 25, с. 118.

[3] *Адамант* — старинное название алмаза, бриллианта.

354

[1] Опубликовано в кн.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 76, с. 208.

[2] Речь идет, по-видимому, о книге Х. С. Чемберлена «Основы XIX века» (Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts. München, 1899).

355

[1] Премьера комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» состоялась в Художественном театре 26 сентября 1906 г.

356

[1] В «Рождественском приложении к газете «Речь» (1906, 25 декабря / 7 января) воспроизведения картин В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и И. К. Айвазовского помещены не были.

357

[1] *Средин А. В.* М. В. Нестеров (биографический очерк). — Золотое руно, 1907, № 2, с. 7—8.

358

[1] Персональная выставка Нестерова открылась 5 января 1907 г. в Петербурге, в Екатерининском концертном зале на Малой Конюшенной (ныне ул. Софьи Перовской). Подробности о выставке в Петербурге и Москве см.: *Воспоминания*, с. 266—277.

[2] Дмитрий Иванович Толстой — товарищ управляющего Русским музеем.

359

[1] В Москве выставка помещалась в доме I Российского Страхового общества, на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки.

[2] Персональной выставке Нестерова было посвящено множество статей в газетах и журналах. Среди них: *Кравченко Н.* Выставка картин М. В. Нестерова.— Новое время, 1907, 6 янв.; *Иванов М.* Художник-мистик. — Там же, 8 янв.; *Беляев Ю.* Нестеров (встречи). — Там же, 11 янв.; *Меньшиков М.* Две России. — Там же, 21 янв.; *Розанов В.* Молящаяся Русь. (На выставке картин М. В. Нестерова). — Там же, 23 янв.; *Варварин В.* [Розанов В. В.] Где же религия молодости? (По поводу выставки картин М. В. Нестерова). — Русское слово, 1907, 15 февр.; *Поселянин Ю.* [Погожев Е. Н.]. «Святая Русь». (Впечатления выставки картин М. В. Нестерова). — Московские ведомости, 1907, 18 февр.; *Л. Н.* [Маклакова-Нелидова Л. Ф.] О живых и убиенных. — Голос Москвы, 1907, 18 апр.; *Розанов В.* М. В. Нестеров. — Золотое руно, 1907, № 2, с. 3—7; *Грабарь И.* Две выставки. — Весы, 1907, № 3, с. 101—105; *Волошин М.* Выставка М. В. Нестерова.— Там же, с. 105—107; *Муратов П.* Творчество М. В. Нестерова.— Русская мысль, 1907, апр., кн. 4 (отд. 2), с. 151—158.

[3] И. С. Остроухов был попечителем Третьяковской галереи, а В. А. Серов — членом ее совета (см. примеч. 2 к письму 269). «Димитрий царевич убиенный» Третьяковской галереей приобретен не был. Картину в 1910 г. купил Русский музей.

360

[1] *Л. Н.* [Маклакова-Нелидова Л. Ф.]. О живых и убиенных. - Голос Москвы, 1907, 18 апр.

[2] Письмо было написано Назаровым, рабочим одной из подмосковных фабрик.

[3] См. примеч. 3 к письму 359.

361

[1] Печатается по рукописной копии, снятой с письма Нестеровым для А. А. Турыгина.

[2] Нестеров подарил В. В. Розанову свою акварель «Св. Зосима Соловецкий».

362

[1] *Нелидова Л.* В деревне (наблюдения и разговоры). — Московский еженедельник, 1907, 31 марта, № 13; 14 апр., № 15.

[2] См. примеч. 2 к письму 359.

363

[1] Д. П. Маковицкий пишет в своем дневнике 1907 г.: «26 июня... Сегодня М. В. Нестеров был доволен писанием портрета Л. Н. (в профиль). Вчера был не совсем уверен, удается ли, сегодня же подвинулось писание очень: «Он у меня схвачен», как выразился Нестеров и показал сжатые кулаки... 27 июня. Михаил Васильевич писал вид у большого пруда, около 50-тилетней елки, посаженной Л. Н. За ними через улицу избы и вид в поле. Характерный уголок при усадьбах в Центральной России. 28 июня... После обеда Л. Н. позировал стоя Нестерову. Одет был в светло-синюю фланелевую блузу. Владимир Григорьевич его много раз снимал... Нестеров третьего дня, вчера и сегодня очень доволен писаньем портрета...» (*Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. Кн. 2-я, с. 463—465). В своем дневнике Толстой записал (27 июня 1907 г.): «Живет Нестеров — приятный» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 56, с. 41).

364

[1] *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. Кн. 2-я, с. 465—466.

[2] Л. Н. Толстой был вместе с Н. Н. Страховым в Оптиной пустыни 26 июня 1877 г. (см.: *Толстая С. А.* Четыре посещения Л. Н. Толстым монастыря Оптиной пустыни.— Толстовский ежегодник, 1913, с. 3—7).

[3] См.: *Воспоминания*, с. 282—283.

365

[1] В письме Нестерову от 10 октября 1907 г. (ГТГ, 100/643) С. А. Толстая пишет: «Какой вы настоящий, вдохновенный художник! Как вы любите свое дело и как волнуетесь, когда работаете. Еще бы не сочувствовать вам!»

367

[1] О посещении Ясной Поляны детьми-экскурсантами см.: *Сергеенко П. А.* Толстой и дети. — В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1955, т. 2, с. 201—210.

368

[1] Нестеров имеет в виду поездку к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну и к Д. И. Толстому в имение Кагарлык (под Киевом).

[2] Речь идет, по-видимому, о впечатлении от церкви Воскресения «на крови» в Петербурге, построенной архитектором А. Парландом.

369

[1] Устроить вторую персональную выставку Нестерову не удалось из-за начавшейся в 1914 г. первой мировой войны.

370

[1] Нестеров путешествовал по Италии в марте — апреле 1908 г. вместе с сестрой Александрой Васильевной и дочерью Ольгой Михайловной (см.: *Воспоминания*, с. 287—292).

[2] А. М. Горького.

[3] В отношениях Нестерова с А. М. Горьким, очень дружественных в 1900—1903 гг., в 1904 г., после опубликования поэмы «Человек» (отзыв о поэме см. в письмах 332 и 333), наступило охлаждение. С «абастуманской» встречи (см. письмо 324) до 1935 г. Нестеров с Горьким не встречались. «За эти долгие годы не раз я слышал, что Алексей Максимович обо мне поминал добром,— писал в очерке «А. М. Горький» Нестеров.— Встретились мы еще раз в 1935 г. на моей небольшой кратковременной выставке в Музее изящных искусств (ныне им. Пушкина). Оба мы уже были стариками, встретились хорошо, я рад был увидеть все такую же привлекательную улыбку, какая была у Алексея Максимовича в молодые годы» (*Давние дни*, с. 292).

372

[1] *«Большая стена»* — стена трапезной Марфо-Мариинской обители, где Нестеров написал «Путь ко Христу». В этой композиции «мне хотелось досказать то, что не сумел я передать в своей „Св. Руси",— писал впоследствии Нестеров.— Та же толпа верующих, больше простых людей — мужчин, женщин, детей — идет, ищет пути к спасению... Фоном для толпы, ищущей правды, должен быть характерный русский пейзаж, лучше весенний, когда в таком множестве народ по дорогам и весям шел, тянулся к монастырям, где искал себе помощи, разгадки своим сомнениям и где сотни лет находил их, или казалось ему, что он находил...» (*Воспоминания*, с. 284).

[2] По проекту А. В. Щусева был построен в неорусском стиле собор в Почаевской лавре на Волыни (1905—1912).

373

[1] Репродукции произведений Нестерова публиковались в «Ниве» и ежегодном «Крестном календаре» А. А. Гатцука, очень дешевом и чрезвычайно популярном издании.

[2] Архиепископ Люблинский Евлогий — реакционный церковный и политический деятель, член 3-й Государственной думы. Что имеет в виду Нестеров, установить не удалось.

[3] Иван Петрович Восьмибратов, купец, торгующий лесом, — персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес».

[4] См. примеч. 1 к письму 130.

[5] Осуществить свое желание и написать портрет В. М. Васнецова Нестерову удалось лишь в 1925 г.

374

[1] А. К. Черткова.

375

[1] Имеются в виду эскизы к росписям Марфо-Мариинской обители.

[2] В настоящее время картина «На горах» принадлежит Киевскому государственному музею русского искусства.

[3] Речь идет о «Салоне» — выставке живописи, графики, скульптуры и архитектуры, подготовлявшейся С. К. Маковским и открытой в январе 1909 г. в Петербурге.

377

[1] Премьера «Синей птицы» М. Метерлинка состоялась в Московском Художественном театре (которому автор предоставил право первой постановки пьесы) 30 сентября 1908 г. Эскизы декораций и костюмов постановки принадлежали В. Е. Егорову.

[2] А. К. Глазунов — двоюродный брат А. А. Турыгина.

380

[1] Речь идет о «Литературных письмах» П. П. Перцова, посвященных метаниям интеллигенции, ее поискам в области религии и мистики. Эти статьи публиковались в газете «Новое время» в начале 1909 г.

[2] Имеется в виду статья: *Розанов В. В.* Новая книга о христианстве (о книге М. М. Тареева «Основы христианства»). — Новое время, 1909, 3 янв.

[3] Нововременский «Брут» — генерал-майор В. А. Алексеев, печатавшийся в газете «Новое время» под псевдонимом «Брут». В январе 1909 г. осужден за взяточничество при заказах оружия для русского флота.

Громкий процесс, так называемое дело Брута, подробно освещался русскими газетами.

381

[1] В феврале — марте 1909 г. в Петербурге состоялась выставка картин В. Д. Поленова на евангельские сюжеты (подробнее о выставке см.: *Сахарова Е. В.* В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова..., с. 662—667).

382

[1] *Розанов В.* Великое начинание в Москве. — Новое время, 1909, 4—6 марта.

385

[1] Речь идет об открытом весной 1909 г. памятнике Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева в Москве на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре.

[2] Галерея И. Е. Цветкова помещалась в построенном по проекту В. М. Васнецова доме № 29 на Пречистенской набережной. После Великой Октябрьской социалистической революции коллекция Цветкова вошла в собрание ГТГ.

386

[1] По-видимому, речь идет об открытке с изображением Александровской колонны на Дворцовой площади в Петербурге.

[2] Памятник Александру III работы П. П. Трубецкого.

387

[1] Картина Нестерова «Святая Русь» поступила в ГРМ из музея Академии художеств в 1923 г.

389

[1] Граф И. И. Толстой был в 1890-е гг. вице-президентом Академии художеств.

390

[1] Толя — Анатолий Леонидович Средин, сын Л. В. и С. П. Срединых.

391

[1] Аполлон, 1909, № 12, Хроника, с. 14.

392

[1] Постройка Казанского вокзала в Москве была осуществлена в 1913—1926 гг.

393

[1] Речь идет об участии Нестерова в Международной художественной выставке в Риме (см. письма 397, 399).

395

[1] Нестеровы проводили летние месяцы 1910—1912 гг. в имении А. И. Манзей Березки между Москвой и Петербургом.

[2] Ошибка Нестерова. Очевидно, имеется в виду Михайловский сад.

397

[1] На Брюссельской международной промышленно-художественной выставке 1910 г. 1 августа от неисправности электрического освещения произошел сильнейший пожар.

399

[1] *Большая картина Малявина* — «Две девки».

[2] Речь идет о корпусе, выходящем на канал Грибоедова (б. Екатерининский канал), построенном в 1914—1917 гг. по проекту Л. Н. Бенуа.

[3] Речь идет, по всей вероятности, о П. А. Брюллове.

400

[1] Выставка «Бубновый валет» открылась в Москве в декабре 1910 г. Организаторами ее были братья Д. Д. и В. Д. Бурлюки, М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, П. П. Кончаловский, И. И. Машков, А. В. Лентулов. Объединение «Бубновый валет» было основано в конце 1911 г., после раскола в среде московских авангардистов. Ведущими членами объединения были Кончаловский, Машков, Лентулов, Р. Р. Фальк, В. В. Рождественский, в те годы исходившие в своем творчестве из живописных принципов Сезанна.

401

[1] В апреле 1910 г. в Союзе русских художников произошел давно назревавший раскол. Из Союза выходят, во главе с А. Н. Бенуа, все петербургские художники (за исключением А. А. Рылова), а из москвичей — В. А. Серов, И. Э. Грабарь. Эта группа организует новое выставочное объединение, принимающее старое название «Мир искусства». В письме Турыгина говорилось о выставке «Мира искусства» в январе 1911 г. в Петербурге.

[2] VIII выставка Союза русских художников.

[3] А. Н. Бенуа написал статью, посвященную работе Ф. А. Малявина «Портрет автора с семьей», не до выставки «Мира искусства» (открывшейся в начале января 1911 г.), как это можно понять со слов Нестерова, а во время выставки Союза русских художников (статья была помещена в газете «Речь» 28 января 1911 г.). Его отзыв о картине совпадает с отзывом Нестерова: «...Самое мучительное

в картине Малявина — это именно ее ненужность и ее провинциальность... Это изуродованный, исковерканный напев культурной музыки в передаче полудикого и страстно честолюбивого человека...» С глубоким огорчением пишет о портрете Малявина и Остроумова-Лебедева (*Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. 1900—1915. М., 1974. т. 1—2, с. 452—453).

[4] В. А. Серов в 1909 г. отказался от преподавания в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Непосредственным толчком к его уходу послужил инцидент с запрещением А. С. Голубкиной, находившейся под надзором полиции, посещать училище на правах вольнослушательницы. Серова заменил С. В. Малютин.

[5] Сергей Иванович Щукин — собиратель новой французской живописи, его брат Петр Иванович — собиратель памятников иранского, китайского и древнерусского искусства и материалов по истории России.

[6] Сочинение о «предках» — воспоминания А. А. Турыгина (ГРМ, ф. 136, ед. хр. 1), в которых он большое место уделяет своему деду, уроженцу Онеги, богатому купцу-лесопромышленнику.

[7] «Золотое руно» — художественный и литературно-критический журнал, издававшийся в 1906—1909 гг. крупным капиталистом, меценатом и художником-любителем Н. П. Рябушинским. «Голубая роза» — группа молодых художников-символистов, получившая свое название по организованной ими весной 1907 г. выставке. В группу входили П. В. Кузнецов, М. С. Сарьян, П. С. Уткин, Н. Н. Сапунов, С. С. Судейкин, В. Д. и Н. Д. Милиоти, А. Т. Матвеев и др. «Червонным валетом» Нестеров иронически называет общество «Бубновый валет» (см. примеч. 1 к письму 400). Импрессионисты А. Сислей и К. Писсарро не оказали серьезного влияния на творчество художников названных групп.

402

[1] Речь идет об избрании профессора, руководителя мастерской в Высшем художественном училище Академии художеств на место ушедшего П. П. Чистякова, руководившего с 1908 г. бывшей мастерской И. Е. Репина. Нестеров, как действительный член Академии художеств (с 1910 г.), должен был принимать участие в голосовании. Чистяков боролся за избрание В. Е. Савинского. В письме Нестерову он просил поддержать его кандидатуру. Подробнее об этом эпизоде см. в кн.: *Гинзбург И. В.* П. П. Чистяков и его педагогическая система. Л.—М., 1940, с. 97—98.

[2] П. П. Чистяков тяжело болел весной и летом 1909 г.

403

[1] Портрет Е. П. Носовой, урожд. Рябушинской (1911), принадлежит ГТГ.

404

[1] Кандидатура В. Е. Савинского на место заболевшего П. П. Чистякова — профессора и руководителя мастерской, была выдвинута самим Чистяковым. Вторым кандидатом был Б. М. Кустодиев. При первом голосовании оба кандидата получили равное число голосов, при повторном — Савинский набрал большее. В 1911 г. он стал руководителем мастерской, возглавляя ее до 1930 г. (см.: *Серова Г. Г.* В. Е. Савинский — художник и педагог. М., 1983).

[2] О какой композиции идет речь, установить пока не удалось.

405

[1] Речь идет об уподоблении портрета Е. П. Носовой работы Сомова фотографии, выполненной в популярной в Москве в 1890—1900 гг. фототипографии К. А. Фишера.

407

[1] Нестеров имеет в виду портрет О. М. Нестеровой-Шретер («Девушка в амазонке», 1906), приобретенный Русским музеем в 1907 г.

410

[1] В. А. Серов скоропостижно скончался 22 ноября 1911 г.

411

[1] В настоящее время картина «За Волгой» принадлежит Астраханской областной картинной галерее им. Б. М. Кустодиева.

414

[1] Очевидно, этюд «Монастырь».

416

[1] П. Д. Корин был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

417

[1] На X выставке Союза русских художников С. А. Виноградов экспонировал «В парке. Осеннее солнце», «В доме» и другие картины (всего 10 работ); С. Ю. Жуковский — 14 работ («Поэзия старого дворянского дома», «Свежий снег» и др.); К. А. Коровин — серии «Огни Парижа» и «Кавказ. Ночь»; С. В. Малютин — портреты В. В. Переплетчикова, Н. Д. Телешова и иллюстрации к «Золотому петушку»; Л. В. Туржанский — 26 пейзажей; К. Ф. Юон — картины «Волшебница-зима», «Пляски свах», портреты,

пейзажи (всего 14 работ). При выставке Союза была также устроена посмертная выставка 28 работ А. П. Рябушкина. Нестеров упоминает здесь картину «Свадебный поезд в Москве. (XVII столетие)» (1901, ГТГ), выставленную под ошибочным названием «Въезд посольства в Москву» (см.: *Масалина Н.* Андрей Петрович Рябушкин. М., 1966, с. 73—78).

[2] На XXXIII Передвижной выставке экспонировалось 14 картин, портретов и этюдов Н. К. Бодаревского, как всегда салонных и пошловатых (среди них — «Суламифь», «Античный танец», «Вакханка»).

418

[1] «Посмертная выставка картин А. И. Куинджи» была открыта в Петербурге с 13 января по 18 февраля 1913 г.

[2] Весь свой капитал в 500 тыс. рублей и принадлежащую ему землю в Крыму Куинджи завещал Обществу художников, носящему его имя.

[3] В апреле 1912 г. Нестерову был заказан эскиз мозаики для намогильного памятника П. А. Столыпину.

419

[1] 1 июля 1912 г. О. М. Нестерова вышла замуж за Виктора Николаевича Шретера.

[2] Е. М. Хруслов, художник и хранитель Третьяковской галереи, покончил с собой 11 февраля 1913 г.

[3] 16 января в залах Третьяковской галереи иконописец А. А. Балашов (оказавшийся душевнобольным) порезал ножом картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года».

[4] 12 февраля 1913 г. общество «Бубновый валет» устроило в Политехническом музее собрание с докладом М. Волошина «О художественной ценности пострадавшей картины Репина». На собрании присутствовал сам Репин, возражавший в своем выступлении против неправильного толкования его картины. «Мнение» Нестерова по этому поводу было опубликовано в газете «Раннее утро» (1913, 15 февр.).

420

[1] Речь идет о портрете для подготавливавшейся в издательстве И. Н. Кнебеля под редакцией И. Э. Грабаря монографии С. Глаголя о Нестерове. Она была набрана в 1914 г., но издательство было разгромлено в мае 1915 г. (И. Н. Кнебель был австрийским подданным), и книга вышла в свет лишь после революции, в 1923 г.

421

[1] Речь идет о пожертвованиях в пользу пострадавших от войны черногорцев во время 1-й Балканской войны 1912—1913 гг. (между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией — с одной стороны и Османской империей — Турцией — с другой).

423

[1] Летом 1913 г. П. Д. Корин был послан А. В. Щусевым в Псковско-Печерский монастырь для копирования двух плащаниц XVI в., находившихся в ризнице монастыря.

[2] А. В. Нестерова скончалась 18 июня 1913 г.

425

[1] В 1911 г. в серии «Русские художники» (изд. И. Кнебеля) начали выходить монографии под редакцией И. Э. Грабаря. Были изданы книги С. П. Яремича о М. А. Врубеле, С. Глаголя и И. Грабаря о И. И. Левитане (1913), А. Ростиславова о А. П. Рябушкине (1914), И. Грабаря о В. А. Серове (1914). Монография о В. Г. Перове не вышла. О монографии с текстом С. Глаголя, посвященной Нестерову, см. примеч. 1 к письму 420.

[2] *Нестеров М. В.* Левитан.— Мир искусства, 1903, № 7—8, с. 41—44.

[3] Очерк о В. Г. Перове был впервые напечатан в газете «Советское искусство» от 29 мая и 5 июня 1937 г., затем — в обоих изданиях книги «Давние дни».

426

[1] В 1913 г. попечителем Третьяковской галереи на место вынужденного подать в отставку И. С. Остроухова был избран И. Э. Грабарь, который провел в галерее ряд реформ. Он проделал гигантскую работу, создав новую экспозицию, построенную на принципе исторического показа развития русского искусства. Подробнее об этом см.: *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автомонография. М.—Л., 1937, гл. IX. Музейная деятельность; *Подобедова О. И.* И. Э. Грабарь. М., 1965, с. 158—174.

427

[1] См. примеч. 1 к письму 420.

428

[1] Портрет дочери С. В. Малютина (1912) находится в Башкирском художественном музее им. М. В. Нестерова в Уфе.

[2] Речь идет о портрете Вл. С. Малютина («Ребенок в кресле», 1895, ГТГ).

429

[1] Московский Свободный театр был основан в 1913 г. (просуществовал всего один сезон) К. А. Марджановым, стремившимся к

синтетизму театрального искусства. В спектакле «Елена Прекрасная» (музыка Оффенбаха) режиссер решительно порвал с опереточными штампами. «Некий помещик» — очевидно, антрепренер В. В. Суходольский.

[2] «Сатирикон» — русский еженедельный сатирический журнал, выходил в Петербурге с 1908 по 1914 г.

[3] В 1913 г. в Московском Художественном театре была осуществлена инсценировка романа Достоевского «Бесы» (под названием «Николай Ставрогин»).

[4] На отчетной выставке Высшего художественного училища при Академии художеств в 1913 г. были экспонированы картины А. Е. Яковлева «Купанье» (ГРМ) и «Баня».

430

[1] В настоящее время портрет находится в Музее Л. Н. Толстого в Москве.

431

[1] Через некоторое время Нестеров резко изменил свое мнение о перевеске в Третьяковской галерее (см. письма 452–454, 460 и примеч. к письму 452).

[2] См. примеч. 1 к письму 387.

[3] Речь идет, очевидно, о «Новеллах итальянского Возрождения, избранных и переведенных П. Муратовым» (М., 1912–1913).

432

[1] Имеется в виду готовящаяся к печати статья: *Розанов В. В.* М. В. Нестеров.— В кн.: Среди художников. Спб., 1914.

433

[1] «София» — журнал по искусству и литературе, издававшийся в Москве К. Ф. Некрасовым, под редакцией П. П. Муратова. Выходил с конца 1913 по начало 1915 г. (всего вышло шесть номеров).

[2] На второй день рождества, т. е. 26 декабря 1913 г.

[3] Т. е. портрет Нестерова работы С. В. Малютина.

436

[1] Речь идет о книге П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» и о посвященной ей дискуссии в собрании Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева 26 февраля 1914 г., где с докладом «Свет Фаворский и преображение ума» выступил кн. Е. Н. Трубецкой.

437

[1] Посмертная выставка В. А. Серова была открыта в январе 1914 г. в Петербурге, а в феврале того же года — в Москве.

[2] См. примеч. 1 к письму 432.

439

[1] Речь идет о книге П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914).

440

[1] Имеется в виду портрет Нестерова работы С. В. Малютина.

441

[1] Портрет Нестерова работы Малютина воспроизведен в журнале «Лукоморье» (1914, № 1, с. 4).

444

[1] В октябре 1914 г. Нестеровы приняли к себе на квартиру несколько раненых солдат, нуждающихся в лечении и отдыхе.

445

[1] С. В. Малютин экспонировал на выставке Союза русских художников портреты М. Кениг и А. П. Лангового, А. Е. Архипов — картины «Гости» и «Крестьянин Рязанской губернии», К. А. Коровин — «Ночь на юге» и «Комнату на юге».

[2] См. примеч. 1 к письму 433.

446

[1] Речь идет о картине «Сестры» (собрание А. М. Колударова, Москва).

447

[1] Речь идет о книге Л. Шестова «Достоевский и Ницше» (Спб., 1903).

[2] *«Пушкинская речь» Достоевского* — речь, произнесенная им 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности (в ознаменование открытия памятника Пушкину в Москве). Эта речь, в которой Достоевский впервые определил национальное и мировое значение творчества Пушкина, произвела на слушателей потрясающее впечатление.

448

[1] В основу собрания Полтавского государственного художественного музея, организованного в 1919 г., легло собрание картин Н. А. Ярошенко и художников-передвижников, пожертвованное М. П. Ярошенко, женой художника.

451

[1] «Однодневные сборы» устраивались в годы первой мировой войны в пользу «раненых воинов». Художники участвовали в них, со-

здавая рисунки для открыток, марок, плакаты и т. д.

452

[1] Перевеска в Третьяковской галерее, предпринятая И. Э. Грабарем, вызвала (вследствие интриг одного из членов совета попечителей галереи, кн. С. А. Щербатова, поддержанных И. С. Остроуховым) бурю протестов со стороны ряда художников и части публики. В печати началась кампания против реформ в галерее. Особенного накала страсти достигли к началу 1916 г. Мнения художников разделились. На стороне Грабаря были В. И. Суриков, А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, против него — В. Е. Маковский, В. М. Васнецов, большинство членов Союза русских художников. Нестеров, вначале положительно относившийся к перевеске в галерее (см. письма 427, 429, 430), затем примкнул к противникам Грабаря, якобы нарушившего волю П. М. Третьякова. Несмотря на все препятствия, Грабарь осуществил свой план перевески.

453

[1] *Розанов В.* Г-н Игорь Грабарь и Третьяковская галерея. — Новое время, 1916, 31 янв.

454

[1] *«Нетретьяковское» собрание* — все приобретения, сделанные после смерти П. М. Третьякова.

455

[1] Речь идет о книге воспоминаний матери В. А. Серова, композитора В. С. Серовой «Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович» (Спб., 1914).

[2] Портрет Вл. С. Соловьева был необходим Нестерову для работы над картиной «На Руси (Душа народа)».

457

[1] Вел. кн. Мария Павловна.

[2] Выставка «Ослиный хвост» была открыта в Москве в 1912 г. группой бывших членов общества «Бубновый валет», возглавляемой М. Ф. Ларионовым и Н. С. Гончаровой. Помимо них, в выставке принимали участие К. М. Зданевич, И. Ф. Ларионов, М. В. Ле-Дантю, К. С. Малевич, А. А. Моргунов, В. Е. Татлин, А. В. Фонвизин, М. З. Шагал, А. В. Шевченко и др. Футуристическая выставка «Магазин» была открыта в 1916 г. в Москве. Ее организатором был В. Е. Татлин, участниками — Л. А. Бруни, М. М. Васильева, К. С. Малевич, А. А. Моргунов, И. В. Клюн, Л. С. Попова, А. М. Родченко, Н. А. Удальцова, А. А. Экстер, В. М. Юстицкий, С. И. Толстая, В. Е. Пестель.

458

[1] *Купец-мукомол* — П. И. Шехобалов.

[2] Речь идет, по-видимому, о картине «Старец», принадлежащей в настоящее время Куйбышевскому художественному музею.

462

[1] Статья «Памяти А. В. Прахова» была опубликована в газете «Новое время» (1916, 20 мая). Она включена во второе издание книги «Давние дни» (Приложения, с. 310—313).

463

[1] Нестеров имеет в виду начатое войсками Юго-Западного фронта наступление в мае 1916 г., закончившееся Брусиловским прорывом.

465

[1] Нестеров провел октябрь—ноябрь 1916 г. в Кисловодске и Сочи.

466

[1] Об ажиотаже на «художественном рынке» в конце 1916 — начале 1917 г. см.: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983, с. 46—52.

467

[1] На XIV выставке Союза русских художников Ф. А. Малявин экспонировал картину «Бабы (Зеленая шаль)» и 16 рисунков.

468

[1] На XLV Передвижной выставке С. В. Малютин экспонировал портрет И. У. Матвеева, Ю. И. Репин — картины «Прапорщик юный», «В своем отечестве», «Портрет В. С. Сварога», А. А. Мурашко — «Зеленые рефлексы», «У окна», «В саду».

[2] На XIV выставке Союза русских художников С. А. Виноградов экспонировал 11 работ, в том числе «В усадьбе», «Румяный вечер. Начало мая», «Солнце через цветные стекла», а также 5 листов из альбома; Н. П. Крымов — «Утро», «Пейзаж», два «Вечера», этюды; К. Ф. Юон — 12 работ, среди них — «Зимнее солнце», «На Оке», «Ростовский кремль», «Троицкий посад».

470

[1] См. примеч. 1 к письму 466.

[2] См. примеч. 2 к письму 385.

472

[1] Портреты «Философы (С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский)» и «Архиепископ Антоний» принадлежат ГТГ.

473

[1] Незадолго до своего отъезда в Армавир к семье Нестеров перевез часть своего имущества к И. Е. Бондаренко (см. письмо 476).

474

[1] Нестеров прожил в Армавире до июля 1920 г.

[2] *Внучка* — Ирина Шретер, дочь О. М. и В. Н. Шретеров.

[3] Ящики с картинами и этюдами Нестерова, в том числе ящик с картиной «На Руси (Душа народа)», были оставлены им в 1918 г. в музее А. А. Бахрушина и в Историческом музее.

[4] Памятники крупнейшим деятелям революционного движения, науки, искусства сооружались согласно Ленинскому плану монументальной пропаганды и носили в большинстве своем временный характер.

[5] В 1918—1919 гг. Нестеровым был написан «Портрет Л. Н. Толстого в лесу», портретные этюды с Н. М. Нестеровой и А. М. Нестерова, эскиз к портрету В. М. Нестеровой, этюды к картинам «Пророк», «Страстная седьмица» и ряд других работ.

[6] Т. е. у О. М. и В. Н. Шретеров, на Сивцевом Вражке, д. 43, кв. 12. В этом доме Нестеров прожил до своей смерти.

476

[1] См. письмо 473.

[2] Вера Михайловна Нестерова — дочь М. В. Нестерова и Юлии Николаевны Урусман. Ю. Н. Урусман до конца жизни художника оставалась его другом. По свидетельству дочери, она позировала для ряда его произведений, в том числе картин «Думы» (1900), «За Волгой» (1905), «Родина Аксакова» (1910), «Страстная седьмица» (1933) и др.

[3] Сын Нестерова и Ю. Н. Урусман Михаил Михайлович Нестеров, окончивший 1-е Рязанские Советские пехотные курсы командного состава Красной Армии, умер 16 апреля 1920 г. от осложнений после сыпного тифа.

[4] Речь идет о «Портрете философа И. А. Ильина» (1922, ГТГ).

[5] Нестеров, по-видимому, имеет в виду известного искусствоведа из Петрограда Н. Н. Пунина.

477

[1] Речь идет о фарфоре заводов Гарднера и Попова.

[2] «Петей» Нестеров называл свою картину 1883 г. «Домашний арест» (в настоящее время находится в собрании Е. А. Эльберта в Москве). «Макарт» — скопированный Нестеровым с Макарта «Портрет неизвестной» (1887, ГРМ).

[3] «Штоль и Шмидт» — известная аптекарская фирма в Петербурге. Так Нестеров иронически называл В. М. Васнецова и себя.

478

[1] Картина «Путник» принадлежит И. В. Шретер.

[2] Монография о Нестерове Н. П. Сычевым написана не была.

479

[1] Нестеров не принимал участия ни в выставке «Мира искусства», ни в XVI выставке Союза русских художников (обе — в январе 1922 г.).

480

[1] Анна Александровна — жена А. А. Турыгина.

481

[1] «АРА» (сокращенное наименование «American Relief Administration» — Американская администрация помощи») — организация, существовавшая в годы после первой мировой войны и оказывавшая продовольственную помощь нуждающимся странам. В 1921—1923 гг. (во время голода в Поволжье) действовала в Советской России.

[2] Знаменитый норвежский исследователь Арктики Ф. Нансен был одним из организаторов помощи голодающим Поволжья.

483

[1] В июле 1922 г. у В. Н. Бакшеева в Дубках, где проводил лето Нестеров, им были написаны портрет профессора И. А. Ильина («Мыслитель»), ряд пейзажных этюдов и картины «Пророк», «Мать Евпраксея (На Керженце)», «Весна-красна».

[2] Выставка русского искусства в Америке была организована художественными объединениями Москвы и Петрограда. Открыта в Нью-Йорке с 8 марта по 15 апреля 1924 г., затем разделена на две части (Южная и Северная выставки) и передвижной выставкой обошла многие города Америки (маршруты выставки см.: Выставки советского изобразительного искусства. Справочник. М., 1965, т. 1, с. 144—145). Нестеров послал на выставку 8 работ, в том числе картину «Св. Варвара» (вариант «Чуда») и небольшое повторение «Видения отроку Варфоломею».

484

[1] На XVII выставке Союза русских художников Нестеров экспонировал картины «Свирель» и «Тихие воды».

[2] О какой картине идет речь, установить не удалось.

485

[1] Речь идет об издании сборника, посвященного творчеству Нестерова, и просьбе к П. П. Перцову принять участие в его составлении.

[2] Статья В. В. Розанова (рукопись) «Вечное преображение» находится в настоящее время в ЦГАЛИ (ф. 341, оп. 1, ед. хр. 789).

486

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] С. Н. Дурылин жил в те годы в Челябинске.

[3] А. В. Нестерова родилась в 1858 г.; следовательно, в 1913 г. ей было 55 лет.

487

[1] В Юсуповском дворце 18/31 декабря 1916 г. кн. Ф. Ф. Юсуповым, В. М. Пуришкевичем и вел. кн. Дмитрием Павловичем был убит фаворит царской семьи, мракобес и авантюрист Г. Е. Распутин.

[2] Картина «Под благовест» принадлежала известному коллекционеру А. А. Коровину.

[3] Имеется в виду «Взятие снежного городка» В. И. Сурикова.

[4] Романовская галерея — одна из двух галерей Малого Эрмитажа, расположенная на втором этаже вдоль Зимнего сада (со стороны Зимнего дворца).

[5] После гигантского пожара 1837 г., уничтожившего все внутреннее убранство Зимнего дворца, его залы воссоздавались по проектам и под руководством зодчих В. П. Стасова, А. П. Брюллова и О. Монферрана. Мнение Нестерова об их работе крайне пристрастно.

[6] Декоративная отделка комнат первого этажа Юсуповского дворца создавалась архитектором А. Я. Белобородовым и художниками С. В. Чехониным, Н. А. Тырсой и В. М. Конашевичем.

[7] О посещении Нестеровым Б. М. Кустодиева см.: Встречи и беседы с Б. М. Кустодиевым. (Из дневников Вс. Воинова. 1921 — 1927).— В кн.: Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967, с. 248—251.

[8] Под «Тушином» Нестеров подразумевает Москву.

488

[1] А. А. Турыгин был в 1923 г. принят на должность архивариуса в ГРМ (проработал до 1931 г.). Письма Нестерова к Турыгину были переданы последним в архив ГРМ, где и находятся в настоящее время (ф. 136).

[2] Евгения Георгиевна — жена П. И. Нерадовского.

489

[1] День рождения Нестерова — 19 мая по ст. ст., 31 мая — по н. ст.

490

[1] См. примеч. 1 к письму 215.

[2] «Страшный суд» В. М. Васнецова находится в соборе г. Гусь-Хрустальный, являющемся филиалом Владимиро-Суздальского объединенного музея-заповедника (отреставрирован в 1982—1983 гг.).

491

[1] Портрет Н. М. Нестеровой известен также под названием «Девушка у пруда» (собрание Н. М. Нестеровой, Москва).

[2] См. примеч. 2 к письму 483.

492

[1] В. В. Розанов.

[2] См. примеч. 1 к письму 360.

[3] *Последние три портрета* — портреты архиепископа Антония (1917), С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского («Философы», 1917) и И. А. Ильина («Мыслитель», 1922).

493

[1] По-видимому, Нестеров подразумевает резкое обострение классовой борьбы в Польше и жестокое подавление восстания гамбургского пролетариата под руководством Э. Тельмана в октябре 1923 г.

[2] Е. Е. Лансере с 1917 по 1934 г. жил на Кавказе (сперва в Темир-Хан-Шуре, затем в Тбилиси).

494

[1] Д. А. Шмаринов.

497

[1] Картина «Преподобный Сергий» (1898) была блестяще реставрирована (тем самым спасена от гибели) в 1928 г. в ГРМ (см. письма 574, 575).

[2] В журнале «Север» (1888, № 13) опубликован рисунок Нестерова «Архимандрит Дионисий и писцы борзые», изображающий Дионисия, сочиняющего воззвание на борьбу с поляками.

[3] Эскиз «Гражданин Минин» находится в собрании А. И. Батурина (Москва).

[4] Речь идет о Марфо-Мариинской обители.

[5] Для Троицкого собора в Сумах Нестеровым в 1913 г. были написаны 6 образов (Христос, Богоматерь, Троица, Никола, архангелы Гавриил и Михаил). Художник считал их лучшими из всего сделанного им в области церковной живописи.

498

[1] Небольшой очерк, озаглавленный Нестеровым «Эскиз» и посвященный его отношениям с А. Н. Бенуа, С. П. Дягилевым и «Миром искусства» вообще, был написан им для неосуществленного сборника статей к 25-летию «Мира искусства», подготавливавшегося к печати ленинградским отделением Государственного издательства. Впервые был напечатан в журнале «Ленинград» (1941, № 10), затем во втором издании книги «Давние дни» (с. 169—171).

502

[1] Выставка русского искусства в Нью-Йорке открылась 8 марта (см. примеч. 2 к письму 483).

[2] Гастроли Московского Художественного театра в Европе и Америке продолжались с 1922 по 1924 г.

503

[1] Т. е. монографии Н. Н. Евреинова «Нестеров» (Пг., 1922) и С. Глаголя «Михаил Васильевич Нестеров» (М., 1923).

[2] Очевидно, имеются в виду И. Э. Грабарь, критиковавший Нестерова в статье «Две выставки» (Весы, 1907, март, с. 100—105) и А. Н. Бенуа. С. Н. Дурылин, в отличие от самого Нестерова, резко отрицательно относился в своих трудах к аргументированной и глубокой критике А. Н. Бенуа ряда сторон творчества Нестерова (главным образом его церковных работ).

[3] См. примеч. 1 к письму 498.

504

[1] См. примеч. 1 к письму 358.

[2] Хр. Бринтон — автор предисловия к каталогу «Выставка русского искусства» (Нью-Йорк, 1924).

[3] Александр Евгеньевич Яковлев.

[4] Интересно сопоставить с этим письмом то, что пишет о своем пребывании с русской выставкой в Америке И. Э. Грабарь (см.: *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автомонография, с. 290—296; Игорь Грабарь. Письма. 1917—1941. М., 1977, с. 85—145).

[5] Речь идет, очевидно, о двух картинах, посланных Нестеровым с «оказией» в Петроград (см. письмо 502).

507

[1] Очевидно, под словом «ходы» С. Н. Дурылин подразумевал «Крестные ходы».

508

[1] Нестеров ошибся: выставки в Уотербери и Филадельфии в мае 1924 г. не состоялись. Подробнее об этом см.: Игорь Грабарь. Письма. 1917—1941, с. 338 (примеч. 135), с. 340 (примеч. 8).

510

[1] См. письмо И. Э. Грабаря В. М. Грабарь от 24 мая 1924 г. (Игорь Грабарь. Письма. 1917—1941, с. 142—144).

511

[1] *Тугендхольд Я.* О Репине.— Известия, 1924, 21 авг.

513

[1] 10 ноября 1924 г. в Москве состоялось общее собрание участников Выставки русского искусства в Америке, постановившее утвердить К. А. Сомова уполномоченным выставки в связи с отъездом в Ригу С. А. Виноградова (см.: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 257—259).

514

[1] В 1922 г. ряд деятелей русской православной церкви выступили за ее «обновление», т. е. за изменение ее деятельности применительно к новой обстановке. Не затрагивая основ вероучения, они стремились изменить форму церковного управления и отчасти быт духовенства.

[2] Письмо И. Е. Репина Нестерову от 13 ноября 1924 г. хранится в архиве ГТГ (100/570).

515

[1] В. Г. Чертков прислал Нестерову, по-видимому, одну из трех вышедших в эти годы книг — «Вблизи Толстого» А. Б. Гольденвейзера (М., 1922—1923), «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого (М., 1922—1923) или т. 3—4 четырехтомного труда П. И. Бирюкова «Л. Н. Толстой» (М., 1922—1923).

518

[1] Рукопись воспоминаний Турыгина о Крамском находится в секторе рукописей ГРМ (ф. 136, ед. хр. 3).

[2] П. И. Нерадовский.

520

[1] Речь идет, по-видимому, о Д. Е. Дубровском, новом председателе нью-йоркского комитета Выставки русского искусства в Америке.

524

[1] В связи с этим суждением Нестерова см. Предисловие к данной книге, с. 21—22.

525

[1] О предполагавшемся уходе Н. И. Нерадовского из ГРМ и назначении его директором ГТГ ходили в конце 1925 г. упорные слухи. Этот вопрос обсуждался в письмах Н. И. Нерадовскому П. П. Кончаловского (архив ГТГ, 31/695) и Д. Н. Кардовского (архив ГТГ, 31/545). Директором ГТГ был назначен А. В. Щусев.

[2] «Гамлет» с М. А. Чеховым в главной роли был поставлен МХАТом-2 в 1924 г.

[3] Портрет А. М. Щепкиной (находится в Нижне-Тагильском музее изобразительных искусств).

527

[1] Имеется в виду картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» (1837—1857, ГТГ).

[2] Библейские или, вернее, библейско-евангельские эскизы для цикла росписей (1850-е гг.).

[3] Этому же вопросу посвящено письмо В. И. Невскому, директору открытой в «доме Пашкова» (здание б. Румянцевского музея) ГБЛ.

528

[1] Приветствие Русского музея хранится в архиве ГТГ (100/1116).

530

[1] Речь идет о В. И. Невском.

531

[1] *Волошин М.* Суриков (Материалы для биографии).— Аполлон, 1916, № 6—7, с. 40—63.

[2] Портрет Нестерова В. М. Васнецов написал как бы в ответ на написанный Нестеровым в 1925 г. его портрет. Он оказался последней работой Васнецова (находится в Доме-музее В. М. Васнецова в Москве).

533

[1] *Корзно* — епанча, старинная верхняя одежда в виде широкого плаща.

[2] Парастас, или Великая пятница — т. е. пятница Страстной недели по календарю православной церкви. Нестеров, очевидно, имеет в виду церковную службу, аналогичную той, которая читается в Великую пятницу.

[3] Аполлинарий Михайлович Васнецов.

534

[1] *КУБУ* – Комиссия улучшения быта ученых.

536

[1] Музей В. М. Васнецова в его доме (№ 13 по 3-му Троицкому пер., ныне пер. Васнецова) был открыт в 1928 г.

[2] Воспоминания о В. М. Васнецове, или, скорее, его «литературный портрет», были написаны Нестеровым через десять лет и включены в оба издания книги «Давние дни».

538

[1] Речь идет о картине Нестерова «На Руси (Душа народа)», которую Н. И. Нерадовский видел в октябре 1926 г. в Музее изобразительных искусств во время фотосъемки.

[2] В письме дан схематический чертеж композиции картины.

539

[1] *Стасов В. В.* Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904.

541

[1] С. Н. Дурылин.

[2] Т. е. портрет Нестерова работы В. М. Васнецова.

542

[1] С. М. Давыдов — директор санатория в Гаспре.

[2] Н. Г. Яшвиль.

546

[1] Летом 1914 г. в шведском городе Мальмё была устроена международная Балтийская выставка, на которую было отправлено большое число картин русских художников. Из-за начавшейся первой мировой войны эти работы не могли быть возвращены в Россию после закрытия выставки.

[2] См. письмо 536 и примеч. 1 к этому письму.

547

[1] См. письмо 544.

[2] Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» и этюды к ней экспонировались в одном из залов ГБЛ, открытом для публики в феврале 1926 г. В экспозицию ГТГ картина и этюды были включены в 1932 г. (помещены в специально построенном зале).

[3] Речь идет о бюсте А. А. Иванова работы неизвестного скульптора середины XIX в.

[4] Выставки произведений В. И. Сурикова в Ленинграде и Москве были организованы почти одновременно — в первой половине 1927 г.

549

[1] Портрет Е. А. Праховой работы В. М. Васнецова (1894) был приобретен ГТГ в 1927 г. (об истории приобретения портрета см. письма 553, 561, 568).

551

[1] Очерк «П. А. Стрепетова» опубликован в обоих изданиях книги «Давние дни». Впервые напечатан в кн.: П. А. Стрепетова. Воспоминания и письма. М.—Л., 1934, с. 484—494.

552

[1] О находке «Мадонны», приписывавшейся И. Э. Грабарем Рафаэлю, см. его статью: «Мадонна del Popolo» Рафаэля и «Мадонна из Нижнего Тагила».— В кн.: Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. М., 1928, т. 2, с. 5—101. В дальнейшем принадлежность Рафаэлю «Мадонны из Нижнего Тагила» не подтвердилась.

553

[1] См. примеч. 1 к письму 549. Нестеров обращался в совет ГТГ с рекомендацией приобрести портрет Е. А. Праховой (ЦГАЛИ, ф. 990, оп. 1, ед. хр. 82).

554

[1] Институт в Питсбурге, организованный на средства промышленника («железного короля») и филантропа Э. Карнеги. При институте устраивались выставки художественных произведений и конкурсы на премии Карнеги.

555

[1] Очерк «В. И. Суриков» опубликован в обоих изданиях книги «Давние дни». Впервые напечатан в газете «Советское искусство» (1937, 1 марта).

556

[1] П. Д. Корин и его брат А. Д. Корин были посланы в командировку в Италию в 1931 г. по просьбе А. М. Горького (см. письма 623, 624, 626—634).

558

[1] В. Д. Поленов скончался 18 июля 1927 г.

559

[1] Ошибка или описка Нестерова — Мурашко звали Александром Александровичем.

[2] Портрет Б. М. Кустодиева работы А. А. Мурашко Русским музеем приобретен не был.

565

[1] Письмо Нестерову от учеников П. П. Чистякова хранится в архиве ГТГ (100/685). Среди подписавшихся — В. Е. Савинский, П. И. Нерадовский, С. Л. Абугов, Н. А. Бруни.

[2] «Ответ чистяковцам», написанный Нестеровым в августе 1927 г. (архив ГТГ, 100/244), лег в основу очерка «П. П. Чистяков», впервые опубликованного в книге «П. П. Чистяков и В. Е. Савинский. Переписка» (Л.—М., 1939, с. 270—273), затем в книге «П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания» (М., 1953) и во втором издании книги «Давние дни».

567

[1] Речь идет о приобретенном ГТГ в конце 1927 г. у М. А. Волковой портрете-миниатюре А. А. Перовского (писателя Антония Погорельского), в настоящее время приписываемом кисти А. П. Брюллова.

568

[1] Сообщая в тот же день Е. А. Праховой о приобретении портрета, Нестеров писал: «Портрет произвел прекрасное впечатление. Он действительно превосходен, очень живописен, «психологичен», и Вы на нем такая опоэтизированная, взятая в лучший момент Вашего существа» (ГРМ, ф. 139, ед. хр. 302).

569

[1] Речь идет, по-видимому, о ранней неудачной картине А. А. Мурашко «Парижское кафе» (1901).

570

[1] Третьяковской галереей был куплен пейзаж «Палех» П. Д. Корина.

571

[1] П. И. Нерадовский просил разрешить ему прочесть рукопись «Воспоминаний» Нестерова.

[2] Речь идет, по-видимому, о выставке художественных произведений к десятилетнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, открытой в январе 1928 г. в Москве.

572

[1] Речь шла, очевидно, об издании «Воспоминаний» Нестерова.

573

[1] Нестеров в письмах С. Н. Дурылину часто говорит о себе в третьем лице.

574

[1] Речь идет о принадлежащем ГРМ эскизе Нестерова к «Приворотному зелью».

[2] См. примеч. 1 к письму 497.

575

[1] С. Н. Дурылин в своем письме Нестерову говорил о А. А. Фете, что он пел, как соловей на вечерней заре.

[2] Речь идет о задуманном Нестеровым женском портрете.

[3] *Поэт* — Ф. И. Тютчев. Речь идет о портрете Н. И. Тютчева.

[4] Имеется в виду двойной портрет С. И. и Н. И. Тютчевых. История написания этого портрета изложена в письмах 559, 560, 562—564.

[5] Ректор Высшего художественно-технического института (б. Академия художеств) Э. Э. Эссен был тяжко болен.

[6] Здание Академии художеств построено по проекту архитекторов Ж.-Б. Валлен-Деламота и А. Ф. Кокоринова.

[7] В 1929 г. в результате кампании, поднятой сторонниками превращения ВХУТЕИНа в чисто техническое учебное заведение с программой, почти полностью исключающей занятия искусством, Эссен был вынужден уйти из института. Музей был закрыт, экспонаты его были частично переданы в Эрмитаж, ГРМ, периферийные музеи, часть ценнейших слепков с античных скульптур была уничтожена. После создания в 1933 г. Всероссийской Академии художеств музей был восстановлен.

[8] *Пушкинский дом* — Институт русской литературы Академии наук СССР — помещается в здании бывшей Таможни, построенном в 1829—1832 гг. архитектором И. Ф. Лукини.

[9] Николай Николаевич Гусев.

[10] *«Мурановский сборник»* (1928) — публикация материалов архива Музея-усадьбы Мураново им. Ф. И. Тютчева.

[11] С. Н. Дурылин.

[12] К. В. Пигарев.

[13] П. П. Перцов.

[14] На X выставке АХРР П. П. Кончаловский экспонировал картину «Купанье красной кавалерии», Ф. С. Богородский — «Матросы в засаде», Г. К. Савицкий — «Стихийная демобилизация старой армии в 1918 году».

576

[1] Т. е. самого Нестерова.

[2] В основу коллекции Киевского художественного музея (ныне Киевский государственный музей русского искусства) легла коллекция И. Н. Терещенко.

[3] О «встрече» Нестерова с одной из самых любимых им своих картин — «На горах» — см.: *Прахов Н. А.* Страницы прошлого. Киев, 1958, с. 183, 184.

[4] Ныне Музей-заповедник «Киево-Печерская лавра».

[5] Явная опечатка: Нестеров имеет в виду униатство.

577

[1] Нестеров называл Талейраном Н. Г. Машковцева.

[2] Речь идет о переданной А. А. Турыгину и Н. И. Нерадовскому рукописи «Воспоминаний», над которой работал Нестеров.

578

[1] Имеется в виду И. Е. Репин.

[2] Речь идет о Марфо-Мариинской обители, основанной вел. кн. Елизаветой Федоровной.

[3] Очерк «В. В. Розанов» не опубликован.

[4] «Бытовой музей 40-х годов» (филиал Исторического музея) был открыт в доме известного славянофила А. С. Хомякова. Существовал до 1929 г.

580

[1] Речь идет о портрете С. И. и Н. И. Тютчевых.

[2] «Больная девушка» (портрет З. В. Бурковой) написана Нестеровым летом 1928 г. Приобретена А. М. Горьким с выставки Нестерова 1935 г. в Музее изобразительных искусств. В настоящее время находится в Музее А. М. Горького в Москве.

[3] Речь идет о работе Нестерова над своими «Воспоминаниями». *Выставка* — персональная выставка Нестерова в Петербурге и Москве в 1907 г.; *начало Ордынки* — начало росписи Марфо-Мариинской обители в Москве на Ордынке (см.: *Воспоминания*, с. 266—285).

581

[1] См. примеч. 2 к письму 580.

[2] Речь идет о картине-портрете «Больная девушка».

582

[1] Имеются в виду Е. Е. Волков и В. М. Максимов.

583

[1] А. М. Нестеров был специалистом по коневодству.

[2] *Форш О., Яремич С. П.* Павел Петрович Чистяков. Л., 1928.

[3] *Лука* — действующее лицо драмы М. Горького «На дне».

[4] В. Н. Шретер — крупный юрист; был послан в Берлин в служебную командировку.

584

[1] Е. М. Боткина — дочь известного коллекционера М. П. Боткина.

585

[1] Т. е. Е. Г. Мамонтовой.

[2] Александра Васильевна — бывшая экономка Мамонтовых.

[3] Т. е. в Марфо-Мариинской обители.

[4] Во время своего директорства (1926—1929) А. В. Щусев пристроил к старому зданию ГТГ новый корпус.

586

[1] Речь идет о неосуществленном проекте строительства нового здания ГТГ.

587

[1] В 1928 г. Нестеровым были созданы два автопортрета. Первый, написанный в начале года, принадлежит ГРМ, второй, «сентябрьский» — ГТГ.

590

[1] *Скалигеры* — род веронских тиранов (XIII—XIV вв.). В Вероне есть дворец (конец XIII в.) и мост (XIV в.) Скалигеров.

[2] *Поприщин* — герой «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

591

[1] В связи с 25-летием художественно-педагогической деятельности Д. Н. Кардовского в январе 1929 г. была открыта выставка картин московских и ленинградских художников (его учеников).

[2] Директором ГТГ вместо А. В. Щусева был назначен М. П. Кристи.

592

[1] А. А. Рыбников в своей книге «Техника масляной живописи» (М.—Л., 1937) посвятил главу живописной технике Нестерова.

593

[1] А. С. Голубкина скончалась 7 сентября 1927 г. В 1961 г. на ее могиле был установлен памятник работы Е. Ф. Белашовой и С. И. Лукьянова.

[2] Нестеров очень хотел написать портрет А. С. Голубкиной, но она решительно отказывалась позировать кому бы то ни было (см. *Воспоминания*, с. 358).

[3] Речь идет об уничтоженном впоследствии Нестеровым портрете А. М. Нестерова (см. письмо 603).

[4] По-видимому, имеется в виду портрет японского актера Тодзюро Каварасаки или Каварадзаки (1928) работы П. П. Кончаловского.

594

[1] *Оригиналы* — академические рисунки крупных мастеров, служившие образцами для копирования.

[2] Татьяна Васильевна Савинская.

595

[1] А. М. Васнецов.

[2] Нестеров написал А. М. Васнецову письмо (местонахождение неизвестно), в котором выражал свое возмущение по поводу устройства выставки Васнецова в Ивановском зале. Васнецов ответил письмом, в котором оправдывался, утверждая, что устройство его выставки в этом зале зависело не от него (архив ГТГ, 100/304).

596

[1] Портреты «смолянок» Д. Г. Левицкого были оставлены в ГРМ, «библейско-евангельские эскизы» А. А. Иванова — в ГТГ.

597

[1] Речь идет о небольшой статье «Взгляд на историческую живопись» в кн.: И. Н. Крамской. Его жизнь и переписка. Спб., 1888, с. 579.

598

[1] Очевидно, Турыгин прислал Нестерову открытку с портретом работы Бронзино.

[2] П. И. Нерадовский.

[3] Остроуховское собрание было передано в 1929 г. в ГТГ.

[4] Речь идет о статье И. Э. Грабаря «Московские художники» (Красная панорама, 1929, № 23), в которой говорится: «Среди представителей старшего поколения здесь прежде всего надо остановиться на Нестерове, упорно работающем и в последние годы особенно много внимания уделяющем портрету. Среди его портретных работ есть несколько очень замечательных, могущих служить украшением любого музея. В их числе особенно выделяется автопортрет».

599

[1] Речь идет о рассказе С. Н. Дурылина, посвященном В. И. Сурикову.

[2] Пантелеймон Иванович Васильев.

[3] См. примеч. 3 к письму 578.

[4] *Музей игрушки* — отделение Объединенного музея декоративных искусств с отделами игрушки, детского театра, детской книги и др., помещался в д. № 12 по Кропоткинской ул. (до революции в этом доме находился приют им. Д. С. и А. А. Селезневых, в настоящее время — Музей А. С. Пушкина). *Поливановский дом* — д. № 13 по Кропоткинской ул. (до революции частная гимназия Л. И. Поливанова). *Ваша Академия* - один из отделов Академии художественных наук, помещавшийся по Кропоткинской ул., д. № 32.

[5] Письмо И. Е. Репина хранится в архиве ГТГ (100/570).

600

[1] С. П. Дягилеву посвящен очерк «Один из мирискусников», опубликованный во втором издании книги «Давние дни» (с. 169—177).

[2] А. Д. Корин копировал в Эрмитаже «Мадонну Литту» Леонардо да Винчи.

601

[1] См. примеч. 2 к письму 600.

[2] П. И. Нерадовского.

602

[1] Ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

604

[1] Портрет С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского («Философы») 1917 г. Автопортрет 1928 г. был приобретен ГТГ в 1933 г., «Философы» — в 1964 г. у Н. М. Нестеровой.

[2] Речь идет о картине Кончаловского «На Ильмень-озере» (1928).

[3] Т. е. сам Нестеров.

[4] И. А. Комиссарова-Дурылина, жена С. Н. Дурылина.

605

[1] Речь идет о реставрации картины «Под благовест».

606

[1] Выставка «Война и искусство», открытая в ГРМ.

611

[1] Выставка произведений Левитана была устроена значительно позднее, в 1938 г. — в ГТГ, в 1939 г. — в ГРМ.

[2] «Первый» портрет И. П. Павлова был приобретен в 1940 г. ГРМ (см. письма 764, примеч. 2, и 765), авторское повторение находится в Музее-квартире И. П. Павлова в Ленинграде.

614

[1] Письмо полностью опубликовано в кн.: *Михайлов А. И.* М. В. Нестеров. М., 1958, с. 352—354, а также во втором издании книги «Давние дни» (с. 314—319).

[2] И. Е. Репин скончался 29 сентября 1930 г.

[3] Статуя М. М. Антокольского «Иван Грозный» (1870—1871, ГТГ) экспонировалась на I Передвижной выставке. Картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» (1870—1873, ГРМ) впервые экспонировалась на выставке Общества поощрения художеств в 1871 г., в окончательном виде — на Академической весенней выставке 1873 г. Картина «Утро стрелецкой казни» В. И. Сурикова (1881, ГТГ) экспонировалась на IX Передвижной выставке.

[4] Упоминаемые в письме картины И. Е. Репина были экспонированы: «Правительница Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году» (1879, ГТГ) — на VII Передвижной выставке 1879 г.; «Проводы новобранца» (1878 — 1879, ГРМ) — на VIII Передвижной выставке 1880 г.; «Крестный ход в Курской губернии» (1877—1883, ГТГ) — на XI Передвижной выставке 1883 г.; «Николай Мирликийский, избавляющий от смертной казни трех невинно осужденных в Мирах Ликийских» (1888, ГРМ) — на XVII Передвижной выставке 1889 г.; «Запорожцы» (1878—1891, ГРМ) — на выставке произведений И. Е. Репина и И. И. Шишкина в 1891 г. в Петербурге и Москве.

[5] «Неизвестная» (1883, ГТГ) и портрет Ф. Вогау (1883, местонахождение неизвестно) И. Н. Крамского были экспонированы на XI Передвижной выставке 1883 г.

[6] Картина «Не ждали» (1884, ГТГ) экспонировалась на XII Передвижной выставке 1884 г., «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1885, ГТГ) — на XIII Передвижной выставке 1885 г.

615

[1] Речь идет о выставке «Война и искусство», открытой в ГРМ.

[2] П. И. Нерадовский.

617

[1] Имеется в виду I выставка Союза советских художников, открытая 15 апреля 1931 г.

620

[1] «На Руси (Душа народа)».

621

[1] Нестеров собирался писать портрет Ольги Михайловны Веселкиной, профессора иностранных языков Уральского металлургического института в Свердловске.

[2] П. И. Нерадовский собирался начать графический портрет А. А. Турыгина.

[3] «Этюд», посвященный В. И. Икскуль, опубликован во втором издании книги «Давние дни» (с. 178—182).

622

[1] П. Д. Корин работал над этюдами к картине «Уходящая Русь». В настоящее время этюды (или, вернее, большие законченные портреты) действующих лиц этой ненаписанной картины, экспонировавшиеся в 1963 г. на персональной выставке народного художника СССР, лауреата Ленинской премии П. Д. Корина, принадлежат ГТГ (частично находятся в Доме-музее П. Д. Корина в Москве).

624

[1] Перед отъездом Кориных в Италию Нестеров разработал для них подробный маршрут, отметив все, что необходимо им изучить и осмотреть.

[2] Собор св. Петра в Риме.

[3] Речь идет о «Сивиллах» Микеланджело в Сикстинской капелле и фресках Рафаэля «Афинская школа» и «Пожар в Борго» в Станцах (залах) Рафаэля папского дворца в Ватикане. В ответном письме от 1 января 1932 г. (архив ГТГ, 100/399) А. Д. Корин пишет, что «Пожар в Борго» «очень хорош, но он сейчас невыгодно выглядит» из-за реставрации картин в этом зале.

[4] *Пашенька* — Прасковья Тихоновна, жена П. Д. Корина; *Татьяна Александровна* — невеста, впоследствии жена А. Д. Корина.

625

[1] *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М., 1930.

[2] Первое издание — *Петров-Водкин К. С.* Хлыновск. Моя повесть. Л., 1930.

626

[1] Речь идет о письмах Нестерова Турыгину и «Записках» Турыгина (ныне — в ГРМ, ф. 136).

[2] П. Т. Корина. *Братья* — П. Д. и А. Д. Корины.

627

[1] Нестеров имеет в виду картину Веронезе «Мученичество св. Георгия» в церкви Сан-Джорждо в Венеции.

630

[1] Речь идет о снимке с портрета А. М. Горького, над которым П. Д. Корин работал в Италии.

632

[1] В начале 1950-х гг. прах В. Г. Перова был перенесен на кладбище Донского монастыря.

[2] В письме — беглый набросок композиции портрета.

633

[1] В письме к Е. А. Праховой от 5 апреля 1932 г. Нестеров писал: «Сейчас о портрете много говорят, славят его, у меня есть с него снимок, интересно выражена вся сущность оригинала» (ГРМ, ф. 139, ед. хр. 303).

[2] Нестеров имеет в виду противоположные оценки известного «Портрета А. С. Суворина» работы И. Н. Крамского (1881, ГРМ), высказанные В. В. Стасовым в статье «25 лет русского искусства» (Собр. соч., т. 1, отд. 1, с. 586—587) и самим Сувориным в «Письме к другу» (Новое время, 1883, 6 янв.), оценки, причинившие большое огорчение Крамскому и ставшие благодаря опубликованию их в печати достоянием широкой публики (подробнее об этом см.: *Гольдштейн С. Н.* И. Н. Крамской. М., 1965, с. 196—200). Действительно, портрет А. М. Горького работы П. Д. Корина, считающийся одним из лучших портретов писателя, вызвал вначале разноречивые толки. Сам Корин говорил А. И. Михайлову: «Меня потом обвиняли, что я написал портрет не нашего Горького, что он одинокий и суровый» (*Михайлов А. И.* Павел Корин. М., 1965, с. 56).

634

[1] Речь идет об одной из исторических картин Г. Н. Горелова, посвященных Разину и Пугачеву (1924—1925).

[2] А. М. Горький приобрел копию с «Мадонны Литта» Леонардо да Винчи работы А. Д. Корина.

[3] Имеется в виду статуя Персея работы знаменитого флорентийского скульптора эпохи Возрождения Бенвенуто Челлини, стоящая под портиком лоджии деи Ланци на площади Синьории во Флоренции.

635

[1] Для П. Д. Корина в 1933 г. была построена мастерская с квартирой при ней (см. письмо 639). В настоящее время там Музей-квартира П. Д. Корина (ул. Малая Пироговская, д. 16).

638

[1] П. Д. Корин долгие годы работал главным реставратором Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

639

[1] П. Д. Корин готовился к работе над картиной «Уходящая Русь».

[2] Речь идет, по-видимому, об одном из сыновей И. П. Павлова — Владимире Ивановиче или Всеволоде Ивановиче.

643

[1] Нестеров работал над картиной «Страстная седьмица» (закончена в марте 1933 г.). См. об этом: *Михайлов А.* Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. М., 1958, с. 368—370.

644

[1] См. примеч. 3 к письму 4.

[2] Знакомство Нестерова с О. П. Шильцовой возобновилось весной 1926 г.

[3] Юбилейная выставка «Художники РСФСР за 15 лет» была открыта в Ленинграде 13 ноября 1932 г. в ГРМ.

646

[1] А. М. Васнецов скончался 23 января 1933 г.

647

[1] В своей известной картине «Пушкин» (1932, первый вариант) П. П. Кончаловский изобразил поэта сидящим в одной рубашке на постели и работающим над стихами.

648

[1] Первое издание — *Петров-Водкин К. С.* Пространство Эвклида. Моя повесть. Кн. 2. Л., 1932.

649

[1] Эскизы к росписи Марфо-Мариинской обители.

[2] Имеется в виду картина «Святая Русь».

650

[1] Речь идет о портрете «Хирург С. С. Юдин во время операции».

651

[1] См. примеч. 1 к письму 650.

[2] По-видимому, Нестеров имеет в виду К. П. Победоносцева.

654

[1] В. И. Павлов, сын И. П. Павлова.

[2] Е. С. Павлова, невестка И. П. Павлова.

[3] С. В. Павлова, жена И. П. Павлова.

[4] Нестеров имеет в виду большие диваны, обитые малиновым бархатом, поныне стоящие в залах второго этажа ГРМ.

[5] «Портрет О. М. Нестеровой (Девушка в амазонке)».

661

[1] В. М. Грабарь-Мещерина и О. И. Грабарь.

[2] «Хирург С. С. Юдин во время операции».

[3] Н. И. Тютчев.

[4] И. Э. Грабарь.

[5] С. С. Юдин.

663

[1] См. примеч. 1 к письму 635.

[2] Книга Н. Г. Машковцева об А. А. Иванове издана не была.

664

[1] Портрет С. С. Юдина во время операции.

[2] Картину «Лисичка» (1914).

665

[1] Н. А. Пешкова, жена М. А. Пешкова.

666

[1] Последнее письмо, посланное Нестеровым А. А. Турыгину. В феврале 1934 г. Турыгин скончался.

669

[1] Доктор Елена Павловна Разумова.

[2] Т. е. Н. А. Пешкова.

[3] Речь идет о письме 667.

670

[1] Воспроизведения портрета «Хирург С. С. Юдин во время операции» в газете «Известия» за 1934 г. обнаружить не удалось; 24 сентября в «Известиях» было помещено воспроизведение портрета И. П. Павлова (1930).

[2] Т. е. празднования дня рождения и именин Нестерова.

671

[1] Н. А. Пешкова.

[2] *Коринский портрет* — «Портрет П. Д. и А. Д. Кориных» работы Нестерова.

672

[1] Ю. Н. Урусман, мать В. М. Титовой.

[2] М. К. Холмогоров.

[3] Имеются в виду семьи Алябьевых и Юдиных.

674

[1] «Портрет В. М. Васнецова» работы Нестерова (1925).

677

[1] Портрет С. С. Юдина во время операции.

678

[1] Кого собирался писать Нестеров – не установлено.

679

[1] Т. Н. Павлова, жена Вл. И. Павлова.

[2] В письме к В. М. Нестеровой от 23 августа 1934 г. Нестеров пишет: «И. П. выглядит в этом году года на четыре моложе, он точь-в-точь мой портрет...» (архив В. М. Титовой).

684

[1] *Т. Н.* — Татьяна Николаевна Павлова, жена Вл. И. Павлова. *Дети* — их дочери Людмила и Мария.

686

[1] И. И. Бродский.

687

[1] И. П. Павлову исполнилось 85 лет 26 сентября 1934 г. В ответ на поздравление Нестерова И. П. Павлов писал: «Дорогой Михаил Васильевич, от души говорю Вам с Екатериной Петровной спасибо за теплый привет к моему 85-летию и за Ваш подарок. Счастлив, что и в старые, конечно, остывающие годы могу еще внушать к себе живые дружеские чувства. Дай Вам бог еще долго находить радость в Вашей художественной творческой работе, как я все еще в моей научной работе переживаю неувядающий интерес жить. Всего наилучшего Екатерине Петровне. Ваш И. Павлов» (архив ГТГ, 100/512).

688

[1] В письме от 3 октября 1934 г. А. А. Рылов подробно рассказывает Нестерову о замысле картины «Ленин в Разливе», над которой он в это время работал (архив ГТГ, 100/591).

[2] Нестеров ездил в Ярославль к своей дочери Вере Михайловне.

[3] Второй портрет А. Н. Северцова (первый был написан Нестеровым в 1925 г.).

689

[1] В письме к М. М. Облецовой Нестеров сообщал: «Написал портрет Северцова, который считают лучшим изо всех мной написанных» (архив ГТГ, 100/8).

690

[1] Маргарита Николаевна Зеленина – дочь М. Н. Ермоловой.

[2] Речь идет о книге Т. Л. Щепкиной-Куперник «Сказания о любви» (Спб., 1910).

695

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] Очерк о А. М. Горьком – в ранней редакции – впервые был опубликован в газете «Советское искусство» (1936, 23 июня) под заглавием «Встречи с Горьким». Вторая редакция текста, под заглавием «Памяти А. М. Горького», напечатана в журнале «Огонек» (1938, № 14), а затем в обоих изданиях книги «Давние дни». Перепечатана в книге «М. Горький в воспоминаниях современников» (М., 1955, с. 218–222).

[3] См. примеч. 1 к письму 551.

696

[1] Выставка произведений А. А. Рылова в начале 1934 г. была организована в Москве и в Ленинграде.

699

[1] На выставке Нестерова, открытой 2 апреля 1935 г. в Музее изобразительных искусств в Москве, экспонировались следующие его работы: «Элегия» (1928) «Весна» (1931), «Лето» (1932), портреты – П. М. Нестеровой («Девушка у пруда», 1923), В. М. Васнецова (1925), С. И. Тютчевой (1927–1928), автопортрет (1928), «Больная девушка» (1928), А. М. Щепкиной (1928), А. М. Нестерова (1930), И. П. Павлова (1930), П. Д. и А. Д. Кориных (1930), С. С. Юдина за операцией (1933–1934), И. Д. Шадра (1934), А. Н. Северцова (1934), В. Г. Черткова (1935).

[2] *Осипов Д.* [Дурылин С. Н.]. Картины М. В. Нестерова. – Правда, 1935, 5 апр.; *Николаев Д.* [Дурылин С. Н.]. Тринадцать портретов. – Советское искусство, 1935, 5 апр.

701

[1] Нестеров указывает даты своего дня рождения и именин по старому стилю.

[2] Николай Борисович Полынов – муж Т. Л. Щепкиной-Куперник.

704

[1] В 1935 г. П. Д. Корин совершил путешествие по Германии, Франции, Англии и Италии.

705

[1] Речь идет о только что скончавшемся крупнейшем советском зоологе, академике Михаиле Александровиче Мензбире.

[2] Нестеров работал над вторым, ставшим в скором времени знаменитым, портретом И. П. Павлова.

[3] И. П. Павлов в июне 1935 г. принимал участие в конгрессе физиологов в Лондоне, а в августе председательствовал на Всемирном конгрессе физиологов в Ленинграде — Москве.

706

[1] Елена Павловна Разумова; в письме к ней (№ 705) Нестеров несколько преуменьшал время, которое он проводил в работе над портретом И. П. Павлова.

709

[1] Ответ на письмо П. Д. Корина от 19 сентября 1935 г. (архив ГТГ, 100/418), в котором он рассказывает Нестерову о своей работе над картиной «Уходящая Русь»: «Я здесь целый месяц на бумаге устраиваю своим хромым, слепым и убогим смотр и вожу их во главе с Михаилом Кузьмичом (Холмогоровым. — *А. Р.*) по кремлевским соборам и площадям, наконец, привел их внутрь Успенского собора, где они на фоне великолепной архитектуры в боевом и торжественном порядке».

[2] «Портрет И. П. Павлова».

710

[1] «Портрет С. И. Тютчевой» находится в настоящее время в Горьковском государственном художественном музее.

[2] «Портрет В. Г. Черткова» принадлежит ГТГ.

713

[1] Зинаида Осиповна Степанова — сотрудник Театра им. Евг. Вахтангова.

715

[1] А. М. Горький отвечал Нестерову: «Многоуважаемый Михаил Васильевич, простой, «душевный» тон воспоминаний Ваших мне очень понравился. А вот публикация «Литературным наследством» воспоминаний о человеке еще живущем — не нравится. Погодили бы немножко. Сердечно поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам здоровья. Слышал, что Вы исполнили еще портрет И. П. Павлова, — и говорят — еще лучше первого. Крепко жму талантливейшую Вашу руку. А. Пешков. 2.I.36 г.» (см. также примеч. 2 к письму 695).

[2] П. Д. Корин написал второй портрет А. М. Горького (сидящим за письменным столом) летом 1937 г. (через год после смерти Горького) по наброскам 1934 и 1935 гг.

716

[1] А. А. Дейнеке в 1936 г. было 37 лет.

717

[1] Этюд был послан М. В. Статкевич на выставку произведений И. Е. Репина. В настоящее время принадлежит ГТГ.

718

[1] И. П. Павлов скончался 27 февраля 1936 г.

[2] Искусствовед Николай Васильевич Власов.

719

[1] Воспоминания о И. П. Павлове известны в двух редакциях. Ранняя, под названием «И. П. Павлов и мои портреты с него. (Из неопубликованных воспоминаний)», была напечатана в журнале «Вестник Академии наук СССР» (1949, № 9, с. 53—61) и в Приложениях ко второму изданию книги «Давние дни», более поздняя редакция, озаглавленная «Мои портреты с И. П. Павлова», впервые опубликована в журнале «Огонек» (1938, № 22, с. 12—13) и в обоих изданиях книги «Давние дни».

720

[1] Н. Б. Полынов весной 1936 г. тяжело болел.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

721

[1] Письмо к П. М. Керженцеву «О художественной школе» было написано Нестеровым в апреле и опубликовано 11 мая 1936 г. в газете «Советское искусство». Тексту письма предпослано следующее пояснение: «На днях председатель Всесоюзного комитета по делам искусств П. М. Керженцев посетил мастерскую художника М. В. Нестерова. В письме, адресованном П. М. Керженцеву, художник отвечает на затронутые во время беседы вопросы. Приводим это письмо полностью». (Опубликовано также во втором издании книги «Давние дни»).

722

[1] Нестеров имеет в виду картину «На Руси (Душа народа)».

724

[1] Речь идет о благодарственном письме Нестерова в ответ на приветствие Ленинградского Союза художников.

725

[1] В 1936 г. Нестеровым были написаны портреты доктора Е. П. Разумовой и подруги его дочери Натальи Михайловны Е. И. Таль.

726

[1] Нестеров копировал в 1882 г. «Неверие Фомы» Ван Дейка.

[2] См. примеч. 1 к письму 725.

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

727

[1] М. Н. Зеленина сообщала Нестерову о развеске его картин в ГРМ.

729

[1] См. примеч. 1 к письму 713.

[2] Речь идет о монографии Е. В. Тарле «Наполеон».

730

[1] На Волковом кладбище в Ленинграде были похоронены И. П. Павлов и его сын Всеволод Иванович, скончавшийся в 1935 г., незадолго до смерти отца.

[2] Речь идет о книге «Письма М. Н. Ермоловой» (М.—Л., 1939).

731

[1] В. М. Нестерова вышла в 1936 г. замуж за Ивана Ивановича Титова.

[2] См. Предисловие в данной книге, с. 21—22.

[3] Ю. Н. Урусман.

733

[1] «Старым» Русским музеем Нестеров называет здание Михайловского дворца, «новым» — так называемый «Корпус Бенуа» на канале Грибоедова (арх. Л. Н. Бенуа, 1910-е гг.).

734

[1] Речь идет о портрете Е. И. Таль.

[2] См.: Известия, 1936, 27 окт.

735

[1] Нестеров писал в это время портрет певицы К. Г. Держинской.

738

[1] Очевидно, Нестеров читал мемуары А. Ф. Кони «На жизненном пути» (М., 1913).

[2] Роман Л. Н. Толстого «Воскресение» впервые печатался в журнале «Нива» (1899, № 11—52).

740

[1] Очерк «И. Н. Крамской» был напечатан впервые в газете «Советское искусство» от 17 апреля 1937 г., а затем в обоих изданиях книги «Давние дни».

741

[1] Очерк «В. И. Суриков» был впервые опубликован в газете «Советское искусство» (1937, 1 марта).

[2] «Портрет И. П. Павлова» (1935) был экспонирован в 1937 г. на международной выставке «Искусство и техника в современной жизни» в Париже.

744

[1] Речь, по-видимому, идет о письме М. П. Лилиной, опубликованном в книге С. Н. Дурылина «Нестеров» (с. 451—452). Письмо самого К. С. Станиславского с благодарностью «за большую честь» и согласием позировать относится к 4 сентября 1937 г. (опубликовано там же).

746

[1] С. Н. Дурылин построил себе дом в поселке Болшево под Москвой. Начиная с 1939 г. Нестеров постоянно бывал в Болшеве.

747

[1] Портрет М. М. Громова был написан П. Д. Кориным в начале 1938 г.

[2] Речь идет, по-видимому, о Н. В. Власове.

[3] В. Н. Яковлев.

748

[1] По-видимому, Нестеров начал работать над очерком о П. М. Третьякове, законченным в августе 1938 г. в Колтушах и опубликованным в обоих изданиях книги «Давние дни».

749

[1] Речь идет об устройстве выставки работ В. Е. Савинского (см. также письмо 759).

751

[1] «Портрет Е. С. Кругликовой».

753

[1] В. А. Свитальский.

[2] В. А. Свитальский погиб, попав под поезд.

757

[1] См. примеч. 1 к письму 748.

758

[1] *Эти две модели* — по всей вероятности, М. К. Холмогоров и И. Д. Шадр.

[2] И. Д. Шадр.

759

[1] Драма, о которой говорит в своем письме Нестеров,— тяжелые переживания В. Е. Савинского в 1883—1886 г. в связи с отрицательным отношением совета Академии художеств к нему самому как ученику П. П. Чистякова и к его работам во время пенсионерства в Италии. Эскиз задуманной им картины «Христос и грешница» (одновременно с Савинским начал работу над картиной на эту же тему В. Д. Поленов) был забракован советом, и ему было предложено избрать для картины другую тему.

760

[1] Очерк «Портрет М. К. Заньковецкой» был напечатан в газете «Советское искусство» (1938, 28 сент. Опубликован также в обоих изданиях книги «Давние дни»).

[2] «Письма о Толстом» (за исключением трех писем) были опубликованы в журнале «Огонек» (1938, № 25). См. также примеч. 1 к письму 345. Очерки «Актер» («О том, о сем») и «Ф. И. Иордан» в периодической печати опубликованы не были. Напечатаны в обоих изданиях книги «Давние дни».

[3] См. письмо 717 и примеч. 1 к нему.

761

[1] 22 апреля 1941 г. останки Левитана были перенесены с ликвидированного Дорогомиловского кладбища на Новодевичье кладбище.

763

[1] Очерки «Артем» и «В. Н. Андреев-Бурлак» были напечатаны в журнале «Театр» (1938, № 9), а также в обоих изданиях книги «Давние дни».

764

[1] Ответ на письмо А. А. Рылова от 3 ноября 1938 г. (архив ГТГ, 100/594), в котором он выражает сожаление о том, что портрет Е. С. Кругликовой (1938) поступает в ГТГ, а не в ГРМ.

[2] Портрет И. П. Павлова (1930) поступил в ГРМ весной 1940 г. из Всесоюзного института экспериментальной медицины в обмен на повторение портрета (см. письмо 765). Портрет «Хирург С. С. Юдин во время операции» приобретен ГРМ в 1938 г. Портрет О. Ю. Шмидта принадлежит Государственному художественному музею БССР (Минск).

766

[1] Портрет С. И. Тютчевой с 1946 г. находится в Горьковском государственном художественном музее.

[2] Под заголовком «Без лишней скромности» В. С. Кеменовым была опубликована в «Правде» (1938, 24 нояб.) критическая статья об «Автомонографии» Ф. С. Богородского. Эта статья вызвала очень резкое письмо в «Правду» Е. М. Ярославского, защищавшего Богородского (1938, 27 нояб.).

[3] К. В. Пигарев.

[4] Н. И. Тютчев.

769

[1] М. В. Статкевич.

[2] *Внучки* — дочери В. М. Титовой Маша и Таня.

[3] Иван Иванович Титов — муж Веры Михайловны Нестеровой.

770

[1] Второй портрет Е. С. Кругликовой, приобретенный в 1940 г.

771

[1] О каком эскизе Нестерова идет речь, не установлено.

775

[1] Имеется в виду портрет Е. С. Кругликовой.

[2] См. примеч. 2 к письму 775.

[3] Н. В. Власов.

[4] Воспоминания Т. Л. Щепкиной-Куперник «О М. Н. Ермоловой» были изданы в 1940 г.

776

[1] Книга, о которой идет речь в этом письме,— «П. П. Чистяков и В. Е. Савинский. Переписка. Воспоминания» (Л.—М., 1939).

[2] Нестеров собирался писать портрет В. П. Филатова.

[3] Речь идет о предполагавшейся выставке произведений В. Е. Савинского.

778

[1] Н. М. Нестерова.

[2] Е. П. Разумова.

[3] Н. В. Власов.

[4] Н. И. Таль, Е. И. Таль, В. А. Григорьева.

[5] В. С. Кеменов.

[6] А. Д. Корин.

[7] Так в семье Нестеровых называли печенье.

[8] В письме к П. Д. Корину от 28 июля 1939 г. Нестеров пишет о В. И. Мухиной: «Она интересна, умна, хотя, может быть, слишком специалистка своего дела, вся в нем, в деле. Внешне имеет «свое лицо», совершенно законченное, русское, с мелкими чертами. Руки чешутся написать ее» (личный архив П. Т. Кориной).

781

[1] Имеется в виду П. Д. Корин.

[2] Нестеров имеет в виду крайне напряженную международную обстановку в связи с началом второй мировой войны.

[3] Речь идет о портрете В. И. Мухиной, начатом в октябре 1939 г.

784

[1] Скульптурная группа В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница», венчающая Советский павильон на Всемирной парижской выставке 1937 г.

785

[1] Портрет Е. И. Таль.

786

[1] Т. е. 7 декабря.

787

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] Имеется в виду «Выставка макетов, этюдов и эскизов панорамы и диорам «Штурм Перекопа», открытая в Русском музее.

[3] См. примеч. 2 к письму 781.

788

[1] Портрет А. Н. Толстого работы П. Д. Корина принадлежит ГРМ.

789

[1] Портрет Е. И. Таль.

[2] Нестеров воспоминания об А. А. Рылове написал. Первая, краткая их редакция была опубликована в книге А. А. Рылова «Воспоминания» (Л.—М., 1940). Вторая редакция опубликована в обоих изданиях книги «Давние книги».

[3] В. С. Кеменов был назначен в 1940 г. председателем ВОКС.

[4] Новый директор ГТГ — П. И. Лебедев.

791

[1] Сарра Львовна Рылова вдова А. А. Рылова.

792

[1] Нестеров «по старой памяти» называет Морозовским Государственный музей нового западного искусства, в состав которого входили собрания И. А. Морозова и С. И. Щукина. С момента ликвидации ГМНЗИ в 1948 г. «Деревенская любовь» Ж. Бастьен-Лепажа находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

793

[1] С. Н. Дурылин.

[2] «Давние дни».

798

[1] Речь идет о книге А. Я. Головина «Встречи и впечатления. Воспоминания художника» (М.—Л., 1940).

800

[1] Ю. А. Лебедева.

[2] Нестеров горячо ратовал за приобретение Русским музеем работ П. Д. Корина. В письмах П. Е. Корнилову он неоднократно упоминает о необходимости иметь в музее его портреты. В письме от 26 марта 1940 г. он пишет: «Мысль Ваша иметь его работы в Русском музее — благая мысль: художник большой, интересный». В другом письме (от 17 апреля 1940 г.) говорится: «О работах Корина для Рус[ского] музея, конечно, надо подумать. Пав[ел] Дм[итриевич] более многих заслуживает быть в Рус[ском] музее. Я ему говорил о Вашем письме, но сейчас у него ничего нет подходящего для Вас, а когда будет я сообщу Вам...» (ГРМ, ОР, ф. 145).

801

[1] *Мудрогель Н. А.* 58 лет в Третьяковской галерее.— Новый мир, 1940, № 7.

803

[1] *Рылов А. А.* Воспоминания. Л.—М., 1940.

804

[1] Речь идет о «Воспоминаниях» А. А. Рылова.

805

[1] Речь идет о раме на картину «Под благовест».

806

[1] И. Д. Шадр был тяжело болен и лежал в клинике у С. С. Юдина.

[2] Супруг В. И. Мухиной — доктор А. А. Замков.

807

[1] 15 марта 1941 г. Нестерову за портрет И. П. Павлова (1935) была присуждена Государственная премия первой степени.

[2] Речь идет о работе В. М. Алексеева переведенной и прокомментированной им поэме пейзажиста Хуан Юэ «Китайский пейзажист о своем вдохновении и о своем пейзаже» (см.: *Алексеев В. М.* Китайская литература. Избр. труды. М., 1978).

808

[1] Письмо Нестерова не дошло до И. Д. Шадра — он скончался 3 апреля 1941 г.

[2] «Булыжник — оружие пролетариата» (1927).

[3] Речь идет о С. Т. Коненкове. В 1946 г. Коненков вернулся в СССР.

813

[1] Е. П. Разумова.

[2] Речь идет о портрете А. В. Щусева.

815

[1] Н. А. Прахов.

817

[1] К. Г. Держинская.

[2] П. П. и М. П. Кончаловские.

818

[1] О настроениях П. П. Кончаловского в военное время, всегда оптимистически воспринимавшего окружающее, см. в кн.: *Нейман М. Л.* П. П. Кончаловский. М., 1967, с. 252—254.

[2] А. В. Щусев.

[3] В. И. Мухина.

[4] Речь идет о студентах Московского художественного института.

819

[1] Надежда Васильевна Пигарева — жена К. В. Пигарева, ее сестра — Е. В. Зайцева.

820

[1] 7 декабря — день имении Екатерины Петровны Нестеровой.

821

[1] З. О. Степанова.

825

[1] П. Д. Корин.

826

[1] Т. е. Башкирский художественный музей им. М. В. Нестерова.

[2] От С. Н. Дурылина.

828

[1] А. П. Остроумова-Лебедева.

830

[1] М. В. Ямщикова (Ал. Алтаев) намеревалась посвятить Нестерову биографический роман из жизни А. А. Агина (см.: *Алтаев А.* Памятные встречи. М., 1957, с. 270).

831

[1] Очерк «Н. А. Ярошенко» был напечатан в журнале «Октябрь» (1942, № 5—6) и во втором издании книги «Давние дни».

833

[1] Торжественное заседание, посвященное 80-летию М. В. Нестерова, проводилось в Центральном Доме работников искусств.

[2] В связи с 80-летием Нестерову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

[3] А. П. Остроумова-Лебедева.

835

[1] Нестеров чрезвычайно высоко ценил «Иннокентия X» Веласкеса.

837

[1] Печатается по черновику, принадлежавшему К. В. Пигареву.

[2] Нестеров упоминает следующие издания работ П. П. Перцова: Венеция и венецианская живопись. М., 1912; Третьяковская галерея. М., 1922; Художественные музеи Москвы. М.—Л., 1925; Литературные воспоминания. 1890—1902. М., 1933.

[3] К. В. Пигарев, правнук Ф. И. Тютчева, стал крупнейшим специалистом по творчеству поэта; его статья «Суворов в своих письмах» была напечатана в журнале «Октябрь» (1942, № 8).

841

[1] Речь идет об обращении Нестерова к председателю Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко с просьбой помочь находящемуся в осажденном Ленинграде П. Е. Корнилову.

[2] Речь идет о книге «Давние дни».

842

[1] Ф. С. Булгаков находился тогда в армии.

[2] С. С. Юдин.

[3] Летом 1942 г. Комитет по делам искусств предложил Корину написать историческую композицию «Александр Невский» к готовящейся выставке «Великая Отечественная война».

843

[1] *Книжка* — очерк С. Н. Дурылина «М. В. Нестеров» (М., 1942).

[2] Пейзаж «Осень в деревне» (1942) принадлежит ГТГ.

844

[1] М. А. Дулова вспоминает: «Лучшей исполнительницей их (русских романсов.— *А. Р.*) надо назвать Надежду Андреевну Обухову, которую так любил слушать наш маститый художник академик Нестеров. Он, через общих знакомых, передал Н. А. о своем желании послушать ее у себя... Н. А. с большой охотой исполнила желание Нестерова. Она приехала со своим аккомпаниатором, но у Нестерова не было инструмента, и пришлось перейти для этого вместе с больным в соседнюю квартиру. После каждого романса [Нестеров] благодарил Н. А., вновь просил еще что-нибудь спеть. Когда оба художника устали и больного перевели к себе, он велел снять со стены картину и подарил ее Надежде Андреевне; через несколько дней он скончался. Для него это была „Лебединая песнь", хотя и не им исполненная» (*Дулова М. А.* Воспоминания. Рукопись.—Архив ГТГ, 4/200).

АДРЕСАТЫ И ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Алексеев В. М. 795 *, 807 (автографы — Архив АН СССР, ф. 820)

Бенуа А. Н. 196, 201, 204, 205, 211, 218, 227, 273 (автографы — ГРМ, ОР, ф. 137)
Бондаренко И. Е. 473 (автограф — ЦГАЛИ, ф. 964)
Бруни Н. А. 48, 49, 70 (автографы — ГРМ, ОР, ф. 111)
Булгаков Ф. С. 757, 781, 842 (автографы — собственность Ф. С. Булгакова)

Васнецов А. М. 86, 107, 112, 113, 156, 161, 170, 189, 225, 278, 309, 313 (автографы — ГТГ, ОР, ф. 11)
Визель Э. О. 270 (автограф — ГПБ, ОР, ф. 1033)
Виноградов А. К. 495, 501 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 1303)

Голлербах Э. Ф. 485, 498—500 (автографы — ГПБ, ОР, ф. 207)
Горький А. М. 300, 715 (машинописные копии — ГТГ, ОР, ф. 100)
Государственная Третьяковская галерея 529, (автограф — ГТГ, ОР, ф. 100), 554, 810 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 990)

Дурылин С. Н. 486, 492, 497, 503, 510, 512, 524, 531—534, 573, 575, 576, 579, 580, 585, 587, 590, 593, 599, 602, 604, 607, 620, 625, 792, 817, 820, 823, 831, 843 (машинописные копии хранятся у составителя данного издания)

Зеленина М. Н. 727, 730, 768, 772 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 571)
Зимин С. И. 809 (автограф — ЦГАЛИ, ф. 764)

Касаткин Н. А. 2 (автограф — ГТГ, ОР, ф. 96)
Кеменов В. С. 750 (автограф — ГТГ, ОР, ф. 100), 761 (машинописная копия — ЦГАЛИ, ф. 990)
Керженцев П. М. 721 (*Нестеров М. В.* Давние дни. М., 1959), 722 (машинописная копия — ГТГ, ОР, ф. 100), 733 (машинописная копия — собственность Н. М. Нестеровой)

Комиссия по Октябрьским заказам у художников 556 (машинописная копия — собственность П. Т. Кориной)
Корин А. Д. 601, 628, 631, 689, 726, 734 (автографы — собственность семьи А. Д. Корина)
Корин П. Д. 416, 423, 434, 435, 570, 627, 630, 706, 709, 744, 747, 758, 800, 835, 844 (автографы — собственность П. Т. Кориной)
Корины А. Д. и П. Д. 624 (автограф — собственность П. Т. Кориной)
Корнилов П. Е. 762, 765, 770, 771, 780, 782, 788, 798, 801, 802, 804, 805, 812, 814, 827, 828, 833, 836, 841 (автографы — ГРМ, ОР, ф. 145)
Короленко В. Г. 456 (автограф — ГБЛ, ОР, ф. 135)
Кристи М. П. 711, 717, 723 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 990)
Кругликова Е. С. 787 (автограф — ГПБ, ОР, ф. 394)

Лансере Е. Е. 728, 755, 818 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 1982)
Лидин В. Г. 837, 839 (автографы принадлежат семье К. В. Пигарева)

Маклакова-Нелидова Л. В. 360, 362 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 331)
Малютин С. В. 420, 428, 429, 645, 668 (автографы — ЦГАЛИ, ф. 2023)
Мамонтова Е. Г. 50, 60, 61, 66, 73, 87, 252 (машинописные копии — ЦГАЛИ, ф. 799)
Мелентьев М. М. 753 (автограф — ГТГ, ОР, ф. 4)
Менк В. К. 88, 164, 167, 169, 173, 182, 186, 206, 460, 468, 470, 474 (машинописные копии хранятся у составителя данного издания)

Нерадовский П. И. 395, 407, 488, 490, 527, 528, 544, 547, 559, 569, 574, 577, 584, 595, 596, 608, 614, 626, 637 (автографы — ГТГ, ОР, ф. 31)
Нестеров В. И. 212 (автограф — ГТГ, ОР, ф. 100)
Нестерова А. В. 9, 10—19, 36, 53 (автографы — ГТГ, ОР, ф. 100), 75 (*Дурылин С. Н.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965, с. 221), 78, 79, 128, 134, 136, 137, 141, 143, 146—152, 154, 155, 158, 159, 165, 168, 172, 174, 175, 184, 188, 189,

---

* Указаны номера писем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Указаны страницы данного издания. Курсивом выделены страницы вступительной статьи и примечаний.

** Пояснения, касающиеся имен широко известных, выпущены; отсутствуют также пояснения относительно лиц, сведения о которых не удалось выяснить.

СОДЕРЖАНИЕ

М.В. НЕСТЕРОВ

ПИСЬМА

избранное

2-е изд., перераб. и доп.

Редактор *О. Н. Нечипуренко*
Художник *Л. Е. Миллер*
Художественный редактор *Г. Г. Ябкевич*
Технические редакторы *Г. С. Устинова, Л. Н. Чешейко*
Корректор *Л. Н. Борисова*

ИБ № 2794

Сдано в набор 21.12.87. Подписано в печать 25.07.88. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная кн.-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,96. Уч.-изд. л. 55,04. Усл. кр.-отт. 96,12. Изд. № 103. Тираж 50 000. Заказ № 1308. Цена 4 р. 60 к.

Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградское ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.